

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176. 25

Bd. Sept. 1895.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

31 Jul. - 31 Aug. 1895.

7.

Titelpage

Л. ШВАБСКИЙ

1895

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ЮЛЬ, 1895.

Стр.

I.—МЕДЕЯ.—Трагедія Эврипида.—Переводъ Д. Мерзжковскаго	5
II.—ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ЦЕЗАРИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ.—V.—Окончаніе.—В. П. Герье	58
III.—ВЪ ПОТЕМКАХЪ.—Очеркъ.—И. Ивановича	106
IV.—БОГИНЯ ВЕСНЫ И СМЕРТИ въ дѣслахъ и обрядахъ славянъ.—IV-V.—Окончаніе.—Ал. С. Фанницына	134
V.—ДЖОРЖЪ МЕРЕДИТЪ.—Критическій очеркъ.—Злиа. Венгеровой	155
VI.—ПАМЯТИ Е. А. БАРАТЫНСКАГО.—И. А. Котларевскаго	177
VII.—ПОВѢТЪ И МУЗЫКАНТЪ.—Der Liedermacher. Roman aus Neu-Berlin, von Julius Stinde.—XIII-XVIII.—Окончаніе.—А. Б-г	218
VIII.—ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ II.—III. Новое движеніе, выразившееся въ масонствѣ.—Его различныя формы.—Новиковъ и Шварцъ.—Килль Щербатовъ и Радлицъ.—Окончаніе.—А. В. Ильина	262
IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Пѣвецъ. Изъ А. Церетели.—II. Фіалла. Изъ Ратисбона.—Як. Иващенко	314
X.—ФИНАНСОВЫЯ ЗАДАЧИ.—Золото или серебро?—Л. З. Слонимскаго	317
XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Газетный проектъ упраздненія губернскихъ земскихъ учреждений.—Значеніе губернскаго земства въ дѣлахъ непосредственно ему вѣренныхъ, въ дѣлахъ уѣзднаго земскаго хозяйства, въ государственной и въ народной жизни.—„Двоякастіе“ въ области земскаго дѣла.—Церуэури тамбовскаго губернатора	338
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международныя празднества въ Карлс.—Вооруженная эскадри на праздникъ мира.—Франко-русскій союзъ и его побѣды результаты.—Перемѣна министерства въ Англій.—Неудачи лорда Росберга вѣ шансы кабинета Сольберга.—Министерскій кризисъ въ Австріи.—Завладѣніи князя Бисмарка и пѣмедяла печатъ.—Побѣда Крисли въ Италіи.—Реформы въ турецкой Арменіи	358
XIII.—СОЦІАЛЬНО-ЕВАНГЕЛИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ЭРФУРТѢ.—Письма изъ Германіи.—Г.—Г. Б.	374
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Н. Х. Бунге, Очерки политико-экономической литературы.—И. П. Янжула.—Е. А. Бѣловъ, Русская исторія до реформы Петра Великаго.—Собраніе сочиненій Гёте, въ переводѣ русск. писателей, подъ ред. П. Вейсберга.—Памяти Я. А. Коменскаго.—Т.—Реформа на очереди. И. П. Сокольскаго.—Л. С.—Новыя книги и брошюры	391
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—А. Стоаббон, La science du point d'honneur.—И. Ивановскаго.—П. Ad. Brisson, La Comédie Littéraire.—III. Ernst Guad, Litterarische Essays.—З. В.	410
XVI.—НЕКРОЛОГЪ.—Николай Христіановичъ Бунге.—М. С.	422
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Современное молодое поколѣніе.—Пolemika двухъ представителей его съ проф. Карвинскъ, по поводу „Писемъ“ послѣдняго къ учащейся молодежи.—Что мѣшаетъ у насъ устройству „бродячато университета“.—Еще нѣсколько словъ объ „образцовомъ земствѣ“.—Отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о П. Х. Бунге.—Д. А. Ровинскій †	426
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Собраніе сочиненій Андерсена въ 4-хъ т. Пер. А. и П. Гаизель.—В. Г. Яроцкій, Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.—Дж. В. Дрезеръ, Исторія умственнаго развитія Европы. Пер. М. В. Луницкой, п. р. проф. И. В. Луницкаго.—Историческое Обзорніе, сборн. Истор. общ. при Имп. соб. унив.—Эрнестъ Магайль, проф. Льежскаго университета. Профессиональные рабочіе союзъ. Пер. съ франц. Н. Водовозова.—К. В. Назарьева. Драны и комедіи	
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1895 г.
(См. подробности о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ц Ы

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ОДЪ LIX. — ТОМЪ ОСОБЛѢН. — 1/48 ЮЛЯ, 1895.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острове, 5-я линия, № 28.		Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.
---	--	--

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1895

701-5⁴ 1895, Jul. 31 - Aug. 31.
Se. or first l.

~~Star 30.2~~
P Star 176.25

МЕДЕЯ

ТРАГЕДІЯ ЭВРИПИДА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МЕДЕЯ, жена Язона, дочь царя Колхиды.

ЯЗОНЪ, предводитель аргонавтовъ.

ПЕРВЫЙ СЫНЪ }
ВТОРОЙ СЫНЪ } Медек.

КРЕОНЪ, царь коринѣскій.

ЭГЕЙ, царь аѣнскій.

КОРМИЛИЦА Медеи.

ВОСПИТАТЕЛЬ сыновей Медеи.

ВѢСТНИКЪ.

Хоръ коринѣянокъ.

Дѣйствіе происходитъ передъ дворцомъ царя Креона, въ Коринѣѣ.

(V-ый в. до Р. X.)

Кормилица.

О, лучше бы отважнымъ аргонавтамъ—
 Межъ Симплегадъ лазурныхъ кораблей
 Не направлять въ далекую Колхиду!
 О, лучше бы не падала сосна
 Подъ топоромъ, въ ущельяхъ Пеліона,—
 На вёсла—тѣмъ бестрепетнымъ мужамъ,
 Чтò нѣкогда для славнаго Пелея ¹⁾
 Отправились за золотымъ руномъ!
 Тогда моя владычица Медея
 Не приплыла бъ къ Іолковымъ стѣнамъ,
 Сраженная безумною любовью;
 Убить отца—несчастныхъ дочерей
 Пелеевыхъ она не научила бъ,
 И не была бъ должна, съ двумя дѣтьми,
 Бѣжать въ Коринѣъ, снискавъ любовь народа
 И страсть къ Язону сохранивъ...
 Вѣдь большаго нѣтъ блага въ этомъ мірѣ,
 Чѣмъ то, когда въ согласіѣ мужъ съ женой...
 Теперь же все разрушено на вѣки!
 Презрѣвъ свою супругу и дѣтей,
 Язонъ беретъ себѣ жену другую,—
 Креона дочь,—коринесскаго царя.
 Медея же подѣмлетъ громкій вопль,
 Священныя напоминая вѣтвы
 И то, какъ онъ ей руку подавалъ,
 Въ знаѣ вѣрности; зоветъ она безсмертныхъ
 Въ свидѣтели,—чѣмъ мужъ ей отплатилъ;
 Проводить дни въ тоскѣ, въ слезахъ, безъ пищи,
 Печалью изнуряетъ духъ и плоть,
 И, обративъ лицо къ землѣ, не хочетъ
 Поднять очей; какъ мертвая скала
 Иль валъ морской, не внимлетъ утѣшеньямъ
 Друзей своихъ, и бѣлую, какъ снѣгъ,
 Склоняя шею, въ мукахъ воспоминаетъ
 О родинѣ, о милыхъ, объ отцѣ,
 Побинутомъ, обманутомъ для мужа
 Невѣрнаго; — теперь лишь узнаетъ,
 Среди сворбей, какое это счастье

¹⁾ Царь г. Іолка, въ Фессаліи, умертвившій своего брата, отца Язона, и выславшій племянника въ Колхиду съ цѣлью погубить его, при похищеніи имъ золотого руна.

Родной своей земли не покидать!..
 Своихъ дѣтей возненавидѣвъ, смотритъ
 Безъ радости на нихъ... И страшно мнѣ...
 И кажется—Медея замышляетъ
 Недоброе: вѣдь знаю, что она
 Простить такой обиды не захочетъ.
 И я боюсь, чтобъ остраго меча
 Себѣ царица не вонзила въ сердце,
 Войдя въ повои брачныя тайкомъ,
 Чтобъ и царя Креона не убила,
 И жениха,—чтобъ тѣмъ не навлекла
 Горчайшихъ бѣдъ;—я знаю,—духъ Медеи
 Неукротимъ и страшень: безъ борьбы
 Она своимъ врагамъ не покорится!

*Вдали появляется воспитатель съ двумя
 сыновьями Медеи.*

Но вотъ,—я вижу,—дѣти изъ палестры
 Сюда идутъ; несчастья своего,
 Беспечные, они еще не знаютъ.
 Скорбѣть не любятъ молодость...

Входитъ воспитатель съ дѣтьми.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Скажи,

О, добрая, почтенная рабыня
 Владычицы моей, зачѣмъ стоишь
 Ты здѣсь, у двери, одиноко, въ горькомъ
 Раздуміи?.. Какъ безъ тебя Медея
 Могла остаться?..

КОРМИЛИЦА.

Воспитатель мудрый
 Язюновыхъ дѣтей! для вѣрныхъ слугъ
 Нѣтъ большаго страданія, чѣмъ горе
 Возлюбленныхъ господъ: моя же скорбь
 О бѣдствіяхъ благой царицы нашей—
 Такъ велика, что захотѣлось мнѣ
 Здѣсь, предъ лицомъ Земли и Неба, стономъ
 И жалобами сердце облегчить.

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Ужель еще не перестала плавать
 Несчастливая?..

Кормилица.

О, нѣтъ, ея страданья
И горькій плачь часъ отъ часу сильнѣй...

Воспитатель.

Безумная,—воль молвить это слово
О госпожѣ пристойно,—новыхъ бѣдъ
Она еще не знаетъ...

Кормилица.

Что случилось?..

Скажи скорѣй, не мучь меня, старикъ!..

Воспитатель.

Нѣтъ, ничего... Боюсь, чтобъ не пришлось мнѣ
Раскаяться и въ томъ, что я сказала.

Кормилица.

Меня, своей подруги по неволѣ,
Не бойся,—заклинаю,—говори,
И вѣрь, молчать о тайнѣ я сѣмѣю.

Воспитатель.

Такъ знай же: разъ,—не подавая виду,
Что слышу,—тамъ, гдѣ всегда играть
Собираются старѣйшины близъ водъ
Священнаго источника Пиренны,—
Я услыхалъ, какъ сообщали вѣсть,
Что царь Бронъ Медею изъ Коринѣа
Изгнать рѣшилъ съ дѣтьми;—правдивъ ли слухъ,
Не вѣдаю; хотѣлось бы мнѣ живымъ
Назвать его...

Кормилица.

Допустить ли Язонъ

Изгнаніе дѣтей, хотъ онъ и въ ссорѣ
Съ ихъ матерью?

Воспитатель.

Старинная любовь—

Всегда слабѣй, чѣмъ новая: Язонъ—
Уже не другъ семьѣ своей...

Кормилица.

О, горе!

Еще и съ прежней кончить не успѣли,—
Какъ новая подералась къ намъ бѣда!..

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Но госпожѣ объ этомъ знать не должно:
Скрывай же все, что слышала, молчи!

Кормилица—къ сыновьямъ *Медеи*.

О, дѣти, вотъ каковъ отецъ вашъ! Злого
Желать ему я не должна: Язонъ—
Мой господинъ, но если правду молвить,—
Предательски онъ съ нами поступилъ!..

ВОСПИТАТЕЛЬ.

Кто изъ людей не сдѣлалъ бы того же?..
Иль ты еще не вѣдаешь донинѣ,
Что больше любимъ мы самихъ себя,
Чѣмъ ближняго,—иные благородно,
Другіе же безчестно: такъ отецъ,
Вступая въ новый бракъ, не любитъ прежнихъ
Дѣтей своихъ...

Кормилица—сыновьямъ *Медеи*.

Идите же домой,
О, милые, и да хранить васъ боги!

Воспитателю.

А ты смотри за ними, удаляй
Отъ матери ожесточенной... Помню,
Какъ дивными и грозными очами
Она взглянула на дѣтей своихъ,
Какъ будто страшный замыселъ питая..
Пока ея ударъ кого-нибудь
Не поразитъ,—Медея не смирится..
Такъ пусть же мститъ врагамъ, а не друзьямъ!

Медея—изъ дворца.

Увы! Увы!

Плачу, плачу,—и нѣтъ моимъ воплямъ конца..
Умереть бы скорѣе!..

Кормилица.

Дѣти, слышите?—это она, ваша мать..
Съ новой силой въ ней ярость проснулась... Домой
Возвращайтесь скорѣй, но смотрите,—
На глаза ей теперь попадаться нельзя:
Берегитесь, о, милые дѣти мои,
Ея гнѣвнаго, лютаго сердца,—
Уходите же, спрячьтесь скорѣй во дворецъ!..

Дѣти уходятъ.

Скорбь, какъ темное облачко, выростеть вдругъ
И подымется буря... Кто знаетъ,
До какого безумія можетъ дойти
Гнѣвъ ея непредѣльный и страшный?!

Медея—*изнутри дворца.*

Горе! Горе!

Многихъ воплей достойны мученья мои...

Увидѣвъ своихъ сыновей.

О, несчастнѣйшей матери дѣти!..
Будьте вмѣстѣ вы прокляты съ вашимъ отцомъ,—
Весь нашъ домъ, вся семья да погибнетъ!...

Кормилица.

Что я слышу?!.. О, мать, неужели
Провляла ты дѣтей за измѣну отца?
Въ чемъ—скажи—ихъ вина предъ тобою?
Страшно мнѣ... Что-то ждетъ васъ, о, дѣти мои?..
Какъ ужасна безумная воля владыкъ!

Не легко имъ обуздывать страсти:
Слишкомъ много рабовъ, слишкомъ мало преградъ!..
Нѣтъ, я вѣрю, что всѣ предъ закономъ равны;
Я хотѣла бъ безъ почестей, мирно
Встрѣтить свѣтлую старость вдали отъ владыкъ;
Ибо правду хвалить хорошо и въ рѣчахъ,
А на дѣлѣ хранить еще лучше!
Въ томъ, что мѣру превысило, частія нѣтъ:
Чѣмъ надменнѣе родъ, тѣмъ разгнѣванный богъ
Безпощаднѣй его сокрушаетъ.

На сцену выступаетъ хоръ коринѣскихъ женъ.

Хоръ.

Услышали мы врьѣ, услышали мы плачь
Злополучной царицы колхидской.
Вѣрно, скорби не можетъ она побѣдить?..
Обо всемъ расскажи намъ, кормилица: вопль
Долетѣлъ къ намъ изъ брачныхъ покоевъ,
Черезъ мѣдныя, звонкія створы дверей.
Вѣрь, не радуешь насъ госпожи твоей скорбь:
Мы—друзья ея славнаго дома.

Кормилица—*съ отчаяніемъ.*

Дома славнаго нѣтъ: здѣсь разрушено все,—
Къ царской дочери мужъ, къ своей милой ушелъ,

А супруга одна дни проводить въ тоскѣ...
Ахъ, отъ этой бѣды никакіе друзья,
Никакія слова не утѣшатъ!

Медее—изъ дворца.

Тяжко!.. Тяжко!...

Лучше сразу ударъ громовой порази!
Что мнѣ въ жизни?!.. О, гдѣ же ты, тихая смерть,
Ты—конецъ моихъ мукъ и свобода?..

Хоръ.

Строфа.

Нѣтъ, кощунственнымъ воплямъ
Оскорбленной царицы
Не внимайте вы, боги,
Солнце, Небо, Земля!
Неужели, Медее,
Жаждешь такъ ненасытно,
Такъ безумно тоскуешь
Ты по брачному ложу,
Что зовешь къ себѣ смерть?..
Замолчи же, не кощунствуй:
Если мужъ твой избираетъ
Ложе новое,—смирись!
Богъ измѣнника накажетъ,—
Ты же горькими слезами
Свѣтлыхъ глазъ не омрачай!

Медее—изъ дворца.

О, Фемида, и ты, Артемида безгрѣшная!
Вотъ какое безчестье терплю
Отъ проклятаго богомъ измѣнника,
Отъ супруга, съ которымъ великими
Я обѣтами связана!
Пусть увижу я мщенье,
Пусть чертоги обрушатся
И на ложѣ раздавятъ ихъ,—
Жениха съ новобрачною!
О, отецъ мой, земля моя, — брата родного убивъ, —
Я покинула васъ, какъ измѣнница!..

Кормилица.

Вотъ, вы слышали: Зевса, хранителя клятвъ,
И Фемиду благую царица зоветъ...

Вѣрите мнѣ, чтобъ теперь утолить ея скорбь,
Местъ должна быть великой и страшной!

Хоръ.

Антистрофа.

Пусть бы вышла Медея
Къ намъ скорѣй изъ чертоговъ,
И, быть можетъ, сьумѣли бь
Мы смирить ея гнѣвъ,
Утолить ея горе,
Тихой, мудрою лаской...
Что бы ни было, сѣстры,
Безъ участія друга
Не покинемъ въ бѣдѣ!

Позови же къ намъ царицу,
Возвѣсти, что мы съ привѣтомъ
И любовью къ ней пришли.
Торопись, пока несчастье
Не свершилось,—ибо страшнѣ
Гнѣвъ отвергнутой жены!..

Кормилица.

Все исполню я съ радостью, только боюсь,
Что ее убѣдить не сьумѣю:
Дикимъ взоромъ владычица смотритъ на всѣхъ,
Кто приблизится къ ней, чтобы слово сказать,
Словно лвьять стерегущая лвица...—
Люди! какъ же безумными васъ не назвать?
Сколько сладкихъ напѣвовъ умѣли найти
Вы для праздныхъ пировъ и веселій,
А великія страсти и муки людей
Укрощать не умѣте донинѣ никто
Многострунною лирой и пѣсней:
Оттого и въ домахъ вашихъ смерть и вражда.
Если бь душу живую могли исцѣлять
Вы гармоніей нѣжныхъ созвучій!..
На пирахъ же веселыхъ и пѣснь не нужна,
Ибо тамъ и виномъ, и обиліемъ яствъ,
Безъ того уже смертный утѣшенъ...

Хоръ.

Эподосъ.

Многострадальной Медеи мы слышали жалобы;
Ты проклинаешь, царица, измѣнника,

Брачнаго ложа предателя,—
 Клятвы людей охраняющей
 Зевсовой дочери
 Мщенье зовешь, —
 Мщенье Θεимиды богини, подъ чьею защитою,
 Въ бѣгствѣ ночномъ, ты стремилась по горькому,
 Темному Понту, изгнанница,
 Черезъ проливы опасные
 Къ дальней землѣ.

Медея выходитъ изъ дворца.

МЕДЕЯ.

Я поспѣшила выйти въ вамъ, о, жены
 Боринескія, — чтобъ порицать меня
 Вы не могли. Я часто наблюдала
 И слышала, что человѣкъ, на зовъ
 Друзей своихъ замедлившій отвѣтить,
 Становится неожиданно ихъ врагомъ,
 Любовь и славу добрую теряетъ,
 Затѣмъ, что правды нѣтъ въ очахъ людей:
 Не испытавъ чужого сердца, рады
 Мы даже тѣхъ, кто намъ не сдѣлалъ зла,
 По первому же взгляду ненавидѣть.
 А чужеземцу должно больше всѣхъ
 Учтивостью искать благоволенья.
 Но и того, кто въ собственной землѣ
 Презрителенъ въ согражданамъ и деревомъ,
 Хвалить не буду. А теперь скажу
 Всю правду вамъ: такой ударъ неожиданно
 Сразилъ меня, что не мила мнѣ жизнь,
 И смерть зову въ себѣ. Онъ, мой избранникъ,
 Мой мужъ, кто всѣмъ былъ въ жизни для меня,
 Вы знаете,—явилъ себя гнуснѣйшимъ
 Предателемъ!.. Мы, женщины, изъ всѣхъ
 Существъ, душой и мыслью одаренныхъ, —
 Несчастнѣйшія: золотомъ сперва
 Мы покупать должны себѣ мужей,
 Чтобъ отдать имъ въ рабство наше тѣло, —
 Второе — горше перваго; потомъ
 Великое рѣшается сомнѣнье, —
 Каковъ супругъ, — достойный человѣкъ,
 Или презрѣнный, ибо отъ него
 Уйти уже нельзя: разводъ — безславые!

Такъ, въ міръ вступивъ невѣдомый, мы вдругъ
Всего, чему насъ дома не учили,
Угадчицами сдѣлаться должны.

И хорошо—коль всё усиля даромъ
Не пропадутъ, коль приметъ мужъ ярмо
Незлюбиво, а если нѣтъ,—то—смерть!

Супругъ, въ дому не находя отрады,
Уйдетъ къ своимъ ровесникамъ, къ друзьямъ,
Чтобъ съ ними душу облегчить бесѣдой.

А для жены одна лишь радость — мужъ.

Намъ говорить, что тихую проводимъ
Мы жизнь въ домахъ, въ то время, какъ они
Сражаются за насъ на полѣ брани.

Но это—ложь: хотѣла бь лучше трижды
Я подь щитомъ стоять, чѣмъ въ мукахъ разъ
Дитя родить!.. И все же вашъ удѣлъ—

Не то, что мой: есть домъ у васъ, отчизна—
И радость въ жизни, и любовь друзей.

А я—вдали отъ родины—одна—

Изгнанница, обманутая мужемъ:

Ни матери, ни брата, ни друзей

Нѣтъ у меня, чтобы утѣшить въ горѣ.

О, милые! молю васъ обо одномъ:

Коль мщеніе невѣрному супругу,

Отцу невѣсты, или ей самой

Устрою,—вы меня не выдавайте,

Безмолвствуйте!.. Мы, жены—бояливы

Во всемъ другомъ: видъ крови и меча

Намъ нестерпимъ,—но если въ брачномъ ложѣ,

Въ правахъ жены дерзнуть обидѣтъ насъ,—

Тогда нашъ гнѣвъ губителенъ и страшенъ!

Хоръ.

Не выдадимъ тебя: твою печаль

Мы поняли и мщенье оправдали...

Но тише: царь Креонъ сюда идетъ,

Чтобъ новыя намъ возвѣстать рѣшенья.

Входитъ Креонъ.

Креонъ.

Тебѣ, колдунья съ темными очами,

Строптивая, повелѣваемъ:—прочь

Съ обоими дѣтьми ступай, не медля,

Изъ всѣхъ моихъ владѣній! Приговоръ

Исполню самъ: спѣши!.. пока не выйдешь
Изъ города, я не вернусь домой!

МЕДЕЯ.

Все кончено!.. пришелъ мой часъ послѣдній:
Ужъ гонятся за мною по пятамъ
Враги мои, и некуда укрыться...
Я знаю, гѣтъ вины моей, но все-жъ
Спрошу, за что меня ты изгоняешь?

КРЕОНЪ.

Боюсь тебя,—зачѣмъ скрывать?—боюсь,
Что чарами ты дочь мою погубишь.
И поводовъ немало есть для страха:
Ты—мудрая и вѣщая во злѣ —
Уязвлена потерю супруга.
По городу молва идетъ, что мечь
Готовишь мнѣ и жениху съ невѣстой...
Друзей хочу и домъ мой охранить,
Съ тобой въ борьбу открытую вступаю,
О, женщина, чтобы себя потомъ
Не упрекать, когда ужъ будетъ поздно.

МЕДЕЯ.

Увы! Увы!..

Не въ первый разъ обманчивая слава
Великое мнѣ причиняетъ зло.
Отецъ разумный знаніемъ чрезмѣрнымъ
Не долженъ умъ дѣтей обременять.
Кто преданъ былъ наукѣ слишкомъ долго,—
Заслуживаетъ въ праздности укоръ,
Внушая злость невѣждамъ или зависть.
Попробуй мысль имъ новую отереть,—
И у глупцовъ ты прослывешь безумцемъ.
Когда же чернь тебя прославить больше,
Чѣмъ признанныхъ учителей своихъ,
То скажутъ: онъ опасенъ для народа!
Таковъ, Креонъ, мой собственный удѣлъ:
Я мудростью лишь ненавижу внушаю.
Несносною зовутъ меня одни,
Тѣ—глупою, другіе—слишкомъ умной.
А между тѣмъ вѣдь знанія мои
Не велики... О, царь! ужели мыслишь
И ты, какъ всѣ, что мудростью могу

Я причинить кому-нибудь несчастье?
 Не бойся же, не вѣрь суду глупцовъ!..
 Пристойно ли съ царями спорить женамъ?..
 И чѣмъ же ты меня обидѣть могъ?
 Не въ правѣ ли отдать, кому желаешь,
 Дитя свое?.. Супруга моего,
 А не тебя должна я ненавидѣть:
 Ты поступаешь съ мудростью, и вѣрь,
 Я не желаю зла тебѣ, будь счастливъ,
 О, царь, съ прекрасной дочерью своей!..
 Но только мнѣ дозволь, Креонъ, остаться
 Въ землѣ твоей: и еслибъ даже насъ
 Обидѣли,—сдумѣли бы и то
 Мы промолчать и власти покориться...

КРЕОНЪ.

Слова твоя смиренны, но боюсь,
 Что злобное ты въ сердцѣ замыслаешь,
 И менѣе, чѣмъ прежде, довѣряю
 Рѣчамъ твоимъ: отъ женъ, какъ отъ мужей,
 Во гнѣвѣ дерзкихъ,—легче уберечься,
 Чѣмъ отъ того, кто въ злобѣ—мудръ и нѣмъ...
 Ступай же прочь изъ города, не медли
 И даромъ словъ не трать: я такъ хочу!
 И никакія хитрости не могутъ
 Тебя спасти: я знаю,—ты мнѣ врагъ.

• *Медеея—падая на колѣни.*

У ногъ твоихъ тебя я заклинаю
 Вѣнцомъ невѣсты, дочери твоей!..

КРЕОНЪ.

Уйди, оставь меня,—мольбы напрасны...

Медеея—обнимая ея ноги.

И ты не внемлешь? И тебѣ не жалъ?..

КРЕОНЪ.

Ужель тебя жалѣть я долженъ больше,
 Чѣмъ дочь свою?

МЕДЕЯ.

О, родина моя,
 Какъ о тебѣ мнѣ вспомнить нынѣ горько!

БРЕОНЪ.

Мнѣ дороги не меньше, чѣмъ тебѣ,
И родина, и отчій домъ, и дѣти...

МЕДЕЯ.

Увы, какое зло — любовь для міра!

БРЕОНЪ.

И зло, и благо, — какъ судьба рѣшить...

МЕДЕЯ — *угодно*.

Да не уйдегъ злодѣй отъ мщенья бога!..

БРЕОНЪ.

Прочь, дерзкая!.. Довольно я терпѣлгь...

МЕДЕЯ.

Не ты, а я терплю, — и слишкомъ долго!..

БРЕОНЪ.

Смотри, — велю рабамъ тебя схватить!

МЕДЕЯ — *съ притворнымъ
смирениемъ*.

О, выслушай меня, молю, владыка!..

БРЕОНЪ.

До ярости не доводи меня!..

МЕДЕЯ.

Уйду, уйду, — не бойся... не о томъ
Хотѣла я просить...

БРЕОНЪ.

Зачѣмъ же медлишь?

Чего еще ты хочешь отъ меня?..

МЕДЕЯ — *скрадливо*.

День, только день остаться мнѣ дозволь,
Чтобы рѣшить, куда пойду, чтобъ дѣтямъ
Въ изгнаніи убѣжище найти:
Отцомъ они покинуты, — о, сжался
Надъ матерью, — и у тебя есть дѣти,
Ты самъ — отецъ, не будь ко мнѣ жестокъ!..
Не за себя, несчастную — ты видишь —
Я за дѣтей покинутыхъ молю!..

БРЕОНЪ.

Я не рожденъ безжалостнымъ, хоть часто
Мнѣ люди зломъ платили за добро.

Томъ IV. — Июль, 1895.

Такъ и теперь, о, женщина, я знаю,
 Что дѣлаю ошибку, уступивъ,
 И все-таки мольбу твою исполню.
 Да будетъ такъ! Но только берегись:
 Боль лучъ зари тебя увидитъ завтра
 Съ дѣтьми въ моихъ владѣньяхъ,—смерть тебѣ.
 Иди и помни—слово наше твердо.
 Даю тебѣ лишь день: въ столь краткій срокъ
 Большого зла ты сдѣлать не успѣешь.

Креонъ уходитъ.

Хоръ.

О, несчастная! видишь—мы плачемъ съ тобой:
 Кто тебя защититъ, гдѣ найдешь ты приютъ
 Для дѣтей, для себя, одинокая?..
 О, въ какую пучину невѣдомыхъ волъ
 Богъ тебя повергаетъ безжалостный!..

Медея.

Вы правы—я унижена, но знайте,
 Что духомъ я еще не пала,—нѣтъ!
 И новобрачнымъ будутъ испытанья,
 Какъ и тому, кто ихъ соединилъ.
 Иль думаете, стала бы, безъ цѣли,
 Безъ выгоды, я мстить ему и лгать?
 Не осквернила бъ рукъ привосновеньемъ
 И устъ мольбой!.. Но былъ глупецъ такъ простъ,
 Что далъ мнѣ день, хотя онъ могъ отказомъ
 Всѣ замыслы мои разрушить,—день,
 Въ который мы успѣемъ приготовить
 Три смерти трехъ измѣнниковъ—отца
 И дочери, и моего супруга..
 Въ ихъ гибели не мало есть путей,
 Но я еще, о, милыя, не знаю,
 Какой избрать: чертоги ли поджечь,
 Гдѣ почивать должны женихъ съ невѣстой;
 Иль, тихо къ ложу ихъ подкравшись, мечъ
 Вонзить обонмъ въ сердце?.. Только страшно,
 Что у дверей, съ оружіемъ въ рукахъ,
 Враги меня поймаютъ, обличать,—
 И будетъ смерть моя для нихъ весельемъ...
 Не лучше ли къ оружью слабыхъ женъ,
 Къ волшебному прибѣгнуть знанью, къ яду?..
 Такъ, рѣшено!..

Но вотъ еще вопросъ: когда погибнуть
 Враги мои, какой народъ мнѣ дастъ
 Убѣжище и кровь гостепріимный?..
 Нѣтъ... подожду немного, и потомъ,
 Когда найду себя пріютъ,—убійство
 Я съ хитростью и въ тайнѣ совершу.
 Но если ровъ послѣдній путь къ спасенію
 Мнѣ преградить, тогда дерзну на все
 И, бросившись съ мечомъ въ рукахъ, отерыто
 Я ихъ убью, хотя бъ грозила смерти!
 Клянуса въ томъ Луной, богиней блѣдной,
 Тайственной союзницей моей,
 Гекатю, очагъ мой стерегущей,—
 Предатели отъ казни не уйдутъ,
 И горечь слезъ моихъ имъ отольется,
 И горечью имъ будетъ брачный пиръ!
 Готовься же,—твой часъ пришелъ, Медея,
 Всю силу грозныхъ чаръ своихъ яви,
 Великое сверши безъ содроганья!
 Игрушкою Сизифовыхъ дѣтей,
 Посмѣшищемъ Язоновыхъ любовницъ
 Не будь, о, дочь волхидскаго царя,
 Въ чьихъ жилахъ—кровь отъ крови бога-Солнца!
 Будь мудрою: не даромъ говорятъ,
 Что рождены, бессильныя для блага,
 Мы, женщины, могучими во злѣ!

Медея уходитъ.

Хоръ.

Строфа первая.

Священныя рѣки назадъ потекли,
 И долгъ, и законы—разрушено все,
 Надъ клятвами люди смѣются:
 Теперь и въ сердцахъ вѣроломныхъ мужей—
 Коварство и женская хитрость.
 Ужели наша доля
 Измѣнится навѣки,
 И слава женъ вѣнчается,
 Какъ вѣкогда—мужей?
 Ужели насъ отнынѣ
 Обычной клеветою
 Молва не уязвить?

Антистрофа первая.

О, древнія Музы великихъ пѣвцовъ,
 • Про вѣчныя вѣны и хитрости женъ
 Умолкнуть должны ваши пѣсни:
 Намъ Фебъ сладкозвучнаго дара стиховъ
 И лиры божественной не далъ,
 А то и мы сложили бѣ
 Немало горькихъ пѣсенъ
 О вѣрности супруговъ,
 О доблести мужей, —
 Повѣдали бы міру
 Объ ихъ судьбѣ и нашей
 За долгій рядъ вѣковъ!

Строфа вторая.

Бросивъ отчій домъ для мужа,
 Ты, съ безумною любовью,
 Переплыть не побоялась
 Черезъ бурныя пучины,
 Сквозъ раздвоенныя скалы
 Безпощадныхъ Симплегадъ:
 Вотъ за что ты, бѣдная,
 Мужемъ опозорена,
 Изгнана, отвергнута,
 И тебѣ ужъ некуда
 Преклонить главу!

Антистрофа вторая.

Больше нѣтъ во всей Элладѣ
 Ни стыда, ни вл�твъ священныхъ:
 Повидая нашу землю,
 Вѣрность въ небо улетѣла...
 Для тебя же путь утраченъ, —
 О, Медея, въ домъ отца, —
 А на ложе брачное,
 Въ новый домъ вошла къ тебѣ
 Полною владычицей
 Гордая соперница,
 Юная жена!

Входятъ Язонъ и Медея.

Язонъ — къ *Медю*.

Не въ первый разъ я убѣждаюсь нынѣ,
 Что нѣтъ опаснѣй зла, чѣмъ лютый гнѣвъ:

Такъ ты могла бѣ, смирясь предъ волей царской,
 Въ гостепріимномъ домѣ мирно жить,—
 И вотъ—сама же глупыми рѣчами
 Ты на себя изгнанье навлекла.
 Мнѣ все равно, меня ты не разсердишь,
 Назвавъ Явона худшимъ изъ людей.
 Но радуйся, что лишь однимъ изгнаньемъ
 Наказана за дерзостную рѣчь
 О домѣ царскомъ: я всегда мольбою
 Старался гнѣвъ властителя смягчить,
 Хотѣлъ, чтобъ ты осталась въ нашемъ домѣ,
 А ты еще безумнѣй поносишь
 Осмѣлилась царей, и отъ изгнанья
 Тебя ужъ я ничѣмъ не могъ спасти.
 И все-таки не измѣняю дружбѣ:
 Вотъ и теперь я прихожу къ тебѣ,
 О, женщина, съ участиемъ и любовью,—
 Не потерплю, чтобъ въ чемъ-нибудь съ дѣтьми
 Нуждалась ты, чтобъ, не имѣя денегъ,
 Должна была въ изгнаніе пойти:
 И безъ того считальцевъ одинокихъ
 Въ чужой землѣ не радостенъ удѣлъ!
 Считаешь ты врагомъ меня,—но видишь,
 Что зла тебѣ желать я не могу...

МЕДЕЯ.

О, трусь, о, подлый трусь! иного слова
 Не нахожу для нивости твоей...
 Какъ?!.. Несмотря на все, что сдѣлалъ съ нами,
 Мнѣ на глаза еще явиться смѣлъ!..
 Отвагой ли считаешь ты—спокойно
 Смотрѣть въ лицо обманутымъ друзьямъ?..
 Такъ знай, что это—худшій изъ пороковъ—
 Безстыдство!.. Рады видѣть мы тебя:
 По крайней мѣрѣ, облегчу я сердце
 И лишній разъ блѣднѣть заставлю труса.
 Отъ дней давнишнихъ рѣчь я поведу:
 Всѣ эллины, всѣ аргонавты помнятъ,
 Какъ я тебя отъ гибели спасла,
 Когда приплылъ въ Колхиду ты, чтобъ лютыхъ
 Быковъ, огнемъ дышавшихъ, впречь въ ярмо
 И темную засѣять ниву Смерти.
 Убила я недремлющаго змія,

Крылатаго, который сторожилъ
 Сокровище, обвившись многократно
 Вокругъ Руна Златого: это я
 Очамъ твоимъ свѣтъ жизни возвратила!..
 Предавъ отца, покинувъ домъ, съ тобой
 Переплыла въ Иолъ пеліотійскій,
 Немудрая, но полная любви!
 Коварствомъ я достигла, чтобъ Пелей,
 Безвинный царь, погибъ горчайшей смертью,
 Пальъ подъ рукою собственныхъ дѣтей,—
 Все для тебя, чтобъ жить тебѣ безопасно,
 Чтобъ страхъ изгнать изъ сердца твоего...
 И ты за все мнѣ отплатилъ измѣной!
 Уже дѣтей имѣя отъ меня,
 Ты новую берешь себѣ супругу!..
 Когда бъ еще бездѣтнымъ былъ, ты могъ бы
 Хоть тѣмъ-нибудь оправдывать себя...
 Но все презрѣвъ, обѣты нарушая,
 Не думалъ ли, что тѣхъ боговъ ужъ нѣтъ,
 Которыми клялся мнѣ, что иные
 Царятъ теперь законы въ небесахъ?
 Вѣдь ты не могъ не знать, что попираешь
 Святнюю клятву!.. Смотри же,—вотъ рука,
 Которую ты бралъ въ свою, волѣни,
 Которая такъ нѣжно обнималъ
 Съ мольбой любви въ очахъ и съ ложью въ сердцѣ!..
 Я говорить съ тобой хочу, какъ прежде,
 Какъ съ другомъ другъ, хоть добраго не жду
 Я отъ тебя: ты мнѣ отвѣтить долженъ,
 Вопросами твоей стыдъ я обличу!..
 Скажи: куда идти мнѣ?—возвратиться
 Подъ кровъ отца, котораго съ тобой
 Мы предали? иль къ дочерямъ Пелея,
 Котораго убили мы?—пріютъ
 Нашла бы я у нихъ гостепріимный,—
 Не правда ли?.. Ты видишь: для тебя
 Я порвала святныя узы крови,
 Врагомъ я стала тѣмъ, кого люблю...
 А ты за то изъ женъ Эллады сдѣлалъ
 Счастливейшей меня, нашла въ тебѣ
 Я вѣрнаго и нѣжнаго супруга!..
 Завидѣйшій удѣлъ!—пойду съ дѣтьми,

Изгнанницей, одна, въ чужую землю.
 И это будетъ слава жениха,
 Что мать его дѣтей по всей Элладѣ
 Скитается, какъ нищяя!.. О, Зевсъ,
 Чтобъ отличать мы золото умѣли
 Поддѣльное, ты людямъ знаки дажь:
 Но должно бы такія же примѣты
 И на тѣлахъ людей напечатлѣть,
 Чтобъ каждый могъ злодѣя сразу видѣть!...

ХОРЪ.

Межь старыми друзьями,—чѣмъ сильнѣе
 Любовь была,—тѣмъ пламеннѣй вражда.

Явонъ—*хладнокровно и насмѣливо.*

Искусство мнѣ—я думаю—потребно
 Немалое, чтобъ дать тебѣ отвѣтъ:
 Какъ опытные кормчіе—подъ вихремъ,
 Всѣ паруса я долженъ подобрать,
 О, женщина, дабы отъ сильной бури
 Неистовыхъ рѣчей твоихъ спастись.
 Хоть помощь ты свою высоко цѣнишь,
 Все жъ мысля такъ, что даровала мнѣ
 Путь по морямъ счастливый Афродита
 И болѣе никто изъ всѣхъ богинь
 И смертныхъ женъ. Мнѣ вѣдомо, какъ ясенъ
 Твой умъ и тоновъ: спорить ты не будешь,
 И я не буду досаждать тебѣ,
 Рассказывая долго и подробно,
 Какъ силою неотвратимыхъ стрѣлъ
 Спасти мнѣ жизнь тебя заставилъ Эросъ,
 Желаній богъ. Ты помогла мнѣ, правда,
 Но я уже сторицей отплатилъ,—
 И какъ сейчасъ я докажу,—ты меньше
 Мнѣ сдѣлала добра, чѣмъ я тебѣ:
 Начну съ того, что ты теперь въ Элладѣ,
 А не въ отчизнѣ варварской живешь,
 Не произволь, а правду и законы
 Умѣешь чтить; всѣ эллины тебя
 За дивныя познанья прославляютъ.
 А еслибъ ты, какъ нѣкогда, жила
 На отдаленнѣйшихъ границахъ міра,—
 Заглохла бъ жизнь твоя безъ славы. Нѣтъ,—

Что до меня,—то лучше пусть не будетъ
 Ни золота въ дому моемъ, ни гимновъ
 Орфеевыхъ, коль въ жизни прочихъ благъ
 Не суждено украситъ мнѣ и славой!
 Но рѣчь кончаю о моихъ заслугахъ:
 Я говорилъ о нихъ лишь потому,
 Что споръ сама ты начала, Медея.
 Теперь о бракѣ съ дочерью царя,
 За что меня такъ горько упрекаешь:
 Я докажу, что поступилъ и здѣсь
 Лишь съ мудростью и цѣлью благородной,
 Желая дѣтямъ блага и тебѣ.
 Но не сердись и выслушай спокойно:
 Опутанный сѣтями многихъ бѣдъ,
 Приплывъ сюда изъ города Іоля,
 Какъ могъ я ждать, измѣнникъ, лучшей доли,
 Чѣмъ бракъ съ самою дочерью царя?
 Не потому, чтобы красой невѣсты
 Я былъ плѣненъ, чтобы твою любовь
 Презрѣлъ, какъ въ томъ меня ты обвиняешь,
 Или хотѣлъ соперничать съ другими
 Во множествѣ потомковъ,—нѣтъ, дѣтей,
 Тобой рожденныхъ было бѣ мнѣ довольно,—
 А потому, что въ высшему стремился,
 Хотѣлъ нужды избѣгнуть навсегда,
 Съ тобою жить въ довольствѣ,—ибо зналъ,
 Что бѣдныя друзей теряютъ скоро,—
 Чтобъ воспитать, какъ должно, сыновей.
 А еслибъ далъ я дѣтямъ нашимъ братьевъ,
 Тогда, повѣрь, я въ дружную семью,
 Всѣхъ уравнивъ, въ любви объединилъ бы
 И въ счастіи: скажи, зачѣмъ тебѣ
 Желать еще дѣтей,—а я бы сдѣлалъ
 Сыновъ, рожденныхъ отъ второго брака,
 Опорою двумъ первенцамъ моимъ.
 Но таковы всѣ женщины: не страшно
 Ничто для нихъ, пока соперницъ нѣтъ,
 Пока царятъ онѣ на ложѣ брачномъ.
 Но только-что хотъ призрачная тѣнь
 Супружескимъ правамъ ихъ угрожаетъ,—
 Все кончено,—завиднѣйшій удѣлъ
 Имъ кажется невыносимой долей!..

О, еслибъ женъ не сотворилъ Зевесъ,
И способомъ инымъ рождались дѣти,—
Не знали бъ мы и горя на землѣ!..

Хоръ.

Язонъ! умѣлъ ты рѣчь свою украсить.
Но я скажу—хотя бъ слова мои
Не нравились тебѣ,—что долгъ и клятву
Ты преступилъ, супругѣ измѣнивъ.

Медея.

Во многомъ я отлична отъ другихъ:
По моему, злодѣй краснорѣчивый
Тѣмъ большаго достоинъ наказанья,
Что, зло умѣя ложью облекать,
Становится онъ дерзкимъ, ибо мудрымъ
Онъ все-таки не будетъ никогда!..
Такъ ты желалъ благопристойной рѣчью
Постыдную измѣну оправдать...
Но я тебя сразу единымъ словомъ:
Когда бы зла мнѣ сдѣлать не хотѣлъ,—
Ты долженъ бы, лишь съ моего согласья,
Вступить въ тотъ бракъ,—не втайнѣ отъ меня!

Язонъ—*съ насмѣшкою.*

Да, объявивъ о бракѣ, я нашелъ бы
Усердную помощницу въ тебѣ,
Коль ярости безумной даже нынѣ
Не можешь ты разсудкомъ побѣдить!

Медея.

Ты не объ этомъ думалъ, но боялся,
Что съ женщиной изъ варварской земли
Союзъ тебѣ не общааетъ выгодъ
И почестей!..

Язонъ.

Не хочешь ты понять, —
Я въ новый бракъ не для себя вступаю,
А для семьи, для блага твоего,
Чтобъ сыновья опоры въ младшихъ братьяхъ
Нашли себѣ, чтобъ дѣтямъ нашимъ дать
Защитниковъ изъ царственнаго дома.

Медя — *съ презрительной насмѣшкой.*

Что-жь, счастливъ будь!.. Но счастья твоего
Проклятаго и горькаго богатства
Я не возьму...

Язонъ.

Измѣнишься, повѣрь,
Когда-нибудь и станешь ты умнѣе:
Дары судебъ научишься цѣнить
И сладкаго не назовешь ты горькимъ.

Медя.

Да, пользуйся могуществомъ своимъ, —
Надъ женщиною изгнанною смѣйся!..

Язонъ.

Въ изгнаніи виновна ты сама...

Медя — *злобно и насмѣшливо.*

Быть можетъ, тѣмъ, что мужу измѣнила?

Язонъ.

Домъ проклинала царскій...

Медя.

Подожди, —

Я и въ твоемъ дому проклятемъ буду!..

Язонъ.

Съ тобою больше спорить не хочу:
Но ежели принять согласна помощь
Ты для себя, иль для дѣтей моихъ, —
Не бойся же, скажи, — и будетъ щедрой
Рука моя, могу и письма дать
Къ друзьямъ, чтобъ ты гостепріимный
Нашла пріютъ. О, женщина, повѣрь,
Поступишь ты неумудро, отказавшись:
Подумай же, — не лучше ль гнѣвъ смерить?

Медя.

Твоихъ друзей мнѣ помощь ненавистна,
И не возьму я дара твоего:
Даръ злыхъ людей намъ счастья не приноситъ!

Язонъ.

Въ свидѣтели боговъ я призываю,
Что сдѣлать все готовъ былъ для тебя

И для дѣтей, но ты сама не хочешь,
Отвергла ты любовь мою, и въ томъ
Когда-нибудь расквасься, Медея!

Язонъ уходитъ.

Медея — съ насмѣшкой во слѣдъ
уходящему Язону.

Невѣста ждетъ тебя, женихъ: не медли,—
Томишься ты желаніемъ, — бѣги,
Бѣги же къ ней, ливуй, о, новобрачный!..
Но, можетъ быть, — о томъ молю безсмертныхъ, —
Когда-нибудь расквасься и ты!..

Медея, съ глубокомъ раздумь, уходитъ медленно.

Хоръ.

Строфа первая.

Въ людяхъ страсть, когда она чрезмѣрна,
Не щадитъ ни славы, ни добра.
Но Киприда — всѣхъ богинь отраднѣй
Тѣмъ, кто мѣру сохранилъ въ любви.
О, царяца, съ дува золотого

Не мечи ты въ насъ
Безпощадныхъ стрѣлъ,
Напоенныхъ ядомъ вождельнѣя!

Антистрофа первая.

Да пошлютъ намъ скромность олимпійцы,
Робкихъ женъ плѣнительный вѣнецъ!
Да не ввергнетъ страшная Киприда
Въ сѣти зла, въ неутолимый споръ,
Женъ, объятыхъ страстью беззаконной:

Пусть она хранить
Ложе вѣрныхъ женъ
Въ чистотѣ и въ нѣгѣ цѣломудренной!

Строфа вторая.

О, мой домъ, моя родина!
Да не буду вовѣки я
Безпріютной изгнанницей,
Дни влачащею въ бѣдности,
Въ одинокомъ отчаяннѣ, —
Легче мнѣ умереть!
Это — скорбь несказанная —
Быть лишеннымъ убѣжища
И родимой земли!..

Антистрофа вторая.

Мыслию такъ, ибо видѣла,
 Какъ несчастную предали
 Всѣ родные, всѣ граждане...
 Да погибнетъ, — кто чистаго
 Сердца, полного вѣжностью,
 Не захочетъ открыть
 Угнетеннымъ и презрѣннымъ!
 Да не будетъ безжалостный
 Другомъ нашимъ воевѣмъ!

Медея выходитъ изъ дворца. Въ это же время, съ другой стороны, появляется афинскій царь Эгей, въ одеждѣ странника, и присутствуетъ Медео.

ЭГЕЙ.

Медея, будь счастливой, — у друзей
 Нѣтъ болѣе отраднаго привѣта!

МЕДЕЯ.

Счастливымъ будь и ты, сынъ Пандіона!
 Но расскажи, откуда ты идешь?

ЭГЕЙ.

Я въ древнемъ былъ святилищѣ дельфійскомъ.

МЕДЕЯ.

О чемъ, Эгей, ты бога вопрошалъ
 Въ таинственной пещерѣ, — сердцѣ міра?

ЭГЕЙ.

Я знать хотѣлъ, могу ль имѣть дѣтей.

МЕДЕЯ.

Какъ? Дни твои ужель еще бездѣтны?

ЭГЕЙ.

На то я волей бога обреченъ.

МЕДЕЯ.

Одинъ ли ты живешь, или съ женою?

ЭГЕЙ.

Давно я ложе брачное позналъ.

МЕДЕЯ.

Но что же Фебъ сказалъ тебѣ о дѣтахъ?

ЭГЕЙ.

Для всѣхъ его отвѣтъ непостижимъ.

МЕДЕЯ.

Могу ль его изъ усть твоихъ услышать?

ЭГЕЙ.

Услышь: вѣдь здѣсь потребенъ тонкій умъ...

МЕДЕЯ.

Такъ повтори жъ пророчество: я внемлю.

ЭГЕЙ.

„Не должно мнѣ развязывать мѣховъ“...

МЕДЕЯ.

Пока чего ты прежде не исполнишь?..

ЭГЕЙ.

„Пока къ себѣ домой не возвращусь“.

МЕДЕЯ.

Зачѣмъ же ты въ Коринѣхъ свой путь направилъ?

ЭГЕЙ.

Живеть въ Трезенѣ мудрый царь Писей...

МЕДЕЯ.

Пелопса сынъ благочестивый, — знаю.

ЭГЕЙ.

Хочу ему повѣдать прорицанье.

МЕДЕЯ.

Да, опытенъ Писей въ такихъ дѣлахъ.

ЭГЕЙ.

И по мечу онъ старый мнѣ товарищъ.

МЕДЕЯ.

Успѣха же—и добраго пути!

ЭГЕЙ.

Но почему лицо твое такъ блѣдно,
Такъ мраченъ взоръ, Медея? Чтѣ съ тобой?..

МЕДЕЯ.

Мой мужъ, Язонъ — презрѣннѣйшій изъ смертныхъ...

ЭГЕЙ.

Чтѣ слышу я?.. Скорѣй повѣдай все!..

МЕДЕЯ.

Язонъ меня, безвинную, обидѣлъ!..

Эгей.

Но какъ и чѣмъ, — не бойся, говори...

Медя.

Онъ хочеть взять себѣ жену другую...

Эгей.

И неужель осмѣлится твой мужъ?..

Медя.

Да, надъ моей любовью онъ смѣется!..

Эгей.

Вражду питае къ ложу твоему,
Иль по любви къ соперницѣ?

Медя — *съ негодованіемъ.*

О, боги!..

Должно быть, къ ней любовь его сильна,
Когда презрѣтъ онъ могъ такія влывы!..

Эгей.

Коль такъ, — о немъ не стоить и жалѣть!

Медя — *съ презрѣніемъ.*

Онъ о родствѣ мечтаетъ съ царскимъ домомъ...

Эгей.

Изъ чьей семьи невѣста? Кто отецъ?

Медя.

Креонъ, земли коринеской повелитель.

Эгей.

Не даромъ же ты, бѣдная, скорбишь!..

Медя.

Увы! Они меня еще изгнали...

Эгей.

Все новыя несчастья!.. Кто изгналъ?

Медя.

Креонъ.

Эгей.

Ужель твой мужъ не заступился?..

Медя.

Другъ на словахъ, но сердцемъ онъ мнѣ врагъ...

Падая на колѣни.

О, добрый царь! обнявъ твои колѣни,

Рукой воснувшись твоего лица,
 Молить тебя я буду: сжался, сжался!
 Не отвергай меня, прими въ свой домъ
 Изгнанницу, покинутую всѣми, —
 И пусть за то безсмертныя—дѣтей
 Пошлютъ тебѣ и свѣтлую вончину!
 Не знаешь ты, кого во мнѣ напелъ,
 Какимъ искусствомъ дивнымъ я владѣю:
 Я прекратить могу твое безплоде,
 Безчисленныхъ потомковъ даровать,
 Я знаю всѣ цѣлительныя травы...

Эгей.

О, женщина! исполнить я готовъ
 Мольбу твою, и ради олимпійцевъ,
 И для дѣтей, обѣщанныхъ тобой, —
 О нихъ всю жизнь молю боговъ напрасно.
 Рѣшилъ я такъ: волю вступишь ты въ мои
 Владѣнія,—я странницу и гостью
 Могу принять подъ кровлею своей,
 Не нарушая правъ ничьихъ; но долженъ
 Предостеречь, что тайно уводить
 Я не хочу тебя съ собой. А если
 Придешь сама изгнанницей въ мой домъ, —
 То никому тебя уже не выдамъ.
 Ты лишь должна безъ помощи моей
 Покинуть домъ коринѣскаго владыки:
 Виновнымъ быть и въ маломъ не хочу
 Передъ людьми, съ которыми я друженъ.

Медея.

Да будетъ такъ. Произнеси же клятву,
 Чтобъ я была спокойна!

Эгей.

Или ты

Не вѣришь мнѣ? Скажи, чего боишься?

Медея.

Я вѣрю, но сильны мои враги —
 И царь Креонъ, и дочери Пелея...
 Поклявшись здѣсь, передъ лицомъ боговъ,
 Не защитить меня ты не посмѣешь.
 Но, обѣщавъ безъ клятвы, можешь выдать
 Посламъ, союзъ съ врагами заключивъ:

Я—слабая и бѣдная,—у нихъ же
И золото, и царственная власть...

Эгей.

О, женщина, являешь осторожность
Не малую! Но въ клятвѣ отказать
Я не хочу: тебя спасти мнѣ легче,
Такой предлогъ имѣя для враговъ.
И будешь ты въ дому моемъ споконнѣй,
Хранимая обѣтомъ, но сважи,—
Какими же богами мнѣ поклониться?

Медея.

Землей и Солнцемъ, прагдѣдомъ моимъ,
И всѣмъ великимъ сонмомъ олимпійцевъ.

Эгей.

Въ чемъ, говори.

Медея.

Что не изгонишь самъ
И что врагамъ не выдашь добровольно,
Пока ты живъ, меня изъ дома.

Эгей.

Да,

Исполню все,—клянусь сіяньемъ Солнца
Божественнымъ и Матерью-Землей,
И всѣмъ великимъ сонмомъ олимпійцевъ!

Медея.

А если нѣтъ—?

Эгей.

То карой пораженъ
Да буду я—безбожникамъ грозящей!

Медея.

Благодарю! Теперь иди, будь счастливъ
И помни, царь,—въ твой городъ я приду,
Какъ только здѣсь исполню все, что должно.

Хоръ—воспѣвъ уходящему Эгею.

Пусть отнынѣ, Эгей, окрыленный Гермесъ,
Совершающихъ путь покровитель,
Провожаетъ тебя и даруетъ успѣхъ,
Ибо ты поступилъ съ оскорбленной женой
Съ добротой благородной, по-царски!

МЕДЕЯ — *торжественно, къ Хору.*

О, Зевсъ, и Правда, дочь боговъ, и Солнце!..
 Теперь вступили мы на вѣрный путь,
 Теперь насъ ждетъ великая побѣда:
 За все моимъ врагамъ я отомщу!
 Мнѣ царь Эгей—защита и твердыня,
 Отъ сильной бури гавань и пріютъ,
 Гдѣ мой корабль, причаливъ, бросить якорь,
 Когда вступлю къ Палладѣ въ городъ. Все
 Открою вамъ, о, милыя,—внимайте,
 Хотя вашъ слухъ, быть можетъ, оскорблю
 Суровыми рѣчами: въ домъ къ Язону
 Изъ слугъ моихъ кого-нибудь пошлю,
 И выйдетъ онъ ко мнѣ, и съ хитрой лестью
 И съ ласками я приступлю къ нему,
 Скажу, что волѣ мужа покорилась,
 И что нашла полезнымъ для семьи
 Клятвопреступный бракъ его, что мудро
 И праведно со мной онъ поступилъ.
 Я умолю,—и онъ дѣтей позволить
 Оставить здѣсь, въ Креоновомъ дворцѣ,
 Не для того, чтобъ ихъ на поруганье
 Отдать врагамъ моимъ, но злую смерть
 Я черезъ нихъ готовлю новобрачной:
 Даръ отъ меня ей дѣти поднесутъ—
 Златой вѣнецъ и пеплумъ легкотеанный.
 Когда жъ уборъ возложить на себя,
 Ужасною погибнетъ смертью дѣва,
 Умрутъ и всѣ, кто прикоснутся къ ней:
 Такимъ мой даръ напиканъ будетъ ядомъ...
 Не лучше ль здѣсь мнѣ рѣчь мою прервать?

Блѣднѣя, измѣнившимся голосомъ.

Того, что я потомъ должна исполнить,—
 Сама боюсь: хочу убить дѣтей,
 И не спасетъ ихъ никакая сила!..
 Когда же родъ Язоновъ истреблю,—
 Я прочь уйду, чтобы не видѣть крови,
 Возлюбленныхъ,—злодѣяство совершивъ
 Которому нѣтъ имени,—я знаю,—
 Но не могу терпѣть, чтобъ надо мной
 Враги смѣялись!... И на что мнѣ жизнь—
 Безъ родины, безъ милыхъ, безъ надежды?..

Нѣтъ, конечно!.. Я клятвамъ чужеземца
 Довѣрилась, покинувъ отчій домъ,
 Безумная!.. Зато, лукавый элинь,
 Теперь изъ рукъ моихъ ты не уйдешь
 И болѣе живыми не увидишь
 Дѣтей своихъ, рожденныхъ мной,—не дастъ
 И новая жена тебѣ потомковъ:
 Измѣнница отъ яда моего,
 Проклятая, умереть проклятой смертью!..
 Да не сочтутъ смиренной меня
 И кроткою, и слабой: нѣтъ! ужасна
 Я для враговъ, зато вѣрна друзьямъ,—
 Удѣлъ такихъ людей великъ и славенъ!

Хоръ.

Боль ты сама намъ замысль отерпла,
 Молить, во имя блага твоего,
 Во имя всѣхъ людскихъ законовъ, будемъ:
 Ты этого не дѣлай!..

Медея.

И должна,
 И сдѣлаю. Но вашъ совѣтъ прощаю,
 О, женщины,—вы не страдали такъ,
 Какъ я страдаю!..

Хоръ—*съ ужасъ.*

И дерзнешь ты руку
 На собственную кровь и плоть поднять?..

Медея.

О, да! ничѣмъ инымъ я сердце мужа
 Не уязвлю такъ больно...

Хоръ.

И себя
 Ты сдѣлаешь несчаствѣйшей изъ женщинъ!..

Медея.

Пусть!.. Но теперь давать совѣты поздно...

Одной изъ приближенныхъ.

Бѣги скорѣй, Язона приведи!
 Донинѣ ты во всемъ была мнѣ вѣрной:
 О, если любишь госпожу свою

И носишь имя женщины недаромъ, —
Не выдавай меня врагу, молчи!

*Въ ожиданіи Язона Медея отходитъ въ
глубину сцены.*

Хоръ.

Строфа первая.

Жители Аттики, племя счастливое,
Древнія дѣти блаженныхъ боговъ!
Всѣ вы питаетесь мудростью славною,
Сладкимъ плодомъ благородной земли.
Вѣчно-радостные, ходите
Въ легкомъ воздухѣ блистающемъ.
Говорятъ, — въ землѣ у васъ
Златокудрая Гармонія
Въ дни былые стала матерью
Девяти священныхъ Музъ.

Антистрофа первая.

Тамъ, почерпнувъ дуновение прохладное
Въ сладко-журчащихъ Кефиза волнахъ, —
Тихимъ диханьемъ вѣтровъ благовѣющихъ
Землю ласкаетъ богиня Любви
И, вѣнкомъ неувядаемымъ
Изъ душистыхъ розъ аттическихъ
Кудри легкія обвивъ,
Людямъ шлетъ Киприда милую,
Строгой Мудрости сообщницу —
Непорочную Любовь!

Строфа вторая.

Какъ же священныя рѣки,
Какъ же привѣтливый край,
Дружбѣ людей благосклонный,
Примуть тебя,
Злобную, страшную
И оскверненную
Кровью дѣтей?..
Видишь ихъ раны?
Слышишь ихъ вопль?
Нѣтъ! обнимая колѣни твои,
Молимъ мы всѣ, заклинаемъ тебя:
Сжался надъ бѣдными!

Антистрофа вторая.

Гдѣ же такую отвагу,
 Гдѣ же ты силу возьмешь,
 Чтобы на нихъ, беззащитныхъ
 Руку поднять?..
 Слезы не хлынуть ли,
 Не помутятся ли
 Очи твои?
 Если увидишь,
 Какъ упадутъ

Дѣти къ ногамъ твоимъ съ тихой мольбой,—
 Нѣтъ! омочить не дерзнешь въ ихъ крови
 Мечъ свой безжалостно!

Входитъ Язонъ.

Язонъ.

Опять на зовъ твой я пришелъ, Медея:
 За зло тебѣ платить не буду зломъ.
 Не бойся же, скажи, чего ты хочешь,
 О, женщина,—я выслушать готовъ.

Медея—съ притворнымъ смиреніемъ.

Забудь, забудь мой гнѣвъ несправедливый,
 Язонъ, прости меня и не сердись,—
 Молю о томъ во имя прежней дружбы!
 Обдумавъ все наединѣ, я стала
 Бранить себя: „несчастливая, зачѣмъ
 Безумствуешь и ненавидишь тѣхъ,
 Кто трудится для твоего же блага?
 Зачѣмъ врагомъ ты сдѣлалась царю
 И доброму супругу, чье желанье
 Единственное—быть полезнымъ всѣмъ:
 Онъ женится на дочери Креона
 Лишь для того, чтобъ сыновьямъ твоимъ
 Опору дать въ могущественныхъ братьяхъ.
 Не лучше ли смирить безумный гнѣвъ?
 Не мудро ли все устроятъ боги?
 Чего ты ждать могла одна, съ дѣтьми,
 Въ чужой землѣ, покинутая всѣми?..
 Такъ разсудивъ, сказала я себѣ,
 Что тщетнымъ былъ мой гнѣвъ и безразсуднымъ.
 Я поняла, какъ мудро поступилъ
 Ты, съ царственной семьей породившись.

О, глупая!.. сочувствовать во всемъ
И помогать и съ радостью должна бы,
Сама у ложа брачнаго стоять,
Услуживать твоей невѣстѣ милой!..
Но женщинами женщины всегда
Останутся,—и съ ними спорить—значить
Лишь глупостью на глупость отвѣчать.
Ты видишь: я раскаялась и рада
Вину мою загладить предъ тобой!..

Подходя къ двери дворца.

Сюда, сюда, о, дѣти, поскорѣй!
Привѣтствуйте отца и обнимите:
Онъ вашу мать простилъ, забыто все,—
Да воцарится прежній миръ въ семьѣ!..

Сыновья Медеи выходятъ изъ двери.

Коснитесь же руви его, не бойтесь...
О, бѣдны!.. зачѣмъ я не могу
Смотрѣть на васъ безъ ужаса и боли!..
Кто знаетъ, долго ль вамъ на свѣтѣ жить
И въ матери довѣрчиво ласкаться?...
О, тяжело, тяжело!.. плачу и дрожу...
Но полно... все прошло... мы помирились...
Отъ счастья лица вѣжныя дѣтей
Я сладкими слезами орошаю!..

Хоръ.

И по моимъ щекамъ струятся слезы
Обильныя, но не отъ счастья,—нѣтъ!
Я бѣдствія великія предвижу...

Язонъ.

Разумно все, что говоришь ты нынѣ,
А прежняго не будемъ вспоминать.
Чтобъ женщина не гнѣвалась на мужа,
Вступающаго въ новый бракъ, нельзя
И требовать. Но мысли измѣнила
Ты въ лучшему, и во-время вступивъ
На добрый путь, себя являешь мудрой,
Покорною супругой.

Къ сыновьямъ.

А для васъ,
О, дѣти, все ко благу устрояетъ
Родитель вашъ: когда-нибудь въ Коринѣ

Вы сдѣлаетесь первыми людьми.
 Растите же,—объ остальномъ отецъ
 Заботится и Геній, васъ хранящій!
 На склонѣ лѣтъ надѣюсь увидеть,
 Какъ въ юности прекрасной и цвѣтущей
 Низложите вы всѣхъ моихъ враговъ!

Къ Медю.

Но ты, жена, зачѣмъ такъ горько плачешь
 И, блѣдное лицо желая скрыть,
 Привѣтливымъ словамъ моимъ не внемлешь?

Медя.

Прости, мой другъ: я думала о дѣтахъ...

Язонъ.

Утѣшься же,—все сдѣлаю для нихъ.

Медя.

О, да, Язонъ, словамъ твоимъ я вѣрю...
 Но знаешь самъ: готовы обо всемъ
 Мы, женщины безпомощныя, плакать...

*Язонъ—съ изумленіемъ и
 недоумріемъ.*

Печаль твоя безмѣрна... Что съ тобой?..

Медя.

Вѣдь я имъ мать!.. Когда ты говорилъ
 О томъ, что ждетъ дѣтей моихъ, о жизни,
 Я думала: свершатся ли твои
 Желанія,—и страхъ объялъ мнѣ сердце...
 Но рѣчь мою докончить я должна.
 Вотъ, милый другъ, еще одна лишь просьба,
 Послѣдняя: я вижу, что Креонъ
 Изгналъ меня для моего же блага,—
 Чтобъ никому я въ тягость не была
 Здѣсь, гдѣ меня привыкли ненавидѣть...
 Изъ города сама хочу уйти...
 Но сыновей ты въ домъ къ себѣ возьми
 И воспитай: просить владыку можешь,
 Чтобъ онъ твоихъ дѣтей не изгонялъ.

Язонъ.

Удастся ли царя склонить, не знаю...
 Попробую.

МЕДЕЯ.

Невѣстѣ ты скажи,—
Пусть своего отца она попроситъ,
Чтобъ онъ дѣтей помиловаль...

ЯЗОНЪ.

О, да,

Я все исполню: будетъ ей понятна
Печаль твоя о дѣтяхъ,—и она—
Вѣдь женщина...

МЕДЕЯ—*еще болѣе ласково и
окрадково.*

Хочу я, въ этомъ дѣлѣ
Помочь тебѣ: невѣстѣ чудный даръ—
Златой вѣнецъ и пеплумъ легкотканый—
Прекраснѣе всего, чтѣ есть у смертныхъ,
Пошлю съ дѣтьми...

Прислужницамъ.

Рабыни! изъ дворца
Мнѣ тотъ уборъ скорѣе принесите!—

Къ Язону.

Пусть радостями всѣми обладаетъ
Жена твоя: и лучшимъ изъ мужей,—
Тобою, другъ, и лучшимъ изъ нарядовъ,—
Его же самъ богъ Солнца подарилъ,
Отецъ отцовъ моихъ—царямъ Колхиды!..

*Рабыня приноситъ драгоцѣнный ящикъ съ уборомъ. Медея
принимаетъ и передаетъ его сыновьямъ.*

МЕДЕЯ—*съ тайнымъ злорадствомъ
и насмѣшкой.*

Несите же, о, дѣти, брачный даръ
Счастливейшей невѣстѣ,—онъ достоинъ
Жены Язона, дочери царя!..

ЯЗОНЪ—*самодовольно.*

Зачѣмъ себя сокровища лишаешь,
О, глупая? Не думаешь ли ты,
Что у царей одеждъ роскошныхъ мало
И золота? Оставь его себѣ,
И ежели чего-нибудь я стою
Въ глазахъ невѣсты, предпочтеть она—
Надѣюсь—всѣмъ дарамъ меня!..

МЕДЕЯ.

Нѣтъ, нѣтъ...

Самимъ богамъ любезны приношенья,
 А надъ людьми вмѣсть больше власти
 Видъ золота, чѣмъ множество рѣчей...
 Теперь вѣдь все въ рукахъ царицы новой,
 Теперь къ ней рокъ и боги благосклонны.
 А за дѣтей не золото одно—
 Я отдала бы съ радостью и душу!..

Къ сыновьямъ.

Ступайте же скорѣе во дворець
 И дивный даръ мой отнесите юной
 Женѣ отца, владычицѣ моей,
 Моля о томъ, чтобъ васъ не изгоняли.
 Но помните же, дѣти: вы должны
 Отдать уборъ ей въ собственныя руки.
 Не медлите,—и, все свершивъ, скорѣй
 Ко мнѣ съ желанной вѣстью возвращайтесь!

*Послѣ того, какъ Язонъ и сыновья ушли, Медя подходитъ къ
 дверямъ дворца и, ожидая, прислушивается.*

ХОРЪ.

Строфа первая.

Теперь ихъ отъ смерти ничто не спасеть...

О, мать! твои дѣти, какъ жертвы, идутъ,

Идутъ на закланіе!..

Дѣва приметъ даръ проклятый,
 Золотой вѣнецъ Анда,
 И несчастная сама
 Обовьетъ себѣ, ликуя,
 Смертоносной діадемой
 Русовудрую главу...

Антистрофа первая.

Плѣнить ее блескъ золотого вѣнца,

Сіянье волшебныхъ одеждъ ослѣпить,—

И дѣва украсится,—

Чтобы въ царство Тѣни Смертной

Отойти въ уборѣ брачномъ...

Не избѣгнетъ западни,

Гдѣ, таясь, подстерегаетъ

Ужасающая Парка,

Неминуемая смерть!

Строфа вторая.

А ты, женихъ несчастный,
 Не въ добрый часъ хвалился
 Ты царственнымъ союзомъ:
 Ты, самъ того не зная,
 Готовилъ злую смерть
 И дѣтямъ, и невѣстѣ:
 Такъ всё твои надежды
 Осмѣяны судьбой!

Антистрофа вторая.

Но и тебя намъ жалко,
 О, мать-дѣтоубійца,
 Отвергнутая всѣми!
 Свершишь ты злодѣянье,
 Чтобъ мужу отомстить:
 Избравъ жену другую,
 Изгнать не постыдился
 Онъ мать своихъ дѣтей!..

*Изъ дворца выходитъ Воспитатель съ обоими
 сыновьями Медеи.*

Воспитатель—*радостно.*

О, госпожа! отмѣнено изгнанье
 Дѣтей твоихъ: съ улыбкой приняла
 Невѣста даръ твой въ собственныя руки.
 Теперь не бойся,—дѣти спасены!

Медея—*стонетъ.*

О-о!

Воспитатель.

Зачѣмъ стоишь, объята смущеньемъ?..
 Иль эта вѣсть не радуешь тебя?

Медея.

О, горе мнѣ!..

Воспитатель.

Что значить скорбь твоя, о чемъ вздыхаешь?..

Медея.

Увы! Увы!..

Воспитатель.

Иль, самъ того не зная,
 Принесъ тебѣ я роковую вѣсть,
 Обманутый невѣрною надеждой?

Медвѣя.

Нѣтъ, ты сказать, что долженъ былъ сказать,
И я тебя ни въ чемъ не упрекаю...

Воспитатель.

Зачѣмъ же, взоръ потупивъ, слезы льешь?

Медвѣя.

Какъ слезъ не лить!.. О, еслибъ могъ ты знать,
Что дѣлаютъ со мною богъ и ярость!..

Воспитатель.

Мужайся же: какъ дѣти подростутъ,—
Вернешься къ нимъ, окончится изгнанье.

Медвѣя.

Но я сперва сама пошлю другихъ
Въ изгнаніе, откуда нѣтъ возврата!..

Воспитатель.

Осуждена въ разлуку жить съ дѣтми
Не ты одна: рожденные для смерти,
Мы всѣ должны, покорствуя, терпѣть.

Медвѣя.

Да будетъ такъ. Теперь домой иди же,—
Тамъ все, что нужно дѣтямъ, приготовь.

Воспитатель уходитъ.

Медвѣя—къ сыновьямъ.

Вотъ, милые, у васъ приютъ есть вѣрный
И мирный домъ, гдѣ будете вы жить
Безъ матери—въ разлуку съ нею вѣчной...
А я пойду, скиталицей, одна,
Въ чужой землѣ, не насладившись вами
И не взглянувъ на счастье сыновей.
Вамъ брачныя постели не украсу,
Вамъ свадебной лампы не зажгу!..
О, будь же ты, мой гнѣвъ безумный, проклять!
Напрасно, дѣти, я вскормила васъ
И горькими трудами изнуралась,
Напрасно я васъ въ мукахъ родила!
Какъ сладостно, какъ долго я мечтала,
Что въ старости вы будете беречь,
Питать меня,—когда жъ умру, свершите
Всѣ должныя обряды надо мной,—

Удѣлъ завидный людямъ!.. Но погибли
Тѣ милыя надежды, и безъ васъ
Вся жизнь моя—лишь горечь и томленье.
Должны и вы начать иную жизнь,
Гдѣ матери вамъ больше не увидѣтъ...
О, тяжело... тяжело... Что вы на меня
Такъ смотрите, родимые, съ послѣдней
Улыбкою?..

Къ Хору.

О, женщины, нѣтъ силъ...
Мнѣ вся моя отвага измѣняется,
Едва взгляну имъ въ ясные глаза...
Нѣтъ... не могу... прочь, замысль безумный!..
Въ изгнаніе беру съ собой дѣтей.
Чтобъ отомстить отцу, зачѣмъ я буду
Сама себя ихъ муками терзать?..
Прочь, замысль мой страшный и безумный!..

*Обнимаетъ сыновей съ нѣжностью, но вдругъ лицо ея
измѣняется, глаза ослѣпляютъ яростью.*

Но чтѣ же будетъ?.. Какъ?.. Я потерплю,
Не отомстивъ, чтобъ надо мной смѣялись
Враги мои?.. Какая нивость!.. Мысль
Презрѣнную я въ сердце допустила...
Ступайте, дѣти, во дворець... Скорѣй!..
Все кончено!..

Къ Хору.

Кому не должно видѣтъ
Закланья жертвъ,—види отсюда прочь.
Теперь уже рука моя не дрогнетъ!

*Ведетъ сыновей къ дверямъ дома, но на порогъ
останавливается, съ отчаяніемъ простираетъ
руки къ дѣтямъ и плачетъ.*

О, о!..
Не надо, сердце!.. Этого не дѣлай!
Оставь дѣтей, оставь ихъ, пощади!..
Въ разлукѣ съ ними вѣчной все-же будетъ
Такъ сладко ихъ любить, хоть издали...

*Цѣлуетъ сыновей, но потомъ, оттолкнувъ ихъ,
подымается во весь ростъ, блѣдная и грозная.*

Такъ нѣтъ же, нѣтъ!.. Клянусь тѣнями Ада
И мщеніемъ подземныхъ Эвменидъ!
Не быть тому во вѣкъ: на поруганье

Я не отдамъ дѣтей моихъ врагу.
 Вѣдь все равно имъ смерти не избѣгнуть,—
 Я родила ихъ, я же и убью.
 Назначенное Рокѡмъ—да свершится!
 Теперь ужъ дочь царя, принявъ вѣнецъ,
 Въ отравленныхъ одеждахъ умираетъ:
 Пора и мнѣ вступить на страшный путь,
 А путь дѣтей моихъ еще страшнѣе!
 Но ихъ обнять должна въ послѣдній разъ...

Къ сыновьямъ.

Поцѣловать мнѣ дайте ваши руки...
 О, руки милыя!.. О, кроткій взоръ..
 О, лица благородныя... Да будетъ
 Вамъ легкой жизнь, но ужъ не здѣсь, а тамъ:
 Отецъ у васъ земное счастье отнял..
 О, нѣжное прикосновенье устъ...
 О, чистое, невинное дыханье!..
 Идите же, идите,—не могу
 Смотрѣть на васъ!.. Нѣтъ, слишкомъ больно сердцу:
 Сама боюсь того, что совершу...
 Но чувствую,—мой умъ—слабѣй, чѣмъ ярость,
 Виновница непоправимыхъ бѣдъ!..

*Сыновья уходятъ. Медя падаетъ на ступени
 дворца въ изнеможеніи.*

Хоръ.

Я хотѣла не разъ угадать и постичь,
 Ненасытнымъ умомъ я пытала не разъ
 То, что женщинамъ мало доступно:
 Ибо Муза безмолвная есть и у насъ,
 Что внушаетъ намъ къ мудрости высшей любовь,—
 Только правда не всѣмъ, а лишь рѣдкимъ,
 Лишь одной среди многихъ,—но все-же порой
 Пѣриды и женамъ не чужды.
 Такъ я нынѣ скажу, что счастливѣй отцовъ—
 Тотъ, кто брачнаго ложа и вовсе не зналъ,
 Кто родителемъ не былъ во-вѣки:
 Не извѣдавъ, какое блаженство порой
 И какія мученія намъ дѣти даютъ,
 Онъ отъ многихъ страданій избавленъ.
 А у тѣхъ, въ чьемъ дому вешній сладостный цвѣтъ
 Беззаботныхъ дѣтей расцвѣтаетъ,—вся жизнь—
 Изнуряющій трудъ и забота:

Какъ сперва возростить, какъ вскормить ихъ, потомъ
Какъ устроить имъ жизнь, какъ имѣнне скопить,

Онъ заботиться долженъ, не зная,
Для кого еще терпять столь тягостный трудъ:

Для порочныхъ дѣтей, или добрыхъ?

Но послѣдняго самаго горькаго зла
Не избѣгнуть никто: если даже отецъ

Дѣтямъ дастъ и богатство, и счастье,
И они возмужаютъ и будутъ людьми

Благородными, если такъ мудро
Обо всемъ позаботятся боги,—то Смерть
Похищаетъ дѣтей и уноситъ въ Аидъ!..

И какая же людямъ отрада,
Что ко всемъ человѣческимъ мукамъ, еще
Эту злѣйшую скорбь—смерть любимыхъ дѣтей—
Посылаютъ родителямъ боги?..

*Медея приподнимается, прислушиваясь съ
жадностью къ шуму шаговъ и крикамъ
внутри дворца.*

МЕДЕЯ—къ Хору.

О, милая! я жду и не дождусь,—
Свершится ли задуманное мною
Тамъ, во дворцѣ... Но вотъ одинъ изъ слугъ
Язвонныхъ сюда бѣжить: смотрите,
Какъ тяжело онъ дышетъ и какъ блѣденъ...
Я думаю, что будетъ страшной вѣсть!

Входитъ Вѣстникъ.

ВѢСТНИКЪ.

Медея! ты, свершившая злодѣйство
Безбожное,—бѣги, бѣги скорѣй!
Спасайся же по морю, или сушѣ,
Но только здѣсь не медли!..

МЕДЕЯ.

Что случилось,
Чтобъ мнѣ съ такой поспѣшностью бѣжать?..

ВѢСТНИКЪ.

Сейчасъ погибли отъ твоей отравы
И дочь царя, и самъ Креонъ...

Медя.

О, вѣсть
Сладчайшая! Отнынѣ, добрый вѣстникъ,—
Ты—лучшій другъ, ты—благодѣтель мой!

Вѣстникъ—*въ ужасъ.*

Въ умѣ ли ты, о, женщина?.. Опомнись!..
Очагъ царя разрушивъ, эту вѣсть
Ты слушаешь ликуя, безъ боязни...

Медя.

Могла бы я тебѣ отвѣтить, другъ...
Но не сердись и обо всемъ скорѣ
Намъ расскажи: обрадуюсь вдвойнѣ,
Узнавъ, что гибель ихъ была ужасной.

Вѣстникъ.

Когда съ отцомъ вошли къ невѣстѣ двое
Дѣтей твоихъ, мы, вѣрныя рабы,
Возликовали, ибо все-же, втайнѣ,
Сочувствуемъ мы горести твоей;
Теперь же слухъ прошелъ у насъ, что съ мужемъ
Оконченъ споръ твой долгій: обнаруживъ
Дѣтей, одинъ имъ кудри золотыя,
Другой имъ руки цѣловаль, а я
Такъ счастливъ былъ, что въ женскіе покои,
Не утерпѣвъ, за ними побѣжалъ.
Тамъ новая хозяйка дома, та,
Которая тебя намъ замѣнила,
Еще дѣтей твоихъ не видя, взоръ,
Исполненный любовью устремила
На жениха, но вдругъ она дѣтей
Замѣтила и опустила очи,
И отвернула гнѣвное лицо.
Тогда, смягчить желая сердце дѣвы,
Твой мужъ сказалъ: „не будь врагомъ друзей,
„Не гнѣвайся и обрати къ нимъ взоры:
„Кого супругъ твой любить, тѣхъ и ты
„Должна любить,—прими же даръ, невѣста,
„И для меня ты умоли отца,
„Чтобъ отмѣнилъ онъ приговоръ изгнанья
„Дѣтей моихъ“... Какъ только-что уборъ
Увидѣла, она свой гнѣвъ смягчила
И согласилась тотчасъ же на все;

И не успѣлъ еще изъ дома выйти
 Язонъ съ дѣтьми, какъ ужъ уборъ взяла
 И нарядилась въ пеплумъ многоцвѣтный,
 И, локоны обвивъ златымъ вѣнцомъ,
 Предъ зеркаломъ блистающимъ связала
 Ихъ въ новую прическу, и, смѣясь,
 На призрачный свой образъ любовалась.
 Поднявшись съ кресла, начала ходить
 По комнатамъ и съ легкостью ступала
 Ногою бѣлой, радуясь дарамъ,
 На цыпочки порой приподымалась
 Повертывая голову назадъ,
 Чтобъ взглянуть, красиво ль вьются складки...
 Но страшное свершилось вдругъ: блѣдна,
 Какъ смерть, дрожа всѣмъ тѣломъ и шатаясь,
 Она едва успѣла подойти
 Къ сѣдалищу, чтобъ не упасть на землю...
 И думая, что Панъ ее сразилъ
 Иль богъ иной, ужъ старая рабыня
 Моляту съ воемъ начала, — когда жъ
 Увидѣла, что очи заватились,
 Что отъ лица отхлынула вся кровь,
 И на губахъ ея бѣлѣтъ пѣна,
 То въ ужасѣ, прервавъ священный вой,
 Пронзительно старуха закричала.
 Всѣ женщины на крикъ сбѣжались: та
 Спѣшить въ покой къ отцу, другая — къ мужу,
 Чтобъ возвѣстить бѣду, — и вдругъ весь домъ
 Наполнился смятеніемъ и шумомъ
 Стремительныхъ шаговъ. Но скороходъ,
 Уже успѣвъ окончить цѣлый стадій,
 Въ ристалищѣ коснулся бы меты, —
 Пока она лежала бездыханной,
 Съ закрытыми очами... Наконецъ,
 Страдалица очнулась съ громкимъ воплемъ.
 Двойными были муки: изъ вѣнца,
 Сжимавшаго ей голову, струился
 Всепожирающій огонь, и даръ
 Дѣтей твоихъ — прозрачный, легкій пеплумъ —
 Несчастной тѣло бѣлое сѣдалъ.
 Тогда она вскочила, обезумѣвъ,
 Вся въ пламени, и бросилась бѣжать,

И головой трясла и волосами,
 Чтобы сорвать пылающій вѣнецъ.
 Но золото за локоны цѣплялось,
 И чѣмъ сильнѣе головой трясла,
 Тѣмъ въ нихъ огонь все ярче разгорался.
 И наконецъ упала, ослабѣвъ...
 И собственный отецъ теперь узналъ бы
 Ее съ трудомъ: ни милаго лица,
 Ни ясныхъ глазъ. Смѣшавшись съ кровью, летя
 Расплавленное золото и жжетъ...
 Какъ свѣтлая смола сосны горящей,
 Истаетъ тѣло на костяхъ,
 Снѣдаемо незримымъ ядомъ, — жалкій
 И страшный видъ!.. Не смѣлъ никто изъ насъ,
 Наученныхъ ея судьбой плачевной,
 Притронуться къ умершей... Вдругъ отецъ
 Вбѣжалъ, еще не вѣдая несчастья,
 И бросился, и обнялъ блѣдный трупъ,
 И возопилъ, въ уста ее цѣлуя:
 „О, бѣдное дитя, кто изъ боговъ
 „Сразилъ тебя такой ужасной смертью?..
 „Кто на краю могилы старика
 „Осиротилъ?.. О, если бы съ тобою,
 „Родимая, намъ вмѣстѣ умереть!..“
 Когда жъ его стenanія затихли,
 Старикъ хотѣлъ подняться, но не могъ:
 Какъ цѣпкій плющъ къ стволу могучихъ лавровъ, —
 Къ отравленной одеждѣ онъ прильнулъ;
 Порой съ усилениемъ подымалъ колѣно,
 Но мертвая влекла его назадъ;
 Когда жъ срывалъ онъ липкій, жгучій пепелъ, —
 То отпадало тѣло отъ костей...
 И наконецъ онъ замеръ, побѣжденный
 Мученьями, и бездыханнымъ палъ.
 Такъ, навсегда соединившись, рядомъ
 Покоятся они, отецъ и дочь:
 Плачевная судьба ихъ совершилась!
 Вотъ все, что я могу тебѣ сказать,
 А какъ спастись — и безъ меня ты знаешь...
 Всегда я думалъ: жизнь людская — тѣнь.
 И говорю я смѣло: кто въ науѣ
 И въ краснорѣчьи первыми слывутъ,

Тѣ, можете быть, безумьемъ наибольшимъ
Ослѣплены: нѣтъ счастья на землѣ!
Пріятной жизни богатство можетъ сдѣлать,—
Счастливою не сдѣлаетъ ничто!

Вѣстникъ уходитъ.

Хоръ.

Намъ кажется, что боги въ этотъ день
Хотятъ, Язонъ, во гнѣвѣ справедливомъ,
Всѣ бѣдствія обрушить на тебя...
Несчастная! оплакиваемъ горько,
О, дочь царя, мученія твои...
За преступленіе жениха вступила
Ты въ темныя Аидовы врата!

Медея.

Теперь скорѣй мой замыселъ, о, жены,
Исполнить я должна—дѣтей убить
И прочь бѣжать,—а если буду медлить,
Еще отъ злѣйшей—отъ чужой руки
Падутъ они, а смерти не минуютъ.
Такъ пусть же, давъ имъ жизнь, я дамъ и смерть.
Вооружись, о, сердце, будь безстрашнымъ
И то, что Рокъ назначилъ, соверши!
Беру я мечъ для горькой битвы жизни...
О, жалкая рука моя,—дерзай!..
Не будь, Медея, слабою, не думай,
О томъ, что любишь ихъ, что ты имъ мать:
Мигъ, только краткій мигъ забудь дѣтей,—
Потомъ всю жизнь о нихъ ты будешь плавать...
Несчастная! вѣдь если и убьешь
Ты все-таки ихъ разлюбить не можешь!..

*Медея, съ обнаженнымъ мечемъ, входитъ во
дворецъ и запираетъ двери.*

Хоръ.

Строфа.

О, Земля! О, Лучъ Солнечный, всеозаряющій!
Посмотрите на эту погибшую:
Подняла, подняла она мечъ
На дѣтей, кровожадная!..
О, богъ Солнца! вѣдь это же внуки твои,
Это племя твое золотое...

Томъ IV.—Іюль, 1895.

Страшно, страшно подумать, что кровью боговъ
Обагрится рука человѣка!..

Благодатное свѣтило!
Укrotи ея безумье,
Изгони же прочь изъ дома
Эту фурию, убійцу,
Порожденье духовъ тьмы!..

Антистрофа.

Ты напрасно носила во чревѣ дѣтей своихъ,
Родила ихъ напрасно, изгнанница,
Миновавшая грозный проливъ,
Симплегады лазурныя!
Что ѣонъ сдѣлалъ съ тобой втотъ яростный гнѣвъ!..
Безпощадная мать, неужели
Нынѣ въ сердцѣ твоємъ, вмѣсто прежней любви,
Только жажда убійства и крови?..

Горе людямъ, освернившимъ
Землю родственною кровью,
Ибо въ домъ сыноубійцы
Непрощающіе боги
Бѣды шлютъ изъ рода въ родъ.

*Доносятся крики сыноуей Медеи изъ глубины
дворца.*

Первый сынъ.

Что дѣлать намъ?.. Куда бѣжать отъ матери?..

Второй сынъ.

О, милый братъ!.. погибли мы, несчастные!..

Хоръ—пораженный смятеніемъ
и ужасомъ.

Вы слышали крикъ?.. Это—воплъ дѣтей...

Злополучная сыноубійца!..

Не помочь ли имъ?.. Не войти ли въ домъ,
Чтобъ ее удержать отъ злодѣйства?..

Сыновья.

О, помогите!.. помогите!.. Горе намъ...

Ужъ занесенъ надъ нами мечъ... Спасите насъ!..

Хоръ—*передъ запертыми дверями
дворца.*

Значить, сердце твое—изъ желѣза, изъ камня,
Если могла ты на собственный плодъ,
На рожденныхъ тобою и вскормленныхъ
Неумолимую
Руку поднять!..

Слышала я объ одной только матери,
Такъ же дѣтей умертвившей, какъ ты:
Ино въ безумьѣ, богами ниспосланномъ,
Изгнана Герою,
Двухъ сыновей умертвивъ,
Чтобъ искупить злодѣяніе,
Бросилась въ море съ обрыва, и смерть
Соединила съ дѣтьми ея, вѣчно-любимыми!..

Но еще ужаснѣе—
То, что здѣсь мы видѣли...
О, многострадальное
Ложе, ложе брачное,
Сколько породило ты
Бѣдствій на землѣ!..

Изъ дружицъ дверей дворца выходитъ Язонъ.

Язонъ—*къ Хору.*

Вы отъ дверей дворца не отходили,
О, женщины, скажите жъ, гдѣ она,
Свершившая такое злодѣянье?
Тамъ, во дворцѣ, иль думаетъ бѣжать?..
Но подъ землей ей надо будетъ скрыться,
Иль въ облака на крыльяхъ улетѣть,
Чтобъ мщенія за царскій домъ избѣгнуть!..
Надѣется безумная спастись,
Владыку умертвивъ!.. Но лишь о дѣтахъ
Забочусь я: ее накажутъ тѣ,
Чей родъ она проклятемъ осквернила...
А я пришелъ, чтобъ сыновей спасти:
Боюсь,—злодѣйство матери родное
Не вздумали бы выместить на нихъ...

Хоръ—*тихо и мрачно.*

Еще ты самъ бѣды свей не знаешь,
Язонъ!—а то бы такъ не говорилъ...

Язонъ.

Какой бѣды? Быть можетъ, и меня
Задумала убить она?..

Хоръ.

Несчастный!..

Она убила сыновей твоихъ.

Язонъ.

Что говоришь, о, женщина!.. Молчи...
Слова твои—страшнѣе смерти!..

Хоръ.

Правду

Я говорю: убила мать дѣтей.

Язонъ.

Тамъ, во дворцѣ, или внѣ дома?..

Хоръ.

Двери

Открой: ты самъ увидишь ихъ тѣла.

Язонъ—*слухамъ.*

Скорѣй, скорѣй, рабы, замки ломайте,
Откройте двери настежь, чтобы могъ
Я увидеть мое двойное горе—
Смерть двухъ дѣтей моихъ,—и отомстить!..

Среднiя широкiя двери дворца распахиваются самою собою, и изъ нихъ вылетаетъ Медея, на колесной колесницѣ, съ драконами бога-Солнца: мертвыя тѣла обоихъ сыновей лежатъ у ногъ ея.

Медея—*торжествующая.*

Зачѣмъ ты въ домъ ворваться хочешь силой?
Зачѣмъ ломаешь двери? Не трудись!
Тамъ больше нѣтъ дѣтей твоихъ убитыхъ:
Они—со мной! Но ежели имѣешь
Ты что-нибудь сказать мнѣ,—говори,
Рукою же ко мнѣ не прикоснешься:
Хранить меня богъ-Солнца, мой отецъ,—
Онъ даровалъ мнѣ эту колесницу—
Убѣжище отъ всѣхъ моихъ враговъ!

Язонъ.

Тварь ненавистная богамъ и людямъ,
О, гнусное чудовище! однимъ

Пронзила ты мечомъ, однимъ ударомъ
 Дѣтей своихъ невинныхъ и меня!..
 И смотришь ты на землю и на солнце,
 Такое злодѣянье совершивъ!..
 Проклятіе!.. Теперь я только понялъ,
 Какъ былъ я слѣпъ, глупецъ, когда тебя,
 Предавшую и родъ свой, и отчизну,
 Въ домъ эллиновъ изъ варварской земли
 На гибель всѣмъ привелъ: то боги мщенья,
 Какъ фурію, послали мнѣ тебя!
 Ты на корабль прекрасный аргонатовъ
 Уже вступила, брата умертвивъ,
 И это былъ твой первый шагъ къ злодѣйству.
 Потомъ, родивъ дѣтей, чтобъ отомстить,
 Изъ ревности, изъ похоти нечистой,—
 Невиннѣйшую кровь ихъ пролила!..
 Нѣтъ, нѣтъ, изъ женъ Эллады ни одна
 Не посягнула бъ на такое дѣло!
 И я еще любилъ тебя, змѣю
 Проклятую, отогрѣвалъ на сердцѣ...
 Не женщина, а львица ты, съ душой
 Безжалостнѣй, чѣмъ злая вѣдьма Сцилла,
 Чудовище невѣдомыхъ морей!..
 Но не смутать тебя мои проклятья:
 Ты наглостью хранима, какъ щитомъ...
 Прочь съ глазъ моихъ, запятнанная кровью,
 Безстыдная!..

Плачетъ.

Осталось мнѣ одно:

Всю жизнь скорбѣть о гибели невѣсты
 И сыновей, которыхъ такъ любилъ...
*Простирая руки къ мертвымъ тѣламъ въ
 колесницѣ.*

О, милые!.. васъ больше не увижу...
 Безумецъ! самъ, я самъ васъ погубилъ!..

Медея.

Могла бъ и я отвѣтить длинной рѣчью.
 Но для чего? Не видѣлъ ли отецъ
 Зевесъ мою любовь, твою измѣну?
 Рокъ не судилъ тебѣ въ блаженствѣ жить,
 Надъ муками моими vzdъваясь:
 Теперь ни дочь царя, ни самъ Креонъ,

Который съ нею свелъ тебя,—изъ дома,
 Какъ нищюю, не выгонять меня!
 Я кончила. Ты можешь звать Медею
 И львицею, и злою вѣдьмой Сциллою,—
 Свершилась казнь: какъ должно,—я тебѣ
 За муку мукой сердце уязвила!

Язонъ.

Казнивъ дѣтей—сама себя казнила!..

Медея.

Пусть! Эта скорбь уже отрадна тѣмъ,
 Что надо мной не будешь ты смѣяться.

Язонъ.

О, бѣдныя! васъ погубила мать!..

Медея.

Изъ-за отца погибли вы, о, дѣти!

Язонъ.

Они убиты не моею рукой...

Медея.

Зато твоимъ коварнымъ, живымъ сердцемъ...

Язонъ.

Ужели ты изъ ревности могла?..

Медея.

Иль малая для женщины обида—
 Безчестье ложа брачнаго?..

Язонъ.

О, да,

Для добрыхъ женъ, не для такихъ безстыдныхъ!..

Медея.

А все же ты дѣтей не воскресишь!

Язонъ.

Они воскреснутъ сами, чтобы гнаться,
 Какъ духи мести, по пятамъ твоимъ!..

Медея.

Кто виновать въ ихъ смерти,—богъ разсудить...

Язонъ.

И богъ воздастъ тебѣ за кровь дѣтей!..

МЕДЕЯ.

Довольно! Брань твоя мнѣ надоѣла.

ЯЗОНЪ.

И мнѣ—твоя: намъ разойтись легко...

МЕДЕЯ.

Что надо сдѣлать? Я на все готова.

ЯЗОНЪ.

Отдай мнѣ трупы сыновей моихъ,
Чтобъ я ихъ могъ похоронить, оплакать...

МЕДЕЯ.

Нѣтъ, вырою могилы имъ сама,
Тамъ, высоко надъ моремъ, въ тихой рощѣ
Богини Геры, гдѣ никто во вѣкъ
Священнаго ихъ сна не потревожить.
И таинства, угодныя богамъ,
Во искупленье крови ихъ невинной,
Въ Сизифовой землѣ установлю.
Сама жъ уйду я въ сыну Пандіона,
Къ царю Эгею, въ Эректеевъ край.
А ты найдешь себѣ конецъ достойный:
Обломками тебя задавить Арго—
Твой собственный корабль, и ты умрешь,
Какъ заслужилъ,— презрѣннѣйшею смертью!..

ЯЗОНЪ.

Эвмениды, рожденныя кровью дѣтей,
Справедливость боговъ, отомстите!

МЕДЕЯ.

Справедливые боги не внемлютъ лгунамъ
И подобнымъ тебѣ святотатцамъ.

ЯЗОНЪ.

Будь ты проклята, дѣтоубійца!..

МЕДЕЯ—*съ настышкой.*

Возвращайся домой, чтобъ жену хоронить!

ЯЗОНЪ.

Возвращусь одинокій, лишенный дѣтей,
Во дворецъ опустѣвшій и мрачный...

МЕДЕЯ.

Погоди же, не плачь: впереди у тебя
Еще долгая, черная старость!

ЯЗОНЪ.

Дѣти, дѣти мои!..

МЕДЕЯ.

Не твои—ты имъ врагъ...

ЯЗОНЪ.

Ты убила ихъ...

МЕДЕЯ.

Да, чтобъ тебѣ отомстить...

ЯЗОНЪ.

Умоляю, позволь мнѣ еще только разъ
Прикоснуться губами къ ихъ мертвымъ губамъ!..

МЕДЕЯ.

Ты ихъ любишь теперь, хочешь мертвыхъ ласкать,
А живыхъ не жалѣть!..

Язонъ—*падая на колѣни и про-
стирая руки.*

Заклинаю,—

Дай мнѣ только притронуться къ нѣжнымъ тѣламъ!..

МЕДЕЯ—*безпоощдно.*

Всѣ слова и моленья—напрасны!

*Драконы взвиваются и уносятъ Медю въ волшебной
колесницѣ бога-Солнца.*

Язонъ—*въ безсильной ярости.*

Зевсъ! ты видишь, какую обиду терплю

Отъ проклятой, запятнанной кровью,

Отъ презрѣннѣйшей твари, убійцы дѣтей!..

Но, насколько могу, я о мщеньѣ

Буду къ небу взывать, и кричать, и молить:

Да услышать безсмертные боги,—

Во слѣдъ улетающей Меды.

Какъ, зарѣзавъ дѣтей, не дала ты отцу

Ни обнять ихъ тѣла, ни предать ихъ землѣ!..

Падая въ изнеможеніи на ступени дворца.

Пусть бы лучше погибъ я бездѣтнымъ,

Чтобъ не видѣть, какъ мать убиваетъ дѣтей!..

Хоръ — торжественно и тихо.

Съ Олимпійскихъ высотъ посылаетъ Зевесъ

Людамъ много судебъ непонятныхъ:

Не свершается то, чего смертные ждутъ,—

А въ иной, сокровеннѣйшей цѣли

Часто боги идутъ по незримымъ путамъ:

Такъ и здѣсь воля Рова свершилась!

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ЦЕЗАРИЗМЪ

ВО

ФРАНЦІИ

Окончаніе.

V *).

Результатами, добытыми дознаніемъ надъ социальнымъ и нравственнымъ качествомъ якобинскаго правительствующаго персонала, не ограничивается изслѣдованіе Тэна. Показавъ, что представляло собою это правительство, такъ внезапно охватившее своими безчисленными развѣтвленіями почти всю поверхность Франціи, Тэнъ поставилъ себѣ задачей подвести итоги его дѣятельности, опредѣлить въ цифрахъ, во что оно обошлось Франціи, взвѣсить значеніе, которое имѣло якобинское владычество въ исторіи французской культуры. Тэнъ сдѣлалъ это въ двухъ обширныхъ отдѣлахъ своего труда, занимающихъ почти половину третьяго тома его исторіи революціи. Подъ заглавіемъ „Les Gouvernés“ (управляемые) и „La Fin de la Terreur“ (конецъ террора) эти двѣ книги представляютъ въ совершенно новомъ видѣ внутреннюю исторію Франціи подъ владычествомъ якобинства. При громадности заключеннаго Тэномъ въ эти книги фактическаго матеріала, мы коснемся вратцѣ лишь главныхъ сторонъ вопроса, освященнаго Тэномъ.

Всякій побѣдитель, захватывающій власть въ государствѣ, посредствомъ ли завоеванія, или внутренняго насилия, конечно,

---

*) См. выше: июль, 564 стр.

прежде всего заботится о томъ, чтобы удержаться во власти, а для этого по возможности обезсилить побѣжденныхъ противниковъ. Но можно сказать, что никогда не проводился въ исторіи этотъ принципъ такъ безопасно, такъ послѣдовательно, въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ при владычествѣ якобинцевъ. Даже завоеватели изъ дикихъ народовъ обыкновенно обращались съ побѣжденными съ большею умѣренностью, такъ какъ имѣли въ виду извлекать выгоду изъ постоянныхъ услугъ поработеннаго ими населенія. У якобинцевъ же какъ злоба, вызванная борьбою, такъ и прямой расчетъ, дѣйствовали въ одномъ и томъ же направленіи и сводились къ одной общей цѣли—истребленію враговъ. Для якобинцевъ дѣло шло прежде всего о томъ, по выраженію Тэна, чтобы уничтожить „всѣхъ своихъ противниковъ явныхъ и предполагаемыхъ, вѣроятныхъ и даже только возможныхъ“. Физическое или общественное истребленіе всѣхъ французовъ, которые не принадлежали къ ихъ сектѣ или отдѣлялись отъ нея, стало поэтому главной внутренней задачей якобинскаго правительства. „Четыре насильственные операціи должны были повести къ этой цѣли, проявляясь или одновременно, или поочередно“; этими словами Тэнъ переноситъ читателя въ центръ тогдашнихъ событій и раскрываетъ передъ его взоромъ по четыремъ направленіямъ необозримую вереницу возмутительныхъ насилій, съ одной стороны, и невыразимыхъ бѣдствій—съ другой.

Первая изъ этихъ операцій—изгнаніе противниковъ. Рѣчь идетъ здѣсь не объ однихъ эмигрантахъ, удалившихся добровольно изъ ненависти къ новымъ порядкамъ, но и о тѣхъ не менѣе многочисленныхъ жертвахъ революціи, которые были вынуждены бѣжать изъ отечества, или были закономъ обречены на изгнаніе,—напр., около 40.000 неприсягнувшихъ патеровъ. По справкамъ, приведеннымъ у Тэна, общее число бѣглецовъ и изгнанниковъ превышало въ концѣ террора 150.000. По своему обычаю только слегка касаться болѣе извѣстныхъ сторонъ революціи, Тэнъ посвящаетъ лишь двѣ страницы вопросу объ эмигрантахъ; но приведенный имъ въ концѣ параграфа фактъ совершенно достаточенъ, чтобы дать почувствовать читателю безмѣрную злобу и безумное глумленіе надъ правомъ и человѣчностью, проявившіяся въ расправѣ официальныхъ агентовъ якобинскаго правительства съ эмигрантами, попадавшимися имъ въ руки. „Когда мнѣ выпадаетъ счастье изловить кого-нибудь изъ нихъ,—пишетъ бригадный генералъ Вандамъ конвенту,—я утруждаю военную комиссію произнесеніемъ надъ ними приговора. Судъ надъ ними творится тутъ же: моя сабля и мои пистолеты дѣлаютъ свое дѣло“.

Чтеніе этого письма въ конвентѣ сопровождалось, по выраженію „Монитѣра“, „повторительными рукоплесканіями“.

Вторая операція заключалась въ лишеніи свободы людей „подозрительныхъ“. И здѣсь Тэнъ не входитъ въ описаніе индивидуальныхъ страданій. Онъ беретъ вопросъ съ его статистической и административной стороны, чтобы дать понять, какая масса человѣческихъ существованій была истреблена якобинскимъ владычествомъ, подобно тому, какъ отъ градобитія погибаютъ въ поляхъ и лугахъ тысячи колосевъ и нѣжныхъ цвѣтовъ. Незадолго до 10 термидора, по спискамъ комитета общественной безопасности, заключенныхъ числилось до 400.000. Число это громадно и ясно доказываетъ ненормальность якобинскаго управленія; но гораздо сильнѣе, чѣмъ эта чудовищная цифра, поражаютъ воображеніе читателя свѣденія о томъ, изъ какихъ лицъ составлялась эта масса. Какъ образчикъ, Тэнъ описываетъ тюрьму въ Аррасѣ, гдѣ, между прочимъ, „содержались торговецъ углемъ съ женою и 7 дѣтьми отъ 17 до 6 лѣтъ; вдова съ четырьмя дѣтьми отъ 17 до 12 лѣтъ; другая вдова изъ дворянъ съ 9 дѣтьми отъ 17 до 3 лѣтъ; шесть человѣкъ дѣтей изъ одной семьи безъ отца и матери отъ 23 до 9 лѣтъ! И какъ содержались эти заключенные! Въ Нантѣ изъ 13.000 заключенныхъ отъ тифа и дурного питанія умерло 3.000 человѣкъ. Это, можно сказать, исключительный случай, вызванный скученностью жертвъ вандійскаго возстанія; но вотъ свидѣтельство одного изъ заключеннаго въ Страсбургѣ: изъ числа его 90 товарищей въ теченіе восьми дней 66 были переведены въ госпиталь“.

Заключеніе часто было только переходнымъ положеніемъ на пути къ казни,—къ казни по суду или безъ суда. Это третье, самое рѣшительное и безповоротное средство истребленія противниковъ. Возведеніе гильотины на степень политическаго средства,—орудія *прогресса*, для общественнаго и нравственнаго возрожденія націй, навсегда останется неизгладимымъ пятномъ на исторической памяти якобинства. Тэнъ могъ бы, еслибы захотѣлъ, искуснѣе другихъ историковъ воспользоваться этимъ фактомъ для обличенія якобинцевъ, но подведенныя имъ сухія статистическія цифры лишь кое-гдѣ перерываются подробностями, бросающими ужасающій свѣтъ на глубину нравственнаго развращенія судебного персонала, служившаго орудіемъ террору. Каковы, напр., должны были быть судьи, способные приговорить къ казни 17-лѣтнюю дочь знаменитаго живописца Жозефа Верне, за то, что у нея оказались 50 *л* свѣчей, выданныхъ ей въ уплату долга ея отцу ликвидаторами кассы дворцоваго вѣдомства. Совѣсть этихъ судей и

тысячи другихъ, которые губили людей съ такою же бессмысленною, тупою жестокостью, изобразилъ пресловутый Вилать, одинъ изъ присяжныхъ парижскаго революціоннаго трибунала: „Что касается до меня, то я никогда не затрудняюсь приговоромъ, а всегда убѣжденъ (въ виновности подсудимыхъ). Въ революціи всѣ, кто появляется передъ трибуналомъ, должны быть осуждены“. Нужно ли еще какое-нибудь подтвержденіе словамъ Тэна, что во время террора судъ былъ лишь „пустымъ парадомъ, который пускали въ ходъ, какъ приличное средство въ числѣ другихъ средствъ менѣе приличныхъ, чтобы уничтожить людей, не обладавшихъ требуемыми убѣжденіями или принадлежавшихъ къ классамъ, обреченнымъ на гибель“. Легальныя убійства на эшафотѣ служили лишь дополненіемъ тѣхъ болѣе простыхъ убійствъ безъ всякаго суда, которыя совершались сентябрьскими убійцами и распорядителями ліонскихъ „растрѣлявій“ и нантскихъ „утопленій“. Подсчитавъ громадныя цифры погибшихъ и объяснивъ, въ какое сравнительно короткое время совершилось это избіеніе, при чемъ терроръ разрастался все ужаснѣе, Тэнъ съ текстами въ рукахъ доказываетъ, что въ глазахъ истыхъ фанатиковъ якобинской партіи все это должно было быть только началомъ болѣе грандіознаго и систематическаго истребленія. Дѣйствительно, уже во время якобинскаго террора проявились первые проблески той чудовищной маніи истребленія, которую стали обнаруживать позднѣйшіе *амаристы*. И замѣчательно, что симптомы этой маніи мы находимъ не только у полупомѣшанныхъ изверговъ въ родѣ Каррье или Антонелли, но и у такихъ дѣловитыхъ администраторовъ, какъ будущій префектъ Жанъ Бонъ Сентъ-Андре. Бодо, Сентъ-Андре, Каррье и Антонелли опредѣляли число жизней, подлежащихъ уничтоженію въ нѣсколько милліоновъ; журналистъ Бофруа напечаталъ, что гильотина должна находиться въ постоянной работѣ по всей территоріи республики, для которой достаточно 5 милліоновъ жителей; Колло-д'Эрбуа, членъ комитета общественнаго спасенія, заявилъ, что „политическое выпотѣніе (transpiration) должно прекратиться лишь по истребленіи 12 или 15 милліоновъ французовъ“, а террористы Рошфора утверждали, что „древо свободы можетъ пустить корни лишь на глубинѣ десяти футовъ человѣческой крови“.

У террористовъ 1793—94 года не хватило времени и силъ, чтобы приблизиться къ этому идеалу. По вычисленію Тэна, однако, лишь въ одиннадцать западныхъ департаментахъ ими было загублено до полумилліона людей. Зато, — говоритъ Тэнъ, — четвертая задача якобинцевъ была доведена ими почти до конца: „все,

что можно было сдѣлать для имущественнаго разоренія отдѣльных лицъ, семействъ и самаго государства, она сдѣлала; все, что можно было взять, они взяли“. Число людей, пострадавшихъ въ этомъ отношеніи, превышаетъ милліоны, ибо всѣ, кто чѣмъ-нибудь владѣлъ, и крупные и мелкіе собственники, всѣ потерпѣли въ своемъ имуществѣ. На установленіе того, что потеряли, во время яеобинскаго владычества, частныя лица и общества общины и наконецъ государство, Тэнъ посвятилъ цѣлую главу своего сочиненія, и эта глава заключаетъ въ себѣ такую массу тщательно изслѣдованнаго и систематически сгруппированнаго матеріала, что при болѣе подробномъ изложеніи его достало бы на нѣсколько томовъ. И здѣсь также проявляется замѣчательное мастерство Тэна подводить въ сжатый итогъ длинныя ряды сухихъ цифровыхъ и статистическихъ данныхъ и въ заключеніе, осыпая читателя градомъ фактовъ, запечатлѣть ихъ въ немъ, собрать ихъ въ цѣльную и наглядную картину. Учредительное и законодательное собраніе,—говоритъ Тэнъ,—начали дѣло всеобщаго разоренія отмѣною, безъ выкупа, десятины и всѣхъ феодальныхъ нравъ и конфискаціей всей церковной собственности; яеобинскіе операторы продолжаютъ это дѣло и доводятъ его до конца съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ коллективной и къ индивидуальной собственности; они присваиваютъ государству имущества всѣхъ корпорацій, даже свѣтскихъ, всѣхъ гимназій, школь, литературныхъ и ученыхъ обществъ, госпиталей и сельскихъ общинъ—съ другой стороны, они обираютъ отдѣльных лицъ, *косвенно* посредствомъ ассигнацій и максимума, и *прямо* посредствомъ принудительнаго займа, революціоннаго прогрессивнаго налога, захватомъ золота и серебра чеканеннаго и нечеканеннаго, посредствомъ реквизиціи всѣхъ годныхъ на что-нибудь предметовъ, конфискаціи имущества эмигрантовъ, изгнанниковъ, ссыльныхъ и осужденныхъ на смерть. Нѣтъ ни одного дохода въ деньгахъ или натурѣ, каково бы ни было его происхожденіе—аренда это, ипотека или долговое обязательство, пенсія или государственная облигація, барышъ отъ промышленности, отъ земледѣлія или торговли, плодъ сбереженій или труда; нѣтъ ни одного предмета собственности,—начиная съ запасовъ фермера, купца или фабриканта, до теплой одежды, платья, сорочекъ, башмаковъ, постели и комнатнаго убранства частныхъ лицъ,—который бы ускользалъ отъ хищныхъ рукъ яеобинцевъ. Въ деревнѣ они отбираютъ даже зерновой хлѣбъ, оставленный на сѣмена, въ Страсбургѣ и по всему Верхнему Рейну—даже кухонную посуду; въ Оверни и другихъ мѣстахъ—даже желѣзные горшки пастуховъ. Всѣ предметы каковой-либо

стоимости, даже если они совсѣмъ непригодны для общественныхъ нуждъ, подпадаютъ реквизиціи! Революціонный комитетъ въ Байоннѣ, напр., забираетъ кипы коленкора и муслина подъ предлогомъ, что изъ нихъ можно нанить панталонъ для защитниковъ отечества. Разореніе частныхъ лицъ безъ всякой пользы для государства—вотъ въ чемъ заключается, въ концѣ концовъ, очевидный итогъ революціоннаго правительства. Наложивъ руки на три пятыхъ всей недвижимой собственности во Франціи, отобравъ отъ общинъ и частныхъ лицъ движимой и недвижимой собственности на сумму отъ десяти до двѣнадцати миллиардовъ, доведя государственный долгъ, выпускомъ ассигнацій, а потомъ „поземельныхъ облигацій“, до 50 миллиардовъ съ лишнимъ,—это правительство не въ состояніи платить жалованье своимъ чиновникамъ, принуждено, чтобы содержать свои арміи и существовать самому, рассчитывать на принудительныя контрибуціи съ покоренныхъ областей—и кончаетъ банкротствомъ; оно отрывается отъ двухъ третей своего долга и кредитъ его такъ ничтоженъ, что послѣ консолидаціи этой послѣдней трети и новой гарантіи, принятой на себя государствомъ, остатокъ долга, на другой же день, падаетъ въ цѣнѣ на 83⁰/o!

Такимъ образомъ, политическая программа якобинцевъ, заключавшаяся въ систематическомъ истребленіи противниковъ и расхищеніи ихъ собственности, не только не обогатила государства, но привела его къ полному истощенію. Къ этому результату Тэнъ прибавляетъ другую черту: якобинская политика была столь же губительна для самого народа, подрывая источники его благосостоянія и подсывая его лучшія силы. Злоба якобинскихъ теоретиковъ противъ всякаго социальнаго и имущественнаго неравенства привела къ настроенію, которое Тэнъ называетъ *le socialisme égalitaire*, и жертвою котораго становились послѣ аристократіи рожденія и состоянія лучшіе люди изъ всего народа, изъ трудящейся народной массы. Книга Тэна изобилуетъ характерными, взятыми изъ жизни чертами, показывающими, какъ тускнѣлъ и извращался отвлеченный принципъ равенства по мѣрѣ того, какъ его лучи проникали въ болѣе невѣжественную или злокачественную среду. Въ высшей степени, напр., интересно для исторіи культуры видѣть, какъ приновляли идею равенства къ самымъ первобытнымъ житейскимъ потребностямъ. По словамъ ораторовъ въ парижскихъ сессіяхъ, тотъ, кто больше и лучше ѣлъ, чѣмъ другіе, былъ врагомъ народа и воромъ, ибо присваивалъ себѣ чужое достоиніе.

Согласно съ этимъ взглядомъ на вещи уже по одному внѣш-

нему виду можно было узнавать такихъ враговъ народа. Такъ Генріо, бывшій лакей, по протекціи Робеспьера получившій главную команду надъ парижской вооруженной силой, произвелъ однажды облаву „подозрительнымъ“ въ саду и ресторанахъ Пале-Рояля—и затѣмъ сдѣлалъ слѣдующее донесеніе о результатахъ своей экспедиціи. „Сто-тридцать мускаденовъ арестовано... Этихъ господъ (messieurs) заключили въ темницу des Petits Pères. Это не санюлоты, они *толсты и сыты*“. Когда, по приказанію комитета общественнаго спасенія, былъ арестованъ вождь „крайнихъ“—Эберъ, издатель ругательнаго листка „le Père Duchesne“—его поклонники рабочіе и торговцы „крытаго рынка“ не могли объяснить себѣ трагическую судьбу своего любимца иначе какъ съ помощью сплетни, что онъ купилъ цѣлую свинью и боченокъ масла изъ Бретани въ 25 *ℓ*; этого для нихъ было достаточно, чтобы единодушно признать „отца Дюшена“ достойнымъ гильотины.

Поэтому предметомъ особенной злобы и подозрѣнія становились торговцы съѣстными припасами. Это чувство наивно выражено въ безграмотномъ донесеніи одного изъ провинціальныхъ агенто́въ, извлеченномъ изъ архива: „Народъ жалуется, что въ стражѣ осталось еще нѣсколько заговорщиковъ—это мясники и булочники, въ особенности же первые, они—невыносимые аристократы. Они не хотятъ больше продавать мяса, и ужасно видѣть, что они даютъ народу“.

Подъ влияніемъ такого настроенія кличка *аристократа* стала крайне растяжимой. Въ началѣ революціи аристократами называли приверженцевъ *старо́го порядка* и феодальныхъ привилегій. „Теперь,—говоритъ Тэнъ,—аристократомъ сталъ всякій, у кого двѣ пары хорошаго платья, ибо у многихъ только одна пара, и то плохая; аристократъ—тотъ, кто носитъ башмаки безъ заплата, ибо многіе ходятъ въ деревянныхъ лаптяхъ или просто босикомъ. Аристократъ—владѣлецъ дома, получающій плату съ квартиранто́въ; ибо другіе его жильцы, вмѣсто того, чтобы получать доходъ съ дома, платятъ за квартиру. Аристократъ—тотъ жилецъ, у котораго въ квартирѣ своя собственная мебель; ибо многіе живутъ въ меблированныхъ комнатахъ, а иные даже не имѣютъ вовсе пріюта. Аристократъ—всякій, кто владѣетъ какимъ-нибудь имуществомъ, хотя бы самымъ незначительнымъ, въ деньгахъ или въ натурѣ, т.-е. имѣетъ свое поле или свою кровлю; у кого столовый серебряный сервизъ на полдюжину чело́вѣкъ, подаренный ему родителями въ день свадьбы; у кого въ старомъ чулѣ накопились одинъ за другимъ два или три десятка пятифранковыхъ—весь итогъ его сбереженій; аристократъ—всякій, у кого есть

какой-нибудь скудный запас съѣстныхъ припасовъ или товара, хлѣбъ, убранный съ его поля, колониальный товаръ для мелочной торговли, особенно если онъ неохотно съ нимъ расстаётся, и обнаруживаетъ неудовольствіе, когда бываетъ принужденъ отдавать за полцѣны или даромъ свое достояніе вслѣдствіе революціонной таксы, или реквизиціи, максимума, или конфискаціи драгоценныхъ металловъ“.

Съ другой стороны, все болѣе суживается понятіе *патріота*, которое съ самаго начала революціи противопоставляли *аристократамъ*. Теперь, — въ сущности только тотъ считается патріотомъ, у кого ничего нѣтъ за душою, и кто живетъ со дня на день — нищій, бродяга и живущій впроголодь бѣднякъ, ибо самый скромный труженникъ, самый малограмотный рабочій считается преступникомъ и врагомъ, если можно заподозрить, что у него что-нибудь отложено въ сторону; сколько бы онъ ни показывалъ свои надтреснутыя и моволистыя руки, онъ не обезпеченъ ни отъ грабежа, ни отъ ареста и гильотины“.

Вслѣдствіе такого оборота дѣла, жертвою террора не только становятся люди изъ простаго народа, но ихъ число превышаетъ количество жертвъ изъ высшаго и средняго класса, вмѣстѣ взятыхъ. Тэнъ сообщаетъ въ подтвержденіе этого много фактовъ изъ провинціальной исторіи и приводитъ общій расчетъ: въ числѣ 12.000 осужденныхъ на казнь, званіе которыхъ удалось опредѣлить, оказалось 7.545 крестьянъ, батраковъ, рабочихъ разныхъ промысловъ, содержателей харчевенъ, солдатъ, матросовъ, мужской прислуги, дочерей и женъ ремесленниковъ, служанокъ и швей.

Въ массѣ простаго народа особенно подвергались гоненію самые солидные и добродѣтельные его элементы — „ветераны труда и бережливости“, фермеры, державшіе одну и ту же аренду въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, ремесленники и торговцы съ хорошимъ обзаведеніемъ и прочной репутаціей. Они сумѣли составить себѣ порядочную домашнюю обстановку — значить, нарушили принципъ равенства. Обладая кое-какими деньгами и домашнею рухлядью, они неохотно расстаются съ ними — слѣдовательно, они эгоисты. Будучи эгоистами, они, нужно полагать, враждебны принципу братства и равнодушны къ республикѣ, а это преступный *модерантизмъ*. Они — первые въ своемъ классѣ, у нихъ есть гордость, какъ у дворянъ и у буржуазіи, и они ставятъ себя выше бѣдняка, бродяги, чистаго санюлота — это четвертое преступленіе и самое непрощительное изъ всѣхъ. Такимъ образомъ, по заключенію Тэна, якобинская революція въ своемъ гоненіи, направленномъ противъ лицъ изъ простаго на-

рода, свирѣпствуетъ самымъ жестокимъ образомъ противъ *низшей аристократіи*, противъ людей наиболѣе способныхъ въ ручному труду или въ руководствѣ имъ, противъ труженниковъ наиболѣе почтенныхъ своимъ усердіемъ, своею бережливостію и добрыми нравами“, т.-е. въ этомъ случаѣ, какъ и вообще, жертвою революціи становятся самыя *лучшіе люди* въ народѣ.

Приниженіе культурнаго и нравственнаго уровня подѣ уравнительнымъ гнетомъ якобинства имѣло еще одинъ источникъ—озлобленіе противъ образованія и вообще всякаго отличія въ воспитаніи. Не говоря о томъ, что эмиграція, изгнаніе и ссылка преимущественно коснулись образованныхъ классовъ,—эти же классы сравнительно по своей численности наиболѣе страдали отъ гильотины и тюрьмы. „Во всякомъ порядочномъ обществѣ,—пишетъ одинъ голландецъ, посѣтившій Францію тотчасъ послѣ террора,—можно быть увѣреннымъ, что половина присутствовавшихъ лицъ сидѣла въ тюрьмѣ. А тѣ, которые не побывали въ тюрьмѣ,—прибавляетъ Тэнъ,—предвкусили ея ужасъ.—Что было всего хуже во время Робеспьера, какъ говорили мнѣ старики, это то, что утромъ никто не могъ быть увѣренъ, придется ли ему вечеромъ лечь въ свою постель“. Стоить только просмотрѣть списки заподозрѣнныхъ, арестованныхъ или казненныхъ въ какомъ-нибудь городѣ или департаментѣ, чтобы тотчасъ убѣдиться, что самое образованіе навлекало на себя подозрѣніе. Администраторы Страсбурга пишутъ, что у нихъ считаютъ одинаково виновнымъ того, кто богатъ, и того, кто образованъ; якобинскій муниципалитетъ Страсбурга призналъ цѣлый университетъ виновнымъ въ федерализмѣ (т.-е. въ измѣнѣ отечеству); онъ предалъ гоненію все общественное воспитаніе, и потому приказалъ арестовать профессоровъ, директоровъ, учителей и всѣхъ воспитателей какъ общественныхъ, такъ и частныхъ школъ, даже тѣхъ, которые были снабжены удостовѣреніемъ въ „дивизмѣ“. Въ Парижѣ, извѣстный химикъ Фуркруа, хотя истый республиканецъ, былъ принужденъ оправдываться въ якобинскомъ клубѣ въ своихъ занятіяхъ наукой и защищаться тѣмъ, что онъ бѣденъ, живетъ своимъ трудомъ и „кормитъ отца-санюлола и сестеръ санюлоловъ“. Мѣсяцъ спустя послѣ 9-го термидора, онъ жалуется, что всѣ просвѣщенные люди подверглись гоневіямъ; что достаточно было имѣть какія-нибудь свѣденія, быть литераторомъ, чтобы попасть подѣ арестъ какъ аристократъ; что при Робеспьерѣ люди науки становились жертвами клеветы и преслѣдованія за независимость духа; просвѣщеніе было парализовано, и шла рѣчь о сожженіи библиотекъ. А въ Нантѣ Каррье хвастался тѣмъ, что

„разогналъ литературныя общества“, и въ своемъ перечисленіи „злосамбренныхъ“ онъ къ купцамъ и богачамъ присоединялъ „умниковъ“ (*les gens d'esprit*). Иногда, прибавляеть Тэнъ, въ тюремныхъ спискахъ находишь помѣтку, что такой-то арестованъ „за то, что уменъ и имѣеть возможность вредить“; такой-то — „за то, что сказалъ членамъ муниципалитета: здравствуйте, *господа* (*Messieurs*)“. Это потому, что вѣжливость, какъ и другіе признаки хорошаго воспитанія, сдѣлалась клеймомъ: умѣнье порядочно вести себя разсматривается не только какъ остатокъ *старо* порядка, но какъ оппозиція противъ новыхъ учреждений; бунтовщикомъ считался всякій, кто избѣгалъ грубой фамильярности, бранныхъ словъ, циническихъ выраженій, употребляемыхъ рабочими и солдатами; въ рядъ аристократовъ зачислялся всякій, кто не подражалъ въ своихъ нравахъ, въ манерѣ, въ тонѣ и платьѣ — санюлотамъ и пролетаріямъ.

На основаніи данныхъ, здѣсь только отчасти изложенныхъ, Тэнъ пришелъ къ слѣдующему общему заключенію о значеніи господства якобинцевъ: онъ видитъ въ немъ не простое торжество одной политической партіи надъ другими, болѣе или менѣе съ ней сходными, но владычество, которое дало возможность безусловно худшимъ элементамъ общества господствовать надъ лучшими: „съ одной стороны, — говоритъ онъ, — внѣ общаго права, въ изгнаніи, въ тюрьмѣ, подъ угрозой пикъ, на эшафотѣ — лучшіе люди Франціи, почти все, что выдается происхожденіемъ, общественнымъ положеніемъ, имуществомъ, заслугами, корифеи ума, образованія, таланта и добродѣтели; а съ другой стороны, *надъ* уровнемъ общаго права, въ почестяхъ и всемогуществѣ, въ безответственной диктатурѣ, въ положеніи произвольно распоряжавшихся жизнью проконсуловъ и верховныхъ судей — отребье всѣхъ общественныхъ классовъ, самообольщенные удачниками шарлатанства, насилія и преступленія“... „Иногда, — замѣчаетъ Тэнъ, — вслѣдствіе случайнаго подбора лицъ, контрастъ между правителями и управляемыми выступаетъ въ такомъ сильномъ рельефѣ, какъ будто бы онъ нарочно подстроенъ и обдуманно рассчитанъ; чтобы воспроизвести этотъ контрастъ, нужны были бы не слова, а реальныя краски и взмахи кисти живописца“. Однако, книга самого Тэна изобилуетъ сценами и картинами контраста, по силѣ впечатлѣнія, но менѣе краснорѣчивыми, чѣмъ любая историческая живопись.

Такъ онъ, напр., изображаетъ намъ обитателей Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, скученныхъ въ тюрьмѣ, а рядомъ съ ними ихъ мучителей, членовъ мѣстнаго революціоннаго комитета изъ ку-

черовъ, лавеевъ, разнаго рода дѣльцовъ, злостнаго банкрота и составителей подложныхъ векселей съ документальнымъ удостовѣреніемъ личности каждаго. На другомъ концѣ Парижа, Тэнъ указываетъ намъ молодого дофина, способнаго и рано развившагося ребенка, котораго 19 французовъ изъ 20 признали бы своимъ королемъ, еслибы были свободны, и вмѣстѣ съ нимъ его пьянаго воспитателя и палача—башмачника Симона. Въ другой сценѣ мы видимъ предъ собою цѣть парижской магистратуры и ея судью, безграмотнаго столяра Треншара; или—великаго изобрѣтателя Лапуазе и его земляка и судью Коффенгала, отказывающаго ему въ отсрочкѣ казни для приведенія къ концу начатаго химическаго опыта—со словами: „республика не нуждается въ ученыхъ“; или же, наконецъ—самаго задушевнаго изъ лирическихъ поэтовъ Франціи, Андре Шенье, среди толпы безграмотныхъ составителей протокола, обрекающаго его на галютину. „Прочтите этотъ протоколъ,—заключаетъ Тэнъ,—если вы хотите видѣть геніальнаго человѣка, брошеннаго на растерзаніе животнымъ, свирѣпымъ, злымъ и хищнымъ, которые ничего не слушаютъ, ничего не смыслятъ, не понимаютъ даже обыкновенныхъ словъ“.

И всѣ эти сцены ужаса и возмутительнаго насилія не являются у Тэна ни случайностью, ни неизбѣжнымъ проявленіемъ исключительнаго положенія дѣлъ, какъ представляли терроръ апологеты якобинства; исторія якобинцевъ у Тэна имѣетъ цѣлью доказать, что созданное торжествомъ якобинства положеніе не было временнымъ или переходнымъ зломъ; что программа якобинцевъ клонилась къ тому, чтобы увѣковѣчить это зло, *отъ конца* разорить и развратить общество, *навсегда* обезпечить въ немъ владычество дикихъ и хищныхъ элементовъ надъ трудящимися и создающими; доказать, что якобинство, осуждая въ принципѣ основанное на собственности народное благосостояніе и образованіе и подрывая въ самомъ корнѣ условія цивилизаціи и прогресса, сдѣлалось развѣдающимъ и тлетворнымъ паразитомъ въ организмѣ Франціи.

Излагая на предшествовавшихъ страницахъ главные результаты изслѣдованій Тэна въ исторіи якобинцевъ, мы преимущественно выставляли на видъ новое освѣщеніе, въ которомъ онъ представлялъ свой предметъ, и новые взгляды, которые онъ внесъ въ оцѣнку исторической роли якобинцевъ.

Намъ остается закончить нашу задачу нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями. Взглядъ Тэна на историческія явленія составляетъ лишь часть общей и цѣльной системы міровоззрѣнія,

которую онъ подробно установилъ и мотивировалъ, прежде чѣмъ приступилъ къ своему многолѣтнему труду: „О возникновеніи современной Франціи“. Эту свою систему Тэнъ раньше того послѣдовательно и плодотворно приложилъ къ философской, литературной и эстетической критикѣ, которой были посвящены его первые труды. Остался ли Тэнъ вѣренъ въ исторіи якобинцевъ тому направленію, которое такъ тѣсно связано съ его первоначальной дѣятельностью и славой? если же отступилъ, то въ чемъ именно и чѣмъ объясняются эти отступленія?

Исходной точкой молодого Тэна было стремленіе къ безусловной *научности* во всѣхъ сферахъ человѣческихъ изысканій, въ особенности въ области тѣхъ, которымъ онъ самъ сначала предался—въ философіи и въ области литературной и эстетической критики. Эта научность должна была проявляться въ томъ, чтобы замѣнить прежнюю разсудочную аргументацію и патетическое, ораторское восхваленіе отвлеченно установленныхъ идеаловъ—наблюденіемъ надъ фактами и установленіемъ законовъ. При такой точкѣ зрѣнія, природа должна была сдѣлаться великой учительницей въ области духовныхъ наукъ; а научность въ послѣднихъ сводилась къ примѣненію къ нимъ естественно-научнаго способа изслѣдованія. Тэнъ прямо заявилъ, что его методъ заключается въ томъ, чтобы слѣдовать путемъ великаго движенія, которое приближаетъ нравственныя науки къ естественнымъ. Онъ хотѣлъ быть *натуралистомъ* въ изученіи и въ оцѣнкѣ художественныхъ и нравственныхъ явленій. Быть здѣсь натуралистомъ значило смотрѣть на всѣ дѣйствія и произведенія человѣка какъ на *факты*, опредѣлять ихъ отличительныя свойства, разыскивать ихъ причины и законы—и болѣе ничего. Это „rien de plus“ значило не выходить изъ сферы установленія фактовъ и законовъ, не *предписывать* принциповъ (ne pas imposer de préceptes), руководиться исключительно научнымъ интересомъ, который не знаетъ ни осужденія, ни прощенія (la science ni proscrit, ni pardonne).

На всѣ лады, съ необыкновеннымъ разнообразіемъ и мѣткостью выраженій и съ большею смѣлостью и послѣдовательностью мысли, не боявшейся даже парадокса, Тэнъ проводилъ и примѣнялъ повсюду свою *исподствовавшую идею* (idée-maitresse). Всѣ самыя различныя проявленія человѣческаго духа, художественныя типы и произведенія, различныя направленія литературнаго творчества, нравственныя свойства и добродѣтели—все это обуславливалось для него точными данными (des conditions précises) и прочными законами. Добродѣтель и порокъ станови-

лись для него такими же естественными продуктами, какъ сахаръ и вупорось. Литературный критикъ, эстетикъ и моралистъ были для него не чѣмъ инымъ какъ ботаниками, герборизующими каждый въ своей области и безстрастно размѣщающими найденные ими экземпляры по полкамъ музея, — ибо произведенія человѣческаго духа (*esprit*), также какъ и живой природы (*de la nature vivante*), объясняются лишь средой, въ которой они произросли.

Такое же отношеніе становилось, конечно, обязательнымъ и для историка, ибо „исторія человѣчества не что иное какъ продолженіе естественной исторіи“. Изучать исторію на подобіе натуралиста (*étudier en naturaliste*) значило завершать изслѣдованіе не *одою*, а научнымъ закономъ.

Какова же судьба этой теоріи въ исторіи якобинцевъ и въ чѣмъ обнаруживается ея вліяніе? Отвѣтимъ сначала на второй вопросъ. Самое оригинальное нововведеніе Тэна въ области литературной и художественной критики—это его ученіе о „господствующемъ свойствѣ“. Въ этомъ ученіи наглядно проявляется его стремленіе поставить изученіе человѣческихъ характеровъ и типовъ, а также произведеній человѣческаго творчества, на твердую научную почву и притомъ найти опору для этого изученія въ естественныхъ наукахъ. Ибо и въ природѣ „господствующее свойство“ играетъ преобладающую роль. Оно лежитъ въ основаніи всякаго естественно-научнаго типа, и имъ обуславливается возможность всякой классификаціи. Эта теорія Тэна проявилась уже въ одномъ изъ первыхъ его произведеній, въ изслѣдованіи о Титѣ Ливіѣ, и получила тамъ одно изъ самыхъ наглядныхъ и убѣдительныхъ примѣненій. Изъ *ораторскаго* таланта, воспитанія и призванія Ливія Тэнъ, какъ изъ общаго источника, выводилъ всѣ ученые приемы, философскія воззрѣнія и всѣ особенности художественнаго творчества и самаго языка римскаго историка.

На значеніи господствующаго свойства построена и эстетическая теорія Тэна. Въ виду научной важности господствующаго свойства, цѣль всякаго искусства—изображающаго и повѣствующаго—заключается въ томъ, чтобы *обнаружить, прояснить* (*manifeste*) въ изображаемомъ предметѣ его существенное свойство. Тэнъ даже опредѣляетъ самое искусство—способностью отмѣтить (*apercevoir*) и выразить господствующій характеръ или черту въ изображаемомъ предметѣ. Согласно съ этимъ Тэнъ признаетъ, что основное свойство художника—*ce qui fait l'artiste*—есть именно навыкъ извлекать (*dégager*) изъ явленій (*des objets*) существенное свойство.

Какъ же достигается эта цѣль? Все искусство заключается въ томъ, чтобы проявлять посредствомъ концентрации (*manifeste en concentrant*), т. е. въ томъ, чтобы свести, какъ это сдѣлалъ Тэнъ съ такимъ успѣхомъ въ книгѣ о Ливіѣ, всѣ свойства и особенности предмета къ господствующему въ немъ свойству. Искусство въ этомъ отношеніи должно идти какъ бы *дальше* самой природы, или дѣйствительности. Господствующее свойство предмета должно въ его художественномъ изображеніи становиться насколько возможно преобладающимъ — *aussi dominateur que possible*.

Но это невозможно, какъ и самъ Тэнъ признаетъ, безъ нѣкотораго *преувеличенія*: ибо задача въ томъ, чтобы въ художественномъ творчествѣ дать полное господство (*rendre dominateur*) тому, чтò въ природѣ лишь преобладаетъ (*n'est que dominant*). Тэнъ выясняетъ эту свою мысль посредствомъ анализа творчества Рубенса, въ изображеніи кермеса (приходскаго праздника). Чтобы доставить преобладаніе идеи, которую Рубенсъ хочетъ изобразить какъ можно нагляднѣе (*aussi visible qu'il se peut*), художникъ, наблюдая за веселой толпой на приходскомъ празднествѣ, дѣлалъ подборъ образовъ, отбрасывая одни (*élague*), другіе подправляя (*corrige*) и пересоздавая (*refait*). Такой работѣ содѣйствуетъ основное свойство всякаго художника, живое, непосредственное ощущеніе того господствующаго типа, который въ дѣйствительности встрѣчается лишь въ болѣе блѣдныхъ, неполныхъ экземплярахъ, и характерныя черты котораго разбросаны и раздѣлены между нѣсколькими индивидуумами.

Не даромъ Тэнъ выбралъ Рубенса представителемъ своей теоріи художественнаго творчества. Какъ часто исторія якобинцевъ изображаетъ намъ сцены, напоминающія по роду и силѣ впечатлѣнія самыя яркія вакханаліи фламандскаго живописца. Можно думать, что самая теорія художественнаго творчества сложилась у Тэна подъ вліяніемъ инстинктивнаго сознанія его собственнаго таланта и способа творчества. Исторія якобинцевъ есть непосредственный плодъ этой теоріи и самое блестящее примѣненіе ея къ исторіи.

Оба тома ея не чтò иное какъ изображеніе „господствующаго типа“ (*le personnage régnant*) эпохи, въ которой „существенныя черты“ доведены до исключительнаго преобладанія. На протяженіи восьми лѣтъ, которыя обнимаютъ эти два тома, мы видѣли предъ собою лишь свирѣпствующаго якобинца и его жертву, изображенную во всѣхъ видахъ и на всѣ лады.

Но въ своей эстетикѣ Тэнъ не остановился на почвѣ чистаго

натурализма; онъ сдѣлалъ также попытку классификаціи литературныхъ и художественныхъ произведеній — по степени ихъ *до-стоинствъ*. Значеніе ихъ обусловливается для него прежде всего степенью важности типа, воспроизведеннаго въ драмѣ, романѣ, картинѣ. „По мѣрѣ того, — говоритъ Тэнъ, — какъ характеръ, выставленный (*mis en relief*) книгою, болѣе или менѣе важенъ (*important*), эта книга болѣе или менѣе обладаетъ художественной красотой (*est plus ou moins beau*)“.

Но, въ силу тѣснаго родства (*de la parenté*) искусства и морали, къ первому условію присоединяется другое — степень благотворности (*bienfaisance*), или, наоборотъ, зловредности типа, господствующаго въ своей средѣ и въ свою эпоху.

Третье условіе художественнаго значенія книги, это — то, что Тэнъ называетъ *la convergence des effets* — умѣнье художника соединить всѣ средства для достиженія общей цѣли.

Если мы припомнимъ эту теорію, для насъ станетъ очевиднымъ, до какой степени исторія якобинцевъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія успѣха, намѣченныя Тэномъ въ его эстетической теоріи. Герой этой исторіи — самый выдающійся и преобладающій типъ эпохи — это самый злокачественный и зловредный типъ, и все въ этой книгѣ содѣйствуетъ концентраціи эффекта.

Такимъ образомъ, „преувеличеніе“, „художественное преувеличеніе“, вытекаетъ изъ самой теоріи творчества, которой держится Тэнъ. Это не есть то заурядное преувеличеніе, которое бываетъ слѣдствіемъ невѣрныхъ или искаженныхъ фактовъ и дутыхъ, не соответствующихъ дѣйствительности фразъ. Это есть преувеличеніе художника, который схватываетъ существующіе въ дѣйствительности элементы и черты, изолируетъ ихъ и соединяетъ ихъ въ цѣльный образъ, воплощающій въ себѣ эту дѣйствительность и дѣлающій ее наглядною и понятною для зрителя. Художественное преувеличеніе происходитъ впрочемъ у Тэна не изъ одной теоріи творчества, которой онъ болѣе или менѣе сознательно руководился. Оно происходитъ также отъ преобладающаго въ немъ интереса. Таковымъ является у него интересъ психологическій. Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ о другихъ историкахъ Тэнъ равно указывалъ на необходимость дать психологіи болѣе широкое мѣсто въ историческихъ объясненіяхъ и изображеніяхъ. Насколько въ немъ самомъ былъ силенъ интересъ къ психологіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ его спеціальное изслѣдованіе по этому предмету. Въ исторіи якобинцевъ этотъ интересъ нашелъ себѣ обширное и, можно сказать, слишкомъ широкое примѣненіе.

Возникновеніе господствующаго типа эпохи — якобинца — у Тэна

объяснено главнымъ образомъ психологически. Два весьма распространенныхъ среди людей и въ особенности между французами свойства—самолюбивое тщеславіе и догматизмъ—вотъ тѣ двѣ нити, которыя соткали основу якобинства. Наступившія съ переворотомъ 1789 года обстоятельства дали возможность психическимъ элементамъ якобинства сложиться или кристаллизоваться въ прочный типъ. Въ объясненіе самой дѣятельности якобинцевъ Тэнъ прибѣгаетъ къ теоріямъ XVIII вѣка, въ особенности къ теоріи Руссо. Якобинцы не что иное какъ его подражатели, исполнители его книжныхъ предписаній. И тутъ опять преобладаетъ психологическое объясненіе предмета. Тэнъ упускаетъ изъ вида, что сила самой „теоріи“ часто вытекаетъ лишь изъ практическихъ потребностей и служитъ средствомъ къ ихъ удовлетворенію. Товилль мѣтко выразилъ эту мысль въ своихъ недавно вышедшихъ мемуарахъ по поводу событій 1848 года: „Такъ какъ французы въ своихъ политическихъ страстяхъ такіе же охотники разсуждать, какъ они склонны къ безразсуднымъ дѣйствіямъ (sont aussi raisonneurs qu'ils sont déraisonnables), народныя сборища непрерывно занимались фабрикаціей теоріи, для того, чтобы съ ихъ помощью потомъ оправдывать свои насильственные дѣйствія“. Объясняя возникновеніе якобинцевъ сложнымъ психологическимъ анализомъ, Тэнъ слишкомъ изолируетъ ихъ отъ массы современнаго имъ и окружавшаго насъ французскаго народа. Ему слѣдовало бы примѣнить къ нимъ, какъ къ представителямъ господствовавшаго типа, то, что онъ такъ вѣрно сказалъ относительно „величайшихъ художниковъ“,—что эти люди обладали въ высшей степени способностями, чувствами и страстями той публики, которая ихъ окружала. Свойства и страсти, которыя составляли силу якобинцевъ, несомнѣнно связывали ихъ, по крайней мѣрѣ временно, съ массой народа и обуславливали ихъ современное значеніе. Слишкомъ занятый психологическимъ объясненіемъ якобинцевъ, Тэнъ до извѣстной степени нарушилъ то, что онъ самъ называетъ „общимъ правиломъ“, и формулировалъ въ словахъ: „чтобы распознать господствующій типъ (démêler le caractère le plus important), необходимо его изучать съ его зарожденія“. Въ примѣненіи къ якобинцамъ это значило указать не одни только психологическіе корни ихъ, а ихъ историческое происхожденіе, корни, связывавшіе ихъ съ отдаленнымъ прошедшимъ.

Слѣпая страсть, которою руководились якобинцы въ своей политической дѣятельности, въ сущности—тотъ самый истинный, который сплотилъ французское *государство*. Якобинцы—потомки и непосредственные преемники тѣхъ государственныхъ „плотниковъ“,

которые своей вѣковой работою состроили подножіе величія Людовика XIV. У нихъ тѣ же „инструменты“, тѣ же приемы, тотъ же умственный и нравственный *складъ* и вслѣдствіе того то же самое неуваженіе къ личности и къ *праву*, то же самое пренебреженіе къ правамъ и собственности отдѣльныхъ лицъ, корпорацій, общинъ и областей, наконецъ, то же самое равнодушіе къ жизни своихъ противниковъ,—съ той разницей, что плотники *старою порядкомъ* работали отъ хозяина и на хозяина, строили государственное зданіе для короля, а якобинцы работали на *свою артель, за свой счетъ*. Тѣмъ самъ, съ обычнымъ своимъ мастерствомъ, изобразилъ способъ работы строителей стараго государственнаго зданія въ своей книгѣ о Наполеонѣ, государственную организацію котораго онъ совершенно вѣрно представилъ завершеніемъ вѣкового государственнаго строенія Франціи. Изобразивъ юридическія и нравственныя основанія королевской власти въ старой монархіи—феодалный принципъ, т.-е. смѣшеніе поземельной собственности съ властью,—церковное помазаніе, придававшее королю священныи характеръ, и теорію юстиніанова кодекса, представлявшаго короля преемникомъ римскихъ цезарей, Тѣмъ продолжаетъ: „На этой тройной канвѣ, начиная съ Филиппа Красиваго, легисты, эти государственные пауки, соткали свою паутину и въ истиннѣйшемъ согласіи своихъ преемственныхъ усилій привѣрзли всѣ нити этой паутины къ идеѣ всемогущества короля. Будучи юристами, т.-е. логиками, они обладали потребностью „дедукціи“, и потому всегда и сами собою вѣбировались къ единственному и суровому принципу, на который они могли нацѣлнить свои разсужденія. Будучи по ремеслу стряпчими и совѣтниками казны, они усвоили себѣ интересъ своего кліента и по профессиональному усердію натягивали въ его пользу прецеденты и тексты закона. Въ качествѣ администраторовъ и судей они видѣли въ возвеличеніи своего господина свое собственное величіе и личный интересъ побуждалъ ихъ расширять королевскую „прерогативу“, въ которой они, какъ уполномоченные, имѣли свою долю власти. Вотъ почему они въ четыре вѣка соткали ту обширную сѣть, которая съ Людовика XIV заплотонила всѣ жизни“.

Якобинцы по инстинкту и убѣжденію,—т.-е. истые якобинцы, помимо той сволочи, применившей къ нимъ, какъ къ силѣ,—были изъ породы тѣхъ же государственныхъ пауковъ, которые по природѣ склонны высасывать жизнь страны для сосредоточенія ея въ государство. Но по измѣнившимся обстоятельствамъ самое „государство“ представлялось имъ иначе, чѣмъ ихъ предшественникамъ. Въ противоположность тремъ традиціоннымъ принципамъ,

лежавшимъ въ основаніи монархической власти, — феодальному, церковному и цезаріанскому, — „стала назрѣвать *четвертый* принципъ, знакомый уже среднимъ вѣкамъ, но въ особенности оцрѣпшій въ XVIII вѣкѣ—принципъ *народовластія*.

И этотъ принципъ коренился въ римскомъ правѣ и послужилъ въ немъ опорой императорской власти. Поэтому королевскимъ легистамъ возможно было воспользоваться имъ также и въ интересахъ власти французскаго монарха и перенести ея центр тяжести съ феодальнаго, аристократическаго основанія—на демократическое. Но завязшій въ историческомъ преданіи французскій легитимизмъ чуждался этого революціоннаго начала, которое могло бы служить источникомъ обновленія для монархіи и орудіемъ для завершенія государственной централизаціи. Якобинцы подняли этотъ влчавшійся по землѣ принципъ и съ помощью его достигли большаго, чѣмъ всѣ легисты отъ времени Филиппа Красиваго до Людовика XVI, чѣмъ Рипелье и всѣ королевскіе интенданты!

Но не для народа работали якобинцы, не для того, чтобы ему вручить власть. Отъ *его имени*, но не въ его пользу, они поширили право и собственность, конфисковали и казнили. Вмѣстѣ съ собственностью церкви и эмигрантовъ, якобинцы, какъ извѣстно, отобрали въ государственную казну и всѣ общественныя и общинныя имущества, капиталы и недвижимости всѣхъ больницъ и богаделенъ. Изъ принципа народовластія якобинцы сумѣли извлечь новыя тягости для всего народа, и прежде всего самую тяжелую изъ всѣхъ—ту, которую не дерзала ввести вѣковая монархія,—повинность всеобщей *военной службы*. Любопытно, что въ первые же мѣсяцы революціи, еще до возникновенія якобинской партіи, одинъ изъ будущихъ якобинцевъ, Дюбуа Крани—аристократъ и офицеръ—сдѣлалъ этотъ выводъ, и провозгласилъ принципъ, что „всякій гражданинъ сдѣлается теперь солдатомъ конституціи. Всякій гражданинъ долженъ быть солдатомъ, а всякій солдатъ гражданиномъ“ ¹⁾. Во имя народовластія якобинцы высосали изъ французскаго народа въ десять лѣтъ, можетъ быть, больше силъ и жизней, чѣмъ ихъ предшественники легисты въ четыре вѣка. Однимъ словомъ, принципъ народовластія былъ для

¹⁾ На тѣсную связь между принципомъ „всеобщаго голосованія“ и „всеобщаго ослоченія“ и роль якобинцевъ въ проведеніи этого принципа во Франціи указалъ Тэнъ въ книгѣ о Наполеонѣ (стр. 288). Старая монархія не знала идеи всенародной военной службы, и примѣняла принципъ набора лишь по отношенію къ милиціи, противоположной арміи, и то допускала при этомъ всевозможныя льготы и дозволяла члнамъ городамъ откупаться. Дѣйствующая же армія была вся наवरбована.

якобинцевъ тѣмъ самымъ, чѣмъ были идеи королевской власти для легистовъ и интендантовъ — знаменемъ, предлогомъ и средствомъ для установленія всемогущества и абсолютизма государства и всепоглощающей централизаціи всѣхъ жизненныхъ силъ народа и всѣхъ отправленій общества въ рукахъ правительства. Оттого между служителями стараго начала и новаго начала — монархической и демократической централизаціи — было такъ много духовнаго родства и исторической преемственности. Оттого такъ много „легистовъ“ старой монархіи, такъ быстро, съ самаго начала революціи, превратились въ якобинцевъ, и оттого же такъ много якобинцевъ и столь же быстро превратилось — при наступленіи владычества Наполеона — въ императорскихъ чиновниковъ и сановниковъ; въ ихъ числѣ однихъ „режисидовъ“, т.-е. якобинцевъ, подавшихъ голосъ за казнь короля „для уничтоженія тиранніи“, можно насчитать 131.

Вслѣдствіе этого духовнаго родства якобинцевъ съ строителями государства, въ прежнія эпохи ихъ кратковременное владычество представляетъ намъ такъ много *аналогій* съ правительствомъ „старою порядкомъ“, какъ въ общемъ направленіи и въ цѣляхъ правительственной дѣятельности, такъ и въ способахъ дѣйствія, т.-е. въ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ. Особенно бросается въ глаза аналогія между якобинцами и правительствомъ Людовика XIV, въ отношеніяхъ обоимъ правительствамъ въ „эмигрантамъ“ и въ „бѣглецамъ“ (*réfugiés*), т.-е. гугенотамъ. Эта „аналогія“ доходитъ до мелочей, но въ данномъ случаѣ недостаточно говорить объ „аналогіи“ — здѣсь существуетъ прямая преемственность декретовъ, юридической традиціи и бюрократической школы. „Мѣры, принятія конвентомъ противъ эмигрантовъ и ихъ сообщниковъ, голосовались изо дня въ день подъ давленіемъ обстоятельствъ; между тѣмъ эти мѣры представляютъ собою въ цѣломъ, полную систему. Постановленныя собраніемъ впопыхахъ, подъ вліяніемъ гнѣва, онѣ однако имѣютъ видъ какъ будто разработаны съ тщательнымъ усердіемъ прокурорскаго кабинета. Онѣ являются безсвязными въ мотивахъ, но стройно законченными въ своихъ послѣдствіяхъ. Этотъ наглядный контрастъ объясняется двойнымъ происхожденіемъ этихъ законовъ: конвентъ декретируетъ мѣры и ведетъ ими политическую и соціальную войну; легисты комитетовъ формулируютъ параграфы декретовъ и служатъ службу фискальныхъ прокуроровъ и процессуалистовъ. Они въ этомъ свѣдущіе люди. Они упражнялись на этомъ поприщѣ въ своихъ провинціяхъ, распутывая невылазную сѣть процессовъ, вызванныхъ отмѣною нантскаго эдикта“...

„Опытъ массовой проскрипціи цѣлаго класса гражданъ и конфискаціи имущества цѣлаго класса собственниковъ среди очень развитой цивилизаци и очень сложнаго законодательства былъ сдѣланъ при Людовикѣ XIV. Всѣ послѣдствія гражданской смерти, всѣ отношенія, могущія неожиданно возникнуть между изгнанниками и ихъ родственниками, оставшимися въ отечествѣ, всѣ вопросы объ откывшемся наслѣдствѣ и объ опекаѣ, о законности брака, о севестрѣ спорнаго имущества, о преимуществѣ однихъ долговыхъ обязательствъ и вкладныхъ предъ другими, о средствахъ предотвратить мнимыя продажи, о преслѣдованіи подставныхъ лицъ,—все это было предусмотрено; нѣтъ ни одного отношенія сюда случая, который бы не возникалъ въ теченіе столѣтія, прошедшаго съ 1685 года, и не былъ бы разрѣшенъ королевской юриспруденціей. Въ рукахъ у легистовъ конвента находился *сводъ* (реперторіи) этой юриспруденціи, и они черпали изъ нея полными горстями“; главный изъ этихъ легистовъ конвента, Мерленъ, изъ Дуэ, напр., состоялъ уже 14 лѣтъ сотрудникомъ „Юридическаго Словаря“ Гю, вмѣстившаго въ себя все законодательное наслѣдіе „старога порядка“, а законодательный комитетъ конвента весь состоялъ изъ „единомышленниковъ“ (émules) Мерлена ¹⁾. Если юристы конвента являютъ собою законовѣдовъ „старога порядка“, то комиссары конвента—преемники и соревнователи интендантовъ „великаго короля“. Послѣдуемъ за этими комиссарами, напр., въ завоеванную Бельгію, куда они отправлены, чтобы внушить жителямъ французскій патриотизмъ. Бельгіяцы поняли буквально прокламацію французскаго генерала; убѣжденные, что французы пришли освободить ихъ отъ деспотизма австрійскихъ чиновниковъ, они намѣреваются воспользоваться этой свободою въ своихъ политическихъ собраніяхъ. Поэтому въ этихъ собраніяхъ господствуетъ самый „неблагонамѣренный“ духъ съ точки зрѣнія побѣдителей, и чтобы справиться съ нимъ, французскіе комиссары прибѣгаютъ къ помощи „драгуновъ республики“, совершая „обращеніе“ по образцу „драгоннадъ“ времени Людовика XIV.

Проникаясь духомъ королевскихъ интендантовъ, комиссары конвента принимаютъ и тонъ послѣднихъ по отношенію къ своему государю. По одному изъ жизненныхъ—для „дружеской“ батавской республики—вопросовъ, французскій комиссаръ пишетъ комитету общественнаго спасенія: „Вамъ однимъ надлежитъ рѣшать это важное дѣло; вы одни въ состояніи взглянуть на него

¹⁾ A. Sorel, L'Europe et la Rév., t. III, p. 184.

съ настоящей точки зрѣнія. Здѣсь оно по неволѣ принимаетъ мѣстный отбѣнокъ¹⁾.

Преемственность традиціи у якобинцевъ, непосредственная связь между абсолютизмомъ короля и абсолютной властью представителей „націи“, въ особенности ярко проявились въ области „иностранной политики“. Эта преемственная связь проходитъ красною нитью черезъ книгу Сореля, крупная заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ прослѣдилъ въ области дипломатіи и войны высказанную впервые Токвиллемъ идею, что революція явилась продолжательницею „старого порядка“. Въ изслѣдованной Сорелемъ области мы на каждомъ шагѣ наталкиваемся на отмѣченный авторомъ аналогіи и точки соприкосновенія между старымъ порядкомъ и новымъ. Дипломатія революціонной Франціи идетъ по стопамъ королевской: она усваиваетъ себѣ идею наследственнаго соперничества династій Бурбоновъ и Габсбурговъ; она принуждаетъ Испанію обратитъ „фамиліальный договоръ“ (*acte de famille*) въ національный; она даже по отношенію къ третьему раздѣлу Польши держится пріемовъ Шуазеля во времена перваго раздѣла. На войнѣ якобинское правительство руководится принципами министровъ Людовика XIV, а именно принципомъ сожженія городовъ и селъ до полнаго разоренія страны. Якобинскій правительственный комитетъ, по отношенію къ Вандеѣ, прямо опирается на этотъ прецедентъ: „Лузуа обвиняется исторіей за то, что сжегъ палатинатъ, и Лузуа подлежитъ осужденію: онъ трудился на пользу деспотизма и жегъ для тирановъ; Вандея—палатинатъ республики, и на этотъ разъ свобода будетъ держать перо исторіи и похвалитъ ваше рѣшеніе, такъ какъ вы были жестоки, чтобы упрочить права человѣка!“

Можно ли нагляднѣе и наивнѣе выразить основной софізмъ якобинскаго правленія — тотъ деспотизмъ, который ищетъ свою санкцію одновременно въ идеѣ свободы народа — и въ преданіяхъ королевскаго абсолютизма и всемогущества государства. Якобинцы — эти перешедшіе на службу въ *народу* бывшіе королевскіе чиновники — не что иное какъ „эманципировавшіеся подданные Людовика XIV, воспитанные въ монархическихъ и католическихъ коллежахъ въ доктринѣ единства и перенесшіе ее живьемъ съ королевской верховной власти на народную“²⁾.

Но, перенося доктрину единства, всемогущества и непогрѣшимости власти съ монархическаго порядка на демократическій

¹⁾ A. Sorel, t. IV, p. 316.

²⁾ Sorel, t. III, p. 75.

и республиканскій, якобинцы возвели ее, такъ сказать, въ квадратъ. Ихъ правительственные органы—комитетъ общественнаго спасенія и конвентъ—примѣшиваютъ къ горделивымъ, барскимъ приѣмамъ стариннаго деспотизма безцеремонность и нахальство революціонной власти.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо взглянуть на ихъ иностранную политику, на цѣли, которыя они преслѣдовали, и на приемы, которые они пускали въ дѣло. Если документальное изображеніе этой политики нужно признать *научною* заслугою Сореля, то можетъ быть еще значительнѣе общественная заслуга Сореля, проявившаяся въ его мѣткой и безпристрастной оцѣнкѣ этой политики. Здѣсь ученый историкъ является предъ нами просвѣщеннымъ патриотомъ и опытнымъ публицистомъ въ вопросѣ особенно трудномъ и щекотливомъ для французскаго патриота. Сорель искусно отличаетъ *два* теченія въ иностранной политикѣ французскаго государства, какъ въ эпоху королей, такъ и во время народовластія: политику тицеславія (*de la magnificence*) и политику реальныхъ интересовъ. Первая носитъ на себѣ какъ бы догматическій характеръ; она ставитъ себѣ цѣлью установленіе „естественныхъ границъ“, но въ сущности это предлогъ и знамя для завоеваній; она не признаетъ ничьихъ правъ, руководясь во всемъ *априорнымъ* правомъ французскаго короля или націи. Естественной границей Франціи признается Рейнъ; это опредѣленіе включаетъ въ себѣ завоеваніе нѣмецкихъ областей на лѣвомъ берегу Рейна, Бельгіи и части Голландіи. Эта политика неизбѣжно вызываетъ коалиціи противъ Франціи, борьбу на жизнь и на смерть съ Англіей, стремленіе къ преобладанію въ Европѣ и наконецъ— крушеніе. Такова была судьба политики Людовика XIV; ее усвоиваютъ себѣ якобинцы. Послѣ кратковременнаго увлеченія идеей войны для *освобожденія* народовъ отъ тирановъ, якобинцы начинаютъ играть роль тирановъ по отношенію къ чужеземнымъ монархамъ и *народамъ*. Современники якобинцевъ быстро усвоили себѣ смыслъ и значеніе ихъ политики. Уже въ 1792 г.—еще до разрыва съ Англіей—одинъ изъ будущихъ государственныхъ людей этой страны, Дженкиссонъ, воскликнулъ въ палатѣ, что „конвентъ стремится къ установленію всемірной республики, на подобіе того какъ Людовикъ XIV—къ всемірной монархіи“. Изъ одинаковыхъ условій произошли одинаковыя послѣдствія, и „англичане возобновили противъ революціонной Франціи ту національную борьбу, которую ихъ предки въ началѣ вѣка вели противъ католической и монархической Франціи Людовика XIV“ (S., III, 322).

Но на этомъ не останавливается аналогія между республи-

канской и монархической политикой *тицеславія*. Если якобинцы въ этомъ отношеніи являются подражателями и продолжателями королевскихъ традицій, то они въ то же время становятся предшественниками императорской или Наполеоновской политики. Въ высшей степени интересно наблюдать какъ съ самаго появленія у власти якобинцевъ, — въ картонахъ дипломатическаго комитета, въ патріотическихъ рѣчахъ Дантона, въ банальной риторикѣ Баррера и, наконецъ, въ инструкціяхъ и нотахъ главнаго дипломата якобинской республики — Сійеса — все яснѣе и опредѣленнѣе обрисовывается съ неумолимой логикой Наполеоновская программа: „разрушеніе Кароагена“, — т.-е. уничтоженіе Англіи, какъ средство для этой цѣли — континентальная система, т.-е. блокада Англіи, а ради этого — порабощеніе европейскаго материка. Якобинцы, такимъ образомъ, являются въ иностранной политикѣ, какъ и во внутренней, въ сферѣ войны, какъ и въ области централизаціи государственной власти — *соединительнымъ* историческимъ звеномъ между двумя типическими деспотіями, между Людовикомъ XIV и Наполеономъ, между прошлымъ и будущимъ, между королевской традиціей *старою порядкомъ* и демократическимъ цезаризмомъ. Исторія ихъ побѣдъ и господства въ Европѣ представляетъ поэтому перспективу „всего, что случилось съ 1800 до 1815 года“ — рядъ блестящихъ побѣдъ и торжества, которое заключается потерей всего приобрѣтеннаго послѣ пораженія, нанесеннаго директоріи европейской коалиціей. Изъ позора, который якобинцы навлекли на Францію въ 1798 году, ее вырываетъ Наполеонъ; его побѣда надъ коалиціей упрочиваетъ власть юнаго побѣдителя надъ якобинцами, и онъ проходитъ въ пятнадцать лѣтъ ту же карьеру съ успѣхами гораздо болѣе блестящими, чтобы закончить подобно имъ — пораженіемъ.

Указанная выше аналогія между якобинцами и правительствомъ *старою порядкомъ* въ внутренней и внѣшней политикѣ и *преимущественный* характеръ этой политики въ значительной степени измѣняютъ, въ нашихъ глазахъ, историческую роль якобинцевъ. Они намъ уже не представляются лишь случайными похитителями государственной власти и завоевателями Франціи, а являются вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжателями государственной традиціи Франціи, что владеть на ихъ узурпацію печать національной власти. Они, правда, становятся для народа тиранническими повелителями: „они заботятся не объ его интересѣ, а объ упроченіи и усиленіи *своей* власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ — такъ какъ они

представляютъ собою правительство Франціи—ихъ интересы и интересы націи во многомъ совпадаютъ, и они олицетворяютъ собою въ своей зазорной и тщеславной политикѣ, въ своихъ войнахъ и завоеваніяхъ, въ своемъ высокомерномъ обращеніи съ другими націями духъ, не чуждый и французскому народу—въ его массѣ и въ его историческомъ обликѣ. При этомъ мы можемъ отмѣтить въ нихъ еще другую черту, которая еще болѣе роднила ихъ съ массою французскаго народа и, несмотря на ихъ узурпацію и тираннію, примиряла съ ними французовъ. Эта черта представляетъ собою другой *корень* яacobинства, идущій изъ далекаго историческаго прошлаго, и не менѣе важна для ихъ исторической оцѣнки, чѣмъ ихъ качество и дѣятельность самозванныхъ государственныхъ плотниковъ: мы разумѣемъ ихъ отношеніе къ *строенію общества*, или ихъ *соціальную* политику.

Революція была еще въ большей степени *соціальнымъ* переворотомъ, чѣмъ *государственнымъ*; полное выясненіе этого факта—одна изъ крупныхъ заслугъ Тэна; но она лишь до нѣкоторой степени затемнена его полемическимъ отношеніемъ къ этому факту. Революція не только передала государственную власть въ другія руки, но внушила ей *противоположенное* направленіе въ *соціальной политикѣ*. Легисты и интенданты, т.-е. бюрократія *старого порядка*, строя государства, мало обращали вниманія на его *соціальный строй*; лишь бы власть перешла къ правительству—общество могло, съ ихъ точки зрѣнія, сохранить тотъ пестрый и причудливый складъ, который былъ слѣдствіемъ его феодальнаго происхожденія. Не все дѣло „собиранія“ Франціи совершилось путемъ завоеваній и захватовъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда короли расширяли предѣлы своего государства *войною*, послѣдняя болѣею частью обанчивалась договоромъ, капитуляціей, *условнымъ* подчиненіемъ области или города. И старая королевская власть добросовѣстно соблюдала эти договоры и капитуляціи, ибо они были личнымъ ея дѣломъ. Оттого было такъ разнообразно положеніе провинцій и городовъ въ старой монархіи, и такъ неравномерно государственное бремя, на нихъ падавшее. Той же политики держались короли и относительно своихъ *вассаловъ*, облеченныхъ по феодальному праву государственною властью надъ своими подданными. Превращая этихъ подданныхъ въ *своихъ* подданныхъ и отнимая шагъ за шагомъ у сеньоровъ принадлежавшія имъ функціи и права государственной власти, короли не забывали исконной черты различія между первоначальными *господами* и ихъ *податнымъ* людомъ. Оттого *причлепiti* и изъятія отъ государственныхъ повинностей остались основнымъ

принципомъ общественнаго быта при старомъ порядкѣ. И какъ ни уменьшались эти изъятія съ теченіемъ времени, какъ ни увеличивалось съ другой стороны число людей, изъ податной массы (goûge) проникшихъ въ составъ привилегированныхъ классовъ — ровъ между народомъ и привилегированными не былъ засыпанъ. Поэтому давленіе государства не одинаково ощущалось въ разныхъ слояхъ народа. Въ верхнемъ слоѣ оно почти не было чувствительно; короли даже дѣлились, довольно щедро, государственнымъ достояніемъ съ потомками или замѣстителями владѣтельныхъ князей; но чѣмъ ниже былъ слой, тѣмъ ощутительнѣе становилось давленіе, и народная масса изнывала подъ двойнымъ гнетомъ, такъ какъ къ государственному бремени присоединялась тяжесть того верхняго соціальнаго слоя, который обременялъ массу своими привилегіями, изъятіями и остатками феодальныхъ правъ.

Наступившая революція кореннымъ образомъ уничтожила всякое неравенство и всякую неравномѣрность, отмѣнивъ всѣ привилегіи и изъятія; въ своемъ порывѣ она стерла даже старинные межевые знаки, напоминавшіе о прежнемъ раздвоеніи, воспретивъ дворянскій титулъ и самыя имена феодальныхъ родовъ. Но на этомъ дѣло не остановилось. Вскорѣ нахлынулъ новый революціонный шеваль — якобинскій — и государственная власть перешла въ руки этой партіи.

Тогда-то усиленная якобинцами государственная машина стала работать въ обратномъ направленіи, т.-е. молоть и сокрушать верхній, прежде привилегированный слой народа. Въмѣсто податнаго и рабочаго люда (taillables et corvéables à merci), беззащитной жертвой якобинскаго государства сдѣлалось дворянство, духовенство, магистратура, „аристократы“ и „богачи“ (les riches) вообще. Всегда пустая казна якобинскаго правительства стала наполняться вмѣсто податей, — которыми народъ пересталъ платить, — конфискаціей имущества эмигрантовъ и заключенныхъ, принудительными займами у богачей, захватомъ ихъ золота и серебра и безпрестанными, всевозможными съ нихъ поборами въ пользу казны или ея якобинскихъ агентовъ. Мало того, весь верхній слой французской націи подвергся систематической *про-скрипціи*; гильотина не щадила даже перебѣжчиковъ, какъ, напр., „герцога Эгалитѣ“; законъ о заключеніи въ тюрьму подозрительныхъ (loi des suspects) былъ такъ составленъ, чтобы включить въ эту категорію всякаго, кто не принадлежалъ явно къ якобинцамъ: бывшіе дворяне стали паріями въ новомъ якобинскомъ обществѣ; теперь они въ свою очередь были лишены права за-

нимать общественныя должности, имъ было даже запрещено проживать въ столицѣ, въ портовыхъ городахъ и въ крѣпостяхъ; католическое духовенство стало теперь терпѣть отъ государства всѣ тѣ преслѣдованія, которымъ подвергались при старомъ порядкѣ „проповѣдники пустыни“, т.-е. кальвинистскіе пасторы; недавно еще было достаточно захватить проповѣдника-кальвиниста на мѣстѣ преступленія, чтобы предать его казни; теперь той же участи подлежалъ патерь, отслужившій обѣдню!

Но якобинцы не ограничились преслѣдованіемъ „аристократовъ“, т.-е. привилегированныхъ слоевъ стараго порядка. Къ аристократамъ они причислили — и потому объявили врагами народа — всѣхъ богачей и бѣлоручекъ (*misericordins*), какового бы сословія они ни были. Ненавидя все, что выдавалось изъ массы народа достаткомъ, образомъ жизни и привычками, якобинскіе заправила перевернули общество вверхъ дномъ и какъ бы поставили себѣ цѣлью въ нѣсколько лѣтъ перевести на немущихъ то, что въ теченіе вѣковъ накопилось въ верхнихъ слояхъ народа. Они открыто и официально провозглашали, что „въ бумажникахъ богачей бѣдные найдутъ средство для удовлетворенія своихъ нуждъ“. Вожди лионскихъ якобинцевъ прямо заявляли, что „настало время осуществить пророчество, по которому богатые будутъ поставлены на мѣсто бѣдныхъ, а бѣдные на мѣсто богатыхъ“, и находили, что „богатые должны будутъ почитать себя счастливыми“, если бѣдные согласятся на дѣлежъ и оставить имъ половину ихъ имущества.

Вѣками накопившаяся въ нѣдрахъ народа социальная злоба какъ будто *сразу* прорвалась! Якобинцы были воплощеніемъ этой злобы и ея агентами. Они видѣли въ ней свою историческую миссію, они возвели ее на степень политической программы. Вотъ эта-то социальная злоба, направленная не только противъ счастливыхъ стараго порядка, но и противъ всякаго общественнаго порядка вообще, составляла силу якобинцевъ и ихъ связь съ массою народа, — но только до поры до времени!

Возводя общественную ненависть въ принципъ, якобинцы скоро превзошли озлобленіе самого народа, которое улеглось въ массѣ сельскаго люда, какъ скоро крестьяне избавились отъ феодальныхъ повинностей и мѣстами сорвали свое сердце на замкахъ и имуществѣ сеньоровъ. Волна народныхъ страстей, высоко поднявшая якобинцевъ, стала отхлывнать отъ нихъ и оставлять ихъ на мели; а когда начались поборы и грабежи новаго якобинскаго правительства — ревизиціи, максимумъ и вызванные имъ штрафы и преслѣдованія среднихъ и мелкихъ собственни-

ковъ,—между якобинцами и народомъ появилось отчужденіе, которое стало быстро расти. Опорою якобинцевъ остался лишь рабочій пролетаріатъ, преимущественно въ Парижѣ; но и эта опора подломилась, когда рабочіе убѣдились, что, несмотря на социальную политику якобинскаго правительства, ихъ положеніе не только не улучшилось, но вслѣдствіе сокращенія производства стало безвыходно.

Тогда якобинцы остались одни на вершинѣ власти. Они были совершенно изолированы, стали политической партией (faction), не имѣвшей корней въ странѣ и державшейся лишь правительственными средствами и силою войска. Потому, при первомъ столкновеніи съ покровительствуемымъ ими командиромъ этого войска, они оказались у его ногъ.

У Тэна этотъ стихійный элементъ въ социальной политикѣ якобинцевъ, который составлялъ важное условіе ихъ популярности и солидарности съ народной массой въ началѣ революціи, слишкомъ ступшеванъ. Демагогическія и социалистическія затѣи и поползновенія якобинцевъ являются у него слѣдствіемъ или грабительскаго инстинкта отдѣльныхъ лицъ, или крайняго доктринерства, увлеченія идеей всемогущества государства. Несомнѣнной заслугою Тэна нужно признать то, что онъ сильно освѣтилъ социалистическій элементъ въ французской революціи; однако отношеніе якобинцевъ къ социализму у него недостаточно точно опредѣлено. Смѣшеніе якобинцевъ съ социалистами составляетъ коренное заблужденіе исторіи французской революціи Луи Блана, представившаго Робеспьера и его пріятелей героями и мучениками социализма. У Тэна съ социализма якобинцевъ снята всякая романтическая призраза, но вопросъ о свойствахъ и сознательности ихъ социализма остается невыясненнымъ.

Задолго до XVIII вѣка исторія Европы показываетъ намъ, что сильныя народныя движенія, особенно на экономической подкладкѣ, какъ, напр., во время крестьянской войны въ Германіи, всегда сопровождались социалистическими и коммунистическими стремленіями. Тѣмъ сильнѣе должно было обнаружиться такое явленіе въ эпоху французской революціи. Она была прежде всего возстаніе противъ стараго порядка, выросшаго изъ феодализма. Феодальный порядокъ былъ основанъ на смѣшеніи частнаго права съ публичнымъ, государственныхъ функцій съ частною собственностью, и потому революція, направленная къ отмѣнѣ всего феодальнаго права, во многихъ пунктахъ приводила къ нарушенію принципа частной собственности и вызывала этимъ социалистическія вожелѣнія. Такимъ образомъ, въ одномъ общемъ

бурномъ и мутномъ потоѣхъ неслись чисто демократическія и социалистическія страсти. При такихъ условіяхъ нельзя было, конечно, ожидать яснаго и сознательнаго разграниченія между демократическимъ теченіемъ и социалистическимъ. Якобинцы, главные представители этого смѣшаннаго теченія, обнаруживаютъ въ своихъ убѣжденіяхъ и рѣчахъ полное смѣшеніе принциповъ. Это положеніе дѣла наглядно характеризуется въ самомъ началѣ революціи брошюрой Камилля Демулэна, который указываетъ патриотамъ Пале-Рояля на 40.000 замковъ, которые могутъ послужить имъ наградою. Смѣшеніе въ якобинцѣ демократа-государственника и социаль-демократа долго продолжалось въ якобинской традиціи. Весьма интересна въ этомъ отношеніи одна страница изъ воспоминаній Токвилля о революціи 1848 года, свидѣтельствующая, какъ еще 50 лѣтъ спустя послѣ революціи 1789 года продолжалось такое смѣшеніе принциповъ. „Монтаньяры (въ учредительномъ собраніи 1848 года),—говоритъ Токвилль ¹⁾,—скоро раздѣлились на двѣ группы (bandes), очень различныя—революціонеровъ старой школы (якобинцевъ) и социалистовъ; впрочемъ эти два цвѣта не отдѣлялись рѣзко другъ отъ друга. Можно было переходить отъ одного къ другому нечувствительными отбѣсками. Въ головѣ почти всѣхъ монтаньяровъ—въ строгомъ смыслѣ этого слова—блуждали социалистическія идеи, а социалисты очень охотно усвоивали себѣ революціонные приемы первыхъ; однакоже они расходились другъ съ другомъ настолько глубоко, что имъ было невозможно дѣйствовать всегда согласно, а это именно насъ и спасло“.

Если это было такъ въ 1848 году, то въ 1793—94 якобинцамъ было еще труднѣе разобраться среди революціоннаго демократизма и социализма, тѣмъ болѣе, что ихъ демократическія замыслы, ихъ понятія о всемогуществѣ государственной власти и ихъ правительственныя затрудненія предрасполагали ихъ вообще къ пренебреженію частными правами и во всякаго рода *захватамъ* чужой собственности. Характернымъ представителемъ смѣшенія въ якобинствѣ демократизма и социализма является излюбленный герой Луи Блана, въ которомъ этотъ историкъ видитъ воплощеніе социализма въ революціи. Для Робеспьера въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, учителемъ и образцомъ былъ Руссо, у котораго демократическія и социалистическія вождѣнія также еще странно перепутаны. Подъ вліяніемъ своей гипотезы о естественномъ состояніи, Руссо заявилъ, что земля не принад-

¹⁾ Souvenirs de A. Tocqueville. 2 éd. 1893, p. 158.

лежитъ никому, а плоды ея—всѣмъ. Этотъ парадоксъ отзывается социализмомъ, но въ сущности онъ противорѣчитъ социалистическому принципу, что земля, какъ и капиталъ и всѣ орудія производства, должны принадлежать государству. Желая перевести на практикѣ требованіе Руссо, чтобы плоды земли были общимъ достояніемъ, Робеспьеръ далъ ему слѣдующую туманную формулу: „Все, что необходимо для сохраненія жизни, составляетъ общую собственность всего общества. Лишь излишекъ представляетъ собою индивидуальную собственность и можетъ быть предоставленъ промышленности торговцевъ“. Здѣсь, несмотря на социалистическую исходную точку, признается право частныхъ собственниковъ на излишекъ хлѣба, оставшійся у нихъ въ рукахъ послѣ того, какъ правительство обезпечило изъ ихъ жатвы или запасовъ продовольствіе всего населенія. Рядомъ съ этимъ другой представитель якобинскаго правительства, Барреръ, считалъ государство обязаннымъ не только прокормить всѣхъ гражданъ, но и сдѣлать ихъ по возможности земельными собственниками, и комитетъ общественнаго спасенія носится съ планомъ безвозмезднаго распредѣленія національныхъ имуществъ мелкими участками между сельскимъ пролетаріатомъ.

Лишь у Сентъ-Жюста, въ его проектѣ „Учрежденій“, встрѣчается мысль давать эти участки не въ надѣль, а въ аренду. У другихъ якобинцевъ коммунистическій принципъ Руссо, что „плоды земли принадлежать всѣмъ“, принимаетъ совершенно *анархическій* характеръ; они выводятъ изъ него право толпы—какъ доли (fraction) державнаго народа—„забирать хлѣбъ въ амбарахъ крестьянъ“ и отрубать голову фермерамъ, которые отказываются везти свой хлѣбъ на рынокъ и продавать его по таксѣ, произвольно установленной самой толпою. Вообще коммунистическія идеи проявляются въ то время чаще въ анархической формѣ, чѣмъ въ социалистической. Въ этой формѣ, напр., проповѣдуетъ ихъ самая распространенная въ то время газета, редакторъ которой, Приюдомъ, составилъ себѣ этимъ путемъ большое состояніе. „Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся,—говоритъ онъ,—смѣшеніе имуществъ составляетъ общее право (la promiscuité des biens est de droit). Все принадлежитъ всѣмъ“. Даже „право на трудъ“, чисто социалистическій принципъ, проявляется въ анархической формѣ: лонскіе якобинцы совѣтуютъ рабочимъ, если у нихъ будетъ недостатокъ въ работѣ и въ хлѣбѣ, извлечь выгоду изъ этого бѣдствія (mettre à profit), захвативъ богатства, находящіяся у нихъ подъ рукою.

Изъ этихъ и многихъ другихъ примѣровъ можно усмотрѣть,

какую странную амальгаму представляли собою революціонныя идеи во время якобинскаго водоворота. Между тѣмъ, однако, въ массѣ французскаго населенія сталъ постоянно обнаруживаться процессъ разграниченія между демократическимъ и социалистическимъ теченіемъ; все болѣе и болѣе обнаруживалось, что революція 1789 года была по существу демократическимъ движеніемъ, противнымъ социализму. Это отчужденіе французской демократіи отъ социалистическихъ популяризованныхъ было важною причиною ослабленія якобинства, какъ союзъ этихъ двухъ теченій былъ условіемъ его успѣха. Напрасно сами якобинцы, послѣ паденія Робеспьера, совлекли съ себя социалистическую драпировку и настолько отrekliсь отъ союза съ социализмомъ, что первая казнь виновниковъ социалистическаго заговора была совершена якобинскими правителями. Эти эволюціи среди якобинской партіи не могли остановить ея постепеннаго паденія. Такъ какъ якобинцы по неволѣ—для удовлетворенія своихъ правительственныхъ нуждъ—продолжали на практикѣ держаться принципа грабительства и захвата частной собственности, то среди французской демократіи стало быстро расти равнодушіе и нерасположеніе въ нимъ, и эта жаждавшая воспользоваться плодами своей побѣды демократіи охотно промѣняла господство утратившихъ свою прежнюю популярность вождей на новаго господина, обезпечившаго ей порядокъ, экономическій просторъ и процвѣтаніе.

Итакъ, для правильной оцѣнки историческаго образа и роли якобинцевъ необходимо разсматривать ихъ государственную и социальную политику въ связи со всѣмъ прошлымъ Франціи. Такая историческая точка зрѣнія можетъ выяснитъ намъ, въ какой мѣрѣ якобинство имѣло національную подкладку. Однако историческая точка зрѣнія на якобинцевъ должна принять въ расчетъ не только *прошлое* Франціи, но и то „настоящее“, среди котораго пришлось жить якобинцамъ, тотъ историческій *моментъ*, подъ влияніемъ котораго они возникли, и который они собою воплощаютъ.

Въ 1789 году французскій tiers-état неожиданно одержалъ полную побѣду надъ *старымъ порядкомъ*, сокрушившимся у его ногъ, и, упоенный своимъ успѣхомъ, установилъ безусловное господство демократіи въ государственныхъ учрежденіяхъ и общественной жизни. Хотя намъ теперь тогдашнее торжество демократіи представляется безспорнымъ и безповоротнымъ, виновники и современники переворота 1789 года не могли смотрѣть на

него съ такой спокойной и безстрастной точки зрѣнія. Они должны были опасаться реакціи, особенно тѣ изъ нихъ, кто захватилъ власть, или кто обогатился на счетъ жертвъ переворота, церквей и дворянства. Явно оппозиціонное и враждебное положеніе, занятое эмигрантами и большинствомъ духовенства, обнаружило неизбежность дальнѣйшей борьбы, а попытка бѣгства со стороны короля показала, что онъ только по принужденію примирился съ новымъ порядкомъ, во главѣ котораго онъ былъ номинально поставленъ. Возбужденіе и тревожное состояніе французской демократіи еще болѣе возросли, когда началось столкновение съ „Европой“, вступившей за жертвы *старого порядка*, и демократическія страсти усилились всею мощью національнаго патриотизма; это чувство дошло до пароксизма, когда произошло то, чего не случалось съ самыхъ зачатковъ монархіи, т.-е. непріятельское войско стало надвигаться на столицу, и когда написанный эмигрантомъ манифестъ герцога Брауншвейга объявилъ, что врагъ идетъ на Парижъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности мятежниковъ. При такихъ условіяхъ всѣ явные и тайные доброжелатели „тирановъ“, по выраженію марсельезы, должны были казаться измѣнниками, недостойными пощады. Волненіе, ощущаемое въ наше время во всѣхъ слояхъ французскаго общества при малѣйшемъ намежѣ на появленіе „прусскаго“ шпіона, показываетъ, до какихъ вспышекъ можетъ доходить паническая подозрительность у впечатлительнаго и самолюбиваго народа въ минуту „патріотической тревоги“ (*angoisse patriotique*). Въ силу этого демократическій и патріотическій „приступъ“ 1792—1793 годовъ можетъ быть признанъ *ключомъ* къ объясненію психическаго типа и господства якобинцевъ.

Апологеты революціи и панегиристы якобинцевъ, правда, слишкомъ настаивали на этомъ значеніи историческаго момента 1792—1793 годовъ и слишкомъ односторонне выдвигали его для оправданія якобинцевъ. Мишлэ пытался доказать, что *терроръ* былъ порожденіемъ *страха*, и что виновны въ немъ внутренніе и иноземные враги революціи. Въ изложеніи Мишлэ совсѣмъ не видна *наступательная* роль якобинцевъ; мы ничего не узнаемъ у него о томъ, чей фанатизмъ довелъ вандейцевъ до отчаянной самозащиты, вызвалъ на бой Европу и породилъ терроръ какъ правительственную систему. Насколько терроръ былъ *независимъ* отъ историческихъ обстоятельствъ и потребностей минуты, видно изъ того, что онъ не только продолжался, но и усиливался по мѣрѣ того, какъ упрочивалось торжество якобинцевъ надъ внутренними противниками и побѣды освобождали ихъ отъ страха передъ

мestью Европы. Даже тогда, когда вслѣдствіе раздоровъ среди якобинцевъ пали вмѣстѣ съ Робеспьеромъ главные вожаки террористовъ, самая система не измѣнилась, — лишь гильотина была замѣнена ссылкой въ смертоносныя болота Кайены, — и до самаго конца терроръ оставался характеристическимъ признакомъ якобинскаго владычества. Съ другой стороны, Тьеръ возвелъ политическую заслугу якобинцевъ въ національную заслугу и прославлялъ ихъ, какъ *спасителей* Франціи, какъ возстановителей государственнаго единства и порядка. Патриотическая легенда, сложившаяся на этотъ счетъ, окончательно разрушена новѣйшими французскими историками, научившими своихъ соотечественниковъ различать между націей и партіей, захватившею надъ нею власть. Не терроръ и не якобинцы спасли Францію; она была спасена *несмотря* на терроръ и на владычество террористовъ. Она была спасена, какъ и въ началѣ XV вѣка, порывомъ національнаго духа, при всемъ ничтожествѣ правительства. Народъ обладалъ привычкою подчиненія высшему существу, которое ему оставалось неизвѣстнымъ. Конвентъ былъ для французовъ именно такимъ существомъ.

„Какимъ бы ни были эти господа, народъ имъ повиновался, потому что надо было имѣть вождей, чтобы вести войну, — а нація хотѣла защищаться. Въ странѣ произошелъ, несмотря на пороки (*vices*) государства, сильнѣйшій подъемъ (*révolte*) національной жизни. Традиціонный порывъ, который спасъ Францію въ эпоху столѣтней войны и религиозныхъ войнъ, спасъ ее еще разъ“ въ концѣ XVIII вѣка ¹⁾.

Но этого мало: дѣло шло не только о защитѣ Франціи отъ иноземныхъ державъ, но и о спасеніи всего того, что заключалось въ тѣ дни въ понятіи „революція“. Если инстинктъ самосохраненія побуждалъ французовъ видѣть въ вожакахъ парижской черни національное правительство, то не менѣе сильный инстинктъ, тотъ демократическій порывъ, который произвелъ переворотъ 1789 года, долженъ былъ сплотить во-едино и одушевить всѣхъ, кто видѣлъ въ этой революціи національное благо и смотрѣлъ на ея пріобрѣтенія какъ на національное достоиніе. Кривисъ, переживавшійся Франціей въ 1792—1793 годахъ, возвелъ самыхъ крайнихъ и фанатическихъ ревнителей демократической революціи въ представителей національнаго интереса, давалъ имъ сознаніе, что они совершаютъ патриотическій долгъ. Спасая себя, дѣйствуя въ интересъ своей партіи, обезпечивая за ней тиранническую власть, они имѣли право думать, что исполняютъ національную миссію.

¹⁾ Sorel, t. III, p. 418.

Вотъ признаніе одного изъ нихъ въ самую критическую минуту: „весною 1793 года, когда блестяще завоеванная Бельгія была снова потеряна, австрійскія войска готовились вторгнуться во Францію, побѣдитель при Вальми и Жеманиѣ вступилъ въ сношенія съ непріателемъ, чтобы съ его помощью возстановить во Франціи „порядокъ“, т.-е. монархію; въ самомъ же Парижѣ раздоръ между жирондой и коммунаю грозилъ полной анархіей“. Сдѣлавшій это признаніе не былъ дюжиннымъ террористомъ; это былъ бывший кальвинистскій пасторъ, членъ комитета общественнаго спасенія, наполеоновскій префектъ — Жанбонъ Сентъ-Андрѣ. Изъ провинціи, куда онъ былъ посланъ комиссаромъ, онъ писалъ Барреру, состоявшему тогда членомъ комитета національной обороны: „Мы связаны самымъ неразрывнымъ способомъ съ судьбою революціи, — той революціи, которую мы желали довести до конца. Ни мнѣ, ни вамъ не простятъ того, что мы желали чистой, безъ примѣси, свободы, и мы должны довести до гавани государственнй корабль или погибнуть съ нимъ. Не скроемъ отъ себя опасности нашего положенія... Повсюду замѣтно притомленіе революціей. Богатые ее ненавидятъ, у бѣдныхъ нѣтъ хлѣба, и ихъ убѣждаютъ, что въ этомъ виноваты мы. Журналисты окончательно извратили общественное мнѣніе. Даже революціонные клубы совершенно утратили свою энергію. Мало того: все, что принадлежитъ къ *умѣреннымъ*, тѣ люди, которые въ извѣстномъ смыслѣ шли заодно съ патриотами и желали по крайней мѣрѣ хоть какой-нибудь революціи, теперь не хотятъ знать ея. Они пытаются заставить ее пойти назадъ, скажемъ прямо: они желаютъ контръ-революціи... Что же намъ остается дѣлать? Покрѣпить плащомъ голову и принять направленный на нее ударъ? Порча захватила народную массу, и чтобы спасти народъ, необходимо его возродить. Какія надо принять для этого мѣры? Нужно, чтобы онѣ были величественны и суровы... Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ нужно видѣть предъ собою лишь великій законъ общественнаго спасенія“¹⁾.

Что же такое послѣ этого якобинство? Это — стремленіе довести до конца революцію, т.-е. совершенно искоренить „старый порядокъ“; а когда эта революція опостылѣла французскому народу — обезпечить ея торжество крутыми мѣрами, или, говоря словами Руссо, „принудить народъ быть свободнымъ“. Кризисъ, въ который революція вовлекла Францію, создалъ эту программу, создалъ для нея и убѣжденныхъ фанатическихъ исполнителей,

¹⁾ Aulard. Recueil des actes du Comité de Salut Public, avec la correspondance des représ. en mission. T. II, p. 582 (S., III, 378).

обеспечилъ за нимъ власть и отождествилъ на время интересъ ихъ партіи съ національнымъ интересомъ. Въ этомъ заключается значеніе историческаго момента въ оцѣнѣ якобинства.

Опустивъ въ своемъ изложеніи, вмѣстѣ съ повѣствованіемъ, этотъ моментъ, Тэнъ въ другомъ еще отношеніи съузилъ историческую перспективу на изображенный имъ предметъ — своимъ способомъ художественной *концентраціи* явленія. Якобинцы представляются у него цѣльнымъ, вылитымъ изъ одной формы, психологическимъ и политическимъ типомъ. Между тѣмъ это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Среди якобинцевъ замѣняются различные оттѣнки и разновидности типа, а во второмъ періодѣ якобинство имѣло свою *эволюцію*, которая затемняется приложеннымъ къ этому явленію въ книгѣ Тэна приемомъ концентраціи эффектовъ (*convergence des effets*).

Тэнъ, какъ извѣстно, не выдѣлилъ изъ якобинцевъ даже людей совершенно другаго закала, — людей, которые ихъ ненавидѣли и презирали, и боролись съ ними на жизнь и смерть. По своему революціонному пафосу, по своей ненависти къ памяти и ко всѣмъ представителямъ „старога порядка“, по своей страсти къ риторической декламациі противъ „тирановъ“ и къ идеализациі народа, жирондисты шли сначала рука объ руку съ якобинцами, но сентябрьскія убійства раскрыли глубокую пропасть между ними. Жирондисты восторженно кадили принципу равенства, но болѣе всего дорожили свободою; поэтому они искренно увлекались народовластіемъ, и готовы были соединить съ нимъ пропаганду свободы до федерализма, до анархіи во внутреннемъ строѣ и до космополитизма въ иностранной политикѣ. На этомъ пути они должны были столкнуться съ якобинцами; но и среди самихъ якобинцевъ „господствующій типъ“ проявляется въ весьма существенныхъ разновидностяхъ.

Основная черта якобинства — „тиранія и терроръ во имя демократіи“ — встрѣчается у якобинцевъ въ весьма различной дозѣ и соединяется съ весьма различными темпераментами. Отсюда происходятъ въ ихъ средѣ, какъ въ химическихъ сочетаніяхъ, качественно различные продукты и индивидуальныя видоизмѣненія общей основы. У однихъ якобинство есть революціонный пароксизмъ, проходящій и уступающій мѣсто такой же сильной реакціи: это преимущественно натуры впечатлительныя, отъ благородныхъ порывовъ и фразъ легко приходившія въ негодованіе, но неспособныя къ систематической злобѣ. Таковъ былъ Камилль Демулянтъ. Въ началѣ революціи онъ заслужилъ званіе „прокурора фонаря“; онъ травилъ толпу на Бастилью и на дворянскіе

замки, гдѣ, для него, тогда гнѣдилась тираннія. Четыре года спустя, онъ съ такимъ же жаромъ ополчился противъ террористовъ и клеймилъ ихъ красками, заимствованными изъ классическаго изображенія Тиберіевъ и Домиціановъ. Когда тюрьмы были переполнены закономъ „о подозрительныхъ“, онъ писалъ подъ ножомъ у Робеспьера: „Нѣтъ! свобода, эта сошедшая съ неба свобода, не оперная нимфа, не красный колпакъ, не грязная рубаха или рубище. Свобода—это счастье, это разумъ, это равенство, это справедливость. Хотите вы, чтобы я ее узналъ, чтобы я бивулся къ ея ногамъ, пролилъ свою кровь для нея? откройте дверь тюрьмы для двухъ-сотъ-тысячъ гражданъ, которыхъ вы называете подозрительными... Изъ вашихъ враговъ среди васъ остались лишь трусы и больные; храбрецы, молодцы эмигрировали или погибли въ Ліонѣ и въ Вандеѣ; остатокъ—не заслуживаетъ вашей злобы!“

Для другихъ якобинство—политическая мѣра, орудіе, средство для установленія новаго порядка вещей; для третьихъ, наконецъ, якобинство—принципъ, система, основа цѣлаго воззрѣнія на жизнь и на общество. Эти два вида якобинства, въ сочетаніи съ двумя различными темпераментами, создали двухъ главныхъ героевъ якобинской революціи, представителей двухъ теченій въ якобинствѣ, которые долго боролись за преобладаніе. У Дантона политическое, такъ сказать, якобинство соединилось съ натурой грубоватой, но энергической, склонной къ наживѣ и къ эпикурейству и неразборчивой на средства, способной къ преступленію, но не дурной и не жестокой. Его злоба *прошла*, когда „отечество“, тождественное для него съ якобинской республикой, было спасено, когда его хищническіе инстинкты были удовлетворены побѣдою и явилась возможность пожить и дать жить другимъ. Этотъ оппортунистъ якобинства нѣсколько разъ пытался остановиться и остановить приливающія волны террора, протянуть руку умѣреннымъ (жирондистамъ), организовать правительство, войти въ сдѣлку „съ Европою“—но все это ни къ чему не повело; дать потоку иное направленіе было не легко, собственное его прошлое тяготѣло надъ Дантономъ. Жиронда отвергла его окровавленную руку; онъ не имѣлъ достаточно авторитета, а можетъ быть и выдержки, чтобы захватить въ свои руки власть; какъ и Мирабо, ему не удалось отъ роли народнаго трибуна и агитатора массъ перейти къ роли государственнаго человѣка; онъ былъ выброшенъ на мель потокомъ, противъ котораго онъ дерзнулъ поплыть, заподозрѣнъ и загубленъ своими соперниками, террористами по принципу и по фанатизму. Типическимъ представи-

телемъ этого послѣдняго вида остался въ исторіи Робеспьеръ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть не столько въ интересъ исторической репутаціи якобинства, сколько въ интересъ исторической правды, такъ какъ образъ Робеспьера даетъ ложное представленіе о якобинствѣ какъ историческомъ явленіи, вносить туда субъективныя, случайныя черты, обусловленныя его темпераментомъ и натурою. Невнушительная и отталкивающая фигура Робеспьера виновна въ томъ, что образъ фанатическаго якобинства лишенъ въ исторіи того героизма, въ которомъ нельзя было бы ему отказать, если бы оно воплотилось въ болѣе величественномъ представителѣ. Въ лицѣ Робеспьера якобинская злоба слилась съ натурою завистливой и подозрительной, жестокой и робкой, а потому лицемѣрной, и произвела тотъ беспощадный и безсердечный фанатизмъ, который не задумывался ни предъ числомъ, ни предъ нравственнымъ качествомъ жертвъ, который возвелъ пролитіе крови, безцѣльное и безсрочное, въ государственный режимъ и моральный принципъ. Несмотря на бездарность свою, въ роли государственнаго дѣателя, и на то, что онъ многимъ изъ своихъ соперниковъ уступалъ въ ораторской способности,—его рѣчи были плодомъ долгаго и напряженнаго кабинетнаго труда; Робеспьеръ выдвинулся передъ другими и сталъ героемъ своего времени, потому что соединялъ въ себѣ тѣ пороки, которымъ это время наиболѣе поддавалось, и тѣ достоинства, которыми оно особенно дорожило. Въ эпоху болѣзненно развитого демократическаго чувства и среди партій, опиравшейся на пролетаріатъ, Робеспьеръ явился монотоннымъ глашатаемъ моднаго, сентиментальнаго прославленія бѣдности и бѣдности, при чемъ его собственный скромный образъ жизни, ни въ чемъ не измѣнившійся, несмотря на пріобрѣтенную власть, убѣждалъ всѣхъ въ томъ, что этотъ постоянный печальникъ о „несчастномъ народѣ“ былъ самымъ искреннимъ его другомъ. Затѣмъ, въ эпоху сильно возбужденныхъ революціонныхъ страстей и страха реакціи и измѣны, Робеспьеръ явился неутомимымъ и неутомимымъ всенароднымъ ябедникомъ. А ходъ событій былъ таковъ, что постоянно оправдывалъ въ глазахъ толпы непрерывные доносы и клевету ея любимца: Робеспьеръ оказался пророкомъ не только относительно ненавистнаго толпѣ двора, но и всѣхъ кумировъ народа, его обманувшихъ: конституціоннаго генерала Лафайетта, демократическихъ трибуновъ жиронды, республиканскаго генерала Дюмурье, наконецъ относительно якобинскаго Мирабо, Дантона—всѣ они, одинъ за другимъ, *измѣнили* народу, входили въ стачку съ его врагами. Насколько роль доносчика, ябедника, выслѣживающаго

измѣнниковъ, соотвѣтствовала тогдашнему настроенію, доказываетъ популярность Марата, у котораго чужье „измѣнниковъ“ доходило до галлюцинацій и вступленія психопата. Робеспьеръ облекъ этотъ дикій и слѣпой инстинктъ въ формулы проворливой и неподкупной народной политики. Страшая народъ коварствомъ ложныхъ друзей и кознями заклятыхъ враговъ, „шпіонами Питта и Кобурга“, Робеспьеръ искусно сплеталъ страхъ своего собственнаго запуганнаго воображенія съ тревогой народа, который не вѣрилъ въ свою побѣду и не довѣрялъ своимъ собственнымъ вождямъ. На почвѣ такого настроенія сложилась программа „общественнаго спасенія“, съ ея двумя требованіями *сосредоточенія власти* и *очищенія общества*. Въ лицѣ Робеспьера оба эти требованія совпадали, и потому осуществленіе этой программы было залогомъ его конечнаго торжества и владычества. Его постоянный призывъ — „стереть съ лица земли (balayer) измѣнниковъ“, очистить (épurer) правительство и администрацію, вытравить (purger) изъ арміи аристократизмъ, а изъ народнаго представительства сепаратизмъ, держать обнаженный мечъ закона надъ главою могущественныхъ заговорщиковъ и вѣроломныхъ генераловъ, — былъ для него крикомъ личнаго самосохраненія и сдѣлался лозунгомъ партіи, которая могла удержаться во власти лишь посредствомъ террора.

И между тѣмъ въ этомъ требованіи „очищенія“ заключался и *этический* элементъ. Тотъ отгѣнокъ якобинизма, который представляетъ собою Робеспьеръ, носилъ на себѣ печать „религіознаго культа“ и „моральнаго толка“.

Связующимъ звеномъ между кальвинизмомъ и пуританскимъ якобинствомъ былъ выросшій въ женеvскихъ традиціяхъ Руссо. Какъ ни бессодержательна была, сравнительно съ Кальвиновскимъ ученіемъ, „гражданская религія“ Руссо, какъ ни далека была послѣдній въ своей личной жизни отъ нравственнаго ригоризма реформатора Женевы, несомнѣнно, что Руссо почерпнулъ свою миссію религіознаго и нравственнаго реформатора изъ идеаловъ и быта кальвинистской Женевы. Онъ выступилъ въ французскомъ обществѣ, подавшемся атеизму и эпикуреизму, провозвѣстникомъ новаго религіознаго культа, который долженъ былъ обновить общество, охватить всего человѣка, преобразовать весь жизненный строй. Робеспьеръ, благоговѣвшій передъ Руссо, сдѣлался законодателемъ и іерофантомъ гражданской патристической религіи. Въ ея установленіи заключалась вся его политическая мудрость; въ ней его реторика почерпала лучшее свое

вдохновеніе ¹⁾; на ея идеалахъ виждилась сила его доносовъ и обвиненій. Вѣра въ свое религиозное призваніе давала Робеспьеру то странное спокойствіе совѣсти, не смущавшейся никакими ужасами террора. „Отнимите у меня мою совѣсть, — восклицалъ онъ, — и я самый несчастный изъ людей!“ Эта вѣра внушала ему ту прямолинейность, въ силу которой онъ считалъ себя въ правѣ осудить на казнь всякаго, кто отступалъ на нѣсколько шаговъ влево или вправо отъ его линіи правовѣрія (*en deça ou au delà de la vérité*). Но по мѣрѣ того какъ въ „гражданской религіи“ улетучивался догматическій элементъ, ея правовѣріе отождествлялось съ соблюденіемъ ея нравственнаго кодекса. Уже Руссо замѣнилъ понятіе еретика и грѣшника понятіемъ дурного человѣка (*le méchant*), и опредѣлялъ дурного или нечестиваго человѣка чертами, списанными съ пуританскаго идеала жизни. „*Le méchant, — говорилъ онъ, — se craint et se fuit; il s'égaré en se jetant hors de lui-même; il tourne autour de lui des yeux inquiets et cherche un objet qui l'amuse*“ ²⁾... Пуритане якобинства усвоили себѣ это воззрѣніе какъ норму жизни и какъ орудіе борьбы съ своими противниками. Для этой цѣли они дали словамъ Руссо распространительное толкованіе и обернули его наизнанку. Въ ихъ глазахъ всякій, кто искалъ развлеченій, кто желалъ наслажденій въ жизни или заботился о накопленіи средствъ, которыя могли доставить эти наслажденія, былъ порочнымъ гражданиномъ и отступникомъ отъ правовѣрнаго патріотизма. Такъ рядомъ съ политическимъ и социальнымъ развился моральный терроръ, и изъ якобинцевъ выдѣлилась и сглотилась немногочисленная, но энергическая и вліятельная партія приверженцевъ Робеспьера.

Не напрасно отъявленный врагъ іезуитовъ и духовенства — Мишлѣ — видѣлъ въ Робеспьерѣ патера (*le prêtre*) и выводилъ его фанатизмъ изъ средневѣковаго инквизиторскаго духа. Клерикальная школа, конечно, не прошла безслѣдно на этомъ стипендіатѣ арраскаго епископа, не даромъ сохранявшемъ связи съ аббатами, бывшими его учителями или товарищами въ собраніи. Но Робеспьеровскій якобинизмъ напоминаетъ также другое явленіе изъ религиозной исторіи Франціи — кальвинизмъ, несмотря на отвращеніе, которое самъ Робеспьеръ питалъ въ депутатамъ изъ про-

¹⁾ Это очень хорошо проведено Оларомъ въ его „*Eloquence Parlementaire. Les Orateurs de la Lég. et de la Conv.*“ Т. II.

²⁾ Нечестивый боится себя и бѣжить отъ себя; онъ предается удовольствіямъ, стараясь забыть себя; онъ озирается безпокойнымъ взоромъ, нища предмета для своего развлеченія.

тестантскихъ пасторовъ. Между кальвинизмомъ и пуританскимъ якобинствомъ существуетъ несомнѣнная аналогія, хотя пуритане якобинскаго клуба и представляютъ собою въ извѣстномъ смыслѣ карриатуру героическихъ гугенотовъ временъ Колинны. Шедшіе убѣжденно на востеръ гугеноты, нравственно стояли много выше якобинцевъ, хладнокровно посылавшихъ свои жертвы на гильотину, и самая крайняя нетерпимость кальвинистовъ имѣетъ за себя лучшее оправданіе, чѣмъ фанатизмъ якобинцевъ, такъ какъ первые, спасая свои души, были неутомимы во имя вѣчныхъ небесныхъ благъ и по предписанію *божественнаго* закона; якобинцы же казнили людей изъ-за земныхъ интересовъ и во имя отвлеченнаго божества. Но среди всѣхъ этихъ различій, отступленій и извращеній, можно уловить въ якобинствѣ черты атавизма, указать перерожденіе и вырожденіе великаго историческаго явленія. Двумя чертами якобинцы робеспьеровскаго пошиба отличаютъ свое фамиліальное сходство съ кальвинистами и янсенистами, представлявшими своего рода кальвинизмъ на католической почвѣ—своей *доктриною* и своей *моралію*. Кальвинисты считали себя людьми избранными свыше; отсюда ихъ презрѣніе во всѣмъ неправовѣрнымъ, въ „банаанитамъ“ и нечестивымъ, не вѣдающимъ божественнаго закона. Они тотчасъ замыкались въ строго отдѣленную отъ другихъ общину, выбрасывая изъ своей среды нравственно разслабленныхъ и испорченныхъ, а съ другой стороны, непокорныхъ и мятежныхъ (анабаптистовъ). Такъ ополчились и якобинцы противъ всѣхъ отщепенцевъ—федералистовъ и анархистовъ—и людей порочныхъ и недостаточно фанатическихъ—*l'indulgence coupable et les sottiseries*, по выраженію Робеспьера. Другую черту сходства представляетъ дисциплина нравовъ и моральный подъемъ жизни... У кальвинистовъ это было настоящимъ нравственнымъ перерожденіемъ или „вторымъ рожденіемъ“, въ силу котораго веселые, экспансивные французы, любившіе шутку и циническую браваду, земляки Раблѣ, становились сразу людьми въ себѣ замнутыми, чуждавшимися забавъ и развлеченій, смотрѣвшими на жизнь какъ на суровый подвигъ самоотреченія и нравственнаго усовершенствованія. Это было новымъ проявленіемъ христіанскаго *аскетизма* на протестантской почвѣ. У якобинцевъ мы видимъ подобныя поползновенія преобразовать „гражданина“ и весь общественный строй во имя нравственнаго ригоризма и пренебреженія къ земнымъ благамъ.

Всѣ эти и подобныя отгѣнки сливаются у Тѣна въ „психологическомъ типѣ“ якобинца. Но кромѣ того попытка построить и объединить этотъ типъ съ помощью „господствующей черты“,

заслоняет собою въ изображеніи Тэна еще другую сторону предмета — ~~эволюцію, представляемую якобинскимъ типомъ~~. Дѣло въ томъ, что якобинцы видоизмѣняются по мѣрѣ того, какъ они изъ революціонеровъ становятся правителями, и гильотина вырываетъ изъ ихъ среды „идеологовъ“ и людей „порыва“. Ихъ доктринерство все болѣе и болѣе переходитъ въ политику и рутину государственныхъ дѣльцовъ. Это особенно замѣтно на ихъ законодательной работѣ и на иностранной политикѣ. Интересно, что эту эволюцію якобинства наиболѣе рѣзко и ясно сформулировалъ главный доктринеръ революціи 1789 года, тотъ самый, кого Мирабо называлъ ея метафизикомъ, кто въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ: что такое третье сословіе? произнесъ магическую формулу, разбиившую „старый порядокъ“, и разнуздаль демократическую революцію. Во время террора онъ, по собственному выраженію, *осмыз*, т.-е. спасалъ свою жизнь; но онъ не только жилъ, а „переживалъ“ свою прежнюю доктрину; когда событія его опять выдвинули, онъ сдѣлался главнымъ строителемъ конституцій, опрокидывавшихъ вверхъ дномъ принципъ народовластія ¹⁾, а въ дипломатіи — главнымъ руководителемъ политики *интересовъ*. И вотъ именно онъ, подъ конецъ конвента, изрекъ формулу, характеризующую новое якобинство: „принципы существуютъ для школы, государство руководится лишь интересомъ“ ²⁾. — Исключивъ изъ разсмотрѣнія, какъ онъ оговорился въ своемъ предисловіи, войну, дипломатію, а также законодательство, Тэнъ оставилъ безъ вниманія тѣ стороны въ дѣятельности якобинскаго правительства, которыя его наиболѣе сближаютъ съ другими правительствами. Этимъ пробѣломъ обусловливается весьма чувствительное разногласіе между его точкою зрѣнія и той, которая является результатомъ „исторической“ оцѣнки якобинства.

Для психолога Тэна якобинство произошло „отъ гипертрофіи властолюбія, вскормленнаго догмою о всемогуществѣ государства, на благопріятной для этого почвѣ анархіи, созданной революціей; на историческомъ же фонѣ якобинство представляется также стремленіемъ создать новое правительство для централизованной и демократизованной Франціи, послѣ того какъ было разбито правительство стараго порядка“; другое же, основанное на сдѣлѣхъ между легитимистической монархіей и революціонной демократіей, оказалось несостоятельнымъ. Всѣ якобинскія конституціи, начиная отъ Робеспьеровской, оставшейся проектомъ,

¹⁾ Посредствомъ формулы: *le pouvoir vient d'en haut, la confiance vient d'en bas.*

²⁾ *Les principes sont pour les écoles, l'interêt est pour l'Etat.* Sor., t. IV, p. 275. Bailleu, t. I, p. 410.

до проекта Сийеса (въ 1799 году), послужившаго подножіемъ для Наполеона, представляютъ собою возрастающую заботу о томъ, чтобы создать во Франціи сильное правительство, независимое отъ колебаній общества.

Не выставляя на видъ необходимость реорганизаціи власти, Тэнъ не коснулся и реорганизаціонной работы конвента въ другихъ областяхъ, и заслугъ „дѣловыхъ и полезныхъ“ людей на разныхъ поприщахъ. Это тотъ же пробѣлъ, который можно было отмѣтить въ его исторіи учредительнаго собранія. Конституція, выработанная этимъ собраніемъ, правда, не имѣла въ себѣ жизненности, потому что была „узаконенною анархіей“ (безвластіемъ); но двѣ тысячи законодательныхъ мѣръ, преобразившихъ гражданское право Франціи на основаніи принциповъ свободы и равенствѣ, не прошли безслѣдно для культуры страны. Точно также несомнѣнно, что правленіе якобинцевъ привело къ государственному банкротству, истощенію страны, крушенію благосостоянія тысячи семействъ; но въ то же время комитеты конвента подготовили кодификацію французскаго законодательства и реорганизацію образовательныхъ и научныхъ учреждений Франціи. Разногласіе между изображеніемъ якобинцевъ у Тэна и тѣмъ образомъ, который они принимаютъ на историческомъ фонѣ, нельзя, впрочемъ, объяснить лишь сейчасъ указанными пробѣлами въ книгѣ Тэна. Вопросъ о причинахъ такого разногласія тѣмъ интереснѣе, что самъ Тэнъ когда-то высказался о якобинцахъ совершенно иначе. Это было въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности, когда онъ интересовался преимущественно философскими вопросами и знакомилъ своихъ соотечественниковъ съ представителями двухъ противоположныхъ направленій англійской мысли—съ Карлейлемъ и Стюартомъ Миллемъ. Въ своемъ этюдѣ объ „англійскомъ идеализмѣ“ Тэнъ вступился за представителей французской революціи, а слѣдовательно и за якобинцевъ.

Въ своей „Исторіи революціи“ Карлейль держался пріемовъ противоположныхъ тѣмъ, которымъ потомъ слѣдовалъ Тэнъ въ своихъ „Началахъ современной Франціи“, и пришелъ къ результатамъ весьма близкимъ къ позднѣйшимъ воззрѣніямъ Тэна. Илагая ихъ, Тэнъ мѣтко формулировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

„Философія, которая произвела революцію и руководила ею, имѣла лишь разрушительный характеръ. Теорія „права человека“, заимствованная у Руссо, представляла лишь игру логики, педантическую затѣю, столь же неумѣстную въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, какъ теорія неправильныхъ глаголовъ. Господствовавшая мораль заключалась въ эпикуреизмѣ и была основана

на обѣщаніи всеобщаго блаженства. Безвѣріе, пустословіе, чувственность—вотъ пружина этой реформы. Она разнуздала всѣ инстинкты и опрокинула всѣ поставленныя имъ преграды. Развращенная власть была замѣнена безстыжей анархіей. Къ чему могла привести „жаверія“, взбунтовавшая крестьянъ, направляемыхъ резонѣрами-атеистами? Когда разрушеніе было завершено, на сценѣ остались ненасыщенные пять чувствъ и шестое—ненасытимое—тщеславіе; вся демоническая природа человѣка проявилась на-распашку и вмѣстѣ съ нею—каннибализмъ“.

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ заключается, можно сказать, вся программа Тэновской исторіи революціи. Но молодой Тэнъ тогда не удовлетворился такимъ рѣшеніемъ задачи. Изложивъ суть Карлейлевской критики, Тэнъ, становясь въ свою очередь критикомъ англійскаго историка, заявлялъ ему: „прибавьте, однако, хорошую сторону къ дурной и уважите достоинства на-ряду съ пороками. Эти свептики вѣрили въ демонстрированную разумомъ правду, и хотѣли только ей подчиниться. Эти строгіе логики основывали общество на справедливости, и охотѣе рисковали своей жизнью, чѣмъ отрѣвались отъ усвоенной ими теоріи. Эти эпикурейцы обнимали въ своихъ симпатіяхъ все человѣчество. Эти бѣшеные (*furieux*), эти рабочіе, эти Жаки безъ хлѣба и одежды дрались на границѣ за гуманитарные интересы и отвлеченные принципы. Великодушіе и энтузіазмъ изобиловали здѣсь, какъ и у васъ; признайте же ихъ въ формѣ, отличной отъ вашей. Они были преданы отвлеченной истинѣ, какъ ваши пуритане—божественной истинѣ; они слѣдовали философіи, какъ *ваши* пуритане слѣдовали религіи; они ставили себѣ цѣлью всеобщее спасеніе, какъ ваши пуритане—свое личное спасеніе. Они боролись противъ общественнаго зла, какъ ваши пуритане—противъ зла въ душѣ. Они были великодушны, какъ ваши пуритане добродѣтельны. У нихъ также былъ свой героизмъ, но симпатичный, общительный и склонный къ пропагандѣ, реформировавшій Европу, тогда какъ вашъ героизмъ послужилъ на пользу лишь вамъ самимъ“.

Конечно, здѣсь болѣе идетъ рѣчь о французской революціи и о французахъ вообще, чѣмъ о якобинцахъ; но противоположеніе французскихъ революціонеровъ пуританамъ и прямую апологію „бѣшенныхъ“ нельзя не отнести къ якобинцамъ. Почему же въ сочиненіи Тэна о революціи и якобинцахъ не осталось и слѣда той идеализаціи событій и лицъ, которой дышетъ вышеприведенный отзывъ молодого критика? Главнымъ образомъ, разумѣется, причину этого нужно искать въ томъ, что Тэнъ называлъ своимъ научнымъ методомъ, въ правилахъ и приѣмахъ его

художественнаго творчества и, наконецъ, въ его социологіи. Обо всемъ этомъ уже было подробно говорено, и мы прибавимъ здѣсь, что кромѣ того нужно еще принять во вниманіе личность самаго Тэна и его внутреннюю эволюцію, приведшую его къ болѣе зрѣлымъ общественнымъ идеаламъ и болѣе гармонизировавшимъ съ его личностью. Что касается до личности Тэна, то она по своему духовному складу представляетъ полную противоположность якобинизму. Якобинство должно было показаться Тэну крайне антипатичнымъ, какъ только онъ ближе познакомился съ нимъ. Это первое знакомство относится къ началу шестидесятихъ годовъ, когда вслѣдствіе сильнаго переутомленія ему было запрещено заниматься, и его развлекали чтеніемъ вслухъ многотомнаго изданія Бюше и Ру, съ длинными выдержками изъ рѣчей и документовъ революціонной эпохи. Всего болѣе его поразила во время этого чтенія „посредственность“ революціонныхъ дѣятелей. Онъ остался вѣренъ до конца этому впечатлѣнію. Робеспьеръ, напр., былъ для него всегда лишь жалкимъ и бездарнымъ педантомъ. Къ этой низкой умственной оцѣнкѣ присоединилось нравственное осужденіе. Въ якобинскомъ типѣ, какъ его „проявилъ“ Тэнъ, преобладали гордость и властолюбіе; якобинцы были проводниками деспотизма въ государствѣ, потому что были деспотами по натурѣ и жаждали для себя деспотической власти. Якобинецъ по натурѣ навязывалъ свою личность, свою доктрину, свой моральный кодексъ и свою политическую и социальную программу государству, народу и посредствомъ ихъ всей Европѣ.

Тэнъ же обладалъ въ высшей степени деликатной и застѣчивой натурою, полнымъ отсутствіемъ притязательности, неспособностью выдвигать впередъ свою личность (здѣсь не идетъ рѣчи объ обнародованіи того, что онъ считалъ *научною* истиною). Ему было даже непріятно думать, — какъ онъ это высказалъ въ одной изъ своихъ философскихъ статей, — что читающая его публика можетъ интересоваться домашними и семейными обстоятельствами автора, что она можетъ пожелать узнать, какаѣ у него вѣщности и „женатъ ли“ онъ. Тѣмъ болѣе ему было чуждо раскрывать предъ міромъ современную жизнь души и насиловать чужія убѣжденія. Насколько ему и въ этомъ отношеніи было противно якобинство и насколько онъ сознавалъ эту противоположность, видно изъ заявленія, сдѣланнаго имъ незадолго до смерти. Формулируя свои религіозныя и нравственныя убѣжденія, онъ поспѣшилъ прибавить, что было бы „якобинизмомъ, еслибы онъ вздумалъ путемъ аргументаціи разума навязывать свое состояніе духа тѣмъ, кто до него не дошелъ“.

Другая причина постепеннаго отчужденія Тэна отъ духа 1789 года и его крайняго проявленія—якобинства—заключается въ развитіи его собственнаго міровоззрѣнія. Онъ началъ, какъ мы знаемъ, съ полнаго позитивизма; его лозунгомъ былъ „свѣтъ и прогрессъ“ посредствомъ безусловнаго примѣненія къ духовнымъ явленіямъ *научнаго* метода изслѣдованія, т.-е. того, который господствовалъ въ естественныхъ наукахъ. Въ силу этого Тэнъ не допускалъ тогда никакого различія метода, никакого различія въ отношеніяхъ изслѣдователя къ своему предмету, касалось ли дѣло ботаники и химіи, или же морали и эстетики. Однако Тэнъ не замедлилъ отказаться отъ этой точки зрѣнія. Въ своей „Философіи искусства“ онъ уже цѣнитъ произведенія творчества—литературнаго и художественнаго—и по ихъ моральному *достоинству*, по нравственной благотворности или зловерности выставленныхъ въ нихъ типовъ.

Такой же переворотъ произошелъ у Тэна и относительно явленій политики и исторіи, къ которымъ онъ обратился позднѣе. Вышеприведенный отзывъ о революціи относится къ юношеской эпохи жизни Тэна, когда онъ и современное ему общество находились подъ гнетомъ декабрьскаго переворота и цезаризма. Все тогдашнее зло казалось ему слѣдствіемъ отреченія отъ республиканскаго преданія, отъ благотворныхъ принциповъ 1789 года. Но вотъ наступило 4 сент. 1870 года и провозглашеніе республики; Франція пережила владычество новой парижской коммуны, а когда послѣ того торжество республики и демократіи было возведено на степень законнаго, постояннаго порядка, обнаружилась вся обратная сторона порядка вещей, установленнаго революціей 1789 года и вышедшими изъ нея правительствами—якобинскимъ и наполеоновскимъ. Неудовлетворенный настоящимъ, Тэнъ обратился къ изученію прошлаго и вынесъ изъ него новый взглядъ на французскую революцію и ея дѣятелей.

Вотъ чтó онъ писалъ въ 1878 году, въ частномъ письмѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усидчивой работы надъ исторіей¹⁾. „Я писалъ по совѣсти, послѣ самаго обширнаго и тщательнаго изученія, на какое я способенъ. До того времени, когда я сталъ писать, я былъ склоненъ мыслить подобно большинству французовъ, съ тою разницею, что мои убѣжденія походили скорѣе на впечатлѣніе богѣ или менѣе неясное (*vague*), чѣмъ на вѣру. Изученіе документовъ сдѣлало меня *иконоборцемъ* (*iconoclaste*). Суть дѣла за-

¹⁾ Къ Havet, 24 марта 1878 года, приведено въ статьѣ Моно о Тэнѣ въ „Revue de Paris“ 1894 г., № 3.

включается въ представленіяхъ, которыя мы себѣ дѣлаемъ о принципахъ 1789 года; въ моихъ глазахъ это принципы „общественнаго договора“, а слѣдовательно они невѣрны и зловредны (*faux et malfaisants*). Нѣтъ ничего болѣе прекраснаго, какъ формула: „свобода и равенство“, или какъ выражался Мишлэ въ одномъ словѣ—„справедливость“. Сердце всякаго человѣка, если онъ не глупецъ или негодяй, бьется, заслышавъ ихъ. Но сами по себѣ онѣ такъ неопредѣленны, что ихъ нельзя принять, не справившись предварительно о томъ, какой хотять придать имъ смыслъ. И вотъ, въ примѣненіи къ соціальной организаціи, всѣ эти формулы означали въ 1789 году узкое, грубое и опасное представленіе о государствѣ. Вотъ на чемъ я настаивалъ—и тѣмъ болѣе, что это представленіе все еще въ силѣ, и что строеніе (*structure*) Франціи, какъ оно было сложено въ 1800—1810 годахъ консульствомъ и имперіей, не измѣнилось до сихъ поръ. Мы, вѣроятно, будемъ страдать отъ него еще не менѣе цѣлаго столѣтія. Это строеніе низвело Францію съ положенія первостепенной державы; ему мы обязаны нашими революціями и диктатурами... Въ послѣднихъ словахъ слышенъ грустный откликъ патріотической тоски. Но эта патріотическая тоска не ослѣпила Тэна, а умудрала его. Уроки, которые онъ вынесъ изъ отечественнаго прошлаго, и совѣты, которые онъ считалъ себя въ правѣ дать своимъ землякамъ, развились для него въ систему общей соціологіи, занятой установленіемъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ и общечеловѣческихъ благъ. Въ этой области сложилась крѣпкая тѣнь его соціальныхъ убѣжденій, въ которой проявились и нашли удовлетвореніе всѣ задатки и инстинкты его натуры—его аналитическій умъ, невольно разлагавшій при первомъ соприкосновеніи всѣ общія идеи (т.-е. всѣ отвлеченія разума), его индивидуализмъ, не терпѣвшій ни доктринарнаго, ни политическаго насилія, и его вѣра въ общественный прогрессъ посредствомъ соціальныхъ инстинктовъ и моральныхъ подвиговъ свободной человѣческой личности.

Съ этой точки зрѣнія онъ сталъ судить о революціи и долженъ былъ осудить якобинство. Эта точка зрѣнія опредѣлила цѣль и направленіе его книги. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ сейчасъ упомянутомъ письмѣ. „Моя книга, если у меня достанетъ силъ и здоровья ее окончить, будетъ консультаціей врача (*une consultation de médecin*). Прежде чѣмъ больной приметъ совѣтъ врача, понадобится много времени и произойдетъ много неосторожностей и возвратныхъ приступовъ болѣзни, а предварительно необходимо, чтобы сами врачи, которые не всѣ одного и того же мнѣнія, столковались между собою. Но я думаю, что это случится,

и вотъ причины моей надежды: французскую революцію можно разсматривать какъ первое примѣненіе нравственныхъ наукъ къ человѣческимъ дѣламъ; въ 1785 году эти науки были едва намѣчены, ихъ методъ былъ негоденъ—онѣ дѣйствовали а priori, ихъ рѣшенія были узки, опрометчивы, ложны. Въ связи съ плохимъ состояніемъ общественныхъ дѣлъ онѣ произвели катастрофу 1789 года и весьма несовершенную реорганизацію 1800 года. Но послѣ долгаго перерыва и настоящаго крушенія (avortement) эти науки начинаютъ расцвѣтать; онѣ діаметрально измѣнили свой методъ и поступаютъ а posteriori. Въ силу этого метода, ихъ рѣшенія будутъ совершенно иныя, т.-е. гораздо болѣе практичныя. Понятіе, которое онѣ дадутъ о государствѣ, будетъ ново... Постепенно измѣнится и общественное мнѣніе; оно измѣнится по отношенію къ французской революціи, къ государству, къ непосредственному народному голосованію, роли аристократіи и ассоціаціи (соггс) ¹⁾ въ человѣческихъ обществахъ. Весьма вѣроятно, что по прошествіи одного вѣка эти новыя явленія окажутъ нѣкоторое вліяніе на палаты и на правительство. Вотъ на что я уповаю. Я кладу камешекъ въ колею, но десять тысячъ колымагъ камешковъ, хорошо положенныхъ и распределенныхъ, образуютъ торную дорогу. Законный владыка міра въ будущемъ—не то, что въ 1789 году называли *разумомъ*, а то, что въ 1878 году называютъ *наукою*“.

Въ своихъ сочиненіяхъ Тэнъ намѣтилъ существенныя черты различія между устарѣлой политикой, основанной на раціоналистическихъ представленіяхъ XVIII вѣка, и политикой, руководящейся научными данными и изысканіями. Политики революціи строили свои системы для *человѣка*, котораго они брали изъ сочиненій Руссо. Они находили тамъ представленіе, что первобытный человѣкъ вышелъ изъ рукъ природы чистъ и непороченъ. Политика XIX вѣка справляется о *человѣкѣ у науки*, у антропологіи и у психологіи.

Антропологія свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ, съ котораго началась культура человѣка. „У *человѣка* клыки,—восклицаетъ Тэнъ,—какъ у собаки и у лисицы, и подобно имъ онъ нѣкогда вонзалъ свои клыки въ тѣло другихъ существъ. Потомки первобытнаго *человѣка* терзали другъ друга съ помощью каменныхъ орудій изъ-за куска сырой рыбы. И въ настоящее время этотъ *человѣкъ*—все тотъ же; нравы его смягчились, но природа его не преобразилась; война, какъ и прежде, господствуетъ между

¹⁾ Тэнъ разумѣлъ подъ этимъ—помимо ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій съ корпоративнымъ характеромъ—всю систему общиннаго и областного самоуправленія.

людьми, она лишь ограничена мѣстомъ и временемъ". „Рационалисты XVIII вѣка и слѣдовавшіе ихъ урокамъ исторіи проповѣдовали, что человекъ—разумное существо, и потому безусловная демократія—самый разумный порядокъ вещей. Психологія на это замѣчаетъ, что разумность человека обуславливается равновѣсіемъ его психического строя, и что безуміе всегда сторожитъ на межѣ разсудка, какъ недугъ сторожитъ на межѣ здоровья".

При такомъ различіи метода получается въ обоихъ случаяхъ различное представленіе о цивилизаціи и роли государства. Для старой школы рационализма цивилизація есть плодъ просвѣщенія, внезапно наступившаго какъ откровеніе разума послѣ вѣвовъ варварства и суевѣрія. Для научной школы цивилизація—плодъ медленнаго и долгаго произрастанія,—le produit net de l'histoire—результатъ накопленія трудовъ *лучшихъ* людей въ каждой области и лучшихъ народовъ. Для старой школы *свобода* и *равенство* царствовали изначала; въ естественномъ состояніи они были затемнены уродливымъ развитіемъ общественнаго строя и восстановлены деклараціей правъ человека и гражданина. Новая школа наравнѣ съ свободою и равенствомъ дорожить „признаемъ права другихъ" и „справедливостью" (équité et justice) и видитъ въ ихъ установленіи благодѣтельный результатъ цивилизаціи.

Для старой школы нормальный государственный порядокъ заключается въ господствѣ „общей воли" посредствомъ равнаго участія всѣхъ въ ея установленіи; правительству, вышедшему изъ этой воли, присвоивается безусловная власть надъ индивидуумомъ и обществомъ; отъ гражданина требуется полное обезличеніе и принесеніе въ жертву „общей воли" своего достоинства и убѣжденій—отъ общества требуется отсутствіе партій и мѣстныхъ интересовъ. Для новой школы власть государства ограничена двумя основными принципами (idées-maitresses) цивилизаціи—*честью* и *совѣстью*; въ силу совѣсти индивидуумъ признаетъ за собою обязанности, отъ которыхъ его никто не можетъ освободить; въ силу чести онъ признаетъ за собою права, которыхъ никто не можетъ его лишить". Цѣль государства—общее благо, но это общее благо должно быть достигаемо не понужденіемъ, не принципомъ—forcer le peuple d'être libre,—а добровольнымъ служеніемъ гражданина общему благу, что возможно лишь при личной свободѣ и мѣстной автономіи.

При такомъ взглядѣ на дѣло Тэнъ не могъ сохранить сочувствіе ни къ теоретическому направленію революціи 1789 года, ни къ ея практическому осуществленію въ якобинскомъ порядкѣ; онъ уже былъ неспособенъ, видѣть, какъ прежде, *идеализмъ* въ

восторженномъ одушевленіи революціонными принципами и якобинскими идеалами.

Но, вычеркнувъ идеализмъ изъ исторіи французской революціи, Тэнъ уничтожилъ духовную связь между нею и собою и лишилъ себя, какъ историка, возможности слѣдовать мудрому совѣту, который онъ далъ въ качествѣ критика: „обнять душою свой предметъ, такъ какъ талантъ всего болѣе обусловливается симпатіей“. Перейдя отъ симпатіи къ антипатіи, онъ не только долженъ былъ отступить отъ своего положенія: „наука не осуждаетъ и не прощаетъ“, но не могъ не поддаться тому настроенію, надъ которымъ онъ пронизировалъ въ статьѣ о Ла-Брюерѣ: „входишь въ гнѣвъ (on se met en colère), чтобы дать людямъ совѣтъ быть умѣренными и кроткими“.

Итакъ, полный разрывъ съ предшествовавшей ему культурной эпохой,—разрывъ не только въ убѣжденіяхъ, но и въ методѣ,—побудилъ Тэна свергнуть *кумира* революціи. Анализъ ума открылъ ему ложность якобинскихъ принциповъ, социологія — ихъ общественную зловредность; документальная исторія снабдила его обильнымъ матеріаломъ для обвиненія, художественное творчество сплотило этотъ матеріалъ въ подавляющій обвинительный актъ. Но не наука только и искусство проявились въ этомъ сокрушающемъ обвиненіи! Въ немъ присоединилось и *ораторство*. Исторія якобинцевъ Тэна представляетъ собою одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и *страстныхъ* plaidoyers въ французской литературѣ, столь богатой произведеніями этого рода. Замѣчательно, что Тэнъ, который началъ свое литературное поприще противоположеніемъ *ораторской* исторіографіи — *научной*, документальной, къ этой послѣдней самъ примѣнилъ ораторскіе приемы. Въ лицѣ Тэна французскій духъ проявилъ свою наслѣдственную черту, свою „господствовавшую способность“ — *ораторство* — въ самомъ отрицаніи классическаго, ораторскаго духа. Тэнъ самъ сознавалъ въ себѣ ораторскій духъ и приемы: „Ma forme d'esprit, — писалъ онъ въ частномъ письмѣ въ 1861 году, — est française et latine; classer les idées en files régulières, avec progression, à la façon des naturalistes, selon les règles des idéologues, bref, oratoirement. Mon effort est d'atteindre l'essence, comme disent les allemands... par l'analyse oratoire ¹⁾“.

В. Гвръе.

¹⁾ „Складъ моего ума французскій и латинскій; его свойство — располагать идеи практическими и поступательными прогрессивными рядами, по приемамъ натуралистовъ и по правиламъ идеологовъ — однимъ словомъ, *ораторскимъ* способомъ. Моя задача — схватить сущность, какъ выражаются нѣмцы, путемъ ораторскаго анализа“.

ВЪ ПОТЕМКАХЪ

О ЧЕРКЪ.

I.

Исполнялся первый номеръ программы юношеской вечеринки. Увлекаясь и жестикулируя, студентъ Невзоровъ читалъ рефератъ о нравственномъ совершенствованіи. Взяло отъ его словъ душевной чистотой и мечтательной поэзіей. Просто и ясно, безъ научной обосновки, разурьшалъ онъ данный вопросъ.

Общественныя формы бываютъ хороши или дурны, смотря по тому, каковы люди. Если люди будутъ нравственными, то и общественныя формы сами собой измѣнятся къ лучшему; слѣдовательно, обязанность каждаго, избравъ соотвѣтствующую способностямъ и влеченіямъ специальность, заниматься наукой, затѣмъ приносить наибольшую пользу въ сферѣ своей специальности и неуклонно стремиться къ нравственному совершенствованію.

Въ концѣ реферата въ голосѣ Невзорова прозвучали проповѣдническія ноты. Высокій, худой, съ длинными русыми волосами, съ блестящимъ вдохновеннымъ взоромъ, онъ походилъ на миссіонера, произносящаго первую проповѣдь. Онъ закончилъ рефератъ, поднявъ руку, какъ бы выражая этимъ жестомъ обязательность стремленія къ высокому идеалу.

Раздались живые аплодисменты; удовольствіе сіяло во многихъ молодыхъ глазахъ. Но никто не былъ такъ доволенъ, даже счастливъ, какъ первокурсникъ - медикъ Арнаутскій: рефератъ являлся для него какъ бы откровеніемъ.

Чистый, нравственный юноша, онъ былъ воспитанъ покойной матерью въ евангельскихъ правилахъ и въ невѣденіи жизни. Въ

семьѣ его не было борьбы; мать съ отцомъ жили дружно, сестренка была смиренная и добрая, также какъ онъ, и у него съ дѣтства сложился ровный, мечтательный взглядъ на жизнь: все дѣло въ томъ, чтобы быть добрымъ, справедливымъ честнымъ—и тогда всѣмъ будетъ хорошо. Онъ выбралъ медицинскій факультетъ, потому что врачъ—„другъ человѣчества“, уменьшаетъ страданія, избавляетъ отъ преждевременной смерти. Но онъ думалъ и о томъ, какъ устроить, чтобы не было бѣдности, чтобы всѣ жили въ любви и мирѣ, какъ его семья. Критическое мышленіе трудно давалось ему: чуть только начнетъ анализировать—и устаетъ, задумается, а черезъ минуту уже не думаетъ, а мечтаетъ, прочтаетъ серьезную книгу—и не можетъ въ ней разобраться.

Тревожное, угнетающее чувство охватывало его, когда онъ читалъ или слышалъ толики товарищей о трудныхъ боевыхъ задачахъ, которыя нерѣдко ставятъ исторія. Неужели и онъ, жаждущій любви и мира, долженъ принимать участіе въ какой-то борьбѣ? У него не было яснаго представленія, чтѣ это за борьба, но когда онъ слышалъ это слово, ему непременно воображалось поле, надъ которымъ плаваютъ облака дыма, а за ними непріятельская батарея, и онъ, вмѣстѣ съ другими, долженъ идти въ эти облака, вспыхивающія смертельнымъ огнемъ. И не отъ трусости, а отъ инстинктивнаго отвращенія къ борьбѣ, онъ протестовалъ:—нѣтъ, нѣтъ!.. Но вѣдь это борьба за правду... Нѣтъ, я не могу!.. Долженъ быть другой путь къ правдѣ..

Ему хотѣлось услышать такое слово, на которое откликнулось бы его сердце. Онъ ждалъ учителя, который, не требуя непосильной для его ума критической работы, авторитетно сказалъ бы ему: вотъ твой путь, вотъ задача жизни. И вдругъ оказывается, что сложные вопросы, въ которыхъ онъ путался, какъ въ незнакомомъ лѣсу, сводятся къ простой формулѣ нравственнаго совершенствованія, столь симпатичной его мирной натурѣ. Желанный путь вдругъ открылся передъ нимъ—широкій и свѣтлый. Правда, и на этомъ пути постоянная борьба, но не съ людьми, а съ самимъ собой, съ своими пороками, съ дурными склонностями. Этой борьбѣ онъ съ радостью отдается вполне.

Арнаутскій протиснулся сквозь толпу къ Невзорову и крѣпко пожалъ его руку.

— Вы освѣтили мнѣ жизнь,—сказалъ онъ и взглянулъ на него, какъ, бывало, глядѣлъ на мать, когда она читала ему евангеліе.

— Туркине возражать будетъ!..—раздалось въ залѣ.

„Возражать противъ истины!“ подумалъ Арнаутскій и съ

какимъ-то недружелюбнымъ чувствомъ посмотрѣлъ на чернаго широкоплечаго студента, занявшаго мѣсто за столомъ.

— Господа, сейчасъ случилась любопытная исторія,— началъ Туркинъ звучнымъ, нѣсколько пѣвучимъ баритономъ:— мой товарищъ открылъ давно открытую Америку и вызвалъ этимъ восторгъ. Наша задача — нравственное совершенствованіе,— говоритъ онъ.— Да кто же въ этомъ сомнѣвается? Съ тѣхъ поръ, какъ люди признали необходимость нравственности, эта задача общеобязательна. Но мы знаемъ, какъ она плохо разрѣшается, знаемъ и почему это такъ. Нельзя быть вполне здоровымъ въ нездоровой мѣстности, нельзя быть высоконравственнымъ при такомъ общежитіи, въ основѣ котораго — несправедливый, анти-нравственный принципъ. Повидимому, мой товарищъ представляетъ нравственность какъ нѣчто абсолютное, самоодвѣвающее, и тѣмъ обнаруживаетъ незнакомство съ литературой эволюціи нравственности.

Затѣмъ Туркинъ сдѣлалъ небольшую экскурсію въ область исторіи нравственности, для доказательства того, что экономическія и политическія условія даютъ большую или меньшую возможность нравственнаго преуспѣянія, и закончилъ свое возраженіе такими словами:

— Для того, чтобы, стремясь къ нравственному совершенствованію, не оставаться при одномъ только желаніи, надо знать, что для достиженія этой цѣли каждый обязанъ такъ или иначе работать для улучшенія формъ общежитія, и независимо отъ исполненія обязанностей, вытекающихъ изъ его спеціальности, считать своимъ долгомъ участіе въ историческомъ прогрессѣ, который самъ собой не двигается, а создается людьми.

Туркину тоже аплодировали, но только не Арнаутскій.

„Зачѣмъ эта исторія нравственности?— думалъ онъ:— любви ближняго, какъ самого себя; этого никакой прогрессъ не измѣнить. И къ чему научное изслѣдованіе того, что всякому сердцу ясно?“

И онъ слушалъ Туркина невнимательно, съ неудовольствіемъ, не возражая на доводы, а отталкивая ихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы истина была непременно пріятна ему, и искалъ ее не столько умомъ, сколько сердцемъ.

„Сухой діалектикъ!“ думалъ онъ, глядя на умное лицо Туркина.

Туркинъ казался ему недобримъ, потому что доводами отъ разума успѣлъ лишить его той радости, того душевнаго равновѣсія, которыя явились въ немъ послѣ вдохновенной рѣчи Невзорова.

„Ничто не заставитъ меня отказаться отъ этой вѣры, освѣтившей мою жизнь“, подумалъ Арнаутскій, и не принявъ участія въ спорахъ, вызванныхъ возраженіемъ Туркина. Онъ смотрѣлъ на возбужденныя лица товарищей и удивлялся, изъ-за чего они горячатся и спорятъ, когда все такъ просто, и у него было ясно на душѣ, какъ на небѣ, когда послѣ ненастья нѣтъ на немъ ни одного облачка.

Послѣ споровъ стали пѣть пѣсни; явилось пиво и водка.

Это огорчило Арнаутскаго. И вдругъ самъ Невзоровъ, провозгласивъ тостъ за стремленіе къ идеалу нравственности, залпомъ выпилъ стаканъ пива.

Арнаутскій не выдержалъ. Онъ подошелъ къ группѣ, окружавшей Невзорова, и съ волненіемъ сказалъ:

— Какъ же это, господа? Нравственное совершенствованіе — и водка, и пиво?..

— Такъ что же? — спросилъ Невзоровъ.

— Пить водку и пиво!..

— Ха, ха, ха!.. Ахъ, вы чудакъ!.. Мы пьемъ, но не пьянствуемъ... Нравственность — въ отношеніяхъ къ людямъ, въ любви къ нимъ, а не въ томъ, пить ли пиво, или лимонадъ.

Арнаутскій ничего не возразилъ, только смутился. Для него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что пить водку и пиво безнравственно, и вдругъ тотъ самый проповѣдникъ, который освѣтилъ его жизнь, говоритъ, что пить можно, только не напиваться.

„Значитъ, у cadaго своя нравственность, — думалъ онъ: — но вѣдь это вздоръ, — нравственность одна для всѣхъ“.

Ему стало грустно, и онъ ушелъ съ вечеринки. Морозный воздухъ освѣжилъ его голову. Неприятныя впечатлѣнія исчезли, и ему казалось, что съ этого вечера передъ нимъ открылась новая жизнь.

II.

Арнаутскій нашелъ у себя на столѣ почтовую повѣстку на пятьдесятъ рублей. Эту сумму отецъ высылалъ ему ежемесячно.

Уже давно Арнаутскаго беспокоилъ вопросъ, имѣетъ ли онъ нравственное право пользоваться этими деньгами. Отецъ его — водочный заводчикъ. Если пить водку безнравственно, то, конечно, еще хуже наживаться производствомъ водки. Деньги, добываемыя профессіей отца — нечистыя деньги; пользуясь ими, онъ становится какъ бы соучастникомъ въ дурномъ дѣлѣ. А кромѣ того, нрав-

ственный человекъ долженъ жить своимъ трудомъ, не на счетъ отца или какого-нибудь родственника.

Эти мысли не разъ уже являлись у Арнаутскаго. Получая на почтѣ деньги отъ отца, онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко и говорилъ самъ себѣ: „это надо хорошенько обдумать“.

Теперь онъ чувствовалъ, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ неотлагательно.

„Ясно, что я долженъ возвратить деньги, — разсуждалъ онъ: — тутъ и возражать нечего“.

Но возраженія сейчасъ же являлись.

„А вѣдь послѣ завтра надо платить за квартиру, — хозяйка требуетъ впередъ. Ну, она можетъ подождать... Конечно, подождать, но вѣдь это только отдаленіе вопроса, а не рѣшеніе. Чѣмъ я потомъ заплачу?.. Очень просто — найду урокъ... живутъ же другіе студенты уроками... Конечно, надо будетъ съѣхать съ этой квартиры и насчетъ ѣды посоветовать“.

Ему стало жаль просторной, высокой комнаты, онъ привыкъ къ ней.

„Все это пустяки, — возразилъ онъ самъ себѣ: — я долженъ такъ поступить, и, значитъ, нечего и разсуждать. Это будетъ мой первый шагъ на пути нравственнаго совершенствованія“.

Съ этой мыслью онъ и заснулъ. На другой день у него не было никакихъ колебаній. Онъ получилъ на почтѣ деньги и отправилъ ихъ обратно съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что онъ уже не ребенокъ и долженъ жить своимъ трудомъ, почему и возвращаетъ деньги и проситъ на будущее время не высылать.

Съ урокомъ ему посчастливилось. Въ мѣстной газетѣ онъ прочиталъ приглашеніе репетитора за столъ и квартиру, тотчасъ же пошелъ по адресу и былъ принятъ. Онъ былъ очень доволенъ: все такъ скоро и хорошо устроилось; онъ будетъ жить на свои честныя трудовыя деньги.

Однако радость его была непродолжительна.

Въ университетѣ къ нему подошелъ Невзоровъ и спросилъ:

— Правда ли, что вы взяли урокъ у Лучинова?

— Правда, — весело отвѣтилъ Арнаутскій.

— Но вѣдь это же свинство!

— Я не понимаю, — проговорилъ Арнаутскій, смутившись.

— Вы отняли средства къ жизни у бѣднаго товарища. Этотъ урокъ хотѣлъ взять Уховъ, и ему сказали, что вы уже предупредили его.

— Я таковой же бѣдный, какъ онъ.

— Вы бѣдный!.. Что вы меня морочите! Вы сами говорили мнѣ, что получаете пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

— Послѣ вашего реферата я отказался отъ этихъ денегъ.

— Послѣ моего реферата?..

— Да... признавъ цѣлью жизни нравственное совершенствованіе, я долженъ былъ отказаться отъ денегъ отца: онъ водочный заводчикъ, его деньги нечистыя.

— Гм... Но вѣдь и у Лучинова деньги нечистыя: это извѣстный дѣлецъ-хищникъ, онъ наканунѣ отдачи подѣ судъ... Но каковы бы ни были его деньги, право на нихъ имѣеть Уховъ, а не вы...

— Позвольте... Всякій долженъ жить своимъ трудомъ, значить и я, также какъ и Уховъ, имѣю право на этотъ урокъ.

— Поймите же, что вамъ отецъ даетъ деньги, а Ухову никто не даетъ. Вольно вамъ было отказываться отъ денегъ. Ясно, что урокъ—его, и вы поступили безнравственно, отнявъ хлѣбъ у товарища. Подумайте-ка хорошенько.

Ничего подобнаго Арнаутскій не ожидалъ. Первый шагъ по пути нравственнаго совершенствованія, которымъ онъ такъ былъ доволенъ, оказывается двусмысленнымъ. Онъ хочетъ жить своимъ трудомъ, для этого отказывается отъ отцовскихъ денегъ, беретъ урокъ... кажется, очевидно, что это поступокъ нравственный... И вдругъ тотъ самый человекъ, который разрѣшилъ всѣ его вопросы теоріей нравственнаго совершенствованія, говоритъ, что его поступокъ безнравственный... И вѣдь въ самомъ дѣлѣ онъ отнял хлѣбъ у товарища... Что же это такое?..

Арнаутскій безъ всякой пользы просидѣлъ на лекціи: мысль его безпрестанно возвращалась къ новому мудреному вопросу. Онъ запутывался въ недоумѣніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ: жить на отцовскія деньги безнравственно, но и лишить средствъ къ жизни голодающаго товарища тоже безнравственно... и притомъ у этого Лучинова тоже нечистыя, накраденныя деньги. Какъ же тутъ выпутаться, чтобы остаться чистымъ?..

Будь это только теоретическій вопросъ, Арнаутскій, не торопясь, сталъ бы его обдумывать, поносился бы съ нимъ мѣсяца два, поворачивалъ бы его на всѣ манеры и наконецъ додумался бы до какого-нибудь компромисса. Но вопросъ былъ срочный: завтра же надо или переѣхать на квартиру къ ученику, или отказаться отъ урока.

Къ вечеру у него заболѣла голова, а рѣшенія все еще не было. Онъ пошелъ посоветоваться къ товарищу, который нравился ему своей душевностью.

Натусъ былъ живнерадостный студентъ, постоянно насвистывающій или напѣвающій оперные мотивы.

— Батенька, что у васъ за физія!—встрѣтилъ онъ Арнаутскаго.

— А что?

— А вотъ полюбуйтесь, *s'il vous plait*.

Онъ сдѣлалъ такую смѣшную меланхолическую гримасу, что и Арнаутскій улыбнулся.

— Либо у васъ животъ болитъ, либо вы рѣшаете гамлетовскій вопросъ.

— Да, у меня очень важный вопросъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну, значить, я долженъ принять подобающій серьезному дѣлу серьезный видъ. Такой будетъ достаточно серьезень?

Арнаутскій опять не могъ не разсмѣяться отъ новой гримасы товарища.

— У васъ все смѣшеи, а у меня, ей Богу, серьезное дѣло.

— Ну, коли такъ, шутки въ чорту!.. Рассказывайте.

Онъ сталъ насвистывать молитву „Нормы“, а Арнаутскій разсказалъ ему свое горе.

— Только и всего?—воскликнулъ Натусъ.—Что же тутъ затруднительнаго?.. Дѣло очень просто. Отъ урока вы, разумѣется, должны отказаться въ пользу Ухова, потому что ему жрать нечего.

— А я что буду „жрать“?

— Вы получаете пятьдесятъ рублей.

— Я вѣдь вамъ сказалъ, что отослалъ эти деньги.

— Слышалъ, но не повѣрилъ, чтобы вы сдѣлали такую глупость.

— Отослалъ.

— Ну, значить, надо поправить глупость. Посылайте телеграмму, что вы отказались отъ денегъ, будучи не въ полномъ умѣ и памяти, и просите деньги возвратить.

Арнаутскій задумался.

— Слушайте, философъ,—сказалъ Натусъ:—по случаю разрѣшенія мудреныхъ вопросовъ, выпьемъ пивца.

— Я не пью.

— Ну, вы меня угостите—ни одного двугривеннаго. Сегодня „Русалка“ и, увы!—меня въ раю не будетъ.

Арнаутскій вынулъ мелочь изъ кошелька.

— Матрена!—закричалъ Натусъ, отворивъ дверь:—двѣ бутылки пива!..

„А вѣдь я дурно поступилъ,—думалъ Арнаутскій:—угощая

его пивомъ, я даю ему возможность сдѣлать безнравственный поступокъ. Неловко было отказать... но я долженъ былъ это сдѣлать”.

— Ну, что? вы опять копаетесь въ душѣ?.. Или не нравится вамъ мое рѣшеніе? Оппонируйте!.. „Смѣйся, паяцъ!“—запѣлъ онъ свѣшнымъ крикливымъ теноромъ.

— Какъ-то странно выходить, — заговорилъ Арнаутскій: — одно и то же—и нравственно, и безнравственно, а между тѣмъ нравственность абсолютна.

— Отъ абсолютовъ увольте, — перебилъ его Натусъ: — не признаю... А если они васъ интересуютъ, обратитесь къ философу III курса Олександрову: онъ ищетъ абсолютную истину; только поторопитесь, а то онъ, пожалуй, угодить въ сумасшедшій домъ. А это вы помните? „Какое чудное мгновеніе! что значить этотъ дивный сонъ“, — запѣлъ Натусъ.

— Право, не знаю...

— Эхъ вы!.. Канонъ изъ „Руслана“. Неужто не были третьяго дня?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, вы и музыку считаете безнравственной по „Крейцеровой сонатѣ“?

— Не считаю... да это не интересно... Слушайте, Натусъ: я не могу понять этого противорѣчія... вотъ насчетъ моего урока у Лучинова... съ одной стороны, я поступилъ нравственно, взявши этотъ урокъ, а съ другой—совсѣмъ напротивъ.

— Это у васъ мысли дwoятся... И знаете почему?

— Не знаю.

— Потому что не пьете вина, пива и водки.

— Все шутки и шутки... Поговоримъ серьезно, голубчикъ.

— Ей Богу же, я серьезно. У вашей мысли ножки коротенькія, а глазки узенькіе; двигается она какъ улитка, а смотреть какъ сова—яркаго освѣщенія боится. Отъ вина же, и отъ пива также, мысль окрыляется и летитъ яснымъ соколомъ, видеть, значить, весь горизонтъ... А посему пейте вино и пиво, и будете имѣть широкое міросозерцаніе, и мысль ваша дwoится не будетъ.

Вошла старуха-кухарка съ двумя бутылками.

— Благодарю васъ, прелестная Матрена!—воскликнулъ Натусъ и запѣлъ изъ „Фауста“:—„Позвольте проводить васъ“—и предложить стаканчикъ пива...

Старуха, ухмыляясь, выпила стаканъ пива и ушла.

— Ну-съ, revenons à nos moutons... Въ чемъ ваши затрудненія, милый философъ?

— Видите-ли... Если я откажусь отъ урока, чтобы не отбивать работы у товарища, то долженъ буду жить на нечистыя деньги; вы знаете, какъ ихъ добываетъ мой отецъ.

— Нечистыя деньги... Если ужъ вы такъ ставите вопросъ, то вамъ за уроки брать нельзя отъ богатыхъ людей, а отъ бѣдняковъ сами не возьмете. Отрѣжутъ богатые люди купоны и заплатятъ вамъ за урокъ, а купоны, какъ вамъ извѣстно, прибавочная стоимость, сирѣчь неоплаченный трудъ, сирѣчь нечистыя деньги.

— Что такое вы говорите?

— Да вы съ политической экономіей знакомы или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ познакомьтесь, а пока выпейте-ка пивца; ей Богу, лучше будете мыслить.

Арнаутскій покачалъ головой.

— Ну, какъ хотите. А я вамъ вотъ что скажу... Что бы вы ни дѣлали, а въ девятнадцатомъ вѣкѣ нельзя жить безъ болѣе или менѣе значительныхъ уклоненій отъ правилъ нравственности.

— Но вѣдь не уклоняться отъ нихъ—задача жизни.

— Значить, задача жизни—самоубійство.

— Почему?

— Уклоненія неизбежны, а если жизнь—въ неуклонности, значить жить нельзя.

Арнаутскій тяжело вздохнулъ. Натусъ дополнилъ стаканъ пивомъ и заговорилъ:

— Вы интересуетесь этикой. Знакомы вы съ литературой по этому предмету?

— Мало... Да и зачѣмъ это? Чтѣ бы люди ни написали о нравственности,—ничего новаго послѣ евангелія не скажутъ. Люби ближняго, какъ самого себя... Это абсолютная истина... И для невѣжественнаго мужика, и для профессора этики—однѣ и тѣ же заповѣди.

— Знаете чтѣ, Арнаутскій?.. Вамъ нельзя возражать, потому что, очевидно, вы ничего не читали по предмету, которымъ интересуетесь... Люби ближняго, какъ самого себя... А какъ, я васъ спрашиваю, невѣжественный мужикъ можетъ любить ближняго, когда половина людей для него не люди, когда, по его мнѣнію, женщина не человекъ?.. Или: не убей. Какъ люди исполнять эту заповѣдь, когда главная статья бюджетовъ всѣхъ европейскихъ государствъ—войско?.. Читайте, познакомьтесь съ эволюціей нравственности и не портите себѣ жизни, не копайтесь въ душѣ.

Арнаутскій молчалъ. Тяжелое ощущеніе процесса мысли,

ощущенно пробирающейся въ лабиринтъ противорѣчій, выразалось на его лицѣ. Натусъ напѣвалъ: „Какое чудное мгновенье!“...

— Такъ ли я васъ понялъ? — спросилъ наконецъ Арнаутскій: — вы сказали, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ нельзя быть нравственнымъ.

— Абсолютно нравственнымъ — да, нельзя.

— Но какъ же жить, не имѣя возможности удовлетворить потребность въ нравственности?

— Удовлетворяться возможнымъ... У меня, напримѣръ, потребность выпить натурального рейнвейна, а я удовлетворяюсь пивомъ, ибо вы не можете угостить меня рейнвейномъ, а невозможное невозможно... Стремясь къ идеалу нравственности, надо работать для устраненія препятствій на этомъ пути.

— То-есть, какъ же это?

— А вотъ, напримѣръ, я не могу исполнить заповѣдь: не убей, потому что долженъ быть солдатомъ; естественно, что я долженъ направить свою общественную дѣятельность на устраненіе условій, которыя мѣшаютъ мнѣ поступить по правилу нравственности.

— Но всякая дѣятельность съ цѣлью измѣненія социальныхъ и политическихъ условій бесполезна: когда люди будутъ нравственными, эти условія измѣнятся сами собой.

— Модная побасенка! — воскликнулъ Натусъ: — всѣ переменны въ обществѣ дѣлаются людьми, а не сами собой. Всѣ культурныя приобрѣтенія получили право гражданства послѣ многихъ жертвъ, послѣ тяжелой борьбы, въ которой пионеры погибли. Это азбука исторіи. Читайте, Арнаутскій, не мудрствуйте, какъ метафизикъ въ ямѣ, а не то — только нервную систему испортите. Слушайте: хотите, пойдемъ сейчасъ въ хорошимъ и умнымъ барышнямъ... Почитаемъ, поспоримъ, поболтаемъ... вы развлечетесь.

— Нѣтъ, я домой пойду.

— Копаться въ душѣ?

— Сегодня я долженъ рѣшить вопросъ объ урокѣ.

Арнаутскій пожалъ руку товарища и ушелъ.

III.

На другой день Арнаутскій отказался отъ урока и отрекомендовалъ вмѣсто себя Ухова.

Послѣ продолжительнаго ночного обдумыванія, онъ пришелъ въ заключенію, что обязанъ такъ поступить.

„У Ухова нѣтъ никакихъ средствъ, — думалъ онъ: — а я

нока могу обойтись: продамъ золотые часы и всѣ цѣнные вещи и найму дешевую квартиру“.

Не безъ сожалѣнія расстался онъ съ свѣтлой комнатой, съ цѣвѣтами на окнахъ. Новая квартира была очень неудобная: маленькая, низкая комната, въ которой пахло мышами; на некрашенной кровати съ гнѣздами клоповъ, вмѣсто пружиннаго тюфяка, лежалъ мѣшокъ съ соломой; письменнымъ столомъ служилъ простой кухонный столъ, прикрытый газетнымъ листомъ. За стѣной съ одной стороны безпрестанно плакалъ ребенокъ, мѣшалъ заниматься и рано будилъ, а съ другой стороны стучала швейная машинка. И обѣдъ уже не тотъ: жидкій супъ, или щи, вареная подозрительная говядина съ горчицей, въ перемежку съ тяжелыми котлетами. Но зато все это стоило 12 рублей въ мѣсяцъ!

Перемена обстановки и пищи для избалованнаго въ этомъ отношеніи Арнаутскаго была чувствительна, но у него былъ характеръ: разъ рѣшено, что такъ должно быть, онъ уже не отступить.

Однако онъ не чувствовалъ того удовольствія, какое даетъ человѣку исполненный долгъ; не было въ немъ сознанія полной нравственности своего поступка, которое одно вполнѣ вознаграждаетъ за вызванныя имъ лишенія.

Неотложность вопроса—чѣмъ жить, отказавшись и отъ отцовскихъ денегъ, и отъ урока, заставила его прибѣгнуть къ тому средству, какое было подъ руками; но въ первую же ночь на новосельѣ, когда онъ, приноровившись улечься такъ, чтобы не скатиться съ бугристаго соломенника, собрался заснуть, ему пришла мысль, что онъ поступилъ далеко не вполнѣ нравственно.

„Я отказался отъ жизни на отцовскія средства,—разсуждалъ онъ:—но вѣдь и проданныя мной вещи приобрѣтены на такія же деньги. Какой же послѣ этого смыслъ въ томъ, что я возвратилъ отцу пятьдесятъ рублей!“

Тоскливо стало ему, и мысль его жадно искала, за что ухватиться для самооправданія, какъ утопающій ищетъ доски или обломка.

„Но вѣдь мнѣ не было другого исхода. Хуже было бы, еслибы я взялъ урокъ и заставилъ товарища голодать. Да, хуже, а все-таки нехорошо... Но чтѣ же мнѣ было дѣлать?.. Не умирать же съ голоду?!...“

Самовозраженія прекратились, но не надолго.

„А все-таки нехорошо... все-таки я рѣшилъ жить на нечестныя деньги“.

И его еще больше охватило тоскливое чувство отъ невоз-

возможности согласить мучительныя противорѣчія. Ревѣлъ ребенокъ за стѣной; мать убаюкивала его, мѣшая ласковыя слова съ бранью и проклиная свою судьбу, а онъ все думалъ и думалъ и терзалъ себя. Наконецъ, онъ нашелъ успокоеніе.

„Да, это дурно, но это мой послѣдній грѣхъ. Никогда больше у меня не будетъ никакихъ денегъ, кромѣ трудовыхъ“.

Но ему все-таки не спалось. Послѣ небольшого отдыха отъ самоистязанія, оно началось снова.

„Ну, хорошо... А потомъ что?..“

Онъ вздохнулъ. Опять потянулись противорѣчія, какъ длинными осеннія облака; опять онъ точно на перекресткѣ дорогъ у сказочнаго столба съ надписью, предсказывающей бѣду всюду, куда ни пойдешь.

„Жить уроками... Для другого этии словами вопросъ былъ бы рѣшенъ, но не для меня... Во-первыхъ, не всякій урокъ можно взять. Нужно предварительно узнать, будутъ ли мнѣ платить честно заработанными деньгами. Но это еще не все. Положимъ, я нашелъ такой урокъ, но вѣдь мнѣ опять скажутъ, что я не могу его взять—онъ нуженъ кому-нибудь изъ товарищей, не имѣющихъ возможности получать деньги отъ отца... О, затѣмъ мой отецъ не бѣднѣе?.. Тогда я съ спокойной совѣстью жилъ бы уроками, какъ живутъ бѣдные товарищи. Ремеслу научиться? Самогъ шить, столярничать?..“

Онъ безнадежно вздохнулъ: для него это было невозможно—нѣтъ времени... его цѣль—быть добросовѣстнымъ, знающимъ врачомъ; надо серьезно заниматься, а занятія даются ему съ большимъ трудомъ.

„Стипендію попросить?.. Не дадутъ—скажутъ: отецъ богатый; да и взять нельзя, если бы и дали—та же исторія, что съ уроками“.

Онъ не могъ выпутаться изъ противорѣчій; путаница мыслей увеличивалась, чѣмъ больше онъ думалъ.

„Посоветоваться съ товарищами?.. Но они сказали уже, что я долженъ жить на деньги отца, а я этого не хочу. Что же мнѣ дѣлать?“ спрашивалъ онъ самъ себя, измученный бесплодной работою мысли.

Онъ ухватился за то средство, въ какому люди обыкновенно прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ—за отсрочку рѣшенія вопроса.

„Время терпѣть,—подумалъ онъ:—денегъ, вырученныхъ моимъ послѣднимъ грѣхомъ, хватитъ на полгода, а въ это время что-нибудь придумається, утро вечера мудренѣе“.

Утро было довольно неприятное для Арнаутскаго: онъ не вы-

спался, голова была тяжелая. Насворо выпивъ чаю, онъ загоропился на лекціи.

Только-что онъ сталъ подниматься по университетской лѣстницѣ въ аудиторію, педель объявилъ ему приглашеніе въ инспекцію.

— Это еще что такое?—удивился Арнаутскій.

— Были вы на вечеринкѣ, состоявшейся на прошедшей недѣль?—спросилъ его инспекторъ.

— Былъ.

— А Уховъ?

— Не былъ,—не задумываясь, солгалъ Арнаутскій.

— Вы это утверждаете, или вы, можетъ быть, не замѣтили?

— Утверждаю.

Все это было сказано безъ всякаго раздумья, и Арнаутскій не испыталъ ни малѣйшаго укола совѣсти, но какъ только онъ вышелъ изъ кабинета инспектора, началось самоистязаніе.

„Нравственно ли я поступилъ?“

И опять два отвѣта: и нравственно, и безнравственно...

„Я солгалъ,—значитъ, безнравственно; но я не выдалъ товарища, значитъ—нравственно“...

Онъ рѣшилъ не думать теперь объ этомъ, и, встрѣтивъ товарищей своего кружка, сказалъ имъ, что сегодня надо собраться и обсудить важный этическій вопросъ.

IV.

Нравственники или „самогрызы“, какъ ихъ прозвали въ университетѣ, собрались вечеромъ у Арнаутскаго. Стало тѣсно и душно въ маленькой комнатѣ. Четверо сидѣли на кровати, которая при малѣйшемъ движеніи отвратительно скрипѣла, какъ татарская арба. Угарный самоваръ кипѣлъ на столѣ.

Шелъ споръ между Арнаутскимъ и Невзоровымъ; остальные думали про себя, попивая чай въ приеуску, и только иногда ставили вопросы. Арнаутскій рассказалъ свой разговоръ съ инспекторомъ и спросилъ:

— Нравственно ли я поступилъ?

— Разумѣется,—отвѣтилъ Невзоровъ.

— Но вѣдь я солгалъ.

— Вѣрно; но развѣ можно выдать товарища?

— Нельзя... но вотъ въ этомъ-то и противорѣчіе: выдать товарища безнравственно, но вѣдь и лгать безнравственно.

— Не въ такой степени.

— Значить, все-таки въ известной степени я поступилъ безнравственно.

— Нѣтъ! Плюсъ—два, минусъ—единица, въ итогѣ—плюсъ единица.

— Но почему же не выдать товарища—плюсъ два, а солгать—минусъ единица, почему тоже не минусъ два?

— Какъ вамъ объяснить?.. Этого не докажешь; это чувствуется безъ всякихъ доказательствъ, инстинктъ нравственный подсказываетъ.

— Но вѣдь для нравственнаго совершенствованія нужны опредѣленные правила... Надо точно знать, что я долженъ дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, а не на инстинктъ разсчитывать.

— Позвольте,—раздался густой басъ одного изъ сидѣвшихъ на кровати:—про самого себя можно лгать или нельзя?

— Конечно, нѣтъ—отвѣтилъ Арнаутскій.

— А если правда принесетъ мнѣ весьма чувствительное зло?

— Что же, надо страдать за правду.

— Значить, быть исключеннымъ изъ университета?

— Почему?

— Очень просто. Если быть правдивымъ, то я долженъ объявлять каждому, что я его не уважаю, и объяснить—почему.

— Затѣмъ объявлять, если объ этомъ не спрашиваютъ?..

— Это ужъ компромиссъ... И какъ же это я буду служить правдѣ, если стану молчать, когда надо говорить... Иду дальше. Я долженъ говорить правду всѣмъ... Но если я это сдѣлаю, то черезъ нѣсколько дней буду или въ сумасшедшемъ домѣ, или въ тюрьмѣ.

Всѣ задумались.

— Вотъ въ чемъ дѣло, господа,—заговорилъ Невзоровъ:—чтобы выпутаться изъ этихъ противорѣчій, надо отдѣлать понятие о нравственности, какъ объ идеалѣ, отъ понятія о практической морали. Ложь безнравственна. Это—идеалъ абсолютный, не допускающій и тѣни компромисса. Но вѣдь мы, нравственно совершенствуясь, только стремимся къ идеалу, а на этомъ пути, какъ и на всякомъ другомъ, уклоненія, компромиссы неизбежны. Не было и нѣтъ нравственнаго человѣка, который не считалъ бы обязательнымъ солгать въ томъ или другомъ случаѣ. Слѣдовательно, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы должны лгать, то наша обязанность по возможности сокращать число такихъ случаевъ. А для этого надо установить критерій. Окончивъ университетъ, мы, въ роляхъ врачей, учителей, судей, будемъ исполнять общественныя обязанности. Мы стремимся не къ вѣчной, а къ обще-

ственной цѣли: слѣдовательно, окончаніе университетскаго курса для насъ обязательно, это условіе *visе quo pop*, это наша нравственная задача, безъ разрѣшенія которой мы не можемъ быть общественными дѣятелями. Поэтому окончаніе университетскаго образованія и есть тотъ критерій, о которомъ я упомянулъ. Мы можемъ, слѣдовательно, и даже должны уклоняться,—по возможности меньше, вонечно,—отъ обязанности говорить правду въ тѣхъ случаяхъ, когда правда могла бы помѣшать намъ окончить университетъ.

Арнаутскій слушалъ Невзорова и разочаровывался въ немъ. Въ томъ рефератѣ онъ былъ пророкомъ, указывавшимъ прямую дорогу нравственнаго совершенствованія, теперь онъ допускаетъ компромиссы. Орелъ пророка поблѣднѣлъ и исчезъ.

— Значить,—печально произнесъ Арнаутскій:—для достиженія нравственной цѣли мы должны совершать безнравственные поступки.

— Но такой поступокъ уже не будетъ безнравственнымъ.

— Безнравственное всегда безнравственно.

— Я васъ понимаю, Арнаутскій, и глубоко сочувствую вашему взгляду, но такая прямолинейность возможна только въ абстракціи, а не въ жизни.

— Но тогда какой смыслъ въ жизни, если нельзя быть нравственнымъ?

— Нравственно совершенствоваться, вотъ задача жизни.

— Разъ вы допускаете компромиссы, она недостижима.

— Я же сказалъ, что наша обязанность—насколько возможно сокращать число необходимыхъ компромиссовъ.

Арнаутскій замолчалъ—неудовлетворенный.

— Ну, хорошо,—раздался тотъ же густой басъ:—я руководствуюсь критеріемъ, установленнымъ Невзоровымъ, кончаю университетъ, и, какъ врачъ, вступаю въ исполненіе общественныхъ обязанностей... Какой тогда будетъ критерій?

— Лечи добросовѣстно, вотъ и все, — отвѣтилъ его сосѣдъ.

— Погоди. Зовутъ меня къ больному. Оказывается плуть девяносто-шестой пробы. Еслибы онъ опочилъ, было бы счастье для многихъ людей. Будетъ ли нравственно, если я его вылечу, или я обязанъ отказаться его лечить?

— Врачъ обязанъ лечить всякаго безусловно,—сказалъ Невзоровъ.

— А я полагаю, что могутъ быть случаи, когда призадуматься.

Долго проспорили и на эту тему, и какъ обыкновенно бываетъ, всякій остался при своемъ мнѣнїи.

Когда товарищи ушли, Арнаутскій грустно вздохнулъ. Онъ раскопался со всѣми по вопросу о компромиссахъ. Всѣ допускали ихъ во имя нравственной цѣли, а онъ этого не понималъ. Правда, что и его первый шагъ на пути нравственнаго совершенствованія былъ компромиссъ, но онъ зато считалъ его послѣднимъ грѣхомъ. Нравственное совершенствованіе онъ и понималъ какъ борьбу съ компромиссами, какъ совершенное устраненіе ихъ.

„Въ чемъ выразится наше совершенствованіе въ правдивости,—думалъ онъ,—если мы будемъ говорить правду, когда она для насъ безвредна, или причиняетъ незначительный вредъ, и лгать, если вредъ большой? Такъ поступаетъ и тотъ, кто не ставитъ своей задачей нравственное совершенствованіе“.

Съ этими мыслями онъ легъ спать, чувствуя сильное утомленіе.

V.

Арнаутскій жилъ одиноко. У него собирались товарищи или онъ ходилъ къ нимъ только „по дѣлу“, т.-е. когда нужно было разъяснить какое-нибудь острое недоразумѣніе. Эти бесѣды обыкновенно приводили Арнаутскаго въ дурное настроеніе: начиналось съ того, что признавали то или другое нравственное правило безусловно обязательнымъ, а кончалось необходимостью компромиссовъ и исключеній. Иногда въ Арнаутскому забѣгалъ Натусъ и нарушалъ свистомъ и пѣніемъ тишину въ его уютной, мрачной квартирѣ. Натусу жаль было товарища, и онъ все пытался „втянуть его въ жизнь“.

— Какъ вамъ не скучно одному сидѣть?.. Отчего нигдѣ не бываете? — тормошилъ онъ угрюмаго товарища.

— Чѣмъ меньше общенія съ людьми, тѣмъ лучше — грѣха меньше.

— Великолѣпнѣйшій эгоизмъ! До людей мнѣ нѣтъ дѣла... Уйду въ келью подъ елью, и буду сїять нравственнымъ совершенствомъ!.. Эхъ, Арнаутскій, бросьте вы эту елеиную ерунду! Идите въ міръ, работайте для улучшенія вѣднѣйшихъ условій общезжитія, тогда и сами сдѣлаетесь нравственнѣе...

— Только нравственно-совершенные люди могутъ улучшить условія общезжитія.

— Да?.. Это по-вашему догмать... А какъ вы полагаете, сѣверо-американцы, когда боролись съ англичанами за независи-

мость, вѣдь они не были нравственнымъ совершенствомъ, а между тѣмъ теперъ вѣдь имъ легче быть нравственнымъ, чѣмъ другимъ.

— Какъ же это легче?

— Въ Америкѣ вамъ, напримѣръ, не пришлось бы лгать въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вы не можете не лгать.

Арнаутскій вспомнилъ свою ложь насчетъ Ухова, и на минуту задумался, потомъ вдругъ встрепенулся и сказалъ:

— Чтѣ бы вы ни говорили, а я вѣрю словамъ нашего великаго писателя; я записалъ ихъ... вотъ слушайте...

Онъ вынулъ изъ стола свою памятную книжку и съ благоговѣнiемъ, тѣмъ тономъ, какимъ вѣрующiе цитируютъ евангелiе, прочиталъ слѣдующее:

„Стѣитъ людямъ только понять это: перестать заботиться о дѣлахъ вѣншнихъ и общихъ, въ которыхъ они несвободны, а всю ту энергiю, которую они употребляютъ на вѣншнiя дѣла, употребить на то, въ чемъ они свободны—на признанiе и исповѣданiе той истины, которая стоитъ передъ ними, на освобожденiе себя и людей отъ лжи и лицемерiя, скрывающихъ истину, —для того, чтобы не только каждый отдѣльный человекъ достигъ высшаго доступнаго ему блага, но чтобы осуществилась хоть та первая ступень царства Божiя, въ которой уже готовы люди по своему сознанию“...

— Въ томъ-то и бѣда,—воскликнулъ Натусъ:—что вы вѣрите тамъ, гдѣ надо разсуждать. Проанализируйте то, чтѣ вы прочитали, и останется пустопорожнее мѣсто.

— Оставимъ этотъ разговоръ!—сказалъ Арнаутскій.

Его всегда раздражало критическое отношенiе къ тавому учению. Натусъ махнулъ рукой.

— Пойдемъ на набережную. Можетъ быть, весеннiй воздухъ заставитъ васъ полюбить жизнь и бросить самоугрызенiе.

— Нѣтъ, мнѣ заниматься надо.

Однако занятiя Арнаутскаго шли не особенно успѣшно. Съ тѣхъ поръ, какъ выставили окна, плачь ребенца за стѣной сдѣлался громче, швейная машинка стучала раздражительно, а когда она замолкала, приходилось слушать, какъ сосѣдка повторяла арию Торсадора.

Проходя каждый день мимо окна сосѣдки, Арнаутскій иногда невольно замѣчалъ, что наклонившаяся надъ работой дѣвушка выпрямилась и глядѣла на него большими черными глазами. Ея взглядъ казался ему слишкомъ смѣлымъ, и заставлялъ его опускать глаза и ускорять шаги. Однажды онъ услышалъ ея смѣхъ и слова: „студентъ, который въ монахи готовится“.

Чистыя отношенія въ женщинамъ были капиталнымъ пунктомъ въ его правилахъ нравственности. Онъ былъ убѣжденъ, что любовь одна въ жизни, что любить можно только женщину-друга, а безъ этой дружбы связь съ женщиной въ высшей степени безнравственна. Застѣнчивый до крайности, Арнаутскій побаивался барышень.

„Болтовня съ ними до добра не доводитъ“, — думалъ онъ, — и вспоминалъ одного товарища, который любилъ общество барышень, женился, и теперь — несчастнѣйшій человекъ: только послѣ женитьбы увидѣлъ, что жена ему совершенно не пара.

По этому пункту нравственныхъ правилъ Арнаутскій былъ безупреченъ, и чувствовалъ себя на твердой почвѣ: тутъ ужъ никакія соображенія не могутъ оправдать компромисса, тутъ человекъ самъ надъ собой хозяинъ, для такихъ грѣховъ нѣтъ оправданія. И Арнаутскій гордился тѣмъ, что хоть въ этомъ отношеніи онъ „живетъ свято“.

Однажды вечеромъ засѣлъ онъ по обыкновенію за работу, заткнувъ уши, чтобы не слышать швейной машинки, и подумалъ:

„Надо бы перемѣнить квартиру, чтобы этотъ стулъ не мѣшалъ заниматься“.

Машинка скоро замолчала, и Арнаутскій углубился въ лекціи.

— Здравствуйте, монахъ! — раздался за его спиной звонкій голосъ.

Онъ вздрогнулъ, вскоچилъ со стула и увидѣлъ сосѣдку. Она была въ красной кофточкѣ, перехваченной поясомъ; глаза и все лицо ея свѣтились задорной улыбкой.

Арнаутскій сконфузился и молчалъ, враждебно взглянувъ на гостью.

— Давно въ сосѣдяхъ живемъ, пора познакомиться, — сказала она.

Онъ придумывалъ, что надо сдѣлать, чтобы она ушла.

„Скажу прямо, что не желаю знакомства“...

Но онъ не рѣшился на это, подумавъ: „зачѣмъ ее обижать“, и продолжалъ молчать, стоя передъ ней и глядя въ полъ.

— Однако вы не любезны... и руки не хотите подать... Важничаете...

— Ахъ, нѣтъ! — возразилъ онъ, и торопливо, неловко подаль ей руку.

Она крѣпко пожала ее, и Арнаутскій еще больше сконфузился.

— И сѣсть не приглашаете... Ну, да я сама сяду.

— Извините, садитесь пожалуйста...

— „Послѣ ужина горчица“... — Она раскохоталась.

— Слушайте, монахъ, я васъ соблазнять пришла: покатаемся сегодня на лодкѣ... больно надоѣла работа, погулять хочется.

Арнаутскій любилъ кататься на лодкѣ, но вдвоемъ съ женщиной... это невозможно...

— Мнѣ надо заниматься, — сказалъ онъ.

— Не убѣгутъ ваши книжки до завтра. Поѣдемъ... милый студентикъ, пожалуйста поѣдемъ...

— Не поѣду, — рѣшительно произнесъ Арнаутскій.

— У... какой недобрый! Такого нелюбезнаго кавалера я еще не встрѣчала. Дѣвушка просить его удовольствіе доставить, а онъ даже и не взглянетъ. Боятся вы, что-ли, меня?

— Чего же мнѣ васъ бояться...

— Ну, такъ поглядите! можетъ быть, думаете, что я уродъ...

Арнаутскій рѣшился на крутую мѣру.

— Знаете чтѣ,—заговорилъ онъ:—вы напрасно пожелали со мной познакомиться: я очень скучный сосѣдъ, любезничать не умѣю...

— Объ этомъ чтѣ и говорить... Ну, а все-таки, поглядите на меня, безъ этого я не уйду.

Она положила руку на его плечо.

— Странный вы человѣкъ!—проговорилъ онъ и, осторожно освободившись отъ ея руки, отошелъ въ уголъ.

— Да вы боитесь меня! Ей Богу, боитесь... Ха-ха-ха!.. Студентъ боится дѣвушки! Но я не отстану. Слушайте: поглядите на меня, и я уйду, коли вы меня такъ принимаете.

Онъ обрадовался этому обѣщанію и посмотрѣлъ на свою гостью. Это продолжалось нѣсколько секундъ, но изъ ея глазъ въ грудь юноши проникла сладкая отравка.

— Вы хорошенькій, — сказала она: — а за нелюбезность я вамъ отомщу. Прощайте, господинъ монахъ!—и она тутъ же стремительно обняла и поцѣловала его.

Когда Арнаутскій очнулся, ея уже не было въ комнатѣ. Онъ долго не могъ унять охватившаго его волненія; сердце колотилось, какъ никогда, щеки пылали.

Успокоившись, онъ началъ обсуждать случившееся.

„Это ужасно, просто невозможно!.. И какъ это дѣвушка можетъ быть такой смѣлой?.. Прийти къ мужчине самой... Какъ это безнравственно!.. Но нѣтъ ли и моей вины?.. Я вѣдь все-таки разговаривалъ съ ней... Еслибы я сразу попросилъ ее уйти, этого бы не случилось... Я, значитъ, далъ ей нѣкоторый поводъ. Но вѣдь неделикатно было сказать: уходите... Не дикарь же я какой-нибудь...“

Такимъ образомъ оказывалось, что онъ не виноватъ — все это случилось помимо его воли.

„Но на будущее время надо принять мѣры, — думалъ онъ: — это нехорошее сосѣдство“.

Онъ рѣшилъ дожить мѣсяць въ этой квартирѣ, такъ какъ деньги уже заплачены, и переѣхать.

А между тѣмъ ядъ вошелъ въ кровь и начиналъ дѣйствовать.

На другой день, когда Арнаутскій опять раздумывалъ о случившемся, онъ вдругъ поймалъ себя на томъ, что, вспоминая объ ея посѣщеніи, называя его циничнымъ, глубоко-безнравственнымъ, онъ вспоминалъ о томъ съ удовольствіемъ. Онъ ужаснулся.

„Что же это значить?“

А за этимъ вопросомъ явился другой: желалъ ли бы онъ ее видѣть? Онъ рѣшительно отвѣтилъ: „ни за что“, а другой голосъ гдѣ-то далеко въ груди его прошепталъ: „полно, такъ ли?.. прислушайся къ себѣ хорошенько“...

„Ни за что! — повторилъ онъ: — да и ей неловко будетъ встрѣтиться со мной“.

А за стѣной опять стучала машинка, прерываемая аріей Торредора.

„Непремѣнно съѣду съ этой квартиры, — рѣшилъ онъ: — все это однако вадоръ, надо объ этомъ не думать...“

Онъ напился чаю и собирался идти въ университетъ. Совѣсть его не беспокоила: самое тщательное выслѣживаніе не открыло во вчерашнемъ визитѣ ничего преступнаго съ его стороны.

Когда онъ проходилъ мимо окна сосѣдки, у него вдругъ явилось желаніе взглянуть на нее. Желаніе было такъ сильно и налетѣло такъ стремительно, что онъ едва-едва ему не подчинился. Еслибы она въ этотъ моментъ окликнула его, онъ не поборолъ бы искушенія, но она была занята вдѣваніемъ нитки въ иглу.

Выйдя на улицу, Арнаутскій съ удовольствіемъ вздохнулъ: онъ не сдѣлалъ того, что не слѣдовало; но чувство самодовольства отъ этой побѣды надъ самимъ собой скоро исчезло.

„Я устоялъ, но вѣдь у меня все-таки явилось это постыдное желаніе... Почему это?.. Послѣ вчерашняго мнѣ должно бы противно взглянуть на нее, а я этого желалъ... Что же это такое?..“

Всю дорогу до университета онъ производилъ обыскъ въ своей душѣ и инквизиторскій самодопросъ.

VI.

Машинка стучала. Арнаутскій сидѣлъ за записками лекцій, такъ же, какъ и вчера. У сосѣдки работа шла хороша, у него не ладилась.

„Что за чертовщина!.. Второй разъ читаю и не могу понять. Попить чайку, что-ли?“

Онъ сходилъ къ хозяйкѣ и попросилъ поставить самоваръ.

— „Тореадоръ“... фальшиво доносилось черезъ стѣну.

„Она, пожалуй, опять придетъ“, подумалъ Арнаутскій.

Онъ испугался и заперъ дверь на крючокъ.

„Глупо,—рѣшилъ онъ, пройдя по комнатѣ:—что я, въ самомъ дѣлѣ, ребенокъ, что-ли?.. Все это такъ вышло вчера, потому что я сконфузился... Если она придетъ, я съумѣю сказать что слѣдуетъ“.

Онъ отперъ дверь и продолжалъ ходить.

„Если она придетъ,—раздумывалъ онъ:—то прежде всего я не долженъ обращать вниманіе на то, что она дѣвушка... буду считать, что ко мнѣ пришелъ товарищъ, и прочитаю ей товарищескую нотацію... Можетъ быть, она только легкомысленна и не понимаетъ своихъ поступковъ. Однако, съ какою стати я о ней думаю?“

Углубиться въ изслѣдованіе этого вопроса ему помѣшало звяканье шпоръ.

„Это къ ней“,—подумалъ онъ, и сердце его забилось скорѣе.

За стѣной раздался хриплый баритонъ и ея звонкій, разсмычатый смѣхъ.

Разобрать можно было только нѣкоторыя слова... Арнаутскій слышалъ, какъ она сказала: „поѣдемъ на лодкѣ“. Волненіе охватило его. Тяжело дыша, онъ слышалъ, точно въ тревожномъ снѣ, какъ опять зазвенѣли шпоры, стукнула дверь, прошумѣло женское платье—и все стихло.

Растерянно оглядѣлъ Арнаутскій свою комнату и почувствовалъ какую-то горькую обиду.

Кухарка принесла самоваръ и сосплетничала:

— Мамзель наша съ поручикомъ ушла.

Ощущеніе обиды стало еще больше... Арнаутскій заварилъ чай и вдругъ почувствовалъ зависть къ этому неизвѣстному офицеру: онъ поѣхалъ съ ней на лодкѣ.

„Ну, такъ что же?.. Вчера я тоже могъ бы поѣхать—и отказался“.

Ему стало жаль, что онъ это сдѣлалъ... Передъ нимъ живо нарисовалась картина. Поручикъ—онъ почему-то представился Арнаутскому толстымъ, съ грубымъ лицомъ, съ большой бородавкой у носа—сидитъ на веслахъ, а она смотритъ на него вчерашнимъ взглядомъ.

Зависть осложнилась жгучей ненавистью. Было тихо. И вдругъ Арнаутскому показалось, что она дома и вотъ сейчасъ застучитъ ее машинка. Какъ жадно желалъ онъ этого стука! Какая радость была бы услышать такъ надѣвшаго ему Торедора! Онъ прислушивался, затанувъ дыханіе... Тихо за стѣной, а тамъ далеко на рѣкѣ скользятъ лодка...

Ему захотѣлось заплакать, потому его охватилъ ужасъ.

„Что это такое?.. Любовь?..“

Онъ горько усмѣхнулся.

„Какая же это любовь?.. Это постыдное животное чувство... Но какъ могло оно явиться?..“

Онъ глядѣлъ недоумѣвающими печальными глазами, какъ бы отыскивая отвѣта. Мысли его путались.

„Постой, не волнуйся,—унижалъ онъ самъ себя:—ты на дорогѣ къ преступленію... надо обсудить вопросъ хладнокровно... Это постыдное чувство я долженъ вырвать съ корнемъ... Я не долженъ ее видѣть... Завтра же перемѣню квартиру, и все это кончится“.

Но до завтра оставались вечеръ и ночь, какихъ еще не зналъ бѣдный юноша.

„Можетъ быть, она вовсе не такая, какой кажется,— снова подумалъ онъ:—она работаетъ цѣлый день, ей захотѣлось поваляться на лодкѣ, отдохнуть отъ скучной возни съ машиной... можетъ быть, этотъ офицеръ—ея родственникъ...“

И ему страстно хотѣлось, чтобы это было дѣйствительно такъ, но волны ревности кипѣли въ его груди.

„Я не долженъ о ней думать“,—повторялъ онъ нѣсколько разъ, но въ головѣ его не было мѣста для другихъ мыслей.

„Заставлю себя заниматься во что бы то ни стало“,—рѣшилъ онъ и развернулъ записки. Черезъ минуту онъ схватилъ фуражку и ушелъ, самъ не зная куда.

И какъ-то такъ само собой вышло, что онъ очутился на пристани. Нѣсколько лодокъ тихо покачивались у мостковъ... Перевозный пароходъ только-что отчалилъ съ паромомъ, тѣсно заставленнымъ телѣгами и лошадьми. Надъ рѣкой спускались сумерки, огни загорались на мачтахъ судовъ, безпрестанно свистѣли и ревѣли пароходы... Арнаутскій глядѣлъ на разлившуюся

рѣку и какъ будто слышалъ сильные удары весель по водѣ и въ лучахъ розовой зари видѣлъ скользящую лодку, и ее, и этого ненавистнаго офицера.

Что-то душило его, и отъ какой-то особенной злобы закипала его кровь.

Онъ пошелъ по берегу, вглядываясь въ сумракъ, сгущавшійся надъ рѣкой; онъ шелъ долго... уже стемнѣло... и вдругъ у него мелькнула мысль:

„А можетъ быть, она давно дома!.. можетъ быть, она заходила ко мнѣ?..“

Ему стало весело... онъ повернулъ къ городу и заторопился.

Черезъ минуту онъ сталъ доказывать себѣ, что ему нечего торопиться: онъ не долженъ интересоваться тѣмъ, дома она, или нѣтъ... не долженъ желать увидѣть ее... это безнравственно.

И ему казалось, что онъ заставилъ себя умѣрить шаги, но онъ почти бѣжалъ и, запыхавшись, дошелъ до своей квартиры. Въ ея окнѣ огня не было, на двери замокъ... Съ тяжелымъ вздохомъ вошелъ Арнаутскій въ свою комнату и зажегъ лампу. Онъ сталъ ждать возвращенія сосѣдки, мучительно волнуясь, вздрагивая отъ каждаго стука... Уже начинало свѣтать, когда она пріѣхала... Арнаутскій слышалъ, какъ она отпирала дверь, потомъ стукнула дверью, и ему стало такъ горько, такъ обидно, что онъ уткнулся въ подушку и заплакалъ.

VII.

Освѣжившись сномъ, Арнаутскій почувствовалъ себя бодрымъ, уравновѣшеннымъ. Вчерашнія волненія и муки показались ему удивительной глупостью и неопозволительной слабостью. Онъ ясно сознавалъ свою обязанность сегодня же переѣхать на другую квартиру.

Онъ и отправился на поиски. Пересмотрѣлъ онъ много квартиръ, но все это были неподходящія, опасныя: то барышни-дочери у квартирной хозяйки, то швейная мастерская во дворѣ. Онъ готовъ былъ примириться съ какими угодно неудобствами, только не съ такими. Проходивъ полдня, онъ наконецъ нашелъ квартиру, въ которой жили двѣ старухи: хозяйка и кухарка. Вдова-чиновница нанимала двѣ комнаты и одну отдавала жильцу. Она радушно встрѣтила Арнаутскаго: у нея тоже былъ сынъ студентъ, — рассказала она, — да не удалось ему окончить универ-

сигеть, уѣхалъ въ архангельскую губернію, простудился тамъ въ лютую зиму и умеръ.

Старуха всплкнула отъ этого воспоминанія и закончила его словами:

— У меня вамъ хорошо будетъ, тихо, покойно.

Арнаутскій заплатилъ за мѣсяць и хотѣлъ немедленно переѣзжать, но хозяйка просила отложить переѣздъ до завтра: надо полы вымыть въ его комнатѣ. Онъ подумалъ, что одинъ день ничего не значить, и согласился.

Идти домой онъ боялся, пообѣдалъ въ бухмистерской, и уже когда стемнѣло—быстро прошелъ мимо окна сосѣдки.

„Завтра буду на новосельѣ, и весь этотъ угаръ пройдетъ, —думалъ онъ.—Здѣрово стану заниматься, два дня ничего не дѣлалъ...“

Но только-что онъ это подумалъ, ему стало жаль, что завтра онъ не услышитъ ни стука швейной машинки, ни „Тореадора“.

„Какое позорное чувство!“ уворчалъ онъ себя, но это чувство не исчезало—мало того, изъ него выросло нѣчто еще болѣе позорное: желаніе увидѣть ее, проститься съ ней.

Онъ покраснѣлъ отъ этой мысли и выдвинулъ противъ нея батарею возраженій.

„Зачѣмъ прощаться?.. Подло и безнравственно!.. Вѣдь я не люблю ее... Это скверное чувство!.. Стыдно и думать объ этомъ“.

Но желаніе не проходило; авились даже оправдательные мотивы.

„А можетъ быть я принесъ бы ей пользу дружескимъ прощальнымъ совѣтомъ?.. Вѣдь я не такъ держалъ бы себя, какъ въ тотъ разъ... Отчего бы мнѣ не пойти къ ней потолковать по душѣ?..“

Радость затрепетала въ его сердцѣ, но это было одно мгновеніе.

„Врешь,—оборвалъ онъ самъ себя:—ты не ради ея пользы желашь свиданія... Тебѣ удовольствіе—взглядъ ея дерзкихъ глазъ... Въ самомъ темномъ угольѣ твоего сердца—надежда, что она опять тебя поцѣлуетъ... Да, это правда...“—повторялъ онъ со стыдомъ и ужасомъ.

„Какъ бы то ни было, а всему этому завтра конецъ... Я не могу заставить себя не желать, но я не исполню этого безнравственнаго желанія“.

Онъ рѣшилъ заниматься. Записки были открыты на той же страницѣ, на которой прервалъ занятія приходъ сосѣдки. Онъ

началъ читать, а въ сердцѣ поднималась ноющая боль: „не придетъ она, не придетъ“.

Машинка за стѣной умолкла.

„А если придетъ?..“

Ему стало такъ весело, что захотѣлось самому запѣть „Торедора“.

„Нѣтъ! Нѣтъ!.. Этого не должно быть!.. Да и она не рѣшится придти... не придетъ она“.

Онъ впивался глазами въ литографированныя строчки, но понималъ и чувствовалъ только одно, что она не придетъ, что такъ и должно быть, и что онъ погибъ бы, еслибы она пришла.

Но и мысль о гибели не уничтожала преступнаго желанія. Онъ повторялъ: „подлю это, отвратительно“, — и все-таки желалъ.

Прошло, какъ ему показалось, больше часа. Онъ сидѣлъ надъ записками и мучился... Свади что-то зашумѣло...

Онъ обернулся и обомгѣлъ отъ радости. Сосѣдка стояла въ его комнатѣ, въ той же красной кофточкѣ, съ тѣмъ же задорнымъ взглядомъ.

Онъ позабылъ, что собирался ее встрѣтить какъ товарища-студента, и молча глядѣлъ на нее.

— Не слѣдовало къ вамъ приходиться, — заговорила она: — вы такой нелюбезный, а я все-таки пришла...

— Почему? — спросилъ онъ, задыхаясь отъ радостнаго волненія.

— Потому что вы миленькій...

— Послушайте, — заговорилъ онъ теплымъ дружескимъ тономъ: — я вамъ скажу, какъ будто вы мой товарищъ, и вы не сердитесь... въ тотъ разъ... нехорошо, нескромно...

— Чтѣ я такого сдѣлала? — удивилась она: — ничего дурнаго... Вы мнѣ нравитесь, и я васъ поцѣловала... только и всего...

— Но вѣдь это...

Онъ хотѣлъ сказать — безнравственно, и не рѣшился...

— Это было нехорошо, — произнесъ онъ.

— Нехорошо?! — воскликнула она обидчиво: — это ужъ, извините, неправда...

— Вы меня не такъ поняли... я хотѣлъ сказать... ну, однимъ словомъ, что дѣвушка не слѣдуетъ такъ поступать...

Она расхохоталась.

— Ахъ, какой вы смѣшной!.. Я такихъ не видывала... Но только вы неправду говорите... Вы меня осуждаете, а скажите по совѣсти: вы, пожалуй, не хотите, чтобы я васъ еще поцѣловала?..

— Конечно, нѣтъ.

— А я вижу, что это неправда...

Она подошла къ нему, и онъ почувствовалъ себя на краю гибели. Еслибы онъ могъ въ ту минуту анализировать себя, то съ ужасомъ узналъ бы, что страстно желалъ погибнуть.

— И какая бѣда отъ того, что я васъ поцѣлую! — прошептала она, заглядывая въ его глаза.

Онъ потерялъ и волю, и сознание.

— Такъ вотъ вы какой монахъ! — сказала она послѣ, уходя отъ него, и зашѣла „Тореадора“.

VIII.

Арнаутскій проспалъ на этотъ разъ больше обыкновеннаго, и когда проснулся и вспомнилъ вчерашній вечеръ, изъ груди его вырвался стонъ.

Безпомощнымъ сидѣлъ онъ на кровати и чувствовалъ себя отлученнымъ отъ жизни. Долго сидѣлъ онъ, глядя въ одну точку, согнувшись подъ гнетомъ своего преступленія. Безграничное раскаянiе охватывало его, но не было въ этомъ чувствѣ той животельной силы, которая послѣ безпощаднаго самоосужденія создаетъ бѣру въ невозможность повторенія грѣха и снова открываетъ дверь жизни передъ преступникомъ.

Онъ сознавалъ себя бессильнымъ идти по пути нравственнаго совершенствованія, а вѣтъ этого пути нѣтъ жизни; прошаясь, отдѣлившая его отъ жизни, казалась ему непреодолимой...

Онъ машинально одѣлся, отдернувъ занавѣску у окна — въ комнату ворвался потокъ лучей весенняго утра. Арнаутскому стало стыдно отъ яркаго свѣта и захотѣлось запрятаться куда-нибудь далеко, въ подземную пещеру, въ которую не могли бы проникнуть не только люди, но и ни одинъ изъ этихъ золотыхъ, сверкающихъ жизнью лучей горячаго солнца.

Кухарка подала ему самоваръ. По привычкѣ онъ заварилъ чай и подумалъ: „зачѣмъ это я дѣлаю?“

Застучала за стѣной швейная машинка. Онъ вздрогнулъ. Это былъ совсѣмъ не прежній стукъ, къ которому онъ привыкъ... въ немъ слышалась ему злая насмѣшка... это какъ будто не машинка стучала, а грохоталъ барабанъ, тотъ страшный барабанъ, который гремитъ, когда смертный приговоръ прочитанъ и преступникъ знаетъ, что черезъ минуту на вѣки померкнетъ для него голубое небо и солнце, обливающее площадь потоками свѣта.

Самоваръ пошумѣлъ, замолеъ и сталъ уже остывать, а Арнаут-

скій неподвижно сидѣлъ у стола съ леденящими мыслями о томъ, что и для него все кончено.

Со свистомъ какого-то марша влетѣлъ въ комнату жизнерадостный, сияющій здоровьемъ Натусъ. Арнаутскій испугался и попятился отъ него.

— Опять черная меланхолія! — воскликнулъ Натусъ. — Въ такой роскошный день не полагается.

— Нѣтъ, ничего, — проговорилъ Арнаутскій дрогнувшимъ голосомъ.

Отъ этихъ словъ Натусъ сразу спалъ съ бравурнаго тона.

— Съ вами что-то серьезное случилось, — заговорилъ онъ тихо, душевно: — расскажите, погорюемъ вмѣстѣ, и легче будетъ.

Что-то затрепетало въ сердцѣ Арнаутскаго. Онъ, казалось, готовъ былъ излиться въ исповѣди передъ товарищемъ, но стыдъ удержалъ его. Онъ угрюмо молчалъ.

Натусъ обнялъ его и сказалъ:

— Вѣдь я люблю васъ... расскажите, голубчикъ...

И опять сердце Арнаутскаго готово было раскрыться отъ этой товарищеской ласки, и, быть можетъ, слезами вылилось бы его отчаяніе, и эти слезы легли бы мостомъ черезъ ту прдпастъ, которую онъ видѣлъ между собой и жизнью. Но стыдъ остановилъ и этотъ порывъ.

„Никто не узнаетъ о моемъ позорѣ“, — подумалъ Арнаутскій и, освободившись отъ руки товарища, холодно сказалъ:

— Оставьте меня.

— Простите!.. Ей-Богу, не отъ навязчивости. Я зашелъ къ вамъ звать сегодня къ себѣ... у меня соберутся товарищи... потолкуемъ о различныхъ общественныхъ задачахъ.

— Я знаю ваши взгляды и не раздѣляю ихъ...

— По предубѣжденію... а вы послушайте, вникните. Вѣдь и у васъ, и у насъ одна цѣль — опредѣлить роль индивидуума въ общественномъ прогрессѣ... Почему же вашъ взглядъ, научно не провѣренный, сама истина, а остальное все неинтересно? Приходите, сдѣлайте мнѣ удовольствіе.

— Хорошо, — сказалъ Арнаутскій, чтобы онъ скорѣе ушелъ.

— Вотъ спасибо!.. Ну, значить, до вечера!..

Когда дверь за гостемъ затворилась, Арнаутскій почувствовалъ себя вполне пропащимъ человекомъ. Онъ точно тонулъ и, ослабѣвъ отъ борьбы, уже не искалъ, за что ухватиться, а покорно ждалъ смерти. Онъ видѣлъ волны житейскаго моря до самаго горизонта, ихъ гребни закипали серебристой пѣной, обрушивались

въ темно-зеленныя бездны и въ ихъ брызгахъ было холодное дыханіе смерти.

„Въ чемъ же заключалось мое нравственное совершенствованіе?—думалъ онъ:—я дѣлалъ уступки и уступки. Я оправдывалъ ихъ нравственными побужденіями, а въ дѣйствительности я неспособенъ быть нравственнымъ. Я лгалъ, жилъ на нечистыя деньги, будто бы для товарища. Ну, а вчера...“

Его мысль копошилась надъ обломками разбитой жизнью теоріи и не видѣла ничего, что могло бы замѣнить ее. Такъ бѣднякъ-погорѣлецъ бродитъ на пепелищѣ своего незастрахованнаго дома, рассматриваетъ угли и головни и въ отчаяніи думаетъ, что никогда уже не построитъ ему новаго дома, никогда не грѣться зимой у своей печки, обратившейся въ безобразную грудку кирпичей. Слабая мысль Арнаутскаго не могла разобраться въ случившемся и, не имѣя творческой силы, не могла создать новой жизни. Его гвоздила одна только мысль, что онъ неспособенъ къ нравственному совершенствованію, а слѣдовательно не долженъ жить. Онъ презиралъ себя и невыразимо страдалъ. Такъ онъ просидѣлъ у стола нѣсколько часовъ въ душевной agonіи.

Хозяйка принесла тарелки для обѣда. Арнаутскій вздрогнулъ и рассердился, какъ сердится человѣкъ, когда его застаютъ врасплохъ...

— Не надо... я не хочу обѣдать... Уходите.

Хозяйка ушла въ удивленіи, что сдѣлалось съ ея жильцомъ, который никогда не сердился.

Арнаутскій подумалъ, что Натусъ можетъ придти къ нему съ товарищами, и все отвернется какъ-нибудь... Нѣтъ, онъ не увидитъ ни одного взгляда человѣка, узнаваемаго объ его преступленіи... Онъ заперъ дверь, вспомнивъ, что у него былъ морфій—досталъ онъ его двѣ недѣли тому назадъ, когда болѣли зубы. Онъ отыскалъ его на оконѣ за горшкомъ герани... торопливо глотнулъ все, что осталось въ пузырькѣ, и бросился на постель...

И. Ивановичъ.

БОГИНЯ ВЕСНЫ И СМЕРТИ

ВЪ ПѢСНЯХЪ И ОБРЯДАХЪ СЛАВЯНЪ *).

Окончаніе.

IV.—Царица смерти.

Персефона у грековъ въ зимнюю пору представлялась, какъ уже замѣчено было выше, мрачной *царицей смерти* и преисподней, врагомъ всего живого, властительницей страшныхъ эринній, грозной *смертоносной* богиней, на что указываетъ и самое имя ея.

Въ то время какъ у восточныхъ славянъ широко развились и сохранились обряды, пѣсни и игры, коими чествуется моментъ похищенія весенней богини, наглядно выражающійся въ пѣсняхъ и обрядахъ, приуроченныхъ къ купальскому торжеству, у западныхъ славянъ преимущественно развились и сохранились обряды весенняго торжества, коимъ прославляется возрожденіе грозной богини смерти въ добрую и благодѣтельную весеннюю богиню, при чемъ этому торжеству возрожденія предшествуютъ обрядныя дѣйствія; ими изгоняется, разрушается символъ злой, враждебной всей живой природѣ, богини, именуемой въ пѣсняхъ, сопровождающихъ эти обряды, *Смертью*, *Смертоносной*, — названіемъ, совпадающимъ съ именемъ Персефоны.

---

*) См. выше: іюль, 675 стр.

Лужицкіе сербы еще въ концѣ прошедшаго столѣтія исполняли обрядъ *проводовъ Смерти* слѣдующимъ образомъ: въ средокрестное или „смертное“ воскресенье (т.-е. воскресенье между четвертой и пятой недѣлями великаго поста, *dominica lactare*) въ срединѣ дня сооружали изъ соломы и тряпокъ *чучело, изображавшее Смерть*. Нарядивъ его въ сорочку и украсивъ разнымъ тряпьемъ, его насаживали на высокій шестъ, который давали въ руки самой высокой *дѣвочки*. Эта послѣдняя, сопровождаемая толпою, при общемъ пѣніи пѣсни:

Лети вверхъ, лети вверхъ,
Обернись,
Падай внизъ, падай внизъ...

—бѣгомъ направлялись за предѣлы селенія, въ водѣ, въ которую и *бросали чучело*. Во время этого бѣга толпа *закидывала Смерть камнями и палками*. Также носили Смерть до границы сосѣдняго селенія и *кидали на землю сосѣдей*, которые иногда перебрасывали ее черезъ межу обратно, что нерѣдко вызывало шумные споры и побоища.—Имѣемъ описаніе того же обряда лужичанъ изъ XVI столѣтія, сообщающее нѣкоторыя интересныя подробности: главными дѣйствующими лицами процессіи были *женщины*, покрытыя траурными покрывалами. Онѣ не терпѣли участія въ церемоніи мужчинъ; допускались, однако, мальчики, которые во время шествія *бросали въ чучело грязью*. Чучелу давали въ одну руку старую метлу, въ другую—восу. Процессія шествовала при пѣніи пѣсенъ. Дойдя до границы своей земли, женщины *разрывали чучело на части*. Лужичане были убѣждены, что совершеніе описанной церемоніи не только предохраняетъ участниковъ ея отъ чумы и всякихъ другихъ недуговъ и смерти, но приноситъ живнъ, здоровье и всякое благополучіе.

Въ Силезіи, по словамъ Цеймера (1706 г.), въ деревняхъ, въ „смертное“ воскресенье носили изображеніе Смерти, насаженное на высокій шестъ; за нимъ слѣдовала толпа съ шумомъ и криками. Находявшись вдоволь, участники процессіи *бросали чучело въ воду или въ яму* и быстро разбѣгались, какъ бы боясь, чтобы ихъ не поймала Смерть. Извѣстіе о *потопленіи* силезцами *женскаго чучела* встрѣчается и у Гвагнина (XVI стол.).

Чехи исполняютъ подобныя же обряды, но не въ средокрестное воскресенье, какъ прочіе западные славяне, а въ слѣдующее (*Judica*), получившее у чеховъ также названіе „смертнаго“ (или „чернаго“). Въ окрестностяхъ Нейштадта готовятъ изъ старой соломы *буклу, изображающую Смерть*, которая въ пѣс-

нахъ называется, между прочимъ, и *Смертоноской* (Smrt', Smrtholka, Smrtonoška). Нѣсколько палокъ служатъ ей вмѣсто рукъ и ногъ, лицо дѣлается изъ стараго бѣлаго холста, голова покрывается *цепцомъ* или *платкомъ*, туловище одѣваютъ въ старое платье. Молодежь, взявшись за руки, пляшетъ вокругъ убранаго такимъ образомъ чучела и поетъ пѣсни, въ которыхъ *издѣвается* надъ нимъ. Натѣшившись вдоволь, носятъ чучело процессіей по селенію съ пѣснью, начинающеюся словами:

Смерть, Смерть изъ села (города)!
Новое гѣто въ село...

Наконецъ несутъ Смерть на мостъ, откуда *бросаютъ* ее въ воду, или же поднимаются съ нею на какую-нибудь скалу и съ высоты *низвергаютъ* ее. Мальчики *разрываютъ* чучело на части и остатки *бросаютъ* въ воду. Мѣстами дѣти *потопляютъ* Смерть въ водѣ, привязавъ къ чучелу камень, чтобы оно пошло ко дну. Уничтоженіе чучела происходитъ и иными способами: въ окрестностяхъ Хрудима парни несутъ чучело Смерти съ музыкой къ рѣкѣ или пруду; здѣсь они становятся въ рядъ, *кидаютъ* Смерть въ воду и сами бросаются ловить его; потомъ его *сожигаютъ*. Въ другихъ мѣстахъ несутъ чучело до конца селенія и тамъ *сожигаютъ на костръ*, награждая его *насмѣшками и бранью*. Въ окрестностяхъ Колина парни и дѣвушки составляютъ двѣ особыя группы; обѣ группы несутъ каждая по особому чучелу Смерти въ лѣсъ и тамъ *разбиваютъ* его, ударяя по три раза о дубовое дерево. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ торжественно *зарываютъ* чучело въ землю (хоронятъ) въ саду, на лугу, въ полѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чехи отправляютъ обрядъ проводовъ смерти еще позже, именно въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Древность описываемыхъ обрядныхъ дѣйствій доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ соборномъ постановленіи 1366 г., подтвержденномъ постановленіемъ пражскаго собора 1384 г., упоминается о томъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ господствовалъ въ средѣ духовенства и народа обычай, по которому *въ среднѣ поста* съ суевѣрными пѣснями и играми *носились по городамъ куклы, изображавшія смерть*. Куклы эти стремительно *погружались въ воду*, при чемъ народъ былъ убѣжденъ, что изгнанная и потопленная имъ смерть становилась для него безвредною. Тождество этого обряда съ описанными выше „проводами Смерти“ очевидно.

Обрядъ проводовъ Смерти соблюдался, кромѣ областей, занятыхъ западными славянами, еще въ сосѣднихъ съ ними обла-

стихъ средней и сѣверной Германіи, въ которыхъ въ старину отчасти обитали славяне, а именно: въ Баваріи, Турингіи, Верхней Саксоніи, Франконіи, Фрисландѣ, Пфальцѣ, Фогтландѣ, Мекленбургѣ и др. Такъ, напр., въ Нюрнбергѣ нарядно убранныя дѣвушки носили *куклу* въ маленькомъ открытомъ *тробу*, или зеленую буковую вѣтвь съ насаженнымъ на ней, вмѣсто головы, яблочкомъ—въ *лицикъ*, при чемъ пѣли:

Мы несемъ Смерть въ воду!

Въ другихъ мѣстахъ носили сдѣланную изъ соломы или дерева фигуру, называвшуюся *Смертью*, и потомъ бросали въ *воду* или въ *болото*, или *предавали огню*.

Нѣкоторые смутныя воспоминанія о томъ же обрядѣ сохранились и въ Россіи. Такъ въ орловской губерніи на радуницею (ооминой) недѣлѣ поселяне *прогоняютъ смерть* изъ своего села. Въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами и *гоняютъ по полю смерть*.

Смерть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехіи величалась и именемъ *Марена* (Mařena).

Въ Моравіи дѣвушки носятъ съ пѣснями сдѣланное изъ соломы, одѣтое *въ женское платье чучело*, которому даютъ равныя названія: Смерть, Смертница, Смертельничка, Цвѣтница (это названіе вѣроятно въ связи съ названіемъ вербнаго воскресенья, въ которое мѣстами отправляются проводы Смерти,—„цвѣтнымъ“), *Марена* и др. Чучело это (Марену) дѣвушки выносятъ изъ селенія въ поле, а парни начинаютъ *бросать въ него камнями*; мѣстами закидываютъ его камнями еще во время процессіи; иногда дѣвушки *забрасываютъ Марену камнями*, повѣсивъ ее на дерево. Въ одной изъ пѣсенъ, коими сопровождаются описанныя дѣйствія, поютъ между прочимъ:

*Уже Марена лежитъ
И зубами срежешеть.
Гело, Гело, Гело, Гело!*

Мѣстами *потопляютъ, сжигаютъ, или хоронятъ* Марену. По совершеніи казни надъ Мареной, дѣвушки быстро разбѣгаются, опасаясь, чтобы она не полетѣла за ними.

Точно такіе же обряды, совершаемые въ „смертное“ или „цвѣтное“ (вербное) воскресенье, встрѣчаемъ и у словаковъ. Провожаемая и потомъ предаваемая *уничтоженію* фигура, въ видѣ насаженного на высокую жердь *чучела*, является здѣсь подѣ

названіями: *Морена*, *Муріена*, *Мамуриенда*, наконецъ—*Баба*. При этомъ поютъ пѣсни, начинающіяся словами:

Вынесемъ, вынесемъ Мамуриенду...

или въ пѣсняхъ же вопрошаютъ Морену (Муріену и пр.), ради кого она умерла, гдѣ пребывала, и т. п. Съ Морены срываютъ одежду и *бросаютъ чучело въ воду*. Народъ, какъ и въ Чехіи, вѣрять, что отправленіе даннаго обряда предохраняетъ и людей, и скотъ, въ теченіе года, отъ всякихъ заразительныхъ болѣзней.

Въ Силезіи, въ Верхнемъ Глоговѣ, въ смертное воскресенье и нынѣ еще сооружаютъ соломенное чучело, которое одѣваютъ *въ женское платье* и насаживаютъ на высокую жердь. Чучело это зовутъ *Марзаночкой*. Сильнѣйшій изъ парней выноситъ его къ рѣкѣ; во время шествія дѣти поютъ слѣдующія пѣсни:

У Яна (има парня) на концѣ
Марзанека въ вѣнцѣ;
 Буда же намъ нести ее,
 Вѣдь мы не знаемъ дороженьки?
 „Вынесите меня, дѣвушки,
 Туда, на тѣ холмики,
 Потомъ *бросьте въ воду*,
 Охъ! въ глубокую воду“.

Пришедши къ рѣкѣ, дѣвушки раздѣваютъ Марзану и *бросаютъ въ воду*, при громкихъ крикахъ. Голембювскій также подтверждаетъ, что обрядъ *потопленія* или *сожманія Смерти*, обычный въ пору ранней весны въ Силезіи, Великой Польшѣ и Подляхѣ, мѣстами отправлялся еще и въ его время (1830 г.). Недавно еще *бросали* въ Подляхѣ чучело Смерти въ *болото* или *прудъ* съ возгласомъ: „*Czort tebe zabery!*“

Древность существованія такого обряда въ Польшѣ доказывается старинными свидѣтельствами. Такъ, Мартинъ Бѣльскій сообщаетъ, что въ его время, т.-е. въ XVI вѣкѣ, въ Великой Польшѣ и Силезіи былъ обычай 7-го марта выносить изъ села и *потоплять Марзану* (*Magzanę*), убранную *въ женское платье*; вышедши за предѣлы села, пѣли при этомъ:

Смерть вьется по забору,
 Ища себѣ поживы.

Сынъ названнаго писателя, Іоакимъ Бѣльскій, въ 1597 г. подтверждаетъ слова своего отца: „На моей еще памяти,—писать онъ,—существовалъ у насъ этотъ обычай по деревнямъ, что въ „бѣлую недѣлю“ *потопляли болвана*, нарядивъ сногъ бонопши или соломы въ одежду чловѣка; его провожала вся

деревня въ близнему озеру или пруду, гдѣ, снявъ съ него одежду, *бросали въ воду съ приговорами*². Сопоставляя все вышесказанное, приходимъ къ неоспоримому заключенію, что *Марзана* поляковъ и слезцевъ тождественна *Маренъ* (Моренъ, Муриенъ и т. д.) чеховъ, мораванъ и словаковъ, обѣ же онѣ тождественны *Смерти*.

Достоиню вниманія еще свидѣтельство Длугоша (XV вѣка). Онъ рассказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши *на четвертой недѣль поста* выносились насаженные на шести изображенія *Марзанны* и *Дзѣванны* и съ великимъ плачемъ и жалобными пѣснями *свергались въ болото* или *въ рѣку*. Выше было мною уже высказано предположеніе, что эта божественная чета соотвѣтствовала Деметрѣ и Персефонѣ. Извѣстно, что по древнему сказанію обѣ онѣ, и мать и дочь, въ зимнюю пору дѣлались грозными, мрачными, получали подземный характеръ. Въ проводахъ (потопленіи) *Марзанны* и *Дзѣванны*, можетъ быть, выражалась та же идея, какъ въ проводахъ *Смерти*, но только въ примѣненіи къ обѣимъ родственнымъ богинямъ, изъ которыхъ первая называлась у поляковъ именемъ, которое у сосѣднихъ славянскихъ народовъ сохранилось для обозначенія одной, не дифференцированной богини: смерти—въ зимнюю пору и весеняго плодородія—въ весеннюю.

Давидъ Пфейферъ (1770 г.) свидѣтельствуеетъ, что венеды (венды) носили изображенія *Мартаны* и *Дзѣвони* (*simulacra Martanae et Zivoniae*) съ жалобными пѣснями и потомъ *бросали ихъ въ воду*, подтверждая тѣмъ слова Длугоша о проводахъ обѣихъ названныхъ богинь. Рассказывая о совершеніи такого же обряда жителями Лейпцига, носившими и *потоплявшими чучело* въ образѣ мужчины или женщины, съ цѣлью предохраненія города отъ заразныхъ болѣзней, тотъ же авторъ прибавляетъ, что этотъ обычай, по его мнѣнію, заимствованъ отъ древнихъ „венедевъ“ (вендовъ).

Въ Малороссіи, при встрѣчѣ весны, носятъ по улицамъ и полямъ чучело *Мары*, одѣтое *въ женское платье* и *предаваемое огню*, при заклинаніи въ пѣсняхъ весны. Имя *Мары* близко родственно имени *Марены* и совпадаетъ съ *Марой* (чучеломъ), потопляемой въ купальскомъ обрядѣ, отправляемомъ въ полтавской губ., въ свою очередь тождественной съ *Мареной* купальскаго же обряда другихъ малорусскихъ губерній.

Обрядъ проводовъ, точнѣе—изгнанія или казни—враждебной всему живому *Смерти* повсемѣстно происходитъ *на рубежъ зимы*

и мѣта, т.-е. въ началѣ весны. Отсюда понятно, что при уtratѣ основного смысла обряда героиня его стала постепенно замѣняться другими родственными ей образами. Изгнаніе Смерти въ концѣ зимы естественно привело къ смѣшенію Смерти съ *зимой*, и дѣйствительно, напр., въ словацкихъ гнѣсняхъ, рядомъ съ вынесеніемъ Морены или Муріены, при совершеніи описаннаго обряда, поютъ о *вынесеніи зимы*:

Зиму, зиму выносимъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ въ годовомъ кругу, разграничивающихъ зиму и лѣто, т.-е. старый и новый годъ въ Европѣ, было 1-е число мая мѣсяца, считающагося въ сѣверныхъ широтахъ за главнѣйшій весенній мѣсяць. Соответственно тому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехіи, между чехами и нѣмцами, существуетъ родственный съ обрядомъ проводовъ Смерти обычай въ ночь на 1-е мая *сожигать на костръ соломенное чучело въ образъ женщины*, также *жечь старыя метлы* или вообще *разводить оми* на возвышенныхъ мѣстахъ. Это называется *жечь вѣдьмъ*. Сожиганіе вѣдьмъ связывается иногда съ *изманіемъ* ихъ, а это производится посредствомъ громкаго щелканія бичами. Въ Россіи, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ тульской губерніи, въ субботу вѣдальней (семицкой) недѣли отправляются *проводы русалокъ*: поселяне съ вечера собираются на полянахъ и поютъ гнѣсни. Когда же наступитъ ночь, то они бѣгаютъ по полянамъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: „догоняй, догоняй!“

Смерть, зиму, вѣдьму, народная фантазія рисуетъ въ образѣ старой бабы, *старухи*. Въ Ломбардіи, Венеціи и Піемонтѣ въ смертное воскресенье, въ другихъ мѣстахъ въ концѣ масляницы, *сожигаютъ Старуху* (*la vecchia*); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Верхней Италіи и Испаніи, въ смертное же воскресенье, *распиливаютъ куклу*, носящую названіе *Quagesima* (постъ) или *la vecchia, la vieja* (старуха). Въ южной Далмаціи, по сербскимъ селамъ и деревнямъ, въ чистый понедѣльникъ, пробѣгаетъ страшная *Баба-Коризма* (ср. *Quagesima*), мнѣйшее существо, которымъ пугаютъ дѣтей. Представляетъ ее обыкновенно парень, наряженный *старухой*. Въ Сербіи дѣти въ селлахъ и городахъ ходятъ съ орѣховыми прутыками въ церковь къ вечернѣ въ великіе среду, четвергъ и пятницу, чтобы *прогнать Коризму* (т.-е. бабу-постъ). Въ Хорватіи еще въ прошедшемъ столѣтіи былъ обычай въ *срединѣ великаго поста* увѣрять дѣтей, будто бы въ полдень у воротъ *распиливаютъ* пополамъ *Старуху*. Въ Крайнѣ въ мартѣ (т.-е. все въ ту же пору ранней весны) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

тжуктз бабу: наряженное въ женское платье чучело кладется на открытомъ мѣстѣ на бревно. Его сперва *бьютъ дубинами*, потомъ *растпмиваютъ* пополамъ и, наконецъ, *сжигаютъ*.

Обрядъ проводовъ, изгнанія или погубленія мнѣческаго существа, приурочиваемый въ разнымъ днямъ въ теченіе весны, при утратѣ основного смысла разсматриваемаго мнѣа, сдѣлался наконецъ лишь извѣстной формой, въ которую вкладывалось содержаніе, соотвѣтствовавшее данному дню или времени. Такъ, напр., въ концѣ *великаго поста* у сербовъ прогоняется Баба-Коризма или *Баба-постъ*, появляющаяся въ первый день поста; въ концѣ *масляницы* почти повсемѣстно, въ особенности у восточныхъ и южныхъ славянъ, провожается, сожигается или хоронится *Масляница* (рѣже „Масляничный мужикъ“—у руссехъ), *Покладня Баба* (и Масляничная баба—у сербовъ), *Pust* (у словенцовъ), *Фашингъ* (въ Каринтіи), *Мазаруст* (у чеховъ) и т. д. Въ инчинскомъ округѣ (въ Чехіи) въ среду, четвергъ и пятницу страстной недѣли ребятишки *преслѣдуютъ, забрасываютъ грязью и осыпаютъ ударами* рыжеволосаго товарища своего, представляющаго *Иуду*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ церквами въ страстную субботу зажигаютъ небольшіе костры: обрядъ этотъ называется *сожтаніемъ Иуды*, а на Саксонской границѣ—*старымъ жидомъ*. Подобнымъ же образомъ во вторникъ на первой недѣлѣ поста въ Прагѣ происходитъ *погребеніе Ванка*, въ другихъ мѣстахъ Чехіи—*казнь и потопленіе „дикаря“*; въ смертное воскресенье въ окрестностяхъ Шенфельда (въ Чехіи же) *прогоняютъ* за городъ *Турка* и т. п.

Такъ одинъ и тотъ же, въ сущности, обрядъ, то здѣсь, то тамъ, сдвигается съ одного дня на другой и затѣмъ продолжаетъ существовать на всѣхъ станціяхъ своего передвиженія, представляя на первый взглядъ какъ бы самостоятельное въ каждомъ случаѣ явленіе. Сличеніе тождественныхъ, повторяющихся по гѣскольку разъ, въ разные однородные по климатическому характеру дни года, обрядовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что повторенія эти сводятся обыкновенно къ одному основному, первоначальному обряду (въ данныхъ случаяхъ—къ проводамъ или изгнанію смерти), который съ теченіемъ времени, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, приурочивался въ разнымъ мѣстахъ къ разнымъ днямъ года и затѣмъ, прикрѣпляясь къ соотвѣтствующему дню, дѣлался его принадлежностью въ данномъ мѣстѣ.

Смерть въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣщается близкою родственной *чумой* (шдг.). Такъ, напр., въ Силезіи, по вынесеніи и потопленіи *Марзаночки*, поютъ:

Вынесли мы чуму (шдг) изъ села.

Достойно вниманія, что, по представленію русскаго народа, *корова смерть*, т.-е. чума *рогатаго скота*, пробѣгаетъ по селамъ въ февралѣ, т.-е. *въ концѣ зимы*, чахлая и заморенная, въ видѣ старухи въ бѣломъ саванѣ. Въ *то же время* появляется и *Кумаха*, олицетвореніе ляхорадки, посылающая своихъ сестеръ-губительницъ въ міръ людей знобить, грѣшное тѣло мучить, бѣлы кости крушить. По мнѣнію русскихъ старухъ, вообще *болѣзми*, тощія и заморенныя, просидѣвъ зиму въ свѣжныхъ горахъ, *наканунъ 1 мая* (опять на рубежѣ зимы и лѣта) разбѣгаются по бѣлomu свѣту и нападаютъ на неосторожныхъ.

Страшнѣе всего для чelовѣка заразыя болѣзни. Для огражденія себя и скотины отъ губительнаго дѣйствія заразы, чelовѣкъ издревле прибѣгалъ къ разнымъ обряднымъ дѣйствіямъ и заклинаніямъ. Западные славяне, какъ указано было выше, охраняли себя отъ чумы и вообще заразы ежегоднымъ исполненіемъ, ранней весной, вышеописанныхъ обрядовъ проводовъ или изгнанія смерти. Восточные и южные славяне прибѣгаютъ къ не менѣе оригинальнымъ обряднымъ дѣйствіямъ, обыкновенно, однако, не пріурочиваемымъ къ извѣстному времени года, но отправляемымъ въ моментъ наступленія опасности. Къ числу такихъ дѣйствій принадлежитъ прежде всего огражденіе данной мѣстности магическимъ кругомъ, посредствомъ обхожденія торжественной процессіей, главнымъ же образомъ—проведеніемъ кругомъ села или границъ мѣстности боровды сохой или плугомъ, т.-е. *опашиваніемъ*. Черезъ такой кругъ, тѣмъ болѣе черезъ проведенную боровду, чума и вообще зараза, по народному вѣрованію, не въ силахъ переступить.

V.—Возрожденіе.

Переходимъ къ самому свѣтлomu, самому радостному моменту разсматриваемаго мѣста—къ возвращенію Персефоны на поверхность земли, къ возрожденію, т.-е. превращенію царицы смерти въ юную богиню весны и весенняго плодородія. Персефона, по словамъ Гомерова гимна, приходитъ обратно на землю ежегодно въ весеннюю пору, „въ то время, когда земля покрывается душистыми цвѣтами“. Мы видѣли выше, что мифическая „дочка-паняночка“ Весны, дочка Купалы, находится въ „садоцкѣ“ въ „огородѣ“, *среди цвѣтцовъ*, изъ которыхъ вьеть *тѣмочки*; мы встрѣчали въ пѣсняхъ „королеву“ (т.-е. дочку королевы), по-

знающую значеніе *землі*, въ западно-славянской весенней игрѣ— „королеву“ (kralovna), изображаемую украшенною *ѣтникомъ* дѣвушкою. Эмблема возвратившейся на поверхность земли возродившейся богини весны, въ образѣ зеленого, разукрашеннаго лентами, яичными скорлупами, блестками, деревца, или въ видѣ украшенной вѣнкомъ или зеленью дѣвушки, повсемѣстно составляетъ средоточіе весеннихъ обрядовъ; но встрѣчѣ и чествованію богини нѣрѣдко, именно у западныхъ славянъ предшествуетъ описанный выше обрядъ проводовъ, изгнанія или разрушенія эмблемы той же богини, въ предыдущемъ ея фазисѣ, какъ царицы смерти. Иногда оба упомянутые обряда—изгнаніе Смерти и встрѣча Весны („Лѣта“, т.-е. божества весенняго плодородія)—непосредственно слѣдуютъ одинъ за другимъ, иногда же отправляется одна лишь вторая часть даннаго обряднаго дѣйствія, т.-е. привѣтствованіе Весны или эмблемы весенней богини.

Лужицкіе сербы, въ концѣ прошедшаго столѣтія, выносили въ смертное воскресеніе изъ деревни одѣтое въ сорочку чучело Смерти, срубали красивое деревцо— „Лѣто“, *надѣвали на него сорочку, снятую съ разрушеннаго чучела*, и несли домой съ пѣснями, въ родѣ слѣдующей:

Мы *отнесли Смерть*
И *принесли Лѣто*,
Лѣто и майское деревцо,
И всякіе цвѣты.

Здѣсь на глазахъ участниковъ торжества происходитъ *метаморфозъ „Смерти“ въ „Лѣто“*, являющееся въ той же сорочкѣ, въ которой только-что передъ тѣмъ одѣта была Смерть.

Подобно лужичанамъ, мораване, забивъ въ смертное воскресеніе *Марену* камнями, снаряжаютъ *Мамкз* (Majisek, майское деревцо). Деревцо это *украшаютъ лентами, снятыми съ забитой Марены*. Дѣвушки несутъ деревцо весело при звукахъ пѣсенъ, составляющихъ противоположность пѣснѣ, которою только-что передъ тѣмъ сопровождалось несеніе на казнь Марены, напр.:

Несемъ мамчекъ,
Срубилъ его Яничекъ,
Прекрасный, прекрасный,
Вверху зеленый,
Красиво убранный,
Лентами украшенный,
Гело, Гело, Гело!

Здѣсь опять изображеніе непосредственнаго *метаморфоза „Марены“ въ „Мамкз“*.

Въ Силезіи, по вынесеніи и потопленіи „Марзаночки“, возвращались въ село съ *сосновыми* и *еловыми прутьями* или *деревцомъ*, увѣшаннымъ раскрашенными личными скорлупами, при звукахъ сходной съ предыдущей пѣсни:

Вынесли мы *Чуму* (mór) изъ села,
Несемъ *отте* (latorosl) въ село.
Нашъ *кама* (лѣсокъ, деревцо) зеленый
Прекрасно убранный.

Въ Кёнингайтѣ, близъ Гёрлица, до начала XIII столѣтія существовалъ обычай, по которому и старъ, и младъ, отправлялись въ смертное воскресенье съ фавелами, сплетенными изъ соломы, къ „Смертному камню“ (Todtenstein), вѣроятно нѣкогда служившему языческому святилищемъ, зажигали тамъ фавелы и возвращались домой съ пѣснями, повторяя слова:

Мы проводили *Смерть*
И приносимъ *Лето*.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехіи, напр. въ Таборѣ, дѣвушки, низвергнувъ со скалы въ воду чучело, изображающее Смерть, поютъ:

Смерть по водѣ плыветь,
Новое Лето къ намъ идетъ.
Смерть мы вамъ *вынесли*,
Новое Лето принесли.

Во многихъ мѣстахъ, по потопленіи *Смерти*, происходящемъ при закатѣ солнца, дѣвушки отправляются въ лѣсъ, срубаютъ молодое *деревцо*, сосну или елочку, съ зеленою верхушкою, къ которой привѣшиваютъ *куклу* съ образъ женщины; и дерево, и куклу, именуемую *Летомъ* (Leto), нынѣ впрочемъ мѣстами исчезнувшую, украшаютъ красными, бѣлыми и зелеными лентами и въ торжественномъ шествіи вносятъ въ городъ или село съ пѣснями, похожими на вышеприведенныя, напр.:

Смерть мы *вынесли* изъ села,
Новое Лето несемъ въ село..
Радуйтесь, бабы,
Что мы *Смерть* *унесли*,
А *новое Лето* *принесли*.

Вмѣсто „новое Лето“ иногда поютъ: „Новый годъ“ (nouy gók):

Несемъ нынѣ *Смерть* изъ деревни,
А *новый годъ* въ деревню.
Здравствуй, любезная Весна!
Здравствуй, зеленая трава!

Такое же замѣщеніе мы находимъ и въ соответствующихъ пѣсняхъ польскихъ; это подтверждаетъ высказанную нами выше мысль о томъ, что описываемые и сходные съ ними обряды приурочиваются къ моменту встрѣчи двухъ противоположныхъ частей года, зимы и лѣта; другими словами, въ новому году, который по народному представленію начинается съ наступленія лѣта, или точнѣе—весны.

Въ чешскихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ обрядъ проводовъ Смерти и встрѣчи Лѣта, неоднократно повторяется мотивъ *омовенія* Смерти, Лѣта или замѣняющихъ ихъ образовъ, какъ бы намекающаго на *метаморфозы* зимняго, смертоноснаго божества въ представительницу весны, словомъ, возрожденія его посредствомъ *чудодѣйственной силы воды*. Представленіе о живительномъ дѣйствіи влаги извѣстно было и древнему міру. Павзаній упоминаетъ о вѣрованіи аргивянъ, по которому *Гера* ежегодно *купається* и тѣмъ *возвращаетъ себѣ дѣствленность*, т. е. возрождается. Та же мысль, очевидно, выражается въ весеннемъ омовеніи или купаніи *Венеры*. Овидій обращается къ женамъ, „по обычаю“ чествующимъ 1-го апрѣля Венеру, съ слѣдующими словами: „снимите съ мраморной шеи богини золотыя повязки, снимите украшения; ибо вся она должна *искупаться*. Возвратите осушенной шеѣ золотыя повязки; принесите богинѣ цвѣтовъ, принесите въ даръ ей розъ. *Омойтесь сами* подъ зеленюю миртъ,—такъ приказала богиня“. Павзаній, описывая храмъ *Афродиты* въ Сикионѣ, упоминаетъ о жрицѣ, приготовляющей воду для *купанія*. Въ римскомъ культѣ „Великой Матери“ (фригійской) 25-ое марта было днемъ *омовенія* богини. Въ упомянутыхъ чешскихъ пѣсняхъ Смертоноска, Лѣто, Марія (замѣнившая Марену), и т. д., изображаются *омывающими* себѣ руки и ноги у студенца, у воды:

*Смертоноска, Смертоноска,
Гдѣ ты такъ долго пребываешь?
У студенца, у студенца
Руки и ноги умываешь?*

Или:

*Лѣто, Лѣто, Лѣто,
Гдѣ жъ ты такъ долго было?
„У воды, у воды
Руки и ноги мыло“.*

Или:

*Эй, Марія, Эй, Марія,
Гдѣ ты такъ долго пребывала?
„У студенца, на лугу,
Я умывалась“.*

Встрѣчаемая и чествуемая богиня является во всѣхъ этихъ случаяхъ *омытою*, возродившеюся, словомъ, испытанною метаморфозъ посредствомъ живительнаго дѣйствія влаги.

Въ моравской пѣснѣ, сопровождающей обрядъ смертнаго воскресенья, *Смерть* отдаетъ ключи отъ земли св. Юрію (представителю весенняго солнца и весенняго плодородія); послѣдній отмыкаетъ землю, и начинается ростъ трава, зацвѣтають всякіе цвѣты; по водѣ пріѣзжаютъ короли и везутъ молодую *Королеву*:

Kralovna mlada Smrt oblupila...

(Молодая королева ободрала, т.-е. загубила Смерть.)

Здѣсь Королева и Смерть являются какъ бы двумя самостоятельными, враждебными, смѣняющимися взаимно лицами. Интересно, что Королева, соотвѣтствующая утопающей, погружающейся въ *водную бездну* въ пору высшаго солнцестоянія богини, возвращаясь весною, пріѣзжаетъ *по водѣ*.

Подобное же противопоставленіе богинь весны и смерти находимъ и въ обрядѣ смертнаго воскресенья, отправляемомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехіи: до восхода солнца въ данный день парни носятъ по селу „*Смерть*“, а *тотчасъ за ними* слѣдуютъ дѣвушки, несущія „*Лѣто*“.

„Смерть“, какъ уже замѣчено было мною раньше, иногда замѣщается „Зимой“. По представленію малоруссовъ (въ винницкомъ и въ литинскомъ уѣздахъ), *Лѣто* (Весна) — скромная дѣвушка, украшенная разными нѣжными растеніями, а *Зима* — женщина буйная, съ головою величиною съ бочку, и губами „какъ відра“, или старуха съ огромными зубами и вострятыми пальцами. „Лѣто“ очень щедро и богато, а старуха „Зима“ чрезвычайно скупа и бѣдна. 2-го февраля (въ день *Срптенія*) обѣ *встрѣчаются*, и между ними происходитъ *борьба*. Если лѣто остается побѣдителемъ, то сейчасъ же начинается тепло; въ противномъ же случаѣ длится холодъ. „На *срптеніе лѣто* въ *зиму* *встрѣчается* и *лѣто зиму прогоняет*“, говорятъ въ коневскомъ и житомирскомъ уѣздахъ. То же представленіе о *встрѣчѣ зимы съ лѣтомъ* въ день *Срптенія* сохранилось и въ тульской и рязанской губерніяхъ. Въ этотъ же день въ Малороссіи закликають весну, поютъ весеннія пѣсни — „веснянки“.

Упомянутый выше мотивъ *борьбы* между *Зимой* и *Лѣтомъ*, при нихъ встрѣчѣ, въ особенности развитъ въ германскихъ весеннихъ обрядахъ и символическихъ играхъ. Онъ уцѣлѣлъ, впро-

чемъ, и въ нѣкоторыхъ славянскихъ мѣстахъ. Въ Каринтіи, въ Гурской долині, при приближеніи весны, парни составляютъ двѣ группы: *старшая* представляетъ *Зиму*, *младшая*—*Лѣто*. Въ соотвѣтствующемъ нарядѣ, съ соотвѣтствующими атрибутами, обѣ группы, въ ясный весенній день, прогуливаются по селу и передъ домами замѣточныхъ крестьянъ *состязаются* въ пѣніи пѣсень, пока Лѣто не побѣдитъ Зимы. Это происходитъ обыкновенно въ мартѣ, мѣстами же еще въ день Срѣтенія. Въ александрскомъ уѣздѣ тульской губерніи, въ среду на пятой недѣлѣ великаго поста, т. е. ближайшую къ „Смертному“ воскресенью, отправляется игра, въ которой женатыя *борются* съ холостыми, при участіи женщинъ и дѣвицъ. Главное орудіе борьбы—снѣжки (снѣжные комки). Эта игра называется *проводами Зимы*. Можетъ быть, та же идея борьбы Зимы и Лѣта лежала въ основаніи приурочивавшихся къ четвергу на масленицѣ и въ былыя времена весьма распространенныхъ на Руси *кулачныхъ боевъ*, въ которыхъ прежде принимали участіе всѣ возрасты (сначала дрались „самъ на самъ“, одинъ на одинъ, а потомъ „стѣна на стѣну“). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (тульской, пензенской, симбирской) въ субботу на масленицѣ дѣти сооружаютъ „снѣжный городокъ“; участники игры дѣлятся на двѣ стороны: одна *защитаетъ* городъ, другая *нападаетъ* и, взявши городъ, разрушаетъ его. Воеводу взятаго города въ старину *купали* въ проруби. Мы уже замѣтили, что *купаніе* составляетъ одно изъ важнѣйшихъ обрядныхъ дѣйствій, воими сопровождается встрѣча весны.

Независимо отъ описанныхъ выше обрядовъ и вѣрованій, въ которыхъ неразрывно связываются идеи о превращеніи богини смерти въ богиню весны, или о борьбѣ Смерти, или Зимы, и Лѣта, встрѣчаемъ цѣлый рядъ обрядовъ, кои, отдѣльно и самостоятельно чувствуется вступающая въ свои права весна,—обрядовъ, приуроченныхъ къ разнымъ весеннимъ праздникамъ, и средоточіемъ которыхъ въ большемъ числѣ случаевъ служатъ эмблемы призываемой богини: древесная зелень, зеленныя деревца или украшенная зеленью и цвѣтами дѣвушка. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехіи наканунѣ смертнаго воскресенья снаряжались дѣвушками деревцо и букла, при пѣніи пѣсни:

Лѣто, лѣто, лѣто,
Гдѣ такъ долго было?

На другой же день тѣ же дѣвушки или дѣвочки носили

„Лѣто“ по селенію, возвѣщая своимъ шестіемъ возвращеніе весны. Участницы такихъ процессій награждались подарками. — 1-ое мая, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ весеннихъ праздниковъ, служить у чеховъ и мораванъ однимъ изъ главнѣйшихъ дней для водруженія *маиковъ*. Одинъ изъ *маиковъ* ставится на среднѣй деревенской площади, его украшаютъ, цвѣтами, пестрыми лентами и платками. Вокругъ него происходятъ игры и пляски мѣстнаго населенія. Прочія деревца водружаются каждымъ изъ парней передъ домою его возлюбленной, гдѣ и остаются цѣлый мѣсяцъ. — Наконецъ, обрядъ срубанія и поставленія *маиковъ* приурочивается мѣстами ко дню Св. Троицы, между прочимъ и у словаковъ.

Обычай срубить и носить пестро разукрашенные пучки древесныхъ вѣтвей или деревца распространены и между поляками, хотя и совершается въ разныхъ мѣстахъ не въ одно и то же время. Въ краковскомъ округѣ и въ Мазовшѣ шествіе съ „*маикомъ*“ происходитъ во вторникъ на пасхѣ: отъ дома въ дому ходитъ толпа дѣвушекъ, изъ которыхъ одна держитъ въ рукахъ большую, убранную разноцвѣтными лентами, связку разныхъ травъ и распустившихся древесныхъ вѣтвей („*гаикъ*“), при пѣніи пѣсень, въ которыхъ желаютъ хозяину дома всякаго добра. О самомъ *гаикѣ* выражаются въ пѣсняхъ такъ же, какъ и въ пѣсняхъ силезскихъ, съ которыми носятъ *гаикъ* непосредственно по топленію Марзаны, напр.:

Нашъ *гаикекъ* изъ дѣса идетъ,
Глядятъ на него люди,
Идетъ онъ, идетъ по липовому мосту,
Глядятъ на него бары и барыни.
На нашемъ *гаикѣ* ленточки и шпичечки,
Что навѣшали на него краковскія дѣвушки.

Весеннее дерево, или зелень, вмѣсто „*гаика*“ иногда называется у поляковъ и „*маикомъ*“, напр.:

Нашъ *маикъ* зеленый,
Прекрасно убранный,
Съ нимъ во дворъ вступаемъ,
Счастія и здравія желаемъ
На этотъ *новый годъ* (nowy rok),
Что далъ Господь Богъ.

Упомянутое въ майскихъ пѣсняхъ польскихъ (Pieśni majowe) о новомъ годѣ подтверждается унаслѣдованный изъ глубокой древности народный взглядъ на начало лѣта, какъ на начало года, — взглядъ, который не въ силахъ было вполне искоренить офици-

ціальное установленіе новаго года съ 1-го января, согласно календарю, введенному Юліемъ Цезаремъ и затѣмъ постепенно вошедшему въ употребленіе у большинства европейскихъ народовъ.

У южныхъ славянъ встрѣчаемъ подобные же обычаи. У сербохорватовъ *древесная зелень* преимущественно играетъ роль 1-го мая. Наканунѣ этого дня молодые парни идутъ въ лѣсъ, гдѣ рубить по преимуществу длинныя *сучья березовые* или *дубовые*. Обрѣзавъ у нихъ всѣ вѣтви, за исключеніемъ находящихся на концахъ и образующихъ какъ бы корону, парни отправляются съ этими сучьями къ себѣ домой. Затѣмъ они украшаютъ ихъ цвѣтами, лентами, плодами и т. п. Въ такомъ видѣ сучокъ носить названіе „*Май*“ (ср. выше „*маиць*“ или „*гаиць*“ западныхъ славянъ). Въ теченіе всей ночи на 1-ое мая сельскіе музыканты ходятъ по селамъ и играютъ. При первыхъ звукахъ музыки, парни спѣшатъ украсить своими „*маями*“ окна домовъ, гдѣ живутъ любимыя дѣвушки (ср. водруженіе „*маицковъ*“ передъ домами дѣвушекъ у западныхъ славянъ). Въ старину справляли „*майникъ*“ съ особенными обрядами, которые нынѣ запрещены. Фріульскіе словяны справляютъ 1-го мая „*майникъ*“; въ этотъ день дѣвушки и женщины ходятъ въ церковь съ цвѣтами на головѣ.

Восточные славяне, расселяясь на громадномъ пространствѣ, тянущемся отъ знойнаго юга до Ледовитаго океана, уносили съ собою на сѣверъ преданія, связанныя съ климатическими условіями юга, продолжающія жить въ народѣ, несмотря на разногласіе ихъ, во многихъ случаяхъ, съ условіями новой ихъ обстановки. Такъ, напр., представленіе о томъ, что въ день Срѣтенія зима съ лѣтомъ встрѣчается, сохранилось еще въ тульской и разанской губерніяхъ, хотя въ началѣ февраля зима находится здѣсь еще въ полной силѣ. Въ Малороссіи съ этого дня начинаютъ пѣть веснянки. Обрядъ проводовъ масленицы (мѣстами сожигаемой или погребаемой въ послѣдній день масленицы), напоминающій описанные выше западно-славянскіе обряды проводовъ смерти (Морены) и обыкновенно встрѣчающійся въ февралѣ, сопровождается въ галицкомъ уѣздѣ (костромской губ.) и въ тверской губ. шествіемъ „*окивальщиковъ*“ съ *словами вѣтвями* въ рукахъ. Вѣтви эти ставятся ими также на дворахъ хозяевъ, предлагающихъ *окивальщикамъ* угощеніе. Еловыя вѣтви—единственная *зелень*, которую можно достать въ данное время въ сѣверной Россіи—повидимому, играютъ здѣсь ту же роль, какъ *древесныя вѣтви* и *деревца*—„*лѣто*“, „*гаиць*“, „*маиць*“—въ описанныхъ обрядахъ западныхъ славянъ. Въ Бѣлороссіи также уже

на масляницѣ поются пѣсни, въ которыхъ закликаютъ весну, напр.:

Да поможи, Божа, *Весну* закликати:
На тихая гѣто, на адряно жито,
Жито и пшаницу,
Усякаю пшаницу ¹⁾..

1-ое марта, день Евдокии „Весновки“, считается однако на Руси по преимуществу началомъ года. Въ этотъ день происходитъ *первая встрѣча* весны. Въ смоленской губ. бабы, дѣвки и малые ребята, влѣзши на крыши хлѣбныхъ амбаровъ или взошедши на горы, закликаютъ весну:

Весна красна,
Что ты намъ принесла?
„Красное мѣтечко“...

О „красномъ лѣтѣ“ въ эту пору года въ смоленской губ., конечно, нѣтъ и помину въ дѣйствительности. *Вторая встрѣча весны* происходитъ 9-го марта, въ день весенняго равноденствія (день 40 мучениковъ). Съ этимъ днемъ связаны поговорки: „*зима* кончается, *весна* начинается“, или „на сороки куликъ изъ-за моря принесъ весну изъ неволя“. Затѣмъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ весеннихъ праздниковъ. Благовѣщеніе, четвергъ страстной, первые дни святой недѣли, красная горба (на Фоминой недѣлѣ), Семикъ, Троицынъ и Духовъ дни и др. Всѣ они ознаменовываются пѣніемъ весеннихъ пѣсень, исполненіемъ весеннихъ игръ, между которыми въ особенности же выдается обрядъ срубанія и чествованія *семицкой березки*, подробно описанный выше. — Привѣтствованіе Весны сопровождается *омовеніемъ* или *купаніемъ*, а также *приношеніемъ ей даровъ*, напоминающими омовеніе и обрядныя купанія въ описанныхъ выше пѣсняхъ и обрядныхъ дѣйствіяхъ, а также жертвенныя трапезы подъ семицкой березкой и т. п. — Такъ, напр., въ буйскомъ уѣздѣ костромской губ. въ великій четвергъ „окиваютъ“ весну. Около Буя и Солигалича, въ тотъ же день при восхожденіи солнца, поселяне трижды *покружатся въ воду*, трижды кувыряются по землѣ и потомъ по углу влѣзаютъ на избу и *поютъ пѣсни въ честь весны* (ср. закликаніе весны съ крышъ амбаровъ и

¹⁾ Въ одной изъ пѣсень, исполняемыхъ по низверженіи чучела смерти чешскими дѣвушками, встрѣчаемъ сходное обращеніе къ св. Маргаритѣ (замѣнившей Марену):
А ты, св. Маргарита,
Дай намъ добрый годъ
На пшеницу, на рожь...

горныхъ вершинъ въ смоленской губерніи). Буйскія дѣвушки *выходятъ по поясъ въ рѣку и въ воду*, схватясь руками одна съ другою, *приплясываютъ*:

*Весна, Весна красная!
Приди, Весна, съ радостью,
Съ радостью, съ радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными!*

Если еще не раскрылись воды, то дѣвушки, схватясь за руки, вертятся *вокругъ проруби* съ тѣми же припѣвами. Въ деревнѣ Сосновѣ, чистопольскаго уѣзда, въ тотъ же день, т.-е. въ великій четвергъ, при полночномъ пѣніи пѣтуха, дѣвушки и парни съ пѣснями бѣгутъ на рѣчку Бахту почерпнуть *воды* и этою водою *умываются*.

Въ другихъ мѣстахъ, 19-го апрѣля („Новины“), поселянки, оставши свои холсты, выходятъ съ *обтнтымъ* концомъ въ поле, раскланиваются на всѣ стороны и, обращаясь на востокъ, говорятъ: *„отъ тебѣ, матушка-Весна, новая новинка!“* Послѣ того разстилаютъ конецъ холстины по лугу, кладутъ на него *пирогъ* и уходятъ домой съ надеждою, что матушка-Весна одѣнется въ новину и за хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи ленъ и конопли. Въ тульской губерніи родственныи обычай приуроченъ къ „красной горѣ“: при восхожденіи солнца, поселяне выходятъ на холмъ или пригорокъ, подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хороводница, проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ *хлѣбцемъ* въ одной рукѣ и съ *краснымъ яйцомъ* въ другой и начинаетъ пѣсню:

*Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пришла?
—На сощечкѣ,
На бороночкѣ и т. д.*

Въ Малороссіи пѣніе „веснянокъ“ начинается мѣстами со дня Срѣтенія, мѣстами съ Благовѣщенія, и продолжается до Троицына дня. Въ семикъ и Троицу украшаютъ дома *древесными вѣтвями* и *деревцами*, соответствующими „лѣту“, „ганку“, „манку“ западныхъ славянъ, семицкой и троицкой березкамъ великорусовъ и называемыми „клевачья“, почему и семицкая недѣля называется у малоруссовъ *клевальною*. Въ галицкой и угорской Руси поютъ веснянки съ марта мѣсяца до Троицы. Главнымъ же ве-

сеннимъ праздникомъ нынѣ считается тамъ праздникъ Пасхи. Въ первые три дня святой недѣли, при особенныхъ играхъ и пляскахъ, происходящихъ преимущественно въ церковной оградѣ (на цвинтарѣ), на возвышенностяхъ, или на иномъ какомъ-либо свободномъ мѣстѣ, поются весеннія пѣсни, специально называемыя *гайками* или *гаилками*. Уже самое названіе этихъ пѣсней обнаруживаетъ ихъ близкое отношеніе къ *гайку* (зеленому деревцу или пучку зеленыхъ вѣтвей) въ весеннемъ обрядѣ поляковъ. Въ „гайвахъ“, между прочимъ, привѣтствуется *воскресшая весна*:

Ой же *Весна воскресла!*

Бѣлоруссы встрѣчаютъ весну, влѣзши на какую-нибудь возвышенность—на крышу, на дерево или на гору—при чемъ поютъ:

Благослови, Боже, *Вясну* загунаці!
Вясну ясененькую, Дѣто цепленькоя.
Гей, Вясна красна! Што вынесла?
Зъ коробоу жито повытрясла,
Маленькимъ дѣткамъ по ячку,
Старенькимъ бабкамъ по кіечку (посошку).

Семиль у бѣлоруссовъ нынѣ не отправляется съ обрядами, известными въ Великороссіи: воспоминаніе о срубаніи обряднаго деревца—гайка—сохранилось лишь въ пѣсняхъ, напр.:

Да не сѣчите да *зеленаго гаю...*

Замѣтимъ, что въ приведенныхъ видахъ встрѣчи весны, которые не представляютъ непосредственной связи съ символомъ (деревцомъ, древесною зеленью) привѣтствуемаго божества, въ большинствѣ случаевъ выражается народное представленіе о представительницѣ весны въ образѣ благодѣтельной богини, воскресающей, приходящей или пріѣзжающей, приносящей людямъ „красное лѣто“, радость и милость, обильные хлѣба и благополучіе и въ свою очередь угощаемой жертвенными дарами.

Въ тѣснѣйшей связи съ описанными обрядами находятся и совершаемыя въ разные весенніе праздники обрядныя игры и процессіи, въ которыхъ *символомъ* чествуемой *богини весны* служатъ уже не древесная зелень или зеленое деревцо, а *украшенная зеленью и цвѣтами* или *окутанная зеленью дѣвучка*.

Въ Чехіи, въ окрестностяхъ Либоховица на Эгерѣ, въ средокрестное (смертное) воскресенье, т. е. въ тотъ самый день, когда во многихъ другихъ мѣстахъ (въ Лужицѣ, Силезіи, Моравіи) совершается обрядъ проводовъ смерти и встрѣчи „лѣта“ въ образѣ

деревца, дѣвушки устраиваютъ слѣдующаго рода процессію: одѣтыя въ бѣлыя платья, съ красными лентами и золотыми звѣздочками въ волосахъ, украшенныя первыми полевыми *цѣттами*, онѣ избираютъ изъ среды своей *королеву* (královna), которую украшаютъ *оѣнками изъ цѣттовъ* и водятъ по селу. Во время шествія, происходящаго съ большою торжественностью, всѣ дѣвушки непрерывно кружатся и поютъ. Королева возвѣщаетъ каждому дому приходъ весны и желаетъ при этомъ обитателямъ дома счастья и благополучія, за что награждается подарками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Моравіи около времени пятидесятиницы (Setnice) также ходитъ торжественной процессіей *украшенная оѣнкою королева*. Ее сопровождаютъ *королевички* (královničky), изъ которыхъ одна несетъ корзинку для помѣщенія въ ней получаемыхъ подарковъ, а другая — деревцо „майкъ“, увѣшанное цвѣтными яичными скорлупками, лентами и блестящими.

Сходный обычай встрѣчаемъ и у словаковъ. Прибавлю, что къ числу популярнѣйшихъ весеннихъ игръ словацкихъ принадлежатъ „игра въ королеву“ (ihga na královnu).

Въ югозападномъ краѣ, въ средѣ бѣлоруссовъ и малоруссовъ, наканунѣ Юрьева дня, 22-го апрѣля, празднуется „лалынь“ или „красная горка“ (въ Великороссіи „красная горка“ бываетъ на 9-ой недѣлѣ). Выбравъ изъ среды себя *самую красивую дѣвушку*, дѣвицы-хороводницы перевязываютъ ей шею, руки и ноги *разною зеленью*, а на голову надѣваютъ *оѣнокъ изъ сѣтковицъ цѣттовъ*. Ее сажаютъ на дерновую скамью, на которую съ одной стороны поставленъ кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло, яйца, сметана, творогъ, а съ другой — хлѣбъ; къ ногамъ ея кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ свѣжей зелени. Украшенная дѣвушка называется: *Ляля*. Хороводницы танцуютъ вокругъ Ляли и поютъ пѣсни, въ которыхъ она характеризуется какъ *подателница урожаю, кормилица*. Ляля раздаетъ всѣмъ дѣвицамъ поочередно молоко, сыръ и пр. Слѣдуютъ опять пѣсни и пляски. Въ заключеніе игры Ляля бросаетъ вѣнки, которые дѣвушки стараются схватить на-лету. Вѣнки эти прячутся дѣвушками до слѣдующей весны. Красота Ляли даже вошла въ пословицу: „Прягожа якъ Ляля“.

Во владимірской губерніи, въ семьѣ, исполняютъ игру, называемую „водить колосокъ“, имѣющую тоже основное значеніе, какъ чествованіе весны, Ляли и т. п. Молодыя женщины, дѣвушки и юноши, собравшись на окраинѣ селенія, попарно схватываются руками и становятся въ два ряда, обращенные другъ къ другу лицами. По ихъ соединеннымъ рукамъ, словно по мосту,

идеть *маленькая дѣвочка*, убранная разноцвѣтными лентами. Каждая послѣдняя пара, по которой прошла дѣвочка, забѣгаетъ впередъ, и такъ образуется непрерывный мостъ, постепеннодвигающійся къ озимому полю. Дѣвочка, достигнувъ такимъ путемъ озимаго поля, спускается нѣземь, срываетъ нѣсколько колосьевъ ржи, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ возлѣ церкви. Въ это время поются пѣсни, въ которыхъ дѣвочка называется *царницей*, напр.:

Ходить колось по яри,
По бѣлой пшеницѣ.
Гдѣ *царница* шла,
Тамъ рожь густа:
Изъ колосу осьмина,
Изъ зерна коврига,
Изъ полузерна пироги.
Родися, родися, рожь съ овсомъ,
Живите богато, сынъ съ отцомъ!

Мы привели пестрый рядъ разнообразныхъ народныхъ пѣсенъ, обрядовъ, игръ; они получаютъ въ нашей группировкѣ общій смыслъ, объединяющій ихъ, несмотря на все разнообразіе. Всѣ они относятся къ двумъ изъ главнѣйшихъ точекъ годового круга: *нортъ вышлаго солнцестоянія*—Иванову или Петрову дню (отчасти и къ началу или концу петровскаго поста), съ одной стороны, а съ другой—къ началу *весны*, празднуемому въ разные дни въ продолженіе значительнаго промежутка времени, отъ начала марта (или даже февраля) и до Троицы и Духова дня.

Такое поэтическое воззрѣніе на смѣну временъ года и связанныхъ съ нею явленій природы, глубоко затрогивающихъ живѣйшіе интересы поселянина-земледѣльца, несомнѣнно издревле было присуще славянамъ. Древность этого воззрѣнія, глубоко укоренившагося въ народномъ сознаніи, доказывается тѣмъ, что отражающія его, приуроченныя къ двумъ главнѣйшимъ моментамъ годового круга, обрядныя дѣйствія и пѣсни, несмотря на всеоключающее вліяніе вѣковъ, протекавшихъ со времени принятія народомъ христіанской вѣры, несмотря на то, что первоначальный смыслъ ихъ уже утратился для народа, продолжаютъ до нашихъ дней жить въ немъ, сохраняя въ значительной степени старинную свою фязіономію.

А. С. Фаминцинь.

ДЖОРЖЪ МЕРЕДИТЪ

КРИТИЧЕСКІЙ ОЦЕРЬ.

—*George Meredith, Works, ed. Chapman. London, 1889—94.*

I.

Въ 1859 г., когда англійскій романъ переживалъ въ творчествѣ Диккенса и Теккерея одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ своего развитія, выступили одновременно два новыхъ писателя, обозначившихъ собой начало двухъ новыхъ и совершенно различныхъ между собой направленій въ англійской беллетристикѣ. Одно изъ нихъ успѣло съ тѣхъ поръ вполне выясниться, окрѣпнуть, оказать свое вліяніе на общій ходъ литературы—и отчасти уже сойти со сцены. Другое испытало совершенно иную судьбу: незамѣченное, непризнаваемое и осуждаемое около двадцати-пяти лѣтъ, оно вдругъ воскресло за послѣдніе годы, стало живо интересоваться публику и сдѣлалось предметомъ увлеченія со стороны критики, столь же ревностно выхваляющей его достоинства, какъ прежде осуждали его недостатки. Во главѣ перваго теченія, очень широко отразившагося на современномъ англійскомъ романѣ, стояла Джоржъ-Эліотъ, выступившая въ 1859 г. съ своимъ первымъ романомъ „Адамъ Бидъ“; и въ томъ же году появился въ печати романъ перваго и до послѣдняго времени единственнаго представителя втораго изъ указанныхъ направленій—„Ричардъ Феверель“, Джоржа Мередита.

Въ этихъ романахъ двухъ начинающихъ писателей, близкихъ по высотѣ таланта, но вполне различныхъ по міросозерцанію и

по пониманію задачъ художественнаго творчества, уже вполне намѣчены различныя дороги, которыя привели одного къ непосредственному успѣху и большому вліянію на современниковъ, другого—къ уединенному, настойчивому исканію истины среди враждебно настроеннаго общества, и къ поздней славѣ, которая едва ли можетъ быть достаточнымъ вознагражденіемъ за долгіе годы нравственнаго одиночества. „Адамъ Бидъ“ Джоржъ-Эліота открылъ новый міръ народной жизни съ ея нетронутыми цѣльными чувствами и непосредственными цѣльными натурами. Джоржъ-Эліотъ задалась цѣлью понять и отразить „душу народа“ и создала бытописательный романъ, въ которомъ типы замѣняютъ анализъ индивидуальныхъ особенностей человѣческой души; драматизмъ основанъ на борьбѣ чувства и долга, и несложный катехизисъ нравственности, исповѣдуемый всякимъ деревенскимъ пасторомъ, служитъ неумолимымъ критеріемъ при дѣленіи людей на „идеальныхъ“ и „порочныхъ“. Высшій реализмъ въ воспроизведеніи всѣхъ подробностей описываемой среды, и на-ряду съ этимъ идеализація въ характеристикахъ, предпочтеніе трогательнаго зрѣлища идеальныхъ добродѣтелей богѣ неприглядной и болѣе сложной психологической правдѣ—таковъ основной характеръ „Адама Биды“, не измѣнившійся въ дальнѣйшемъ творествѣ романистки. Этотъ реализмъ на фовѣ пуританскаго пониманія нравственности вполне отвѣчаетъ общему тону англійской литературы, и, внеся его въ описаніе мелкой провинціальной среды со всѣмъ, что въ ней есть типичнаго и интереснаго, Джоржъ-Эліотъ создала школу, къ которой применилъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей и писательницъ изъ народнаго и провинціальнаго быта.

Первый романъ Джоржа Мередита сдѣлался исходнымъ пунктомъ совершенно иначе понимаемаго реализма, и по своеобразной манерѣ автора, по преобладанію мысли надъ вымысломъ, по исключительности изображаемыхъ въ романѣ лицъ и рѣзкости задѣтыхъ психологическихъ проблемъ, можно было бы сразу предсказать дальнѣйшую судьбу автора: онъ не принадлежалъ къ числу писателей общепонятныхъ и близкихъ читающей массѣ, которые умѣютъ одновременно и занимать, и трогать ее; онъ слишкомъ расходился съ дорогами англійской публики „основами“, и съ другой стороны—являлся слишкомъ отвлеченнымъ, слишкомъ занятымъ интеллектуальной стороною всякаго явленія, чтобы склонять на свою сторону читателя, который, въ большинствѣ случаевъ, не въ состояніи услѣдить за теченіемъ мысли романиста. Перемишривая драматизмъ дѣйствія съ философскими обобщеніями, афоризмами, сопоставленіями чисто теоретическаго характера, Мередитъ слиш-

комъ часто забываетъ своего читателя, чтобы завоевать его симпатіи. Всѣ эти особенности, сказавшіяся уже въ значительной степени въ первомъ романѣ Мередита, объясняютъ—почему, не уступая Джоржъ-Эліотъ по таланту и оригинальности творчества, Мередитъ такъ долго оставался въ тѣни, оцѣненный лишь очень небольшимъ кружкомъ близкихъ друзей (въ томъ числѣ Розетти, Броунингомъ, извѣстнымъ критикомъ Джэксомъ Томсономъ), а одновременно выступившая съ нимъ романистка успѣла приобрести славу классической писательницы, уже настолько выясненной критикой, что критика перестала заниматься ею. Перенеся центр тяжести романа отъ описанія нравовъ къ пытливому, точному изученію внутреннихъ мотивовъ, управляющихъ дѣйствіями людей, Мередитъ пошелъ по новому пути, различному однако не только отъ реализма Теккерея, перешедшаго къ школѣ Джоржъ-Эліотъ и ея послѣдователей, но и отъ психологическаго романа, впервые созданнаго Стендалемъ и получившаго съ тѣхъ поръ столь широкое развитіе въ литературѣ всѣхъ странъ. Мередитъ, испытавшій въ свою очередь нѣкоторыя литературныя вліянія, отмежевалъ себя совершенно особую область: подобно Роберту Броунингу, создавшему „интроспективную драму“, онъ создалъ „интроспективный романъ“, очень близко стоящій къ драмѣ по самой манерѣ противопоставленія интересовъ дѣйствующихъ лицъ. Много лѣтъ должно было пройти, прежде чѣмъ эта оригинальная форма творчества приобрѣла право гражданства на родинѣ романиста; только теперь, когда реалистическое направленіе Дж.-Эліотъ дало все, что оно могло дать, и выродилось въ механическое повтореніе прежнихъ формулъ,—критика, а за нею и читающая публика, стали глубже всматриваться въ творчество Мередита. Въ его романахъ, какъ прежнихъ, не признанныхъ и не оцѣненныхъ при своемъ появленіи, такъ и въ новыхъ, стали находить источникъ для обновленія англійскаго романа философскимъ пониманіемъ жизни, проникательностью тонкаго психолога и блестящей діалектикой художника, у котораго любовь къ мѣткимъ опредѣленіямъ, афоризмамъ и сравненіямъ доходитъ иногда до манерности и превращается въ умственную гимнастику. Это возрожденіе интереса къ романамъ Мередита приняло, какъ это часто бываетъ въ Англіи, преувеличенные размѣры и превратилось въ нѣкоторыхъ литературныхъ кругахъ въ культъ, въ преклоненіе передъ каждой строчкой „учителя“ и комментированіе глубокаго смысла всякаго несовсѣмъ понятнаго изреченія. До сихъ поръ, среди все болѣе и болѣе возрастающаго числа поклонниковъ романиста, переживающаго на старости поздній расцвѣтъ своей славы, не возникала

еще идея созданія „Меридитовскаго общества“ — на подобіе „Browning Society“, — но многочисленныя журнальныя статьи, книга Ле-Гальена ¹⁾, посвященная разбору его творчества, и другія оцѣнки, встрѣчаемыя въ разныхъ книгахъ, говорятъ о Меридитѣ, какъ о совершенно исключительномъ явленіи въ современной литературѣ Англій.

Термины „Meredithians“ — въ примѣненіи къ поклонникамъ таланта романиста — и „Meredithyamb“, какъ характеристика отношенія къ нему критики за послѣдніе годы, встрѣчаются во всѣхъ посвящаемыхъ ему статьяхъ и указываютъ на размѣры возбуждаемаго его романами интереса. Долго непонятый въ своихъ попыткахъ объяснить характеры и дѣйствія людей изнутри, ровнымъ развитіемъ и проявленіемъ основныхъ элементовъ ихъ души, — Меридитъ сдѣлался теперь сразу самымъ любимымъ романистомъ, близкимъ по своимъ интеллектуальнымъ особенностямъ общему отвлеченному направленію мысли, которое проявляется въ послѣднее время въ Англій даже въ области художественнаго творчества. Онъ не создалъ школы среди литературной молодежи Англій, но причиной этого является слишкомъ ярко и рѣзко отражающаяся въ его романахъ индивидуальность; слѣдовать его методу — значить подражать глубинѣ его психологическихъ наблюдений, блеску его единственнаго въ своемъ родѣ стиля; его методъ заключается главнымъ образомъ въ качествахъ его ума и стиля, превращающихъ многіе изъ его романовъ въ турниры остроумія и глубокомыслія. Путь, которымъ онъ идетъ, былъ бы крайне опасенъ для менѣе исключительнаго таланта, и это объясняетъ обособленное положеніе Меридита даже за послѣднія 8 — 10 лѣтъ, когда, окруженный восторженными поклонниками, онъ не можетъ назвать среди нарастающаго поколѣнія писателей ни одного ученика. Въ этомъ все различіе двухъ одновременно выступившихъ писателей: значеніе Дж.-Эліотъ въ томъ, что, захвативъ широко англійскую жизнь, она оказала благотворное вліяніе на цѣлое поколѣніе писателей, и направила ихъ на изученіе жизненныхъ подробностей; значеніе Меридита — въ болѣе глубокомъ проникновеніи въ тайны человѣческой души, въ умѣніи освѣтить самый процессъ возникновенія и развитія отдѣльныхъ характеровъ. Типы замѣнены у него сальными индивидуальными характерами, непосредственность въ изображеніи явленій — сознательнымъ анализомъ внутреннихъ побужденій, отразившихся въ томъ или другомъ дѣй-

¹⁾ Rich. Le Gallienne. George Meredith: Some characteristics... With a bibliography by J. Lane. L. 1890.

ствѣн. Въ этой диссекціи души и ума главный интересъ сосредоточенъ на самомъ процессѣ перехода инстинктивнаго рокового побужденія въ сознательный поступокъ. Мередить нерѣдко поступается художественностью вложенія ради психологическихъ тонкостей, хотя съ другой стороны чисто лирическія качества его таланта берутъ иногда верхъ надъ разсудочностью и въ его романахъ встрѣчаются эпизоды, полные неподражаемаго поэтическаго совершенства. Оригинальность замысла, тонкость психологической мотивировки и блескъ своеобразнаго стиля соединяются въ произведеніяхъ Мередита съ крупными недостатками усвоенной имъ манеры и выдѣляютъ его какъ одного изъ наиболее оригинальныхъ представителей современной англійской литературы. Не заслуживая ни рѣзкаго осужденія прежнихъ лѣтъ, ни безусловнаго поклоненія теперешнихъ англійскихъ критиковъ, Мередить несомнѣнно заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ создатель особаго жанра психологическаго романа. Стоитъ только выдѣлить въ этомъ жанрѣ недостатки, которыми Мередить обязанъ нѣкоторымъ чисто національнымъ свойствамъ своего таланта, — и передъ нами крупный писатель, внесшій въ литературу новизну психологическихъ приемовъ и освѣтившій внутренній міръ современнаго человѣка тонкимъ пониманіемъ контрастовъ, вызываемыхъ взаимодействіемъ природныхъ инстинктовъ и общественныхъ условій.

II.

Джоржъ Мередить родился въ 1828 г.; въ молодости онъ жилъ довольно долго въ Германіи, много занимался нѣмецкой литературой и подпалъ одно время подъ вліяніе Жанъ-Поля Рихтера. Вернувшись въ Англію, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами такъ-наз. прерафаелитскаго братства, жилъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ братьями Розетти (Данте Габріэль Розетти написалъ тогда съ него фигуру Христа въ одной изъ своихъ картинъ), былъ женатъ и, потерявъ жену, живетъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ въ своемъ коттеджѣ въ маленькомъ городкѣ Доррингъ, недалеко отъ Лондона, крайне рѣдко показываясь въ лондонскихъ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ. Вотъ всѣ факты, извѣстные въ печати о частной жизни Мередита. Пытливый биографъ найдетъ еще много матеріала для болѣе или менѣе достовѣрныхъ догадокъ въ „Modern Love“, лирическомъ сборникѣ романиста, занимающаго также видное мѣсто среди поетовъ современной Англій. Сборникъ этотъ носить на

себѣ глубокой отпечатокъ пережитой жизненной драмы, фактическая подкладка которой остается однако вполне темной. Мередитъ такъ ревниво оберегаетъ свою личную жизнь отъ любопытства публики и такъ равнодушно относится къ блестящему, хотя и позднему расцвѣту своей славы, что не даетъ возможности прослѣдить съ достовѣрностью фактическій ходъ развитія его оригинальнаго таланта и вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ на его міросозерцаніе. Отсутствие общительности доходитъ у него до болѣзненной замкнутости, до неприязни ко всякому проявленію симпатіи, которую выказываетъ ему заинтересованное общество; это очень затрудняетъ задачу критика, лишая его биографическаго матеріала, столь цѣннаго для пониманія индивидуальныхъ особенностей художника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ стремленіи замкнуться въ своемъ творчествѣ и остаться чуждымъ окружающему міру въ личной жизни лежитъ одна изъ существенныхъ особенностей Мередита, объясняющая общій характеръ его произведеній. Мередитъ принадлежитъ къ одинокимъ умамъ, сосредоточеннымъ на изученіи философскихъ и психологическихъ основъ жизни; онъ вноситъ въ это изученіе изумительную проницательность, умѣніе схватывать малѣйшіе оттѣнки чувствъ и подводить ихъ подъ общую философскую схему; но этотъ отвлеченный анализъ основъ жизни мало согрѣтъ у него душевной близостью съ изображаемымъ міромъ. Мередитъ не чувствуетъ живой связи между собой и людьми; въ своемъ творчествѣ, также какъ и въ своей жизни, онъ — одинокій мыслитель, не нуждающійся въ сочувствіи и пониманіи со стороны другихъ, но и не относящійся съ участіемъ къ ихъ слабостямъ и страданіямъ. Этотъ строгій исторіографъ челоувѣческой психологіи не умиляется предъ добродѣтелью и не возмущается зломъ, когда находитъ то или другое въ корнѣ характеровъ, которые жизнь переработала по своему и удалила отъ природнаго основнаго элемента. Онъ добросовѣстно и неуклонно ведетъ хронику челоувѣческой души, отмѣчаетъ всѣ ея побужденія, заинтересованный только въ вѣрности своихъ анализовъ, въ освѣщеніи внутренняго міра инстинктовъ и сознательной работы мысли. Нельзя, однако, назвать Мередита пессимистомъ, который, неумолимо слѣдуя истинѣ въ изображеніи зла и страданій въ жизни, отчаявается въ возможности лучшаго будущаго для челоувѣчества и рисуетъ мрачныя картины безнадежнаго паденія челоувѣка. Мередитъ — не пессимистъ, не циникъ, какимъ его долго считала англійская критика. Не въ рѣзкости изображеній характеровъ и критикѣ принциповъ англійскаго общества причина того, что читатель романовъ Мередита чувствуетъ

себя какъ-то сразу чуждымъ автору, находясь въ антагонизмъ съ складомъ его мыслей. Причина этой розни—въ отвлеченности творчества Мередита; всю сложность явленій дѣйствительной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ нихъ есть непосредственно трогательнаго, драматичнаго и вызывающаго отвѣтное чувство у наблюдателя, онъ переводитъ въ область чистой мысли, и, чтобы понять жизнь, отступаетъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе, остается чуждымъ ея вліянію, чуждымъ всякаго сочувствія къ предмету своего изслѣдованія и изображенія.

Этотъ основной тонъ отношеній Мередита къ жизни и людямъ сказывается въ замѣнутости его жизни и въ холодномъ, чисто головномъ характерѣ его творчества, создавшемъ ему особенное положеніе въ литературѣ. Основнымъ двигателемъ жизни людей Мередитъ считаетъ разумъ, стремленіе дѣйствовать такъ, какъ того требуетъ голосъ разсудка въ противоположность побужденіямъ чувствъ. Слѣдить за развитіемъ разсудочной способности людей въ борьбѣ съ чувствами, вызываемыми различными обстоятельствами жизни, показать все разнообразіе человѣческой природы въ изображеніи индивидуальныхъ характеровъ, занятыхъ дилеммой жизни, контрастами мысли и чувства,—такова задача, изъ которой исходитъ Мередитъ; для выполненія ея онъ вводитъ читателя, такъ сказать, въ лабораторію человѣческихъ поступковъ, анализируетъ побужденія, опредѣляемыя природою и направляемыя такъ или иначе жизнью, смотря по тому, какъ сильно дѣйствуетъ въ человѣкѣ его самосознаніе, его разсудочная сила.

Природная склонность Мередита къ теоретическому анализу живой дѣйствительности выразилась прежде всего въ особенностяхъ его стиля, наиболѣе отдѣляющаго Мередита отъ всѣхъ другихъ романистовъ Англій. Изъ тѣхъ немногихъ фактовъ, которые извѣстны изъ жизни Мередита, мы видимъ, что его пребываніе въ Германіи въ юности повело за собой увлеченіе Ж.-П. Рихтеромъ, въ особенности его запутаннымъ, доходящимъ до нагнѣренной виртуозности, стилемъ. Подобный стиль, нѣсколько искусственный, но въ высшей степени удобный для выясненія оттѣнковъ интеллектуальныхъ процессовъ, нашелъ въ Мередитѣ ревностнаго поклонника. Ободренный примѣромъ Ж.-П. Рихтера, а также Карлейля, съ его пристрастіемъ въ афоризмамъ и къ оригинальнымъ сочетаніямъ словъ, Мередитъ усвоилъ себѣ съ первыхъ же своихъ произведеній совершенно особый языкъ, составляющій характерную особенность его творчества. Это прежде всего языкъ юмориста, выражающаго свое пониманіе жизни, свое представленіе о людяхъ—въ сжатыхъ часто до непонятности опре-

дѣленіяхъ людей и поступковъ. По своей манерѣ переполнять фабулу романа то шутливыми, то совершенно отвлеченными философствованіями по поводу описываемыхъ событій, Мередитъ ближе всего напоминаетъ Лоренца Стерна. Подобно автору „Тристама Шенди“, Мередитъ хочетъ прослѣдить въ каждомъ изъ отдѣльныхъ героевъ своихъ романовъ характерныя національныя черты своихъ соотечественниковъ и показать фундаментъ, на которомъ основано мѣрное и неуклонное теченіе англійской жизни; для этого онъ безпрестанно переходитъ отъ частныхъ случаевъ къ общимъ выводамъ и закрѣпляетъ въ афоризмахъ и отступленіяхъ свои наблюденія надъ національнымъ характеромъ. Чтобы придать своимъ характеристикамъ англійской жизни какъ можно больше полноты и разносторонности, Мередитъ не ограничивается авторскими отступленіями, а надѣляетъ большинство изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ страстью къ психологическимъ наблюденіямъ и къ погонѣ за формулами, опредѣляющими въ нѣсколькихъ словахъ сущность характера. Общая черта всѣхъ лицъ, выводимыхъ на сцену Мередитомъ—тонкій, наблюдательный умъ, гораздо болѣе занятый философіей жизни, чѣмъ самой жизнью; въ каждомъ изъ романовъ Мередита есть непременно какой-нибудь „наблюдатель“ по профессіи, стоящій внѣ происходящихъ событій, но живо ими интересующійся, или изъ празднаго любопытства и общественныхъ инстинктовъ, или подъ вліяніемъ злорадства, руководящаго неудачниками въ жизни, или же по природной склонности наблюдать жизнь и иронизировать надъ ней. Эти философствующие наблюдатели—любимыя фигуры Мередита; они принимаютъ въ его романахъ самыя разнообразныя отбѣнки, начиная отъ цинично пессимистическаго „философа среднихъ лѣтъ“ до благодушнаго остряка ирландца, разсматривающаго міръ и людей какъ неистощимый источникъ для невинныхъ шутокъ и эпиграммъ. Въ ихъ уста Мередитъ влагаєтъ въ значительной степени свои собственные взгляды на жизнь и, главнымъ образомъ, на особенности англійскаго склада ума со всѣми его непоколебимыми принципами и предрасудками; но, излагаєтъ эти взгляды въ блестящихъ афоризмахъ или въ пространныхъ разсужденіяхъ о подробностяхъ англійскаго быта (англійской промышленности, помѣщичьей жизни, политикѣ и т. д. посвящено много очень интересныхъ страницъ), Мередитъ настолько приспособляетъ эти взгляды къ жизненному опыту и національному темпераменту наблюдателей и съ такимъ замѣтнымъ наслажденіемъ занимается самой формой передаваемыхъ разсужденій, что романы превращаются отчасти въ турниры остроумія и глубоко-

мысли, въ которыхъ дѣйствующія лица соперничаютъ другъ съ другомъ въ мѣткости характеристикъ, способности схватывать внутренній смыслъ мимолетныхъ явленій, обобщать и объяснять видимое и слышимое. Благодаря этому постоянному присутствію постороннихъ зрителей въ романахъ Мередита, послѣдніе производятъ впечатлѣніе театральной залы въ дни первыхъ представленій: интересъ сосредоточенъ главнымъ образомъ на зрительной загѣ; въ ней множество умныхъ и остроумныхъ людей; они комментируютъ каждое слово, произносимое на сценѣ, сыплютъ оригинальными сравненіями и сопоставленіями, подмѣчаютъ всѣ слабости и тонкости представляемой драмы и упражняются въ психологическомъ и житейскомъ анализѣ. Актеры заняты той же самокритикой и останавливаютъ каждую минуту ходъ драмы, чтобы отдать себѣ отчетъ въ основныхъ побужденіяхъ, руководящихъ ими. Само дѣйствіе играетъ наименьшую роль въ этомъ своеобразномъ театрѣ, гдѣ зрители и актеры сливаются въ общей погонѣ за „формулой души“, за причиной причинъ, за основнымъ элементомъ каждаго отдѣльнаго характера, отражающаго въ свою очередь общій національный типъ. Стремленіе найти общую, всеобъемлющую формулу національнаго характера ведетъ къ открытію множества частныхъ истинъ, къ раскрытію отдѣльныхъ, незамѣченныхъ, но весьма характерныхъ чертъ, видоизмѣняющихъ существующее представленіе объ англійскомъ характерѣ. Всѣ эти наблюденія, анализы и общія рассужденія автора и выводимыхъ имъ лицъ отливаются въ афоризмы, сопровождаемые длинными рассужденіями, еще болѣе затемняющими ихъ смыслъ. Такъ, напр., одна изъ Мередитовскихъ специалистокъ по части глубокомысленныхъ опредѣленій, лэди Монствортъ Дженкинсонъ, въ романѣ „Эгонстъ“, такъ опредѣляетъ главную причину обаянія, оказываемаго на цѣлое графство героемъ романа, знатнымъ лордомъ: „he has a leg“ (т.-е. онъ умѣетъ выступать), — говоритъ она, при чемъ эта фраза пространно комментируется, какъ доказательство символическаго значенія походки, отражающей историческое прошлое цѣлой націи и показывающей наслѣдственное рыцарство знатнаго рода. Въ другомъ романѣ, фраза лондонскаго рабочаго, сказанная вслѣдъ задѣвшему его джентльмену, служитъ основнымъ текстомъ и припѣвомъ длиннаго рассужденія о психологіи лондонскаго Сити. Количество афоризмовъ и поясненій ихъ увеличивается еще въ значительной степени отъ того, что въ каждомъ романѣ Мередитъ приводитъ цитаты изъ какой-нибудь существующей лишь въ его воображеніи книги: такъ, въ „Эгонствѣ“ весь романъ построенъ на „Книгѣ эгоизма“, кото-

рую авторъ постоянно цитируетъ, называя каждый разъ главу и страницу, изъ которой онъ беретъ то или другое изреченіе; въ „Diana of the Crossways“ ту же роль играютъ мемуары какой-то ирландской политической дѣятельницы; въ „Ordeal of Richard Feverel“ — книга жизненныхъ правилъ, написанная отцомъ героя, и т. д.

Метафоры составляютъ главную силу стиля Мередита. Онъ владѣетъ даромъ вызвать въ воображеніи читателя цѣльный образъ однимъ словомъ, намекомъ на картину. Не настаивая на деталяхъ, а намѣчая лишь тонъ настроенія, которое онъ хочетъ описать, Мередитъ воспроизводитъ душевный міръ своихъ героевъ съ большой картинностью и яркостью. Клара Миддлтонъ начинаетъ смутно понимать, что она не любитъ своего жениха, и когда онъ продолжаетъ твердить ей о неразрывности, вѣчности связывающихъ ихъ чувствъ, „вѣчность рисуется ей въ видѣ узкаго ущелья, въ которомъ неустанно жужжить монотонный голосъ“. — „Вамъ не холодно, дорогая моя?“ — спрашиваетъ Клару въ другой главѣ романа, заботливый женихъ, замѣтившій, что дѣвушка вздрогнула. — „Нѣтъ, — спѣшитъ отвѣтить Клара: — это кто-то прошелъ по моей могилѣ“. Перспектива ласковаго объятія представлялась ей въ видѣ грозной волны, надувающейся подъ легкой рябью воды. Она нагнулась сорвать цвѣтокъ. Гроза миновала ее. Въ этомъ стилѣ выдержано большинство сценъ, рисующихъ отношенія различныхъ героевъ и героинь Мередита въ окружающимъ ихъ людямъ, въ условіямъ и положеніямъ, создаваемымъ жизнью.

При помощи своихъ афоризмовъ и при посредствѣ своего образнаго стиля, Мередитъ возсоздаетъ въ своихъ романахъ цѣльную картину англійской жизни; картина эта рисуется не столько нравы общества и создаваемые имъ типы, сколько то, что кроется за ними, основные элементы, вырабатывающіе въ борьбѣ съ жизнью типичныя черты національнаго характера. Мередитъ влагаетъ въ изученіе англійской жизни общее міросозерцаніе, составляющее философскую основу его романовъ и обуславливающее ихъ внутренній смыслъ. Какъ реалистъ, рассматривающій жизнь съ положительной точки зрѣнія, Мередитъ чуждъ всякаго метафизическаго элемента въ своихъ произведеніяхъ; драматизмъ его романовъ не заключается въ конфликтѣ непосредственныхъ побужденій человека съ отвлеченными идеями, составляющими его душевный міръ. Двойственность человѣческой природы, контрасты и противорѣчія жизни служатъ исходнымъ пунктомъ психологическихъ анализовъ Мередита, но онъ сводитъ ихъ не къ вѣчному, основному антагонизму души и тѣла, жизни и смерти, а къ борьбѣ

между природой человѣка и строемъ его быта, напрасно ставящимъ ей преграды. Мередитъ задается непосредственными задачами, создаваемыми жизнью; онъ видитъ въ человѣкѣ жертву несоответствія требованій природы и условій общества, вѣчную борьбу между сущностью каждаго индивидуальнаго характера и цѣлою сѣтью искусственныхъ требованій общества. Борьба противъ дѣланности человѣческихъ понятій и неизбежное торжество требованій природы—таковъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ миро-созерцанія Мередита. Съ этой точки зрѣнія въ романахъ его старательно отмѣчаются малѣйшія проявленія искусственности и лжи въ характерахъ и поступкахъ людей, въ выказываемыхъ ими чувствахъ и т. д.

Второй существенный пунктъ жизненной философіи Мередита—его вѣра въ силу человѣческаго разума. Вся серія его романовъ, отъ „Ordeal of Richard Feverel“ до „Diana of the Crossways“, представляетъ исторію борьбы отдѣльной личности противъ навязываемыхъ ей обществомъ условій жизни. Могущественное орудіе человѣка въ этой борьбѣ—сознательная работа разсудочной способности. Слѣдуя внушеніямъ разума, вырабатывая въ себѣ строгую обдуманность и логичность дѣйствій, человѣкъ можетъ справиться со всякой жизненной задачей и исполнить свое непосредственное призваніе на землѣ, т.-е. прожить наиболѣе полной идейной жизнью, не утративъ своего „я“ среди нивелирующаго вліянія общества. Главный врагъ человѣка въ этомъ поединкѣ съ жизнью—его собственныя непосредственныя чувства, его сердце, и Мередитъ рисуешь цѣлую галерею жертвъ „сентиментальности“, какъ онъ называетъ всякое преобладаніе чувства надъ разсудкомъ. Онъ показываетъ, какъ самыя возвышенныя и благородныя чувства губятъ людей, поддающихся имъ, и вмѣняетъ въ обязанность человѣку подчинить всѣ свои побужденія контролю разсудка; въ немъ онъ видитъ основу счастливой и цѣлесообразной жизни, и поэтому одинаково обличаетъ и клеймитъ все, что идетъ въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла. Съ этой точки зрѣнія одинаково пагубны какъ крайнее развитіе эгоистическихъ чувствъ одного человѣка, стремящагося подчинить души окружающихъ людей, подъ предлогомъ всеобъемлющей любви, такъ и безграничное самозабвеніе любящихъ натуръ, не умѣющихъ контролировать свои чувства и побороть ихъ, убѣдившись въ ихъ недостойности. Мередитъ видитъ въ разумѣ не только основу счастливой жизни, но очистительную силу души;—всѣ конфликты страстей, всѣ нравственныя страданія онъ переноситъ въ область сознательной мысли, въ стремленіе разума проявить себя и поднять достоинство чело-

вѣка. Интеллектуальное развитіе составляетъ въ глазахъ Мередита величайшій долгъ мыслящаго человѣка, и онъ показываетъ въ своихъ романахъ широкіе пути непрерывнаго умственнаго совершенствованія, на которомъ должна быть основана надежда человечества на лучшее будущее, когда сила мысли преодолѣтъ устарѣлыя общественныя традиціи.

Вѣра въ побѣду мысли и разума спасаетъ Мередита отъ пессимизма. Его пониманіе людей обнажаетъ предъ нимъ мелкую и пошлую подкладку самыхъ джентльменскихъ и великодушныхъ поступковъ; съ другой стороны, страдающая часть человечества, люди, неспособные къ отставанію своей личности, являются въ его глазахъ еще большимъ доказательствомъ человѣческаго ничтожества. Но Мередитъ находитъ исходъ изъ такого пессимистическаго анализа жизни; онъ указываетъ на неустанное совершенствованіе способностей каждаго человѣка и на конечное торжество разума въ жизни. Герои его романовъ проходятъ черезъ жизненныя испытанія, требующія напряженія всѣхъ силъ души и ума, и въ этой борьбѣ закаляется ихъ умственная сила, — залогъ прогресса и торжества человѣческаго духа. Природа съ ея неопровержимыми правами и требованіями, разрушающими отвѣченныя теоріи и традиціонные принципы, человѣческій разумъ, согласующій реальныя условія жизни съ идеальными представленіями о нравственности, долгѣ и назначеніи человѣка, — таковы силы, управляющія жизнью людей, каковы бы ни были ихъ индивидуальный и національный характеръ. Къ какимъ результатамъ приводитъ столкновеніе этихъ основныхъ элементовъ жизни съ общественными условіями Англіи, и какіе типы и характеры возникаютъ на почвѣ подобнаго столкновенія, — это Мередитъ показываетъ въ цѣломъ рядѣ романовъ, всесторонне освѣщающихъ широкую проблему, которой романистъ задается въ своихъ описаніяхъ англійскаго быта.

III.

Въ первомъ изъ своихъ большихъ романовъ, „Испытаніе Ричарда Февереля“ (*Ordeal of Richard Feverel*), Мередитъ противопоставляетъ два поколѣнія, „отцовъ и дѣтей“ современной Англіи. Система, которую сэръ Остенъ Феверель хочетъ провести въ воспитаніи своего сына Ричарда, направлена къ тому, чтобы сдѣлать его достойнымъ представителемъ англійской аристократіи, наслѣдникомъ физическаго и нравственнаго благосостоянія знат-

наго рода Феверелей. Сэръ Остенъ выдумалъ цѣлую философскую систему воспитанія и изложилъ ее въ сборникѣ афоризмовъ, подъ названіемъ „Pilgrim's Scrap“ (сумка странника); только ближайшіе друзья баронета видѣли воочию этотъ рукописный сборникъ, но цитаты изъ него, постоянно приводимыя самимъ сэромъ Остеномъ и его близкими друзьями, ознакомили съ содержаніемъ знаменитой книги все лучшее общество графства. Въ этой системѣ сэра Остена Мередить отразилъ всю сущность стараго порядка Англїи, основаннаго на непоколебимой вѣрѣ въ традиціонныя понятія о чести и на глубоко засѣвшихъ кастовыхъ предразсудкахъ. Сына своего сэръ Остенъ хочетъ сдѣлать прежде всего джентльменомъ, завалить его въ сознаніи высоты своего общественнаго положенія и связанныхъ съ нимъ нравственныхъ обязанностей. Онъ искусственно развиваетъ въ немъ чувство сословной чести, оберегаетъ его отъ сношеній съ низшими сословіями и даетъ ему образованіе, готовящее его къ блеску въ свѣтскомъ обществѣ. Увѣренный въ успѣхъ внушаемыхъ имъ сыну принциповъ общаго поведенія, доброжелательства и покровительственной доброты къ низшимъ, и культа высоко, хотя и односторонне понимаемаго джентльменства, сэръ Остенъ занимается заблаговременно присканіемъ соотвѣтствующей невѣсты для Ричарда, чтобы завершить торжество своей системы образцовымъ бракомъ; онъ тщательно изучаетъ родословныя всѣхъ аристократическихъ семей графства и, остановившись на самой здоровой семьѣ, наиболѣе неприкосновенно сохранившей родовыя традиціи, исподволь руководитъ воспитаніемъ младшей дочери въ этой семьѣ, готовя ее въ избранницы своему сыну.

Среди всеобщаго одобренія друзей и знакомыхъ, сэръ Остенъ неуклонно слѣдуетъ своей системѣ, видя залогъ ея успѣха въ дружескихъ отношеніяхъ, установившихся у него съ сыномъ съ дѣтства. Но близорукій философъ, отстаивающій непогрѣшимость своихъ воспитательныхъ принциповъ, не видитъ главнаго врага, подкапывающаго его систему. Врагъ этотъ—сама природа, не дозволяющая втиснуть въ узкія рамки условности молодую душу, полную непосредственныхъ чувствъ и стремленій. Первый разъ несостоятельность теорій сэра Остена проявляется еще въ дѣтствѣ Ричарда, когда наставленія отца съ одной стороны, а мальчешескіе инстинкты съ другой—запутываютъ его въ первый нравственный конфликтъ: его, воспитаннаго на щепетильномъ пониманіи дворянской чести, простой мужикъ уличаетъ въ браконьерствѣ и постыдно наказываетъ, насмѣхаясь надъ барчукомъ. Вопреки внушеніямъ отца о святости даннаго слова, Ричардъ впу-

тывается въ цѣлую сѣть лжи, и завершаетъ не-джентльменство своего поведенія, давши волю душившей его жадѣ мести: онъ вмѣстѣ съ своимъ пріателемъ поджигаетъ дворъ своего обидчика, и оба мальчика долго дрожать, опасаясь быть уличенными и отданными подъ судъ. И всю эту драму Ричардъ переживаетъ одинъ, зная, что ватехивисъ отца не поможетъ ему справиться съ трудностями; онъ впервые понялъ, что слѣдованіе отреченнымъ истинамъ, проповѣдуемымъ отцомъ, не научитъ его, какъ поступать въ жизни. Съ этого момента открывается пропасть между отцомъ и сыномъ, все болѣе увеличивающаяся съ годами, хотя отецъ этого и не замѣчаетъ, довольный формальнымъ повиновеніемъ сына. Но открытый конфликтъ и полное пораженіе сэра Остена начинаются нѣсколько позже. Вопреки системѣ, ставящей въ обязанность имѣть въ виду интересы рода при вступленіи въ бракъ, Ричардъ влюбляется въ скромную, ничѣмъ не выдающуюся дочь фермера, и несмотря на всѣ попытки отца побѣдить это неуѣдное чувство и направить его на болѣе подходящій предметъ, несмотря даже на открытое сопротивленіе сэра Остена, женится на ней, забывая о всѣхъ прививаемыхъ ему понятіяхъ о долгѣ. Исторія любви Ричарда и Люси, переходъ отъ дѣтской дружбы къ первой невинной любви—составляютъ самыя прекрасныя и поэтичныя страницы романа. Торжество молодости и искренней страсти надъ всякими преградами, естественное, бессознательное возникновеніе и постепенный ростъ перваго серьезнаго чувства у юноши и дѣвушки, едва вышедшихъ изъ дѣтства, обрисованы Мередиотомъ въ нѣсколькихъ главахъ, закрѣпившихъ за нимъ славу первокласснаго поэта. Еслибы Мередитъ не написалъ ничего вромѣ двухъ главъ „Ричарда Февереля“, описаніе идилліи любви Ричарда и Люси,—разыгрывающейся вопреки всѣмъ противодействующимъ обстоятельствамъ,—этихъ главъ „Ferdinand and Miranda“ и „Diversions one penny whistle“ (вариации на грошовой дудкѣ), достаточно было бы, чтобы навсегда сохранить его имя въ англійской литературѣ; въ нихъ онъ высказалъ свое мастерское умѣніе передавать таинственную красоту смутныхъ зарождающихся чувствъ.

„Ричардъ Феверель“ не останавливается на торжествѣ природы надъ „системой“, естественныхъ чувствъ надъ искусственными. Это исторія молодой души отъ первыхъ проявленій сознательной жизни до полнаго развитія своей индивидуальности. За побѣдой надъ внѣшними обстоятельствами, препятствующими свободному развитію душевной жизни, предстоитъ еще болѣе трудная, но столь же неминуемая борьба уже не противъ другихъ, а съ самимъ собой; борьба эта рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу че-

любовка, показывая, какъ велика въ немъ сила сопротивленія, насколько сдерживающая сила разума контролируетъ въ немъ слѣпые инстинкты сердца. Въ „Ричардъ Феверелъ“ только намѣченъ этотъ антагонизмъ сердца и разума, вносящій смуту въ неиспорченную, чистую душу. Женившись на любимой дѣвушкѣ, Ричардъ вторично влюбляется, но уже менѣе возвышенной и поэтической любовью: онъ подпадаетъ подъ обаяніе свѣтской красавицы, значительно старше его, искусной кокетки, сознательно и намѣренно губящей его; онъ еще въ глубинѣ души по прежнему привязанъ къ Люси, олицетворяющей для него святость безпорочной женственности, но жажда удовольствій, слабость характера—берутъ верхъ. Ричардъ оказывается жертвой своихъ инстинктовъ; это опредѣляетъ печальный исходъ романа, заканчивающагося смертью Люси, которая слишкомъ идеально и беззаветно любила, чтобы жить, потерявъ вѣру въ любимаго человѣка. Показавъ, что жизнь держится побѣдой разума надъ влеченіями чувствъ, что торжество сердца губить жизнь и возможное въ жизни счастье, Мередитъ ограничивается въ „Ричардъ Феверелъ“ установленіемъ этой истины; въ дальнѣйшихъ романахъ онъ болѣе глубоко вникаетъ въ фазисы борьбы человѣка за свое интеллектуальное „я“ и показываетъ, какъ врѣшнеть душа въ сознательной работѣ мысли, ведущей къ конечному торжеству индивидуальной воли надъ обстоятельствами.

Слѣдующій шагъ въ развитіи теоріи совершенствованія человѣка путемъ сознательной жизни разума и стремленія дать анализирующей мысли власть надъ влеченіями чувствъ представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ романовъ Мередита—„Эгоистъ“. Основное положеніе, развиваемое Мередитомъ съ подавляющимъ богатствомъ деталей и тонкостей аргументаціи, — нравственная дуэль между властной натурой человѣка, привыкшаго поворачать себѣ всѣхъ окружающихъ исключительно силой своего безграничнаго, спокойнаго эгоизма, и сильной свободолюбивой дѣвушкой, которая незамѣтно очутилась въ тискахъ этого эгоиста и напрягаетъ всю силу и энергію духа, чтобы отстоять свою независимость. Незамѣтный и постепенный захватъ власти человѣка надъ человѣкомъ, роль, которую играетъ при этомъ сила общественной санкціи, одиночество и отчужденность того, кто стремится внести внутреннее содержаніе и самостоятельную жизнь духа въ условныя рамки общественныхъ традицій—такова безотрадная картина общественныхъ условій, составляющая фонъ романа. На этомъ блестяще обрисованномъ фонѣ англійскихъ нравовъ высшаго обще-

ства выступаетъ съ драматизмомъ совершенно особаго рода исторія душевной борьбы Клары Миддльтонъ, ея слабости и малодушія, постепеннаго роста ея нравственныхъ силъ—по мѣрѣ того, какъ борьба дѣлается все болѣе тяжелой и сложной.

Мы говорили выше о своеобразной писательской манерѣ Мередита; она ярче всего сказалась въ обрисовкѣ характера Клары. Активная сторона ея жизни рассказана въ нѣсколькихъ чертахъ, разбросанныхъ на протяженіи всего романа. Она дѣлается невѣстой самаго блестящаго жениха въ графствѣ, сэра Виллоубей Паттерна, поддавшись настоятельности и властности его любви и общему увлеченію его красотой, умомъ и благородствомъ. За нѣсколько недѣль до назначеннаго срока свадьбы, она вмѣстѣ съ отцомъ прѣзжаетъ въ замокъ Виллоубей, къ его теткамъ, завѣдующимъ домомъ, и за этотъ короткій срокъ, на половину занятый общественными обязательствами, зваными обѣдами и балами, происходитъ вся драма: отъ теплаго дружескаго чувства къ своему жениху Клара переходитъ къ пониманію истинныхъ основъ его натуры и къ ненависти къ нему; она пытается порвать отношенія съ нимъ и достигаетъ этого послѣ долгой борьбы, когда проснувшееся чувство любви къ другому изъ гостей замка окончательно просвѣтило ея душу и дало ей силу выйти побѣдительницей изъ нравственнаго искуса. Интересъ романа сосредоточенъ на освѣщеніи внутренняго развитія самосознанія Клары; для самой дѣвушки важнѣе всего разобраться въ своихъ собственныхъ чувствахъ и въ вызывавшихъ ихъ мотивахъ, понять себя и свои побужденія;— съ вѣрой въ себя, въ разумность и справедливость своихъ антипатій и своей жажды свободы, приходитъ къ ней рѣшимость дѣйствовать энергично. Клара не сразу понимаетъ Виллоубей, и не будучи въ состояніи дать себѣ отчетъ, что ее инстинктивно отталкиваетъ въ безупречномъ, блестящемъ баловнѣ всего графства, она старается побороть въ себѣ ребяческій протестъ во имя вѣрности данному слову. Эта первая стадія душевнаго кризиса Клары изображена Мередитомъ съ психической тонкостью, составляющей его преимущественное качество. Въ каждомъ словѣ, которымъ обмѣниваются влюбленный женихъ съ чутво внимающей ему невѣстой, чувствуется столкновение двухъ сильныхъ натуръ, радикально противоположныхъ другъ другу. Когда Виллоубей говоритъ о безпредѣльности, исключительности связывающихъ ихъ чувствъ, Клара чувствуетъ, что ей становится душно, что душа ея рвется къ простору,—и, говоря совершенно не то, что она хочетъ сказать, она беспомощно защищаетъ свѣтъ и составляющихъ его людей отъ рѣзкихъ нападокъ Виллоубей, толкую-

шаго ей о прелестахъ жизни вдвоемъ, вдали отъ свѣта и его посягаиій на счастье и покой ближняго. Клара чувствуетъ что-то враждебное въ его любви, проповѣдующей слиянiе душъ, похожее на порабощенiе чужой воли; чѣмъ больше онъ воспрiиваетъ вѣчность ихъ союза, чѣмъ чаще онъ называетъ ее „своей Кларой“ и объясняетъ ей, какъ всецѣло онъ долженъ занимать ея мысли и чувства, какъ нераздѣльно должны совпадать ея мнѣнiя и поступки съ его внушенiями, тѣмъ дальше она удаляется отъ него, тѣмъ властнѣе говоритъ въ ней строптивый голосъ души. Ему кажется, что своими пламенными рѣчами онъ все болѣе и болѣе завладѣваетъ ея душой, объединяя ее съ собой, съ своимъ пониманiемъ жизни и людей; она же, уже чуждая ему душой, ищетъ ключа къ его рѣчамъ, объясненiя его характера, вдумываясь въ каждое слово, чуткая къ каждому изъ его движенiй и къ отклику, который находятъ въ ея душѣ его увѣщанiя и просьбы. Ключъ этотъ Виллоубей самъ даетъ Кларѣ, рассказывая за столомъ о примѣрѣ возмутительнаго эгоизма въ семейной жизни и прибавляя въ шутовскомъ тонѣ: „Остерегайтесь выходить замужъ за эгоиста, Клара“. Слово „эгоистъ“ освѣщаетъ для Клары магическимъ свѣтомъ поведенiе Виллоубей, придавая иную окраску даже его виѣшнему великодушiю, оправдывавшему его до тѣхъ поръ въ ея глазахъ. Съ минуты проникновенiя въ основной элементъ его характера инстинктивный порывъ къ свободѣ переходитъ у Клары въ сознательную потребность оградить свою душу отъ рабства, порвать цѣпи, наложенныя на нее превратнымъ пониманiемъ нравственнаго долга. Она вступаетъ въ открытую борьбу съ желѣзной волей и оскорбленнымъ самолюбiемъ жениха, съ возмущеннымъ сопротивленiемъ общественнаго мнѣнiя, съ авторитетомъ отца, и въ этой почти непосильной борьбѣ растутъ ея нравственныя силы, — путемъ правильной и неуклонной работы сознанiя она преодолеваетъ всѣ трудности и находитъ союзника уже тогда, когда побѣда одержана, и Клара имѣетъ право свободно и сознательно протянуть руку истинному избраннику своего сердца.

Мередитъ слѣдитъ за всѣми послѣдовательными фазисами нравственнаго испытанiя дѣвушки, рисуетъ ее въ минуты подъема силъ и въ перiоды полного упадка духа, когда она готова купить покой даже путемъ униженiя и подчиненiя; незамѣтно для виѣшняго мiра разыгрывается драма ея души, и романистъ сосредоточиваетъ все наше вниманiе на этомъ скрытомъ самоанализѣ Клары, ея надеждахъ и сомнѣнiяхъ, и главнымъ образомъ на изслѣдованiи источниковъ ея собственныхъ стремленiй и чувствъ. Въ борьбѣ за освобожденiе противъ Клары стоитъ не только ея же-

нихъ, настаивающей на святости даннаго ею слова, но тираниа общества, руководимаго традиціями въ сужденіяхъ о поступкахъ людей. Характеристика англійскаго общества, играющаго въ романѣ роль греческаго хора, показываетъ какъ глубоко Мередитъ вникнулъ въ національныя особенности своихъ соотечественниковъ, какъ всесторонне онъ умѣетъ освѣщать выводимые имъ типы. Неподвижность нравственнаго критерія, всепоглощающая склонность къ жизненному комфорту, особое благодушное доброжелательство къ ближнимъ на почвѣ внутренняго равнодушія, — эти элементы общественной жизни англійской „gentry“ иллюстрированы Мередитомъ въ цѣломъ рядѣ интересныхъ эпизодическихъ фигуръ. Д-ръ Миддлтонъ, съ его любовью къ книгамъ и къ старому портвейну, и м-съ Монстюартъ, съ ея царственной осанкой и готовыми фразами, наклеиваемыми подобно этикетамъ, принадлежатъ къ самымъ удачнымъ сатирическимъ изображеніямъ англійскаго характера, а великосвѣтскія кумушки, принимающія близко къ сердцу женитьбу Виллоубея, какъ общественный вопросъ первостепенной важности, дополняютъ живую, остроумную картину жизни въ англійскомъ помѣстьѣ.

Въ противоположность Кларѣ, стумѣвшей отстоять побѣду личности надъ обстоятельствами жизни и собственной слабостью, въ романѣ выведенъ другой женскій характеръ, Летиціи Дэль, жертвы непосредственныхъ влеченій сердца. Это этюдъ женской души съ ея вѣковой покорностью, готовностью къ самозабвенію, всепрощенію во имя любви. Она не знаетъ борьбы, потому что не ищетъ побѣды; любовь къ Виллоубею, составляющая основу ея душевной жизни, дѣлаетъ ее игрушкой въ его рукахъ, и она покорно, безропотно переходитъ отъ свѣтлыхъ надеждъ къ полному отреченію отъ всякаго счастья; психологія пассивнаго чувства, способнаго на величайшія страданія и великаго только въ безграничности своего терпѣнія, своего самозабвенія въ культъ любимаго человѣка, дѣлаетъ изъ Летиціи поэтическую, трогательную фигуру „des Ewig-Weiblichen“. Но жизнь не щадитъ этихъ жертвъ собственной слабости, и Мередитъ, защитникъ неумолимыхъ законовъ жизни, показываетъ на примѣрѣ Летиціи пагубность переживаній романтическихъ привязанностей, не оправдываемыхъ разумомъ. Наказаніе, которое судьба готовитъ Летиціи, — естественный результатъ ея ослѣпленія; сосредоточивъ всю свою душевную жизнь на исключительномъ культѣ и безграничной идеализаціи одного человѣка, какою ужасающею пустоту должна была почувствовать она въ минуту просвѣтленія! И по особой ироніи судьбы въ этотъ роковой моментъ она чувствуетъ себя вынуж-

денной согласиться на бракъ съ тѣмъ же человѣкомъ, который былъ недосыгаемымъ божествомъ ея юности. Постарѣвшая, уставшая страдать, понявшая истинную сущность характера Виллоубея, она все-таки становится его женой, открыто заявляя ему, что дѣлаетъ это изъ практическихъ соображеній, ради его богатства и престижа въ обществѣ. Этотъ трагизмъ разбитой жизни Летиціи отбѣиваетъ нравственное торжество Клары и выдвигаетъ основную идею романа — апологію интеллектуальнаго совершенствованія, спасающаго отъ власти инстинктовъ и страстей.

Центральной фигурой „Эгонста“ по широтѣ замысла является антагонистъ Клары, сэръ Виллоубей Паттернъ. Для философской подкладки романа онъ имѣетъ значеніе стихійной силы, грозящей поглотить душу, не вооруженную чуткимъ самосознаніемъ и критическимъ разумомъ; съ психологической точки зрѣнія это мощное воплощеніе одного изъ самыхъ коренныхъ элементовъ чело-вѣческой природы, эгоизма, стремящагося къ неограниченному владычеству надъ окружающими. Въ обычной жизни эгоизмъ смягчается нивелирующимъ вліяніемъ обстоятельствъ, необходимостью работать и неизбежностью страданій. Изображенный же въ лицѣ могущественнаго лорда, пользующагося всѣми преимуществами своего ранга и своихъ блестящихъ природныхъ качествъ, эгоизмъ разрастается до грандіозныхъ размѣровъ, внушающихъ не антипатию, а ужасъ губительностью своего вліянія, безграничностью своихъ требованій. Сэръ Виллоубей Паттернъ — величественная фигура, полная пагоса въ неудержимости своего эгоизма, преклоненіи предъ своимъ собственнымъ превосходствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ревнивой боязни утратить свое первенство въ глазахъ другихъ. Чуткое самолюбіе заставляетъ его ежеминутно испытывать прочность почвы, на которой построено зданіе этого самолюбія, заручаться опорой на случай опасности; такъ, сдѣлавшись женихомъ Клары, онъ стремится сохранить любовь Летиціи; то же чувство диктуетъ ему его безконечныя рѣчи Кларѣ о прочности связывающаго ихъ слова. Онъ тщательно хранитъ маску джентльменства, скрывающую его опасенія за нарушеніе его безмятежнаго благополучія и болѣе всего за униженіе въ глазахъ свѣта; но именно вслѣдствіе тщательности своего притворства и неувѣренности въ прочности своей власти Виллоубей выдаетъ себя. Основной элементъ его души, холодный, расчетливый эгоизмъ, прорывается наружу, порвавъ всѣ преграды, и губитъ искуснаго дипломата, такъ долго сохранявшаго свой престижъ въ глазахъ общества. При помощи отчаянныхъ усилій ему удается выйти изъ передраги, сохранивъ внѣшнее достоинство въ обще-

ственномъ мнѣніи, но его самолюбіе терпитъ непоправимое поражение, и эгоистъ такимъ образомъ самъ дѣлается жертвой своей *passion-maitresse*.

Два другіе романа Мередита продолжаютъ развивать теорію автора о борьбѣ индивидуальной личности съ обществомъ. Въ „*Diana of the Crossways*“ героиня, блестящая красавица и талантливая романистка, побуждаетъ предубѣжденіе общества противъ независимыхъ женщинъ, сбрасывающихъ гнетъ замужней жизни во имя нравственной свободы; но, выйдя побѣдительницей изъ этого конфликта при помощи своего блестящаго ума, она переживаетъ другую, болѣе интимную драму, въ которой настоятельныя требованія реальной жизни сталкиваются съ внушеніями сердца; въ разрѣшеніи этой психологической задачи Мередитъ обнаружилъ изумительное пониманіе женской души, показывая, какъ, подъ влияніемъ случайныхъ обстоятельствъ и минутной слабости духа, любящая и чистая душой женщина способна совершить нравственное преступленіе, не отдавая себѣ отчета въ его послѣдствіяхъ.

Въ „*Diana of the Crossways*“ общая философская подкладка отходитъ на второй планъ предъ психологическимъ интересомъ, возбуждаемымъ характеромъ героини. Безъ всякихъ предвзятыхъ сужденій о нравственномъ долгѣ, не стремясь ни оправдать, ни осудить поведеніе Діаны, Мередитъ ограничивается тщательнымъ анализомъ натуры, въ которой качества ума играютъ первенствующую роль, подавляя голосъ сердца. Рисуя ея жизнь шагъ за шагомъ, авторъ заставляетъ читателя проникнуться, мало-помалу, неотразимостью своей героини, подпасть подъ обаяніе ея неистощимаго ирландскаго юмора, блеска ея разговора, смѣлости ея сужденій. Діана—воплощеніе ума и остроумія, и это дѣлаетъ ее любимой героиней самого автора; онъ влагаетъ въ ея уста самыя жѣткія изъ своихъ эпиграммъ, заставляетъ ее превозносить разумъ, какъ основной принципъ жизни, и служить самымъ блестящимъ подтвержденіемъ своихъ принциповъ. Но при всемъ своемъ умѣ Діана менѣе всего холодная и жесткая натура; когда ее охватываетъ въ первый разъ въ жизни истинная страсть, она умѣетъ глубоко и беззавѣтно любить и страдать. Любовь дѣлается пробнымъ камнемъ ея характера; сумѣвшая устоять въ борьбѣ противъ враждебно настроеннаго общества, она оказывается безпомощной по отношенію къ любимому человѣку. Страсть является къ ней со всѣми обычными спутниками, сомнѣніями, ревностью, вспышками оскорбленнаго самолюбія, и ея нравственныя силы

ослабѣваютъ, угнетенныя къ тому же тяжестью внѣшнихъ условий жизни, грозящимъ ей разореніемъ. Въ одинъ изъ тяжелыхъ моментовъ полного упадка духа, возбужденная противъ любимаго ею человѣка, вліятельнаго парламентскаго дѣятеля, она отправляется въ редакцію одной изъ крупныхъ газетъ и продаетъ, за извѣстную сумму денегъ, сообщенную ей другомъ политическую тайну. Въ моментъ совершеннаго ею предательства она не сознаетъ, что окончательно губить довѣрившагося ей человѣка, — ей кажется, что она доставитъ ему только крупную неприятность. Когда же обнаруживается непоправимость причиненнаго ею зла, она сама заявляетъ бывшему другу о своемъ поступкѣ, не ищетъ никакихъ оправданій и — исчезаетъ съ горизонта. Читатель чувствуетъ вмѣстѣ съ пострадавшимъ Перси, что поступокъ Діаны чудовищенъ и не имѣетъ оправданія, но она все-таки остается по прежнему обаятельной, чистой Діаной, неспособной пасть душой; она подвержена только тѣмъ ослѣпленіямъ чувствъ, которыя приводятъ къ дурнымъ поступкамъ, не затрагивая самыхъ основъ душевной жизни. Это впечатлѣніе, оставляемое характеромъ Діаны, является слѣдствіемъ психологическихъ приѣмовъ Мердита, его умѣнья пріобщить читателя къ внутреннему міру мотивовъ, руководящихъ поступками, и заинтересовать его въ самомъ процессѣ духовнаго развитія человѣка; самые поступки возбуждаютъ при этомъ меньшій интересъ, будучи лишь безразличными результатами того, что важнѣе всего въ душѣ человѣка — основныхъ элементовъ его душевной жизни.

Во второмъ изъ упомянутыхъ выше романовъ — „Одинъ изъ нашихъ побѣдителей“ (One of our conquerors) — Мердитъ входитъ въ разсмотрѣніе вопроса объ условной нравственности, господствующей въ значительной части англійскаго общества. Это одно изъ наименѣ понятныхъ произведеній Мердита, вслѣдствіе того, что самая фабула романа и психологическій анализъ событій и характеровъ совершенно затерянъ въ лабиринтѣ философскихъ отступленій, полемикъ противъ идей, о которыхъ приходится только догадываться, такъ какъ онѣ не изложены, и т. п. Почва, на которой въ этомъ романѣ происходитъ столкновеніе личности съ тиранніей общества — многократно возбуждавшійся вопросъ о законномъ бракѣ. Викторъ Радноръ и Натали скрываютъ отъ всѣхъ, и главнымъ образомъ отъ своей семнадцатилѣтней дочери, незаконность ихъ брака; они надѣются, что первая жена Виктора, еле живая, богомольная старуха, покорится, наконецъ, силѣ обстоятельствъ и согласится на разводъ. М-съ Радноръ, однако, неумолима, и жизнь Виктора и Натали превращается въ невыносимое сплетеніе притворства и постоянныхъ опасеній. Они бо-

гаты, живутъ открытой свѣтской жизнью, Натали чаруетъ общество своимъ артистическимъ пѣніемъ, Викторъ — привлекательностью своего открытаго нрава, дочь ихъ слыветъ первоклассной красавицей и даровитой музыкантшей. Но среди этого блеска жизнь Натали — сплошное мученичество: она сознаетъ себя виновной въ глазахъ общества и передъ м-ссъ Радноръ, и видитъ свое наказаніе въ легкомысліи мужа, который заставляетъ ее жить среди лжи и рассчитываетъ на близкую смерть своей законной жены, чтобы устранить ложность ихъ положенія. Чуткая совѣсть Натали переживаетъ мучительный кризисъ, когда дочь узнаетъ родительскую тайну и это разстроиваетъ ее бракъ съ молодымъ лордомъ. Хотя сама дѣвушка рада этому разрыву и съ готовностью отдаетъ руку другому человѣку, котораго она любитъ, Натали не можетъ справиться съ нравственными страданіями и отравляется за нѣсколько часовъ до того, какъ Виктору приносятъ извѣстіе о смерти его законной жены. Представленная въ этомъ видѣ психологія Натали утрачиваетъ характеръ сознательной борьбы противъ общества. Натали вполне солидарна съ осуждающимъ ее обществомъ, и только обстоятельства сдѣлали ее жертвой вмѣсто того, чтобы удѣлить ей мѣсто въ свѣтскомъ трибуналѣ. Исторія ея трогательна, но трагизмъ ея жизни — искусственный, вытекающій изъ добровольнаго подчиненія предрасудкамъ и потому менѣе глубоко захватывающій основы жизни, чѣмъ другіе изъ указанныхъ нами романовъ. Много интереснаго, однако, представляютъ рамки дѣйствія въ „One of our soap-boilers“ — дѣловой Лондонъ, типы журналистовъ, крупныхъ и мелкихъ промышленниковъ, и т. д.

Большинство остальныхъ произведеній Мередита принадлежитъ къ категоріи обычныхъ психологическихъ романовъ, не выходящихъ изъ рамокъ реального изображенія жизни, а потому главный интересъ этого писателя заключается въ выше разобранныхъ нами романахъ, гдѣ наиболѣе сказывается оригинальность романиста. Романы эти не лишены недостатковъ, отвлеченны и написаны умомъ, а не сердцемъ; за каждой строчкой художника чувствуется мудрствующій мыслитель, но этотъ мыслитель говоритъ очень глубокія истины, и если съ нимъ не всегда можно согласиться, то его всегда интересно выслушать. Головное творчество Мередита и своеобразность его психологическаго метода обеспечиваютъ ему первенствующее мѣсто въ современной англійской беллетристикѣ и полны интереса также и для иностранныхъ читателей.

Зин. Венгерова.

ПАМЯТИ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО

I.

Болѣе полустолѣтія тому назадъ, въ іюнѣ 1844 года, смерть совсѣмъ неожиданно унесла Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Имя его заставляетъ насъ вспомнить давно минувшіе годы...

Рѣдко кто умираетъ въ-время. Есть раннія смерти, на самомъ порогѣ дѣла, въ преддверьѣ жизни—и такія смерти очень трагичны. Ими богата наша литература; но тѣ, кому пришлось хоронить Веневитинова, Дельвига, Лермонтова, Станкевича, Добролюбова и Писарева, могли все-таки умиротворить свою скорбь надеждой или вѣрой въ будущую жизнь—если не самого чловека, то его идеаловъ. И самъ умирающій могъ найти утѣшеніе въ этой вѣрѣ. Дѣйствительно, умереть среди друзей и сознавать, что твоему „я“ дано если не безсмертіе, то по крайней мѣрѣ долгая жизнь въ сердцахъ и дѣяніяхъ ближнихъ—одно изъ великихъ, хотя бы и призранныхъ утѣшеній, которыми скрашивается страшная тайна смерти.

Она страшнѣе для тѣхъ, кто говоритъ свое послѣднее слово и не видитъ вокругъ себя никого, кто принялъ бы это слово изъ его устъ и понесъ бы его дальше. Такая печаль о близкой или уже наступившей смерти дорогихъ убѣжденій и вкусовъ тягостнѣе страха передъ собственнымъ конечнымъ исчезновеніемъ изъ міра. Привѣтствовать новыя грядущія поколѣнія и въ этомъ привѣтствіи хоронить самого себя—мужественно и благородно, но тяжело и грустно.

Грустно и тяжело было и Баратынскому въ послѣдніе годы его жизни.

Въ ряду поэтовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ Баратынскому принадлежить почетное мѣсто, которое за нимъ признали и современники, и потомство. Пушкинъ уважалъ его музу; его цѣнилъ Гоголь; Бѣлинскій считался съ нимъ какъ съ силой, съ которой онъ спорилъ, но которую въ то же время и признавалъ.

Оцѣнивая такъ творчество Баратынскаго, замѣтимъ прежде всего, что его очень оригинальная поэзія, какъ и поэзія всѣхъ его товарищей, много проигрываетъ отъ сравненія съ творчествомъ Пушкина, которое исчерпываетъ собой почти все поэтическое вдохновеніе 20-хъ и 30-хъ годовъ нашего вѣка.

Поставленные рядомъ съ Пушкинымъ, всѣ поэты его времени—Вяземскій, Дельвигъ, Одоевскій, Языковъ, Козловъ,—подавлены, умалены, иногда даже убиты его сосѣдствомъ. Вотъ почему такъ трудно говорить объ ихъ „значеніи“, объ ихъ роли въ исторіи русской литературы и жизни. Ихъ лучи тонуть въ свѣтѣ ихъ современника.

Но Пушкинъ умеръ рано. Почти всѣ его сверстники его пережили. Съ его смертью осиротѣлъ ихъ кружокъ, но ихъ поэтическій горизонтъ продолжалъ расширяться. Новые люди стали тѣсниться вокругъ нихъ, и русская жизнь, если она и сохранила неизмѣнно свой внѣшній обликъ, начала мѣнять свое внутреннее содержаніе. Въ литературѣ и критикѣ эта перемѣна особенно стала замѣтна. Имъ, людямъ 20-хъ годовъ, отживающимъ свой вѣкъ, пришлось считаться съ новыми людьми и новыми вкусами, и каждый изъ нихъ счелся по своему. Кто встрѣтилъ это „новое“ язвительной насмѣшкой и дидактической проповѣдью, какъ, напр., Вяземскій; кто растерялся какъ Языковъ, не зная, куда приложить силу своего вдохновенія, которое такъ легко находило себѣ пищу и мѣсто въ былые годы; кто, наконецъ, какъ Баратынскій, сталъ скорбѣть и гнѣваться на то, что новизна жизни не укладывалась въ старыя художественныя рамки и даже надъ ними глумилась. Будь Пушкинъ живъ, онъ нашелъ бы богатые слова и мысли, чтобы воспѣть этотъ закатъ своего поколѣнія; но Пушкинъ смогъ рано, и сумерки жизни окутали его друзей безъ него, предоставивъ имъ, слабѣйшимъ по духу, произнести надъ своей эпохой надгробное слово. Послѣднія пѣсни Баратынскаго были одной изъ такихъ пѣсенъ, и въ этомъ ихъ историческое значеніе.

II.

Жизнь русских писателей вообще бѣдна событіями и монотонна въ своемъ движеніи. Для того, кто привыкъ, читая біографіи западныхъ писателей, встрѣчать своихъ героевъ не только въ литературномъ обществѣ или въ ихъ кабинетахъ, но и дѣйствующими на аренѣ административной и политической, лично или косвенно черезъ свои органы или партіи, тотъ почувствуетъ большую скуку, знакомясь съ жизнеописаніемъ писателей русскихъ,—гдѣ отъ первой страницы до послѣдней онъ будетъ имѣть дѣло исключительно съ человѣкомъ частнымъ, стоящимъ вдалькѣ отъ всего того, что вокругъ него творится. Правда, этотъ частный человѣкъ будетъ критиковать, радоваться или сердиться, созерцая эту мимо него плетущуюся жизнь, но что ей до его слезъ умиленія или до его разлившейся желчи? Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, когда желчь всего сильнѣе разлилась у писателей, жизнь и не думала прислушиваться къ ихъ голосамъ и, конечно, еще меньше прислушивалась къ нимъ раньше, когда они въ ея честь сыпали цѣтми поэзіи. Эта особенность русской жизни, которая сразу ставитъ писателя или публициста на очень почтительное отъ себя отдаленіе, конечно, не могла не оказать своего вліянія на ихъ творчество. Но если даже предположить, что эта особенность для творчества ихъ и прошла безслѣдно, ему не помѣшала,—то на ихъ біографію она наложила яркую печать однообразія и скуки. Въ дѣтствѣ дворянская усадьба, затерявшаяся гдѣ-нибудь въ глуши Россіи, или домъ священника, а иногда и просто деревенская хата, затѣмъ какой-нибудь благородный пансіонъ въ Петербургѣ или Москвѣ, а иногда семинарія или городская школа, потомъ университетъ или академія—вотъ что можетъ вспомнить русскій писатель о первой порѣ своей жизни. Воспоминанія эти, для нѣкоторыхъ веселыя, для другихъ печальныя, въ высшей степени спокойны и почти всегда мало содержательны, если принять во вниманіе, какъ патриархально-глухо текла, въ особенности въ былые годы, русская жизнь не только въ деревнѣ, но и въ благородныхъ пансіонахъ и университетахъ. Далѣе судьба нашихъ писателей извѣстна: рядъ заботъ по службѣ, заботъ формальныхъ, скучныхъ и педантичныхъ, которыя всегда идутъ въ разрѣзъ съ темпераментомъ писателя, затѣмъ хотя и болѣе живыя, но также однообразныя заботы семейныя, и впереди всего, на первомъ планѣ, писательское дѣло, т.-е. возня съ редакціями, съ цензурой, еще большая возня съ своеобразными критиками, и

все это затѣмъ, чтобы придти къ выводу, что и десятой доли не сказалъ того, что хотѣлъ сказать, и что даже и на эту десятую долю не обратили должнаго вниманія. Такъ до могилы тянется эта монотонная жизнь, гдѣ минуты вдохновенія однѣ сами по себѣ должны искупить всю тяготу существованія, и гдѣ развѣ только завязавшаяся журнальная перестрѣлка вноситъ неинтересное разнообразіе. Кончается вся эта трагикомедія писательской жизни пожеланіемъ ему на кладбищѣ вѣчнаго покоя, т.-е. того, что и при жизни составляло, быть можетъ, его главный удѣлъ. — Ничего любопытнаго не представляетъ и біографія Баратынскаго.

Родился Евгеній Абрамовичъ вмѣстѣ съ нашимъ столѣтіемъ, 1800 года, 19-го февраля, въ имѣніи своего отца, Вязлѣ, тамбовской губерніи, и здѣсь прожилъ онъ все свое дѣтство, пока на восьмомъ году не попалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ сначала въ нѣмецкій пансіонъ, а затѣмъ, черезъ очень короткій срокъ, въ пажескій корпусъ, откуда за безсознательно совершенный проступокъ былъ исключенъ (1815), какъ говорится, съ волчьимъ паспортомъ, безъ права опредѣленія на службу. Три года послѣ этого несчастія поэтъ прожилъ въ тамбовской, затѣмъ въ смоленской губерніи, а въ 1818 году мы встрѣчаемъ его снова въ Петербургѣ простымъ рядовымъ егерскаго полка. Этотъ рядовой сводитъ знакомство съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, и здѣсь впервые начинаетъ лепетать его муза. Отъ лепета она очень быстро переходитъ въ связной и красивой рѣчи.

Въ періодъ отъ 20-го по 24-й годъ, нашъ поэтъ — уже унтеръ-офицеръ нейшлотскаго полка, квартирующаго въ Финляндіи — пишетъ цѣлый рядъ стихотвореній, которыя пользуются большимъ успѣхомъ у его очень взыскательныхъ критиковъ и друзей. Въ чинѣ офицера онъ покидаетъ свой полкъ, селится въ Москвѣ (1825), гдѣ въ слѣдующемъ году женится и поступаетъ въ межевую канцелярію. Въ ней онъ, конечно, остается недолго, выходитъ въ отставку, и этимъ его служебная карьера кончается. Въ Москвѣ, частнымъ человѣкомъ, живетъ онъ многіе годы, почти не отлучаясь изъ Москвы, въ кружкѣ литераторовъ преимущественно славянофильскаго лагеря. Литературная работа идетъ сначала очень успѣшно до 1831 года, затѣмъ слегка ослабѣваетъ. Въ 1839 году онъ покидаетъ Москву и цѣлыхъ четыре года живетъ въ деревнѣ. Здѣсь, въ деревнѣ, пишетъ онъ свои „Сумерки“, и осенью 1843 года ѣдетъ за границу, чтобы черезъ годъ умереть совершенно случайно въ Неаполѣ.

Таковы скудныя біографическія данныя, собранныя сыномъ поэта.

Вся ви́шняя сторона жизни Баратынскаго исчерпывается этими данными, которыя, как то видно, мало интересны, чтобы не сказать—совсѣмъ безцвѣтны: 25 лѣтъ сознательной жизни, проведенной частью въ казармахъ, частью въ канцеляріи и главнымъ образомъ у себя дома въ городѣ или деревнѣ безъ опредѣленнаго дѣла—картина очень печальная, въ особенности если принять во вниманіе, что такъ жилъ человѣкъ не только интеллигентный, но человѣкъ большого ума и крупнаго дарованія. Конечно, скука существованія скрашивалась семейной жизнью, по-видимому, очень счастливой. Скрашивалась она также и творчествомъ, которое спасло имя этого скромнаго человѣка отъ забвенія.

III.

Среди немногочисленныхъ писемъ поэта есть нѣсколько очень любопытныхъ, писанныхъ имъ въ ранніе годы его дѣтства и его юношества. Мальчикъ писалъ ихъ изъ Петербурга своей матери; писалъ по-французски. Письма, безъ сомнѣнія, очень искреннія, но не безъ риторическихъ прикрасъ, вполне понятныхъ, если принять въ соображеніе, что эти посланія были, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ одно и то же время и письмами, и стилистическими упражненіями во французскомъ діалектѣ. Погоня за плавностью и изяществомъ выраженій видна въ нихъ довольно ясно. Для насъ эти письма важнѣе всѣхъ его раннихъ стихотвореній, такъ какъ они—первые и безспорно искренніе показатели его настроенія въ тѣ годы, о которыхъ обыкновенно мы ничего не помнимъ.

Мальчику было восемь лѣтъ, когда онъ началъ переписываться съ матерью. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этихъ писемъ: они поразительны по мыслямъ и по настроенію; можно подумать, что они исправлены, ретушированы, а можетъ быть и совсѣмъ переделаны—до того необычно серьезно и печально ихъ содержаніе для ребенка. Въ первомъ же письмѣ мальчикъ такъ рассуждаетъ на тему о дружбѣ: „Каждый изъ моихъ товарищей, — пишетъ онъ, — играетъ другъ съ другомъ какъ съ игрушкой, безъ всякой дружбы... Увы, шатап, я сильно ошибся, я думалъ, что найду дружбу, но я нашелъ только холодную, аффектированную вѣжливость, или неискреннюю дружбу“.

Самая простая дѣтская мысль о разлукѣ съ родительскимъ домомъ, мысль, которая приходитъ въ голову каждому гимназисту, съ тоской смотрящему на часовую стрѣлку,—для нашего молодого философа становится какой-то философскою проблемой,

чуть ли не вѣковымъ вопросомъ о соотношеніи между познаніемъ и сердечнымъ влеченіемъ, о плодахъ цивилизаціи и личномъ счастьи. „Не лучше ли,—спрашиваетъ онъ,—обрѣтаться въ счастливомъ невѣденіи, чѣмъ быть несчастнымъ умникомъ? Не вѣдая того, что есть добраго въ наукахъ, я не буду знать и утонченностей порока. Я буду неучемъ, дорогая мать, но зато какъ глубоко проникну я въ науку любить васъ. А развѣ эта наука не стѣбитъ всѣхъ другихъ; мое сердце мнѣ говоритъ, что стѣбитъ, потому что это есть наука счастья“ и т. д. Во французскихъ романахъ, вышедшихъ изъ-подъ пера учениковъ и ученицъ Руссо, мы могли бы подобрать къ этимъ строкамъ много параллелей.

Но, вотъ, вопросы, затронутые въ этой перепискѣ, становятся все серьезнѣе и серьезнѣе: четырнадцатилѣтній мальчикъ узнаетъ о смерти своей бабушки. Онъ ее совсѣмъ не зналъ или не помнилъ, и потому объективно разсуждаетъ о смерти и утѣшаетъ свою мамашу совсѣмъ пасторской проповѣдью. „Мы рождаемся для смерти,—пишетъ ребенокъ,—и нѣсколько часовъ позже или раньше, а все-таки придется покинуть этотъ маленький атомъ грязи, который мы называемъ землей. Богъ конечно не пожелаетъ дать намъ несчастную вѣчность послѣ жизни, которая полна столькихъ несчастій“. Къ этой мысли о несчастной жизни человѣка возвращается онъ и въ другомъ письмѣ. Дѣло идетъ уже не объ утѣшеніи, а объ его собственной участи. Ему очень хотѣлось поступить въ морскую службу, но его мать, кажется, на это никакъ не хотѣла согласиться, боясь опасностей, какія сопряжены съ этой службой. „Скажите мнѣ,—пишетъ онъ, намекая на эти страхи,—знаете ли вы какое-нибудь мѣстечко во всей вселенной, кромѣ океана, гдѣ бы жизнь человѣческая не была подвержена тысячи опасностямъ; вездѣ самое малѣйшее дуновеніе способно разрушить тонкую ткань, которую мы называемъ нашимъ существованіемъ“... Онъ объясняетъ матери, почему онъ избралъ бы этотъ родъ службы: она общаетъ движеніе и борьбу, а ему именно этого-то и хочется. „Я не могу служить въ гвардіи,—пишетъ онъ:—постоянный покой—это не существованіе; можно ко всему привыкнуть, за исключеніемъ покоя и скуки; я предпочелъ бы быть скорѣе совсѣмъ несчастнымъ, чѣмъ совсѣмъ спокойнымъ. Ощущеніе моихъ страданій напоминало бы мнѣ о томъ, что я существую. Я чувствую, что мнѣ всегда необходима извѣстнаго рода опасность, которая бы меня занимала,—безъ этого я скучаю. Вообразите себѣ, дорогая мать, страшную бурю, меня на палубѣ, какъ бы повелѣвающаго взволнованнымъ моремъ; одна доска между мною и смертью; морскія чудовища удивляются

этому чудному сооруженію, плоду человѣческаго генія, который повеѣвается стихіями“...

Вотъ о чемъ мечтали мальчикъ въ пажескомъ корпусѣ; но, увнѣ вместо любопытства морскихъ чудовищъ, онъ, еще мальчикъ, мальчишеской продѣлкой навлекъ на себя гнѣвъ своего начальства, которое и поступило съ нимъ очень круто, исключивъ его изъ заведенія. Ударъ подѣйствовалъ очень сильно и подтвердилъ ему на дѣлѣ нѣкоторые а priori имъ усвоенные взгляды на жизнь. „Волчій паспортъ“—это было уже не размышленіе, а осязаемый фактъ. Люди поступили съ нимъ, можетъ быть, законно, но слишкомъ жестоко. И вотъ что пишетъ онъ на ту же старую тему о человѣческомъ счастьи, черезъ годъ, живя въ имѣніи своего дяди, куда онъ спасся послѣ погрома.

„Дорогая мать!—пишетъ онъ—много было споровъ о счастьи; не кажется ли вамъ, что люди, спорящіе о немъ, похожи на нищихъ, размышляющихъ о философскомъ камнѣ? Человѣкъ, который, кажется, живетъ въ условіяхъ самыхъ счастливыхъ, носить въ себѣ скрытый ядъ, который гложетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ ощущать радости;—печально настроенный духъ, родникъ скуки и печали, вотъ съ чѣмъ онъ вступаетъ въ круговоротъ жизни—и я хорошо знаю такого человѣка“.

Этотъ человѣкъ, конечно,—онъ самъ съ давнишними своими думами о недостижимомъ счастьи и о ничтожествѣ всего земного. Вопросъ о счастьи его упорно мучить. Въ томъ же самомъ письмѣ, откуда мы взяли предъидущую выписку, онъ опредѣляетъ счастье какъ отсутствіе рефлексіи. Онъ хорошо ставитъ діагнозъ собственной болѣзни. „Сочетаніе идей,—говоритъ онъ,—которыя не позволяютъ намъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о томъ, чѣмъ въ данную минуту полно наше сердце,—вотъ истинное счастье“. Понятно, почему позднѣе, на вопросъ, что такое поэзія, онъ отвѣчалъ: „поэзія есть полное ощущеніе известной минуты: т.-е. самозабвеніе въ одномъ какомъ-нибудь ощущеніи, полнѣйшее отсутствіе неизбежнаго вопроса—въ, чему и куда?“ Всѣ эти размышленія молодого человѣка, ничего пока не выдаваго въ жизни, ничего отъ нея не взяваго, естественно все болѣе и болѣе укрѣпляли его въ его меланхолическомъ міросозерцавіи, если міросозерцавіемъ можно назвать рядъ печальныхъ размышленій скупающаго мальчика, живущаго въ деревнѣ безъ всякаго дѣла и безъ всякихъ видовъ на будущее.

Не измѣняется этотъ печальный взглядъ и въ тѣхъ письмахъ, которыя писаны рядовымъ егерскаго полка изъ Петербурга. Да и странно было бы, еслибы они измѣнились. Томительное ощу-

щеніе пустоты въ сердцѣ и несоотвѣтствіе внѣшней обстановки съ внутреннимъ міромъ человѣка не могли исчезнуть въ лагерѣ, въ казармахъ, къ которымъ у Баратынскаго никакой профессиональной любви никогда не было. Онъ сталъ рядовымъ только потому, что, по приговору начальства, онъ не имѣлъ права поступить ни на какую службу, кромѣ военной, и то только простымъ солдатомъ. Солдатскій мундиръ являлся, такъ сказать, единственнымъ, который онъ могъ надѣть, если хотѣлъ вступить въ жизнь—а вѣдь въ тѣ времена служба и жизнь были понятія почти однозначашія.

Но здѣсь, среди этой скучной обстановки, Баратынскій въ 1819 году познакомился съ кружкомъ молодыхъ поэтовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Жуковскій; и это знакомство было самымъ рѣшающимъ фактомъ всей его жизни. Оно дало ему надежду на возможность новаго счастья, дало новое рѣшеніе занимавшей его проблемы. Рѣшеніе это было чисто эстетическое. Жизнь, понятая, объясненная или пересозданная поэзіей, отнынѣ должна была замѣнить для него ту реальную жизнь, теченіе которой отъ насъ не зависитъ, гдѣ намъ всѣмъ такъ душно, и гдѣ не можетъ быть никакого полнаго ощущенія минуты.

Среди этихъ новыхъ лицъ, совсѣмъ юныхъ, но уже увѣнчанныхъ лаврами, Баратынскій заговорилъ новымъ языкомъ, и съ тѣхъ поръ къ его рѣчи стали прислушиваться современники. Изъ дошедшей до насъ переписки Пушкина, Дельвига, Жуковскаго и Баратынскаго видно, что, несмотря на кратковременное пребываніе въ Петербургѣ (Баратынскій уже въ 1820 году покинулъ столицу и, какъ унтеръ-офицеръ нейшлотскаго полка, принужденъ былъ жить въ Финляндіи), дружескія связи поэта съ петербургскимъ литературнымъ кружкомъ были очень крѣпки; правда, никакой особенной роли Баратынскій въ этомъ кружкѣ не игралъ, но его любили, и главное—цѣнили. Ближе всѣхъ онъ стоялъ, кажется, къ Дельвигу, съ которымъ его сроднила прирожденная имъ обоимъ меланхолія.

Изъ воспоминаній и посланій, какія писались тогда въ изобиліи нашими поэтами въ подражаніе древнимъ, мы можемъ себѣ составить понятіе о господствовавшемъ въ томъ кружкѣ настроеніи. Это была любопытная смѣсь упоенія молодостью и преждевременныхъ мыслей о бренности и непостоянствѣ всѣхъ благъ міра.

Тотъ, кто вчитывался въ нашу поэзію 20-хъ годовъ, долженъ былъ остановиться передъ этимъ страннымъ сочетаніемъ безграничнаго веселья и глубокой грусти, которыя чередуются и живутъ

согласно вѣстѣ. Юношескіе стихи Баратынскаго, — любопытный памятникъ этого лирическаго настроенія русской молодежи 20-хъ годовъ. Веселая сторона жизни нашла въ нихъ, правда, лишь случайное отраженіе. Гораздо богаче по мотивамъ — какъ и слѣдовало ожидать — и гораздо глубже по мысли тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ говорить о своей печали. Всѣ эти стихотворенія были изданы самимъ поэтомъ отдѣльной книжкой, въ 1827 г., уже въ Москвѣ, куда онъ, бросивъ службу, переселился на покой.

IV.

Наша поэзія 20-хъ годовъ, въ большинствѣ случаевъ, поэзія подражательная; въ русской жизни, она — явленіе вполне понятное, если вспомнить, какъ незначителенъ былъ житейскій опытъ ново-рожденнаго интеллигентнаго общества, и какъ бѣдна содержаніемъ сама жизнь.

На полѣ брани мы въ тѣ времена шли впереди Европы, диктуй ей военные законы, во всемъ же остальномъ, конечно, шли въ хвостѣ, и наша зарождавшаяся русская литература, — на страницахъ которой, уже въ то время, если не блистали, то все-таки выдѣлялись уже имена Пушкина, Жуковскаго, Дельвига, Вяземскаго и Баратынскаго, — повторяла поворно давно извѣстные на Западѣ мотивы. По преимуществу это были, конечно, мотивы французскіе, такъ какъ въ дѣтствѣ своемъ эти лица получали французское воспитаніе. Одинъ Жуковскій по прежнему упорно держался своихъ нѣмцевъ и англичанъ, но его молодые ученики шли за нимъ неохотно въ этомъ направленіи. Ихъ идолами были Вольтеръ, Лафаръ, Мильвуа и, какъ это ни странно, главнымъ образомъ, поэты римской имперіи, съ которыми они знакомились, конечно, во французскихъ переводахъ. Читая эту русскую лирику съ ея эпистолами, эпиграммами, мадригалами, сатирами, элегіями, идилліями, видишь, что наши молодые люди 20-хъ годовъ были хорошо знакомы съ классическимъ Парнасомъ.

Горацій, Ювеналь, Тибуллъ, Катуллъ, Марціалъ, Вергилій и въ особенности Овидій, даже Апулей, читались охотно и, какъ говорилъ Пушкинъ, вѣроятно, въ ущербъ Цицерону. Такимъ образомъ, русская лирика при рожденіи своемъ была крещена въ языческую вѣру и долго молилась всѣмъ греко-римскимъ богамъ, ожидая отъ нихъ вдохновенія. Боги и полубоги, герои, нимфы, сатиры, фавны, Аглая, Хлон и другія прелестницы, очень занимали воображеніе нашихъ поэтовъ, и мы ошибемся, если скажемъ,

что всѣ эти имена и связанные съ ними образы были лишь риторическими украшениями или звонкими приемами. Въ любви нашихъ поэтовъ къ этимъ традиціямъ и лицамъ была доля житейской правды, хотя, вѣроятно, всѣмъ этимъ богамъ и героямъ жилось у насъ въ Россіи тоскливо. Имъ было холодно, какъ и тѣмъ мраморнымъ изваяніямъ Печали и Смерти, которыя, почернѣвшія и разбитыя, мерзнуть въ своихъ греческихъ хитонахъ и туникахъ на нашихъ сѣверныхъ кладбищахъ.

Русскій поэтъ Александровской эпохи любилъ классическую древность по весьма многимъ причинамъ. Какъ поэтъ и притомъ безъ всякаго житейскаго опыта, онъ любилъ ее за ея символизмъ и ея идеальную красоту. Она въ своемъ весельѣ, въ своей грусти, своемъ гнѣвѣ и радости, слезахъ и смѣхѣ, была такъ величественна, спокойна и, повидимому, стояла такъ высоко надъ жизнью! Конечно, при историческомъ взглядѣ на нее и она оказалась бы „злой“ своего дня, но историческій взглядъ для поэта былъ въ тѣ времена своего рода насиліемъ, отъ котораго онъ тщательно отстранялся, а потому молодой поэтъ того времени находилъ въ этой классической поэзіи наиболѣе подходящее выраженіе своихъ чувствъ, выраженіе истинное, „поэтическое“, потому что оно въ видѣ символа или аллегорическаго образа передавало всю сущность его настроенія, не касаясь и не затрогивая мелочей жизни, изъ которыхъ данное настроеніе вытекало. Сказать: меня разсердилъ Булгаринъ или Грець, или пятый, десятый непонятливый критикъ, — значило унижить священное чувство поэтическаго гнѣва, а потому и красивѣе, и сильнѣе — возгласить прямо вмѣстѣ съ Горациемъ: „прочъ, непросвѣщенная чернь!“ Возвести свѣтскую даму или просто любую изъ своихъ знакомыхъ въ званіе Деліи или Хлои и написать ей посланіе, гдѣ упомянуть объ ея соперничествѣ съ Кипридой или Граціями, значило возвысить, освятить свое чувство и приобщить свою возлюбленную къ сонму богинь. Въ застольной пѣснѣ упомянуть Вакха и Киприду было также благороднѣе, чѣмъ прямо написать тостъ въ честь шампанскаго.

Но кромѣ этой традиціонной красоты и идеальной возвышенности, какія въ готовыхъ образцахъ были даны въ классической литературѣ, само міросозерцаніе римской и греческой поэзіи подходило къ жизни нашихъ гнѣвцовъ въ началѣ нашего столѣтія. Хваленая гармонія духа древнихъ была русскому поэту въ то время гораздо ближе, чѣмъ даже чопорная этикетная поэзія французскихъ классицистовъ или нѣмецкая сентиментальность и болѣзненная тоска.

Побѣды увѣнчали родину; слава ея гремѣла во всей Европѣ, она была самымъ сильнымъ изъ всѣхъ государствъ. Мрачныя стороны ея государственнаго устройства, — аномалія, таившаяся внутри страны, — не была видима или была видима только очень немногимъ. Напротивъ того, всѣ сердца были полны надеждъ самыхъ разнообразныхъ, мечтали, надѣясь на популярнаго вождя, надѣялись, что Россія не только заставитъ торжествовать правду и истину въ своихъ границахъ, но явить истину и сосѣдямъ; залогъ этого былъ уже данъ въ низверженіи Наполеона; мечтали о томъ, что Провидѣніе ведетъ насъ вѣрнымъ путемъ къ совершенству; и въ покорности этому пути, указанному властью, и въ личномъ совершенствованіи — полагали залогъ всего дальнѣйшаго блаженства. Мало ли о чемъ не мечтали тогда не только поѣты, но и государственные мужь, и люди непосредственнаго дѣла. Прибавьте къ этому у нашихъ поѣтовъ полное обезпеченное положеніе, молодость въ полномъ расцвѣтѣ и талантъ, который давалъ имъ сознаніе ихъ силы, — и тогда станеть понятно, почему эта Пушкинская плеяда въ первые годы своей молодости умѣла такъ веселиться, такъ трезво смотрѣть на жизнь и избѣгать всякаго душевнаго разлада, который потомъ къ старости сталъ ее тревожить. Съ другой стороны, полная опека, въ которой обрѣталась эта часть интеллигентной Россіи во всемъ, что не касалось ея литературныхъ вопросовъ, т.-е. то самое положеніе литератора, о которомъ мы говорили, — также одной своей стороной способствовало ихъ душевному спокойствію, и всѣ ихъ задачи жизни сводились къ одному требованію — быть искреннимъ служителемъ отвлеченной идеи добра, которая находитъ свое воплощеніе въ красотѣ. „Слова поѣта — дѣла его“, такъ говорили эти люди, подражая Ювеналу и Марціалу въ своихъ сатирахъ и эпиграммахъ, Горацию — въ своихъ одахъ и посланіяхъ, Вергилію — въ идилліяхъ и буколикахъ, Анакреону — въ застольныхъ и любовныхъ пѣсняхъ; и ни одинъ фактъ русской жизни не разрушалъ пока ихъ вѣры въ ихъ святое призваніе и въ чудную силу ихъ красиваго слова.

При всѣхъ этихъ условіяхъ быть веселымъ было и легко, и законно; можно было не чтать нѣмцевъ, предпочитать французовъ и почитать грековъ и римлянъ, — ихъ въ особенности, такъ какъ они сумѣли спокойно и величественно выразить не только веселую сторону жизни, но и грустную; и эту послѣднюю наши поѣты, при всемъ ихъ весельѣ, умѣли также понимать и чувствовать, хотя — по своему. Глубже всѣхъ чувствовалъ и понималъ эту сторону жизни Баратынскій. Его грусть была въ немъ даромъ природы — благословеніемъ или проклятіемъ (какъ это смот-

риту), какииъ она его напутствовала при его вступленіи въ жизнь.

Странныиъ можетъ показаться такое смѣшеніе необузданнаго веселья съ искренней и глубокой скорбью, какое мы встрѣчаемъ въ нашей лирикѣ 20-хъ годовъ; съ одной стороны, полное упоеніе жизнью, ея надеждами и радостями, съ другой—неотвязная мысль о тщетѣ всего земнаго, скорбные помыслы о непостоянствѣ всѣхъ благъ. Это противорѣчіе вполне естественно, и нѣтъ необходимости предполагать, что въ томъ или другомъ случаѣ наши пѣвцы гонялись за модой или повторяли чужія слова. Ихъ грусть—самая законная и понятная, никогда не покидавшая человѣка и вѣчная его спутница—скорбь о мимолетности всѣхъ наслажденій, о ранней старости, объ исчезновеніи всего дорогаго и о безмолвномъ неизвѣстномъ, которое ожидаетъ насъ за рубежомъ жизни: печаль этихъ вѣтрянниковъ и молодыхъ повѣсь не есть печаль сентиментальнаго юноши, обманутаго въ своихъ надеждахъ и испытавшаго два-три разочарованія на порогѣ жизни; она не есть печаль романтика, томящагося по идеалу, мечтателя, упавшаго съ небесъ на землю; она не есть, наконецъ, гнѣвная печаль оскорбленнаго человѣка, сознающаго свою силу, но связаннаго и отверженнаго—нѣтъ—всѣ эти разновидности человѣческой скорби, какииъ такъ богато XIX-е столѣтіе, имѣютъ мало общаго съ грустными настроеніемъ нашихъ поэтовъ Александровской эпохи. Они въ своей первоначальной печали—ни сентименталисты, ни романтики, ни байронисты, они скорѣе всего классики, вѣрующіе въ неумолимую судьбу, тяготѣющую надъ міромъ, и въ боговъ, которые завидуютъ людямъ и притомъ лучшимъ людямъ; они—классики, съ жадностью пользующіеся даннымъ моментомъ и съ грустью смотрящіе впередъ на необходимость оторвать скоро свои уста отъ сладкой чаши жизни. Они въ своей грусти скорѣе мыслители, чѣмъ люди чувства, люди трезваго взгляда, чѣмъ нервные мечтатели, какииъ были ихъ плачущіе современники на Западѣ. Понятно, почему они любили такъ классическую поэзію. У Платона, у древнихъ трагиковъ, у Виргилія, Овидія и Горація, находили они тѣ мысли о бренности всего земнаго, о страшномъ, неотразимомъ приговорѣ судьбы, о томъ крикѣ страданія, который рано или поздно долженъ прервать всѣ веселыя рѣчи, пѣсни и бесѣды. Этотъ пессимистическій взглядъ на жизнь, не мѣшавшій имъ пользоваться минутою, легъ въ основаніе всѣхъ ихъ печальныхъ стихотвореній, и потому эти стихотворенія носятъ такой общій характеръ: они очень неопредѣленны, почти всегда однообразны, за ними не видно житейскаго опыта, котораго, конечно,

не могло быть, такъ какъ эти пѣсни вытекали изъ размышленія о жизни, а не изъ нея самой. Позднѣе, когда эти люди выросли, когда жизнь ихъ поломала и обманула, и грустныя пѣсни ихъ стали болѣе содержательны, а ихъ печаль болѣе опредѣленна, они тогда непосредственно послѣ классиковъ принялись ревностно вчитываться въ Байрона.

V.

Отъ веселой жизни въ Петербургѣ, продолжавшейся всего только годъ, у нашего поэта осталось хорошее воспоминаніе. Въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ онъ нерѣдко возвращается къ этому счастливому времени и воспѣваетъ его по примѣру своихъ товарищей въ вакхическихъ пѣсняхъ и даже въ цѣлой застольной поэмѣ „Пиръ“. Тотъ, кто читалъ застольныя и любовныя пѣсни Пушкина, найдетъ въ этихъ стихотвореніяхъ мало новаго. Тѣма во всѣхъ одна и та же—веселіе, наслажденіе молодостью, культъ Вакха, если несовсѣмъ въ смыслѣ древнихъ таинствъ, то въ смыслѣ обильныхъ возліаній. Ночная бесѣда въ дружескомъ кружкѣ за столомъ, бесѣда непринужденная, быть можетъ совсѣмъ пустая, но бесѣда игривая, гдѣ шутки и пѣсни запивались виномъ и чередовались со стихами, только-что сочиненными, а можетъ быть и сказанными эспромтомъ—вотъ та обстановка, среди которой зарождалась молодая русская лирика.

Баратынскій очень откровенно говорилъ объ этихъ веселыхъ минутахъ:

— Чтò въ славѣ! чтò въ молвѣ!—на время жизнь дана!
 За полной чашей мы твердили,
 И весело въ струяхъ блестящаго вина
 Забвенье сладостное пили.

Толпа безумная! напрасно ронцешь ты!
 Блаженъ кто легкою рукою
 Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты
 И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою;

Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
 И, равнодушіемъ богатый,
 За царство не отдастъ покоя сладкій мигъ
 И наслажденья мигъ крылатый!

(Дельвигу, 1820.)

„Друзья веселья и забавъ“, они брали безъ труда отъ ранней молодости все, чтò она давала, и брали „безъ угрызений со-

вѣсти“; они „дышали пылкой жизнью юныхъ дней“, пока имъ дышалось. Даже жажда славы—и та въ этотъ мигъ покидала ихъ честолюбивыя сердца, ибо что значила эта слава, когда въ безднѣ лѣтъ должны исчезнуть и „мигъ незнаемой забавы, и годы шумныхъ побѣдъ“. Даже страшная мысль о смерти—и та въ эти минуты стихала; имъ казалось, что и въ загробномъ мірѣ, въ бесѣдѣ съ Катулломъ и Парни, они будутъ пѣть дружбу и вино и неприхотливую свою любовь къ Дафнѣ и Темирѣ. Да! были веселыя минуты, но онѣ быстро пролетѣли.

Въ годы изгнанія, когда Баратынскій жилъ въ Финляндіи, онъ въ своей поэмѣ „Пиръ“ простился съ своей буйной молодостью. Это его послѣдняя беззаботная пѣснь, подводющая итогъ улетѣвшему веселому мгновению. Судьба разъединила друзей, каждый побрѣлъ своей дорогой; улетѣла молодость; многія тайны бытія разгаданы и много иллюзій разсѣялось. Тоска все чаще стала стучаться друзьямъ въ сердце, и имъ съ грустью пришлось вспоминать то время, когда, ни о чемъ не размышляя, они съ бокаломъ въ рукѣ неистово кричали:

„Сгѣлая чернь, благоговѣй!“

VI.

Цѣлыхъ пять лѣтъ провелъ Баратынскій въ Финляндіи. Если поэтамъ необходимо одиночество, котораго они часто ищутъ, и которое въ стихахъ воспѣваютъ очень умильно, то временное одиночество и продолжительный плѣнъ духа и тѣла—двѣ вещи совсѣмъ разныя. А Финляндія была для нашего поэта плѣномъ, и тѣлеснымъ, и духовнымъ. Въ то время, какъ петербургскіе друзья въ живой бесѣдѣ мѣнялись мнѣніями и, такъ или иначе, стояли въ центрѣ жизни, нашъ поэтъ былъ осужденъ на созерцаніе и на бесѣду съ дикою природой. Онъ долженъ былъ пустоту окружающей жизни населять образами собственной фантазіи. Онъ и жилъ въ мірѣ призраковъ; то ему грезилась петербургская жизнь, свидѣтелемъ которой онъ былъ самъ, то мечтой блуждалъ по свободному, чудному Риму, блестящимъ Аѳонамъ—и „безсмертныя повѣсти Плутарха и Фукидида, которымъ съ волненіемъ онъ внималъ въ его юные годы“, возставали въ его воображеніи. Минувшее стало для него дороже настоящаго, и мало-по-малу печальное одиночество стало гасить въ немъ послѣднюю искру веселья, которое въ Петербургѣ скрашивало нѣсколько его міросозерцаніе. Затерянный среди дикою природы, онъ на первое время

нашелъ въ ней отраду. Его грустный взглядъ на мiръ такъ совпадалъ съ этимъ сѣвернымъ моремъ, въ которомъ купались дикія, полуголыя скалы съ меланхолическими соснами на ихъ вершинахъ! Пейзажъ былъ, правда, не классическій, но имѣвшій свою прелесть. Какъ легко было, вспоминая прочитанные въ Петербургѣ отрывки изъ Оссіана, населить эту пустынную мѣстность причудливыми образами старинныхъ героевъ и сдружиться съ этими созданіями своей же фантазіи. Но дружба съ ними была для нашего поэта—родникомъ новой печали:

И вы сокрылись въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтренное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный призывъ
Обытовавшаго забвенья!

(Финляндія, 1820.)

Кругомъ одно забвеніе, однѣ молчаливыя грозныя скалы съ вѣчно шумящимъ моремъ у ихъ ногъ... Это море когда-то такъ плѣнило фантазію ребенка—ему такъ хотѣлось плыть по его волнамъ—теперь онъ сидѣлъ сложа руки на его берегу.

Поэтъ сердился и говорилъ:

...отъ прихоти судьбины,
...отъ медленной отравы бытія,
Въ покоѣ рабобѣнномъ я
Ждать не хочу своей кончины.
На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ,
Она отраднѣе гордынѣ человѣка!
Какъ жаждатъ радостей младыхъ
Я на зарѣ молодого вѣка,
Такъ нынѣ, океанъ, я жажду бурь твоихъ!

(Буря, 1825.)

Но это были одни слова, которыя уносились вѣтромъ. Его пугала болѣе всего мысль о томъ, что здѣсь ему суждено проститься съ жизнью, что весь итогъ его кратковременнаго безцѣльнаго существованія на землѣ будетъ подведенъ въ этой пустынѣ. Мысль о смерти стала страшнѣе теперь, когда она не заглушалась стужою бокаловъ, и поэтъ, примирившись съ этой мыслью, молилъ только объ одномъ, чтобы кончить жизнь не здѣсь, а хоть по крайности въ отеческихъ дубравахъ. Во многихъ стихотвореніяхъ высказывается это желаніе: шумъ отеческихъ дубравъ напоминаетъ ему его дѣтство, и ему кажется, что разстаться съ жизнью всего легче тамъ, гдѣ впервые испыталъ хоть относительную ея прелесть.

Духовный мракъ становился все гуще и гуще. Поэтъ пришелъ къ выводу, что даже прежде, въ минуты веселья, онъ какъ-то не вполне наслаждался счастьемъ; онъ началъ пробѣрять себя и убѣдился, что искренно веселъ никогда не былъ. „Счастливъ я ошибкой“, говорилъ онъ — и пугался этого открытія.

Поэтъ попытался-было утѣшить себя, что страданіе намъ необходимо, ибо безъ него мы не поймемъ и счастья, что оно есть источникъ „сладострастія“ для тѣхъ, кто способенъ его чувствовать, что счастливецъ тяготитъ бездѣйственность души, что имъ неизвѣстна сила жизни и т. д. Но онъ не удовлетворился этими ребяческими размышленіями. Тайна его грустнаго сердца оставалась по прежнему тайной, и онъ чистосердечно признался, что размышленіями тутъ ничего не подѣлаешь и оправдываться не зачѣмъ:

Того не приобретаешь, что сердцемъ не дано.
Рокъ злобный къ намъ ревниво злобенъ:
Одну печаль свою, уныніе одно
Умысливъ чувствовать способенъ.

(Лагеръ, 1821.)

И вотъ — итогъ міровоззрѣнія, высказанный этимъ „унылымъ“ человѣкомъ, итогъ, поражающій насъ своей безотрадностью:

Нашъ тягостный жребій: положенный срокъ
Питаться болѣзненной жизнью,
Любить и легчать недугъ бытія,
И смерти отрадной страшиться.
Нужды непреклонной слѣпые рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизньъ,
Намъ памятно небо родное,
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!..
Вотще! Мы надолго отвержены имъ!
Сіяя красотою надъ нами,
На брвенную землю безопасно оно
Торжественный сводъ опираетъ!..

(Дельвигу, 1821.)

Но не всегда такъ мрачно смотрѣлъ поэтъ на наши неясныя желанія и мечты, въ которыхъ смертнымъ дано единственное утѣшеніе. Если въ былые годы, когда ребенкомъ онъ мечталъ несвязно, ему казалось, что эти мечты разсыются, какъ дымъ, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ сожалѣнія, то теперь, когда его дѣтскія мечты стали художественной пѣснью, онъ понялъ, что

въ этихъ пѣсняхъ заключена своего рода жизнь, и пожалуй единственная жизнь, гдѣ счастье возможно. Въ одномъ искусствѣ, по его мнѣнію, заключается разгадка человѣческаго счастья, такъ какъ и добро и красота сливаются въ немъ воедино и даютъ человѣку высшее блаженство, а именно полное поглощеніе его данной минутой, или, иначе, они ставятъ его внѣ времени и пространства, дѣлаютъ его царемъ и устройтеlemъ своего собственнаго волшебнаго замка, надъ которымъ власть безпощадной судьбы не простирается.

Въ посланіи къ Гнѣдичу онъ очень любопытно опредѣляетъ роль искусства въ жизни. Не безъ намека на самого себя и на всю свою братію начала нашего столѣтія онъ говоритъ:

Живитель сердца—трудъ; искусства—наслажденья.

Еще не породивъ прямого просвѣщенья,

Избытокъ породилъ бездѣйственную тѣнь.

На міръ снотворную она нагнала тѣнь,

И чадамъ роскоши, обремененнымъ скукой,

Довольство бѣдности тягчайшей было мукой;

Искусства нивошли на помощь къ нимъ тогда:

Уже отвыкнувшихъ отъ грубаго труда

Къ трудамъ возвышеннымъ они воспламенили

И правдность упражнять роскошно научили;

Быть можетъ, счастьемъ обязаны мы имъ.

(Н. И. Гнѣдичу, 1823).

Мы ошибемся, если подумаемъ, что Баратынскій не подозревалъ міровой силы искусства, или цѣнилъ его только со своей личной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія больного человѣка, который пьетъ въ искусствѣ чашу забвенія, — нѣтъ: какъ всѣ его товарищи, онъ въ поэзіи чувалъ присутствіе сильнаго, безсмертнаго бога, но боялся о немъ философствовать. Его товарищи нерѣдко разсуждали о назначеніи поэта въ мірѣ, объ его роли среди людей—Баратынскій отъ всѣхъ этихъ разсужденій сторонился, ибо онъ, быть можетъ, глубже, чѣмъ кто-нибудь, проникалъ духомъ въ тайну этого назначенія, и, не будучи въ силахъ разрѣшить ее, предпочиталъ молчать и говорить только о томъ, что онъ непосредственно зналъ и чувствовалъ. А чувствовалъ онъ, что въ этомъ творествѣ дано ему ощущеніе счастья—таинственное, но внятное ощущеніе, и что кромѣ того въ этомъ искусствѣ—залогъ его собственнаго безсмертія, его силы, которую онъ можетъ противопоставить всѣмъ ударамъ рока. Онъ нерѣдко говоритъ объ этомъ, утѣшая самого себя въ моменты полнаго упадка духа. Одно стихотвореніе очень мрачное кончается онъ такимъ утѣшительнымъ аккордомъ:

Не вѣчный для времянь, я вѣченъ для себя:
 Не одному ль воображенью
 Гроза ихъ что-то говорить?
 Мгновенье мнѣ принадлежить,
 Какъ я принадлежу мгновенью.

Что нужды для былыхъ или будущихъ племень?
 Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;
 Я, не внимаемый, довольно награжденъ
 За звуки звуками, а за мечты мечтами.

(Финляндія, 1820).

Успокоиться на этихъ утѣшеніяхъ поэту было, однако, трудно, тѣмъ болѣе, что если его, какъ сына своего времени, и не мучилъ вопросъ о поэзии какъ „трудѣ“ или „дѣятельности“, то мучилъ другой въ сущности тождественный вопросъ объ истинѣ жизни и о поэтической лжи. Вся трагедія Баратынскаго заключена въ этомъ вопросѣ. Поэтъ подробно говоритъ о немъ въ одномъ изъ самыхъ глубокихъ своихъ стихотвореній; стихотвореніе озаглавлено: „Истина“. Съ младенчества, говоритъ поэтъ, тосковалъ онъ о счастьи и до сихъ поръ имъ бѣденъ. Молодые сны отлетѣли. Кое-что въ мірѣ разгадано, прежнихъ надеждъ нѣтъ, нѣтъ и новой цѣли—первое же столкновение съ опытомъ разбило всѣ его мечты, и всѣ желанія оказались безумными. Но для чего, спрашиваетъ онъ, не вполне совершилось это разувѣреніе?—такъ было бы легче, чѣмъ носить въ сердцѣ своемъ слѣдъ сожалѣнія о прежнихъ сновидѣніяхъ...

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
 Я жребій тяжкій свой,
 Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
 Узрѣлъ передъ собой.
 „Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
 (Вѣщала) „захочу—
 „И страстнаго отрадному безстрастью
 „Тебя я научу;
 „Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
 „Пускай, узнавъ людей,
 „Ты, можешь быть, испуганный, разлюбишь
 „И ближнихъ, и друзей.
 „Я бытія всѣ прелести разрушу,
 „Но умъ наставлю твой;
 „Я оболю суровымъ хладомъ душу,
 „Но дамъ душѣ покой“.
 Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
 И горестно въ отвѣтъ
 Промолвилъ ей:—О, гостя роковаа!
 Печалень твой привѣтъ!

Свѣтлыиыиъ твой, свѣтлыиыиъ погребальнииъ
 Всѣхъ радостей земныхъ!
 Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
 И страшень для живыхъ.
 Нѣтъ, я не твои! въ твоей наукѣ строгой
 Я счастья не найду;
 Покинь меня: кой-какъ моею дорогою
 Одинъ я побреду.
 Прости! или нѣтъ: когда мое свѣтло
 Во звѣздной вышинѣ
 Начнетъ блѣднѣть, и все, чтѣ сердцу мило,
 Забыть придется мнѣ,
 Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
 Мой разумъ просвѣти:
 Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
 Безропотно сойти.

(Истина, 1824.)

Характерно то, что истина призывается въ тотъ моментъ, когда она больше не нужна, призывается для того, чтобы прочесть отходную надъ человѣкомъ и облегчить ему переселеніе въ обитель ночи. Стоило ли ей тогда являться?

Читатель, конечно, узнаетъ въ этомъ стихотвореніи нашего автора, для котораго вопросъ о счастьи былъ неразрывно связанъ съ поэтическимъ обманомъ. Доволь живешь—есть потребность въ счастьи, и потому на смертномъ одрѣ рѣшаешься принять эту страшную гостью, которая скажетъ, что ни одно твое желаніе не исполнимо, ни одна надежда не сбудется, что все вокругъ тебя иначе, чѣмъ тебѣ казалось, и что всѣ дорогіе образы, съ которыми сдружилось твое сердце, живы. Но если быть послѣдовательнымъ, то лучше и умереть въ объятіяхъ призвѣній. Но въ томъ-то и дѣло, что истина жизни всегда входитъ безъ доклада, и съ каждымъ шагомъ человѣкъ идетъ ей на встрѣчу, даже тогда, когда думаетъ, что, повернувъ въ ней спину, от нея удалится. Пока еще этотъ призракъ житейской истины не принялъ опредѣленной формы и не поставилъ еще опредѣленныхъ требованій. Въ 40-хъ годахъ онъ сталъ грозить всѣмъ поэтическимъ сновидѣніямъ, и тогда нашъ поэтъ не на шутку рассердился на эту безпощадную и надобдливую истину.

Въ основѣ своей, какъ видимъ, міросозерцаніе поэта было глубоко пессимистическое. Земная жизнь, отданная во власть безпощадному року, который дѣлаетъ ее долиной слезъ и печали—безпомощная, лишенная счастья жизнь, которой только осталось вспоминать о своей небесной отчизнѣ и видѣть ежедневно всю аустоту этихъ мечтаній и сознавать свое безсиліе. Только на зарѣ

жизни дано нѣкоторымъ насладиться блаженствомъ молодого и беззаботнаго существованія—и то только нѣкоторымъ; есть „унылыя“ люди, которымъ отказано и въ этомъ краткомъ наслажденіи. Единственное возможное примиреніе, это—примиреніе въ искусствѣ, и то оно не полное, такъ какъ жизнь ежедневно подчеркиваетъ свою вражду съ этимъ міромъ гармоніи. Все, что можно сказать въ защиту этого призрочнаго міра фантазіи, это то, что онъ даетъ забвеніе.

Съ такими отчаянными взглядами на жизнь покидалъ Баратынскій Финляндію и 25-ти лѣтъ мѣнялъ свой офицерскій мундиръ на видмундиръ чиновника.

VII.

Среди дикой и грустной финляндской природы, помимо лирическихъ стихотвореній, родились еще двѣ поэмы: „Пиръ“ и „Эда“. Одна, съ которой мы уже знакомы, была посвящена воспоминанію о промелькнувшихъ веселыхъ годахъ; другая воспѣвала страну и людей, среди которыхъ нашъ авторъ прожилъ грустные годы изгнанія.

„Эда“ возбудила много толковъ.

Наша литературная критика охотно говорила объ этомъ граціозномъ произведеніи, съ легкой руки Пушкина, который его похвалилъ.

Тогда была мода на поэмы. Лордъ Байронъ заинтересовалъ своими всю Европу; Пушкинъ очень любилъ эту форму творчества, и Баратынскій увлекся его примѣромъ.

Съ этой поэмой Баратынскій вступилъ въ совершенно новую для него область творчества и удачно одолѣлъ трудности, какія представляетъ созданіе большого стихотворнаго произведенія: „Эда“ вышла нерастянута, и описательная и драматическая ея часть искусно другъ друга дополняли. Но тщетно будемъ мы искать въ ней того, что мы привыкли находить въ лирическихъ стихотвореніяхъ нашего автора, а именно, глубины мысли. Это самая незахватливая повѣсть, повторившая одинъ, уже въ то время, довольно заграничный мотивъ.

Въ суровый финляндскій край, въ страну печальныхъ мховъ и безмолвнаго гранита, судьба занесла молодого гусара; мы могли бы подумать—нашего автора, еслибы только дальѣйшее поведеніе этого храбраго воина не было такъ предосудительно. Этотъ гусаръ, какъ всѣ герои того времени, исполненъ „смутной

думи" — о чемъ? мы этого не знаемъ, да и вѣрнѣе предположить, что эту думу ему навязалъ нашъ задумчивый авторъ. Гусаръ просто скучаетъ. Мы заранѣе угадываемъ, что малютка Эда, съ ея „летучимъ станомъ, золотыми волосами и блѣдно-голубыми, какъ финское небо, очами“ должна будетъ поплатиться за эту скуку. Навивная, добродушная Эда, на самой зарѣ своей весны извѣдала муки страсти; ея веселье исчезло, умолекъ ея смѣхъ, пропалъ ея сонъ. Она стала робка и смущенна въ своихъ движеніяхъ, задумчива и т. д. Замѣтилъ эту перемену и ея отецъ, такой же сынъ природы, какъ и она. Онъ, правда, не тиранъ; въ немъ очень много природнаго добродушія — и онъ не смогъ предотвратить, ни угрозою, ни убѣжденіемъ, страданій и разочарованія своей дочери. Это разочарованіе наступило очень быстро. Протекли минуты идиллическаго счастья, и военный человѣкъ — если не переменялъ своей привязанности, то долженъ былъ перебраться въ квартиру. Война увлекла его, а она успокоилась на кладбищѣ.

Сюжетъ избитъ, и надо было много искусства, чтобы обработать его такъ, какъ обработалъ его Баратынский. Достоинство поэмы не въ содержаніи, хотя это содержаніе любопытно, какъ симптомъ времени. Гибель наивной финляндки въ сѣтяхъ гусара — далекой и слабой отголосокъ „осужденія цивилизаціи и культуры природнаго человѣка“ — литературной тѣмы, которая, начиная съ Руссо, такъ занимала всю Европу. Но достоинство поэмы, повторяемъ, не въ этомъ — оно въ описаніяхъ, въ пейзажахъ и въ вѣжномъ идиллическомъ тонѣ. Психологія географически, быть можетъ, и не вѣрна, и финляндская дѣва болѣе похожа на романтическую грезу, чѣмъ на финляндку, но это станетъ обвинять автора за подобную вольность?

„Эда“ была граціозной игрой скучающаго воображенія.

VIII.

Протившись со своимъ полкомъ, поэтъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, поселился въ Москвѣ. Тихая семейная обстановка смѣнила скитальческій образъ жизни: затишье наступило и во вѣшнихъ условіяхъ его существованія, и въ его собственномъ сердцѣ.

„Я живу потихоньку, какъ слѣдуетъ женатому человѣку, — писалъ онъ изъ Москвы одному изъ своихъ друзей, — но очень радъ, что променялъ безповойные сны страстей на тихій сонъ“

тихаго счастья: изъ дѣйствующаго лица я сдѣлался зрителемъ и, укрытый отъ ненастья въ моемъ углу, иногда посматриваю—какова погода на свѣтѣ“.

Это спокойное настроеніе сказывается и на нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ первые годы его московской жизни. Ему кажется, что онъ достигъ мирнаго берега, что для него кончились тѣ тревожные годы, когда мечты и надежды такъ спорять съ дѣйствительностью и несогласны ни на какое примиреніе. Онъ мнитъ себя вполне созрѣвшимъ, опытнымъ человекомъ, который, не сердясь и не мучаясь, можетъ смотрѣть прямо въ глаза житейской истинѣ; однимъ словомъ, онъ хоронитъ свою молодость, но, какъ увидимъ, онъ слишкомъ поспѣшилъ съ этими похоровами.

Въ одномъ письмѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Москву, онъ такъ говорилъ о своемъ душевномъ состояніи: „Какой несчастный даръ,—пишетъ онъ,—воображеніе, слишкомъ превышающее разсудокъ! Какой несчастный плодъ преждевременной опытности—сердце, жадное счастья, но уже неспособное предаться одной постоянной страсти и теряющееся въ толпѣ безпредѣльныхъ желаній; таково положеніе мое и большей части молодыхъ людей нашего времени“.

Провѣряя это душевное состояніе на литературныхъ памятникахъ своего времени, онъ замѣчаетъ, что всѣ новѣйшіе поэты влюбались въ печаль, перестали улыбаться, что все въ мірѣ стало не по нимъ, что нѣмецкая хандра ихъ охватила, по пагубному примѣру Жуковскаго, что у всѣхъ отцвѣло сердце и душа увяла. Если читателямъ такое вытье можетъ нравиться, то это, по словамъ нашего самобичующаго критика, доказываетъ только, что у дряхлаго вѣка (1825 г.) испортился вкусъ. Идеаломъ поэзіи и идеаломъ жизни кажется ему теперь XVIII вѣкъ, вѣкъ съ бодримъ умомъ и неразвращеннымъ вкусомъ. Онъ желалъ бы жить въ этомъ вѣкѣ, у котораго можно научиться „давать своимъ стихамъ красоту правды и хладной мудрости“.

Какъ онъ ошибался, считая себя способнымъ воспѣвать хладную мудрость!

Онъ просто, вырвавшись изъ плѣна, почувствовалъ извѣстный отливъ грусти, и на время сталъ добродушно смотрѣть на все окружающее.

„И дѣло ли мирныхъ музъ вооружаться пламенниками народнаго возмущенія? Бунтовали бы на трагическихъ подмосткахъ для удовольствія мирныхъ гражданъ, проливали бы рѣки чернилъ въ журнальныхъ битвахъ и спокойно бы вѣрили законодателямъ

классической или романтической школы, и исключительно великому Распорядителю всего, — пишет онъ своему другу барону Дельвигу, намекая на декабрьскія событія 1825 года, гдѣ пострадали его собраты по вдохновенію. Онъ очевидно не даетъ себѣ труда разобраться въ этомъ событіи, и міръ фактовъ ставитъ внѣ сферы интересовъ поэта. Поэтъ, какъ ему теперь кажется, долженъ быть прежде всего глашатаемъ мира и спокойствія. Бесѣдуя съ Гнѣдичемъ о сатирическомъ направленіи въ искусствѣ, онъ подчеркиваетъ свою неспособность быть преемникомъ Ювенала:

Миролюбивый нравъ дала судьбина мнѣ,
И счастья моего искалъ я въ тишинѣ;
Зачѣмъ я удалюсь отъ столь разумной цѣли?
И, звуки легкіе пастушеской свирѣли
Въ неугомонный лай неловко преврата,
Зачѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шута?
Страшусь ихъ множества и злобы ихъ опасной.

(Гнѣдичу, 1827.)

Конецъ стихотворенія еще болѣе любопытенъ по своей кротости:

Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ
И, снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сносить благоправно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогущество болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, или дубу — будь осинной;
Межъ тѣмъ, какъ странны мы! Межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

(Гнѣдичу, 1827.)

И все-таки, несмотря на этотъ спокойный тонъ рѣчи, прежнія тревоги и сомнѣнія, отъ которыхъ авторъ теперь громогласно отрекался, вовсе не утихли. Индифферентизмъ, высказанный въ только-что приведенныхъ стихахъ, былъ вовсе не окончательнымъ выводомъ трезваго, невозмутимаго взгляда на мірскую безтолочь, а результатомъ глубоко грустнаго отказа отъ попытокъ оправдать земную жизнь передъ сердцемъ, требовавшимъ счастья. Міросоверщаніе въ основѣ своей оставалось по прежнему отчаянное.

Въ одномъ стихотвореніи, озаглавленномъ „Послѣдняя смерть“ (1828), поэтъ разсуждаетъ о конечной судьбѣ всего живого. Нашъ міръ, гордящійся своей цивилизаціей, своими успѣхами знанія во всѣхъ областяхъ, ожидаетъ страшное будущее. Не то бѣда, что всякая жизнь въ концѣ концовъ находитъ свое разрѣшеніе въ

смерти,—ужасно то, что чѣмъ совершеннѣе становится человѣкъ, чѣмъ меньше преградъ ему ставитъ жизнь, чѣмъ онъ безопаснѣе и счастливѣе, тѣмъ ближе онъ къ истощенію. Двигатель всей жизни есть страданіе и трудъ. Живя въ вѣсѣ наибольшаго просвѣщенія, блаженствуя въ полнѣйшемъ покое и счастіи, люди утратятъ всякую энергію и, привыкшіе къ обилію благъ, станутъ спокойно взирать на все, что прежде ихъ волновало. Уснутъ всѣ ихъ желанія, и все ихъ бытіе превратится въ какіе-то миражи, въ какую-то фантазію, всѣ заботы о земномъ будутъ позабыты и заглухнутъ. Пройдутъ года, и надъ этимъ одряхлѣвшимъ человечествомъ, изжившимъ свой мракъ, воцарится глубокая тишина. Люди умрутъ, и только одна державная природа, облеченная въ порфиру древнихъ лѣтъ, останется безмолвнымъ свидѣтелемъ общаго крушенія.

Стихотвореніе написано, по всей вѣроятности, подъ впечатлѣніемъ „Тьмы“ Байрона, но выполненіе его оригинально. Страшно не самое исчезновеніе, но страшно то, что работа надъ усовершенствованіемъ и просвѣщеніемъ міра приближаетъ его къ духовной смерти. Страданіе провозглашается необходимымъ условіемъ жизни—*солъю*, закваской нашего существованія.

А что касается смерти, конечнаго итога всѣхъ нашихъ волненій и страданій, то поэтъ не только не боится ея, но съ какимъ-то дикимъ паэосомъ ее привѣтствуетъ (стихотв. „Смерть“, 1829). Смерть вооружена не косой, а оливой мира. Ей всемогущій Богъ поручилъ устройство всего цвѣтущаго бытія. Она смиряетъ его буйство своимъ прохладнымъ дуновеніемъ, она—источникъ примиренія людей, такъ какъ рука ея ласкаетъ одинаково и властелина, и раба. Она—разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, она—разрѣшеніе всѣхъ цѣпей.

Вопросъ объ искусствѣ по прежнему занималъ поэта и въ этотъ періодъ его жизни, хотя онъ по прежнему избѣгалъ говорить объ этомъ больномъ для него предметѣ.

Онъ молча поклонялся своему богу, о которомъ другіе и въ стихахъ и въ полемическихъ статьяхъ тогда громко спорили. Этотъ богъ въ его глазахъ не нуждался въ апологетахъ. Благотворное вліяніе его поэтъ испыталъ на себѣ, а въ его вліяніе на другихъ онъ вѣрилъ. Онъ говорилъ про себя, что съ дѣтства онъ носилъ въ своей душѣ „идеалъ прекрасныхъ соразмѣрностей“, что для него—

Страстей мятежныя мечты
Не затмеваютъ
Законовъ вѣчной красоты:

(1832.)

но втайнѣ онъ долженъ былъ сознаться, что все-таки мятежныя мечты никакъ не хотѣли разсѣяться въ этой идеальной атмосферѣ искусства.

Атмосфера была дѣйствительно „искусственная“, оазисъ мечты, созданный поэтомъ среди пустыни жизни. Чтѣ изъ того, что онъ улеталъ своимъ воображеніемъ въ Римъ и съ тоской говорилъ:

Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
 Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!
 Снятся мнѣ доли, лѣса благовонны,
 Снятся увавшихъ чертоговъ колонны!
 (1831.)

Ему свѣтило не небо Торевато, и благовонныхъ лѣсовъ вокругъ него не было. Ткань, отдѣлявшая міръ мечты отъ дѣйствительности, была такъ воздушна и тонка, что каждое дуновение жизни могло ее разрушить. Правда, сильнаго дуновения тогда у насъ никакого не было, но было худшее, подавляющее однообразіе и скука, а нахлынувшая волна скуки бываетъ для вдохновенія опаснѣе всякаго разочарованія. Въ 1832 году умеръ Гёте, и Баратынскій написалъ на его смерть свое извѣстное стихотвореніе, которое мы всѣ помнимъ наизусть. Гёте былъ именно тотъ чародѣй, который сумѣлъ безъ особыхъ терзаній подчинить всѣ явленія своему уравновѣшенному духу, и для нашихъ эстетиковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ онъ являлся живымъ воплощеніемъ ихъ идеала:

Погасы! но ничто не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
 На все отозвался онъ сердцемъ своимъ
 Чтѣ просить у сердца отвѣта...
 Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, заветы минувшихъ вѣковъ,
 Цвѣтущихъ времянь упованья;
 Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
 И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ...
 (На смерть Гёте, 1833.)

—такъ писалъ о Гёте Баратынскій. Но Гёте было чтѣ претворять въ спокойные художественные образы,—а каковы были тѣ цвѣты жизни, съ которыхъ нашимъ поэтамъ приходилось собирать свой медъ поэзіи?

Попытка доработаться до спокойнаго созерцанія жизни поэту не удавалась. Очень характерны въ этомъ отношеніи слѣдующія строфы:

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
 Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ по склону ихъ русла;
 Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
 Не властная сойти. Небесныя свѣтила,
 Назначеннымъ путемъ, невѣдомая сила
 Влечетъ. Бродячій вѣтръ неволень, и законъ
 Его летучему дыханью положень.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ:
 Мятѣжныя мечты смиримъ или позабудемъ;
 Рабы разумныя, послушно согласимъ
 Свои желанія со жребіемъ своимъ,
 И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
 Безумецъ! не она ль, не вышняя ли воля
 Даруетъ страсти намъ?..
 О, тягостна для насъ...
 Жизньъ, въ сердцѣ бьющая могучею волною
 И въ грани узкія вѣѣсенная судьбою.

(1835.)

Умъ и сердце поэта находятся въ постоянномъ колебаніи между жаждой покоя и жаждой бури, и онъ ясно сознаетъ только одно, что при такомъ тревожномъ состояніи спокойное художественное творчество немислимо.

Эта тревога его духа сказалась ясно на поэмѣ „Наложница“ (1835) или „Цыганка“, какъ ее потомъ переименовалъ авторъ. Поэма была написана въ духѣ Байрона.

IX.

Байроническое настроеніе—чрезвычайно любопытный эпизодъ въ исторіи нашей словесности: свести его на простое литературное подражаніе иностранному образцу будетъ ошибкой; русскій байронизмъ, при всѣхъ его смѣшныхъ сторонахъ, на которыя неоднократно указывали,—явленіе очень серьезное. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ литературное теченіе, отразившее на себѣ пробужденіе русской личности, которая, не найдя для себя самобытнаго костюма, взяла напрокатъ готовый костюмъ иностранный. Тѣ русскіе писатели, которые впервые преклонились передъ англійскимъ лордомъ, были первыми писателями, заявившими у насъ громко о своихъ правахъ не только литературныхъ, но и политическихъ. Это были декабристы и близкій ихъ знакомый, хотя и не сотоварищъ—Пушкинъ. Современники либеральной эпохи Александра I-го, они въ юности своей были зрителями его общественныхъ реформъ и его славы; они знали про его широкіе

планы и вмѣстѣ съ нимъ мечтали о либеральномъ будущемъ своей родины. Среди этихъ мечтаній о будущемъ, ихъ застали реакціонные годы того же царствованія; имъ пришлось пережить, въ слабой, конечно, степени, то, что переживали идеалисты на Западѣ послѣ крушенія своихъ либеральныхъ идеаловъ—подъ гнетомъ Наполеона или въ безотрадную эпоху реставраціи. Русскіе идеалисты, положимъ, не имѣли такого грознаго и кроваваго прошлаго и требованія ихъ были умѣреннѣе, но годы реакціи, какъ извѣстно, были встрѣчены ими далеко не со смиреніемъ—слѣдствіемъ чего и была гибель нѣкоторыхъ и нѣмой испугъ другихъ.

Когда этимъ сильнымъ личностямъ случалось говорить о своихъ чувствахъ въ поэтическихъ образахъ, образы эти, при всей ихъ неопредѣленности, отразили правду своего времени. Излюбленными героями ихъ прѣсень была выдающаяся сильная личность—въ большинствѣ случаевъ одинокая, непонятая другими съ затененной душой, загадочная въ своемъ поведеніи; пока еще болѣе энергичная и озлобленная, чѣмъ пассивно-разочарованная, носящаяся со своими великими планами, очень часто ищущая свободы и идущая въ ней иногда путемъ насилія. Для этой личности, отдѣльныя черты которой попадаются такъ часто въ думахъ и поэмахъ Рылѣева, въ романахъ Марлинскаго, въ поэзіи Одоевскаго и у Пушкина въ періодъ его бессарабскаго заточенія, поэмы лорда Байрона давали готовые костюмы, обстановку и даже готовые рѣчи. Англійскій лордъ далъ поразительный по полнотѣ и по силѣ анализъ того самаго настроенія, которое, въ силу историческихъ условій, переживали русскіе передовые люди—не мудрено, что они въ Байронѣ нашли своего апостола. Это байроническое настроеніе, въ которомъ было столько же русскаго, сколько и иностраннаго, испытало у насъ въ Россіи судьбу довольно странную. Тѣ, для которыхъ оно было житейской правдой, либо совсѣмъ сошли съ литературнаго поприща, либо—какъ Пушкинъ—это настроеніе скоро въ себѣ побороли, либо—какъ Мицкевичъ—бѣжали.

Условія той эпохи далеко не благоприятствовали развитію байроническаго образа мыслей; новый режимъ былъ принципиально ему враждебенъ и развѣ только одному разочарованію предоставлялъ полный просторъ. Оно дѣйствительно было въ большомъ ходу и въ большомъ почетѣ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Вся серьезная сторона байроновскаго настроенія скоро вывѣтрилась.

Литературное поле, вплоть до появленія Лермонтова, который

замыкаетъ собою исторію этого настроенія въ Россіи, осталось за второстепенными, измельчавшими и выродившимися поклонниками англійскаго поэта. Эти слабые духомъ, разочарованные, отчасти позирующие люди, у которыхъ съ истинными родственниками Байрона было такъ мало общаго, остановили на себѣ вниманіе нашихъ поэтовъ, и первый, кто закрѣпилъ ихъ въ художественномъ образѣ, былъ Пушкинъ, въ своемъ „Евгеніѣ Онегинѣ“. За „Онегинимъ“ потянулся длинный рядъ литературныхъ памятниковъ, изображавшихъ многочисленныя разновидности этого типа, съ преобладаніемъ той или другой стороны характера.

Умъ и характеръ Баратынскаго имѣли мало точекъ соприкосновенія съ Байрономъ. Одинъ былъ крайне энергичная натура, другой—пассивная; одинъ—протестующій сатирикъ, другой—пессимистъ-философъ, но ихъ сроднилъ отчаянный итогъ всего ихъ мировоззрѣнія. Баратынскій никогда не увлекался Байрономъ, хотя и прославлялъ возставшую Грецію съ его голоса; онъ отнесся къ нему очень хладнокровно, хотя обстановка, въ которой онъ жилъ, могла бы предрасположить его къ настоящему поклоненію. Онъ прошелъ мимо этого литературнаго теченія со свойственной ему самостоятельностью; только въ періодъ, на которомъ мы остановились, онъ въ поэмѣ „Наложница“ подошелъ къ нему на довольно близкое разстояніе. Поэма любопытна, какъ показатель неспокойнаго настроенія духа въ писателѣ, и какъ литературный памятникъ, въ которомъ ходячій типъ измельчавшаго байрониста нашелъ себѣ выраженіе.

Еще раньше, въ 1824 году, нашъ поэтъ написалъ поэму „Балъ“, въ которой очень неумѣло попытался вывести тотъ же типъ. Онъ ему тогда не удался. Сравнимъ обѣ поэмы.

Содержаніе ихъ не замысловато—это двѣ печальныхъ любовныхъ исторій, въ которыхъ рассказано, какъ женщина страдаетъ и гибнетъ отъ эгоизма демоническихъ мужчинъ. Психологія этихъ мелкихъ бѣсовъ не прибавляетъ нивакихъ новыхъ чертъ къ традиціонному типу русскаго позирующаго байрониста, въ которомъ всѣ серьезныя мысли и чувства заглохли.

Герой „Бала“ Арсеній—виновникъ страданій и смерти великосвѣтской львицы-Нины—съ виду совсѣмъ похожъ на Лару или на Корсара:

Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій
Носилъ онъ на челѣ; въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ,

Усмѣшка праздная блуждала.
Онъ незадолго посѣщалъ
Края чужіе; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья, и т. д.

Трагедія его сердца, однако, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его наружности: его грусть, разочарованіе и безсердечное отношеніе къ женщинѣ, которая увлеклась его попой, объясняются дѣтской несчастной любовью къ какой-то Оленькѣ, „жеманной дѣвчонкѣ съ сладкой глупостью въ глазахъ и съ сонной улыбкой“. Эта Оленька влюбилась въ его друга, котораго онъ же ввелъ въ ихъ домъ. Съ этимъ другомъ они стрѣлялись: Арсеній былъ раненъ и, воставъ съ одра болѣзни, поѣхалъ въ чужіе края разгулять свою скуку. Теперь онъ вернулся и играетъ въ любовную игру съ несчастной свѣтской дамой. Въ концѣ концовъ онъ ее бросаетъ, встрѣтившись съ Оленькой и убѣдившись въ ея невинности и ея неизмѣнной любви къ нему. Нина, какъ и слѣдуетъ, умираетъ отъ яда.

Кто не услышитъ въ этой нескладной сказкѣ слабыхъ отзвуковъ „Евгенія Онѣгина“? Подражательная работа ума видна во всей поэмѣ. Истинное вдохновеніе выразилось развѣ только въ художественной отдѣлкѣ нѣкоторыхъ деталей—характеры, какъ совсѣмъ не соотвѣтствующіе психическому міру самого автора, вышли блѣдны, а содержаніе въ достаточной степени тривиально.

Почти то же можно сказать и о поэмѣ „Наложница“, которую Баратынскій имѣлъ терпѣніе даже передѣлать одиннадцать лѣтъ спустя послѣ ея появленія въ свѣтъ (1831—1842). Опять хороши детали, описанія и элегическія мѣста поэмы; сама же драма—снова скучная любовная исторія разочарованнаго чело-вѣка. На этотъ разъ нашъ герой, Елецкой, не ищетъ уединенья, а передается разгулу:

Ему въ гостинныхъ стало душно:
То было глупо, это скучно.
Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ,
И на желанномъ имъ просторѣ
Житьемъ онъ новымъ важилъ вскорѣ
Между буяновъ и повѣсь

Съ Москвой и Русью онъ расстался,
Края чужіе посѣтилъ;
Тамъ промотался, проигрался,
И въ путь обратный поспѣшилъ.
Своимъ Пенатамъ возвращенный,
Всему рѣшительнымъ вѣнцомъ,
Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ,
И, общимъ мнѣніемъ пораженный,

Самъ рушилъ онъ, надъ нимъ смѣясь,
Со свѣтомъ остальную связь.

Эта цыганка, въ дикой и искренней любви которой онъ находилъ утѣшеніе отъ томящей его пустоты и бездѣлья, наконецъ ему надоѣла. Онъ встрѣтилъ подъ Новинскимъ какую-то барышню съ чистыми очами, дѣтскими устами и спокойной красотой. Она напомнила ему видѣніе его весны, и за нимъ, за этимъ невиннымъ созданіемъ, сталъ нашъ гуляка бѣгать какъ тѣнь. Онъ преслѣдовалъ ее всюду, появлялся передъ ней неожиданно какъ привидѣніе, нашептывалъ ей, какъ Лермонтовскій демонъ, слова любви и намекалъ на свою тайну. Наконецъ, когда онъ признался ей въ своихъ грѣхахъ и далъ понять, что она одна можетъ спасти его—Вѣра была побѣждена. Все шло отлично, былъ даже назначенъ часъ, когда онъ долженъ былъ увезти свою невѣсту и тайкомъ съ ней обвѣнчаться, но въ эту самую ночь онъ умеръ, нечаянно отравленный цыганкой, которая напоила его какимъ-то зельемъ, надѣясь вернуть его любовь.

Вотъ какими странными типами было занято воображеніе Баратынскаго въ первые годы его московской жизни, когда онъ, самъ недавно женившійся, былъ такъ далекъ отъ всякихъ любовныхъ измѣнъ, демоническихъ рѣчей, ядовъ и любовныхъ напитковъ.

X.

Къ общей суммѣ безотрадныхъ мыслей и чувствъ присоединились, съ годами, еще два новыхъ ощущенія, также очень грустныхъ.

Поэтъ сталъ старше (ему шелъ уже 35-й годъ), его жизнь окончательно сложилась, и, неудачникъ на различныхъ поприщахъ, живущій теперь въ Москвѣ на покоѣ, онъ могъ мысленно обозрѣть длинный рядъ грядущихъ лѣтъ, отъ которыхъ нельзя было ему ждать никакого особеннаго приращенія счастья,—а мы знаемъ, какъ онъ за нимъ гнался. Помимо этого ощущенія улетающей жизни и не дающей въ своемъ полетѣ желаннаго удовлетворенія, еще одно новое ощущеніе давало себя сильно чувствовать. Это было сознаніе своего одиночества, которое испытываетъ каждый человѣкъ, постепенно затериваясь съ своимъ міросозерцаніемъ въ толпѣ новой, подроставшей молодежи: кружокъ друзей рѣдѣлъ (смерть давно унесла Дельвига и успѣла унести Пушкина), съ новыми друзьями, при всемъ единодушіи и единой вѣрѣ, жилось все-таки не такъ тепло и сердечно, а кру-

гомъ уже пробивалась и распускаялась новая жизнь, выросли и уже заговорили новые люди, призванные произнести свой судъ надъ нимъ и надъ всей его отживающей эпохой. Становилось грустно и обидно, когда новые люди начинали колебать треножникъ, съ которымъ у Баратынскаго и у людей его времени было связано столько свѣтлыхъ воспоминаній и въ вѣчную неизблежность котораго они слѣпо вѣрили. А разные треножники начали колебаться прежде всего въ Москвѣ, гдѣ нашъ поэтъ нашелъ себѣ тихую пристань. Она была вовсе не такъ тиха, какъ это казалось. Присматриваясь къ молодому поколѣнью и прислушиваясь къ тому, что оно начинало говорить объ искусствѣ, чего оно отъ него требовало, и видя, какъ усложнялась жизнь въ материальномъ, прозаическомъ смыслѣ, — Баратынскій сталъ сердиться.

Пѣсни, въ которыхъ эти вспышки гнѣва прорываются сквозь печальныя жалобы объ одиночествѣ, вышли въ свѣтъ въ 1842 году подъ заглавіемъ: „Сумерки“. Цѣлыхъ семь лѣтъ жизни (1835—42) нашли себѣ отраженіе въ этомъ маленькомъ сборникѣ. Въ немъ очень мало страницъ, но въ нихъ очень много мыслей. Какъ разъ обратное его поэмамъ. Всего 26 стихотвореній въ продолженіе семи лѣтъ!—а среди нихъ много написанныхъ на пустыя случаи. Прежде стихъ былъ свободнѣе; теперь онъ болѣе сжатъ, въ него вложено больше мысли, но зато теченіе его не такъ плавно. Чувствуется усталость, отсутствіе прежняго размаха, прежней увѣренности. Это—лебединая пѣснь Пушкинскаго поколѣнія, пропѣтая Баратынскимъ одиноко, безъ поддержки товарищей.

„Сумерки“, какъ извѣстно, были встрѣчены недружелюбно молодымъ поколѣніемъ. Бѣлинскій, который говорилъ отъ его лица, усмотрѣлъ въ этихъ стихахъ отсталость автора отъ стремленій и идей современнаго ему общества, боязнь и робость передъ вновь открывшимися вопросами жизни и хулу на прогрессъ, на науку, на знаніе, которые лежатъ въ основаніи всякаго движенія впередъ. Если вспомнить, какой крутой переворотъ произошелъ во взглядахъ Бѣлинскаго въ это время (1841—42), то легко понять, почему грустная, иногда гнѣвная пѣснь послѣдняго пѣвца Пушкинской эпохи не нашла оправданія въ глазахъ молодого челоука 40-хъ годовъ. Трагедія отцовъ и дѣтей—трагедія вѣчная!

Что же было сказано въ этихъ „Сумеркахъ“?

Прежде всего, привѣтствіе князю П. А. Вяземскому. Ему, старому пѣвцу и сотоварищу, съ полнымъ правомъ какъ бы посвящался этотъ сборникъ послѣ смерти Дельвига и Пушкина.

Ему посылался изъ „глуши“ привѣтъ отъ „звѣзды разрозненной плеяды“. Ему, „понимающему обаяніе мечты и всѣ дуновения, подъ которыми когда-то плавалъ ихъ корабль въ морѣ бытія“, поэтъ напоминалъ о себѣ, давно позабышемъ „шумный свѣтъ, вѣтренные сны сердца и праздныя стремленія мысли“. На инныя стремленія мысли обращалъ онъ теперь свое вниманіе.

Нѣкоторыя мысли не были новы; ихъ давно уже высказалъ поэтъ,— правда, не въ такой отчетливой формѣ. Жизнь скучна, говорилъ онъ раньше, и вотъ какъ онъ теперь отчеканилъ эту же мысль:

На что вы, дни! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнить!
Всѣ вѣдомы, и только повторены
Грядущее сулить.

Не даромъ ты металась и кнѣгла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной бесплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустого дня!

Но эта скука и безцѣльность бытія скрапивалась,— какъ прежде думалъ поэтъ,— искусствомъ, минутой творчества, которое, парализуя въ насъ всѣ чувства и мысли, кромѣ эстетическаго созерцанія, даетъ намъ возможность быть счастливымъ украдкой, на нѣсколько мгновений. Поэтъ и теперь держится этого же мѣтнія, ему его мечты стали еще дороже, чѣмъ были прежде. Эти порывы восторга приобрѣли для него особенно священный характеръ теперь, когда онъ остался одинокимъ среди новаго поколѣнія. Онъ сталъ таять ихъ отъ взоровъ ближнихъ. Бывало прежде, молодой и беззаботный мечтатель, онъ требовалъ отъ черни благоговѣнія передъ охватившимъ его поэтическимъ настроеніемъ,— теперь онъ ничего не требуетъ и одинъ сидитъ за пиршественнымъ столомъ съ своимъ бокаломъ. По прежнему этотъ бокалъ своей дивной силой будитъ „небесныя мечты и откровенья пренсподней“, но это не прежняя чаша веселья, которую онъ въ юности съ гордостью выставялъ напоказъ „презрѣнной черни“,— это теперь грустная чаша уединенія. Вдали отъ люд-

ского шума, въ нѣмой пустынѣ,—говорить онъ,—сходить съ вѣтъ на пророка и—

Не въ безплодномъ развлеченнѣ
Обиждительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоеньи
Мгла падеть съ его очей!

Грустно читать эти искреннія жалобы на одиночество. Что всего хуже, это—то, что это одиночество не внѣшнее, но одиночество духа. Поэтъ пришелъ къ выводу, что въ новой жизни, которая кипитъ вокругъ него, нѣтъ мѣста его богу, что истинный жрецъ этого бога обреченъ на молчаніе и уединеніе.

Баратынскій со свойственной ему склонностью на все смотрѣть очень мрачно—преувеличилъ опасность, хотя вѣрно угадалъ ее. Дѣло въ томъ, что отъ его поэтического чутья и его глубокой мысли не ускользнула пережѣна, совершавшаяся въ жизни нашего общества: періодъ наивнаго творчества на его глазахъ сходилъ въ могилу. Открывались новыя области для чувства и мысли, и онѣ не легко поддавались художественному обобщенію. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было даже очень много оскорбительнаго для тонкаго слуха и зрѣнія поэта; вѣкъ становился матеріальнѣе, или, вѣрнѣе, матеріальная поделка, которая всегда каждому вѣку присуща, стала яснѣе выступать наружу. Казалось съ виду, что „духовное“ и „небесное“ въ жизни испарялось, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно только распространялось на большее количество житейскихъ явленій, за которыми раньше поэтъ не признавалъ никакой духовной или поэтической цѣнности. Какъ легко могло показаться поэту, что отъ него отвернулись и его перестали слушать, тогда какъ ему предъявляли только законное требованіе, чтобы онъ въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи отвелъ мѣсто новымъ фактамъ жизни и доказалъ, что ничто на землѣ не осталось у него безъ отвѣта.

Отвѣтъ на запросы новаго времени далъ и Баратынскій, но это былъ отвѣтъ жествій, желчный, обидчивый отвѣтъ, который извиняется только глубокимъ страданіемъ поэта.

Прислушиваясь къ тому, о чемъ говорили въ его время, слѣдя за тѣмъ, какъ интересы дня начинали волновать людскіе умы и сердца, нашъ поэтъ произнесъ огульное осужденіе всѣмъ тенденціямъ новой эпохи. Въ стихотвореніи: „Послѣдній поэтъ“—онъ такъ говоритъ о своемъ времени:

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта

Часть отъ часу насущнымъ и полезнымъ
 Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
 Исчезнули при свѣтѣ просвѣщеня
 Поэзіи ребяческіе сны,
 И не о ней хлопочуть поколѣнья,
 Промышленнымъ заботамъ преданы.

И въ этотъ практическій вѣкъ, мечтаетъ нашъ поэтъ, въ Греціи, въ первобытномъ раѣ поэзіи, родился послѣдній пѣвецъ. Его уста должны произнести нашему вѣку полное осужденіе. Кто виноватъ въ томъ, что поэзія исчезаетъ, что насущное и полезное такъ заняло всѣ умы! Этотъ послѣдній пѣвецъ—

Воспѣваетъ простодушной
 Онъ любовь и красоту,
 И науки, имъ ослушной,
 Пустоту и суету.

Виноватой оказывается наука: она разрушила наши „улыбчивые“ сны, она привела насъ отъ поэтического свѣта къ мраку— въ чему она, эта наука?

Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
 Васъ ласкающихъ очесъ
 И отраднымъ откровеньямъ
 Сострадательныхъ небесъ!—

Такъ говорилъ послѣдній поэтъ, но это воззваніе было встрѣчено суровымъ смѣхомъ.

Пѣснь его умолкла, и онъ остался одинъ среди толпы ему совершенно чуждой. Одно спасеніе — бѣжать въ нѣмую глушь, въ безлюдный край—

Но свѣтъ
 Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
 И на землѣ уединеня нѣтъ!

такъ глубоко и повсемѣстно охваченъ новый міръ новыми прозаическими тенденціями!

Трудно было понять одностороннѣе требованія и тенденціи наступившей эпохи, и трудно было менѣе удачно указать на врага, который грозилъ поэзіи. Признать науку и знаніе за могилу вдохновенія—значить, вдохновеніе сдѣлать синонимомъ полного невѣденія и умственной ограниченности. У Баратынскаго въ пылу гнѣва и печали дѣйствительно сорвался съ языка этотъ парадоксъ à la Руссо, и, какъ можно судить по нѣкоторымъ другимъ стихотвореніямъ, онъ довольно упорно занималъ его мысли. Въ стихотвореніи: „Примѣты“, высказана, на примѣръ, ясно та же мысль:

Пока человекъ естества не пыталъ
 Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
 Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
 Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
 Покуда природу любилъ онъ, она
 Любовью ему отвѣчала:
 Но, чувство пригрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
 Вдался въ суету изысканій,
 И сердце природы закрылось ему,
 И нѣтъ на землѣ пророчаній.

Суета изысканій, это—та же суета науки, о которой говорилось выше.

Въ конечномъ своемъ выводѣ эти громы противъ науки свелись прямо къ осужденію всякой „мысли“. Какъ передъ нами мечомъ, блѣднѣетъ земная жизнь передъ мыслью,—воскликаетъ поэтъ,—и нѣтъ забвенія ея жрецамъ. Хмель на мірскомъ празднествѣ данъ лишь тому, кто влекомъ къ искусству *чувствомъ* и не пытается подвергать его *анализу*.—А сколько дорогихъ иллюзій унесъ и уничтожилъ этотъ анализъ въ 40-хъ годахъ! Онъ подкапывался подъ всѣ поэтическіе міражи. Въ поэзію прошлаго онъ внесъ свой историческій методъ; благодушное довольство настоящимъ онъ потрясъ вѣрною картиной его несовершенствъ и неурядицъ нравственныхъ и матеріальныхъ; вѣру въ человека, какъ въ существо разумное и богоподобное, онъ ограничилъ, указавъ на его ничтожество; поэзію космоса и таинственныхъ силъ природы онъ оскорбилъ химическими и физическими законами.—И нашему поэту пришлось быть безпомощнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ дерзкихъ попытокъ ума, и сказать обо всемъ въ мірѣ свое рѣшающее слово. Было за что разсердиться на физику, химию и политическую экономію, въ особенности когда чувствовалось, что передъ ними ты безоруженъ!

Можно было, конечно, не сердясь, по примѣру великаго Гёте, включить ихъ въ свое міросозерцаніе и, вооружась ими, взглянуть на міръ и человека съ болѣе широкой точки зрѣнія, но трудно было и ожидать этого отъ нашихъ поэтовъ 20-хъ годовъ, стоявшихъ ниже этой задачи и по своему образованію, и по своему таланту. Они всѣ были по преимуществу поэтами „возвышенныхъ“ чувствъ, разумья подъ этимъ, конечно, не только любовь и красоту (которые Баратынскій противопоставляетъ наукѣ). Ихъ поэтическому чутью и художественному воспроизведенію было все доступно, что не нарушало ихъ нѣжной вѣры въ преобладаніе на землѣ высокаго надъ низкимъ, добраго надъ злымъ, духовнаго надъ тѣлеснымъ.

А эта вѣра, какъ извѣстно, подверглась строгому испытанію въ тѣ годы, когда Баратынскій заговорилъ о „Сумеркахъ“ своего поколѣнія.

Какъ грустно смотрѣлъ онъ на этотъ приближавшійся закатъ—видно изъ его прелестной элегіи „Осень“. Зима идетъ, и всѣ образы минувшаго года засыпаются однообразной снѣжной пеленой. Такая зима ждетъ и поэта, но только за ней для него нѣтъ грядущей жатвы...

Онъ чувствуетъ, что между міросозерцаніемъ его и взглядами и вкусами новыхъ людей ложится пропасть...

XI.

Впрочемъ, нашъ поэтъ и не приходилъ въ непосредственное сопрікосновеніе съ новымъ поколѣніемъ. Онъ жилъ совсѣмъ въ отдаленіи отъ той арены, на которой шумѣли новые люди. Въ свою защиту онъ не выступалъ. Только разъ, выпуская въ свѣтъ „Наложницу“, онъ предпослалъ ей полемическое введеніе, въ которомъ старался оправдать себя передъ критиками, обвинявшими его въ пропагандѣ безнравственности. Послѣ этого онъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ защищать свое творчество, изрѣдка только довѣрялъ стихамъ свои жалобы на желѣзный вѣкъ, который его оставилъ за флагомъ.

Его жизнь текла ровно, тихо и очень однообразно, частію въ Москвѣ, частію въ деревнѣ. Отъ этой жизни почти никакихъ слѣдовъ не осталось—она была посвящена семейнымъ заботамъ и радостямъ, а также чисто-хозяйственнымъ вопросамъ. Недовольный современнымъ направлениемъ жизни, поэтъ, насколько могъ, устранился отъ ея шума. „Я былъ бы очень доволенъ моею деревенскою жизнью,—пишетъ онъ,—еслибъ не частыя поѣздки въ Москву. Дома дни текутъ незамѣтно. Старшія дѣти начинаютъ уже за-одно жить съ нами“.

Впрочемъ, мысли о посѣвѣ, дождяхъ, стройкѣ, сводѣ роцци и посадкѣ деревьевъ, не порвали всецѣло его связи съ міромъ. Онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за однимъ, тогда (1824) еще очень неяснымъ практическимъ вопросомъ нашей жизни—за освобожденіемъ крестьянъ. Онъ самъ, какъ говоритъ его биографъ, стоялъ на сторонѣ освобожденія съ надѣломъ земли, отданной крестьянамъ въ собственность. Этотъ вопросъ вызвалъ въ одномъ изъ его писемъ очень теплыя строки. „Благословенъ грядый во имя Господне,—пишетъ онъ по поводу манифеста объ

обязанныхъ крестьянахъ.— У меня солнце въ сердцѣ, когда думаю о будущемъ. Вижу, осязаю возможность исполненія великаго дѣла и скоро, и спокойно“... Поэтическая легковѣрность связалась въ этихъ словахъ, но она вполне понятна въ человѣкѣ, который провелъ такую рѣзкую грань между міромъ науки и міромъ надеждъ и чаяній.

Мирная уединенная жизнь поэта кончилась осенью 1843 года: Баратынскій уѣхалъ за границу.

Чрезвычайно любопытны письма, которыя оттуда писалъ онъ своимъ роднымъ и знакомымъ. Онъ первый разъ въ жизни ступилъ за предѣлы своей родины. Посмотримъ, какія мысли вызвалъ въ немъ этотъ новый калейдоскопъ явленій.

Прежде всего оказалось, что желѣзный вѣкъ и наука вовсе не такъ непріятны. „Желѣзныя дороги, — пишетъ онъ, — чудная вещь, это апофеоза разсвѣнія. Когда онѣ обогнутъ всю землю, на свѣтѣ не будетъ меланхоліи“... По этимъ желѣзнымъ дорогамъ поэтъ быстро добрался до Парижа, гдѣ и остановился на нѣкоторое время.

Въ оцѣнѣ парижскихъ событій, крайне сложныхъ и запутанныхъ въ это время, нашъ поэтъ обнаружилъ во многихъ случаяхъ большую проникающую способность. Попавъ на этотъ толкуцій рынокъ всѣхъ европейскихъ интересовъ, онъ всѣмъ заинтересовался и обо всемъ хотѣлъ сразу составить себѣ понятіе. Первое впечатлѣніе было довольно странное. „По моему, — говорилъ онъ, — всего замѣчательнѣе во Франціи самъ народъ — привѣтливый, умный, веселый и полный покорности закону, котораго онъ понимаетъ всю важность, всю общественную пользу. Нѣсколько ясныхъ мыслей общезнатія сдѣлались достояніемъ каждаго и составляютъ такую массу здраваго смысла, что мудрено подумать, чтобы можно было совратить народъ съ пути истиннаго его благосостоянія“, — но сейчасъ же онъ самъ себя поправляетъ, говоря — „между тѣмъ, партіи волнуются“. Объ этихъ партіяхъ понятія его были довольно вѣрны; — онъ самъ по рекомендательнымъ письмамъ попалъ сразу въ избранное аристократическое общество, въ Сентъ-Жерменское предмѣстье. „Тутъ, — пишетъ онъ, — собираются академики и католическіе прозелиты обоихъ половъ. Все это работаетъ вертограду Господню въ смыслѣ аббатовъ. По довольно уединеннымъ улицамъ славнаго предмѣстья бѣгаютъ съ озабоченнымъ видомъ латинскіе попы въ такомъ множествѣ, что еслибы по русскому обычаю отъ всѣхъ отплеиваться, можно получить чахотку. Сиркуръ познакомилъ меня съ Виньи, съ двумя Тьери, Нодбѣ, Сентъ-Бѣвомъ; Соболевскій — съ Меримѣ и М-ше Ancelot;

случай—съ прежнимъ издателемъ одного изъ крайнихъ республиканскихъ журналовъ, чрезъ котораго я надѣюсь добраться до Ж.-Зандъ“.

„Общества, — продолжаетъ онъ дальше, — съ точки зрѣнія политической представляютъ самый печальный фактъ. Легитимисты, умные безъ надежды, безразсудные по неисправимой привычкѣ, преслѣдуютъ идею своей партіи и отслужили ей въ Лондонѣ трогательную панихиду. Республиканцы теряются въ теоріяхъ безъ единого практическаго понятія. Партія охранительная почти ненавидитъ ея настоящаго представителя, избраннаго ею короля. Всюду элементы раздоровъ. Движеніе поповъ, воскресшихъ для надеждъ бѣдственныхъ, ибо подъ личиною мистицизма они преслѣдуютъ мысль возврата прежняго своего владычества: вотъ Франція! — а въ парижскихъ салонахъ конституція французской учтивости мирно собираетъ умныхъ, сильныхъ, страстныхъ представителей всѣхъ этихъ разнородныхъ стремленій“.

Картина довольно вѣрная и далеко не отрадная, которая конечно сейчасъ же реагируетъ на русскій патріотизмъ нашего наблюдателя. „Поздравляю васъ, — пишетъ онъ, — съ новымъ годомъ... Поздравляю васъ съ будущимъ; ибо у насъ его больше, чѣмъ гдѣ-либо; поздравляю васъ съ нашими степями, ибо это просторъ, который никакъ незамѣнимъ здѣшной наукой; поздравляю васъ съ нашей зимой, ибо она бодрѣе и блистательнѣе, и краснорѣчіемъ мороза зоветъ насъ въ движенію лучше здѣшнихъ ораторовъ; поздравляю васъ съ тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ моложе двѣнадцатю днями другихъ народовъ и посему переживаемъ ихъ, можетъ быть, двѣнадцатю столѣтіями“...

Московскія бесѣды слышатся во всѣхъ этихъ пожеланіяхъ; замѣтна также и растерянность передъ массою впечатлѣній, свести которыя во-едино ему не удалось. „О Парижѣ мое мнѣніе всякій день мѣняется“, — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ.

Различить въ этомъ водоворотѣ доброе отъ злого и переходящее заблужденіе отъ истины ему, совсѣмъ не подготовленному русской жизнью, было трудно; хорошо еще, что онъ воздержался отъ огульнаго осужденія, которое въ тѣ годы уже довольно внятно слышалось у насъ въ Россіи.

Читая эти путевыя впечатлѣнія Баратынскаго и отмѣчая въ нихъ наблюдательность и самостоятельность мысли автора, невольно задумываешься надъ его стихами, въ которыхъ онъ высказалъ такой скорбный взглядъ на свое поэтическое призваніе среди новыхъ людей и взглядовъ. Будь притокъ европейской мысли болѣе силенъ въ Россіи, нашъ поэтъ навѣрное не рѣшился бы сказать,

что мы простору нашихъ степей не замѣнимъ европейской наукой, и навѣрное иначе отнесся бы онъ къ тѣмъ людямъ, которые, во имя земного благоденствія, пытались обработать степи русской мысли. Во всякомъ случаѣ, онъ не счелъ бы себя среди этихъ людей чуждымъ лишнимъ.

Наконецъ, Баратынскій увидалъ и море, о которомъ такъ мечталъ въ юности. Онъ изъ Марсели поплылъ въ Неаполь. Въ стихотвореніи „Пироскафъ“, которое онъ сочинилъ дорогой, онъ высказалъ еще разъ безумную надежду найти на землѣ Элизій. Когда подъ нимъ глубоко вдохнулъ пѣнящійся океанъ, когда онъ остался наединѣ съ морскими волнами, его охватило тихое, примиряющее настроеніе, и ему хотѣлось вѣрить, что богиня моря изъ лазоревой урны вынула ему, наконецъ, благой жребій.

Съ этимъ настроеніемъ онъ прибылъ въ Италію, гдѣ, конечно, его артистической душѣ вздохнулось свободнѣе, чѣмъ въ шумномъ Парижѣ. Италія къ тому же была ему страной не чуждой. Онъ не только платонически былъ влюбленъ въ нее, какъ всѣ поэты міра, но она была связана съ дорогими ему воспоминаніями дѣтства по странному стеченію обстоятельствъ. Его первымъ дядькой, педагогомъ, былъ итальянецъ; носилъ онъ громкую фамилію Боргезе, а по профессіи былъ странствующій продавецъ картинъ. Въ Россіи онъ нашелъ пристанище въ семействѣ Баратынскихъ, и нашъ поэтъ выросъ подъ его надзоромъ. Этого итальянца Баратынскій вспомнилъ теперь и посвятилъ его памяти одно изъ самыхъ трогательныхъ своихъ стихотвореній („Дядька-итальянцу“), и поэтъ былъ правъ, поминая его добрымъ словомъ. Этотъ странствующій артистъ, занесенный въ Россію и мирно уснувшій подъ русскимъ сугробомъ, бывало, отъ утра до утра говорилъ мальчику о своей родинѣ, о своемъ Везувіѣ и Колизеѣ и задолго подготовилъ поэта къ тому, что его ожидало въ Италіи.

А его ожидало тамъ краткое безмятежное мгновеніе полнѣйшаго душевнаго отдыха. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этихъ минутахъ жизни.

... „Каждый день два раза утромъ и поздно вечеромъ мы ходимъ на чудный заливъ, глядимъ и не наглядимся...

„Понимаю художниковъ, которымъ нужна Италія. Это освѣщеніе, которое безъ рывкости лампы выдаетъ всѣ оттѣнки, весь рисунокъ человѣческаго образа, во всей точности, легкости, мечтаемой артистомъ, находится только здѣсь, подъ этимъ дивнымъ небомъ. Здѣсь, только здѣсь можетъ образоваться рисовальщикъ и живописецъ; что здѣсь упоминательно, это—то внутреннее существо-

ваніе, которое даруетъ небо и воздухъ. Если небо, подъ которымъ Филемонъ и Бавкида превратились въ деревья, не уступаетъ здѣшнему, Юпитеръ былъ щедро благъ, а они присноблаженны.

„Мы живемъ въ Неаполѣ какъ въ деревнѣ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—дни наши монотонны, но небо, но воздухъ, но море, но югъ вообще, не даютъ времени ни скучать, ни задуматься; каждый день наслаждаюсь однимъ и тѣмъ же и всегда съ новымъ упоеніемъ. Мнѣ эта жизнь отиѣнна по сердцу: гуляемъ, купаемся и ни о чемъ не думаемъ, по крайней мѣрѣ не останавливаемся долго на одной мысли. Это не въ здѣшнемъ климатѣ“.

Такой душевный миръ былъ неожиданно прерванъ вѣчнымъ покоемъ. Поэтъ скоростижно скончался. Смерть была къ нему милостива,—она пришла тогда, когда онъ ее не ждалъ и не желалъ, т.-е. когда въ немъ не было ни страха передъ грядущимъ, ни злобы, ни презрѣнія къ настоящему.

ХП.

Баратынскій попытался однажды дать характеристику своей музы—онъ очень скромно сказалъ о ней, что ее нельзя назвать красавицей, что она не умѣетъ приманивать толпы, но зато—

Какъ пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженіемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой.

Дѣйствительно, на его поэзіи лежитъ печать „необщаго выраженія“, т.-е. оригинальности. Поэтъ сумѣлъ сохранить ее даже въ сосѣдствѣ съ Пушкинымъ: онъ глубже его понималъ печальную сторону жизни. Есть особыя люди на свѣтѣ: ихъ сердце—священный сосудъ философской скорби; со всѣхъ цвѣтовъ жизни они собираютъ не сладкій медъ, но горечь, и умѣютъ найти ее тамъ, гдѣ для другихъ она неощутима. Предугадывая сердцемъ молчаливую тайну вѣчности, въ которой тонетъ все сущее, они этимъ высокимъ представленіемъ измѣраютъ всѣ событія, и потому мимолетная радость и временный смыслъ житейскихъ явленій имѣетъ для нихъ малую цѣнность. Они живутъ своимъ внутреннимъ міромъ, безъ попытокъ и желанія согласовать его съ ходомъ бытия вокругъ нихъ жизни. Вотъ почему, когда внѣшняя жизнь

въ своемъ инертномъ, еле уловимомъ движеніи течеть мимо нихъ, они съ спокойной грустью слѣдятъ за ея теченіемъ, и вотъ почему они ожесточаются противъ нея, когда ея повои переходитъ въ волненіе. Они скорѣе готовы примириться со скудой бытія, чѣмъ съ безцѣльнымъ, по ихъ мнѣнію, движеніемъ. Они—большіе консерваторы въ мiрѣ своей скорбной мечты. Они не любятъ въ немъ новыхъ усложненій, не любятъ новыхъ поводовъ къ его пересозданію. Такимъ сосудомъ скорби и былъ—Баратынскій.

Н. Котляревскій.

ПОЭТЪ И МУЗЫКАНТЪ

— Der Liedermacher.—Roman aus Neu-Berlin, von Julius Stinde *).

Окончаніе.

XIII *).

ЖРЕЦЫ ИСКУССТВА.

Виттъ слушалъ съ упоеніемъ, какъ пѣла Гизела. Казалось, еще никогда не звучалъ такъ чудесно ея голосъ, никогда еще не бывало въ его нотахъ такой выразительности, такого огня! Пестрота дамскихъ нарядовъ, яркое освѣщеніе многолюдной залы, въ его глазахъ, казались лишь блестящимъ фономъ для такой прелестной картины, какою ему представлялась Гизела.

Съ каждой минутой
Все краше и краше
Жизнь представляется мнѣ;
Все въ ней такъ дивно,
Такъ дышетъ тобою..
Все говорить мнѣ о будущемъ днѣ!.

—пѣла она, и Виттъ, не сводившій съ нея восторженнаго взора, былъ увѣренъ, что она поетъ для него одного. И сердце его лиевало.

Гизела кончила. Ее привѣтствовалъ взрывъ рукоплесканій. Позади Витта какой-то старичокъ что-то пробормоталъ насчетъ *чайныхъ восторговъ*, или тому подобныхъ обидныхъ сравненій, но

---

*) См. выше: июль, 704 стр.

поэтъ не обратилъ вниманія, поглощенный успѣхомъ молодой дѣвушки. На глазахъ у него готовы были выступить слезы умиленія: ему казалось, что она вложила въ свое пѣнье то чувство, которое оно вызвало въ немъ самомъ. На шумное одобреніе и на настоятельныя просьбы гостей Гизела запѣла что-то легкое, французское, и тутъ ужъ бурному восторгу, казалось, не будетъ конца.

Затѣмъ наступилъ чередъ ассессора, который подарилъ публикѣ довольно приличнымъ исполненіемъ *Пѣсни любви*, изъ „Валькиріи“ Вагнера. Ему аплодировали уже не такъ шумно, слушали разсѣянно: время близилось къ ужину, и многіе изъ присутствующихъ только о немъ теперь и думали.

Заключительный номеръ въ концертной программѣ выпалъ на долю Монны, который долженъ былъ сыграть красивый и трудный ноктюрнъ Шопена.

Изящно перебирая пальцами звучныя клавиши тысячнаго рояля, Монна разсѣянно обвелъ глазами слушателей и ясно различилъ между ними рѣзкія очертанія лица Ридеръ, про которую ассессоръ уже успѣлъ сообщить ему свои догадки. Конечно, „кенгуру“ и есть авторъ пасквильной статьи, которая угрожаетъ ему бѣдой! Вонъ, вонъ она, ехидна! съ какимъ достоинствомъ садится она рядомъ съ г-жей Терменъ!

Помимо своей воли, Монна заволновался, и смущенье, злоба отозвались на его игрѣ, обыкновенно такой блестящей и безукорыненной. Руки его дрожали, сердце въ немъ такъ и кипѣло злобой... Вѣднй Шопенъ былъ нещадно искалѣченъ!

Монна кончилъ. Раздались жидкіе два-три хлопка, да и тѣ больше изъ любезности, изъ уваженія къ прежнимъ грандіознымъ успѣхамъ артиста. Съ перваго взгляда на друзей и знакомыхъ, Монна почувствовалъ, что онъ провалился.

— Чтѣ это значить? Чтѣ на тебя нашло?—волновался Виттъ.
— Ты точно заколдованъ!

— Заколдованъ и есть,—отрывисто засмѣялся Монна.— Сама колдунья усѣлась противъ меня и совсѣмъ выбила меня изъ колен... Молчи, молчи! Самъ знаю: я сыгралъ, какъ... Ну, все равно, какъ кто! Посмотрѣлъ бы я, какво чувствовалъ бы себя на моемъ мѣстѣ тотъ, кому самъ такъ и лѣзетъ въ носъ челоуѣкъ, который надъ нимъ издѣвался, топталъ его въ грязь, вырывалъ у него прямо изъ рта кусокъ хлѣба!..

— Да кто посмѣлъ?!..

— Кто? Кто?! Да все она же: наша „кенгуру“... Таеъ говорить ассессоръ. Онъ не ошибся,—голову отдамъ на отсѣченье!

Теперь и Виттъ вскипѣлъ негодованьемъ. Онъ такъ сжился со всѣми горестями друга, такъ страдалъ за него, что готовъ былъ тотчасъ же идти отомстить негодной женщиной-квеветницѣ! Но она—женщина: чувство порядочности не позволяло Витту обращаться съ ней какъ со своимъ братомъ-мужиной, и оттого ему было еще больнѣе. О, еслибы это былъ мужчина!..

Безъ шума, безъ суеты, официанты внесли готовые столы и столики, уставленные приборами, яствами, цвѣтами и украшенные серебряными вазами съ замороженнымъ шампанскимъ.

Общество весело и торопливо размѣстилось за ними. Гизела сама пожелала, чтобы Виттъ былъ ея сосѣдомъ.

Окружавшее его беззаботное веселье сообщилося мало-помалу и ему.

— Какъ вы дивно спѣли!—началъ онъ, поддаваясь наплыву восторженныхъ и еще недавнихъ воспоминаній.

— Да, кажется, всѣмъ понравилось?

— О, еще бы! Особенно французская пѣсенка.

— Да? Я, кажется, никогда еще лучше не пѣла. А вы какъ ее нашли?

— Прелестной. Но и Шубертовская была хороша.

— Ну, та пустяки,—чтобы только распѣться. А скажите-ка, что это сдѣлалось съ Монной? Вѣдь онъ сыгралъ прескверно, какъ начинающій, и, знаете, это некорошо для него, это на немъ отвоевывается.

— Ему хотять навредить...

— Кто-то ему уже и навредилъ, и весьма! а теперь онъ самъ, сегодня... А еще какой артистъ!.. Что его опера? Идетъ впередъ?

— Я еще не совсѣмъ подъяскалъ либретто. Пока онъ хочетъ положить на музыку нѣкоторые изъ моихъ пѣсень...

— И посвятить ихъ мнѣ?

— Конечно!

— Только бы что-нибудь повеселѣе, въ болѣ легкомъ жанрѣ, напримѣръ, какъ моя французская пѣсенка. Какая прелесть!..

Витту показалось, что она откровенно и такъ просто ведетъ съ нимъ бесѣду, словно они опять сидятъ одни, какъ тогда, „по семейному“, не на вытяжкѣ, въ бальной залѣ, а въ уютномъ, слабо-освѣщенномъ кабинетѣ Термена. И онъ разговорился.

— Знаете, я нашелъ интересное древне-германское повѣрье, — началъ онъ, поддаваясь своему чувству.—Гдѣ умираетъ маленькій ребенокъ, тамъ подь окномъ, за-ночь, вдругъ вырастаетъ причудливо-блѣдная, чистая, какъ душа младенца, лилія...

— Фу, какая гадость!

— Какъ? Это ли еще не поэтично?—удивлялся Виттъ.

— Мертвыя дѣти отвратительны!.. Да я и вообще не люблю грустныхъ пѣсенъ... Въ слѣдующій разъ я спою вамъ что-нибудь итальянское.

— Народныя пѣсни? Да? Онѣ такъ трогательны своей простотой!

— Нѣтъ. Я о нихъ и не думала. Сегодня я какъ-то не расположена думать о народѣ: это такъ скучно!

И Гизела отвернулась къ своему сосѣду съ правой стороны. Послѣ нѣкотораго перерыва, Виттъ продолжалъ, обращаясь къ Гизелѣ:

— Конечно, до сихъ поръ на свѣтѣ уже столько написано и сочинено прекраснаго и возвышеннаго, что не мнѣ соваться со своими жалкими черепками стихотворства. Я всей душой стремлюсь къ свободному творчеству, но великіе гении и мастера-поэты—воплощеніе такого недосягаемаго совершенства, что это отнимаетъ у меня мужество и послѣднюю крупичу надежды выработаться; я мучаюсь, я робѣю...

Гизела шаловливо грозила пальчикомъ своему визави, который просилъ разрѣшенія выпить за ея здоровье.

— Собственно говоря, во мнѣ нѣтъ, что называется, творческаго духа, мои способности и воспримчивость скорѣе раздражительнаго свойства...

Гизела громко разсмѣялась. Ея сосѣдъ сболтнулъ что-то непохвѣрно забавное.

— Я постараюсь убѣдить себя смотрѣть на жизнь веселѣе, и, я надѣюсь, мнѣ тогда удастся слагать болѣе веселыя пѣсни... только бы онѣ вамъ понравились!..

— А! Что вы сказали?—разсѣянно проронила Гизела.

— Вамъ... мои пѣсни...

— А, да. Хорошо. Когда я вернусь... Сначала мы ѣдемъ въ Италію, потомъ, вѣроятно, въ Парижъ. Вамъ хватитъ на это цѣлое лѣто?..

— Еще бы! А желанія—и того подавно,—радостно подхватилъ Виттъ, не замѣчая, какъ поглядывалъ на него Монна, да и всѣ окружающіе, не исключая красной и добродушной майорши фонъ-Винглебъ, или тѣти-Магіе, какъ называла ее Гизела.

Монна былъ пораженъ: какъ это Виттъ, такой застѣнчивый и робкій, успѣлъ обратить на себя вниманіе хозяйки дома? Она—дѣвушка богатая, избалованная, и сколькохъ знатныхъ и вліятельныхъ людей знать не хотѣла, какъ только они предлагали

ей руку и сердце! Вѣрно, ей, пресыщенной богатой и безпечной жизнью Берлина, понравился, — ну, какъ забавная игрушка, — незараженный столичностью юноша-провинціалъ. Все равно! Сегодня, особенно сегодня, когда ему во всемъ такъ не везло, такое предпочтеніе раздражало Монну, и онъ пилъ бокалъ за бокаломъ искристое вино, ища забвенія въ его ароматной пѣнѣ: ему хотѣлось отдѣлаться отъ своего внутренняго недовольства.

Майорша наклонилась къ мужу и тихо подѣлилась съ нимъ своимъ впечатлѣніемъ, удивляясь, что Гизела именно Витта, а не кого другого, позначительнѣе, выбрала себѣ въ сосѣди.

— Я не думаю, чтобы тутъ было что-либо серьезное, — возразилъ майоръ: — твоя племянница не такая глубокая и дѣльная натура. Она привыкла блистать, пожинать любезности и свѣтское низкопоклонничество; онъ же ее интересуеть просто какъ дивовинка. Въ будущемъ она непремѣнно захочетъ блистать и вести такую же роскошную, безпечную жизнь, какую вела до сихъ поръ.

— Отчего жъ ты не хочешь допустить, что онъ могъ ей серьезно понравиться? Онъ красивъ и прекрасной души человекъ.

— Ну, ужъ нечего сказать, красавецъ?! Слишкомъ вытянуть и тощъ, какъ палка; грудь доска; ничего мужественнаго, прочнаго во всемъ сложеніи; взглядъ тревожный, лихорадочный: у него, вѣрно, и нервы-то непрочны...

— Голубчикъ! Чтѣ съ тобой? Какими глазами смотришь ты на него сегодня?

— Глазами стараго служаки во время рекрутскаго набора: въ солдаты онъ не годится... и въ мужа такой дѣвушкѣ, какъ Гизела — тоже! Мужъ — не башмакъ: его не скинешь, когда онъ окажется негоднымъ!

Въ эту минуту задвигали стульями: ужинъ кончился. Старые и слабые, т.-е. такіе, которые должны были раньше ложиться, или которые считали, что ужъ достаточно наугощались, разошлись по домамъ. Въ гостинныхъ и „курильняхъ“ задымились сигары. Въ гостинныхъ дамы пили кофе и тихо болтали. Молодежь танцевала, и въ первой парѣ открыла балъ Гизела съ Виттомъ.

— Да кто же онъ такой, откуда? — слышался шопотъ. — Вѣроятно, какой-нибудь родственникъ. Да что онъ такое? Неизвѣстно. Да зять Термена и не нуждается въ званіи: съ него и этого довольно!

Монна съ изумленіемъ прислушивался къ общему говору. Онъ не могъ понять: чтѣ случилось такого, про чтѣ еще не сказалъ ему Виттъ? Онъ зналъ, что у друга не было отъ него секре-

товъ. Но за что, за что именно ему выпало на долю такое предпочтеніе? Ну, можно ли сравнить его самого, Монну,—завѣдомо выдающагося артиста!—съ жалкимъ реномлетомъ, ребячески-наивнымъ, хоть и добрымъ малымъ? Съ графами и князьями ему крѣтятся не подѣ-стать; но сравнительно съ Виттомъ...

Послѣ перваго же танца Монна подошелъ къ Гизелѣ съ просьбой подарить ему туръ вальса, получилъ отказъ и принялъ его какъ достойную кару за свое плохое исполненіе. Въ ту же минуту Виттъ, сіяющій счастьемъ, потому что съ нимъ всѣ были предупредительны и любезны, подошелъ къ другу и проговорилъ:

— А знаешь, Викторъ? Вѣдь чудо какъ живется здѣсь у васъ въ Берлинѣ! Я никогда еще не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня!

— Ты восходящее свѣтило, а я—нисходящее,—съ горечью отвѣтилъ ему Монна.

— Полно, мой другъ; ты меня огорчаешь. Чѣмъ бы я былъ, еслибы не ты? Фрейлейнъ Гизела споетъ мнѣ мои пѣсни, но только если ты положишь ихъ на музыку.

— А! Вы, значить, и о пѣсняхъ говорили?

— О чемъ же больше?

— Какъ-такъ: о чемъ? Ну, о погодѣ, что-ли; о томъ, какъ жарко танцевать; какъ плохо я игралъ...

— О, и о тебѣ, конечно!

— И ты во всѣмъ применилъ? Ты осуждалъ меня?

— Я тебя защищалъ; она прочла что-то такое не въ твою пользу...

— Благодарю! Не забудь меня и тогда, когда ты заручишься благорасположеніемъ фрейлейнъ Ридеръ...

— Она-то тутъ при чемъ?—изумлялся Виттъ.

— При томъ, что ты идешь своей дорогой, а я—своей и остаюсь далеко позади...

— Викторъ! Какъ тебѣ не грѣшно?..

— Чтѣ жъ тутъ такого? Своя рубашка въ тѣлу ближе; всякъ за себя, а Богъ—за всѣхъ... Вотъ Ридеръ ужъ намѣтила тебя, идетъ сюда. Я уйду: желаю успѣха!—и Монна отошелъ, чтобы уступить мѣсто старой дѣвѣ, которая приблизилась съ обворожительной улыбкой.

— До сихъ поръ мнѣ удавалось лишь мелькомъ встрѣчаться съ вами,—начала она слащавымъ голосомъ.—Но такъ какъ въ близкій человѣкъ у Терменовъ, то я и надѣюсь еще не разъ пользоваться вашимъ милымъ обществомъ.

Виттъ промолчалъ. Ему была непріятна такая слащавость, которая—онъ самъ не зная, къ чему клонилась.

— Чудные они люди!—полувопросительно продолжала она.

— О, да!

— И такіе щедрые! Такъ всякому добра желаютъ!

— Да, это, къ сожалѣнію, не обо всѣхъ можно сказать,— коротко замѣтилъ Виттъ.

— Да, къ сожалѣнію! Люди вообще такъ злорадны, что надо вести себя очень осторожно, чтобы не даться въ обиду...

— Вотъ какъ?

— Развѣ вы сами на себѣ еще не испытали?

— На себѣ—нѣтъ; но на другихъ... на близкихъ. О, да, вы правы! Есть и такіе, что шипятъ исподтишка и жизнь отравляютъ человѣку, прячась, какъ низкій и позорный тать! И не одни мужчины, а также женщины. Я знаю, на примѣръ, одну такую,—сущую волдунью!..

Успокоительнымъ жестомъ фрейлейнъ Ридеръ воснула руки Витта и проговорила:

— Умѣрьте свое рвеніе, особенно же для невѣрныхъ друзей...

Съ замѣтнымъ отвращеніемъ поэтъ откачнулся отъ нея, и она поблѣднѣла, а сѣрые глаза заглялись огнемъ.

— Простите, я забылась, — принужденно-мягкимъ голосомъ извинилась она:—такой старой дѣвѣ, какъ я, свойственно иногда забывать, что она не имѣетъ права давать совѣты, какъ женщина, или приказывать, какъ молодая и красивая дѣвушка... Простите еще разъ!—и она медленно пошла обратно, къ дамамъ.

Вдругъ до нея долетѣли звуки рояля. Она прислушалась, остановилась... Нѣтъ, это не усталое хлопанье тапера! Мощные, свѣжіе и повелительные звуки, казалось, призывали всѣхъ къ себѣ, поближе...

Къ величайшему удивленію всего общества, Монна самъ добровольно сѣлъ за рояль, и сильными, чистыми аккордами загремѣли подъ его руками звучныя клавиши... Звуки росли и росли, гнѣвной волной роботали и пѣли, словно какой-то нестройный, полу-дикій вопль.

Любопытные отдѣльными группами спѣшили въ залу, повинаясь непреодолимому влеченію. Чтѣ это значило? Къ чему приведетъ эта бѣшеная скачка звуковъ?..

Всѣ притихли, прислушались.

Монна почувствовалъ на себѣ безмолвное вниманіе толпы и вдругъ, совершенно неожиданно, перешелъ на нѣжную и пѣвучую тѣму вальса,—тѣму, доступную для пониманія каждаго. Не-

слышанные до тѣхъ поръ, томные, манящіе звуки, какъ пѣніе, плѣняли слухъ, ласкали душу. Жгучая страсть прорывалась въ дивныхъ, пѣвучихъ нотахъ. Какъ знойная, роскошная физическая красота приковываетъ взоры, такъ красота мелодіи овладала восхищеннымъ слухомъ и душою... Монна жилъ въ этихъ звукахъ; онъ чувствовалъ ихъ власть на себѣ,—чувствовалъ, какъ постепенно между нимъ и его слушателями рождалась невидимая, духовная, безотчетная связь. И эта связь крѣпла, росла и казалась ему священнымъ огнемъ, которому онъ не хотѣлъ дать погаснуть... И лились, лились дивные звуки то блестящей, исеристой, какъ вино, то нѣжной, какъ ароматъ душистаго цвѣтка, и вдохновенной импровизаціей, полной чарующей прелести и художественной, какъ талантливо набросанная картина.

Звуки умоляли... А въ залѣ все еще царила благоговѣйная тишина, которая для артиста дороже бурныхъ рукоплесканій: она—лучшее доказательство того, что его заслушались, что его искусство овладело мыслью и чувствами толпы...

Когда толпа очнулась, аплодисменты долго не смолкали. Взглянувъ прямо передъ собой, Монна увидалъ Гизелу и по ея лицу замѣтилъ, что она еще находится подъ обаяніемъ его дивной игры. Быстро подойдя къ ней, онъ схватилъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— Я вѣдь для васъ игралъ... для васъ одной!—прошепталъ онъ.—Позволите ли вы мнѣ посвятить вамъ этотъ вальсъ?

— Мнѣ? Мнѣ... посвятить?—словно еще во снѣ проговорила молодая дѣвушка.—Какъ васъ благодарить?..

— Я зналъ, я чувствовалъ, что вы меня поймете! Понять артиста можетъ лишь артистка!

— Помилуйте! Да развѣ я артистка?

— Сегодня вы доказали, что можете пѣть, какъ Арто: такъ хороша французская музыка въ вашей передачѣ!

Никто еще ей этого не говорилъ, а похвала Монны, какъ артиста, была особенно пріятна.

— На слѣдующій вальсъ я могу сдѣлать съ вами тура два,—краснѣя отъ удовольствія, продолжала она.

Монна съ благодарностью пожалъ ей руку, и ему показалось, что она отвѣтила ему тѣмъ же.

Витъ ликовалъ за своего друга.

— Недаромъ ему имя *Викторъ*!—говорилъ онъ восторженно ассессору.—Онъ *побѣдитель*—и побѣдилъ сегодня человѣческую нивость и клевету... Только теперь для меня праздникъ—настоящій праздникъ!

XIV.

Всена идтъ.

Какъ ни восхищался до сихъ поръ поэтъ талантами своего друга-музыканта,—все это было ничто зъ сравненіи съ обожа-ніемъ, которое теперь онъ приносилъ ему, какъ своему кумиру.

Ассессоръ вышелъ вмѣстѣ съ ними, но вскорѣ распрощался: онъ жилъ по близости Терменовъ. Монна и Виттъ пошли дальше; на пути былъ большой выборъ дрожекъ, но они предпочли идти пѣшкомъ.

— Ты покорилъ ихъ всѣхъ своимъ искусствомъ!—изливалъ свое восхищеніе Виттъ.

— Ты думаешь?

— Конечно! Я никогда еще не видывалъ, не слыхивалъ ничего подобнаго: сначала затишь передъ бурей, потомъ какой-то морской шквалъ, неудержимый взрывъ безумнаго восторга!

— Ну, оно и понятно: на тощій желудокъ и музыка никому не мила, а послѣ ужина всѣ сыты и бодръ; готовы слушать все, чтѣ угодно, и бурно выражать свое одобреніе усердными хлопками. Чѣмъ ближе къ ужину, тѣмъ равнодушнѣе толпа ко всему другому: ей ужъ не до того, чтобы восторгаться прелестями отвле-ченной красоты, когда въ желудкѣ пусто!

— Но вѣдь отвлеченная красота все-таки выше, чѣмъ мате-риальная,—возразилъ поэтъ.

— Все такъ, дружище; только сначала воздай должное мате-риально и осязательно прекрасному, а затѣмъ ужъ займись и отвлеченнымъ, чтобы умѣть сознательно воздѣйствовать на живот-ные инстинкты человѣка,—облагородить ихъ, возвысить! Чтѣ за проклятіе играть для такихъ животныхъ! И это—*мой* удѣлъ!..

— Какъ можешь ты такъ говорить, любимецъ публики, которая тебѣ вадитъ, тобою бредитъ?

— Публика? Да?.. Она—та же толпа, которая сейчасъ кри-чить: *Осанна!* а вслѣдъ затѣмъ такъ же неистово вопить: *Распни ея!*... Среди толпы, которая готова превознести артиста въ случаѣ успѣха, онъ упорно борется съ жизнью, съ нуждой. Погибни онъ сегодня, не добившись извѣстности и славы,—и никто не замѣ-титъ, не помянетъ его по заслугамъ! Но вотъ ты, наконецъ, пробилъ себѣ дорогу къ славѣ: тобою восхищаются, тебя носить на рукахъ; ты любимецъ, ты кумиръ многотысячной толпы!.. Пусть хоть немного потускнѣетъ яркій блескъ твоей славы—и

толпа охладѣть... возненавидитъ тебя безгранично!.. Чортъ по-бери искусство!

— Но тотъ, кому хоть разъ доставить наслаждение твой талантъ, навѣрно всегда останется тебѣ за это благодаренъ,—возразилъ поэтъ.

Монна расхохотался.

— Въ былое время только мертвые теряли всякое право на людскую благодарность; теперь же можно его потерять еще при жизни! Мы вѣдь, голубчикъ, доживаемъ XIX-е столѣтіе! Будь же разумнѣе и... современнѣе, поэтъ!.. Пойдемъ-ка лучше, посидимъ въ кафе: тамъ всегда рады артистамъ.

Въ знаменитомъ кафе „Подъ-Липами“ еще сидѣло нѣсколько человѣкъ запоздавшихъ завсегдатаевъ. Надъ ними, по стѣнамъ, висѣли древне-римскія картины Антона Вернера, а на буфетчицу, помятуго, состарившуюся преждевременно фигурку, съ вѣчною, неизмѣнной улыбкой смотрѣла разодѣтая красавица-дѣвушка въ фижахъ и пышномъ напудренномъ парикѣ.

Монна спросилъ себѣ коньяку и занялся приготовленіемъ грога.

— Славно!—отхлебнувъ побольше, проговорилъ онъ.—Какъ это прохлаждаетъ, ободряетъ! Еслибъ я былъ богатъ, я держалъ бы только самый дорогой, самый лучший коньякъ. А какъ тебѣ кажется: будь у меня милліоны Терменовъ, сталъ бы я приглашать такое общество, какъ они? Если ты богатъ, то, надѣюсь, это даетъ тебѣ право удовлетворять чувство прекраснаго. Прежде всего, я пообчистилъ бы всю ихъ родню: разогналъ бы всѣхъ этихъ „тѣгенокъ“ и „тѣгусекъ“ „дяденокъ“ и „дядюшекъ“, запившихъ жиромъ и... глупостью. Изъ всѣхъ пріятельницъ Гизелы я ей оставилъ бы только самыхъ хорошенькихъ.

Съ удивленіемъ слушалъ Виттъ диковинныя рѣчи друга.

— А я такъ чувствовалъ себя прекрасно и ничего не видѣлъ тамъ дурного,—возразилъ онъ.

— Со старухой пришлось бы поспорить,—продолжалъ Монна, усердно потягивая свой грогъ.—Она любитъ поставить на своемъ, хоть и творить свою волю не сразу, а постепенно и упорно, но у нея есть одна слабость, и это—ея дочь. Только подумать, чтѣ за важная птица это маленькое созданье! Въ ней кроется благоволеніе маменьки и капиталы отца... Ахъ, ты счастливецъ, баловень судьбы! Ну, на чтѣ пойдутъ твои капиталы? На чернила, чтобъ царапать рѣмы?

— Я, право, тебя не понимаю.

— Да полно: будь со мной откровененъ! Ты знаешь, вѣдь я

тебѣ другъ и братъ. Какъ это ухитрился ты пѣвннть эту „не-сгараемую кассу“?

— Кого?

— Давно ли увѣнчало васъ родительское благословеніе?

Виттъ покраснѣлъ.

— Мы еще такъ недавно знакомы, — смущенно произнесъ онъ. — И, наконецъ, еслибы чтѣ между нами было, — неужели ты думаешь, что я не пришелъ бы съ тобою первымъ раздѣлить свою радость?

Монна залпомъ выпилъ стаканъ.

— Вотъ оно какъ! — спокойно и холодно раздался его голосъ. — Я вѣрю тебѣ: ты, конечно, давнымъ-давно позвалъ бы меня къ себѣ въ шафера... еслибы дѣло было сдѣлано. Но теперь она ѣдетъ въ Италію, и когда вернется... ну, чтѣ тогда, поэтъ?

— Тогда... она будетъ пѣть мои пѣсни!

Монна принялся насвистывать свой вальсъ-импровизацію, и бивнулъ кельнеру. Расплатившись, они ушли; но всю дорогу Монна былъ молчаливъ и отвѣчалъ односложно на вопросы друга.

Уже начинало свѣтать, когда Виттъ вернулся домой и, задумавшись, сѣлъ передъ своимъ письменнымъ столомъ. Слова Монны не выходили у него изъ головы: о какомъ это счастьѣ онъ говорилъ? Неужели ему суждено *такое* счастье? Въ сердцѣ своемъ онъ ощутилъ впервые неясное, но сильное стремленіе къ какому-то таинственному, неизвѣданному, но необъятному блаженству. Жалобы Монны на судьбу, его планы, еслибъ онъ былъ богатъ, его раздраженный, почти злобный голосъ, — все это неприятно вспоминается Витту, печалитъ, тревожитъ его, — и на его свѣтлое, блаженное настроеніе набѣгаетъ сѣрое облачко...

Съ нѣкоторыхъ поръ фрейлейнъ Ридеръ узнала, чего отъ нея хочетъ г-жа Терменъ: она хотѣла заручиться ея содѣйствіемъ для обезпеченія успѣховъ дочери. Фрейлейнъ Ридеръ должна была разыгрывать роль колеса въ триумфальной колесницѣ будущей *знаменитости*! Такъ поняла, по крайней мѣрѣ, изъ ея словъ сама старая дѣва. Банкирша знала, что артисты не считаютъ униженіемъ играть у нея за деньги, и весьма разумно разсудила, что умѣнье расточать похвалы — то же искусство, и что, слѣдовательно, ничего нѣтъ обиднаго предложить за это деньги. Такъ она и сдѣлала.

Зная также, что язычокъ Ридеръ отличается своей остротою

и звонкостью, г-жа Терменъ порѣшила за деньги заручиться и ея благорасположеніемъ.

— Мы съ вами заключаемъ договоръ чисто-дѣлового свойства, — говорила она ей наединѣ. — Нечего, я думаю, и говорить о томъ, что у Гизелы голосъ выдающійся: это не подлежитъ сомнѣнію! Но, все-таки, зависть и злоба людская, какъ она иногда ни безпричинна, а можетъ натворить много вреда... Такъ вотъ, чтобы этого не дожидаться, надо только умѣть иной разъ замолвить слово, и такое въ-время сказанное словечко стѣбитъ цѣлыхъ статей и длинныхъ разглагольствованій.

На это Ридеръ возразила, что она, кажется, и безъ того никогда не сомнѣвалась въ замѣчательномъ дарованіи фрейлейнъ Гизелы и впредь, но обыкновенію, будетъ ей отдавать должную дань похвалъ и искренняго восхищенія.

— Знаю, знаю!—возразила банкирша.—Вы всегда были нашей вѣрной сторонницей; но этого мало. Теперь я бы желала, когда Гизела прекратитъ брать уроки французскаго языка, чтобы содержаніе французженки получали вы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы мой мужъ не зналъ объ этой перемѣнѣ. Согласны?

— Право, вы такъ добры...

— Значить, согласны?

— Да.

Г-жа Терменъ вздохнула свободнѣе.

— Не знаете ли вы кого, кто бы имѣлъ руку въ газетѣ?—озабоченно спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

Ридеръ молчала, но глаза ея и безъ словъ говорили.

— Нельзя ли, нельзя ли похлопотать, попросить, чтобы печатали въ газетахъ? Извѣстность надо пріобрѣтать сразу, а для этого надо писать отзывы, и почаще! За деньгами мы не стоимъ...

Ридеръ одолгвало сильное искушеніе: не признаться ли напрямикъ, что она имѣетъ дѣло съ газетой „Время“, и что, по ея указаніямъ, статьи тамъ помѣщаетъ ея сосѣдъ бѣднякъ-жилецъ безъ положенія въ свѣтѣ.

— Нѣтъ,—наконецъ проговорила она:—я никого не знаю!

Г-жа Терменъ продолжала бесѣдовать съ нею и во время разговора подошла къ одному изъ своихъ изящныхъ швапиковъ, открыла его и вынула оттуда небольшой футляръ. Затѣмъ подошла и подала его гостѣ. Въ футлярѣ была брилліантовая брошь.

— Это вамъ будетъ мой подарокъ за первый же благопріятный отзывъ о моей Гизелѣ,—сказала она.—Конечно, называть ее

по имени не надо; но надо, все-таки, чтобъ можно было угадать, о комъ заговорили. Какъ вы это устроите—ужь ваше дѣло!

— Я постараюсь написать сама... а можетъ быть удастся и найти кого другого...

Банкирша повернула брошку туда и сюда, такъ что бриллианты еще больше засверкали, и промолвила:

— Скромно и мило!

Затѣмъ закрыла и спрятала футляръ.

А на томъ вечерѣ, о которомъ рассказано выше, брошь уже красовалась на толстомъ шольвовомъ платьѣ фрейлейнъ Ридеръ.

Вскорѣ послѣ этого достопамятнаго дня состоялся отъѣздъ г-жи Терменъ и ея дочери.

Зима миновала. Весна мало-по-малу начинала вступать въ свои права. Въ городѣ кое-гдѣ пробивалась зеленая травка, развертывались листья на деревьяхъ, словно желая показать, что не все здѣсь состоитъ, какъ мостовая и дома, изъ камня и цемента. Грядки въ палисадникѣ передъ домомъ банкира зацвѣтали: тюльпаны и душистые гіацинты веселили взоръ прохожихъ.

Но въ самомъ домѣ, казалось, все вымерло: полнѣйшая тишина и спущенныя маркизы придавали ему какую-то дикую безжизненность. Терменъ избѣгалъ сидѣть дома: одному ему было слишкомъ тоскливо, и если ему когда хотѣлось полюбоваться оживающими цвѣтами, онъ удалялся во внутренніе повои, выходявшіе въ садъ за домомъ. Его раздражало любопытство прохожихъ; онъ не хотѣлъ вмѣстѣ съ ними смотрѣть въ палисадникъ; онъ хотѣлъ успокоиться, уйти отъ людей, не имѣть съ ними ничего общаго!..

Вообще, у него было неладно на душѣ. Отказатъ дочери—онъ зналъ—нѣтъ возможности, а вся затѣя Гизелы была ему очень не по-сердцу. Вынужденный съ ранней молодости жить, такъ сказать, „на людяхъ“, онъ очень этимъ тяготился и желалъ бы во всемъ и всегда избѣгать гласности. Но не таково мнѣніе семьи: „имъ“ нравится, чтобы о нихъ говорили. Вотъ и послѣ вечера появился весьма лестный отзывъ и не менѣе лестно выраженное мнѣніе по поводу пѣнія Гизелы. Впрочемъ на этотъ счетъ отецъ не заблуждался. Онъ зналъ, что у нея не было данныхъ для прочнаго успѣха, и предвѣшалъ заранѣе пользу, которую должно принести молодой дѣвушкѣ разочарованіе. Душій успѣхъ не могъ продержаться долго; толпа пойметъ и увидитъ свое заблужденіе. Такъ рассуждалъ онъ обыкновенно, успокоивая самъ себя, но въ

минуты душевной, а порой и физической усталости горько укоряя себя въ томъ, что не помѣшалъ Гизелѣ отдать себя на пощѣище всему печатному и свѣтскому міру. Ну, стѣла ли того ея воображаемая „карьеря“, чтобы изъ-за нея терпѣть муки разставанія, усиленно работать, не разгибая спины, день и ночь?

Лучше бы ужъ вышла она замужъ, хоть за кого угодно: все же это естественнѣе, лучше, приличнѣе. Отчего ни Гизела, ни жена, не сказали ему ничего про Витта? Или тамъ ничего серьезнаго нѣтъ?.. Впрочемъ Гизелѣ, кажется, теперь не до того: на первомъ планѣ у нея былъ отъѣздъ въ Миланъ и пѣніе, пѣніе, пѣніе!.. Чтобы не сидѣть въ городѣ одному, банкиръ готовъ былъ ѣхать куда глаза глядятъ, но дѣла призывали его къ Берлину: въ высшихъ сферахъ, какъ разъ, хлопотали о новыхъ значительныхъ мѣрахъ и преобразованіяхъ. Онъ долженъ былъ держать ухо вострѣ и не оставлять своего поста на бранномъ полѣ житейскихъ трудовъ и заботъ. Упорные слухи ходили о томъ, что проложить новую линію желѣзной дороги, и что эта линія пройдетъ по его владѣніямъ — и это также потребуетъ его непремѣннаго присутствія. Отсутствіе семьи, утомленные нервы и недовольство собой и обстоятельствами, натолкнувшими его на такой „безразсудный“ (по его мнѣнію) поступокъ, какъ разрѣшеніе Гизелѣ ѣхать за границу и посвятить себя искусству, — все это мучило его, не давало ему покоя. Онъ пробовалъ развлекаться, веселиться, чтобы только временно найти забвеніе... Но и это не помогало: онъ тосковалъ и предавался хандрѣ.

Виттъ, наоборотъ, радовался наступленію весны: за нею впереди еще все лѣто, — время спокойное, тихое, удобное для работы. Надежды и мечты его не покидали; но дѣло его шло несовсѣмъ гладко. Монна приставалъ къ нему, торопилъ писать либретто, особенно съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ, что Виттъ болѣе искусный танцоръ и дамскій кавалеръ, нежели либреттистъ.

— Ближе всего къ требованіямъ публики была бы оперетка, — говорилъ Монна. — Но у тебя нѣтъ къ ней никакого таланта. А жаль! Къ оперѣ относятся строже; на нее обращаютъ вниманіе солидные критики и разносятъ на чемъ свѣтъ стѣять! Для оперетки же достаточно двухъ-трехъ выигрышныхъ мѣстъ, — и дѣло сдѣлано: оперетка, все-таки, будетъ давать сборы, лишь бы музыка была мало-мальски прилична. Правила, какъ создать оперетку, коротки и ясны; публика даже не любитъ сильныхъ уклоненій въ сторону отъ заурядностей...

— Извини, но я вынесъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, посѣщая ежедневно театръ. Мнѣ кажется, наоборотъ, что публика потому

и не такъ охотно ходить въ театрѣ, что директора, придерживаясь рутинны, изъ году въ годъ приподносятъ ей все одно и то же, и даже подъ однимъ и тѣмъ же соусомъ. Они говорятъ, что знаютъ вкусы публики, а между тѣмъ та же публика невольно убѣждается, что театрѣ—не храмъ искусства, а какой-то... большой котель, въ которомъ варится и снова все мѣшается и перемѣшивается одна и та же неизсякаемая размазня. Чтѣ же мудреного, если театры никого не привлекаютъ, если люди не находятъ въ нихъ того, къ чему стремятся: красоты, поэзіи и обновляющаго душу искусства!..

— Постой, постой! Ой, уморилъ отъ смѣха!.. Да скажи мнѣ, наконецъ, толкомъ: гдѣ ты живешь и въ которомъ столѣтіи?

— Искусство должно облагородить душу...

— Чью душу-то, скажи на милость? Наша образованная публика именно такъ и образована, что отвергаетъ всякія такія бредни, а барышниковъ и лакеевъ, все-равно, не облагородилъ! Но ты, можешь быть, того мнѣнія, что искусство—своего рода тайна; таинственное, невидимое блаженство, которое уже само по себѣ достаточная награда человѣку за его стремленіе ко всему высшему, благородному,—и что ради него, этого великаго блаженства, отъ радно претерпѣть и голодь, и нужду? Ну, такъ ты такъ и говори! А я его не знаю. Я труженникъ, простой рабочій и долженъ жить своимъ трудомъ, который имѣетъ несчастіе называться *искусствомъ*. Я хочу жить, и хочу жить хорошо; но это только въ такомъ случаѣ возможно, если я угожу публикѣ, а ей угодить я не могу, если буду преслѣдовать возвышенно облагораживающіе идеалы.

— Ты самъ же говорилъ, что публика любитъ все новое...

— Да, любить, и будетъ любить! Но только *новое*, а не *необычное*. Все необычное ее смущаетъ; она готова придирается къ нему, шипѣть и насмѣхаться вмѣстѣ съ первымъ встрѣчнымъ.

— Ну, а возвышенное и прекрасное?—спросилъ Виттъ, и его широко открытые глаза, казалось, видѣли гдѣ-то вдали свѣтлый, спасительный исходъ...

— Но что такое *возвышенное* и *прекрасное*? Все это фразы!.. Вѣдь и тѣ писатели и композиторы, чьи вещи исполняются теперь въ нашихъ полу-пустыхъ театрахъ, тоже, поди, воображаютъ, что ихъ творенія „прекрасны“ и „возвышенны“... Да, наконецъ, они приучили публику къ своимъ воззрѣніямъ, и эти воззрѣнія будутъ преобладать...

— Никогда!.. пока еще живъ Вагнеровскій „Зигфридъ“!—воскликнулъ Виттъ. — Кто способенъ проникнуться его побѣдонос-

нимъ совершенствомъ, противъ того безсильны отрицательныя воззрѣнія! Нѣтъ, Монна: на свѣтѣ *есть* искусство, и люди не могутъ оставаться къ нему слѣпы!..

— Какъ вижу, мы съ тобой не сойдемся: вѣдь ты не согласишься со мною, что Вагнеръ принесъ положительный вредъ? А, ты удивляешься? Но все равно: ясно, что онъ провалилъ на вѣки нѣмецкую оперу! Кто ему подражаетъ, того непременно забракуютъ по сравненію съ нимъ; а про того, кто его не признаетъ, говорятъ безапелляціонно, что онъ устарѣлъ. Итальянцамъ еще ничего: они ловятъ себѣ рыбу въ мутной водѣ, и знать ничего не хотятъ!.. Нѣчего дѣлать, надо и намъ покориться необходимости: напишемъ полу-вагнеровскій, полу-германскій текстъ. Ты, помнится, мнѣ предлагалъ монаховъ... или монашенокъ? Что жъ, это дѣло! У меня, встать, есть музыка очень древняго церковнаго хора... я гдѣ-то откопалъ ее, среди старья, и теперь она можетъ пригодиться... Да, положительно, хорошо бы устроить хоръ монашенокъ, рыцарей или т. п. Публикѣ это всегда по вкусу, и дирекцію не вводитъ въ излишніе расходы. Дай мнѣ только текстъ: безъ него я не могу ничего подѣлать...

— Даю тебѣ слово, что скоро его принесу.

— Ну, вотъ и спасибо! А пѣсни—всѣ, какія у тебя найдутся, неси мнѣ. Мы ихъ напечатаемъ, выставимъ въ магазинахъ, тиснемъ объявленія—и наводимъ публикѣ глаза хорошенько. А когда появится наша опера,—насъ встрѣтять какъ стараго знакомаго... Мы еще напумимъ, дружище, напумимъ!.. А для начала у меня есть тотъ вальсъ: онъ ужъ почти готовъ, да только надо въ него вклеить разныя фіоритурки, пассажи и другія трудности.

— Зачѣмъ же? Развѣ онъ будетъ отъ этого красивѣе?

— Нисколько, но если онъ будетъ слишкомъ легокъ, на него не обратятъ вниманія, а въ глазахъ публики онъ не будетъ имѣть никакого вѣса. Большинство публики—дилеттанты, а дилеттанты восхищаются только тѣмъ, чего одолѣть не въ силахъ... Мужайся, милый другъ, мужайся!..

И въ самомъ дѣлѣ, вѣшнее солнце ободрило поэта. Онъ усерднѣе засѣлъ за дѣло, и первымъ его вдохновеніемъ были стихи въ Гизелѣ. Онъ быстро набросалъ ихъ и побѣжалъ къ Моннѣ, позвать.

— Ты не поэтъ, а молодчина!—привѣтливо улыбаясь, проговорилъ артистъ, пробѣжавъ стихи глазами.—Давно бы такъ! А то не жизнь, не радость, а какое-то нытье у тебя выходило. Теперь у тебя тутъ есть и дѣвѣты, и солнце, и ручей, и подѣлуй,

и незабудки... И все это оформлено въ хорошенькую и незаурядную мысль... Пиши, пиши еще въ томъ же духѣ и неси ко мнѣ... Да не зѣвай, вѣдь время—деньги!

Бруницы участія было Витту довольно, чтобы почувствовать себя безконечно счастливымъ и блаженнымъ... и это блаженство выливалось въ пѣсняхъ,—свѣтлыхъ и радостныхъ, какъ его настроеніе.

XV.

Въ лѣтній вечеръ.

Дни становились длиннѣе, ночи короче, и частенько случалось, что завсегдатаи кафе „Тщеславія“ расходились по домамъ совсемъ засвѣтло. И расходились они не раньше, какъ до-сыта наговорившись объ искусствѣ и о томъ, какое оно должно быть, и объ артистахъ, какъ бы имъ подобало ему служить, и, наконецъ, о томъ, что дѣется на бѣломъ свѣтѣ и что бы дѣялось, еслибъ „они“ стояли у кормила правленія. Разныя идеи и преобразованія хотѣли они провести; но проводили... только ночь въ безплодныхъ разговорахъ; а поутру вставали съ головою болью, и отъ всѣхъ ихъ грандіозныхъ замысловъ оставалась только досада на ихъ пустословіе и тяжелая, неспособная въ труду голова.

Эбербергъ велъ жизнь аккуратную и своевременно удалялся изъ общества мечтателей и говорунговъ, чтобы не наносить ущерба своей... „размазнѣ“,—какъ пріятели называли его произведенія.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь! — говаривалъ онъ:—а на мою „размазню“ все-таки есть спросъ... и порядочный! Пока вы тутъ время просиживаете въ кафе, я настрою что-нибудь хорошенькое, и оно идетъ въ ходъ...

— А какъ называется твое послѣднее сочиненіе?—допрашивалъ его Монна.

— А вамъ зачѣмъ знать? Чтобы скрасть у меня названіе? Пожалуй, съ васъ станется, чего добраго!.. Узнаете, когда выйдетъ въ печати.

— Я думаю: „Сахаринъ?“—не унимался Монна:—это вѣдь въ девять разъ слаще, чѣмъ „сиропъ“.

— Ты говоришь изъ зависти; а ты вотъ покажи-ка самъ сначала, что ты умѣешь и какъ тебя цѣнять,—да тогда и смѣйся!

— Еслибъ я писалъ такую же дребедень, какъ то, что ты еропаешь, я бы, кажется, давно повѣсилъ на фортепیانной струнѣ!—злбно возразилъ Монна.

— Кто цѣлые десятки лѣтъ играетъ все, что угодно, тому не трудно подѣ конецъ вообразить, что и онъ можетъ что-нибудь написать. Но это не творчество; это лишь плохое подражаніе чему-нибудь чужому,—огрызнулся Эбербергъ. — Мои „Звуки арфы“, по крайней мѣрѣ, самостоятельны, оригинальны: въ этомъ имъ никто не можетъ отказать, какъ вы ни находите, что они жидки и зауражны. Я знаю, на что спросъ—и пишу сообразно съ этимъ.

— Замѣчательно,—вставилъ свое словечко Гельмъ, вмѣсто смущеннаго Монны,—что иногда и вовсе необразованные музыкально артисты попадаютъ на весьма удачныя мелодіи. Напримеръ, венгерскіе цыгане и нотъ не знаютъ, и сами-то почти безграмотные люди, а ихъ мелодіями пользуются величайшіе въ мірѣ композиторы. Многіе даже впадаютъ въ крайности, утверждая, что самый-то настоящій артистъ и есть бродяга.

— Ваше остроуміе неувядаемо,—ворчливо замѣтилъ Монна.

— Извините, пожалуйста, я это гдѣ-то прочиталъ недавно.

— А въ такомъ случаѣ вы лучше ужъ храните про себя плоды вашихъ полезныхъ чтеній. И вообще у васъ такая складка, что вы не можете кому-нибудь да не связать чего-нибудь обиднаго, не исключая и меня; а мнѣ такой образъ дѣйствій,—предупреждаю,—вовсе не по вкусу!. И къ чему вамъ понадобится непременно всегда садиться къ тому столу, гдѣ всегда сижу я съ моими друзьями?

— Я могу и уйти,—холодно возразилъ Гельмъ.—Но только я желалъ бы васъ спросить: почему это, когда я раздаю своимъ знакомымъ цѣлыми дюжинами билеты на концертъ, я—„милый Гельмъ“, у меня „художественный вкусъ и пониманье“?.. Да, Боже мой! Тогда меня даже съ удовольствіемъ подчуютъ громомъ... Но что я получаю въ благодарность? Дальше грога ваша дружба не идетъ!

Гельмъ всталъ изъ-за стола и гнѣвно удалился.

Монна посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пренебрежительно пожалъ плечами.

— Завтра онъ опять будетъ тутъ, какъ тутъ! Онъ жить не можетъ безъ общенія съ артистами: въ этомъ всѣ его интересы, вся его извѣстность. Для того, чтобы сдѣлаться болѣе извѣстнымъ, обратить на себя вниманіе публики, у него не хватаетъ глупости и богатства.

И въ самомъ дѣлѣ: на слѣдующій же вечеръ Гельмъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ кафе „Тщеславія“, и опять посыпались его безтактныя разсужденія и невазистыя выходки, за которыя, однако, никто окончательно его не гналъ

прочь отъ себя. Для этого Гельмъ былъ слишкомъ богатъ, имѣлъ слишкомъ много вліятельныхъ связей. Рѣче другихъ обходился съ нимъ Монна, но и тотъ не очень-то горячился; а на упрекъ въ малодушіи онъ даже ничего не нашель возразить.

Припоминая всю эту сцену, Виттъ вспомнилъ, что и съ нимъ онъ началъ дружбу тѣмъ же грогомъ. Это встревожило его... Но Гельмъ былъ человекъ заурядный и поверхностный: на его сужденія нельзя было полагаться.

Монна посѣщала кафе неаккуратно, и Гельмъ обращалъ вниманіе на то, что когда отсутствовалъ Монна, тогда не было за прилавкомъ и миловидной бѣловурой буфетчицы. Но, въ сущности, кому до этого дѣло? Послѣ своей размолвки съ Гельмомъ, Монна съ Виттомъ рѣшили иногда заглядывать и въ другія кафе, такъ что имъ случалось иной разъ по цѣлымъ вечерамъ ходить изъ одной пивной въ другую. Мало-по-малу Монна посвятила своего друга въ тонкости обращенія съ пивными „мамзелями“, и тотъ бралъ примѣръ со своего учителя и друга. Теперь онъ понялъ, почему, сколько бы ни заработала Монна, ему никогда не хватало: что ему принесть день, то уносить ночь. Понялъ онъ также, что не всегда съ нимъ другъ его откровененъ, и что всѣ свои неприятности онъ отъ него скрываетъ, стараясь потушить свою досаду въ винѣ. Виттъ сопровождалъ ему и не отставалъ отъ него—если не въ питьѣ вина, то въ его странствіяхъ по пивнымъ и трактирамъ. Постепенно Виттъ дѣлался сколомъ со своего друга и товарища: обращеніе его стало гораздо самоувѣреннѣе, рѣчь свободнѣе и словоохотливѣе,—онъ научился непринужденно болтать изъ пустого въ порожнее. Только стыдливость и способность краснѣть у него еще осталась отъ прежняго провинціала Витта. Въ сущности же, онъ никогда не чувствовалъ себя хорошо въ душныхъ трактирныхъ комнатахъ, пропитанныхъ пивнымъ и табачнымъ запахомъ; ему были противны неопрятная посуда и непромытое, залитое пивомъ столовое бѣлье; но онъ къ нимъ привыкъ относиться равнодушно и понималъ, что Монна можетъ предпочитать общество артистовъ и ихъ знакомыхъ совершенному одиночеству у себя дома, на холостой квартирѣ. Тамъ было все такъ мелко, такъ скучно; нужда смотрѣла изъ каждаго угла и усиленно напоминала о себѣ. Волей-неволей приходилось соблюдать желаніе труженицъ-хозяекъ и не бросать окурковъ, не плевать куда ни попало; между тѣмъ какъ въ пивныхъ и трактирахъ можно было не стѣсняться. Тамъ, за свои деньги, каждый былъ самъ себѣ хозяинъ.

За послѣднее время Виттъ чаще бывалъ у Чмитовъ, и ему

тамъ начало казаться уже не такъ противно; только его смущало, что Илова какъ будто съ нимъ непривѣтлива, неразговорчива и словно чего-то стѣсняется. Какъ-то разъ онъ спросилъ у Монны, чѣмъ бы онъ могъ навлечь на себя неудовольствіе Иловы; но получилъ въ отвѣтъ:

— А кто ихъ разбереть? Бабы всѣ таковы!

Леслава обращалась съ нимъ какъ съ добрымъ товарищемъ и какъ съ пріятнымъ жильцомъ—исправнымъ плательщикомъ, который прибавляетъ главную долю въ ихъ матеріальному благосостоянію и даетъ возможность бѣдному папѣ рассчитывать на нѣкоторый кредитъ въ магазинахъ и у ростовщиковъ.

— Счастливецъ вы, право!—говаривала не разъ Леслава: все-то вамъ доступно, чего бы вы ни пожелали. Будь я на вашемъ мѣстѣ...

— Ну, что бы вы сдѣлали?

— Да и сама не знаю!.. А только, все-таки, было бы очень, очень хорошо!—и молодая дѣвушка весело улыбнулась при одной мысли о такомъ блаженствѣ.—Впрочемъ, вотъ и теперь мы всѣ мечтали, надѣялись... Монна клялся, что все уплатитъ послѣ концерта...

— Онъ клялся, далъ слово?

— Ну, да. Папѣ хотѣлъ взять съ него росписку и научилъ мамѣ непременно просить... но Монна такъ и не далъ никакого письменнаго обязательства.

— Онъ сдержитъ свое слово.

— Конечно, но когда это будетъ? Дѣлать нечего, и мы должны ждать... какъ Илова.

— Ждать чего?

Леслава смутилась.

— Ну, чтобы выйти замужъ: всякая дѣвушка объ этомъ думаетъ; но у Иловы много терпѣнія. Я бы, право, такъ была рада!

— Чему? Счастію сестры?

— Ни-да; и счастію также. Но тогда у меня была бы своя, отдѣльная постель! Теперь лѣто,—и безъ того такая жарница! А вдвоемъ на одной постели такъ тѣсно и жарко... Знаете, есть такія патентованныя сладныя постели: вотъ, еслибъ у меня была такая—то-то было бы счастье! Илова могла бы тогда спать одна на диванѣ, и мнѣ было бы такъ чудесно!..

— Позвольте вамъ предложить пова мою комнату? Я вѣдь не пользуюсь ею.

— Но вы скоро откажетесь отъ нея, и тогда вѣдетъ кто-нибудь чужой.

— Но я отъ нея не откажусь... Прошу васъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ. Все равно: на диванѣ, такъ на диванѣ! А ваше предложеніе не годится. Вы не то, что другіе. Когда вы у насъ кушаете, мама выворачиваетъ скатерть на чистую сторону.

Виттъ иногда обѣдалъ у Чмиттовъ изъ желанія быть имъ полезнымъ; но на постоянный абонементъ у него не хватало духу. Его смущала гребенка и тому подобныя проявленія неряшливости; впрочемъ ему удалось уже настолько побороть свое отвращеніе, что, замѣтивъ эту самую гребенку гдѣ-нибудь не на мѣстѣ, онъ бралъ и пряталъ ее въ сторону, съ глазъ долой, чтобы избавить сестеръ отъ неприятностей. Жить въ своей комнатѣ онъ также не рѣшался: его дрожь пробирала при мысли, что утромъ, за стѣной, будетъ гнуть спину, чиста его сапога, сама г-жа Чмиттъ, благородная дама, — бывшая помѣщица и богачиха. Словозверженія г-на Чмитта онъ переносилъ терпѣливо, хотя они все вертѣлись на одномъ и томъ же, и снисходительно выслушивалъ его бредъ наяву.

Присмотрѣвшись поближе къ ихъ домашнему обиходу, Виттъ замѣтилъ, что въ лѣтніе мѣсяцы главною поддержкой были для семьи обѣды, и потому онъ принесъ себя въ жертву доброму дѣлу, — записался въ постоянные ихъ посѣтители, чѣмъ, видимо, доставилъ большое удовольствіе хозяйкѣ дома. Ему же самому доставляли мало удовольствія скудные, не аппетитно-приготовленные обѣды; особенно же противный запахъ и вкусъ былъ у рыбной похлебки, которая готовилась въ субботу изъ того навара, въ которомъ кипятили рыбу наканунѣ. Эта похлебка, приправленная лукомъ и рисомъ, за-разъ оскорбляла три чувства: зрѣніе, обоняніе и вкусъ. Монна брезгливо болтала ложкой въ тарелкѣ, а другіе ѣли съ той принужденной покорностью, съ какой по неволѣ переносятъ печной дымъ, отъ котораго нѣкуда дѣваться. Папа-Чмиттъ совсѣмъ не обѣдалъ дома.

Виттъ по субботамъ разрѣшилъ себѣ также не появляться за столомъ, а въ остальные дни старался мириться съ не порядками, которые онъ встрѣчалъ у Чмиттовъ. Развѣ можно было поручиться за то, что въ другихъ домахъ нѣтъ ни мятыхъ салфетокъ, ни разбросанныхъ гребенокъ, ни рыбной похлебки? Есть ли хоть одна такая семья на свѣтѣ, которая согласилась бы жить подъ стекляннымъ колпакомъ, всѣмъ людямъ на повороще, не боясь раскрыть передъ всѣми свою интимную семейную жизнь? Врядъ ли такая найдется: у всякой семьи есть свои гребенки,

которыя никому неприятно выставить напоказъ. Очевидно, никто бы не согласился, а Чмитты и тому подавно.

Поэтому Виттъ и рѣшилъ быть къ нимъ снисходительнѣе; но въ комнату свою все-таки не переѣхалъ.

Лѣто проходило; но не лѣтнее овладѣло поэтѣмъ настроеніе. Онъ самъ себя удивлялся: что за чудо, что его больше не тянуло слагать стихи? Чего ему не хватало? Ему казалось, что онъ словно состарился за послѣднее время. Юность его пропала безслѣдно, съ тѣхъ поръ, какъ онъ обжился въ Берлинѣ: ужъ не туда ли она сбѣжала, гдѣ еще ребенкомъ Виттъ бѣгалъ и рѣзвился—весной радуясь каждому подсыѣжничку, зимой—любовался, сидя у камина, цвѣтами изъ перьевъ тети-Гетти и лакомылся медомъ да домашними леденцами противъ капля?..

И ему стало грустно-грустно.

XVI.

Въ лѣтній вечеръ (продолженіе).

— Надѣюсь, ты ничего не будешь имѣть противъ того, что я пригласила на сегодняшній вечеръ нашего племянника?

— Племянника? Какого?—удивился майоръ.

— Гизела приходится намъ племянницей, а ея будущій мужъ будетъ намъ племянникомъ,—пояснила майорша.—Мнѣ хочется поспорѣе войти въ роль его тетушки, а ты научишь его варить жженку...

— Полно смѣяться, Магіе: этотъ молодой человекъ...

— Ну, да. Ну, что-жъ тутъ такого, что онъ молодой человекъ? Я еще сегодня утромъ наткнулась на него въ саду и напала безпощадно, не давая ему „ни отдыху, ни сроку“. Попрекнула его, что онъ насъ позабылъ совсѣмъ, и заставила пообѣщать, что впредь онъ будетъ послушнѣе—и въ доказательство сегодня же вечеромъ откликнется на мое приглашеніе. Погода будетъ чудесная; мы преугодно посидимъ на балконѣ. Вино я ужъ распорядилась заморозить; фрукты и орѣхи готовы...

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что Гизела полюбитъ его, какъ жениха?—перебилъ майоръ.

— Конечно, милый! И для нея долженъ же пробить часъ, когда она полюбитъ. Пока ее привлекали выѣзды и вечера, она имъ отдавалась; теперь она занялась исключительно искусствомъ; но придетъ время, когда и оно ей надобѣтъ... Вотъ я къ тому-

то времени и хочу удержатъ для нея Витта: мой зять увѣренъ, что для Гизелы не найдется лучшаго мужа.

— О, что за умная у меня жонка! Такая задача хоть бы мужичинѣ, такъ впору!

— Какъ вы любезны!..

— Постой: можетъ быть, я и любезенъ, да не очень... Допустимъ, что ты довела это дѣло до конца: они обвиняны! Берешь ли ты на себя отвѣтственность въ томъ, что они непременно будутъ счастливы?

— Позволь, голубчикъ: соединить людей брачными узами предъ лицомъ алтара—такое доброе, похвальное дѣло, что за него простятся всѣ его дурныя послѣдствія.

— Даже въ томъ случаѣ, когда одна изъ брачующихся сторонъ—никому невѣдомый стихоплетъ?

— Ты что-то имѣешь противъ него?

— Скъю замѣтить, что я не ослѣпленъ его совершенствами.

— Берегись насмѣхаться: какъ бы судьба тебя не покарала! Надъ заботливостью отца о будущемъ любимой дочери грѣшно смѣяться. Поди-ка лучше, посмотри, что тамъ дѣлають фрукты и вина!..

Когда Виттъ подходилъ къ дому майорши, сердце его усиленно билось при воспоминаніи о томъ, какъ онъ былъ радъ встрѣтиться съ нею утромъ. Онъ мысленно назвалъ ее тогда своей музою, и дѣйствительно, въ теченіе дня стихи снова просились къ нему на языкъ. Онъ не могъ устоять противъ желанія передать ихъ на бумагѣ; но, пробѣжавъ глазами разъ-другой, разорвалъ въ клочки.

Теперь, по дорогѣ туда, онъ опять припомнилъ всѣ свои строфы, но онѣ не успокаивали, а скорѣе раздражали его. Вѣжливый, почти холодный приѣмъ майора также не могъ отрадно подѣйствовать на его настроеніе; да и сама майорша чувствовала, что холодность мужа охладилла и ту привѣтливость, съ которою она готовилась встрѣтить молодого поэта. Бѣдняга чувствовалъ себя такъ неловко, что мысленно желалъ поскорѣе убраться вонъ.

Однако, мало-по-малу, разговоръ завязался.

Майоръ любилъ литературу и музыку, и любилъ ее не такъ, какъ Мольте, — единственно какъ полезное, восстанавливающее силы наслажденіе, — онъ усердно и страстно, какъ настоящій артистъ, развивалъ свое артистическое дарованіе. Работая, какъ не-дюжинный піанистъ, майоръ не упустилъ изъ вида и литературу, которую онъ считалъ интересной въ томъ смыслѣ, что въ

ней отражается духовное развитіе того народа, сыны котораго идутъ на поле брани, отстаивать права своего отечества. Онъ полагалъ, что при желаніи пробудить въ читателѣ благородство и мужество, литературное произведеніе должно непременно быть написано человѣкомъ благороднымъ и мужественнымъ; что вообще самыя лучшія свойства души человѣка можетъ живо изображать лишь тотъ, кто самъ ими владѣетъ, и что только такое литературное изображеніе желательно для грядущихъ поколѣній. Майоръ увѣрялъ, что такія чувства сильнѣе всего пробуждаются въ людяхъ, когда въ нихъ является настоятельная потребность, — на примѣръ, во время войны.

— Возьмемъ хоть литературу въ началѣ текущаго столѣтія, — говорилъ онъ. — Это было время особенно тяжкое для германскаго народа; за то повсюду только и раздавался, что призывъ къ военной доблести: благородству и мужеству! Послѣ побѣды, народъ пресытился вдоволь серебромъ и золотомъ, на нивахъ его отразились благодѣтельныя послѣдствія мира... А искусство? А литература? Чтѣ съ нею сталося?

Виттъ не нашелся, чтѣ отвѣтить.

— Литература нарядилась по-будничному и пошла доискиваться на семь свѣтѣ правды и истины. Но такъ какъ близорукость нашей молодежи растетъ съ ужасающей быстротою, то она и видитъ лишь верхи всего истиннаго и правдиваго. Если же наше физическое зрѣніе такъ недальновидно, то почему жъ намъ не страдать и нравственною близорукостью? Нынче считаютъ ложью и обманомъ то, чтѣ прежде величали поэзіей; и такимъ людямъ недоступна чистая радость, наслажденіе сіяньемъ красоты, — той вѣчной, отвлеченной красоты, которую тщетно стремится изобразить природа. Достигнуть этого можетъ только искусство, подражая дѣйствительности; а такъ какъ благовоспитанные люди не имѣютъ привычки говорить стихами, то рима и стихосложеніе кажутся вамъ чѣмъ-то неестественнымъ.

— Неестественнымъ? О, нѣтъ, вы ошибаетесь! — воскликнулъ Виттъ. — Посмотрите, прежде всего, на ребенка. Если онъ радуется, онъ прыгаетъ въ тактъ, онъ танцуетъ. Если онъ чувствуетъ глубже и сильнѣе, чѣмъ умѣетъ выразить, у него является потребность пѣть; его впечатлѣнія выливаются въ звуки. Судя по тому, что Дарвинъ считаетъ годы дѣтства и юности прообразомъ исторіи происхожденія рода человѣческаго, можно заключить, что ритмъ и звуки составляютъ природное, коренное свойство человѣка, — а изъ этихъ двухъ элементовъ и образуется пѣсня. Слова, расположенныя по требованію того или другаго

ритма (размѣра), представляютъ собой матеріальную, такъ сказать, осязательную сторону пѣсни; самый же звукъ ихъ, какъ отвлеченная красота, одухотворяетъ ее...

— А по моему, выше всего надо ставить самую мысль, которая подала поводъ къ стихотворенію, къ пѣснѣ, потому что она соединяетъ въ себѣ равно какъ земныя, такъ и возвышенныя ея стороны,—возразила майорша.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что теперь требуютъ не красоты, а натуральности въ искусствѣ,—настаивалъ на своемъ майоръ.—И не задумываются надъ тѣмъ, какое возбуждаютъ этимъ самымъ противорѣчіе. Уже десятки лѣтъ, какъ люди начинаютъ стремиться украшать свое жилище,—по мѣрѣ силъ и возможности, конечно. Богачи покупаютъ себѣ статуи и картины великихъ художниковъ и скульпторовъ; менѣе богатые приобрѣтаютъ хорошія копии,—статуи изъ цинка; рабочіе—изъ папьемашѣ или тисненой бумаги. Ими руководитъ не стремленіе къ прекрасному; не наслажденіе высшей красотой, а единственно желаніе блеснуть передъ другими, порисоваться передъ всѣми поддѣльной роскошью, за которой нѣтъ ничего прекраснаго, ничего возвышеннаго. Единственный двигатель всѣхъ стремленій, это — блескъ; ложный, дешевый, пустой, но все-таки блескъ! Блестать хотятъ всѣ и вся,—во чтѣ бы то ни стало. Такова цѣль всѣхъ новинокъ и усовершенствованій. Борьба за видное мѣсто на свѣтѣ,—борьба за наслажденіе этимъ мнимымъ блескомъ,—вотъ теперь единственная цѣль существованія, вотъ причина всеобщаго переутомленія. И это роковой, отличительный признакъ конца нашего столѣтія.

— Милый, ты слишкомъ поддаешься своему раздраженію,—обратилась къ нему ласково жена.—Видишь: нашъ гость даже не ѣсть и не пьетъ, заслушавшись всякихъ ужасовъ...—и, улыбаясь Витту, прибавила.—Мужа слишкомъ тревожитъ плохой посѣвъ, который не дастъ (да и не можетъ дать) хорошей жатвы, такъ какъ сѣятелями руководить лишь жатва наслажденій. А искусство, которое должно бы показывать имъ дорогу къ болѣе совершенному, возвышенному...

— Становится все болѣе и болѣе исключительно достоинствомъ виртуоза,—подсказалъ майоръ.

— Вотъ видите, до какой степени мы съ мужемъ во всемъ сходимся!—радостно воскликнула майорша.—Когда я стала его женою, я была очень бѣдна умственнымъ развитіемъ, и всѣмъ, чтѣ я только знаю, я обязана ему,—моему мужу! Онъ научилъ меня мыслить и понимать истинно-возвышенное и прекрасное, и

вселилъ въ меня убѣжденіе, что единое слово поэта сдѣлало больше добра, чѣмъ тотъ, кто скопиль...

— ...Или проѣлъ миллионы, — опять докончилъ за жену майоръ.

— Радость нужна душѣ, какъ жизнь, какъ воздухъ. Кто умѣетъ найти и понять прекрасное, съ тѣмъ радость неразлучна; на того человѣка жизнерадостное искусство дѣйствуетъ благотвѣтельно. Вѣдь и вы не могли бы жить, еслибъ не чувствовали радости при видѣ прекраснаго, или при мысли о немъ?

— Не могъ бы, — тихо согласился Виттъ. — Только бы намъ умѣть украсить нашу душу!..

— Правильно сказано! — подхватилъ майоръ. — Вотъ вы, художники, поэты, и дайте намъ это умѣнье, покажите намъ это драгоценнѣйшее украшеніе человѣческой души! Въ народѣ еще глубоко таятся идеалы, какъ настоящее, драгоценное сокровище Набелунговъ: отнимите ихъ у него — и народъ обѣднѣетъ, погибнетъ... какъ гибнетъ обдѣнякъ, удрученный нуждою. Я самъ старшій служака; я знаю хорошо своихъ солдатъ. Вы думаете, за что они сражались? За владѣнія, за деньги? Нѣтъ! За идеалы своего отечества шли они въ битву и не щадили жизни! И я твердо вѣрю, что идеалы моего народа не умрутъ во вѣкъ. А на то и поэзія, чтобы поддержать въ немъ священный неугасимый огонь, безъ него же жизнь немислима!

— Но это вѣдь не всякому дано, — горячо возразилъ Виттъ. — Богъ Самъ отмѣчаетъ талантъ того, кого избралъ!..

— Но всѣ мы — дѣти Господа, — вротко и мягко замѣтила майорша.

Въ комнатѣ тихій ангелъ пролетѣлъ.

Вдали и на небѣ золотистымъ румянцемъ горѣлъ вечерній закатъ. Онь прорывался сквозъ набѣгавшую дымку облаковъ и упорно боролся съ высокими столбами столичнаго дыма. Спускаясь въ сады, межъ вѣтвей раскидистыхъ деревьевъ, онъ заглядывалъ туда съ высоты; но тамъ уже ложились ночныя тѣни... Становилось тише, прохладнѣе. Птицы попрятались въ вусты, но изрѣдка спросонья что-то слабо отрывисто чиркали... и снова умолкали.

— А вѣдь кто не былъ въ такихъ уютныхъ уголкахъ, какъ нашъ, тотъ не повѣритъ, что они есть въ Берлинѣ, — замѣтила майорша.

— Берлинъ живетъ не исключительно уличной или только общественной жизнью, — проговорилъ поэтъ. — Я хотъ недавно поселился въ столицѣ, а ужъ успѣлъ убѣдиться, что въ ея закоулкахъ кроется не мало людей примѣрной жизни и возвышен-

ной, нѣжной души, которую не искалѣчили, не подавили тягости столичной жизни.

— Вы, можете быть, хотите намъ что-нибудь поразсказать?

— Да; мнѣ бы хотѣлось найти въ васъ сочувствіе... къ ней... къ нимъ... О, она, право, достойна участія! Она переноситъ свою нужду и горе веселѣе, чѣмъ иной свое богатство... а она такъ нуждается... онѣ такъ бѣдны! Ея сестра ужъ много, много лѣтъ лежитъ безъ движенія, и она нянчить ее нѣжно и заботливо, какъ мать свое дитя... Да, какъ родная мать! Доротея (ея сестра) сказала мнѣ это потихоньку, а она сама—про тѣ, какую жертву изъ любви къ ней принесла Доротея, и теперь я знаю, какъ это случилось...

— Да мы-то не знаемъ: про кого вы говорите?—перебилъ его майоръ.

— Про старушку-учительницу, фрейлейнъ Альтъ. Я хотѣлъ у нея брать уроки, но она скоро отказалась наотрѣзъ со мною заниматься. Она говоритъ, что обманывать меня она не хочетъ, а даромъ деньги брать—тотъ же обманъ. Нужда ихъ одолеваетъ, а между тѣмъ она убѣждена, что принимать милостыню значить отнимать у себя энергію и силу къ труду. „Еслибъ я умѣла обманывать,—говоритъ она,—мнѣ самой было бы лучше; но не могу я этому покориться!..“ И перебиваются онѣ съ большимъ трудомъ: уроковъ мало, а пуделя не идутъ съ рукъ...

— Скажите пожалуйста ея адресъ,—попросила майорша.

— Милостыни она не возьметъ!—горячо и поспѣшно возразилъ Виттъ. — Но кто ей доставитъ уроки, тотъ сдѣлаетъ доброе дѣло!..

— Ея сестра хромаа?

— Она вся больная, беспомощная: она не владѣетъ ничѣмъ, кромѣ рукъ, которыя тоже очень слабы. Единственное, чтд она въ состояніи дѣлать, это вязать черненькихъ пуделей—перочистки. Вотъ, посмотрите!—Виттъ вынулъ изъ кармана черненькаго пуделька съ краснымъ суконымъ язычкомъ и продолжалъ:

— Сестры всегда жили вмѣстѣ, неразлучно, послѣ смерти родителей, но Вивіана встрѣтила человѣка, котораго полюбила и который долженъ былъ на ней жениться. Онъ былъ бѣденъ, и, чтобы не стѣснять молодыхъ, Доротея (младшая) уѣхала въ Англію, зарабатывать себѣ хлѣбъ. Изъ экономіи она взяла себѣ мѣсто на пароходѣ у самаго парового котла и ѣхала прижавшись спиною къ горячей трубѣ, между тѣмъ какъ все ея тѣло оставалось незащищено отъ дождя и пронизывающаго до костей сѣвернаго вѣтра. Вернулась она къ сестрѣ хромою, безсильною, совершенно

неспособной въ труду и съ тѣхъ поръ ужъ не разставалась съ нею.

— А та—была замужемъ?

— Женихъ любилъ больше всего самого себя и не пожелалъ взять за себя невѣсту съ такой обузою, какъ лишній ротъ. Вивиана бодро перенесла этотъ ударъ судьбы и всегда „весела и довольна“, какъ она сама говоритъ. И это вѣрно.—„Для насъ выставлены въ магазинахъ чудеса моды и искусства,—пресерьезно увѣряетъ она:—мы никогда не будемъ въ состоянн ихъ купить, но намъ прнятно, что мы можемъ хоть въ окно на нихъ полюбоваться!“

— Кто это „мы“? Она сама и ея сестра?

— Нѣтъ,—это всѣ бѣдные люди. Главное ея горе—это недостатокъ покупателей, которые поддерживали бы бодрость духа въ бѣдной больной Доротей. Но пуделя вышли изъ моды, и Вивиана сама изъ своего кармана платитъ бѣдняжкѣ, чтобы не огорчать ее неудачей. Но вѣдь трудовыя деньги нужны ей на хлѣбъ и, притомъ, онѣ бываютъ далеко не всегда.

— Знаете что? Возмусь-ка я продавать этихъ собачекъ,—предложила майорша.

— Вотъ и прекрасно!—обрадовался поэтъ.—Я уже торгую ими, и чѣмъ больше надъ ними смѣются, тѣмъ я сильнѣе пристаю, пока не купятъ, чтобы отвязаться! Не можетъ же, наконецъ, фрейлейнъ Альтъ сама скупать всѣхъ пуделей Доротей!

— Смотрите, чтобы кто изъ нашихъ писателей не подхватилъ на языкъ этой исторн; и достанется же тогда вашей „старушкѣ“! — замѣтилъ майоръ. — Скажутъ, что она изъ трусости скрываетъ правду отъ сестры.

— Да она и не лжетъ: она говоритъ, что пуделей покупають... но кто—объ этомъ она вѣдь можетъ и умолчать. Впрочемъ, и въ этомъ невинномъ обманѣ не будетъ нужды, если вы возьметесь помочь. Спасибо вамъ, спасибо!

— Не за что, право, не за что,—возразила майорша.—Очень рада, если могу и впредь быть вамъ полезна. Можетъ быть, когда и пригодятся мои совѣты: вѣдь думаете же вы, рано или поздно, свить себѣ гнѣздышко? И, пожалуй, даже въ близкомъ будущемъ?

Виттъ покраснѣлъ и молчалъ подъ тихе звуки „Лунной сонаты“ Бетховена, которую игралъ майоръ за стѣною гостиной.

— Я съ удовольствнемъ замолвила бы за васъ слово,—продолжала участливо майорша:—разрѣшите ли вы мнѣ сказать вамъ

прямо, если я узнаю, что кто-то васъ полюбилъ больше всего на свѣтѣ?

— О, вы мнѣ принесете счастье!..

— Лѣто промелькнетъ незамѣтно, — перебила она. — Зимой мы возведемъ свое зданіе... а съ весной вернутся въ него перелетныя пташки...

На балконѣ умолкъ тихій говоръ, а въ воздухѣ неслись и замирали въ ночной, ароматной безлунной мглѣ то нѣжные, то бурные звуки „Лунной“ сонаты.

XVII.

Сомнѣнія и невожданной горѣ.

— Ну, чего ты повадился цѣлыми ворохами приносить мнѣ пѣсни? — ворчалъ на своего друга Монна. — Ужъ не воображаешь ли ты, что я долженъ размѣняться на мелкую монету, а оперу забросить?

— Я еще не нашелъ матеріаловъ...

— Милый другъ! Еслибы ты работалъ такъ же усердно, какъ я, и твоя работа пошла бы успѣшно, а меня не постигло бы горькое разочарованіе.

— Но вѣдь я тебѣ предлагалъ не разъ и не одну, а нѣсколько тѣмъ: ты все забраковалъ.

— Еще бы! Ты знать не хочешь требованій, которыя предъявляетъ публика и время! Ты все гоняешься за идеалами, а публикѣ подавай ноги... Слышишь ли: ноги! Глубокомысленный смыслъ ей не нуженъ: былъ бы балетъ, да позабористѣе... вотъ что! Мой вальсъ какъ-разъ годится въ прекрасный „*pas de séduction*“. Можно его варьировать позффективнѣе... вставить тѣму для однихъ гобоевъ или низкихъ флейтъ...

— Бомсь, что никогда мнѣ не удастся угодить тебѣ, — перебилъ его Виттъ.

— Лучше скажи ужъ прямо, что не хочешь!

— Нѣтъ, я сдержу свое слово. Ты просто-на-просто не въ своей тарелкѣ. А я никогда... никогда не измѣнялъ данному слову!..

— Пожалуйста, не такъ трагично! Лѣто уходитъ безъ всякаго толку; съ уроками у меня тихо...

— Я всегда лѣтомъ уѣзжалъ для поправленія здоровья. Въ этомъ году я отказался отъ этого, ради тебя...

— Ты, кажется, по доброй волѣ, самъ предложилъ мнѣ эти деньги?

— Я о нихъ и не думалъ! — поспѣшно перебилъ поэтъ. — Пожалуйста, забудемъ объ этомъ!

— Ну, хорошо. А вотъ что, послушай: на дняхъ мы собираемся цѣлой компаніей за-городъ, погулять. Ѣдутъ всѣ Чмитты: — старики, обѣ дочки и я. Ѣдемъ-ка вмѣстѣ!

— Я лучше посижу въ дома...

— Ерунда! Нечего тебѣ киснуть. Да и барышень надо же позабавить. Развѣ ты не замѣтилъ, какъ онѣ тебя любятъ? Особенно старшая... Илова. И красота же она: такъ и просится на картину! Будь я вполнѣ обезнеченъ, какъ ты, я бы хотѣ сейчасъ съ нею подѣ вѣнцы!.. Я не знаю другой, которая такъ бы тебѣ была подѣ парю, какъ Илова...

— Но она всегда застѣнчива и молчалива со мной...

— Чего жъ яснѣе?.. Она такого склада, что, какъ нарочно, создана быть женой поэта.

— Ты, кажется, смѣешься?

— Что жъ тутъ такого? — окончательно разсмѣялся Монна, видя, что Виттъ смутился не на шутку. — Ужъ я-то меньше, чѣмъ кто-либо другой, гожусь въ свахи и совѣтчицы. Итакъ, рѣшено: Ѣдемъ всѣ вмѣстѣ?

И Виттъ согласился.

„Ага, — киваетъ! — злорадно думалъ Монна, уходя отъ Витта. — Чмитту, вѣроятно, будетъ безразлично, кто будетъ его ватемъ: я или онъ? А сама Илова?.. Илова, если вого любить, такъ ужъ, конечно, не меня. Она любитъ другого, и этотъ другой — Виттъ, какъ она ни скрываетъ. Надо ему вбить это въ голову... да покрѣпче! И тогда... тогда я —вольная птица!..“

Поэтъ рассказывался, между тѣмъ, что обѣщалъ участвовать въ прогулкѣ. Онъ ужъ давно замѣтилъ, что Илова къ нему перемѣнилась, но ему и въ умъ не входило, что это могло значить? Онъ признавался самъ себѣ, что молодая дѣвушка нравилась ему, но онъ не подавалъ ей повода заблуждаться насчетъ его чувствъ, а мысли всѣ его принадлежали одной только Гизелѣ, — особенно съ тѣхъ поръ, какъ маюрша намекнула ему на это. Какъ Илова, такъ и онъ самъ, были просто добрыми знакомыми, но не больше.

Или Монна только надъ нимъ посмѣялся? Онъ вѣдь привыкъ пересыпать правду обманчивыми шутками. Конечно, Илова очень красива...

Виттъ написалъ ему, что раздумалъ участвовать въ прогулкѣ, и засѣлъ за работу. Но чѣмъ больше онъ старался, тѣмъ меньше

было толку. Что онъ находилъ прекраснымъ, то „никуда не годилось“, по мнѣнію Монны. Онъ хотѣлъ дать оперѣ душу, а Монна—ноги. Онъ хотѣлъ оживить ее чувствами радости и горя, а Монна—смѣхомъ. Если же онъ пересиливалъ себя и писалъ по наущенію Монны что-нибудь легкое, ему начинало казаться, что образъ майорши въ гнѣвѣ отворачивался отъ него, и онъ, своими мысленными очами, умолялъ ее не покидать его... умолялъ, какъ святую! Сердце его выло и наполнялось тоской.

Въ такихъ случаяхъ единственнымъ его прибѣжищемъ были сестры Альты. Входя къ нимъ въ чистую, уютную комнату, гдѣ обыкновенно лежала больная, онъ сразу чувствовалъ себя въ той памятной и дорогой ему обстановкѣ, съ которой связаны были милые образы тети-Гетти и тети-Амалии.

Вивіана старалась, чтобы всегда у Доротей были цвѣты,—то въ букетѣ, то въ горшкѣ. Тогда она ставила ихъ къ самой кровати и говорила шутливо:

— Ну, вотъ ты и въ саду!—И бѣдная больная чистосердечно любовалась свѣжими зелеными листочками, гибкими стеблями и пышными цвѣтами.

— Боже! Какъ много на свѣтѣ прекраснаго, чего я не замѣчала прежде, когда была на ногахъ! Какъ дивно хороши гѣса и горы, рѣки и моря и каждая звѣзда на темно-синемъ небѣ! Что же должно быть тамъ, если нашу землю, одну лишь изъ своихъ безчисленныхъ планетъ, Господь Богъ такъ щедро украсилъ?.. И хочется туда, и жутко... жутко!..

— Ты меня разлюбила, Дора, если собираешься меня оставить!..

— Богъ насъ не разлучитъ, пока Ему угодно. На то Онъ далъ намъ одну мать и одного отца, чтобы мы сильнѣе любили другъ друга...

Виттъ приходилъ иногда, когда Вивіаны не было дома. Сестры научили его особому, франмасонскому стуку въ дверь, по которому Доротей распознавала, что идетъ *свой человекъ*, и отворяла ему дверь, дергая за шнурокъ, проведенный прямо къ ея кровати,

Когда онъ пришелъ въ первый разъ, онъ засталъ сестеръ за завтракомъ. Старшая вернулась домой безъ денегъ, но зато съ чайной булкой, которую ей любезно дала мать одной изъ ея ученицъ; совсѣмъ хорошая была булка, только въ ней... дрожжей не хватало. Что за бѣда! И безъ дрожжей она недурна, хоть гѣсто и плотно немного...

— Я вамъ не предлагаю. Вамъ можетъ не понравиться такое

печенье,—замѣтила Вивіана:—а мнѣ самой все равно: голодомъ съѣсть не будешь.

— Мнѣ также все равно,—подтвердила сестра.

— Ну, однако, это можетъ быть вредно для желудка,—рѣшительно проговорилъ Виттъ и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, нагруженный съѣстными припасами.

Сестры, не ломаясь, принялись кушать и весело болтали. Уроки музыки, однако, скоро прекратились.

— Всякая музыка хороша, если ее исполняютъ хорошо,—сказала однажды фрейлейнъ Альтъ.—Но сколько муки долженъ каждый претерпѣть, пока выучить хотя бы самый простой вальсъ C-dur! Право, вамъ лучше бросить: вы толку не добьетесь!

Виттъ пересталъ брать уроки, но не пересталъ бывать, тѣмъ болѣе, что у него было дѣло: торговля перочистками, барыши съ которой онъ любилъ самъ приносить Доротеѣ. Съ пустыми руками онъ никогда не являлся: то принесетъ фруктовъ, то цвѣтовъ, то книгу, то просто какое-нибудь лакомство. И сестры не противились этому: онѣ понимали, что отказъ больно отзовется у него на душѣ.

Послѣ уроковъ, въ видѣ отдыха, Вивіана играла Баха: „Wohltemperirtes Klavier“, и увѣряла, что ничто такъ не успокоиваетъ нервы.

Слушая серьезное, церковно-вдохновенное сочетаніе звуковъ, которые фрейлейнъ Альтъ такъ и называла „Божьей музыкой“, Виттъ сравнивалъ ее съ требованіями Монны, и съ грустью убѣждался, что они не понимаютъ другъ друга.

Однажды Монна буйвально ворвался въ Витту.

— Ну, что жъ ты? Ѣдемъ! Живѣй! Всѣ уже въ сборѣ. Я тебя увожу. По этой жарницѣ въ городѣ можно совсѣмъ задохнуться!.. А знаешь, я вѣдь положилъ на музыку твою: „Погляди жизнь!“ и Роббе—чортъ знаетъ, что у него тамъ вышло съ опернымъ начальствомъ!—въ пику имъ, хочеть спѣть мой романсъ въ моемъ слѣдующемъ концертѣ. Я увѣренъ въ успѣхѣ. Ну, живо, одѣвайся!.. Безъ разговоровъ... маршъ! А я здѣсь покопаюсь, всего, конечно, не возьму, а вотъ... вотъ эту пѣсенку позволишь взять?

— Бери все, что понравится: всѣ мои пѣсни—твое достояніе!—откликнулся поэтъ изъ-за стѣнки спальни.

— Благодарю: я выбралъ! Да ну же, шевелись: васъ ждутъ на Фридрихштрассе... И вотъ еще что (продолжалъ онъ уже до-

рогой): сдѣлаемъ барышнямъ сюрпризъ: онѣ не набалованы и будутъ рады какъ дѣти! Я зайду за бенгальскими огнями, а ты пойдѣ купи какихъ-нибудь гостинцевъ, гдѣ они получше. На случай, еслибы мы разошлись, вотъ, на тебѣ билетъ: онъ прямо до Вестенда.

Когда Виттъ, ужъ запасшись разными сластями, подошелъ къ стаяціи на Фридрихштрассе, онъ изво всей семьи нашелъ только Илову.

— А гдѣ же остальные?

— Папа, мама и Леслава поѣхали впередъ,—папа жаловался на духоту,—а Монна еще сначала зайдетъ на урокъ и потомъ догонитъ насъ, поповже,—отвѣтила Илова.

— Онъ мнѣ ничего не сказалъ.

— Еще бы! Ему и такъ ужъ надоѣло выражать свою досаду на эту помѣху. А, вотъ и нашъ поѣздъ! видите надпись: *Вестендъ*? Туда-то намъ и надо!—и они мигомъ очутились въ вагонѣ.

— Какое голубое небо!—восхищалась Илова.

— Даже слишкомъ голубое: это передъ грозой,—возразилъ Виттъ.

— Какія деревья! Зеленныя, свѣжія! Не то, что у насъ на дворѣ, словно въ чахоткѣ: длинныя, тощія! И зелень на нихъ какая-то чахлая,—болтала молодая дѣвушка и весело лакомилась фруктовыми леденцами, хвалила, что они „кисленькіе“...

Между разговоромъ, однако, имъ случалось и умолкать, но все-таки они и не замѣтили, какъ доѣхали до мѣста, т.-е. до Шарлоттенбурга. Отъ Шарлоттенбурга нашимъ путникамъ пришлось идти по шоссе къ Вестенду. Небо заволочло, пробѣгалъ легкій вѣтерокъ.

— Не переждать ли намъ грозу въ Шпандау?—предложили Виттъ.—Тамъ, встати, въ гостинницѣ чудное пиво.

— Нѣтъ, нѣтъ! Лучше пойдѣмъ впередъ. Папа будетъ безпоковаться!

Но не успѣли они войти въ лѣсъ, какъ сверкнула молнія... Разъ, другой... Гулко прокатился надъ зеленой чащей первый ударъ грома, и дождь полилъ вдругъ какъ изъ ведра.

Илова бѣгомъ бросилась подъ защиту густого бука и обѣими руками, за спиной, обхватила его могучій стволъ

— Нельзя, нельзя подъ деревомъ! Молніей убьетъ!—кричалъ ей Виттъ, но она и слушать не хотѣла.

— Здѣсь совсѣмъ сухо!—былъ упрямый отвѣтъ, и молодая дѣвушка еще ярѣе прижалась къ гостепріимному стволу.

Буря гнула деревья такъ, что они трещали, вѣтки ломались и съ шумомъ летѣли на землю. Въ лѣсу стало темно, какъ ночью. Громъ и молнія не прерывались. Илова стояла неподвижно.

— Да вы съума сошли!—воскликнулъ Виттъ и хотѣлъ силой оторвать ее отъ дерева, къ которому она словно приросла. Его усилія были напрасны, и онъ сталъ рядомъ съ нею, чтобъ ее защитить. Молнія освѣщала блѣдное, словно точеное лицо Иловы, и ея темные глаза, въ которыхъ отражалась смѣлая рѣшимость умереть. Блаженная улыбка играла у нея на губахъ, и словно безуміемъ вѣяло отъ ея позы и взгляда.

Громъ умчался впередъ; за нимъ слѣдомъ унеслась злобѣщая темнота; ее смѣнила быстро рѣдѣвшая полутьма.

Илова разжала руки, голова ея печально опустилась на грудь. Только теперь замѣтила она, что ее мочить дождь, и раскрыла свой маленькій зонтикъ, стараясь держать его надъ собой и надъ Виттомъ. Дождевыя капли, мѣрно выбивая какую-то однообразную мелодію, падали на листья, которые, дрожа, опускались подъ ихъ тяжестью и вновь подымались.

Смерть прошла мимо, пощадивъ Илову; но Виттъ зналъ, почему она искала смерти,—зналъ теперь навѣрное, что она не любить Монну. Да, она любитъ его, Витта, а онъ, взамѣнъ, почувствовалъ ей только въ стихахъ, какъ и всякой другой, мимоходомъ... Еслибъ Монна самъ ничего ему не сказалъ, онъ и то могъ бы теперь догадаться, что она готова отдаться ему, принести ему этотъ царственный даръ—свою красоту!

Да, именно царственный!.. Она, какъ царица, величественная, стройная, стояла передъ нимъ во всей своей дѣвственной, пышной прелести. Ея промокшее платье обвисло и плотно, мокрыми складками облегло ея грудь и плечи, не скрывая ихъ идеально-прекрасныхъ очертаній. Бѣдненькое, неуклюжее платье превратилось теперь въ роскошный нарядъ царицы боговъ, вѣчно прекрасной и юной... Неужели этой красѣ доставаться огню и... смерти? Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать!

„Не надо Гизелы, не надо ничего и никого! Я люблю ее, ее одну!“ всей душой восклицалъ поэтъ и обвивалъ рукою станъ Иловы.

— Люблю тебя!.. Люблю!..—чуть слышно, блѣднѣя отъ волненія, шепталъ онъ, и молодая дѣвушка не отталкивала его, не противилась его поцѣлуямъ, но безжизненно, тяжело опиралась на его руки ея стройное тѣло.

— Илова, дорогая! Чтѣ ты? Чтѣ съ тобою?

Медленно, словно сейчас очнувшись, выпрямилась она и, как въ бреду, прошептала:

— Ты меня любишь? Нѣтъ, нѣтъ, неправда! Не можетъ быть!

— Илова, посмотри, очнись! Вѣдь это я, и я люблю тебя!— умолялъ Виттъ и хотѣлъ ее обнять, но Илова стояла неподвижно.

— Да это сонъ... Конечно, сонъ! Иначе быть не можетъ!.. Нѣтъ! это наяву: я вся измокла... шель дождь. Это я, наяву... а это... Это ты!.. Ты!—и она опустилась передъ нимъ на колѣни.

Виттъ бросился ее поднять.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо, не хочу! Не можешь ты, *не смѣешь* ты меня любить! Вѣдь Монна... Монна меня любить...

— Что? Монна?..

— Я его... незаконная жена!—какъ стонъ, вырвалось у нея, и она закрыла лицо руками.

Въ груди Витта заклокотало. Въ глазахъ заходили черные круги... Ему казалось, что онъ шатается и вотъ-вотъ упадетъ. Вдругъ рѣзкая, колючая боль привела его въ себя.

„Я умираю!..“ подумалъ онъ; грудь его заняла и къ губамъ поднялась теплая струйка крови.

Илова ничего не замѣтила: она на него не смотрѣла. Виттъ увидалъ кровь на платкѣ и испугался, но затѣмъ тотчасъ же усмѣхнулся.

„Пустяки! Легкая рана въ борьбѣ за жизнь! Посмотримъ, счумѣю ли я отнестись къ ней какъ мужчина?“

— Простите!—обратился онъ спокойно къ Иловѣ.—Простите, что я такъ... увлекся! Можете вы... забыть?—и протянулъ ей руку.

Они пошли вдоль по дорогѣ, рядомъ.

— Забыть?—повторила молодая дѣвушка:—Забить нельзя, промолчать можно. Молчанье—ложь: онъ меня научилъ... *молчать!*

Виттъ схватился за грудь.

— Что съ вами?—тревожно спросила Илова.

— Нѣтъ, ничего! Только, пожалуйста, пойдемте не такъ скоро!.. Вы ничего не скажете ему? Я вѣдь не зналъ...

— Вы тутъ не виноваты: мы уже нѣсколько лѣтъ, какъ лжемъ! Вы только пошутили? Да? Вѣдь это шутка?—Она силилась улыбнуться, но не могла, и только сдвоенный, тревожный вопль вырвался съ ея блѣдныхъ губъ.

— Вы такъ прекрасны! Вы не могли же быть... совсѣмъ безгрѣшны!

— А платье-то мое!—перебила Илова.—Что скажетъ мама? Опять придется отдавать его въ стирку!..

— Да, ужъ навѣрное, — согласился Виттъ.

Въ Пихельсбергѣ, куда всѣ уже собрались, папа-Чмйттъ встрѣтилъ ихъ восторженными похвалами красивой мѣстности, но, по обыкновенію, прибавилъ, что „въ Польшѣ, все-таки, куда лучше“!

— Шампанскаго!.. Есть у васъ шампанское? — потребовалъ Виттъ, на чтѣ и получилъ обидчивый отвѣтъ трактирщика:

— Есть, и даже побольше, чѣмъ вы въ состояніи купить! — но, все-таки, поспѣшилъ принести требуемое.

На обратномъ пути всѣ были веселы, особенно Леслава, которая не привыкла пить и хохотала громко, какъ захмѣлѣвшій ребенокъ.

— Леслава! Ты, кажется, съума сошла? — останавливала ее сестра, но она не унималась.

— Знаете, *изъ поэтъ*, — болтала она: — Илова думаетъ, что я дура, а я все прекрасно понимаю! Какъ Монна-то поднадулъ васъ съ этой комнаткой? — Леслава расхохоталась во все горло.

Виттъ промолчалъ и только прижималъ платокъ къ губамъ.

Въ Шпандау, изъ окна встрѣчнаго поѣзда, майоръ, майорша и фрейлейнъ Ридеръ замѣтили и узнали веселую компанію, — зоркая Ридеръ, конечно, прежде всѣхъ.

— Смотрите, смотрите! — вскричала она: — вѣдь это Виттъ, и въ какомъ обществѣ! О, это не новость: онъ одной шволы съ Монной, Роббе и К^о. Жаль, что онъ не достигъ лучшей цѣли... А какъ хороша особа, которую онъ ведетъ подъ руку! Она совсѣмъ пьяна, и онъ тоже; его, видно, ужасно душишь!

— Вотъ тебѣ и поэтъ! — замѣтилъ майоръ, обращаясь къ женѣ. — И часто вы его видали въ такомъ видѣ? — спросилъ онъ Ридеръ.

— Лучше не говорить объ этомъ, — былъ скромный отвѣтъ. — Молодежь всегда была, есть и будетъ молодежью! Но, все-таки, къ чему такъ, очертя голову, бросаться въ омутъ?.. Надѣюсь, вы теперь сами убѣдились? — закончила она по адресу майорши.

Но та сидѣла молча и, глубоко задумавшись, ощипывала лепестки самой пышной розы изъ своего букета.

XVIII.

Опять зима и холоды!

Въ тотъ вечеръ, когда онъ вернулся съ прогулки, Виттъ долженъ былъ прямо пробѣжать въ больницу, куда и отвезъ его Монна, какъ вѣрный другъ и товарищъ.

„Друзя!.. Товарища!—горько размышлялъ Виттъ дорогой.— Ты любилъ его, какъ родного брата, а онъ... что онъ съ тобой сдѣлалъ? О, Монна! Монна!..“

Душевныхъ силъ въ немъ еще было слишкомъ много, чтобы эта нравственная пытка могла его свалить, но, все-таки, она замедлила выздоровленіе. Все, все, малѣйшую подробность своего знакомства съ Монной вспоминалъ онъ теперь,—каждый жестъ, каждое его слово. И во всемъ, во всемъ оставалось лишь разочарованье! О Гизелѣ онъ мало думалъ. Ея образъ поблѣднѣлъ предъ его умственными очами: его заслонила красота Иловы... но и она—обманъ! Она принадлежит Моннѣ... Моннѣ!..

Сердце сжималось, грудь болѣла... и Витту опять становилось хуже.

Доктора ревниво оберегали его: не пускали къ нему никого, не давали газетъ... Онъ не зналъ, что Термены вернулись, что у нихъ будетъ большой концертъ съ цѣлю прославить выдающееся дарованіе Гизелы, что газета „Время“ уже кричитъ о ней во всю мочь и, наконецъ, что самъ Термень сталъ негласнымъ, но самымъ главнымъ ея собственникомъ, въ видахъ какъ политическихъ, такъ и финансовыхъ интересовъ. Въ газетные порядки впуталась г-жа Термень и, благодаря несогласію взглядовъ, завѣдующій музыкальнымъ отдѣломъ вышелъ изъ состава редакціи. Его временно замѣнилъ Монна, который усердно работалъ и находилъ еще время неутомимо разучивать съ Гизелой ея концертные нумера, особенно же свой вальсъ. Онъ почти ежедневно бывалъ у Терменовъ и обращался съ нею не какъ съ молодой хозяйкой богатаго дома, а какъ съ артисткой. Имя Витта не произносилось съ тѣхъ поръ, какъ Ридеръ рассказала про свою встрѣчу на станціи и многозначительно пояснила, что онъ „бросился въ омутъ“. Гизела стала привѣтливѣе относиться къ Моннѣ, и послѣднему весьма кстати вспоминалось изреченіе, что „лукавые—властвуютъ надъ міромъ“. Ему нравилась прекрасная обстановка богатаго дома, нравилось отсутствіе валяющихся гребеневъ, мутной похлебки, замазанной г-жи Чмиттъ, бренчащаго рояля и угрюмой, молчаливой Иловы, которая стала еще угрюмѣе и молчаливѣе и которую онъ возненавидѣлъ; наконецъ, полное отсутствіе бѣдности и нужды... нужды!

Здѣсь же, наоборотъ, вокругъ и около все были деньги, деньги, деньги!

Итакъ, Гизела разучивала вальсъ Монны. Онъ ей аккомпанировалъ на чудномъ, сладкозвучномъ блютнерѣ.

— Какъ дивно-хорошо! Волшебно!—говорила Гизела.—Какъ

вы милы, что посвятили мнѣ этотъ прелестный вальсъ, и что я первая его спюю! О, какъ я счастлива!

Монна взяла ее за руку; она не выказала сопротивленія.

— „День-ги! День-ги!“ — усиленно стучала кровь у него въ головѣ.

— Гизела! — прошепталъ онъ. — Гизела! Я васъ люблю!

Она хотѣла вырваться, бѣжать, но онъ желѣзными руками обнялъ ее и притянулъ къ себѣ на колѣни.

— Ты меня любишь... любишь... Да! Ты моя, моя! Ну, поцѣлуй хоть разъ! — Она послушно протянула губы, не въ силахъ бороться противъ его воли. Онъ долго, долго цѣловалъ, а она обвивала ему шею руками.

— Вѣдь ты моя?.. Моя на вѣкъ? — тихо допытывался онъ, и получилъ въ отвѣтъ:

— На вѣкъ... На вѣкъ!

И Гизела сама его цѣловала.

Для г-жи Терменъ не особенно было пріятно узнать отъ дочери, что она полюбила, — безумно полюбила! — Монну, и что безъ него для нея нѣтъ счастья на свѣтѣ. Пробовала она отговорить Гизелу, какъ отговорила ее отъ „поэта“; но Гизела стояла на своемъ. Артистъ сумѣлъ понравиться сильнѣе. Надежды на вліяніе отца также погибли, потому что съ его стороны не встрѣтилось ожидаемаго сопротивленія.

— Ты дѣйствительно его любишь? — только и спросилъ Терменъ.

— Я хочу, чтобы онъ былъ моимъ мужемъ!

— Но вѣдь и безъ него ты жила счастливо и спокойно?

— Счастливо и спокойно? — съ презрительной гримасой возразила Гизела. — Это была не жизнь, а мука и тоска! Возьмите всѣ ваши подарки, все, что у меня есть, дайте мнѣ только... быть его женою!..

— Дитя! Что съ тобой сдѣлалось? Откуда это? — ужасалась мать.

— Почему я знаю? Знаю только, что люблю его, люблю!! Жизнь безъ него мнѣ не нужна: разлучите вы насъ... я... покончу съ собой... Но я жить хочу, жить... вмѣстѣ съ нимъ!

— Однако, дитя, погоди! Вамъ не для чего торопиться: сначала узнайте другъ друга хорошенько, и мы съ своей стороны разузнаемъ подробнѣе о его прошломъ...

— Какъ же вы его раньше принимали, если не довѣряете

его прошлому? Будь онъ разбойникъ, убійца,—я и то отъ него не откажусь!

— Гизела! Побойся Бога!..

— Папочка! Папочка милый, любимый!—залепетала вдругъ дѣвушка нѣжно и ласково, какъ дитя, прижимаясь къ отцу, обнимая, поглаживая его по щекамъ. — Вѣдь ты любишь, жалѣешь свою Гизелу? Если Монна такъ бѣденъ, такъ у тебя хватитъ на насъ обоихъ! Ну, согласишься же, голубчикъ, хорошій!

— Ахъ ты, дитя, дитя! — задумчиво и умиленно вырвалось у отца. — Вѣдь за тебя же я тревожусь; тебѣ добра желаю! Были у меня нныя мечты, но, видно, имъ ужъ не сбыться! Прочь мечты, прочь безпечная жизнь и воздушные замки! Не надо ихъ; не надо и пѣсенъ... надо только денегъ, денегъ... и побольше, побольше! Пусть будетъ по твоему: для тебя, для твоего счастья я снова примусь за работу, усерднѣе прежняго буду еще и еще наживать денегъ. Лишь бы тебѣ жилось хорошо, беззаботно!

— Ахъ ты мой милый, милый папá!..—восторгалась Гизела.

Вскорѣ состоялся и концертъ Монны, который не преминулъ послать Витту даровые билеты, съ припиской, что Роббе исполнить его любимую пѣсню: „Погибла жизнь!“

Виттъ хотя и былъ еще не очень вѣрнопъкъ на ногахъ, но все-таки попросилъ фрейлейнъ Альтъ ему сопутствовать, и сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ, когда первымъ номеромъ вышелъ на эстраду Монна. Публика приняла его равнодушиѣе прежняго: все любопытство было направлено на Гизелу, о которой такъ много писали въ газетахъ.

— Вамъ холодно? — заботливо спросила Вивiana, замѣтивъ, что Виттъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, ничего... но мои пѣсни...—пролепеталъ онъ грустно. Но не пѣсни, а самый видъ Монны взволновалъ его и огорчилъ.

На эстрадѣ появился ассессоръ.

Его обуяло горделивое сознание, что на него, яко бы, обратила вниманіе оперная дирекція: онъ пѣлъ съ апломбомъ, и съ апломбомъ рѣзко выступали его недостатки, тѣмъ болѣе, что онъ дрожалъ отъ страха, блѣднѣлъ какъ мертвецъ и... и, все-таки, силился храбриться.

Фрейлейнъ Ридеръ не спускала съ него злораднаго взора. Публика ни однимъ хлопкомъ не поддержала его: и стихи, и музыка, не произвели впечатлѣнія, чему помѣшали также программы, отпечатанныя такъ, что въ концу перваго романса надо было спѣшить перевернуть страницу. Въ залѣ, набитой битвомъ, слышался только шелестъ бумаги. Это видимо охладило артисти-

чекій пылъ ассессора, и слѣдующій номеръ: „Искаріотъ“, онъ спѣлъ еще менѣе удачно. И слова не понравились публикѣ: бѣд- няга поэтъ, ради хлѣба насущнаго, вынужденъ воспѣвать не то, къ чему у него сердце лежитъ, а то, чему онъ не можетъ со- чувствовать.

Возвышенное и прекрасное—скучно. Болтай веселѣй и без- печнѣй!

Къ тому вынуждаетъ нужда...
Голодъ къ тому вынуждаетъ!..

закончилъ пѣвецъ, и въ публикѣ пронесся ропотъ недовольства: и въ самомъ дѣлѣ, романсъ былъ прескучный! То ли дѣло что-нибудь повеселѣе!.. Друзья попробовали поддержать пѣвца, но раздалась свистки, вышло еще хуже.

Виттъ глубоко вздохнулъ: пѣсни его провалились!

— Ну, да и музыка же!—волновалась фрейлейнъ Альтъ.— Просто отвращенье! Узнать нельзя стиховъ. Они такъ хороши, осмысленны, а музыка!.. Она къ нимъ не подходитъ, она ихъ изуродовала, искалѣчила! И то ужъ слава Богу, что ваще имя не стоитъ: хоть за себя не стыдно! Это еще большое счастье!

— Да, мое счастье!.. — тихо про себя шепталъ Виттъ.

Пѣсни его никуда не годились: въ этомъ онъ самъ теперь убѣдился...

Въ антрактѣ стоялъ хаосъ невообразимый, а надъ нимъ ца- рила г-жа Терменъ: ее всѣ обступили, поздравляли...

Антрактъ прошелъ. Появилась Гизела въ роскошномъ бѣломъ платьѣ, въ брилліантахъ. Взрывъ рукоплесканій, цѣлый дождь вѣнковъ и цвѣтовъ привѣтствовалъ ее. Старый, всѣми уважаемый музыкальный критикъ всталъ и ушелъ изъ залы.

Гизела запѣла итальянскую арію—неумѣло и фальшиво. Пуб- лика все-таки гремѣла аплодисментами. Затѣмъ Гизела спѣла французскую пѣсенку и, наконецъ, вальсъ Монны.

Виттъ прислушался къ словамъ,—они были ему знакомы,— и едва узналъ свои стихи. Боже мой! какъ ихъ искалѣчилъ Монна!..

Вальсъ тоже звучалъ грубо, безобразно. Публика рукоплескала!

— Нѣтъ, это первый и послѣдній разъ! Первый и послѣдній разъ!—повторялъ самъ себѣ Терменъ. Но еще обиднѣе, большѣе отозвались на его самолюбіи газетные отчеты: кромѣ газеты „Время“ всѣ единогласно порицали стремленіе „всякой бездар- ности кривляться на эстрадѣ и унижать, позорить чистое искусство своимъ вторженіемъ въ его предѣлы!..“ и т. д. въ томъ же духѣ. „Время“ хвалило исполненіе артистовъ, но съ

оговоркой, что „музыкантъ и композиторъ можетъ и ошибиться въ выборѣ подходящаго текста, за содержаніе котораго онъ не можетъ быть отвѣтственъ...“

Гельмъ вырѣзавъ эту замѣтку и отославъ ее Витту съ призываніемъ: „извѣстно ли ему, что съ нѣкоторыхъ поръ Монна — сотрудникъ „Времени“ и самъ пишетъ о себѣ отзывы?“

— Мнѣ все равно, — замѣтилъ Виттъ: — весной, какъ только я окрѣпну, уѣду далеко отсюда, въ Италію... на югъ! Тамъ я совсѣмъ поправлюсь.

Всю свою завѣтную папку онъ опустошилъ и сжегъ свои стихи.

— Старикъ былъ правъ: все это — грубые молоссы! Это бессмыслица... ничтожество... бездарность!

Всѣмъ стало извѣстно, что Монна — сотрудникъ „Времени“, и всѣ стали его бояться. Термень имѣлъ съ нимъ рѣшительное объясненіе и повліялъ на то, чтобы его будущій зять оставилъ занятіе искусствомъ, и исключительно посвятилъ себя газетному труду, который долженъ былъ служить лишь средствомъ въ добыванію денегъ.

— У васъ есть, конечно, долги? — спросилъ Термень.

— Да, есть кой-какіе, — былъ отвѣтъ.

— Пожалуйста, подведите имъ общій итогъ и сообщите мнѣ на дняхъ: я заплачу! Надо, чтобы они не касались вашего гонорара!

На слѣдующій же день Монна пошелъ въ Чмитту. Тотъ, противу обыкновенія, былъ дома и сидѣлъ повѣся носъ.

— Чтѣ съ вами? Ваши польскія наслѣдія...

— Тутъ уже не до нихъ! — махнулъ рукой отецъ семейства. — Намъ надо выѣзжать отсюда, — домъ будутъ весь ломать; а куда мы пойдѣмъ? Еще роаяль этотъ тащи, хоть на своей спицѣ!..

— Послушайте! Я вамъ могу помочь, — началъ музыкантъ сначала довольно смущенно, а затѣмъ почти дерзко: — если вы согласитесь, мнѣ... я... Мнѣ предстоитъ богатая партія... очень богатая!

— А Илова?!

— Въ томъ-то и дѣло! Папа-Чмиттъ, я предлагаю вамъ въ видѣ удовлетворенія восемь тысячъ марокъ...

— Нѣтъ! Ни за чтѣ на свѣтѣ!

— Ну, тогда десять?

— Дешево цѣните вы мою Илову!

— Ни гроша больше, я уже сказалъ!

— О, я васъ попрошу въ газетахъ! Я вамъ испорчу карьеру...

— Потише, прошу васъ! Не очень-то вы до меня доберетесь: я самъ пишу въ газетахъ, какъ сотрудникъ... Ну, что же, по рукамъ? Последній разъ вамъ предлагаю: десять тысячъ, — и больше ни гроша!

Стефанъ Чмиттъ ударилъ по рукамъ, но съ оговоркой:

— Но чтѣ скажетъ Илова, мое дитя, моя гордость!

Дверь тихо отворилась, и вышла Илова.

— Я все слышала, — беззвучно пролепетали ея блѣдныя губы. — Я все подслушала! Ты правъ, папа: бери деньги; онѣ вамъ пригодятся, чтобы избавиться отъ нужды. Слава Богу, что я съ нимъ развязалась! Онъ меня не любитъ; онъ любитъ только... самого себя! — и, бросивъ на Монну взглядъ, полный презрѣнія, она ушла съ тѣмъ же грустнымъ выраженіемъ на лицѣ, какъ и пришла.

Монна, очутившись на свободѣ, усердно занялся работами въ газетѣ: ему это было по вкусу, такъ какъ онъ могъ теперь показать свою власть на ряду съ тѣми (и даже надъ тѣми), передъ кѣмъ онъ еще такъ недавно трепеталъ. Фрейлейнъ Ридеръ продолжала ставить свои статейки, какъ продолжала угрожать Петролеуму, что она ему „задастъ“! А этотъ дрянъ-мальчишка всакому встрѣчному и поперечному рассказывалъ про ея *шашни съ господиномъ*, прибавляя при этомъ наглядную иллюстрацію того, какъ „милые бранятся — только тѣшатся“... прогуливаясь другъ другу по лицу „всей пятерней“...

— Какъ разозлится она, да и начнетъ грозить: „Я тебя изведу! Вотъ, посмотри, у меня зачахнешь, какъ поэтъ“!.. Вѣдь экая колдунья!.. Колдунья, право слово!

И въ самомъ дѣлѣ, „поэтъ“ совсѣмъ зачахъ.

Онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ и не вставалъ съ постели. Илова не отходила отъ него ни на шагъ; Вивіана, также ежедневно навѣщала больного.

— Чтѣ? Еще живъ? — тревожно спрашивала ее Доротея, когда та возвращалась домой.

— Да; но Богъ знаетъ, долго ли онъ еще протянетъ?

— О, Боже! Возьми мою жизнь и сохрани его! Я лишь обуза и умѣю только вязать перочистки, а онъ... онъ пишетъ чудныя пѣсни, и когда взглянешь на него, на сердцѣ станетъ свѣтло, какъ отъ солнца!

Однажды вечеромъ Вивіана прибѣжала, запыхавшись, къ маюршѣ, которая, уже одѣтая какъ на большой вечеръ, ожидала мужа. Они собирались на обрученіе Гизелы.

— Онъ умираетъ!—говорила фрейлейнъ Альтъ.—Онъ васъ зоветъ! Пойдемте, ради Бога!

— Ну, поѣзжай одинъ!—обратилась майорша къ мужу.—Я, можетъ быть, приѣду попозже... отъ него!—И обѣ вышли.

Войдя въ комнату Витта, майорша остановилась въ удивленіи. Противъ постели стоялъ, ярко освѣщенный лампою, большой портретъ молодой, дивно-прекрасной женщины; это была мать поэта; онъ пожелалъ, чтобы портретъ перенесли поближе. Въ тѣни, безмолвная и неподвижная, словно каменное изваяніе, стояла Илова.

— Милый Виттъ! это я,—тихо и ласково сказала майорша.

— А! Моя муза... пришла... ко мнѣ!—едва слышно пролепеталъ поэтъ и улыбнулся блаженною улыбкой.

— Мама, смотри: вотъ она... та, про кого я... тебѣ... такъ часто говорилъ...

— Чего бы вамъ хотѣлось? Можетъ быть, вина?—спрашивала майорша.

— Благодарю; Илова вѣдь меня поить... Но меня мучаетъ... что я... не могу сдержатъ... слова, которое далъ... Моннѣ. Опера все не клеится. Я все ищу, ищу... и ничего не нахожу!.. и мнѣ не спится... ни днемъ, ни ночью! Но вотъ весной... весной мнѣ все удастся... Я напишу... найду! Да, да: весной, навѣрно!—и онъ въ изнеможеніи закрылъ глаза.

Вивіана взяла его за руку, которая отяжелѣла. Слезы горячей струей текли у нея по лицу. Илова—мрачная, пѣмая, придвинулась поближе.

— О, мама!—шепталъ Виттъ:—Ты всегда меня любила... не переставая!.. А, это пѣсни... пѣсни! Дивныя пѣсни!.. Какъ онѣ поютъ!.. Надо ихъ записать... да... записать!—и онъ открылъ глаза, узнавъ майоршу.

— О, Марія... Святая!—громко воскликнулъ онъ.—Ты принесла мнѣ... счастье?—и вдругъ умолеъ... весь опустился.

— Конецъ!.. Утихъ...—проговорила Вивіана.

Съ громкимъ, отчаяннымъ воплемъ Илова бросилась къ нему, и долго, долго не смолкали ея крики, но тихія стenanья не переставали.

— Онъ всѣхъ любилъ! онъ всѣхъ жалѣлъ!—рыдая, говорила Вивіана:—но никто не жалѣлъ его! А мы всѣ, которые его жалѣли, сами такъ слабы, что не могли ему помочь... Знаете, отчего онъ умеръ?

Въ отвѣтъ послышалось лишь всхлипыванье майорши.

— Его силъ не хватило: его убилъ Берлинъ! Что могъ онъ тутъ подѣлать своими пѣснями, своей чистой душою,—въ этомъ

шумномъ и смрадномъ омутѣ столичной жизни? Она его свернула... она свела въ могилу!.. Онъ былъ еще дитя...

Поэта схоронили на кладбищѣ Новаго-Берлина,—тамъ, гдѣ вѣчные пески. Всѣ сочли своимъ долгомъ почтить его память—прислали цвѣты и вѣнки: Термены, фонъ-Винглебы и всѣ его друзья, Гельмъ и другіе. И на живые цвѣты выпалъ первый ледяной снѣгъ...

Въ завѣщаніи Виттъ отказалъ все свое имущество сестрамъ Альтѣ съ Иловой; душеприказчикомъ назначилъ Термена.

Мало-по-малу всѣ позабыли, что на свѣтѣ былъ когда-то Виттъ... „поэтъ“. Не забыла его только одна... Илова!..

А. Б—г—

ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ II

III. — Новое движение, выразившееся въ масонствѣ. — Его различныя формы. — Новиковъ и Шварцъ. — Князь Щербатовъ и Радищевъ *).

Мы видѣли, такимъ образомъ, что когда русскіе писатели конца прошлаго вѣка полагали, что „россіянамъ дарована свобода мыслить и въясняться“ и что, „наслаждаясь“ этой свободой, „имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству“; когда это говорили Фонъ-Визинъ и Державинъ; когда повторяли это множество разъ и другіе, и даже несчастный Радищевъ, — въ дѣйствительности литература могла сказать лишь очень немногое: какъ скоро она говорила не въ „улыбательномъ“ духѣ, ее останавливали, — и это было даже въ тѣ годы, когда у насъ хвалились бѣльшей свободой, чѣмъ было во Франціи, покровительствовали энциклопедистамъ и т. п.; тѣмъ менѣе литература могла получить простора въ то время, когда въ настроеніи императрицы все болѣе усиливалось новое враждебное отношеніе къ „философіи“. Вполнѣ совпадаетъ съ этимъ то явленіе, которое давно замѣчено было уже нѣкоторыми историками литературы прошлаго вѣка, именно, что въ тогдашней поэзіи нельзя найти никакого развитія, что въ теченіе всего XVIII-го столѣтія она остается въ сущности на той же ступени, на каую поставилъ

---

*) См. выше: июль, стр. 750.

ее Ломоносовъ; что единственный успѣхъ она оказала развѣ только въ усовершенствованіи формы и языка: дѣйствительно она стала разнообразнѣе, въ ея матеріалѣ входятъ черты, нѣсколько болѣе близкія въ жизни, языкъ становится богаче и свободнѣе; возрастаетъ число любителей, для которыхъ она становится близкимъ интересомъ, — но уровень содержанія почти не повысился.

Но если не было движенія на этомъ пути, гдѣ можно было бы ожидать его и гдѣ остановили его мало благопріятныя условія времени, оно сказалось, однако, въ другой области литературы и общественности. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы предположить, чтобы то продолжительное, хотя бы и элементарное, воспитаніе общества на западной литературѣ, которое отражалось на всѣхъ литературныхъ опытахъ прошлаго вѣка, не подѣйствовало, наконецъ, и болѣе глубокимъ образомъ на умы людей болѣе серьезныхъ и воспримчивыхъ, не побудило ихъ выяснить свое міровоззрѣніе и примѣнить къ дѣлу тѣ идеи, какія они почерпали въ источникахъ своего образованія. Изъ той обширной литературы, которая приходила къ намъ въ переводахъ, а многимъ извѣстна была и въ подлинникѣ, и въ нашъ литературный обиходъ вошло много понятій, — о пользѣ просвѣщенія, о гражданскомъ долгѣ, о необходимости челоуѣколюбія и справедливости къ низшимъ и т. п., — которыя становились обязательными для челоуѣка образованнаго. Мы видѣли, что эти новыя понятія нерѣдко бывали слишкомъ поверхностны (какъ не могла не быть поверхностна даже мораль Стародума, если для нея оказывались нужными французскіе источники); но въ концѣ концовъ онѣ должны были найти и болѣе прочную почву, а затѣмъ должны были сблизить въ болѣе тѣсный кругъ людей одного образа мысли и сходныхъ стремленій. За отсутствіемъ прямой литературной дѣятельности, это движеніе обнаружилось въ иной области и особымъ образомъ отразилось въ литературѣ. Мы разумѣемъ распространеніе масонскихъ ложъ и дѣятельность Новикова.

Намъ нѣтъ надобности входить въ исторію нашихъ масонскихъ ложъ ¹⁾. Достаточно сказать, что первыя ложи являются у насъ съ тридцатыхъ годовъ XVIII-го вѣка какъ еще одно нововведеніе на ряду со многими обычаями, какіе заимствовались

¹⁾ Достаточно упомянуть главныя работы, которыя были имъ посвящены — прежде всего Ешевскимъ, потомъ Тихонравовымъ, Лонгиновымъ (въ книгѣ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“, представляющей много важныхъ фактическихъ данныхъ о Новиковѣ, но очень странной по своему общему взгляду на происхожденіе и значеніе масонства), Пезарскимъ; нѣкоторыя данныя собраны въ моихъ прежнихъ работахъ по этому предмету.

тогда съ западнаго образца. Первыми дѣйствующими лицами были и здѣсь иностранцы; но къ нимъ, повидимому, довольно рано начинаютъ присоединяться русскіе, которые, быть можетъ, и независимо отъ того узнали въ путешествіяхъ за границей о существованіи таинственнаго союза. Въ царствованіе Елизаветы правительство узнало о существованіи ложъ, и нѣкоторымъ масонамъ изъ знатныхъ фамилій былъ произведенъ допросъ... Какъ извѣстно, масонскія ложи, каково бы ни было ихъ раннее начало, организовались прежде всего въ Англіи не далѣе начала XVIII-го вѣка, и отсюда вскорѣ распространились по всему континенту. Тайна, какою окружалъ себя „орденъ“, по самой своей новизнѣ оказалась, повидимому, чрезвычайно заманчивою, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ развивалась легендарная исторія таинственнаго союза, который возводился ни болѣе, ни менѣе, какъ къ эпохѣ построенія Соломонова храма, развивалась и другая сторона „ордена“, его обрядность и чиновначаліе. Переходя изъ Англіи въ другія страны Европы, ложи обыкновенно начинали съ этой первоначальной англійской системы, которая была самою простою, но уже вскорѣ она обыкновенно осложнялась новыми подробностями, которыя создали наконецъ нѣсколько отдѣльных „системъ“ съ гораздо болѣе сложными обрядами и іерархіей, съ новыми наименованіями для ложъ масонскаго „Востока“. Западные ложи различнымъ образомъ отразились и у насъ. Съ конца царствованія Елизаветы и особливо во времена Екатерины II у насъ также распространился цѣлый рядъ такихъ видоизмѣненной масонства, какъ англійская или шотландская система, система шведская, „строгое“ или „слабое наблюденіе“, „французскія степени“ или „градусы“ и т. д. Обыкновенно было такъ, что эти новые системы и градусы представляли надстройку надъ первоначальными англійскими степенями, которыхъ было всего три (ученикъ, товарищъ и мастеръ): эти степени были сочтены за первоначальное элементарное посвященіе въ ученія „ордена“, и полагалось, что главная мудрость начинается уже дальше, и здѣсь открывался широкій просторъ для фантазіи изобрѣтателей новыхъ системъ. Каждая утверждала (и многіе изъ ихъ послѣдователей были искренно въ томъ увѣрены), что именно ей принадлежить настоящая истина ученія и настоящая древняя тайна; легковѣріе и тщеславіе были таковы, что было множество охотниковъ добиваться высшихъ степеней даже въ различныхъ системахъ: титулы высшихъ степеней бывали обыкновенно очень пышные, а впереди мерещилась какая-то великая тайна, владѣніе которою могло не только льстить самолюбію, но было и весьма драгоцѣнно — мы

увидимъ дальше, что эта тайна, между прочимъ, заключалась въ умѣнѣ дѣлать золото и готовить жизненный эликсиръ.

Естественно ожидать, что при этомъ дальнѣйшемъ развитіи измѣнялся не только внѣшній, но и внутренній характера „ордена“, что при новыхъ переработкахъ въ новой средѣ въ него проникали тенденціи, которыхъ не было въ самомъ источникѣ. Дѣйствительно, въ тѣхъ формахъ масонства, какія стали господствовать у насъ въ концу столѣтія, почти не было уже рѣчи о тѣхъ первоначальныхъ идеяхъ, какія лежали въ основѣ первоначальнаго англійскаго учрежденія; „орденъ“ задавался гораздо болѣе мудренными, даже нерѣдко черезъ-чуръ мудренными идеями, и въ самую организацію вносилъ такую строгую дисциплину, которая, наконецъ, совсѣмъ противорѣчила первымъ планамъ союза, рассчитаннымъ на братолюбіе и нравственное совершенствованіе. Изъ тѣхъ различныхъ источниковъ, съ какими наши масоны познакомились въ различныхъ иностранныхъ системахъ, въ наши ложи проникли весьма разнообразныя тенденціи, которыя иногда было чрезвычайно странно видѣть въ русской одеждѣ. Таково было, напр., такъ-называемое „тамплиерство“, которое хотѣло обновить въ масонскихъ ложахъ традицію средневѣковыхъ рыцарей храма, или „розенкрейцерство“ (орденъ Златорозоваго Креста), гдѣ съ мистическимъ изувѣрствомъ соединялись другія средневѣковыя традиціи—алхимія и магія. Въ ложахъ западныхъ перерожденіе въ рыцарей еще могло имѣть какой-нибудь смыслъ, потому что могло быть обновленіемъ родной старины—новѣйшіе масонскіе рыцари могли имѣть настоящихъ рыцарей въ числѣ своихъ предковъ, или по крайней мѣрѣ хорошо знать рыцарскія преданія; у насъ эти рыцари не имѣли никакого смысла, и въ средѣ нашихъ масоновъ дѣйствительно возникло, наконецъ, сомнѣніе въ ихъ умѣстности. Точно также съ алхиміей и магіей: это была фантазія, воспитанная средними вѣками Запада и на которую тамъ потрачено было много усилій, много ученой работы и даже ума; отъ среднихъ вѣковъ преданія алхиміи и магіи не были забыты до самаго XVIII-го столѣтія; объ нихъ существовала цѣлая обширная литература; онѣ практиковались на дѣлѣ—у насъ не было ничего подобнаго: кое-какія отрывочныя свѣденія изъ этой литературы появляются въ нашей письменности едва съ конца XVII-го вѣка, нѣсколько подобныхъ твореній было переведено теперь трудами масонской братіи, были даже заботы о томъ, чтобы перевести эту алхимію и въ практику, но въ концѣ концовъ все это было и осталось чуждой и праздною фантазіей... Здѣсь повторилось нѣчто подобное тому, что совершалось

въ литературѣ. Передъ глазами русскаго образованнаго или любознательнаго человѣка стояло великое разнообразіе умственной жизни и общественныхъ обычаевъ Запада; реформа перенесла многое изъ этого въ русскую жизнь, и многое бросило здѣсь прочный корень, изъ котораго развивались потомъ русская наука, литература и общественность, — но за существеннымъ и основнымъ было много подробностей частныхъ и случайныхъ, и онѣ также встрѣтили интересъ и вызвали подражаніе. Такъ переходили, напр., всѣ мелкія рубрики западной поэзіи или стихотворства; наши первые по времени стихотворцы гордились тѣмъ, что писали во всѣхъ родахъ, и дѣйствительно дали въ нашей литературѣ образчики всевозможныхъ стихотворныхъ формъ, въ сущности бесполезныхъ, но которыя, по крайней мѣрѣ, знакомили съ наличнымъ обычаемъ иностранныхъ литературъ. Такъ и здѣсь, на ряду съ тѣмъ, что могло въ самомъ дѣлѣ имѣть серьезное и нравственное значеніе, входили и тѣ подробности, которыя нашей жизни были и остались совершенно чужды и не имѣли въ ней никакого смысла. Таково было, напр., переодѣваніе въ рыцари или исканіе философскаго камня. Такъ, хотя бы въ отрывочной формѣ, черезъ понятія русскихъ людей проходили все-таки старыя стадіи западнаго развитія, уже неспособныя къ живому дѣйствию, но наполнившія пробѣлы знаній о прошедшихъ судьбахъ западной мысли.

Въ масонствѣ отражалось, однако, не только это устарѣвшее, что способно было увлекать только людей наивныхъ и мало просвѣщенныхъ или прямыхъ обскурантовъ; въ немъ находили мѣсто и отголоски лучшихъ стремленій XVIII вѣка, возвышенный идеализмъ, наконецъ даже рѣзкія проявленія отрицательныхъ взглядовъ, какъ въ знаменитомъ „иллюминатствѣ“ Вейсгаупта. Къ масонской литературѣ прошлаго вѣка принадлежитъ, на примѣръ, произведеніе Лессинга (*Gespräche für Freimaurer*), которое лучшимъ историкамъ нѣмецкой литературы представляется завершеніемъ тѣхъ возвышенныхъ идей, какія онъ высказывалъ въ „Наванѣ Мудромъ“, въ „Testament Johannis“ и въ трактатѣ о „Воспитаніи человѣческаго рода“¹⁾). На темы масонскихъ положеній Лессингъ въ своихъ „Разговорахъ“ излагалъ свое нравственное и общественное мировоззрѣніе, которое онъ вообще избѣгалъ высказывать въ положительной формѣ и которое здѣсь, примыкая къ ученіямъ масонства, является въ видѣ цѣлой нрав-

¹⁾ Hettner, Literaturgeschichte des achtz. Jahrh. Dritter Th., zw. Buch. Braunschw. 1864, стр. 614. О хронологіи „Разговоровъ“ ср. Шерера, Ист. нѣмецкой литературы (русскій пер. Сиб. 1898), II, стр. 388.

ственной системы высокаго идеалистическаго характера. „Разговоры“ Лессинга были написаны около 1780 года, незадолго до его смерти, и, повидимому, остались совершенно неизвѣстны нашимъ членамъ „ордена“¹⁾. Едва ли сомнительно, что такое широкое развитіе основныхъ масонскихъ положеній, какое было сдѣлано Лессингомъ, не могло найти мѣста въ русскихъ ложахъ того времени потому, что для воспринятія идей Лессинга требовалось бы серьезное воспитаніе философской мысли, какого трудно было бы ожидать даже въ наиболѣе образованномъ кругу нашего общества конца прошлаго вѣка. Въ замѣнъ распространялось нѣчто болѣе доступное, наконецъ даже такое, что прямо рассчитывало на недостатокъ познаній и на суевѣріе, какъ упомянутое розенкрейцерство. Но при всѣхъ крайностяхъ подобнаго рода должно признать, что основное стремленіе, которое дало у насъ успѣхъ масонству, и всего больше въ кругѣ Новикова, было во всякомъ случаѣ успѣхомъ, признакомъ возникавшаго общественнаго чувства, попыткой расширить привычный складъ мысли поисками хотя бы неяснаго идеала.

Зачатки этого идеала находились именно въ старомъ англійскомъ масонствѣ. Оно развилось въ странѣ, пережившей тяжелыя политическія и религіозныя потрясенія, въ странѣ, ранѣе континента завоевавшей себѣ извѣстную свободу мысли, и должно было служить высокому идеалу братскихъ отношеній между людьми, свободныхъ отъ тѣхъ преградъ, какія обыкновенно полагало имъ различіе націи, религіи сословнаго положенія. Правда, это отрицаніе подобныхъ преградъ, мѣшающихъ братскому отношенію между людьми, было теоретически далеко не полно (между прочимъ изъ масонской связи отлучались люди несвободные и люди не-христіанскихъ исповѣданій), но и то, что было принято въ правило, было нравственнымъ приобрѣтеніемъ для общества, слишкомъ раздѣленнаго господствующими условіями гражданскаго быта и церковныхъ нравовъ,—очень вѣроятно, что болѣе рѣшительное требованіе было бы вовсе не по силамъ тогдашнему обществу. Обширный успѣхъ масонства на континентѣ показываетъ, что оно вѣрно угадывало и высказывало затаенную мысль общества, которое тяготилось феодальными преданіями, съ негодованіемъ смотрѣло на ожесточенную вражду христіанскихъ исповѣданій и

¹⁾ Повидимому, они остались неизвѣстны и нашему біографу Новикова, потому что иначе побудилъ бы его нѣсколько измѣнить свои сужденія о томъ, что могло быть заимствовано нашими масонами изъ западной литературы (см. Незеленова „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1786 гг.“. Спб. 1876, гл. II: Русское масонство второй половины прошедшаго столѣтія).

сектъ, забывавшихъ о самомъ христіанствѣ, и инстинктивно искало какихъ-то неизвѣстныхъ формъ жизни, въ которыхъ она была бы свободна отъ этихъ вопіющихъ противорѣчій и которыя дали бы, наконецъ, мѣсто нравственному чувству и человѣческому достоинству. Если вспомнить, что это самое время отмѣчено было въ англійской, французской, нѣмецкой литературѣ особеннымъ возбужденіемъ, страстными спорами о религіи, нравственности, просвѣщеніи, обществѣ, правѣ личности и т. д., то будетъ понятно, почему могли имѣть успѣхъ идеи масонства, которое хотѣло предвосхитить будущій порядокъ человѣческихъ отношеній, которое хотѣло быть христіанскимъ, а не только церковнымъ и т. д. Масонство было популярнымъ опытомъ примѣненія на дѣлѣ новыхъ понятій, бродившихъ въ обществѣ, и этимъ объясняется его первый успѣхъ. Оно хотѣло быть замѣнутымъ кругомъ людей, связанныхъ довѣріемъ и клятвой, и это опять было понятно въ условіяхъ времени.

Когда первыя ложи появились у насъ, масонство, сколько можно судить по разнымъ признакамъ, было принято у насъ такъ же, какъ и нѣкоторыя другія западныя нововведенія — наивно и вмѣстѣ поверхностно: довѣрчивость однихъ была наивна потому, что наша жизнь вовсе, конечно, не представляла тѣхъ нравственныхъ условій, какія мы сейчасъ указывали въ западной жизни; другіе видѣли въ масонскихъ ложахъ только занимательныя по оригинальности сборища, въ которыхъ бывали, правда, исполняемы извѣстные обряды, читались поученія на масонскія темы, но въ то же время бывали и веселыя „столовыя ложи“, потому что первоначальное масонство не изгоняло этихъ удовольствій. Многихъ, какъ видно, напримѣръ, изъ воспоминаній Елагина (который съ семидесятихъ годовъ былъ даже гротмейстеромъ особой „системы“ въ Петербургѣ), привлекали въ масонство тщеславіе и расчетъ, потому что въ ложахъ люди незначительныя могли встрѣчаться съ сильными и вліятельными вельможами и надѣялись, что масонскія связи могутъ быть полезны имъ по службѣ ¹⁾. Но какъ было и въ другихъ случаяхъ, первоначальное наивное усвоеніе чужого обычая смѣнялось потомъ болѣе серьезнымъ интересомъ: являлось желаніе отдать себѣ отчетъ въ содержаніи „орденскихъ“ постановленій и, вѣроятно, многіе переживали то, что рассказываетъ о себѣ тотъ же Елагинъ: изъ легкомысленнаго посѣтителя ложъ онъ мало-по-

¹⁾ Такъ рассказываетъ самъ Елагинъ о первыхъ годахъ своего пребыванія въ „орденѣ“.

малу сдѣлался ревностнымъ теософомъ и даже сочинилъ свое особое ученіе. По всей вѣроятности, таковы были тѣ друзья Новикова, которые сами были уже масонами и непременно хотѣли привлечь и его въ „ордепъ“; нѣкоторые изъ друзей Новикова въ Москвѣ были убѣжденными столпами масонства... На пространствахъ нѣсколькихъ лѣтъ, съ перваго сближенія Новикова съ масонскимъ кружкомъ до послѣднихъ лѣтъ его дѣятельности въ Москвѣ, до образованія „Дружескаго общества“ и „Типографической компаніи“, образовался тотъ типъ „масона“, который на нѣсколько десятилѣтій, до самаго конца царствованія Александра I, жилъ въ русскомъ обществѣ, какъ въ то же время жилъ противоположный типъ вольнодумца и волтеріянца. Масонъ или въ популярной формѣ „фармазонъ“¹⁾, какъ волтеріянецъ, были наконецъ пугаломъ для людей стариннаго обычая, которые не любили и боялись новизны: въ тѣхъ и другихъ они видѣли опасныхъ нарушителей старосвѣтскаго благочестія; волтеріянцы были просто вольнодумцы и безбожники; фармазоны не были безбожниками, но они толковали вѣру по своему, вносили въ нее что-то прежде небывающее, и на нихъ, въ популярныхъ понятіяхъ, легла черта каваго-то подозрительнаго волхвованія—отголосокъ ихъ наклонности къ алхиміи и магіи, и ихъ отрицательнаго отношенія къ официальной церкви. Этотъ типъ фармазона, извѣстный съ конца прошлаго вѣка и дожившій въ преданіи почти до нашихъ дней,—типъ, конечно, на половину фантастическій въ этомъ преданіи,—указываетъ, что масонское движеніе въ свое время произвело сильное впечатлѣніе на умы, какъ нѣчто невиданное, а также и независимое.

Въ настоящее время еще трудно говорить о масонствѣ съ нѣкоторой опредѣленностью. Изученіе его едва начато: не выяснена достаточно даже его внѣшняя исторія, а тѣмъ менѣе исторія внутренняя; многое изъ историческихъ матеріаловъ, принадлежавшихъ самимъ масонамъ и которые могли бы послужить для этого внутренней исторіи, вѣроятно погибло безвозвратно; остаются пока неизученными и тѣ матеріалы, которые сбереглись въ масонскихъ архивахъ, находящихся въ нашихъ бібліотекахъ²⁾. Судя по извѣстнымъ до сихъ поръ даннымъ, наше масонство послѣ того, какъ изъ упомянутаго поверхностнаго подражанія стало болѣе или менѣе сознательнымъ направленіемъ, представляло послѣдовательно (а иногда и одновременно) весьма различныя от-

¹⁾ Изъ франк-масонъ.

²⁾ Въ Импер. Публичной бібліотекѣ въ Петербургѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.

тѣни понятій нравственныхъ и образовательныхъ. Весьма распространенной, если не всеобщей чертой масонства былъ въ той или другой степени мистицизмъ; но когда Новиковъ и его друзья могли соединять съ мистическимъ масонствомъ весьма ревностную образовательную дѣятельность, учреждать школы, устраивать для избранныхъ юношей возможность высшаго образования, вести обширное издательское дѣло, которое, по отзывамъ ближайшихъ современниковъ, въ первый разъ создало въ Россіи большой кругъ читателей,—другіе люди этого круга и особливо ихъ ближайшіе преемники, именно въ Александровское время, соединяли съ масонствомъ не только пренебреженіе къ наукѣ, какъ въшнему знанію, но и самый злостный обскурантизмъ: въ это время писались масонами ядовитые доносы даже на Карамзина,—они не имѣли дѣйствія, потому что даже для того времени не имѣли смысла, но для насъ остаются свидѣтельствомъ того мракобѣсія, которымъ въ концѣ концовъ завершалось движеніе, нѣкогда вызванное здоровыми потребностями общественной мысли.

Возвращаясь къ этой первоначальной эпохѣ нашего масонства, можно именно думать, что у тѣхъ людей, которые впервые отнеслись серьезно къ английскому ученію, оно явилось естественнымъ восполненіемъ нравственной потребности, не удовлетворенной условіями русской жизни. Были тяжелыя времена для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ставить себѣ нравственные вопросы: грубые нравы, господство насилія и произвола, невѣжество, и послѣднее даже въ большинствѣ тѣхъ людей, которые должны были быть первыми учителями нравственности,—все это, при начавшемся стремленіи къ образованію, представляло благопріятную почву для ученія, которое бралось отвѣчать на нравственные запросы общества. Английское ученіе говорило о братствѣ, о помощи ближнему, объ истинномъ благочестіи, о просвѣщеніи, о наблюденіи чловѣка надъ собственною внутреннею жизнью; вмѣстѣ съ тѣмъ оно отвергало конфессіональное суевѣріе и нетерпимость; английская система обставляла это содержаніе знаменательными обрядами, которымъ приписывала глубокую древность, какъ и самому ученію; английская ложа вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не была какою-нибудь аскетическою сектой, освящала всѣ радости жизни; правда, въ ложу не допускались женщины—отчасти потому, что въ нихъ не видѣли достаточно серьезности, отчасти потому, что по всѣмъ условіямъ времени общественное дѣло было дѣло мужское, — но въ масонскомъ обрядѣ вспоминали и о подругѣ „брата“ и заочно посылали ей привѣтствіе. Среди грубыхъ нравовъ такое ученіе естественно могло казаться привлекательнымъ, и предполагаемая древность могла

только увеличить его авторитетъ. . Его теоретическіе недостатки пока не были видны, и оно имѣло успѣхъ именно потому, что у насъ являлось первой нравственной философіей. Еще одна черта проходить черезъ всю исторію масонскаго движенія: съ самаго начала масонскія системы отстранялись отъ официальной церковности, а впоследствии становились къ ней даже во враждебное отношеніе. Причина была въ томъ, что эта церковность, по масонскому мнѣнію, или пренебрегала своей обязанностью нравственнаго руководства, или придавала слишкомъ большое значеніе внѣшнему обряду въ ущербъ внутреннему содержанію. Уже вскорѣ масонство стало противопоставлять церковь внѣшнюю и внутреннюю, и свое ученіе связывало именно съ этой послѣдней ¹⁾. Когда разъ эта точка зрѣнія была приобрѣтена, масоны все больше убѣждались въ убѣжденіи, что именно въ ихъ рукахъ находится истина; и въ особенности тайна, которую они усиливались поддерживать, все больше обращала ихъ въ секту, наполненную самоуваженіемъ и нетерпимостью.

Эта тайна въ самомъ источникѣ масонства, Англии, не долго могла укрыться отъ профановъ. Нашелся предатель, который выдалъ тайну масонскихъ обрядовъ и ученій и описалъ ихъ въ книгѣ, которая была переведена, между прочимъ, и на русскій языкъ („Масонъ безъ маски“). Но это не остановило вѣрныхъ послѣдователей ордена; они продолжали утверждать, что тайна тѣмъ не менѣе хранится въ орденахъ, что открыты только первоначальныя ступени, и въ послѣдующихъ формахъ масонства „тайна“ дѣйствительно все болѣе усложнялась—при помощи ссылокъ на древнія преданія, на мистическія ученія, на тамплиерство, и наконецъ въ розенкрейцерствѣ сведена была на алхимию и магію. Эти условія, очевидно, были новѣйшимъ изобрѣтеніемъ. Оно дѣлалось, повидимому, двойко: съ одной стороны, бывали искренніе и вмѣстѣ наивные фантасты, которые думали только усовершенствовать драгоцѣнное для нихъ ученіе своими комментаріями, конечно, произвольными; съ другой стороны были намѣренныя выдумщики, которые сочиняли новыя системы и собирали послѣдователей съ тѣми или другими правтическими цѣлями; бывало, напр., что подъ орденскую „тайну“ подглядывалось намѣреніе собрать послушныхъ исполнителей политической интриги,

¹⁾ Наше духовенство обыкновенно строго осуждало масоновъ, видя въ ихъ мнѣніяхъ и обычаяхъ противленіе ученіямъ церкви, и отраженіемъ этого было непріязненное отношеніе толпы къ „фармазонамъ“; были, впрочемъ, исключенія, гдѣ духовныя лица признавали это стремленіе къ внутренней церкви. Церковь католическая строго осуждаетъ масонскія ложи и до сихъ поръ.

— какъ въслѣдствіи, между прочимъ и у насъ, масоны бывали сплошной стѣной обскурантизма. Первоначальная выдумка, конечно, старательно скрывалась, и новые адепты какой-либо системы обыкновенно искренно вѣрили, что тотъ или другой орденъ, вчера только выдуманный, дѣйствительно идетъ отъ глубочайшей древности. Вѣрили прежде всего въ происхождение англійскаго масонства отъ строителей Соломонова храма, а потомъ вѣрили и въ другія легендарныя исторіи, съ тою только разницею, что когда начиналась вражда между отдѣльными системами, онѣ заподозривали чужую легенду, упорно вѣря въ свою собственную. Какъ легко было проникаться такой вѣрой, когда къ этой легендѣ не касалась еще простая историческая критика и когда при недостаткѣ знаній усиленно развивалась фантазія, привлекаемая таинственными вопросами природы и человѣческой жизни, — можно судить по тому, что недавній историкъ русскаго масонства ¹⁾ самъ увѣровалъ въ фантастическія бредни масоновъ объ ихъ орденахъ... Въслѣдствіи масоны сами чувствовали, что нѣкоторыя подробности ихъ ученія могутъ вызывать недоувѣріе; напримеръ, алхимія во второй половинѣ XVIII вѣка была уже вещью запоздалой; поэтому наши розенкрейцеры, слѣдуя, конечно, своимъ нѣмецкимъ учителямъ, постоянно ссылались на то, что ихъ ученіе вовсе не есть „грубая“ и „матеріальная“ алхимія и магія, но напротивъ, есть „духовная“ алхимія и „божественная“ магія; подмѣной словъ и мистическимъ туманомъ они вѣроятнo и сами обманывали себя, представляя свое ученіе самой возвышенной философіей; рядомъ съ розенкрейцерствомъ они усиленно изучали старыхъ и новѣйшихъ мистиковъ, въ особенности знаменитаго Якова Бѣма, Таулера и пр.; но съ другой стороны справедливо замѣчаніе біографа Новикова, что подъ покровомъ мистики они, быть можетъ, сами это недостаточно сознавая, впадали въ самый грубый матеріализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, толкуя „духовно“ алхимическіе термины, они надѣялись однако, что получаютъ тайну добывать золото и жизненный элексиръ.

Мы видѣли раньше, что Екатерина относилась къ масонству очень враждебно. Причина этому была двоякая. Съ одной стороны по самому складу ума холоднаго и наклоннаго къ рационализму, — чѣмъ объясняется, между прочимъ, ея любовь къ французской философіи, — Екатерина не понимала и не любила ничего туманнаго, мистическаго; ей казалось, что всякое мистическое направленіе мысли есть всегда заблужденіе, а когда оно склады-

¹⁾ Ловгиновъ.

валось въ секту, когда въ нему присоединялось что-нибудь чудесное, необычное, здѣсь непременно должны были быть „обманщики“ и „обольщенные“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, она была права въ томъ отношеніи, что въ масонскія ложи дѣйствительно проникало иногда шарлатанство, — совершалось, напримѣръ, вызваніе духовъ, въ розенкрейцёрствѣ искали золото и т. п.; у насъ, конечно, этого не могло быть въ такой мѣрѣ, какъ на Западѣ; но и у насъ были люди, вѣрившіе въ Калиостро. Екатерина не понимала только, что могли быть не обольщенные, а сами себя обольщавшіе люди, въ которыхъ самъ собою развивался болѣе или менѣе фантастическій мистицизмъ — изъ тѣхъ основаній, изъ какихъ вообще рождается мистическое настроеніе. Но тамъ, гдѣ не было этихъ бросающихся въ глаза крайностей, гдѣ масонство направлялось на цѣли нравственныя и общественныя, Екатерина все-таки въ нему оставалась враждебна, и невысказаннымъ поводомъ этой вражды было то, что она встрѣчала здѣсь общественное явленіе, совершавшееся мимо ея воли и контроля... Ей нравились восхваленія того, что она „и знать и мыслить позволяетъ“, но просвѣщенный абсолютизмъ Екатерины II ничего не уступилъ изъ той суровой и недоувѣрчивой опеки, въ какой уже давно жило русское общество; быть можетъ, просвѣщенный абсолютизмъ еще усилилъ эту опеку, потому что внесъ въ ея кругъ умственную жизнь общества, на которую прежде почти не обращали вниманія. Правда, благодаря ея разрѣшеніямъ, русская литература оживилась; ея собственные литературные интересы и ея законодательные планы, знаменательнымъ выраженіемъ которыхъ былъ „Наказъ“, произвели сильное ободряющее дѣйствіе, которое мы указывали; но она всегда хотѣла стоять во главѣ не только государства, но и общества; избалованная успѣхомъ и лестью, которую слышала отъ первостепенныхъ писателей Европы, и сознавая собственное превосходство, она хотѣла — и думала, что только она одна и способна — руководить воспитаніемъ общества. Но эту задачу очень трудно было исполнить. Какъ ни были еще ограничены размѣры русскаго просвѣщенія, въ немъ началась уже своя органическая работа: началась она еще раньше питалась изъ источниковъ, которые трудно было впередъ рассчитать, затрогивала умы разнаго склада и прежде всего требовала извѣстнаго простора. Екатерина не хотѣла допустить этого. Въ первое время она не употребляла крутыхъ мѣръ, — въ нимъ, правда, и не было повода, — но въ годъ изданія упомянутыхъ сатирическихъ листовъ она очень ясно давала чувствовать, что ей не нравятся слишкомъ рѣзкія обличенія не-

достатковъ русской жизни: эти обличенія могли намекать о недостаткахъ самаго правленія, а послѣднихъ Екатерина не хотѣла никогда признать. Она хотѣла бы допустить только ту безобидную сатиру, которая направлялась бы на общіе человѣческіе недостатки или „слабости“; но очевидно, что эта безобидная сатира была бы также и совершенно безплодная въ общественномъ отношеніи. Въ концѣ концовъ листки прекратились. Та же самая нетерпимость сказалась теперь въ отношеніи Екатерины въ масонству. Новое ученіе опять являлось внѣ ея контроля; правда, ученіе было очень мирное; кромѣ добродѣтели вообще оно спеціально внушало послушаніе власти, въ дѣлахъ общественныхъ внушало только филантропію и заботу о просвѣщеніи, но во всемъ этомъ оно хотѣло остаться свободнымъ отъ всякихъ официальныхъ указаній этихъ послѣднихъ. При всей скромности „ордена“, гротескеры котораго бывали, между прочимъ, услужливыми придворными, Екатерина видимо не нравилась самая мысль какой-то организаціи, имѣвшей притязаніе на независимость и тайну. Въ тѣхъ комедіяхъ, которыя написала Екатерина противъ масонства, кромѣ осмѣянія такихъ сторонъ его, которыя на это поддавались, были и насмѣшки надъ тѣмъ, что могло быть вовсе не смѣшно, напримеръ надъ филантропіей масоновъ, надъ ихъ исканіями нравственной истины. Кромѣ насмѣшки въ комедіяхъ видно и прямое раздраженіе, которое отозвалось карриатурой; можно замѣтить и не вполне правильное представленіе о самомъ содержаніи масонскихъ ученій... Въ этомъ направленіи самымъ крупнымъ лицомъ тогдашней литературы былъ Новиковъ; поэтому именно на него и обрушилось, наконецъ, самое жестокое преслѣдованіе.

Несмотря на многія изслѣдованія ¹⁾, какія были уже посвя-

¹⁾ Послѣ статей Ешевскаго о русскомъ масонствѣ прошлаго вѣка (Собраніе сочиненій. М. 1871, т. III) и матеріаловъ, изданныхъ Тихонравовымъ, обширный трудъ былъ посвященъ ему Лонгиновымъ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“. М. 1867 (по поводу этой книги и независимо отъ нея моя статья въ „Вѣстникъ Европы“, 1867, 1868, 1870 и 1872). О странномъ взглядѣ Лонгинова на самое масонство мы упоминали, но въ книгѣ сообщено много новыхъ и важныхъ фактическихъ свѣдѣній о Новиковѣ. Спеціальную книгу о Новиковѣ г. Незеленова мы называли; свои положенія онъ повторилъ вкратцѣ въ другой книгѣ: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“. Спб. 1889. См. также „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи“, Пикарсаго, Спб. 1869; документы по дѣлу Новикова, изданные въ Сборникѣ Историческаго Общества, т. II; Записки Лопухина и г. д. Краткій, во весьма обстоятельный очеркъ дѣятельности Новикова, В. Е. Якушкина, въ сборникѣ московскаго Общества Любителей россійской словесности „Починъ“, М. 1895, стр. 152—181.

цены жизни и дѣятельности Новикова (1744—1818), его личность и исторія остаются до сихъ поръ не вполне выясненными. Люди XVIII вѣка вообще мало сознавали важность біографіи: когда заходила о ней рѣчь, она представлялась всего чаще въ видѣ панегирика, болѣе или менѣе бессодержательнаго; нѣкоторые современники упоминали о Новиковѣ въ своихъ запискахъ, но только случайно и отрывочно; когда онъ былъ въ опалѣ, о немъ вѣроятно боались даже говорить; онъ умеръ забытымъ въ такую эпоху, которая поглощена была другими тревожными вопросами, не помня прошлаго, какъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ часто у насъ бываетъ. Поэтому, кромѣ самыхъ трудовъ Новикова, оставшихся въ литературѣ, кромѣ немногихъ извѣстій современниковъ, кромѣ изданныхъ только въ послѣднее время официальныхъ бумагъ изъ эпохи его преслѣдованія, мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній о ходѣ его личнаго развитія, объ исторіи его понятій, которая, однако, была бы въ высшей степени интересна, потому что Новиковъ былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей прошлаго вѣка. Нужны еще новыя изслѣдованія (и найдется ли для нихъ новый матеріалъ?), чтобы опредѣлить послѣдовательныя ступени его внутренней жизни. Въ нынѣшнемъ состояніи біографическихъ данныхъ мы мало знаемъ даже внѣшніе факты его жизни, особливо за время его молодости; внутренняя біографія представляется отрывочными фактами, которые пока не легко мотивировать. Мы знаемъ, то его образованіе было очень недостаточное: онъ учился въ Москвѣ въ университетской гимназіи, но въ 1760 году былъ исключенъ изъ „французскаго класса“ за лѣность и нехождение въ классъ; вспоминаютъ при этомъ, что вмѣстѣ съ Новиковымъ былъ исключенъ изъ гимназіи и Потемкинъ; незадолго до своей смерти Новиковъ въ письмѣ къ Карамзину оговаривается о себѣ, что онъ — невѣжда, „не знающій никакихъ языковъ, не читавшій полезныхъ философовъ... они никогда не лѣзли въ мою голову“. Потомъ онъ поступаетъ въ военную службу и въ 1762 году, въ тотъ день, когда совершился переворотъ, возведшій Екатерину на престолъ, Новиковъ стоялъ на часахъ у казармъ преданнаго екатеринѣ Измайловскаго полка: здѣсь онъ въ первый разъ увидѣлъ Екатерину, какъ въ этотъ же день впервые ее увидѣлъ Потемкинъ. Когда участники переворота получали награды, Новиковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Оставаясь въ полку, онъ, повидимому, старался пополнить свое недостаточное образованіе и вѣроятно этимъ обратилъ на себя вниманіе, когда

попалъ въ Коммиссію объ Уложеніи для веденія дневной записки. Надо только догадываться, что пребываніе въ Коммиссіи не осталось безъ сильнаго вліянія, возбудивъ его патріотическое чувство и направивъ его на общественные вопросы,—потому что нельзя не видѣть одушевленнаго патріота въ издателѣ „Трутня“ и „Живописца“. Способъ веденія этихъ журналовъ, составъ участниковъ, обстоятельства изданія опять остаются предметомъ догадокъ, также какъ и то, по какимъ побужденіямъ Новиковъ, отказавшись отъ продолженія своихъ сатирическихъ листовъ, обратился къ изданію историческихъ книгъ. Онъ издаетъ „Опытъ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“, затѣмъ предпринимаетъ многотомную „Древнюю російскую Вивліюэну“, вышедшую потомъ во второмъ еще размноженномъ изданіи. Біографъ Новикова усиливается раскрыть, на основаніи журнальныхъ и издательскихъ его трудовъ, тогдашній ходъ его мысли; выводы остаются, однако, шаткими между прочимъ потому, что все-таки неизвѣстно, былъ ли именно Новиковъ авторомъ тѣхъ статей, изъ которыхъ дѣлались эти выводы. Несомнѣнно одно, что онъ, какъ всѣ безъ исключенія тогдашніе обличители, вооружался противъ моднаго французскаго воспитанія, восхваляя при случаѣ добродѣтели предковъ, хотя повидимому не до-петровскихъ, а болѣе близкихъ; но съ другой стороны онъ же рисуетъ чрезвычайно характерныя фигуры представителей того же добраго стараго времени, типы суевѣрія, невѣжества и вражды къ образованію. Несомнѣнно дальше, что самъ онъ—ревностный приверженецъ просвѣщенія, великій поклонникъ Петра Великаго, великій почитатель тѣхъ людей, именно писателей, которые потрудились для русскаго просвѣщенія. Еще во время изданія „Трутня“ на одну неумѣренную похвалу, ставившую его выше прежнихъ сочинителей, онъ замѣчаетъ, что „недостойнъ отрѣшить ремень сапогъ ихъ“; въ предисловіи къ Историческому Словарю онъ съ гордостью говорить,—что Россія, „погруженная прежде въ невѣжество“, теперь „о преимуществѣ въ наукахъ спорить съ народами, цѣлыя вѣки ученіемъ прославлявшимися; науки и искусства въ ней распространяются, а писатели наши прославляются“. Біографическія статьи Словаря вообще старательно отмѣчаютъ всякую заслугу писателя русскому просвѣщенію и литературѣ; за немногими исключеніями, это—рядъ панегириковъ. Онъ питаетъ высокое уваженіе и къ знаменитымъ писателямъ иностраннымъ, восхваляетъ Вольтера, Лидро и т. п. Какъ многіе патріоты тѣхъ временъ, онъ имѣетъ высокое представленіе о русской литературѣ и же-

заль бы ей только меньше подражательности ¹⁾; по обыкновенію остается, однако, необъясненнымъ, какимъ образомъ этого можно было бы достигнуть.

Съ 1773 года Новиковъ предпринялъ цѣлый рядъ историческихъ изданій: кромѣ „Вивліюэики“ онъ издалъ „Древнюю российскую Идрографію“, „Исторію о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева“, „Скиескую Исторію“ Лызлова, „Повѣствователь древностей российскихъ“, и въ 1774 еще въ послѣдній разъ обратился къ сатирѣ въ небольшомъ журналѣ „Кошелекъ“. Въ историческихъ изданіяхъ онъ настаиваетъ на необходимости изученія старины. Въ предисловіи къ „Вивліюэикѣ“ онъ объясняетъ, что цѣль изданія—дать „начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ“, чтобы мы познали „великость духа ихъ, украшеннаго простотою“. Это изученіе древности необходимо и для просвѣщенія, и для воспитанія патриотическаго чувства. „Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣденіе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными“. Онъ называетъ вошчунами людей, „ненавидящихъ свое отечество“ и „пересмѣхающихъ и презирающихъ самыхъ добродѣтели предковъ нашихъ“. Одновременно съ этимъ въ „Кошелекѣ“ онъ говоритъ, что нашихъ праотцевъ украшали „великія добродѣтели“, которыя онъ сравниваетъ съ „истинными, драгоценными жемчугами“, и желаетъ своимъ читателямъ пользоваться этими добродѣтелями. „Предеи наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего Отечества“. Нѣмецъ говоритъ французу въ томъ же „Кошелекѣ“: „И въ древнія времена россияне свои имѣли пороки“, но „всѣ народы во всякія времена имѣли особые пороки: прочитай со вниманіемъ свою исторію, увидишь тамъ варварства еще болѣе, нежели сколько его было въ Россіи“. Древніе русскіе нравы были чисты, и если бы можно было теперь возвратить ихъ, „тогда бы можно было поставить ихъ образцомъ челоуѣку“. Новиковъ находилъ, что добродѣтели нашихъ предковъ „нѣоторыхъ

¹⁾ Въ „Живописцѣ“ 1772, л. 18, онъ довольно двусмысленно высказываетъ свое сожалѣніе: „Желалъ бы я, чтобы Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ. Есть ли какое находитъ она препятство къ тому, чтобы нарещися ей за превосходныя свои совершенства несравненной подъ солнцемъ страной, то другаго нѣтъ, кажется, какъ сей токмо недостатокъ“.

изъ нашихъ соотечественниковъ еще и нынѣ осіявають“. Эти добродѣтели не были случайностью, а принадлежать къ свойствамъ нашего народа. Обличая наше увлеченіе иноземнымъ, онъ говоритъ: „какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію, и надѣлившая всѣ Области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи не давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила ей скитаться по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобы изъ сей смѣси составить новый никакому народу несвойственный характеръ, а еще наипаче Россіянину“. Русскіе не только не уступаютъ другимъ народамъ, но иногда и превосходятъ ихъ. Тотъ же нѣмецъ говоритъ: „Русскіе люди въ разсужденіи наукъ и художествъ столькоже имѣютъ остроты, разума и проницанія, сколько и французы, но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилѣжанія“. Къ сожалѣнію, русскіе слишкомъ довѣрчивы, а учителя ихъ, которыми они подражаютъ, по изображенію „Кошеля“, дошли до послѣдней степени испорченности: „если бы Франція столько имѣла жемчуговъ, сколько имѣла Россія, то никогда бы не стала выдумывать бусовъ; нужда и бѣдность мать вымысловъ... А нынѣ развращеніе во нравахъ учителей нашихъ столь велико, что они и изъясненіе нѣкоторыхъ добродѣтелей совсѣмъ потеряли, и столь далеко умствованіями своими заходятъ, что во адъ рай свой найти уповаютъ“. Но сатирикъ скорбитъ, что наше подражаніе иноземцамъ, въ которыхъ мы прельщаемся нѣкоторыми наружными достоинствами, приноситъ намъ великій вредъ: мы становимся обезьянами, мы начинаемъ презирать и ненавидѣть нашу старину, добрыя свойства нашего народа, нашъ языкъ, который такъ портится иностранными словами, что, если не принять противъ этого сильныхъ мѣръ, то „россійскій языкъ никогда не дойдетъ до совершенства своего“... Но, восхваляя древнія добродѣтели, прекрасныя свойства русскаго народа, рекомендуя просвѣщеніе, оплакивая современную испорченность и упадокъ, журналъ не можетъ, наконецъ, разобратся въ противорѣчіяхъ: гдѣ искать причины зла и какъ отъ него избавиться? „О еслибы къ намъ вернулись наши погубленные нравы!“ Кажется мнѣ, что мудрые древніе Россійскіе Государи яво бы предчувствовали, что введеніемъ въ Россію наукъ и художествъ надрагоцннѣйшее Россійское сокровище, нравы погубятся *безвозвратно!*“ Остается опять необъясненнымъ, какимъ образомъ нравы могли погибнуть отъ наукъ, и неужели для ихъ сохраненія русскому народу надо было оставаться безъ просвѣщенія? Но въ то же время онъ восхваляетъ

просвѣщеніе Франціи и предвѣщаетъ быстрые успѣхи наукъ въ Россіи: „Франціа за распространеніе наукъ и художествъ одолжена вѣку Людовика XIV; а въ Россіи судьбою предоставлена была сія слава Екаторинѣ Великой“¹⁾.

Едва ли сомнительно, что это разнорѣчіе въ самыхъ существенныхъ вопросахъ русской жизни и просвѣщенія указывало, что взгляды самого Новикова далеко не установились: своихъ представлений о старинѣ, о достоинствахъ русскаго народнаго характера, о просвѣщеніи, о новѣйшей порчѣ русскихъ нравовъ, даже о постороннихъ людяхъ, о самихъ французахъ, онъ не умѣлъ связать въ послѣдовательное цѣлое. Чтобы разрѣшить противорѣчіе, конечно, недостаточно было одного изученія старины; нужно было опредѣлить самыя понятія просвѣщенія и нравственности, и едва ли сомнительно, что въ этихъ колебаніяхъ лежитъ причина того, что именно въ этому времени относятся первыя связи Новикова съ масонствомъ: онѣ начались въ Петербургѣ въ 1775 году и завершились подъ новыми влияніями въ Москвѣ въ восьмидесятыхъ годахъ. По его собственному показанію, онъ долго не рѣшался вступить окончательно въ масонство. Друзья зывали его въ ложу, но, повидимому, онъ не хотѣлъ въ этомъ случаѣ поступать такъ легкомысленно, какъ, вѣроятно, поступали многіе, не хотѣлъ связывать себя клятвою, когда предметъ ея былъ ему неясенъ, но, кажется, имъ очень дорожили и для него сдѣлано было исключеніе: ему сообщено было содержаніе первыхъ „степеней“ до вступленія въ ложу. Онъ не былъ, однако, удовлетворенъ той первой системою, въ которую вступилъ, и только послѣ, какъ ему казалось, онъ нашелъ „истинное“ масонство въ системѣ Рейхеля, въ актахъ которой „было все обращено на нравственность и самопознаніе“. Таковы, слѣдовательно, были предметы, разъясненіе которыхъ стало для Новикова основнымъ интересомъ.

Съ этого времени характеръ его издательства измѣняется. Это уже не были сатирическіе листки, не были спеціальныя историческія изданія; онъ предпринимаетъ, во-первыхъ, изданіе „Санктпетербургскихъ ученыхъ Вѣдомостей“ (1777), которыя должны были служить обзоромъ текущей литературы, особливо исторической, и затѣмъ изданіе журнала „Утренній Свѣтъ“ (1777—1780), который уже былъ посвященъ именно предметамъ нравственности и самопознанія. Журналъ долженъ былъ имѣть единственнымъ предметомъ укрѣпленіе и врачеваніе души и духа.

¹⁾ Многочисленныя цитаты собраны у Незеленова, стр. 208—216.

Человѣкъ есть „истинное средоточіе сей сотворенной земли и всѣхъ вещей“; нѣтъ ничего „премъзачтѣе, величественнѣе и благороднѣе человѣка и его отъ Источника благъ происходящихъ свойствъ“. Новѣйшая философія унижаетъ человѣческую личность; поэтому журналъ намѣревался противоудѣйствовать писателямъ подобнаго рода, которыхъ блескъ подобенъ блеску сусальнаго золота: обольщенные ими читатели „скоро могутъ придти сами въ себя, если мечтательныя оныхъ красоты, подобно въ нашемъ воздухѣ зимою блестящимъ снѣжнымъ частицамъ, увидать растаевающими и въ ничто обращающимися при восхожденіи *Солнца правды*“. Журналъ долженъ былъ обнять всѣ области нравовенія, но такъ какъ, говорится въ предисловіи журнала, есть люди, которые сами попираютъ ногами свое человѣческое достоинство и которыхъ можно поэтому считать за дивныхъ звѣрей, только скитающихся въ человѣческомъ образѣ, то для нихъ „всеобщая сатира да будетъ бичемъ, коимъ мы станемъ пороки и сихъ нечеловѣковъ наказывать“. Для этой возвышенной цѣли—выяснить человѣческое достоинство и его нравственныя требованія—журналъ намѣренъ былъ широко пользоваться лучшими произведеніями иностранныхъ литературъ, а именно, „изъ наилучшихъ греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ и шведскихъ писателей“, а также изъ російскихъ твореній. Дѣйствительно, въ журналѣ помѣщены многочисленныя переводы изъ древнихъ и новыхъ писателей по разнымъ вопросамъ нравственности; здѣсь явились знаменитыя „Ноши“ Юнга, „Мягнія“ Паскаля и особливо переводы изъ нѣмецкихъ писателей—моралистовъ, пѣтистовъ и мистиковъ. Господствующимъ тономъ журнала становится пѣтизмъ; приводимъ нѣсколько его темъ.

Высшее знаніе есть самопознаніе. Человѣкъ—„слабое чадо праха“, „червь“; но въ то же время онъ—„Богъ“: если Богъ пролилъ Свою кровь, то не для червя Онъ это сдѣлалъ,—и ангелы удивляются человѣческому величію. Природа человѣка совершенна и достойна высочайшаго почитанія. Богъ поставилъ человѣка вѣнцомъ творенія; для насъ существуетъ вся природа. Если человѣкъ не будетъ почитать себя важною частью творенія, то онъ не можетъ ни мыслить, ни поступать благородно; думая о величій души, онъ становится нравственнѣе. Каждый человѣкъ самъ создаетъ свое величество; онъ свободенъ. Человѣкъ созданъ для блаженства, и это блаженство—въ насъ самихъ.

Человѣкъ счастливъ и въ оковахъ, если „добродѣтеленъ“ и „искусенъ въ знаніяхъ“, — душу заковать нельзя. Мы выше всѣхъ бѣдствій земной жизни: можно ли назвать несчастнымъ не-

вольника, который на-завтра будет королемъ,—мрачная ночь подаетъ болѣе свѣту звѣздамъ. Но особенно высокъ человекъ нравственнымъ долгомъ: исполненіе этого долга приближаетъ его къ высочайшему примѣру совершенства—уподобляетъ нашему небесному Отцу. Человекъ—цѣль мірозданія, но для его величія мало быть только цѣлью,—онъ долженъ быть и средствомъ, т.-е. долженъ способствовать благу всего окружающаго его,—въ этомъ наше „сообразованіе“ съ Богомъ.

Жизнь дѣлаетъ душу рабою праха; смерть даетъ ей крылья. Жизнь низвергаетъ самого человека, а смерть уничтожаетъ только тѣло, и зато освобождаетъ душу. Противоположность жизни и смерти—то же, что противоположность тѣла и духа: тѣло есть часто „пища сластолюбивыхъ взоровъ“; всякое тѣлесное наслажденіе, напр. пиры, не есть что-либо высокое,—лучше не нуждаться въ матеріи; когда душа освободится отъ тѣла, она будетъ созерцать истину и жить внутри себя самой,—въ этомъ и заключается блаженство человека. Съ этой точки зрѣнія взаимная любовь мужчины и женщины считается зломъ: она рождаетъ пороки; она относится къ тѣлу, къ „сложенію“ человека, и вѣчно ведетъ борьбу съ добродѣтелью; и въ этомъ случаѣ она для насъ очень опасна: удержатъ насъ отъ паденія изъ-за нея можетъ только „необыкновенное дѣйствіе милости Божіей“. Стыдливость говорить намъ, „чтобы мы старались скрыть восхищенія исполненное средство наше со скотами“, а это показываетъ, „что человекъ даже и на высочайшей степени блаженства земного себя унижаетъ“.

Въ Юнговыхъ „Ноцахъ“ отвергается даже разумъ и искусство: „Земная премудрость причинила много пользы въ художествахъ и наукахъ, въ войнѣ и въ мирѣ, да еще и болѣе учинить можетъ; но художество и наука, яко твоя собственность, остави ты по смерти твоей сугубымъ нищимъ“. Даже „смѣхъ есть едва ли не преступленіе“.

Наконецъ, сообразно съ этимъ понятіемъ о высокомъ достоинствѣ человеческой души, моралистъ постоянно указываетъ на тщету земного богатства и величія, титуловъ, власти, сословныхъ предразсудковъ и родовой гордости. Правила о добродѣтели выше всего этого: у Божьяго престола всѣ будутъ равны; слава наша идетъ не отъ предковъ, а отъ нашихъ добрыхъ дѣлъ,—въ Турціи считаютъ и лошадиные роды. Цари, какъ и простые люди, передъ Богомъ—прахъ и пепель; будучи добродѣтельными, мы равны царямъ и „всѣмъ гордымъ комедіантамъ, которые на позорищѣ семь играютъ роли владыкъ“; монархамъ и министрамъ

надо оказывать вѣншее высокопочитаніе, но сердца наши преклоняются только передъ достоинствомъ. „Мудрость рѣдко бываетъ въ сенатахъ и снодахъ“; придворные—пусты, льстецы, корыстолюбивы; „принцы“ бываютъ обладателями свѣта, но остаются рабами своихъ страстей.

Изъ „Разговоровъ Діогена Синопійскаго“ извлекается, между прочимъ, такое обращеніе къ богачамъ: „Вы, сыны счастья! скоро умѣете расчислать. Исчислите же, сколько тысячъ тварей вашего рода должны нищенствовать для того, чтобы одинъ изъ васъ могъ ежегодно 40 или 50 талантовъ проѣсть? Не должны ли вы добро дѣлать, ежели и для того только, чтобы устранить отъ себя ненависть, вдыхаемую видомъ сластолюбія и расточенія вашего, согражданъ вашихъ, съ тяжчайшимъ трудомъ едва могущихъ приобрести дѣтямъ своимъ только хлѣба, сколько вы сами своимъ къ обѣду дать можете. Подумайте немного о семъ, когда осмѣлюсь васъ попросить!“¹⁾

Съ вѣншей стороны было очень характерно слѣдующее. Издатели журнала скромно говорятъ о своемъ трудѣ, ссылаясь на свою „младость“, которая „едва достигаетъ и до утренняго свѣта въ жизни“,—всѣмъ десяти издателямъ вмѣстѣ не болѣе 30 лѣтъ; біографъ Новикова справедливо объясняетъ, что этотъ счетъ годовъ ведется отъ вступленія ихъ въ масонство, такъ что круглымъ счетомъ въ то время они пребывали въ немъ около трехъ лѣтъ. Другая любопытная черта заключалась въ томъ, что журналъ издавался съ благотворительною цѣлью: прибыль его шла для основанія въ Петербургѣ первоначальныхъ училищъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей. Цѣль была не только въ призрѣніи этихъ бѣдныхъ дѣтей, но и въ заведеніи „порядочнаго и постояннаго училища, въ которомъ бы наилучшимъ и кратчайшимъ способомъ дѣти научались, приобывали ко благонравію и заочивались къ дальнѣйшему ученію, для собственной своей и отечества своего пользы“. Издатели, не довольствуясь своими средствами, конечно, не весьма значительными (хотя журналъ имѣлъ успѣхъ), задумали привлечь къ своему дѣлу и все русское общество, и дѣйствительно, они стали получать эту помощь деньгами, помѣщеніемъ для школъ, вещами; многое они могли покупать по самой низкой цѣнѣ; многія лица стали принимать на свой счетъ содержаніе питомцевъ; основатели школы радовались и благотворенію, и „любопытному посѣщенію съ примѣчательнымъ возрѣніемъ нашихъ соотчичей на препровождаемое здѣсь

¹⁾ Подробныя цитаты собраны у Незеленова, стр. 236—261.

временемъ ученіе“. Вскорѣ устроены были два правильныя училища съ пансіонерами и приходящими учениками, платными и даровыми; одно изъ нихъ названо Екатерининскимъ, другое Александровскимъ. „Но, несмотря на все это, несмотря на то, что оба училища были торжественно открыты и освящены самимъ архіепископомъ Гавріиломъ, который шелъ въ нихъ изъ церквей, при которыхъ онѣ учреждены, по совершеніи имъ литургіи, въ мантіи, въ сопровожденіи духовенства и всѣхъ прихожанъ,—несмотря на все это, императрица ничѣмъ не выразила, насколько мы знаемъ, своего сочувствія училищамъ“, говоритъ біографъ Новикова. Когда вскорѣ послѣ того правительство обратило вниманіе на необходимость позаботиться о народномъ образованіи и въ 1782 былъ выписанъ изъ-за границы извѣстный педагогъ Янковичъ де-Миріево, Новиковъ не былъ приглашенъ къ участию въ этомъ дѣлѣ.

Характеризуя журналъ „Утренній Свѣтъ“, біографъ Новикова оспариваетъ принятое мнѣніе, что этотъ журналъ, какъ и послѣдующіе, были журналы масонскіе, и съ своей стороны думаетъ, что взгляды, находившіе здѣсь мѣсто, могли принадлежать масону и не-масону ¹⁾. Это замѣчаніе, однако, довольно странно. Масонство, кромѣ своей спеціальной легенды о происхожденіи ордена и своей условной обрядности (то и другое составляло тайну), вовсе не имѣло какого-либо особаго нравственнаго или философскаго ученія, которое принадлежало бы исключительно ему. Совсѣмъ напротивъ: это было вовсе не ученое или литературное явленіе, а только общественно-бытовое; не было никакой спеціальной масонской философіи, и масонство въ своихъ различныхъ формахъ обильно черпало, что считало нужнымъ, изъ обыкновенной литературы, не имѣвшей къ ордену ни малѣйшаго отношенія. Отдѣльныя формы масонства налагали только свою особую печать на эти заимствованія намѣреннымъ подборомъ литературы. Въ разныхъ „системахъ“ этотъ подбор бывалъ различенъ. Такъ масонству ни мало не принадлежали, напримѣръ, библейскія преданія или средневѣковыя легенды, какія оно эксплуатировало для мнимой исторіи своего ордена; такъ ему нисколько не принадлежала громадная мистическая литература древнихъ и новыхъ временъ, которая въ нѣкоторыхъ системахъ масонства становилась краеугольнымъ камнемъ орденскихъ ученій; такъ ему вовсе не принадлежала другая громадная литература—алхимія, магія и иныхъ „тайныхъ наукъ“, которыя

¹⁾ Невзленовъ, стр. 235, 252, 255, 269, 275 и др.

эксплуатировались, напр., въ розенкрейцерствѣ. Была, конечно, и особая литература самихъ масоновъ съ своими формами и языкомъ, какъ, напр., рѣчи или поученія, которыя говорились въ ложахъ, пѣсни, которыя пѣлись въ собраніяхъ, и инныя сочиненія на тему масонскаго братства и т. п.; бывали собственныя творенія масоновъ на темы пѣтизма, мистики, тайныхъ наукъ, предназначенныя специально для „братьевъ“ (у насъ онѣ оставались обыкновенно въ рукописяхъ, хотя иногда и печатались для своего довѣреннаго круга), но это были обыкновенно упражненія на чужія темы, только прилаженныя къ той или другой „орденской“ системѣ. Такимъ образомъ, когда говорилось о томъ, что „Утренній Свѣтъ“, какъ и позднѣйшія изданія Новикова въ этомъ родѣ, были изданія масонскія, это было совершенно справедливо: дѣло было не въ какихъ-нибудь специально масонскихъ сочиненіяхъ, которыя исключительно наполняли бы журналъ, а въ подборѣ литературы, отвѣчавшей тогдашнему настроенію кружка. Дѣйствительно, Новиковъ, какъ мы видѣли, искалъ въ это время ученій, относившихся къ нравственности и самопознанію; масонская система, къ которой онъ тогда присоединился, отличалась пѣтизмомъ, и „Утренній Свѣтъ“ наполненъ произведеніями этого направленія,—поэтому здѣсь еще нѣтъ никакой розенкрейцерской алхиміи, въ которую Новиковъ увѣровалъ впоследствии, хотя и теперь была уже готовность допустить, что древніе знали многія тайны, какихъ мы уже не имѣемъ ¹⁾.

Очевидно, что существеннымъ во всемъ этомъ было не то, что Новиковъ вступилъ въ „орденъ“ и извлекъ именно изъ него какое-либо руководство, а то, что въ масонствѣ онъ встрѣтилъ людей, одинаково съ нимъ увлеченныхъ вопросами нравственности и самопознанія. Масонство доставляло только пунктъ взаимнаго сближенія: нѣкоторые (и въ числѣ ихъ былъ самъ Новиковъ) думали, что въ этомъ обществѣ на его высшихъ ступеняхъ въ самомъ дѣлѣ можетъ храниться особое возвышенное знаніе; такого знанія ждали потомъ и въ розенкрейцерской системѣ; но мы

¹⁾ Поэтому, когда биографъ Новикова говоритъ, что масонство „Утренняго Свѣта“ „далеко не доходить до тѣхъ нелѣпныхъ бредней, которыми отличался, какъ извѣстно, орденъ свободныхъ каменщиковъ“, и что Новиковъ показалъ здѣсь свое „постоянное живое чувство мѣри“ (стр. 255, 261), то здѣсь оказывается двойная ошибка. Во-первыхъ, орденъ свободныхъ каменщиковъ самъ по себѣ вовсе не отличался нелѣпными бреднями, какія авторъ предполагаетъ: алхиміей и магіей занимались только нѣкоторыя системы, какъ, напр., розенкрейцерство, до котораго Новиковъ тогда еще не доходилъ. Во-вторыхъ, „чувство мѣри“ потерялъ и самъ Новиковъ, когда познакомился съ орденомъ Златорозоваго Креста. Подобнымъ образомъ странно предположеніе о масонствѣ на стр. 269.

видѣли, что содержаніе своихъ „масонскихъ“ журналовъ кружокъ Новикова находилъ въ литературѣ, которая была вовсе не масонскою. Главнымъ мотивомъ его настроенія было то направленіе, которое во второй половинѣ вѣка уже сильно развивалось въ Европѣ, и въ частности въ Германіи, въ оппозицію къ матеріализму французской философіи. Извѣстно, что эта оппозиція сказалась тогда въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Руссо былъ уже врагомъ энциклопедистовъ; сухія формулы матеріализма вызывали протесты идеалистической философіи и поэтическаго чувства; наконецъ, такою оппозиціей былъ пѣтизмъ. Послѣдній не даромъ возобладалъ въ нашей литературѣ въ кружкѣ Новикова, самомъ просвѣщенномъ кружкѣ тогдашняго русскаго общества. Тотъ протестъ противъ узкаго матеріализма, въ которомъ сходились, напр., самые возвышенные умы нѣмецкой литературы конца вѣка, гдѣ уже дѣйствовали Лессингъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, гдѣ начиналось поклоненіе грекамъ и Шекспиру, гдѣ были уже зародыши романтизма, — этотъ протестъ для сознательности котораго требовалась высокая степень просвѣщенія и настоящей учености, былъ не по силамъ русскаго общества, въ ничтожныхъ размѣрахъ его образованія: по силамъ былъ другой путь, который представлялся пѣтизмомъ. Онъ имѣлъ въ нѣмецкой литературѣ многочисленныхъ представителей и богатые antecedentes еще съ среднихъ вѣковъ и широко развился на протестантской почвѣ: мы видѣли, что „Утренній Свѣтъ“ черпалъ въ особенности въ нѣмецкой литературѣ.

Въ 1779 году извѣстный Херасковъ, который былъ кураторомъ московскаго университета и также масономъ, предложилъ Новикову взять въ аренду университетскую типографію и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Новиковъ принялъ предложеніе, переѣхалъ въ Москву, и отсюда начинается новый періодъ его жизни. Онъ развилъ въ Москвѣ необычайную дѣятельность. По окончаніи „Утренняго Свѣта“ онъ сталъ издавать въ Москвѣ его продолженіе подъ названіемъ „Московскаго ежемѣсячнаго изданія“ (1781); затѣмъ слѣдовали „Вечерняя Заря“ (1782), прибавленія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ (1783—1784), наконецъ „Повоизійся Трудолюбець“ (1784—1785). Кромѣ этихъ журналовъ началось въ Москвѣ обширное издательство книгъ. Новиковъ привелъ въ порядокъ и расширилъ типографію и уже въ первый годъ управленія сдѣлалъ восемь изданій; въ 1786, за шесть лѣтъ, Новиковъ напечаталъ въ университетской типографіи больше 400 названій книгъ, больше, чѣмъ типографія выпустила раньше за все время своего существованія. Въ 1783

году вышелъ указъ о вольныхъ (т.-е. частныхъ) типографіяхъ: Новиковъ тотчасъ открылъ свою типографію, другая открыта была на имя Лопухина, третья на имя Типографической компаніи (о которой скажемъ дальше), наконецъ была еще тайная типографія для печатанія масонскихъ книгъ. Всѣ эти типографіи находились подъ управленіемъ Новикова: издательство приняло размѣры, до тѣхъ поръ небывалые въ Россіи; къ нему присоединилась и другая дѣятельность, въ Россіи также еще небывалая.

Мы видѣли, что уже въ Петербургѣ Новиковъ придалъ своему дѣлу общественный характеръ: онъ соединилъ вокругъ себя кружокъ людей, раздѣлявшихъ его взгляды, употреблялъ прибыли своего изданія на общественную пользу, возбуждалъ общественное участіе и инициативу; еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ онъ достигалъ этого въ Москвѣ, такъ что его дѣятельность приобрѣла значеніе знаменательнаго историческаго явленія. Въ Москвѣ встрѣтилъ онъ особый кружокъ людей, преданныхъ тѣмъ же интересамъ нравственности и самопознанія, людей подвижныхъ и дѣятельныхъ, хотя, быть можетъ, не всегда послѣдовательныхъ, какъ Лопухинъ; глубоко убѣжденныхъ пѣтистовъ, какъ Гамалія; наконецъ, людей заинтересованныхъ дѣлами самого „ордена“, вопросами масонскихъ системъ, іерархіи, сношеній съ заграничными ложами, именно нѣмецкими, въ чемъ принялъ потомъ участіе и самъ Новиковъ. Но главное, Новиковъ встрѣтилъ въ Москвѣ человека столь же убѣжденнаго и гораздо болѣе образованнаго, болѣе молодого, но который возымѣлъ на него сильное вліяніе, такъ что ему, безъ сомнѣнія, принадлежитъ большая доля заслуги въ образовательныхъ предпріятіяхъ Новикова въ Москвѣ. Это былъ Іоганнъ-Георгъ, а по-русски Иванъ Егоровичъ, Шварцъ, иностранецъ, который явился тогда живымъ представителемъ нѣмецкихъ, образовательныхъ и гуманитарныхъ, вліяній въ русскомъ обществѣ. Шварцъ (1751—1784) приглашенъ былъ въ Россію княземъ Гагаринымъ въ 1776, въ качествѣ домашняго учителя; тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію онъ принялся изучать русскій языкъ и литературу; дѣятельность Новикова была извѣстна за границей, быть можетъ, черезъ масонскія сношенія, и Шварцъ „пламенно желалъ познакомиться съ Новиковымъ“. Они встрѣтились въ 1779, когда Новиковъ переехалъ въ Москву, а Шварцъ былъ приглашенъ на университетскую кафедру. Новиковъ послѣ говорилъ: „въ одно утро пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ Ив. Ег. Шварцъ“. Нѣмчикъ, съ своей стороны, поражался энергіей

Новикова и вполне оцѣнилъ его дѣло, которое „было необыкновенно важно для русскаго просвѣщенія“. Онъ самъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе и понималъ, что для истиннаго успѣха необходимо возбудить въ нему интересъ общества и вмѣстѣ приготовить исполнителей для предпріятій, о которыхъ думалъ Новиковъ: онъ старался подготовить этихъ исполнителей изъ среды своихъ слушателей, внушая имъ любовь къ наукѣ и образу будущихъ переводчиковъ. Онъ началъ съ того, что раздѣлилъ между ними свою бібліотеку, чтобы пріохотить ихъ къ чтенію, и достигъ своей цѣли. Ученики полюбили его, отцы являлись къ нему съ благодарностью. „Все это,—разсказываетъ Шварцъ,—исполнило меня райскими ощущеніями; я сгоралъ желаніемъ выразить благодарность свою народу, столь благородному, столь жаждущему науки“. Онъ рѣшился основать общество, цѣлью котораго было бы распространеніе здравыхъ понятій о воспитаніи, умноженіе людей истинно просвѣщенныхъ, приготовленіе переводчиковъ для издательскихъ предпріятій Новикова. Еще въ концѣ 1779 г. при университетѣ учреждена была педагогическая семинарія, для которой самъ Шварцъ сдѣлалъ значительныя пожертвованія деньгами и книгами и гдѣ онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ; затѣмъ учреждено было „собраніе университетскихъ питомцевъ“, гдѣ опять руководителемъ былъ Шварцъ, и наконецъ, по его же инициативѣ основано было знаменитое „Дружеское ученое Общество“, которое сосредоточило въ себѣ названныя учрежденія, собрало пожертвованія для ихъ расширенія, содержало стипендіатовъ, руководило (въ лицѣ Шварца) ихъ занятіями, наконецъ посылало лучшихъ воспитанниковъ за границу. Чтобы оцѣнить, какой размѣръ образованія возможенъ былъ въ этомъ кругу, должно вспомнить о Карамзинѣ и его другѣ, даровитомъ, но рано умершемъ Петровѣ: едва-ли какое-нибудь изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній того времени (да ихъ было и немного) могло положить такую широкую основу гуманитарнаго образованія, каковую эти молодые друзья получили въ кругу Новикова.

Но Шварцъ недолго дѣйствовалъ въ этомъ кругу. По его смерти, главное руководство издательскими и воспитательными предпріятіями Общества легло на Новикова. Дѣятельность кружка еще расширилась, когда Дружеское Общество преобразовано было въ Типографическую Компанію. Новиковъ видимо становился высокимъ нравственнымъ авторитетомъ: въ его рукахъ сосредоточивались обширныя средства; Типографическая Компанія все расширяла свои предпріятія; для своихъ типографій она приобрѣла огромный, извѣстный въ Москвѣ, Гендриковскій домъ при

Сухаревой башнѣ, гдѣ помѣщаются теперь Спасскія казармы; здѣсь же была больница для наборщиковъ и аптека, лучшая въ Москвѣ, откуда бѣднымъ лекарства отпускались даромъ; для распространенія своихъ изданій, Новиковъ впервые завелъ обширныя книгопродавческія сношенія въ провинціи; питомцы Дружескаго Общества были исполнителями многочисленныхъ переводныхъ изданій. 1787 былъ голодный годъ; Новиковъ принималъ мѣры для помощи голодающимъ, и въ это время съ нимъ сблизился молодой офицеръ, сынъ сибирскаго богача, Походяшинъ: увлеченный примѣромъ и личностію Новикова, онъ отдалъ въ его распоряженіе почти все свое состояніе и остался бѣднымъ человѣкомъ послѣ того разгрома, который уже вскорѣ разрушилъ всѣ предпріятія Новикова.

Не будемъ рассказывать подробностей, которыя не однажды были изложены. Новѣйшій біографъ Новикова такъ опредѣляетъ общій смыслъ его дѣла: „Болѣе ста лѣтъ прошло, какъ дѣятельность Новикова прекратилась, а мы не можемъ указать въ нашей жизни другого равнаго явленія, другого столь же выдающагося дѣятеля на книжномъ поприщѣ. Само дѣло Новикова такъ велико, что не нужно много словъ для его характеристики. Скажу только, что въ дѣятельности Новикова мы должны цѣнить не только ея размѣры и ея результаты, не только то, что имъ было сдѣлано для развитія книжнаго и школьнаго дѣла, но и самую организацію дѣла. Новиковъ умѣлъ возбудить въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка необычайную энергію въ самодѣятельности. Дѣло Новикова было общественнымъ дѣломъ не только по своей сущности, по своимъ задачамъ и результатамъ, но и по своей организаціи. Въ этомъ былъ залогъ его успѣха, въ этомъ, по условіямъ того времени, была и причина его гибели“¹⁾.

Дѣятельность Новикова была въ полномъ разцвѣтѣ, когда надъ нимъ уже собиралась гроза. Мы опять не знаемъ всѣхъ фактовъ, но едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что первыя привязки къ нему произошли, когда было уже извѣстно нерасположеніе къ нему Екатерины. Прежде всего заявила къ нему претензіи комиссия училищъ за перепечатку нѣкоторыхъ учебниковъ. Новиковъ дѣлалъ это, однако, по прямому распоряженію московскаго главнокомандующаго Чернышева и не для прибыли, а для того, чтобы въ продажѣ было довольно учебныхъ книгъ по дешевой цѣнѣ; но Чернышевъ тѣмъ временемъ умеръ, и Новикову при-

¹⁾ „Починъ“, стр. 168.

шло, кажется, удовлетворить требованіямъ комиссіи. Затѣмъ оказался прямой поводъ къ неудовольствію императрицы, именно, когда Новиковъ напечаталъ исторію ордена іезуитовъ. Извѣстно, что репутація этого ордена повлекла, наконецъ, запрещеніе его самимъ папой, и исторія ордена, напечатанная Новиковымъ, была составлена соотвѣтственно съ этой репутаціей. Но извѣстно также, что Екатерина приняла орденъ подъ свое покровительство, іезуиты нашли пріютъ въ Россіи, и Новиковъ провинился тѣмъ, что не принялъ въ соображеніе тогдашняго оффиціальнаго взгляда; книга была объявлена „ругательной“, и ее велѣно было отобрать. Вскорѣ затѣмъ московскій главнокомандующій Брюсъ получилъ указъ, которымъ велѣно было сдѣлать опись изданіямъ Новикова, отдать ихъ на разсмотрѣніе московскаго архіепископа Платона, и послѣднему велѣно было также испытать въ вѣрѣ самого Новикова. Разсмотрѣвъ книги, Платонъ раздѣлилъ ихъ на три разряда: однѣ онъ считалъ весьма полезными при бѣдности нашей литературы и распространеніе ихъ находилъ очень желательнымъ; другихъ книгъ, мистическихъ, онъ, по его словамъ, не понималъ; третьи, писанныя энциклопедистами (которыхъ такъ еще недавно поощряла императрица), онъ считалъ злоуредными; что касается вѣры Новикова, Платонъ торжественно говорилъ: „молю всецѣдраго Бога, чтобы не только въ словесной пастырь, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ вѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе, какъ Новиковъ“. При этихъ условіяхъ трудно было найти основаніе къ преслѣдованію, и на нѣкоторое время Новикова оставили въ покоѣ; но неудовольствіе Екатерины продолжалось, и между прочимъ она очень недовѣрчиво взглянула на дѣйствія Новикова во время голода. Между тѣмъ, совершались событія, которыя, какъ мы видѣли раньше, произвели полный переворотъ въ настроеніи Екатерины. О прежней свободѣ „мыслить и изъясняться“ не было рѣчи; въ 1790 произошла исторія съ книгой Радищева, — Екатерина убѣждалась, что къ намъ проникла „французская зараза“. Въ томъ же году въ Москву назначенъ былъ новый главнокомандующій, князь Прозоровскій, человѣкъ невѣжественный, недалекій и жестокій. Историки цитируютъ письмо о немъ Потемкина къ Екатеринѣ: „Ваше императорское величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая непременно будетъ стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества“.

Прозоровскій думалъ, вѣроятно, что дѣлаетъ дѣла великой го-

сударственной важности, когда сталъ слѣдить не только за французами, жившими въ Москвѣ, но и за многими русскими, въ томъ числѣ, конечно, и за Новиковымъ. Онъ доносилъ въ Петербургъ о дѣйствіяхъ Новикова, которые находилъ очень подозрительными; Екатерина однако медлила, понимая, что нужны какія-нибудь основанія, чтобы принимать мѣры противъ него. Она послала въ Москву графа Безбородка, чтобы произвести негласное разслѣдованіе дѣла; но Безбородко не нашелъ никакихъ поводовъ къ преслѣдованію Новикова. Положеніе вещей становилось, однако, столь натянутымъ, что въ 1791 Новиковъ долженъ былъ прекратить существованіе Типографической компаніи. Наконецъ въ апрѣлѣ 1792 Прозоровскому посланъ былъ указъ разслѣдовать, не печатаетъ ли Новиковъ, въ противность закону, книгъ церковной печати. Прозоровскій ревностно принялся за дѣло. Послѣ закрытія Типографической компаніи, Новиковъ жилъ больной въ своемъ имѣніи подъ Москвой; для его ареста послана была гусарская команда, которая, конечно, страшно перепугала семью Новикова и деревенскихъ жителей; крестьяне провожали Новикова со слезами; въ книжныхъ лавкахъ Новикова произведенъ былъ обыскъ. Прозоровскій сдѣлалъ Новикову допросъ объ его имущественномъ положеніи и объ его изданіяхъ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ неодобрительнаго характера изданій Новикова, Екатерина не могла объяснить себѣ необыкновеннаго расширенія предпріятій Новикова и подозрѣвала его въ обманѣ довѣрчивыхъ людей для своей корысти. Екатерина писала Прозоровскому: „Вамъ извѣстно, что Новиковъ и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатаніе книгъ, давъ таковой всему благовидный видъ, что будто бы всѣ тѣ заведенія они дѣлали изъ любви къ челоуѣчеству; но слухъ давно носится, что сей Новиковъ и его товарищи сей подвигъ въ заведеніи дѣлали отнюдь не изъ челоуѣколюбія, но для собственной своей корысти, уловляя проницательствомъ и ложкою какъ бы набожностію слабодушныхъ людей, корыстовались грабленіемъ ихъ имѣній, въ чемъ онъ неоспоримымъ доказательствомъ обличенъ быть можетъ“. Прозоровскій искалъ неоспоримыхъ доказательствъ, производилъ новые розыски, отправлялъ донесенія въ Петербургъ, переписывался съ знаменитымъ Шешковскимъ, но все не былъ удовлетворенъ—доказательствъ не находилось. Онъ изображалъ Новикова какъ челоуѣка „натурой острой“ и „характера смѣлаго и дерзкаго“; онъ „таковаго коварнаго и лукаваго челоуѣка мало видать“. Сознывая, что не можетъ справиться съ этимъ коварнымъ челоуѣкомъ, который, „хотя видно, что робѣетъ, но не замѣшивается“, Прозоровскій просилъ, чтобы прислали въ

Москву упомянутого Шешковскаго. По мнѣнію Прозоровскаго, у Новикова „весь его предметъ только въ томъ, чтобы закрыть преступленіе“. Но въ чемъ преступленіе, онъ самъ не понималъ. Прозоровскій и Новиковъ не могли понять другъ друга; они говорили на разныхъ языкахъ. Рассказываютъ, что невѣжество Прозоровскаго было такъ велико, что, увидѣвъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ цифры, означавшія смыслы на священное писаніе, онъ говорилъ Новикову: „вотъ тутъ, подъ этими условными знаками, скрываются ваши зловерные замыслы и преступныя ученія; но все это теперь откроется“. Екатерина повелѣвала-было „предать Новикова законному сужденію, избравъ надежныхъ вамъ людей“, а затѣмъ послѣ ревизіи Прозоровскаго онъ долженъ былъ препроводить дѣло на разрѣшеніе въ сенатъ. Прозоровскій затруднился исполнить повелѣніе, какъ потому, что, передавъ дѣло въ обыкновенный судъ, онъ не могъ бы выбирать надежныхъ людей, такъ и потому, что при обыкновенномъ судѣ Новикова нельзя было подвергать такимъ слѣдствіямъ и на судѣ онъ могъ бы своими показаніями о масонствѣ запутать дѣло. Біографъ Новикова прибавляетъ, что Прозоровскій не указалъ еще одного довода противъ обыкновеннаго суда, а именно, что въ этомъ судѣ могли бы встрѣтиться люди, которые не нашли бы достаточныхъ основаній для осужденія Новикова, какъ послѣ встрѣтились такіе люди при судѣ надъ книгопродавцами, бравшими у Новикова запрещенныя книги ¹⁾... Въ маѣ Екатерина велѣла тайно отвезти Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость; здѣсь новыя допросы дѣлалъ ему Шешковскій, и наконецъ 1-го августа былъ подписанъ указъ, по которому Новиковъ былъ осужденъ на заключеніе въ Шлиссельбургской крѣпости на пятнадцать лѣтъ. Но въ указѣ говорилось, что и это рѣшеніе было смягченіемъ „нещадной казни“, которой онъ подлежалъ бы по силѣ законовъ за свои „обнаруженныя и собственно имъ признанныя преступленія“, „хотя онъ и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ“... Черезъ четыре года Екатерина умерла, императоръ Павелъ освободилъ Новикова, который вышелъ изъ Шлиссельбурга драхлымъ старикомъ ²⁾).

¹⁾ „Починъ“, стр. 175.

²⁾ Другъ Новикова Гамалѣя писалъ въ декабрѣ 1796: „Онъ прибилъ къ намъ 19-го ноября поутру, драхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ“. Дальше онъ прибавляетъ: „по написаніи сего получилъ я письмо Николая Ивановича, что онъ 5-го числа послѣ полудня въ 5 часовъ представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ что описать не можетъ—слава Богу!“—„Лично знавшій Новикова знаменитый художникъ Витбергъ рассказывалъ впоследствии, что Павелъ просилъ

Теперь, когда извѣстны по крайней мѣрѣ тѣ вопросные пункты, какіе поставлены были Новикову, и его отвѣты, можно составить себѣ понятіе о сущности дѣла. На всѣхъ его историковъ это дѣло производитъ одинаковое впечатлѣніе ¹⁾. Участъ Новикова была рѣшена безъ всякаго правильнаго суда: никакихъ неоспоримыхъ доказательствъ для взведенныхъ на него обвиненій найдено не было; на какіе-нибудь „современные замыслы“, требовавшіе смертной казни, не было никакого указанія; обвиненіе въ „гнусномъ расколѣ“ противорѣчитъ показанію компетентнаго судьи, архіепископа Платона; дѣятельность масонская не была запрещена ни раньше, ни послѣ; было одно—тайное печатаніе недозволенныхъ книгъ; въ этомъ виноватъ былъ не одинъ Новиковъ, а столько же, если не больше, и его друзья, и впоследствии книгопродавцы, бравшіе у Новикова такіа книги, наказаны не были, слѣдовательно этимъ книгамъ не придавали особеннаго значенія. Суровое осужденіе постигло одного Новикова, такъ что этимъ поразился даже тупоумный князь Прозоровскій: „я не понимаю конца сего дѣла,—писалъ онъ полуграмотно своему другу Шешковскому:—какъ ближайшіе сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники“. И это было справедливо, потому что въ сущности друзья Новикова, если никакъ не могли равняться съ нимъ энергіей труда, вполне знали и дѣлили его мысли и планы.

Такимъ образомъ все сводится къ его собственной личности. Еще Карамзинъ искалъ причины гоненія въ тѣхъ подозрѣніяхъ, какія возбудила раздача Новиковымъ пособій голодающимъ — не знали источника тѣхъ суммъ, какія онъ употребилъ на это, и которыя доставлены были упомянутымъ почитателемъ его Походяшинымъ; могли внушать подозрѣніе масонскія отношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ или принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и прусскимъ министромъ Велльнеромъ, но эти сношенія были чисто „орденскія“, и никакимъ образомъ нельзя было придать имъ какого-нибудь политическаго значенія; точно также масоны не осмѣлились бы имѣть какія-нибудь политическія затѣи въ сношеніяхъ съ в. кн. Павломъ Петровичемъ, которому поднесли однажды свои масонскія издѣлія, — это опять относилось только къ „ордену“,

---

у Новикова прощенія за мать и при этомъ даже всталъ на колѣни: эксцентрическій, странный, но великодушный поступокъ больного императора“ (Незеленовъ, „Литературнаго направленія“ и пр., стр. 385).

¹⁾ Только А. Н. Поповъ, издавшій новыя документы по Новиковскому дѣлу въ Сборникѣ Историческаго Общества, т. II, находилъ, что отвѣты Новикова были неудовлетворительны; намъ этого не казалось, тѣмъ болѣе, что и весь судъ былъ неудовлетворительный; иначе говоря, его совсѣмъ не было.

къ которому у великаго князя предполагали нѣкоторую благо-склонность ¹⁾... Еще при жизни Екатерины, Безбородко говорилъ Лопухину о преслѣдованіи Новикова: „дѣло сіе несоотвѣтственно ея славѣ“; Карамзинъ въ запискѣ о Новиковѣ, написанной для императора Александра, называлъ Новикова „невиннымъ стра-дальцемъ“, „жертвою несправедливаго подозрѣнія“, — мы должны повѣрить этимъ двумъ свидѣтелямъ, конечно, близко знавшимъ все дѣло. Но молва шла: въ толпѣ повѣрили, что Новиковъ дѣйстви-тельно совершилъ что-то крайне преступное, — такъ писалъ тогда о немъ въ своихъ запискахъ Болотовъ со свойственной ему глу-поватостью ²⁾. Съ другой стороны долго продолжались инсинуаціи злобныхъ людей, какъ Ростопчинъ, которыя и въ наше время не стыдился повторять г. Бартоновъ ³⁾. Остается единственное за-ключеніе, къ которому невольно приходили историки Новикова и также его новѣйшій біографъ: „Чтобы объяснить осужденіе Но-викова, необходимо взять всю его дѣятельность въ совокупности; въ ея общемъ характерѣ, въ ея значеніи мы найдемъ ключъ къ дѣлу. Новиковъ былъ самостоятельнымъ общественнымъ дѣяте-лемъ, и вотъ этого-то Екатерина не хотѣла и не могла простить ему. Новиковъ дѣлалъ широкое и важное общественное дѣло не-зависимо отъ официальнаго направленія, безъ прямой связи съ дѣятельностью тогдашняго правительства, и этого было достаточно, по условіямъ того времени, чтобы вызвать противъ него гоненія. Только этой общей причиной и можно объяснить осужденіе Но-викова: онъ былъ главою общественнаго движенія“ ⁴⁾.

Въ этомъ смыслѣ Новиковъ былъ замѣчательнѣйшимъ дѣяте-лемъ русской литературы и общественности второй половины вѣка.

¹⁾ Разбиралъ журналы Новикова изъ его масонскаго періода и приводитъ указан-ныя выше разсужденія „Утренняго Свѣта“ о земныхъ владыкахъ, г. Незеленовъ за-мѣчаетъ: „Не должно думать, что подобныя отмеченныя идеи могли привести изда-телей „Утренняго Свѣта“ къ какой-либо политической дѣятельности: политическихъ цѣлей журналъ не имѣлъ, и когда ему приходилось въ этомъ вопросѣ сходить на реальную почву, онъ высказывалъ обывденные общіе взгляды“.

О другомъ журналѣ тотъ же авторъ замѣчаетъ: „Относительно формъ государ-ственнаго правленія, „Веч. Заря“, кажется, подобно предшествовавшимъ ей изданіямъ, не имѣла опредѣленныхъ взглядовъ. По окончанію статьи „Аристидъ, изгнанный изъ отечества“, можно, повидимому, подумать, что журналъ сочувствуетъ республикѣ или ограниченной монархіи. Но едва ли это такъ: 18-й вѣкъ былъ до такой степени при-вязанъ къ резонерству и фразѣ, что они забрались даже въ новиковскія изданія“... Къ Новикову вовсе не могли идти упреки въ возбужденіи въ обществѣ какихъ-либо революціонныхъ стремленій („Новиковъ“ и пр., стр. 248, 311, 313).

²⁾ Ее отличалъ уже г. Незеленовъ („Литературныя направленія“, стр. 26).

³⁾ Р. Архивъ, 1895.

⁴⁾ „Починъ“, стр. 178—179.

Въ немъ впервые возникла нравственная потребность общественной инициативы, и никто не умѣлъ пробуждать ее въ такой степени примѣромъ собственнаго глубокаго убѣжденія и практической энергіи. Ближайшее молодое поколѣніе, къ которому принадлежалъ, напр., Карамзинъ, признавало, что онъ первый создавалъ у насъ любовь къ чтенію и любовь къ наукѣ. Въ практическомъ отношеніи онъ первый создалъ у насъ широкое издательство и книжную торговлю, которыя могли быть поддержаны умѣлой организаціей и подборомъ издаваемыхъ сочиненій. Возбуждая общественное мѣнѣіе и самодѣятельность въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какимъ былъ, на примѣръ, упомянутый голодъ, Новиковъ привлекалъ вниманіе общества и къ такимъ постояннымъ вопросамъ, какъ народная школа, какъ попеченіе о бѣдныхъ сиротахъ; небывалымъ раньше дѣломъ была опять инициатива, принадлежавшая ему вмѣстѣ съ Шварцомъ въ заботѣ о воспитаніи юношества высшихъ школъ въ смыслѣ того „самопознанія“, которое издавна было его личнымъ нравственнымъ вопросомъ.

Но какое мѣсто занимаетъ дѣятельность Новикова въ общемъ ходѣ общественныхъ и литературныхъ понятій того времени? Отчасти мы уже касались этого предмета и указывали, что направленіе, которому служилъ Новиковъ и которое до значительной степени характеризуется его присоединеніемъ къ масонскому кружку, было стремленіе общеобразовательное и воспитательное въ томъ консервативномъ духѣ, который во второй половинѣ XVIII-го вѣка выразился оппозиціей скептицизму и матеріализму французской философіи. Эта точка зрѣнія была весьма естественна при тогдашней степени русскаго образованія: эта степень была еще такъ низка, громадное большинство даже нѣсколько учившихся людей находилось еще въ столь первобытномъ состояніи, что болѣе высокія требованія мысли были бы обществу совершенно не по силамъ. Въ этомъ легко убѣдиться, вспомнивъ (отчасти нами указанный) уровень понятій у самихъ первостепенныхъ писателей того времени, вспомнивъ, какой карриатурой было у насъ такъ-называемое вольтеріанство, и т. п. Новиковъ имѣлъ въ виду именно большую массу общества, и поэтому уже не могъ задаваться какими-либо болѣе мудреными задачами человѣческаго мышленія, давать мѣсто какому-либо вольномыслию; наконецъ, и самъ онъ по своему развитію принадлежалъ къ тому же среднему слою тогдашняго образованія. Онъ былъ воспитанъ, безъ сомнѣнія, еще въ старыхъ патріархальныхъ понятіяхъ и вполнѣ рвено восхвалялъ древнія русскія

добродѣтели; возбужденный временами „Наказа“, онъ направилъ свое горячее патріотическое чувство на ту проповѣдь гуманности, просвѣщенія и общественной справедливости, которая, на то время, совпадала съ идеями „Наказа“, но была искренна и не хотѣла прикрывать вопіющихъ волеѣ русской жизни и извинять пороки, называя ихъ слабостями. Когда въ эту пору въ наше общество литературными и иными путями проникали въ безпорядочномъ смѣшеніи отголоски идей, волновавшихъ европейскій Западъ, естественно было, что у людей, серьезно относившихся къ предметамъ личной и общественной нравственности, должна была явиться потребность выйти изъ этого смѣшенія понятій въ какое-нибудь опредѣленное мировоззрѣніе, которое удовлетворило бы ихъ основному унаслѣдованному чувству и вмѣстѣ казалось бы логической системой. Новиковъ думалъ, что найдетъ то и другое въ масонской ложѣ. Еслибы онъ владѣлъ болѣе серьезнымъ образованіемъ, онъ, быть можетъ, самъ извлекъ бы подобную нравственную систему изъ собственныхъ изученій философскихъ, историческихъ и т. д.; но едва ли сомнительно, что въ такой задачѣ онъ былъ вовсе не подготовленъ. Мы видѣли выше, въ какихъ выраженіяхъ говорилъ онъ о своемъ скудномъ образованіи, и слова его были вѣроятно справедливы. Лишенный, такимъ образомъ, помощи самостоятельнаго научнаго мышленія, онъ долженъ былъ искать выхода въ какой-либо популярной философіи, и именно такую философію показалось ему масонское ученіе. Онъ приступилъ къ нему не вдругъ, онъ не хотѣлъ себя связывать невѣдомыми обязательствами; но мы упоминали, что друзья, очевидно, высоко его цѣнившіе, облегчили ему этотъ путь. На первый разъ онъ не вполне удовлетворился тѣмъ, что нашелъ въ масонскихъ ложахъ, но потомъ онъ встрѣтилъ однако то, чего искалъ, именно, ученіе о нравственности и самопознаніи. Вся эта масонская вѣра кажется намъ теперь очень странной; но если „орденская“ легенда находила тогда вѣру въ обществахъ гораздо болѣе образованныхъ, то неудивительно, что ей повѣрили и у насъ. Разъ вступивъ на эту дорогу, Новиковъ уже не сходилъ съ нея: онъ вѣрилъ, что дѣйствительно можетъ найти въ масонствѣ какія-то необычныя тайны высокаго знанія и все больше отдавался мистицизму и вѣрѣ въ тайныя науки. Новѣйшій биографъ полагаетъ, что о мистицизмѣ Новикова нельзя судить по его письмамъ изъ Александровской эпохи, когда онъ былъ больнымъ старикомъ, вся жизнь котораго была разбита, и когда въ результатъ страшныхъ потрясеній его мистицизмъ до-

шелъ до крайности ¹⁾. Но это не совсѣмъ точно. Всѣ задатки мистицизма были готовы еще въ восьмидесятыхъ годахъ, въ эпоху дружбы съ Шварцомъ. Во время поѣздки на масонскій конвентъ въ Вильгельмсбадъ, въ 1782 году, Шварцъ познакомился въ Берлинѣ съ представителями „Златорозоваго Креста“: съ этой поры начались сношенія съ берлинскими розенкрейцерами, въ которыхъ самъ Новиковъ являлся дѣйствующимъ лицомъ ²⁾; посылался за границу Кутузовъ для изученія розенкрейцерскихъ таинствъ; въ лекціяхъ самого Шварца философскіе предметы излагаются въ алхимическихъ терминахъ и т. д. Такимъ образомъ мистицизмъ Новикова не былъ слѣдствіемъ старчества, а напротивъ, давнишней чертой его взглядовъ, и это было естественно: для понятій болѣе научныхъ во всемъ этомъ кругу еще не было средствъ, и мистицизмъ являлся системой доступною, какъ по своей связи съ традиціонными вѣрованіями, такъ и по его неопредѣленности. Въ общей исторіи нашего образованія въ XVIII вѣкѣ, это была своего рода приготовительная ступень, первый опытъ „направленія“, обнимаваго болѣе или менѣе значительныя группы общества, первый опытъ логической и нравственной дисциплины извѣстнаго общественнаго взгляда.

Слѣдствіе той же ограниченности средствъ, которая не допускала болѣе широкаго научнаго міровоззрѣнія, масонскій мистицизмъ не встрѣтилъ въ нашей литературѣ другого отпора, кромѣ упомянутыхъ раньше комедій Екатерины II и той полемики, какую вели кн. Прозоровскій и Шешковскій; но ни то, ни другое, конечно, не было доказательствомъ. Правда, московскій кружокъ держалъ въ великой тайнѣ свои розенкрейцерскія ученія, но тогъ ихъ до извѣстной степени связывался и въ печатныхъ книгахъ. И если въ общемъ смыслѣ масонскій союзъ былъ въ извѣстной мѣрѣ успѣхомъ, какъ опытъ „направленія“, какъ желаніе опредѣлять свое міровоззрѣніе на распутіи между дѣдовскою стариною и новыми европейскими вліяніями, то была въ этомъ движеніи и своя обратная сторона: масонскій союзъ не удержался на ступени простаго смягченія общечитія, филантропіи и заботы о просвѣщеніи, и увлекся въ тѣ извращенія, какія произошли въ новѣйшихъ западныхъ „системахъ“ и вмѣстѣ съ послѣдними проникли къ намъ. Наши масоны отчасти поняли, что „рыцарскіе градусы“ не имѣютъ у насъ никакого смысла,

¹⁾ „Починъ“, стр. 160.

²⁾ Его розенкрейцерскія письма отъ 1784 года напечатаны мной въ „Матеріалахъ для исторіи масонскихъ ложъ“, „Вѣсти. Европѣ“, 1872, январь, стр. 181—190.

но они не поняли, что столь же мало смысла имѣть розенкрейцеровская алхимія и магія. Между тѣмъ послѣднія видимо были для нихъ очень привлекательны. Упомянутые масонскіе архивы въ Петербургѣ и въ Москвѣ еще не изучены достаточно, но, насколько мы имѣли случай съ ними познакомиться, въ нихъ находится не мало любопытнаго для знакомства съ „умоначертаніемъ“ нашихъ предковъ прошлаго вѣка, и въ частности съ интересами Новиковскаго кружка. Между прочимъ, значительное число рукописей относится къ этому эпизоду розенкрейцеровства: Новиковскій кружокъ владѣлъ только первыми степенями этой системы, но было уже переведено не мало алхимическихъ и магическихъ твореній, которыя, какъ видно изъ рукописей, продолжали обращаться и пополняться и въ Александровское время. Можно представить себѣ, каково было образовательное значеніе этой алхиміи и магіи въ первой четверти XIX-го вѣка. Извѣстно, что въ Александровское время масоны старой шволы бывали всего чаще злостными обскурантами: это было естественное слѣдствіе того склада мыслей, какой образовался въ московскомъ розенкрейцеровскомъ кружкѣ.

Къ счастью, въ своихъ издательскихъ предпріятіяхъ Новиковъ не руководился исключительно идеями своего „ордена“. Съ давняго времени онъ дорожилъ интересами просвѣщенія въ болѣе широкомъ смыслѣ. Его журналы бывали всего больше эклектическими сборниками произведеній европейской литературы, правда, съ преобладающимъ намѣреніемъ противодѣйствовать матеріализму, но безъ алхиміи и магіи и съ указаніемъ великой важности научнаго знанія. Въ числѣ изданій Типографической компаніи было не мало полезныхъ книгъ научнаго характера и вовсе не масонскихъ. Изъ питомцевъ этого кружка вѣроятно многіе увлеклись въ мистицизмъ; иные завѣдомо стали мистическими обскурантами; но въ этомъ кружкѣ была однако возможность и значительнаго по времени литературнаго образованія. Любопытный примѣръ послѣдняго представляютъ два упомянутые друга — Карамзинъ и Петровъ: ихъ литературные интересы были едва ли не шире, чѣмъ у кого-либо изъ тогдашнихъ писателей, даже „опытныхъ“; по письмамъ Петрова къ Карамзину видно, что первый былъ въ „орденѣ“, но Карамзину, хотя онъ былъ близокъ съ этимъ кружкомъ, предоставили въ этомъ отношеніи полную свободу, и онъ не вступилъ въ ложу.

До сихъ поръ остается невыяснено, насколько Новиковъ дѣйствовалъ въ своихъ журналахъ какъ писатель, — хотя г. Незеленовъ посвятилъ этимъ журналамъ цѣлую книгу, впрочемъ инте-

ресную. Мы видѣли, что такъ-называемые масонскіе журналы Новикова въ большой мѣрѣ наполнены переводами, и съ указаніемъ писателей; но иногда и тамъ, гдѣ нѣтъ имени автора, можно также предполагать переводъ; могло быть, что по иностранному образцу составлены и другія статьи, помѣченныя русскими фамиліями или инициалами. Авторъ книги о Новиковѣ чувствовалъ необходимость спеціальнаго біографическаго изслѣдованія, которое выяснило бы дѣйствительную принадлежность подобныхъ статей, но такого изслѣдованія еще не сдѣлано, а безъ этого было слишкомъ рискованно приписывать Новикову (какъ это дѣлаетъ иногда г. Невзеновъ) то, что могло ему вовсе не принадлежать и въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно не принадлежало. Мы видѣли раньше, до какой степени русскіе писатели того времени были въ зависимости отъ своихъ иностранныхъ образцовъ; любопытныя изслѣдованія г. Солнцева ¹⁾ показали на примѣръ, что наши сатирическіе журналы 1769—1770 г. не только по внѣшней формѣ, но и по самому содержанію были ближайшимъ подражаніемъ журналамъ иностраннымъ, особливо знаменитому „Спектатору“, и что даже тѣ статьи „Всякой Всячина“, которыя считаются важными для исторіи быта и нравовъ общества Екатерининскаго времени, почти сполна заимствованы изъ англійскаго журнала, только съ нѣкоторыми примѣненіями въ русской жизни; самостоятельны только статьи о подьячихъ и о воспитаніи дѣтей въ старомъ помѣщичьемъ кругу. Если такъ было въ сатиру (1), которой весь смыслъ долженъ былъ заключаться въ изображеніи русскихъ нравовъ, то еще естественнѣе ожидать такого заимствованія въ статьяхъ нравственно-теоретическаго характера, для которыхъ потребовалось бы больше научнаго знанія, чѣмъ для сатиры. Но во всякомъ случаѣ дѣломъ Новикова и его друзей былъ подборъ содержанія, которому они давали мѣсто въ своихъ изданіяхъ.

Мы долго остановились на Новиковѣ потому, что, какъ мы замѣтили, въ общественномъ смыслѣ это былъ наиболѣе замѣчательный дѣятель той эпохи, какъ по заслугамъ его для внѣшняго распространенія литературы и размноженія числа читателей, такъ и по стремленіямъ его и его круга дать литературѣ содержаніе, которое могло бы сдѣлаться жизненнымъ поученіемъ и идеаломъ. Правда, онъ былъ самостоятеленъ только въ нѣкоторыхъ

¹⁾ „Всякая Всячина“ и „Спектаторъ“. (Къ исторіи русской сатирической журналистики XVIII вѣка). Спб. 1892.—„Смѣсь“, сатирическій журналъ 1769 г. Спб. 1894 (изданіе журнала „Библиографъ“).

частяхъ своего труда—въ сатирѣ „Трутня“ и „Живописца“, въ своихъ поискахъ исторической старины; въ своихъ попыткахъ дать русскимъ читателямъ нравственную философію онъ вполне зависѣлъ отъ своихъ иностранныхъ образцовъ, особливо пѣтистическихъ, и наконецъ заблудился въ дебряхъ розенкрейцерской мистики,—но чрезвычайно важно было то, что источникомъ этихъ исканій была у него глубокая внутренняя потребность, носившая нравственный и вмѣстѣ общественный характеръ.

Дѣятельность Новикова была указателемъ того, что новая литература, которая такъ долго и даже за предѣлы XVIII вѣка была ученическимъ усвоеніемъ формъ и содержанія западно-европейской литературы и отражала различные ея оттѣнки, начинала наконецъ приходить къ болѣе прочному усвоенію этого содержанія, хотѣла быть не только конфетами ¹⁾ и лимонадомъ ²⁾, но серьезнымъ руководствомъ для жизни. Только на извѣстныхъ промежуткахъ времени мы можемъ замѣтить въ ней нѣкоторое движеніе,—въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, какъ, напр., въ практикѣ псевдоклассической поэзіи, можемъ не замѣтить и совсѣмъ никакого движенія въ теченіе всего вѣка;—такъ дѣятельность Новикова была новой ступеню заимствованій, но только сдѣланныхъ уже съ болѣею сознательностью.

Было бы несомнѣннымъ преувеличеніемъ говорить о какихъ-либо опредѣленныхъ литературныхъ направленіяхъ въ Екатерининское время ³⁾, напр., говорить о направленіи „скептическо-матеріалистическомъ“, „мистическо-нравоучительномъ“, наконецъ, „непосредственно народномъ“. При этомъ окажутся вещи довольно странныя. Напримѣръ, въ извѣстной поэмѣ Василя Майкова „Елисей или раздраженный Вакхъ“ мы должны будемъ видѣть „вліяніе на русскую литературу темныхъ сторонъ XVIII вѣка“, когда это было только безцѣльное стихотворство въ смягченномъ тонѣ давнишняго Баркова, и когда въ другихъ своихъ твореніяхъ Майковъ (между прочимъ совсѣмъ не знавшій иностранныхъ языковъ) совсѣмъ неповиненъ во французской философіи. Такимъ же слѣдствіемъ французской философіи была будто бы знаменитая „Душенька“ Богдановича, когда это былъ только пересказъ поѣсти Лафонтена, пересказъ, который въ свое время считался очень остроумнымъ и изящнымъ, а на дѣлѣ весьма аляповатъ. Въ скептическое направленіе попадаютъ произведенія Аблесимова, когда ихъ можно было бы зачислить и въ направленіе на-

¹⁾ Тредьяковскій.

²⁾ Державинъ.

³⁾ Какъ дѣлаетъ, напр., г. Незеленовъ въ книгѣ съ такимъ заглавіемъ.

родное. „Материализмъ“ и „отрицаніе“ могутъ быть усмотрѣны въ сатирическомъ журналѣ императрицы Екатерины, когда онъ былъ очень близкой копіей англійскаго „Зрителя“ и при его издавнн не было, конечно, мысли о какомъ-нибудь отрицаніи. Дѣятельность Новикова зачислена не безъ основанія въ мистическо-правовучительное направленіе, но было бы историческимъ грѣхомъ не отмѣтить въ ней направленія народнаго. Далѣе, въ отдѣлѣ „непосредственной народности“ относятся въ особенности Фонъ-Визина, но мы видѣли, что и эта народность нерѣдко цѣпляется за ту же французскую литературу. Къ тому же направленію опять въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно справедливо относятся Радищева, но тутъ же историкъ вынужденъ отмѣчать сильное вліяніе французской отрицательной литературы, и дѣйствительно, у Радищева, быть можетъ, больше, чѣмъ у кого-либо изъ нашихъ писателей прошлаго вѣка, можно наблюдать такое сильное вліяніе французскаго философскаго чтенія; въ этомъ не уступить ему только сама императрица въ эпоху „Наказа“. Такимъ образомъ, въ содержаніи нашей литературы того времени невозможно указать точно разграниченныхъ направленій, какія бывають въ болѣе или менѣе развитыхъ литературахъ, и какія бывали у насъ впоследствии. Болѣе опредѣленно высказалось только мистическое направленіе; но и въ немъ, какъ мы видѣли, было мало самостоятельнаго, такъ что и оно не создало въ сущности какой-нибудь опредѣленной системы мнѣній, которая могла бы быть примѣнена съ нѣкоторой послѣдовательностью, и самъ Новиковъ рядомъ съ нимъ ставилъ вопросы общаго образованія, не имѣвшаго ничего общаго съ мистицизмомъ.

Въ дѣйствительности, въ русскую литературу входили тогда самыя разнообразныя элементы западной литературы; всѣ они были у насъ новы, всѣ представляли тотъ или другой интересъ въ обществѣ, несомнѣнно искавшемъ образованія, но въ сущности мало способномъ разобратся въ различныхъ его элементахъ,—потому что въ своемъ образовательномъ запасѣ и въ самой жизни русское общество не находило для этого опоры. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему въ русской жизни могли применить ученія энциклопедистовъ; могъ ли быть сознательно понятъ скептицизмъ, выработанный вѣками западной умственной жизни, или органически понятъ тотъ протестъ противъ разсудочной философіи, который выразился въ Руссо; могъ ли быть такъ органически близокъ тотъ классическій міръ, традиціями котораго была проникнута тогдашняя литература западной Европы? Очевидно, для всего этого не было у насъ никакой собственной почвы. Не

было школы, которая могла подготовить къ новымъ учениямъ. Классицизмъ, котораго преданія были знакомы западной Европѣ со временъ самой римской имперіи и который такъ наводнилъ ея умственную жизнь съ эпохи Возрожденія, у насъ былъ нѣсколько знакомъ лишь питомцамъ немногихъ высшихъ заведеній, схоластически знакомъ ученикамъ духовныхъ академій и двухъ-трехъ семинарій, и конечно былъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ обыкновенномъ кругу, откуда выходило большинство тогдашнихъ писателей ¹⁾.

Все это узнавалось въ XVIII вѣкѣ въ первый разъ, какъ въ первый разъ узнавалась наука, которая могла готовить впервые къ теоретическому мышленію. Лишь немногіе научно-развитые умы, какъ, напр., Ломоносовъ и его русскіе ученые преемники, были на высотѣ европейской науки, но за рѣдкими исключеніями они не выходили изъ круга своихъ специальныхъ изученій; масса общества ограничена была уровнемъ поверхностнаго свѣтскаго образованія. Но все это было ново, нерѣдко замечательно; имена писателей, творенія которыхъ доходили до русскихъ любителей, славились по всей Европѣ, какъ верхъ глубокомыслия и остроумія; сама императрица подавала примѣръ преклоненія передъ ними. Такимъ образомъ понятно распространеніе ихъ мыслей—скептическихъ, матеріалистическихъ и т. п., а также мистическихъ и пѣтистическихъ; но понятно также, что эти отголоски европейской мысли, не имѣя въ тогдашней степени нашего образованія подготовленной почвы, принимались только поверхностно, будили собственную мысль, но не могли дать ей силы сознательнаго послѣдовательнаго міровоззрѣнія. Въ сущности эти отголоски европейской мысли жили въ умахъ нашего XVIII вѣка въ болѣе или менѣе беспорядочномъ смѣшеніи; мы не однажды встрѣчаемъ въ біографіяхъ нашихъ писателей того вѣка, что съ молодости они были преданы вольнодумству, даже безбожію, но потомъ возвращались на путь истинный; сплошь и рядомъ въ ихъ писаніяхъ мы встрѣчаемъ разсужденія, взятые изъ передовой французской книги, а вслѣдъ затѣмъ патріархальную мораль, которая мало съ ними вязалась; — дѣло объяснялось просто тѣмъ, что мысли французской передовой книги были модныя, остро-

¹⁾ Объ этомъ классическомъ мірѣ у насъ узнавали только изъ тѣхъ же французскихъ трагедій и изъ элементарныхъ учебныхъ книгъ. Въ тѣхъ французскихъ націоналахъ, о которыхъ мы раньше говорили и которые играли не малую роль въ нашемъ дворянскомъ образованіи, однимъ изъ важныхъ предметовъ бывала обыкновенно „мифологія“, потому что безъ нея нельзя было понимать тогдашней псевдо-классической поэзіи.

умно выраженные, и русскій писатель щеголялъ ими, какъ будто собственнымъ глубокомысліемъ; на ту минуту онъ, можетъ быть, даже вѣрилъ имъ, но въ другую минуту онъ чувствовалъ себя опять дома и мысль принимала другое направленіе. Примѣровъ подобнаго рода можно найти множество. Таковы были колебанія самой Екатерины II; таковы были противорѣчія возвышенныхъ мыслей и отраженій домашней дѣйствительности у Державина, Фонъ-Визина, не говоря о писателяхъ второстепенныхъ; слова, которыя они говорили, не имѣли своего настоящаго смысла, — этотъ смыслъ былъ укороченъ или просто опровергался слѣдующими словами.

Такимъ образомъ трудно говорить о „направленіяхъ“. Была только потребность образованія, инстинкты мысли, стремленія къ возвышенному и рецидивы патриархальной старины, если не просто обскурантизма. Въ укороченномъ или смягченномъ видѣ европейская философія бывала, конечно, доступнѣе для русскихъ читателей, но странно было бы говорить о серьезномъ вліяніи западной философіи и о какихъ-нибудь выдержанныхъ направленіяхъ нашей литературы.

Была однако и болѣе серьезная сторона въ этомъ броженіи. Были умы, проникнутые серьезнымъ уваженіемъ къ наукѣ, способные къ искреннему убѣжденію, желавшіе служить обществу и самому народу на основѣ новаго просвѣщенія. Въ ту же самую пору, когда въ литературѣ оказывалось столько поверхностнаго и противорѣчиваго, новое содержаніе бросало и болѣе прочные корни — корни сознательнаго отношенія къ вопросамъ личной нравственности и цѣлой народной жизни. Подъ вліяніемъ новыхъ возбужденій мысли писателей полусознательно или сознательно обращались все больше къ своей собственной общественной и народной жизни, и въ этомъ обращеніи къ своей народной почвѣ литература въ состояніи была дѣлать много плодотворнаго. Торжественная ода, при всей фальшивой высокопарности, могла пробуждать національное сознаніе; сатира могла указывать дѣйствительные недостатки русской жизни, когда, напримѣръ, возставала противъ крѣпостнаго права или традиціоннаго невѣжества; псевдо-классическая драма, хотя вся построенная на чужихъ образцахъ, могла содѣйствовать нравственному воспитанію общества изображеніемъ высокихъ характеровъ, благородныхъ страстей и стремленій; комедія, какъ и сатира, могла заставить оглянуться на вопіющіе недостатки быта и т. д. Наконецъ, внѣ собственно художественной литературы (насколько было въ ней искусства) совершалось другими путями обращеніе къ націо-

нальному содержанію, которое должно было сдѣлаться впоследствии основною почвою литературной самостоятельности. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, какъ въ теченіе XVIII вѣка возникли впервые правильныя изученія русскаго народа, какихъ не знала до-Петровская Россія. Со временъ Петра начинаются и потомъ расширяются все болѣе и болѣе изслѣдованія русской территоріи, племенного состава населенія, правовъ и обычаевъ, остатковъ древности, наконецъ письменныхъ памятниковъ старины. Понятно, что только съ этими изученіями возможно было дѣйствительное знаніе своего народа, его особенностей, его прошедшаго. Мы пересказывали рядъ ученыхъ экспедицій, произведенныхъ иностранцами и русскими учеными петербургской академіи отъ временъ Петра до конца XVIII вѣка, экспедицій, доставившихъ первыя описанія русской земли, ея природы и населенія. Времена Петра дали новый толчокъ и изученіямъ историческимъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ заинтересованъ исторической стариной и этотъ интересъ перешелъ въ его лучшимъ питомцамъ; первые труды нѣмецкихъ ученыхъ въ Россіи, какъ Байеръ, Миллеръ, Шлёцеръ, которые давали образцы исторической критики и знакомство съ европейской исторической литературой, открыли русскимъ любознательнымъ людямъ неизвѣстные прежде пути историческаго изслѣдованія. Уже на первыхъ порахъ новые историки отвергли ту старую манеру, которая дожила до XVIII вѣка въ хронографахъ и въ Синописяхъ. Первый историческій трудъ, задуманный въ широкихъ размѣрахъ, „Россійская Исторія“ Татищева, еще продолжаетъ старинную форму лѣтописнаго свода, но къ ней прибавляются уже объяснительныя примѣчанія, вызванныя новыми запросами исторической критики: въ этомъ новомъ сводѣ уже нѣтъ наивнаго легковѣрія старыхъ компиляторовъ и, напротивъ, каждый крупный историческій фактъ подвергается критическому осмотру. Рядомъ съ этимъ въ историографіи XVIII вѣка сдѣлано было другое въ высшей степени важное приобрѣтеніе, которымъ она сразу становилась выше историческаго пониманія Россіи московской, хотя послѣднюю иныя и до сихъ поръ считаютъ самымъ подлиннымъ выраженіемъ русской національности. А именно, эта историографія, руководясь указаніями научной критики, обратилась къ разысканію древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ нашей древности: не довольствуясь позднѣйшими лѣтописными сводами, она стала искать именно *древнихъ* списковъ, въ которыхъ справедливо ожидала найти болѣе достовѣрное свидѣ-

¹⁾ Исторія русской этнографіи, т. I.

тельство о древнихъ событіяхъ, чѣмъ въ этихъ позднихъ сводахъ, гдѣ первоначальныя свидѣтельства могли быть и дѣйствительно были испорчены позднѣйшими ошибками или даже выдумками. Такъ нашлись древніе списки летописи, а затѣмъ были отысканы памятники, о которыхъ, старые компиляторы совсѣмъ уже не знали: назовемъ для примѣра открытіе „Русской Правды“ и, въ концѣ вѣка, „Слова о полку Игоревѣ“. Намъ достаточно здѣсь указать это начало новыхъ изученій, которымъ предстояло впоследствии развиться въ обширную историческую литературу: первые ея шаги были неуверенны, она съ трудомъ собирала тотъ обширный матеріалъ, которымъ ей предстояло овладѣть, но важный результатъ былъ уже полученъ — твердо укрѣпилось сознание необходимости исчерпать этотъ матеріалъ, необходимость примѣнять къ нему философскую и специально историческую критику, явилось стремленіе уразумѣть тотъ процессъ, которымъ русскій народъ отъ первыхъ временъ своего бытія достигъ своего новаго состоянія, и тотъ процессъ, какимъ совершилось образованіе народнаго характера и быта. Восемнадцатый вѣкъ представилъ цѣлый рядъ писателей, много и благотворно потрудившихся надъ этой научной реставраціей прошлаго, которая, очевидно, должна была стать однимъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ общественнаго и цѣлаго національнаго самосознанія: это были нѣмецкіе ученые, какъ Байеръ, Миллеръ, Шлёцеръ, Штриттеръ, нѣсколько позднѣе Кругъ, Лербергъ, и русскіе ученые или трудолюбивые собиратели, какъ Татищевъ, вв. Щербатовъ, Болтинъ и пр. ¹⁾

Какъ извѣстно, эти ученые прошлаго вѣка, особенно нѣмецкіе, много занимались начальнымъ періодомъ русской исторіи: это было естественно, потому что и надо было начать съ древнѣйшаго періода, но русскіе историки старались довести исторію и до болѣе позднихъ періодовъ, по крайней мѣрѣ до мо-

¹⁾ Подробный обзоръ нашей исторіографіи съ начала прошлаго вѣка читатель найдетъ въ прекрасномъ трудѣ г. Миллюкова: „Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій“ (начато въ „Р. Мысли“, 1898, январь, и еще продолжается). Авторъ замѣчательно хорошо опредѣляетъ постепенное развитіе нашей исторіографіи и особенности ея различныхъ дѣтелей, объясняя, какъ складывались ихъ критическіе приемы и ихъ общіе взгляды на характеръ русской исторіи. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ можно не согласиться съ авторомъ; укажемъ, напр., отзывъ о Миллерѣ, который кажется ему человекомъ „дужиннымъ“: по строгой ученой школѣ и таланту Миллеръ не можетъ, конечно, равняться съ Шлёцеромъ, но, какъ извѣстно, его ученая дѣятельность была очень связана, а въ собираніи историческихъ памятниковъ человекъ дужинный не могъ бы сдѣлать столько, сколько было сдѣлано Миллеромъ.

своё царства. Такъ велъ свою работу Татищевъ, потомъ кн. Щербатовъ; Болтинъ не оставилъ цѣльнаго историческаго труда и обыкновенно довольствовался „примѣчаніями“ на чужіе труды, но въ этихъ примѣчаніяхъ онъ касался и старыхъ, и новыхъ периодовъ русской исторіи.

Наши историки старались усвоить себѣ и умѣнье критически обращаться съ источниками,—не всегда принимали буквально показаніе лѣтописи и старались отыскать дѣйствительный смыслъ ея извѣстій,—и вмѣстѣ съ тѣмъ старались объяснить общій ходъ событій. Западная историографія и даже философія, въ которыхъ они искали руководства, научала ихъ рационалистическому объясненію историческихъ явленій, образованія народнаго характера, и обратно объясненію событій изъ этого характера. Этотъ рационализмъ можно видѣть уже у Татищева, и любопытно, что онъ любитъ обращаться къ современному обычаю для объясненія старины. Кн. Щербатовъ постоянно прибѣгаетъ въ психологическимъ мотивамъ, къ обстоятельствамъ мѣста и времени, чтобы истолковать событія не всегда понятныя въ краткомъ разсказѣ лѣтописи. Болтинъ, по примѣру западныхъ историческихъ писателей, склоненъ къ болѣе общему объясненію исторіи вліяніемъ „климата“, и споръ его съ княземъ Щербатовымъ происходилъ именно изъ различія исходныхъ точекъ зрѣнія.

Изъ этой исторической литературы должно остановиться въ особенности на одномъ произведеніи, которое стоитъ въ ближайшемъ отношеніи съ настроеніемъ тогдашняго общества. Это — трактатъ князя Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“. Кн. Щербатовъ (1733—1790), потомокъ одной изъ древнѣйшихъ княжескихъ фамилій, ведущей родъ отъ св. Михаила Черниговскаго, былъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ писателей XVIII вѣка; въ Комиссіи объ Уложеніи, въ качествѣ депутата ярославскаго дворянства, онъ былъ ревностнымъ защитникомъ правъ дворянства; уже въ то время онъ занятъ былъ историческими трудами, которымъ покровительствовала и императрица; въ 1768 она поручила ему разобрать кабинетный архивъ Петра Великаго и велѣла открыть ему доступъ въ государственные архивы и библіотеки для сочиненія русской исторіи. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ „Древней русской Вивліоликѣ“ Новикова, издалъ нѣсколько лѣтописей, а главное, составилъ „Исторію русскую съ древнѣйшихъ временъ“ (въ шести томахъ), которую довелъ до воцаренія Михаила Федоровича, и гдѣ въ первый разъ, кромѣ лѣтописнаго матеріала, воспользовался документами государственныхъ архивовъ. Эта „Исторія“, вызвавшая тогда полемику Болтина, осталась са-

мымъ крупнымъ историческимъ трудомъ XVIII вѣка и объ ея цѣнности можно судить по тому, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія ¹⁾, изъ нея обильно черпали Карамзинъ.

Если мы представимъ себѣ, что эти русскіе историки прошлаго вѣка были совершенно лишены ученой школы, какую проходили Байеры и Шлёцеры, что въ историческомъ трудѣ они были самоучками, намъ легко будутъ понятны ихъ ошибки, даже грубыя, въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ именно требовалась ученость и тонкая критика,—каковъ, напр., тотъ вопросъ о началѣ Руси, который въ сущности остается нерѣшенъ и теперь, когда на него было уже положено много этой учености и исторической критики; и тѣмъ выше должна быть оцѣнена, напр., заслуга Щербатова, одолѣвавшего своимъ трудолюбіемъ огромный матеріалъ, въ большой мѣрѣ впервые извлеченный изъ архивовъ. Онъ только отчасти могъ воспользоваться Татищевымъ, а въ послѣднихъ частяхъ своего труда былъ предоставленъ исключительно самому себѣ. Общее пониманіе исторической задачи онъ извлекалъ изъ западной литературы и свой рационализмъ почерпалъ у Юма.

„Обыкновеннѣйшая связь въ происшествіяхъ есть та, которая происходитъ отъ причинъ и дѣйствій. Съ сею помощью намъ историкъ изображаетъ послѣдствія дѣяній въ ихъ естественномъ порядкѣ, восходитъ до тайныхъ пружинъ и до причинъ сокровенныхъ и выводитъ наотдаленнѣйшія слѣдствія... Наука причинъ есть приключаящая наиболѣе удовольствія разуму: она же обильнѣйшая есть въ полезныхъ наставленіяхъ, понеже она единая чинитъ насъ властелинами приключеній и даетъ намъ нѣоторую власть надъ будущими временами“. Съ такими мыслями о причинахъ и дѣйствіяхъ кн. Щербатовъ писалъ и свое разсужденіе о поврежденіи нравовъ. Это разсужденіе очень любопытно какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ независимаго наблюденія современной жизни; это—исторія и публицистика вмѣстѣ. Кн. Щербатовъ находилъ, что нравы въ Россіи чрезвычайно повредились именно съ временъ Петра Великаго: онъ самъ исполненъ уваженія къ Петру, его необычайной дѣятельности, простотѣ его жизни, находитъ сдѣланную имъ „перемѣну“ нужной, но, можетъ быть, „излишней“, т. е. чрезмѣрной; но съ этой перемѣной стала входить роскошь, а съ нею, наконецъ, и всякіе пороки. „Я думаю,—пишетъ Щербатовъ,—что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобы великолѣпіемъ и роскошью подданныхъ побудить торговлю,

¹⁾ „Главные течения“ и пр., Миллерова.

фабрики и ремесла, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ". Но разъ водворившись, роскошь только увеличилась, и въ концѣ концовъ послѣдовало такое поврежденіе нравовъ, которымъ было крайне встревожено патріотическое чувство кн. Щербатова.

Въ началѣ своего трактата онъ изображаетъ простоту древнихъ нравовъ: сами московскіе цари не знали роскоши и жили чрезвычайно просто; съ этой простотой, по мнѣнію Щербатова, связаны были и гражданскія доблести нашихъ предковъ, семейныя добродѣтели, чувство родовой гордости, воздерживавшее отъ дурныхъ поступковъ и порока, крѣпость родственныхъ связей. Въ XVIII вѣкѣ все это исчезло, сохраняясь только въ рѣдкихъ исключеніяхъ; виною паденія старыхъ нравовъ были новыя формы службы, чины, уравнивавшіе людей „подлыхъ“ съ потомками древнихъ родовъ, а въ особенности придворныя нравы, которые вмѣстѣ съ роскошью производили алчность въ приобретенію богатства, а съ нею угодничество и упадокъ чувства чести. Мы видѣли, что Щербатовъ въ значительной степени выдѣляетъ Петра изъ своихъ осужденій, но тѣмъ рѣзче обвиняетъ онъ его преемниковъ, о правленіи которыхъ говорить по ближайшимъ преданіямъ и собственному опыту. И, быть можетъ, съ особенною горечью онъ говорить о временахъ Екатерины II... Историки литературы, говорившіе объ этомъ сочиненіи кн. Щербатова, почти неизмѣнно осуждаютъ его за ошибки и преувеличенія: московская Россія вовсе не блистала добродѣтелями, которыя восхваляетъ кн. Щербатовъ, и въ доказательство ссылаются на Максима Грека, на „Домострой“, на Котошихина; новѣйшія времена отличались не одними пороками, но и великими дѣлами, и Щербатова обвиняютъ въ слишкомъ мрачномъ изображеніи той эпохи, въ перетолкованіи фактовъ, наконецъ прямо находятъ у него нечестность. Но этотъ судъ слишкомъ строгій. Главная ошибка Щербатова здѣсь, какъ въ его „Исторіи“, заключается въ томъ, что, разыскивая причины и слѣдствія, онъ обыкновенно беретъ ихъ въ ближайшемъ кругу событій, и объясненіе становится мелочнымъ и невѣрнымъ. Онъ могъ не безъ основанія находить поврежденіе нравовъ въ Россіи послѣ реформы; но, собственно говоря, неустойчивые и не совершенно добродѣтельные нравы стараго времени нашли теперь только новую форму поврежденія, и если даже оно было больше, чѣмъ прежде, то причины его лежали гораздо дальше тѣхъ, какія приводитъ Щербатовъ: „поврежденіе нравовъ“ приводилось цѣлымъ переломомъ въ обществен-

ной жизни, который былъ необходимъ, и оно могло быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше была ихъ прежняя устоячивость. Но сочиненіе вн. Щербатова остается любопытнымъ по тѣмъ чертамъ стараго быта, какія онъ передаетъ по рассказамъ дѣдовъ, и по тѣмъ чертамъ новѣйшей жизни, которыя онъ зналъ какъ современникъ и очевидецъ. Наконецъ, это сочиненіе имѣетъ за собой заслугу общественнаго характера. Правда, въ свое время онъ не могъ сказать того, что думалъ о поврежденіи нравовъ, но по крайней мѣрѣ онъ написалъ свои мысли, и его сужденія, какъ приведенные выше отрывы Державина, остаются свидѣтельствомъ, что общество того времени не заблуждалось относительно совершавшихся явленій¹⁾.

Другимъ замѣчательнымъ отголоскомъ тѣхъ мыслей, какія бродили въ обществѣ время Екатерины, служить „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, Радищева. Оно остается до сихъ поръ полу-извѣстнымъ для русскихъ читателей. Собственное изданіе, сдѣланное Радищевымъ въ 1790, было тогда же конфисковано и уничтожено, такъ что сохранилось лишь нѣсколько экземпляровъ, и впоследствии оно обращалось въ рукописяхъ. Затѣмъ въ первый разъ оно было перепечатано въ 1858 г.²⁾; въ 1872 году изданы были, въ двухъ томахъ, „Сочиненія Александра Николаевича Радищева“, но изданіе не выходило въ свѣтъ и въ 1873 г. было уничтожено; въ 1876 было повторено въ Лейпцигѣ изданіе „Путешествія“ по неисправному тексту 1858 года; наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изданіе „Путешествія“ разрѣшено было г. Суворину, но лишь въ ограни-

¹⁾ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ издано въ первый разъ въ книгѣ: „Князь Щербатовъ и А. Радищевъ“. Лондонъ, 1858 (стр. 1—96). Разборъ статьи Щербатова, Ешевскаго, въ „Атеней“, 1858, № 3. Болѣе исправное изданіе трактата по подлинной рукописи, въ „Русской Старинѣ“, 1870—1871, т. II—III.

— Сатира и „Оправданіе моихъ мыслей“ кн. Щербатова, въ „Библиографическихъ Запискахъ“, 1859.

— Разныя сочиненія кн. М. М. Щербатова, съ предисловіемъ Бодянского, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, 1860.

— Бумаги кн. М. М. Щербатова, въ „Русской Старинѣ“, 1870.

— „Письмо къ вельможамъ правителямъ государства“, по современной копіи, исправленной Щербатовымъ, въ „Русской Старинѣ“, 1872, т. V.

— „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго“ въ „Библиографическихъ Запискахъ“, 1869.

— Объ участіи Щербатова въ Комиссіи объ Уложеніи, см. въ ея изданныхъ бумагахъ.

— О значеніи его историческихъ трудовъ, въ упомянутомъ трудѣ г. Милюкова.

²⁾ Въ той же книгѣ: „Князь Щербатовъ и А. Радищевъ“ (стр. 99—386); изданіе неисправное по рукописной копіи.

ченномъ числѣ экземпляровъ. Итакъ, правильнымъ образомъ лишь немногіе русскіе читатели могли познакомиться съ книгой Радищева; для большинства она можетъ быть знакома лишь по немногимъ выпискамъ, какія сдѣланы были изъ нея въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ объ этомъ писателѣ.

Такимъ образомъ по истеченіи цѣлаго столѣтія со времени перваго появленія книги она все еще остается почти недоступной. Эта странная и вмѣстѣ печальная и далеко не заслуженная судьба остается до сихъ поръ результатомъ того безмѣрно суроваго гоненія, которому подверглись книга и ея авторъ въ 1790 г., въ то время, когда готовилось другое подобное гоненіе противъ Новикова.

Оба являются жертвами того положенія, въ какомъ вообще находилось наше образованіе и общественность въ томъ вѣкѣ. Когда разъ поставленъ былъ вопросъ о необходимости реформы, необходимости не подлежащей сомнѣнію, для русской образованности единственнымъ источникомъ знаній и возбужденій къ собственному труду было европейское просвѣщеніе и литература: въ этомъ сходились и общество, которое все болѣе и болѣе ревностно стремилось познакомиться съ западной литературой и обычаями, и правительство, которое основывало въ Петербургѣ нѣмецко-русскую академію, учреждало школы для преподаванія западныхъ наукъ, посылало молодыхъ людей учиться въ заграничныхъ университетахъ, само заботилось о переводахъ и изданіяхъ иностранныхъ сочиненій. Правда, что уже вскорѣ стали оказываться неудобства прямого перенесенія западно-европейскаго просвѣщенія въ русскую среду: начинаются запрещенія книгъ; въ процессѣ Волинскаго сочли уже возможнымъ чтеніе нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ ставить въ государственное преступленіе... Можно было бы ожидать съ самаго начала, что при слабомъ развитіи образованія, при господствѣ патріархальныхъ нравовъ, въ русской средѣ было бы немыслимо непосредственное водвореніе свободной критической мысли, которая въ Европѣ была выработана цѣлыми вѣками высокаго просвѣщенія, и если въ XVIII вѣкѣ въ самой западной Европѣ эта критическая мысль тѣмъ не менѣе встрѣчалась еще съ преслѣдованіемъ, то какова могла быть судьба ея въ Россіи?... Но наступилъ вѣкъ Екатерины. Это исканіе западнаго просвѣщенія возросло сильнѣе, чѣмъ когда-либо раньше; сама императрица была великой почитательницей передовой французской философіи и философовъ, изучала ихъ творенія, гордилась тѣмъ, что переноситъ ихъ идеи не только въ русскую книгу, но и въ русскую жизнь и законъ; панегиристы

неустанно восхваляютъ успѣхи просвѣщенія подѣ ея руководствомъ, дарованную отъ нея свободу „знать и мыслить“, „мыслить и изъясняться“: такъ писалось еще въ восьмидесятыхъ годахъ... Преслѣдованія пока не было; русскіе писатели и образованные люди могли дѣйствительно повѣрить, что имѣютъ эту свободу. Въ числѣ легковѣрныхъ былъ Новиковъ и былъ Радищевъ.

Радищевъ (род. 1749 г.; въ 1802 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ) принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, которые въ 1766 г. посланы были въ лейпцигскій университетъ. Здѣсь онъ слушалъ словесныя науки у Геллерта, философію у Платнера, но кромѣ того и, быть можетъ, еще больше русскіе студенты читали французскихъ философовъ — Вольтера, Гельвеція, Руссо, Рейналя, Мабли. Рейналь въ особенности увлекалъ его и впоследствии, быть можетъ, внушилъ самую идею путешествія, а форму его Радищевъ заимствовалъ у Стерна. „Путешествіе“ состоитъ изъ 25 главъ, распределенныхъ по станціямъ пути отъ Петербурга въ Москву. Форма неопредѣленная, въ которую можно было вмѣщать содержаніе всякаго рода, и дѣйствительно, книга Радищева состоитъ изъ отдѣльныхъ статей, гдѣ частію передаются мелкія впечатлѣнія пути, частію излагаются философскія и моральныя размышленія, частію рисуются картины русской жизни, и здѣсь онъ въ особенности останавливается на обличеніи крѣпостного права, вопіющихъ недостатковъ суда и управленія и т. д. Темы, затронутыя Радищевымъ, не всѣ были новы въ тогдашней литературѣ, которая, какъ мы видѣли, не однажды касалась крѣпостного права и недостатковъ управленія и иногда рѣзко говорила даже о земныхъ владыкахъ; для читателей, знакомыхъ съ французскими книгами, не были новы заимствованія изъ французскихъ философовъ, но если уже нѣкоторые эпизоды философскихъ размышленій Радищева могли бросаться въ глаза на русскомъ языкѣ, то изображенія фактовъ крѣпостного права и несправедливой администраціи не имѣли въ русской литературѣ ничего подобнаго по силѣ чувства и жизненности изложенія.

Мотивы, которые побудили его написать эту книгу, самъ Радищевъ объясняетъ такъ въ посвященіи „Путешествія“: „Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія челоуѣка происходятъ отъ челоуѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщаль я самъ себѣ, природа только скупа была въ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно скрыла

истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой вострепелъ отъ сей мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя, въ немъ самомъ: „отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія, и блаженъ будешь“. Сей гласъ природы раздавался въ сложеніи моемъ. Воспранулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію и—веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобнымъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь“. И эти слова безъ сомнѣнія вѣрно передаютъ то настроеніе, которое диктовало его книгу.

Радищевъ конечно не ожидалъ, что его изданіе будетъ имѣть для него такіа тяжкія послѣдствія: книга издана была „за цензурою“ и онъ могъ опасаться развѣ какихъ-нибудь непріятностей по службѣ. Онъ не подумалъ, или, что вѣроятнѣе, не зналъ о томъ, что Екатерина давно уже измѣнила свои прежніе философскіе взгляды и теперь всего меньше расположена была допускать какое-либо вольномысліе. Познакомившись съ книгой, она пришла въ величайшее негодованіе. Храповицкій записываетъ въ своемъ дневникѣ въ іюль 1790: „Примѣчанія на книгу Радищева посланы въ Шешковскому. Сказывать изволили, что онъ (Радищевъ) — бунтовщикъ, хуже Пугачева; показывали мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ“. Въ другой разъ императрица замѣчала, что Радищевъ „едва ли не мартинистъ или чего подобное“. Въ примѣчаніяхъ, посланныхъ къ Шешковскому, Екатерина между прочимъ писала: „Намѣреніе сей книги на каждомъ листѣ видно; сочинитель оной наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и вышциваетъ все возможное въ умаленію почтенія въ власти и властямъ, въ приведенію народа въ негодованіе противу начальника и начальства“. Вообще въ „примѣчаніяхъ“ Радищевъ изображается какъ человѣкъ, стремящійся къ низверженію законнаго порядка. „Примѣчанія эти,—говоритъ одинъ изъ историковъ этого дѣла ¹⁾,—наполнены придирами и противорѣчіями. Екатерина нападаетъ на Радищева съ тою горячностью, съ какою обыкновенно люди, перешедшіе въ другой лагерь, дѣйствуютъ противъ своихъ прежнихъ товарищей. Положенія, выставлемыя Радищевымъ, оскорбляютъ императрицу, раздражаютъ ее; но самую

¹⁾ В. Е. Якушкинъ, въ „Русской Старинѣ“, 1882, сентябрь.

горячностью опроверженій она какъ бы хочетъ заглушить въ себѣ какое-то неловкое чувство. Она отрицаетъ факты, приводимые Радищевымъ, но правда въ то же время, противъ ея воли, пробивается въ ея примѣчаніяхъ и свидѣтельствуеетъ за Радищева¹. По этимъ примѣчаніямъ составлены были вопросные пункты Шешковскаго. Радищеву приходилось между прочимъ отвѣчать, что „мартинистомъ онъ никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ охуждаетъ, что и въ самой книгѣ значится“. Относительно обвиненій, что своей книгой Радищевъ хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, онъ отвѣчалъ, что народъ нашъ книгъ не читаетъ и что книга написана слогомъ для народа невнятнымъ... Оказавшись въ рукахъ Шешковскаго, которому онъ былъ „поручень“, Радищевъ былъ очень испуганъ, что легко объясняется характеромъ дѣятельности этого слѣдователя; испугъ отразился на показаніяхъ Радищева, который отрекался отъ своей книги какъ безумной и пагубной, но все-таки сохранилъ настолько мужества, что не отрекался отъ основныхъ своихъ мнѣній, какъ, напр., въ крестьянскомъ вопросѣ.

Дѣло Радищева разсматривалось въ палатѣ уголовного суда и палата приговорила его къ смертной казни¹). Въ окончательномъ рѣшеніи смертная казнь была замѣнена ссылкой въ восточную Сибирь и его велѣно было везти въ кандалахъ. По поводу этой ссылки Державинъ написалъ на Радищева эпиграмму.

Когда явилась возможность говорить о Радищевѣ въ печати, онъ подвергся новой расправѣ²). Большинство критиковъ, находя

¹) Г. Якушкинъ приводитъ справку о томъ, какія статьи Уложенія палата указывала какъ основаніе своего приговора. Въ одной статьѣ говорится о такомъ чело-вѣкѣ, „кто какимъ умншеніемъ учнетъ мыслити на государское здорвье злое дѣло“; въ другой, о такомъ, „кто при державѣ царскаго величества, *хотя московскимъ го-сударствомъ завладѣти и государемъ быти*, и для того своего злова умншенія *начнетъ рать собирать*“; въ третьей статьѣ говорится объ унущеніяхъ, „когда крѣпости или шанцы штурмованы будутъ“ и т. д. Сенатъ призналъ всѣ статьи, приведенныя въ приговорѣ палаты, подходящими и прибавилъ еще одну статью изъ морского устава!

²) Литература о Радищевѣ начинается извѣстной статьѣй Пушкина; см. Сочиненія, изд. Литер. Фонда, т. V.

— Статья Павла Радищева, въ „Русскомъ Вѣстн.“ 1858, № 28.

— Документы о дѣлѣ Радищева, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общ. исторіи и древностей, 1865, кн. III, и также въ „Архивѣ кн. Воронцова“, т. V и XII, и въ „Библиографическихъ Запискахъ“, 1869.

— „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ. Къ біографіи А. Н. Радищева“, В. Якушкина, въ „Русской Старинѣ“ 1882, сентябрь.

— „А. Н. Радищевъ“, М. Сухомяникова, въ „Сборникѣ“ русскаго отдѣленія Ака-

въ его книгѣ нѣкоторыя подробности правдивыми, чувства — искренними, вообще строго осуждали его за легкомысліе, необдуманную дерзость, за противорѣчія въ его мысляхъ и т. п., наконецъ за его малодушіе на судѣ; иные полагали даже, что его надо считать сумасшедшимъ ¹⁾). Только немногіе сочли нужнымъ сопоставить обвиненія съ самымъ фактомъ, вспомнить характеръ времени, представить себѣ нравственное состояніе идеалиста, поставленнаго въ условія этого времени, наконецъ сравнить самое „преступленіе“ и постигшую его кару, — картина совершенно измѣнилась. Самыя противорѣчія Радищева, какъ мы видѣли выше, не были только его личной чертой: это былъ характеръ всей эпохи, когда, стремясь къ европейскому просвѣщенію, не умѣли примирить свободы съ грубыми инстинктами старины, просвѣщенія съ предрасудкомъ, и когда даже въ средѣ людей болѣе образованныхъ идеи новаго просвѣщенія, съ жадностью принимаемыя, не могли быть усвоены прочно въ ихъ быстромъ наплывѣ, такъ бабѣ къ нимъ еще не могла приготовить школа и ихъ нельзя было провѣрить ни въ живомъ обмѣнѣ мыслей, ни въ общественной жизни. Это была тяжелая подготовительная пора: Новиковъ и Радищевъ были жертвами ея противорѣчій.

А. Пыпинъ.

деміи, т. XXXIII, Спб. 1888, и въ „Исслѣдованіяхъ и статьяхъ по русской литературѣ и просвѣщенію“. Спб. 1889, т. I.

— Невзелевъ, „Литературныя направленія“ и пр., стр. 310—340.

¹⁾ Ср. Невзелева, стр. 338.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПѢВЕЦЪ.

Изъ А. Цвѣтвнн.

Желчь и уксусъ, медь и слезы—
Вотъ составъ моихъ чернилъ.
Было ль ясно, были ль грозы,
Пѣснѣ я не измѣнилъ.

Я съ восторгомъ пѣлъ страданья,
Пѣлъ, страдая, красоту,
Я любилъ одни желанья,
Я любилъ одну мечту.

Пѣлъ я пѣсни лишь для пѣсенъ,
Ихъ земное—что мнѣ въ немъ!
Миръ людей для духа тѣсенъ,
Тамъ пѣвецъ спитъ жалкимъ сномъ.

Полонъ чувствъ, глубинъ, чистыхъ,
Я мгновеньемъ не болѣлъ,
Межъ цвѣтовъ, въ кустахъ тернистыхъ,
Одинаково я пѣлъ.

Что мнѣ хорѣ похвалѣ доучныхъ!
 Не для нихъ, я мнилъ, пою,—
 Въ пѣсняхъ сердца, въ пѣсняхъ звучныхъ—
 Богу Божье отдаю.

И порою... мигъ ужасный!—
 Я склонялъ мой гордый ликъ,—
 И жалѣлъ, и клялъ несчастный
 Человѣческій языкъ.

Все о томъ была тревога,
 Что безсиленъ я въ рѣчахъ—
 Слову тайному отъ Бога
 Нѣтъ одеждъ въ земныхъ словахъ.

Все о томъ скорбѣлъ душою,
 Что я чуялъ—въ этой мглѣ
 Я обмануть самъ собою,—
 И съ земли пою землѣ...

II.

ФІАЛКА.

Изъ Ратисбона.

Создала фіалку Флора
 И фіалку полюбила—
 Цѣломудреннаго взора
 Отъ нея не отводила.

Лучшихъ красокъ сочетанья
 Разлиты въ лучахъ туманныхъ
 Теаней вѣжнаго созданья—
 Въ лепесткахъ благоуханныхъ.

Мнилось, бабочка, случайно
 Нивлетѣвъ, въ землѣ прильнула
 И въ тиши о чемъ-то тайно
 Замечталась—и уснула.

И, все болѣе плѣняясь,
Не сводя съ фіалки взора,
Прошептала, наклоняясь,
Очарованная Флора:

— Ты полна красы глубокой,
Но цвѣтешь подъ солнцемъ мая
Незамѣтной, одинокой!..
Что жъ мнѣ дать тебѣ, родная,

Чтобъ могъ свѣтъ тобой гордиться,
Чтобъ ты каждый взоръ плѣняла?..
— Дай мнѣ травки, чтобъ укрыться,—
Ей фіалка отвѣчала.

Як. Ивашкевичъ.

ФИНАНСОВЫЯ ЗАДАЧИ

Золото или серебро?

I.

Подражаніе чужимъ примѣрамъ приводитъ часто къ печальнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Еслибы кто-нибудь вздумалъ рекомендовать крестьянамъ заграничные „смокинги“, когда на ногахъ у нихъ первобытные лапти, то это было бы только смѣшно; но многія подражательныя дѣйствія далеко не столь забавны, хотя по существу они ничѣмъ не отличаются отъ попытки приурочить смокинги къ лаптямъ. То, что выработано коммерсантами и банкирами, примѣняется прямо къ земледѣльцамъ; правила, пригодныя для богатаго промышленнаго класса, считаются обязательными для темнаго сельскаго населенія, для котораго они, быть можетъ, разорительны. На подобныя *qui pro quo* мы наталкиваемся на каждомъ шагѣ въ разсужденіяхъ нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, особенно по финансовымъ вопросамъ. Повсюду въ Европѣ принята будто бы золотая валюта, а потому и мы должны расплачиваться вздорожавшимъ золотомъ за долги, заключенные на серебро; и намъ нужно имѣть золотое денежное обращеніе, вмѣсто серебрянаго и бумажнаго.

Оттуда могла у насъ возникнуть мысль, что надо стремиться къ оплатѣ кредитныхъ билетовъ золотомъ, а не серебромъ, и что основою желательнаго у насъ металлическаго денежнаго обращенія долженъ служить не серебряный, а золотой рубль? Мысль эта, подсказанная въ семидесятыхъ годахъ нашими кредиторами по государственнымъ долгамъ, дѣятелями международной и отечественной биржи, была принята у насъ безъ всякой критики, какъ готовая аксіома, не требующая вовсе доказательствъ. Само собою ра-

зумѣется, что биржевые дѣльцы, принимаемые иногда за экспертовъ по государственнымъ финансамъ, ссылались не на собственные свои выгоды отъ полученія уплатъ повысившимся въ цѣнѣ металломъ, а приводили общія соображенія о необходимости держаться золотой валюты, какъ единственно признанной будто бы во всѣхъ передовыхъ государствахъ культурнаго міра. Усвоивъ эту идею на практикѣ, мы безсознательно, незамѣтно для самихъ себя, обнаружили самоотверженную готовность увеличить свои обязательства на сотни миллионѣвъ рублей¹⁾; мы пошли гораздо далѣе своихъ учителей и упустили изъ виду не только условія денежнаго оборота въ нашей собственной странѣ, но и фактическое положеніе дѣлъ въ западной Европѣ, откуда мы будто бы брали образцы для подражанія. Между тѣмъ достаточно было небольшого размышленія, чтобы убѣдиться въ неосуществимости проектовъ введенія у насъ золота, какъ основного платежнаго средства.

Для обычныхъ потребностей внутренняго денежнаго обращенія не годится у насъ золото по той простой причинѣ, что цѣнность наименьшей золотой монеты превышаетъ размѣры огромнаго большинства обыденныхъ сдѣлокъ и платежей въ народѣ. Для уплатъ ниже пяти рублей необходимо менѣе дорогой металлъ, и никто еще пока не придумалъ для этой цѣли другого болѣе подходящаго вещества, чѣмъ серебро. Золоту нечего было бы дѣлать среди нашего сельскаго населенія, гдѣ заработки и доходы измѣряются рублями и мелкою размѣнною монетою. Металлическое обращеніе въ народѣ можетъ быть только серебрянымъ, а золотое, еслибы оно существовало, играло бы лишь самую незначительную роль. Господство золотой монеты имѣетъ смыслъ въ богатыхъ промышленныхъ странахъ, какъ въ Англии, а болѣе бѣдные, преимущественно земледѣльческіе народы нуждаются въ болѣе дешевомъ орудіи для своихъ сдѣлокъ и оборотовъ. Правильное денежное обращеніе было бы вполне восстановлено у насъ, еслибы рублевья и трехрублевья бумажки были замѣнены полноцѣною металлическою, т.-е. серебряною монетою соотвѣтственнаго достоинства; народъ имѣлъ бы тогда настоящіи деньги, которые не рвутся, не сгораютъ, не портятся отъ сырости и не теряютъ своей цѣны при простой перемѣнѣ формы или образца, какъ это бываетъ съ кредитными билетами. Каковъ бы ни былъ упадокъ

¹⁾ См. выше, июль, въ статьѣ „Денежныя недоумѣнія“, гдѣ мы принявъ притомъ самую меньшую среднюю норму пониженія серебра съ половины семидесятыхъ годовъ—на одну треть или даже на четверть, а не вдвое, какъ это установилось съ 1898 года, т.-е. со времени прекращенія чеканки серебра въ Индіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

цѣнности серебра на всемірномъ рынкѣ, онъ никогда не могъ бы дойти до того обезцѣненія, какое легко выпадаетъ на долю кредитныхъ рублей. Серебро въ видѣ полновѣсной монеты сохранило бы всегда свою самостоятельную цѣну, которая не зависѣла бы ни отъ колебаній курса и кредита, ни отъ международныхъ политическихъ обстоятельствъ и усложненій. Сколько бы ни было выпущено серебряныхъ полновѣсныхъ рублей, никакого вопроса объ ихъ излишествѣ и объ изъятіи части ихъ изъ обращенія не возникало бы, и финансовое вѣдомство освободилось бы отъ цѣлаго ряда сложныхъ заботъ, обходящихся нынѣ очень дорого государственному казначейству.

Паденіе цѣнности серебра, вызванное уменьшеніемъ спроса на него какъ на матеріалъ для монеты, выставляется обыкновенно какъ аргументъ противъ серебряной монетной единицы; но именно отказъ отъ употребленія серебра для монетныхъ цѣлей понижаетъ его рыночную цѣну, и, слѣдовательно, ссылаться на это пониженіе, какъ на доводъ противъ серебряной монеты, — значитъ принимать послѣдствіе извѣстныхъ мѣръ за причину ихъ. Въ богатѣйшей странѣ европейскаго запада, во Франціи, серебро отлично исполняетъ свою монетную функцію на ряду съ золотомъ, и серебряная полновѣсная монета въ пять франковъ остается по прежнему равноцѣнною четвертой долѣ золотого двадцатифранковика, хотя по стоимости металла она должна была утратить половину своей цѣны, сравнительно съ золотомъ, съ начала семидесятыхъ годовъ. Серебряные пятифранковики, равно какъ и разнѣнная серебряная монета въ одинъ и два франка, имѣютъ, конечно, несравненно болѣе широкое и быстрое обращеніе въ массѣ французскаго населенія, чѣмъ золотые двадцатифранковики, легко замѣняемые притомъ въ болѣе крупныхъ суммахъ банковыми билетами. Во Франціи начеканено было серебряной полновѣсной монеты, до 1885 года, болѣе пяти миллиардовъ франковъ, сверхъ разнѣннаго серебра на сумму 237 милліоновъ; въ Бельгійи выпущено, до того же 1885 года, около полумилліарда франковъ серебра, кромѣ разнѣнной монеты на 33 милліона. Въ обращеніи находилось во Франціи, по расчету Фовилля, около 2¹/₂ милліардовъ серебряной монеты, а золота — четыре милліарда франковъ. По другимъ даннымъ, во Франціи приходится на человѣка около 117 франковъ золотомъ и 97¹/₂ франковъ серебромъ¹⁾. Несмотря на присутствіе этой огромной массы серебра на французскомъ денежномъ рынкѣ

¹⁾ Цифры приведены въ книгѣ г. Миллашевскаго, „Деньги“. Спб., 1895, стр. 181—182, 424 и др.

или, вѣрнѣе, благодаря этому обилію серебра, ограничивающему зависимость денежнаго рынка отъ односторонняго господства болѣе дорогого металла, денежное обращеніе во Франціи поставлено лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и считается образцовымъ по эластичности, увѣренному спокойствію и регулярности. Оттого крупныя финансовыя кризисы во Франціи не въ состояніи были поколебать обычную прочность денежной системы, тогда какъ въ Англіи, при золотой валютѣ, чувствуется недостатокъ металла при всякомъ серьезномъ биржевомъ замѣшательствѣ, и, напр., по случаю паденія фирмы Бэринга англійскій банкъ вынужденъ былъ обратиться въ французскому банку за ссудою 75 милліоновъ франковъ золотомъ.

Еще убѣдительнѣе примѣръ Германіи, которая послѣ полученія отъ французовъ пяти милліардовъ контрибуціи воспользовалась наплывомъ французскаго золота для введенія у себя новой золотой монеты, вмѣсто старой серебряной. Германское правительство смотрѣло на золотыя деньги какъ на необходимую принадлежность могущества новой міровой державы; оно первое дало толчокъ тому искусственному обезцѣненію серебра, отъ котораго само испытываетъ теперь наибольшія затрудненія. Нѣмецкое населеніе не настолько богато, чтобы вести обыденныя денежныя счеты на золото; серебряная монета всѣмъ нужна, но только золото имѣетъ значеніе обязательнаго платежнаго средства, а золота оказывается сравнительно мало. Запасы серебра отчасти обезцѣнены, а выйти изъ обращенія они не могутъ; такъ, въ 1885 году, оставалось въ Германіи серебряныхъ талеровъ на 440 милліоновъ марокъ, а другихъ серебряныхъ монетъ—на 452 милліона. Возрастающая дороговизна золота сравнительно съ серебромъ все болѣе затрудняетъ сбытъ туземныхъ продуктовъ, облегчая и вызывая усиленную конкуренцію странъ съ серебрянымъ или бумажнымъ обращеніемъ; особенно чувствителенъ постоянный кризисъ въ области сельскаго хозяйства вслѣдствіе неизбежнаго упадка цѣнъ по счету на золото. Оттого въ Германіи давно уже происходитъ дѣятельное общественное движеніе въ пользу восстановленія равноправности обоихъ металловъ въ монетной системѣ; въ послѣднее время имперскій сеймъ побудилъ правительство высказаться за созваніе международной конференціи съ этою цѣлью, и еще яснѣе высказались въ томъ же смыслѣ обѣ палаты прусскаго сейма, несмотря на возраженія министровъ. А намъ предлагаютъ теперь повторить признанную теперь ошибку Германіи и примѣнить къ нашимъ хозяйственнымъ условіямъ ту самую систему, отъ которой очень желали бы изба-

вятся нѣмцы, за исключеніемъ развѣ биржевиновъ, крупныхъ капиталистовъ и наивныхъ патриотовъ.

Можно было бы подумать, что народъ у насъ несравненно богаче, чѣмъ во Франціи и въ Германіи, и что мы имѣемъ надобность только въ золотой монетѣ, не въ примѣръ французамъ или нѣмцамъ, — если судить по состоянію нашего разнѣннаго фонда сравнительно съ заграничными. По приблизительнымъ даннымъ у насъ существуетъ чуть ли не въ сто разъ больше золотой монеты, чѣмъ серебряной полноцѣнной: на человѣка приходится номинально около 5 рублей золотомъ и менѣе 10 коп. въ полноцѣнномъ серебрѣ. Въ результатѣ получается нѣчто весьма странное. Въ германскомъ имперскомъ банкѣ, при официальном призваніи золотой валюты, хранится только на половину меньше серебра, чѣмъ золота, — напр., 625 милліоновъ марокъ золотомъ и 327 милліоновъ серебромъ (въ 1893 году, по свѣдѣніямъ Шеффле). Металлическіе запасы французскаго банка состоятъ въ настоящее время изъ двухъ милліардовъ пятидесяти милліоновъ франковъ золотомъ и одного милліарда съ четвертью — серебромъ; такъ, напр., къ 6-му іюня (нов. ст.) 1895 года, въ „Banque de France“ было золота 2.048.685.118 фр., а серебра 1.251.056.715 франковъ ¹⁾. А въ нашемъ государственномъ банкѣ, при существованіи по закону обязательнаго счета на серебряные рубли, собрано въ разнѣнномъ фондѣ почти одно только золото, — около 450 милліоновъ рублей золотомъ, и только одинъ милліонъ съ чѣмъ-то — серебромъ ²⁾. Разумѣется, это еще не значитъ, что мы болѣе подготовлены къ золотой валютѣ, чѣмъ Франція и Германія. Напротивъ, это исключительное накопленіе золота ясно показываешь, что у насъ не предполагается еще возстановить металлическое денежное обращеніе внутри страны, а имѣется только въ виду удовлетворить потребности внѣшней торговли и промышленности, независимо отъ желанія располагать внуши-

¹⁾ См. финансовый обзоръ за недѣлю въ газетѣ „Le Temps“, отъ 10-го іюня.

²⁾ По послѣднему отчету банка, къ 16-му мая текущаго года, въ разнѣнномъ фондѣ находится золота 275.819.041 р., сверхъ 75 милліоновъ, обеспечивающихъ временно выпущенные кредитные билеты, по нарицательной цѣнѣ, — всего 350 милліоновъ, а прибавленные сто милліоновъ по указу 3-го марта опять забыты, или, можетъ быть, они еще фактически не переданы въ разнѣнный фондъ. Серебра оказывается всего на 1.125.682 р. Затѣмъ въ банкѣ имѣется на храненіи „золота и серебра“, принадлежащаго государственному казначейству, по нарицательной цѣнѣ, почти на 200 милліоновъ рублей (теперь, вѣроятно, на половину меньше, за отдачей упомянутыхъ выше ста милл. въ разнѣнный фондъ); но это указаніе весьма неточно, такъ какъ серебро дешевле своей нарицательной цѣны, а золото дороже на цѣлую треть, и слѣдовательно сдѣлывать оба эти металла въ одной рубрикѣ невозможно.

тельнымъ золотымъ резервомъ для поднятія финансоваго кредита государства и на случай международныхъ замѣшательствъ.

Ограниченная роль золота въ нормальномъ денежномъ обращеніи такой преимущественно земледѣльческой страны, какъ Россія, прекрасно сознается, конечно, нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ, и это видно отчасти изъ официальныхъ мотивовъ къ недавнему законопроекту о разрѣшеніи сдѣлокъ на золото. „Мѣра эта, — какъ объяснено было въ государственномъ совѣтѣ, — ни въ чемъ не затрогиваетъ коренныхъ основаній нашей денежной системы и не предрѣшаетъ ни въ какомъ смыслѣ вопроса о переходѣ къ золотой валютѣ и о томъ или другомъ способѣ ликвидаціи обязательствъ, лежащихъ на правительствѣ по отношенію къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ. Задача ея гораздо скромнѣе — ввести въ нашъ оборотъ золото, которое не имѣетъ у насъ, такъ сказать, права гражданства и вслѣдствіе сего, несмотря на значительное производство въ Россіи этого металла (около 30 милл. рублей въ годъ), постоянно уходитъ за границу. Этимъ путемъ можетъ быть до нѣкоторой степени исправленъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ нашего бумажно-денежнаго обращенія — его нерастяжимость“. Потребности внѣшней торговли и внѣшняго кредита указываются затѣмъ прямо, какъ главные основанія предложенной мѣры. „Есть основаніе рассчитывать, — говорится далѣе, — что въ то время, когда на нашемъ внутреннемъ рынкѣ будетъ ощущаться наибольшая потребность въ деньгахъ, разрѣшеніе обращенія золотой монеты постепенно вызоветъ приливъ къ намъ иностраннаго золота и со временемъ можетъ избавить правительство отъ необходимости новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Еслибы, однако, мѣра эта на первое время и не возымѣла указаннаго дѣйствія, то потребность въ деньгахъ можетъ быть удовлетворена, при наличности извѣстныхъ условий, выпускомъ въ обращеніе золота, принадлежащаго государственному банку или казнѣ, чему нынѣ препятствуетъ именно отсутствіе закона, присвоивающаго золотой монетѣ свободное хожденіе, или же выпускомъ, взамѣнъ золота, особыхъ депозитныхъ квитанцій на опредѣленные въ золотой монетѣ суммы, по которымъ банкъ уплачивалъ бы во всякое время нарицательную сумму тою же монетою. Такимъ образомъ допущеніе сдѣлокъ на золотую монету придастъ нашему денежному обращенію недостающую ему эластичность. Кроме того, мѣра эта не останется, вѣроятно, безъ вліянія на привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, переводъ коихъ къ намъ сопряженъ нынѣ съ немалыми хлопотами и затрудненіями. Наконецъ, она укрѣпитъ довѣріе къ нашей финан-

совой системѣ за границей, гдѣ по достоинству оцѣнить стремленіе правительства къ упорядоченію денежнаго обращенія, а это обстоятельство само по себѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія" ¹⁾. Очевидно, что приведенные мотивы имѣютъ лишь косвенную связь съ общимъ вопросомъ о замѣнѣ бумажныхъ денегъ металлическими. Если же рѣчь идетъ здѣсь только о золотой монетѣ, съ полнымъ умолчаніемъ о злосчастномъ серебряномъ рублѣ, то это легко можетъ быть объяснено самой задачей закона—привлечь въ обращеніе болѣе цѣнный металл, необходимый для международныхъ торговыхъ сношеній, такъ какъ серебро пока еще доступно намъ по дешевой цѣнѣ въ какомъ угодно количествѣ.

Но „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“, обсуждая Высочайше утвержденное 8-го мая текущаго года мнѣніе государственнаго совѣта о сдѣлкахъ на золото, дѣлаетъ уже нѣкоторые общіе выводы, противорѣчащіе категорическому заявленію министерства финансовъ и предполагающіе какъ будто неизбежность перехода къ золотой валютѣ. Эти выводы и разсужденія „Вѣстника финансовъ“ основаны на явныхъ логическихъ и фактическихъ ошибкахъ. Говоря о восстановленіи „нормальнаго денежнаго обращенія“, названный журналъ подъ послѣднимъ разумѣетъ золотое, которое никогда не было у насъ нормальнымъ и даже вообще никогда у насъ не существовало. Слово „монета“ употребляется какъ синонимъ золота, и вся аргументація ведена въ такомъ тонѣ, какъ будто почтенный органъ промышленности и торговли не слыхалъ вовсе о существованіи серебрянаго рубля, о полноцѣнной серебряной монетѣ французской, бельгійской, швейцарской, итальянской и пр., о повсемѣстно возбужденномъ вопросѣ относительно восстановленія роли серебра, какъ матеріала для монеты, и объ усиліяхъ, дѣлаемыхъ въ этомъ смыслѣ не только въ Германіи, но и въ Англіи. „Вѣстникъ финансовъ“ совершенно не упоминаетъ о серебрѣ, предполагая очевидно, что другой монетной единицы, кромѣ золотой, нѣтъ и быть не можетъ. „Неудовлетворительность неразвѣннаго бумажно-денежнаго обращенія,—говоритъ журналъ,—едва ли требуетъ особыхъ доказательствъ; оно единогласно осуждено и теоріею и практикою, и во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ въ силу вещей устанавливалось такое обращеніе, на короткіе или на продолжительные сроки, переходъ къ нормальному денежному обращенію, хотя бы цѣною крупныхъ государственныхъ и народно-хозяйственныхъ жертвъ,

¹⁾ „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“, 1895, № 21, стр. 437—438.

всегда составлялъ... одну изъ главнѣйшихъ заботъ правительствъ". Съ начала шестидесятихъ годовъ не покидаются нашимъ правительствомъ „заботы о подготовительныхъ мѣрахъ въ постепенному восстановленію *нормальнаго денежнаго обращенія*". Всѣ министры, стоявшіе болѣе или менѣе значительное время во главѣ финансоваго вѣдомства, „входили съ представленіями въ государственный совѣтъ о проведеніи въ жизнь одной изъ основныхъ подготовительныхъ въ этомъ направленіи мѣръ—разрѣшеніи сдѣлокъ на золото... Въ странѣ, гдѣ столь продолжительно господствовали неразмѣнныя бумажныя деньги и *монета* давно вышла изъ обращенія, гдѣ населеніе почти отвыкло отъ ея употребленія и гдѣ *золото* служитъ только для международныхъ платежей, возвращеніе *монеты* права служить орудіемъ обращенія и постепенное этимъ путемъ подготовленіе населенія къ новымъ условіямъ денежнаго обращенія естественно и должно явиться первою прямою подготовительною къ упорядоченію денежнаго обращенія мѣрою".

Въ подтвержденіе этихъ соображеній, построенныхъ на нѣкоторой игрѣ словами „монета“, „золото“ и „нормальное обращеніе“, нашъ органъ финансовъ, промышленности и торговли ссылается на авторитетъ лучшаго у насъ знатока денежнаго вопроса, столь неожиданно скончавшагося Н. Хр. Бунге; но эта ссылка прямо обращается противъ автора статьи и является лучшимъ опроверженіемъ его выводовъ. Авторъ приводитъ длинную цитату изъ „замѣтки“ покойнаго ученаго экономиста и государственнаго дѣятеля, напечатанной въ 1880 году въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“; во всей этой цитатѣ говорится о монетѣ и металлической валютѣ вообще, въ противоположность бумажнымъ деньгамъ, и о необходимости разрѣшить сдѣлки на монету, какъ золотую, такъ и серебряную, а не на одно золото. Сдѣлавшись министромъ, Н. Хр. Бунге,—какъ изложено далѣе въ той же статьѣ „Вѣстника финансовъ“,—„вошелъ въ началѣ 1883 года въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о разрѣшеніи сдѣлокъ между частными лицами не только на кредитныя билеты, но и на *золотую и серебряную монету*, и о приѣмѣ и выдачѣ казною золотой и серебряной монеты въ платежахъ по цѣнѣ, соответствующей вексельному курсу“. Проектъ этотъ исходилъ изъ того убѣжденія, что для восстановленія нарицательной или упроченія существующей цѣнности кредитнаго рубля и для обезпеченія внутренняго рынка деньгами, соответственно ощущаемой въ нихъ потребности, необходимо восстановить обращеніе монеты и свободный на нее размѣнъ кредитныхъ билетовъ по нарицательному или рыночному ихъ курсу, каковой

результатъ предполагаетъ, однако, существованіе достаточнаго запаса монеты не только въ банкѣ, но и на внутреннемъ рынкѣ. „Ходатайство министра финансовъ, — продолжаетъ „Вѣстникъ“, — департаменты (государственнаго совѣта) признали въ существѣ совершенно правильнымъ, но находили, что безотлагательное утвержденіе этихъ предположеній повело бы къ существеннымъ неудобствамъ, почему и предоставили министру финансовъ внести въ свое время дополнительное представленіе. Такое представленіе, разработанное согласно указаніямъ департаментовъ, было заготовлено въ 1888 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Вышнеградскимъ, но оно не было обсуждаемо государственнымъ совѣтомъ¹⁾. Представленіе И. А. Вышнеградскаго было, однако, вовсе не „такое“, ибо оно касалось уже только золота и связывало вопросъ о будущемъ развѣнѣ съ судьбою золотой валюты.

Никто въ настоящее время не сомнѣвается въ томъ, что капиталисты, представители банковъ и крупныхъ промышленныхъ предпріятій предпочитаютъ золотую валюту и повсюду хлопочутъ объ ея введеніи, при помощи услужливой журналистики. Въ Австріи золотая валюта вводится теперь при ближайшемъ участіи синдиката банкировъ, съ фирмою Ротшильда во главѣ, и результаты едва ли будутъ удачны въ финансовомъ отношеніи, не говоря уже объ интересахъ народно-хозяйственныхъ. Чѣмъ значительнѣе международныя торгово-промышленныя связи, тѣмъ болѣе желательнымъ является единство или, по крайней мѣрѣ, сходство монетной системы въ разныхъ культурныхъ государствахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всякая коренная перемѣна въ монетной системѣ отдельныхъ странъ становится чрезвычайно трудною и рискованною, такъ какъ отъ устойчивости принятыхъ разъ основаній денежнаго обращенія зависитъ правильный ходъ всѣхъ промышленныхъ дѣлъ. Поэтому даже сторонники серебра въ Германіи не считаютъ возможнымъ достигнуть монетной реформы иначе, какъ путемъ одновременнаго международнаго соглашенія подъ руководствомъ главной представительницы золота, Англіи. Въ свою очередь и Австро-Венгрія не можетъ отстать отъ Германіи и старается по неволѣ привить у себя золотую валюту, въ виду тѣсныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній съ германскою имперіею. Тутъ дѣйствуетъ еще одно соображеніе, впрочемъ довольно ошибочное: военныя державы должны располагать значительнымъ запасомъ золотой монеты на случай войны, ибо въ военное время приходится дѣлать закупки главнымъ образомъ въ Англіи или че-

¹⁾ „Вѣстникъ финансовъ“, отъ 21-го мая, стр. 488—486.

резъ Англію; но для этихъ цѣлей можетъ существовать особый металлическій резервъ (какъ, напр., въ Германіи военный фондъ въ 120 милліоновъ марокъ золотомъ въ крѣпости Шпандау), который однако, вмѣстѣ съ находящеюся въ обращеніи золотою монетою, никогда не предупредитъ необходимости займа при наступленіи серьезныхъ военныхъ событій. Подъ вліяніемъ общаго предразсудка и мы разорались на золото во время послѣдней турецкой войны, хотя содержать дѣйствующую армію приходилось на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ населеніе привыкло къ серебру и гдѣ отлично шли наши старые серебряные рубли; а сколько десятковъ и, можетъ быть, сотенъ милліоновъ было напрасно истрачено тогда вслѣдствіе этой ненужной и ничѣмъ не вызванной замѣны серебра болѣе дорогимъ металломъ!

Въ области денегъ существуетъ какой-то заколдованный кругъ: страны съ серебрянымъ или бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ стремятся къ золоту, вслѣдъ за Англію и затѣмъ Германію, подрывая этимъ цѣнность своей собственной серебряной монеты, а государства съ золотою валютою не рѣшаются принять мѣры для поддержанія цѣнности серебра, безъ соотвѣтственнаго рѣшенія другихъ державъ. Вездѣ чувствуется необходимость международнаго соглашенія по этому предмету, а возможность такого соглашенія въ пользу серебра все болѣе отдалается формальнымъ распространеніемъ золотой валюты, въ расчетъ на будущія международныя конвенціи. Оттого всѣ новѣйшіе монетные конгрессы, повторяющіеся чуть ли не ежегодно въ разныхъ мѣстахъ Европы, кончаются безплодно, при обычномъ взаимномъ недовѣрїи и экономическомъ соперничествѣ великихъ державъ. Еслибы теперь и Россія официально перешла къ золотой валютѣ, то еще болѣе упали бы шансы международнаго монетнаго соглашенія въ защиту серебра, и серебро еще сильнѣе упало бы въ цѣнѣ сравнительно съ золотомъ. Дороговизна золота и слѣдовательно денегъ возросла бы еще замѣтнѣе, и такъ или иначе пришлось бы вновь позаботиться о восстановленіи правъ заброшеннаго серебра, что тогда было бы уже гораздо труднѣе. Капиталисты, владѣльцы процентныхъ бумагъ, будутъ реально получать все больше доходовъ, несмотря на номинальное пониженіе процента, а народамъ, обязаннымъ оплачивать эти доходы золотомъ, придется очень и очень плохо.

Золото дорожаетъ не только по естественнымъ причинамъ, на которыя указываютъ геологи, но и по причинамъ экономическимъ и социальнымъ: оно дѣлается дороже по мѣрѣ того, какъ расширяется его исключительная монетная функція, а чѣмъ выше оно

цѣнится вслѣдствіе этого въ мірѣ, тѣмъ болѣе усиливается употребленіе его для украшеній и для предметовъ роскоши. Богатые классы общества сокращаютъ свой спросъ на серебро именно вслѣдствіе упадка его цѣнности и требуютъ больше золота именно вслѣдствіе его дороговизны; такимъ образомъ, гоненіе на серебро какъ матеріалъ для монеты обезцѣниваетъ его и какъ предметъ роскоши, а безраздѣльное господство золота въ роли денежнаго средства поднимаетъ цѣну его какъ матеріала для надѣлій. Болѣе двухъ третей всего количества добываемаго нынѣ золота идетъ на предметы роскоши, и только одна третья доля превращается въ монету. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше будетъ доступно золото большинству трудящагося населенія, и въ концѣ концовъ правительства опять начнутъ выпускать бумажки вмѣсто денегъ, — и повторится старая исторія съ депозитными квитанціями, превращаемыми постепенно въ кредитные билеты, сначала размѣнные, а потомъ и неразмѣнные.

Представимъ себѣ на минуту, что у насъ введена золотая валюта, путемъ размѣна кредитныхъ билетовъ по курсу 70 коп. зол. за рубль. Какое значеніе имѣла бы эта реформа для народа? Большинство населенія не видало бы золотой монеты, а по необходимости довольствовало бы размѣннымъ серебромъ или бумажками; счетъ на золото существовалъ бы для народа, но самое золото до него не доходило бы. Денежная мѣрка была бы повышена на цѣлую треть: каждый кредитный рубль превратится въ 70 коп. по новому счету на золото, а повинности и платежи, опредѣляемые въ рубляхъ, поднимутся на 30⁰/₀. Въ предѣлахъ внутренняго обращенія бумажный рубль, несмотря на всѣ колебанія внѣшняго курса, могъ сохранять свою полную покупательную силу, ибо онъ былъ единственною денежною единицею и не подвергался непосредственному воздѣйствію конкуренціи металлическихъ денегъ; во всякомъ случаѣ онъ для получающихъ и для платящихъ былъ настоящимъ рублемъ, а не переменчивою биржевою бумагою, опредѣляемою въ своей цѣнности въ Берлинѣ или Лондонѣ по сравненію съ заграничною золотою монетою. Такъ какъ потребителямъ и плательщикамъ внутри страны нѣтъ въ сущности никакого дѣла до оцѣнки кредитнаго рубля за границей, то ничѣмъ нельзя было бы объяснить принятіе именно этого заграничнаго мѣрила за обязательную норму для всего внутренняго оборота въ государствѣ; народъ не въ состояніи былъ бы понять, почему бывшіе у него въ рукахъ рубли содержатъ уже не по сто копѣекъ серебромъ, а по 70 коп. Это будетъ тѣмъ болѣе загадочно, что кредитный рубль официально цѣнится те-

перъ выше серебрянаго рубля, низведеннаго на степень полтинника (даже 45 коп. для таможенныхъ платежей) золотомъ ¹⁾). Сохранять ли новыя 70 коп. золотомъ покупательную силу прежняго рубля? Можно сказать положительно, что нѣтъ. Вмѣсто рубля народъ получить не золотыя, а мелкія серебряныя и мѣдныя деньги прежняго типа, — быть можетъ, высшаго качества и вѣса, — только въ количествѣ всего 70 копѣекъ. Счетъ на золото не измѣнитъ характера и цѣнности этихъ разнѣнныхъ денегъ; цѣны товаровъ едва ли понизятся сообразно новой переоцѣнѣ рубля. Только земледѣльческіе продукты, покупаемые у крестьянъ, будутъ вѣроятно оцѣниваться купцами по новому счету, для уменьшенія уплачиваемыхъ суммъ; а кто долженъ получать съ обывателей и особенно съ сельскаго населенія, тотъ не откажется отъ возможности требовать полныхъ рублей, хотя и въ новой валютѣ. Напрасно остроумные газетные финансисты станутъ растолковывать публикѣ, что ничто не измѣнилось съ переводомъ кредитныхъ билетовъ на золото, что принято только другое денежное мѣрило, вмѣсто устарѣлаго рубля серебромъ, и что новыя 70 коп. золотомъ въ точности соотвѣтствуютъ прежней сотнѣ копѣекъ. Всѣ эти толкованія не отвѣтятъ на первый и простѣйшій вопросъ, возникающій самъ собою: для чего же нуженъ народу этотъ счетъ на золото, когда самое золото до него не дойдетъ и когда у него нѣтъ даже дешеваго серебра? Почему и безъ того слишкомъ крупная денежная единица въ рубль серебромъ, превышающая по курсу почти втрое французскій франкъ и болѣе чѣмъ вдвое нѣмецкую марку, должна быть замѣнена еще болѣе высокимъ масштабомъ? Ясно, что золотая валюта не имѣетъ у насъ никакой почвы, если имѣтъ въ виду металлическое денежное обращеніе въ народѣ, а не только между капиталистами и банкирами.

II.

Крайне странно относится къ вопросу о металлическихъ деньгахъ наша новѣйшая финансовая литература. Какъ теоретики,

¹⁾ Этимъ официально признано, что, по качеству и вѣсу металла, существующіе нынѣ серебряные рубли стоятъ на 20 или 22 коп. золотомъ дешевле кредитныхъ рублей; очевидно, эта аномалія можетъ быть легко устранена возвышеніемъ достоинства и увеличеніемъ вѣса серебра для металлическихъ рублей, при новой чеканкѣ ихъ для восстановленія металлическаго обращенія. Такъ же точно было бы необходимо улучшить качество разнѣнной серебряной монеты, такъ какъ обстоятельства, вызвавшія ухудшеніе ея состава въ 1867 году, нынѣ не существуютъ.

такъ и практикн-финансисты почти не останавливаются надъ вопросомъ, слѣдуетъ ли намъ отречься отъ серебрянаго рубля и перейти къ золоту, а предполагаютъ этотъ переходъ или уже совершившимся, или просто безразличнымъ, не заслуживающимъ подробнаго обсуждения. Одни говорятъ о металлѣ вообще, какъ бы не видя разницы между золотомъ и серебромъ, несмотря на громадное различіе въ послѣдствіяхъ принятія того или другого за основу монетной системы; другіе не иначе разумѣютъ металлическую монету, какъ въ смыслѣ золота, и принимаютъ оба понятія за равнозначущія.

Оригинальнѣе всего то обстоятельство, что лица, пишущія у насъ о золотой валютѣ, сами приводятъ иногда свѣденія о происходящихъ на западѣ Европы и въ Америкѣ горячихъ спорахъ между биметаллистами (сторонниками равноправности обоихъ металловъ) и монометаллистами (приверженцами одного металла, преимущественно золота), упоминаютъ о международныхъ монетныхъ конгрессахъ, о рѣшеніяхъ парламентовъ въ ту или другую сторону и т. п. Значитъ, вездѣ вопросъ признается чрезвычайно сложнымъ и важнымъ, затрогивающимъ множество разнообразныхъ интересовъ и достойнымъ внимательнаго публичнаго обсуждения въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Неужели же только для насъ дѣло стоитъ такъ просто, что нѣтъ даже надобности задумываться надъ нимъ? Наконецъ, если мы хотимъ игнорировать заграничные споры, конференціи и парламентскія пренія о золотѣ и серебрѣ и считать дѣло окончательно рѣшеннымъ въ пользу болѣе дорогаго металла, то все-таки, казалось бы, мы не имѣемъ права говорить о переходѣ къ золотой валютѣ какъ о совершившемся фактѣ, пока не отмѣнены законы и манифесты о серебряномъ рублѣ и замѣняющихъ его кредитныхъ билетахъ. Нигдѣ въ мірѣ перемѣна основной денежной единицы не предполагается на основаніи какихъ-нибудь косвенныхъ данныхъ, и въ этомъ отношеніи наше отечество, конечно, не составляетъ исключенія.

Недавно вышла въ свѣтъ объемистая книга г. Александра Миклашевскаго, въ 729 страницъ большого формата, подъ заглавіемъ: „Деньги. Опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіею денежнаго вопроса“. Это ученѣйшая диссертация новаго типа, удивительная по количеству собранныхъ матеріаловъ и цитатъ, но еще болѣе замѣчательная по отсутствію собственной опредѣленной мысли и какаго-нибудь логическаго плана. Это обширный сборникъ всевозможныхъ экономическихъ разсужденій, ссылокъ, фактовъ и цифръ, связанныхъ чисто внѣшнимъ образомъ, иногда

безъ всякой послѣдовательности и системы, съ единственною цѣлью показать степень знаній и начитанности автора. Г. Миклашевскій сознаетъ въ принципѣ большое практическое значеніе избранной имъ темы. „У насъ въ Россіи,—говоритъ онъ,—изученіе денежнаго дѣла имѣетъ самый ближайшій практическій интересъ: въ теченіе почти вѣка мы страдаемъ отъ неумѣнія правильно организовать наше денежное обращеніе. На основаніи добытыхъ выводовъ, мы попытаемся рекомендовать тотъ или иной образъ дѣйствій въ денежныхъ дѣлахъ и примѣнительно къ положенію вещей въ нашемъ отечествѣ. Исторія, теорія и политика будутъ идти въ этомъ изслѣдованіи рядомъ, но, надѣюсь, безъ ущерба для истины и справедливости“ (стр. 72). Въ дѣйствительности въ этомъ обширномъ томѣ въ 46 печатныхъ листовъ удѣлено всего три страницы обзору нашей финансовой политики за цѣлую четверть вѣка; о послѣднемъ періодѣ, съ 1881 года до настоящаго времени, сказано десять или одиннадцать строкъ (стр. 601), а для характеристики нашей кредитной системы и нашего государственнаго хозяйства за этотъ періодъ приведены лишь подробныя выдержки изъ официальныхъ разъясненій министерства финансовъ, безъ всякихъ комментаріевъ (стр. 602—606). Очень много свѣденій сообщено о недостаткахъ единого золотого обращенія, объ увеличивающейся трудности добыванія золота и о возрастающемъ движеніи въ пользу возобновленія монетной функціи серебра въ разныхъ передовыхъ государствахъ міра, а относительно Россіи дѣлаются только мимоходомъ, въ двухъ мѣстахъ, краткія замѣчанія, совершенно не вытекающія изъ накопленныхъ авторомъ матеріаловъ и мотивированныя самымъ поверхностнымъ и неопредѣленнымъ образомъ.

„При современномъ положеніи денежныхъ рынковъ и при отсутствіи всякой надежды на возможность биметаллическаго соглашенія,—неожиданно заключаетъ авторъ въ одномъ мѣстѣ,—мы не рѣшились бы рекомендовать Россіи вводить у себя двойное или серебряное обращеніе, еслибы когда-нибудь былъ поставленъ вопросъ объ устраненіи бумажно-денежнаго обращенія. У насъ добывается ничтожное количество серебра, и дѣлать этотъ колеблющійся товаръ иностраннаго рынка масштабомъ измѣренія—значило бы замѣщать ничего не стоющее и колеблющееся бумажное орудіе обращенія болѣе дорогимъ, но столь же колеблющимся и къ тому же отъ условій, оказывать вліяніе на которыя мы не въ силахъ“ (стр. 442).

Вотъ и все о желательной денежной реформѣ въ Россіи.

Самъ по себѣ выводъ автора таковъ, что даже совѣстно встрѣтить его въ большой ученой книгѣ.

Во-первыхъ, вводить у насъ серебряное обращеніе не приходится уже потому, что номинально оно существуетъ съ давнихъ поръ, и рѣчь можетъ идти только объ его восстановленіи; такъ же точно нельзя сказать, что вопросъ о замѣнѣ бумажныхъ денегъ металлическими будетъ „когда-нибудь“ поставленъ, ибо онъ не только поставленъ уже давно, но и не сходилъ съ очереди начиная съ шестидесятыхъ годовъ, и неоднократно дѣлались уже положительныя попытки въ его разрѣшенію, о чемъ рассказано отчасти въ книгѣ самого г. Миклашевскаго.

Во-вторыхъ, много ли добывается у насъ серебра или мало—это не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого значенія въ данномъ случаѣ, и ни одинъ серьезный экономистъ или финансистъ не руководствуется подобными соображеніями въ вопросѣ о выборѣ металла для денегъ. Золота добывается у насъ довольно много, и однако оно всегда оставалось для насъ „товаромъ иностраннаго рынка“; и когда оно было намъ нужно, мы приобретаемъ его при помощи золотыхъ займовъ за границей, гдѣ нѣтъ вовсе золотыхъ приисковъ. Англія снабжена золотомъ монетою, конечно, не потому, что она находитъ у себя много золота; обиліе золота и серебра во Франціи не зависитъ, разумѣется, отъ богатства добычи этихъ металловъ въ странѣ. Германія не располагаетъ собственными запасами золота, и тѣмъ не менѣе она ввела у себя золотую валюту. Мы можемъ всегда имѣть сколько угодно серебра, хотя бы оно совсѣмъ и не добывалось у насъ, и въ этомъ едва ли сомнѣвается самъ авторъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, колебанія цѣнности серебра на всемирномъ рынкѣ, какъ признано всѣми, находятся въ тѣсной причинной связи съ изгнаніемъ этого металла изъ монетныхъ системъ нѣкоторыхъ великихъ державъ; эти колебанія прекратились бы съ возвращеніемъ права гражданства серебряной монетѣ и не могли бы вообще оказывать на нее замѣтное вліяніе, въ чемъ и теперь наглядно убѣждаетъ примѣръ Франціи. Количество добываемаго серебра возросло только немногимъ болѣе чѣмъ вдвое за послѣднія двадцать лѣтъ, и, слѣдовательно, новѣйшій упадокъ его цѣнности не могъ произойти отъ чрезмѣрнаго производства; гораздо больше—почти въ десять разъ—увеличилась добыча золота въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ открытія рудниковъ въ Калифорніи и Австраліи, и однако золото тогда подешевѣло въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ теперь серебро, такъ какъ металлъ поглощался еще монетными дворами разныхъ госу-

дарствъ ¹⁾. Этихъ указаній Вагнера и Шеффле могъ не замѣтить г. Миклашевскій; но онъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, помнить факты, излагаемые имъ самимъ, напр. исторію колебаній цѣнности золота въ пятидесятыхъ годахъ, напоминающую точь-въ-точь современное положеніе серебра. „Съ 1848 и до 1857 года,—говоритъ онъ между прочимъ,—во всѣхъ европейскихъ странахъ обнаруживается необыкновенное пристрастіе къ употребленію серебра въ качествѣ основной монетной единицы. Всѣ страны стараются избавиться отъ наплыва золота, паденіе цѣнности котораго казалось неизбѣжнымъ... Выдающіеся авторитеты по части денежныхъ вопросовъ, а среди нихъ въ особенности Мишель Шевалье, высказывали въ шестидесятыхъ годахъ опасеніе, что золото испытаетъ сильнѣйшее пониженіе, и рекомендовали сдѣлать серебро основной монетной единицей. Напротивъ, другія государства и въ частности Австрія стремились поправить свою разстроенную валюту при помощи перехода къ болѣе дешевому въ это время золотому обращенію. Съ 1854 года, по почину Австріи, между всѣми германскими государствами шли по этому предмету дѣятельные переговоры. Созванная въ Вѣнѣ 24-го января 1857 года монетная конференція создала такъ-называемый вѣнскій монетный договоръ, но всѣ попытки Австріи склонить другія государства къ установленію золотого обращенія оказались тщетными: всѣ боялись дальнѣйшаго обезцѣненія золота и вѣрили въ большую устойчивость цѣнности серебра. Вообще со всѣхъ сторонъ поднялось гоненіе на золото“... (стр. 121—3). Такъ какъ авторъ собираетъ и излагаетъ факты не для того, чтобы вникать въ ихъ смыслъ и дѣлать изъ нихъ свои выводы, то и эти данныя остаются для него безплодными, и онъ мимоходомъ повторяетъ отъ себя шаблонныя мнѣнія, опровергаемыя всѣмъ фактическимъ содержаніемъ его книги.

Въ концѣ своего „ислѣдованія“ г. Миклашевскій опять возвращается на минуту къ вопросу о будущей судьбѣ нашего денежнаго обращенія и предлагаетъ въ немногихъ строчкахъ свои самостоятельныя идеи; онъ совершенно уже обходитъ молчаніемъ возможные споры о валютѣ и прямо говоритъ о золотѣ, какъ объ основѣ нашей денежной системы, точно нашъ рубль былъ въ принципѣ всегда золотой, а не серебряный. Все это заключительное разсужденіе автора состоитъ изъ неожиданностей:

¹⁾ Schaffle, der Währungsstreit, въ сборникѣ „Deutsche Kern- und Zeitfragen“, Berlin, 1895, стр. 383—4.

туть предполагается и отсутствіе у насъ металлическаго фонда, и возможность громаднаго займа для подготовленія размѣна, и неизбежность и законность „девальвациі“ по отношенію къ золоту, при чемъ нѣтъ и намека на какія-либо доказательства или хотя бы на отдаленную логическую связь съ матеріаломъ, собраннымъ въ трактатѣ г. Миклашевскаго.

„Не беремса предугадывать, — разсуждаетъ авторъ, — удастся ли намъ довести нашъ курсъ до полной стоимости въ 100 золотыхъ (?) копѣекъ при настоящей политикѣ. По нашему мнѣнію, достигнуть такой цѣли возможно только при отсутствіи новыхъ выпусковъ (кредитныхъ билетовъ?) и при накопленіи фонда изъ бюджетныхъ остатковъ (отмѣтимъ здѣсь, что въ своей собственной книгѣ авторъ могъ бы прочесть перепечатанныя изъ газетъ официальные сообщенія министерства финансовъ о существованіи весьма крупнаго и все болѣе возрастающаго размѣннаго фонда, и о прекращеніи съ 1891 года необезпеченныхъ металломъ выпусковъ бумажныхъ денегъ). Только тогда нашъ курсъ рубля могъ бы окончательно фиксироваться, а установленіе временнаго параллельнаго обращенія (размѣнныхъ банковыхъ билетовъ рядомъ съ нынѣшними кредитными) и переходъ къ полной размѣнной валютѣ — было бы дѣломъ недалекаго будущаго. Мы не возлагаемъ однако надеждъ на возможность заключенія громаднаго металлическаго займа для энергичнаго и внезапнаго восстановленія валюты“. Далѣе оспаривается неизвѣстно кѣмъ предложенный проектъ этого новаго займа, съ точки зрѣнія платежныхъ силъ крестьянства. „Безъ всякаго сомнѣнія, — продолжаетъ г. Миклашевскій, — вопросъ о восстановленіи валюты, какъ показали усилія Австріи, сдѣланныя въ послѣднее время даже при сравнительно устойчивомъ курсѣ, такъ сложенъ, что мы отказываемся здѣсь входить въ какія бы то ни было подробности (т.-е., предложить ясное и сколько-нибудь мотивированное мнѣніе по существу), но не считаемъ возможнымъ не высказать нашего глубочайшаго убѣжденія по этому предмету. Повидимому, намъ неизбежно придется идти по дорогѣ, указанной Канкринимъ, т.-е. заботиться о фиксированіи курса, о созданіи параллельнаго размѣнно-банковаго обращенія и наконецъ заключить всю совокупность принятыхъ мѣръ *девальвацией*, подобной той, которая уже разъ была совершена въ 1812—39 годахъ. Обыкновенно о такой мѣрѣ говорятъ, какъ о государственномъ банкротствѣ, но при этомъ упускаютъ изъ виду, что такимъ же именемъ можно назвать и отсутствіе размѣна, которое составляетъ существующій, длящаяся и еще болѣе вредный фактъ. Да, наконецъ,

предъ кѣмъ нынѣ отвѣтственно и кому должно теперь оплачивать полнымъ рублемъ государство свои бумажно-денежныя обязательства? Всѣ цѣны и расчеты болѣе или менѣе приспособились къ новому порядку вещей, при которомъ рубль стоитъ только 60—70 металлич. (т.-е. не металлическихъ вообще, а только по заграничному счету на золото?) копѣекъ. Поколѣніе, переживавшее войны 1854 и отчасти 1877 г., уже сходитъ мало-по-малу со сцены, и не время заботиться о выполненіи чисто абстрактныхъ обязательствъ передъ нимъ. Богатство вѣчно возобновляется изъ одного и того же источника—народнаго труда. Разсчитать полученныя прежними поколѣніями, классами и личностями выгоды и потери—нѣтъ возможности. Въ интересахъ нашего неяснаго, но вѣроятно счастливаго будущаго, необходимо ликвидировать прежнія обязательства съ возможно меньшими пожертвованіями и въ условіяхъ, которыя болѣе всего отвѣчаютъ современнымъ положеніямъ обязательствъ“ (стр. 679—680).

Еслибы авторъ пожелалъ точнѣе опредѣлить, когда и какииъ способомъ были приняты на себя государствомъ „чисто абстрактныя обязательства“ по размѣну кредитныхъ билетовъ на золото, то онъ поставленъ былъ бы въ большое затрудненіе, ибо подобныхъ обязательствъ вовсе не существовало и не существуетъ. Графъ Канкринъ устроилъ обмѣнъ обезцѣненныхъ ассигнацій на серебро и на государственныя кредитныя билеты, разсчитанныя на серебряную валюту; при обмѣнѣ же билетовъ на золото былъ съ самаго начала установленъ лажъ въ 3⁰/₀, и слѣдовательно въ золотой монетѣ нельзя было имѣть за рубль кредитный сто копѣекъ, какъ полагаетъ г. Миклашевскій, а только 97 коп. Обязателенъ былъ только размѣнъ на серебро по нарицательной цѣнѣ; и если тогда кредитныя билеты мѣнялись на золото по установленному курсу, то и позднѣе не могла возникнуть обязанность размѣна на этотъ металлъ независимо отъ курса, безъ приплаты сравнительно съ серебромъ. Такимъ образомъ авторъ напрасно потратилъ свое краснорѣчіе въ защиту девальваціи, непримѣнимой къ настоящимъ условіямъ, при равенствѣ кредитныхъ рублей съ полноценными серебряными рублями.

Чѣмъ же наполнено это обширное изслѣдованіе о деньгахъ, если въ немъ не нашлось мѣста для толковаго разбора важнѣйшихъ вопросовъ и задачъ въ области нашей современной денежной политики? Трудно перечислить всѣ предметы, затронутые въ книгѣ г. Миклашевскаго, или, вѣрнѣе, всѣ теоріи и сочиненія, которыя онъ цитируетъ; онъ подробно излагаетъ общезвѣстныя экономическія доктрины представителей классической школы, на-

чиная съ фвізіократовъ, Адама Смита и Рикардо, при чемъ, по собственному своему выраженію, держится по возможности близко „текста изучаемаго предмета“ (стр. 163). Разбираемые авторы, старые и новые, важные и неважные, проходятъ предъ читателемъ, какъ въ калейдоскопѣ, неизвѣстно для чего и почему; такъ, напр., въ послѣдней главѣ, въ видѣ „заключенія“, обстоятельно изложены взгляды нѣкоторыхъ экономистовъ и философовъ прошлаго вѣка по вопросу о производительныхъ классахъ и о роскоши, даже безъ критической оцѣнки этихъ взглядовъ, но только съ такимъ необыкновенно-интереснымъ замѣчаніемъ: „Передъ читателями лежатъ (!), такимъ образомъ, воззрѣнія трехъ писателей, которые играли немалозначительную роль въ исторіи умственнаго развитія Европы. Многое можно бы сказать по поводу ихъ ученій, но иногда бываетъ полезно предоставить читателю возможность самому разобраться въ указанныхъ точкахъ зрѣнія“. Этимъ скромнымъ правиломъ особенно руководствовался авторъ при изложеніи данныхъ, касающихся многолѣтняго, понынѣ продолжающагося спора о роли серебра и золота въ монетной системѣ. Г. Миклашевскій очень добросовѣстно перерылъ по этому поводу массу матеріала, углубился въ исторію денежнаго и монетнаго вопроса въ разныхъ государствахъ, резюмировалъ доводы защитниковъ и противниковъ серебра, воздерживаясь отъ анализа и критики излагаемыхъ сужденій и фактовъ. Хотя онъ лично не скрываетъ своего пренебреженія къ серебру и неодобрительно говоритъ объ „агитаціи“ людей, отстаивающихъ права болѣе дешеваго металла, но въ своей книгѣ онъ аккуратно приводитъ сильнѣйшіе фактическіе аргументы противъ односторонняго владычества золота. Конечно, загадочнымъ остается этотъ полный разладъ между мыслями автора и всѣми излагаемыми имъ свидѣніями; но такъ какъ убѣдительно только послѣднія, то въ концѣ концовъ для читателя безразлично, какъ относится самъ авторъ къ собранному имъ матеріалу.

Между прочимъ, въ книгѣ г. Миклашевскаго приведены нѣкоторыя любопытныя подробности объ англійскомъ движеніи въ пользу серебра. На бруссельской монетной конференціи 1892 года англійскіе делегаты, въ лицѣ своего представителя Ротшильда, стояли безусловно за господство золотой валюты; Ротшильдъ допускалъ только нѣкоторыя уступки и находилъ возможнымъ для Англии сдѣлать серебро законнымъ платежнымъ средствомъ до 5 фунтовъ, вмѣсто двухъ. Конференція окончилась ничѣмъ, и въ британскомъ парламентѣ поднятъ былъ вопросъ о вторичномъ ея созваніи. Произошли оживленныя пренія, въ которыхъ при-

няли участіе Гладстонъ и Гарвортъ, Гошенъ и Чаплинъ. Извѣстный финансистъ Гошенъ и другіе представители консервативной партіи, „за исключеніемъ банкировъ и денежныхъ людей лондонскаго Сити“, высказались за равноправность обоихъ металловъ и общали сдѣлать этотъ вопросъ однимъ изъ пунктовъ предстоящей избирательной кампаніи. Гладстонъ, отъ имени правительства (это было въ февралѣ 1893 года), выступилъ въ защиту единой державы золота, съ точки зрѣнія специальныхъ интересовъ Англіи. „Совершенно справедливо,—сказалъ онъ,— что Англія является страной, которая даетъ кредиты всему міру. Съ каждымъ годомъ затраты англійскаго народа на кредиты въ чужихъ странахъ увеличивались, и по весьма низкой цѣнѣ онѣ опредѣляются въ двѣ тысячи милліоновъ фунтовъ. При такихъ обстоятельствахъ было бы серьезнымъ дѣломъ совершить блестящій актъ самопожертвованія, давъ возможность должникамъ выбирать между двумя орудіями обращенія. Я смотрю съ глубокимъ уваженіемъ на космополитическіе принципы и готовъ въ значительной степени, но съ умѣренностью, идти въ ихъ осуществленію и признанію. При биметаллической системѣ мы не получимъ утѣшенія отъ замѣны золота металломъ низшаго качества и болѣе дешевымъ, но *утѣшеніе остальнаго міра будетъ очень велико*. Подарокъ въ 50 или 100 милліоновъ будетъ, безъ сомнѣнія, принятъ міромъ съ благодарностью, но это послѣднее чувство будетъ смѣшиваться съ весьма серьезными сомнѣніями относительно нашей мудрости. Поэтому надо дважды или трижды подумать, прежде чѣмъ покинута прочное основаніе, на которомъ мы въ послѣднюю половину этого вѣка воздвигли фабрику, какихъ не знала ранѣе исторія всего міра“. Бывшій министръ финансовъ, консерваторъ Гошенъ, самъ банкиръ, въ своей отвѣтной рѣчи выразился слѣдующимъ образомъ: „Еслибы я пропанесъ рѣчь, подобную той, которую мы только-что слышали отъ Гладстона, то меня навѣрное обвинили бы, что я являюсь представителемъ капиталистическаго класса и дѣйствую подобно человѣку, который во что бы то ни стало рѣшился получить съ должника условенный фунтъ его мяса“¹⁾.

Г. Миклашевскій печатаетъ все это, и не замѣчаетъ ни имени Ротшильда во главѣ сторонниковъ золотой валюты, ни

¹⁾ Миклашевскій, стр. 484—440. Послѣдняя фраза, впрочемъ, приведена у автора въ другомъ видѣ: выраженіе „round of flesh“ онъ перевелъ словами „кровавый фунтъ“, предполагая какъ будто, что дѣло идетъ о фунтѣ стерлинговъ, а не о фунтѣ мяса, котораго требовалъ Шейлокъ съ своего должника.

откровенныхъ указаній Гладстона на мотивы англійскаго пренебреженія къ серебру; г. Миклашевскій продолжаетъ думать, что многочисленныя ученые и практическіе дѣятеля, защищающіе точку зрѣнія должниковъ Англїи, ведутъ какую-то бесполезную „агитацію“, и что вѣроятно правъ только одинъ Ротшильдъ, выражающій будто бы „общее настроеніе...“

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1895.

Газетный проект упраздненія губернскихъ земскихъ учреждений.—Значеніе губернскаго земства въ дѣлахъ непосредственно ему вѣренныхъ, въ дѣлахъ уѣднаго земскаго хозяйства, въ государственной и въ народной жизни.—„Двоевластіе“ въ области земскаго дѣла.—Циркуляръ тамбовскаго губернатора.

Положеніе нашихъ земскихъ учреждений послѣ перемѣнъ, произведенныхъ въ немъ закономъ 12 іюня 1890 г., напоминаетъ, отчасти, положеніе Франціи по окончаніи франко-германской войны 1870—1871 г. Какъ ни велики были потери, понесенныя разбитой державой, непримиримымъ врагамъ ея онѣ казались недостаточными; не прошло и четырехъ лѣтъ со времени заключенія франкфуртскаго мира, какъ въ Берлинѣ созрѣло рѣшеніе возобновить борьбу, чтобы окончательно обезсилить побѣжденных—и только заступничество Россіи помѣшало исполненію этого рѣшенія. Не хотятъ остановиться на полъ-дорогѣ и систематическіе противники нашего земства. Имъ мало того, что преобладающая роль въ земскихъ собраніяхъ обезпечена за дворянствомъ; что изъ состава земскаго представительства совершенно устранены одні группы населенія, а избранники другихъ поставлены въ прямую зависимость отъ начальства; имъ мало того, что исполнительные органы земства введены въ ряды бюрократіи, а дѣятельность земскихъ постановленій обусловлена согласіемъ администраціи; имъ мало даже тѣхъ существенныхъ ограниченій земской дѣятельности, которыя отчасти произведены, отчасти проектированы или намѣчены въ областяхъ продовольственной, врачебной, финансовой, школьной, статистической, страховой. Они успокоятся, очевидно, только тогда, когда отъ земскихъ учреждений, созданныхъ въ эпоху великихъ реформъ, останется только одно имя. Въ послѣднее время газетная агитація противъ земства отличается особымъ ожесточеніемъ и упорствомъ: чувствуется твердая рѣшимость эксплуатировать какъ можно полнѣе нѣкоторыя обстоятельства, неблагоприятныя

для самостоятельности земскихъ учрежденій, и ковать желѣзо, пока оно еще не остыло отъ недавнихъ ударовъ. Нападеніе ведется какъ съ фронта, такъ и съ фланговъ; другими словами, рядомъ съ мѣрами, прямо направленными къ изуродованію и изувѣченію земства, предлагаются въ газетахъ и такия, которыя, повидимому, измѣняя въ немъ весьма немного, на самомъ дѣлѣ самымъ кореннымъ образомъ подкапываются подъ его существованіе. Представимъ образецъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Устами того изъ своихъ сотрудниковъ который поставилъ себѣ задачей разгромъ „образцоваго“ (т. е. тверскаго) земства¹⁾, „Московскія Вѣдомости“ высказываются за уничтоженіе губернскихъ земскихъ учрежденій. Въ статьѣ, посвященной этому вопросу (№ 118), приводится сначала мнѣніе какаго-то стараго и опытнаго земскаго дѣятеля, доказывавшаго, еще до послѣдней земской реформы, что никакихъ постоянныхъ земскихъ учрежденій не нужно, что центръ тяжести всего земскаго дѣла можетъ и долженъ быть перенесенъ въ уѣздъ, а на долю губерніи достаточно оставить съѣздъ представителей уѣздовъ, да развѣ одного постоянного уполномоченнаго, съ небольшимъ при немъ бухгалтерскимъ бюро, производящимъ раскладку общихъ расходовъ и регулирующимъ счета между уѣздами. Страхование отъ огня могло бы быть ведено каждымъ уѣздомъ въ отдѣльности; общегубернскими больницами (напр. психіатрическими) и учебными заведениями могло бы завѣдывать земство того уѣзда, въ предѣлахъ котораго они находятся. Присоединяясь къ мнѣнію „старараго и опытнаго дѣятеля“, г. Букѣвскій, въ концѣ статьи, говоритъ уже о *полномъ утратѣ губернскаго земства*. Допустимъ однако, что это выраженіе не совсѣмъ точно и что сокрушители губернскихъ земскихъ учрежденій готовы сохранить нѣчто похожее на губернское земское собраніе—„съѣздъ представителей уѣздовъ“. Нетрудно понять, во что обратился бы этотъ съѣздъ, лишенный всякой власти, всякаго реальнаго дѣла. Развертка между уѣздами расходовъ по содержанію общегубернскихъ больницъ и учебныхъ заведеній была бы простою формальностью, для которой не стоило бы и пріѣзжать въ губернскій городъ; не болѣе какъ формальностью былъ бы и контроль „съѣзда“ надъ этими больницами и школами: не отъ „съѣзда“, а отъ уѣздныхъ земскихъ собраній зависѣло бы избраніе лицъ, ими завѣдующихъ, а слѣдовательно и исполненіе указаній, сдѣланныхъ „съѣздомъ“. Созданіе какихъ-либо новыхъ общегубернскихъ предпріятій встрѣтило бы непреодолимая препятствія, развѣ что „центръ тяжести *всего* земскаго дѣла“ рѣшено было бы перенести въ уѣздъ. Един-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 6 „Вѣстн. Европы“ за нынѣшній годъ.

ственной функцией „сѣзда“ осталось бы, затѣмъ, возбужденіе ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ; но именно это вызвало бы противъ него цѣлую массу нареканій. Его стали бы называть коллекціей болтуновъ и агитаторовъ, въ лучшемъ случаѣ—безполезной, болѣею частью—опасной и вредной. Въ самомъ скоромъ времени былъ бы поставленъ вопросъ о его существованіи—и отстоять его было бы тѣмъ труднѣе, чѣмъ меньше было бы видимыхъ, осязательныхъ результатовъ его дѣятельности. Въ сущности, такимъ образомъ, замѣна пынѣшнихъ губернскихъ земскихъ учрежденій какимъ-то „сѣздомъ“ и какимъ-то „уполномоченнымъ“, „съ небольшимъ при немъ бухгалтерскимъ бюро“, была бы равносильна совершенному уничтоженію губернскаго земства. Къ этому, очевидно, и сводятся вождельнія нашихъ газетныхъ реакціонеровъ; имъ не хватило только мужества, чтобы поставить точку надъ *i* и прямо раскрыть конечную цѣль своихъ стремленій. Прежде чѣмъ установить причины похода, предпринятаго противъ губернскаго земства, посмотримъ, такъ ли легко „перенести центръ тяжести всего земскаго дѣла“ въ уѣздъ и только въ уѣздъ.

Существованіе общегубернскихъ потребностей признаютъ, явно противорѣча самимъ себѣ, и противники губернскихъ земскихъ учрежденій: они стараются только до крайности ссузить ихъ кругъ, на самомъ дѣлѣ не поддающійся искусственнымъ ограниченіямъ и растущій сообразно съ новыми запросами жизни. Помимо специальныхъ больницъ, помимо такихъ учебныхъ заведеній, какъ фельдшерская или учительская школа, есть еще масса другихъ дѣлъ, цѣлесообразное веденіе которыхъ возможно только при объединеніи всѣхъ уѣздовъ. Только губернское земство можетъ успѣшно создать и поддержать кустарный банкъ, кустарный музей, складъ аптекарскихъ матеріаловъ, складъ учебныхъ пособій, складъ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій; только губернское земство можетъ произвести, по одной общей программѣ, основное статистическое описаніе губерніи, организовать текущую статистику, сдѣлать общедоступной, путемъ періодическаго изданія или въ какой-либо иной формѣ, всю массу фактовъ, обуславливающихъ направленіе и содержаніе земской дѣятельности; только губернское земство можетъ объединить санитарное изслѣдованіе края и широко воспользоваться обнаруженными при этомъ данными; только губернское земство, въ большинствѣ случаевъ, можетъ устраивать врачебные или учительскіе сѣзды, курсы огородничества, плодоводства и т. п.; только губернскому земству по силамъ установленіе эмеритуры для служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Не даромъ уже теперь, когда стоитъ на очереди переоцѣнка земельныхъ имуществъ, она во многихъ губерніяхъ предоставляется уѣздными зем-

ствами губернскому, какъ болѣе способному справиться съ этой задачей... Мы очень хорошо знаемъ, что многое изъ только-что упомянутого нами составляетъ, въ глазахъ нашихъ противниковъ, пустяки затѣи, предупрежденію и пресѣченію которыхъ можно только радоваться; но вѣдь мы пишемъ не для того, чтобы убѣдить редакторовъ или сотрудниковъ реакціонныхъ газетъ, а для того, чтобы показать, къ чему должна привести рекомендуемая ими мѣра. Станемъ, однако, на одну почву съ ними: возьмемъ такія отрасли земской дѣятельности, пользу и необходимость которыхъ и они, безъ сомнѣнія, отрицать не могутъ. Въ настоящее время въ распоряженіи губернскихъ земствъ имѣется болѣею частью особый кредитъ на случай появленія гдѣ-либо эпидеміи или эпизоотіи. Пользуясь этимъ кредитомъ, губернская земская управа немедленно приглашаетъ врачей, фельдшеровъ, студентовъ-медиковъ, сестеръ милосердія, закупаетъ лекарства, дезинфекціонныя средства, больничныя принадлежности, и направляетъ организованную такимъ образомъ помощь туда, гдѣ она оказывается необходимой, увеличивая или уменьшая ее, смотря по дальнѣйшему ходу дѣла, перевода медицинскій персоналъ изъ одной мѣстности въ другую, исполняя по возможности порученія и просьбы уѣздныхъ земскихъ управъ. Во всемъ этомъ губернская управа пользуется, обыкновенно, содѣйствіемъ и совѣтами своего постоянного медицинскаго персонала (губернскаго санитарнаго врача, врачей-членовъ губернской санитарной комиссіи и т. д.). На кого же упадетъ весь этотъ трудъ при той организаціи или, лучше сказать, дезорганизаціи губернскаго земства, которую предлагаютъ „Московскія Вѣдомости“? На „постояннаго уполномоченнаго“, допускаемаго ими лишь неохотно, въ видѣ уступки? Это, очевидно, будетъ ему не по силамъ, тѣмъ болѣе, что обычныя его занятія, не столько распорядительнаго, сколько канцелярски-исполнительнаго свойства, вовсе не будутъ готовить его къ энергичной дѣятельности и смѣлой инициативѣ. Въ „небольшомъ бухгалтерскомъ бюро“, при немъ состоящемъ, онъ не найдетъ, конечно, никакой поддержки. Или, можетъ быть, пріятіе экстренныхъ мѣръ будетъ возложено на уѣздныя земскія управы, съ распредѣленіемъ между ними и экстраординарнаго кредита, пропорціонально населенію каждаго уѣзда или суммѣ платимаго имъ земскаго сбора? Но вѣдь въ такомъ случаѣ уѣзды, въ которыхъ эпидемія разиграется особенно сильно, не будутъ имѣть достаточно средствъ для борьбы съ нею, между тѣмъ какъ въ уѣздахъ, едва затронутыхъ бѣдствіемъ, значительная часть кредита останется неизрасходованною. Некому будетъ принимать мѣры предосторожности, общія для вѣсколькихъ уѣздовъ; некому будетъ направлять помощь именно туда, гдѣ она, въ данную минуту, особенно необходима и

именно въ той формѣ, въ какой она необходима. Намъ скажутъ, быть можетъ, что все это будетъ исполнено въ лучшемъ видѣ губернской администраціей; но почему бы тогда не возложить на администрацію все медицинское дѣло, безъ различія между губерніей и уѣздами—или, еще проще, почему бы не передать ей всѣ вообще функціи земства, возвратясь однимъ скачкомъ къ до-реформенной эпохѣ? Еслибы реакціонная печать захотѣла быть логичной, ей слѣдовало бы придти именно къ такому выводу; но даже у нея не хватаетъ на то рѣшимости, въ виду указаній прошедшаго—т.-е. исторіи мѣстнаго хозяйства до 1864 г., и настоящаго—т.-е. положенія дѣлъ въ губерніяхъ неземскихъ... Пока существуетъ земство и пока на немъ лежитъ попеченіе о народномъ здоровьѣ, осуществленіе этой обязанности неизбежно должно быть раздѣляемо между земствами уѣздными и губернскимъ—а такое раздѣленіе предполагаетъ въ свою очередь наличность губернскихъ земскихъ учреждений.

Дороги, не принадлежащія ни къ числу государственныхъ, ни къ числу проселочныхъ, могутъ быть, по закону, либо губернскими, либо уѣздными, смотря по тому, имѣютъ ли онѣ значеніе только для одного уѣзда, или для всѣхъ или нѣсколькихъ. Въ настоящее время губернскія земскія дороги состоятъ въ вѣденіи губернскаго земства, и если нѣкоторыя изъ нихъ и передаются иногда въ ближайшее завѣдываніе уѣздныхъ управъ, то отвѣтственною за ихъ исправность во всякомъ случаѣ остается губернская управа, въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, обязанная отчетомъ передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. При дѣйстви иорядка, проектируемаго „Московскими Вѣдомостями“, завѣдываніе губернскими дорогами должно было бы перейти всецѣло къ уѣзднымъ управамъ по мѣсту нахождения дорогъ; возложить его на „уполномоченнаго“ было бы немислимо, потому что дорожное дѣло требуетъ развѣздовъ и надзора на мѣстѣ. Уѣзднымъ земскимъ управамъ пришлось бы, такимъ образомъ, предоставить расходваніе губернскихъ суммъ, безъ всякой отвѣтственности передъ представителями губерніи. Некому было бы разрѣшать недоразумѣнія, возникающія между уѣздами (напр., относительно починки мостовъ и другихъ дорожныхъ сооруженій, соприкасающихся съ территоріей двухъ уѣздовъ); некому было бы наблюдать, чтобы губернская дорога на всемъ протяженіи своемъ была содержима съ одинаковою исправностью; некому было бы организовать техническое управленіе дорогами, непосильное для каждаго уѣзда въ отдѣльности. Для своихъ собственныхъ дорогъ уѣзды содержатъ, болѣею частью, только десятниковъ или дорожныхъ смотрителей, обладающихъ весьма небольшимъ запасомъ техническихъ знаній; губернское земство, наоборотъ, пользуется, сплошь и рядомъ, услугами специалистовъ... Еще

менѣе цѣлесообразной была бы децентрализація страхового дѣла. Чѣмъ больше страхователей и страхованій, тѣмъ правильнѣе распредѣленіе страхового риска, тѣмъ меньше опасность невознаградимыхъ потерь для страхового капитала. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что почти въ каждой губерніи есть уѣзды, которые, при организаціи взаимнаго земскаго страхованія не по губерніямъ, а по уѣздамъ, давно были бы въ конецъ разорены и ноставлены въ невозможность продолжать веденіе страхового дѣла. Таковы, напримѣръ въ с.-петербургской губерніи уѣзды лужскій, гдовскій и въ особенности новолодожскій. Даже губернія—единица, съ страховой точки зрѣнія, сравнительно небольшая; желательны были бы страховые союзы нѣсколькихъ губерній, еслибы только могла быть найдена подходящая форма для ихъ устройства—а намъ предлагаютъ страховое обособленіе уѣздовъ!... Въ подтвержденіе своей мысли г. Бужевскій ссылается на успѣшный ходъ взаимнаго страхованія даже въ небольшихъ городахъ, „которыхъ нельзя и сравнивать съ сельскими мѣстностями въ отношеніи пожарнаго риска“. Онъ упускаетъ изъ виду два существенно важныхъ обстоятельства: въ городахъ страхованіе не обязательно, и потому значительная часть городскихъ построекъ остается вовсе незастрахованною; многіе городскіе жители страхуютъ свои постройки въ акціонерныхъ страховыхъ отъ огня обществахъ, и страховыя потери, въ случаѣ большого пожара, распределяются между нѣсколькими учрежденіями. Въ деревняхъ дѣло поставлено совершенно иначе: страхуютъ *все*, и исключительно въ земствѣ. Не слѣдуетъ забывать, далѣе, что многія изъ нашихъ селъ не уступаютъ, по населенности и по цѣнности построекъ, многимъ уѣзднымъ городамъ или даже значительно ихъ превосходятъ; между тѣмъ пожарная часть въ деревняхъ организована (обыкновенно еще хуже, чѣмъ въ уѣздныхъ городахъ). Изъять страхованіе изъ вѣденія губернскаго земства—значило бы сдѣлать громадный шагъ назадъ и подорвать въ самомъ корнѣ одно изъ условій народнаго благосостоянія. Это чувствуетъ, повидимому, и г. Бужевскій, допускающій возможность объединенія уѣздовъ, въ области страхованія, „нѣкоторою взаимопомощью, въ случаѣ чрезвычайныхъ убытковъ“. Кто же опредѣлялъ бы, въ каждомъ данномъ случаѣ, условія и размѣры этой помощи? Все тотъ же несчастный „уполномоченный“, съ своимъ „небольшимъ бухгалтерскимъ бюро“? Справедливо ли было бы, далѣе, возлагать на губернское земство отвѣтственность за независящія отъ него дѣйствія уѣздныхъ земствъ? Уѣздная земская управа могла бы вести дѣло спустя рукава, смотрѣть севозъ пальцы на злоупотребленія или небрежность своихъ страховыхъ агентовъ, допускать преувеличенныя оцѣнки имущества—до пожара, убытковъ—послѣ по-

жара, а губернское земство должно было бы расплачиваться за это изъ своихъ средствъ, какъ только потери (что при такомъ веденіи дѣла совершенно неизбежно) оказались бы „чрезвычайными“?! Нѣтъ, подобныя затѣи нужно оставить; взаимное земское страхованіе слишкомъ важно, чтобы ставить его на карту изъ-за партійной ненависти къ земству. Уже если децентрализовать, такъ децентрализовать до конца. Г. Букѣвскій поступилъ бы послѣдовательнѣе, еслибы предложилъ въ страховыя единицы не уѣздъ, а земскій участокъ, и въ завѣдывающіе страховымъ дѣломъ—не уѣздную земскую управу, а земскаго начальника...

Мы не касались до сихъ поръ одной стороны дѣятельности губернскаго земства, которую московская газета признаетъ особенно зловредной, а мы считаемъ въ высшей степени полезной: это участіе губернскаго земства въ тѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства, непосредственное завѣдываніе которыми принадлежитъ и бесспорно должно принадлежать уѣзднымъ земствамъ. И раньше уже „Московскія Вѣдомости“ старались обратить „неблагосклонное“ вниманіе правительства на поддержку, оказываемую губернскими земскими собраніями, будто бы вопреки закону, швольному или больничному дѣлу въ уѣздахъ—но никогда еще онѣ не заходили въ этомъ направленіи такъ далеко, какъ въ статьѣ г. Букѣвскаго. Намъ хотѣть увѣрить, прежде всего, что губернское земство, приходя на помощь уѣзднымъ, нарушаетъ принципъ самоуправленія и основную идею земскаго строя: принципъ самоуправленія—непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ чужое дѣло, а основную идею земскаго строя—вторженіемъ въ область уѣздныхъ интересовъ, единственнымъ компетентнымъ охранителемъ которыхъ, по мысли закона, является уѣздъ. „Уѣздъ находитъ“,—воскликаетъ г. Букѣвскій,—„что, по его средствамъ, онъ не можетъ содержать больше пяти сельскихъ врачей. И вотъ, либеральный земскій дѣятель, забывъ свои фразы о самоуправленіи, говоритъ отъ лица губернскаго земства: уѣздъ, повидимому, самъ не знаетъ что ему нужно; мы знаемъ это лучше его и поэтому увеличимъ у него, на его же счетъ, число врачебныхъ участковъ вдвое“.—Не знаемъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь и когда-нибудь и произошло нѣчто въ этомъ родѣ (только ужъ конечно не *удвоеніе* числа врачебныхъ участковъ); но въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣло происходитъ совершенно иначе. Поддержка губернскаго земства *испугивается* уѣздными земствами или, по меньшей мѣрѣ, оказывается съ ихъ согласія, обыкновенно—въ видѣ содѣйствія тому, что предпринято самимъ уѣздомъ. Губернское земство отнюдь не становится на мѣсто уѣзднаго, не стѣсняетъ его дѣйствій, не насилуетъ его стремленій; наоборотъ, оно идетъ къ нимъ на встрѣчу, и если иногда и беретъ на себя инициативу той

или другой мѣры, то лишь въ предположеніи, что она будетъ одобрена уѣздами. „Междууѣздные“ медицинскіе пункты, о которыхъ мы говорили въ предыдущей хроникѣ, открываются по соглашенію губернскаго земства съ уѣздными, и болѣею частью на общій ихъ счетъ; ссуды на постройку школьныхъ зданій выдаются изъ средствъ губернскаго земства тѣмъ уѣздамъ, которые этого желаютъ и принимаютъ на себя ручательство въ возвратѣ ссужаемыхъ денегъ; пособія на школьныя бібліотеки, народныя читальни, учительскіе курсы, ассигнуются всего чаще подъ условіемъ соответствующихъ взносов со стороны уѣздныхъ земствъ; кредитъ на приобрѣтеніе сѣмянъ, земледѣльческихъ орудій и т. п., открывается тѣмъ уѣздамъ, которые о томъ просятъ. О нарушеніи *принциповъ*, охрану которыхъ такъ не слѣдуетъ и такъ неудачно принимаютъ на себя „Московскія Вѣдомости“, здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Когда органы самоуправления расположены въ извѣстной постепенности, тѣ изъ нихъ, районъ дѣйствій которыхъ больше, средства значительнѣе, кругозоръ шире, — являются естественными помощниками, а иногда и руководителями другихъ; послѣдніе, въ свою очередь, помогаютъ первымъ во всемъ томъ, что требуетъ болѣе близости къ населенію, и такой взаимный обмѣнъ услугъ вполне нормаленъ, вполне согласенъ съ общимъ характеромъ самоуправления. У насъ онъ особенно необходимъ именно теперь, когда земство все больше и больше расширяетъ кругъ своей экономической дѣятельности. Починъ заботъ объ улучшеніи матеріальнаго быта населенія почти вездѣ принадлежитъ губернскому земству — но достигнуть желанной цѣли оно можетъ только въ тѣснѣйшемъ единеніи съ уѣздными земствами. Что въ такомъ единеніи нѣтъ ничего противозаконнаго — это мы старались доказать въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обзорѣній; теперь ограничимся только однимъ аргументомъ, противъ котораго едва ли могутъ что-либо возразить именно „Московскія Вѣдомости“. Когда оберъ-прокуроръ св. синода, года два или три тому назадъ, обратился къ уѣзднымъ и *губернскимъ* земскимъ собраніямъ съ предложеніемъ оказать поддержку церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты, никто, ни въ печати, ни въ губернскихъ собраніяхъ, не противопоставилъ этому предложенію — насколько оно касалось губернскихъ земствъ — формальной *fin de non recevoir*: никто не утверждалъ, что губернскія земскія собранія *не съ права* назначать субсидіи школамъ духовнаго вѣдомства, такъ какъ каждая отдѣльная школа имѣетъ значеніе только для уѣзда и, слѣдовательно, только уѣздному земству надлежитъ заботиться объ увеличеніи числа и улучшеніи положенія начальныхъ школъ. Гдѣ же, затѣмъ, основаніе оспаривать законность другихъ субсидій, назначаемыхъ губернскимъ

земствомъ съ цѣлью развитія или усовершенствованія той или иной отрасли уѣзднаго земскаго дѣла?

У фельетониста „Московскихъ Вѣдомостей“ есть въ запасѣ еще одинъ доводъ противъ того, что онъ совершенно неправильно называетъ *вмѣшательствомъ* губернскаго земства въ чисто уѣздныя дѣла: это—фигуривность подобной помощи, такъ какъ губернской земской сборъ вносится уѣздами и, слѣдовательно, перенесеніе расхода съ уѣзднаго счета на губернской равносильно, въ сущности, взятію денегъ у плательщиковъ не изъ праваго кармана, а изъ лѣваго. Исключенія изъ этого общаго правила составляютъ, по мнѣнію г. Букѣвскаго, только тѣ губерніи, гдѣ есть такія крупныя и богатыя земскія единицы, какъ, на примѣръ, Москва. Допустивъ это исключеніе, г. Букѣвскій разрушилъ и самое правило. Въ большей или меньшей степени явленіе, представляемое Москвой, повторяется повсемѣстно. Въ каждой губерніи есть уѣзды сравнительно богатые и сравнительно бѣдные, вносящіе въ общія губернскія средства сравнительно много или сравнительно мало. Иногда это зависитъ отъ достаточности городовъ, посадовъ, селъ, входящихъ въ составъ уѣзднаго земства (напр., Кронштадтъ, Петергофъ, Ораніенбаумъ въ петергофскомъ уѣздѣ, Царское Село, Гатчино, Павловскъ — въ царскосельскомъ, Иваново-Вознесенскъ — въ шуйскомъ, Козловъ, Моршанскъ, Вольскъ, Царицынъ, Елецъ, Рыбинскъ—въ уѣздахъ того же имени, Балаково—въ николаевскомъ, Покровская слобода—въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи), иногда—отъ промышленнаго характера мѣстности. Не подлежитъ никакому сомнѣнію что южныя уѣзды тверской губерніи—приволжскіе и фабричныя—платятъ сравнительно больше, чѣмъ сѣверныя—земледѣльческіе и лѣсныя; то же самое можно сказать и о многихъ другихъ губерніяхъ, напр. калужской, московской, тульской, орловской, черниговской. Уѣздъ губернскаго города почти всегда поставленъ въ благопріятныя условія, а дальніе, глухіе уѣзды—наоборотъ. Уѣзды рѣдко населенные и широко раскинувшіеся не только въ большинствѣ случаевъ располагаютъ сравнительно меньшими средствами, но и обязаны нести сравнительно тяжелые расходы (напр., на школы, на врачебную часть), именно вслѣдствіе большихъ разстояній между селеніями. Всѣ эти различія, прямо отражающіяся на земскихъ бюджетахъ, уравниваются хоть сколько-нибудь участіемъ губернскаго земства въ расходахъ уѣзднаго земскаго хозяйства. Самообманъ, о которомъ говоритъ г. Букѣвскій, имѣлъ бы мѣсто лишь въ такомъ случаѣ, еслибы доля участія cadaго уѣзднаго земства въ губернскихъ земскихъ расходахъ обуславливалась только отношеніемъ его населенія къ общему населенію губерніи; но ничего подобнаго мы на самомъ дѣлѣ не видимъ. Петербургъ, Москва,

Одесса—только наиболѣе яркіе примѣры крупныхъ земскихъ платежей, обуславливаемыхъ крупными средствами. Просьбы уѣздныхъ земствъ о поддержкѣ со стороны губернскаго земства встрѣчаются болѣе или менѣе вездѣ, а не въ однѣхъ лишь губерніяхъ петербургской, московской и херсонской. Самое существованіе подобныхъ просьбъ, если только оно извѣстно г. Букѣвскому, должно было бы убѣдить его въ ошибочности его разсужденій; вѣдь нельзя же предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы цѣлые десятки или сотни уѣздныхъ земствъ, вопреки простому здравому смыслу, обращались къ губернскому земству съ усиленными просьбами выдать имъ субсидію изъ собственнаго ихъ кармана! Ошибается г. Букѣвскій и тогда, когда полагаетъ, что всякая помощь, оказанная губернскимъ земствомъ одному уѣзду, неизбежно влечетъ за собою такую же помощь всѣмъ другимъ уѣздамъ. На практикѣ мы видимъ, силошь и рядомъ, нѣчто прямо противоположное. „Межуѣздный“ врачебный пунктъ, учрежденный петербургскимъ губернскимъ земствомъ, года три тому назадъ, въ с. Осьминѣ, гдовскаго уѣзда, остается до сихъ поръ единственнымъ во всей губерніи; ни одно уѣздное земство не возбуждало до сихъ поръ ходатайства объ открытіи другого подобнаго пункта, по той простой причинѣ, что не вездѣ встрѣчается такая комбинація условій, которая привела къ учрежденію осьминскаго пункта, служащаго тремъ уѣздамъ (гдовскому, лужскому и ямбургскому). Весьма часто, притомъ, губернское земство обставляетъ назначеніе субсидіи условіями, на которыя соглашаются далеко не всѣ уѣздныя земства. Такъ на примѣръ, петербургское губернское земство выдаетъ уѣздамъ пособія на устройство особыхъ барачковъ для заразныхъ больныхъ, но только съ тѣмъ, чтобы такая же сумма была затрачена на это уѣзднымъ земствомъ и чтобы самый барачокъ удовлетворялъ извѣстнымъ санитарнымъ требованіямъ. Тѣ уѣзды, которые не находятъ для себя удобнымъ принять эти условія, пособій не получаютъ—и ни одинъ изъ нихъ, сколько намъ извѣстно, не жалуется на несправедливости губернскаго земства.

Итакъ, участіе губернскаго земства въ дѣлахъ уѣзднаго земскаго хозяйства—въ той мѣрѣ и при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили,—вполнѣ законно, нормально и цѣлесообразно; служить аргументомъ противъ самаго существованія губернскихъ земскихъ учрежденій оно отнюдь не можетъ, составляя, наоборотъ, одно изъ главныхъ доказательствъ ихъ жизненности и жизнеспособности. Еще болѣе, конечно, они незаменимы въ тѣхъ областяхъ мѣстной хозяйственной жизни, которыя специально предоставлены ихъ вѣденію. Откуда же идетъ ожесточенная вражда, стремящаяся стереть ихъ съ лица земли или оставить за ними только тѣнь ихъ настоя-

щаго значенія? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ, какую роль играютъ у насъ теперь губернскія и уѣздныя земства. Въ огромномъ большинствѣ нашихъ уѣздныхъ городовъ пульсъ общественной жизни бьется едва замѣтно; столичныя газеты, въ лицѣ своихъ корреспондентовъ, заглядываютъ туда рѣдко и лишь мимоходомъ; мѣстная печать—если оставить въ сторонѣ официальные и почти всегда безсодержательныя губернскія вѣдомости—существуетъ далеко не вездѣ и связана по рукамъ и по ногамъ административной цензурой. Въ этомъ затишьѣ, въ этой полу-темнотѣ, уѣздныя земскія собранія проходятъ почти незамѣченными; они дѣлаютъ свое дѣло, дѣлаютъ его иногда очень хорошо, раскрываютъ и освѣщаютъ многое, заслуживающее вниманія—но все сказанное и сдѣланное ими, за рѣдкими исключеніями, остается похороненнымъ въ докладахъ и отчетахъ земскихъ управъ, въ журналахъ земскихъ собраній, мало доступныхъ уже вслѣдствіе крайней своей объемистости и многочисленности: печатныхъ листовъ, издаваемыхъ тремястами шестидесятью уѣздными земствами, насчитывается ежегодно никакъ не меньше четырехъ тысячъ. Нѣсколько лучше, съ этой точки зрѣнія, положеніе тѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, которыя засѣдаютъ въ столицахъ и въ губернскихъ городахъ; о нихъ мы узнаемъ сравнительно не мало—но этимъ не восполняется недостатокъ свѣденій о всѣхъ остальныхъ. Скажемъ болѣе: какъ ни важны, для каждаго уѣзда, труды его уѣзднаго земскаго собранія, показателемъ положенія и настроенія страны дѣятельность уѣздныхъ земствъ вообще можетъ служить только въ весьма ограниченной степени. Это зависитъ какъ отъ свойства вопросовъ, разрѣшаемыхъ уѣздными земскими собраніями—вопросовъ по преимуществу частныхъ, приуроченныхъ къ условіямъ данной мѣстности, — такъ и отъ состава уѣздныхъ гласныхъ, значительная часть которыхъ не привыкла къ обобщеніямъ, къ болѣе широкимъ взглядамъ. Пренія въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ имѣютъ обыкновенно характеръ чисто-практическій; рѣчь идетъ не столько о томъ, *почему* и *для чего* должно быть сдѣлано то или другое, сколько о томъ, *какъ* оно должно быть сдѣлано. Гласные-крестьяне, лучше всѣхъ другихъ знакомые съ нуждами массы, далеко не всегда *умѣютъ* и еще рѣже *смѣютъ* нарисовать вѣрную ихъ картину. Совершенно инымъ представляется положеніе губернскихъ земскихъ собраній. Ихъ сравнительно мало, слѣдить за дѣятельностью ихъ сравнительно легко; они засѣдаютъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ гораздо больше людей, интересующихся ихъ занятіями, гораздо больше орудій гласности; имъ гораздо чаще приходится встрѣчаться съ вопросами общегосударственной или общенародной важности; въ ихъ составѣ всегда находится хоть нѣсколько лицъ, способныхъ отне-

стись къ этимъ вопросамъ не съ точки зрѣнія „интересовъ колокольни“. Не будь губернскихъ земскихъ собраній, не было бы такихъ страницъ въ исторіи нашего земства, какъ отвѣты 1871 г. на вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати, какъ отвѣты 1881—82 г. на вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія, какъ длинный рядъ ходатайствъ, намѣтившихъ—и во многихъ случаяхъ не безслѣдно—цѣлую программу преобразованій. Положеніе 1890 г. оставило право ходатайства исключительно за губернскими земскими собраніями, разрѣшивъ уѣзднымъ земствамъ только представлять губернскому о вопросахъ, по которымъ они признавали бы полезнымъ возбудить ходатайство передъ правительствомъ. Положеніе 1864 г. не устанавливало такого ограниченія; но, de facto, и при его дѣйствіи всѣ важнѣйшія ходатайства возникали въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Представимъ себѣ теперь, что исполнилась мечта г. Бугѣевского или его вдохновителя, „старого и опытнаго земскаго дѣятеля“: губернскія земскія учрежденія прекратили свое существованіе или уступили мѣсто какому-то эфемерному „сѣзду уѣздныхъ представителей“, съ „уполномоченнымъ“, низведеннымъ на степень счетчика. Земская дѣятельность тотчасъ же ступешвывается, теряется изъ виду, погружается почти всецѣло въ полнѣйшую безгласность. До всеобщаго свѣденія доходятъ, отъ времени до времени, только безсвязные ея отрывки, въ большинствѣ случаевъ, притомъ, обезцвѣченные и приспособленные ad usum delphini. Никто не говоритъ правительству, отъ имени населенія, о назрѣвшихъ и наболѣвшихъ вопросахъ народной жизни. Земство перестаетъ быть однимъ изъ двигателей развитія, однимъ изъ показателей пути, по которому должно идти государство. Этого именно и хотятъ наши газетные реакціонеры. Они ненавидятъ земство именно какъ одну изъ немногихъ сколько-нибудь самостоятельныхъ силъ, возвышающихъ голосъ среди всеобщаго молчанія, какъ одно изъ немногихъ общественныхъ учреждений, „смѣющихъ имѣть свое сужденіе“. Имъ нужно запрятать его въ медвѣжьи углы, запереть его въ узкій кругъ мелкихъ хозяйственныхъ вопросовъ. Для этого нужно покончить, прежде всего, съ губернскимъ земствомъ—и вотъ, ему пишется смертный приговоръ, не безъ ловкости (ловкости, конечно, извѣстнаго сорта) приуроченный къ обвинительному акту противъ опальнаго тверскаго земства.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что разрушительные замыслы „Московскихъ Вѣдомостей“ направлены только противъ губернскихъ земскихъ учреждений. Менѣе радикальную съ перваго взгляда, но на самомъ дѣлѣ въ высшей степени существенную пережѣну онѣ же-

дали бы внести и въ уѣздное земство. Въ двухъ передовыхъ статьяхъ (№№ 135 и 138) московская газета доказываетъ необходимость сдѣлать земскихъ начальниковъ непремѣнными членами уѣзднаго земскаго собранія, т. е. признать ихъ гласными помимо выбора, въ силу занимаемой ими должности. Мысль эта не нова, мы уже неоднократно противъ нея возражали; нова—и весьма характеристична—только аргументація, которою она на этотъ разъ обставлена. Московская газета начинаетъ съ указанія на тѣсную внутреннюю связь между судебнo-административной реформой и пересмотромъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Оба преобразованія были задуманы въ одно и то же время, оба разсмотрѣны сперва комиссіей статсъ-секретаря Каханова, потомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; только по мѣрѣ дальнѣйшаго хода подготовительныхъ работъ первоначальное единство все болѣе и болѣе нарушалось, а въ текстѣ положеній 1889 и 1890 г. нельзя уже найти никакихъ точекъ взаимнаго соприкосновенія. „Между тѣмъ“—продолжаетъ московская газета,—„жизнь и мѣстное благоустройство настойчиво выдвигаютъ вопросъ о необходимости связать дѣятельность двухъ органовъ управленія, трудящихся разъединенно на одной нивѣ, въ главномъ—съ однѣми и тѣми же цѣлями, во многомъ—одними и тѣми же средствами. На земскаго начальника возлагается попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣваніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка; но вѣдь участокъ составляетъ крупную часть уѣзда, попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ котораго почти всецѣло лежитъ на земскихъ учрежденіяхъ“. Дальше „Московскія Вѣдомости“ указываютъ на то, что земство, за неимѣніемъ собственныхъ агентовъ, исполненіе всѣхъ почти своихъ дѣлъ на мѣстахъ поручаетъ волостнымъ и сельскимъ властямъ, состоящимъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ земскихъ начальниковъ. „Такимъ образомъ, земскій начальникъ волей-неволей является не только дѣятелемъ *земскаго дѣла*, въ силу всѣхъ своихъ административныхъ обязанностей, но и дѣятельнымъ агентомъ *земскихъ учрежденій*, въ составъ которыхъ онъ официально не входитъ. Такой порядокъ вносить въ мѣстное управленіе самое вредное начало двоевластія: на территоріи участка, по однѣмъ и тѣмъ же отраслямъ хозяйственной администраціи, являются два хозяина—земскій начальникъ и земская управа“. Столкновенія между обоими хозяевами могутъ быть предупреждаемы только компромиссами, которымъ благопріятствуетъ принадлежность почти всѣхъ земскихъ начальниковъ (изъ среды мѣстныхъ дворянъ) къ числу земскихъ гласныхъ; но, во-первыхъ, такіе компромиссы угрожаютъ ущербомъ государственно-земскому дѣлу, а во-вторыхъ, они не всегда возможны, такъ какъ есть земскіе

начальники, не обладающіе мѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Положеніе земскаго начальника, не состоящаго гласнымъ, кажется московской газетѣ крайне затруднительнымъ. „Земскія учрежденія, отношенія которыхъ къ земскому начальнику почти ничѣмъ не регулированы, не обязаны поставлать его въ извѣстность о своихъ распоряженіяхъ и намѣреніяхъ болѣе чѣмъ всякое частное лицо въ уѣздѣ; съ своей стороны и земскій начальникъ, въ сферѣ своей компетентности, отнюдь не обязанъ сообразоваться въ чемъ-нибудь съ видами и дѣйствіями выборныхъ земскихъ властей“. Остановливаясь, въ видѣ примѣра, на школьномъ дѣлѣ, „Московскія Вѣдомости“ разсуждаютъ такъ: на церковно-приходскія школы земскій начальникъ имѣетъ необходимую долю вліянія, какъ членъ уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта; школы волостныхъ и сельскихъ обществъ ему подчинены, какъ и всѣ сельскія установленія ¹⁾; но къ земскимъ школамъ, несмотря на свое наименованіе: *земскій*, онъ не имѣетъ никакого отношенія, развѣ если онъ будетъ, въ общемъ порядкѣ, избранъ ихъ попечителемъ. „Такимъ образомъ всѣ мѣропріятія земскихъ учреждений по народному образованію участка могутъ идти совершенно помимо земскаго начальника, могутъ возникать и осуществляться не только безъ его совѣта, но даже вопреки его взглядамъ. Тоже самое можно замѣтить и относительно всѣхъ остальныхъ отраслей земскаго дѣла“... „Вся идея учрежденія земскихъ начальниковъ“—такъ заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей“—„заключается въ томъ, что государственная власть ввѣряетъ функцію мѣстнаго управленія избраннымъ земскимъ людямъ. Но если это люди избранные, т. е. удостоенные довѣріемъ правительства, если они въ то же время люди земскіе, то странно не расширить оказываемое имъ довѣріе настолько, чтобы признать полезнымъ ихъ голосъ въ земскихъ собраніяхъ, на правахъ обязательныхъ ихъ членовъ. Какъ гласные ех *officio*, земскіе начальники составили бы связующее звено между чисто правительственными и земскими учрежденіями, способствуя тѣмъ устраненію столь старательно прививаемаго у насъ противоположенія между всѣмъ государственнымъ и всѣмъ общественнымъ“.

Итакъ, въ уѣздномъ хозяйствѣ не должно быть двоевластія—и его не будетъ, если земскіе начальники, хотя бы и *не принадлежащіе къ числу мѣстныхъ землевладельцевъ*, сдѣлаются непремѣнными членами уѣздныхъ земскихъ собраній. Ввести въ составъ собранія

¹⁾ Это совершенно невѣрно. Если волостныя и сельскія школы устроены съ участіемъ земства, по правиламъ положенія 1874 г., онѣ подчинены уѣздному училищному совѣту, земской управѣ и инспектору народныхъ училищъ; если же онѣ имѣютъ характеръ школъ грамоты, то онѣ подчинены духовенству.

отъ трехъ до тринадцати нѣмъ не избранныхъ членовъ, существенно измѣнить, такимъ образомъ, отношеніе между различными категоріями гласныхъ ¹⁾, предоставить лицамъ, ничѣмъ въ уѣздѣ не владѣющимъ и ни копѣйки въ его средства не вносящимъ, участие въ раскладкѣ и расходованіи земскихъ сборовъ—все это уже само по себѣ составляетъ нѣчто далеко не маловажное и достаточно аномальное; но логически на этомъ остановиться нельзя. Принять мотивы московской газеты—значило бы пойти гораздо дальше предлагаемой ею мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ неудобства „двоевластія“, указываемыя „Московскими Вѣдомостями“, будутъ устранены обязательнымъ включеніемъ земскихъ начальниковъ въ число гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія? Нисколько. „Двоевластіе“ и происходящія изъ него „компромиссы“ московская газета считаетъ явленіемъ общераспространеннымъ, хотя, по ея словамъ, почти все земскіе начальники изъ мѣстныхъ дворянъ (т.-е. значительное большинство) состоятъ въ настоящее время уѣздными гласными. И дѣйствительно, быть гласнымъ не значить еще ни участвовать въ земскомъ управленіи, ни имѣть на него рѣшающее вліяніе. Вопросы, касающіеся даннаго участка, могутъ быть разрѣшены земскимъ собраніемъ прямо вопреки мнѣнію, выраженному начальникомъ этого участка, какъ членомъ собранія. Земская управа, въ предѣлахъ своей компетенціи, точно также можетъ распорядиться совершенно иначе, чѣмъ желаетъ и требуетъ гласный-земскій начальникъ. Наоборотъ, и не будучи гласнымъ, земскій начальникъ всегда можетъ сообщить земскому собранію и земской управѣ свои соображенія по дѣлу, затрогивающему его участокъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что столкновенія между обоими „хозяйевами“—земствомъ и земскимъ начальникомъ—могутъ иногда даже обостриться именно вслѣдствіе принадлежности земскаго начальника въ число гласныхъ. Допустимъ, что мѣра, несочувственная земскому начальнику, принята, въ одномъ случаѣ, безъ его вѣдома, такъ какъ онъ не состоитъ гласнымъ, въ другомъ случаѣ—несмотря на возраженія, представленныя имъ въ качествѣ гласнаго. Понятно, что въ послѣднемъ случаѣ неудовольствіе земскаго начальника—а слѣдовательно и его противодѣйствіе,

¹⁾ Возьмемъ, для примѣра, хорошо извѣстный намъ уѣздъ, въ которомъ семь земскихъ начальниковъ, а изъ числа гласныхъ 18 избираются землевладѣльцами-дворянами, 5—землевладѣльцами-недворянами, 9—крестьянами. Если включить въ число гласныхъ всѣхъ земскихъ начальниковъ, то дворяне (считая предводителя) будутъ имѣть двадцать шесть голосовъ, представители всѣхъ другихъ сословій, считая городского голову и депутата отъ духовнаго вѣдомства—только шестнадцать. Если прибавить къ этому, что гласные крестьяне, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вынуждены слѣдовать за земскими начальниками, то нетрудно понять, какія стремленія будутъ господствовать въ собраніи.

если только оно возможно,—будетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ первомъ. Возьмемъ, далѣе, тотъ же частный примѣръ, который приводить „Московскія Вѣдомости“: отношеніе земскаго начальника къ земскимъ школамъ. Званіе гласнаго не даетъ, само по себѣ, никакого непосредственнаго участія въ завѣдываніи земскими школами; участвуютъ въ немъ, изъ числа гласныхъ, только члены управы, земскіе члены уѣзднаго училищнаго совѣта и попечители школъ. Въ качествѣ гласнаго, земскій начальникъ можетъ только говорить и голосовать по школьнымъ вопросамъ, подлежащимъ вѣденію земскаго собранія; но его мнѣніе по этимъ вопросамъ, какъ и по всѣмъ другимъ, необязательно для другихъ гласныхъ, и слѣдовательно присутствіе его въ собраніи отнюдь не устраняетъ *возможность* разрѣшенія ихъ „вопреки его взглядамъ“. Что касается до *върогатости* такого разрѣшенія, то при дѣйствіи порядка, рекомендуемаго „Московскими Вѣдомостями“, она была-бы больше, чѣмъ въ настоящее время. Земскіе начальники, *избранные* въ гласные наравнѣ со всѣми другими, гораздо легче могутъ пріобрѣсти довѣріе и расположеніе собранія, чѣмъ земскіе начальники-гласные *ex officio*, въ особенности если они даже не принадлежатъ къ числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Вступивъ въ гласные по избранію, земскій начальникъ можетъ—хотя и не всегда, и не безъ затрудненій,—дѣйствовать какъ всякій другой членъ собранія, ни отъ кого не зависящій и подающій голосъ по своему крайнему убѣжденію; вступивъ въ гласные по должности, онъ будетъ чувствовать себя и здѣсь тѣмъ же, чѣмъ онъ является во всѣхъ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности—чиновникомъ, обязаннымъ повиноваться начальству. Это не можетъ не отозваться на отношеніяхъ его къ другимъ гласнымъ, конечно—не въ пользу его вліянія.

Представимъ себѣ теперь, что мысль „Московскихъ Вѣдомостей“ осуществлена закономъ: всѣ земскіе начальники признаны гласными *ex officio*. „Двоевластіе“, несмотря на это, продолжается по прежнему, приводя либо къ „компромиссамъ“, вреднымъ для „государственно-земскаго дѣла“, либо къ столкновеніямъ, еще менѣе желательнымъ. Палліативная мѣра не удалась; нужно прибѣгнуть къ болѣе радикальному средству, т.-е. къ упраздненію одной изъ двухъ властей и къ сосредоточенію въ рукахъ другой всей исполнительной части земскаго хозяйства. Которая изъ двухъ конкурирующихъ властей должна будетъ, съ точки зрѣнія московской газеты и ея единомышленниковъ, подлежать упраздненію—это не требуетъ объясненія. Мы въ правѣ, поэтому, утверждать, что конечнымъ, послѣдовательнымъ выводомъ изъ разсужденій „Московскихъ Вѣдомостей“ является не введеніе земскихъ начальниковъ, какъ гласныхъ *ex officio*, въ со-

ставъ уѣздныхъ земскихъ собраний, а упраздненіе уѣздныхъ земскихъ управъ, съ передачей ихъ функцій земскимъ начальникамъ, отчасти единолично, отчасти коллективно, т.-е. въ составѣ административнаго отдѣленія уѣзднаго сѣзда. Вѣдь если и теперь земскіе начальники обязаны имѣть попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ населенія, то попеченіе о томъ же со стороны уѣздныхъ земскихъ управъ не составляетъ ли плеоназма, double emploi, т.-е. чего-то лишняго, всегда могущаго обратиться въ своего рода обструкціонизмъ?... Прийти къ такому заключенію тѣмъ легче, тѣмъ больше сѣуживается кругъ земской дѣятельности. Лечебный уставъ сводитъ къ минимуму участіе земства въ больничномъ дѣлѣ, угрожая, виѣсть съ тѣмъ, смертельнымъ ударомъ организаціи земско-медицинскихъ участковъ. Проектъ продовольственнаго устава прямо ставитъ земскихъ начальниковъ на мѣсто земской управы; аналогичныхъ результатовъ слѣдуетъ ожидать, повидимому, и отъ страховой реформы, и отъ устройства мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Стоитъ только прибавить ко всему этому, съ одной стороны, такъ называемое объединеніе школьнаго управленія, т.-е. обращеніе земскихъ школъ въ министерскія или церковно-приходскія, съ другой стороны — рекомендуемое многими, даже въ средѣ земства, повсемѣстное возвращеніе отъ денежной дорожной повинности къ натуральной (отправляемой почти исключительно крестьянами и уже теперь, поэтому, отчасти подвѣдомственной земскому начальнику) — и на лицо окажутся всѣ условія для сосредоточенія мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ въ рукахъ земскихъ начальниковъ... Учѣлѣютъ только уѣздныя земскія собранія — но, лишеныя своихъ исполнительныхъ органовъ, вынужденныя дѣйствовать черезъ посредство лицъ, не ими избранныхъ и не передъ ними отвѣтственныхъ, они неминуемо должны потерять болъшую часть своего значенія, особенно если уничтожено будетъ и объединительное ихъ звено — губернское земство. Отъ земства, созданнаго въ 1864 г. и сыгравшаго столь важную роль въ исторіи русской культуры, останется тогда, какъ мы сказали въ началѣ этого обзорѣнія, одно только имя.

Въ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, а затѣмъ и въ столичныхъ газетахъ напечатанъ циркуляръ мѣстнаго губернатора, приглашающій земскихъ начальниковъ къ содѣйствію уѣздной полиціи въ взысканіи платежей и недоимокъ передъ открытіемъ полевыхъ работъ:

„При изумительныхъ по ничтожности потребностяхъ въ условіяхъ жизни“, — говорится въ этомъ циркулярѣ, — „крестьянинъ, бла-

годаря удовлетворительному урожаю и низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ, сѣть и сѣта его семья; при такихъ обстоятельствахъ онъ мало помышляетъ о будущемъ и безъ побужденія не заботится о накопившихся за нимъ недоимкахъ по разнымъ сборамъ; съ свойственными по большей части русскому простолюдину безпечностью и лѣнью, онъ уклоняется отъ присканія себѣ заработка, и, при спросѣ на рабочія руки, аномально возвышаетъ предлагаемую плату, являя этимъ самымъ непосильныя затрудненія всякой частной инициативѣ и процвѣтанію любого предпріятія; значительный капиталъ рабочаго труда остается безъ употребленія, что, конечно, постепенно понижаетъ уровень народнаго благосостоянія и уменьшаетъ платежныя силы государства и земства. На гг. земскихъ начальникахъ лежитъ обязанность заботиться о развитіи народнаго благосостоянія, немислимаго при отсутствіи правильнаго и честнаго труда народа; задача вызвать безпечнаго или лѣнливаго крестьянина къ этому труду—задача нелегкая и, быть можетъ, невыполнимая безъ примѣненія понудительныхъ мѣръ; таковою, по моему убѣжденію, вполне цѣлесообразною и соответствующею правамъ и обязанностямъ правительственной администраціи будетъ обращеніе взыскаія платежей и недоимокъ передъ открытіемъ полевыхъ работъ и заключеніемъ договоровъ о наймѣ и проч., во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ будетъ замѣчено уклоненіе сельскихъ обществъ или отдѣльныхъ крестьянскихъ семей отъ представляющагося заработка. При формальномъ отношеніи къ предлагаемому мною мѣропріятію результаты, конечно, могутъ оказаться противоположными намѣчаемой мною цѣли и послужить лишь къ окончательному разоренію населенія; но при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, при условіи тѣснаго и близкаго знакомства земскаго начальника съ ввѣреннымъ его попеченію населеніемъ, которое возможно достигъ черезъ посредство волостного и сельскаго начальства и отдѣльныхъ лицъ въ деревнѣ, заслуживающихъ довѣрія, дѣятельность полиціи по взысканіямъ платежей и недоимокъ съ населенія, уклоняющагося отъ заработка, для побужденія безпечныхъ и лѣнливыхъ къ труду должна дать благіе результаты, лучшимъ обезпеченіемъ которыхъ будетъ, при сердечной инициативѣ земскихъ начальниковъ въ примѣненіи преподаваемой мною мѣры, дружное взаимодѣйствіе ихъ и чиновъ полиціи, а въ рекомендуемой мною системѣ приостановленіе взысканій съ тѣхъ неисправныхъ плательщиковъ, которые вслѣдствіе понужденія выкажутъ стремленіе добыть себѣ заработокъ”.

„Новое Время“ (№ 6914) называетъ этотъ циркуляръ тамбовскаго губернатора „исключительно своеобразнымъ“. Съ эпитетомъ: *исключительно*—мы согласиться не можемъ; нѣчто аналогичное мы встрѣ-

чали и раньше, напр. въ циркулярахъ губернаторовъ вологодскаго и тульскаго, въ распоряженіяхъ бывшаго курскаго губернатора, въ рѣчахъ нижегородскаго губернатора, въ циркулярныхъ письмахъ земскаго начальника Сухотина. Что касается до *своеобразности* вышеприведеннаго циркуляра, то ее мы признаемъ вполне. Своеобразно, прежде всего, включеніе въ *официальную* бумагу характеристики „русскаго простолюдина“ (замѣтьте: не *тамбовскаго*, а вообще *русскаго*), огульное обвиненіе котораго въ „безопасности“ и „лѣни“, не говоря уже о его неосновательности и несправедливости, едва ли входитъ въ атрибуціи губернскаго начальства. Своеобразно, далѣе, обвиненіе тѣхъ же простолюдиновъ въ „анормальномъ возвышеніи рабочей платы“. Можно подумать, что въ нашихъ селахъ процвѣтаютъ стачки, направленные къ вынужденію у землевладѣльцевъ высокихъ цѣнъ на наемный трудъ. Ничего подобнаго, какъ извѣстно, нѣтъ и быть не можетъ—а отдѣльнымъ крестьянамъ слишкомъ трудно поднять цѣны выше того уровня, на которомъ онѣ поддерживаются совокупностью мѣстныхъ и временныхъ условий. Чтобы искусственно повысить или понизить цѣны, нужна сила, какою крестьяне не обладаютъ; но ею обладаетъ администрація, вмѣшательство которой—хотя бы въ видѣ усиленнаго, *не въ обычное время*¹⁾, взысканія податей,—очень легко можетъ *уронить рабочую плату*. Поможетъ ли ея паденіе „частной инициативѣ“ и предприимчивости—еще неизвѣстно; но на благосостояніи крестьянъ оно не можетъ не отозваться неблагоприятно. „Потребности крестьянъ въ условіяхъ жизни“ вовсе не такъ ничтожны, какъ предполагается въ циркулярѣ; онѣ постоянно растутъ, но не растутъ средства къ ихъ удовлетворенію—а съ пониженіемъ рабочей платы этихъ средствъ будетъ еще меньше. По справедливому замѣчанію „Новаго Времени“,—на которое мы ссылаемся тѣмъ охотнѣе, чѣмъ меньше оно можетъ быть заподозрѣно въ тенденціозномъ нерасположеніи къ администраціи вообще и къ земскимъ начальникамъ въ особенности,—нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что въ спорѣ между нанимателемъ и продавцомъ труда земскій начальникъ окажется компетентнѣе, чѣмъ та или другая спорящая сторона. „Не слишкомъ ли будетъ много земскимъ начальникамъ“—воскликаетъ газета—„брать на себя роль непогрѣшимыхъ судей надъ самыми законами экономической жизни? Вѣдь не надо упускать изъ виду, что экономическія отношенія, различныя въ разные сезоны, достигаютъ относительнаго равновѣсія лишь по совокупности многихъ и многихъ сезоновъ. Можетъ быть, кажущаяся

¹⁾ Такимъ временемъ представляется, какъ извѣстно, не періодъ передъ открытіемъ полевыхъ работъ, самый тяжелый для крестьянина, а наоборотъ, время послѣ ихъ окончанія.

нынѣ *анормально повышенною* плата является лишь компенсаціей за недавнюю *анормально пониженную* плату. Всякое понудительное вмѣшательство въ эти отношенія рискуетъ внести въ нихъ не порядокъ и равновѣсіе, а еще бѣльшую *анормальность* и, притомъ, неудовольствія и недоразумѣнія. Шутка сказать, — административное понужденіе къ труду для пониженія заработной платы въ интересахъ нанимателей! Вѣдь дѣло имѣть приходится не съ мертвымъ капиталомъ, а съ живыми людьми, которые, худо ли, хорошо ли, и сами думаютъ, соображаютъ, дѣлаютъ выводы и заключенія“. Совершенно вѣрно газета указываетъ и на отсутствіе гарантій *неформальному* отношенія земскихъ начальниковъ къ ввѣренному имъ дѣлу — а между тѣмъ возможнымъ послѣдствіемъ формализма самъ циркуляръ признаетъ *окончательное разореніе* крестьян!.. Задача „вызвать безпечнаго или лѣниваго крестьянина къ труду“ не только „не легка“ для административной власти, дѣйствующей административными или судебно-административными мѣрами, она совершенно неисполнима, въ особенности пока крестьянинъ признается лично свободнымъ и правоспособнымъ...

Р.-С. Въ третьей статьѣ о „земствѣ и земскихъ начальникахъ“, дошедшей до насъ, когда наше обозрѣніе было уже окончено, „Московскія Вѣдомости“ (№ 150) обнаруживаютъ замѣчательно плохое знаніе прежняго земскаго положенія. Онѣ предполагаютъ, что представители вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ введены въ составъ земскихъ собраний только положеніемъ 12-го іюня 1890 г., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности они пользовались всѣми правами гласныхъ со времени самаго открытія земскихъ учреждений. Присоединивъ къ нимъ депутатовъ отъ духовнаго вѣдомства и городскихъ головъ, а также включивъ уѣздныхъ предводителей дворянства въ составъ губ. земскихъ собраний, положеніе 1890 г. не внесло въ наше законодательство никакого *новаго принципа*. Духовенство и прежде могло имѣть своихъ представителей въ земскомъ собраніи, хотя церковныя земли не обложены земскимъ сборомъ. Что касается до городскихъ головъ и уѣздныхъ предводителей, то они всѣ — мѣстные землевладѣльцы или домовладѣльцы и плательщики (прямые или косвенные) земскихъ сборовъ, наравнѣ съ удѣломъ и казною, именно въ этомъ качествѣ посылающими отъ себя представителей въ земскія собранія. Безусловнымъ и ничѣмъ не оправдаемымъ нововведеніемъ было бы только появленіе въ земскомъ собраніи, на правахъ обязательныхъ членовъ, земскихъ начальниковъ, ничѣмъ въ данной мѣстности не владѣющихъ и ни копѣйки земскаго сбора не платящихъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1895 г.

Международныя празднества въ Килѣ.—Вооруженныя эскадры на праздникѣ мира.—Франко-русскій союзъ и его новѣйшіе результаты.—Перемена министерства въ Англіи. Неудачи лорда Розбери и шансы кабинета Сольсбери.—Министерскій кризисъ въ Австріи.—Замѣненіи князя Бисмарка и нѣмецкая печать.—Побѣда Криспи въ Италіи.—Реформы въ турецкой Арменіи.

Ежедневная печать въ Европѣ имѣла очень много дѣла въ продолженіе истекшаго мѣсяца. Достаточно перечислить событія, о которыхъ газеты должны были давать свои обстоятельныя отчеты и разсужденія: принятіе на себя Россіею отвѣтственности по китайскому займу, рѣчи Ганото и Рибо о франко-русскомъ союзѣ, празднества въ Килѣ и Гамбургѣ, паденіе кабинета Розбери въ Англіи, перемена министерства въ Австріи, торжество Криспи на выборахъ въ Италіи, неудача дипломатическаго заступничества за армянъ въ Турціи, возстаніе въ Македоніи, новый министерскій кризисъ въ Греціи.

Больше всего говорилось, конечно, о кильскихъ празднествахъ и о вновь подтвержденномъ франко-русскомъ союзѣ. По общему признанію, открытіе канала, соединяющаго Сѣверное море съ Балтійскимъ, у Кила и Гамбурга, имѣетъ большое значеніе для морского судоходства и международной торговли; путь для судовъ сокращается въ значительной мѣрѣ, такъ какъ не будетъ уже надобности обходить всю Данію, чтобы попасть, напр., изъ Балтійскаго моря въ Голландію или Англію. Желаніе придать официальному открытію этого нѣмецкаго сооруженія общій международный характеръ было вполне естественно; понятно было также намѣреніе германскаго императора обставить этотъ праздникъ возможно болѣе эффектно, съ сохраненіемъ его мирнаго, культурнаго значенія. На торжество открытія канала сама Германія отрядила 29 военныхъ кораблей, въ томъ числѣ двѣнадцать броненосцевъ, нѣсколько крейсеровъ, авизо и торпедныхъ судовъ, съ ихъ страшными разрушительными снарядами,—и ни одного пассажирскаго или коммерческаго судна. Всѣ государства прислали на этотъ праздникъ мира свои сильнѣйшія орудія морской войны,—морскія чудовища, имѣющія своимъ назначеніемъ разрушать культуру и международныя мирныя связи, громить приморское населеніе чужихъ странъ и охранять отечество отъ нападеній сосѣдей. Изъ

Англіи пришли огромнѣйшіе въ мірѣ броненосцы, способные пугать воображеніе. Бѣдная, на половину разоренная Италія щеголяла такою эскадрою, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходила англійскую: два ея броненосца сильнѣе первыхъ британскихъ исполноровъ по количеству лошадиныхъ силъ и по скорости хода. Итальянскіе патриоты съ гордостью могли указывать своимъ голодающимъ соотечественникамъ на эти грозные корабли, воплощающіе собою массу народныхъ средствъ и не употребляемые ни для какой практической цѣли, но зато знаменующіе будто бы высшее величіе Италіи. Всего собралось у кильской гавани до 80 военныхъ кораблей разныхъ націй; на каждомъ изъ болѣе крупныхъ броненосныхъ судовъ находилось отъ 500 до 700 вооруженныхъ людей. Почтово-пассажирскіе и торговые флоты не принимали никакого officialнаго участія въ празднованіи открытія канала, хотя послѣдній въ сущности предназначался прежде всего для нихъ. Одна только держава прислала корабль безъ пушекъ, безъ военныхъ принадлежностей и снарядовъ, и эта странность была предметомъ снисходительныхъ насмѣшекъ, такъ какъ держава была Турція и корабль былъ турецкій. Исключительная выставка военно-морскихъ силъ различныхъ государствъ по поводу мирнаго международнаго праздника должна была постоянно напоминать участникамъ о возможныхъ ужасахъ войны и о шаткости мира. Каждая страна желала какъ будто показать другимъ, что она можетъ нанести имъ жестокіе удары въ случаѣ столкновенія; но и это дѣлалось только для вида, больше по рутинѣ. Степень могущества и дѣйствительное состояніе флотовъ отдѣльныхъ державъ и безъ того всѣмъ извѣстны въ общихъ чертахъ; а точныя и подробныя свѣденія имѣются у специалистовъ морского дѣла. Итальянскіе гиганты совершенно затмили собою небольшую французскую эскадру, и однако никому не придетъ въ голову заключить отсюда, что Италія сильнѣе на морѣ, чѣмъ Франція. Страна съ разореннымъ населеніемъ вообще не можетъ быть сильна, какъ бы она ни вооружалась. Затѣмъ же было выставлать эти военно-морскія силы, которыя едва ли даже будутъ много пользоваться новымъ каналомъ? Притомъ большинство теперь уже понимаетъ, что грандіозный броненосецъ безпомощенъ передъ ничтожнѣйшею торпедою, что неповоротливость и чрезмѣрная тяжесть дѣлають его часто безсильнымъ, что онъ легче и скорѣе попадаетъ на мель или на камень, что при всякомъ значительномъ поврежденіи онъ рискуетъ мгновенно погрузиться на дно со всѣмъ своимъ многочисленнымъ экипажемъ, какъ это было между прочимъ года два тому назадъ съ первокласснымъ англійскимъ кораблемъ въ Средиземномъ морѣ, въ тихую погоду, послѣ удара, полученнаго имъ по недосмотру. Страшные при нападеніи на какую-

нибуде плохо защищенную гавань, современные крупные броненосцы представляют наиболѣе опасностей для самихъ себя и для своихъ экипажей; даже вильскія празднества не обошлись безъ неприятныхъ опытовъ этого рода: на нѣмецкомъ панцирномъ суднѣ произошелъ взрывъ котла, отъ чего пострадало семь человѣкъ, а одинъ изъ итальянскихъ исполнителей сѣлъ на мель, съ которой только съ трудомъ снялся или былъ снятъ. Стальная броня, которою покрыты эти корабли, не ограждаетъ ихъ отъ дѣйствія усовершенствованныхъ истребительныхъ орудій; быстроходные крейсера и миноноски всегда могутъ причинить вредъ этимъ судамъ и имѣютъ предъ ними вообще громадные практическія преимущества дешевизны и подвижности. Если тѣмъ не менѣе продолжаютъ еще строиться большіе броненосцы, то имъ отводится главнымъ образомъ роль показныхъ страшилищъ, на подобіе китайскихъ драконовъ. Только въ Китаѣ войско организуется преимущественно для того, чтобы пугать людей; тамъ есть, на примѣръ, отрядъ „храбрыхъ тигровъ“, считаемый непобѣдимымъ и ужаснымъ для непріятелей: одежда солдатъ напоминаетъ тигровую кожу, шапки похожи на головы тигровъ, солдаты дѣлаютъ угрожающіе прыжки, соответственные своему одѣянію, и испускаютъ громкіе, нестройные крики, и все это виѣстѣ взятое, по китайскому расчету, должно непремѣнно обратить врага въ бѣгство при первомъ его приближеніи. Правительства европейскихъ державъ тоже какъ будто пугаютъ другъ друга своими броненосцами, хотя это едва ли достойно просвѣщенныхъ культурныхъ народовъ. Чувствовалось какое-то внутреннее противорѣчіе между грознымъ видомъ собравшихся въ Килѣ кораблей и мирнымъ назначеніемъ открываемаго канала; противорѣчіе это чувствовалось и при произнесеніи рѣчи германскаго императора, въ день 21-го (9-го) іюня. Вильгельмъ II особенно настаивалъ на миролюбивомъ характерѣ сооруженія и посвященнаго ему празднества; дѣло это, — говорилъ онъ, — задумано въ мирѣ, устроено въ мирѣ и отдается нынѣ въ общее пользованіе націй для взаимныхъ мирныхъ сношеній. Германія заботится прежде всего о поддержаніи мира и мирнаго благосостоянія народовъ; и новый каналъ она предоставляетъ къ услугамъ мира и „будетъ считать себя счастливою, если онъ усилитъ и укрѣпитъ дружественныя связи съ другими державами“. Рѣчь германскаго императора, по отзывамъ газетъ, произвела повсюду безусловно благопріятное впечатлѣніе; но она была бы еще болѣе пріятна и успокоительна, еслибы кругомъ въ вильской бухтѣ не собрались по этому случаю лучшіе образцы судовъ, предназначенныхъ для борьбы и разрушенія.

Международная политика, впрочемъ, вся состоитъ изъ традиціонныхъ условностей и противорѣчій. Когда правитель или государь

ственный человекъ говорить о мирѣ и дружбѣ между націями, то при этомъ онъ неизвѣнно имѣетъ въ виду существованіе милліонныхъ армій и внушительныхъ флотовъ, готовыхъ въ каждой странѣ защищать отечество отъ злыхъ умысловъ и нападений „друзей“. Въ культурномъ обществѣ только ворами и преступникамъ свойственны грабительскіе замыслы и планы противъ сосѣдей; а въ международныхъ дѣлахъ самые мирные народы предполагаются почему-то разбойничьими по отношенію къ другимъ государствамъ. Германія со всѣми дружна и ничего такъ не жаждетъ, какъ прочнаго мира, но она окружила себя союзниками и довела свои военныя силы до чрезвычайнаго развитія, на случай надобности. Франція не теряетъ надежды на обратное полученіе Эльзаса и части Лотарингіи, а между тѣмъ она твердо проникнута миролюбіемъ. Для французскихъ патріотовъ участіе въ нѣмецкомъ празднествѣ считалось обиднымъ и неловкимъ; но всѣ сознавали, что отсутствіе или устраненіе французскаго участія было бы признакомъ явной неприязни.

Вниманіе публики во Франціи было своевременно отвлечено отъ Кля новыми проявленіями франко-русской дружбы. Французы были чрезвычайно обрадованы тѣмъ обстоятельствомъ, что въ засѣданіи палаты, 10-го іюня (нов. ст.), министръ иностранныхъ дѣлъ Ганотѣ впервые назвалъ соглашеніе съ Россією союзомъ (alliance) и что министръ-президентъ Рибо, съ своей стороны, демонстративно повторилъ это слово. Мысль, что существуетъ дѣйствительный союзъ, а не простая дружба между Франціей и Россією, подтверждалась и раньше совмѣстнымъ дѣйствіемъ обѣихъ державъ въ Константинополь и на дальнемъ Востокѣ; она еще яснѣе выразилась въ одновременномъ появленіи и постоянной близости двухъ эскадръ въ Киль, что заставляло многихъ серьезно говорить о франко-русскомъ флотѣ. Какая вообще разница между соглашеніемъ и союзомъ, и почему союзъ важнѣе и предпочтительнѣе соглашенія? Повидимому, союзъ предполагаетъ опредѣленные условія и обязательства, формулированныя въ письменномъ трактатѣ, тогда какъ соглашеніе (entente) означаетъ вообще готовность дѣйствовать сообща въ извѣстномъ кругѣ дѣлъ, на основахъ взаимнаго довѣрія и сочувствія. Формальный франко-русскій договоръ едва ли существуетъ, и въ немъ, вѣроятно, и не предстоитъ надобности; но фактическій союзъ дѣйствуетъ успѣшно и начинаетъ приносить пользу обѣимъ сторонамъ. Французское правительство сумѣло извлечь надлежащія выгоды изъ своего вѣдѣтельства въ пользу Китая, въ союзѣ съ Россіей; оно выговорило себѣ въ Пекинѣ существенныя уступки въ области пограничныхъ интересовъ Тонкина и положило этимъ конецъ старымъ спорамъ и затрудненіямъ съ китайцами въ своихъ колониальныхъ владѣніяхъ въ Азіи. Вѣроятно, и

русская дипломатія не изъ одного состраданія къ Китаю оказала ему поддержку противъ Японіи и взяла на себя устройство и гарантію китайскаго займа въ 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленный политическій расчетъ долженъ былъ лежать въ основѣ нашей политики въ данномъ случаѣ. Заемъ устраивается, по слухамъ, съ спеціальною цѣлью уплаты японцамъ потребованной ими суммы за отказъ отъ полуострова Лiao-Тонгъ. Китайцы вообще не любятъ дѣлать внѣшніе займы и до новѣйшаго времени не поддавались искушеніямъ со стороны европейскихъ банкировъ; а тѣ немногіе долги, которые у нихъ были съ семидесятыхъ годовъ, выплачивались ими замѣчательно аккуратно и отчасти даже раньше срока. Этимъ объясняется легкая готовность заграничныхъ финансовыхъ сферъ достать для Китая деньги за 4% въ годъ. Официальное участіе Россіи въ предположенномъ займѣ, съ устраненіемъ всякихъ конкурентовъ, разсматривается повсюду какъ важный дипломатическій успѣхъ, и лондонскій „Times“ даже совѣтуетъ англійскимъ дипломатамъ брать примѣръ съ русскихъ по части энергіи и искусства въ преслѣдованіи разъ намѣченныхъ цѣлей. Для Россіи будто бы весьма желательно и важно занять положеніе кредитора и опекуна по отношенію къ Китаю; при такомъ положеніи нѣтъ ничего легче, какъ приобрести мирнымъ способомъ часть Манджурии или незамерзающій портъ въ другомъ мѣстѣ Тихаго океана. Не знаемъ, насколько основательны такіа догадки и предположенія; но, конечно, незамерзающій портъ есть необходимость для нашего тихо-океанскаго флота. Какъ французы не забываютъ своихъ интересовъ изъ-за дружбы, такъ и мы должны всегда помнить, что государство не обязано быть щедрымъ и безкорыстнымъ въ ущербъ своей собственной странѣ. Дѣлать крупныя затраты и усилія ради однихъ отвлеченныхъ соображеній, въ родѣ старой заботы о равновѣсїи, было бы, разумѣется, нерасчетливо.

Фактическая солидарность между Франціею и Россіею во внѣшней политикѣ даетъ себя знать въ разныхъ краяхъ міра, гдѣ обѣ державы имѣютъ какіе-нибудь интересы. Если мы выиграли что-нибудь отъ сдѣлки съ Китаемъ, то одинаково выиграли и французы; равное участіе въ результатахъ и выгодахъ соглашенія или союза только одно можетъ придать ему прочность. Будутъ ли этотъ союзъ называть „alliance“, или „entente“, или какъ-нибудь иначе—это совершенно безразлично. Имѣя по преимуществу мирный и оборонительный характеръ, франко-русское соглашеніе не можетъ обязывать Россію къ активной роли въ эльзасскомъ или египетскомъ вопросѣ. Въ послѣднее время говорилось въ газетахъ о предстоящей будто бы франко-русской кампаніи противъ незаконнаго владычества англичанъ въ

Египтъ; но такая кампанія могла бы быть предпринята только въ одномъ случаѣ—еслибы у насъ было рѣшено выступить активно противъ Англіи на Востокѣ, для чего мы вообще не видимъ достаточныхъ поводовъ. Въ дѣлѣ вступничества за турецкихъ армянъ Россія дѣйствовала совмѣстно не только съ Франціею, но и съ Англіею; пограничные споры въ Средней Азіи намъ также удобнѣе всего кончать при помощи обоюдныхъ уступокъ, какъ оконченъ былъ еще недавно вопросъ о Памирахъ. Быть можетъ, и относительно англійской оккупациі Египта удастся устроить компромиссъ, который удовлетворитъ Францію.

Въ самый день торжественной мирной манифестаціи въ Килѣ министерство лорда Розбери потерпѣло неожиданное пораженіе въ британской палатѣ общинъ. По разнымъ причинамъ либеральный кабинетъ, вступившій во власть послѣ добровольнаго выхода Гладстона въ отставку, постепенно утратилъ ту небольшую популярность, которую имѣлъ въ началѣ. Большинство въ 40 голосовъ, которымъ располагало правительство въ парламентѣ, все болѣе уменьшалось и въ послѣдніе мѣсяцы дошло до 15-ти; отдѣльные выборы новыхъ членовъ палаты, взамѣнъ умершихъ, все чаще кончались побѣдою консервативныхъ и унионистскихъ кандидатовъ надъ либералами, и эти симптомы недовѣрія къ министерству проявлялись даже въ тѣхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ прежде постоянно избирались либералы. Само собою понятно, что парламентъ, раздѣленный на два почти равносильныхъ лагеря и не имѣющій надежнаго большинства ни въ ту, ни въ другую сторону, обреченъ на безсиліе и не можетъ служить опорой правительству. Министерство сознавало шаткость своего положенія; но вмѣсто того, чтобы обратиться къ странѣ и назначить новыя парламентскіе выборы, оно продолжало жить изо дня въ день, опираясь на свое ничтожное большинство и довольствуясь проведеніемъ тѣхъ немногихъ мѣръ, относительно которыхъ можно было рассчитывать на содѣйствіе радикаловъ и ирландцевъ. Въ составѣ кабинета не было единства, не было твердой руководящей руки, какъ при Гладстонѣ. Великій старецъ ушелъ со сцены и не вмѣшивался въ дѣла; во время открытія министерскаго кризиса въ Лондонѣ онъ находился въ кильской бухтѣ, на яхтѣ своего друга сэра Керри, и былъ невольнымъ предметомъ общаго сочувственнаго вниманія. Авторитетъ его имени отчасти покрывалъ министерство въ глазахъ населенія; но Гладстонъ не могъ быть доволенъ своими преемниками, и незадолго до эпизода, разыгравшагося въ парламентѣ 21-го (9-го) іюня, онъ въ частномъ письмѣ, обнародованномъ затѣмъ въ газетахъ, вы-

разилъ желаніе возвратить себѣ свободу дѣйствій по отношенію къ обсуждавшемуся правительственному проекту церковной реформы въ Валлисѣ. Это заявленіе было тотчасъ истолковано въ „Times“ въ какъ намѣренный и сильный ударъ кабинету лорда Розбери. Черезъ нѣсколько дней министерство получило формальный поводъ къ отставкѣ. При обсужденіи военнаго бюджета, одинъ изъ членовъ оппозиціи пожелалъ узнать, достаточно ли военныхъ запасовъ и особенно взрывчатыхъ веществъ заготовлено военнымъ министерствомъ. Любопытство его не было удовлетворено, и огорченный членъ парламента предложилъ, въ видѣ протеста, уменьшить жалованье военнаго министра на сто фунтовъ стерлинговъ. Сверхъ ожиданія, это предложеніе, поддержанное Вальфуромъ и Чамберленомъ, было принято большинствомъ семи голосовъ (132 противъ 125). Пренія о военномъ бюджетѣ были тотчасъ остановлены, и либеральный руководитель палаты, сэръ Вильямъ Гаркортъ, воспѣшилъ занять остальное время засѣданія принятіемъ нѣсколькихъ разсмотрѣнныхъ уже и безспорныхъ биллей, которые должны были получить силу закона до распушенія парламента. На слѣдующій день было уже извѣстно, что министерство не беретса распускать палату и устраивать новыя выборы, а предпочитаетъ передать эту трудную задачу противникамъ. Вождь оппозиціи, Вальфуръ, возражалъ противъ такого рѣшенія, находя его несогласнымъ съ конституціонными традиціями; по его мнѣнію, кабинетъ долженъ былъ предложить королевѣ распустить парламентъ. Два дня спустя, 25-го (13-го іюня), составилось уже консервативно-унионистское министерство, съ маркизомъ Сольсбери во главѣ: Вальфуръ является опять „лидеромъ“ палаты общинъ, Чамберленъ назначенъ министромъ колоній, а Гошенъ—морскимъ министромъ.

Никто не ожидалъ такой быстрой правительственной перемѣны въ Англии въ настоящее время; сами оппозиціонные дѣятели были убѣждены, что кабинетъ протянетъ до осени, когда нельзя уже будетъ избѣгнуть назначенія новыхъ выборовъ. Во всякомъ случаѣ считалось несомнѣннымъ, что выборы состоятся еще при либеральномъ министерствѣ, подъ руководствомъ сэра Гаркорта; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было не видѣть, что правительственная партія идетъ на встрѣчу совершенному разгрому. Какую программу могло министерство предложить избирателямъ послѣ своей безцвѣтной практической дѣятельности? Слабость кабинета заключалась уже въ томъ, что глава его, какъ цэръ королевства, лишень права присутствовать и говорить въ палатѣ общинъ или участвовать въ избирательномъ движеніи посредствомъ публичныхъ рѣчей къ избирателямъ въ тѣхъ или другихъ пунктахъ страны. Премьера замѣнялъ въ парламентѣ сэръ Вильямъ Гаркортъ, давнишній сотрудникъ Гладстона, не согласный

во многомъ съ лордомъ Розбери, возвышеніе котораго казалось ему притомъ преждевременнымъ и не совсѣмъ справедливымъ. Сэръ Гаркортъ, бывшій долго вторымъ лицомъ въ либеральной партіи послѣ Гладстона, имѣлъ основаніе смотрѣть на себя какъ на естественнаго замѣстителя и преемника великаго старца; онъ легко подчинился однако болѣе молодому и энергичному Розбери, который былъ намѣченъ Гладстономъ и пользовался сочувствіемъ общественнаго мнѣнія. Сэръ Гаркортъ представлялъ собою министерство въ палатѣ общинъ; но, не будучи главою и руководителемъ этого министерства, онъ не могъ дѣйствовать самостоятельно, долженъ былъ ограничиваться утомительною мелкою борьбою съ оппозиціею и исполнялъ свои парламентскія обязанности съ обычнымъ добродушнымъ юморомъ. Отъ лорда Розбери, человека еще молодого и честолюбиваго, ждали смѣлыхъ начинаній, новыхъ предпріятій и рѣшеній; консерваторы одобряли его за твердую иностранную политику, а прогрессисты возлагали на него надежды въ виду радикализма нѣкоторыхъ его рѣчей. Въ области внѣшнихъ дѣлъ репутація его почти равнялась славѣ маркиза Сольсбери. Лордъ Розбери нравился публикѣ и потому, что онъ богатый лордъ; онъ нравился и своимъ острымъ краснорѣчіемъ, и своими демократическими принципами. Всѣ эти ожиданія и надежды вполнѣ разлетѣлись какъ дымъ. Министерство на первыхъ порахъ очутилось въ довольно двусмысленномъ положеніи; оно унаслѣдовало отъ Гладстона идею ирландской автономіи и требованіе ограниченія законодательныхъ привилегій верхней палаты, а между тѣмъ не могло и думать о возможности заниматься подобными проектами раньше новыхъ парламентскихъ выборовъ. Мысль о гомрулѣ была отложена на неопредѣленное время, и единственнымъ свидѣтельствомъ ея практическаго значенія оставался продолжавшійся союзъ ирландскихъ членовъ парламента съ либеральною партіею. Нападки на палату лордовъ, имѣвшія опредѣленный мотивъ и смыслъ послѣ отклоненія ею ирландскаго билля, сдѣлались еще живѣе и рѣзче, когда получили болѣе общій принципиальный характеръ. Походъ противъ „наслѣдственныхъ законодателей“, въ числу которыхъ принадлежалъ по рожденію самъ лордъ Розбери, былъ для него очень оригиналенъ и интересенъ; его забавляла эта двойственная роль—роль аристократа, облекшагося въ мантію демократическаго трибуна. Многіе предполагали, что реформа верхней палаты послужитъ главнымъ пунктомъ министерской программы; по крайней мѣрѣ лордъ Розбери постоянно возвращался къ этому вопросу, посылая насильшливые уколы по адресу своихъ титулованныхъ коллегъ. Рѣчи на тему о привилегіяхъ лордовъ указывали какъ будто, что министерство желаетъ оказать давленіе на верхнюю палату, чтобы

добиться отъ нея надлежащихъ уступокъ; но эти рѣчи скоро прервались, и лордъ Розбери пересталъ уже вспоминать о своихъ радикальныхъ разсужденіяхъ. Мало-по-малу кабинетъ, имѣвшій въ началѣ нѣкоторые общія идеи и свою оригинальную фязіономію, превратился въ вялое и скучное, чисто дѣловое министерство, терпѣливо доживавшее свой вѣкъ въ ожиданіи неизбѣжнаго конца. И въ международной политикѣ премьеръ на этотъ разъ не имѣлъ никакого успѣха; онъ не обнаружилъ ни дальновидности, ни находчивости, ни рѣшительности и не могъ сослаться на какіе-либо положительные результаты своихъ дипломатическихъ заботъ и усилій. Онъ уклонился отъ заступничества за Китай передъ побѣдителями, но не воспользовался этимъ для закрѣпленія англійскихъ связей съ Японією, и разочарованные англичане остались пока ни при чемъ на дальнемъ Востокѣ. Вмѣшательство въ защиту турецкихъ армянъ не шло далѣе простыхъ представленій Портѣ и потому не могло принести реальной пользы злосчастнымъ подданнымъ султана. Слава лорда Розбери какъ опытнаго и смѣлаго министра иностранныхъ дѣлъ значительно пострадала; зато распространилась и окрѣпла его слава какъ владѣльца лучшихъ скакуновъ въ Англіи. Его лошади два раза подъ рядъ брали первый призъ на знаменитыхъ скачкахъ въ Дерби, и англійское общество интересовалось этими событіями не меньше, чѣмъ первостепенными политическими вопросами данной минуты. Всѣ газеты, начиная съ „Times“а, посвящали особня передовыя статьи необыкновенному счастью премьера. Въ прошломъ году торжество лорда Розбери въ Дерби обсуждалось печатью безъ особенныхъ ядовитостей, а въ возникшей полемикѣ о неудобствѣ косвеннаго участія официальныхъ лицъ въ скачкахъ, поощряющихъ азартную игру, большинство высказалось противъ суровыхъ обличителей. Лордъ Розбери самъ велъ свою лошадь послѣ побѣды среди восторженныхъ возгласовъ толпы; тогда еще не былъ поколебленъ авторитетъ его, какъ перваго министра Англіи. Недавно онъ опять вышелъ побѣдителемъ на національномъ состязаніи въ Дерби, и эта упорно повторяющаяся удача въ скачкахъ идетъ параллельно съ разстройствомъ политическаго положенія и съ полнымъ упадкомъ популярности кабинета.

При такихъ условіяхъ лордъ Розбери и сэръ Вильямъ Гаркортъ подготовили бы своей партіи небывалое еще пораженіе на выборахъ, еслибы продолжали занимать бесплодно свои мѣста до распущенія парламента; поэтому они воспользовались первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы удалиться. Для оппозиціи это весьма неудобно, такъ какъ она сразу лишается благодарнѣйшей темы для своихъ избирательныхъ рѣчей и вынуждена будетъ предложить, отъ имени пра-

нительства, извѣстныя положительныя заявленія и обѣщанія, не довольствуясь одною критикою. Право критики и неопредѣленныхъ обѣщаній перейдетъ къ дѣятелямъ либеральной партіи; сэръ Гаркортъ можетъ тогда свободно высмѣивать предположенія и проекты консерваторовъ и краснорѣчиво описывать тѣ плодотворныя и широкія реформы, которыя произведены были бы либералами по достиженіи крупнаго большинства въ парламентѣ. Консерваторы и уніонисты имѣютъ теперь преимущество потому, что фактически они приняли власть только для распущенія палаты общинъ и устройства новыхъ выборовъ; они не обязаны выработать или проводить какія-либо мѣры, прежде чѣмъ соберется новый парламентъ, и слѣдовательно они могутъ сохранить свою популярность неприкосновенною въ глазахъ населенія. Они поставлены были бы, конечно, гораздо лучше, еслибы не сдѣлались раньше времени представителями власти, отвѣтственными за дальнѣйшій ходъ государственныхъ дѣлъ. Прежняя консервативная партія все тѣснѣе сливается съ группами уніонистовъ, къ которымъ принадлежатъ умѣренные либералы и бывшіе радикалы въ родѣ Чамберлена; поэтому новое министерство, при своемъ смѣшанномъ характерѣ, можетъ привлечь на свою сторону и часть либеральныхъ избирателей. Насколько можно судить въ настоящее время, шансы побѣды на выборахъ обезпечены за сторонниками новаго кабинета, — если только не предположить новаго чуда, въ видѣ возвращенія 85-лѣтняго Гладстона къ усиленной и энергической общественной дѣятельности.

Министерскій кризисъ въ Австріи едва былъ замѣченъ въ Европѣ, потому что само министерство князя Виндишгреца было правительствомъ только по имени. Министры не позаботились даже о бюджетѣ на текущій годъ; до сихъ поръ бюджетъ еще не рассмотрѣнъ, хотя скоро наступаетъ время для обычнаго внесенія смѣты расходовъ и доходовъ на слѣдующій финансовый періодъ. Министръ финансовъ Пленеръ такъ углубился въ тонкія политическія комбинаціи между разными элементами нѣмецко-либеральной коалиціи, что не могъ уже удѣлять подобающее вниманіе государственнымъ финансамъ. Такъ называемая нѣмецкая либеральная партія вступила въ союзъ съ поляками и съ консервативными представителями другихъ составныхъ частей населенія, чтобы оказать отпоръ многочисленной фракціи чешскихъ депутатовъ. Плодомъ этого союза было министерство, въ которомъ фигурировали нѣмецкія имена рядомъ съ польскими. Какіе вопросы волновали государственныхъ людей, выдвинутыхъ этою коалиціею, можно видѣть изъ того, что названіе гимназіи въ Цилли (въ

Штирн) въ теченіе мѣсяцевъ не сходило съ газетныхъ столбцовъ: изъ-за этой гимназій застрялъ надолго въ парламентской комиссіи весь австрійскій государственный бюджетъ, такъ какъ враги нѣмецкихъ либераловъ задумали предложить устройство въ Цилли параллельныхъ классовъ, съ преподаваніемъ на мѣстномъ славянскомъ языкѣ для лицъ, не понимающихъ по-нѣмецки, а подобнаго покушенія на равноправность не выносить австрійскій нѣмецкій либерализмъ. Послѣ многихъ толковъ и споровъ бюджетная комиссія, съ согласія правительства, утвердила расходъ на параллельные славянскіе классы; нѣмецкая соединенная лѣвая расторгла тогда коалицію и заявила объ этомъ официально, послѣ чего министерство очутилось безъ своей политической опоры. Предположенный расходъ для славянскихъ жителей г. Цилли обременилъ бы государство ежегодною суммою въ 1.500 гульденовъ—всего полторы тысячи гульденовъ, и только эта ничтожная цифра изъ общаго бюджета въ 600 милліоновъ гульденовъ привлекала на себя вниманіе нѣмецко-австрійскихъ патріотовъ. Въ результатѣ — неизбежная отставка кабинета, во главѣ котораго номинально стоялъ добродушный и безхарактерный человекъ съ громкимъ именемъ князя Виндишгреца.

Новое министерство, въ качествѣ дѣловаго и чиновничьяго, состоитъ главнымъ образомъ изъ прежнихъ директоровъ департаментовъ. Министръ-президентъ графъ Кильмансегъ мало извѣстенъ; его знаютъ лишь какъ стараго бюрократа, бывшаго намѣстникомъ въ Нижней Австріи. Изъ другихъ министровъ вызываетъ нѣкоторыя надежды фонъ-Бемъ-Баверель, бывший профессоръ политической экономіи, авторъ нѣсколькихъ объемистыхъ трактатовъ, призванный теперь къ управленію австрійскими финансами. Остается пожелать, чтобы его финансовыя проекты оказались болѣе ясными и цѣлесообразными, чѣмъ его экономическія теоріи.

Среди праздничнаго шума нѣмецкой печати, въ торжественные дни открытія „канала императора Вильгельма“, публика обращала мало вниманія на глухую и раздражительную полемику между княземъ Бисмаркомъ и поклонниками новаго курса. Недовольный голосъ стараго канцлера раздавался изъ Фридрихсруэ, нарушая общее настроеніе. О немъ не вспомнили, когда пришлось отырывать сооруженіе, начатое десять лѣтъ тому назадъ, при его владычествѣ; говорили много о заслугахъ „Вильгельма Великаго“, но забыли о дѣлахъ и заслугахъ его канцлера, благодаря которымъ скромный правитель только и могъ совершить великое. Князь Бисмаркъ, повидимому, не былъ приглашенъ императоромъ въ Киль и впрочемъ едва ли могъ бы пріѣхать туда по состоянію своего здоровья; онъ уже

привыкъ къ уединенію и не претендуетъ на своихъ преемниковъ и бывшихъ послѣдователей за забывчивость. Иногда онъ принимаетъ у себя депутацію и произноситъ рѣчь, полную колкости и въ то же время здраваго смысла и юмора. Недавно къ нему явились представители союза сельскихъ хозяевъ, и онъ высказалъ имъ такія истины, которыя должны были смутить даже смѣлыхъ аграріевъ. Удалившись отъ власти, князь Бисмаркъ яснѣе прежняго понялъ огромное значеніе публичной парламентской критики и контроля; онъ съ особенною настойчивостью повторялъ, что общество должно болѣе активно интересоваться государственными дѣлами и болѣе разумно и дѣлательно участвовать въ выборахъ, чтобы оказывать полезное вліяніе на законодательство и управленіе. Бисмаркъ сталъ искреннимъ либераломъ и парламентаристомъ, и этого поучительнаго превращенія напрасно не замѣчаютъ нѣмецкія либеральныя газеты, воюющія съ его аграрными и прочими идеями.

Въ бесѣдѣ съ представителями союза сельскихъ хозяевъ, старый канцлеръ заявилъ, что всѣ, занятые производительнымъ трудомъ, должны сплотиться и держаться вмѣстѣ „противъ трутней, которые нами управляютъ, но ничего не производятъ, кромѣ законовъ“. Люди безъ поземельныхъ и промышленныхъ интересовъ не должны были бы быть министрами, по мнѣнію Бисмарка; ибо они не могутъ чувствовать солидарность съ обширными отраслями народнаго производства, которыя остаются для нихъ чужими. Бисмаркъ даетъ затѣмъ интересные совѣты, кого и какъ выбирать въ парламентъ. Надо выбирать депутатовъ, привязанныхъ къ своему округу тою же сѣтью сельско-хозяйственныхъ интересовъ, какъ и сами избиратели, а не такихъ, которые имѣютъ свои виды и планы въ Берлинѣ въ министерскихъ канцеляріяхъ. При подачѣ голоса, въ качествѣ избирателя, надо также видѣть кандидата въ глаза. Думаетъ ли онъ сдѣлаться министромъ въ Берлинѣ? Тогда ни за что не слѣдуетъ подавать за него голосъ, ибо такой человекъ будетъ занятъ только облегченіемъ и устройствомъ путей къ желанной карьерѣ, а избирателей онъ забудетъ. Нелишнее также взглянуть на жену, которая ѣдетъ съ нимъ. Если она чувствуетъ потребность жить въ Берлинѣ, играть тамъ роль въ обществѣ и приобрести положеніе, то мужъ не долженъ быть выбранъ. Потомъ, когда онъ въ самомъ дѣлѣ становится министромъ, онъ крѣпко сростается съ своимъ мѣстомъ и своею министерскою квартирою, въ силу консервативнаго направленія жены; для мужа эта квартира напоминаетъ слишкомъ просторный сиртукъ, унаслѣдованный или доставшійся отъ старшаго брата; а женѣ все еще недостаетъ одной комнаты въ этомъ большомъ помѣщеніи, она надѣется достигнуть прибавки и потому не можетъ

разстаться съ домогъ. Честолюбцы и искатели, добившись повыше- нія, не имѣютъ поводовъ принимать близко къ сердцу интересы земледѣлія. Поэтому „надо выбирать людей отъ нашей плоти и крови, людей, чувствующихъ тотъ самый дождь, который насъ мочить, и радующихся тому же солнцу, подъ которымъ созрѣваетъ наше зерно. Всѣ эти господа, которые получаютъ свое жалованье независимо отъ хорошей или дурной погоды, отъ урожая или неурожая,—вырабаты- ваютъ наши законы и доводятъ дѣло до того, что сельскій хозяинъ изъ провинціи, пріѣзжая въ Берлинъ, ничего измѣнить не можетъ. Онъ всегда имѣетъ еще возможность сказать „нѣтъ“; но если на- чальникъ отдѣленія или департамента желаетъ быть министромъ, то онъ не можетъ сказать „нѣтъ“, и только позднее приготовленный ими заглазно сапогъ жметъ и давитъ сельскихъ хозяевъ“.

Нѣмецкая передовая печать усвоила заранѣе извѣстный опредѣ- ленный взглядъ на всякія заявленія и замѣчанія бывшаго канцлера. Во-первыхъ, Бисмаркъ все еще не примирился съ своей отставкою и до сихъ поръ продолжаетъ пускать стрѣлы въ своихъ враговъ и преемниковъ; а потому на его выходы не стоитъ обращать внима- ніе. Во-вторыхъ, Бисмаркъ заявилъ себя солидарнымъ съ партією аграріевъ, а такъ какъ аграріямъ нельзя сочувствовать съ либераль- ной точки зрѣнія, то и жалобы и доводы Бисмарка не заслуживаютъ разбора. Либеральныя газеты, за-одно съ офиціозными и на этотъ разъ даже съ офиціальнымъ „Имперскимъ Указателемъ“, усердно защищаютъ бѣднаго министра Беттихера отъ обвиненій и намековъ его бывшаго шефа; нельзя только понять, почему надо жалѣть этого ловкаго министра, столь мѣтко обрисованнаго словами „Streber und Kleber“. Беттихеръ, обязанный своею министерскою карьерою Бис- марку, игралъ довольно двусмысленную роль въ періодъ его удале- нія и затѣмъ прочно водворился во власти; онъ ладилъ съ кѣмъ нужно, сталъ говорить о Бисмаркѣ съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ пре- небреженія и выказалъ вообще характерныя черты умнаго и дѣль- наго карьериста. Если старый канцлеръ не можетъ забыть его пре- дательства, то всего менѣе слѣдовало бы либераламъ возставать про- тивъ этой злопамятности; напротивъ, характеристика закулисныхъ сторонъ придворной бюрократіи, сдѣланная такимъ наблюдателемъ и знатокомъ, какъ Бисмаркъ, должна бы имѣть значеніе драгоцѣн- наго матеріала именно для либеральной и оппозиціонной прессы. Съ другой стороны, большую ошибку дѣлаютъ, какъ намъ кажется, нѣ- мецкіе либеральныя публицисты, относящіеся пренебрежительно или насмѣшливо къ такъ называемымъ аграріямъ, представителямъ инте- ресовъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Значительная часть нѣмецкаго населенія идетъ за аграріями только потому, что никакая

другая партія не беретъ на себя защиты сельскохозяйственныхъ нуждъ и потребностей; а обнаруживать систематическое невниманіе или пренебреженіе къ этимъ нуждамъ и потребностямъ значительной трудящейся части германскаго народа—болѣе чѣмъ странно со стороны либераловъ и прогрессивистовъ. Потому, при выборахъ, газеты удивляются, что либералы посылаются все въ меньшемъ числѣ въ парламентъ и что хорошіе принципы приходятъ въ забвеніе; всего менѣе однако виноваты въ этомъ сельскіе избиратели, совершенно обойденные городскими глашатаями правды. Замѣчанія князя Бисмарка, часто ѣдкія и вѣрныя, вносятъ нѣкоторый свѣтъ и въ эту сторону германской политической жизни.

Парламентскіе выборы въ Италіи доставили полное торжество министру-президенту Криспи: въ новой палатѣ депутатовъ насчитывается около 330 членовъ правительственной партіи и почти на половину меньше лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ элементамъ оппозиціи. Криспи опять является хозяиномъ положенія, но его внѣшній успѣхъ отражается безопасною борьбою, которую ведутъ противъ него опытные и многочисленные охотники. Парламентскія засѣданія прекратились въ концѣ прошлаго года, и съ тѣхъ поръ не могли еще быть рассмотрѣны обвинительные документы, собранные противъ министра-президента депутатомъ Джіолитти. Грозныя обвиненія противъ Криспи заключаются и въ послѣдней брошюрѣ Каваллотти. Дѣло идетъ все о старыхъ финансовыхъ грѣхахъ, въ которыхъ будто бы повиненъ Криспи. Борьба ведется мелкими средствами и притомъ не противъ системы, а противъ личностей. Между тѣмъ система процвѣтаетъ, только въ смягченномъ видѣ, съ неизбѣжными оговорками насчетъ будущихъ благодѣтельныхъ реформъ и насчетъ желательной экономіи въ государственныхъ расходахъ. Криспи сумѣлъ и эти оговорки эксплуатировать въ свою пользу; онъ громче всѣхъ говорилъ и о реформахъ, и объ экономіи, тогда какъ противники его заняты были разслѣдованіемъ вопроса объ его личной честности. Среди хаоса взаимныхъ обличеній, трудно было разобрать, кто правъ и кто виноватъ; публика предпочла поэтому прислушиваться къ политическимъ программамъ вождей, а чья программа имѣетъ больше шансовъ осуществленія, чѣмъ предложенная самимъ главою министерства? Криспи—несомнѣнно крупная фигура современной Италіи, выдающийся, рѣзко очерченный характеръ, и замѣнить его пока еще некому. Онъ одинъ обладаетъ общепризнаннымъ авторитетомъ и можетъ твердо держать въ своихъ рукахъ министерство и парламентское большинство. Всякій другой долженъ былъ бы еще добиваться

своего признанія, оставаясь однимъ изъ многихъ, главою небольшой фракціи; только Криспи—готовый предводитель, могущій исполнить то, что обѣщаетъ. Наибольше видны изъ его обвинителей и соперниковъ хотять на словахъ слишкомъ многого; они готовы перевернуть вверхъ дномъ всю Италію, а что еще изъ этого выйдетъ? Обижать короля Гумберта и особенно королеву Маргариту было бы крайне неприятно даже республиканцамъ; поэтому большинство избирателей по неволѣ осталось при старомъ и вновь довѣрилось Криспи. Не имѣя въ сущности иного выбора, кромѣ хаоса и безсилія—съ одной стороны, и положительныхъ обѣщаній Криспи—съ другой, итальянцы съ отчаянія отдали свои голоса опытному дѣльцу, который въ концѣ концовъ имѣетъ все-таки силу и волю руководить запутанными дѣлами Италіи. Быть можетъ, онъ что-нибудь сдѣластъ для пользы итальянскаго народа; и небольшое улучшение или облегченіе тоже будетъ благомъ. Съ слабостью къ международному величію, къ разорительнымъ союзамъ и предпріятіямъ надо уже мириться; пусть король утѣшается эффектомъ появленія девяти исполнскихъ броненосцевъ Италіи въ Килѣ, когда Франція прислала всего три корабля, и только Англія—десять; этотъ эффектъ стбитъ очень дорого, но не дороже другой любимой идеи Гумберта—завоевательной колониальной политики въ Африкѣ. Итальянцы должны же платить за идеи своего короля, тѣмъ болѣе, что въ основѣ этихъ идей лежатъ стремленія самыя патриотическія. Таково, повидимому, господствующее настроеніе въ современной Италіи. Съ такимъ смѣшаннымъ настроеніемъ была выслушана и новою палатою депутатовъ, 10-го іюня (нов. ст.), длинная тронная рѣчь короля Гумберта.

Въ Греціи, наконецъ, министерство Николая Дельяниса уступило мѣсто министерству Дельяниса настоящаго, стараго, Теодора, который когда-то періодически чередовался съ Трикуписомъ въ управленіи дѣлами страны. Въ послѣдній разъ король расстался съ нимъ въ 1892 году, уволивъ его въ довольно рѣзкой формѣ отъ должности министра-президента. Пришлось вновь обратиться къ нему, ибо за него высказалось большинство избирателей, за отсутствіемъ другихъ авторитетныхъ или популярныхъ кандидатовъ. Много ли выиграетъ Греція отъ обратнаго водворенія Дельяниса старшаго—сказать трудно.

Правительственная переимѣна произошла и въ Турціи, хотя и независимо отъ парламентскихъ выборовъ и голосованій. Великій визирь Джевадъ-паша вышелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ Саидъ-паша. Такъ какъ султанъ не объясняетъ мотивовъ своихъ рѣшеній, то смыслъ этой переимѣны мало кому понятенъ; догадыва-

ются только, что тутъ замѣшанъ вопросъ объ армянскихъ реформахъ. Порта отклонила меморандумъ, представленный ей 11-го мая (нов. ст.) послами Россіи, Англіи и Франціи, но не желала обрывать переговоры о возможныхъ уступкахъ въ пользу христіанскаго населенія турецкой Арменіи. Съ самаго начала дѣло было такъ поставлено дипломатіею, что о серьезномъ успѣхѣ не могло быть и рѣчи. Турецкому правительству, свойства котораго извѣстны всему міру, предлагалось произвести коренныя улучшенія въ администраціи армянскихъ округовъ, и вдобавокъ высшій надзоръ за исполненіемъ и пригнѣніемъ реформъ поручается турецкому сановнику, оберъ-комиссару, кандидатура котораго должна быть впрочемъ предварительно одобрена великими державами. Меморандумъ требовалъ также амнистіи для всѣхъ арестованныхъ или преслѣдуемыхъ армянъ, „кромя тѣхъ, которые осуждены за общія преступленія“,—далѣе, осмотра тюремъ особыми комиссіями при участіи христіанъ, скорого разсмотрѣнія и окончанія всѣхъ уголовныхъ процессовъ такими же комиссіями въ Константинополѣ, старательнаго выбора губернаторовъ или „вали“ и т. п. Разумѣется, Порта могла обѣщать произвести по собственной волѣ еще болѣе радикальныя улучшенія, подъ условіемъ отсутствія прямого вмѣшательства Европы въ великодушныя намѣренія султана; Порта ссылалась также на необходимость уважать права и авторитетъ турецкаго самовластнаго монарха во внутреннихъ дѣлахъ имперіи, а на этой почвѣ турецкая дипломатія много разъ одерживала побѣду надъ домогательствами иностранныхъ кабинетовъ. Можно опасаться, что и теперь дѣло окончится ничѣмъ, и судьба турецкихъ армянъ не измѣнится, пока они останутся подъ властью турокъ.

СОЦИАЛЬНО-ЕВАНГЕЛИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ЭРФУРТѢ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

I.

Въ числу новыхъ и интересныхъ фактовъ въ общественной жизни Германіи принадлежитъ появленіе протестантскаго духовенства на аренѣ соціальной борьбы. Католицизмъ во всѣхъ странахъ давно уже принимаетъ активное участіе въ движеніи рабочаго класса, тогда какъ лютеранская церковь не выходила изъ роли спокойнаго зрителя. Имена майнцакаго епископа Кеттелера, Муфанга, Гертлинга, Гитце—напоминаютъ о выдающихся католическихъ дѣятеляхъ въ соціальной политикѣ Германіи; изъ нихъ одни составили себѣ извѣстность литературными трудами, другіе — организаціей рабочихъ союзовъ и филантропическихъ учреждений, третьи — упорной защитой интересовъ труда въ парламентѣ. Католическій „Geseller-Jungling“ и „Arbeitervereine“ насчитываютъ сотни тысячъ членовъ; въ Кельнѣ, Майнцѣ, Мюнхенѣ существуютъ учрежденія подѣ патронажемъ церкви, имѣющія задачей доставленіе работы и подачу совѣта всякому рабочему; въ Вестфалии и на Рейнѣ встрѣчаются хорошо организованныя потребительныя общества и ссудныя кассы, завѣдываніе которыми находится въ рукахъ патеровъ. На періодическихъ съѣздахъ католическихъ политиковъ вопросы, касающіеся положенія труда, занимаютъ всегда видное мѣсто. Католицизмъ рано понялъ, что отношеніемъ къ экономическимъ нуждамъ народной массы опредѣляется и вліяніе на ея религіозное и умственное настроеніе.

Нельзя отрицать, что и среди протестантовъ попадались просвѣщенные и дальновзоркіе люди, во-время предупреждавшіе, что роль пастора не въ томъ, чтобы „ѣсть съ богатыми и проповѣдовать смиреніе бѣднымъ“. До конца 70-хъ годовъ это были, однако, рѣдкія исключенія. Движеніе среди протестантскаго духовенства началось лишь послѣ появленія книги пастора Р. Тодта ¹⁾ и въ связи съ агитаціей Штекера. Пасторъ Тодтъ попытался связать лютеранскій pietismus съ идеями государственнаго социализма, вычитанными имъ у Родбертуса, въ то время пріобрѣвшаго поклонниковъ въ консерватив-

¹⁾ Der radicale deutsche Socialismus und die christliche Gesellschaft (1877).

ныхъ кругахъ. Штеверъ взялся переложить тѣ же идеи на практику организаціей лютеранскаго союза. Основанная имъ въ 1878 г. христіанско-соціальная партія задавалась цѣлью „возстановить свѣтскій характеръ христіанства, укрѣпить трудящихся въ борьбѣ за существованіе, пробудить совѣсть имущихъ“. Въ дѣйствительности „christlich-soziale Partei“ выдвинула, однако, на первое мѣсто борьбу противъ свободомыслящихъ идей въ церкви и государствѣ, религіозную нетерпимость и расовую вражду; первая попытка свѣтской дѣятельности лютеранства вслѣдствіе этого встрѣчена была враждебно не только въ кругахъ, далекихъ отъ церкви, но и въ лучшей части протестантскаго духовенства. Вслѣдствіе изданіе Штевера превратилось въ такъ называемое „берлинское движеніе“, т.-е. движеніе противъ либерализма и соціально-демократіи, съ узкими реакціонными задачами на политическихъ выборахъ. Несмотря на поддержку правительства Бисмарка, эта затѣя потерпѣла полное фіаско, и даже въ качествѣ отда антисемитизма Штеверъ непосредственно потерялъ кредитъ у своихъ приверженцевъ, предпославшихъ ему болѣе радикальныхъ и откровенныхъ агитаторовъ.

Послѣ отміны исключительнаго закона противъ соціально-демократіи и въ разгаръ народническихъ симпатій Вильгельма II, кружку лютеранскихъ пасторовъ и свѣтскихъ людей пришла мысль повторить неудачную попытку Штевера, но на болѣе широкихъ началахъ. Зарѣшено было не вносить въ движеніе партійной политики и богословскаго спора, чтобы по возможности объединить всѣ элементы лютеранства. Выработанная программа заявляла, что новая евангелическая группа задается цѣлью „безъ предвзятыхъ мнѣній изучить соціальныя условія Германіи и мѣрить ихъ нравственнымъ масштабомъ Евангелія“. Для этого члены ея ежегодно собираются на конгрессъ, имѣютъ свое постоянное бюро, которому поручаются изслѣдованія народнаго быта, и предпринимаютъ періодическія изданія для популяризаціи своихъ идей. Стремленіе къ объединенію лютеранства для коллективной дѣятельности въ соціальной политикѣ было такъ сильно, что Штеверъ согласился протянуть руку даже свободомыслящему историку церкви Гарнаку, противъ назначенія котораго въ Берлинъ онъ раньше протестовалъ въ прусской палатѣ. Ортодоксально-пѣтистская группа, очевидно, рассчитывала направить конгрессъ въ своихъ видахъ, но расчеты ея оказались ложными. На сцену явились другіе люди, слышались другія рѣчи.

Съ конца 80-хъ годовъ среди лютеранско-богословской молодежи стало проявляться стремленіе, одинаково далекое какъ отъ сытаго вѣтизма пастора стараго типа, такъ и отъ нетерпимаго пѣтизма Штевера, представляющаго смѣсь ортодоксальнаго лютеранства и по-

литической реакціи съ демагогіей. Студентъ теологіи, будущій нѣмецкій пасторъ, воспитывается, какъ извѣстно, въ университетѣ въ тѣсномъ общеніи съ товарищами другихъ факультетовъ; никакіе свѣтскіе интересы ему не чужды, такъ что измѣненіе въ настроеніи всей молодежи отражается и на фигурѣ молодого богослова. Когда большинство нѣмецкаго студенчества увлекалось шовинизмомъ, студенты-теологи увлекались Бисмаркомъ и Штекеромъ. Когда настроеніе стало измѣняться,—а въ послѣдніе годы въ нѣмецкихъ университетахъ замѣчается струя новыхъ идей,—богословы уже пошатнулись въ своихъ политическихъ и религіозныхъ симпатіяхъ. Молодые пасторы, когда-то восхищавшіеся пламенными рѣчами Штекера, стали присматриваться къ окружающимъ условіямъ и приходили въ тупикъ: имъ раньше говорили, что либерализмъ и социаль-демократія—величайшіе враги народа, а между тѣмъ въ деревнѣ, гдѣ имъ преимущественно приходилось дѣйствовать, либераловъ и социаль-демократовъ почти нѣтъ, антагонизмъ же интересовъ точно такъ же силенъ, какъ и въ городѣ. Консервативный „юнкеръ“, тоже поклонникъ Штекера и его политической единомышленникъ, оказывался не меньшимъ эксплуататоромъ, чѣмъ еврейскій банкиръ и либеральный фабрикантъ.

Одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ представителей честной, добросовѣстно вникающей въ окружающія условія молодежи, смотрящій на свое пастырское призваніе какъ на служеніе народу, это нинѣшній городской пасторъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, Пауль Гере. Книга его о „Drei Monate Fabrikarbeiter“, вышедшая въ 1891 г., произвела сенсацію не только новизною и оригинальностью поступка (интеллигентный нѣмецъ, рѣшающійся поступить на фабрику простымъ рабочимъ, въ Германіи диковинка), но и смѣлостью наблюденій, откровенностью замѣчаній. Гере на собственномъ опытѣ убѣдился, какъ подъ вліяніемъ экономическихъ условій измѣняется отношеніе массъ къ традиціонной морали, религіи, отечеству. Явившись на фабрику съ запасомъ нравственныхъ сентенцій и патріотическихъ чувствъ, Гере сначала ужаснулся, услышавъ, съ какою ненавистью рабочіе, напр., говорятъ о Бисмаркѣ, или замѣтивъ, какъ далеки отъ патріархальнаго строя отношенія между супругами и между родителями и дѣтьми. Вдумавшись въ причины новыхъ для него явленій, молодой пасторъ пришелъ, однако, къ убѣжденію, что иначе при настоящихъ условіяхъ и быть не могло; проживъ три мѣсяца среди рабочихъ, захаживая въ ихъ квартиры, сидя за ихъ столомъ, Гере сталъ удивляться не тому, что они не соответствуютъ его богословской морали, а тому, что при тяжелыхъ условіяхъ встрѣчается еще столько взаимной любви, самопожертвованія.—„Какъ,—спрашиваетъ онъ,—

имѣ потомъ проповѣдовать этимъ людямъ семейную мораль, основывающуюся на базисѣ патриархальной семьи, если семья теперь—трудовая ассоціація, если она вынуждена эксплуатировать силы даже дѣтей, а жена проводитъ свой день не у очага, а бокъ-о-бокъ съ чужими фабричными? Что имѣ дало объединенное отечество, за что имѣ любить великаго Бисмарка, если они отъ него имѣютъ только исключительный законъ? И кто, кромѣ социалистическаго агитатора, принесъ имѣ свѣтъ, сочувствіе, надежду на лучшее будущее“?

Настолько же, какъ отдѣльныя замѣчанія и наблюденія, интересны общіе выводы, къ которымъ пришелъ нашъ протестантскій теологъ. Онъ сводитъ свои заключенія къ двумъ основнымъ положеніямъ. Во-первыхъ,—говоритъ онъ,—рабочій вопросъ—вовсе не только вопросъ о лучшемъ матеріальномъ положеніи и высшей заработной платѣ—*die Arbeiterfrage ist keine blosse Magen- und Lohnfrage*. То, что побуждаетъ легионы рабочихъ примыкать къ массовой борьбѣ, что ставить во главѣ движенія экономически болѣе привилегированныхъ работниковъ и нравственно и умственно лучшихъ людей,—это стремленіе ихъ стать свободными личностями, а не руками, вѣра въ возможность болѣе справедливой организаціи народнаго хозяйства, жажда къ знанію и образованію, потребность понять и разрѣшить глубочайшія проблемы человечества. Во-вторыхъ, Гере считаетъ своимъ долгомъ громко заявить, что „движеніе германскихъ рабочихъ имѣетъ своимъ выраженіемъ и своей представительницей—соціально-демократію; теперь, и насколько можно предвидѣть, и въ далекомъ еще будущемъ оба останутся тѣсно связанными другъ съ другомъ“... „Соціально-демократія,—продолжаетъ нѣмецкій теологъ,—это само рабочее движеніе, и безуміе думать, какъ дѣлаютъ еще многіе, что возможно уничтожить или искоренить ее. Ошибка творца исключительнаго закона, какъ и отца христіанско-соціального движенія, состояла въ томъ, что за немногими вождями—они не разглядѣли сотенъ тысячъ рабочихъ. Послѣ зрѣлаго размышленія я прихожу къ заключенію, что въ будущемъ соціально-демократія еще будетъ расти, и что она распространится среди крестьянъ, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ крупная поземельная собственность. Ни свободомыслящіе „Gewerkevereine“, ни протестантскіе „Arbeitervereine“ не остановятъ того, что стало исторической необходимостью. Соціально-демократіи нельзя уничтожить, и это даже не желательно: желательно то, что возможно, а возможно и необходимо воспитать, облагородить и освятить соціально-демократію“.

Гере нашелъ друзей и союзниковъ какъ среди молодыхъ теологовъ, такъ и въ кругу свѣтской молодежи, доцентовъ политической экономіи, юристовъ, врачей. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ швабъ Цель-

нерь, внукъ знаменитаго пристра, перешли въ социаль-демократію и пытаются доказать, что можно быть членомъ этой партіи, оставаясь вѣрующимъ христіаниномъ. Другіе стремятся къ идеалу чистаго христіанства, оставаясь на почвѣ господствующихъ общественныхъ отношеній и будя совѣсть правящихъ классовъ.

Крупный источникъ, изъ котораго въ особенности притекаетъ болѣе пытливая протестантская молодежь, это—англійскій христіанскій социализмъ Мориса, Лудлова и ихъ учениковъ, вплоть до новѣйшихъ университетскихъ социаль-политическихъ практиковъ и другихъ, именующихъ себя или социалистами, или христіанами и этиками. Нужно удивляться, что вліяніе англійскаго христіанскаго социализма сказалось такъ поздно, хотя уже въ 50-хъ гг. Губеръ, самъ близко примыкавшій къ этому направленію, познакомилъ съ нимъ нѣмецкую публику въ своихъ письмахъ изъ Англійи. Если не ошибаюсь, и романы Кингслея уже тогда нашли нѣмецкаго переводчика, но ихъ не читали такъ жадно, какъ теперь. Въ протестантскихъ теологическихъ кругахъ христіанскій социализмъ англиканской церкви узнали ближе только въ 80-хъ годахъ, по очень хорошо и популярно написанной книжкѣ Брентано ¹⁾, преувеличивавшей, правда, размѣры англійскаго движенія. Тѣми же чертами отличается написанная въ духѣ Брентано двухтомная книга его ученика Шульца-Геверница: „Zum Socialen Frieden“, нашедшая много почитателей въ средѣ молодежи и духовенства. Смѣсь радикализма съ идеями христіанскаго милосердія и социальной справедливости больше прельщаетъ сердце молодежи, чѣмъ сухая формула національ-социализма; теологу, сдѣлавшему шагъ впередъ отъ узкой догмы, понятіе страстная, больше рассчитанная на чувство, чѣмъ на умъ, философія исторіи Карлейля, чѣмъ матеріалистическая философія Маркса.

Прислушиваясь къ рѣчамъ на конгрессахъ и читая брошюры социаль-евангелическихъ пасторовъ, вы легко замѣтите, что повторяются не только англійскія идеи, но и выраженія. Одно изъ основныхъ положеній Мориса таково: общественный порядокъ и идеаль христіанства не должны быть въ противорѣчій,—наоборотъ, государственный и общественный строй должны быть выраженіемъ христіанскаго ученія объ отношеніяхъ между людьми. Эту же мысль въ разныхъ вариантахъ вы встрѣтите и у нѣмецкихъ социаль-евангелистовъ. Какъ и ихъ англійскіе образцы, они не боятся слова „социализмъ“, пожалуй даже пародируютъ имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выставляемыя требованія отнюдь не социалистичны. Другая общая черта нѣмцевъ и англичанъ—смѣлость въ проповѣди богатыми объ ихъ обязанно-

¹⁾ Lutz Brentano, Die christlichsoziale Bewegung in England. Leipzig 1888.

стяхъ. Книжечка пастора Наумана: „Sociale Briefe an reiche Leute“, вышедшая въ нынѣшнемъ году (сборникъ статей изъ „Zukunft“) — наиболѣе смѣлое и рѣшительное, что нѣмецкій пасторъ когда-либо говорилъ зажиточному обществу.

Передовые элементы протестантизма на первыхъ порахъ держались еще оппортунистской политики и не порывали связи съ стариками. На конгрессахъ, почетнымъ предсѣдателемъ которыхъ былъ Ад. Вагнеръ и которые открывались молитвой Штекера, Гере выступалъ непремѣннымъ секретаремъ. Съ каждымъ годомъ становилось, однако, очевидно, что связь только временная, поддерживаемая такъ же искусственно, какъ сотрудничество Штекера и Гарнака. Яблокомъ раздора, наконецъ, оказался аграрный вопросъ, и это тоже очень характерно, т.-е. тутъ наглядно обнаружилось, чьи интересы преслѣдовала каждая группа.

Уже появленіе въ изданіи конгресса „Evangelisch-soziale Zeitfragen“, редактируемомъ проф. Ваунгартеномъ, брошюры пастора Квисторна: „Вопросъ о сельскихъ рабочихъ“, вызвала протесты въ консервативно-ортодоксальной печати. Квисторнъ напомнилъ пасторамъ, что народъ не даромъ о нихъ говорить: „пасторъ ѣсть съ богатыми и проповѣдуетъ бѣднымъ“... Мы живемъ,—говорилъ онъ,—среди сельскаго народа, видимъ его жалкую участь и молчимъ. Это ли точное исполненіе пастырской миссіи? Въ деревняхъ условія очень часто не лучше, а хуже, чѣмъ среди городского пролетаріата. Особенно тяжела жизнь батраковъ въ латифундіяхъ восточныхъ прусскихъ провинцій, гдѣ значительная часть рабочихъ—безземельные крестьяне. Патриархальныя отношенія распались, сознаніе обязанности исчезло у землевладѣльцевъ, и отношенія между хозяиномъ и работникомъ точно также основываются на формальномъ договорѣ найма, какъ между фабрикантомъ и фабричными. „Стоила для скота,—между прочимъ замѣтилъ Квисторнъ,—по большей части лучше, чѣмъ жилища сельскихъ рабочихъ, и землевладѣльцы находятъ, что это въ порядкѣ вещей“.

„Юнкера“ прокричали Квисторна утопистомъ и не понимали, какъ ихъ другъ и политическій единомышленникъ Штекеръ можетъ связываться съ такими демагогами. Дальше пошло, однако, еще хуже. Максу Веберу и Гере удалось получить отъ конгресса разрѣшеніе на изслѣдованіе положенія сельскихъ рабочихъ. Оно велось параллельно съ изслѣдованіемъ „Verein fur Socialpolitik“, при содѣйствіи сельскаго духовенства. Отвѣты были обработаны, сведены въ систематическій порядокъ, и на прошлагоднемъ съѣздѣ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ Гере и Веберъ въ обстоятельныхъ докладахъ сообщили квинтэссенцію всего изслѣдованія. Выводы сводились къ тому, что вопросъ

о сельскихъ работахъ есть вопросъ о существованіи миллионѣвъ людей, которыхъ условія землевладѣнія гонятъ съ земли, насиженой предками. Гере прямо сказалъ: „виноваты условія крупнаго землевладѣнія и ихъ личные представители—„юнкеры“. Деревенская масса и рабочіе всякихъ именованій покидаютъ земли не изъ стремленія къ развлеченіямъ городской жизни, какъ увѣряютъ землевладѣльцы, а потому, что они умираютъ съ голоду и не въ состояніи выносить участи раба“... „Юнкерство,—таковъ былъ выводъ Гере,—потеряло право на существованіе; замѣна его здоровымъ, работающимъ крестьянствомъ необходима какъ въ государственныхъ интересахъ, такъ и въ силу тѣхъ нравственно-религіозныхъ принциповъ, которые мы, патеры, проповѣдуемъ съ церковной кафедрѣ“. Проф. Веберъ былъ нѣсколько осторожнѣе въ выводахъ, но и онъ долженъ былъ заключить, что сохраненіе нынѣшняго строя возможно лишь при замѣнѣ большинства землевладѣльческихъ хозяйствъ крестьянскими. „Юнкерство—падающая сила, на которой разумная социальная политика не будетъ основывать благополучія страны“... „Гдѣ мы?—спрашивалъ, послѣ рѣчей Гере и Вебера, предсѣдатель конгресса Ноббе:—среди либераловъ или социаль-демократовъ“? Люди середины и компромисса, какъ Ад. Вагнеръ, постарались его успокоить, но въ консервативныхъ и ортодоксальныхъ органахъ, какъ „Kreuzzeitung“ и „Reichsbote“, раздался сейчасъ же послѣ конгресса призывъ къ благомыслящимъ пасторамъ: порвать всякія отношенія съ радикальными элементами, только губящими отечество и евангелическую церковь. Реакціонеры и піетисты такъ тѣсно связаны съ интересами прусскаго „юнкерства“, что съ ихъ стороны дѣйствительно было бы безуміемъ идти съ людьми, которые считаютъ „юнкера“ такимъ же эксплуататоромъ, какъ банкира... Радикальные элементы не оставались въ долгу. Изъ ихъ среды въ послѣдніе мѣсяцы особенно выдался названный уже мною пасторъ Науманъ, издающій теперь журналъ „Die Hilfe“. Влестящій ораторъ, неустрашимый и безукоризненно честный человѣкъ, онъ выступилъ устно и печатно противникомъ реакціи, современнымъ человекомъ, борющимся за поднятіе массы, за ея просвѣщеніе и улучшеніе ея матеріальнаго быта. По своимъ социаль-политическимъ убѣжденіямъ онъ близко подходитъ къ гражданской демократіи, какъ она представлена, напр., въ южно-германской „Volkspartei“. Науманъ надѣется найти соприкосновеніе съ правымъ крыломъ социаль-демократіи, т. е. съ Фольмаромъ и баварцами; по крайней мѣрѣ, онъ, къ ужасу старыхъ пасторовъ, открыто высказалъ свои симпатіи вождю баварскихъ рабочихъ.

При такихъ условіяхъ социаль-евангелическій конгрессъ въ нынѣшнемъ году или вовсе не состоялся бы, или повелъ бы къ окончатель-

ному отпаденію молодыхъ, еслибъ не нашелся примиритель умовъ и сердець въ лицѣ заводчика фонъ-Штумма. Онъ отличился нападками въ рейхстагѣ на всѣхъ „покровителей и пособниковъ социаль-демократіи“. Къ этой категоріи феодаль-фабрикантъ причислялъ университетскихъ профессоровъ, какъ Ад. Вагнера и Шмоллера, евангелическіе рабочіе союзы въ Вестфалии, на знамени которыхъ стоитъ вѣрность церкви и монархіи, причислялъ наконецъ и весь евангелическій конгрессъ. Нападки Штумма и вызовъ, посланный имъ Ад. Вагнеру, вызвали много толковъ въ Германіи и въ особенности въ кружкахъ, примыкающихъ къ социаль-но-евангелическому направленію. Молодые и старые употребили всѣ усилія, чтобы конгрессъ состоялся, такъ какъ нападки Штумма обнаружили, что есть общіе враги, сильныя своимъ вліяніемъ на законодательство, противъ которыхъ слѣдуетъ бороться соединенными силами.

Конгрессъ состоялся съ 4 по 6 іюня (нов. ст.) въ Эрфуртѣ, при чрезвычайно многочисленномъ стеченіи членовъ и публики. Мы коротко напомнимъ содержаніе рефератовъ и преній, чтобы такимъ образомъ дать возможность судить о характерѣ и приѣмахъ новаго евангелическаго движенія, въ свою очередь составляющаго интересный симптомъ кризиса въ общественной жизни Германіи.

Три темы поставлены были въ этомъ году на обсужденіе конгресса: социальныя обязанности государства въ качествѣ предпринимателя, современное естествознаніе по отношенію къ социальнымъ движеніямъ и, наконецъ, вопросъ о положеніи женщины. Первая тема — наименѣе острая, меньше всего дающая поводъ къ противорѣчію между старыми и молодыми. Мы уже не въ первый разъ употребляемъ здѣсь это выраженіе, игравшее роль на социаль-демократическихъ конгрессахъ въ Галле, Эрфуртѣ и Берлинѣ, когда горсть полу-анархистовъ и полуневѣждъ присвоила себѣ названіе „молодыхъ“, въ противоположность старикамъ-постепеновцамъ, которые руководятъ рабочей партией. Съ такими „молодыми“ Гере или Нейманъ имѣютъ такъ же мало общаго, какъ Штеверъ съ Бебелемъ. По образованію и значенію, роли молодыхъ и старыхъ у социаль-демократовъ и лютеранскихъ социаль-политиковъ прямо обратны. Чтò бы мы ни думали о социаль-но-евангелической молодежи, но безспорно, что она несравненно искреннѣе въ своихъ стремленіяхъ и честнѣе въ борьбѣ, чѣмъ ея предшественники въ „Christlichsoziale Partei“. Выраженіе „молодые и старые“, однако, такъ часто повторяется въ политикѣ между обѣими группами, что оно уже приобрѣло себѣ право гражданства; оно и не отвергнуто молодежью.

Референтъ по вопросу о социальныхъ обязанностяхъ государства не пасторъ и стоитъ въ сторонѣ отъ борьбы партій. Это Geheimrath Массовъ, бывший чиновникъ, служившій, если не ошибаемся, по тюремному вѣдомству и составившій себѣ имя вышедшей въ прошломъ году книгой объ обязанностяхъ интеллигентнаго общества въ виду социального кризиса. Теперь онъ—предсѣдатель рабочихъ колоній, которыя имѣють цѣлью дать пріютъ и работу отбывшимъ наказание, сбившимся съ пути и безпріютнымъ, и насчитываютъ болѣе 10.000 колонистовъ. „Государство,—замѣтилъ референтъ,—самый крупный предприниматель въ качествѣ хозяина желѣзныхъ дорогъ, почтъ, рудниковъ, заводовъ, имѣній. Какъ оно сознаетъ свои обязанности предъ сотнями тысячъ людей, непосредственно ему служащихъ? Въ прежнее время о пониманіи социальныхъ задачъ со стороны фиска не было рѣчи; казна, наоборотъ, часто оказывалась самымъ скупымъ и безжалостнымъ хозяиномъ. Теперь замѣчается поворотъ къ лучшему. Въ каменноугольномъ районѣ воздвигаются жилища для рабочихъ; старымъ рудокопамъ выдаютъ преміи на пріобрѣтеніе собственнаго дома, а въ самое послѣднее время три прусскихъ министра даже провели въ палатѣ 5-милліонный кредитъ на улучшеніе квартирныхъ условій служащихъ и рабочихъ въ ихъ вѣдомствахъ. Какъ ни симпатичны эти начинанія, но они только первые робкіе шаги, а пока дѣйствительность на казенной службѣ далеко еще не соответствуетъ идеалу „социального королевства“. Недостаточно позаботиться о лучшихъ жилищахъ: нужно дать казенному рабочему возможность сносно жить, предоставивъ ему добросовѣстную плату, сокративъ его трудъ, создавъ учрежденія, въ которыхъ онъ можетъ отдохнуть и развлечься... Государство часто забываетъ, что люди, состоящіе работниками въ его предпріятіяхъ—граждане, сыновья отечества, драгоцѣннѣйшій капиталъ всякой страны, на воспитаніе которыхъ затрачено не мало средствъ и усилій. Возможно ли допустить, чтобы, работая на государство, они не имѣли приличнаго человѣческаго существованія, безъ котораго рабочіе опускаются физически и умственно. Это ли—справедливая доля народа въ странѣ съ всеобщей грамотностью!“

Въ связи съ положеніемъ рабочихъ казенныхъ предпріятій, референтъ обсуждаетъ и программу мѣръ для борьбы съ безработицей. Нельзя отрицать, что часть рабочихъ периодически безъ своей вины не находятъ занятій. Въ такомъ случаѣ они становятся или пенсіонерами общества призрѣнія, или попадаютъ въ тюрьму, эту, въ сущности, главную „станцію всякаго безработнаго, гдѣ онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи теплый уголь, здоровую пищу, домашняго врача и пастора“. Нынѣшнія рабочія колоніи преимущественно рассчитаны на людей, которыхъ нужно пріучить къ труду; $\frac{2}{3}$ колонисты

ство—вскормленники тюрьмъ, бродяги, алкоголики. Въ такія общества честный работникъ, у котораго временно нѣтъ занятій, пойдетъ только въ самой крайности. Государство, ставящее своей задачей поднятіе цѣлаго сословія, должно принять мѣры къ тому, чтобы безработный всегда находилъ кусокъ хлѣба и пріютъ, расплачиваясь за нихъ трудомъ. Референтъ не рѣшается требовать „права на трудъ“, но горячо рекомендуетъ организацію сѣти станцій по всей странѣ, въ которыхъ всякій находилъ бы пріютъ и пищу. Для этого, конечно, нужна поддержка изъ бюджетныхъ средствъ, потому что задача слишкомъ велика, чтобы ее можно было осуществить на частныхъ пожертвованіяхъ съ незначительной общественной субсидіей, какъ въ рабочихъ колоніяхъ.

Ад. Вагнеръ, принявшій участіе въ дебатахъ, обращаетъ вниманіе на удачныя попытки страхованія отъ безработицы, предпринятыя въ прошломъ и нынѣшнемъ году въ Цюрихѣ, въ С.-Галленѣ и нѣкоторыхъ другихъ швейцарскихъ кантонахъ. Право на трудъ до тѣхъ поръ остается утопичнымъ требованіемъ, пока нѣтъ средствъ предоставить каждому возможность индивидуальнаго приложенія рукъ и силъ. Страхуваніе же, какъ одинъ изъ способовъ предусмотрительности, даетъ въ руки средство для занятія безработныхъ, при двухъ условіяхъ однако: страхуваніе должно быть всеобщимъ, а слѣдовательно обязательнымъ, и общественныя работы должны быть значительно увеличены противъ нынѣшняго размѣра. Ад. Вагнеръ не можетъ упустить случая бросить упрекъ парламентамъ въ излишней бережливости: урѣзывая постепенно статьи бюджета, отказывая правительству въ новыхъ налогахъ, — парламенты, будто, поступаютъ *durch und durch unlogisch*, потому что вынуждаютъ казну дѣлать сбереженія на жалованьяхъ и заработкахъ. Какъ будто рейхстагъ отказывалъ правительству въ производительныхъ расходахъ, или такихъ налоговъ, которые вызываются культурными потребностями. Конфликты, возникавшіе между рейхстагомъ и правительствомъ изъ-за налоговъ бюджета, почти всегда происходили на почвѣ военнаго бюджета, и здѣсь парламентъ только не забывалъ, что непродовольственные расходы и новые налоги ложатся тяжелымъ бременемъ на ту же массу рабочаго населенія.

Судья Кулеманъ, пасторъ Леманъ и другіе члены конгресса коснулись соціальной политики мѣстнаго самоуправленія въ вопросѣ о безработныхъ, начало которой положено было устройствомъ въ Штутгартѣ, Вюрцбургѣ, Майнцѣ и еще нѣсколькихъ городахъ бюро для посредничества при наймѣ на работы, въ качествѣ отдѣленія или комиссіи городской управы. Плодотворная функція посредническихъ бюро, однако, возможна только при существованіи рабочихъ союзовъ,

ведущихъ статистику труда и регулирующихъ спросъ и предложеніе. Въ преніяхъ обращено было также вниманіе на тюремныя работы, часто составляющія тяжелую конкуренцію для вольныхъ ремесленниковъ работы. Кулеманъ предлагалъ, чтобы въ тюрьмахъ исполнялись всѣ работы военнаго вѣдомства, теперь совершающіяся въ военныхъ мастерскихъ солдатами, которымъ мѣсто только въ строю. Въ заключеніе преній принята была резолюція, въ которой сказано, что, по убѣжденію конгресса, государство должно быть примѣромъ частной промышленности по внимательному отношенію къ интересамъ рабочихъ. Приняты и тезисы Массова, касающіеся борьбы съ безработицей.

Несравненно шире тема второго реферата: современное естествознаніе и социальное движеніе нашего времени. Докладчикомъ выступилъ цюрихскій профессоръ Фурреръ. Основные его тезисы слѣдующіе: законы развитія жизни охватываютъ не только внѣшнюю природу, но и жизнь человѣческаго общества, а форма вліянія законовъ модифицируется въ высшихъ кругахъ жизни, благодаря участію факторовъ, еще незамѣтныхъ на низшихъ ступеняхъ развитія. Специфическая особенность человѣчества—этический элементъ. Безспорно, что въ низшей культурѣ онъ мало замѣтенъ и несравненно болѣе сильнымъ двигателемъ развитія движенія впередъ тамъ еще состоитъ нужда, элементарная борьба, въ которой слабые недѣлимые и народы становятся жертвами сильныхъ. Участіе идеальныхъ факторовъ, смягчающихъ борьбу, выражается въ возникновеніи религій. Съ достиженіемъ высшихъ степеней культуры, религія—не единственный идеальный моментъ: справедливость, любовь становятся двигателями развитія; но и справедливость или любовь понятны массамъ только въ конкретной, личной формѣ, какъ она наиболѣе ярко и выражена въ христіанствѣ. Еслибы идеальные факторы не смягчали суровой борьбы, то вся работа человѣчества оказалась бы лишь на пользу немногихъ. Нѣсколько сотъ феодаловъ и заводчиковъ сосредоточили бы въ своихъ рукахъ всѣ богатства міра, и это было бы нормальнымъ итогомъ развитія. Исходя изъ предположенія, что социаль-демократія отрицаетъ за нравственными элементами какое-либо участіе въ развитіи, референтъ не понимаетъ, откуда, въ такомъ случаѣ, явится толчокъ къ экспроприаціи экспроприаторовъ? Мы не можемъ здѣсь входить въ критику идей реферата, слабые пункты котораго бросаются, впрочемъ, въ глаза. Скажемъ только, что его практическій выводъ такой: опыты естествознанія не противорѣчатъ ученіямъ исторіи; но историческій матеріализмъ не можетъ опереться на законы жизни, такъ какъ послѣдніе не однородны и не исключаютъ участія этическихъ элементовъ.

Какъ ни симпатичны такія положенія церковнымъ социаль-политикамъ, но богословъ въ нихъ находитъ слишкомъ мало „гармоніи“, — какъ выразился Штекеръ, — „съ догмой о созданіи міра“. Другой теологъ, проф. Кауфманъ, замѣчаетъ, что новѣйшее направленіе дарвинизма противъ социализма очень цѣнно, но оно само вводитъ въ соблазнъ, такъ какъ координируетъ этические и матеріалистическіе законы развитія, тогда какъ теологъ не можетъ признать другихъ, кромѣ вѣчныхъ и неизбѣжныхъ нравственныхъ законовъ. Дарвинизмъ, какъ оружіе противъ социализма, находитъ защитника въ молодомъ экономистѣ Шульце-Гёверницѣ, указывающемъ на то, что современное естествознаніе разрушило нѣкоторыя основныя послылки социализма: послѣдній исходитъ изъ предположенія о первоначальномъ равенствѣ людей, тогда какъ точныя изслѣдованія обнаруживаютъ разнообразіе индивидуумовъ на самыхъ отдаленныхъ стадіяхъ чело-вѣчества; превращеніе борьбы за существованіе, которое сулитъ социализмъ, съ точки зрѣнія натуралиста означаетъ начало дегенераціи чело-вѣчества; точно также находитъ опору въ естествознаніи и мо-ногамія.

Съ характеризующей его искренностью и честностью приемовъ, пасторъ Науманъ высказался, что едва ли можно такъ легко опровергать столь крупное ученіе, какъ социализмъ. „Совершенно вѣрно, — замѣтилъ онъ, — что прежде можно было говорить: социализмъ Маркса — послѣдовательное выраженіе дарвинизма въ экономіи. Кто внима-тельно слѣдилъ, однако, за новѣйшей социалистической литературой, тотъ замѣтилъ, что это уже становится *überwundener Standpunkt*“. Каутскій и весь кружокъ сотрудниковъ „*Neue Zeit*“ полемизируютъ противъ смѣшенія чуждыхъ сферъ, справедливо указывая, что эконо-мическія положенія вытекаютъ изъ изученія *своей*, т. е. ближайшей хозяйственной сферы, и что нѣтъ надобности въ полномъ совпаденіи законовъ природы и чело-вѣческаго общества. Науманъ надѣется, что это — начало разрыва съ матеріалистической философій исторіи, ко-торая воздвигаетъ стѣну между социаль-демократіей и христіанскими социалистами. Что касается отношенія массы народа къ вѣрѣ, то без-спорно, что, благодаря распространенію социаль-демократическихъ идей, вѣра поколеблена и въ лучшихъ кругахъ рабочихъ замѣнена популярными естественно-научными положеніями. „Кто, какъ я, — при-бавляетъ франкфуртскій пасторъ, — глубоко вѣрить, что христіанство можетъ устоять предъ критикой, тому не страшно пробужденіе массъ. Служитель церкви долженъ только знать, что на вѣру его слова, его проповѣди больше не принимаютъ. Докажите съ каеэдръ и въ народныхъ собраніяхъ, что религія не противорѣчитъ наукѣ, и что не заглохло еще нравственное содержаніе ученія, великаго прежде

всего по своей нравственной чистотѣ потому, что оно — олицетвореніе этическихъ требованій“.

Наиболѣе выдающимся пунктомъ нынѣшняго съѣзда былъ, однако, рефератъ г-жи Гнауекъ-Кюне: „Die sociale Lage der Frauen“. Уже самое появленіе женщины въ качествѣ референта на каедрѣ евангелическаго конгресса предъ аудиторіей въ 1.000 человекъ, главный элементъ которой — пасторы, составляетъ знаменательный фактъ. „За все время существованія протестантизма,—замѣтилъ извѣстный проф. Гарнакъ,—не было еще примѣра активнаго участія женщины въ церковно-политическихъ дѣлахъ. Между тѣмъ, кто изучалъ первыя времена христіанства, знаетъ, что его носителями и проповѣдниками были женщины высшихъ и мужчины низшихъ классовъ. Какъ историкъ церкви, христіанинъ и человекъ, Гарнакъ можетъ только „глубоко радоваться появленію женщины на аренѣ христіанско-соціальной борьбы, отъ котораго человечество много выиграетъ“. Не всѣ протестантскіе богословы разсуждаютъ подобно Гарнаку. Профессоръ Натуліусъ даже отказался отъ участія на конгрессѣ, чтобы не видѣть соблазна. Судья фонъ-Эрценъ хотя и согласился, но до конгресса протестовалъ противъ самовольнаго поступка бюро, допустившаго женщину въ качествѣ референта; послѣ реферата тотъ же судья счелъ своимъ долгомъ заявить, что женщина его переубѣдила.

Замѣчательнѣе еще, что самъ конгрессъ сталъ на точку зрѣнія г-жи Гнауекъ. Мысли ея не блещутъ оригинальностью, но она хорошо выразила, съ нѣкоторыми оговорками и уступками, въ которыхъ легко замѣтить желаніе устранить предрасудки,—идея, до сихъ поръ встрѣчавшія сочувствіе въ передовой части нѣмецкаго общества. Чтѣ еще пріятно поражаетъ въ рефератѣ, это удачная комбинація двухъ сторонъ женскаго вопроса, по особымъ соціальнымъ условіямъ идущихъ не только параллельно, но подчасъ и другъ противъ друга. Женщины интеллигентныхъ и зажиточныхъ круговъ, стремясь къ расширенію области знанія и профессиональныхъ занятій, по большей части забываютъ о существованіи миллионовъ труженицъ, у которыхъ и теперь работы сверхъ силъ; радикальныя же представительницы работницъ, въ свою очередь, напрасно иногда издѣваются надъ Frauenrechtlerinnen, забывая, что не хлѣбомъ единымъ сытъ человекъ. Г-жа Гнауекъ прекрасно понимаетъ, что оба движенія только выиграютъ, если пойдутъ вмѣстѣ. Разсматривая составныя части женскаго вопроса: правовую, экономическую, педагогическую и соціальную,—не трудно замѣтить, что есть точки соприкосновенія между интересами работницы и женщины высшихъ сферъ, хотя бы, напр., въ одинаковомъ ихъ безправіи по отношенію къ мужу и положенію въ законодательствѣ. Демаркаціонная линія исчезаетъ, когда возникаютъ вопросы о материнствѣ или правѣ на политическую дѣятельность.

Женская доля—говорятъ противники стремленія женщины къ самостоятельности—семья, дѣти. Сколько, однако, тысячъ дѣвушекъ не находятъ дѣятельности въ семьѣ? Да и дѣятельность замужней женщины въ нашу фабричную эпоху до такой степени сдузилась, что о семьѣ, какъ о достаточномъ полѣ для приложенія труда, можетъ быть рѣчь только пока дѣти малы. Въ привилегированныхъ классахъ воспитаніе сводится къ дрессировкѣ дѣвушки для замужства, потому что бракъ сталъ формой призрѣнія женщины: „ее воспитывали такъ, что она *должна* выйти замужъ, и въ то же время не такъ, чтобы она *могла* быть разумной матерью, товарищемъ мужа, совѣтницей взрослыхъ дѣтей“. Въмѣсто того, чтобы поднять и обогатить семью, мало развитая женщина понижаетъ уровень ея интересовъ и, ища развлеченія въ пустыхъ забавахъ, предъявляетъ высокія требованія къ труду мужа. Съ этой точки зрѣнія референтъ справедливо замѣтилъ, что женскій вопросъ—тоже мужской вопросъ: „die Frauenfrage ist auch eine Männerfrage“...

И только ли съ этой? Величайшая задача нашего времени, вызвавшая къ жизни и конгрессъ, на которомъ выступила г-жа Гнауку, — вопросъ о богатствѣ и бѣдности, уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе, антагонизма между классами. Въ Германіи болѣе 600.000 женщинъ работаютъ на фабрикахъ, и никому изъ поклонниковъ *holde Weiblichkeit* не приходитъ въ голову, что говорить въ этихъ сферахъ о назначеніи женщины быть женою и матерью—насмѣшка надъ здравымъ смысломъ. По отношенію къ женщинамъ народныхъ массъ женскій вопросъ—вопросъ о смягченіи тяжести труда и возможности присмотрѣть за своимъ домомъ и дѣтьми. Въ этой области разумная социальная политика много выиграла бы отъ участія интеллигентныхъ женщинъ, а зажиточная и интеллигентная женщина нашла бы призваніе, способное дать цѣль въ жизни и уничтожить сознаніе безплодности своего существованія, которое есть величайшая мука для всякаго разумнаго человѣка, къ какому бы полу онъ ни принадлежалъ. Открывая дѣвушкамъ двери университета и доступъ къ интеллигентнымъ профессіямъ, мы открываемъ имъ и двери рабочихъ жилищъ, возможность сотрудничества въ великомъ дѣлѣ облегченія судьбы пролетаріата.

Референтъ выставилъ рядъ тезисовъ, имѣющихъ въ виду ближайшее практическое осуществленіе намѣченной цѣли. Она требуетъ допущенія женщины къ медицинской профессіи и къ высшей педагогической дѣятельности, измѣненія законодательства объ имущественномъ и семейственномъ правѣ, отмены запрещеній участвовать въ политическихъ обществахъ и организоваться въ профессиональные союзы. Женщинамъ должно быть отведено мѣсто и въ фабричной

инспекціи; наблюденіе за фабричными законами, насколько они касаются работницъ, лучше будетъ обезпечено въ рукахъ женщины, понимающей женскія нужды, вызывающей къ себѣ больше довѣрія дѣвушекъ изъ народа. Коснувшись германскаго законодательства, г-жа Гнауэ замѣтила, что какъ ни симпатично постановленіе о максимальномъ рабочемъ днѣ для взрослыхъ работницъ, но при настоящихъ условіяхъ оно недостаточно: 11 часовъ труда слишкомъ много; изъятія изъ закона слишкомъ многочисленны, и весь гуманный смыслъ закона найдетъ осуществленіе лишь въ томъ случаѣ, если ограничено будетъ и рабочее время мужчинъ. Въ Германіи смѣло можно уже требовать, чтобы рабочий день всѣхъ взрослыхъ продолжался не болѣе 10 часовъ. Мы видимъ и на этомъ конкретномъ примѣрѣ, что „die Frauenfrage ist auch eine Männerfrage“.

Бурные аплодисменты огласили залу, когда референтъ закончилъ свой докладъ. По предложенію президента, собраніе поднялось въ честь первой женщины, такъ умно и хорошо выступившей на защиту своихъ сестеръ. Тезисы ея были приняты единогласно, хотя во время преній сказано было многое, что свидѣтельствовало о противорѣчій взглядовъ на цѣль женскаго движенія. Проф. Шмоллеръ, напр., распространялся о дифференцированіи, какъ о законѣ культурнаго развитія, нашедшемъ свое выраженіе и въ размежеваніи областей мужского и женскаго труда. Земледѣліе когда-то вѣдь тоже было женскою профессіей; но чѣмъ сложнѣе и труднѣе стали задачи сельскаго хозяйства, тѣмъ болѣе оно переходило къ мужчинамъ. Различіе между сферами мужской и женской дѣятельности не исключаетъ, однако, сотрудничества, наоборотъ: общій результатъ отъ него можетъ только увеличиться. Шмоллеръ признаетъ, правда, что если въ ближайшее столѣтіе воспитаніе женщины не будетъ поднято на высшую ступень, то придется опасаться за культуру. Извѣстный юристъ Гирке готовъ сдѣлать уступки въ области гражданскаго права, пожалуй, даже расширить профессиональную дѣятельность незамужнихъ и вдовъ, но идеаль его все-таки die holde Weiblichkeit. Экономистъ Пирсторфъ идетъ дальше. Онъ возражаетъ коллегѣ Шмоллеру, что размежеваніе областей можно спокойно предоставить будущему, а въ настоящемъ важнѣе всего дать женщинамъ доступъ къ профессіямъ, въ которыхъ онѣ, безъ сомнѣнія, могутъ сдѣлать много добра себѣ и другимъ. Шмоллеру, какъ этику, не слѣдовало бы разсматривать профессиональную дѣятельность только съ точки зрѣнія раздѣленія труда. Пирсторфъ готовъ былъ бы допустить женщинъ къ политической дѣятельности въ парламентѣ, но при настоящихъ условіяхъ это еще неудобно. Пока пусть мужчины-политики помнятъ, что они призваны защищать не только мужскія, но и женскія права.

Въ связи съ конгрессомъ стоятъ ежегодныя собранія союза евангелическихъ рабочихъ обществъ (*Gesamtverband der evangelischen Arbeitervereine Deutschlands*). Первое рабочее общество на лютеранскихъ началахъ основано было въ 1882 г. рудокопомъ Фишеромъ и народнымъ учителемъ Бишофомъ въ Гельзенкирхенѣ въ Вестфалии. Тенденція учредителей ясно выражена въ нападкахъ Бишофа на прозелитизмъ католическихъ рабочихъ союзовъ, выступающихъ подъ маской филантропіи и народничества, а въ дѣйствительности будто вербующихъ черезъ своихъ каплановъ въ духъ спасенія заблудшихъ лютеранскихъ душъ. Благодаря поддержкѣ со стороны протестантскаго духовенства, протестантовъ-предпринимателей, отчасти даже властей, видѣвшихъ въ новой попыткѣ средство противъ социаль-демократіи, евангелическія общества стали распространяться по всей Вестфалии и Рейну; въ 1885 г. такихъ обществъ было 25, съ 11.700 членами, въ 1887 г.—44, съ 17.000; теперь же число членовъ, по показанію центрального союза, превышаетъ 70.000, и дѣятельность общества не ограничивается уже Вестфаліей и юго-западомъ Германіи, но распространилась на Саксонію, Баденъ, проникла даже въ восточную Пруссію. Чрезвычайно характерно, что саксонское правительство, пользующееся устарѣвшими законами о ферейнахъ, чтобы парализовать всѣ профессионально-рабочія организациі, и преслѣдующее не только социаль-демократическія „*Gewerkschaften*“, но даже и всѣ другія, стоящія на почвѣ существующаго общественнаго порядка „*Gewerkvereine*“, по отношенію къ евангелическимъ обществамъ проявляютъ отеческую снисходительность. „Власти,—заявилъ предсѣдатель центрального союза,—даже даютъ намъ добрыя совѣты, какъ обходить Сциллы и Харибды закона, препятствующаго нашей дѣятельности“¹.

Несмотря на быстрые успѣхи новыхъ обществъ, они еще не представляютъ очень крупнаго фактора въ рабочемъ движеніи, но уже успѣли проявить двойственность тенденцій и противорѣчія въ задачахъ, грозящія расколомъ. Вестфальскія общества, наиболѣе многочисленные, задаются анти-католическими и анти-соціалистическими тенденціями; саксонскія, баденскія и др., стоящія подъ влияніемъ Наумана и его друзей, считают наоборотъ своей основной цѣлью—организацию труда на такихъ же началахъ, какъ устроены трэдъюніоны, т.-е. устраненіе всякой политической полемики среди рабочихъ и коллективную защиту интересовъ рабочихъ въ борьбѣ за заработную плату и поднятія всего рабочаго сословія. На нынѣшнемъ съѣздѣ сдѣланы были представителями этой группы евангелическихъ обществъ два предложенія, характеризующія стремленія „молодыхъ“ и въ социаль-евангелической партіи. Предложено было, во-первыхъ, вы-

черкнуть изъ статутовъ фразу, гласящую, что евангелическія общества считаютъ долгомъ бороться съ социаль-демократіей. Это не прошло, но достигнуто былъ, по крайней мѣрѣ, компромиссъ: прежняя фраза замѣнена была другою, смыслъ которой—тотъ, что евангелическія общества желаютъ бороться не съ социаль-демократіей, а съ лжеученіями (Irrlehren), заключающимися въ ея программѣ (слѣдовательно, не со всей программой). Къ этому прибавлено, что одинокіе евангелическіе рабочіе союзы будутъ бороться и со всѣми стремленіями, направленными противъ рабочихъ и имѣющими привести рабочихъ въ подчиненіе къ предпринимателямъ. Второе предложеніе, внесенное саксонцами, имѣло въ виду картель съ свободомыслящими „Gewerkvereine“ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится выступать отъ имени труда противъ капитала. Предложеніе пока отклонено по различнымъ побужденіямъ, но за него было внушительное меньшинство, что то же очень характерно, особенно если вспомнить, что во главѣ „Gewerkvereine“ стоитъ еврей—Максъ Гиршъ.

Близорукость такихъ предпринимателей, какъ Штуммъ, толкаетъ и старыя элементы лютеранства къ болѣе рѣшительному заступничеству за рабочія требованія. Несомнѣнно однако, что если у евангелическихъ союзовъ есть будущее, то только на пути, избранному Гере, Науманомъ и другими „молодыми“. Останутся ли они только, въ случаѣ успѣха, на почвѣ конфессіональности, и не сольются ли всѣ дѣйствительно народныя теченія въ одно общее русло? Это во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, чѣмъ опасенія, что интересы труда могутъ оказаться только ширмами для пропаганды лютеранскаго піетизма. Штекеръ и подобныя ему нетерпимыя воины реакціи дѣлали уступку за уступкой, въ расчетѣ, что руководство евангелическимъ движеніемъ останется у нихъ въ рукахъ; но расчетъ видимо не сбывается. Послѣ конгресса состоялся съѣздъ христіанско-соціальной группы, обломковъ партій, въ 1878 г. основанной Штекеромъ. Здѣсь, среди своихъ приверженцевъ, бывшій придворный проповѣдникъ сознался, что чаша его терпѣнія переполнена. „Съ дѣятелями, какъ Науманъ, ближе стоящими къ Фольмару, чѣмъ къ нему, Штекеру, онъ не можетъ идти вмѣстѣ“... И это единственный разумный выводъ. „Молодое“ движеніе только выиграетъ, если оно порветъ связь съ представителями интересовъ и взглядовъ, имѣющихъ съ нимъ мало общаго.

Г. Б.

Берлинъ, 11 іюня (80 мая).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1895 г.

— Очерки политико-экономической литературы, Н. Х. Бунге. Спб. 1895. 495 стр.

Немногимъ, конечно, экономическимъ трудамъ въ нашей литературѣ за послѣдніе года было суждено привлечь къ себѣ общественное вниманіе въ такой степени, какъ названной выше книгѣ. Многолѣтняя ученая дѣятельность автора, сопровождаемая на всѣхъ его путяхъ всеобщимъ уваженіемъ, практическая его дѣятельность на государственномъ поприщѣ, ознаменованная цѣлымъ рядомъ благотѣльныхъ иѣропріятій, — въ качествѣ бывшего министра финансовъ, — все это вмѣстѣ естественно обуславливаетъ и вызываетъ особый интересъ къ новому научному изданію его трудовъ.

Скромность, присущая автору во всей его почтенной дѣятельности, отличаетъ и его новое произведеніе. Издавая, подъ названіемъ: „Очерки политико-экономической литературы“, свои прежнія изслѣдованія, разбросанныя въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ, но съ значительными прибавленіями и общимъ пересмотромъ, Н. Х. Бунге выступаетъ здѣсь чисто какъ профессоръ, преданный всецѣло своей наукѣ. Онъ далекъ и въ данномъ случаѣ отъ разработки практическихъ вопросовъ, чего, можетъ быть, многіе наклонны были ждать въ виду его обширной и разнообразной государственной дѣятельности; онъ ограничился, какъ то выражаетъ и въ своемъ предисловіи, на первый разъ областью теоретической, именно потому, что искалъ отдыха въ *работѣ мысли*, которая имѣетъ для него особую прелесть. Онъ вспоминаетъ при этомъ о слушателяхъ, память которыхъ для него дорога, о пережитой умственной жизни и о личномъ на себѣ вліяніи нѣкоторыхъ изъ господствовавшихъ за разное время политико-экономическихъ ученій. Съ строгою добросовѣстностью серьезнаго ученаго онъ сознается, какъ такіа увлеченія проходили, и онъ дѣлился съ своими слушателями убѣжденіемъ, что „знаніе приобрѣ-

тается не вѣрою въ догматы теоріи, выдаваемый за нѣчто несомнѣнное, а тщательнымъ анализомъ явленій и осторожными обобщеніями "... Почтенный ученый, путемъ многолѣтней научной дѣятельности, пришелъ къ заключенію, что теоріи часто господствуютъ не потому, что въ нихъ воплощаются непререкаемыя истины, а потому, что онѣ отвѣчаютъ современному настроенію, дѣлая часто выводы изъ смѣлыхъ гипотезъ, или возводя единоличныя явленія на степень общихъ фактовъ. Претензіи многихъ политико-экономическихъ ученій „сказать последнее слово въ наукѣ“—въ дѣйствительности не выдерживали часто первой серьезной критики; и лишь только теоретическій чадъ начиналъ разсѣваться, недостатки такихъ ученій становились наглядными, и всѣми признавались.

Такимъ образомъ, въ теченіе жизни автора произошла значительная смѣна теорій, которая, по справедливому его замѣчанію, хотя и не даетъ права заключить, чтобы все въ наукѣ было лишь условно, но во всякомъ случаѣ указываетъ, съ какою осторожностью должны производиться научныя изслѣдованія, и какъ далеко истиннолюбивый науку человекъ обязанъ держаться отъ односторонняго увлеченія быстро смѣняющимися научными доктринами, къ которымъ необходимо относиться всегда съ должнымъ запасомъ критики.

Настоящая книга написана ученымъ, и преимущественно для ученыхъ, или по крайней мѣрѣ интересующихся наукой, хотя изложеніе и отличается своей популярностью. „Я имѣю въ виду,—заключаетъ Н. Х. Бунге свое прочувствованное предисловіе къ книгѣ,—я имѣю въ виду изучающихъ политическую экономію, и если книга моя сослужитъ имъ такую же службу, какую и мнѣ, т.-е. *поможетъ имъ избавляться отъ иллюзий всестрмиряющихъ ученій и отъ мета нестрмиряющихъ доктринеровъ*, то цѣль моя будетъ достигнута вполне“. Въ заключеніе авторъ даетъ горькій, но справедливый совѣтъ по адресу нашего времени, выражая пожеланіе „каждому мыслящему человеку, серьезно относящемуся къ жизни и наукѣ, достоси до того, чтобы „смытъ свое сужденіе имѣть“...

Содержаніе самой книги настолько разнообразно и интересно, что никакъ не можетъ вмѣститься въ небольшой литературной замѣткѣ, и только той же скромности автора слѣдуетъ приписать названіе книги перепечаткой старыхъ статей, ибо въ дѣйствительности нѣкоторыя изъ нихъ совершенно переработаны, почти до неузнаваемости, другія же значительно дополнены, или появились вновь. На первомъ мѣстѣ книги стоитъ увлекательный, легко написанный и весьма обширный (200 стр.) историческій очеркъ экономическихъ ученій; здѣсь авторъ дѣлаетъ обзоръ экономической науки, начиная съ сѣдой классической древности (Платона и Аристотеля) и до со-

временнаго историко-статистическаго направленія въ политической экономіи, отличая изъ представителей послѣдняго спеціально Шмоллера и Вагнера, и оставляя очеркъ русской экономической литературы до слѣдующаго тома своихъ очерковъ; впрочемъ, изъ этой послѣдней авторъ съ особой похвалою упоминаетъ о двухъ трудахъ: книгѣ покойнаго Орлова: „О формахъ землевладѣнія въ московской губерніи“, и В. В.: „Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи“. Вся вторая половина этого очерка въ значительной степени новая: особенно расширенъ и увеличенъ отдѣлъ о социализмѣ, гдѣ главное мѣсто занимаетъ изложеніе и критика ученія Маркса. Авторъ сжато, но просто и общепонятно, въ трехъ главахъ, передаетъ сущность трехъ томовъ „Капитала“, съ весьма дѣльными критическими замѣчаніями на содержащіяся въ нихъ противорѣчія и ошибки. Цѣлая глава посвящена также „государственному социализму“ и такъ называемому „социализму каеэдръ“; особая глава—исторической школы и, наконецъ, отдѣльная также глава—современному прогрессивному историко-статистическому направленію, въ коему авторъ обнаруживаетъ видимое влеченіе, сравнительно съ другими существующими направленіями въ экономической наукѣ.

Тему другого этюда составляетъ „теорія согласія частныхъ интересовъ“, или подробное изложеніе и критика началъ политической экономіи извѣстнаго американскаго ученаго Кэри; этюдъ этотъ когда-то былъ напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ“, но въ настоящемъ случаѣ является опять-таки въ значительно передѣланномъ и дополненномъ видѣ. Данный очеркъ особенно интересенъ, по нашему мнѣнію потому, что даетъ возможность, между прочимъ, сдѣлать нѣкоторые выводы о теоретическихъ воззрѣніяхъ самого критика Кэри, автора разбираемаго нами сочиненія. Такъ, уже на основаніи его XVII главы, трактующей о современномъ историко-статистическомъ направленіи въ политической экономіи, а равно и по внутреннему содержанію небольшого, впервые появляющагося въ настоящей книгѣ этюда: „Шмоллеръ о Менгерѣ“, можно заключить, что авторъ изъ всѣхъ описанныхъ имъ смѣнъ экономическихъ направленій признаетъ все-таки наиболѣе цѣлесообразною современную историко-статистическую школу, на нѣкоторыхъ представителяхъ которой онъ особенно останавливается. То же самое косвенно высказывается имъ и въ предисловіи. „Развить въ себѣ и своихъ слушателей—говоритъ онъ—духъ изслѣдованія и критики, а равно *научиться и научить другихъ собирать и обрабатывать матеріалы*, я всегда считалъ своей задачей“. Въ своемъ очеркѣ о Кэри онъ еще рѣшительнѣе выражаетъ ту же мысль, выставляя заслугой Кэри именно обширное пользованіе историческими и статистическими данными для рѣшенія экономиче-

скихъ вопросовъ. „Подобно Рикардо, Кэри беретъ положеніе и развиваетъ его апіорически; но между тѣмъ какъ Рикардо не идетъ далѣе, Кэри оживляетъ гипотезу цѣлымъ рядомъ фактовъ, должствующихъ придать ей достовѣрность. Это дѣлаетъ книгу Кэри выдающимся произведеніемъ въ экономической литературѣ“.

Съ другой стороны, очеркъ о теоріи согласія частныхъ интересовъ Кэри даетъ возможность познакомиться и съ мнѣніемъ почтеннаго автора по одному у насъ случайно нынѣ модному вопросу— субъективности и объективности въ экономическихъ изслѣдованіяхъ. При всемъ своемъ уваженіи къ строгой наукѣ и предостереженіяхъ противъ увлеченій, авторъ довольно рѣшительно, повидимому, высказывается и противъ олимпійскаго спокойствія, проповѣдуемаго когда-то Кэри для руководства экономистамъ. Какъ извѣстно, этотъ ученый ставилъ экономическую науку на степень естествознанія: въ данномъ отношеніи, по мнѣнію Кэри, „отъ ученаго, занятаго изслѣдованіемъ общественныхъ урагановъ и законовъ ихъ появленія, нельзя требовать, чтобы онъ обращалъ вниманіе на людей, которые дѣлаются ихъ жертвами“. Въ своей критикѣ, Н. Х. признаетъ Кэри неправымъ. „Экономистъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ дѣло съ человѣческой природой, съ дѣятельностью людей, съ обстоятельствами, составляющими дѣйствіе нашего развитія, нашего сознанія и нашей воли, съ которой нельзя снять всей отвѣтственности. Поэтому экономистъ не можетъ остаться простымъ свидѣтелемъ человѣческихъ страданій и заниматься только одними логическими выводами—ему приходится быть безпристрастнымъ судьей и дѣйствій, въ которыхъ нарушается не законъ, но божественная и человѣческая справедливость. Ученый, когда рѣчь идетъ о благѣ и о счастіи человѣка, невольно вспоминаетъ о невинно гибнущихъ... Самъ Кэри, пытавшійся стать на точку зрѣнія естествоиспытателя, былъ проникнутъ глубокимъ сочувствіемъ къ индійскому райѣ и неумолимою ироніею къ славолібію французской націи“ (стр. 225).

Третій отдѣлъ книги составляетъ „Дж. С. Милль какъ экономистъ“. Важность этого имени въ наукѣ не требовала оправданія отъ автора для выбора своей темой очерка и критическаго разбора экономическихъ воззрѣній англійскаго мыслителя. Въ цѣлыхъ семи главахъ Н. Х. знакомитъ читателя съ сущностью его политической экономіи, подвергая вездѣ критическому анализу его воззрѣнія. Въ теоретическомъ отношеніи, изслѣдованіе о Дж. С. Миллѣ составляетъ какъ бы естественное дополненіе къ предшествующимъ очеркамъ, ибо много занимается важнѣйшимъ вопросомъ не только экономической, но и всякой науки,—методомъ изслѣдованія, чему посвящена авторомъ цѣлая глава. По справедливому его замѣчанію, „Политиче-

ская Экономія“ Милля есть прикладная часть его „Логики“, а потому, при критическомъ изученіи его началъ политической экономіи необходимо взять въ пособіе его „Систему Логики“. Заблужденія Милля по преимуществу логическаго свойства: они происходятъ или отъ погрѣшности самого метода, или отъ невѣрнаго примѣненія этого метода въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній бываетъ безупреченъ. Съ одной стороны,—объясняетъ авторъ,—Милль имѣетъ слишкомъ много вѣры въ апіорическое мышленіе, съ другой—онъ слишкомъ рѣдко останавливается на повѣркѣ методовъ теоретическими указапіями опыта. Общая характеристика Дж. С. Милля по введеніи къ этому этюду, можно сказать, превосходна, и при значительной краткости и сжатости, немногими штрихами вполне очерчивается, однако, значеніе этого замѣчательнаго экономиста и спеціально—причина его огромнаго и рѣдкаго успѣха. Благодаря именно своей сжатости, это небольшое введеніе въ изслѣдованіе Н. Х. Бунге, основанное на глубокомъ изученіи англійскаго мыслителя и большой симпатіи къ нему, невозможно передать своими словами, и пришлось бы выписать его цѣликомъ. Приведемъ только его нѣсколько словъ въ объясненіе извѣстныхъ своею снисходительностью воззрѣній Милля на социализмъ. „Снисхожденіе его къ социализму,—говоритъ нашъ авторъ,—происходитъ не отъ безстрастнаго отношенія къ разнымъ враждебнымъ направленіямъ, а отъ глубокаго чувства человѣчности. Имѣя очень много общаго съ тѣми государственными умами, которые не пугаются той или иной доктрины, и не приходятъ въ ужасъ, въ трепетъ, въ негодованіе—при одномъ словѣ социализмъ, Милль не въ силахъ отнестись даже съ холодною сдержанностью и строгимъ скептицизмомъ къ самымъ эфемернымъ ученіямъ, внушеннымъ желаніемъ блага и добра“...

Послѣдній, четвертый отдѣлъ, представляющій собой небольшой очеркъ подъ названіемъ „Шмоллеръ о Менгерѣ“, по своему содержанию, является какъ бы дополненіемъ къ послѣдней главѣ „Историческаго очерка экономическихъ ученій“, еще болѣе выдвигая то по справедливости важное значеніе, какое Н. Х. Бунге придаетъ берлинскому профессору Шмоллеру, какъ представителю современнаго историко-статистическаго направленія въ наукѣ.

Таково вкратцѣ содержаніе новаго изданія трудовъ Н. Х. Бунге; по ясности и полнотѣ изложенія, эти труды вполне доступны каждому читателю, сколько-нибудь знакомому съ экономическимъ языкомъ.

Въ предисловіи и вторично въ текстѣ авторъ выражаетъ надежду на продолженіе изданія другихъ его историко-экономическихъ трудовъ, и нельзя не пожелать осуществленія такой надежды: область вопросовъ, интересовавшихъ автора въ теченіе его трудовой жизни,

впослѣдствіи расширилась, а при пересмотрѣ прежнія его научныя работы получаютъ новое освѣщеніе, почерпнутое имъ изъ опыта высокопочтенной практической его дѣятельности, какъ государственнаго человѣка ¹⁾. — Ив. Янжуль.

— Е. А. Бѣловъ. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1896.

Спеціалисты и любители русской исторіи съ большимъ интересомъ встрѣтятъ новый трудъ г. Бѣлова, давно составившаго себѣ извѣстность своими историческими изслѣдованіями. Темой этихъ изслѣдованій служили всегда внутренніе вопросы русской исторической жизни, по преимуществу въ московскія времена; понятно, что особенное вниманіе отдано имъ и въ настоящей книгѣ. Такъ какъ къ этимъ вопросамъ сводится прежде всего смыслъ историческаго изслѣдованія, то „Русская Исторія“ г. Бѣлова получаетъ особенное значеніе. Въ предисловіи авторъ замѣчаетъ: „Я долженъ предупредить читателей, что придерживаюсь мнѣнія покойнаго историка-юриста К. Д. Кавелина, что центральная фигура древней нашей исторіи—Іоаннъ Грозный“. Эту точку зрѣнія г. Бѣловъ высказывалъ не однажды и ранѣе; она вызвала возраженія которыя онъ не хотѣлъ оставить безъ вниманія, но замѣчаетъ, что настоящая книга можетъ служить отвѣтомъ на такія возраженія лишь настолько, насколько они касаются взглядовъ автора на Іоанна Грознаго, какъ на политическаго дѣятеля. Авторъ оговариваетъ и другой взглядъ на Грознаго, высказанный въ послѣднее время не съ политической, а съ психіатрической точки зрѣнія, какъ это сдѣлано было недавно въ книгѣ харьковскаго профессора Ковалевскаго. По поводу словъ профессора-психіатра, что пониманіе нѣкоторыхъ историческихъ событій весьма много облегчается при примѣненіи къ нимъ психіатрической точки зрѣнія, авторъ замѣчаетъ: „Съ этимъ можно было бы согласиться, еслибы психіатрами соблюдалось основное правило, при которомъ только и могутъ труды ихъ надъ историческими темами принести пользу, а именно: чтобы только твердо установленные психіатріей законы примѣнялись къ неоспоримымъ же историческимъ фактамъ, притомъ не отрывочно, а въ связи съ добытыми уже историческою наукою выводами. Между тѣмъ психіатрами, когда они берутся за историческія темы, это

¹⁾ Авторъ замѣтки писалъ въ Мариенбадѣ и отправилъ ее въ редакцію, не зная, что почти въ то же самое время, 3-го іюня, будетъ положенъ предѣлъ всякой надеждѣ на продолженіе изданія, о чемъ поминилъ Н. Х. Бунге (см. ниже: некрологъ). — *Ред.*

основное правило нарушается то и дѣло". Нарушеніе правила авторъ находитъ и у г. Ковалевскаго.

Итакъ, Іоаннъ IV—центральная фигура въ древней русской исторіи, и его значеніе будетъ особенно понятно, если присоединить къ нему его дѣда Іоанна III. „Дѣятельность *этихъ двухъ удивительныхъ Іоанновъ*, какъ о нихъ выразился Пушкинъ, имѣеть много общаго, только дѣятельность внука гораздо шире дѣятельности дѣда. Объединивъ Русь, оба они старались показать жителямъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ выгоды объединенія. Для этой цѣли оба покровительствовали мелкимъ городскимъ и особенно сельскимъ общинамъ. Поэтому, не даромъ половина XV вѣка и весь XVI в. многими называются золотымъ вѣкомъ сельскихъ общинъ. Іоаннъ III старался ограничить власть духовенства и владѣніе монастырей имѣніями. Рѣшительнѣе въ этомъ дѣлѣ поступилъ внукъ, дѣятельность котораго, въ силу обстоятельствъ, приняла болѣе широкіе размѣры. Указывая на вредный примѣръ владычества духовенства въ Византіи, онъ сильно ограничилъ власть духовенства и число монастырскихъ имѣній. Церковные вопросы и во внѣшней политикѣ играли въ его царствованіе важную роль, ибо не слѣдуетъ упускать изъ виду усилія іезуитовъ обратить въ католицизмъ сначала западную—Литовскую, а потомъ и восточную—Московскую Русь.

„Понимая значеніе культурнаго развитія страны и выгоды сближенія съ Западной Европой, онъ усиливался овладѣть берегами Балтійскаго моря. Это не удалось ему, но онъ помѣшалъ образоваться, на мѣстѣ распадавшагося Ордена, отдѣльному государству, враждебному Россіи. Въ тяжелой борьбѣ онъ уступилъ необходимости, потерялъ свои завоеванія, но не уступилъ ни одного клочка русской земли, и это совершилось при чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ—когда на Волгѣ свирѣпствовалъ черемисскій бунтъ. Желая положить преграды требованіямъ бояръ—быть исключительными совѣтниками царя, Іоаннъ создалъ чинъ думнаго дворянина, и съ этихъ поръ дворяне, тогда низшій служебный классъ, стали возвышаться и къ концу Московскаго періода стали выше дѣтей боярскихъ. Въ вопросахъ: монастырскомъ, балтійскомъ и въ вопросѣ о вывзышеніи дворянства на счетъ боярства—въ этихъ вопросахъ Іоаннъ нашелъ себѣ достойнаго преемника только въ Петрѣ Великомъ.

„Этой связью дѣятельности Петра съ дѣятельностью Іоанна объясняется непрерывность хода русской исторіи, ея послѣдовательность. Имѣя въ виду наглядно показать, какъ необходима, неизбежна и благодѣтельна была реформа Петра В., я, въ изложеніи хода внутренней исторіи Россіи, особенное вниманіе обращалъ на умственное развитіе древней Руси и на разложеніе ея учреждений. Это разложеніе

учрежденій покажетъ несправедливость обвиненія Петра въ какомъ-то насильственномъ разрывѣ древней и новой Россіи. Этотъ мнимый разрывъ состоялъ въ замѣнѣ невѣжества просвѣщеніемъ и приведеніемъ хоть въ нѣкоторый порядокъ крайне разстроенной государственной машины. Разложеніе продолжалось цѣлый, печальной памяти, XVII вѣкъ, который начался кровавой смутой, продолжался среди бунтовъ и мятежей и кончился новой смутой. Кровавый Большой Стрѣлецкій Розыскъ былъ достойнымъ завершевіемъ исторіи этого печального вѣка...

„Чтобы понять все величіе дѣлъ Петра, особенно величіе его просвѣтительной дѣятельности, надобно пристально взглянуть, съ какими умственными силами, или, лучше сказать, въ какомъ состояніи умственнаго безсилія, онъ засталъ Россію и повелъ ее на путь свѣта и знанія“.

Съ этой точки зрѣнія внутренней исторіи политическаго быта, учреждений, правовъ, степени образованія, авторъ излагаетъ русскую исторію отъ основанія государства и до конца XVII вѣка. Это—простой здравый рассказъ, постоянно опирающійся на факты или на соображенія фактическаго свойства; авторъ не задается новыми теоріями, изъ прежнихъ историковъ примыкая всего чаще къ Соловьеву; какъ видно изъ предисловія, онъ далекъ отъ мнимо-патріотическаго восхваленія старой Руси; наконецъ, не имѣетъ притязанія на художественное живописаніе, въ какомъ, напр., недавно вообразилъ себя преемникомъ Карамзина одинъ историкъ, не встрѣтившій, однако, подтвержденія этого со стороны читателей.

Этимъ характеромъ своей книги г. Бѣловъ дѣлаетъ весьма полезный вкладъ въ нашу историческую литературу, гдѣ обыкновенный читатель, заинтересованный именно этой стороною предмета, долженъ былъ бы обращаться къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, притомъ, какъ всегда, разнорѣчивымъ. Такъ какъ эта внутренняя исторія древней Руси все еще далеко не разработана въ своихъ спеціальныхъ отдѣлахъ, то понятно, что и обобщенія нашего автора могутъ встрѣтиться съ противорѣчіями; но его трудъ во всякомъ случаѣ является однимъ изъ лучшихъ сжатыхъ изложеній русской исторіи.

Предоставляя специалистамъ подробный разборъ книги г. Бѣлова, мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями. „Центральная фигура“ древней русской исторіи изображена въ томъ смыслѣ, какъ указано въ предисловіи: Иванъ Грозный, какъ политическій дѣятель, совершаетъ великое дѣло устройства и укрѣпленія русскаго государства; къ сожалѣнію, сжатость изложенія, при которой г. Бѣловъ очень рѣдко приводитъ цитаты, не позволяла автору дать подробныя доказательства своихъ положеній—между тѣмъ во многихъ случаяхъ эти подробности были бы необходимы, потому что авторъ рѣшительно от-

рицают другіе взгляды на Ивана Грознаго и его сподвижниковъ, причѣмъ требовалось бы больше аргументовъ, чѣмъ сколько ихъ есть. Авторъ совсѣмъ не касается психологической, а тѣмъ менѣе психіатрической стороны вопроса о личномъ характерѣ Ивана Грознаго, на чемъ обыкновенно останавливались прежніе историки: дѣятельность Грознаго происходитъ какъ бы совершенно нормально. Правда, онъ былъ жестокъ, но жестокость была общей чертой того вѣка и казни бояръ были вызваны политическими основаніями,—хотя самъ авторъ не однажды указываетъ, что боярство, вѣчно пребывавшее во взаимныхъ раздорахъ изъ-за личныхъ интересовъ, не имѣло никакого политическаго смысла, не умѣло сплотиться въ одну цѣлую партію и, слѣдовательно, въ цѣломъ не представляло для царя особенной опасности. Правда, много говорилось о свирѣпыхъ казняхъ Грознаго, но эти источники мало достовѣрны: извѣстные синодики сомнительны, Таубе и Крузе—„негодян“, Курбскій лжетъ, смерть митрополита Филиппа произошла неизвѣстно какъ, потому что житіе его сочинено позднѣе,—все это должно бы быть болѣе доказательно. Къ личности и сказаніямъ Курбскаго авторъ не имѣетъ никакого довѣрія, считаетъ его узкимъ и лживымъ сторонникомъ боярской партіи, не придаетъ значенія даже его дѣятельности на пользу православія западной Руси (такъ какъ безъ этого онъ не имѣлъ бы тамъ значенія), что ставить ему въ заслугу „риторы“: но, какъ ни былъ печаленъ фактъ бѣгства, съ которымъ связалось для Курбскаго столько неблагополучныхъ послѣдствій, едва ли можно доказать, что причиною бѣгства было лишь то, что Курбскій былъ „вуплень“ польскимъ королемъ, или что ему не приходилось также просто спасать собственную жизнь: отвѣтное посланіе Грознаго не оставляетъ въ этомъ послѣднемъ никакого сомнѣнія. Далѣе, „риторы“ вовсе не безъ основанія говорятъ о трудахъ Курбскаго по церковной книжности, потому что приняться за латынь на старости лѣтъ было вовсе не легко русскому боярину XVI вѣка: гораздо естественнѣе принять, что имъ дѣйствительно руководило исканіе знаній, какихъ онъ не видѣлъ у себя дома. Наконецъ, едва ли въ дѣлѣ Курбскаго не сказалась также защита своего человѣческаго достоинства: достаточно прочесть посланія Грознаго, чтобы видѣть, насколько достиженіе политической задачи, указываемое нашимъ историкомъ, соединялось съ подавленіемъ этого человѣческаго достоинства въ подданныхъ.

Не будемъ говорить о другихъ частностяхъ, гдѣ можно бы желать большей точности (напримѣръ, въ изложеніи былинъ слѣдовало больше принять въ соображеніе новѣйшія изслѣдованія), но также желательна была бы бѣльшая исправность корректуры (напр., Меодій Патросскій вмѣсто Патарскій и т. п.), что впрочемъ легко исправимо.

Повторимъ опять, что книга г. Вѣлова очень интересна, какъ изложеніе русской исторіи, составленное съ особеннымъ вниманіемъ къ внутреннему процессу историческаго развитія, въ объясненіи котораго заключается главная задача и интересъ изслѣдованія. Она можетъ быть прекраснымъ пособіемъ для преподавателей русской исторіи, чтеніемъ для старшихъ воспитанниковъ и для всякаго образованнаго человѣка; многое, наконецъ, будетъ интересно и для специалистовъ.

— Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей. Второе изданіе, подъ редакціей Петра Вейнберга. Томъ восьмой. Спб. 1895.

Первый томъ настоящаго изданія вышелъ въ 1892 году; настоящимъ томомъ заканчивается изданіе сочиненій Гёте. Въ предисловіи г. Вейнбергъ объясняетъ замедленіе изданія тѣмъ, что понадобилось исправленіе нѣкоторыхъ переводовъ перваго изданія, изготовленіе новыхъ переводовъ, такъ какъ въ настоящее изданіе вошли нѣкоторыя произведенія, которыхъ въ первомъ не было, наконецъ составленіе вступленій, примѣчаній, иногда весьма обширныхъ, составленіе алфавитнаго указателя и т. д. Все это вмѣстѣ, конечно, не могло не потребовать много времени, но за то изданіе г. Вейнберга стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше первоначальнаго предпріятія Гербеля; мы сдѣлали нѣкоторыя сличенія, и изъ нихъ оказывалось, что въ первомъ изданіи (не говоря о его меньшемъ объемѣ) допущены были переводы крайне неисправные, иногда печальнымъ образомъ не достойные подлинника. Г. Вейнбергъ позаботился устранить эти недостатки, дополнить прежнее изданіе новыми произведеніями Гёте и обширными комментаріями, такъ что ему принадлежитъ большая заслуга труда, доставившаго русскимъ читателямъ возможность изученія великаго нѣмецкаго писателя.

— Памяти отца современной педагогикѣ Яна Амоса Коменскаго. По поводу 802 годовщины его рожденія (№ 2). Изданіе комиссіонера отдѣла Я. А. Коменскаго, книгопродавца Н. Г. Мартынова. Спб. 1895.

Мы уже имѣли случай говорить объ „Отдѣлѣ Коменскаго“, учрежденномъ въ память знаменитаго педагога при Педагогическомъ Музее военно-учебныхъ заведеній, говорили также объ этомъ внезапномъ интересѣ нашихъ педагоговъ къ Коменскому, о которомъ раньше только изрѣдка упоминалось въ нашей литературѣ. Этотъ интересъ начинается собственно съ трехсотлѣтняго юбилея рожденія Коменскаго:

гораздо болѣе извѣстный и изучаемый въ западной Европѣ, въ которой и совершалась нѣкогда его дѣятельность, Коменскій вызвалъ наконецъ и у насъ значительную долю вниманія, и въ нашей литературѣ появилось нѣсколько переводовъ (иногда вдвойнѣ) различныхъ его произведеній, нѣсколько комментариевъ въ нимъ и біографій, хотя и несамостоятельныхъ. По пословицѣ: лучше поздно, чѣмъ никогда, и это увлеченіе Коменскимъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ сочувствія; тѣмъ не менѣе намъ казалось, что этому увлеченію чего-то недостаетъ и настоящій выпускъ рѣчей, статей и стихотвореній въ прославленіе Коменскаго оставляетъ насъ подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Въ торжественномъ собраніи Отдѣла, въ мартѣ 1894, секретарь Отдѣла г. Поповскій прочелъ отчетъ о годичной его дѣятельности; г. Мижуевъ изобразилъ „Педагогическіе идеалы“ Коменскаго; г. Карцовъ сдѣлалъ сравненіе между Коменскимъ и слѣдовавшими за нимъ великими педагогами, какъ Локкъ, Руссо и Песталоцци; г. Модзалевскій прочелъ стихотвореніе Аренса, посвященное памяти Коменскаго, и т. д. Въ настоящей книгѣ, кромѣ этихъ статей, находится еще нѣсколько небольшихъ трудовъ, посвященныхъ Коменскому. Раньше мы имѣли случай говорить, что нѣкоторые ревностные почитатели знаменитаго педагога настаивали въ особенности на томъ, что Коменскій былъ великимъ педагогомъ именно потому, что онъ былъ славянинъ, что поэтому онъ долженъ быть намъ особенно близокъ, что имъ мы можемъ гордиться передъ западнымъ европейскимъ міромъ... Славянскіе патріоты, дѣлавшіе особенное удареніе на славянствѣ Коменскаго и слѣдовательно о его ближайшемъ родствѣ съ нами, не замѣчали только одного обстоятельства, которое при этомъ бросается въ глаза: причемъ славянство и наша гордость этимъ славянствомъ, когда мы уразумѣли это только черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, когда въ свое время наши предки не имѣли о Коменскомъ ни малѣйшаго понятія, а еслибъ имѣли, то предали бы его проклятію за его вѣроисповѣданіе и совершенно не умѣли бы понять его педагогическихъ ученій? Въ первый разъ Коменскій сталъ извѣстенъ русской литературѣ только въ XVIII вѣкѣ черезъ посредство западно-европейской педагогикъ, да и теперь наше юбилейное прославленіе памяти Коменскаго далеко уступило тому, какое было посвящено ему въ западной Европѣ и въ Америкѣ. Съ другой стороны, у насъ было еще впечатлѣніе: если въ средѣ нашихъ педагоговъ возникло это особенное увлеченіе памятью великаго педагога, если (что мы съ своей стороны найдемъ естественнымъ) оно еще увеличивалось тѣмъ, что онъ принадлежалъ родственному племени, если его идеи такъ велики и плодотворны, то казалось бы, что первое, даже единственное стараніе его поклонниковъ должно было бы заключаться въ томъ,

чтобы сколько возможно стремиться къ практическому приложенію этихъ идей въ области нашей школы, и народной, и средней, и даже высшей. До сихъ поръ мы встрѣчали очень мало этого послѣдняго стремленія: очевидно между тѣмъ, что безъ него та задача, которая назначена „Отдѣлу“ 2-мъ параграфомъ его Положенія („распространеніе педагогическихъ идей Коменскаго среди отечественныхъ педагоговъ и среди образованнаго русскаго общества вообще“), останется отвлеченнымъ историческимъ изученіемъ и какимъ-то педагогическимъ спортомъ. Педагоги, почитатели Коменскаго, повторяютъ множество разъ различныя мысли его, въ которыхъ было дѣйствительно много высокаго и благотворнаго, и въ результатѣ приходятъ только къ чисто платоническимъ восторгамъ или сожалѣніямъ. Изъ упомянутыхъ ораторовъ одинъ г. Мижуевъ поставилъ такую тему: „Педагогическіе идеалы Коменскаго и современная дѣйствительность“, и по поводу словъ Коменскаго: „Необходимо, чтобы всѣ учились разумѣть *основанія, законы и цѣли* всего, что есть и что совершается вокругъ“, нашъ авторъ рассуждаетъ такъ: „Прошло чуть не триста лѣтъ съ того времени, какъ были написаны эти многознаменательныя и глубоко вѣрныя строки, а мы видимъ, что не только наши юноши, но —увы!—и мы сами—взрослые люди, не имѣемъ такого образованія, при которомъ бы не встрѣчалось на каждомъ шагу „чего-нибудь настолько неизвѣстнаго, чтобы мы не могли составить себѣ о немъ никакого сужденія“. Виновато въ этомъ не столько то обстоятельство, что въ эти три столѣтія человѣчество сдѣлало гигантскіе шаги по пути къ приобритенію знаній, сколько, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что школа давно заглохла въ тѣхъ традиціяхъ, какія выработали *эпоха возрожденія и эпоха реформации*. Что бы сказалъ Коменскій, еслибы узналъ, что въ наше время не кто-нибудь первый встрѣчный, а докторъ правъ можетъ не имѣть никакого понятія о физиологической дѣятельности сердца, докторъ физики — не понимать значенія института присяжныхъ засѣдателей и схемы судебныхъ учреждений своей родины, докторъ филологіи — не имѣть никакого представленія о компетенціи и исторіи развитія учреждений по городскому благоустройству, и что, кромѣ того, всѣ они и не подозреваютъ часто, какъ много они потеряли отъ того, что въ школахъ лишь наполняли ихъ головы и никогда не дѣлали попытокъ развить руку и глазъ систематическимъ обученіемъ ручному труду. А между тѣмъ, всѣ эти свѣденія должны составить, по Коменскому, курсъ начальной или народной школы, гдѣ всѣ дѣти должны учиться между 6 и 12 годами“ (стр. 21—22).

Кто же въ этомъ виноватъ? Виновато что-то неопредѣленное, а именно то, что „школа давно заглохла въ тѣхъ традиціяхъ, какія

выработали эпоха возрожденія и вѣкъ реформаціи“; полагаемъ однако, что тѣ доктора правъ, физики и филологи, о которыхъ соболѣзнуетъ нашъ авторъ, взяты изъ русской жизни, и какое же ближайшее отношеніе имѣетъ къ намъ эпоха возрожденія и вѣкъ реформаціи? Авторъ очевидно дѣлаетъ и логическій, и историческій скачокъ.

Съ другой стороны, по словамъ самого автора оказывается, что въ западной Европѣ, гдѣ была именно эпоха возрожденія и эпоха реформаціи, они вовсе не помѣшали такому распространенію народной школы, что „теперь, напр., въ школахъ Англіи и Валліса находится на милліонъ мѣстъ *свыше* потребности населенія“, а Франція за послѣдніе десятии лѣтъ покрывалась такою сѣтью школъ, что „теперь безграмотность—крайне рѣдкое явленіе во Франціи и можетъ быть наблюдаемо лишь среди стариковъ“. „Итакъ,—говоритъ г. Мижуевъ,—можно сказать, что лишь на дняхъ „мечта“ Коменскаго перешла въ „дѣйствительность“ въ двухъ наиболѣе цивилизованныхъ государствахъ Европы“ (стр. 17). Но вслѣдъ затѣмъ оказывается, что мечты Коменскаго осуществляются на гораздо болѣе широкомъ пространствѣ не только по числу школъ, но и по качеству сообщаемыхъ въ нихъ познаній: „Уже и теперь,—сообщаетъ дальше г. Мижуевъ,—можно сказать, что идеалы Коменскаго въ значительной мѣрѣ осуществились въ организаціи начальныхъ школъ Англіи, Франціи, Германіи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ“ (стр. 22). Извѣстно, напротивъ, печальное состояніе нашихъ школъ и по ихъ численности, и по объему преподаванія. Причемъ же здѣсь *эпоха возрожденія и вѣкъ реформаціи*, и чѣмъ послужила намъ единоплеменность Коменскаго?

Другой ораторъ на годичномъ собраніи Отдѣла, г. Карцовъ, говорилъ своимъ слушателямъ (въ этомъ засѣданіи—„въ первыхъ рядахъ занимали мѣста: главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, представители различныхъ вѣдомствъ и городского самоуправления, начальники и начальницы учебныхъ заведеній, извѣстные педагоги и врачи, за которыми размѣстилось множество готовящейся къ педагогической дѣятельности молодежи и просвѣщенной публики вообще“): „Вдумайтесь въ идеи Коменскаго и, если, сообразно указаніямъ нашего времени, разработаете хоть одну сторону въ его трудахъ, будете способствовать счастью многихъ людей, и возблагодарятъ васъ, и тѣмъ еще болѣе прославится дорогой намъ образъ величайшаго въ мірѣ педагога!“ (стр. 37). Прибавимъ только: разработать нужно не только книжно для рѣчей въ торжественныхъ засѣданіяхъ, но и практически, стремясь къ осуществленію этихъ идей въ самой жизни.

Чему до сихъ поръ мы вполне сочувствуемъ въ трудахъ Отдѣла,

это—заботамъ его о подготовленіи переводовъ для сборника главнѣйшихъ сочиненій Коменскаго: это останется въ литературѣ. Что касается до многого другого, что до сихъ поръ говорилось и говорится о Коменскомъ въ нашей педагогической литературѣ—безъ всякой мысли о необходимости работать для практическаго осуществленія его идей, это нерѣдко остается, къ сожалѣнію, переливаніемъ изъ пустого въ порожнее.—Т.

— Реформа на очереди. Очеркъ И. П. Сокальскаго. Харьковъ, 1895.

Профессоръ Сокальскій, въ живомъ и весьма содержательномъ очеркѣ, излагаетъ причины и послѣдствія разстройства денежной системы въ разныхъ государствахъ, въ связи съ упадкомъ цѣнности серебра, и обстоятельно резюмируетъ новѣйшее научно-литературное движеніе, направленное къ восстановленію нормальнаго, т.-е. двойнаго металлическаго обращенія въ Европѣ и Америкѣ. Всѣ симпатіи автора, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежатъ защитникамъ серебра, и въ этомъ отношеніи голосъ профессора Сокальскаго—у насъ единственный до сихъ поръ протестъ ученаго спеціалиста противъ сознательныхъ и бессознательныхъ поклонниковъ золотой валюты.

„Чрезмѣрное вадорожаніе золота,—говоритъ г. Сокальскій,—есть то ненормальное явленіе, съ которымъ находится въ связи неустойчивость хозяйственныхъ отношеній въ Европѣ. Упадокъ общаго уровня цѣнъ, какъ въ Европѣ, такъ и во всѣхъ странахъ, ведущихъ счетъ на золотую валюту, совершился на нашихъ глазахъ постепенно, но неустойчиво, за послѣднія 20—25 лѣтъ. Упадокъ этотъ находится въ связи съ обезцѣненіемъ серебра на лондонскомъ рынкѣ и съ цвѣтущимъ положеніемъ странъ, сохранившихъ серебряную валюту въ своемъ обиходѣ. Все указываетъ, что настала пора приступить къ установленію прочныхъ устоевъ монетной системы повсемѣстно, — и никто уже не сомнѣвается въ томъ, что этого можно достигнуть только путемъ международнаго о томъ соглашенія главнѣйшихъ державъ Европы. Въ этомъ заключается задача „реформы на очереди“. Въ услѣшномъ ея исходѣ заинтересованы всѣ народы Европы“ (стр. 2). Авторъ останавливается на совѣщаніяхъ международнаго съѣзда по вопросу о биметаллизмѣ въ маѣ прошлаго года, въ резиденціи лондонскаго лорда-мэра. Одинъ изъ негоціантовъ сообщилъ на этомъ съѣздѣ интересныя данныя о выгодахъ серебряной валюты въ странахъ дальняго Востока. Въ Японіи „ожидалъ путешественника пріятный сюрпризъ: какимъ-то чудомъ онъ становится сразу вдвое богаче, чѣмъ онъ себя считалъ. За одинъ фунтъ стерлинговъ (золотомъ) всѣ

банки даютъ ему не пять американскихъ долларовъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, а цѣлыхъ десять, и каждый изъ полученныхъ долларовъ сохраняетъ полную платежную силу повсюду, во всѣхъ случаяхъ ежедневной жизни. Вмѣсто одного фунта стерлинговъ, оказывается ихъ два". Вслѣдствіе повышенія цѣны золота, „японцы напрягаютъ всѣ свои усилія къ основанію промышленныхъ предпріятій, которыя бы устраняли для нихъ зависимость отъ Европы". Въ Шанхай ничего не знаютъ объ обезцѣненіи серебра; по прежнему торговые расчеты происходятъ здѣсь при помощи серебряныхъ слитковъ (около $\frac{1}{2}$ фунта вѣсомъ); цѣны товаровъ почти не измѣнились за многіе годы, — одинъ только товаръ поднялся въ цѣнѣ вдвое — золото. Авторъ замѣчаетъ при этомъ отъ себя, что около двухъ третей численности населенія земного шара пользуется до сихъ поръ серебромъ для денежныхъ расчетовъ, и „повсюду, гдѣ для этихъ цѣлей служить серебряная валюта, людямъ легче живется, такъ какъ пріобрѣтеніе орудія для платежа обходится вдвое дешевле, чѣмъ у насъ въ Европѣ". Въ южной Австраліи введена была англичанами золотая валюта. „Всѣ промышленныя предпріятія возникли здѣсь на англійскіе капиталы. Поэтому съ теченіемъ времени образовалось несоотвѣтствіе между условіями, при которыхъ займы были заключены, и текущими условіями, при которыхъ они должны быть оправданы. Для уплаты однихъ и тѣхъ же процентовъ нужно работать теперь вдвое болѣе противъ прежняго. Никто предвидѣть не можетъ, куда это поведетъ, хотя и ясно, чѣмъ все это для должниковъ можетъ окончиться. Положеніе должника сдѣлалось невыносимымъ, такъ какъ ни одна отрасль труда не окупаетъ затратъ. Всѣ группы населенія входятъ, мало-по-малу, въ положеніе неоплатныхъ должниковъ, и предъ ними незаслуженно раскрывается бездна банкротства". Сильно даетъ себя чувствовать владычество золота и въ Ирландіи. Такъ какъ золото постепенно и непомѣрно дорожаетъ, то льготныя арендныя и выкупныя условія, заключаемыя при помощи государства, не достигаютъ цѣли. „Годовой взносъ, установленный на цѣлый рядъ годовъ впередъ, номинально оставаясь тѣмъ же, фактически повышается и грозитъ разореніемъ тому, кто принялъ на себя тяжелое обязательство. Заемъ на 49 лѣтъ для выкупа усадебъ грозитъ разореніемъ не одному фермеру, но усложненіями для государства, отъ вѣроятной несостоятельности заемщика... Тѣ изъ фермеровъ, которые польстились-было на выкупъ усадьбы въ собственность и сдѣлали уже первые выкупные взносы, бѣгутъ изъ страны, бросая на произволъ стихій и хозяевъ сады, какіе успѣли развести, и разныя затраты, вложенныя въ поле... На 15 лѣтъ нѣтъ болѣе охотни-

ковъ на Зеленомъ островѣ входить въ обязательства^а. Подобныя жалобы все чаще раздаются въ Англіи и въ другихъ странахъ.

Поворотнымъ пунктомъ въ общемъ ходѣ промышленной жизни Европы авторъ считаетъ введеніе золотой валюты въ Германіи. Послѣдовавшая затѣмъ повсемѣстная пертурбація денежныхъ дѣлъ и оборотовъ разъяснена г. Сокальскимъ очень подробно и вразумительно. Между прочимъ, авторъ приводитъ пророческія слова одного англійскаго финансиста-практика въ 1871 году: „Введеніе золотой валюты въ другихъ странахъ, помимо Англіи, не принесетъ никому выгоды. Напротивъ того, оно разстроитъ монетную устойчивость, повлияетъ на паденіе цѣны серебра (отъ чего наиболѣе пострадаютъ торговля Англіи и интересы Индіи) и отразится на упадкѣ общаго благосостоянія во всемъ мірѣ. Гнетущее положеніе позаботятся объяснить, конечно, враждебнымъ настроеніемъ рабочихъ и стачками, перепроизводствомъ въ промышленности и торговлѣ“... Множество фактическихъ и литературныхъ свѣденій, собранныхъ авторомъ относительно монетныхъ и денежныхъ обстоятельствъ Запада, облегчаетъ пониманіе денежнаго вопроса и у насъ; но собственно о Россіи г. Сокальскій говоритъ мало, хотя ясно даетъ понять, что именно желательно намъ въ области финансовой политики. „При теперешней цѣнѣ на серебро,—замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ въ примѣчаніи,—то государство, въ которомъ, по счастливой случайности, удержалась легальная единица на серебро, могло бы съ большою выгодой для страны и народа погасить, путемъ торговли, неразмѣнныя бумажки, не трогая размѣннаго золотого фонда, и возстановить металлическое серебряное обращеніе въ странѣ (стр. 20). Размѣнчаніе серебрянаго рубля, по мнѣнію автора, послѣдовало не отъ условій мировой торговли, а отъ финансовыхъ и таможенныхъ распоряженій правительства; „тѣмъ не менѣе серебряный рубль остается, по прежнему, законнымъ мѣриломъ собственности, доходовъ и всякихъ полученій въ странѣ: въ этомъ, можетъ быть, заключается залогъ возможности возстановленія въ Россіи биметаллическаго обращенія“ (стр. 37). Вообще авторъ ставитъ денежный вопросъ весьма широко, связывая его съ важнѣйшими социальными задачами нашего времени—съ борьбою между трудящимися классами и плутократіею, между невольными должниками и кредиторами, между земледѣльческими странами и промышленными. Въ виду поднятаго у насъ вопроса о валютѣ, брошюра проф. Сокальскаго пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ настоящее время, и мы совѣтовали бы прочесть ее всѣмъ нашимъ газетнымъ финансистамъ. — Л. С.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры.

Антеевъ, А.—Живой портретъ и рассказы. Спб. 95. Стр. 163. Ц. 1 р.

Баяновъ, Ф.—Вымирающіе, др. въ 5 д. Спб. 95. Стр. 127.

— Подъ опеку! ком. въ 2 д. Спб. 95. Стр. 74.

— Отступникъ, др. въ 3 д. Спб. 95. Стр. 129.

Быруковъ, В.—Къ вопросу о наследственности функциональныхъ назмѣненій. Теорія наследственности Вейсмана и возраженія Спенсера. Спб. 95. Стр. 31. Ц. 30 к.

Бодэ, В., д-ръ. — Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Перев. съ нѣм. Од. 95. Стр. 24.

Боровиковскій, М.—Курортъ Лявава. Од. 95. Стр. 7 in 4°.

Бураковский, С.—„Ревизоръ“, Н. В. Гоголя. Разборъ комедіи для учащихся. Изд. 4. Новг. 95. Стр. 36. Ц. 35 к.

Бяловъ, Е. А.—Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1895. Изд. Л. О. Пантелѣева. VI, 479, 8 стр. Ц. 3 р.

Васильевъ, А., проф.—Къ исторіи земледѣнія въ свѣжскомъ уѣздѣ. Кав. 95. Стр. 11.

Гаршинъ, Всев.—Вторая книжка рассказовъ. Изд. 5-е. Спб. 95. Стр. 276. Ц. 1 р.

Гаспари, Ад.—Исторія итальянской литературы. Т. I: Итальянская литература среднихъ вѣвовъ. Перев. К. Вальмонта. М. 95. Стр. 406 и LXXVI. Ц. 3 руб.

Голубевъ, А. К.—Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1894 г. Вып. 3: I. Долги частнаго земледѣнія. II. Долги владѣльцевъ городской недвижности. Спб. 95.

Джабодари, И. С.—Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 95. Стр. 188.

Дрелеръ, Дж. В.—Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. съ послѣдн. англ. изд. М. В. Лучицкой, п. р. проф. И. В. Лучицкаго. Въ 2-хъ томахъ. Кіевъ. 95. Стр. 634. Ц. 1 р. 50 к.

Иностранцевъ, А. А.—Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студ. спб. ун-въ. Т. II: Историческая геологія, съ 600 политип. въ текстѣ и 2-е изд. знач. дополн. Спб. 95. Стр. 536. Ц. 4 р. 50 к.

Келлеръ, Л.—Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Перев. съ нѣм. О. Масловой, п. р. Н. Горбова. М. 95. Стр. 262. Ц. 1 р. 50 к.

Леббокъ, Дж.—Какъ надо жить. Перев. съ англ. Д. Корочевского. Спб. 95. Стр. 197. Ц. 80 к.

Межеричеръ, П. И.—Геометрическое черченіе. Руководство для ремесленныхъ, техническихъ и другихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Од. 95. Ц. 1 р.

Московский, Ал.—Образцовый самоучитель англійскаго языка, съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго англійскаго произношенія. Состав. для русскихъ по новѣйшей американской системѣ Рич. С. Роентала. Съ приложеніемъ „Ключа“. Спб. 95. Стр. 306. Ц. 4 р.

Микуличъ, В.—Зарницы. Рассказъ. М. 95. Стр. 171. Ц. 65 к.

Никифоровъ, М.—Атласъ патологической гистологіи въ фототипіяхъ, исполненныхъ по микрофотографическимъ снимкамъ съ патологическо-гистологическихъ препаратовъ. Вып. 1. М. 95. Ц. 1 р.

Орловъ, П. А. — Указатель фабрикъ и заводовъ окраинъ Россіи: Ц. Польскаго, Кавказа, Сибири и Средне-аз. владѣній. Матер. для фабрич.-завод. статистики. Спб. 95. Ц. 3 р.

Покотиловъ, Д. Д. — Китайскіе порты, имѣющіе значеніе для русской торговли на дальнемъ Востока. Изд. п. р. Д. Кобеко и М. Романова. Ч. I: Текстъ. ч. II: Статистическія таблицы. Спб. 95. Стр. 158 и 165.

Птицынъ, Вл. — Адвокатъ за адвокатуру. Отвѣтъ на брошюру. В. Ильинскаго. Спб. 95. Ц. 30 к.

—— Древніе адвокаты и наши присяжные Цицероны. Спб. 95. Стр. 78. Ц. 50 к.

—— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб. 95. Стр. 63. Ц. 50 к.

Ракозинъ, Е. И. — Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. Съ 23 политип., картой, диаграм. и вѣд. Спб. 95. Стр. 144. Ц. 3 р.

Рикардо, Дав. — Начала политической экономіи. Перев. Н. В. Фабриканта. М. 95. Стр. 287. Ц. 1 р.

Сабатье, П. — Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М. 95. Стр. 354. Ц. 90 к.

Семевъ, Н. — Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа. Разсказы, очерки, изслѣдованія, замѣтки о чеченцахъ, кумыкахъ и ногайцахъ и образцы поэзій этихъ народовъ. Спб. 95. Стр. 487. Ц. 2 р.

Сеславинъ, Д. Н. — Первый сборникъ моихъ разсказовъ. Спб. 95. Стр. 229. Ц. 1 р.

Скворцовъ, Ир., проф. — Воспитаніе и образованіе на VIII международин. гигиен. конгрессѣ въ Будапештѣ. О народномъ воспитаніи и образованіи въ Венгріи. М. 95. Стр. 126.

Сокальскій, И. П. — Реформа на очереди. Харьковъ, 95. Стр. 70.

Талицкий (Шараповъ Сергѣй). — Бумажный рубль. Его теорія и практика. Спб. 95. Стр. VIII + 156. Ц. 1 р. 50 к.

Тильманъ, Г. — Руководство Общей Хирургіи. Общая оперативная техника и общая техника повязокъ. Общая патологія и терапия. Перев. съ нѣм. п. р. д-ра А. А. Введенскаго. М. 95. Стр. 296. Вып. 1, ц. за оба вып. 6 р.

Толстой, Л. Н. — „Ходите въ свѣтъ“, и друг. прозаическія, вошедшія въ XIV т. полн. собр. сочиненій. М. 95. Стр. 270. Ц. 60 к.

—— Хозяинъ и работникъ, съ 9-ю ориг. рис. Спб. 95. Стр. 58. Ц. 40 к.

Тихановъ, П. Н. — Брянскіе старцы. Тайный языкъ нищихъ. Этнологическій очеркъ. Брянскъ, 1895. I, 34 стр. (оттиски изъ Брянскаго Вѣстника).

Фамининъ, Ал. С. — Начатки теоріи музыки. Курсъ среднихъ учебн. завед. Спб. 95. Стр. 92.

Чебышева-Дмитріева, Е. А. — Одинъ въ глѣсу! Война мышей и лягушекъ. Спб. 95. Стр. 58. Ц. 50 к.

Черновъ, А. М. — Изъ волостной юстиціи. Набросокъ соображеній. Гжатскъ, 95. Стр. 97. Ц. 1 р.

Шлитовъ, А., д-ръ. — Среди безбожниковъ. Посмертныя записки врача-философа. Харьк. 95. Стр. 47. Ц. 40 к.

Шмаусъ, Г. — Основы патологической анатоміи, съ 199 рис. Перев. съ нѣм., п. р. М. Никифорова. М. 95. Стр. 276. Ц. за обѣ части 6 р.

Шредеръ, В., д-ръ — Половыя болѣзни. Од. 95. Стр. 39. Ц. 30 к.

Шурцъ, Г., д-ръ. — Краткое народовѣденіе. Съ 67 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. Д. Коропчевскаго. Спб. 95. Стр. 258. Ц. 1 р.

Шубъ, Влад. — Могила Азиса. Крымскіе легенды и рассказы, съ предисл. Сигмы. Спб. 95. Стр. 368. Ц. 1 р. 25 к.

— Баklangъ. Поэма. Спб. 95. Стр. 64. Ц. 40 к.

Besthorn, R. O.—Alexandre III et Nicolas II. Trad. du danois par E. Marsssen. Copenhagen, 95. Стр. 120.

Gavranic, Dr. Pero.—Politička Povjest Hrvatskog naroda od prvog početka do danas. Zagreb, 95. Стр. 335.

— Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологій. Поврем. изд. л. р. проф. И. П. Мержеевского. Годъ XI. Вып. 1. Спб. 95. Стр. 436.

— Конспекты публичныхъ лекцій, устроенныхъ Физико-математическимъ Обществомъ весною 1895 г. Каз. 95. Стр. 90. Ц. 30 к.

— Моя Библиотека. — № 150—151: Исландскій рыбакъ, Лоти. № 162—166: Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей Ж. Ренана. № 170: О чемъ говоритъ лѣсъ, Г. Путлица. № 171—174: Очерки и рассказы съ предисл. Тургенева, Л. Кладя. № 152—154: Разорванныя цѣпи, ром., Г. Вернера. Спб. 95. Изд. М. М. Ледерле.

— Отчетъ Совѣта Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегород. губ. за 1894 г. Н.-Н. 95. Стр. 103.

— „Проблески“.—Сборникъ произведеній русск. авторовъ. М. 95. Стр. 293. Ц. 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

A. Croabbon, La science du point d'honneur. Commentaire raisonné sur l'offense, le duel, ses usages et sa législation en Europe, la responsabilité civile, pénale, religieuse des adversaires et des témoins avec pièces justificatives. I partie. Paris. 1894.

Изданный у насъ въ прошломъ году законъ о дуэли не могъ не возбудить вниманія къ этому средству разрѣшенія столкновений между людьми, возникшихъ на почвѣ чести. Естественно поэтому, что и всякое вновь появляющееся сочиненіе, отъ котораго можно ожидать болѣе или менѣе всесторонняго обсужденія разнообразныхъ вопросовъ, вызываемыхъ дуэлью, должно возбуждать къ себѣ интересъ. Въ виду всего этого позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ одномъ повѣйшемъ сочиненіи на тему о дуэли, именно о книгѣ Кроаббона — *La science du point d'honneur*.

Какъ видно изъ *post-scriptum*'а, эта книга представляетъ первую часть задуманнаго авторомъ обширнаго труда, въ которомъ онъ имѣетъ въ виду изслѣдовать и сравнить между собою обычаи и законы о дуэли, дѣйствующіе въ государствахъ цивилизованнаго мира. Само собою разумѣется, что полная и всесторонняя оцѣнка сочиненія Кроаббона возможна будетъ только тогда, когда оно будетъ закончено. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній о появившейся первой части, такъ какъ она, по своему содержанію, представляетъ трудъ довольно законченный.

Вышедшій томъ посвященъ изслѣдованію вопроса о дуэли преимущественно во Франціи. Относительно другихъ европейскихъ государствъ авторъ ограничивается лишь краткимъ изложеніемъ правилъ дуэли и приведеніемъ *in extenso* дѣйствующихъ въ нихъ уголовныхъ законовъ.

Съ первыхъ же словъ Кроаббонъ опредѣляетъ задачу своего труда.

Вызовъ на дуэль, принатіе его или отказъ, — говоритъ авторъ, — дѣлаются сторонами подъ вліяніемъ минуты, почти слѣпо. Противники, рѣшившіеся прибѣгнуть къ дуэли, обыкновенно не заботятся о тѣхъ тяжелыхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести ихъ этотъ шагъ. Они забываютъ о тѣхъ уколахъ, которые могутъ быть нанесены ихъ самолюбію, если отношенія между ними сдѣлаются

предметомъ общественнаго пересуда, и мало думаютъ о грозящей имъ отвѣтственности, если дѣло попадетъ въ руки правосудія. *Облегчить исходъ этихъ послѣдствій дуэли* („rendre cette échéance moins difficile“, Avertissement)—такова цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ разбираемаго сочиненія.

По своему содержанию книга Кроаббона распадается на 6 частей.

Первая посвящена вопросамъ объ обидахъ и о правилахъ дуэли. Изложенію этихъ матерій авторъ предпосылаетъ нѣсколько замѣчаній о томъ, что такое, какъ онъ выражается, „законодательство чести“ (législation du point d'honneur) и въ чемъ заключается его цѣль. Подъ „законодательствомъ чести“ подразумѣваютъ совокупность правилъ, опредѣляющихъ права и обязанности и, слѣдовательно, поведение тѣхъ лицъ, которыя принимаютъ какое бы то ни было участіе въ дѣлѣ чести. Цѣль этого законодательства — восполнить молчаніе или недостаточность обыкновеннаго закона и оказать помощь при его безсиліи, такъ какъ извѣстно, что есть обиды, за которыя обыкновенный законъ не даетъ никакого или должнаго удовлетворенія (стр. 1). Эти замѣчанія, въ связи съ опредѣленіемъ авторомъ задачи его труда, даютъ указанія на его отношеніе къ дуэли.

Затѣмъ, указавъ цѣль „законодательства чести“, Кроаббонъ переходитъ къ краткому анализу понятія чести и разнаго рода обидъ, заключающихся въ томъ, что что-либо говорятъ, пишутъ, дѣлаютъ или не дѣлаютъ съ цѣлью нанести вредъ кому-либо въ его личности, чести и имуществѣ. Наконецъ, онъ особенно подробно останавливается на изложеніи правилъ дуэли. Тутъ главнымъ источникомъ, изъ котораго черпаетъ авторъ, является книга графа Chateauvillard'a: *Essai sur le duel*, вышедшая въ 1836 г. и пользующаяся заслуженною извѣстностью. По словамъ самого Кроаббона, онъ является лишь комментаторомъ Шатовильяра (стр. 9). Изложеніе правилъ дуэли—самый обширный и наиболее тщательно обработанный отдѣлъ книги.

Во второй части разсматриваемаго сочиненія (стр. 277—359) говорится объ уголовной отвѣтственности, которая грозитъ участникамъ дуэли. Здѣсь представленъ довольно полный анализъ дѣйствующаго французскаго уголовного закона. Авторъ подробно перебираетъ вопросъ о наказуемости дуэлей, происшедшихъ какъ во Франціи, такъ и внѣ ея предѣловъ, если въ нихъ участвовали французы, и говорить о выдачѣ преступниковъ, обвиняемыхъ въ участіи дуэли. Заключивается эта часть книги главой, специально посвященной обзорѣннѣ тѣхъ мѣръ, къ которымъ могутъ прибѣгнуть противники и свидѣтели, чтобы уйти отъ рѣшенія уголовного закона. Въ этой главѣ авторъ обнаруживаетъ особенную заботливость о судьбѣ участниковъ

въ дуэли. Казалось бы, рассмотрѣнія въ предъидущемъ изложеніи условій, при наличности которыхъ только и наказуема дуэль, достаточно для того, чтобы участники въ ней, при желаніи укрыться отъ наказанія, догадались обставить свое дѣло чести такъ, чтобы по возможности были устранены условія ихъ наказуемости. Но авторъ этимъ не довольствуется. Онъ тщательно разсматриваетъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ дуэлисты могутъ избѣгать судебного преслѣдованія. Притомъ мѣры эти авторъ не только приводитъ какъ существующіе факты, но и рекомендуетъ ихъ. Такъ, указавъ на единственную „экстра-легальную“ мѣру—на абсолютную тайну, которая должна быть сохранена сторонами передъ встрѣчей, во время и послѣ нея, Кроаббонъ замѣчаетъ: „мы не можемъ гарантировать равнаго успѣха всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ воспользоваться этимъ средством“, „однако мы его рекомендуемъ“ (стр. 352—353). Затѣмъ, обсуждая (то же единственную) легальную мѣру — дуэль въ иностранномъ государствѣ, Кроаббонъ говоритъ, что „противники и свидѣтели, желающіе предохранить себя отъ преслѣдованій французской прокуратуры“, „должны“ избрать мѣстомъ дуэли иностранную территорію (преимущественно рекомендуется Швейцарія, особенно кантоны Женевы, Аппенцель, Ури), послѣ дуэли бѣжать оттуда въ другое иностранное государство и именно такое, которое не выдаетъ лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ, нанесеніи ранъ и т. н. на дуэли, наконецъ, не возвращаться послѣ встрѣчи во Францію до истеченія десяти лѣтъ, т. е. до наступленія давности (стр. 353—354). Если же дуэль должна состояться во Франціи, то рекомендуется избрать мѣстомъ ея департаментъ Сены, гдѣ подобное дѣяніе можетъ легче остаться незамѣченнымъ, гдѣ меньше вѣроятности преслѣдованія и больше шансовъ быть оправданнымъ судомъ присяжныхъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ французской территоріи. Словомъ, въ разсматриваемой главѣ участники дуэли могутъ найти полезныя указанія, какимъ образомъ можно для защиты чести прибѣгнуть къ поединку и въ то же самое время уйти отъ уголовной кары. Впрочемъ авторъ самъ замѣчаетъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ долгъ чести запрещаетъ противникамъ и свидѣтелямъ уклоняться отъ преслѣдованія, напр., еслибы отказъ предстать предъ судомъ могъ зародить сомнѣніе въ правильности (*loyauté*) поединка (стр. 355).

Третья и четвертая части посвящены рассмотрѣнію гражданской и религіозной отвѣтственности за дуэль, а пятая содержитъ обзоръ правилъ дуэли и текстъ уголовныхъ законовъ о дуэли, дѣйствующихъ въ разныхъ европейскихъ странахъ.

Въ послѣдней части нельзя обойти молчаніемъ принципиальнаго воззрѣнія Кроаббона относительно средствъ вывести дуэль изъ упо-

требления, которое онъ мимоходомъ высказываетъ, говоря о дуэли въ Англии.

Какъ извѣстно, въ Англии дуэль вышла изъ употребленія, тогда какъ во Франціи дуэли почти ежедневны. Причину этого явленія Кроаббонъ видитъ въ томъ, что въ Англии обиженный можетъ судебнымъ порядкомъ получить весьма значительное и „прежде всего денежное удовлетвореніе“, тогда какъ во Франціи, при тѣхъ же условіяхъ, за самыя тяжкія обиды можетъ быть достигнуто лишь ничтожное возмездіе. Это сравненіе приводитъ автора къ тому заключенію, что 1) уголовный законъ, каковъ бы онъ ни былъ, безуменъ искоренить дуэль, если нравы препятствуютъ введенію его въ дѣйствіе; 2) единственное средство подготовить нравы въ этомъ направленіи заключается въ томъ, чтобы обезпечить удовлетвореніе за обиду и 3) это *удовлетвореніе должно быть денежное*. Перспектива уплаты значительнаго денежнаго вознагражденія будетъ однихъ удерживать отъ нанесенія обидъ, а другихъ—отъ дуэли вмѣсто суда: „Frapper fort sur la bourse“, заключаетъ Кроаббонъ, „с'est frapper juste“ (стр. 398—399).

Съ послѣднимъ тезисомъ автора никакъ нельзя согласиться. Трудно допустить, чтобы тотъ, кто настолько высоко ставитъ свою честь, что для охраны ея чистоты рѣшается прибѣгнуть къ дуэли и, слѣдовательно, рискнуть собственною жизнью и угрожать жизни противника, —счелъ возможнымъ перевести удовлетвореніе на деньги. Да и гдѣ масштабъ для опредѣленія таксы вознагражденій за обиду? Мало этого. Денежное вознагражденіе опредѣляется судомъ, который долженъ постановить свое рѣшеніе на основаніи изученія даннаго дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. Но, съ одной стороны, часто лица, прибѣгающія къ дуэли, именно и хотятъ избѣжать огласки интимной стороны столкновенія. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ соблазнъ получить денежное вознагражденіе за обиду едва ли предотвратитъ дуэль. Съ другой стороны, въ тѣхъ дѣлахъ чести, гдѣ дѣйствительно честь является центральнымъ интересомъ, не столько можетъ имѣть значенія денежное вознагражденіе за обиду, сколько признаніе судомъ неправоты обидчика. Само собою разумѣется, что такое значеніе будетъ признаваться за судебнымъ приговоромъ лишь того суда, который будетъ достаточно компетентенъ и авторитетенъ въ разрѣшеніи вопросовъ чести, т.-е. specialнаго суда чести¹⁾. Въ такомъ случаѣ граничащее съ презрѣніемъ великодушіе оскорбленнаго можетъ побудить его или вовсе отказаться отъ денежнаго вознагражденія, или обратитъ его на дѣла благотворительности и т. п. Слѣдовательно,

¹⁾ E. Lehr., Revue de droit international, 1891, p. 235.

туть дуэль будетъ отвращена не вслѣдствіе расчета получить денежное вознагражденіе, а по другимъ соображеніямъ.

Наконецъ, денежное вознагражденіе, какъ мѣра возмездія, крайне неуравнительно. Перспектива его уплаты не удержитъ отъ нанесенія оскорбленія чести ни богача, ни пролетарія: первый не затруднится заплатить значительную сумму за „безчестье“, а второй не несетъ съ этой стороны никакого риска. Ясно, какимъ злоупотребленіямъ можетъ открыть дверь защищаемая Кроаббономъ мѣра искорененія дуэлей! Итакъ, по всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ мѣра эта должна быть признана неудовлетворительной.

Есть другое оружіе для борьбы противъ дуэлей и для достиженія постепеннаго ихъ исчезновенія. „Только возможно полная свобода печати, — говорятъ г. Таганцевъ, — гласный и скорый судъ по преступленіямъ чести, а главное — распространеніе въ самомъ обществѣ убѣжденія въ томъ, что самоуправство, кулачная расправа и дуэль суть средства одинаково недопустимыя ни нравственностью, ни здравымъ смысломъ: вотъ истинныя средства предупредить поединокъ“. „Нельзя не указать также на успѣшную дѣятельность въ этомъ отношеніи „общества противодѣйствія дуэли“, образовавшагося въ Англии и принесшаго въ этомъ отношеніи весьма значительную услугу“¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Можно только добавить, что достиженію той же цѣли могутъ служить еще и другія мѣры, именно: распространеніе свѣденій о той уголовной и гражданской отвѣтственности, какая можетъ грозить за дуэль, а также распространеніе правильныхъ воззрѣній относительно того, что такое честь, въ чемъ заключается истинное ея нарушеніе и т. п. Только соединеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ средствъ борьбы, направленныхъ противъ дуэли, можетъ привести къ ея постепенному искорененію.

Относительно Россіи Кроаббонъ ограничивается немногимъ. Упомянувъ только о дуэли Пушкина, которая ошибочно отнесена къ 1834 г. вмѣсто 1837, онъ заявляетъ, что не могъ собрать свѣденій относительно правилъ дуэли въ Россіи. Но тѣмъ не менѣе дѣлается предположеніе, что и у насъ дѣйствуетъ кодексъ Шатовильера, болѣе или менѣе видоизмѣненный обычаемъ. Изъ русской литературы о дуэли въ книгѣ Кроаббона упоминается только о трехъ работахъ: о книгѣ подъ инициалами Г. Л. Е., вышедшей въ Петербургѣ въ 1837 г., о статьяхъ Лохвицкаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1858 г. и о брошюрѣ Сѣверскаго (Особенная часть уголовного права). Между тѣмъ этого вопроса касались у насъ многіе

¹⁾ Н. С. Таганцевъ, О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, т. II, стр. 369.

другіе писатели какъ въ общихъ, такъ и въ специальныхъ изслѣдованіяхъ. Сюда принадлежатъ труды гг. Таганцева (О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву), Неклюдова (Руководство къ особенной части русскаго уголовного права), Лохвицкаго (Курсъ русскаго уголовного права, 1867), Фойницкаго (Курсъ уголовного права, часть особенная, 1890), Вудзинскаго (О преступленіяхъ въ особенности, 1887; его же О *pojedynkach*, 1866) и др.

Что касается русскихъ законовъ о дуэли, то у Кроаббона приведены нѣкоторыя (не всѣ) статьи (подъ невѣрными №№) устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій ¹⁾ и постановленія уголовного уложенія 1866 г. Прошлогодній нашъ законъ о дуэли не былъ еще изданъ во время печатанія книги Кроаббона. Наконецъ, послѣдняя, шестая, часть разбираемаго сочиненія—приложеніе, въ которомъ разсказаны 115 случаевъ дуэли и вызововъ на дуэль.

Книга снабжена подробнымъ *Résumé des matières*, образцами протоколовъ до и послѣ встрѣчи и библиографическимъ указателемъ сочиненій о дуэли, вышедшихъ во Франціи съ начала XIX ст.

Таково содержаніе и наиболѣе выдающіяся особенности книги. Очевидно, она оставляетъ незатронутыми многіе вопросы, которые должны были бы найти въ ней мѣсто. Такъ прежде всего нельзя не замѣтить, что въ ней совершенно опущена исторія поединка, значеніе которой для уясненія многихъ сторонъ этого явленія не можетъ подлежать сомнѣнію.

Затѣмъ, въ трактатѣ о чести подъ столь широкимъ заглавіемъ, какъ рассматриваемое сочиненіе, можно было бы ожидать болѣе всесторонняго анализа понятія чести, ея основаній, различныхъ проявленій и значенія ²⁾, чѣмъ тотъ, который мы въ немъ находимъ.

Наконецъ, напрасно было бы искать въ сочиненіи Кроаббона рѣшенія вопроса о томъ, можно ли оправдать дуэль или нѣтъ, съ точки зрѣнія морали, справедливости, государственнаго порядка и т. п. Словомъ, историческая сторона изслѣдуемаго имъ вопроса вовсе не рассмотрѣна, а сторона философская едва затронута. Поэтому книга Кроаббона имѣетъ главнымъ образомъ практическое значеніе. Она полезна для участниковъ въ дуэли, судей, прокуратуры и адвокатовъ. Первые найдутъ въ ней не только техническія правила, но и разъясненіе юридическихъ послѣдствій дуэли, а также указанія способовъ избѣжать этихъ послѣдствій; а судьи, прокуратура и адвокатура могутъ ознакомиться съ правилами дуэли, знаніе которыхъ можетъ оказаться необходимымъ при судебномъ разслѣдованіи дѣла о дуэли.—И. Ивановскій.

¹⁾ У Кроаббона ст. 855, 857, 861 и 867, въ Уставѣ, изд. 1890, ст. 225—287.

²⁾ См. проф. І. Экштейна, *Честь въ философіи и въ правѣ*. Спб. 1895.

II.

Adolphe Brisson. La Comédie Littéraire. Paris. 1895. Стр. 879.

Подъ нѣсколько ироническимъ заглавіемъ своей книги Бриссонъ собралъ рядъ замѣтокъ о текущей литературѣ и сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ характеристикъ французскихъ романистовъ и поэтовъ различныхъ направленій. Не примыкая самъ ни къ одному опредѣленному литературному ученію, Бриссонъ имѣетъ возможность говорить съ полной независимостью о всѣхъ современныхъ писателяхъ, и этой свободой онъ пользуется главнымъ образомъ для проявленія своей склонности къ юмору; онъ говоритъ съ тонкой ироніей и о смѣшныхъ сторонахъ школы Верлена, и о сентиментальности Коппэ, и дѣлаетъ это съ большимъ тактомъ, не умаляя истинныхъ достоинствъ писателя, какого бы направленія онъ ни держался.

Изъ писателей, уже достигшихъ славы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и пережившихъ ее, Бриссонъ характеризуетъ въ краткихъ, но содержательныхъ очеркахъ Вагера, Дерулёда, Коппэ и корифеевъ современнаго французскаго романа, Зола, Додэ, Лоти. По поводу послѣднихъ трехъ трудно ожидать чего-либо новаго въ посвященныхъ имъ бѣглыхъ замѣткахъ, но все-таки въ разборѣ „Lourdes“ есть много характернаго и вѣрнаго. Такъ Бриссонъ подмѣтилъ привычку Зола описывать своихъ героевъ извѣстными эпитетами и повторять тѣ же эпитеты каждый разъ при появленіи этихъ лицъ; въ результатѣ получается особаго рода неподвижность характеристикъ. „Я знаю,—прибавляетъ Бриссонъ,—что, благодаря этимъ повтореніямъ, физиономіи дѣйствующихъ лицъ Зола приобрѣтаютъ особую рельефность. Зола пользуется этимъ средствомъ, чтобы видъ его героевъ прочно запечатлѣлся въ нашей памяти; но въ результатѣ получается большая усталость, хочется бѣжать отъ этихъ призраковъ“...

Очень вѣрно и мѣтко обрисованъ въ книгѣ Бриссона Поль Дерулёдъ съ его шовинизмомъ, его храбростью и его среднимъ поэтическимъ талантомъ. Не отрицая склонности Дерулёда къ вышнему кричащему патриотизму, оскорбляющему чувству мѣры, Бриссонъ признаетъ въ немъ искреннее увлеченіе и отиѣчаетъ благородство его поведенія послѣ паденія Буланже. Поэзію Дерулёда Бриссонъ считаетъ очень средней, слишкомъ тенденціозной. „Дерулёдъ,—по его опредѣленію,—скорѣе поэтъ душой, чѣмъ талантомъ. Въ немъ есть поэтическія качества — его энтузіазмъ и вѣра, но онъ не умѣетъ отвлечься отъ настроеній даннаго момента, не умѣетъ углубиться въ себя и взглянуть на свои чувства съ высоты. Онъ—поэтъ, какииъ

можетъ быть человѣкъ дѣйствія, который всего себя даетъ въ каждомъ дѣйствіи. Въ немъ недостаетъ той таинственной силы, при посредствѣ которой истинные поэты пробуждаютъ въ насъ глубокія и гнѣзныя ощущенія. Онъ ничего не вызываетъ въ душѣ—въ немъ нѣтъ ни малѣйшей частички безконечнаго“.

Въ этой краткой характеристикѣ, которую Бриссонъ подкрѣпляетъ разборомъ стихотворныхъ сборниковъ Дерулёда, „Chants du paysan“, „Chants du soldat“ и др., Бриссонъ не только вѣрно рисуетъ личность Дерулёда, но дѣлаетъ опредѣленіе поэзіи, какъ ее понимаетъ новѣйшее поколѣніе поэтовъ, создавшихъ идеалистическое искусство послѣдней четверти вѣка.

Къ молодымъ французскимъ поэтамъ, съ ихъ оригинальностью и порой эксцентричностью, Бриссонъ относится очень сдержанно. Онъ очень остроумно вышучиваетъ поэта анархиста Лорана Тальяда, дорого поплатившагося за свою знаменитую фразу: „Qu'importe que de vagues humanités périssent, si le geste qui les frappe est un beau geste“. Но отмѣчая смѣшную сторону инцидента съ бомбой, изуродовавшей Тальяда чрезъ недѣлю послѣ его фразы о „beau geste“, Бриссонъ не отказывается отдать должное положительнымъ качествамъ его поэзіи; среди его претенціозныхъ выходовъ противъ всѣхъ писателей современной Франціи и столь же претенціозныхъ стиховъ въ сборникахъ „Jardin du rêve“, „Voyage au pays du mufle“, „Vitreaux“, Бриссонъ отмѣчаетъ и то, что въ нихъ есть поэтичнаго и новаго. Въ заключеніе онъ отводитъ Тальяду мѣсто среди второстепенныхъ поэтовъ, написавшихъ нѣсколько прекрасныхъ вещей на-ряду съ очень плохими; самыми лучшими стихотвореніями Тальяда онъ считаетъ тѣ, въ которыхъ проявилось болѣе всего злобы.

Очень сочувственный отзывъ Бриссонъ даетъ о молодомъ поэтѣ Роденбахѣ, котораго онъ называетъ „поэтомъ молчанія“. Его вдумчивыя, грустныя описанія „забытыхъ уголковъ“ критикъ находитъ полными истинно поэтическаго настроенія. Сборникъ Роденбаха носить заглавіе: „Le Regne du Silence“ и полонъ поэзіи воспоминаній, того, что говорятъ душѣ мертвые предметы, въ которыхъ чувствуется отголосокъ жизни, прошедшей среди нихъ. Видъ этихъ предметовъ возбуждаетъ въ поэтѣ очень сложныя ощущенія, которыя онъ умѣетъ анализировать до конца и отражать поразительно гибкимъ языкомъ, передающимъ самыя тонкіе „нюансы нюансовъ“.

Изъ другихъ новѣйшихъ поэтовъ Бриссону приходится лишь съ улыбкой остановиться на широковѣщательномъ и страдающемъ маніей величія графѣ Робертѣ де-Монтескью Фезансажѣ. Его мудреный сборникъ „Chauves-Souris“ съ еще болѣе мудреннымъ оглавленіемъ и классификаціей стихотвореній онъ относитъ къ ряду литературныхъ

курьезовъ, въ которыхъ пустота содержанія и отсутствіе оригинальныхъ настроеній тщетно замѣняется учеными комбинаціями архаическихъ или просто непонятныхъ, выдуманныхъ словъ. Бриссонъ посвящаетъ болѣе пространные очерки двумъ другимъ представителямъ новой французской литературы—Полу Верлену и Саръ-Пеладану. Къ послѣднему онъ относится юмористически и даетъ въ нѣсколькихъ страницахъ очень удачный портретъ этого чудака, представляющаго нѣчто среднее между шарлатаномъ и моралистомъ. Описывая фотографическую карточку Sâr'a съ его фантастическимъ восточнымъ костюмомъ, съ его аффектированнымъ хаддейскимъ именемъ „Меродака“, т. е. государственнаго челоѣка, Бриссонъ спрашиваетъ себя, кто этотъ челоѣкъ: ученый ли философъ, спиритъ или свѣтскій моралистъ? Разсматривая же нѣкоторыя изъ многочисленныхъ трудовъ Пеладана (12 томовъ „*Décadence latine*“, 21 томъ „*Décadence esthétique*“, три тома „*Sciences mortes*“ и т. д.), главнымъ образомъ томикъ „*Comment on devient fée*“, онъ находитъ въ немъ много здравыхъ этическихъ разсужденій, намѣренно скрытыхъ подъ кабалистической внѣшностью. „Быть можетъ,—говоритъ въ заключеніе Бриссонъ,—Пеладанъ намѣренно обставляетъ себя таинственными аксессуарами. Онъ видѣлъ въ началѣ своей литературной карьеры, съ какимъ трудомъ дается успѣхъ, сколькихъ трудовъ и выжиданій онъ стѣбитъ. Онъ хотѣлъ сократить длинный путь и, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе публики, замаскировался астрологомъ... Къ несчастью, одѣтое имъ платье оказалось платьемъ Несса. Пеладанъ останется навсегда шарлатаномъ въ глазахъ толпы. И напрасно онъ будетъ раскаиваться, снимать парикъ, снимать браслеты съ рукъ и надѣвать сюртукъ добродѣтельнаго нотариуса—онъ останется до конца своихъ дней Саромъ, чудесникомъ Меродакомъ, тѣмъ, на кого буржуа указываютъ на улицѣ пальцемъ и надъ кѣмъ смѣются бугварные листки... И онъ никогда не попадетъ въ французскую академію!“

Въ очеркѣ о Полѣ Верленѣ Бриссонъ разсказываетъ всю литературную карьеру поэта, почти официально признаннаго главою новой французской поэзіи, „поэтомъ французской молодежи“. Критикъ напоминаетъ объ оригинальномъ плебисцитѣ, состоявшемся въ прошломъ году въ Café Procope: двѣсти литераторовъ, въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, участвовали въ выборахъ, и Полъ Верленъ получилъ 77 голосовъ, Сюлли Прюдомъ—36, Коппе—12 и т. д. Бриссонъ разбирается въ критическихъ отзывахъ, сдѣланныхъ о Верленѣ, и находитъ, что большинство критиковъ ошибается, считая Верлена инстинктивнымъ поэтомъ, челоѣкомъ съ столь же „новой душой“, какъ у Адама, впервые взглянувшаго на міръ, мечтателемъ съ откры-

тими глазами и отсутствующей душой. Основываясь главнымъ образомъ на послѣднемъ сборникѣ Верлена „Erigtamnes“, онъ находитъ его поэзію очень человѣчной, преисполненной благоразумія и выраженной яснымъ языкомъ. Онъ находитъ даже въ этомъ сборникѣ легкой оттѣнокъ ироніи, что указываетъ скорѣе на разсудочность, чѣмъ на непосредственность его творчества.

III.

Ernst Gnad. Litterarische Essays. Wien. 1895. Стр. 244.

При быстромъ ростѣ литературы въ наше время, книги, подобныя недавно вышедшему томику австрійскаго писателя Гнада, составляютъ полезное явленіе. Трудно услѣдить за безчисленными представителями различныхъ литературныхъ теченій, и чрезмѣрное изобиліе матеріала заставляетъ иногда проходить мимо заслуживающихъ вниманія писателей, если критика не отмѣчаетъ ихъ творчества. Такъ въ числѣ очерковъ, составляющихъ книгу Гнада, есть нѣсколько посвященныхъ неизвѣстнымъ за границей нѣмецкимъ поэтамъ, и довольно подробный разборъ ихъ произведеній даетъ полное представленіе о значеніи ихъ для литературы.

Изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей Гнадъ удѣляетъ наибольшее мѣсто Герману Зудерману, популярному романисту и драматургу. Зудерманъ принадлежитъ уже собственно не къ новѣйшей школѣ нѣмецкой и обще-европейской литературы, а къ старому поколѣнію натуралистовъ, обличающихъ язвы общества. Гнадъ ставитъ выше всего въ Зудерманѣ смѣлость его бытовыхъ картинъ, и въ этомъ отношеніи въ самомъ дѣлѣ авторъ „Frau Sorge“, драмъ „Sodom's Ende“, „Ehre“ и др. стоитъ значительно выше многихъ своихъ современниковъ. Совершенно справедливо приведенное Гнадомъ мнѣніе Лидмана (въ книгѣ: „Das deutsche Drama der Gegenwart“) о томъ, что драмы Зудермана будутъ со временемъ считаться цѣннымъ памятникомъ для исторіи теперешнихъ нравовъ, между тѣмъ какъ ихъ художественное значеніе совершенно забудется.

Какъ бытописатель современнаго нѣмецкаго общества, Зудерманъ показалъ шаткость нравственныхъ основъ, на которыхъ оно построено. Въ драмѣ „Die Ehre“ изображается относительность понятія о чести у обитателей барскихъ квартиръ „Vorderhaus'a“ и тѣсныхъ комнатъ „Hinterhaus'a“ берлинскихъ домовъ. Зудерманъ не становится на сентиментальную точку зрѣнія романтиковъ, отождествлявшихъ добродѣтель съ бѣдностью и порокъ съ богатствомъ; какъ сатирикъ,

болѣе глубоко понимающій современныя нравы, онъ показываетъ, насколько самое понятіе чести лишено теперь всякаго положительнаго содержанія. „Каждая каста, — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, — имѣетъ свою собственную честь, собственную чуткость, свои идеалы, даже свой особый языкъ. То, что мы называемъ вообще честью — не что иное, какъ тѣнь, которую мы отбрасываемъ, когда насъ освѣщаетъ солнце всеобщаго уваженія“. Нравы, воплощающіе это различіе въ пониманіи чести у людей различныхъ сословій, мастерски представлены у Зудермана; но самая драма, вытекающая изъ безпринципности общества, у него гораздо слабѣе. Преобладаніе эпическаго элемента въ творествѣ Зудермана недостаточно подчеркнуто его критикомъ; несмотря на сценичность большинства драмъ, онъ обнаруживаетъ въ авторѣ погоню за внѣшними эффектами и неумѣнье справиться съ богатымъ психологическимъ матеріаломъ своихъ сюжетовъ.

Изъ двухъ другихъ драмъ Зудермана: „Sodom's Ende“ и „Die Heimath“, Гнадъ ставитъ по замыслу выше послѣднюю. Въ ней выведена борьба между филистерскими предрасудками и жаждущей свободы душой; старыя начала воплощены въ родителяхъ актрисы Магды, современная жажда внутренней свободы — въ самой Магдѣ, защищающей „право грѣшить“. Послѣдняя напоминаетъ ибсеновскихъ героинь; но опять, задумавъ свою драму довольно глубоко, Зудерманъ ослабилъ основную идею слабостью исполненія. Его героиня — не „свободная душа“, а просто извращенная женщина съ пошлыми стремленіями къ внѣшней роскоши и столичному разгулу; во имя этихъ стремленій она затѣваетъ борьбу съ старикомъ-отцомъ, и въ разыгрывающемся конфликтѣ симпатіи зрителя перѣдко на сторону отца, „предрасудки“ котораго иногда прекраснѣе новаторскихъ замашекъ веселящейся актрисы.

Гнадъ ставитъ драмы Зудермана выше, чѣмъ его повѣсти; въ драмахъ рѣзче выступаетъ сатира нравовъ, противоположные элементы въ жизни общества, и если художественное исполненіе ихъ оставляетъ многого желать, онъ всѣ безъ исключенія задуманы интересно и задѣваютъ живые вопросы современной дѣйствительности. Романы Зудермана „Frau Sorge“, „Es war“ тоже полны современности, но критикъ справедливо нападаетъ на ихъ нехудожественность и слабость языка.

Изъ другихъ современныхъ поэтовъ Гнадъ называетъ Артура Фитгера, Фридриха Мареса и Ганса фонъ-Винтлера. Фитгеръ извѣстенъ какъ своими драмами: „Adalbert von Bremen“ „Von Gottes Gnaden“, такъ и сборниками лирическихъ стихотвореній. Онъ, кромѣ того, соединяетъ стихотворный талантъ съ живописью, и нѣкоторыя

изъ его картинъ обратили на себя большое вниманіе на выставкахъ. Двойственность его призванія отразилась на его творчествѣ, отмѣченномъ двойственностью настроенія. По основному характеру своей поэзіи Фитгеръ принадлежитъ еще къ поэтамъ старой школы. Лучше всего ему удается народная пѣсня; въ ней его романтическое пониманіе чувствъ отражается съ большою свѣжестью и красотой. Одна изъ лучшихъ поэмъ въ этомъ родѣ — „Der Glückliche“; конецъ ея звучитъ грустью, созданной жизненнымъ опытомъ: „самый прекрасный вѣнокъ не является наградой за труды, самый прекрасный вѣнецъ даритъ счастье“.

На-ряду съ народными пѣснями Фитгера, Гнадъ высоко ставитъ его философскія стихотворенія, собранныя подъ общимъ заглавіемъ „Credo“. Оригинальныхъ мыслей въ этихъ стихотвореніяхъ въ сущности мало, но въ нихъ видно стремленіе автора проникнуть въ тайну отношеній между человѣкомъ и природой.

Болѣе поверхностной является поэзія двухъ австрійскихъ поэтовъ: Фр. Маркса, оптимистическаго пѣвца военныхъ впечатлѣній и природы своей родины, и Г. фонъ-Винтлера, который недавно умеръ, оставивъ поэтическія произведенія, въ которыхъ природа Тироля и нѣжныя семейныя чувства составляютъ основной тонъ.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

НИКОЛАЙ ХРИСТИАНОВИЧЪ БУНГЕ.

(Род. въ Кіевѣ, 11-го нояб. 1823 г.; ум. въ Ц.-Селѣ, 3-го іюня 1896 г.)

Тотъ, можно сказать, подъемъ чувства единоплеменнаго и горячаго сожалѣнія, съ которымъ было встрѣчено и въ обществѣ, и въ печати, первое извѣстіе о кончинѣ, неожиданно постигшей Николая Христиановича въ Царскомъ-Селѣ, гдѣ онъ только-что собирался отдохнуть отъ трудовъ, — говоритъ краснорѣчивѣе всего о размѣрѣ утраты, понесенной въ его лицѣ не одною наукою, которой онъ не измѣнялъ и по оставленіи имъ катедры въ кіевскомъ университетѣ въ 1880 г., гдѣ было имъ завершено тридцатилѣтіе его профессуры (съ 1850 г.); безупречный и глубоко симпатичный характеръ послѣдовавшей затѣмъ всей его государственной дѣятельности, сначала какъ товарища и вслѣдъ затѣмъ какъ министра финансовъ (1880 г.; 1881—1886 г.), а наконецъ какъ предсѣдателя комитета министровъ (съ 1887 г.)—постъ, на которомъ онъ и скончался—все это только усиливало мѣру сожалѣнія о смерти, унесшей преждевременно подобнаго представителя правды и чести. Въ концѣ прошедшаго года ему исполнился 71 годъ — возрастъ для государственнаго человѣка, по крайней мѣрѣ, въ другихъ странахъ, не настолько преклонный, чтобы видѣть въ смерти неизбежное исполненіе закона природы.

Имя Н. Х. Бунге останется навсегда связаннымъ не только съ исторіею того университета, гдѣ онъ такъ много и такъ плодотворно потрудился въ теченіе трехъ десятилѣтій¹⁾, сначала какъ профессоръ, а потомъ, троекратно, какъ ректоръ (1859—1862; 1871—1875; 1878—1880 г.), но и съ исторіею роднаго города, гдѣ Н. Х., въ качествѣ гласнаго городской Думы, не могъ не оставить видныхъ слѣдовъ своей дѣятельности, судя по тому, что его не разъ склоняли принять на себя званіе городского головы; но онъ, вѣроятно, не считалъ возможнымъ совмѣстить обязанности этого званія съ профессурою. Благодаря своей дѣятельности въ кіевской Думѣ, онъ, однако, до конца своей жизни

¹⁾ За все это время, Н. Х. Бунге отсутствовалъ одинъ учебный 1868—64 годъ, когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ обсужденіи университетскаго устава и въ то же время принялъ на себя преподаваніе финансовъ и политической экономіи покойному Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу.

сохранялъ интересъ въ общественнымъ дѣламъ. Въ исторіи же нашего времени ему будетъ несомнѣнно принадлежать весьма почетное мѣсто; его будущему біографу предстоитъ потому завидная и благодарная работа—возсоздать образъ человѣка, никогда не измѣнявшаго своимъ идеаламъ, какъ бы ни измѣнялось все окружающее его. Въ этомъ, быть можетъ, и заключалась тайна того глубокаго уваженія, которое сопутствовало Н. Х. Бунге на всѣхъ его поприщахъ, въ самыя разнообразныя эпохи пережитой имъ жизни и только-что исполнившагося пятидесятилѣтія его повсюду плодотворныхъ трудовъ—онъ окончилъ университетскій курсъ и вступилъ въ жизнь въ 1845 году.

До какой степени Н. Х. Бунге оставался всегда неизмѣнно вѣрнымъ самому себѣ, своимъ основнымъ убѣжденіямъ,—это можно видѣть изъ сравненія того предисловія, которое онъ предпослалъ изданію своихъ прежнихъ трудовъ, явившемуся въ свѣтъ за нѣсколько недѣль до его смерти,—съ тѣмъ, что онъ писалъ лѣтъ 20 тому назадъ. Выше, въ замѣткѣ проф. Ив. Ив. Янжула по поводу этого самаго изданія (стр. 391), читатели найдутъ и оцѣнку научнаго значенія прежнихъ трудовъ покойнаго, и его нравственный обликъ, отразившійся въ томъ предисловіи къ изданію; а для такого сравненія того, что говорилъ Н. Х. Бунге въ послѣдніе дни жизни и лѣтъ двадцать тому назадъ, приведемъ отрывокъ изъ его статьи, помѣщенной въ нашемъ журналѣ (1876 г., мартъ, стр. 314—352) подъ заглавіемъ: „Монополія желѣзнодорожнаго царства и его ограниченія¹⁾“; она, безъ сомнѣнія, вошла бы въ предполагавшійся имъ новый сборникъ статей практическаго характера. Статья была написана по поводу извѣстнаго труда проф. А. И. Чупрова о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, явившагося въ свѣтъ въ 1875 г. Уже тогда Н. Х. Бунге былъ убѣжденнымъ защитникомъ мысли о необходимости выкупа государствомъ желѣзныхъ дорогъ.

¹⁾ До „Вѣстника Европы“, Н. Х. Бунге, въ пятидесятихъ годахъ, помѣщалъ свои изслѣдованія: въ „Отечествен. Запискахъ“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, по издавшейся тогда крестьянской реформѣ („От. Зап.“ 1858, № 8; „Русск. Вѣстн.“ 1859, № 2 и 8), по университетскому вопросу („Русск. Вѣстн.“ 1858, т. XVII); по вопросамъ экономическимъ въ „Журналѣ для акціонеровъ“ (1855 и 1858 гг.) и въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“ (1874 г.).—Кромѣ диссертаций: на степень магистра („Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра В.“, 1847 г.) и доктора („Теорія кредита“, 1852), Н. Х. Бунге, до вступленія въ должность министра финансовъ, издалъ, между прочимъ, слѣдующіе труды: 1) „О возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи“, Кіевъ, 1877 г.; 2) „О возстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи“, Кіевъ, 1878 г.; 3) „О соляномъ акцизѣ“; 4) „Товарные склады и варранты“; 5) „Основаніе политической экономіи“ и мн. др. Въ послѣднее время онъ издалъ книгу: „Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи“, 1890 г., и въ вышнемъ году—собралъ пересмотрѣнныя имъ вновь его же статьи, подъ заглавіемъ: „Очерки политико-экономической литературы“, Спб. 1895 г.

„Созданіе желѣзно-дорожной олигархіи — писалъ онъ — и вліяніе ея властителей (Railway-kings, Eisenbahnkönige) несравненно опаснѣе и вреднѣе для общества, чѣмъ сосредоточеніе новой силы въ рукахъ правительства, интересы котораго никогда не могутъ расходиться въ такой степени съ интересами общества, какъ интересы желѣзно-дорожныхъ „королей“. Поэтому приобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ казною есть вопросъ времени и зависитъ отъ условій, въ которыхъ находятся эти предпріятія“... Съ большою основательностью и знаніемъ дѣла Н. Х. Бунге оспариваетъ затѣмъ доводы, вызывавшіе въ А. И. Чупровѣ сомнѣнія относительно самой осуществимости выкупа желѣзныхъ дорогъ на практикѣ; но это, однако, не препятствуетъ критику сохранить все безпристрастіе и провѣрить свои собственные взгляды практическими соображеніями. „Можно ли сказать,—спрашиваетъ онъ далѣе,—что государственное желѣзно-дорожное хозяйство, замѣнивъ частную предпримчивость, дастъ одинакіе результаты въ Бельгіи и Испаніи, въ Англіи и Россіи, въ Россіи и Турціи? Можно ли ожидать, что въ данной странѣ администрація, при постройкѣ дороги, сьумѣетъ соединить строгій контроль за употребленіемъ денежныхъ средствъ, съ коммерческою распорядительностью? Можно ли рассчитывать, что, при эксплуатаціи, лица желѣзно-дорожнаго управленія будутъ смотрѣть на себя какъ на слугъ общества, а не какъ на власть, призванную къ начальствованію? Можно ли быть увѣрену, что высшій административный надзоръ будетъ отстаивать интересы пассажировъ и товароотправителей, и не подвергнется искушенію защищать, quand même, своихъ подчиненныхъ, увѣровавъ въ ихъ непогрѣшимость и даже безгрѣшность? Конечно, утвердительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы можно дать только въ такой странѣ, гдѣ въ бюрократіи существуетъ строгая дисциплина и сознаніе долга, поддерживаемое преданіемъ, а еще болѣе, гдѣ существуетъ контроль общественный, не ограничивающійся одною только обличительною литературою, подчиненною, въ свою очередь, административнымъ карамъ“...

Въ своемъ заключеніи, Н. Х. Бунге, возвращаясь къ труду А. И. Чупрова и отдавая всю справедливость его „несомнѣннымъ достоинствамъ“, коснулся своихъ разногласій съ нимъ, какъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, такъ и въ выборѣ способовъ къ ихъ практическому осуществленію, и при этомъ весьма краснорѣчиво высказалъ свое profession de foi, которому онъ остался вѣренъ до конца жизни и въ области науки, а также и на поприщѣ практической дѣятельности, какъ государственный человѣкъ.

„Въ области теоріи,—говорилъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ,—наше разногласіе сводится къ вопросу: составляютъ ли ученія о цѣнности и о доходахъ, выдвинутыя на первый планъ Ад. Смитомъ и

завершенныя изслѣдованіями Маркса—аксіомы, окончательно добытыя и установившіяся истины, или же возрѣнія, переживаемыя и даже въ значительной степени пережитыя наукою, *überwundene Standpunkte*, какъ говорятъ нѣмцы? Авторъ (А. И. Чупровъ) склоняется въ пользу перваго, рецензентъ (Н. Х. Бунге)—въ пользу втораго взгляда. Отождествленіе работы, употребленной на производство средствъ для удовлетворенія нашихъ потребностямъ, съ цѣнностью—безспорно пролило яркій свѣтъ на условія развитія богатства и благосостоянія народовъ; но теорія сдѣлала свое дѣло,—остается воспользоваться выработанными ею вопросами, гипотезами и положеніями, для изученія явленій дѣйствительной жизни, которыя никогда не улаживаются въ тѣсныя, назначаемыя для нихъ рамки, и, раздвигая ихъ непрерывно, требуютъ новыхъ научныхъ усилій. Та же участь уже постигла формулы, которыми пытались характеризовать идеальный порядокъ экономическаго устройства, начиная отъ знаменитой „*laissez faire, laissez passer*“! — и оканчивая — „*de chacun selon ses forces, à chacun selon ses besoins*“! Разница въ томъ, что односторонность формулъ экономическаго устройства замѣчается легче, чѣмъ неполнота доктринъ о цѣнности и о доходахъ. Какъ ни тяжело это для ученаго самолюбія, но ему приходится сознаться, что открытіе законовъ хозяйственныхъ явленій составляетъ достояніе будущаго; въ настоящемъ — самыя главныя и драгоцѣнныя приобрѣтенія человѣческаго ума—это знанія, данныя намъ опытомъ, или провѣренныя имъ настолько, что сомнѣніе въ ихъ истинѣ становится невозможнымъ, но они-то очень часто не даютъ намъ права произносить рѣшительныя приговоры“...

Таковы были всегда трезвые взгляды Н. Х. Бунге на научныя теоріи и ихъ дѣйствительное значеніе; тѣ же взгляды были высказаны имъ и теперь, въ упомянутомъ предисловіи, написанномъ почти наканунѣ смерти, двадцать лѣтъ спустя...

Еще болѣе интересны его взгляды на самое „рѣшеніе практическихъ задачъ“, на способы примѣненія каждой теоріи къ живой практикѣ дѣла, при чемъ уже тогда вполне высказался характеръ будущаго государственнаго чловѣка, какимъ онъ впоследствии и явился на дѣлѣ.

„Обращаясь — такъ заканчиваетъ свою статью Н. Х. Бунге—къ способу рѣшенія практическихъ задачъ, приходится имѣть дѣло съ дилеммою: можно ли устранить зло мѣрами простыми, рассчитанными на примѣненіе извѣстнаго теоретическаго принципа, или же—не слѣдуетъ ли проектировать ихъ сообразно съ условіями, среди которыхъ приходится дѣйствовать? Авторъ (А. И. Чупровъ), повидимому, склоняется на сторону перваго приема... Если девизъ: „да водворится

правда, и пусть погибнетъ міръ“—*fiat justitia, pereat mundus*—имѣеть за собой право давности, то не правильнѣ ли придерживаться взгляда, высказаннаго однимъ даровитымъ экономистомъ 40-хъ годовъ, Цѣшковскимъ: „да водворится правда, и да воспользуется ею міръ“—*Que la justice se fasse, et que le monde en profite!*.”¹⁾

Это послѣднее изреченіе, можно сказать, сдѣлалось неизмѣннымъ девизомъ всей дѣятельности покойнаго,—рѣдкаго человѣка и не въ наше время,—который не искалъ въ жизни ничего другого, кромѣ „правды — для всѣхъ“...

М. С.

4-го іюня 1895 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1895 г.

Современное молодое поколѣніе.—Полемика двухъ представителей его съ проф. Карѣвнымъ, по поводу „Писемъ“ послѣдняго къ учащейся молодежи.—Что мѣшаетъ у насъ устройству „бродячаго университета“.—Еще нѣсколько словъ объ „образцовомъ земствѣ“.—Отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о Н. Х. Бунге.—Д. А. Ровинскій †.

Русскую періодическую печать и русскую литературу, иногда въ лицѣ величайшихъ ея представителей (напр. Тургенева), часто упрекали въ излишнемъ вниманіи къ взглядамъ и чувствамъ молодого поколѣнія, въ искусственномъ ихъ поощреніи, въ желаніи поддѣлаться подъ нихъ или къ нимъ приспособиться. Въ послѣднее время такіа обвиненія слышатся сравнительно рѣдко, не потому, чтобы изсякло усердіе обвинителей, а потому, что менѣе опредѣленно, чѣмъ прежде, самое настроеніе молодежи. Какія теченія господствуютъ въ ея средѣ, да и есть ли въ ней господствующія теченія—объ этомъ существуютъ весьма различныя мнѣнія. Многие думаютъ, что характеристическія черты нынѣшней молодежи—равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ, мелочность интересовъ, преждевременная прагматичность, въ узкомъ житейскомъ смыслѣ этого слова. Намъ случалось уже говорить о неосновательности такихъ предположеній; ошибка заключается здѣсь въ томъ, что типъ, наиболѣе бросающійся въ глаза и наиболѣе новый, возводится на степень типа наиболѣе общаго. Симпатичнымъ,

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1876 г., мартъ, стр. 352: „Монополія желѣзно-дорожнаго царства“, Н. Х. Бунге.

желательнымъ преобладаніе этого типа не признается ни однимъ изъ тѣхъ, кто съ особенною настойчивостью констатируетъ его распространенность. Въ изображеніяхъ его, беллетристическихъ или публицистическихъ, чувствуется глубокое сожалѣніе объ упадкѣ, знаменуемомъ его побѣдой. Отъ молодежи, очевидно, по прежнему чего-то требуютъ, чего-то ожидаютъ—и грустятъ или негодуютъ, когда не находятъ ожидаемаго. Есть ли основаніе для такого отношенія къ вопросу? Не слѣдуетъ ли признать, что настроеніе молодежи соответствуетъ всецѣло настроенію окружающаго ее общества, поднимается или падаетъ вмѣстѣ съ нимъ, и не можетъ, слѣдовательно, ни представлять какихъ-либо серьезныхъ особенностей, ни быть предметомъ отдѣльнаго изученія?.. Безусловно отрицать зависимость одной части общества отъ всѣхъ остальныхъ, конечно, нельзя; но именно въ данномъ случаѣ она не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Условія русской жизни, съ тѣхъ поръ, какъ она перестала быть мертвенно-однообразной, неизбѣжно проводятъ демаркационную линію между тѣми, кто уже испыталъ ея дѣйствіе, и тѣми, кто только-что начинаетъ въ ней присматриваться. Эта линія не всегда одинаково глубока, не всегда проходитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; но, передвигаясь впередъ или назадъ, смягчаясь или обостряясь, она постоянно сохраняетъ свой основной характеръ. У нашихъ западныхъ сосѣдей, какъ и у восточныхъ, нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, той *solution de continuité* между различными фазисами личнаго развитія, которая, силою и рядомъ, наблюдается у насъ. Причины этому, безъ сомнѣнія, неодинаковы, отчасти даже противоположны. На Западѣ ничто не мѣшаетъ молодому человѣку идти по той дорогѣ, которую онъ для себя намѣтилъ на рубежѣ между своими *Lehr- и Wanderjahre*; на Востокаѣ дорога для него намѣчена заранѣе, помимо его воли, да и самый выборъ, еслибы онъ былъ возможенъ, представлялся бы до крайности ограниченнымъ. Англійскій, французскій, нѣмецкій студентъ присутствуетъ при борьбѣ мнѣній или даже участвуетъ въ ней—на студенческихъ конференціяхъ, въ *debating clubs* и т. п., какъ зритель или дилеттантъ, зная, что для него скоро наступитъ пора болѣе активнаго вмѣшательства; китайскому студенту чуждо и неизвѣстно самое понятіе о борьбѣ мнѣній. Изъ своей семейной или соціальной среды молодой англичанинъ, нѣмецъ, французъ часто выноситъ свободно усвоенное міросозерцаніе, измѣняющееся развѣ вполнѣдствіи, подъ вліяніемъ опыта; молодымъ китайцемъ готовое міросозерцаніе воспринимается механически, не допуская, за тѣмъ, никакихъ измѣненій. Не такова, обыкновенно, обстановка русской молодежи. Твердо установившихся взглядовъ ей не даетъ ни семья, ни школа; ея мысль развивается изъ себя самой или изъ

тѣхъ толчковъ, которые ее впервые пробуждаютъ; ее—т. е. эту мысль—ничего не стѣсняетъ, пока она остается въ области отвлеченій, и стѣсняетъ рѣшительно все, какъ только она соприкасается съ дѣйствительностью. Было время, когда положеніе нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ напоминало кое въ чемъ нынѣшнюю Россію. И что же? Ихъ тогдашняя молодежь была, до извѣстной степени, похожа на современную русскую. Почему, напримѣръ, нѣмецкіе буршеншафты, лѣтъ семьдесятъ пять тому назадъ, были или казались золовой пещерой, изъ которой, того и гляди, могутъ вылетѣть всякія бури, а въ настоящее время они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ студенческихъ корпорацій и никому не внушаютъ никакихъ опасеній? Почему утихла французская *jeunesse des écoles*, такъ часто бушевавшая во время реставраціи и іюльской монархіи? Почему, наконецъ, никогда не волновались оксфордскіе и кембриджскіе студенты? Не потому ли, что въ Германіи и Франціи давно исчезли, а въ Англіи и вовсе не существовали преграды, заслоняющія для молодежи перспективу будущаго и этимъ самымъ вызывающія безпокойную торопливость въ настоящемъ?.. Какъ бы то ни было, періоду разочарованій, напраснаго стучанья въ запертыя двери предшествуетъ у большинства русской молодежи періодъ надеждъ и увлеченій, исканій и смѣлыхъ полетовъ мысли—періодъ, рѣдко приносящій осязательные результаты, но еще рѣже, быть можетъ, проходящій совершенно безслѣдно. Русскія сѣренькія будни обладаютъ способностью всасыванья, ускользнуть отъ котораго тѣмъ труднѣе, чѣмъ оно постепеннѣе и незамѣтнѣе. Чтобы устоять противъ него хоть отчасти, нужна точка опоры въ себѣ самомъ—и ее всего легче найти въ воспоминаніи о „праздникѣ жизни“, о молодыхъ годахъ, когда вѣрилось въ возможность успѣшной борьбы съ „привычкой и средой“. Въ этой вѣрѣ мы видимъ отличительную черту такъ называемаго молодого поколѣнія—и ея утрату мы сочли бы большимъ несчастьемъ. Какія бы невзгоды ни переживало русское общество, какъ бы ни усиливались въ немъ „преданья рабства“, о которыхъ говоритъ поэтъ, съ какимъ бы трескомъ ни „пятились назадъ“, по его же выраженію, „равновременныя мѣры“,—все это не можетъ коснуться въ равной степени людей пожившихъ или отжившихъ—и людей еще не помятыхъ, не тронутыхъ жизнью. И между послѣдними, конечно, найдется не мало такихъ, которые „отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть“, какъ найдутся юноши—между стариками; но дѣйствіе причинъ, выдвигающихъ молодежь изъ общей массы, можетъ только становиться менѣе интенсивнымъ и экстенсивнымъ—совершенно прекратиться оно не можетъ, пока не измѣнится радикально все положеніе вещей, пока

Россія не сдѣлаетъ нѣсколькихъ шаговъ впередъ, на встрѣчу Европѣ, или нѣсколькихъ шаговъ назадъ, по направленію къ Азіи.

Таковъ выводъ, къ которому мы приходимъ а priori; но какъ поверить его фактически, указаніями самой жизни? Молодое поколѣніе нигдѣ у насъ не выступаетъ на сцену, какъ организованная группа, и не составляетъ такой группы; его различные элементы не имѣютъ своихъ органовъ; отдѣльные его представители рѣдко говорятъ отъ его имени, особенно въ печати. Тѣмъ любопытнѣе двѣ небольшія брошюры, появившіяся недавно по поводу извѣстныхъ „Писемъ“ проф. Карѣева къ учащейся молодежи и написанныя студентами горнаго и технологическаго институтовъ (А. Трива, „Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на письма къ ней г. Карѣева о самообразованіи“; С., „Обращеніе товарища къ студентамъ“). Интересна въ нихъ для насъ не полемика съ Н. И. Карѣевымъ (которой, впрочемъ, у г. С. и нѣтъ почти вовсе), а сторона догматическая, т.-е. изложеніе взглядовъ самихъ авторовъ. „Нашу братію, — пишетъ авторъ, — можно раздѣлить на двѣ категоріи: обезпеченныхъ и необезпеченныхъ. Къ первымъ принадлежатъ: 1) аристократія и крупныя капиталисты и 2) чиновники, купцы и т. п. Мы знаемъ, насколько замкнутый кругъ представляетъ аристократія. Ей недоступны общечеловѣческіе интересы, она погрязаетъ въ глубокомъ эгоизмѣ. Ничего не напоминаетъ ей о сотняхъ милліоновъ людей, терпящихъ нужду. Въмѣсто того, чтобы достигнуть идеала самопожертвованія, она своей умъ, страсти и чувство низвела на степень прихотей. Все въ ней условно и искусственно. Потому-то Левъ Толстой, проведеній всю жизнь среди этого общества, промѣнялъ его на крестьянъ и проклялъ цивилизацію. Эта часть общества такъ пропитываетъ ребенка и юношу предрасудками, что онъ никогда не ощутитъ неудовлетворенности окружающей средой, а потому не будетъ поставленъ въ необходимость вырабатывать самостоятельно міросозерцаніе. Второй группѣ обезпеченныхъ, состоящей изъ чиновниковъ, купцовъ и т. п., уже болѣе сродна дѣйствительная жизнь. Страданія у нихъ постоянно передъ глазами. Въ впечатлѣніяхъ недостатка нѣтъ. Сознаніе своего собственнаго достоинства, своей личности, просыпается въ юношѣ подъ градомъ наносимыхъ ему оскорбленій. Въ учебныхъ заведеніяхъ онъ, такъ сказать, находится на службѣ; съ нимъ такъ обращаются, какъ будто онъ — слуга, а сами чиновники — господа. Эти послѣдніе такъ странно понимаютъ свои обязанности, что, пожалуй, можно подумать, что училища учреждены для ихъ кормленія и развлеченія... Дома, какъ и въ гостяхъ, юноша видитъ вездѣ карты или совершенно безсмысленные разговоры — сплетни. Недовольство средой все болѣе и болѣе крѣпнетъ и, наконецъ, достаточно незначительнаго случая, чтобы

оно вспыхнуло отчаяніемъ. Это ужасный, самый тяжелый моментъ въ жизни человѣка. Всѣ его понятія начинаютъ колебаться въ основаніяхъ. Въ окружающихъ его людяхъ ярко выступаютъ злоба, мелочность, тупоуміе и неправда... Многіе не выносятъ этихъ страданій и кончаютъ самоубійствомъ. Но сильна въ насъ вѣра въ человѣка, добро, истину. Первый шеваль повальнаго отчаянія проходить, и мы уже спокойнѣе стремимся найти правду, найти прочную основу нашей дѣятельности. Мы употребляемъ громадныя усилія, чтобы выработать себѣ новыя понятія, новые идеалы. Мы ищемъ объективной истины, вѣры, цѣльнаго, полного и стройнаго міросозерцанія, но не какъ *цѣли*, а какъ *средства* искоренить зло и неправду, водворить на землѣ миръ и любовь". Возражая далѣе противъ мнѣнія проф. Карѣва, что со времени его молодости, т.-е. съ начала семидесятыхъ годовъ, ничто въ настроеніи молодежи не измѣнилось, г. Трнеа восклицаетъ: „нѣтъ, очень многое перемѣнилось! Наше общество стало гораздо развитѣе! Объ этомъ мы можемъ судить хотя бы потому, что раньше оно увлекалось естественными науками, а теперь—политической экономіей. Большая разница! Жизнь, литература, наука дали намъ много новаго. Если перемѣнилось общество, перемѣнилась и учащаяся молодежь"... Поколѣніе семидесятыхъ годовъ, по свидѣтельству г. Карѣва, хотѣло *интереснаго* знанія. Автору „Отвѣта“ такая основа стремленія къ самообразованію кажется „ничтожной". „Мы также ищемъ знанія,—говоритъ онъ,—но знанія *полезнаго*! Его лучшее качество мы видимъ въ примѣнности къ жизни. Учебникъ насъ привлекаетъ болѣе популярно изложеннаго сочиненія: въ первомъ больше фактовъ, и, значитъ, мы имѣемъ возможность лучше его провѣрить, глубже понять. Чье же поколѣніе лучше?" Свои идеи, понятія, идеалы современная молодежь, по словамъ г. Трнеа, черпаетъ не столько изъ литературы, сколько изъ жизни, представленіе о которой составляетъ у нея преимущественно „по личнымъ наблюденіямъ надъ уродливыми противорѣчіями между фактами дѣятельности"... „Воспримемъ духомъ, товарищи,—такъ заканчивается брошюра г. Трнеа,—и поможемъ себѣ сами, если намъ не могутъ помочь наши наставники. Дорога, проложенная собственными усиліями, имѣетъ гораздо ббльшую цѣну, чѣмъ доставшаяся безъ всякаго труда. Въ борьбѣ съ жизнью разовьются наши силы, а также твердость и увѣренность. Поставимъ себѣ идеаломъ добро, истину и справедливость, и смѣло пойдѣмъ по пути, указанному намъ величайшимъ изъ людей—Христомъ".

По свидѣтельству автора другой брошюры, г. С., „Письма“ проф. Карѣва и „Отвѣтъ“ г. Трнеа взволновали всю „учащуюся братію". Сказать что-либо новое г. С. не обѣщаетъ, „ибо совершенно лишнее

искать новаго, когда у насъ есть прекрасное старое, которое вѣчно ново". Вслѣдъ за этимъ выражается надежда, что всѣ отличительныя черты конца XIX в., все называемое *fin de siècle* „останется далеко позади насъ, и въ новомъ столѣтїи и новомъ поколѣнїи произойдетъ полное обновленіе". Перїодъ отчаянїя, о которомъ говоритъ г. Трюко, знакомъ и г. С.: онъ пережилъ его самъ, когда искалъ и не находилъ цѣли жизни. Теперь онъ чувствуетъ почву подъ ногами и знаетъ, что „встанетъ, въ концѣ концовъ, твердо и увѣренно". Для молодежи, какъ и вообще въ жизни, „истина, добро, справедливость сдѣлались понятїями условными; а между тѣмъ все говоритъ намъ, что они должны быть абсолютными. Есть, навѣрное, есть одна истина, одно добро, одна справедливость; только мы ихъ не видимъ". Отсюда всеобщее недовольство, отражающееся и въ искусствѣ, и въ литературѣ, и въ жизни. Чтобы положить конецъ этому недовольству, нужно „сбросить съ себя все фальшивое и освободить истину отъ тѣхъ софизмовъ, которыми мы сами ее прикрыли". „Подадимъ другъ другу руку помощи!—воскликаетъ г. С., обращаясь къ молодежи.—Большая заслуга была бы намъ, еслибы мы могли произвести не переворотъ въ жизни, а внутреннее перерожденіе въ насъ самихъ. Не *самообразование* пусть будетъ нашею главною цѣлью, а *самоусовершенствованіе*". Средство къ самоусовершенствованію г. С. видитъ въ чтенїи и изученїи Евангелїа. „Среди учащейся молодежи,—говоритъ онъ,—есть люди, вѣрующїе и невѣрующїе въ божественность Іисуса Христа; но у насъ нѣтъ теперь людей, отрицающихъ Его историческое существованіе, и нѣтъ людей, которые не преклонялись бы передъ величіемъ идеи ученїя Его. Почему же чтенїе Евангелїа у насъ въ забросѣ? Почему человѣкъ, читающїй Евангелїе, считается ханжой?.. Евангелїе доступно всѣмъ и каждому, кто подходитъ къ нему просто, безъ предубѣжденїа. Это та общая книга, которая насъ можетъ всѣхъ объединить, не взирая на наши различныя спеціальности... До того времени, когда я началъ серьезно читать Евангелїе, я рассуждалъ, какъ и многіе, вѣроятно, рассуждаютъ: у меня собственно крупныхъ недостатковъ нѣтъ: я не краду, не убиваю, веду себя хорошо, занимаюсь посредственно, почитаю родителей, помогаю бѣднымъ, и если я и не совершенство, то во всякомъ случаѣ порядочный человѣкъ. Когда же я углубился въ чтенїе Евангелїа, то я понялъ, что вѣдъ также говорили фарисеи временъ Христа. Мнѣ стало ясно, что во мнѣ не было какъ разъ того чувства, которое меня болѣе всего привлекало къ ученїю Христа, а именно, любви къ ближнему... Я уже болѣе не щеголялъ передъ собою въ плащѣ фарисейской нравственности, я былъ въ своихъ глазахъ самый обыкновенный человѣкъ, съ самыми обыкновенными человѣче-

скими наклонностями, чтобы не сказать страстями. Я понялъ, что для осуществленія моральной части ученія Христа нужно стремиться къ самоусовершенствованію. Найти разгадку словамъ *истина, добро, справедливость* можно только читая Евангеліе, т.-е. познавая Христа. *Нѣтъ иного пути!*"

Объ брошюры, содержаніе которыхъ изложено нами, по возможности, словами самихъ авторовъ, носятъ на себѣ явные слѣды своего происхожденія; по всему видно, что онѣ написаны людьми очень молодыми, стремящимися не столько доказать свою мысль, сколько выразить владѣющее ими чувство. Г. Трико, раздѣливъ учащуюся молодежь на людей обезпеченныхъ и необезпеченныхъ, тотчасъ же забываетъ объ этомъ дѣленіи и не говоритъ ни слова о послѣдней категоріи, хотя она именно у насъ особенно многочисленна и вліятельна. Онъ любитъ абсолютныя, безапелляціонныя приговоры; для того, чтобы провозгласить превосходство современнаго молодого поколѣнія надъ прежними, ему достаточно установить, что интересъ къ естественнымъ наукамъ уступилъ мѣсто интересу къ политической экономіи ¹⁾, и что учебники дѣлятся теперь выше популярно-научныхъ сочиненій. Еще больше юношеской наивности у г. С., соединяющаго ее съ несомнѣнной поэтической жилкой (мы очень сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести сказаннаго имъ о картинѣ Веддера и о скульптурномъ произведеніи Родена). Въ нашихъ глазахъ, однако, самые недостатки брошюръ увеличиваютъ ихъ значеніе, какъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о настроеніи молодежи. По прежнему, очевидно, молодое поколѣніе—т.-е. та часть его, которая молода не только годами,—горячо принимаетъ къ сердцу печальныя стороны нашей жизни и предохраняется отъ отчаянія только надеждой на дѣятельность, направленную къ подготовкѣ лучшаго будущаго; по прежнему оно мечтаетъ объ искорененіи зла и неправды, торжество которыхъ по прежнему видитъ въ современной дѣйствительности. Различіе между обоими авторами заключается лишь въ томъ, что г. С. нашелъ готовое рѣшеніе, а г. Трико его еще ищетъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ отношеніи большинство молодыхъ людей гораздо ближе къ г. Трико, чѣмъ къ г. С.; да и въ послѣднемъ, быть можетъ, успокоеніе скоро опять смѣнится тревогой. Пускай г. С. припомнитъ, какъ много у него единомышленниковъ по имени, съ которыми онъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ ничего общаго — и онъ пойметъ, что окончательное рѣшеніе, для

¹⁾ Это указаніе не совсѣмъ точно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ шестидесятымъ годамъ; что тогда, рядомъ съ естественными науками, много занимались и политической экономіей, объ этомъ свидѣлствуетъ хотя бы успѣхъ книги Милля, переведенной Чернышевскимъ.

него, какъ и для тѣхъ, къ кому направленъ его призывъ, еще далеко впереди, и нелегко достижимо. То „старое“, которое г. С. вполне справедливо называетъ „прекраснымъ“, существуетъ уже девятнадцать вѣковъ—а между тѣмъ человечество все еще продолжаетъ страдать, бороться и ненавидѣть, отчасти потому, что одни и тѣ же слова понимаются до крайности различно, отчасти потому, что *примѣненіе* ихъ почти никогда не соответствуетъ ихъ *пониманію*. Формула г. С. „не самообразование, а самоусовершенствованіе“, недостаточна и невѣрна: *недостаточна*, потому что самоусовершенствованіе — понятіе неопредѣленное и эластичное, подъ которое можно подвести многое отнюдь не знаменующее перемены къ лучшему; *невѣрна*, потому что самообразование или образованіе — далеко не излишній свѣточъ на пути къ самоусовершенствованію. Мало развить въ себѣ всевозможныя хорошія нравственныя качества—нужно еще *умѣть* пользоваться ими для общаго блага, нужно *знать*, чего требуетъ общее благо... Г. Трико свободенъ отъ ошибки, сдѣланной г. С.: онъ признаетъ необходимость *знанія*, какъ орудія въ борьбѣ со зломъ и неправдой, и даже впадаетъ въ односторонность, отрицая или осуждая стремленіе къ истинѣ только ради истины. Это увлеченіе вполне понятно: созерцаніе не свойственно молодежи, ей нуженъ немедленный переходъ къ дѣйствию. Отсюда—замѣтимъ мимоходомъ — и несправедливость г. Трико по отношенію къ проф. Карѣеву. Наставляя на „выработкѣ мѣросозерцанія“, Н. И. Карѣевъ, конечно, не предполагалъ, что оно должно оставаться чѣмъ-то теоретическимъ, отвлеченнымъ, а видѣлъ въ немъ, между прочимъ, именно основу будущей дѣятельности.

Въ брошюрѣ г. Трико насъ поразили горькія слова, посвященные нѣмъ вліянію школы на подростающее поколѣніе. Со времени гимназической реформы семидесятыхъ годовъ у насъ болѣе чѣмъ когда-либо принято утверждать, что въ учебномъ мѣрѣ—или, по крайней мѣрѣ, въ той его части, которую образуютъ учащіе—все обстоитъ благополучно. Немногіе лучи свѣта, проникающіе случайно въ глубь этого міра, освѣщаютъ большую часть картины совершенно иного рода—и однимъ изъ такихъ лучей является отзывъ г. Трико, тѣмъ болѣе знаменательный и тѣмъ болѣе искренній, что онъ брошенъ мимоходомъ, безъ всякихъ обличительныхъ намѣреній. Авторъ просто констатируетъ фактъ, считая его, очевидно, хорошо извѣстнымъ всему молодому поколѣнію. Кто въ состояніи измѣрить массу вреда, приносимаго воспитателями-„чиновниками“ и „господами“? „Градъ оскорбленій“, о которомъ говоритъ г. Трико, ни для кого не проходитъ безслѣдно: однихъ онъ ожесточаетъ, другихъ—принижаетъ, и послѣдніе страдаютъ отъ него, сами того не замѣчая, еще болѣе, чѣмъ первые... Въ какой степени улучшается обстановка молодыхъ

людей, когда они изъ средней школы переходятъ въ высшую—объ этомъ мы говорить не будемъ, чтобы не выходить изъ области вопросовъ, затронутыхъ гг. Трико и С.: остановимся только на другомъ переходѣ, еще не испытанномъ авторами, но очевидно тяготеющему надъ ихъ мыслью—на переходѣ отъ школы къ жизни. Общество, въ которое вступаютъ молодые люди—вѣдь это то самое общество, которое въ такихъ непривлекательныхъ краскахъ представлялось имъ только-что осмыслившемуся взгляду. Ихъ поддерживала надежда на внесение въ его среду чего-то новаго, свѣжаго; но какъ велики шансы, что исполнится эта надежда? Много ли путей, не избитыхъ и не шаблонныхъ, открывается для той дѣятельности, которую они заранѣе себѣ намѣчали? Что вѣроятнѣе — воздѣйствіе ихъ на общество, или воздѣйствіе общества на нихъ самихъ, подводнящее ихъ, мало-по-малу, подъ общій, невысокій уровень?.. Слишкомъ ясенъ отвѣтъ, который можетъ быть данъ на всѣ эти вопросы; столь же ясна для насъ необходимость подумать о томъ, какимъ образомъ могли бы быть сберегаемы силы, теперь, сплошь и рядомъ, растрачиваемыя или исчезающія безъ пользы...

Почти одновременно съ брошюрой г. Трико намъ случилось прочесть въ „Новомъ Времени“ (№ 6911, фельетонъ г. Сигмы) описаніе „мертворожденнаго“ бѣлорусскаго городка, въ которомъ безраздѣльно царятъ карты, водка и сплетни. Справедливо находя, что недалеко ушли впередъ, сравнительно съ этимъ захолустьемъ, и многіе другіе, болѣе крупные уѣздные и губерніскіе центры, авторъ описанія приходитъ къ заключенію, что нужно возбудить въ нашихъ провинціальныхъ „правящихъ классахъ“ хоть какія-нибудь духовныя стремленія, показать имъ нѣчто болѣе интересное, „чѣмъ представленія опереточной труппы или маскарада въ благородномъ собраніи“. Средство къ достиженію цѣли онъ видитъ въ созданіи чего-то въ родѣ „бродячаго университета“, въ организаціи „профессорскихъ гастролей“, т. е. публичныхъ лекцій, которыя могли бы читать профессора въ мѣстахъ или вблизи мѣстъ своего лѣтняго отдыха. Отвѣтственными за то, что у насъ до сихъ поръ не устроивается ничего подобнаго, авторъ склоненъ считать молодыхъ ученыхъ, которыхъ „перестала привлекать общественная дѣятельность; они или служатъ чиновниками, или уходятъ въ свою скорлупу и ревниво скрываютъ отъ посторонняго глаза свои мысли и чувства“. Въ заключеніе выражается надежда, что „оскудѣніе общественныхъ интересовъ среди представителей русской каѳедры есть явленіе временное и скоропреходящее“. Что между нашими молодыми учеными есть и такіе,

которые ничего не видят и не хотят видѣть внѣ своей узкой специальности—это не подлежит сомнѣнію; но большинство въ этомъ вовсе неповинно, и обобщеніе, дѣлаемое фельетонистомъ „Новаго Времени“, до крайности несправедливо. Неужели ему неизвѣстны хотя бы такіе факты, какъ публичныя чтенія, устроенныя, прошлой зимой, въ Нижнемъ-Новгородѣ двумя доцентами московскаго университета? Еслибы онъ о нихъ слышалъ, онъ долженъ былъ бы знать, что главная причина, мѣшающая осуществленію русскаго „бродячаго университета“ или просто широкаго цикла публичныхъ чтеній, заключается отнюдь не въ индифферентизмѣ нашихъ ученыхъ, молодыхъ и старыхъ. Мы видѣли еще недавно ¹⁾, сколько инстанцій долженъ пройти, въ провинціи, вопросъ о разрѣшеніи хотя бы одной публичной лекціи—а числу инстанцій соответствуетъ, въ данномъ случаѣ, и число препятствій... *Ab uno disce omnia*: по одному этому примѣру можно судить о томъ, какъ легко у насъ молодымъ людямъ, вступающимъ или вступившимъ въ жизнь, утолить жажду дѣятельности, свойственную молодости.

Нѣкоторый просторъ для этой дѣятельности представляли, до послѣдняго времени, земскія должности, замѣщаемыя какъ по выбору земскихъ собраній, такъ и по назначенію земскихъ управъ. Теперь положеніе дѣла и здѣсь существенно измѣнилось: все чаще и чаще повторяются случаи неутвержденія администраціей какъ избранныхъ, такъ и назначенныхъ земскихъ дѣятелей, все больше и больше суживается ихъ свобода и инициатива. Забѣгая впередъ, партизаны модныхъ тенденцій предлагаютъ совершенно порвать съ старыми земскими преданіями. Одинъ изъ нихъ, самый услужливый и усердный, г. Букѣвскій, все еще продолжающій свои наѣзды на „образцовое“ земство—не только восхваляетъ тверскаго губернатора за неутвержденіе въ должностяхъ предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ всѣхъ „такъ или иначе игравшихъ въ оппозицію“, но находитъ такой способъ устраненія ихъ „слишкомъ хлопотливимъ, слишкомъ благопріятнымъ для земскихъ оппозиціонныхъ элементовъ“ (?!), и предлагаетъ другой, упрощенный: „чѣмъ назначать членовъ и предсѣдателей управъ послѣ столькихъ передерягъ, не лучше ли было бы опредѣлять ихъ прямо по назначенію отъ правительства“, предупреждая тѣмъ самымъ „всякую возможность борьбы и недовольства распоряженіями представителя мѣстной правительственной власти?“ Итакъ, распоряженіе губернатора, *прямо* назначающаго весь составъ управы, никакого недовольства возбудить не можетъ?... Оставляя въ сторонѣ эти жалкіе софизмы, замѣтимъ только, что присяжный обвинитель тверскаго земства не соблюдаетъ даже самаго элементарнаго

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 5 „Вѣстн. Европы“ за 1895 г.

условія обвиненія—фактической точности. Онъ увѣряетъ, напримѣръ, что до послѣднихъ выборовъ „въ тверское губернскае земское собраніе не проникали почти никакіе оппозиціонные элементы“, что новички, склонные къ самостоятельности, попадали „въ компанію изъ 60—70 человекъ совершенно *своихъ* между собою въ организованную дисциплинированную и тѣсно сплоченную котерію“, бороться съ которою было невозможно. Это совершенно невѣрно: на выборахъ 1891 г. представитель той группы, которая ненавидна г. Букѣвскому, былъ выбранъ въ предсѣдателя губернской управы большинствомъ лишь нѣсколькихъ голосовъ, а когда онъ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи, у его сторонниковъ не нашлось другого кандидата, въ пользу котораго могло бы образоваться большинство. Численныя силы обѣихъ „парцій“ уже тогда были почти одинаковы. Невѣрно и то, что въ нынѣшнемъ году неутвержденіе въ должностяхъ постигло однихъ лишь „игравшихъ въ оппозицію“. Какъ ни понимать слово: *оттозиція*, подъ него рѣшительно не подходитъ г. Квашининъ-Самаринъ, ржевскій уѣздный предводитель дворянства, бывший много лѣтъ сряду предсѣдателемъ тверской губернской земской управы и въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ вновь выбранный на эту должность. Въ настоящее время ее занимаетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ земскихъ начальниковъ тверской губерніи... Чтобы довершить знакомство нашихъ читателей съ г. Букѣвскимъ, приведемъ изъ его фельетоновъ двѣ небольшія выписки, относящіяся къ администраціи вообще и къ одному изъ администраторовъ въ особенности: „наша даже провинціальная администрація, не говоря уже о центральной, въ послѣднюю четверть вѣка несомнѣнно улучшалась и по своему личному составу, и по своимъ приемамъ и обычаямъ. Трудно, если не невозможно, указать примѣры какихъ-либо ея произвольныхъ, рискованныхъ или пристрастныхъ дѣйствій. По корректности своего образа дѣйствій она могла бы служить образцомъ для всякихъ общественныхъ учреждений. Никогда администрація не обращается къ земству съ требованіями незаконными или преувеличенными... Нужно отдать полную справедливость энергіи, настойчивости и знанію дѣла тверскаго губернатора. За короткий срокъ трехъ-четырехъ лѣтъ онъ поднялъ на надлежащую высоту престижъ правительственной власти въ губерніи и заставлялъ легкомысленныхъ или злонамѣренныхъ земскихъ дѣльцовъ вспомнить, что тверская губернія никогда не выдѣлялась изъ состава російскихъ областей (?) и никогда не отдавалась въ кормленіе (!) наиболѣе шустрымъ и ловкимъ изъ мѣстныхъ обывателей“. Такая смѣсь оміяма по адресу власти съ оскорбленіями по адресу опальныхъ дѣятелей—явленіе рѣдкое даже въ нашей реакціонной печати.

Когда, дѣтъ десять тому назадъ, сходилъ со сцены писатель или общественный дѣятель, не пользовавшійся при жизни сочувствіемъ нашихъ газетныхъ „охранителей“, ихъ главный органъ—„Московскія Вѣдомости“—держался системы молчанія объ умершемъ. Такъ было, напримѣръ, послѣ смерти Тургенева, Костомарова, Кавелина. Можно было думать, что та же система будетъ примѣнена и къ Н. Х. Бунге, который, въ продолженіе всей первой половины восьмидесятихъ годовъ, былъ предметомъ такихъ ожесточенныхъ нападеній со стороны московской газеты. Случилось иначе. Потому ли, что эти нападенія были личнымъ дѣломъ тогдашняго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, потому ли, что Н. Х. Бунге былъ не только общественнымъ дѣятелемъ, но и крупнымъ государственнымъ чело-вѣкомъ, московская газета посвятила ему статью, признающую его высокія нравственныя качества и даже его глубокую мудрость. Съ похвалами переплетены, однако, оговорки, напоминающія, отчасти, прежнее боевое отношеніе къ покойному. По мнѣнію преемниковъ Каткова, недостаточное знакомство Н. Х. Бунге съ *практикой* „сильно препятствовало достиженію благихъ цѣлей“, которыми онъ задавался въ своихъ ученыхъ работахъ. Въ его административной дѣятельности „теорія также часто одерживала верхъ надъ практикой, и вслѣдствіе этого принимаемыя мѣры не всегда приводили къ плодотворнымъ результатамъ, почему для многихъ законовъ, вскорѣ по изданіи ихъ, требовались серьезные поправки“. Второю отличительной чертою Н. Х. Бунге выставляется „крайняя осторожность, подчасъ переходившая въ нерѣшительность. Онъ избѣгалъ крупныхъ реформъ, предпочитая частичныя мѣры, имѣвшія, во многихъ случаяхъ, характеръ компромисса. Такъ напримѣръ, при немъ былъ предпринятъ рядъ измѣненій въ нашемъ таможенномъ тарифѣ, въ смыслѣ усиленія охраны національнаго производства отъ иностранной конкуренціи; но эти измѣненія отличались болѣею частью случайнымъ характеромъ“. Признавая большой заслугой Н. Х. Бунге учрежденіе податной инспекціи (противъ которой сильно возставали, въ свое время, единомышленники Каткова—напр., извѣстные члены меньшинства Кочановской комиссіи), „Московскія Вѣдомости“ находятъ, что „и эта реформа проведена была имъ нерѣшительно, такъ что дальнѣйшее развитіе и болѣе прочную постановку она получила лишь при его преемникахъ“. Ни съ однимъ изъ этихъ замѣчаній мы не можемъ согласиться. Изъ того, что Н. Х. Бунге никогда (къ счастью) не былъ *дьякомъ*, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не былъ *практическимъ дѣятелемъ*. Если онъ старался согласовать практику съ теоріей, т.-е. принимать въ расчетъ не только требованія минуты, но и указанія науки и историческаго опыта, то въ этомъ заключалась не

слабость его, а сила; именно это дало единство и смыслъ его финансовой политикѣ, именно это позволило ему задумать и провести такія *крупныя реформы*, какихъ не предпринимали ни его предшественники, ни его преемники. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не заслуживаютъ названія *крупныхъ* такія нововведенія, какъ отиѣна подушной подати, какъ перенесеніе части податного бремени на достаточные классы общества (налогъ на наслѣдство), раскладочный и дополнительный сборъ, сборъ съ процентныхъ бумагъ), какъ учрежденіе фабричной инспекціи и приступъ къ регламентаціи фабричной работы, какъ созданіе крестьянскаго поземельнаго банка? Правда, по многимъ изъ этихъ путей можно и должно было пойти гораздо дальше, чѣмъ пошелъ Н. Х. Бунге;—но вѣдь нельзя же забывать о препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу и которыя исходили, между прочимъ, именно отъ общественныхъ группъ, пользующихся поддержкой реакціонной печати (припомнимъ, напримѣръ, бывшныя нападки „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ налога на процентныя бумаги). Этими препятствіями обуславливались, отчасти, и тѣ немногіе „компромиссы“, на которые былъ вынужденъ Н. Х. Бунге (напр., учрежденіе дворянскаго земельного банка). Несмотря на все это, онъ успѣлъ, въ пять съ половиною лѣтъ, сдѣлать, для блага народа, отнюдь не меньше, чѣмъ было сдѣлано въ двадцать лѣтъ до него и въ восемь лѣтъ послѣ него. Его преемники увеличили личный составъ податной инспекціи; но своего развитія до тѣхъ предѣловъ, которые намѣчалъ для нея Н. Х. Бунге, она ожидаетъ еще и до сихъ поръ. Что касается до перемѣнъ въ законахъ, изданныхъ при Н. Х. Бунге, то нужно еще доказать, что это были перемѣны къ лучшему...

11-го іюня телеграфъ принесъ печальное извѣстіе о смерти Д. А. Ровинскаго въ Вильдунгенѣ близъ Касселя. Русское общество понесло съ этой смертью тяжелую утрату, въ настоящее время незамѣнимую. Не будемъ говорить объ его долгой, полувѣковой служебной дѣятельности, въ теченіе которой онъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ приготовленіи и введеніи судебной реформы, и которую онъ закончилъ въ сенатѣ въ Петербургѣ; почти столь же продолжительный и въ высокой степени цѣнный трудъ совершаемъ былъ Д. А. Ровинскимъ на совсѣмъ иномъ поприщѣ — въ области русской этнографіи и исторіи искусства русскаго и западно-европейскаго. Какъ говорятъ, еще съ пятидесятныхъ годовъ (если не раньше) онъ сталъ ревностнымъ собирателемъ, именно собирателемъ гравюръ. Безъ сомнѣнія, уже тогда возникла у него мысль, которая была осуществлена имъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ тѣхъ монументальныхъ тру-

дахъ, которые навсегда сохранять его имя въ исторіи русскаго народнаго искусства. Онъ дѣйствительно не жалѣлъ ни труда, ни издержекъ для того, чтобы собрать возможно полную коллекцію гравюръ, послужившихъ матеріаломъ для его изданій и изслѣдованій: онъ совершалъ далекія путешествія по Россіи и за границей, тратилъ большія суммы для приобрѣтенія рѣдкихъ экземпляровъ, и когда наконецъ приступилъ къ исполненію своихъ работъ, онъ явился первымъ знаткомъ дѣла, богатымъ опытомъ и историческимъ знаніемъ. Главными трудами его были: „Исторія русскихъ школъ иконописанія“, „Русскія народныя картинки“, „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“; спеціальныя работы онъ посвятилъ русскимъ граверамъ: Чемесову, Уткину, Берсеневу, Иордану, и живописцу Перову; въ области русской гравюры, онъ далъ огромное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта. Кромѣ того громаднаго значенія, какое имѣли труды Д. А. Ровинскаго спеціально для исторіи русской гравюры, эти труды имѣютъ также величайшій историческій интересъ. Въ Словарѣ гравированныхъ портретовъ помещено до семисотъ фототипій русскихъ историческихъ лицъ съ біографическими данными, съ замѣчаніями о сходствѣ и подлинности портретовъ, и въ заключеніе цѣлое изслѣдованіе о русской портретной живописи и гравированіи. Совершенно своеобразный и высокій интересъ представляетъ трудъ Д. А. Ровинскаго, посвященный русскимъ народнымъ, такъ называемымъ лубочнымъ, картинкамъ: это — громадная коллекція до 1.700 картинъ, воспроизведенныхъ очень часто съ экземпляровъ чрезвычайно рѣдкихъ, въ громадномъ атласѣ, къ которому присоединено въ пяти томахъ подробное описаніе картинъ и исторія русской народной гравюры. Изданіе представляетъ величайшій интересъ для русской исторіи и для русской этнографіи: въ объясненіи картинокъ Д. А. Ровинскій примѣнилъ не только общее историческое знаніе, но и такое живое знаніе народнаго быта, старины и преданій, какое рѣдко можно встрѣтить въ литературѣ нашей археологіи; разсказъ, съ виду антиварскій, нерѣдко становится привлекательнымъ по своей живости и образности, — понятно, что эти качества могли быть даны только собственной живой любовью писателя къ предмету и глубокимъ изученіемъ.

Объ его личномъ характерѣ скажемъ пока словами одного изъ лицъ, очень близко его знавшихъ: „Ровинскій былъ выдающейся личностью не только какъ ученый, но и какъ человекъ, что особенно рѣдко встрѣчается въ нашъ вѣкъ. Кто только хоть разъ имѣлъ случай столкнуться съ нимъ по какому-либо поводу, тотъ никогда не могъ забыть его готовность служить всякому, чѣмъ только можно. А какія воспоминанія должны сохраниться у тѣхъ лицъ, которыхъ

судьба привела къ болѣе близкимъ отношеніямъ съ нимъ. Такой простоты и безыскусственности, несмотря на высокое общественное положеніе, едва-ли можно часто встрѣтить. Это былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова,—человѣкъ, въ которомъ душа и сердце оставались чисты какъ у ребенка, котораго не могли сбить съ толку никакія почести или отличія. Безъ сомнѣнія, вѣсть о смерти Дмитрія Александровича отзовется искренней скорбью въ массахъ и совершенно безвѣстныхъ людей, на судьбахъ которыхъ благотворно отразилась его судейская дѣятельность. Безъ сомнѣнія, очень и очень многіе искренно пожалѣютъ о томъ, что сошелъ въ могилу такой истинный поборникъ правды и справедливости, какимъ являлся покойный на всѣхъ ступеняхъ своей іерархической карьеры“.

О П Е Ч А Т К И.

Въ июньской книгѣ:

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
826	16 сверху	обманомъ	обмѣномъ
—	18 „	котора	которымъ
850	17 „	однѣхъ	обѣихъ
902	7 снизу	вспомнится	восполнится
910	9 сверху	конечно, не могутъ	конечно, могутъ

Издатель и редакторъ: М. С т а с ю л е в и ч ѣ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Собрание сочинений Андерсена въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Гавриевъ. Томъ четвертый. Выпускъ XVI. Спб., 1895. Стр. 401—510.

Позднее издание, предпринимаемое г. Ганзенемъ, доведено теперь до конца, и мы имѣемъ теперь на русскомъ языкѣ полное собрание сочинений этого изъ популярнѣйшихъ датскихъ писателей. Писателямъ сказки Андерсена давно уже заняли свое определенное мѣсто во всемирной литературѣ, и у насъ они пользуются не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены извлечения изъ перерисовки Андерсена, замѣтки для его характеристика и иконогора библиографическія свѣдѣнія; въ концѣ приложены два портрета, гравированные на деревѣ В. В. Матъ.

В. Г. Яроцкій. Страхование рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. Томъ I—II. Спб., 1895. Стр. X + 1115. Ц. 5 р.

Капитальный трудъ проф. Яроцкаго заключаетъ въ себѣ самое полное и всестороннее изслѣдованіе вопроса, имѣющаго для насъ не только теоретическое, но и большое практическое значеніе. Разсмотрѣвъ внутреннюю экономическую основу страхования рабочихъ съ точки зрѣнія поддержанія производства по восстановленію и поддержанію стойкости труда, авторъ дѣлаетъ затѣмъ сравнительный обзоръ дѣйствующихъ законодательствъ объ отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими; въ дальнѣйшихъ главахъ рассматриваются различныя учрежденія для взаимнаго вспоможенія и страхования рабочихъ въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи. Многое авторъ научилъ на мѣстѣ, за границей, во время неоднократныхъ поѣздокъ по Европѣ, съ начала восьмидесятихъ годовъ. Въ заключительной, VIII-ой главѣ объяснены условія приключенія получившихъ общихъ выводовъ къ Россіи. Самый объемъ всего изслѣдованія, впрочемъ, можетъ послужить для многихъ предостереженіемъ къ ознакомленію съ его содержаніемъ, такъ какъ охватить эти два огромныхъ тома рѣшится не всякій.

Дж. В. Дувьеръ. Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія М. В. Лучицкаго, подъ ред. проф. П. В. Лучицкаго. Въ двухъ томахъ. Киевъ, 1895. Стр. 634 + XXIII. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Дрелера пользовалась въ свое время большою популярностью, какъ интересный опытъ обработки и изложенія культурно-политической исторіи народовъ съ точки зрѣнія новыхъ идей естествознанія. По взгляду самого автора, это сочиненіе должно было служить дополненіемъ къ его „Физиологіи человѣка“: тамъ человѣкъ рассматривается, какъ индивидуумъ, а здѣсь онъ изучается въ его общественныхъ отношеніяхъ. Дрелеръ находитъ полную аналогію между ходомъ жизни отдѣльнаго человѣческаго организма и востановленіемъ развитіемъ и упадкомъ жизни племени народовъ. „Общественный прогрессъ—говоритъ онъ—находится всецѣло подъ управленіемъ естественнаго закона, подобно физическому развитію организма. Жизнь каждаго отдѣльнаго индивидуума представляеть въ миниа-

турѣ жизнь племени“. Хотя аналогія не всегда приводитъ къ вѣрнымъ выводамъ, но многія сопоставленія и замѣчанія Дрелера до сихъ поръ не утратили своего интереса. Независимо отъ особенностей своего метода изслѣдованія, авторъ сумѣлъ придать живость всему распределенію и изложенію историческаго матеріала, и потому его книга не лишена привлекательности и для тѣхъ, кто не раздѣляетъ его основныхъ взглядовъ и обобщеній. Новый переводъ книги на русскій языкъ исполненъ весьма добросовѣстно и съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла, подъ редакціею профессора Лучицкаго.

Историческое Овозраженіе. Сборникъ Историческаго общества при Имп. сиб. унив., издаваемый подъ редакціею Н. И. Карѣева. Томъ восьмой. Сиб., 1895. Стр. 279 и 56. Ц. 2 р.

Въ этомъ томѣ обращаютъ на себя вниманіе три статьи по общему историко-философскому вопросу—г. Оденвальда объ „исторической наукѣ и ея значеніи для психологіи“, и Н. И. Карѣева о „поломѣ труда по теоріи исторіи“ (по поводу книги Лаконта) и „объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія“. Рядомъ съ этими этюдными общаго характера, помѣщено специальное разсужденіе „о времени составленія одной безсудной грамоты Савво-Сторожненскаго монастыря на Крутицкой“. Сверхъ того, находимъ довольно обстоятельный обзоръ литературы по русской исторіи за 1891 годъ, гг. Янцудо и Млотовна, а во второмъ отдѣлѣ—опять энциклопедической программы для самообразованія и специальнаго программы по русской исторіи и политической экономіи.

Эрикстъ Магайма, проф. Льежскаго университета. Профессиональные рабочіе союзы. Переводъ съ французскаго, Н. Водовозова, съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика. Сиб., 1895. Стр. 835. Ц. 1 р. 25 к.

Книга проф. Магайма заключаетъ въ себѣ общедоступный и довольно обстоятельный очеркъ развитія современнаго положенія рабочихъ союзовъ въ западной Европѣ. Послѣ некоторыхъ историческихъ свѣдѣній о коллегіяхъ ремесленниковъ въ Римѣ, о корпораціяхъ въ средніе вѣка и при старомъ режимѣ, излагаются данныя о рабочихъ союзахъ въ Англіи, о профессиональныхъ синдикатахъ во Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ, а въ концѣ прибавлены переводчикомъ статьи Шульце-Геверница и Вальтерсауэна о рабочихъ союзахъ въ Австріи и Соединенныхъ Штатахъ.

К. В. Назарьева. Драмы и комедіи. Сиб. 1895. Стр. 318. Ц. 2 р.

Пьесы г-жи Назарьевой проникнуты очень добрымъ чувствомъ и производятъ пріятное впечатлѣніе на читателей: въ нихъ всегда отражается выгодная сторона человѣческаго характера, и изъ-за интересной фабулы не забываются симпатичныя, нравственныя идеи, которія, повидимому, наибольшее занимаютъ автора. Въ книгѣ напечатано всего шесть пьесъ—три драмы и три комедіи.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ вѣждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Вѣзъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзн	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

— Принимается подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1895 г. —

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ таково учрежденія въ самомъ мѣстожителей подписчика.—2) *Пережита адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала совсрѣменно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, перепада въ иногородные, доплачивать 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была слѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Выданы на получение* журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЪ СТИЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛITERАТУРЫ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографіи М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лп., 28.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1895.

Стр.

I.—ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ И МОЛОДОГО ЕЯ ПОКОЛЕНІЯ.—Очерки.—I. Павломъ въ Муромѣ.—II. Латвія занята при Яковской школѣ въ 1894 году.—А. Штеневъ	441
II.—СТАРЫЕ И НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРИРОДУ ПОМИШАТЕЛЬСТВА.—П. Руненбаха	492
III.—СОВРЕМЕННАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА ВЪ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.—П. Тверского	515
IV.—РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ВЪ АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ.—В. Щепотьева	562
V.—ВЪ БОРЬБѢ СЪ ОБЩЕСТВОМЪ.—„Social strugglers“. A novel by Цѣлковар North Boyesen.—I-IX.—А. Б-г-	584
VI.—МЫЗА И ДЕРЕВНЯ.—Очерки и наблюденія.—И. Соколовскаго	634
VII.—ЗЕМСКИЯ НЕДОИМКИ И ПРИЧИНЫ ИХЪ НАКОПЛЕНІЯ.—К. Я. Воробьева	673
VIII.—ПЪЗЪ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА.—Stances et poèmes. Les vaines tendresses.—I-r.—Ф. Михайловой	691
IX.—СПОРЫ О ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМѢ.—Л. З. Словническаго	698
X.—ПОСЛѢДНИЕ МАЗКИ.—The last Touches, by Mrs Clifford.—А. Б-г-	721
XI.—НАЧАЛО ДЕВЯТНАДАТАГО ВѢКА.—Трѣсная связь начатковъ XIX-го вѣка съ XVIII-мъ; переходная эпоха. Западныя литературныя источники.—Карамзинъ.—Жуковский.—А. Н. Пышина	789
XII.—ХРОНИКА.—Сельская медицина въ не-земскихъ губерніяхъ.—М. Левинскаго	789
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Возвѣстная волость и мѣзья земскихъ единиц.—Земское представительство въ уѣздѣ по Положенію 1864—1890 гг.—Предположенія объ улучшеніи его и послѣдствія официальныхъ программъ по этому дѣлу.—Мѣнія земскихъ собраній въ началѣ 80-хъ годовъ.—Сельскій сходъ; волостной сходъ и мѣстный судъ.—Финансовая сторона реформы.—X	808
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Смерть Стамбулова.—Заползшая манифестация и обвиненія.—Политическая дѣятельность бывшаго болгарскаго диктатора и ея общіе итоги.—Болгарская депутація.—Абиссинское посольство и его возможные результаты.—Парламентскіе выборы въ Англіи и торжество новаго министерства	827
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ Импер. Публичной Библиотекы за 1892 годъ.—Автобиографія Гервинуса. Перев. Эд. Циммермана.—Этюдъ о русской читающей публикѣ. Н. Рубашина.—Т.—Оттуда, рассказы Сергія Норманскаго (Сигмы).—В. С.—Тытский (Сергія Шаралова). Буважский рубль (его теорія и практика).—Л. С.—Новыя книги и брошюры	839
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. F. Brunetière, Nouveaux essais sur la littérature contemporaine.—II. Laura Marholm, Das Buch der Frauen.—З. В.	861
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—По поводу ожидаемаго законопроекта по дѣламъ общаго призрѣнія.—Значеніе „почетныхъ ступеней“ въ общей организаціи такого призрѣнія.—Подобный вопросъ въ другихъ странахъ; пренія въ прусской палатѣ депутатовъ.—Отношенія нашего земства и городовъ къ дѣлу общаго призрѣнія.—Проектъ дома труда въ С.-Петербургѣ и его недостатки.—Объясненія тверской губернской земской управы по Вурашевской психіатрической колоніи.—И. Н. Вуличъ †	873
XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества.—II. Отъ Комитета Грамотности при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства	885
XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сочиненія Н. В. Шелгунова. Второе изданіе. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Т. I—II.—Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за первый годъ его существованія.—Габбиксъ. Промышленная исторія Англіи. Перев. съ англ., съ примѣч. и предисл. А. В. Каменскаго.—Эдуардъ Родъ. Вопросы жизни. Романъ. Перев. съ франц. О. Н. Хитлеуской	
XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ—I-XVI стр.	

ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ

и

МОЛОДОГО ЕЯ ПОКОЛѢНІЯ

О ЧЕРКИ.

Въ настоящихъ очеркахъ излагаются мои впечатлѣнія въ такіе моменты, когда мнѣ случилось особенно сблизиться съ жизнью деревни и деревенскаго молодого поколѣнія.

Въ первомъ очеркѣ описано наше путешествіе въ Муромъ, — моментъ, когда деревня предстала передо мной въ самомъ простомъ и обыденномъ своемъ видѣ. Во второмъ — лѣтнія учебныя занятія при сельской школѣ подроставшей крестьянской молодежи, — когда проявились новые умственные ея запросы и воздѣйствіе на нее новыхъ образовательныхъ вліяній.

Передаю свои впечатлѣнія такъ, какъ они отразились въ моей памяти, и извиняюсь впередъ за излишнюю, можетъ быть, подробность и скромное содержаніе моего разсказа, который былъ записанъ мною въ надеждѣ, что всякія непосредственныя наблюденія изъ области народной жизни и нашего съ нею сближенія имѣтъ извѣстную долю значенія.

I.

ПѢШКОМЪ ВЪ МУРОМЪ.

Учебный сезонъ 1893 г. пришелъ къ концу, порядочно измучивъ всѣхъ, отдавшихъ ему свои силы. Прошли первыя лѣтнія недѣли; наступило время относительно свободное отъ полевыхъ работъ, и мы начали поговаривать объ исполненіи одной своей любимой, давнишней мечты. Поговорили, помечтали и окончательно рѣшили, что идемъ пѣшкомъ на богомолье въ древній городъ Муромъ, давно уже прельщавшій насъ стариной и святиней, а отчасти и пароходами, и желѣзной дорогой, которой большинство изъ насъ ни разу еще не видало. Подъ словомъ „мы“ здѣсь подразумѣвается 72-лѣтняя, крѣпкая старуха, уже ходившая на богомолье, затѣмъ (по крестьянскимъ понятіямъ) „старая“, но въ сущности совсѣмъ еще молодая 24-лѣтняя дѣвушка, еще двѣ молоденькія дѣвушки, бывшія ученицы нашей школы, 17-лѣтняя дѣвица духовнаго званія (моя помощница въ школьныхъ занятіяхъ), я сама, и наши деревенскіе ребята, возрастомъ отъ 11-ти до 16-ти лѣтъ. Всѣмъ имъ хотѣлось идти въ Муромъ, но только въ послѣдній моментъ передъ выходомъ должно было рѣшиться, кого изъ нихъ пустать и кого не пустать. Сама я тоже не совсѣмъ была увѣрена, что пойду. Никто меня не удерживалъ, но мнѣ самой казалась странной эта моя же мысль—идти пѣшкомъ за полтора ста верстъ въ глухой уѣздный городокъ, почти ничѣмъ не отличающійся отъ нашего Арзамаса. Но въ день выхода ко мнѣ явился изъ сосѣдней деревни одинъ изъ предполагаемыхъ моихъ спутниковъ, Ваня Голяковъ, и когда я увидѣла его сумку съ хлѣбомъ, кафтанъ и новые лапти, связанные вмѣстѣ и привѣшенные за спиной, когда онъ весело мнѣ улыбнулся и этой улыбкой далъ понять, что онъ готовъ и уже радостно взволнованъ предстоящимъ странствованіемъ, — я вдругъ рѣшила, что иду. Спутники мои были этимъ очень довольны, и послѣдніе сборы быстро были сдѣланы. Мой сундукъ съ вещами и кулекъ съ провизіей привязаны были на козлы телѣжки, и на ту же телѣжку, запряженную въ одну лошадь, положили свою одежду, узелки и сумки всѣ другіе. Мы распростились съ провожавшими насъ и отправились въ путь.

Одинъ изъ мальчиковъ шелъ рядомъ съ лошадью; остальная наша компанія, состоявшая изъ 18-ти человекъ, шла за телѣжкой, налегкѣ, съ однѣми палками въ рукахъ. Сперва мы всѣ

держались вмѣстѣ, потомъ нѣкоторые стали уходить впередъ, другіе отстали, и цѣлая вереница пѣшеходовъ растянулась по пыльной дорогѣ между зелеными яровыми полями, подъ жгучимъ солнцемъ свѣтлаго іюньскаго дня.

Такъ началось наше вольное странствованіе, эти проведенные мною внѣ всѣхъ привычныхъ жизненныхъ условій девять дней, отъ которыхъ у меня останется навѣкъ неизгладимое, дорогое, полное значенія воспоминаніе. Я хотѣла бы въ воображеніи пережить это время вновь, но мнѣ уже невозможно припомнить его минута за минутой и день за днемъ; во мнѣ сохранилось лишь общее, живое впечатлѣніе чего-то милаго, новаго, немного страннаго и поэтически прекраснаго, да еще уцѣлѣли въ памяти нѣкоторые отдѣльные моменты и картинки, которыми я и желала бы подѣлиться. Знаете ли вы, что значитъ уйти на время отъ всѣхъ мелочей и дразгъ, отъ всего искусственнаго и условнаго, отъ всякихъ лишнихъ стѣсненій и всякой нравственной тяготы? Знаете ли, что значитъ забыть исключительное положеніе, въ которое поставлены интеллигентные и обеспеченные люди, живущіе среди невѣжественной и бѣдной массы народа, и всю проистекающую изъ этого положенія мучительную душевную работу, и страшные вопросы, и отвѣтственность, и почти неизбѣжное чувство вины? Знаете ли, что значитъ хоть на время почувствовать себя только человекомъ среди другихъ людей, съ точно такими же, какъ будто бы, правами и обязанностями, съ тѣмъ же самымъ простымъ и яснымъ положеніемъ среди великаго Божьяго міра? Знаете ли, какъ прекрасенъ бываетъ въ эти минуты великій Божій міръ, и какъ хороши и милы въ такое время люди, наши товарищи на жизненномъ пути?.. Мы не можемъ вдругъ раздѣлать все то, что постепенно было сдѣлано, и не можемъ забыть того, что узнали; а потому равенство положенія насъ, имѣющихъ и знающихъ, съ положеніемъ неимѣющихъ и незнающихъ будетъ воображаемымъ и фактивнымъ, пока мы не заплатимъ за полученное и не подѣлимся приобрѣтеннымъ. А до тѣхъ поръ неизбѣжны для насъ и особенное положеніе, и тяжкій душевный трудъ, и душевное одиночество, и отвѣтственность, и вина... Все это неизбѣжно потому, что это нужно людямъ, не получившимъ еще того, что мы уже получили; это неизбѣжно для насъ еще и потому, что мы въ этому слишкомъ привыкли. Но на время мы можемъ все это забыть; на время мы можемъ свободно окунуться въ широкое море почти еще первобытной народной жизни. Это хорошо для цѣлости и здравія душевныхъ и тѣлесныхъ нашихъ силъ, и для ясности нашихъ отношеній къ міру, къ лю-

дямъ и къ самимъ себѣ. Это хорошо еще и просто потому, что хорошо; и хотя я знаю, что такое странное счастье долго продолжаться не можетъ, я могу сказать, что рѣдко я бывала такъ безусловно счастлива, какъ во время нашего пѣшаго хожденія въ Муромъ. Помню первый день пути. Мы вышли часа черезъ два послѣ полудня и шли первое время по давно знакомымъ мѣстамъ. Мы проходили деревнями, гдѣ всѣ насъ знали и привѣтливо насъ спрашивали, весьма довольные тѣмъ, что и я также, „барышня“, иду пѣшкомъ въ далекий путь съ бабушкой Настасьей, дѣвушками и ребятами. Шли мы бодро и весело, какъ будто еще только готовясь къ тому новому и хорошему, что насъ ожидало. Я приглядывалась къ своимъ спутникамъ и, какъ всегда, любовалась сельскимъ пейзажемъ съ его широкими очертаніями и нѣжными красками. Въ 16-ти верстахъ отъ дома, въ большомъ селѣ съ безлюдной въ тотъ день базарной площадью, мы сдѣлали первый привалъ и закусывали сидя на бревнахъ у пыльной дороги, среди цѣлаго вѣжска глазѣвшихъ на насъ туземныхъ ребятишекъ, при чемъ большинство изъ нихъ созерцало насъ молча, а нѣкоторые, побойтѣе, дѣлали, глядя на насъ, разнаго рода замѣчанія. Ноги у меня уже порядкомъ устали, и бабушка Настасья посоветовала мнѣ вымазать ихъ саломъ. Чтобы послѣдовать ея совету, я сочла нужнымъ отойти въ сторону, но ребята, привыкшіе сидѣть возлѣ меня, немного погодя перешли туда, гдѣ я расположилась, и я въ-время вспомнила, что мои босые ноги ни мало ихъ не удивятъ. Часовъ въ 8 вечера мы отправились дальше. Мѣста были уже незнакомыя. Солнце сѣло; наступили синеватыя сумерки іюньской ночи, и стѣнной стала съ обѣихъ сторонъ проселочной дороги высокая, густая рожь. Старуха и дѣвушки отстали, а мы съ ребятами ушли впередъ. Я предложила имъ спѣть что-нибудь, и они стали пѣть все то, чему выучилъ ихъ церковный регентъ, и хоръ молодыхъ голосовъ звучалъ торжественно и задумчиво среди ночного безмолвія необъятной равнины. Потому вызванное пѣніемъ задумчивое настроеніе смѣнилось у насъ молодецки веселымъ; начались разговоры, шутки и смѣхъ. Ноги у насъ слегка побаливали, но это ничего не значило; являлся даже какой-то задоръ; мы шли все быстрѣе и быстрѣе, и чтобы только какъ-нибудь показать свою удалъ, ребята наконецъ во весь духъ закатились бѣжать со мной въ перегонки, и всѣ мы пришли въ совершенный восторгъ отъ этого быстрого бѣга среди простора полей и свѣжаго дуновенія ночи. Часовъ въ 10 вечера мы сдѣлали второй привалъ у околицы небольшого съ темными избами села, на луговомъ откосѣ возлѣ дола, съ котораго подымалась

сырая прохлада. Бабушка Настасья, очевидно боявшаяся ночной темноты, рассчитывала тутъ же и переночевать, но мы всѣ энергично возстали противъ такого ея предложенія. Мы узнали въ крайней нуждѣ, гдѣ еще былъ огонь, что до сосѣдней деревни всего только три версты, и, просидѣвъ съ полчаса, отправились дальше. Дорога за селомъ пошла нестарымъ, отчасти вырубленнымъ лѣсомъ. Взоспелъ мѣсяцъ, и ясно видны были группы высокихъ старыхъ деревьевъ, густая, росистая трава, зеленая чаща мелкаго лѣса, и въ заросшемъ темномъ оврагѣ—болотца и ямы съ чуть блестящей на днѣ ихъ водой, и пышно разросшіеся у дороги папоротники, и подъ тѣнью ихъ мягкіе зеленоватые огоньки свѣтляковъ.

Подъ роскошнымъ сіяніемъ высоко поднявшагося мѣсяца все это казалось великолѣпнымъ, фантастическимъ садомъ волшебнаго замка... Статная и спокойная наша „старка“ Анна шла возлѣ лошади, обмахивая ее вѣткой съ большими вырѣзными листьями. За телѣжкой шли другія дѣвушки, бабушка и младшіе ребята, а старшіе ребята и я опять ушли впередъ. Мы всецѣло подпали обаянію чудной ночи и чуднаго лѣса и почти не думали о томъ, куда мы идемъ и скоро ли дойдемъ до ночлега. Уже давно прошло то время, когда намъ слѣдовало выйти изъ лѣса и увидѣть деревню, а между тѣмъ лѣсу не было конца. Въ открытыхъ низкихъ мѣстахъ слался по землѣ густой бѣлый туманъ; на травѣ и на кустахъ все обильнѣе блестяла роса; трава все гуще росла по глубокимъ колеямъ дороги, а узкая дорога все болѣе и болѣе сворачивала въ сторону, и мѣсяцъ, бывшій въ началѣ слѣва отъ насъ, сталъ затѣмъ впереди насъ и очутился подъ конецъ даже съ правой стороны.

Было уже за полночь, и мы очевидно заплутались. Когда мы убѣдились въ этомъ, наша старуха замѣтно струсилась,—молодежь же, напротивъ, еще болѣе одушевилась. Не столько въ надеждѣ, что кто-нибудь насъ услышитъ, сколько отъ избытка веселаго возбужденія, мы принялись кричать. Бабушка Настасья со страхомъ ожидала, что намъ отвѣтитъ лѣшій или другая нечистая сила, но вмѣсто того мы услышали слабый, прерывающійся звонъ колокольчика и догадались, что гдѣ-нибудь неподалеку проѣзжаетъ по большой дорогѣ „обратный“ ямщикъ. Старуха, не внимая нашимъ увѣреніямъ, съ недоумѣніемъ покачивала головой и вполголоса приговаривала: „кому тутъ ѣхать?“... Ея звонъ колокольчика представлялся очевидно дьявольскимъ навожденіемъ. Но предположеніе наше оправдалось. Мы прошли еще нѣсколько сажень и вышли на широкую, прямую, „столбовую“ дорогу съ высокимъ

лѣсомъ по обѣимъ сторонамъ. Видъ ея всѣхъ успокоилъ и ободрилъ; оставалось только рѣшить, ночевать ли намъ на мѣстѣ, или „доѣхать“ ¹⁾ до села, о которомъ давалъ намъ знать отдаленный собачій лай. Прежде всего двое ребятъ и я отправились на розыски. Мы долго шли, но лѣсъ и дорога были все тѣ же, и лай былъ слышенъ все на томъ же значительномъ разстояніи. Когда же мы подошли къ опушкѣ, передъ нами раскрылось обширное, освѣщенное мѣсяцемъ пространство безъ всякаго признака человѣческаго жилья. Мы рѣшили, что село гдѣ-нибудь далеко въ сторонѣ, вернулись въ своимъ и стали всѣ вмѣстѣ располагаться на ночлегъ. Лошадь ребятъ отпрягли, привязали къ связаннымъ вмѣстѣ и захлестнутымъ за телѣжку длиннымъ возжамъ и пустили ѣсть траву, въ изобиліи росшую на широкой дорогѣ. Сами мы выбрали себѣ мѣстечко посуше, возлѣ проложенныхъ ѣздою слѣдовъ. Ребята вытащили изъ телѣжки свои вафтаны и улеглись, сбившись въ кучу и укрывшись какъ можно теплѣе. Пока они укладывались, шутникъ Костя, для забавы, началъ лѣзть на телеграфный столбъ и плаксивымъ голосомъ пропичалъ: „я хочу на неч-ку-у-у!“ Надъ шуткой его посмѣялись, и затѣмъ всѣ ребята крѣпко уснули. Старуха и три дѣвушки улеглись возлѣ нихъ, подложивъ подъ голову узелки, а мы съ Наташей постлали себѣ одѣяло, положили подушку и тоже легли, покрывшись шалью. Прежде чѣмъ уснуть, мы однако рѣшили спросить у какого-нибудь проѣзжаго, гдѣ собственно мы находимся,—такъ какъ ни темный лѣсъ, ни дорога, ни роса, ни высокій мѣсяцъ не могли намъ ничего сказать. Скоро мы услышали скрипъ колесъ и шумъ медленно идущихъ лошадей. Ъхало нѣсколько возовъ, и возлѣ нихъ шли въ полудремотѣ другъ за другомъ мужики. Одна изъ нашихъ дѣвушекъ, вдругъ приподнявшись, закричала имъ: „стойте!“ Но внезапный этотъ окликъ такъ озадачилъ ихъ, что они стегнули лошадей и поторопились миновать насъ, ничего не отвѣчая. Это не мало насъ позабавило, и когда, немного погодя, проѣхали еще два мужика, я, чтобы не испугать ихъ, приподнялась заранѣе и самымъ успокоительнымъ тономъ попросила ихъ объяснить намъ—куда занесла насъ прихоть судьбы. Оказалось, что мы на арзамасскомъ трактѣ, въ 10 верстахъ отъ города и всего въ двухъ верстахъ отъ села, изъ котораго мы вышли за три часа передъ тѣмъ!..

Проѣзжали ли за этими и другіе еще мужики, и какое впечатлѣніе производилъ на нихъ нашъ расположенный на самой

¹⁾ Крестьяне всегда говорятъ, что ѣдутъ, когда съ ними лошадь.

дорогѣ таборъ, сказать не могу. Хотя мнѣ впервые случилось провести ночь при такихъ примитивныхъ условіяхъ, тридцать верстъ ходьбы дали себя знать, и я скоро уснула самымъ сладкимъ сномъ.

Прежде чѣмъ рассказывать о дальнѣйшемъ нашемъ странствованіи, я скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ моихъ спутникахъ. Старшій изъ нашихъ мальчиковъ, Ваня Горинъ, былъ въ то время шестнадцати лѣтъ. Онъ былъ уже силенъ и строенъ, — какъ Святославъ широкъ въ плечахъ и тонокъ въ поясѣ, съ худымъ, чистымъ и смуглымъ лицомъ, довольно крупными губами и длиннымъ разрывомъ красивыхъ, жгучихъ, черныхъ глазъ. Онъ уже многое испыталъ и пережилъ. Отецъ его былъ честный, энергичный мужикъ. У него была умная и красивая жена, которую онъ когда-то страшно ревновалъ. И въ домѣ ихъ происходили тогда ужасающія сцены съ неизбежными побоями. Понемногу однако эти бури миновали, и между супругами водворились любовь и совѣтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ жена начала хворать. Сильно сокрушался о ней Леонтій и долго не терялъ онъ надежды на ея выздоровленіе; онъ возилъ жену къ докторамъ, выпрашивалъ лекарства у помѣщицъ, но все было тщетно; жена его умерла, не доживъ до сорока лѣтъ, все еще представительная и красивая. Я помню, какъ ее хоронили. Гробъ несли братья покойной и старшій сынъ ея, Семень, тоже высокій и красивый, но довольно глупый и вялый малый; за гробомъ отчаянно выли и причитывали три ея дочери; за ними шелъ Леонтій, съ горящимъ взглядомъ и блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ, а рядомъ съ нимъ, обхвативъ его рукой, прижимаясь къ нему и горько плача, шелъ худенькій черноглазый мальчикъ, — одиннадцатилѣтній Ваня... Ваня страстно любилъ своего тятю, а отецъ неуклонно и строго училъ его всему, что считалъ полезнымъ и добрымъ. И несмотря на природную рѣзвость, Ваня усердно помогать отцу въ работѣ, прекрасно учился, чинно стоялъ у обѣдни и исполнялъ все, что ему приказывали, съ какимъ-то религіознымъ рвеніемъ и гордымъ чувствомъ исполненнаго долга. Помню, какъ онъ любилъ читать о мученикахъ и герояхъ; помню, какъ блестяли прекрасные его глаза во время пасхальной заутрени... И много хорошаго можно бы было ожидать отъ богатой этой натуры, еслибы подольше продолжалось вліяніе его отца, уравновѣшенное вліяніемъ школы и чтеніемъ. Но Леонтій пережилъ свою жену всего года на два. Смерть ея какъ будто подвосила жизненную его энергію; онъ сталъ хворать и чахнуть день за днемъ, мало заботясь о лече-

ни. Онъ уже не брать земли въ аренду, продалъ лишнихъ лошадей, отправилъ старшаго сына на заработки въ Нижній и думалъ вдвоемъ съ Ваней обрабатывать душевой свой надѣлъ. Но скоро и это стало ему уже не подъ силу. Ваня пахалъ одинъ, и я помню, какъ сильно онъ похудѣлъ за одну весну отъ этой не-дѣтски тяжелой работы. Разъ за нимъ прибѣжала въ поле сноха. Отецъ его умиралъ... И тринадцати лѣтъ Ваня остался сиротой. Старшій братъ не сумѣлъ сберечь хозяйства; въ домъ ихъ вкралась бѣдность, въ семью—раздоръ. Ваня былъ стыдливъ и застѣнчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горячъ и гордъ; онъ не могъ безропотно подчиняться безтолковому и лѣнивому Семену; онъ не выносилъ его грубыхъ и глухихъ придирокъ и разъ даже замахнулся на брата желѣзнымъ ломомъ...

Онъ какъ-то ожесточился; душевныя и нѣжныя стороны его характера какъ будто заглохли; онъ почти пересталъ читать, избѣгалъ доброжелательныхъ наставленій и на „порядкѣ“, гдѣ всѣ любили удалого малаго, сталъ чуть-ли не первымъ озорникомъ и насмѣшникомъ. Въ счастью, мнѣ удалось спасти его на время отъ вреднаго домашняго влiянiя. Онъ сталъ учителемъ въ одной изъ сосѣднихъ школъ грамотности—и дѣло пошло у него отлично. Учениковъ, вмѣсто прежнихъ двадцати, набралось болѣе сорока, и какъ ребята, такъ и отцы ихъ не могли нахвалиться прилежнымъ, справедливымъ и умнымъ молоденькимъ учителемъ. И когда я вечеромъ прибѣжала въ школу, биткомъ набитую народомъ, когда Ваня, съ радостнымъ волненiемъ встрѣтивъ меня, показывалъ мнѣ успѣхи учениковъ и тотомъ садился слушать, что я буду рассказывать, его лицо и черные глаза сияли еще болѣе прекраснымъ выраженiемъ, нежели въ дѣтствѣ, когда онъ слушалъ исторiю святыхъ мученицъ: Вѣры, Надежды и Любви... Но по разнымъ обстоятельствамъ ему скоро пришлось оставить учительство и вернуться въ семью. И опять начались домашнiе раздоры, и трудъ съ исключительною матеріальною цѣлью, и увеселенiя „порядка“;—опять нашъ Ваня одичалъ и огрубѣлъ, и какъ-то даже стѣсняется являться въ школу, когда ему на то представляется случай. Но совмѣстное наше странствованiе, его религиозна цѣль, красоты природы, и наше безобидное веселье, и задушевные разговоры объ интересныхъ предметахъ имѣли на него самое благотворное влiянiе. Онъ все время былъ спокоенъ и добръ; когда же намъ случалось вдвоемъ уйти впередъ и когда насъ окружала одна царственная прелесть лѣтней ночи, вся неловкость и грубоватая застѣнчивость его исчезали, и онъ начиналъ говорить, и во всякомъ его словѣ раскрывалась правдивая,

пылая, богато одаренная душа. Но когда мы послѣ того возвратились домой, все опять пошло по старому, и приходится желать того, противъ чего вообще такъ сильно возстають, т. е. чтобы Ваня какъ можно скорѣе раздѣлился съ братомъ и ушелъ куда-нибудь. Съ нами отправился въ путь и Ваня, двоюродный братъ и ровесникъ, Сергѣй Горинъ. Низкаго роста, неуклюжий, съ маленькимъ лбомъ и большимъ, тупымъ, сѣрымъ лицомъ, онъ ни мало непохожъ на Ваню и кажется представителемъ какаго-то первобытнаго дикаго племени. Онъ еле умѣетъ считать, нѣсколько разъ принимался учиться и, ничему не выучившись, бросалъ ученье, пугаетъ домашнихъ нелѣпыми угрозами и каждое лѣто, во всеобщему соблазну, воруетъ яблоки изъ барскаго сада. Ему тѣмъ не менѣе всегда хотѣлось участвовать въ школьной жизни, и это ему позволяется, когда онъ даетъ обѣщаніе исправиться. Когда я разъ дала ему двѣ копѣйки взаимы и, конечно, забыла объ этомъ, онъ, къ удивленію, черезъ нѣсколько времени торжественно возвратилъ мнѣ долгъ. А когда я принималась читать ему нравоученія по поводу похищенныхъ изъ нашего сада яблоковъ, тупо-животное выраженіе его лица смѣнялось совсѣмъ новымъ, странно недоумѣвающимъ, дѣтски простодушнымъ и жалкимъ выраженіемъ. Нельзя, конечно, придавать значенія смутнымъ и слабымъ душевнымъ движеніямъ, о которыхъ говорятъ человѣческія лица. Но когда вспоминаешь блѣдную и все же добрую улыбку Сергѣя, и его двѣ копѣйки, и грубовато робкую, неловко заискивающую его любовь къ Ванѣ и другимъ, болѣе нежели онъ взысканнымъ судьбою товарищамъ, нельзя не чувствовать къ нему маленькой симпатіи и состраданія. — Изъ остальныхъ моихъ спутниковъ типиченъ по-своему еще и Артемій Кузинъ. Онъ—не дикарь, какъ Сергѣй, но въ немъ очевидно взяла верхъ та финская кровь, примѣсь которой часто замѣтна въ населеніи нашего, недавно еще полу-мордовскаго края. Онъ несильно и некрасиво, но выносливо сложенъ, съ свѣтлыми прямыми волосами, длиннымъ лицомъ и полузакрытыми, близорукими „бѣлыми“ глазами. Онъ склоненъ къ сарказму; онъ—пессимистъ и разочарованъ прежде всего въ собственныхъ своихъ способностяхъ и силахъ; онъ ничуть не мягкосердъ,—очень недобѣрчивъ и крайне чувствителенъ къ несправедливостямъ со стороны начальства или господъ, хотя бы онѣ совершились тысячу лѣтъ назадъ. Живи онъ во времена какихъ-нибудь возмущеній или препирательствъ, и онъ былъ бы самымъ непримиримымъ противникомъ, самымъ безопаснымъ карателемъ. Но при всемъ томъ на него вполне можно положиться; онъ всегда

больше сдѣлаетъ, нежели скажетъ, и никакому вздору не повѣритъ. А во время нашего путешествія онъ даже какъ-то смягчился, оставилъ финскую невозмутимость и необыкновенно былъ снисходителенъ и разговорчивъ. — Расскажу теперь про 14-лѣтняго Петью Аванина. Товарищи въ шутку прозвали его „позомъ“ и, какъ это часто бываетъ, прозвище оказалось весьма удачнымъ. Не сильный, но стройный, съ тонкими концами пальцевъ, пышными свѣтлорусыми волосами, правильными чертами лица и широко раскрытыми зеленовато-сѣрыми глазами, Петя дѣйствительно имѣетъ видъ мечтателя и несомнѣнно художникъ въ душѣ. Онъ склоненъ жить какъ птицы небесныя, которыя не сѣютъ и не жнутъ. Онъ лѣнивъ, хотя и способенъ, и не любитъ ни строгихъ размышлений, ни труднаго дѣла. Бывши ученикомъ, онъ иногда уходилъ изъ класса, и никакіе уговоры не могли вернуть его къ ученью. Провинившись, онъ, бывало, два часа простоятъ неподвижно, опустивъ свою красивую головку и не пророня ни слова извиненія. Обладая если не силой воли, то достаточной силой сопротивленія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень чутокъ и мягокъ. Онъ не обидитъ и мухи; съ малыми дѣтьми онъ удивительно внимателемъ и нѣженъ; онъ горько плакалъ, когда умерла его годовалая сестренка, очень привязанъ къ безпечному и лѣнивому своему отцу, никогда не жалуется на бѣдность и съ полной врожденностью, почти не замѣчая ихъ, переносятъ сарказмы Артемія. Наклонности у него несомнѣнно артистическія. Онъ любитъ сказки и стихи, все необычайное и чудесное; у него прелестный, высочій и чистый дискантъ и вѣроятно хорошія музыкальныя способности. Любопытно взглянуть на него, когда онъ въ качествѣ регента управляетъ церковнымъ хоромъ. Въ немъ уже незамѣтно ни безпечности, ни вялости; лицо его пронизуемо напряженнымъ вниманіемъ; жесты его отчетливы и энергичны; онъ смѣло и властно повелѣваетъ высокимъ, бородатымъ басомъ и теноромъ и держитъ въ строгомъ повиновеніи безпкойную мелкотоу, альтовъ и дискантовъ. Онъ какъ будто вырастаетъ, одушевленный любимымъ своимъ искусствомъ... Но минуты такія рѣдки, а истинно хорошей музыки Петя даже никогда не слыжалъ. Одно, что ему доступно, это — мечты. И пока мы странствовали, онъ ни въ какихъ почти путевыхъ хлопотахъ не принималъ участія, а шелъ себѣ впереди, одинъ, налегѣвъ, давая полную волю неяснымъ своимъ грезамъ и строя, вѣроятно, всевозможные великолѣпные воздушные замки. — Припомню еще умнаго Федю Павлова, съ его рѣдкой способностью въ логическимъ разсужденіямъ и маленькой склонностью въ ригоризму; припомню еще его брата,

веселаго голубоглазаго Ваню, съ его чисто крестьянскимъ юморомъ и добродушіемъ, и другого забавника, Костю Дьячкова, съ его комичной плутовскою рожицей и неистощимыми незамысловатыми остротами; припомню чиннаго маленькаго Андришу, который отличался какимъ-то особеннымъ изяществомъ и благородствомъ натуры, и котораго ребята прозвали поэтому „королемъ“; припомню прилежнаго, смирнаго Ваню Голякова, и простаго, удалаго молодца Гришу, предъидущей зимой, въ качествѣ вучера, храбро возившаго меня по школамъ, несмотря на метели и темныя ночи; припомню еще толстощеваго простодушнаго Алешу, который, несмотря на свой цвѣтуцій видъ и тринадцатилѣтній возрастъ, вѣчно всего боялся и отъ всякаго пустяка плакалъ; припомню, наконецъ, умнаго, правдиваго и добраго въ душѣ, неисправимаго „озорника“ Павлушу, худого, рыжеватаго, съ веснушками мальчика, который никому не подчинялся, ничего не боялся и ничѣмъ не стѣснялся, относясь одинаково презрительно къ опасности и боли, къ голоду и холоду, къ дурнымъ отгѣткамъ на урокахъ и къ наказаніямъ за шалости отъ суровой матери. Къ великому горю той же, нещадно бывшей его за шалости, матери, бѣдный нашъ Павлуша съ тѣхъ поръ успѣлъ умереть, а передъ смертью страстно молилъ Бога оставить его въ живыхъ, обѣщаясь никогда, никогда болѣе не „озоровать“. Изъ остальныхъ моихъ спутниковъ я упоминала уже о бабушкѣ Настасьѣ, о дѣльной, степенной Аняѣ и о веселой пѣвуньѣ Наташѣ; остается назвать бойкую на языкъ и рѣшительную въ поступкахъ Дуню, любившую пококетничать лукаво опущенными черными глазами и преувеличенно скромнымъ видомъ,—и наконецъ Алену, съ ея вѣжными чертами лица и странно чувствительной, вибрирующей, немножко экзальтированной натурой.

Описавъ своихъ спутниковъ, я вернусь теперь къ первой нашей ночевкѣ на большой дорогѣ, въ десяти верстахъ отъ Арзамаса.

Спали мы недолго; было жестко лежать, и очень сыро и холодно. Проснувшись, я увидѣла, что Наташа также ѣжится подъ шалью и не спитъ. Проснулась и бабушка Настасья, и Анна, и чтобы намъ всѣмъ не озябнуть еще болѣе, мы рѣшили собираться въ дальнѣйшій путь.

Но было еще темно, и ребята спали какъ убитые. Долго Анна будила ихъ, то одного, то другого; они произносили какіе-то невнятные, жалобные звуки и, пряча голову, еще плотнѣе укрывались подъ кафтанами. Наконецъ старшій изъ нихъ, Ваня

Горнякъ, потягиваясь, всталъ и въ полномъ безмолвіи началъ запрягать лошадь, а за нимъ и прочіе понемногу очнулись, встали и принялись одѣваться, улаживаться и снаряжаться въ дорогу. Мы отправились—теперь уже не проселкомъ, а большой дорогой—по направленію къ Арзамасу. Ноги у меня какъ-то плохо гнулись, со сна и отъ сырости пробирала дрожь. Угрюмъ и непривѣтливъ былъ стоявшій по обѣ стороны дороги лѣсъ, и самимъ намъ было какъ-то невесело.

Но край неба успѣлъ уже поблѣтнѣть; скоро все оно прояснилось, и нависшія сѣрыя облака поднялись и растянулись по нѣжной лазури воздушными блѣдно-розовыми полосами. Мы шли, и все яснѣе, все голубѣе становилось небо, все кудрявѣе, все розовѣе пышныя облака. Скоро востокъ весь такъ и запылалъ въ огненно-аломъ великолѣпнн, и на горизонтѣ, у опушки лѣса, среди дѣлаго моря огня и пурпура, показался въ сіяніи играющихъ лучей огромный ярко-рубиновый дискъ восходящаго солнца.

Все свѣтлѣе, все ослѣпительнѣе разгоралось оно, поднимаясь выше и выше, побѣждая мракъ, разгоняя туманъ, съѣдая росу, чудесно согрѣвая сырой, холодный воздухъ и воскрешая къ жизни и радости весь темный, забнуцій, дремлюцій міръ! Какъ мы всѣ повеселѣли, какъ бодро пошли впередъ!

И какъ мнѣ понятно стало, почему весь рабочій, пѣшеходный, ночующій подъ открытымъ небомъ людъ всегда съ таковой привычной нѣжностью упоминаетъ о „красномъ солнышкѣ“!

Пройдя верстъ восемь и выйдя изъ лѣса, мы стали завтракать, сидя на пригоркѣ въ виду Арзамаса. Городъ красовался вдали, за зелеными лугами, весь въ колокольняхъ и куполахъ, сіяя золотыми крестами сквозь дымку легкаго голубого тумана.

Много разъ уже приходилось мнѣ приближаться къ Арзамасу по той же дорогѣ, и я съ дѣтства знала городъ съ его изобиліемъ церквей, съ его шумными и людными базарами, съ его тихими, заросшими травой боковыми улицами, на которыхъ не стѣсняясь играютъ въ „вѣзны“—т.-е. въ бабки—босовогіе ребятишки. Но въ это дивное утро Арзамасъ предсталъ передъ нами совсѣмъ инымъ, никогда не виданнымъ, сказочнымъ городомъ. Когда мы проходили черезъ него, онъ только-что проснулся. Ребята, не слишкомъ склонные восхищаться видами, тѣмъ сильнѣе интересовались домами и лавками, вывѣсками и фонарями, и мнѣ крайне трудно было удержать ихъ отъ шумныхъ восклицаній и громогласныхъ требованій, чтобы я обратила вниманіе на то или другое замѣчательное явленіе. Но вотъ мы уже миновали городъ и снова видимъ его за собой, во всей его

красѣ, на крутой горѣ, за рѣкою Тешей, съ темнымъ лѣсомъ въ сторонѣ.

Мы опять идемъ большой дорогой, пролегающей высокимъ мѣстомъ, посреди зеленыхъ полей съ неоглядной голубою далью. И меня какъ-то особенно радуютъ высокія, старыя березы, посаженныя аллеями по обѣ стороны дороги, и каждый кустикъ, каждая травка у протоптанной возлѣ березъ прямой тропинки. Намъ много попадается всякаго народа. Медленно ѣдутъ въ поле на работу мужики; дѣвушки и бабы, быстро ступая гибкими босыми ногами, спѣшать въ городъ съ кувшинами молока и кувшами ягодъ; идутъ мастеровые съ разными инструментами, идутъ и странники, тавіе же, какъ и мы, съ котомками и палками въ рукахъ. Нѣкоторые проходятъ молча, съ равнодушнымъ, а иногда и угрюмымъ видомъ; другіе привѣтливо смотрятъ на насъ, весело здороваются, перекидываются однимъ, двумя вопросами и желаютъ намъ счастливаго пути. И это такъ свободно и естественно, такъ „отъ души“ у нихъ выходитъ, что нельзя не порадоваться каждому такому дружелюбному взгляду или слову.

Мнѣ до сихъ поръ вспоминается симпатичное и выравительное лицо одного крестьянина, ѣхавшаго на пашню, и его внимательный поклонъ, и сердечный тонъ его голоса, когда онъ проговорилъ какое-то доброе намъ напутствіе, и еще я помню высокую, прямую старуху-мордовку, тщательно и не по-русски, а по-своему обутую въ лапти и повязанную платкомъ, которая, идя во главѣ другихъ богомольцевъ, миновала насъ быстрымъ, мѣрнымъ шагомъ и со старинной, твердой чинностью проговорила: „Здрастуйте, братья, сѣстры, — щаслива вамъ!“

Много мы въ тѣ дни перевидали этой бродячей Руси, этихъ „путешествующихъ“, въ точномъ смыслѣ слова, мужинъ и женщинъ, стариковъ и подростковъ. Они попадались намъ и въ одиночку, и по-двое, и вереницами, и группами, все съ тѣми же котомками и палками, все съ тѣмъ же беззаботно-задумчивымъ выраженіемъ лица, все съ той же привычкою свободнаго общенія со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ „работъ Божиимъ“. И глядя на этихъ странствующихъ рабовъ Божіихъ, я скоро научилась угадывать, кто недавно только вышелъ и кто давно уже идетъ, кому легко идти и кому трудно. Я съ невольнымъ уваженіемъ и нѣкоторою даже завистью слѣдила за сильными молодыми и крѣпкими старыми людьми, которые способны часъ за часомъ идти одинаково бодрой, упругой поступью, почти не зная усталости. Я сочувственно смотрѣла на людей послабѣе и повѣжнѣе, которые идутъ съ трудомъ и потихоньку, часто оста-

навливаясь и присаживаясь. И я живо стала представлять себѣ, что чувствуетъ человѣкъ, у котораго при ходьбѣ равномерно подгибаются колѣни и взглядъ упорно устремленъ въ одну точку, но который все-таки идетъ, и не останавливается, и не садится. Я узнала, что значить для такого человѣка глотокъ воды, поданный ему изъ окна, въ желѣзномъ ковшигѣ, и кусокъ хлѣба, который онъ съѣдаетъ, сидя на заваленгѣ, и главное—отдыхъ, эта сладостная возможность не трогаться съ мѣста и не шевелить ни рукой, ни ногой. И для меня получили особенное, близкое сердцу значеніе безпрестанно попадавшіеся намъ на мягкой пыли дороги отпечатки крупно и мелко сплетенныхъ лаптей, подбитыхъ гвоздями сапогъ, большихъ и маленькихъ, широкихъ и узкихъ босыхъ ногъ...

Во второй и во всѣ послѣдующіе дни нашего странствованія намъ, конечно, труднѣе было идти, нежели въ первый день. Погода была жаркая, дорога пыльная. Мы уже не пѣли и не бѣгали, и разговаривали только въ первые часы послѣ отдыха или во время приваловъ. Мы выходили большей частью очень рано, часа въ 3 утра. Мы шли сперва часа два, не садясь, а потомъ отдыхали черезъ каждые полтора часа или черезъ часъ. Часамъ въ 7 мы старались дойти до какого-нибудь села, доставали себѣ самоваръ и пили чай. Въ 12, когда идти становилось черезъ-чуръ ужъ утомительно и жарко, мы дѣлали привалъ, кормили лошадь, „обѣдали“ и ложились отдыхать. Часамъ въ шести мы вставали, снова пили чай, и опять пускались въ путь, и, пользуясь вечерней прохладой, шли часовъ до 12, когда наступало время ночного привала, при чемъ мы выбирали мѣсто гдѣ-нибудь вблизи села, но большей частью подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ мы проходили отъ 30 до 45 верстъ въ сутки. Всѣхъ меньше уставала бабушка Настасья. Она шла и въ жаръ, и въ прохладу все такъ же твердо, немного сторбившись и раскочиваясь, немолчно разговаривая, если только были возлѣ нея собесѣдники или слушатели; а какъ только мы садились отдыхать, она большей частью ложилась и немедленно засыпала, не беспокоясь о томъ, что солнце немилосердно печетъ ей и голову, и спину, и загорѣлое, старое лицо. Ребята и Анна тоже сравнительно мало уставали; больше ихъ уставали младшія дѣвушки, а всѣхъ больше Наташа и я. Всѣмъ интересующаяся, воспримчивая, живая Наташа уставала такъ, что только на привалахъ бывала весела, и при каждомъ переходѣ далеко отставала отъ другихъ; но, несмотря на всѣ свои страданія, она только разъ на минутку рѣшилась присѣсть на телѣжку, все время ее соблазнявшую. Я

тоже сильно уставала, и подъ вонецъ передъ большими остановками мнѣ такъ трудно было идти, что я сама себя спрашивала, зачѣмъ это я добровольно себя мучаю? Но и мной какъ будто овладѣвала стихійная сила, влекущая всю бродячую Русь, и мнѣ непремѣнно во что бы то ни стало хотѣлось идти и дойти.

Какая-то была особенная прелесть въ несомнѣнности и полнотѣ облегченія и удовольствія послѣ труда и страданія. Вѣдь никакихъ заботъ, и никакихъ тревогъ, и никакихъ недоумѣній не было. Все несчастье заключалось въ холодѣ и сырости ночью, или въ палящемъ зноѣ днемъ, и несчастье это прекращалось сразу, когда утромъ всходило солнце, освѣщая и согревая міръ своимъ роскошнымъ тепломъ и свѣтомъ, или когда мы въ жгучій полдень доходили до прохладнаго мѣстечка и садились отдыхать. Несчастье еще было въ томъ, что послѣ отдыха ноги, точно онѣмѣлыя, не гнулись и болѣли; но зато хорошо было, когда онѣ начинали разминаться и двигались свободно и легко. Несчастье было въ томъ, что послѣ извѣстнаго числа пройденныхъ верстъ подошвы ногъ начинали сильно горѣть, и обувь жала ногу, и волосы липли къ лицу, и уставала спина и держащая палку правая рука, тогда какъ лѣвая рука казалась такой ненужной и тяжелой ношей, что, кажется, хотѣлось бы ее отрубить. Несчастье было въ томъ, что подъ вонецъ очень ужъ долго тянулись каждыя 20, 30 минутъ ходьбы и каждыя двѣ, три версты разстоянія; несчастье было въ томъ, что очень хотѣлось ѣсть, а телѣжка съ провизіей была далеко впереди, и пить хотѣлось, а воды не было. Но зато неизмѣнно наступало полное, ничѣмъ ненарушаемое счастье, какъ только цѣль была достигнута, и на сочной травѣ, въ тѣни деревьевъ или какого-нибудь строенія, разостлано было одѣяло, и можно было сѣсть, и снять башмаки и чулки, и съ наслажденіемъ растереть горячія, мучительно ноющія ноги. Счастьемъ было—умыть руки и вытереть лицо, и причесать волосы и спокойно положить голову на подушку съ свѣжей наволочкой. Счастьемъ было, не вставая, развернуть кулекъ, и вынуть оттуда хлѣбъ, огурцы и лепешки, и ѣсть ихъ съ квасомъ, и заваривать чай на кипящемъ тутъ же, на землѣ, самоварѣ, и пить этотъ чай съ кислыми леденцами, и угощать имъ всѣхъ своихъ спутниковъ и спутницъ. И, Боже, какъ хорошо потомъ спалось! Какъ хорошо было, проснувшись, лежать неподвижно и всматриваться въ высокое синее небо съ облаками и трепещущимъ узоромъ древесныхъ вѣтвей, или прямой темной линіей крыши, подъ навѣсомъ которой случилось намъ расположиться. Бывало, спутники мои еще крѣпко спятъ,

лежа въ разныхъ позахъ около телѣжки; ни прохожихъ, ни рабочаго люда не видно, и они тоже спятъ по садамъ и сараямъ; однѣ куры бродятъ возлѣ насъ, не боясь полдневнаго зноя, кудахта и подбираясь къ хлѣбнымъ крошкамъ и краюшкамъ. Все тихо, но если, лежа, повернуться на бокъ и повнимательнѣе всмотрѣться въ густую траву, увидишь цѣлый особый міръ, миниатюрную чащу, полную жизни и жужжанья, вышашую безчисленнымъ множествомъ всевозможныхъ крошечныхъ, суеющихся созданий. И если долго всматриваться въ этотъ зеленый наскромный міръ, онъ начинаетъ казаться почти такимъ же значительнымъ, какъ и міръ людской...

А какъ хороши были мѣста, которыми мы проходили! За Арзамасомъ съ правой стороны дороги разстилается широкая долина Тешы, съ заливыми лугами, съ извивающейся по нимъ голубою рѣчкой, съ синѣющими вдаль, на горизонтѣ, лѣсами. Въ одномъ мѣстѣ къ самой дорогѣ подходитъ крутой обрывъ и съ обрыва далеко по всей долинѣ виднѣются деревни и села. Когда мы проходили этимъ мѣстомъ, внизу, въ лугахъ, по случаю праздника, алѣли сарафаны гуляющихъ деревенскихъ дѣвицъ, бѣгли рубашки парней, слышалась залихватская игра на „гармоніи“ и звенѣли, смягченные разстояніемъ, поющіе голоса.

Послѣ села Гремячева охватившіе горизонтъ лѣса подошли вплоть къ большой дорогѣ, но намъ указали болѣе короткій путь, и мы пошли проселкомъ, по опушѣ, гдѣ слѣва принимали насъ подѣ свѣжую свою тѣнь высокія деревья, а справа весело блестя Теша и пестрѣли на лугу цвѣты. Ребята тѣшились привольемъ луга и лѣса; они рвали цвѣты на лугу и землянику въ лѣсу и приносили ихъ мнѣ. Особенно были они довольны, когда дорога спустилась къ самой Тешѣ и оказалось нужнымъ переправляться черезъ нее вбродъ. Наташа и двѣ дѣвушки, не желая разуваться, забрались со мною на телѣжку и заставили „чалаго“ всѣхъ насъ перевезти. Ребята разулись и одинъ за другимъ съ одушевленіемъ бросились въ воду; Ваня Горинъ перенесъ на себѣ самаго маленькаго изъ мальчиковъ, Андриюшю Сѣткова, а сильная Анна, разувшись и подобравъ сарафанъ, посадила себѣ за спину бабушку Настасью и перебралась черезъ воду вмѣстѣ съ ней. И тѣмъ временемъ Костя, обуваясь на берегу, торжественно произносилъ: „переходъ евреевъ черезъ Черное море!“

На третій день нашего странствованія, въ сорока верстахъ отъ Арзамаса мы окончательно вступили въ огромные лѣса, которые

простираются на 70 верстъ и прекращаются лишь въ 12-ти верстахъ отъ Муромъ. Двое сутокъ шли мы среди великолѣпнаго ихъ однообразія, не видя открытыхъ горизонтовъ, лишь изрѣдка встрѣчая села и имѣя передъ глазами все ту же прямую, широкую большую дорогу, а по обѣимъ сторонамъ все тѣ же высокія, красноватія колонны сосенъ и исполинскія темно-зеленыя пирамиды елей.

Какое-то особенное, своеобразное и сильное впечатлѣніе производятъ эта мрачная и строгая лѣсная красота. Ея вѣковое могущество подавляетъ мелочную человѣческую суетливость и направляетъ мысли въ глубь прошедшаго, въ безграничную область неизвѣданнаго. И какъ только вошли мы въ лѣсъ, всѣ мы какъ-то присмирѣли и о чемъ-то задумались. А бабушка Настасья, по прежнему неутомимо шествуя съ палкой въ рукѣ, въ лаптяхъ и въ низко на лобъ повязанномъ темномъ платкѣ, начала свои привычныя, неторопливыя, выразительныя рассказы о прежнихъ временахъ, когда лѣсъ былъ полонъ разбойниковъ, и когда странники натѣкались на убитыхъ или съ робкимъ ужасомъ прислушивались къ замиравшимъ вдали отчаяннымъ призывамъ на помощь. И сама наша бабушка, съ ея простодушно грубоватымъ лицомъ и говоромъ, съ ея безграничнымъ суевѣріемъ, съ ея дѣтски безразличнымъ отношеніемъ къ добру и злу и ограниченнымъ пониманіемъ радости и горя, съ ея маленькой угодливостью и несчастлившимъ еще страхомъ передъ господами, которыхъ она, впрочемъ, всегда умѣла обойти, когда ей этого хотѣлось, напоминала весьма живо о глухихъ временахъ крѣпостнаго права и муромскихъ разбойниковъ. Удивительно было видѣть разницу, которую создали между нею и молодежью, ее окружавшей, совершившіяся съ той поры великія перемѣны. Не только ребята, прошедшіе школу, не только Наташа, прочитавшая много книжекъ, но и дѣвушки, почти не учившіяся и выросшія въ такихъ же, какъ и бабушка Настасья, глухихъ деревняхъ и безграмотныхъ семьяхъ, отличались отъ нея такъ явственно, какъ будто бы произошли изъ другой страны и другого народа. Въ нихъ не замѣчалось уже ни хитраго взгляда исподлобья, ни наивнаго, возведеннаго въ принципъ своекорыстія, ни безграничной вѣры въ святость обычаевъ и правилъ житейской мудрости, ни всего того, что характеризовало бабушку Настасью и такъ сильно вѣлось въ большинство людей стараго времени и особенно въ женщинъ, для которыхъ крестьянская неволя усугублялась домашнимъ деспотизмомъ свекра, свекрови, мужа.

Настали другія времена; веселѣе и свободнѣе, чѣмъ прежде,

живется простому человѣку, его уже меньше пугаютъ кикиморы и лѣшіе, не очень уже страшень и баринъ въ форменной фуражкѣ или безъ нея, не страшень даже и темный лѣсъ, который бабушкѣ Настасьѣ и другимъ людямъ стараго вѣка все еще вселяетъ невольный ужасъ. Существованіе кикиморъ и лѣшихъ уже подвергается сомнѣнію и даже совсѣмъ отрицается. Ужь гораздо рѣже кричитъ и дерется баринъ. „Добрые господа“ уже не переселяютъ мужиковъ съ хорошей земли на плохую и не женятъ молодцовъ на дѣвцахъ, дѣлая о томъ распоряженія однимъ почеркомъ пера; да и „злые господа“ стали гораздо безопаснѣе: они не колютъ горничныхъ булавами и не сбѣгутъ зажиточныхъ домохозяевъ, вымогая съ нихъ деньги. Присмирѣлъ и дремучій лѣсъ, уже не лежатъ на дорогѣ убитые, не слышно ни грознаго свиста, ни жалобныхъ воплей, и безопасно проходить лѣсомъ въ одиночку и по-двое, и проѣзжаютъ имъ съ возами и товарами безоружные, мирные люди.

Не могли усмирить дремучій лѣсъ страшные капитаны-исправники, не могли укротить разбойниковъ клейма и плети, но настала свобода отъ крѣпостного гнета, проснулся забитый и запуганный разумъ, смягчились нравы, и лѣсные люди, оставивъ разбой, принялись за честный трудъ. И любопытнымъ, смысленнымъ свѣтлымъ взоромъ вглядываясь въ отчасти уже раскрытый передъ ними волей и грамотностью Божій міръ, идутъ ихъ дѣти бодро и весело тѣмъ же лѣсомъ, гдѣ недавно еще разбойничали отцы ихъ и дѣды, идутъ и слушаютъ съ чуткимъ вниманіемъ рассказы о страшныхъ преступленіяхъ, о страшномъ гнетѣ и безправіи прежнихъ временъ.

Помню одинъ рассказъ бабушки Настасьи о томъ, какъ ея сваха шла вечеромъ мимо гуменъ одного извѣстнаго своими свирѣпыми нравами села, и какъ она услышала стонъ и увидѣла торчачія изъ-подъ омета соломы ноги, и какъ, ночуя въ селѣ, она рассказала о видѣнномъ хозяйкѣ, а хозяйка въ страхъ замачала на нее руками, чтобы она замолчала, и, пожалѣвъ ее, ничего не сказала о ней мужикамъ, чтобы они и ее тоже не зарѣвали...

— У нихъ какъ, бывало, закричатъ караулъ на болотѣ, такъ и тушатъ по всему селу огни,—говорила бабушка Настасья.— И видать не видали, и слышать не слышали... А сваха-то о ногахъ подъ ометомъ и заговори!.. Глупа была, молода.

— Да вѣдь „онъ“, можетъ, еще живъ былъ?—задумчиво спросилъ Пета, по прозванію „поэтъ“:—что жъ она его сразу не вытащила? онъ бы, можетъ, и убѣжалъ!..

— И, батюшка, кому это нужно? самой-то бы ноги унести!— сказала старушка.

Всѣ помолчали; потомъ Наташа серьезно проговорила: „А въ Евангеліи сказано: люби ближняго, какъ самого себя“.

— Развѣ это тогда понимали!— произнесъ, негодуя, Ваня Горинъ, а затѣмъ съ довольно мрачнымъ видомъ передалъ разсказъ своего дѣдушки о томъ, какъ Покровскій баринъ промѣнялъ повара на собаку, и какъ убивался и плакалъ поварь, и не то ему было обидно, что другому его барину отдають, а то, что отдають его за борзаго пса...

— А теперь, поди, промѣнай-ка! попробуй!— весело блестя голубыми глазами, сказалъ бойкій Ваня Павловъ.

— Теперь этого уже нѣтъ. Александръ Николаевичъ Освободитель это отмѣнилъ,— съ одобреніемъ проговорилъ Андрюша Сѣтковъ, примѣрный ученикъ, всегда отлично помнившій исторію.

— Бабушка Настасья, чай, помнитъ, какъ отмѣняли,— сказалъ мало учившійся, но любовзательный Вася Голяковъ.

Но бабушка Настасья была въ отмѣнѣ крѣпостного права довольно равнодушна. Вѣдь эта отмѣна совершилась тогда, когда молодые ея годы уже миновали, когда и умъ ея, и нравъ, и воззрѣнія, и привычки, и склѣнности уже вполне опредѣлились и новому вѣянію поддаться не могли. И мы заговорили о другомъ и радовались, что мы молоды, и что никто изъ насъ не жилъ въ тѣ страшныя времена, и не былъ ни рабомъ, ни рабовладѣльцемъ, и что мы всѣ вмѣстѣ дружно путешествуемъ въ Муромъ, оставивъ позади себя всѣ свои заботы и недоумѣнія. Мы въ тѣ дни имѣли право не думать слишкомъ долго о темныхъ, жестокихъ временахъ, вспоминать которыя такъ тяжело и унижительно. Но можно ли совсѣмъ забыть о нихъ? Вѣдь слѣды тѣхъ позорныхъ временъ остались до сихъ поръ во взглядахъ, и нравахъ, и стремленіяхъ многихъ русскихъ людей!

Идти лѣсомъ было гораздо пріятнѣе, нежели полемъ. Лѣсъ давалъ тѣнь и прохладу, а по временамъ чаща деревьевъ прерывалась привѣтливо освѣщенными солнцемъ долами, въ которыхъ росла въ изобиліи высокая сочная трава и журчала холодная, чистая какъ хрусталь, вода. Но насъ донимали въ лѣсу комары; ихъ было такое множество, что они цѣлымъ облакомъ носились надъ нами и немедленно облѣпляли всякаго, кто хотя на мгновеніе останавливался. Они безпощадно гнали насъ впередъ, а если ужъ мы непременно хотѣли присѣсть и отдохнуть,

мы должны были зайти въ какое-нибудь строеніе, или добраться до открытаго мѣстечка на пригорѣхъ, гдѣ бы дулъ вѣтерокъ.

Помню, какъ разъ мы вздумали расположиться на маленькой полянкѣ, окруженной громадными елями. Еще издали манилъ насъ изумрудно-зеленый коверъ травы и густая тѣнь деревьевъ. Но только успѣли мы раскинуть свой станъ, какъ комары напали на насъ съ ожесточеніемъ. Они кусались сквозь одежду, и защитить отъ нихъ могло развѣ только толстое шерстяное одѣяло, но подъ нимъ было такъ нестерпимо душно, что по неволѣ пришлось отвязаться отъ отдыха и идти дальше.

Около полуночи мы прошли черезъ большое спящее село Ломовку и расположились ночевать за селомъ на лужайкѣ возлѣ дороги. Небо было облачное, было прохладно, и намъ съ Наташей можно было покрыться одѣяломъ, не рискуя задохнуться. Кусать насъ комары уже не могли, но долго мнѣ не давало уснуть комариное пѣніе, эта странная, однообразная, неугомонная музыка изъ миллиардовъ слабыхъ голосовъ, навойливо гудѣвшихъ надъ самымъ ухомъ, звенѣвшихъ безчисленнымъ хоромъ тончайшихъ дискантовъ гдѣ-то въ неизмѣримой высотѣ, переливавшихся, дребезжавшихъ, непрерывныхъ, неотвязныхъ, какъ ночной кошмаръ. Слушала я, слушала эту удивительную „стихійную“ музыку и наконецъ заснула. Но скоро я сквозь сонъ замѣтила, что что-то постукиваетъ по соломенной шляпѣ, которую я покрыла себѣ лицо. Въ полуснѣ мнѣ показалось, что и этотъ стукъ производятъ все тѣ же неугомонные комары, но когда я выглянула изъ-подъ одѣяла, оказалось, что на насъ ровно и часто накрапываетъ дождь. Недаромъ распѣлись комары! Но сладкая дремота такъ овладѣла мною, что мнѣ рѣшительно не хотѣлось встать.

— Дождь идетъ,—сказала я Наташѣ, смутно надѣясь, что на нее извѣстіе это подѣйствуетъ болѣе возбуждающимъ образомъ, чѣмъ на меня. Но она совершенно безмятежно проговорила: „Пройдетъ!“... И мнѣ почему-то тоже показалось, что дождикъ смилуется надъ нами и перестанетъ идти. Скоро, однако, пришлось убѣдиться, что мы напрасно понадѣялись.

Дождикъ накрапывалъ все сильнѣе и сильнѣе. Одѣяло наше стало намокать, и мнѣ по неволѣ пришлось подниматься, будить Наташу, дѣвушекъ и ребятъ, надѣвать мокрые башмаки и мокрую шляпу и наскоро свертывать и прятать остальные вещи, пока другіе запрягали лошадей, нагружали и увязывали тележку. Наконецъ, мы тронулись въ путь, мокрые, сонные и унылые, подъ темнымъ еще небомъ и обильно льющимся дождемъ.

Село было въ двухъ шагахъ позади насъ, но о немъ я рѣше

не было. Никакія силы не могутъ заставитьъ странниковъ идти назадъ, а не впередъ,—и, повинуваясь стихійному влеченію, мы направились дальше, къ деревнѣ Шилоксѣ. На сѣромъ небѣ скоро, впрочемъ, забрезжилъ блѣдный свѣтъ зари и намъ яснѣе стали видны мрачныя сосны и ели и бѣгущіе по дорогѣ потоки мутной воды. Мы идемъ уже больше часу, а до Шилоксы всего пять верстъ; стало быть, недалеко. Дождь перестаетъ идти; на пригоркѣ, въ тускломъ полусвѣтѣ, уже замѣтна деревня; еще одинъ довольно трудный подъемъ по липнущей къ обуви мокрой глинѣ, и мы подходимъ къ крайней избѣ. „Господи, только бы насъ выпустили!“ Я стучусь въ окно. Изъ окна выглядываетъ дѣвушка, какъ видно—только-что вставшая, съ сонными еще глазами и растрепанной воей бѣлокурыхъ волосъ. Я высказываю ей нашу просьбу. Она смотритъ на насъ весьма сочувственно и приглашаетъ войти:

— Идите, насъ только двѣ съ сестрой, у насъ можно. А ребята пусть къ „шабрамъ“¹⁾ идутъ—и у нихъ, чай, пустятъ!

И мы съ Наташей и другими двумя дѣвухами съ чувствомъ облегченія входимъ въ избу, изъ которой сразу пахнуло на насъ сухимъ тепломъ и „жилымъ“ запахомъ.

Дѣвушка топить печку; молодая женщина съ ребенкомъ еще лежитъ на лавкѣ; возлѣ нея качается люлька съ другимъ ребенкомъ, побольше.

Мы переодѣваемся и развѣшиваемъ у печи свои мокрыя вещи; потомъ спутницы мои забираются на печку и засыпаютъ. Я укладываюсь на лавку вдоль окошекъ, но мнѣ уже не спится. Вижу, какъ молодая женщина, за отсутствіемъ матери ночевавшая у сестры, встаетъ и уноситъ домой грудного ребенка, въ надеждѣ, что другой ребенокъ, въ люлкѣ, проспится сповойно до ея возвращенія. Дѣвушка-хозяйка, сидя у печи, чиститъ картофель себѣ на завтракъ, но прошло минуты двѣ и изъ люльки уже слышится плаксивый голосокъ: „мамка!“... Дѣвушка бросаетъ свой картофель и подбѣгаетъ: „спи, спи, Ольгушка, спи!“ Но изъ люльки еще громче и настойчивѣе раздается: „мам-ка-а-а!“

— Качаетъ мамка, тутъ мамка, тутъ, качаетъ!—торопливо твердитъ дѣвушка и начинаетъ раскачивать люльку. Но маленькая крикунья не дается въ обманъ. Все сердитѣе, все упрямѣе зоветъ она свою „мамку“, и никакое качанье, никакія коварныя утѣренія, что „мамка“ находится возлѣ нея, не могутъ ее успокоить. Дѣвушка нѣсколько разъ бросаетъ стряпню и бѣжитъ рас-

¹⁾ „Шабрами“ въ нашей мѣстности зовутъ сосѣдей.

качивать люльку, но Ольгушка не унимается и продолжаетъ кричать съ силой отчаянія:

— Мамка!!!...

— И что это за неудобная дѣвка какая!—воскликаетъ дѣвушка, выходя наконецъ изъ терпѣнія. Она окончательно бросаетъ стряпню, распахиваетъ занавѣски люльки и беретъ на руки хорошенькую, заспанную, кудрявую дѣвочку съ сердито смотрящими изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ синими глазками. Дѣвочка собирается окончательно разревѣться, но въ эту минуту вбѣгаетъ въ избу запыхавшаяся мать, подхватываетъ ее, и, освѣдомившись о томъ, давно ли она кричитъ, уноситъ домой „неудобную дѣвку“.

Дѣвушка-хозяйка, управившись у печки, нѣсколко умывается, кое-какъ приглаживаетъ волосы, надѣваетъ сарафанъ и платокъ, молится и усаживается завтракать. Я не безъ зависти гляжу на дымящійся картофель въ чашкѣ, которую она держитъ у себя на колѣняхъ; но я не рѣшаюсь попросить у нея этого картофеля, а сама она не считаетъ нужнымъ меня имъ попотчивать, такъ какъ на столѣ передо мной уже лежатъ вынутые изъ куля пирожки и лепешки.

Солнце взошло; окна избы прямо обращены къ нему, и яркіе, косые лучи золотисто освѣщаютъ всю ея неприглядную внутренность. Меня начинаетъ клонить ко сну, я повертываюсь спиной къ окошкамъ и засыпаю.

Въ семь часовъ утра бабушка Настасья уже будитъ насъ, подойдя къ окну. Солнце высоко—путь далекъ. Надо собираться. И мы идемъ, радуясь чистотѣ и прохладѣ освѣженнаго дождемъ и еще не раскаленнаго солнцемъ утренняго воздуха. Небо синее, и только съ одной стороны тѣснятся пышныя, красивыя, сизыя съ бѣлымъ облака. Лѣсъ великолѣпенъ, комаровъ почти нѣтъ. На песчаной дорогѣ валяются въ изобиліи куски разноцвѣтнаго, голубого и зеленого плака. Намъ попадаются мужики, везущіе въ большихъ плетеныхъ корзинахъ уголь, и это напоминаетъ намъ, что мы приближаемся къ Кулюбаинскому чугунному заводу.

Пройдя верстъ шестнадцать, мы садимся полдничать въ виду Кулюбака, возлѣ красиваго домика съ прочными, тесовыми службами и колодезѣмъ. Мимо насъ проходитъ къ дому какой-то сѣдой господинъ съ тросточкой въ рукахъ. Нашъ бивуазъ вызываетъ въ немъ явное любопытство и онъ съ привѣтливой усмѣшкой всматривается въ насъ. Мы спрашиваемъ, можно ли намъ пользоваться тѣнью отъ его дома и водой изъ его колодца.

— Сдѣлайте одолженіе, — говоритъ онъ, любезно снимая

пшяпу и еще привѣтливѣе улыбаясь. И послѣ того выходитъ вухарка и предлагаетъ намъ самоваръ, а для ребятъ выносить большую чашку съ квасомъ и лукомъ. И ребята, питавшіеся всю дорогу почти однимъ только хлѣбомъ, весьма быстро и съ аппетитомъ истребляютъ содержимое въ чашкѣ.

Мы входимъ въ Кулюбаки и къ большому удовольствію ребятъ попадаемъ въ сутолоку базарнаго дня. Вездѣ—двухъ-этажные дома съ крылечками и выѣсками, каменные амбары и лавки, лотки съ мелкимъ товаромъ, воза и возчики, продающіе и покупающіе. Возлѣ нихъ снуютъ мальчуганы, таща на себѣ огромныя охапки свѣже-свошенной травы, которую они предлагаютъ покупателямъ за двѣ и за три копѣйки; другіе, менѣе добродѣтельные юные туземцы злоумышленно вертятся около торговцевъ и, къ великому негодованію нашихъ ребятъ, стараются похитить—кто сушоную воблу, кто калачъ; въ трактирахъ и кабакахъ гудятъ потребители; другіе ѣдятъ и пьютъ тутъ же, на площади, и вездѣ, среди безпорядка, сора, шума и крика кипитъ живая и пестрая толпа и раздается бойкій, мѣткій великорусскій говоръ. Все это очень разнообразно, типично и даже красиво подъ синимъ небомъ и яркимъ лѣтнимъ солнцемъ. И немудрено, что для обитателей глухой и бѣдной деревни это людное, базарное оживленіе—нѣчто крайне заманчивое и интересное.

Сперва я тоже не безъ любопытства и удовольствія смотрѣла на веселую толпу и ожесточенное базарное торгашество, но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше попадалось намъ пьяныхъ, тѣмъ чаще раздавались крики и буйныя глѣсны съ фальшивыми хрипыми нотами и отчаянной выразительностью. И мы старались скорѣе пройти Кулюбаками, и какъ-то грустно и совѣстно было на душѣ и вспоминалось неравенство людское и отвѣтственное положеніе всѣхъ, кому знакомы наслажденія болѣе высокаго качества, нежели грошовые барыши и наивно дикій разгулъ базарной площади.

Но вотъ мы опять „на волѣ“, опять среди громаднаго, спокойнаго лѣса. Опять попадаютъ намъ среди лѣса хорошенькіе домики сторожевыхъ кордоновъ, гдѣ намъ охотно даютъ „испить“ и охотно сообщаютъ, сколько верстъ намъ еще остается пройти; мы минуемъ вырубленные участки и участки съ молодою порослью чернолѣся, и снова передъ нами исполинскія старыя сосны и ели, и безконечно длинныя, прямолинейныя, великолѣпныя просѣки. Эти все болѣе и болѣе суживающіяся, прямыя, длинныя перспективы просѣекъ, эти небольшіе участки березняка и осинника среди старыхъ хвойныхъ великановъ и идущія дорогой артели

рабочихъ съ топорами на плечахъ говорятъ о мирномъ завоеваніи лѣса человѣкомъ; и для меня, имѣющей пристрастіе во всему человѣческому, признаки эти придаютъ его могучей красотѣ еще особую прелесть.

Къ вечеру мы выходимъ изъ лѣса. Дорога подымается на обширный, пологій, кругомъ распаханнй холмъ, и съ него открывается съ одной стороны цѣлое море сосенъ и елей, а съ другой стороны—поросшая кустами, болотистая низина, за которой высится бѣлая церковь села Севастлейки. Но пока мы идемъ, любуясь широкой панорамой, изъ-за лѣснаго горизонта выползаетъ громадная, угрюмая туча; она болѣе чѣмъ на половину закрываетъ небо, и при яркомъ блистаніи солнца надъ свѣтло-зеленой низиной, при двойной радугѣ, разноцвѣтно сіяющей на темномъ фонѣ тучи и лѣса, гранулъ, вдругъ зашумѣвъ и сверкая, сильнѣйшій ливень. Всѣ мы попрятались подъ растущіе у дороги кусты и деревья. Сквозь шумно движущійся, прозрачно-серебристый пологъ дождевой воды виднѣются мнѣ смѣющіяся лица сидящихъ на корточкахъ подъ широкими вѣтвями ели ребятъ и ѣдущіе по дорогѣ, весело кричащіе на лошадехъ мужики. Наташа отстала отъ насъ, и мы съ бабушкой Настасьей, довольно неудачно пріютившись подъ пропускавшими воду молодыми березками, начинаемъ беспокоиться объ ея участи; но вотъ она уже ѣдетъ мимо насъ, сидя на телѣгѣ съ подвезшимъ ее мужикомъ, и киваетъ намъ, и смѣется, и цѣлыя струйки воды бѣгутъ по розовымъ щекамъ и по выбившимся изъ-подъ платка прядямъ волосъ. Скоро ливень прекращается, но, несмотря на всѣ предосторожности, мы промокли насквозь.

Мы идемъ, и то небо проясняется, и лужицы на темной грязи становятся голубыми, и солнце ласково пригрѣваетъ насъ, то опять собираются тучки и снова спрыскиваютъ насъ дождемъ.

Наконецъ мы добираемся до Севастлейки и, хотя еще не поздно, остаемся ночевать на постояломъ дворѣ. Ребята страшно рады спать въ избѣ. А мнѣ деревянная лавка кажется замѣтно жестче луговинника, да и довольно-таки душно въ большой, плохо прибранной „чистой“ комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, маленькими окнами и множествомъ мухъ. Тѣмъ не менѣе мы всѣ хорошо выспались и, выйдя раннимъ свѣжимъ утромъ, пошли по тропинкѣ, которую пѣшеходы, во избѣжаніе сыпучихъ песковъ большой дороги, проложили болотистымъ мѣстомъ, прямо черезъ частый молодой лѣсъ. Идя другъ за другомъ по узкой, топкой тропинкѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ перегоняя другъ дружку, мы прошли замѣчательно быстро и весело всѣ двѣнадцать верстъ до

Липни, гдѣ лѣсъ уже окончательно прекращается и откуда намъ до Муромъ оставалось всего только двѣнадцать верстъ. Дорога шла привольными лугами вдоль Тешы, которая подѣ самымъ Муромомъ впадаетъ въ Оку. И во все время пути, начиная съ самой Липни, намъ виденъ былъ на горѣ, за Окой, рядомъ съ большимъ селомъ Карачаровымъ—старинный, многохрамный, красивый городъ Муромъ, весьма похожій на всѣ старинные русскіе города. Весело идти, когда уже видна конечная цѣль путешествія, и когда изъ 150 верстъ остается ихъ только 12, а потомъ 11, а затѣмъ 10, и 9, и 8... Радуясь этому, мы шли не торопясь и часто садились, и разговаривали, и смотрѣли на Муромъ, на Оку и плывущія по ней суда, на Тешу и густой лозинникъ возлѣ нея, и безчисленныя ласточкины гнѣзда въ обрывистомъ песчаномъ берегу. Все это очень забавляло ребятъ, и пока мы, взрослые, наслаждались отдыхомъ и любовались красотой мѣстности, они постоянно вскакивали и бѣжали смотрѣть на что-нибудь и, возвращаясь, сообщали намъ свои наблюденія, задавали вопросы и вспоминали, какъ „изъ славнаго города изъ Муромъ, изъ села изъ Карачарова“ вышелъ богатырь Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, сиднемъ сидѣвшій тридцать лѣтъ, а потомъ совершившій столько славныхъ подвиговъ ради Божьихъ церквей и ласковаго князя Владиміра, и для вдовъ, и сиротъ, и всего народа православнаго.

Но вотъ мы уже и на паромѣ черезъ Оку. Силачи-перевозчики, разстегнувъ ворота рубашекъ и все же обливаясь потомъ, всѣмъ тѣломъ налегая на сторону и равномерно, другъ за другомъ двигаясь по парому, тянуть за канатъ. Надъ ними безоблачное, сіяющее лучезарнымъ свѣтомъ, голубое небо; за Окой красивый тихій Муромъ, а на синей рѣкѣ кое-гдѣ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, почти неподвижныя неуклюжія барки и небольшіе суетящіеся пароходики. У ребятъ отъ невиданнаго зрѣлища разбѣгаются глаза; они даже молчатъ, чтобы успѣть все хорошенько разсмотрѣть, и иногда только раздаются восторженныя восклицанія: „глянь-ка, глянь“....

Людей на паромѣ немного. Бабушка Настасья вступаетъ въ разговоръ съ какой-то мѣщанкой и спрашиваетъ, правда ли, что въ Муромѣ „проявилась“ праведница, живущая въ затворѣ уже десять лѣтъ и кушающая по одной просвиркѣ въ день? И милосердная мѣщаночка въ голубомъ платочкѣ осторожно объясняетъ, что это неправда, и что просто-на-просто хитрая и жадная мать, руководясь разными низкими расчетами, держала взаперти, въ лохмотьяхъ, въ грязи и въ голодѣ полуидіотку дочь, пока ее

не наша полиція и пока не отправили ее въ больницу на поправку.

Паромъ приближается къ берегу, и бабушка Настасья, съ изумленіемъ, доходящимъ до оцѣненія, смотритъ на барки, пристань и линію берега, быстро надвигающіяся на насъ...

— И неужто-же?! Царица Небесная!.. шепчетъ она, не зная, чему вѣрить—своимъ ли глазамъ, или мнѣ, объясняющей, что это мы плывемъ, а пристань стоитъ на мѣстѣ. И пока она дивится и недоумѣваетъ, ребята радуются при видѣ обмана зрѣнія, который напоминаетъ имъ объ урокахъ географіи и о движеніи земли. И вотъ мы входимъ въ городъ, и больно усталымъ ногамъ ступать на острые камни мостовой. Еще одно мытарство по пыльнымъ и соннымъ улицамъ города, съ разспросами о томъ, гдѣ бы намъ остановиться,—и ребята съ лошадей, бабушка Настасья и три дѣвушки заворачиваютъ на постоянный дворъ, а мы съ Наташей беремъ себѣ номеръ въ гостинницѣ, какъ разъ напротивъ постоялаго двора; — и, Боже мой, какъ пріятно отдохнуть въ прохладной комнатѣ, на кровати съ пружиннымъ тюфякомъ!

Мы пробыли въ Муромѣ немного болѣе сутокъ. Прибывъ въ городъ, я постаралась принять видъ по возможности городской и спутниковъ своихъ увѣщевала вести себя по правиламъ городского обществія. Но, увы, это плохо имъ удавалось: когда имъ надоѣло сидѣть на постояломъ дворѣ, они выходили за ворота и не стѣняясь садились рядышкомъ на край тротуара. Когда же я или Наташа показывались въ окнѣ номера, они выходили на середину улицы и безцеремонно переговаривались съ нами. А мѣстные обыватели сперва подробно разспросили ребятъ о томъ, кто мы такіе и зачѣмъ прибыли, а потомъ перестали обращать на насъ вниманіе. При патріархальности городскихъ нравовъ наша деревенская простота очевидно никого не поражала.

Въ первый же вечеръ мы были у всенощной въ красивомъ старомъ соборѣ съ мощами св. Петра и Февроніи. Ребята, и дѣвушки, и бабушка Настасья, всё въ смягченномъ, поэтическомъ настроеніи, любовались великолѣпнѣмъ блистающаго свѣчами и золотомъ собора и усердно молились. Также точно умилялись и молились другіе странники-богомольцы, которые почти одни наполняли высокой храмъ и даже сидѣли кружками на заросшей травю обширной площади передъ соборомъ.

Наши ноги довольно плохо намъ служили, но все-же мы на другой день отправились въ женскій монастырь къ обѣднѣ и въ мужской Благовѣщенскій монастырь къ молебну у раки князей—

просвѣтителей Муромъ, Константина, Михаила и Θεодора. Не безъ труда узнавъ, когда отходить поѣздъ, отправились мы также и на желѣзнодорожную станцію, и ребята сперва во всѣхъ подробностяхъ разсмотрѣли стоявшій у платформы локомотивъ съ длинной цѣпью вагоновъ, а потомъ усѣлись на землю возлѣ полотна дороги и дождались, когда поѣздъ промчался мимо нихъ и унесся въ даль, вызывая въ зрителяхъ неописанный восторгъ.

— Чего весь вѣкъ не видала, тѣ нынче увидѣла! говорила, дивясь какъ ребенокъ, бабушка Настасья...

Побывавъ вторично у всенощной, мы на другой же день послѣ прихода въ Муромъ, пользуясь вечерней прохладой, отправились въ обратный путь. — Намъ невзачѣмъ было дольше оставаться въ Муромѣ, и насъ, кромѣ того, отчасти стѣсняли расходы. У всѣхъ моихъ спутниковъ денегъ было очень немного, а изъ мальчиковъ даже тотъ, у кого при выходѣ имѣлось 20 копѣекъ, считался богачомъ. Между тѣмъ въ городѣ имъ приходилось покупать пищу и платить за ночлегъ на постояломъ дворѣ; въ деревняхъ же они, съѣвъ взятый изъ дому хлѣбъ, получали даромъ почти все, что имъ требовалось. Я раза два въ день угощала ихъ чаемъ и кое-когда какимъ-нибудь немудрымъ лакомствомъ; но большей частью спутники мои, почувствовавъ усилившійся аппетитъ, подходили къ первой попавшейся избѣ и самымъ естественнымъ тономъ говорили хозяйкѣ: „Тетенька, не дашь ли хлѣбца?“ И „тетенька“ въ большинствѣ случаевъ съ полной готовностью подавала въ окно отрѣзанный ломоть, а иногда предлагала даже войти въ домъ или пообѣдать, или поужинать. У одной избы, помнится, сперва ребятамъ подали хлѣба, а потомъ молодой мужикъ, высунувшись изъ окна, началъ звать ихъ въ догонку и приглашалъ войти поѣсть каши съ пирогами; но ребята почему-то сконфузились, не рѣшились вернуться и совсѣмъ неосновательно лишили себя пироговъ и каши. Бабушка Настасья, несмотря на свои почтенныя лѣта и принадлежность къ зажиточному семейству, также какъ и ребята, ходила по окнамъ, набирала въ передникъ куски и ѣла ихъ, присѣвши на заваленку. И это совсѣмъ не казалось нищенствомъ, или вообще униженіемъ, — а казалось только милой братской простотой въ отношеніяхъ.

Разъ мы съ тремя ребятами далеко опередили телѣжку, гдѣ была у меня провизія, и очень проголодались. Когда мы пришли въ село, я поручила Васѣ Голякову купить мнѣ хлѣба; но никто

не соглашался продать, а вмѣсто того въ одномъ богатомъ домѣ подали „Христа ради“ большой ломоть чистаго, мягкаго хлѣба, и Вася принесъ его мнѣ, и мы съ большимъ удовольствіемъ съѣли его вчетверомъ. Почуя въ чей-нибудь избѣ, я платила по 1 коп. съ человѣка, или даже меньше, но иногда хозяева и этого не хотѣли брать. Разъ я хозяйкѣ бордона, въ которомъ мы утромъ умывались и завтракали, хотѣла дать двугривенный ребятамъ на пряники.

— И, матушка!—сказала она:—зачѣмъ это? Вы ужъ лучше своимъ... У васъ и своихъ-то—гляди, сколько!..—Въ одномъ селѣ у насъ нашли знакомые, и когда мы взяли у нихъ самоваръ и чайную посуду, хозяйинъ, не дожидаясь даже, чтобы мы его объ этомъ попросили, отправился съ косою „на задъ“ и принесъ намъ травы для лошади. Другой разъ я послала одного изъ мальчиковъ купить для лошади сѣна, но онъ принесъ мнѣ деньги обратно и сказалъ, что хозяйинъ далъ сѣна даромъ и велѣлъ только свѣчку за него поставить. Такимъ образомъ въ дорогѣ денегъ намъ почти не нужно было.

Наташинъ желтый ситцевый платокъ, который я надѣла на голову, потому что онъ гораздо лучше шляпы защищалъ меня отъ солнца и отъ комаровъ, простое общество, въ которомъ я находилась, и скромное пѣшее хожденіе съ одной стороны, а съ другой стороны мой не-крестьянскій говоръ, золотые часы и другія мелочи нерѣдко приводили людей въ недоумѣніе относительно категоріи, къ которой имъ меня надлежало причислить. Но словенные предразсудки какъ-то совсѣмъ несвойственны простымъ русскимъ людямъ, и они обращались со мною совершенно одинаково, принимали ли они меня за горничную, или за „барышню“, т.-е. человѣка, принадлежащаго къ помѣщичьему классу. Мнѣ же, при необычности окружающихъ условій и при томъ ясномъ, повышенномъ и вроткомъ настроеніи, которое вызывало во мнѣ наше вольное странствованіе, совершенно невозможно было стать на обычную въ извѣстномъ кругѣ точку зрѣнія и смотрѣть на услуги и особенное вниманіе людей какъ на нѣчто должное. Когда люди бывали непривѣтливы, или отказывали намъ въ чемъ-нибудь, или не хотѣли впустить насъ въ домъ, это казалось совсѣмъ неоскорбительнымъ, потому что легко было понять, что людямъ покоя нѣтъ отъ прохожихъ и странниковъ. Когда же люди были услужливы и радушны,—а большею частью они были именно таковы,—это всякій разъ было особеннымъ удовольствіемъ. Впрочемъ, даже и помимо ихъ добраго отношенія къ намъ лично, хорошо было встрѣчать на безъискусственно ровной ногѣ это мно-

жество разнаго рода людей и видѣть ихъ быть, ихъ трудъ и отдыхъ, хлопоты хозяйевъ, заботы отцовъ, любовь и ласку взрослыхъ къ маленькимъ, пискливымъ ребятишкамъ. Любопытно и радостно было находить въ этихъ людяхъ, живущихъ незнакомою и чуждою намъ жизнью, всё тѣ милыя, человѣческія, близкія намъ черты, которыя говорятъ такъ настоятельно и громко о братствѣ всѣхъ людей. Но страшно подумать, какой тяжелый и скучный образъ жизни эти люди-братья вынуждены вести, и какъ ужасно многого имъ недостаетъ, чтобы жизнь ихъ была настоящей человѣческою жизнью...

Пока мы вмѣстѣ шли и отдыхали, обѣдали и ночевали, чувство братской близости, принося съ собой сладостное чувство временнаго облегченія и успокоенія, проявлялось во мнѣ главнымъ образомъ по отношенію къ тѣмъ, кого я ужъ и раньше хорошо знала, а въ то время узнала еще ближе и лучше, то-есть по отношенію къ моимъ спутникамъ. Нельзя было не полюбить ихъ — такъ они были милы и симпатичны. Правда, бабушка Настасья начала съ того, что попыталась угодить мнѣ воскваленіями нашей семьи и ядовитыми замѣчаніями по адресу сосѣдей. Но скоро она оставила это и стала относиться ко мнѣ съ обычнымъ своимъ грубоватымъ добродушіемъ. А ребята и дѣвушки были съ самаго начала безусловно просты и искренни. Въ нихъ не было и тѣни напускнаго участія или искусственной любезности; они держали себя совершенно самостоятельно и, садясь отдыхать или пускаясь въ путь, идя въ молчаніи или болтая между собой, они часто подолгу не обращали на меня никакого вниманія. Но какъ только я, а также и Наташа нуждались въ чемъ-нибудь, они догадывались объ этомъ и старались помочь. Они слѣдили, чтобы я шла тамъ, гдѣ дорога помягче и поглаже; они заранѣе отыскивали мнѣ мѣстечко для привала и еще на пути утѣшали меня предстоящимъ отдыхомъ. Они въ разныхъ домахъ просили пить и потомъ слѣшили призвать меня къ тому дому, гдѣ имъ давали квасу похолоднѣе... Они доставали мнѣ мягкаго хлѣба, рвали мнѣ землянику, приносили мнѣ воды, чтобы умыться, сопровождали меня ночью, въ качествѣ тѣлохранителей, и вездѣ и всегда заботились о томъ, чтобы никто меня не обидѣлъ и никто при мнѣ не сказалъ и не сдѣлалъ чего-нибудь таковаго, отъ чего бы мнѣ стало неловко. И эта послѣдняя милая ихъ забота и никогда не убывающая ихъ веселость, ихъ удалъ и молодечество, и тѣ же живые вопросы и замѣчанія, которые доказывали, что школьное ученіе не прошло для нихъ бесплодно, все меня въ нихъ, въ тѣ счастливые дни, веселило и трогало.

Жизнь—это цѣлое взбаломученное море, и среди его неистовыхъ волненій люди по неволѣ теряютъ изъ вида и даже забываютъ другъ друга. Но если и исчезнетъ между нами та близость, которая такъ меня радовала во время нашего совмѣстнаго путешествія, во мнѣ навсегда останется теплое чувство по отношенію къ милымъ моимъ дорожнымъ товарищамъ. И какъ бы ни огрубѣли наши ребята и дѣвушки впоследствии, среди житейскихъ битвъ, какъ бы ни измѣнились и ни испортились они среди измѣнчиваго и испорченнаго свѣта, я никогда не забуду, что видѣла ихъ молодыми, жизнерадостными, съ чуткой, открытой для всякой правды-истины душой, и никогда не перестану жалѣть о нихъ и о тѣхъ богатыхъ силахъ, о тѣхъ добрыхъ стремленіяхъ, о той красотѣ и прелести, которые въ нихъ въ то время были. Вѣдь жалѣть о нихъ придется, потому что не пожалѣть ихъ безпощадная жизнь.

Не вѣкъ продолжается красное лѣто, предоставляющее и богатому и бѣдному весь свой сіяющій свѣтъ и просторъ. Не вѣкъ ребятамъ нашимъ быть дѣтьми и учиться, не вѣкъ имъ беззаботно странствовать по зеленымъ полямъ и тѣнистому лѣсу. Ужъ и теперь они привыкаютъ „и мытьемъ, и катаньемъ“ добывать себѣ жалкіе гроши, ужъ и теперь вредно вліяетъ на нихъ пресловутый „порядокъ“,—это безцѣльное ночное шатанье по деревенской улицѣ, составляющее почти единственное развлеченіе крестьянской молодежи, когда ей удастся вырваться на волю изъ тѣсной, грязной и душной избы. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе будетъ ихъ затягивать житейское болото, и даже на почвѣ отрицательныхъ добродѣтелей и ординарнаго благосостоянія имъ трудно будетъ удержаться. Есть, правда, на свѣтѣ несложно-добросовѣстная натура съ умѣренными вкусами, ровнымъ характеромъ и ограниченной точкой зрѣнія, которыя вездѣ умѣютъ прожить безупречно и даже съ пользою для себя и другихъ, тщательно создавая маленькое свое благополучіе и храня въ неприкосновенности маленькія свои добродѣтели. Но мало такихъ натуръ среди русскихъ ребятъ. Ихъ порывы, и лѣнь, и свептицизмъ, и презрѣніе къ мелочамъ—подорвутъ то маленькое благополучіе, которое имъ доступно, и маленькія добродѣтели, которыя, пожалуй, могли бы имъ помочь. А болѣе высокія наслажденія, и болѣе крупныя дѣла, и болѣе яркія проявленія лучшихъ человѣческихъ свойствъ—все это отъ крестьянскихъ ребятъ страшно далеко. Не цвѣсти цвѣтамъ на морозѣ, и трудно человѣку быть человѣкомъ, когда жизнь усиленно топчетъ его въ грязь.

Надъ ребятами нашими уже не будетъ тяготѣть вѣршное

безправіе, но не уйти имъ отъ униженія передъ сильными, отъ грубой борьбы за кусокъ хлѣба, отъ нищенски скудной жизненной обстановки. Имъ не дадутъ доучиться, не дадутъ оглядѣться въ жизни, ихъ женятъ 18-ти лѣтъ, чтобы имѣть въ домѣ лишнюю работницу, а потомъ, черезъ два, три года, оторвутъ отъ семьи и пошлютъ на военную службу. А вернувшись и возмужавъ, они будутъ въ потѣ лица работать и собирать съ своихъ полей болѣе или менѣе скудные урожан; они будутъ какъ можно дороже продавать свои произведенія и свой трудъ; будутъ угождать требовательнымъ хозяевамъ и эксплуатировать снисходительныхъ; будутъ съ трудомъ добывать и занимать деньги на покупку лошади, на поправку избы, на свадьбу или на отдачу въ солдаты члена семьи; они будутъ съ такимъ же трудомъ добиваться денегъ на подати, или будутъ, можетъ быть, прятать ихъ отъ сборщиковъ, или будутъ съ угрозами и упрашиваніями собирать ихъ, въ качествѣ старостъ, и садиться подъ арестъ за недоборъ. Они будутъ всячески стараться поменьше дать и побольше получить, и несмотря на всѣ эти усилія, и все это униженіе, и всю эту ломку, большинство изъ нихъ получить безконечно мало и достигнеть лишь того, чтобы какъ-нибудь „перейтись“ и остаться, несмотря ни на что, тѣми симпатичными и добродушными людьми, которыхъ мы видѣли во время нашего путешествія. Нѣкоторымъ и этого не достячь, нѣкоторые впадутъ въ уныніе или ожесточатся и погибнутъ. А если другіе и избѣгутъ крайней бѣдности и зависимости, если въ семьяхъ ихъ окажется много работниковъ или заведется выгодный промыселъ, они немного меньше будутъ работать и немного больше будутъ пить, будутъ чаще ѣсть говядину и рядиться въ цвѣтныя рубахи, будутъ болѣе исправно уплачивать подати и съ нѣкоторой гордостью побрякивать наличными деньгами при покупкахъ, но въ остальномъ ихъ жизнь будетъ почти такъ же скудна и груба, какъ и жизнь бѣдняковъ.

Тѣмъ не менѣе крѣпостное право давно уже миновало. Ребята нашихъ не будутъ ни продавать, ни покупать, никто не въ правѣ бить ихъ по щекамъ, и даже розги, въ стыду и несчастью нашему еще уцѣлѣвшія въ практикѣ волостныхъ судовъ, примѣняются судьями рѣдко и неохотно. И грамотность, которую значительная часть населенія уже получаетъ въ школахъ, хорошія книжки, уже проникающія въ деревню, и все болѣе и болѣе частыя столкновения народной массы съ интеллигентными лицами и городскими жителями—вызвали въ деревнѣ нѣкоторое умственное оживленіе. Народъ—уже не та инертная масса, какою

онъ былъ еще недавно. Уже вездѣ молодежь горячо стоитъ за школы; отношеніе къ женамъ и дѣтямъ стало нѣсколько мягче, пьянство мѣстами начинаетъ казаться постыднымъ. Появился цѣлый новый, многочисленный классъ мелкой деревенской полуинтеллигенціи, кое-что читавшей и читающей, имѣющей довольно живое чувство собственного достоинства и не скрывающейся отъ болѣе темной и приниженной своей братіи. И кое-гдѣ уже проснулся духъ критики, возникаютъ горячіе споры, и люди, такъ долго жившіе по традиціи и поклонявшіеся „невѣдомому Богу“, начинаютъ разсуждать о вѣрѣ, объ общихъ вопросахъ, о жизненныхъ явленіяхъ. Какъ будто посвѣтлѣе, какъ будто поживѣе стало въ деревнѣ.

Пусть же эти струйки живой воды, бѣгущія подъ снѣгомъ невѣжества и застоя, соединятся въ могучее, всеобъемлющее, неудержимое, какъ вешнія воды, теченіе, и пусть ребята наши станутъ тѣмъ, чѣмъ они могутъ быть, если судить по природнымъ ихъ душевнымъ и умственнымъ свойствамъ!

Не стану подробно описывать обратный нашъ путь. Всѣ мы радовались возвращенію домой, и, увидѣвъ издали родную колокольню, ребята сразу забыли усталость, подхватили съ телѣжки свои вещи и умчались впередъ. Мы, болѣе усталые спутники, медленно слѣдовали за ними, и когда мы проходили широкон, тихон, поросшей мелкою травон деревенской улицей, видно было, какъ у воротъ домовъ семейные здоровались съ прибывшими, какъ матери снимали сумки съ запыленныхъ и загорѣлыхъ своихъ ребятъ, а дѣвушки-странницы цѣловали измазанныя рожцы радостно выбѣжавшихъ на встрѣчу „нянямъ“ маленькихъ сестренонъ, братишекъ и племянниковъ... Волненія и удовольствія при свиданіи проявилось такъ много, какъ будто отсутствіе наше продолжалось не девять дней, а девять лѣтъ.

Всворѣ и ребята, и дѣвушки, и даже бабушка Настасья принялись сѣновосничать, а я, проспавъ, не просыпаясь, 16 часовъ подъ рядъ, вернулась къ обычному своему лѣтнему времяпровожденію. Вяло и пусто проходить для крестьянина нерабочее зимнее время, и почти такъ же безсодержательно проходили тогда мои лѣтніе дни, почти безъ примѣненія личныхъ силъ и средствъ, почти безъ живого дѣла и живого общенія съ окружающимъ человѣческимъ міромъ, съ одними книгами, журналами и газетами, которые говорятъ о многомъ, но самаго важнаго и самаго нужнаго болѣею частью не умѣютъ или не смѣютъ сказать...

II.

ЛѢТНІЯ ЗАНЯТІЯ ПРИ ЯВЛОНСКОЙ ШКОЛѢ ВЪ 1894 ГОДУ.

За послѣднія пять лѣтъ, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ, благодаря учрежденію школъ грамотности и надзору за ними, уже невозможно регулярно заниматься съ старшей группой учениковъ Явлонской земской школы, пришлось перенести занятія съ ними на весну и осень, когда школы грамотности не дѣйствуютъ, и свободнаго времени у меня сравнительно много. И каждую весну и осень въ Явлонской школѣ собиралось нѣсколько желающихъ учиться, бывшихъ или будущихъ учителей школъ грамотности, и другихъ ребятъ-подростковъ, уже кончившихъ курсъ начальной школы. Мы старались за это время исправить недостатки и заполнить пробѣлы въ нашихъ скромныхъ познаніяхъ, старались немного расширить свой кругозоръ и связать свое мировоззрѣніе съ направлениемъ предстоящей намъ жизни и съ отношеніями нашими къ міру и людямъ. Ученье продолжалось всего недѣль шесть весной и около мѣсяца осенью. Учила я одна, и учительство мое, а также и внѣшнія условія преподаванія были весьма несовершенны. Учились сперва одни явлонскіе ребята, которыхъ бывало всего 5—6 человекъ. Позднѣ ихъ набиралось изъ окрестности человекъ 10—15, а осенью 1892 года учениковъ было уже 25. Выучивались они очень немногому. Но такъ какъ и это недостаточное ученье имѣло замѣтное и доброе вліяніе на умъ и нравъ учащихся, и такъ какъ для учрежденія новыхъ школъ грамотности требовались и новые, по возможности хорошо подготовленные учителя, нельзя было не постараться, чтобы этого рода занятія устраивались при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Намѣреваясь устроить такія занятія лѣтомъ 1894 года, я сообразила, что намъ нужно будетъ имѣть двоихъ хорошихъ преподавателей, имѣть достаточное количество учебныхъ пособій и общежитіе для 20 бѣднѣйшихъ учениковъ. По моему разсчету на все это требовалось 600 рублей, и весь вопросъ былъ въ томъ, найдутся ли эти средства и найдутся ли лица, которыя пожелаю бы взять на себя въ лѣтнее время нелегкій трудъ преподаванія. Къ счастью, въ концѣ апрѣля мною получены были первые 300 рублей, нужные на пріѣздъ и содержаніе учащихся и на покупку учебныхъ пособій. Вслѣдъ затѣмъ нашлись и остальные необходимыя для устройства общежитія средства, такъ какъ 220 рублей ассигнованы были московскимъ комитетомъ грамот-

ности и 125 р.—петербургскимъ комитетомъ. И благодаря такой щедрой помощи явилась возможность давать готовое содержаніе не 20-ти только ученикамъ, но и значительно большому числу.

Какъ только 9-го мая начались занятія и въ округѣ узнали, что въ Яблонкѣ все лѣто будутъ учить всѣхъ желающихъ учиться и что дальнимъ и бѣднымъ будутъ давать даровое содержаніе, ученики стали притекать къ намъ со всѣхъ сторонъ. Первыми пришли, конечно, тѣ яблонскіе ребята и дѣвушки, которыхъ семейные согласились освободить на время отъ домашнихъ работъ. Учителствуя въ школахъ грамотности, или кончая курсъ въ яблонской земской школѣ, они еще зимой разсуждали о томъ, будетъ ли у насъ лѣтомъ „настоящее“ ученье, и радовались, когда узнали, что оно дѣйствительно будетъ. Послѣ нихъ стали появляться многіе кончившіе курсъ и жаждущіе дальнѣйшаго ученья ученики окрестныхъ школъ грамотности, затѣмъ ученики болѣе отдаленныхъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ нашего арамасскаго уѣзда и, наконецъ, даже нѣскольکو человекъ изъ земскихъ школъ сосѣднихъ сергачскаго и княгининскаго уѣздовъ. Приходили и хорошо подготовленные, и плохо подготовленные ученики, и такъ какъ всѣхъ ихъ влекло одно и то же симпатичное намъ стремленіе къ ученю, мы всѣхъ ихъ одинаково принимали. Приходили и прїѣзжали частью съ тѣмъ, чтобы просто научиться, частью съ тѣмъ, чтобы, поучившись, получить мѣсто учителя въ школѣ грамотности. Не только жившіе недалеко и уже знакомые съ Яблонкой ребята, но и чужіе, дальніе, незнакомые прибѣгали пѣшкомъ, налегкѣ, съ независимостью и храбростью, характеризующею даже небольшихъ деревенскихъ ребятъ. Одни являлись къ намъ по собственной своей инициативѣ и развѣ только предварительно стоворившись съ уже учившимися у насъ товарищами; другіе приходили и прїѣзжали по настоянію домашнихъ, въ сопровожденіи отцовъ и старшихъ братьевъ, съ рекомендательными письмами отъ священниковъ и учителей. Были тутъ чисто одѣтыя, сытыя и довольныя дѣти зажиточныхъ семей, которымъ отцы оставляли мѣшки и кулечки съ разной провизіей и запасомъ платья. Были и бѣдные, въ лаптяхъ и рваной одеждѣ, не принесшіе съ собой даже и ломтя хлѣба и питавшіеся дорогой Христовымъ именемъ. Тутъ были крестьянскіе мальчики и дѣвочки 13—14 лѣтъ, были юноши лѣтъ 17—18, были и женатые молодые люди 19 и 20 лѣтъ, была даже одна 24-лѣтняя вдовушка. Кромѣ крестьянскихъ сыновей и дочерей, прїѣзжали съ матерями учившіяся кое-гдѣ и кое-какъ дочери дворовыхъ людей и низшаго духовенства. Такимъ

образомъ въ разное время перебивало у насъ всѣхъ учащихся, если не ошибаюсь, до ста человекъ, и въ томъ числѣ было до 20 дѣвушекъ. Но, благодаря первобытности нашихъ сообщеній, многіе о лѣтнихъ занятіяхъ въ Яблонѣ узнавали очень поздно, и потому собирались они крайне медленно. И когда мы 9-го мая приступили къ занятіямъ, у насъ было всего только 20 учениковъ. Черезъ недѣлю ихъ, впрочемъ, было уже 30, а къ концу мѣсяца 50. Число это, временами еще болѣе повышаясь, продержалось на такой высотѣ вплоть до конца іюня; затѣмъ, передъ началомъ уборки хлѣба, оно стало быстро падать, и въ серединѣ іюля учениковъ было опять не больше двадцати. Въ концѣ іюля, когда хлѣбъ былъ уже сжатъ, количество учащихся стало вновь увеличиваться, и въ сентябрѣ ихъ снова набралось до 50 слишкомъ человекъ. Составъ ихъ при этомъ былъ уже на половину другой, нежели въ началѣ лѣта. Многіе не могли учиться въ теченіе всѣхъ пяти мѣсяцевъ потому, что семейные требовали ихъ участія въ полевыхъ работахъ; другіе уходили, соскучившись по домашнимъ; третьи уходили потому, что занятія показались имъ слишкомъ трудными и продолжительными, или потому, что обстановка и образъ жизни очень ужъ были неприглядны. Такъ же рѣшительно и самостоятельно, какъ всѣ они приступали къ ученью, оставляли школу и уходили домой всѣ тѣ, которые были тѣмъ-нибудь недовольны. Удержать этихъ немногихъ недовольныхъ было невозможно, но тѣмъ цѣннѣе было присутствіе тѣхъ, которые, пришедши, такъ полюбили школу, что не боялись уже ни разлуки съ домашними, ни трудности ученья, ни неизбежныхъ неудобствъ. Мы не могли знать заранее, какими средствами мы будемъ располагать и сколько у насъ будетъ учащихся, а потому у насъ часто не хватало ни столовъ, ни скамеекъ, ни учебныхъ пособій. Понемногу мы все это приобрѣли, но устроить помѣщеніе для общежитія было уже некогда. Ребятамъ, увь, до конца приходилось спать на полу, на сдвинутыхъ вмѣстѣ столахъ и скамейкахъ классной комнаты, или въ сѣняхъ и чуланахъ; а дѣвушки кое-какъ пріютились въ комнатахъ учительницы и у просвирни. Не мало было хлопотъ еще и съ прокормленіемъ учащихся. Провизію приходилось покупать на базарахъ, въ 12 и 25 верстахъ отъ Яблонки, и она нерѣдко попадалась плохая; не сразу можно было найти хорошую стряпку; число ѣдоковъ постоянно мѣнялось, и трудно было устроить такъ, чтобы всего всегда было довольно. Иногда кухарка плохо стряпала, ѣдоки жаловались, а завѣдующая кормленіемъ обижалась и высказывала жестокое намѣреніе отъ этой дѣйствительно хлопотли-

вой обязанности. И приходилось тогда уговаривать кухарку, чтобы она варила похлебку съ должнымъ стараніемъ, и уговаривать ребятъ, чтобы они не капризничали, и уговаривать завѣдующую, чтобы она не обижалась. Корень зла былъ, конечно, въ нашей собственной неопытности, но отъ этого недостатка при желаніи всегда можно исправиться. И дѣйствительно, дѣло понемногу наладилось, и смуты прекратились. Какъ нелегко было всѣхъ помѣстить и прокормить, такъ же точно при частыхъ переимѣнахъ въ составѣ учащихъ и учащихся нелегко было распределить ихъ по группамъ и составить для каждой группы планъ занятій. И занятія наши несомнѣнно носили характеръ нѣкоторой нестройности и беспорядочности. Но, благодаря разумному и усердному сотрудничеству лицъ, не отказавшихся взять на себя значительную часть преподаванія, благодаря веселому рвенію и восприимчивости учениковъ и благодаря несомнѣнной своевременности и надобности того, что у насъ дѣлалось, лѣтнее наше ученье дало гораздо лучшіе результаты, чѣмъ можно было ожидать, принимая во вниманіе короткость времени, виѣшнее неустройство и плохую подготовку многихъ учениковъ.

Предпринимая устройство лѣтнихъ занятій, я, во-первыхъ, желала познакомить учащихся съ нѣкоторыми приѣмами преподаванія, которые помогли бы имъ при учительствѣ въ школахъ грамотности, а во-вторыхъ, надѣялась двинуть умственное ихъ развитіе и дать имъ познанія и навыки, необходимые всякому человеку. Изъ личнаго моего опыта и наблюденія за послѣдніе годы я убѣдилась, что не только школа грамоты, но даже и земская школа нашей мѣстности не даютъ всего того, что надо считать правильнымъ начальнымъ обученіемъ. Нахожу по прежнему, что и самая даже несовершенная школа несравненно лучше отсутствія всякой школы; но думаю вмѣстѣ съ тѣмъ, что, заботясь о распространеніи начального обученія, мы должны ставить себѣ цѣлью также и повышеніе его уровня до извѣстной нормы, ниже которой школа не должна имѣть права на признаніе ея школой нормальной. Школа прежде всего должна давать грамотность, т.-е. умѣнье читать и писать. Но не довольно того, чтобы грамотный читалъ, писалъ и понималъ лишь такія вещи, которыя понятны и безграмотному. Мы можемъ и должны стремиться къ тому, чтобы ученики нормальныхъ школъ читали и понимали все написанное хорошимъ литературнымъ языкомъ. Лишь при этомъ условіи грамотность будетъ дѣйствительно прочной и дѣйствительно послужитъ дальнѣйшему умственному развитію, раскрывая передъ читающимъ всѣ несмѣтные сокровища всемірной

литературы. Давая ученикамъ нашихъ школъ такого рода грамотность, т.-е. пониманіе литературнаго русскаго языка, мы должны, кромѣ того, научить ихъ пользоваться этимъ языкомъ при извѣстномъ и письменномъ изложеніи собственныхъ ихъ мыслей. А знакомя учениковъ съ русскимъ языкомъ и упражняясь съ ними въ чтеніи и пониманіи читаемаго, мы вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ и должны развивать ихъ мысль и давать имъ общія элементарныя свѣденія по исторіи, географіи и естествознанію. Получившему одно лишь начальное образованіе нельзя, да и незачѣмъ, изучать названія острововъ Полинеіи или число жителей китайскихъ городовъ,—но ему совершенно необходимо знать, какъ устроена солнечная система и какіе есть материки и океаны. Ему нѣтъ надобности знать, при какихъ именно условіяхъ и въ которомъ году англичане победили французовъ, или французы австрійцевъ,—но ему нельзя не знать о Вавилонѣ и Египтѣ, о грекахъ и римлянахъ, о распространеніи христіанства и магометанства, о папствѣ и феодальномъ строѣ, объ открытіи Америки и изобрѣтеніи пороха, о книгопечатаніи, о новомъ времени и новыхъ западно-европейскихъ государствахъ. А исторія и географія Россіи должны быть извѣстны всякому въ полномъ ихъ объемѣ, хотя тоже безъ излишнихъ подробностей. И точно также необходимо всякому нѣкоторое знакомство съ явленіями природы, съ жизнью животныхъ и растений, съ человѣческимъ тѣломъ и его отправлениями. И всѣ эти свѣденія, дающія понятіе о природѣ, о человѣкѣ, о государствахъ, о цивилизаціи, о ея подъемѣ и упадкѣ, и о служеніи цивилизаціи государству и человѣчеству—совсѣмъ не трудно и не долго сообщить, если только не терять силъ и времени на вещи ненужныя. И свѣденія эти, настолько же необходимыя для дальнѣйшаго усовершенствованія и развитія, какъ и знаніе литературнаго языка, будутъ такъ же прочны, какъ прочна настоящая грамотность, потому что забывается только то, что излишне, а никакъ не то, что отвѣчаетъ на насущные запросы и сколько-нибудь живо затрогиваетъ мысль. А кромѣ сообщенія извѣстныхъ навыковъ и извѣстныхъ познаній, всякое обученіе, и въ томъ числѣ начальное, должно стремиться еще и къ тому, чтобы выработать въ ученикахъ извѣстное отношеніе къ общему и частному, къ міру и людямъ, къ Богу и ближнему. И этому-то должны способствовать уроки закона Божія и чтеніе Евангелія.

Ставя передъ собой такую именно задачу, занимались мы въ теченіе всего прошлаго лѣта съ нашей крестьянской молодежью. Я не могу въ точности опредѣлить, до какой степени удалось намъ задачу эту осуществить. Разумѣется, многое осталось недо-

дѣланнымъ и неисполненнымъ. Но все же опишу кое-что изъ того, что мы сдѣлали и чего достигали.

Съ самаго начала изъ общаго числа учащихъ выдѣлилась группа изъ шести взрослыхъ юношей и двухъ взрослыхъ дѣвушекъ, которыхъ родные пустили учиться лишь подъ условіемъ, чтобъ они черезъ годъ сдали учительскій экзаменъ. Всѣ ихъ усилія были поэтому направлены на то, чтобы справиться съ мудреными словами и туманными опредѣленіями грамматикъ Говорова, съ по-истинѣ ужасающей славянскою грамматикой и мало интересной арифметикой. Мы, конечно, не смѣли сомнѣваться, что премудрость эта необходима для того, чтобы съ достоинствомъ нести званіе учителя, но нельзя было не пожалѣть славныхъ нашихъ большихъ ребятъ, которые занимались ею все время, почти не выходя изъ комнаты и не подымая головы отъ учебника.

Говоровъ былъ подъ конецъ побѣжденъ, но въ умственномъ отношеніи эта старшая наша группа выиграла меньше, чѣмъ всѣ остальные.

Кромѣ старшихъ выдѣлялась изъ общей массы еще и младшая группа, состоявшая изъ учениковъ, болѣею частью не меньше чѣмъ другіе способныхъ и прилежныхъ, но учившихся въ плохихъ школахъ, а потому плохо подготовленныхъ. Съ ними по арифметикѣ и русскому языку приходилось проходить все то, что обыкновенно уже пройдено въ старшемъ отдѣленіи нашихъ земскихъ школъ. Съ другими группами можно было идти нѣсколько дальше, а по нѣкоторымъ предметамъ, именно по чтенію, къ концу лѣта уже можно было заниматься со всѣми заразъ, при чемъ особенно были замѣтны успѣхи тѣхъ учениковъ, которые въ началѣ всего менѣ знали. — Первые полтора часа каждаго учебнаго дня мы посвящали арифметикѣ, изъ которой разными группами пройдены были простыя и составныя именованныя числа, ввадратныя и кубическія мѣры, исчисленіе процентовъ и дроби, сильно интересовавшія учениковъ. Отъ 10^{1/2} до 12-ти ученики ежедневно писали сочиненія, а я тѣмъ временемъ поправляла ихъ съ каждымъ изъ учениковъ отдѣльно. Съ 12 до 1 былъ перерывъ, затѣмъ до 4 часовъ мы занимались легкимъ устнымъ грамматическимъ разборкомъ, географіей, естествовѣденіемъ и чтеніемъ статей дѣловыхъ и литературныхъ. Затѣмъ снова былъ часовой перерывъ, а послѣ 5 часовъ ученики читали Евангеліе, или же слушали рассказы изъ русской исторіи, а затѣмъ обыкновенно преподаватели читали имъ вслухъ образцовыя произведенія русской литературы. Къ слушателямъ присоединялись тогда и старшіе, въ другихъ урокахъ не участвовавшіе ученики.

Несмотря на утомленіе отъ долгихъ занятій, ученики всякій разъ одушевлялись, слушая чтеніе, а многіе даже перечитывали послѣ уроковъ то, что было прочитано въ урокъ. Прежде всего мы прочли „Слово о полку Игоревѣ“ въ изложеніи Майкова. Это было для начала трудновато и вызывало интересъ скорѣе всего потому, что было первымъ нашимъ чтеніемъ. Затѣмъ довольно неудачно прочитано было кое-что изъ Державина. Впрочемъ, стихотвореніе „Рѣка время“ понравилось, и было нѣкоторыми заучено наизусть. Понравились также и стихотворенія Жуковского: „Лѣсной царь“, „Графъ Габсбургскій“, „Ночной смотръ“ и „Мудрецъ Керимъ“. Послѣ того мы приступили къ Пушкину, и начали съ „Дубровскаго“. Это былъ первый нашъ значительный успѣхъ. Слушатели были еще мало подготовлены, и въ началѣ чтенія я считала нужнымъ освѣдомляться, все ли ими понято. Оказалось, что они отлично все понимали. Они подмѣчали всѣ отличительныя черты тогдашнихъ нравовъ и сравнивали ихъ съ настоящими; имъ нравилась независимость стараго Дубровскаго, они горячо сочувствовали его несчастію и горячо негодовали на дикій произволъ Троекурова. Не менѣе „Дубровскаго“ заинтересовали нашу молодежь разныя мелкія стихотворенія Пушкина, „Галубъ“, „Полтава“ и особенно „Борисъ Годуновъ“. „Годунова“ почти всѣ перечитывали, а многіе старшіе даже переписывали и заучивали наизусть монологъ Бориса и слова Пимена, тогда какъ среди младшихъ особенно много было оживленія по поводу сценъ въ корчмѣ. Хотѣлось намъ прочесть еще „Капитанскую Дочку“, но какъ ее, такъ и „Тараса Бульбу“ многіе уже читали. Дорожа временемъ, мы поэтому перешли прямо къ Лермонтову и прочли многія лучшія его стихотворенія.

Прочтены были еще „Посадникъ“ и большая часть трилогіи графа А. Толстого, а затѣмъ, въ связи съ уроками русской исторіи, которую мы къ тому времени уже кончали, отрывки изъ лучшаго въ мірѣ романа: „Война и миръ“. Помню, какъ потрясены были слушатели взятіемъ Смоленска, гибелью тысячъ при Бородинѣ, яростью толпы, убившей Верещагина, пожаромъ Москвы и другими эпизодами этого романа... Много еще прекрасныхъ вещей разныхъ авторовъ собирались мы прочесть; но въ срединѣ лѣта какъ учащіе, такъ и учащіяся были уже нѣсколько утомлены усиленными занятіями, и потому вечернія чтенія на время прекратились. Осенью мнѣ самой читать почти уже не удавалось, но сотрудники мои прочли ученикамъ еще нѣкоторыя повѣсти и драматическія сочиненія Гоголя и былины Авенариуса, имѣвшія не меньшій успѣхъ. Послѣднее, что читалось, были ко-

медіи Островскаго. „Въ чужомъ пиру похмелье“ я читала ребятамъ сама и хорошо помню, какъ сильно заинтересовали слушателей, при чтеніи Островскаго, мастерскія картины умственной тупости, семейнаго деспотизма и рабскаго униженія, наглядно и и ядро объяснявшія имъ все страшное значеніе невѣжества и придававшія особую прелесть учебнымъ ихъ занятіямъ и всѣмъ тѣмъ новымъ мыслямъ и чувствамъ, которыя они подъ конецъ занятій радостно сами въ себѣ замѣчали. И при чтеніи Островскаго проявлялось болѣе, чѣмъ во время всѣхъ другихъ нашихъ уроковъ и бесѣдъ, то горячее убѣжденіе въ необходимости и важности образованія, которое укоренилось за это время во всѣхъ почти нашихъ ребятахъ и дѣвушкахъ и представляется мнѣ теперь чуть ли не самымъ цѣннымъ результатомъ всего нашего лѣтнаго ученья.

Удовлетворительному пониманію первостепенныхъ литературныхъ произведеній значительно способствовало объяснительное чтеніе въ классѣ хрестоматіи Смирновскаго и „Дѣтскаго Мира“ Ушинскаго. Мы занимались объяснительнымъ чтеніемъ ежедневно. Каждая статья сперва прочитывалась однимъ изъ учениковъ, затѣмъ объяснялись всѣ непонятныя выраженія, потомъ рассказъ возможно точно передавался на память и наконецъ объяснялся общій его смыслъ.

Начали мы въ хрестоматіи Смирновскаго съ отрывковъ изъ „Дѣтскихъ воспоминаній“ и „Семейной хроники“ Аксакова, и чтеніе этого автора оказалось какъ нельзя болѣе подходящимъ. Художественныя описанія природы и мѣстностей въ произведеніяхъ Аксакова знакомили читателей со множествомъ новыхъ словъ и оборотовъ и создавали въ ихъ воображеніи новыя, живыя представленія, которыя легко запоминались и передавались. И когда мы, послѣ чтенія Аксакова, перешли къ чтенію болѣе сложныхъ описаній Толстого, Григоровича, Тургенева и другихъ писателей, ученики уже умѣли представлять себѣ цѣлыя картины, съ подробностями и оттѣнками. Разъ мы прочли описаніе Везувія съ вылетающими изъ кратера снопами пламени и мирно свѣтящимся въ Неаполѣ огоньками, съ соннымъ заливомъ моря и шумнымъ, суетливымъ городомъ, и я спросила учениковъ, въ чемъ тутъ заключается главная красота. „Въ противоположности“, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, и можно себѣ представить, какъ понравился мнѣ этотъ короткій отвѣтъ, доказывавшій полную ясность и живость полученнаго при чтеніи впечатлѣнія. Другой разъ я описала видѣнный мною замѣчательно красивый видъ на Волгѣ, и хотя мой изустный рассказъ не отличался стройностью, ребята

вполнѣ его себѣ усвоили и сумѣли изложить его письменно. При чтеніи Аксакова и другихъ образцовыхъ писателей, въ ученикахъ, такимъ образомъ, развивались наблюдательность и сила воображенія.

Подмѣчая подробности и оттѣнки вѣдшихъ явленій, они приучались также и къ большому вниманію по отношенію къ міру внутреннему. Люди неразвитые, какъ извѣстно, почти не отдаютъ себѣ отчета въ чувствахъ другихъ и даже въ собственныхъ чувствахъ, чѣмъ и объясняются минутныя жестокости людей, по природѣ добродушныхъ, и между прочимъ дѣтей. Но ребята наши уже читали у Аксакова о самоотверженной любви къ нему его матери и о дѣтскихъ его радостяхъ и горестяхъ; они читали о разумныхъ хозяйственныхъ заботахъ дѣдушки Аксакова, о его переселеніи на новыя мѣста, объ общемъ восторгѣ по случаю устройства плотины и мельницы и о добрыхъ отношеніяхъ его къ сосѣдямъ; они, затѣмъ, читали въ „Дѣтствѣ“ Толстого объ отцѣ его и матери, о Карлѣ Ивановичѣ, о Любочкѣ и Катенькѣ, они прочли у Григоровича о справедливомъ „мірскомъ“ человѣкѣ, пахарѣ Анисимчѣ и объ отдачѣ имъ въ солдаты сына; прочли прелестный рассказъ Тургенева о воробѣ, защищавшемъ отъ собаки выпавшаго изъ гнѣзда птенца, и другой, не менѣе прекрасный рассказъ его о смерти убитаго деревомъ подрядчика Максима. И чтеніе всѣхъ этихъ художественныхъ описаній семейнаго быта, характеровъ и отношеній не только живо интересовало и вызывало сочувствіе читателей, но еще приучало ихъ подмѣчать такого же рода явленія въ собственной ихъ жизни и жизни окружающихъ. Это особенно было замѣтно, когда ребятамъ предлагалось написать что-нибудь изъ области личныхъ ихъ впечатлѣній. Нѣкоторые рассказы ихъ носили при этомъ нѣсколько подражательный характеръ, и одинъ изъ мальчиковъ, описывая какое-то домашнее происшествіе, — называлъ свою сестру очень нѣжно „сестрицею“, чего бы онъ вѣроятно не сдѣлалъ, еслибы не читалъ про маленькую сестрицу Аксакова. Однако не мало встрѣчалось въ сочиненіяхъ и самостоятельныхъ наблюденій. Помню, какъ хорошо описали ребята первый свой день ученія, и какъ одинъ изъ нихъ хорошо рассказалъ о бывшемъ въ его деревнѣ пожарѣ, а другой о заболѣваніи матери, отправкѣ ея въ больницу, выздоровленіи и возвращеніи домой. Являлись также попытки описанія событій воображаемыхъ, и одинъ изъ юношей постарше очень хорошо изобразилъ проводы новобранца, а другой мальчикъ написалъ весьма живой рассказъ подъ заглавіемъ: „Какъ украли у насъ сивую лошадь“. Поправляя его сочиненіе и заинтересовав-

пись имъ, я спросила, нашлась ли опять пропавшая лошадь, и тогда лишь узнала отъ юнаго сочинителя, что все происшествіе имъ выдуманно и никакой свѣдой лошади у нихъ никогда не было. Послѣ сочиненій, гдѣ требовалось только немного наблюдательности или воображенія, ученики и ученицы начали писать сочиненія, для которыхъ нужны были нѣкоторыя познанія и нѣкоторыя способности разсуждать. Въ приобрѣтеніи этихъ познаній и этой способности помогали намъ уроки изъ естествознанія, географіи и исторіи, а особенно и болѣе всего—чтеніе прекрасныхъ статей самаго талантливаго изъ всѣхъ русскихъ педагоговъ, Ушинскаго. Помнится, прежде всего, мы прочли „въ Дѣтскомъ Мирѣ“ біографію Пифагора, и ребятамъ сильно заняло то, что черезъ 2000 слѣшкомъ лѣтъ сохранилась память о скромномъ мудрецѣ, сдѣлавшемъ первыя открытія въ области географіи. То, что онъ вѣрилъ въ безсмертіе души и въ единое божество, и то, что онъ велъ строгую жизнь, терпѣлъ обиды и умеръ почти отъ голода, но все же имѣлъ силу мыслить и учить, сильно трогало ребятъ и они, мнѣ кажется, вполне поняли автора, когда онъ говоритъ, что Пифагоръ былъ истинно счастливымъ человекомъ, несмотря на бѣдствія и лишенія всякаго рода.

Мы читали также о Коперникѣ, Галилеѣ и Ньютонѣ, и я при этомъ имѣла возможность оцѣнить прекрасный методъ автора, раскрывающаго предъ учащимися тайны міровѣденія въ томъ порядкѣ, въ какомъ открывали ихъ гениальные люди науки.

Особенно много дала юнымъ читателямъ статья о Галилеѣ, гдѣ живо описаны его блестящіе ранніе успѣхи, его поразительныя открытія и трагическая его судьба. Ихъ занимало, между прочимъ, и то, что Галилей при открытіяхъ своихъ дѣлалъ ошибки и кольцо Сатурна принялъ за крылья, но въ особенный восторгъ пришли они, читая, какъ онъ, въ порывѣ любви къ истинѣ, сказалъ: „а все же земля движется!“ и былъ за это вторично посаженъ въ темницу.

И разсказъ о гоненіяхъ, которымъ подвергся Галилей, вызвалъ цѣлый потокъ оживленныхъ рѣчей объ инквизиціи и о тупости и нетерпимости книжниковъ и фарисеевъ разныхъ временъ. Черезъ нѣсколько дней я, ради повторенія пройденнаго, спросила учениковъ, почему нехорошъ былъ судъ инквизиціи. „Потому что тамъ людей мучили“,—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.—„Потому что осуждали людей за то, чего они не дѣлали и не думали“,—отвѣтилъ другой.—„Потому что не хорошо судить за вѣру“,—сказала одна изъ дѣвушекъ.—И, признавъ сообща, что такое рѣшеніе вопроса—самое вѣрное, мы вспомнили, какъ Христосъ ска-

заль ученикамъ, желавшимъ низвести огонь на непринявшихъ его самарянъ: „не знаете, каковаго вы духа“. А затѣмъ, поговоривъ о томъ, что и теперь еще многіе, именующіе себя христіанами, не знаютъ, каковаго они духа, мы уяснили себѣ, что такое духъ истины, духъ свѣта, духъ Божій,—и что такое духъ лжи, т.-е. область темная или „власть тьмы“.

Кромѣ статей по географіи, мы прочли изъ „Дѣтскаго Мира“ еще нѣкоторыя стихотворенія, и въ томъ числѣ „Три пальмы“ Лермонтова и „Судъ Божій надъ епископомъ“ Жуковскаго. А затѣмъ мы перешли къ чтенію отдѣла подъ названіемъ: „первыя уроки логики“. Отдѣлъ этотъ имѣетъ, по моему мнѣнію, перво-степенную важность. Читая о различіи и сходствѣ, о сравненіи, о родахъ и видахъ, о предметахъ и понятіяхъ, ученики познакомились съ областью отвлеченной мысли, и внимательное отношеніе ихъ къ разъясненію отвлеченныхъ терминовъ доказывало, что и эта область знанія такъ же нужна имъ, какъ и всѣ остальные. Къ сожалѣнію, мы не успѣли прочесть всей второй части Дѣтскаго Мира; но, видя съ какимъ вообще интересомъ читался Дѣтскій Миръ, и видя, какъ запечатлѣлось въ памяти учениковъ все прочтенное ими, я имѣла полную возможность убѣдиться въ громадномъ превосходствѣ книги Ушинскаго передъ всѣми другими принятыми въ настоящее время въ начальной школѣ книгами для класснаго чтенія.

Перейдемъ теперь къ нашимъ занятіямъ русской исторіей. Еще въ началѣ моего учительства, когда я въ своемъ преподаваніи почти не задавалась опредѣленными педагогическими цѣлями, я любила уроки исторіи за тотъ интересъ, то настроеніе и тѣ чувства, которые ими вызывались. Изъ этихъ уроковъ ребята прежде всего узнавали, что, кромѣ ихъ самихъ, ихъ семей и окружающаго, существуетъ громадное цѣлое, существуетъ государство, называемое Россіей. Ребята сильно заинтересовались судьбами этого цѣлаго, т.-е. судьбами народа, къ которому они научились причислять и себя самихъ; и рассказы о важнѣйшихъ моментахъ русской исторіи удивительно сильно брали ихъ за живое. Они и печалились, и радовались, слушая эти рассказы, и съ волненіемъ разбирали поступки и характеры всѣхъ вліявшихъ на судьбы народа историческихъ лицъ.

Мы, конечно, и тогда уже говорили иногда о законахъ и порядкахъ, о нравахъ и обычаяхъ русскихъ, но нашествіе татаръ и Куликовская битва, Мининъ и Пожарскій, Нарва и Полтава, 12-й годъ и Севастополь интересовали насъ въ то время несравненно болѣе. Мы не особенно любили побѣды и завоева-

нія, но насъ волновали до глубины души тѣ случаи, когда говорилось: „умремъ за русскую землю, за вѣру нашу и братьевъ нашихъ“. Мы восхищались народной нашей доблестью и нашимъ презрѣніемъ къ смерти и совсѣмъ почти забывали объ ужасахъ и бѣдствіяхъ, сопровождавшихъ военные наши подвиги. И хотя мы съ самаго начала признавали, что мы во многомъ гораздо хуже европейскихъ нашихъ сосѣдей, ребята постарше и поумнѣе привыкли съ какой-то особенной осторожной нѣжностью и особеннымъ уваженіемъ произносить слова „Россія“ или „русская земля“. Съ тѣхъ поръ прошло два, три, четыре года, и ребята, выросши и поумнѣвъ, вновь собрались учиться и вновь принялись за исторію. Участвовали въ урокахъ и такіе ученики, которые совсѣмъ еще не проходили исторіи, но большинству анекдотическая ея сторона была уже отчасти извѣстна. Оставалось узнать о другихъ сторонахъ народной жизни, и о томъ, не требуетъ ли Россія отъ насъ и отъ любви напей еще чего-нибудь, кромѣ нашей готовности умереть за нее на полѣ сраженія. И внутренній, бытовой строй государства, переменны въ законахъ и нравахъ, ростъ сознанія, мыслители и дѣятели мирнаго времени скоро заинтересовали лучшихъ нашихъ учениковъ еще болѣе, нежели интересовали ихъ прежде переходъ черезъ Балканы и взятіе Плевны. Они узнали и о реформахъ Петра, и о Назавѣ Екатерины, но главнымъ предметомъ восторга стала крестьянская реформа, а любимыми героями сдѣлались Царь-Освободитель, Черкасскій, Милютинъ, Самаринъ и всякіе вообще поборники челоувѣческаго достоинства, гуманности и просвѣщенія. А по мѣрѣ того, какъ ребята лучше и всестороннѣе знакомились съ прошлымъ, ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильнѣе стало интересовать настоящее, и они захотѣли узнать о всѣхъ теперешнихъ законахъ и порядкахъ, о судѣ и правленіи, и о томъ, чтѣ дѣлаютъ земскія собранія, и какія гдѣ есть школы и библіотеки, и какъ все это устроено въ городахъ, и въ столицахъ, и въ другихъ государствахъ. Чтобы укрѣпить эти новыя ихъ познанія въ памяти ребятъ, я заставляла ихъ писать сочиненія сперва о жизни дикарей и вочевниковъ, потомъ о русскихъ нравахъ до татарщины и послѣ нея, и о переменнахъ въ нравахъ при Петрѣ и Екатеринѣ, и о положеніи крестьянъ въ разное время. Кромѣ темъ историческихъ, ученикамъ задано было также и нѣсколько темъ по поводу уроковъ географіи и естественной исторіи. Всѣ эти темы подробно разъяснялись во время урока, затѣмъ на черной доскѣ писался планъ сочиненія и, наконецъ, писалось самое сочиненіе. Болѣе интересныя и удачныя сочиненія иногда

прочитывались вслухъ передъ цѣлымъ классомъ, и слушатели разбирали и сравнивали ихъ между собой, а писавшіе ихъ приучались относиться къ своимъ произведеніямъ болѣе критически. Такимъ образомъ было между прочимъ прочитано описаніе сельскаго схода, о которомъ я рассказывала ученикамъ и на которомъ постановлено было учрежденіе новой земской школы. Ребята, прослушавъ рассказъ съ большимъ интересомъ, весьма толково описали составъ схода, борьбу партій, переговоры, подсчетъ голосовъ, колебанія, волненія и конечное торжество сторонниковъ школы. Точно также хорошо написали многіе ученики и ученицы передъ самымъ концомъ ученія о томъ, какъ они намѣрены учительствовать. И одинъ 14-лѣтній мальчикъ, несомнѣнно самый даровитый изъ всѣхъ нашихъ учениковъ, закончилъ свое сочиненіе заявленіемъ, что онъ хочетъ учить такъ, чтобы больше стало правды и свѣта на землѣ. Надо думать, что въ 14 лѣтъ такое желаніе еще не можетъ быть особенно сильнымъ и самостоятельнымъ, — но воображеніе писавшаго, очевидно, уже создало себѣ представленіе о прекрасной, еще далекой отъ насъ правдѣ, и представленіе это сильно полюбилось его свѣжей и воспримчивой молодой душѣ. Подъ конецъ лѣта порядокъ занятій у насъ значительно измѣнился. Кончивъ русскую исторію, ученики повторяли священную исторію и ученіе о богослуженіи, а въ послѣднія дѣй недѣли заняли немало времени пробныя уроки, которые давались учениками старшей группы ученикамъ младшей въ присутствіи всѣхъ остальныхъ. Уроки эти вызывали большой интересъ, но особенно удачными быть не могли, такъ какъ молоденькіе учителя и учительницы сильно стѣснялись присутствующихъ. Помню, какъ робко и чисто формально давала одна изъ дѣвушекъ свой первый урокъ по объяснительному чтенію, и какъ она во второй урокъ оживилась, какъ овладѣла классомъ и какъ много извлекла изъ прочитанной басни, благодаря тому только, что присутствующихъ случилось гораздо меньше обыкновеннаго.

Кончая свое описаніе лѣтняго нашего ученія, хочу еще припомнить, какъ мы съ ребятами читали Евангеліе. По недостатку времени, намъ это довольно рѣдко удавалось, но зато уроки эти были любимыми моими уроками, и почти такъ же любило ихъ большинство учащихся. Когда-то мы по Евангелію учились читать, переводить и рассказывать и знакомились съ первыми живыми примѣрами подвижничества и человеколюбія. Теперь ребятамъ уже хорошо извѣстны всѣ евангельскія повѣствованія; имъ давно уже знакомъ и дорогъ образъ Христа. Но, перечитывая вновь несравненную книгу въ возрастъ болѣе зрѣломъ, ученики наши

находить въ ней все новыя и новыя сокровища. Вникая въ содержаніе книги, они впервые вступаютъ въ необъятный міръ идей, и въ нихъ незамѣтно и постепенно загорается огонь духовной жажды, тотъ огонь, который Христось пришелъ водворить на землѣ, и не среди избранныхъ только, но во всей массѣ человѣческихъ существъ, томясь желаніемъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся. Ребята уже понимаютъ, что это за огонь и какое это томленіе. Они понимаютъ, что Богъ есть Духъ истины, которому и поклоняться можно лишь въ духѣ и истинѣ; они понимаютъ, что Богъ есть любовь и что имѣющій въ себѣ любовь имѣетъ въ себѣ Бога. И въ смутномъ еще сознаниіи и предвкусеніи чего-то высшаго и лучшаго, — темный міръ предрасудковъ, невѣжества и жи уже кажется имъ тѣснымъ, а порядки и обычаи, основанные на корысти и себялюбіи, недостойными, нечеловѣческими, неестественными. Еще слабо и неувѣренно дѣйствуютъ эти идеи въ молодыхъ и наивныхъ головахъ, но онѣ уже проникли въ нихъ, уже живутъ въ нихъ и требуютъ работы мысли, наблюденій и выводовъ. И все это находятъ читатели опять-таки въ Евангеліи; оно даетъ поразительно яркую картину того, какъ новыя идеи проникли въ глухой мірокъ еврейскаго народа и въ всеильномъ своемъ могуществѣ вызвали на бой всю еврейскую узость ума и сухость сердца, и всю нравственную распущенность, всю безчеловѣчную жестокость, все безжизненное умствованіе дряхлѣющаго языческаго Рима. И радостно сознавая, что теперь христіанская идея духовной свободы и человѣческаго братства уже одержала побѣду въ сознаниіи міра, ребята слѣдятъ съ громаднымъ интересомъ за всѣми перипетіями начавшейся 19 вѣковъ тому назадъ исполинской борьбы между свѣтомъ и тьмою. Мнѣ кажется, что инымъ и не можетъ быть впечатлѣніе, производимое на учащихся чтеніемъ Евангелія. Но посѣщавшіе насъ учителя разныхъ школъ нашей губерніи особенно заинтересовывались этими уроками, и потому я опишу здѣсь одинъ изъ нихъ, сохранившійся случайно въ моей памяти.

Мы читали, какъ-то разъ, одинъ короткій эпизодъ въ Евангеліи отъ Іоанна. Одинъ изъ мальчиковъ, раскрывъ восьмую главу, читаетъ: „Услышавъ слова Іисуса, многіе говорили: Онъ точно пророкъ. Другіе говорили: это Христось. А еще другіе говорили: развѣ изъ Галилеи Христось придетъ?“ И по поводу этихъ многихъ словъ уже можно было напомнить ученикамъ предписаніе Христа: „не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ“, и можно было выяснитъ имъ разницу между людьми поверхностнаго взгляда, предубѣжденія и рутины и людьми, вникаю-

щими въ суть вещей и искренно ищущими свѣта. Мы читаемъ затѣмъ: „Такъ произошла о немъ распря въ народѣ“. И мы вспоминаемъ слова Христа: „не миръ принесъ Я на землю, но мечъ“. Слова о мечѣ въ устахъ Учителя любви всегда вызывали въ ученикахъ нѣкоторое недоумѣніе, но тутъ они легко могутъ понять, что при появленіи истины и при усиленіи правды не могла не усилиться вражда и ненависть темныхъ силъ и не могла не возгорѣться ожесточенная война между ними. „Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли схватить Его“, читаемъ мы далѣе, „но никто не наложилъ на Него рукъ“. „Не посмѣли, постыдились!“ говорятъ ребята, радуясь обаятельной силѣ великаго Учителя. И мы разсуждаемъ о томъ, что даже въ самыхъ злыхъ и темныхъ людяхъ есть тайное благоговѣніе передъ добромъ и истиной и смутное сознаніе своей неправоты, своей душевной нищеты и своего несчастья. „Для чего вы не привели Его?“ читаемъ мы далѣе слова фарисеевъ, а затѣмъ читаемъ и отвѣтъ служителей: „Никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ“. И мы понимаемъ, что именно *такое* впечатлѣніе должны были производить на народъ слова Духа и Жизни, обращенныя Человѣкомъ, такъ высоко стоящимъ надъ толпой, къ этому бѣдному и невѣжественному, заброшенному и забытому всѣми сильными и умными міра сего народу. Но фарисей этого не понимаютъ и, силясь объяснить посторонними причинами дѣйствіе могучей проповѣди Христа, спрашиваютъ слугъ: „Неужели и вы *премѣстились*?“ И еще: „Увѣровалъ ли въ Него кто-нибудь изъ начальниковъ или изъ фарисеевъ?“ Они, очевидно, не хотятъ допустить, чтобы народъ могъ доискиваться чего-нибудь самостоятельно, помимо начальниковъ и фарисеевъ; имъ даже совершенно неинтересно, какія именно идеи и вѣрованія манятъ къ себѣ эту грубую толпу; въ нихъ умерло все, кромѣ ихъ свептицизма и самолюбія, но они еще прикрываются давно отвергнутымъ и нарушеннымъ ими закономъ и, досадуя на свой пошатнувшійся авторитетъ, восклицаютъ: „Этотъ народъ, невѣжда въ законѣ,—проклять онъ!“ И ребята наши горячо возмущаются пренебреженіемъ этихъ безжизненныхъ людей къ тому народу, за который принялъ муки и смерть Свѣтъ міра, Христосъ. „Развѣ виновать народъ, что не знаетъ закона?“ говоритъ одинъ ученикъ. „Имъ бы выучить людей, а не проклинать!“ говоритъ другой. „Да чему имъ выучить? Они и сами-то настоящаго закона, чай, не знали!“ добавляетъ третій. И мы читаемъ дальше, какъ Никодимъ, приходившій ко Христу ночью, говорилъ фарисеямъ: „Судить ли законъ нашъ человѣка, если прежде не выслушаютъ его и не узнаютъ, что

онъ дѣлаетъ?" Мы узнаемъ тутъ, что фарисеи, очевидно, предпочитаютъ судить людей не выслушивая ихъ и не зная, что они дѣлаютъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы знакомимся въ лицѣ Ниводима съ новымъ типомъ и новымъ факторомъ борьбы. Вотъ онъ, благонамѣренный, но слабый, колеблющійся человѣкъ, ищущій того, на что имѣетъ полное право, со страхомъ, тайно, ночью, какъ будто совершая преступленіе! Какъ живо представляютъ его себѣ ребята, какъ жаль имъ его, боящагося, какъ бы не отлучили его отъ синагоги! Какъ хочется имъ, чтобы онъ окрѣпъ и осмѣлился и сдѣлался искреннимъ, сильнымъ, свободнымъ человѣкомъ! Они знаютъ, что время это придетъ, — придетъ тогда, когда всѣ покинутъ великаго Учителя и синедріонъ какъ будто восторжествуетъ, и когда Ниводимъ найдетъ въ себѣ смѣлость пойти къ Пилату и попросить у него тѣло Іисуса. Но, дочитывая нашу главу, мы встрѣчаемъ еще только нерѣшительнаго и малодушнаго Ниводима. Онъ не смѣетъ говорить о своемъ убѣжденіи, не смѣетъ открыто преклониться передъ своимъ идеаломъ; онъ опирается лишь на еврейскій законъ и пытается, какъ будто, выиграть время. Фарисеи отлично угадываютъ тайную его мысль и насмѣшливо отвѣчаютъ: „И ты не изъ Галилеи ли?“ А затѣмъ всѣ, соскучившись вѣроятно, расходятся по домамъ. И мы кончаемъ свой урокъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ вели себя ребята въ теченіе пяти мѣсяцевъ лѣтнаго нашего ученія. Представляя себѣ это множество крестьянскихъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ юношей и дѣвушекъ, сообща учащихъ въ тѣсныхъ классныхъ комнатахъ и кое-какъ помѣстившихся въ томъ же школьномъ зданіи, мы невольно ожидаемъ всяческихъ затрудненій, недоразумѣній, споровъ, шалостей и проступковъ со стороны этой пришедшей изъ деревень разнообразной молодежи. Но вліяла ли тутъ пройденная уже раньше школа, а отчасти и учительство, или вліяли самыя наши занятія, но ученики и ученицы наши вели себя настолько хорошо, что почти не приходилось дѣлать имъ замѣчаній. Дѣвушки держали себя нѣсколько отдѣльно и очень скромно, а ребята очень вѣжливо обращались съ ними и даже говорили имъ „вы“. Ребята дружились между собою, рассказывали другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ и своемъ ученіи въ разныхъ школахъ и читали вдвоемъ и втроемъ любимыя свои книжки, при чемъ ихъ уже не удовлетворяли написанные специально для народа маленькіе рассказы и повѣсти, но хотѣлось

ближе къ „настоящихъ“, съ болѣе серьезнымъ содержаніемъ или болѣе художественной формой. Въ серединѣ лѣта интересъ къ ученію нѣсколько ослабъ. Жаркіе іюльскіе дни дали себя знать; многихъ вытребовали домой на жнитво, а остальные совершили пѣшеходную экскурсію въ находящуюся во ста верстахъ отъ насъ Саровскую пустынь.

Затѣмъ опять собрались учащіяся, опять начались усиленныя занятія и ревностное учебное одушевленіе въ теченіе цѣлаго дня, и снова вечеромъ раздавалось дружное и звонкое пѣніе, и слышался говоръ и смѣхъ у крыльца, и на лодкѣ, и по дорогѣ, и въ саду, и въ березовой рощѣ возлѣ нашей усадьбы. Ученье продолжалось до начала октября, а затѣмъ учащіяся стали расходиться. Большой частью они принялись учительствовать въ различныхъ школахъ грамотности; но 20 человекъ отказались отъ поступленія на мѣсто и вернулись въ Яблонку, чтобы продолжать учиться. Съ ними занимается теперь одна изъ лѣтнихъ моихъ сотрудницъ, тоже рѣшившаяся остаться въ Яблонѣ.

Мирный ходъ нашихъ лѣтнихъ занятій былъ, впрочемъ, нарушенъ однимъ инцидентомъ, въ сущности незначительнымъ, но который чуть не повлекъ за собою самыя прискорбныя и возмутительныя послѣдствія. Флигель, въ которомъ мы занимались, помѣщается въ яблочномъ саду, отданномъ въ аренду сѣмщикамъ. Одна дверь флигеля выходитъ на улицу, другая въ садъ. Ребята нерѣдко прогуливались по саду, и случилось, что двое юношей, 17-ти и 18-ти лѣтъ, соблазнили и сорвали себѣ по два яблока. Это увидѣлъ сѣмщикъ—большой охотникъ судиться и получать вознагражденія за „убытки“. Онъ пожаловался въ волостной судъ, но затѣмъ согласился взять свою жалобу обратно, получивъ съ обвиненныхъ 5 руб. Дѣло казалось поконченнымъ. Но вскорѣ наши ребята получили повѣстку, по которой оказалось, что 23 августа ихъ вновь вызываютъ въ судъ по тому же дѣлу, обвиняя ихъ уже не по 146 ст., допускающей примиреніе, а по 169 ст., о кражѣ. Я имѣла основаніе не ждать ничего хорошаго отъ этого суда, и дѣйствительно, волостной судъ приговорилъ ребятъ за четыре сорванныхъ ими яблока къ наказанію розгами. Не стоитъ говорить о томъ, какое негодованіе охватывало меня при одной мысли объ этомъ бессмысленномъ и безчеловѣчномъ приговорѣ, на постановленіе котораго имѣлись совершенно спеціальныя и крайне неблагоприятныя причины, ни мало не касающіяся самихъ несчастныхъ осужденныхъ. Не стану распространяться и о томъ, какія муки униженія въ настоящемъ и страхъ за будущее пере-

носили наши ребята, изъ которыхъ одинъ, отличаясь натурой особенно нервной, гордой и стыдливой, мѣнялся въ лицѣ всякій разъ, когда при немъ произносили слова: судъ, приговоръ, наказаніе и т. под. Скажу лишь, что весь этотъ случай произвелъ въ средѣ учащихся страшное волненіе, большое сочувствіе къ осужденнымъ и сильнѣйшее неудовольствіе противъ лица, въ которомъ они видѣли тайнаго виновника происшедшаго. Къ счастью, на приговоръ волостного суда можно было пожаловаться въ сѣздъ, а изъ сѣзда дѣло перешло въ губернское присутствіе, которое наконецъ и отмѣнило приговоръ. И послѣ цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ всяческихъ волненій мы опять вздохнули свободно. — Многія земскія собранія ходатайствуютъ теперь передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, — если не для всѣхъ, то хотя бы для окончившихъ курсъ начальной школы. И вспоминая все пережитое нами и ясно представляя себѣ нравственный міръ нашихъ ребятъ и тысячъ подобныхъ имъ крестьянъ, я совершенно увѣрена, что тѣлесное наказаніе въ нашемъ законодательствѣ долго сохраниться не можетъ.

Подвергавшіе критикѣ лѣтнее наше ученіе говорили, что нельзя учить въ такомъ плохомъ помѣщеніи и съ такими плохими столами и скамейками, какими мы по неволѣ довольствовались, и что нельзя принимать учениковъ настолько различныхъ по познаніямъ и развитію, и нельзя морить ихъ за ученіемъ съ утра до вечера.

Я не вижу, какъ бы мы могли въ-время избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я вполне сознаю, что устраненіе ихъ въ будущемъ крайне желательно. Насъ упрекали еще въ слѣпномъ и беспорядочномъ веденіи дѣла, и это обвиненіе тоже вполне справедливо; хотя опять-таки трудно бы было вести дѣло иначе. Въ будущемъ мы, впрочемъ, обѣщаемъ исправиться. И какъ бы то ни было, первый нашъ опытъ лѣтнихъ занятій съ окончившими курсъ начальной школы учениками я считаю удачнымъ, такъ какъ вполне увѣрена, что наша молодежь немало вынесла хорошаго изъ этихъ пяти мѣсяцевъ усерднаго ученія.

Поэтому я желаю бы возобновить такого рода занятія будущимъ лѣтомъ, и не въ одной только Яблонкѣ, но и въ нѣкоторыхъ еще сосѣднихъ пунктахъ. Крімъ того и еще болѣе того я желаю и надѣюсь отереть правильно организованное частное учебное заведеніе, которое имѣло бы опредѣленный 4-лѣтній курсъ и въ которомъ могли бы учиться бесплатно и при готовомъ содержаніи лучшіе ученики начальныхъ школъ. Меня увѣряютъ

въ этомъ намѣреніи одно уже желаніе учиться въ тѣхъ, кого мы желаемъ учить, а кромѣ того—твердая моя увѣренность, что всякій проучившійся нѣсколько лишнихъ лѣтъ крестьянинъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ положеніяхъ полезенъ, такъ какъ онъ непременно внесетъ извѣстный налѣшекъ знанія и свѣта въ темную и бѣдную свою среду.

А. ШТЕВЕНЪ.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

НА

ПРИРОДУ ПОМЪШАТЕЛЬСТВА

I.

Въ настоящее время во всѣхъ слояхъ общества, даже такихъ, которые стоятъ весьма далеко отъ медицины, существуетъ убѣжденіе, что все то, что называется помъшательствомъ, безуміемъ, сумасшествіемъ, душевнымъ разстройствомъ и т. п., есть душевная болѣзнь; далѣе, что эти состоянія составляютъ болѣзнь организма, что одержимые ими суть больные люди, наконецъ, что эти люди подлежатъ леченію и что этимъ леченіемъ должны руководить врачи на основаніи медицинскихъ научныхъ данныхъ. Этотъ взглядъ кажется столь простымъ, такой элементарной истиной, что мы даже затруднились бы представить себѣ протестъ противъ него. Между тѣмъ періодъ времени, въ теченіе котораго онъ можетъ считаться прочно установленнымъ, сравнительно не великъ, и въ недалекомъ прошломъ на этотъ предметъ смотрѣли иначе.

Мнѣ казалось нелишнимъ интереса рассмотреть, какія воззрѣнія на душевныя болѣзни существовали раньше, и какъ работалось современное воззрѣніе на нихъ. Конечно, я вовсе не намѣренъ излагать здѣсь историческое развитіе психіатріи, а попытаюсь лишь дать краткій очеркъ наиболѣе характерныхъ взглядовъ на природу помъшательства, въ связи съ этимъ показать,

какъ соотвѣтственно воззрѣніямъ на природу помъшательства измѣнялось отношеніе къ лицамъ, одержимымъ имъ, и наконецъ выяснитъ, въ чемъ заключается сущность помъшательства по современнымъ воззрѣніямъ.

Обращаясь къ начальному, древнему періоду человѣческой исторіи, мы прежде всего должны задать себѣ вопросъ—наблюдались ли тогда такія проявленія, которыя нужно причислить къ душевному разстройству? Литературные памятники, сохранившіеся объ этомъ отдаленнѣйшемъ періодѣ въ видѣ египетскихъ папирусовъ, Ветхаго Загѣта, далѣе, поэтическихъ произведеній древнихъ грековъ, даютъ на этотъ вопросъ весьма скудные и отрывочные отвѣты. Въ одномъ папирусѣ, хранящемся въ Британскомъ музеѣ, есть прямое указаніе на то, что злоупотребленіе виномъ дурно вліяетъ на умъ. Въ другомъ, относящемся къ XV столѣтію до Р. Х., говорится о выѣдреніи злыхъ духовъ въ тѣло. Изъ другихъ древнихъ источниковъ намъ извѣстенъ рассказъ о помъшательствѣ вавилонскаго царя Навуходоносора, объ успокоительномъ вліаніи музыки на приступы помъшательства царя Саула, которое также объясняется вліаніемъ злого духа, далѣе о возможности притворяться помъшаннымъ въ рассказѣ о библейскомъ царѣ Давидѣ. Въ твореніяхъ Гомера, отражающихъ міросозерцаніе и бытъ древнихъ грековъ, не содержится почти ничего, что имѣло бы отношеніе къ помъшательству. Но у позднѣйшихъ писателей встрѣчается эпизодъ, изображающій попытку Одиссея притвориться помъшаннымъ, когда его приглашали участвовать въ Троянской войнѣ; надо думать, что источникъ этого рассказа относится къ періоду болѣе отдаленному. Весьма обстоятельныя описанія приступовъ помъшательства, свидѣтельствующія о близкомъ знакомствѣ съ этими явленіями, встрѣчаются въ трагедіяхъ Софокла и Эврипида. Особенно замѣчательна трагедія послѣдняго, озаглавленная „Неистовствующій Геркулесъ“. Здѣсь Геркулесъ, среди полнаго спокойствія, безъ всякаго внѣшняго раздраженія, вдругъ обнаруживаетъ помраченіе сознанія, не узнаетъ своихъ собственныхъ дѣтей и жену, и убиваетъ ихъ ударами дубины; его связываютъ, онъ засыпаетъ и, проснувшись, ничего не помнитъ о случившемся; когда узнаетъ, что онъ натворилъ, онъ дѣлаетъ попытку на самоубійство. Если оставить въ сторонѣ мифическое объясненіе этого припадка вмъшательствомъ враждебной Геркулесу богини Юноны, омрачающей нарочно его умъ, мы имѣемъ здѣсь типическій случай той формы умоизступленія, которая чаще всего наблюдается у эпилептиковъ, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ преданіяхъ о Геркулесѣ ему приписываются

повторные случаи кратковременнаго неистовства, а впоследствии названіе „Геркулесова болѣзни“ (morbus Herculeus) было однимъ изъ синонимовъ эпилепсіи или падучей болѣзни. Весьма поучительно въ изображеніи Эврипида то, что проявленія эпилептическаго помѣшательства, совершенно напоминающія случаи въ современной уголовной хроникѣ, были извѣстны болѣе, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Впрочемъ, о воззрѣніяхъ на помѣшательство, существовавшихъ въ этотъ періодъ греческой исторіи, мы имѣемъ гораздо болѣе точныя свѣденія, такъ какъ въ концѣ V и началу IV столѣтія до Р. Хр. относится жизнь и дѣятельность отца медицины, Гиппократъ, въ сочиненіяхъ котораго между прочимъ затронуты и психіатрическіе вопросы. Гиппократу были извѣстны различныя формы помѣшательства. Онъ описываетъ меланхолическую, ипохондрическую, далѣе больныхъ, подверженныхъ обманамъ чувствъ, затѣмъ одержимыхъ ослабленіемъ умственныхъ способностей. Ему повидимому встрѣчались также случаи бѣлой горячки, такъ какъ онъ упоминаетъ о бредѣ и дрожаніи рукъ вслѣдствіе пьянства, далѣе, случаи остраго помѣшательства, развившіеся вслѣдъ за лихорадочнымъ процессомъ и послѣ родовъ. Наконецъ онъ описываетъ помѣшательство въ связи съ судорогами и опредѣленно говоритъ о родствѣ падучей болѣзни и помѣшательства. Словомъ, изъ многочисленныхъ замѣчаній, разбросанныхъ среди разныхъ сочиненій Гиппократъ, можно усмотрѣть, что въ его время наблюдались всѣ тѣ главныя формы душевнаго расстройства, которыя нами наблюдаются и въ настоящее время. Если въ отрывочныхъ описаніяхъ Гиппократъ, а также позднѣйшихъ авторовъ, и нельзя найти ничего, что намекало бы на играющія столь важную роль въ нашей психіатріи формы первичнаго сумасшествія и прогрессивнаго паралича помѣшанныхъ, то, конечно, причина этого обстоятельства могла заключаться въ неумѣніи оцѣнивать ихъ, какъ таковыя. Во всякомъ случаѣ, отъ наблюдательности Гиппократъ не ускользнули существенныя симптомы многочисленныхъ, извѣстныхъ намъ проявленій душевнаго расстройства, и онъ также оставилъ намъ изложеніе своихъ воззрѣній на ихъ натуру и происхожденіе.

Что касается этихъ воззрѣній, то съ одной стороны въ нихъ обнаруживается научная трезвость, отвергающая сверхъестественныя вліянія. Онъ настаиваетъ на томъ, что ни одна болѣзнь не имѣетъ божественнаго происхожденія и приписываетъ помѣшательство заболѣванію мозга, въ которомъ, какъ извѣстно, еще философъ Пинеагоръ усматривалъ органъ души. Съ другой сто-

роны, Гиппократъ даетъ для объясненія различныхъ формъ помъшательства наивную и совершенно фантастическую теорію, которая впослѣдствіи переходила къ другимъ авторамъ и долго считалась удовлетворительной. По этой теоріи главные посредники нормальныхъ и болѣзненныхъ процессовъ въ организмѣ суть четыре сока, а именно: кровь, слизь, желтая и черная желчь. При неправильномъ смѣшиваніи ихъ возникаютъ различныя болѣзни: напр., когда желчь бросается черезъ кровеносные сосуды въ мозгъ, послѣдній согрѣвается, и больные становятся безпокойными, шумными, неистовыми. Слизь же охлаждаетъ мозгъ и вызываетъ страхъ и тоску. Кромѣ того, благосостояніе организма требуетъ опредѣленныхъ взаимныхъ отношеній между огнемъ и водою, сыростью и сухостью, и слабоуміе, напр., зависитъ отъ преобладанія воды. Эта теорія, однако, ничуть не мѣшала Гиппократу оцѣнивать различныя дѣйствительныя причины душевныхъ болѣзней—развитіе ихъ вслѣдъ за лихорадками, въ зависимости отъ истощенія, связь ихъ съ прекращеніемъ различныхъ отдѣленій, съ расстройствами половой сферы. Вообще онъ былъ глубоко проникнутъ идеей, что помъшательство составляетъ болѣзнь организма, и соотвѣтственно этому рекомендуемое имъ леченіе направлено на измѣненія функций организма. Наравнѣ съ опредѣленной діетой, измѣняемой смотря по проявленіямъ болѣзни, кровопусканіями, холодными или теплыми обмываніями, душевно-больнымъ необходимо давать лекарства. Главное изъ этихъ лекарствъ есть чемерица, *helleborus*. Оно еще до Гиппократа пользовалось славою при леченіи душевныхъ болѣзней и удержало свою репутацію и впослѣдствіи въ теченіе многихъ столѣтій; въ сатирахъ Горация встрѣчается выраженіе—*naviget Anticygam*, пусть ѣдетъ въ Антициру (мѣстность богатую этимъ растеніемъ), для обозначенія подозрѣній въ помъшательствѣ. Средство это дѣйствовало и какъ слабительное, и какъ рвотное.

Возврѣнія Гиппократа оказали громадное вліяніе на всѣхъ послѣдующихъ врачей древней Греціи и Рима и переходили отъ одного къ другому, то въ неизмѣненномъ видѣ, то съ небольшими видоизмѣненіями, въ зависимости отъ философскихъ взглядовъ. Въ послѣднемъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ Платонъ, первый создатель законченной психологической теоріи. Онъ, какъ извѣстно, различалъ въ человѣкѣ три вида души. Главную, божественную душу, обладающую безсмертіемъ, носительницу разума, онъ предполагалъ въ мозгу. Затѣмъ въ груди, преимущественно въ сердцѣ, онъ принималъ вторую, низшую, смертную душу, задача которой заключается въ подчиненіи

тѣла предписаніямъ разума. Наконецъ въ животѣ, между діафрагмой и пупкомъ, пребываетъ третья, еще низшая душа, завѣдующая животными потребностями. Принимая ученіе Гиппократова о значеніи различныхъ соковъ и жидкостей для здоровья организма, онъ объясняетъ существованіе различныхъ формъ помѣшательства воздѣйствіемъ соковъ на различныя вмѣстилища души. Впрочемъ, въ развитіи ихъ, по Платону, принимаютъ участіе божества, причѣмъ участіе Аполлона вызываетъ манію со способностью предсказывать будущее. При этомъ Платонъ указываетъ на этимологическое родство греческихъ словъ, служащихъ для обозначенія помѣшательства ($\muανια$) и искусства предсказывать будущее ($\muαντικη$). Я потому упомянулъ здѣсь объ этомъ сближеніи, что мнѣніе о вѣщихъ способностяхъ помѣшанныхъ встрѣчается и впоследствии, и даже въ наше время нашло себѣ опять защитниковъ въ лагерѣ новѣйшихъ мистиковъ.

Изъ дальнѣйшихъ врачей древности, писавшихъ о душевныхъ болѣзняхъ, можно затѣмъ отмѣтить Асклепіада, грека, практиковавшаго въ Римѣ въ I-мъ столѣтіи до Р. Хр. Въ исторіи медицины вообще онъ играетъ большую роль, какъ основатель школы такъ называемыхъ методиковъ. Для исторіи психіатріи въ его ученіи имѣетъ интересъ то обстоятельство, что въ противоположность Гиппократу, сводившему болѣзнь на неправильное смѣшеніе жидкостей, онъ искалъ ихъ источника въ нарушеніи количества и формы атомовъ и въ измѣненіи напряженія твердыхъ тканей. Эта точка зрѣнія также оставила слѣды въ воззрѣніяхъ врачей на многія столѣтія. Далѣе, заслуживаютъ вниманія его совѣты о леченіи душевно-больныхъ: онъ рекомендуетъ веселую музыку для мрачныхъ больныхъ и серьезную для такихъ, ненормальность которыхъ обнаруживается смѣхомъ. Ему же принадлежитъ совѣтъ пользоваться цѣпиями и вообще насильственными мѣрами для укрощенія безпокойныхъ и возбужденныхъ помѣшанныхъ.

Остальныхъ медицинскихъ писателей древности, даже такихъ знаменитыхъ, какъ Корнелій Цельсъ, жившій въ началѣ I-го столѣтія нашей эры, и Галенъ, жившій во II-мъ столѣтіи, мы можемъ здѣсь обойти молчаніемъ, такъ какъ у нихъ не встрѣчается ничего существенно новаго ни по отношенію къ теоретическимъ воззрѣніямъ на интересующій насъ предметъ, ни въ смыслѣ практическихъ указаній на обращеніе съ помѣшанными. Упомянемъ еще о Целіѣ Авреліанѣ, писателѣ V вѣка, который весьма подробно трактуетъ о различныхъ врачебныхъ мѣрахъ по отношенію къ душевно-больнымъ, протестуетъ противъ энергическаго примѣненія къ нимъ насильственныхъ мѣръ, въ томъ числѣ

побоевъ, и кромѣ того настаиваетъ на томъ, что помъшательство есть болѣзнь тѣла, а не одной души, говоря между прочимъ, что философы еще не вылечили ни одного душевно-больного.

Такимъ образомъ мы могли убѣдиться, что въ древній періодъ исторіи, несмотря на низкій уровень естественно-научныхъ знаній, на отсутствіе всякихъ точныхъ свѣденій о строеніи человѣческаго тѣла и отправленияхъ его органовъ, на помъшанныхъ все-таки смотрѣли какъ на больныхъ, требующихъ леченія.

Совсѣмъ другое отношеніе въ нимъ представляютъ средніе вѣка. Этотъ періодъ человѣческой исторіи вообще характеризуется застоємъ умственной жизни въ теченіе многихъ столѣтій подъ-рядъ. Мѣсто изученія явленій природы заняла бесплодная схоластика. Теологія замѣняла собой всѣ прочія науки, и интересъ въ научнымъ изысканіямъ былъ подавленъ мрачнымъ религіознымъ фанатизмомъ. Памятники медицинской литературы вплоть до XVI столѣтія до невѣроятности скудны, и въ тѣхъ, которые сохранились, мы находимъ весьма мало, что можетъ претендовать на научное значеніе. Какъ примѣръ медицинскихъ возрѣній этого времени можно указать, напр., на совѣтъ Франциска Пиемонтскаго, рекомендовавшаго при трудныхъ родахъ отдѣльныя мѣста изъ псалмовъ Давида, или совѣтъ другого (Peter de la Serlala) примѣнять при поврежденіяхъ головы присыпку чудотворнаго порошка и Pater noster. Возрѣнія другихъ поражаютъ своей нелѣпостью и даже непонятностью. Напр., врачъ XIII столѣтія, Arnoldus Villanovanus, учитъ, что эпилепсія при первой четверти луны происходитъ отъ флегматическаго вещества, при слѣдующихъ двухъ—изъ крови, а при послѣдней—отъ меланхоліи. Люди, умъ которыхъ былъ свободенъ отъ теологическихъ мудрствованій и потому склоненъ къ трезвому сужденію о предметахъ внѣшняго или внутренняго міра, считались опасными врагами католицизма и погибали на вострахъ. Страннымъ образомъ такой же участи за этотъ печальнѣйшій періодъ исторіи культуры подвергались многочисленные душевно-больные.

Дѣло въ томъ, что въ мистическомъ мировоззрѣніи, выработавшемся подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма и обскурантизма среднихъ вѣковъ, громадную роль играла вѣра во вмѣшательство дьявола въ обыденную жизнь, въ существованіе людей, находящихся въ общеніи съ нимъ и потому обладающихъ сверхъестественной силой, употребляемой ими во вредъ другимъ. Колдуны, вѣдьмы, черная магія, привороженіе, плотскія отношенія съ дьяволомъ, виѣдряющимся въ семейный очагъ подъ видомъ такъ называемыхъ incubus и succuba, — всѣ эти фантастическіе про-

дукты дивныхъ суевѣрій допускались церковью, судомъ и общественнымъ мнѣніемъ и считались за непреложную истину. По самой натурѣ вещей и доказательства, что данное лицо виновно въ общеніи съ дьяволомъ, не могли заключаться въ какихъ-нибудь реальныхъ данныхъ, и для этого было достаточно самаго ничтожнаго факта, простого доноса, при чемъ обвиняемый подвергался пыткамъ и долженъ былъ самъ доказывать противное, т.-е. что онъ не состоитъ въ общеніи съ нечистой силой. Несчастное увлеченіе этимъ суевѣріемъ побудило, напр., въ XVI столѣтіи папу Иннокентія VIII поручить борьбу съ колдовствомъ въ Германіи двумъ доминиканскимъ монахамъ, и въ одномъ трирскомъ епископствѣ инквизиція предала казни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ 6.500 человѣкъ за колдовство. Цѣлыя поколѣнія одно за другимъ воспитывались въ этомъ страхѣ передъ нечистой силой и всасывали его съ молокомъ матери.

Немудрено, что эти суевѣрія отражались также на проявленіяхъ помѣшательства. Опытъ учить, что идей бреда и обманы чувствъ душевно-больныхъ въ значительной степени опредѣляются въ своемъ конкретномъ содержаніи такими явленіями, которыя въ данное время занимаютъ общество.

II.

При всемъ необъятномъ разнообразіи бредовыхъ идей и зависящихъ отъ нихъ обмановъ чувствъ, они по своему основному характеру распадаются на небольшое число категорій, среди которыхъ первенствующую роль играютъ три—бредъ преслѣдованія, бредъ величія и бредъ самообвиненія. Бредъ величія, по крайней мѣрѣ у мужчинъ, сводится преимущественно на переоцѣнку собственной личности въ смыслѣ общественнаго положенія, власти и богатства. Что же касается бреда преслѣдованія, то чаще всего душевно-больные считаютъ себя жертвами такихъ силъ, которыя въ данное время въ общественной жизни пользуются особымъ могуществомъ. Въ наше время электрическихъ чудесъ громадная часть больныхъ, одержимыхъ бредомъ преслѣдованія, жалуются на то, что ихъ по ночамъ невидимымъ образомъ электризуютъ, что ихъ мысли передаются по телефону, что подъ поломъ или подъ кушеткой проведены электрическіе телеграфы. Наравнѣ съ электричествомъ болѣзненную фантазію ихъ занимаютъ и нѣкоторыя другія силы, справедливо или несправедливо окруженные ореоломъ всемогущества и таинственности; таковы, напр., полиція,

соціалисты, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ франемасоны, теперь гипнотизмъ и магнетизмъ. Изрѣдка, въ особенности у простаго народа, и теперь встрѣчается бредъ порчи нечистой силой. Но въ средніе вѣка суевѣрный страхъ передъ дьяволомъ, колдовствомъ и вѣдьмами, вообще идеи, сопряженныя съ этими чудовищными заблужденіями человѣческаго ума, представляли самую подходящую пищу для болѣзненной фантазіи помѣшанныхъ. Третья изъ упомянутыхъ категорій бреда заключается въ томъ, что больные взводятъ на себя обвиненія въ различныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, преимущественно изъ области проступковъ противъ религіи и нравственности, или изъ сферы половой жизни. И здѣсь фантазія ихъ охотно фиксируется на событіяхъ и представленіяхъ, играющихъ выдающуюся роль въ данное время. Нерѣдко можно наблюдать, что помѣшанные приписываютъ себѣ участіе въ преступленіи, которое произошло тогда, когда они уже находились въ больницѣ, если это преступленіе принадлежитъ къ выдающимся изъ ряду и сдѣлалось предметомъ газетныхъ толковъ и разговоровъ.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ французскихъ психіатровъ, д-ръ Кальмейль, въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія, взялъ на себя трудъ систематическаго изложенія цѣлаго ряда процессовъ, возникавшихъ въ XV, XVI и XVII вѣвѣ по обвиненіямъ въ общеніи съ нечистой силой, на основаніи документальныхъ данныхъ, и изъ разбора ихъ съ очевидностью вытекаетъ, что значительная часть обвиняемыхъ въ этихъ процессахъ были помѣшаны, а именно одержимы такъ называемой демонопатіей; подъ этимъ названіемъ разумѣются такія формы душевнаго расстройства, въ которыхъ предметъ бредовыхъ идей преслѣдованія и самообвиненія, а также обмановъ чувства составляютъ демоны, сатана, колдовство и другіе атрибуты вѣры въ реальныя проявленія нечистой силы. Заимствуя изъ цѣнной книги Кальмейля ¹⁾ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1436 г. въ окрестностяхъ Берна и Лозанны (въ Швейцаріи) распространился слухъ, что мѣстность изобилуетъ колдунами, которые въ угоду сатанѣ совершаютъ возмутительныя преступленія противъ нравственности и природы, и между прочимъ пожираютъ своихъ собственныхъ дѣтей. Власти сочли нужнымъ провѣрить эти слухи судебнымъ порядкомъ, и инквизиція привлекла къ отвѣтственности множество лицъ, цѣлыя семейства; сотни были допрашиваемы съ помощью пытки и многіе изъ нихъ сожжены

¹⁾ Calmeil. De la folie, considérée sous le point de vue pathologique, historique et judiciaire. Paris. 1845. 2 vol.

вслѣдствіе собственнаго признанія. Одна женщина, сожженная по этому случаю въ Бернѣ, дала слѣдующія показанія:—Я принадлежу къ сектѣ, которая присягаетъ дьяволу. Благодаря его могуществу, мы обладаемъ силой околдовать издали младенцевъ, въ особенности тавихъ, надъ которыми еще не совершенъ обрядъ крещенія, или тавихъ, которыхъ забыли осѣнить крестнымъ знаменіемъ. Родители въ этихъ случаяхъ полагаютъ, что ребенокъ погибъ отъ какой-нибудь болѣзни. Потомъ мы потихоньку убираемъ трупъ, бросаемъ его въ кипятокъ и дѣлаемъ изъ его частей мазь и напитокъ. Мазь эта обладаетъ магическими свойствами—стоитъ себя смазать ею, и сейчасъ же можно перенестись въ любое мѣсто. Напитокъ же имѣетъ такое дѣйствіе, что кто выпьетъ нѣсколько капель, сейчасъ же становится посвященнымъ въ наши тайны. Другой обвиняемый, тоже приговоренный къ смертной казни, признавался въ томъ, что онъ и его жена принадлежатъ къ колдунамъ, что они пили соевъ, приготовленный изъ мяса дѣтей. Жена его протестовала противъ этихъ самообвиненій—оба были сожжены. Еще другіе показывали, что они вляли черезъ демоновъ на производство выкидышей у женщинъ и скота, на появленіе града въ извѣстной мѣстности и т. под.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого трагическаго событія, предъ судомъ предсталъ нѣкій Эделинъ, докторъ Сорбонны, раньше принадлежавшій къ религіозной конгрегаціи. Онъ энергично протестовалъ противъ вѣры въ колдуновъ и доказывалъ, что этотъ фантастическій культъ злыхъ духовъ есть плодъ больного воображенія. Когда его привлекли къ отвѣтственности за подобную ересь, онъ оказался душевно-больнымъ. Онъ обвинялъ себя самого въ принадлежности къ поклонникамъ сатаны, рассказывалъ, что участвовалъ въ нечестивыхъ собраніяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ дьявола, что онъ имѣлъ половыя сношенія съ инкубомъ. Онъ былъ на всю жизнь заключенъ въ тюрьму.

Въ 1521 г. во Франціи, въ Безансонѣ, судились два субъекта, Бюрго и Вердэнъ, обвиняемые въ магіи и превращеніи въ волковъ. Бюрго далъ подробное показаніе, въ которомъ признаетъ себя виновнымъ и рассказываетъ, что онъ въ 19-лѣтнемъ возрастѣ вступилъ въ соглашеніе съ дьяволомъ, что онъ вмѣстѣ съ другимъ обвиняемымъ посѣщалъ собранія колдуновъ, что послѣ смазыванія магической помадой они оба превращались въ волковъ, съ поразительной быстротой бѣгали по полямъ, имѣли сношенія съ волчицами, бросались на встрѣчныхъ дѣвочекъ и высасывали ихъ кровь и т. п. Другой подсудимый призналъ справедливость этихъ показаній, и только иногда расходился со своимъ

товарищемъ относительно указанія мѣстности ихъ походовъ. Оба были сожжены на кострѣ.

Въ этихъ разсказахъ мы встрѣчаемся съ своеобразной формой бреда—превращенія въ волковъ. Эта форма, извѣстная подъ названіемъ ликантропіи (отъ греческихъ словъ, означающихъ волка и человѣка) представляетъ замѣчательный случай связи между помъшательствомъ и преданіемъ. Какъ извѣстно, душевное расстройство вавилонскаго царя Навуходоносора заключалось въ томъ, что онъ воображалъ себя четвероногимъ животнымъ и велъ себя какъ таковое; и въ другихъ преданіяхъ древности встрѣчаются подобные случаи превращенія людей въ животныхъ. Въ Одиссеѣ Гомера, напр., волшебница Цирцея превращаетъ спутниковъ Одиссея въ свиней. Затѣмъ существуютъ мѣны о превращеніи въ волка царя Аркадіи Ликаона. Богиня Латона, мать Аполлона и Діаны, передъ рожденіемъ ихъ также временно принимала образъ волчицы. Въ средніе вѣка во всей западной Европѣ существовала вѣра въ способность нѣкоторыхъ людей по желанію принимать видъ волка и опять оставлять его, и такіе волки назывались *loup-garçon*, *Wegwolf*, *vegripellis*, у славянскихъ народовъ—оборотень, волкодлакъ. Ихъ особенно боялись въ темныя ночи, когда они бродили вокругъ жилищъ. И это суевѣріе опять играло роль въ бреду душевно-больныхъ и въ процессахъ, возбуждавшихся противъ нихъ и кончавшихся сожженіемъ на кострѣ. Во многихъ другихъ подобныхъ процессахъ вмѣсто превращенія въ волковъ фигурируетъ превращеніе въ кошекъ, въ особенности когда подсудимыми являлись женщины. А это случалось весьма часто, такъ какъ въ разсматриваемые нами теперь вѣка наблюдались неоднократные случаи эпидемическаго помъшательства, поражающаго цѣлое населеніе какого-нибудь монастыря.

Въ этихъ случаяхъ по большей части дѣло заключалось въ истеріи съ живыми галлюцинаціями и эротическимъ возбужденіемъ; множество этихъ лицъ при допросѣ обвиняли себя въ сношеніяхъ съ демонами, инкубами, и послѣ жестокихъ пытокъ они приговаривались къ смертной казни. Историческій характеръ многихъ изъ этихъ эпидемій съ очевидностью доказывается тѣмъ, что, кромѣ бреда и галлюцинацій, наблюдались приступы судорогъ съ страшными криками; многія поражали своею нечувствительностью къ боли, что также преимущественно свойственно истеріи.

Еще одинъ видъ бреда, также основанный на суевѣріи и также пріобрѣтавшій нерѣдко эпидемическое распространеніе, былъ такъ называемый вампиризмъ. Подъ этимъ словомъ разумѣлось высасываніе крови изъ живыхъ людей мертвыми, которые для этой

цѣли по ночамъ выходили изъ своихъ могилъ, спустя различное время послѣ смерти. Нерѣдко нѣсколько человѣкъ въ одной и той же мѣстности ночью видѣли одну и ту же личность, подвергались высасыванью крови съ ея стороны, впадали отъ этого въ болѣзненное состояніе и даже умирали въ короткое время отъ истощенія. Подобные кошмары еще въ прошломъ столѣтіи подавали поводъ къ распоряженію властей вырывать трупъ вампира и сжигать его послѣ предварительнаго отрубленія головы; иногда также считалось необходимымъ предварительно вырвать сердце вампира. Въ 1728 г. графъ де-Кабрера съ принялъ подобныя мѣры противъ покойника, лежавшаго въ могилѣ уже 30 лѣтъ, потому что онъ беспокоилъ вампиризмомъ своего брата, сына и бывшаго лакея, и всѣ трое умерли.

Встрѣчались также субъекты, которые сами себя обвиняли въ томъ, что были вампирами и высасывали кровь другимъ (такъ называемый активный вампиризмъ).

Въ нашу задачу не входитъ перечисленіе всѣхъ или хотя бы главнѣйшихъ процессовъ такого рода, возникавшихъ въ средніе вѣка, какъ противъ отдѣльныхъ личностей, такъ и противъ цѣлыхъ группъ, подвергавшихся эпидемическому помѣшательству. Сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить громадное вліяніе, какое имѣлъ въ это время демономанической бредъ для душевно-больныхъ и отношеніе судебной власти къ этому бреду. Мы теперь обратимся къ медицинскимъ писателямъ позднѣйшаго періода среднихъ вѣковъ.

Знаменитый Парацельсъ, жившій въ XVI столѣтіи (въ 1491—1541) сводилъ явленія природы на химическіе процессы, но не въ современномъ раціональномъ смыслѣ, а напротивъ, въ совершенно мистической формѣ. Онъ принималъ, что человѣкъ состоитъ изъ трехъ сферъ—изъ тѣла, тѣлесной души (*archaeus*) и бессмертной души. Основу всего тѣлеснаго міра, а также человѣческаго организма составляютъ три вещества — соль, ртуть и сѣра. Различныя измѣненія ртути въ зависимости отъ температуры производятъ помѣшательство, меланхолію и параличи. Мозгъ имѣетъ тѣсное родство съ луной, и потому помѣшательство усиливается при полнолуніи и новолуніи. Для леченія Парацельсъ рекомендовалъ при неистовствѣ прижиганія каленымъ желѣзомъ, при чемъ считалъ весьма важнымъ направленіе вѣтра.

Другіе, менѣе знаменитые врачи этого вѣка не пытались давать собственныхъ теорій помѣшательства, а ограничивались повтореніемъ идей Гиппократъ и Галена о различныхъ совахъ и приводили казуистическія сообщенія о различныхъ случаяхъ бреда,

крайне отрывочныя и мало поучительныя. Одному изъ авторовъ этого времени, Феликсу Платеру принадлежитъ первая попытка подробно классифицировать душевныя болѣзни, при чемъ въ числѣ отдѣльныхъ ихъ формъ фигурируетъ любовь.

Выдающееся значеніе имѣлъ въ XVI столѣтіи трактатъ врача Віэра изъ Брабанта, посвященный вопросу о демонопатіяхъ. Онъ краснорѣчиво и убѣдительно доказываетъ здѣсь, что самообвиненія мнимыхъ вѣдьмъ и колдуновъ суть не что иное, какъ плодъ разстроенной фантазіи, и предлагаетъ сдѣлать съ ними опытъ—привязать на ночь къ кровати: все-таки они на другое утро будутъ рассказывать, что были на собраніи съ демонами или имѣли сношенія съ инкубами. Онъ приводитъ многочисленныя доказательства невинности лицъ, осужденныхъ за убійство младенцевъ и другія преступленія, и выясняетъ, что даже собственному признанію ихъ нельзя придавать значенія, такъ какъ оно основано на болѣзненныхъ, ложныхъ ощущеніяхъ, свойственныхъ меланхоліи и истеріи. Онъ горячо протестуетъ противъ безчеловѣчнаго пролитія крови несчастныхъ душевно-больныхъ. При всемъ томъ онъ допускаетъ однако, что самыя эти болѣзни производятся вліяніемъ демоновъ, которыхъ онъ раздѣляетъ на различныя категоріи, отбъивая ихъ количество въ нѣсколько милліоновъ. Впрочемъ, есть основаніе думать, что это допущеніе со стороны Віэра неискренно и введено имъ въ защиту вѣдьмъ по дипломатическимъ соображеніямъ. Во всякомъ случаѣ эта защита вызвала тогда же возраженія со стороны другихъ врачей, настойчиво отрицавшихъ болѣзненный характеръ демонопатій и требовавшихъ самаго жестокаго наказанія вѣдьмъ. Таковы, напр., врачи Эрастъ, Пиеторій и Карданъ. Другіе не придерживались такихъ крайнихъ воззрѣній, занимая какъ бы середину между взглядами Віэра и его противниковъ и во всякомъ случаѣ допуская реальность демоновъ. Такъ смотрѣлъ на дѣло между прочимъ знаменитый Амбруазъ Парэ, справедливо считающійся отцомъ французской хирургіи.

Еще даже въ слѣдующемъ столѣтіи врачи не могли освободиться отъ этого вкоренившагося предрассудка. Извѣстный въ свое время профессоръ медицины въ Виттенбергѣ, Зеннертъ (1572—1637), допускаетъ, какъ причину различныхъ формъ помъшательства, вліяніе демоновъ, и имъ приписываетъ различныя непонятныя проявленія, замѣчаемыя будто бы у душевно-больныхъ, напр. ихъ способность предсказывать будущее, говорить на чужихъ языкахъ, выдѣленіе ими камней, кусковъ желѣза, наконецъ живыхъ животныхъ. Другой ученый врачъ, профессоръ Этмюллеръ въ Утрехтѣ, нѣсколькими десятилѣтіями позже, также при-

писываетъ подобныя выдѣленія вліянію демоновъ, но отрицаетъ его у душевно-больныхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ литературѣ конца XVI и XVII столѣтія этотъ вопросъ уже теряетъ свой острый характеръ, и въ довольно многочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ за это время о помѣшательствѣ, послѣднее разсматривается съ медицинской точки зрѣнія. Въ объясненіяхъ его мы встрѣчаемъ своеобразныя сочетанія старыхъ идей о черной желчи съ метафизическими принципами, заимствованными изъ мистическаго міросозерцанія Парацельса. Далѣе мы встрѣчаемъ попытки подробныхъ классификацій душевныхъ болѣзней, а также обсужденіе различныхъ врачебныхъ мѣръ для леченія ихъ, въ томъ числѣ попытки психическаго вѣдѣнія на нихъ. Попытки эти были наивны и грубы. Напр., одинъ врачъ въ началѣ XVII столѣтія рассказываетъ о больномъ, который считалъ себя похолодѣвшимъ и говорилъ, что только горѣніе въ огнѣ можетъ вернуть ему теплоту; врачъ велѣлъ его зашить въ шубу, и этимъ путемъ будто бы вылечилъ его. Другой больной бредилъ тѣмъ, что онъ великій грѣшникъ и что его Богъ не проститъ; къ нему послали челоуѣка, переодѣтаго въ ангела, который торжественнымъ голосомъ сообщилъ ему о прощеніи его грѣховъ. Съ цѣлью психическаго леченія рекомендовали также испугать больныхъ; это примѣнялось даже для эпилептиковъ въ видѣ неожиданнаго ружейнаго выстрѣла во время припадка падучей болѣзни. Далѣе примѣнялись рвотныя, раздражающія мази, кровопусканія, прижиганія, кастрація. Въ 1667 г. д-ръ Денісъ въ Парижѣ впервые испробовалъ надъ душевно-больнымъ переливаніе крови изъ теленка. Больной, 34-хъ-лѣтній мужчина, будто бы помѣшался вслѣдствіе несчастной любви и послѣ операціи поправился, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ умеръ въ горячкѣ.

Въ такомъ же положеніи оставалась психіатрія и въ XVIII столѣтіи. Хотя въ теченіе этого просвѣщеннаго вѣка появились сочиненія выдающихся наблюдателей, и хотя въ ихъ распоряженіи были уже многочисленные данныя какъ нормальной анатоміи мозга, такъ и результатовъ вскрытія труповъ, но передъ критикой современной науки и наблюденія и теоретическія разсужденія этихъ авторовъ оказались несостоятельными, не исключая даже великаго философа Канта.

Что касается призрѣнія душевно-больныхъ, то оно было въ высочайшей степени печально обставлено. Прежде всего, въ виду преувеличеннаго страха передъ ними, ихъ содержали на цѣпи, наравнѣ съ опасными преступниками и въ такой же тюремной обста-

новкѣ, лишенной воздуха и свѣта, подъ безконтрольной властью грубыхъ сторожей. Общество и государство по отношенію къ нимъ считало свою задачу выполненной, оберегая отъ нихъ здоровыхъ. Идея, что помѣшанные суть больные, требующіе леченія, хотя и проглядывала въ ученыхъ трактатахъ, но совершенно отсутствовала въ общественномъ сознаніи. Тѣ изъ нихъ, которыхъ не сажали на цѣпь, блуждали на свободѣ, нищенствовали и, смотря по своему поведенію, получали подачки отъ здоровыхъ людей или дѣлались предметомъ насмѣшекъ. У насъ, въ Россіи, юродивые часто пользовались въ глазахъ окружающихъ ореоломъ святости. Въ западной Европѣ это также мѣстами наблюдалось, при чемъ они назывались Авраамовыми людьми. У насъ вообще забота объ умиленныхъ была возложена на духовенство, и ихъ держали въ монастыряхъ, между тѣмъ какъ въ западной Европѣ для нихъ строились спеціальныя помѣщенія, снабженныя всѣми атрибутами тюремной жизни. У насъ лишь въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по распоряженію Екатерины II, забота о душевно-больныхъ была изъята изъ вѣденія духовенства, и одинъ академикъ былъ посланъ за границу для осмотра тамошнихъ „тольгаузовъ“ (Tollhaus заведеніе для помѣшанныхъ), съ тѣмъ, чтобы построить таковыя у насъ. Между тѣмъ въ западной Европѣ къ тому времени уже подготовлялась почва для переворота въ положеніи помѣшанныхъ. Въ 1756 г. въ Лондонѣ была открыта лечебница для немущихъ душевно-больныхъ — именно госпиталь Св. Луи, существующій еще до настоящаго времени въ перестроенномъ видѣ. Въ 1792 г. англійскій психіатръ Вильямъ Тюбъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ на пути гуманнаго обращенія съ душевно-больными — въ Йоркѣ былъ основанъ пріютъ для нихъ, снабженный садами и полями, и здѣсь впервые было исключено употребленіе цѣпей. Но этотъ прогрессъ совершился въ тиши маленькаго города, по инициативѣ частныхъ людей, и первоначально не обратилъ на себя вниманія. Впослѣдствіи даже забыли объ этомъ обстоятельстве, и честь снятія цѣпей съ помѣшанныхъ обыкновенно приписывается французскому врачу Пинелю, который дѣйствительно совершилъ этотъ подвигъ гуманности въ томъ же 1792 г., но при такихъ условіяхъ, которыя должны были обратить на этотъ фактъ общее вниманіе.

III.

Филиппъ Пинель, справедливо считающійся основателемъ научной психіатріи, родился въ 1755 г. сыномъ бѣднаго сельскаго врача и первоначально готовился къ теологической карьерѣ. Лишь

на 30-мъ году жизни онъ перешелъ къ изученію медицины и занимался сперва главнымъ образомъ механикой костной системы. Случайное обстоятельство, именно психическое заболѣваніе пріятеля, побудило его обратиться къ изученію душевныхъ болѣзней, въ которому онъ, впрочемъ, получилъ основательную философскую подготовку. Въ 1792 г. онъ получилъ мѣсто при заведеніи Бисетръ, въ Парижѣ, гдѣ содержались въ цѣпяхъ опасные преступники и помѣшанные. Уже раньше отдѣльныя гуманныя личности протестовали противъ безчеловѣчнаго и возмутительнаго содержанія душевно-больныхъ въ этомъ домѣ. Но ихъ голосъ не обращалъ на себя вниманія. Пинель, вскорѣ послѣ своего поступленія въ Бисетръ, обратился къ конвенту, въ самый сильный разгаръ революціоннаго террора, съ предложеніемъ, чтобы было разрѣшено снять цѣпи съ душевно-больныхъ. Одинъ изъ членовъ конвента, заподозривъ, что, можетъ быть, среди помѣшанныхъ въ Бисетръ скрываютъ враговъ народа, отправился туда, и картина, которую онъ увидѣлъ, произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ замѣтилъ Пинелю: „гражданинъ, не самъ ли ты помѣшался, если хочешь освободить отъ цѣпей такихъ звѣрей?“ Пинель отвѣтилъ, что ужасное впечатлѣніе, которое производятъ теперь больные, обусловлено тѣмъ, что они лишены воздуха и свободы, и что онъ рассчитываетъ на крупную переимѣну въ ихъ поведеніи съ помощью гуманнаго обращенія съ ними и свободы. Представитель конвента тогда разрѣшилъ Пинелю дѣлать съ душевно-больными что ему угодно, и высказалъ опасеніе, что онъ самъ сдѣлается жертвой своего предпріятія. Въ тотъ же день Пинель началъ свое великое дѣло и въ теченіе недѣли освободилъ отъ цѣпей болѣе 50 умалишенныхъ, между ними весьма опасныхъ и тавихъ, которые содержались на цѣпи 10, 20 и даже 30 лѣтъ. Затѣмъ Пинель совершилъ ту же реформу въ другомъ большомъ заведеніи, въ Сальпетріерѣ. Но этимъ его личное участіе въ успѣхахъ практической психіатріи ограничилось, и уже его ученику, Эскиролю, было предоставлено довести это дѣло до конца и обезпечить общее признаніе за выставленнымъ имъ положеніемъ, что заведенія для душевно-больныхъ должны служить средствомъ для леченія помѣшанныхъ.

Въ связи съ этой гуманной дѣятельностью на поприщѣ пріобрѣтѣнія умалишенныхъ, Пинель и Эскироль были первые психіатры, ученыя сочиненія которыхъ имѣли прочное научное значеніе, главнымъ образомъ благодаря тому, что они обладали выдающеюся наблюдательностью и были свободны отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и метафизическихъ принциповъ. За этимъ первымъ

шагомъ, которымъ ученіе о душевныхъ болѣзняхъ вступило на путь положительной науки въ началѣ нашего столѣтія, быстро, въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ послѣдовало рядъ другихъ. Во всѣхъ научныхъ центрахъ Европы, прежде всего и главнымъ образомъ въ Германіи, Франціи и Англии, множество талантливыхъ врачей посвятили свой умъ и свой трудъ этой отрасли медицины и возникъ рядъ специальныхъ журналовъ, служившихъ для живого обмена добываемыхъ вновь психіатрическихъ данныхъ.

При этомъ естественнымъ образомъ въ связи съ фактической стороной ученія о душевныхъ болѣзняхъ подвергался также обсужденію вопросъ и о ихъ натурѣ. Главнымъ образомъ этотъ вопросъ занималъ умы германскихъ психіатровъ въ первыя десятилѣтія нашего столѣтія, когда въ Германіи процвѣтала умозрительная философія и одна метафизическая система смѣнялась другою. И вотъ, жившій въ это время въ Лейпцигѣ профессоръ душевныхъ болѣзней Гейнротъ выступилъ защитникомъ таковой точки зрѣнія, что психическое расстройство, вообще помѣшательство, является плодомъ грѣха, что безпорочная душа и чистая совѣсть обеспечиваютъ душевный покой и душевное здоровье, а нравственное паденіе ведетъ къ помѣшательству. Хотя онъ допускалъ, что заболѣванія тѣлесныхъ органовъ, напр. поврежденіе мозга, могутъ повлечь за собой помѣшательство, но онъ училъ, что независимо отъ того сама душа можетъ заболѣть вслѣдствіе нарушенія гармоніи духовной жизни въ этически-религіозномъ смыслѣ. Эта своеобразная точка зрѣнія отчасти отразилась также на лечебныхъ совѣтахъ Гейнрота. Наравнѣ съ различными медицинскими средствами онъ, между прочимъ, рекомендуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ тѣлесныя наказанія, въ видѣ пощечинъ и розогъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію врача и даваемыхъ въ его присутствіи. Теоретическія воззрѣнія Гейнрота на помѣшательство имѣли въ Германіи большое значеніе и нашли тамъ многочисленныхъ послѣдователей. Но они вызвали также энергичный отпоръ со стороны другихъ выдающихся психіатровъ, которые опять впадали въ противоположную крайность и были склонны усматривать причины помѣшательства исключительно въ измѣненіяхъ внутреннихъ органовъ тѣла.

IV.

Въ срединѣ нашего столѣтія произошелъ крупный дальнѣйшій прогрессъ въ психіатріи, благодаря ученію французскаго врача Мореля о вырожденіи и значеніи наследственности для душев-

ныхъ болѣзней. Съ установленіемъ этого ученія, которое быстро достигло общаго признанія, вопросъ о природѣ душевныхъ болѣзней былъ приведенъ въ связь съ общими законами биологій и антропологій. Надо было считаться съ тѣмъ, что цѣлый классъ людей уже по условіямъ рожденія отличается особенностями мышленія, чувствованій и склонностей, создающими психопатическое предрасположеніе и влекущими за собой помѣшательство, совершенно независимо отъ вѣшнихъ условій и заболѣваній органовъ. Къ тому же времени въ Германіи появился гениальный Грингеръ, провозгласившій впервые положеніе, что душевныя болѣзани составляютъ интегральную часть болѣзней нервной системы и что прогрессъ психіатріи требуетъ совмѣстнаго, параллельнаго изученія проявленій помѣшательства и нервной системы. Дальнѣйшее видоизмѣненіе этой плодотворной идеи заключается въ сближеніи психіатріи съ анатоміей мозга, наиболѣе послѣдовательно проведенномъ недавно скончавшимся вѣнскимъ профессоромъ Мейнертомъ.

Каждое изъ этихъ ученій составляло эпоху въ психіатріи, и въ направленіи каждаго изъ нихъ произведено громадное количество точныхъ научныхъ изслѣдованій. На ряду съ ними накопился огромный матеріалъ клиническихъ наблюденій надъ душевно-больными, принадлежащихъ просвѣщеннымъ врачамъ и сдѣланныхъ съ помощью точныхъ, новѣйшихъ методовъ медицины. Притомъ, благодаря оживленію научной критики и международному обмѣну мыслей въ многочисленныхъ журналахъ, всѣ вновь добываемые факты быстро становятся общимъ достояніемъ всѣхъ школъ, и создается почва для объединенія ихъ. Научныя данныя, подвергшіяся такимъ образомъ всестороннему разсмотрѣнію и выдержавшія критику съ различныхъ точекъ зрѣнія, составляютъ содержаніе руководствъ, по которымъ учатся современные психіатры. Однако, несмотря на это блестящее положеніе, въ которомъ находится за послѣднія десятилѣтія изученіе душевныхъ болѣзней, мы все-таки и въ настоящее время не имѣемъ возможности дать отвѣтъ на вопросъ о сущности помѣшательства. Для того, чтобы понять причину этой невозможности, надо имѣть въ виду слѣдующія соображенія.

При изученіи биологическихъ явленій вообще замѣчается большое различіе въ успѣшности относительно такихъ, которыя допускаютъ примѣненіе эксперимента, и такихъ, для которыхъ нѣтъ другого метода изслѣдованія, кромѣ наблюденія. Въ послѣднихъ случаяхъ самыя явленія могутъ быть весьма точно описываемы, но проникновеніе въ ихъ сущность, рациональное пониманіе ихъ

встрѣчаетъ громадныя затрудненія и иногда становится возможнымъ лишь косвеннымъ путемъ, благодаря свѣту, проливаемому на нихъ изъ области другихъ явленій. Въ сферѣ медицинскихъ наукъ различныя болѣзни въ этомъ отношеніи находятся въ неодинаковыхъ условіяхъ. Есть такія области, въ которыхъ анализъ отдѣльныхъ патологическихъ явленій доступенъ лабораторному изслѣдованію, отдѣльные элементы могутъ быть изучаемы со всѣхъ сторонъ, сочетанія ихъ могутъ быть видоизмѣняемы искусственно, по желанію изслѣдователя, и благодаря этому тѣ сочетанія, которыя создаетъ природа въ видѣ отдѣльныхъ заболѣваній, могутъ быть оцѣниваемы болѣе или менѣе по существу. Въ такомъ счастливомъ положеніи въ настоящее время находятся лишь немногіе отдѣлы медицины — отчасти болѣзни пищеварительныхъ и дыхательныхъ органовъ, а также кровообращенія, функціи и расстройства которыхъ доступны точному физическому и химическому изслѣдованію; отчасти болѣзни различныхъ отдѣловъ нервной системы, доступныя проверкѣ и даже воспроизведенію путемъ животнаго эксперимента; и инфекціонныя заболѣванія, благодаря новѣйшимъ успѣхамъ бактериологіи, повидимому, приближаются къ такой стадіи разработки, на которой будетъ возможно рациональное пониманіе ихъ.

Наиболѣе далеки отъ такого совершенства душевныя болѣзни, и это вполне естественно. Сама нормальная психологія лишь недавно освободилась отъ оковъ метафизики, въ которыхъ она лежала вѣка, и мы почти вовсе не имѣемъ экспериментальныхъ средствъ для выясненія механизма, путемъ котораго возникаютъ патологическіе процессы въ душевной жизни. Психіатрія въ современномъ своемъ видѣ эксплуатируетъ для этой цѣли, насколько возможно, цѣлый рядъ данныхъ, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное отношеніе къ душевнымъ болѣзнямъ: и анатомія мозга, и физиологія нервной системы, и ученіе о нервныхъ болѣзняхъ, и антропологія, и психометрія — всѣ эти области знанія вовлекаются въ психіатрію и вносятъ свою долю въ рѣшеніе ея задачъ. Но такъ какъ ея объектъ — проявленія душевнаго расстройства — можетъ быть изучаемъ лишь путемъ наблюденія, то мы какъ бы все остаемся на поверхности ихъ и сущность ихъ намъ не дается.

Въ самомъ дѣлѣ, душевная дѣятельность индивидуума обнаруживается въ его настроеніи, рѣчахъ, поступкахъ, вообще поведеніи въ смыслѣ манеры держать себя, мимикѣ и т. д. По совокупности этихъ проявленій рѣшается вопросъ, представляетъ ли данный субъектъ душевную болѣзнь. При этомъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы рѣшеніе опиралось на несоот-

вѣтствіи данныхъ проявленій съ какой-нибудь принятой нормой душевной дѣятельности. Проявленія послѣдней у не душевнобольныхъ разнообразны въ столь необъятныхъ размѣрахъ, въ зависимости отъ возраста, пола, степени развитія и образованія, условій времени и мѣста, случайныхъ обстоятельствъ жизни и проч., что нѣтъ никакой возможности установить норму, отступленія отъ которой характеризовали бы помѣшательство. Конечно, въ относительномъ смыслѣ въ каждомъ конкретномъ случаѣ мы обозначаемъ извѣстные поступки какъ ненормальные, и вполне основательно. Но такое обозначеніе не имѣетъ ничего общаго съ опредѣленіемъ помѣшательства. Далеко не рѣдко случается, что субъекты, никакимъ образомъ не принадлежащіе къ душевнобольнымъ, совершаютъ самыя непостижимыя „сумасбродныя“ дѣяствія, обнаруживаютъ извращенный способъ мышленія, одержимы нелѣпыми идеями, вообще рѣзко отступаютъ отъ того, что мы при данныхъ условіяхъ справедливо считали бы нормой.

Ненормальныя проявленія душевной дѣятельности только тогда могутъ считаться доказательствомъ душевнаго расстройства, когда они составляютъ продуктъ болѣзненнаго измѣненія личности субъекта, его духовнаго „я“; и соотвѣтственно этому, когда имѣется на лицо подобное болѣзненное измѣненіе личности, мы принимаемъ у субъекта душевное расстройство, хотя бы внѣшнія проявленія душевной дѣятельности, поступки, рѣчи, вообще поведеніе его весьма мало отступали отъ нормы. Въ этой общепринятой теперь научной точкѣ зрѣнія на сущность помѣшательства кроется главный источникъ недоразумѣній, столь часто возникающихъ между психиатрами и профанами при опѣнкѣ психическаго состоянія лицъ, не представляющихъ полной, очевидной для всѣхъ картины помѣшательства и почему-нибудь подавшихъ поводъ къ сомнѣнію относительно ихъ душевнаго здоровья. Профаны въ такихъ случаяхъ чрезвычайно трудно мирятся съ тѣмъ фактомъ, что душевное расстройство совмѣстимо съ сохранностью логическаго мышленія, памяти, со способностью къ профессиональной дѣятельности. Съ другой стороны, опредѣленіе душевнаго расстройства, какъ болѣзни личности, вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ представленіе о частичномъ помѣшательствѣ, которое прежде культивировалось и психиатрами въ ученіи о такъ называемыхъ мономаніяхъ, а въ настоящее время еще держится въ умахъ профановъ въ видѣ допущенія такъ называемыхъ „*idées fixes*“. Подъ мономаніями разумѣли такія формы душевнаго расстройства, при которыхъ существуетъ будто бы исключительно въ одномъ направленіи болѣзненное влеченіе, напр., къ убійству,

самоубійству, поджогу и т. п., во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ субъектъ не обнаруживаетъ болѣзненныхъ явленій; въ настоящее время факты, подавшіе поводъ къ такому ошибочному ученію, получили совершенно другое освѣщеніе. Что касается такъ называемыхъ „*idées fixes*“, то подъ этимъ разумѣютъ обыкновенно, что человѣкъ „помѣшался“ на какой-нибудь опредѣленной идеѣ, т.-е., что его сужденія о предметахъ, относящихся къ этой идеѣ, ошибочны и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно занимаютъ его, обо всемъ же остальномъ онъ разсуждаетъ правильно и вообще въ другихъ отношеніяхъ вовсе не помѣшанъ. Этотъ предрасудокъ поводитъ на томъ, что въ весьма большомъ числѣ случаевъ душевное расстройство обнаруживается въ формѣ такъ называемаго первичнаго помѣшательства (*rapacité*), при которомъ долгое время сознание остается вполне яснымъ, настроеніе нормальнымъ, и главный симптомъ болѣзни заключается въ томъ, что въ мышленіи укрѣпляются отдѣльныя нелѣпыя идеи, первоначально ограниченныя тѣснымъ кругомъ предметовъ; такого рода бредъ, оставляя нетронутымъ логическое мышленіе, дѣйствительно представляется частичнымъ, но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобы душевная болѣзнь была только частичная, и болѣе глубокой анализъ подобныхъ больныхъ легко отыскаетъ и другія психическія уклоненія. Согласно этой точкѣ зрѣнія душевно-больные въ юридическомъ смыслѣ всѣ одинаково лишены тѣхъ свойствъ, по которымъ индивидуумъ является моральной личностью, т.-е. нравственно отвѣтственнымъ за свои поступки, совершенно независимо отъ формы, въ которой проявляется ихъ душевная болѣзнь; послѣднее имѣетъ исключительно медицинскій интересъ. Не надо только смѣшивать положенія о томъ, что не существуетъ частичнаго помѣшательства, съ двумя представленіями, которыя, повидимому, вытекаютъ изъ него, на самомъ же дѣлѣ ошибочны, а именно: во-первыхъ, многочисленныя проявленія психики у душевно-больныхъ могутъ вовсе не отличаться отъ нормы, о чемъ уже было упомянуто выше; а во-вторыхъ, существуетъ обширѣйшая область такихъ состояній, гдѣ нѣтъ ясно выраженаго патологическаго измѣненія личности, но гдѣ послѣдняя все-таки представляетъ различныя аномаліи, не позволяющія причислить ее къ нормальнымъ. Въ виду медленнаго, постепеннаго развитія большинства душевныхъ болѣзней понятно, что подобныя переходныя состоянія между здоровьемъ и болѣзнью должны встрѣчаться чрезвычайно часто.

Возвращаясь послѣ этого краткаго отступленія къ опредѣленію помѣшательства, какъ болѣзненнаго измѣненія нашего „я“, мы

должны прежде всего выяснить, что же такое это „я“? Надо замѣтить, что чрезвычайно трудно дать точное опредѣленіе этого понятія. Оно обозначаетъ ту совокупность данныхъ, благодаря которой каждый человѣкъ во все время его существованія является опредѣленнымъ индивидуумомъ и для него самого, и для всѣхъ, кто его знаетъ. Эта индивидуальность присуща человѣческой природѣ, и она составляетъ то постоянное, характеризующее каждого человѣка въ отдѣльности, что остается при анализѣ его за вычетомъ всѣхъ духовныхъ особенностей, обусловленныхъ воспитаніемъ, житейскимъ опытомъ, вліяніемъ среды и времени. Притомъ она обнимаетъ всю жизнь человѣка, начиная съ того момента ранняго дѣтства, когда впервые появляется самосознаніе, и эта протяженность „я“ ничуть не разрушается даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ теченіе жизни подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ человѣкъ—какъ говорятъ—переродился, преобразился. Понятіе индивидуальности вовсе не исключаетъ самыхъ крупныхъ перемѣнъ въ духовномъ строѣ человѣка, какъ происходящихъ постепенно, по мѣрѣ его физическаго, интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, такъ и совершающихся иногда быстро, подъ вліяніемъ потрясающихъ событій, преимущественно въ зависимости отъ воспріятія новыхъ нравственныхъ или религіозныхъ идей. И въ этихъ случаяхъ все-таки въ самосознаніи личности сохраняется преемственная связь стараго и новаго „я“, сколько бы они ни отличались другъ отъ друга чувстваваніями, влеченіями и міровоззрѣніемъ. Подъ вліяніемъ же болѣзни наступаютъ такіа измѣненія индивидуальности, которыя не имѣютъ подобной преемственной связи съ прежнимъ „я“ и при которыхъ является какъ бы чужое „я“, несвойственное данной личности, на мѣсто настоящаго; это, между прочимъ, выражается латинскимъ терминомъ „alienatus“ (помѣшанный), отъ „alienus“ (чужой).

Что же должно произойти въ человѣкѣ для того, чтобы могло случиться такое измѣненіе его духовной личности? Для того, чтобы приступить къ отвѣту на этотъ вопросъ, надо прежде всего имѣть въ виду, что понятіе о духовной личности, внутреннемъ „я“ есть абстракція, и что на самомъ дѣлѣ это „я“ встрѣчается исключительно въ видѣ живого, функционирующаго организма. Притомъ ближайшее, непосредственное отношеніе къ нему имѣетъ функція нервной системы, преимущественно головного мозга. Мы можемъ даже еще точнѣе опредѣлить субстратъ духовной жизни, локализируя ее въ корѣ мозговыхъ полушарій. Все это такіа общезвѣстныя и неоспоримыя положенія, на которыхъ нѣтъ надобности останавливаться. Затрудненія начинаются только съ

того момента, когда мы спросимъ, въ чемъ заключается та дѣятельность нервной системы вообще и мозга въ частности, благодаря которой совершается психическая жизнь? Я уже старался показать въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій ¹⁾, что эта дѣятельность нивоимъ образомъ не должна быть отождествляема съ физиологическими функціями мозга, насколько онѣ намъ извѣстны изъ экспериментовъ, какъ производимыхъ учеными въ лабораторіяхъ надъ животными, такъ и природою надъ человекомъ въ видѣ различныхъ мозговыхъ болѣзней. Тамъ же я выяснилъ, что душевныя болѣзни не должны быть отождествляемы съ болѣзнями мозга; хотя въ то же время мозгъ составляетъ субстратъ душевной жизни, и пораженія мозга нарушаютъ ее. Необходимо допустить, что въ дополненіе къ тѣмъ функціямъ, которыя мозгъ несетъ, какъ центральный органъ нервной системы, онъ обладаетъ еще специальными качествами, благодаря которымъ осуществляется психическая жизнь; хотя эти двѣ стороны мозговой дѣятельности тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой, но нарушенія ихъ далеко не всегда совпадаютъ. Даже глубокія измѣненія мозговой ткани, легко опредѣляемыя анатомическимъ и микроскопическимъ изслѣдованіемъ ея, не ведутъ за собой обязательно душевныхъ расстройствъ и, наоборотъ, во многихъ случаяхъ помъшательства отсутствуютъ замѣтныя анатомическія измѣненія мозга. Поэтому можно думать, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ душевное расстройство съ постоянствомъ совпадаетъ съ анатомическими измѣненіями мозговой ткани, послѣднія лишь косвенно составляютъ его причину, подавая поводъ къ нарушенію тѣхъ свойствъ мозга, на которыхъ зиждется психическая жизнь.

Каковы эти свойства—мы не знаемъ, точно также, какъ мы не знаемъ, благодаря какимъ свойствамъ извѣстная матерія является носителемъ жизни, въ то время, какъ другая безжизненна. Относительно жизненности вообще намъ извѣстно только, что она сопряжена съ особеннымъ химическимъ составомъ протоплазмы. Нельзя сомнѣваться, что и для психической жизни имѣетъ существенное значеніе сложнѣйшее химическое строеніе мозговыхъ тканей, къ сожалѣнію, еще весьма мало изученное. По всей вѣроятности это строеніе, благодаря его крайней сложности, легко подвергается нарушеніямъ, и при этихъ нарушеніяхъ появляются психическія расстройства. Нѣкоторыя указанія на такой способъ ихъ происхожденія даетъ, между прочимъ, роковое вліяніе такъ называемыхъ нервныхъ ядовъ на душевную дѣятельность, въ томъ

¹⁾ О значеніи мозговыхъ болѣзней для психологіи. Спб., изд. К. Риккера, 1892.

числѣ столь выдающееся значеніе алкоголізма для этиологій психозовъ. Но и безъ введенія отравляющихъ веществъ въ организмъ извнѣ, въ немъ могутъ происходить процессы, ведущіе къ самоотравленію, и нельзя отрицать и такого механизма развитія для нѣкоторыхъ формъ помѣшательства. Само собою разумѣется, что на ряду съ химическими измѣненіями состава мозговой ткани должны играть роль такжѣ: измѣненія кровообращенія и анатомическаго строенія мозга; но изслѣдованія въ этомъ направленіи, несмотря на ихъ обширность и фактическое богатство, до сихъ поръ были весьма мало продуктивны въ смыслѣ выясненія сущности помѣшательства. Можетъ быть, что изысканія въ области патологической химіи мозга въ этомъ отношеніи окажутся болѣе плодотворными.

П. РОЗЕНВАХЪ.

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

въ

АМЕРИКАНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Современная американская беллетристика имѣть двойное значеніе: во-первыхъ, она даетъ превосходное описаніе многихъ сторонъ современной американской жизни, такихъ сторонъ, которыя особенно трудно поддаются перу иностранныхъ путешественниковъ и изслѣдователей Новаго Свѣта; а во-вторыхъ, служитъ превосходнымъ образчикомъ того новаго настроенія, которое за самое послѣднее время начинаетъ охватывать все шире и шире и американское общество, и американскую литературу. „Не о хлѣбѣ единомъ живѣть будетъ человѣкъ“, сказалъ когда-то величайшій учитель міра, и эта великая истина начинаетъ овладѣвать умами и по сию сторону Атлантическаго океана. Извѣстно, что Старый Свѣтъ привыкъ упрекать Новый въ томъ, что въ немъ долларъ слишкомъ всемогущъ, что американскій народъ вообще склоненъ, въ погонѣ за наживой, упустить все остальное, все то, что высшая культура считаетъ лучшими, высшими сторонами человѣческой природы. Если представленіе это и было вѣрнымъ относительно первыхъ періодовъ американской исторіи, если оно, можетъ быть, отчасти вѣрно и до сихъ поръ относительно нѣкоторыхъ новѣйшихъ общинъ, еще не вполне справившихся съ вопросомъ о насущномъ хлѣбѣ, оно, конечно, не можетъ быть признано вѣрнымъ относительно большинства современнаго американскаго народа. Литература, какъ извѣстно, служитъ превосходнымъ зеркаломъ культуры и стремленій извѣстной націи; вполне удачное соединеніе тенденціозности и художественности дается

только немногимъ великимъ писателямъ, и произведенія такого рода появляются только очень рѣдко, — современная американская литература еще не выдвинула впередъ такихъ произведеній, — но цѣлая группа талантливыхъ молодыхъ писателей и писательницъ добросовѣстно и умѣло старается схватить тѣ новые пути мысли, то новое настроеніе, которое охватываетъ націю, и какъ тенденціозные, такъ и чисто художественные ихъ рассказы начинаютъ приобрѣтать все болѣе и болѣе существенное значеніе.

Рассказы Таизъ могутъ служить образчиками первыхъ; остальные — вторыхъ. Эти послѣдніе не имѣютъ въ себѣ ничего спеціально американскаго, исключая внѣшней обстановки и именъ — перемѣните ихъ, и они съ такимъ же успѣхомъ могутъ быть названы русскими, французскими, англійскими. Человѣческія страсти и побужденія вездѣ одинаковы, и художественность этихъ рассказовъ, высшее доказательство культурнаго состоянія литературы, окажется очевидной. Они лучше всякихъ описаній помогутъ читателю составить вѣрное понятіе объ умственной и нравственной жизни Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ націи, и о томъ огромномъ прогрессѣ, который здѣсь произошелъ и происходитъ.

Въ пишущемъ на англійскомъ языкѣ беллетристическомъ мірѣ происходитъ за самое послѣднее время чрезвычайно существенная перемѣна. Еще только двадцать, даже только пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Англія не только первенствовала безраздѣльно, но и ея приговоры относительно беллетристики всѣхъ другихъ говорящихъ на англійскомъ языкѣ странъ были окончательными, и одобреніе ея критики было совершенно необходимо для установленія литературнаго имени. Даже произведенія такихъ крупныхъ талантовъ, какъ Эдгаръ По и Бретъ Гартъ, оставались совершенно незамѣченными въ Америкѣ до тѣхъ поръ, пока англійская критика не обратила на нихъ вниманія и этимъ самымъ, такъ сказать, не указала американцамъ на ихъ значеніе. „Воронъ“ По долго не могъ найти пристанища ни въ одномъ литературномъ журналѣ; а лучший рассказъ Бретъ Гарта: „Счастье ревущаго стана“, былъ принятъ американскимъ редакторомъ только послѣ долгихъ споровъ и только когда въ журналѣ оказалось пустое мѣсто, которое рѣшительно нечѣмъ было пополнить. Лонгфелло, Брайантъ, Виттиръ — всѣ эти замѣчательные поэты Новаго Свѣта были, такъ сказать, открыты Англіей, признаны и патентованы ею — сами американцы какъ будто боялись признать ихъ

таланты, пока они не были удостоены английской критикой. Произведенія американскихъ беллетристовъ, особенно ихъ первыя попытки, обыкновенно появлялись въ лондонскихъ журналахъ и, уже только заручившись успѣхомъ по ту сторону океана, перепечатывались въ Америкѣ. Бостонскія и нью-іоркскія издательскія фирмы отправляли рукописи въ Англію и принимали или отвергали ихъ согласно полученнымъ оттуда отзывамъ. Американскій писатель-беллетристъ зависѣлъ безусловно отъ своего британскаго кузена-критика и былъ совершенно безпомощенъ безъ его одобренія. Ни Англія, ни сама Америка долго не могли отдѣлаться отъ того взгляда, которымъ руководствовались англійскіе государственные люди послѣдней половины прошлаго столѣтія на американскія колоніи того времени. Они думали, что колоніи эти были способны производить только сырьѣ, и что все то, что необходимо было для умственной, нравственной и художественной сторонъ ихъ жизни, могло быть снабжено только метрополіей; колоніи эти, будто бы, могли обезпечить только свою физическую жизнь; для духовной же имъ необходимы были руководство и помощь страны-матери. Устойчивость этого взгляда, очень выгодная во всѣхъ отношеніяхъ для Англій, и то обстоятельство, что онъ успѣлъ удержаться относительно беллетристики даже до послѣдней четверти XIX столѣтія, является особенно страннымъ, если принять въ соображеніе, что публицистика Америки давно не только совершенно освободилась отъ британскаго ига, но и еще съ вонца прошлаго столѣтія, со времени безсмертнаго публицистическаго спора между федералистами и сепаратистами, завоевала себѣ почетное мѣсто въ публицистической литературѣ англійскаго языка, осталась навсегда независимой и даже пользуется съ давнихъ поръ безусловнымъ въ ней превосходствомъ. Литература страны рѣзко раздѣлилась. Публицистика, съ боя завоевавшая свое мѣсто и значеніе еще со временъ революціи, шла съ тѣхъ поръ своимъ независимымъ американскимъ путемъ, выработала свои собственные, оригинальные приемы, успѣла выдвинуть многіе замѣчательные таланты и многочисленныя, чрезвычайно вліятельныя, органы печати: американская пресса уже въ теченіе цѣлаго столѣтія была силой не только въ самой Америкѣ, но и въ Англій и во всемъ говорящемъ на англійскомъ языкѣ мірѣ. Беллетристики же, наоборотъ, въ сущности не было совсѣмъ: еще только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ не существовало ни одного чисто американскаго литературнаго изданія, и англійскіе журналы не только преобладали, но и были единственнымъ пристанищемъ американскихъ писателей-беллет-

ристовъ. Если можно такъ выразиться, не существовало совсѣмъ мѣстнаго беллетристическаго общественнаго мнѣнія: публика все еще какъ будто думала, что она не доросла до пониманія и способности къ критической оцѣнкѣ художественнаго произведенія, и что санкція Стараго Свѣта въ этомъ отношеніи составляетъ существенную необходимость. То же замѣчалось и относительно искусствъ—живописи, скульптуры, даже, до известной степени, архитектуры. Еще только двадцать лѣтъ тому назадъ лучшіе, тогда очень немногіе, беллетристическіе американскіе журналы были полны произведеніями англійскихъ писателей и переводили съ нѣмецкаго и французскаго; Америка дольше всѣхъ странъ воевала противъ права литературной собственности, и только 1 іюля 1891 года, послѣ того, какъ началось возрожденіе ея беллетристики, и какъ непосредственный результатъ этого явленія, она применила къ европейскому международному союзу огражденія этого права (International copyright union).

За самое послѣднее время американская беллетристика не только страхнула съ себя ярмо необходимости британскаго одобренія, не только самостоятельно выдвинула впередъ многіе блестящіе беллетристическіе таланты, успѣвшіе завоевать себѣ почетную извѣстность во всемъ говорящемъ на англійскомъ языкѣ мѣрѣ, но и неудержимо захватываетъ все сильнѣе и сильнѣе самую Англію. Лучшіе американскіе беллетристическіе журналы не только безусловно отказываются печатать какіе бы то ни было переводы, но и беллетристъ-англичанинъ только съ большимъ трудомъ можетъ достать въ нихъ для себя мѣсто, и то подъ условіемъ исключительныхъ достоинствъ,—перепечатокъ же изъ англійскихъ изданій въ нихъ нѣтъ абсолютно. Мало того, журналы эти читаются въ самой Англіи *больше*, чѣмъ журналы англійскіе— всѣ они имѣютъ свои конторы въ Лондонѣ, и ихъ циркуляція въ Великобританіи за 1894 годъ превосходитъ въ ней циркуляцію англійскихъ журналовъ. Этотъ фактъ можетъ показаться читателю невѣроятнымъ—но онъ констатированъ много разъ англійскою пресою, и число экземпляровъ „Century“, „Scribner's“, „Harper's“ и нѣкоторыхъ другихъ американскихъ беллетристическихъ журналовъ, отправляемыхъ ежемѣсячно въ Англію, не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Объясняется это частію дешевизною этихъ журналовъ, ихъ безуворизненными, оригинальными иллюстраціями и типографскимъ превосходствомъ, но главнымъ образомъ, по моему мнѣнію, талантливостью многихъ современныхъ американскихъ беллетристовъ. Когда-то публицистика составляла единственную ихъ силу—и такъ какъ занималась она преимуще-

ственно мѣстными вопросами, то, конечно, и не могла имѣть большого значенія для англичанина; художественный талантъ беллетриста, обнимающій человѣческую натуру вообще и напоминающій о мѣстности только именами и описаніями, имѣеть совершенно другое значеніе, и современная Англія несомнѣнно, хотя можетъ быть и невольно, отдастъ этимъ талантамъ полную справедливость, зачитываясь ихъ произведеніями въ ущербъ своимъ собственнымъ писателямъ. Современная англійская печать болѣзненно часто возвращается къ этому предмету, ясно доказывая этимъ, что британская гордость начинаетъ невольно страдать отъ этого безспорнаго, явнаго современнаго превосходства ненавистнаго ей съ давняго времени явни даже на поприщѣ чистаго искусства. Особенно горькой пилюлей оказалось для англичанъ перерожденіе лондонскаго журнала „Pall Mall Magazine“, когда-то пользовавшагося извѣстнымъ вліяніемъ и значеніемъ, но, со времени возникновенія конкуренціи американскихъ журналовъ на англійской почвѣ, быстро пришедшаго-было въ упадокъ, пока, въ прошломъ году, за него не взялся кровный американецъ, John Jacob Astor, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и тароватыхъ людей Новаго Свѣта: онъ ввелъ американскіе методы, пригласилъ въ участію въ журналѣ американскихъ писателей, и журналъ не только быстро всталъ на ноги, но и вдругъ приобрѣлъ огромную циркуляцію и, затѣмъ, передовое мѣсто въ рядахъ лондонской журналистики.

Вышесказаннаго достаточно, чтобы показать читателю, что одной изъ главныхъ причинъ такого рѣшительнаго переворота несомнѣнно послужили современные американскіе литературные журналы. Беллетристическіе таланты были въ Америкѣ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; но мѣстная журналистика относилась къ нимъ иначе, находясь, такъ сказать, въ крѣпостной зависимости отъ англійской критики, а общественное мнѣніе было или недостаточно сильнымъ, или, что вѣрнѣе, недостаточно заинтересованнымъ въ дѣлѣ, и безмолвно подчинялось британскому игу. Американскіе журналы всегда были нѣсколько своеобразны, отличаясь, въ общемъ, отъ европейскихъ изданій того же характера — а со временъ эмансипаціи отъ британскихъ вліяній они еще рѣзче уклонились отъ шаблонныхъ путей и въ настоящую минуту носятъ совершенно исключительный характеръ. Политика, какъ внѣшняя, такъ и, особенно, внутренняя, имъ совершенно чужда и они чрезвычайно тщательно сохраняютъ въ этомъ отношеніи самый положительный нейтралитетъ. Для политики существуетъ ежедневная пресса — литературный журналъ ея никогда не касается, и, какъ бы сильно ни было возбужденіе страстей,

онъ неуклонно оставляетъ ее въ сторонѣ. Поэтому у американскихъ литературныхъ журналовъ и нѣтъ никакой опредѣленной фizioноміи, нѣтъ того, что въ Россіи называется „направленіемъ“; не давая ни внутреннихъ обзорѣній, ни общественной хроники, они являются безличными служителями и носителями чисто художественныхъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, научныхъ интересовъ страны. Это чисто литературные или литературно-научные органы, безъ всякихъ тенденцій или политически-общественныхъ склонностей въ ту или другую сторону, а потому ихъ читаетъ вся страна, и ихъ успѣхъ или неуспѣхъ совсѣмъ не зависитъ отъ того, какое вѣяніе преобладаетъ въ данный моментъ, а исключительно отъ художественной талантливости и научнаго или описательнаго интереса ихъ содержанія. Они не могутъ выѣзжать ни на дешевомъ либерализмѣ, ни на сугубомъ консерватизмѣ, ни на цинической сенсаціонности въ ту или другую сторону—необходима внутренняя доброта, *intrinsic value*, какъ выражаются дѣловитые американцы. Американскіе литературные журналы не раздѣляются на лагеря, голубые, красные или пестрые, смотря по личности ихъ редакторовъ и составу сотрудниковъ—всѣ они на одинъ манеръ, одного цвѣта и пошиба, въ нихъ никогда не попадается такихъ статей или иногда даже отдѣльных фразъ, по которымъ бы можно было опредѣлить, въ какомъ именно журналѣ онѣ напечатаны. Демократъ, республиканецъ и популистъ, банкиръ и чернорабочій, губернаторъ, судья и полицменъ получаютъ одни и тѣ же журналы, и никакъ нельзя опредѣлить внутренній обликъ читателя по тому, какіе литературные журналы онъ выписываетъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ они—одинаковаго достоинства, приноровлены въ одинаковому умственному уровню и требуютъ отъ читателя одинаковыхъ развитія и культурности; въ этомъ направленіи между ними существуетъ почти безконечная разниа, и смотря по получаемому читателемъ журналу, можно всегда судить объ его умственномъ и нравственномъ уровнѣ, хотя и невозможно опредѣлить, въ какому лагерю онъ принадлежитъ и каковы его политическія и политико-экономическія убѣжденія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, и заключается самая существенная разниа между американскими и европейскими, въ особенности русскими, литературными журналами. Какъ результатъ, является и существенная разниа въ организаціи редакціонныхъ силъ. У американскаго литературнаго журнала имѣется редакторъ и у него нѣсколько сотрудниковъ—всѣ они для чтенія и оцѣнки предлагаемыхъ журналу рукописей, а не для составленія статей. У американскихъ лите-

ратурныхъ журналовъ нѣтъ сотрудниковъ въ европейскомъ и, въ особенности, въ русскомъ смыслѣ этого слова. Насколько мнѣ извѣстно, почти единственное серьезное исключеніе составляли статьи покойнаго Куртиса, редактора „Scribner's“, статьи, появлявшіяся ежемѣсячно въ концѣ книжекъ этого журнала и трактовавшія всевозможныя темы общественнаго характера, никогда, впрочемъ, не касаясь политики; со смертью Куртиса и въ „Scribner's“ эти статьи замѣтно съузились и, вѣроятно, скоро совсѣмъ прекратятся, такъ какъ публика не станетъ ихъ читать: она читала Куртиса, какъ особенно талантливое исключеніе, но едва ли будетъ читать его неизвѣстныхъ преемниковъ, такъ какъ для этого существуетъ ежедневная пресса; ежемѣсячные журналы она считаетъ слишкомъ неповоротливыми, слишкомъ рѣдко появляющимися для того, чтобы съ успѣхомъ заниматься злобой дня.

Приблизительно около половины содержанія литературныхъ журналовъ составляютъ беллетристика, рассказы, повѣсти, романы; другая половина—статьи популярно-научнаго, описательнаго или публицистическаго характера, и громадное большинство ихъ принадлежатъ не перу заправскихъ писателей, присяжныхъ литераторовъ, а людей по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, берущихся за перо только изрѣдка, обыкновенно разъ въ жизни, только чтобы написать извѣстную статью, изложить свой взглядъ на извѣстное событіе или на извѣстную общественную проблему. Заурядный американецъ полагаетъ, что какъ ни существенны въ литературномъ произведеніи изящество формы, умѣлость изложенія и писательская опытность, но не менѣе важны и практическое знаніе дѣла, личный опытъ, личные наблюденія,— что какъ ни желательны ширина взгляда и философское, отвлеченное отношеніе къ извѣстному предмету опытнаго кабинетнаго дѣятеля, но точность деталей, всестороннее пониманіе относительной ихъ важности и ихъ относительнаго значенія при различныхъ обстоятельствахъ могутъ быть извѣстны только практическому дѣльцу, и что его взглядъ на дѣло и его личное отношеніе къ извѣстному предмету, вытекающіе изъ практической всесторонней оцѣнки, нерѣдко дадутъ болѣе яркую, болѣе осазательную картину существа дѣла, несмотря на возможные промахи чисто литературнаго характера. Выдающійся государственный человѣкъ или политическій дѣятель, опытный судья, значительный фабрикантъ, старый банкиръ—всѣ они, конечно, достаточно интеллигентны для того, чтобы быть въ состояніи написать тольковъ журнальную статью о специально извѣстномъ имъ предметѣ заурядный аме-

риконецъ думаетъ, что всякій мало-мальски развитый человѣкъ *долженъ* владѣть перомъ настолько, чтобы изложить понятно извѣстный фактъ, относительно котораго онъ почему-либо знаетъ больше всѣхъ другихъ, извѣстное событіе, въ разрѣшеніи котораго такъ или иначе онъ принималъ личное, непосредственное участіе, и что такое изложеніе освѣтитъ и уяснитъ его лучше, чѣмъ это можетъ сдѣлать самый талантливый присяжный литераторъ, пишущій по слухамъ и, благодаря своему умѣнью писать, иногда неволью извращающій суть дѣла своей сильной индивидуальностью.

Благодаря всему этому, популярно-научная, описательная и публицистическая часть книжекъ американскихъ литературныхъ журналовъ полна самыми разнообразными предметами, и въ каждой книжкѣ попадаетъ вѣскольکو новыхъ, совершенно никому неизвѣстныхъ именъ авторовъ, которые никогда прежде ничего не писали и, вѣроятно, никогда больше ничего не напишутъ. Вся ихъ писательская дѣятельность ограничивается единственной статьёй; почему-либо они оказались людьми, могущими дать наиболѣе обстоятельное описаніе чего-нибудь, сдѣлали это, и затѣмъ опять навсегда погрузились въ неизвѣстность. Что статьи такого случайнаго, не присяжно-литераторскаго характера чрезвычайно полезны и имѣютъ самое существенное значеніе для всесторонняго развитія читателя,—не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Америка и въ этомъ отношеніи высказалась самымъ положительнымъ образомъ противъ аристократизаціи знанія, противъ монополіи занятій; хотя запасъ знаній въ ней и не великъ, но онъ распространенъ равномерно по всему населенію, и какъ мало въ ней людей, не имѣющихъ понятія, на примѣръ, объ управленіи паровой машиной, такъ же мало и такихъ, которые не умѣли бы только изложить письменно извѣстный фактъ, извѣстное событіе. Я позволю себѣ привести по этому поводу маленькую иллюстрацію. Я принадлежу къ извѣстному кружку непосредственныхъ моихъ сосѣдей по дому, кружку, не имѣющему ни устава, ни какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей, собирающемуся разъ въ недѣлю въ частномъ домѣ для обмѣна мыслей; въ кружкѣ этомъ около двадцати постоянныхъ членовъ, мужчинъ и женщинъ, и между ними нѣтъ рѣшительно ни одного, который не писалъ бы чего-нибудь, хотя ни одинъ изъ нихъ никогда не былъ и никогда не будетъ писателемъ по профессіи. Одинъ членъ, адвокатъ, усердно занимается телепатіей и пописываетъ стишки и мелкіе рассказы; другой—дама, сама страпающая для всего семейства, написала очень дѣльную статью по поводу трактата между С. А. С. Штатами и Японіей—статью, переведенную на

японскій языкъ и произведшую извѣстное впечатлѣніе; третій, портной, носится съ Гербертомъ Спелсеромъ и уже нѣсколько лѣтъ работаетъ надъ комментаріями къ нему; четвертый—дѣвушка, написала нѣсколько очень недурныхъ статей по социологіи; пятый, нѣмецъ, пишетъ книгу о совмѣстности спиритуализма съ рационализмомъ; шестой... но и этого, вѣроятно, достаточно.

Чтобы уяснить значеніе и сферу этой „случайной“ литературы, я приведу слѣдующіе примѣры. Года два тому назадъ губернаторъ штата Иллинойсъ помиловалъ нѣсколько осужденныхъ въ 1887 году за хэй-маркетскія убійства на пожизненное тюремное заключеніе анархистовъ. Общественное мнѣніе по всему Союзу было страшно возбуждено этимъ помилованіемъ, и вся страна раздѣлилась на два чрезвычайно враждебные лагеря. Журналъ „Century“ обратился къ предсѣдательствовавшему во время разбора дѣла судѣ Гари за статьей. Тотъ согласился, и написалъ превосходную картину всего дѣла: статья была роскошно иллюстрирована портретами его самого, прокурора, защитниковъ, обвиняемыхъ, всѣхъ присяжныхъ, картинами суда, памятника убитымъ, сценами убійства, и т. д., и своимъ ровнымъ, безпристрастнымъ, чисто судейскимъ характеромъ произвела такое громадное впечатлѣніе, что всѣ споры прекратились и не осталось ни тѣни сомнѣнія относительно того, на чьей сторонѣ была истина.

Въ Америкѣ вся торговля производится по образчикамъ, и качество товара должно быть извѣстно какъ покупателю, такъ и продавцу, и по поводу этого качества между ними не должно быть ни малѣйшаго разногласія. Почти единственнымъ исключеніемъ, не поддающимся заблаговременному опредѣленію, оказывается живой скотъ, преимущественно лошади. Американскіе лошадиные барышники очень недалеко ушли отъ русскихъ цыганъ конскихъ ярмарокъ, и общественное мнѣніе нынче зимой почему-то особенно занялось этимъ вопросомъ. Тотъ же журналъ разыскалъ стараго, опытнаго, пользующагося репутаціей безусловной добросовѣстности лошадиного барышника, и тотъ написалъ обширную статью, въ которой изложилъ всѣ продѣлки, всѣ уловки, практикуемыя въ этой торговлѣ; статья была очень удачно иллюстрирована и произвела большую сенсацію.

Когда армія спасенія (Salvation Army), это теперь болѣе чѣмъ стотысячное въ Америкѣ дѣтище англичанина Бутса (Booth), начала одолевать и американскій народъ, журналъ „Harper's“ обратился къ архи-дьякону Фаррару, извѣстному англичанину епископалу, теологу, за специальной статьей по этому предмету—и американскій народъ узналъ все, что ему интересно было знать

объ этомъ явленіи, не только изъ первыхъ рукъ, но и отъ лица, въ данный моментъ наиболѣе компетентнаго судить о немъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы вполне уяснить дѣло, и я прибавлю только, что каждая книжка важнаго журнала непременно содержитъ двѣ, три, а то и цѣлую полдюжину подобныхъ статей. Главной задачей журнала въ этихъ случаяхъ является разысканіе самаго подходящаго человѣка, такого лица, личное мнѣніе котораго въ данный моментъ является почему-либо наиболѣе интереснымъ, рѣшающимъ дѣло наиболѣе безпристрастно и всесторонне, и чей вердиктъ будетъ обладать достаточнымъ для публики авторитетомъ.

Статьи описательнаго и научно-популярнаго характера опять-таки весьма своеобразны, особенно для русскаго читателя. Журналъ выбираетъ какой-нибудь предметъ, напр. столицы государствъ, національныя арміи, извѣстную школу живописи, извѣстное историческое лицо, извѣстную общественную проблему, извѣстную ученую теорію, и даетъ цѣлый рядъ статей, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльное цѣлое и всегда закончена въ одной книжкѣ. Ни одно выдающееся событіе въ сферѣ науки, искусствъ, общественной жизни не пройдетъ незамѣченнымъ и не останется безъ нѣсколькихъ статей, рассматривающихъ его съ различныхъ точекъ зрѣнія именно тѣми людьми, которые или вызвали ихъ къ жизни, или почему-либо имѣютъ рѣшающее на нихъ вліяніе. Такія статьи всегда иллюстрированы оригинальными рисунками и портретами. Такъ „Harper's“ далъ блестящее описаніе всѣхъ европейскихъ столицъ, затѣмъ всѣхъ европейскихъ армій, — каждая статья была написана отдѣльнымъ авторомъ; онъ же далъ цѣлый рядъ описаній slums, то есть бѣдныхъ кварталовъ всѣхъ американскихъ большихъ городовъ. „Cosmopolitan“ далъ рядъ описаній „великихъ историческихъ страстей“, начиная съ любви; „Scribner's“ — чрезвычайно яркое описаніе современныхъ транс-океанскихъ пароходныхъ линій. „Century“ пригласилъ двухъ бывшихъ частныхъ секретарей президента Линкольна сообщить публикѣ все, что они о немъ знали — и въ результатѣ получилась цѣлая серія статей, тянувшаяся нѣсколько лѣтъ и давшая безспорно лучшую до сихъ поръ характеристику одного изъ величайшихъ людей текущаго столѣтія. Секретари эти — обыкновенные клерки, никогда, вѣроятно, и не помышлявшіе о томъ, чтобы когда-либо сдѣлаться писателями; но они ближе кого бы то ни было другого знали Линкольна, знали всѣ его частныя, секретныя дѣла и сношенія, нерѣдко самыя помышленія, завѣдывали всею его частной корреспонденціей, присутствовали при многихъ чрезвы-

чайно важных свиданіяхъ и аудіенціяхъ, благодаря своему положенію, лучше кого бы то ни было другого имѣли возможность выскнуть во всѣ самые сокровенные изгибы его души, во всѣ скрытыя для всей остальной публики стороны его характера—и хотя у нихъ и не было знаній и подготовки кабинетныхъ ученыхъ, они своимъ ежедневнымъ сопознаніемъ съ нимъ, всѣми своими чувствами и способностями знали его точно и ясно, и оказались въ состояніи дать такую осязательную картину, которая была бы совершенно невозможна даже самому гениальному кабинетному историку и пропала бы безслѣдно для будущихъ поколѣній. „Mc Clure's“, одинъ изъ самыхъ молодыхъ американскихъ литературныхъ журналовъ, избралъ своей спеціальностью біографіи разныхъ знаменитостей, умершихъ и живыхъ, и ихъ портреты. Такъ онъ далъ до полутораста портретовъ Наполеона I, собралъ всѣ извѣстные существующіе оригиналы со всѣхъ концовъ земного шара; затѣмъ Гладстона; одного изъ выдающихся претендентовъ на назначеніе республиканской партіей въ президенты, бывшего спикера федеральной палаты представителей, Томаса Рида, и многихъ другихъ. Онъ досталъ портреты этихъ дѣятелей, начиная съ дѣтскаго возраста, и, такъ сказать, представляетъ ихъ читателю, каковы они были дѣтми, молодыми людьми, въ періоды возмужалости и старости, давая постепенную картину челоуѣка во всѣ періоды его развитія.

За самое послѣднее время появился новый родъ описаній—описаній образа жизни, привычекъ, методовъ работы и всей обстановки у выдающихся современныхъ общественныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ. Авторъ беретъ, напримѣръ, выдающагося министра, извѣстнаго писателя, ученаго или дѣльца, даетъ его портретъ, портреты его жены и дѣтей, картину дома, въ которомъ онъ живетъ, комнаты, въ которой онъ работаетъ, описываетъ его ежедневныя привычки, чтъ онъ ѣстъ, во чтъ одѣвается, какъ говорить, какъ относится ко всему окружающему. Посредствомъ такихъ описаній публика знакомится съ тѣми людьми, которые почему-либо въ данный моментъ особенно ее занимаютъ, и бываетъ въ состояніи объяснить себѣ, почему они дѣйствуютъ или пишутъ именно такимъ образомъ. Люди, вліяющіе своей сильной индивидуальностью на челоуѣчество, дѣлаются такимъ образомъ болѣе близкими, болѣе понятными, и получается возможность судить о томъ, почему именно они пользуются этимъ вліаніемъ.

Благодаря всѣмъ этимъ особенностямъ, сфера вондѣйствія американскихъ литературныхъ журналовъ на читателя совсѣмъ иная, чѣмъ, напр., въ Россіи. Тогда какъ въ смыслѣ уясненія государ-

ственной и общественной жизни она очень узка, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она гораздо шире и, благодаря своимъ своеобразнымъ методамъ, гораздо больше, гораздо рѣвче влияетъ на общее развитіе читателей, на расширеніе ихъ умственного кругозора. Статьи самихъ активныхъ дѣятелей гораздо авторитетнѣе, гораздо понятнѣе, гораздо ближе къ обыкновенному смертному, чѣмъ статьи безъимянныхъ сотрудниковъ или писателей по профессіи. Кромѣ того, въ общемъ, онѣ гораздо короче, компактнѣе, почти всегда совершенно свободны отъ общихъ мѣстъ и больше to the point. Размѣры статей американскихъ литературныхъ журналовъ въ общемъ гораздо меньше, чѣмъ, напр., въ русскихъ. Въ десяти листахъ мѣсячнаго выпуска читатель найдетъ никакъ не меньше 25, иногда 35 отдѣльныхъ статей; зато онѣ неизвѣнно тщательно обработаны въ томъ смыслѣ, что въ нихъ нѣтъ ни одного лишняго слова, ни одной ненужной фразы. Само собой разумѣется, что этому чрезвычайно способствуетъ безусловная свобода печати, возможность писать прямо, безъ всякихъ обиняковъ и приспособленій. Номеръ журнала всегда очень разнообразенъ, и содержаніе статей не разбавляется водой, чтобы довести размѣры книжки до опредѣленнаго объема.

Бумага и типографская техника американскихъ литературныхъ журналовъ доведены до изумительнаго совершенства. Опечатка совершенно неизвѣстна. Вообще, что касается наружнаго вида, они не только далеко превосходятъ французскія и нѣмецкія изданія того же характера, но и безспорно лучше англійскихъ. И все-таки конкуренція между ними такъ велика, желаніе перецѣловать соперниковъ такъ сильно, что чуть ли не каждый мѣсяцъ то въ томъ, то въ другомъ изданіи вводятся существенныя улучшения, — трудно предвидѣть, на чемъ они останутся.

На изданіе американскаго литературнаго журнала требуется затрата огромнаго капитала. Всѣ большіе журналы помѣщаются въ своихъ собственныхъ, громадныхъ, роскошныхъ зданіяхъ, выстроенныхъ съ спеціальной цѣлью помѣщать ихъ, имѣютъ свои собственные типо-, лито-, фото- и хромофотографіи, фототипіи и граверныя, и содержатъ по нѣскольку сотъ рабочихъ. Всѣ они, кромѣ журнальнаго дѣла, занимаются и книгоиздательствомъ на большую ногу. Въ общемъ, большой американскій литературный журналъ является громаднымъ торгово-промышленнымъ предприятиемъ, требующимъ для успѣха, помимо литературныхъ силъ, и большой дѣловитости, и промышленной прозорливости. На нихъ можно и нажить, и потерять цѣлыя милліоны.

Циркуляція американскихъ литературныхъ журналовъ гро-

мадна—больше десятка выходитъ въ числѣ свыше ста тысячъ экземпляровъ, а два-три перевалили полумиллионную цифру. Цѣна въ годъ съ пересылкой отъ одного доллара („Godey's“, „Munsey's“), полутора („Cosmopolitan“, „Mc Clure's“) до трехъ („Scribner's“) и четырехъ („Harper's“, „Century“). За эту цѣну журналъ даетъ отъ 8 до 15 печатныхъ листовъ большого формата и очень убористой печати въ мѣсяць, и отъ 500 до 800 превосходныхъ гравюръ и иллюстрацій въ годъ.

Говоря объ американскихъ литературныхъ журналахъ, рѣшительно невозможно не упомянуть объ ихъ иллюстраціяхъ, такъ какъ онѣ составляютъ неотъемлемую ихъ принадлежность, и несомнѣнно въ значительной степени споспосбствуютъ ихъ феноменальному распространенію. Немало такихъ читателей, которые, только благодаря имъ, и покупаютъ книжку журнала; и, заинтересовавшись рисунками, прочтутъ ту или другую статью. Въ техническомъ отношеніи иллюстраціи эти достигли изумительной степени совершенства, и литературные журналы употребляютъ только самые послѣдніе, самые лучшіе способы; гравированіе на деревѣ уже давно перешло исключительно въ область ежедневной печати, а ежемѣсячныя изданія щеголяютъ одно передъ другимъ и артистами, и техникой. Между портретистами особенной популярностью и успѣхомъ пользуется русскій художникъ Валерьянъ Грибоѣдовъ; между иллюстраторами-жанристами—Рейнгардтъ, Кастънъ, Чэпинъ, Гибсонъ; военнаго быта Запада и индѣйцевъ—Фредрикъ Ремингтонъ. Нерѣдко попадаются цѣлые рассказы, написанные исключительно для того, чтобы выпустить въ свѣтъ извѣстную, особенно интересную серію иллюстрацій; вообще имъ придается гораздо больше важности, чѣмъ въ европейскихъ изданіяхъ того же рода, и ихъ значеніе въ смыслѣ наилучшаго достигающаго массы способа въ развитію въ нихъ здоровыхъ художественныхъ вкусовъ чрезвычайно существенно и заслуживаетъ всякаго вниманія.

Только очень незначительная, сравнительно, часть американскихъ литературныхъ журналовъ расходится по годичной подпискѣ; большинство, въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигающее $\frac{3}{4}$ цѣлаго, расходится въ розничной продажѣ. Въ Америкѣ нѣтъ ни одного самаго незначительнаго мѣстечка, ни одной желѣзнодорожной или почтовой станціи, гдѣ бы нельзя было купить любого номера любого журнала. „American News Co“, особая акціонерная компанія, охватывающая весь Союзъ, имѣетъ своихъ агентовъ на всякомъ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, на всякомъ пароходѣ, во всякой значительной гостинницѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и газетныхъ будкахъ страны. Публикѣ дается возможность

купить отдѣльный номеръ любого изданія— „Munsey's“ по 10 центовъ, „Cosmopolitan“ по 15, „Scribner's“ по 25, „Century“ по 35— по одной и той же цѣнѣ по всему Союзу; расходы и хлопоты по пересылкѣ и комиссиі книгъ совсѣмъ публики не касаются и составляютъ предметъ соглашенія между изданіями и „American News Co“ посредствомъ вычетовъ въ пользу послѣдней изъ объявленной разъ навсегда цѣны отдѣльной книжки. Несомнѣнно, что баснословные, непонятные русскимъ журналисту и читателю, размѣры циркуляціи объясняются въ значительной степени этими удобствами добыванія книжекъ. Я хорошо помню гдѣ безчисленные митарства, сквозъ которыхъ, живя въ какомъ-нибудь захолустьѣ, приходилось проходить въ Россіи, чтобы получить какую-нибудь отдѣльную книжку журнала. Нужно было или подписаться на цѣлый годъ, или платить чуть ли не двойную цѣну; нужно было посылать въ почтовую контору, можетъ быть за пятьдесятъ верстъ, чтобы послать деньги, вообще хлопотать и возиться иной разъ цѣлый мѣсяць, пока получалось желаемое. Если бы эти книжки были болѣе доступны; если бы онѣ имѣлись хотя бы въ уѣздныхъ, что-ли, городахъ, если бы онѣ стоили пятнадцать, двадцать-пять коп., а не полтора, два рубля,—не подлежитъ сомнѣнію, что циркуляція журналовъ пошла бы впередъ гигантскими шагами: то, что подъ бокомъ и дешево, само собою разумѣется, быстро входитъ во всеобщее употребленіе и становится насущной потребностью, тогда какъ то, что далеко и дорого, неизбежно кажется легко обходимой роскошью.

Во главѣ американскихъ литературно-научныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ долгое время безспорно стоялъ „Scribner's Monthly Magazine“, или ежемѣсячный журналъ Скрибнера, названный такъ въ честь своего основателя. Это—самый старый изъ современныхъ американскихъ беллетристическихъ журналовъ, издается уже лѣтъ сорокъ пять, безостановочно, за исключеніемъ пятилѣтней пріостановки въ началѣ семидесятыхъ годовъ, происшедшей по соглашенію съ только-что основаннымъ тогда журналомъ „Century“, о которомъ я буду говорить ниже. Редакторомъ „Scribner's“ долгое время былъ Вильямъ Куртисъ (W. Curtis), замѣчательно талантливый и безукоризненно честный публицистъ, умершій года два тому назадъ. Своимъ безусловнымъ значеніемъ въ дѣлѣ возрожденія американской беллетристики „Scribner's“ обязанъ именно ему. Очень многіе—почти всѣ—современные выдающіеся американскіе беллетристическіе таланты или начали свое писательское поприще на его страницахъ, или были имъ своевременно поддержаны. „Scribner's“ первый бросилъ перчатку англійской критикѣ,

англійскому суду надъ американскими талантами, и первый сумѣлъ отвоевать свою независимость съ успѣхомъ и тѣмъ доказать самой Америкѣ, что она уже переросла періодъ ребячества въ беллетристику. Въ настоящее время журналъ этотъ по распространенію занимаетъ далеко не первое мѣсто, — многіе, можетъ быть до десяти изданій, давно перегнали его, — тѣмъ не менѣе онъ пользуется большимъ уваженіемъ, и его страницы открыты только дѣйствительно первокласснымъ талантамъ. Лучшія произведенія Джорджа Хиббарда, Октава Тана, Ричарда Дэвиса, Роберта Гранта и десятковъ другихъ писателей появлялись и появляются на нихъ.

„Scribner's“ всегда отличался безусловнымъ отсутствіемъ всякой сенсаціонности во всѣхъ направленіяхъ. Благодаря этому, въ самое послѣднее время онъ какъ будто нѣсколько затеръ, какъ будто отодвинулся на задній планъ — *a little too slow*, какъ выражаются американцы. Къ сожалѣнію, сенсаціонность, эти *sine qua non* современной американской публицистики, начинаетъ закрадываться и въ беллетристику, и серьезно заразила нѣкоторые солидные таланты; сторонящимся отъ нея изданіямъ приходится до извѣстной степени страдать отъ этого, особенно относительно распространения. „Scribner's“ въ настоящее время стоитъ во главѣ этихъ изданій, и въ извѣстномъ смыслѣ утратилъ свою популярность восьмидесятыхъ годовъ.

По размѣру „Scribner's“ нѣсколько меньше другихъ журналовъ того же характера, выходя всего въ числѣ 8 или 9 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, и въ немъ нѣтъ юмористическаго отдѣла, а за послѣднее время, со смертію Куртиса, и редакторскій отдѣлъ, называемый въ немъ *editor's easy chair*, значительно уменьшился и утратилъ прежній интересъ и значеніе. Стоитъ онъ три доллара въ годъ съ пересылкой, и всегда безукоризненно иллюстрированъ лучшими американскими художниками.

Дѣлу завоеванія независимости американской беллетристики сослужилъ немалую службу и „Harper's monthly Magazine“, одинъ изъ самыхъ старыхъ, почтенныхъ и распространенныхъ литературно-научныхъ журналовъ Новаго Свѣта. Онъ — одинъ изъ немногихъ, принадлежащихъ не акціонерной компаніи, а частной торговой фирмѣ братьевъ Харперовъ, издательская дѣятельность которой издавна стоитъ во главѣ книжнаго дѣла въ Америкѣ. За-одно съ ежемѣсячнымъ журналомъ, Харперы издають и еженедѣльную литературно-политическо-общественную газету „Harper's Weekly“, также очень распространенную и пользующуюся значительнымъ вліяніемъ въ извѣстныхъ политическихъ сферахъ, хотя она и не чужда нѣкотораго партизанства и по временамъ даже впадаетъ

въ крайности. Какъ научно-описательный, такъ и беллетристическій отдѣлы „Harper's Monthly“ крайне разнообразны и выбираются съ особенной тщательностью. Нѣкоторые особенно талантливые молодые беллетристы, какъ Дэвисъ и Вистеръ, пишутъ почти исключительно для этого журнала. Онъ же, чаще другихъ, занимается европейскими и вообще заграничными описаніями, и далъ особенно много статей по изслѣдованію южной Америки.

Одними изъ самыхъ блестящихъ отдѣловъ въ „Harper's Monthly“ являются юмористическій и карикатурный, которымъ въ немъ обыкновенно отводится больше мѣста, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ того же характера. Нельсонъ Паджъ, какъ юмористъ, и Джорджъ дю-Морье (авторъ надѣлавшаго такого шума въ прошломъ году романа „Трильби“), какъ карикатуристъ, придаютъ этимъ отдѣламъ особенный блескъ и интересъ. Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ современныхъ американскихъ критиковъ, Хиттонъ (Lawrence Hutton), уже много лѣтъ завѣдуетъ въ немъ критическимъ отдѣломъ, очень обстоятельнымъ и полнымъ, обыкновенно отсутствующимъ въ другихъ журналахъ; а главный редакторъ, Ворнеръ (Charles Dudley Warner), считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ, и его ежемѣсячныя статьи читаются съ большимъ интересомъ.

„Century“ — безспорно самый распространенный литературно-научный ежемѣсячный журналъ всего міра. Его циркуляція давно достигла и перешагнула полумиллионную цифру. Онъ основанъ въ 1870 году, по соглашенію съ редакціею прекратившагося на время „Scribner's Monthly“, и съ тѣхъ поръ издавался и редактировался сначала Холландомъ, потомъ Смитомъ, а въ самое послѣднее время акціонерной компаніей, „The Century Co“, подъ предсѣдательствомъ Скотта. „Century“ — самое типичное современное американское литературное изданіе, пользующееся огромной популярностью во всемъ говорящемъ на англійскомъ языкѣ мірѣ и расходящееся въ самой Великобританіи въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ какое бы то ни было англійское изданіе того же характера. Объемъ его — ровно десять печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, и авторскій гонораръ и плата иллюстраторамъ-художникамъ, въ среднемъ, обходится свыше десяти тысячъ долларовъ за номеръ, то-есть больше тысячи долларовъ или двухъ тысячъ рублей за печатный листъ. Въ теченіе, напримѣръ, 1894 года въ этихъ ста-двадцати печатныхъ листахъ было помѣщено всего 394 отдѣльныхъ статьи, написанныхъ 326 отдѣльными авторами, изъ которыхъ 94 появлялись въ первый разъ въ печати, и 98 были женщины. Число беллетристическихъ произведеній было 175, и ре-

дакцией были просмотрѣны свыше 9.000 рукописей. Эти немногія цифры какъ нельзя лучше иллюстрируютъ все то, что я говорилъ объ американскихъ литературныхъ журналахъ вообще, и, въ среднемъ, онѣ примѣнны въ любому изъ нихъ.

Первымъ произведеніемъ, выдвинувшимъ „Century“ впередъ, было „the Great South“—большая серія статей о тогдашнемъ положеніи Юга, написанная Кингомъ и иллюстрированная Чамберсомъ; вторымъ, и самымъ главнымъ,—„Исторія войны“, начатая статьей президента-генерала Гранта, и „Жизнь Линкольна“, о которой я упоминалъ выше и за которую было заплачено авторамъ пятьдесятъ тысячъ долларовъ, а циркуляція журнала, благодаря ей, сразу увеличилась на сто тысячъ экземпляровъ. Затѣмъ, большой успѣхъ имѣли „Жизнь Петра Великаго“, а въ самое послѣднее время—„Жизнь Наполеона I“.

Беллетристическая часть „Century“ особенно блестяща. Mrs Burton Haggison печатаетъ исключительно въ немъ всѣ свои романы. Имена такихъ писателей, какъ Eggleston, Dr. Weir Mitchell, George Hibbard, Frank Stockton, встрѣчаются постоянно. Grace King въ немъ, серіей рассказовъ подъ общимъ названіемъ „The Balcony stories“, сдѣлала свою репутацію. Viola Roseboro печатаетъ въ немъ же свои прелестные рассказы изъ жизни горцевъ Аллеганскаго хребта. „Century“ очень ревниво слѣдитъ за работою всѣхъ выдающихся современныхъ авторовъ, и не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы захватить именно лучшія произведенія.

Нельзя обойти молчаніемъ издательскую дѣятельность этого предприимчиваго журнала,—дѣятельность очень обширную и очень разнообразную. Онъ издаетъ „St. Nicholas“, самый распространенный и, можетъ быть, самый лучший иллюстрированный дѣтскій журналъ Америки въ настоящее время. Онъ же издалъ „The Century Dictionary“, самую полную до сихъ поръ энциклопедію англійскаго языка, изданіе которой стоило свыше милліона долларовъ; главный редакторъ этого словаря, профессоръ іельскаго университета, Витней (W. D. Whitney), давно признанъ даже наукой Англій за высокій авторитетъ по филологіи. Въ этомъ словарѣ свыше 7.500 иллюстрацій, и на его печатаніе пошло больше десяти лѣтъ.

Помѣщается „Century“ въ великолѣпномъ шести-этажномъ домѣ въ центрѣ теперешняго Нью-Йорка, на площади Union Square, построенномъ специально для помѣщенія его конторы и редакціи. Типографія и склады занимаютъ другой семи-этажный домъ на 4-й улицѣ. Оба зданія занимаютъ цѣлый кварталъ и

сами по себѣ представляютъ уже огромный капиталъ. Роскошь и удобства во всѣхъ отношеніяхъ первоклассныя; торговый оборотъ на этомъ поприщѣ—совершенно непонятный русскому читателю по своей грандіозности; словомъ, журналъ „Century“ является однимъ изъ самыхъ громаднѣхъ предпріятій, какъ въ художественномъ, такъ и въ дѣловомъ смыслѣ, даже при общемъ колоссальномъ масштабѣ Новаго Свѣта.

„Cosmopolitan“—ежемѣсячный литературно-научный журналъ, существующій еще только очень недолго—меньше десяти лѣтъ,—но, со времени его приобрѣтенія настоящимъ его издателемъ-редакторомъ Вокеромъ (John Brisben Walker) развивающійся чрезвычайно быстро и въ настоящій моментъ являющійся, вѣроятно, вторымъ послѣ „Century“ по своему распространенію американскимъ журналомъ этого рода. „Cosmopolitan“ былъ первымъ большимъ журналомъ, понизившимъ цѣну съ трехъ долларовъ въ годъ на полтора, и первымъ, откровенно и смѣло выяснившимъ публикѣ и свои мотивы къ такому понижению, и свои расчеты. Онъ прежде всего указалъ на тотъ фактъ, что, при современныхъ требованіяхъ публики отъ изданій этого рода, издатель не можетъ рассчитывать ни на что иное, кромѣ чистаго убытка, до тѣхъ поръ, пока циркуляція изданія не достигнетъ по крайней мѣрѣ ста тысячъ экземпляровъ, и что только при такой циркуляціи можно сводить концы съ концами. По мѣрѣ того, какъ циркуляція расширяется, увеличивается число объявленій и плата за нихъ, пока, наконецъ, эти объявленія не устанавливаютъ равновѣсія въ доходахъ и расходахъ, а затѣмъ и дѣлаютъ журналъ доходнымъ для издателя предпріятіемъ. Когда циркуляція „Cosmopolitan“ достигла 150.000 экземпляровъ, у него было, въ среднемъ, около ста страницъ объявленій каждый мѣсяцъ, платившихъ ему около \$ 200⁰⁰ за страницу, такъ что доходъ отъ объявленій равнялся доходу отъ продажи журнала. Старшіе журналы и публика сначала очень скептически относились къ расчетамъ Вокера: они думали, что съ внезапнымъ, ничѣмъ, имъ казалось, не вызваннымъ пониженіемъ цѣны на цѣлыя 100⁰%, ему невозможно будетъ поддерживать внутреннія достоинства изданія; но, повидимому, расчеты эти были вѣрны, и Вокеръ зналъ американскій народъ лучше своихъ соперниковъ, такъ какъ журналъ продолжаетъ процвѣтать, и его циркуляція, а съ ней и число объявленій, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, выросли на цѣлыя 300⁰%.

До прошлаго года „Cosmopolitan“ издавался въ городѣ Нью-Йоркѣ, но уже года три тому назадъ, какъ Вокеръ приобрѣтъ

дѣло имѣние мильхъ въ пятидесяти отъ города, въ которомъ онъ и выстроилъ специальное помѣщеніе для своего журнала, недавно туда переведеннаго. Это громадное шести-этажное зданіе, окруженное роскошнымъ паркомъ и прелестными сельскими видами, — зданіе со всѣми необходимыми приспособленіями для того, чтобы уменьшить стоимость работы до возможнаго minimum'a; говорятъ, что оно представляетъ собою нѣчто поразительно совершенное во всѣхъ отношеніяхъ. На печатаніе мѣсячнаго выпуска „Cosmopolitan“ идетъ двадцать два желѣзнодорожныхъ вагона бумаги, вѣсящей свыше 700 тоннъ, или тридцати пяти тысячъ пудовъ, — читатель можетъ и самъ представить важность экономии въ приспособленіяхъ, когда приходится печатать ежемѣсячно такую массу. „Cosmopolitan“ ввелъ нѣсколько своеобразныхъ особенностей въ американское журнальное дѣло. Такъ статья каждаго новаго автора, имя котораго въ первый разъ появляется на страницахъ журнала, сопровождается его портретомъ, краткой біографіей и характеристикой. Затѣмъ, въ концѣ каждой книжки имѣется нѣсколько короткихъ писемъ отъ свѣтилъ литературы, критики, искусствъ и науки въ Европѣ. Французскимъ корреспондентомъ состоитъ Сарсэ; скандинавскимъ — Бойсенъ. Письма эти очень коротки, всего въ 1½—2 страницы, но даютъ обстоятельное понятіе о всѣхъ выдающихся новостяхъ.

Покончивъ съ литературными органами, я съ нѣкоторымъ смущеніемъ перехожу къ беллетристивъ вообще и отдѣльнымъ писателямъ въ особенности. Насколько легко очертить журналъ, настолько трудно вѣрно оцѣнить беллетристическое дарованіе; для этого нужно нѣчто большее, чѣмъ обыкновенная наблюдательность и простое умѣнье владѣть перомъ — а вашъ покорный слуга, читатель, простой рабочій человекъ, а не присяжный литераторъ. Тѣмъ не менѣе я, ругаясь безусловно за факты и напередъ извиняясь въ своей смѣлости, попытаюсь дать и очеркъ самыхъ выдающихся американскихъ современныхъ беллетристовъ. Между ними много женщинъ, и съ нихъ-то я и начну мое повѣствованіе, напоминая читателю, что какъ у американскихъ литературныхъ журналовъ нѣтъ направленія, такъ, въ томъ же смыслѣ, нѣтъ его и у беллетристовъ. Въ Россіи писатель — или либераль, или крайностникъ, или консерваторъ, или индифферентъ и такъ далѣе, почти до безконечности, и нрѣдко художественное дарованіе заслоняется несимпатичнымъ направленіемъ, и наоборотъ. Въ Америкѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго, и потому задача беллетриста и легче, и труднѣе: нельзя пустить пыль въ глаза ходячими дешевыми фразами и выѣхать на томъ или дру-

гомъ двѣтъ убѣжденій, но, въ то же время, не нужно и выдвигать того или другого флага на мачтѣ беллетристическаго произведенія. Внутреннее я писателя можетъ состоять изъ самыхъ крайнихъ противоположностей, и никому до этого не будетъ никакого дѣла. Ему не нужно исповѣдаться самому передъ читателемъ, ни одинъ критикъ не подѣветъ въ его душу: если онъ талантливъ, его прочтутъ всѣ направленія, всѣ лагери, всѣ кружки. Ему нечего бояться партійнаго антагонизма, такъ какъ въ беллетристикѣ его не существуетъ, она давно сдѣлалась *unpartisan*—внѣ политики—и его оцѣнка и значеніе опредѣляются совершенно помимо его убѣжденій и симпатій.

Октавъ Танэ (Octave Thanet), псевдонимъ миссъ Алисы Френчъ (miss Alice French), между американскими современными женщинами-писательницами является, по моему мнѣнію, самой выдающейся, самой симпатичной. Ея рассказы (она пишетъ исключительно коротенькіе очерки, почти никогда не превышающіе объемомъ обыкновеннаго печатнаго листа) отличаются полнымъ отсутствіемъ всякой тенденціозности, всякой предвзятой мысли, и являются чисто художественными произведеніями самаго симпатичнаго характера. Она—большая оптимистка, любитъ человѣчество, вѣритъ въ добро и истину, вѣритъ въ человѣческую натуру. Въ самомъ безбожномъ эксплуататорѣ-дѣльцѣ, въ самомъ развращенномъ обстановкой рабочемъ, она сумѣетъ отыскать божественную искру, сумѣетъ отгнать что-нибудь доброе. Она не идеализируетъ человѣческую природу, не закрываетъ глаза на ея недостатки, на ея растяжимость—ея рассказы чрезвычайно правдивы и какъ нельзя лучше рисуютъ американскую жизнь,—но она относится къ нимъ снисходительно, объясняетъ ихъ такъ, что совѣсть читателя не возмущается натяжками, не отворачивается отъ нея и отъ ея героевъ, а, напротивъ, невольно соглашается съ нею и бодрѣе смотритъ на все окружающее. Она ужъ немолода — родилась въ 1856 году—пишетъ уже лѣтъ пятнадцать; ея первый рассказъ появился въ журналѣ „Lippincot“ въ 1879 году; но съ каждымъ новымъ рассказомъ талантъ ея ощутительно развивается. Самымъ удачнымъ ея произведеніемъ слѣдуетъ признать серію рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Рассказы объ одномъ городѣ на Западѣ“ (Stories of a Westerntown), имѣвшую большой успѣхъ и уже переведенную на французскій и нѣмецкій языки. Миссъ Френчъ—сама по себѣ очень типичная женщина Запада; ея семья—бровные американцы, ведущіе свой родъ отъ прибывшихъ еще въ XVI столѣтіи на историческомъ кораблѣ „Mayflower“ ирландскихъ эмигрантовъ—владеетъ огромной мануфактурой въ

городъ Давенпортъ, въ штатъ Эйоузъ, и она сама принимаетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ, отлично знаетъ быть рабочею и всегда является горячей защитницей ихъ правъ. На Западѣ хозяева и рабочіе вообще стоятъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ на Востокѣ и Югѣ, и пропасть между трудомъ и капиталомъ тамъ еще не успѣла сдѣлаться непроходимой; миссъ Фрэнчъ очень часто касается въ своихъ разсказахъ рабочаго вопроса, въ той или другой формѣ; ея герои и героини принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ ступенямъ на общественной лѣстницѣ, — и мелкій рабочій, и фермеръ, и дѣвушка портниха, и богатый спекуляторъ или фабрикантъ, и, наконецъ, свѣтскія дамы большихъ городовъ, — она вездѣ дома, вездѣ проявляетъ глубокое знаніе современныхъ американскихъ жизненныхъ условий.

Миссъ Буртонъ Харрисонъ (Mrs Burton Harrison) — писательница совсѣмъ въ другомъ родѣ. Она — уроженка Вирджиніи, членъ одной изъ самыхъ гордыхъ, самыхъ старинныхъ конфедератскихъ фамилій, съ длинной континентальной генеалогіей, и замужемъ за бывшимъ конфедератомъ. Аристократическія, хотя и въ американскомъ смыслѣ, тенденціи въ ней очень сильны, и даже ея огромный талантъ нерѣдко страдаетъ отъ нихъ. Ея первый разсказъ появился еще въ 1876 году, и съ тѣхъ поръ она постоянно писала въ журналахъ, но только съ 1889 года, со времени появленія въ „Century“ ея перваго большого романа: „the Anglomaniacs“, получила она извѣстность и то значеніе въ американской беллетристикѣ, которыми пользуется въ настоящее время. Американскій народъ, какъ цѣлое, ненавидитъ и презираетъ англоманію; но женская половина его денежныхъ тузовъ чрезвычайно падка на европейскіе, особенно на англійскіе, титулы, и романъ этотъ, проявивъ въ авторѣ прекрасное, художественное пониманіе человѣческой природы, въ то же время чрезвычайно ярко и картинно осмѣялъ и англоманію, и тѣ современныя женскіе типы, которые ею особенно увлекаются. Въ этомъ романѣ родовыя традиціи миссъ Харрисонъ столкнулись съ жизненной правдой и ея талантомъ, и хотя послѣдніе и побѣдили, тѣмъ не менѣе и первыя нерѣдко невольно заявляютъ о своемъ существованіи и иногда коробятъ чуткое ухо. Съ тѣхъ поръ она писала нѣсколько большихъ романовъ, выдвинувшихъ ее впередъ, какъ первоклассную писательницу; въ одномъ изъ нихъ, предпоследнемъ: „The Batchelor Maid“, она выступила очень искусно, и въ то же время очень женственно, противъ излишествъ современнаго стремленія американской женщины къ абсолютной независимости, къ эмансипаціи отъ опеки грубой половины человѣческаго рода.

Романъ этотъ, какъ и всѣ другіе, имѣлъ огромный успѣхъ, и уже выдержалъ нѣсколько отдѣльныхъ изданій какъ здѣсь, такъ и въ Англіи, и подтвердилъ репутацію миссисъ Харрисонъ, какъ писательницы, хотя подчасъ и сильно тенденціозной, но очень умной, умѣлой и вѣрной дѣйствительной жизни.

Миссисъ Харрисонъ представляетъ собою типъ обломковъ старинныхъ вирджинскихъ родовъ, не утратившихъ своей фамильной гордости, но до известной степени примирившихся съ новымъ, вызваннымъ войной, порядкомъ вещей; ея мужъ занимается адвокатской практикой въ Нью-Йоркѣ, они люди со средствами, вращаются въ свѣтскомъ обществѣ метрополиа Союза, и если еще не окончательно слились съ представителями побѣдоноснаго Сѣвера, тѣмъ не менѣе довольно близки къ этому слянію. Совсѣмъ другимъ типомъ того же рода является миссъ Грэсъ Кингъ (miss Grace King), дѣвушка-писательница чрезвычайно симпатичная, но кровная южанка съ головы до ногъ, одна изъ тѣхъ, которыя до смерти не забудутъ „кровоавой обиды“ междоусобной войны. Она—уроженка города Новаго Орлеана, въ штатѣ Луизианѣ, помнитъ нашествіе Бутлера, разгромъ этого города и солдатское имъ управленіе; ея семейство, дотогѣ вліятельное и богатое, оказалось въ конецъ разореннымъ войной, должно было вынести всевозможныя лишенія, и миссъ Кингъ съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста всосала въ себя глубокое отвращеніе къ новымъ порядкамъ и къ ихъ носителямъ, сѣверянамъ, и представляетъ собою типъ непримиримаго южанина, не могущаго забыть былаго величія и тщетно борющагося и до сихъ поръ съ новыми вѣяніями.

Ея рассказы — всѣ они очень коротки и отличаются скрытымъ, тяжелымъ пессимизмомъ—чрезвычайно задушевно и симпатичны; они трогательны по своей простотѣ и безъискусственности, и въ то же время очень сильно дѣйствуютъ на читателя, благодаря яркому таланту ихъ автора. Въ нихъ неизмѣнно слышится страдальческій протестъ слабого передъ сильнымъ—голосъ нѣжной женщины, не желающей или не могущей залечить своихъ ранъ, ежедневно ей о себѣ напоминающихъ. Рассказы эти невольно наводятъ читателя на мысль о замогильныхъ отголоскахъ прошлыхъ поколѣній, объ отжившихъ человѣческихъ типахъ и идеалахъ; но они такъ милы и задушевно-кротки, что, вмѣсто желчи и горечи, вызываютъ невольную симпатію и сочувствіе къ былому строю Юга. Хотя это и чистый сентиментализмъ, но сентиментализмъ здоровый, весьма способствующій лучшему пониманію человѣческой природы и ея безконечныхъ варіацій и потребностей.

Первый рассказ миссъ Кингъ появился въ печати въ 1886 — и съ тѣхъ поръ ея имя нерѣдко встрѣчается въ лучшихъ беллетристическихъ журналахъ, за послѣднее время преимущественно въ „Nugget's“. Ея дарованіе бесспорно быстро развивается, и она и теперь уже обладаетъ завиднымъ умѣньемъ сказать очень многое въ немногихъ словахъ — отчетливость и компетентность стили составляютъ ея отличительную черту и даютъ превосходный образецъ той краткости, съ которой сильный литературный талантъ можетъ справиться съ чрезвычайно сложными задачами.

Между беллетристами-мужчинами одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Джорджу Хиббарду (George A. Hibbard), писателю молодому и очень талантливому, а главное, чрезвычайно оригинальному. Онъ родился въ 1858 году, состоитъ адвокатомъ въ своемъ родномъ городѣ Буффало, и первый свой рассказъ напечаталъ только въ 1886 году, въ журналѣ „Century“. Съ тѣхъ поръ онъ писалъ очень прилежно, и почти не проходитъ мѣсяца, чтобы который-нибудь изъ лучшихъ литературныхъ журналовъ не заключалъ въ себѣ какаго-нибудь его произведенія. Несмотря на эту относительную плодовитость (свойство весьма рѣдкое между американскими беллетристами вообще), несмотря на чрезвычайно узкую, сравнительно, сферу, онъ, неизмѣнно сохраняя рѣзкіе отличительные признаки своего стили и формы рассказовъ, въ то же время умѣетъ быть въ каждомъ изъ нихъ удивительно разнообразнымъ и новымъ. Однимъ изъ самыхъ талантливыхъ его рассказовъ — всѣ они очень коротки, того же размѣра, что и рассказы миссъ Френчъ и миссъ Кингъ — считается рассказъ „Губернаторъ“, написанный имъ почти въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности, дающій яркую картину душевнаго состоянія увлекшагося узкими эгоистическими задачами современнаго дѣльца-политикана, при неожиданной встрѣчѣ съ душевнымъ миромъ и семейнымъ счастьемъ когда-то ненавидимаго имъ противника, оставшагося вѣрнымъ лучшимъ и высшимъ потребностямъ человѣческой природы. Послѣ этого рассказа, произведшаго въ свое время огромное впечатлѣніе и составившаго репутацію автора какъ тонкаго психолога и яркаго художника-беллетриста, онъ написалъ еще нѣсколько на разныя темы, но вскорѣ занялся исключительно любовью, и въ этой узкой, односторонней сферѣ оказался совершенно неистощимымъ и чрезвычайно своеобразнымъ. Онъ почти неизмѣнно выводитъ на сцену молодую пару, жениха и невесту, или пока еще только влюбленную другъ въ друга молодежь, и однимъ разговоромъ чрезвычайно картинно освѣщаетъ ту или другую фазу этого блаженнаго состоянія, ту или другую сторону

мужчины или женщины при этихъ условіяхъ. Въ рассказахъ этихъ нерѣдко коротенькій монологъ очень характерно очерчиваетъ цѣлую жизнь, объясняетъ самыя сложные мотивы, самыя запутанныя отношенія. Хиббардъ—превосходный наблюдатель и тонкій знатокъ человѣческаго сердца; его рассказы проникнуты съ начала до конца самымъ художественнымъ анализомъ, и каждое слово, каждая фраза глубоко обдуманы и прелестно выражены; его языкъ изъясненъ, выразителенъ и изященъ, и его рассказы всегда обработаны очень тщательно. Они уже выдержали нѣсколько отдѣльныхъ изданій, читаются съ большою жадностью, и между ними до сихъ поръ не было ничего посредственнаго, ничего такого, что почему-либо звучало бы повтореніемъ.

Къ сожалѣнію, Хиббардъ, какъ и миссисъ Харрисонъ, выводятъ въ своихъ произведеніяхъ исключительно свѣтскихъ людей, представителей того сравнительно немногочисленнаго класса американскаго народа, который живетъ не работой, а на оставленные ему въ наслѣдство капиталы. Читатель встрѣтится въ ихъ произведеніяхъ только со сливками націи въ смыслѣ культурности и нравственнаго развитія, тѣми сливками, которыя, по изысканности и тароватости, отличаются только очень немного отъ европейскаго дворянства. Очень жаль, что столь сильныя таланты специализировались въ такой узкой сферѣ—имъ обонимъ это нерѣдко ставится въ упрекъ, хотя, съ другой стороны, и весьма естественно, что они предпочитаютъ вращаться въ знакомой и привычной имъ обстановкѣ. Я лично ставлю значеніе миссъ Френтъ гораздо выше ихъ обонихъ, именно потому, что сфера ея произведеній гораздо шире, гораздо ближе къ массамъ народа, и потому вліяетъ на несравненно большій кругъ читателей. Впрочемъ, Хиббардъ еще очень молодъ, и есть всякое основаніе предполагать, что со временемъ его талантъ раздвинетъ настоящіе свои предѣлы и выйдетъ на болѣе широкую дорогу.

Ричардъ Хардингъ Дэвисъ (Richard Harding Davis)—очень молодой беллетристъ, гораздо болѣе разносторонній, чѣмъ Хиббардъ, но, также какъ и онъ, нерѣдко предпочитающій свѣтское общество, какъ наиболѣе соотвѣтственную сферу для своихъ произведеній. Онъ родился въ 1864 г., его первый рассказъ появился въ печати въ 1888 г., и съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ написать очень много—уже вышло четыре тома его оригинальныхъ рассказовъ и три тома путешествій. Почти все уже переведено на французскій языкъ—одинъ томъ, между прочимъ, переведенъ Полемъ Бурже.

Дэвисъ—писатель безусловно тенденціозный. Онъ не доволь-

ствуется, какъ Хиббардъ, художественнымъ описаніемъ сокровеннѣйшихъ изгибовъ молодого сердца, и основаніемъ его разсказовъ всегда служить какая-нибудь серьезная мысль, хотя форма ихъ всегда очень красива, и они всегда очень тщательно отдѣланы. Въ общемъ они нѣсколько длиннѣе, нѣсколько многословнѣе, но все-таки коротки и всегда закончены въ одной книжкѣ журнала; единственнымъ, насколько мнѣ извѣстно, исключеніемъ является послѣдняя его повѣсть: „Принцесса Алина“, да и она не превышаетъ четырехъ печатныхъ листовъ. Хотя всѣ его произведенія крайне интересны и обладаютъ многими положительными достоинствами, тѣмъ не менѣе наибольшимъ успѣхомъ пользуется серія, печатавшаяся долгое время въ „Harper's“ и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ: „Van Bibber and others“. Въ общемъ эта серія даетъ яркую картину свѣтской жизни города Нью-Йорка; но каждый отдѣльный разсказъ, хотя героями и являются обыкновенно одни и тѣ же лица, имѣетъ и помимо своего общаго смысла отдѣльную мысль въ основаніи, нерѣдко очень серьезную и очень дѣльно и умѣло очерченную. Маленькій разсказъ „Fin de siècle“, передающій разговоръ четырехъ незнакомыхъ лицъ, случайно встрѣтившихся на нѣсколько часовъ въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ, — при чемъ молоденькая дѣвушка-работница своимъ любящимъ, невиннымъ сердцемъ и откровенной заразителной бойкостью, незамѣтно для самой себя, примиряетъ двухъ уже разведенныхъ легально супруговъ, — особенно симпатиченъ и вѣренъ дѣйствительности. Въ разсказѣ „Eleanor Cyuler“ очень характерно очерчено современное стремленіе женской молодежи къ самостоятельности, къ работѣ, — и хотя онъ и оканчивается не совсѣмъ по вкусу непримиримымъ защитницамъ абсолютной самостоятельности женщины, а именно счастливымъ законнымъ бракомъ, тѣмъ не менѣе полонъ художественной жизненной правдой и блестящими, яркими картинами. Я лично ставлю Дэвиса очень высоко, и, судя по началу, думаю, что въ недалекомъ будущемъ онъ займетъ одно изъ самыхъ передовыхъ мѣстъ въ американской беллетристикѣ.

Робертъ Грантъ (Robert Grant) — писатель совсѣмъ въ другомъ родѣ; чѣмъ всѣ уже перечисленные мною беллетристы. Онъ еще сравнительно молодъ — родился въ 1852 году, — всю жизнь занимался адвокатурой, и теперь состоитъ однимъ изъ судей штата Массачусетса. Онъ — типичный ново-англичанинъ, съ ново-английской положительностью, юморомъ, достоинствами и недостатками. Онъ написалъ многое, но самымъ серьезнымъ его произведеніемъ слѣдуетъ признать двѣ серіи разсказовъ — одна подъ названіемъ

„Размышления женатаго человека“ (Reflections of a married man), другая — „Разсужденія философа“ (Opinions of a philosopher). Обѣ вмѣстѣ составляютъ полную автобіографію одного и того же героя, провинціального адвоката, ведутся въ первомъ лицѣ, сравнительно длинны и очень своеобразны и характерны. Герой описываетъ свою молодость, свою женитьбу, своихъ дѣтей, ихъ воспитаніе, и оканчиваетъ празднествомъ своей серебряной свадьбы. Читателю-европейцу нѣкоторыя главы этой автобіографіи могутъ показаться скучными, потому что авторъ больше всѣхъ другихъ современныхъ американскихъ беллетристовъ останавливается на мелочахъ жизни, чисто американскихъ, которыхъ не встрѣтишь нигдѣ больше на всемъ земномъ шарѣ; тѣмъ не менѣе, въ общемъ, рассказъ очень живъ и интересенъ, а главное, даетъ превосходную фотографію домашней жизни массы американскаго народа, со всѣми ея оригинальными особенностями. И церковное ханжество, и политика, и стремленіе женщинъ въ независимости, и увлеченія спортомъ и атлетизмомъ, и отношенія родителей къ дѣтямъ и наоборотъ — все нашло свое мѣсто въ этой автобіографіи, все описано подробно, точно и добросовѣстно, безъ излишнихъ оптимизма и пессимизма, безъ тенденцій въ ту или другую сторону и безъ какихъ бы то ни было попопозновеній на эффектъ. Грантъ — превосходный наблюдатель и знатокъ американской жизни, той жизни, которая особенно трудно поддается описанію иностраннаго путешественника; кровный янки только съ большою неохотою вводитъ иностранцевъ въ свою домашнюю сферу — да и попавши въ нее, иностранцу очень трудно въ ней ориентироваться и разобратъся съ толкомъ. Для того, чтобы вполне оцѣнить талантъ Гранта, нужно серьезно вникнуть въ его произведенія, нужно ввучить ихъ — только тогда, все ярче и ярче, выступать передъ читателемъ его достоинства, его неподражаемое умѣнье точно и конкретно передать и сущность дѣла, и малѣйшія детали. Каждая глава — а ихъ нѣсколько десятковъ — открываетъ читателю новую сторону, знакомитъ его съ какой-нибудь отдѣльной особенностью — и все это плавно, естественно, безъ скачковъ, безъ натяжекъ, съ большимъ умѣньемъ и серьезнымъ, хотя и добродушнымъ юморомъ.

Какъ миссъ Френчъ является беллетристомъ-бытоописателемъ Запада, Грантъ — Востока, миссъ Кингъ — крайняго Юга, такъ Оуэнъ Вистеръ (Owen Wister) является беллетристомъ-бытоописателемъ дальняго Запада, пустыни, пастуховъ и отдаленныхъ гарнизоновъ. Какъ Бретъ Гартъ рисовалъ пионеровъ-рудокоповъ и порубежныхъ головорѣзовъ тихоокеанскаго побережья, такъ Вистеръ

взялся за смѣнлившихъ ихъ, болѣе современныхъ скотоводовъ и солдатъ. Железныя дороги, телеграфы, земледѣліе и торговля переродили дикую когда-то жизнь дальняго Запада, а съ нею переродились и наиболѣе выдающіеся его типы. Современный коубой (cowboy, cowpuncher—верховой пастухъ въ пустынѣ) и солдатъ индѣйскихъ резервацій—единственные, оставшіеся въ живыхъ намеки на идеализированныхъ когда-то городскимъ населеніемъ Востока рыцарей—героевъ Бретъ Гарта, и Оуэнъ Вистеръ рисуетъ ихъ современному читателю своимъ талантливымъ перомъ, какъ Фредрикъ Ремингтонъ, о которомъ я упоминалъ выше, своимъ художественнымъ карандашомъ. Разказы Вистера очень интересны и бесспорно доказываютъ какъ его близкое знакомство со всѣми деталями этой дикой жизни, такъ и несомнѣнное серьезное дарованіе. Ихъ не очень много—между ними особенно замѣтны двѣ серіи: „Lin Mc Lean“, въ которой разсказывается жизнь коубоя пустыни, и „Specimen Jones“—жизнь пограничнаго солдата. Симпатичныя особенности американскаго народа—его энергія, рѣшительность, умѣнье выносить и преодолевать всяческія препятствія—очень ярко выступаютъ въ этихъ незамысловатыхъ, простыхъ, но полныхъ художественной правды разказахъ. Читателю становятся ясны тѣ процессы, которыми Америка такъ совершенно цивилизуетъ свои пустыни и добивается изумительно быстрыхъ для европейскихъ понятій результатовъ.

Вистеръ—писатель очень молодой, хотя онъ и родился въ 1860 году; первые года возмужалости, по окончаніи курса въ харвардскомъ университетѣ, были посвящены имъ музыкѣ, и только въ 1892 году появился въ печати первый его разказъ, послѣ цѣлыхъ шести лѣтъ, проведенныхъ имъ въ охотничьихъ экспедиціяхъ по самымъ отдаленнымъ, самымъ захолустнымъ уголкамъ дальняго Запада, гдѣ онъ неожиданно для него самого нашелъ самый богатый матеріалъ для своего выдающагося таланта. Въ настоящій моментъ Вистеръ стоитъ на прямой дорогѣ отдѣлаться со временемъ достойнымъ преемникомъ Бретъ Гарта, обладая неподдѣльнымъ юморомъ и своеобразной краткостью и выразительностью стиля.

Число современныхъ, почему-либо выдающихся американскихъ беллетристовъ такъ велико и ихъ относительное достоинство такъ разнообразно, что присяжные критики, по всей вѣроятности, совсѣмъ не согласятся со мной относительно того, кто именно изъ этихъ беллетристовъ заслуживаетъ отдѣльной характеристики въ такомъ краткомъ очеркѣ, какииъ, по необходимости, является настоящая статья. Многіе изъ этихъ беллетристовъ написали по

большому числу длинныхъ романовъ, и, съ точки зрѣнія распространенія ихъ произведеній, можетъ быть, заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ мною. Такъ Франкъ Стоктонъ (Frank Stockton), Джорджъ Кэблъ (George Cable), Хауторнъ (Hawthorne), Вильямъ Хоуэльсъ (William Howells), Нельсонъ Пэдждъ (Nelson Page) были бы, по всей вѣроятности, прежде другихъ перечислены, какъ ветераны современной американской беллетристики. Всѣ они писали много, долго, и въ числѣ произведеній каждаго найдется нѣсколько почему-либо особенно замѣтныхъ и выдвинувшихъ впередъ ихъ авторовъ. Стоктонъ, который старше другихъ и пользуется болѣею популярностью, былъ замѣченъ читающей публикой благодаря очень талантливо написанной повѣсти: „Casting away of Mrs Lecks and Mrs Aleshine“, но уже давно сдѣлался литературнымъ львомъ, нерѣдко бьетъ въ эффектъ и заставляетъ своихъ героевъ и героинь переживать самыя невозможныя положенія и продѣлывать самыя невозможныя фокусы. Хоуэльсъ—хотя и числится въ сонмѣ беллетристовъ и написалъ много романовъ—въ сущности гораздо болѣе публицистъ, и публицистъ, по временамъ, довольно односторонній; кромѣ того, и онъ зараженъ до известной степени отравой „знаменитости“, какъ и Стоктонъ. Кэблъ выдвинулся своими рассказами изъ быта французской Луизианы; нѣкоторые изъ нихъ очень талантливы, но разъ онъ удаляется отъ знакомаго ему во всѣхъ подробностяхъ оригинальнаго быта этого штата, его произведенія теряютъ свою прелесть, у него не оказывается въ запасѣ глубины дѣйствительнаго художника. Хауторнъ—писатель очень симпатичный и вдумчивый, но очень длинный и многословный. Многіе критики ставятъ его очень высоко—рядомъ съ Ирвингомъ и Куперомъ.

Между молодыми беллетристами обратили на себя вниманіе нѣсколькими удачными рассказами Брандеръ Матьюсъ (Brander Mathews), Робертъ Мейерсъ (Robert Meyers) и многіе другіе; вообще число писателей съ несомнѣнными дарованіями растетъ очень быстро, и современная американская беллетристика можетъ смѣло гордиться именно этимъ ростомъ.

Между женщинами больше писательницъ новой школы, въ родѣ миссъ Френчъ, и имена Блессъ Перри (Bliss Perry), Сары Джюэтъ (Sarah Jewett), Маргариты Кросби (Margaret Crosby), Эдионъ Вортонъ (Edith Wharton) начинаютъ возбуждать значительный интересъ при своемъ появленіи въ книжкѣ журнала. О Виолѣ Розеборо я уже упоминалъ, говоря о журналѣ „Century“. Амелия Ривсъ (Amelie Rives), нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣ-

лавшая большого шума своимъ романомъ „The quick or the dead“, въ которомъ она, тогда совсѣмъ молоденькая дѣвушка, взялась за самое реальное описаніе любовныхъ инстинктовъ, въ своихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ не сумѣла не только пойти впередъ, но и удержаться на доставленной ей этимъ романомъ высотѣ. Наконецъ, нельзя не упомянуть и о миссисъ Бюрнеттъ (Mrs Frances Hodgson Burnett), хотя она и писательница почти специально дѣтская. Ея повѣсть „Little Lord Fontleroy“ переведена на всѣ языки и вѣроятно извѣстна и русскимъ читателямъ, да и все, что она написала, отличается замѣчательнымъ интересомъ и глубокимъ знаніемъ дѣтской жизни и ребячьяго сердца.

I.

Дождливое послѣ-обѣда.

Рассказъ Джорджа А. Хиббарда.

Это было дождливое послѣ-обѣда, обѣщавшее быть дождливымъ до конца. Насчетъ этого, повидимому, не могло быть никакихъ сомнѣній. На всемъ небѣ не было ни малѣйшаго просвѣта, никакихъ признаковъ того, чтобъ оно намѣревалось расчиститься. Дождь пошелъ еще утромъ, сначала короткими порывами и какъ будто сомнѣваясь, слѣдуетъ ли ему разойтись порядкомъ, но съ полудня онъ шелъ не переставая, солидно и убѣдительно. Въ настоящій моментъ на улицѣ все было насквозь промочено. Большія лужи стояли на садовыхъ дорожкахъ, и фонтанъ, слабо бросавшій вверхъ тоненькія струи, казался мизернымъ до абсурда. Было темно, потому что какъ бы тяжелая завѣса упала на всю окрестность, скрыла изъ виду озеро и противоположные холмы и придавала всему мрачный видъ; а въ сосновомъ лѣсу шумѣлъ и какъ бы стоналъ сильный вѣтеръ. Словомъ, это было солидно-дождливое послѣ-обѣда, когда и рѣчи быть не могло о чемъ-либо, кромѣ сидѣнья дома, подъ крѣпкой крышей. Все общество пришло къ этому заключенію немедленно послѣ лѣнча, стоя у одного изъ оконъ столовой, по которому снаружи быстро стекали крупныя и частыя дождевыя капли. Затѣмъ всѣ разошлись и занялись тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимается публика при подобныхъ обстоятельствахъ. На холгѣ одна изъ близнецовъ Лиддингтонъ пыталась ходить со

ставаномъ воды на головѣ, поощряемая аплодисментами зрителей, между которыми былъ Блэсдель; въ консерваторіи миссъ Аптонъ аккомпанировала на роялѣ Мифлину, которому съ самаго момента его пріѣзда такъ хотѣлось сѣсть пѣсенку его собственной композиціи; въ библиотекѣ Болдуинъ показывалъ другой миссъ Лиддингтонъ новую игру въ карты; въ оранжереѣ курилъ въ одиночествѣ Харольдъ К्लиффъ; миссъ Хальдинъ писала письма наверху, а Китти Числинъ сидѣла у камина съ хозяйкой, миссисъ Керчиваль.

— Да, это несомнѣнно подбадриваетъ,—въ третій разъ сказала миссисъ Керчиваль объ огнѣ въ каминѣ, затопленномъ по просьбѣ Китти, теперь разгорѣвшимся и освѣтившемъ всю комнату.

— Да,—отвѣтила Китти безсознательно.

— Мнѣ очень жаль, дорогая, что вы такъ разстроены,—продолжала миссисъ Керчиваль такимъ тономъ, какъ будто бы это разстройство и было темой предъидущаго разговора:—но я не удивляюсь. Погода просто ужасна.

— Не одна погода тому причиной,—отвѣтила печально Китти.

— Я знаю,—сказала хозяйка съ готовымъ собогѣзнованіемъ.—Но было ли это необходимо?

— По временамъ мнѣ почти кажется, что нѣтъ,—продолжала мрачно Китти.

— Да, это обыкновенно случается, тогда попадешь въ мученики,—объяснила миссисъ Керчиваль.—То-есть, это одно изъ неудобствъ. Никакъ нельзя быть увѣреннымъ, что поступаешь правильно. Всегда будетъ хоть незначительное, но все-таки крайне непріятное сомнѣніе, что жертва бесполезна и неразумна, и даже просто абсурдна. Послѣ того, какъ прикрѣпишь себя къ столбу и пламя начинаетъ прыгать вокругъ, нерѣдко насильно появляется непріятная мысль о томъ, что, въ сущности, вы разыгрываете изъ себя нѣчто претенціозное и даже смѣшное.

— Я не думаю, что въ данномъ случаѣ могутъ появиться какія-либо сомнѣнія.

— Можетъ быть,—согласилась миссисъ Керчиваль.—Все-таки, всегда можетъ появиться подозрѣніе, что вы мучите себя ни за что, ни про что. Не то чтобъ я думала, моя дорогая, что, отсылая его, вы не поступили высоко и благородно.

— Мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать,—сказала Китти положительно.—Мужчина не можетъ взять назадъ своего слова, а вы знаете, какъ долго они были помолвлены. Я знаю, что самъ Харольдъ чувствовалъ это и видѣлъ, что другого вы-

хода нѣтъ. Конечно, между нами не было никакого объясненія, и не могло быть, но онъ знаетъ, что я его люблю.—И Китти смотрѣла съ полными слезъ глазами на своего лучшаго друга и старѣйшаго повѣреннаго.

— И онъ любить васъ,—сказала миссисъ Керчиваль.—Это ясно изъ его письма, но я не могу понять, зачѣмъ онъ его написалъ.

— Когда я просила его возвратить мнѣ мое глупое письмо, онъ, конечно, весьма естественно воспользовался случаемъ написать нѣсколько строкъ, и если онѣ говорятъ больше, чѣмъ бы слѣдовало,—Китти печально улыбнулась,—то это потому, что онъ новобилъ о томъ, что ему слѣдовало бы помнить.

— Онъ не могъ ошибиться въ значеніи вашего письма,—сказала миссисъ Керчиваль.

— Я боюсь этого. Мнѣ хочется умереть всякій разъ, какъ я о немъ вспомню—и, милая Эдиъ, гдѣ оно?

— О!—вскричала миссисъ Керчиваль, послѣ едва замѣтнаго смущенія:—я отдамъ его вамъ.

— Я не могла не показать вамъ его,—сказала Китти:—такъ какъ мнѣ хотѣлось знать, не думаете ли вы, что мое письмо было ужасно.

— Въ виду того, что онъ отвѣчаетъ, и тѣхъ условій, при которыхъ вы всегда знали другъ друга, я не знаю...

— Все-таки,—прервала ее Китти:—вы думаете, что это ужасно?

— Я думаю, что всякій, прочитавъ это письмо, понялъ бы, что вы его любите—въ его тонѣ чувствуется разбитое сердце—и что его нельзя обвинять, если и онъ понялъ его именно такимъ образомъ.

— Мнѣ все равно,—отвѣтила Китти рѣшительно.—Можетъ быть, я и люблю его, но это не оторветъ его отъ нея, еслибъ даже и разбилось мое сердце, а я постараюсь, чтобъ этого не случилось.

— Это очень благородно съ вашей стороны.

— Пожалуйста, не употребляйте такихъ длинныхъ холодныхъ словъ. Вы заставляете меня думать, что я совершила нѣчто героическое, классическое, напоминающее греческіе тоги и алтари, тогда какъ въ дѣйствительности...

— Тогда какъ въ дѣйствительности,—повторила миссисъ Керчиваль:—вы отказались отъ человѣка, котораго вы любите, потому что вы думаете, что его долгъ относительно другой женщины требуетъ отъ васъ этой жертвы. Конечно, вы сдѣлали это, одѣтая въ модное утреннее платье и сидя за своимъ письменнымъ столомъ,

но тѣмъ не менѣе это серьезный случай самопожертвованія. Вы понимаете изъ его письма, что онъ былъ готовъ разорвать все, хотя и знаетъ, что былъ бы неправъ, еслибъ вы его отъ этого не удержали.

— И еслибъ я только узнала, дѣйствительно ли Эленъ любить его, — сокрушалась Китти. — Съ этими величавыми дѣвами такъ трудно понять что-нибудь. Она такъ спокойна.

— Понимаю, — сказала миссисъ Керчиваль. — Конечно, она восхитительна, но я желала бы, чтобы она была нѣсколько болѣе экспансивной.

— Можетъ быть, это сила и глубина чувства.

— Но еслибъ Эленъ подозрѣвала хоть сколько-нибудь, что Харольдъ любитъ васъ, она бы, конечно, и не подумала настаивать на своей помолвкѣ. Она бы, конечно, не вышла замужъ ни за кого, кто бы ее не любилъ всецѣло. Представьте себѣ, что, еслибъ она видѣла это письмо? Она, конечно, сразу разорвала бы все.

— Конечно, — сказала Китти: — но она ничего не подозрѣваетъ, и никогда ничего не узнаетъ. Харольду она нравится, онъ ее уважаетъ, и ея деньги будутъ ему большой подмогой, и она сдѣлаетъ его счастливымъ, и — и все такъ северно!

Китти Числингъ нагнулась впередъ, подперла голову рукой и стала смотрѣть, мимо миссисъ Керчиваль, на огонь камина.

— Дорогая моя! — сказала миссисъ Керчиваль.

— Не обращайтесь на меня вниманія! — воскликнула Китти. — Я... я справлюсь съ этимъ.

Нѣсколько минутъ обѣ молчали.

— О, Эленъ, это вы! — вскричала миссисъ Керчиваль, открываясь къ дверямъ.

Китти быстро выпрямилась.

— Да, я, — отвѣчала дѣвушка, входя въ комнату.

— Написали ваши письма? — спросила миссисъ Керчиваль.

— Да, — отвѣтила миссъ Хальдинъ.

Она рѣдко много говорила, но никто и не ожидалъ отъ нея длинныхъ разговоровъ, и все-таки никто и не думалъ бы подозрѣвать ее въ ограниченности. Она остановилась передъ каминомъ, облокотясь на его полку въ позѣ античной кариатиды.

— Очень холодно, — сказала она своимъ спокойнымъ, серьезнымъ тономъ, глядя на хозяйку.

— Удивительно холодно, — отвѣчала та съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ всѣ относились къ самымъ незначительнымъ замѣчаніямъ миссъ Хальдинъ.

— О,—продолжала та, обращаясь къ Китти:—я только-что нашла нѣчто вамъ принадлежащее.

— Мнѣ?—спросила Китти.

— Да,—сказала миссъ Хальдинъ, выбирая одно письмо изъ кучки, которую она держала въ рукѣ.—Это письмо, адресованное вамъ, и я подняла его на лѣстницѣ.—Она подала его Китти и собралась уйти.—Я положу эти письма на столъ въ холлѣ,—сказала она, выходя:—чтобы ихъ отправили съ вечерней почтой.

— Великій Боже!—вскричала Китти, какъ только Эленъ закрыла за собой дверь, быстро оборачиваясь и обращаясь къ миссъ Керчиваль.

— Что такое, дорогая моя?

— Письмо...—задохнулась Китти.

— Какое письмо?!

— Письмо отъ Харольда Клиффа, въ которомъ онъ возвращаетъ мнѣ мое и которое я дала вамъ прочитать,—отвѣчала она, глядя съ ужасомъ на адресъ конверта.—Какимъ образомъ оно могло попасть на лѣстницу?

— Я вѣрно выронила его какъ-нибудь,—сказала миссъ Керчиваль въ смущеніи.

— Да!—вскричала Китти съ упрекомъ:—и оно распечатано.

Она быстро опустила его въ карманъ, какъ бы побужденная истиннымъ желаніемъ скрыть его.

— Не сокрушайтесь!—сказала миссъ Керчиваль съ утѣшеніемъ въ голосѣ. Она могла бы попытаться утѣшить даже Марія на развалинахъ Кароагена, еслибы ей случилось находиться въ его непосредственномъ сосѣдствѣ.—Никто не могъ его видѣть, прежде чѣмъ Эленъ его подняла.

— Но сама Эленъ...—прервала Китти.

— Но сама Эленъ?...—повторила миссъ Керчиваль; и затѣмъ, какъ бы нахвонецъ сообразивъ что-то, что сначала было ускользнуло отъ ея вниманія:—но сама Эленъ...

— И вѣдь надо же, чтобы это была именно она!—вскричала Китти, и у нея вдругъ захватило дыханіе.

— Да,—согласилась миссъ Керчиваль.

— Но она не прочтала бы чужого письма—она не могла бы этого сдѣлать.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Это невозможно, хотя, конечно, искушеніе было бы ужасное. Она, конечно, узнала почеркъ Харольда, и, само собой разумѣется, ей было бы крайне любопытно узнать, что могъ писать мужчина, съ которымъ она помолвлена,

такой дѣвушкѣ, какъ вы; она вѣдь его всегда слегка ревновала къ вамъ.

— Глупости!—возразила Китти.

— Это все-таки правда,—подтвердила миссисъ Керчиваль, и затѣмъ прибавила, не особенно логично:—и какъ ужасно это чтение должно бы на нее подѣйствовать!

— Значить, вы думаете, что она прочла письмо?

— Дорогая моя, я ничего не думаю, не могу ничего думать. У насъ нѣтъ ничего, что могло бы привести насъ къ какому-нибудь заключенію. Она принесла его вамъ, но это ровно ничего не значить. Это могло быть безстрашіемъ невинности, или она могла это сдѣлать, чтобы отвратить какое-либо подозрѣніе, или прямо изъ надменности. У насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ.

— Общій характеръ Элленъ,—подсказала Китти.

— Да, и если вы примете его въ соображеніе, всякое подозрѣніе покажется абсурдомъ.

— Съ ея прямымъ, величественнымъ характеромъ, она никогда бы не опустила ни до чего подобнаго.

— Въ самомъ дѣлѣ, это представляетъ собой — какъ это зовутъ?—да, психологическую задачу. Будучи одарена такимъ характеромъ, можетъ ли она сдѣлать это?

— Это ужасная загадка,—сказала Китти, въ возбужденіи те-
ребя свои волосы.

На улицѣ монотонно шумѣлъ дождь и вѣтеръ завывалъ въ трубѣ камина.

— Однако, дождь льетъ все сильнѣе и сильнѣе,—сказала миссисъ Керчиваль, взглянувъ въ окно.

— Отвратительное послѣ-обѣда,—прошептала Китти, и затѣмъ прибавила:—О, неужели вы думаете, что она это сдѣлала? неужели она прочла то, что я писала и что онъ мнѣ отвѣтилъ? И неужели вы думаете, что она знаетъ, какъ я... какъ я гадка?

— Я понимаю, что вы ощущаете по этому поводу,—отвѣчала миссисъ Керчиваль:—и мнѣ бы очень хотѣлось утѣшить васъ. Я сознаю свою вину, такъ какъ письмо было у меня, и я бы охотно сдѣлала все въ моихъ силахъ, чтобы пособить вамъ, но вы сами знаете, что это загадка. Никто не можетъ знать, что дѣвушка сдѣлаетъ или не сдѣлаетъ.

— Но у Элленъ такой прямой характеръ, она такъ великодушна, у нея такіе опредѣленные принципы.

— Конечно, это очень невѣроятно,—согласилась миссисъ Керчиваль.

— О, я просто схожу съ ума! — сказала Китти, вставая и подходя къ окну.

— Мы не можемъ ничего предпринять, — сказала миссисъ Керчиваль: — или, скорѣе, у насъ нѣтъ никакихъ основаній въ тому, чтобъ предпринять что-нибудь.

— Вѣроятно, — сказала Китти, прижимая плающую лобъ къ холодному стеклу: — но мнѣ бы хотѣлось знать.

Въ этотъ моментъ страшный шумъ на холлѣ привлекъ вниманіе миссисъ Керчиваль. Тамъ шумѣли и прежде, но на этотъ разъ шумъ былъ оглушительный.

— Что они тамъ дѣлаютъ? — сказала миссисъ Керчиваль съ любопытствомъ. — Надо пойти посмотрѣть.

Бой часовъ разбудилъ Китти и она обернулась. Половина пятого. Почти полчаса простояла она въ глубокой задумчивости, не замѣчая ничего кругомъ. Въ другое время она веселилась бы вмѣстѣ съ другими, но на этотъ разъ ей казалось, что ходить съ ставаномъ воды на головѣ или поднимать носовой платокъ зубами было бы для нея просто невозможно, и даже долженствовавшая неизбежно послѣдовать игра въ прятки не могла бы ее нисколько занять. Она сказала самой себѣ, что разстроилась по случаю дождевой погоды. Стоя посреди комнаты, она недоумѣвала. Пройти ли ей незамѣченной въ свою комнату наверхъ и остаться тамъ до обѣда, или же присоединиться къ остальному обществу? Она знала, что если она пойдетъ въ свою комнату, она будетъ плакать, а этого ей не хотѣлось дѣлать; но она также была увѣрена, что если она выйдетъ къ другимъ, ее заставятъ продѣлывать какіе-нибудь „гостинные фокусы“, а подобная профанція ея душевныхъ ощущеній казалась ей кошунствомъ. Она почти рѣшила, что будетъ всего благоразумнѣе и легче идти наверхъ и выплываться досыта до наступленія вечера, когда услышала, что кто-то громко звалъ ее по имени изъ холла.

Прежде чѣмъ она собралась отвѣтить, Харольдъ Клиффъ появился въ дверяхъ библіотеки.

— Не уходите! — сказалъ онъ живо. — Подите сюда. Мнѣ нужно сообщить вамъ нѣчто.

— Я не могу, — вскричала она. — Невачѣмъ. Мы не должны...

— Да вы ничего не знаете, — продолжалъ онъ возбужденно. — Это чрезвычайно важно.

Изъ холла донеслись громкіе крики: „Миссъ Чеслинъ“! „Китти“! „Идите и представьте намъ слона“!

— Меня зовутъ, — сказала Китти сквозь слезы. — Хотятъ, чтобы

я представила, какъ слонъ ѣсть орѣхи въ циркѣ. Пойдемте и будьте маленькимъ мальчикомъ, который долженъ меня кормить.

— Но мои извѣстiя очень важны, — сказала Клиффъ. — Въ библиотекѣ нѣтъ, и я долженъ немедленно сообщить ихъ вамъ.

— Слѣдуетъ ли мнѣ это дѣлать? — спросила Китти, недоумѣвая.

— Да, — отвѣтилъ онъ серьезно и рѣшительно.

— Мнѣ некогда, — отвѣтила Китти звавшимъ ее голосамъ, и быстро послѣдовала за Клиффомъ въ слѣдующую комнату.

Какъ только они вошли въ нее, Харольдъ обернулся и схватилъ ее за обѣ руки.

— Я не могъ дожидаться, — сказалъ онъ живо: — мнѣ необходимо видѣть васъ.

— Вы знаете, что намъ не слѣдуетъ этого дѣлать, — сопротивлялась Китти.

— Все устроилось, говорю я вамъ; я люблю васъ — люблю васъ — люблю васъ!

— О, — вскричала она: — я не должна васъ слушать!

— Можно, — продолжалъ онъ: — я имѣю право говорить вамъ это теперь!

— Теперь? — повторила она съ изумленiемъ.

— Да, развѣ я не сказалъ вамъ, что все устроилось?

— Но какъ это можетъ устроиться?

— Все покончено. Я свободенъ. Эленъ только-что сказала мнѣ, что...

— Она возвратила вамъ ваше слово? — почти задохнулась Китти.

— Да, — сказалъ онъ: — абсолютно, окончательно, безповоротно. Она сама пришла ко мнѣ въ оранжерею и объявила мнѣ это рѣшенiе.

— Сообщила ли она вамъ свои причины?

— Не думаю. Она сказала что-то о томъ, что мы оба открыли, что наша помолвка была ошибкой и что нужно радоваться, что это открытiе сдѣлано прежде, чѣмъ стало слишкомъ поздно для этого. Но она мнѣ отказала, выбросила меня за бортъ, сдѣлала меня свободнымъ, и я могу теперь сказать вамъ, что люблю васъ, что всегда любилъ васъ и что вы должны какъ-нибудь устроить, чтобъ полюбить меня хоть немножко, но немедленно!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — сказала Китти, отступая отъ него.

— Что съ вами?—спросилъ Клиффъ въ изумленіи.—Развѣ вы... неужели вы...

— Да, вы это знаете,—отвѣчала Китти.—Но, о, Боже мой! Все это странно, и мнѣ ужасно больно, и я не знаю, что мнѣ дѣлать!

— Я ничего не понимаю,—сказалъ онъ, ошеломленный.

— Я не могу повѣрить, что это возможно,—продолжала она.

— Что, что возможно?

— Что она могла это сдѣлать.

— Китти,—сказалъ онъ:—неужели вы сошли съ ума, или вы подозрѣваете, что я сумасшедшій?

— Послушайте,—продолжала она:—это письмо...

— Какое письмо? Китти, если вы не желаете, чтобы я сдѣлался совершеннымъ идиотомъ, объяснитесь, ради Бога, поскорѣе!

— Ваше письмо, съ моимъ письмомъ,—старалась она объяснить.—Я дала прочитать ихъ миссисъ Керчиваль—вы знаете, что мы всегда были друзьями, и мнѣ хотѣлось знать, не найдетъ ли она меня слишкомъ смѣлой и гадкой, что я такъ навязчиво старалась обратить васъ опять къ Эленъ—и она потеряла ихъ, и Эленъ нашла ихъ на лѣстницѣ только часъ тому назадъ и принесла ихъ мнѣ.

— Ну, такъ что же?—спросилъ Клиффъ.

— Развѣ вы не понимаете? Если она прочла ихъ, она знаетъ все, что произошло, что я любила васъ, что вы...

— Но вы не думаете же, что она прочла эти письма?

— Нѣтъ не думаю,—отвѣчала Китти:—или, лучше сказать, не думала. Но теперь, въ виду ея отказа, именно теперь—это очень странно!

— Конечно странно,—согласился Харольдъ.

— Она какъ будто отдастъ васъ мнѣ,—Китти умолкла на минуту, затѣмъ вдругъ вспыхнула.—О, я не возьму васъ такимъ образомъ!

— Китти,—сказалъ онъ:—это нелѣпо.

— Мнѣ все равно,—сказала она.—Если она прочла всѣ эти ужасы, она конечно подумала, что я умираю отъ любви къ вамъ, и она могла поступить такъ просто изъ жалости; и еслибы я даже дѣйствительно умирала отъ любви къ вамъ, я не приму сожалѣнія и не возьму васъ только потому, что другая дѣвушка сожалѣетъ меня!

— Но она, конечно, сама замѣтила, что я люблю васъ!

— Въ такомъ случаѣ я не хочу, чтобы она думала, что я

отбывъ васъ у нея. Это ужасно, какъ ни поворачивай дѣло, и никакъ нельзя этому помочь.

— Я не думаю, чтобы она стала читать чужія письма,— продолжалъ Клиффъ.

— И я не думаю,—подхватила Китти.

— Значить...—началь-было онъ.

— Но я не увѣрена... абсолютно,—заторопилась она:—и я не могу вынести мысли о томъ, что она, можетъ быть, знаетъ и поступила такъ потому, что знаетъ.

— Это все ужасно глупо!—всеричалъ онъ.

— Можетъ быть,—сказала она:—но я такъ чувствую, и многія другія дѣвушки чувствовали бы точно такъ же на моемъ мѣстѣ.

— Чтѣ мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ беспомощно.—Не могу же я обратиться къ Эленъ и спросить ее, прочла ли она это письмо?!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—закричала почти Китти.

— И все-таки, если вы будете настаивать на своемъ упрямствѣ,—продолжалъ онъ съ негодованіемъ.

— Это не упрямство,—прервала она:—это правильное, естественное чувство. Вы принадлежите Эленъ...

— Не теперь.

— Какъ могу я знать, чтѣ она думаетъ? Въ эту самую минуту она, можетъ быть, рыдаетъ и клянетъ меня за то, что я стала между вами, потому что, разумѣется, она не можетъ смотрѣть на это никакимъ инымъ образомъ.

— Но вы знаете, что это не такъ. И вы знаете, что Эленъ меня не любитъ, и что это просто была семейная сдѣлка, на которую мы оба согласились, когда были очень молоды и не знали, чтѣ дѣлали.

— То, чтѣ вы говорите, не можетъ измѣнить положенія дѣла. Я не возьму васъ отъ Эленъ—какъ подарокъ.

Клиффъ молчалъ, неистовствуя внутренно.

— Я очень жалѣю, что вы не понимаете всего этого такъ же, какъ я,—продолжала она.—Вы станете думать, что я глупа и переменчива, но что же дѣлать? Если я поступлю согласно вашимъ желаніямъ, я всю жизнь буду чувствовать, что мы неправильно начали, а если все не такъ, какъ слѣдуетъ, мнѣ ничего не нужно.

— Но рѣшительно все какъ слѣдуетъ.

— Не совсѣмъ, если вы помолвлены съ другой дѣвушкой, которая отдаетъ васъ мнѣ. Я не хочу одолжаться моимъ счастьемъ кому-либо. Я всегда буду чувствовать, что должна кому-то очень

много, и такое ощущение будет бременемъ—невыносимымъ бременемъ!

— Китти!—вскричалъ онъ: — вы смѣшны, и нелогичны, и жестоки!

— Уйдите!—просила она, стремясь удержать слезы.

— Очень хорошо!

— Пожалуйста!—наставляла она.

Не сказавъ больше ни слова, онъ обернулся и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Китти!—вскричала миссисъ Керчиваль, входя въ комнату какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ Клиффъ затворилъ за собой дверь, и увидавъ миссъ Чеслинъ, опускающуюся на диванъ съ тяжелыми рыданіями.

— Не говорите мнѣ, что вы жалѣете, не говорите ничего!—умоляла Китти, уткнувъ голову въ подушку.—Я очень несчастна, и мнѣ нужно освоиться съ этимъ.

— Чтò съ вами?—спросила съ тревогой въ голосѣ миссъ Керчиваль, сядя подлѣ нея.

— О, это письмо!—простонала Китти.—Я бы желала, чтобы оно было въ...—и она остановилась, очевидно прискивая подходящее мѣсто для этого несчастнаго документа.

— Случилось что-нибудь новое?—спросила миссисъ Керчиваль.

— Очень многое,—отвѣчала Китти.—Элленъ отказала Харольду, и онъ только-что былъ здѣсь и просилъ меня быть его женой.

— Ну и отлично,—сказала миссисъ Керчиваль весело.

— Напротивъ, все очень скверно,—возразила Китти нетерпѣливо.—Это не то, еслибы она сдѣлала это по своей собственной охотѣ—она прочла письмо, и... я чувствую, что я какъ будто выпросила его у нея.

— Вы не должны бы быть такой гордой.

— Развѣ это гордость?—спросила она.—Я не знаю, что это такое, но если это гордость, то я горда, очень горда. Кромѣ того, Харольдъ будетъ другого мнѣнія обо мнѣ, если все это устроится именно такимъ образомъ—если я смиренно соглашусь быть переданной ему кѣмъ-нибудь другимъ. Тогда въ томъ, чтò я отдаю ему, не было бы ничего особеннаго, потому что я не могла бы отдать ему ничего, еслибы, еслибы... она не сдѣлала этой жертвы.

— Я не думаю, что такіа глупости могутъ придти ему въ голову,—вставила свое слово миссисъ Керчиваль.

— Но я буду мучиться и мнѣ все будетъ казаться, что я не даю ему ничего. Развѣ вы не знаете, что свѣтъ всегда думаетъ, что мы, дѣвушки, „отдаемъ мольбамъ мужчинъ“? Въ дан-

номъ случаѣ не было бы ничего подобнаго, и Харольдъ имѣлъ бы право думать и говорить, еслибы ему вздумалось,—хоть я и не думаю, что онъ могъ бы поступить такъ низко,—что я просто навязалась ему.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала миссисъ Керчиваль, перемѣняя способъ атаки:—вы дѣйствительно думаете, что Эленъ прочла письмо?

— Развѣ она не сдѣлала именно то, что было бы самымъ естественнымъ сдѣлать, еслибы она прочла его?

— Да,—согласилась миссисъ Керчиваль не совсѣмъ охотно.

— Ея поступокъ—результатъ обратнаго умозаключенія—для этого существуетъ какое-то особое латинское названіе, но я его не помню—и, обсуждая результатъ, нельзя не признать, что причиной было именно то, что она прочла это письмо.

— О, логика!—сказала миссисъ Керчиваль, съ такимъ движеніемъ руки, которое весьма выразительно пояснило ея восклицаніе.

— Это—предметъ, достойный дѣйствительныхъ научныхъ методовъ,—сказала Китти, пытаясь улыбнуться:—и отъ результатовъ нигуда не убѣжишь.

— И все-таки я увѣрена, что вы совершенно неправы.

— Я знаю, что я права,—отвѣчала Китти съ убѣжденіемъ.— Другого выхода нѣтъ. Я должна знать, что разрывъ между Харольдомъ и Эленъ произошелъ естественнымъ путемъ, а не благодаря этому письму—иначе я ни на что не соглашусь.

— Какъ все это тяжело!—вскричала миссисъ Керчиваль.

— Мнѣ это не нравится, можете быть въ этомъ совершенно увѣрены; въ самомъ дѣлѣ, мнѣ это ужасно не нравится. Но теперь я убѣгу—они опять будутъ меня звать...

Въ эту минуту вошелъ Мифлинъ.

— Миссъ Чеслинъ,—сказалъ онъ:—пожалуйста пойдите и представьте намъ слона. Они говорятъ, что вы просто великодушны въ этой роли, и я буду васъ кормить. Я былъ въ кладовой и досталъ этихъ шоколадныхъ конфетъ.

— Въ такомъ случаѣ я иду,—не задумываясь, отвѣчала Китти.— Вы знали, чѣмъ вы можете меня соблазнить.

— Ура!—закричалъ Мифлинъ, устремляясь изъ комнаты.— Она идетъ!

— Вы идете?—спросила хозяйка.—Я думала, что вы собирались идти наверхъ.

— Нѣтъ,—сказала Китти, подавляя вздохъ.—Къ чему? Мнѣ нужно освоиться съ этимъ и лучше начать теперь же. И потому я пойду и представлю слона.

И она послѣдовала за Мифлиномъ.

Миссисъ Керчиваль не пошевельнулась. Тотъ фактъ, что „Альджи“ былъ въ отлучкѣ, казался ей ужасной обидой. Ей такъ хотѣлось сейчасъ же переговорить съ нимъ. Затѣмъ она вздохнула и подумала, что это очень глупо, послѣ пяти лѣтъ замужства, чувствовать потребность немедленно обсудить вмѣстѣ съ нимъ всякое дѣло. Кромѣ того, онъ, конечно, былъ очень разсѣянъ. Еслибы она могла представить себѣ, что онъ можетъ быть такъ невнимателенъ, она ни за что не дала бы ему этого письма. А если она сама не чувствовала угрызений совѣсти, она обыкновенно злилась.

Тутъ Блэздель вошелъ въ комнату.

— Ужасный день!—сказала она, взглянувъ на него.

— Ужасный?—переспросилъ онъ весело.—Вовсе нѣтъ. Всякая перемена пріятна, особенно съ такимъ веселымъ обществомъ въ домѣ. Но почему это вы въ одиночествѣ?

— Я не въ духѣ,—сказала она.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, садясь.

— Нѣтъ, не садитесь. Уходите. Иначе я пушусь въ откровенности. Вы знаете, что это нѣчто, отъ чего я нивагъ не могу удержаться, и я чувствую нашествіе импульса.

— Развѣ это нѣчто ужасное?

— Я и такъ ужъ была невнимательна, слишкомъ невнимательна,—отвѣчала она.

— Я замѣтилъ, что ваше спокойствіе духа чѣмъ-то нарушено.

— Это вовсе не шутки!—вскричала она.

— Это и такъ очевидно,—отвѣчалъ онъ, смѣясь.

— Въ самомъ дѣлѣ, я въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать.

— Прежде всего, слѣдовало бы подѣлиться со мной.

— Да,—сказала миссисъ Керчиваль, какъ будто у нея никогда не было сомнѣній по поводу цѣлесообразности такой откровенности.—Вы должны дать мнѣ совѣтъ. Альджи совершенно бесполезенъ въ такихъ случаяхъ, да и кромѣ того все это, въ сущности, прямой результатъ его беспорядочности.

— Но что же это такое?—прервалъ ее Блэздель.

— Дѣло заключается въ письмѣ, которое Харольдъ Клиффъ написалъ миссъ Чеслинъ, возвращая ей ея собственное къ нему. Это были важныя письма, написанныя подъ впечатлѣніемъ минуты, и въ сущности имъ совсѣмъ бы не слѣдовало ихъ писать и посылать. Харольдъ вложилъ ихъ оба въ одинъ конвертъ и они были переданы мнѣ. Я ихъ прочла, и затѣмъ—и затѣмъ...

— Что?—спросилъ онъ.

— Я дала ихъ Альджи, — созналась миссисъ Керчиваль. — Я знаю, что этого не слѣдовало дѣлать.

— Эта ваша привычка обо всемъ совѣтоваться съ Альджи есть нѣчто весьма прекрасное, какъ абстрактъ, но не всегда удобное, какъ конкретъ.

— Я совершенно безпомощна въ этомъ отношеніи, я не могу скрыть отъ него рѣшительно ничего.

— Я это знаю, — сказалъ онъ. — Это чрезвычайно интересная картина супружеской преданности и имѣеть свои преимущества, кзвъ примѣръ того, чѣмъ должна бы была быть супружеская жизнь; но бываютъ случаи... Чтѣ, напримѣръ, привлѣчилось теперь?

— Онъ потерялъ письмо.

— Совершенно естественно, — вскричалъ Блэздель. — Нѣтъ ничего, чего бы Альджи не ухитрился потерять, исключая, развѣ присутствія духа, необходимаго для объясненія этихъ потерь.

— Онъ уронилъ его на лѣстницѣ, — продолжала миссисъ Керчиваль.

— Почему вы знаете?

— Потому что Эленъ Хальдинъ только-что нашла его, и вѣдь нужно же было, чтобы это была именно она, и она принесла его Китти.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ Блэздель тономъ, обнаружившимъ странный интересъ. — Но я все-таки не вижу во всемъ этомъ ничего особенно ужаснаго.

— О, — простонала миссисъ Керчиваль: — это еще не все. Вы знаете, что Харольдъ былъ помолвленъ съ Эленъ.

— Да, — сказалъ Блэздель, нахмуриваясь. — Но все это покончено теперь.

— Почему вы знаете? — вскричала она. — Эленъ немедленно возвратила ему его слово, и онъ, разумѣется, сейчасъ же обратился къ Китти. А она и слушать его не хочетъ, говорить, что ни за что не приметъ его какъ подарокъ отъ Эленъ, и все такое, и всѣ они какъ на горячихъ угольяхъ, и все это просто ужасно.

— Значитъ, вы думаете, что миссъ Хальдинъ прочла это письмо? — вскричалъ Блэздель, вскакивая.

— Чтѣ же другое я могу думать? Она, вѣроятно, прочла письмо и отказала Харольду въ порывѣ негодованія.

— Но... но... — бормоталъ онъ.

— Что такое? — спросила миссисъ Керчиваль, замѣчая съ любопытствомъ его возбужденное состояніе.

— Я... вы...—безсвязно продолжалъ онъ:—миссъ Хальдинъ только-что дала мнѣ слово, и мы помолвлены.

— Великій Боже!—завричала миссисъ Керчиваль.—Почему же вы не сказали мнѣ этого раньше? У меня и въ помыслахъ никогда не было, что между вами двумя что-нибудь есть.

— Я не думаю, чтобъ кто-либо подозрѣвалъ что-нибудь. Тѣмъ не менѣе я восхищался ею, любилъ ее уже давно.—Блэздель остановился на минуту, потомъ началъ нервно шагать взадъ и впередъ передъ окномъ.—Я зналъ, что она помолвлена съ Харольдомъ, и думалъ, что для меня не можетъ быть никакой надежды. Но сегодня послѣ обѣда она дала мнѣ понять, что покончила съ этимъ; я не зналъ, что случилось именно теперь; я сдѣлалъ ей предложеніе, она приняла его, и я былъ счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Поздравляю васъ,—сказала миссисъ Керчиваль очень тепло.—Элленъ прелестная дѣвушка.

— Да,—сказалъ Блэздель съ страннымъ равнодушіемъ.—Но я не могу, я не хочу допустить, что она прочла это письмо.

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю.

— Это невыносимо,—продолжалъ Блэздель.—Развѣ вы не понимаете, что если она прочла его и взяла свое слово назадъ отъ Харольда въ порывѣ негодованія, она...

— Ну, что же?

— Она могла дать и мнѣ слово только поэтому.

— О!—вскричала миссисъ Керчиваль.

— Подобныя вещи случались и прежде, почему не могутъ онѣ повториться и въ данномъ случаѣ?—продолжалъ онъ въ сильномъ волненіи.

— Это невозможно!

— Если возможно одно, возможно и другое. Я не могу подозрѣвать Элленъ, тѣмъ не менѣе всегда будетъ существовать сомнѣніе.

— Вы не должны думать объ этомъ.

— Это неизбежно. Я не стану оскорблять Элленъ вопросами. Она будетъ имѣть полное право отказать мнѣ въ отвѣтѣ. И все-таки я не могу быть увѣреннымъ...

— Я бы желала, чтобъ я никогда не слыхала объ этомъ несчастномъ письмѣ!

— Повѣрьте, что и я бы не желалъ ничего лучшаго.

— Я думала, что довольно и того, что случилось съ Харольдомъ и Китти. А теперь и вы...

— Все зависить отъ того, прочла она его или нѣтъ!

— Это было бы такъ непохоже на нее!

— Она могла поддаться внезапному импульсу?

— Эллентъ — не такой характеръ, чтобы поддаться какимъ-либо внезапнымъ импульсамъ; по крайней мѣрѣ я всегда такъ о ней думала. Она всегда такъ спокойна и такъ умѣетъ владѣть собой.

— Я знаю, я самъ знаю. Разумѣется, это невозможно.

— Что за неприятная загадка! — сказала миссисъ Керчиваль беспомощно.

— Все это ужасно спутанно — и неразрѣшимо.

— О, Боже мой, что за северное послѣ-обѣда! Я не думаю, чтобы я когда-нибудь переживала такое множество приключеній сразу, несмотря на дождь.

— Развѣ вы не можете придумать что-нибудь? — допытывался Блэвдель почти рѣзво. — Всѣ мы находимся въ страшномъ недо-разумѣннн. Вы должны какъ-нибудь поправить дѣло.

— Что же я могу сдѣлать? Я такъ же безсильна, какъ и вся-кій другой.

— Вы должны придумать что-нибудь, — наставлялъ онъ. — Этого нельзя такъ оставить.

Онъ остановился передъ ней, какъ бы грозя и упрямивая въ то же время.

— О! — внезапно вскричала миссисъ Керчиваль, и стала ба-рабанить по стеклу.

— Если вы намъ не поможете, никто не можетъ намъ по-мочь, — продолжалъ Блэвдель.

— Это Альджи! — вскричала она, указывая на всадника, только-что подъѣхавшаго къ подъѣзду. — Какъ это неприятно! Онъ думаетъ, что я буду рада его возвращенію, и ничего не знаетъ. — Ступайте, — приказала она, обращаясь къ Блэдделю: — и скажите ему, чтобы онъ сейчасъ же явился сюда. Скажите ему, чтобы онъ шелъ, не обращая вниманія на то, что онъ грязенъ съ до-роги. Мнѣ нужно немедленно съ нимъ переговорить!

И она опять повернулась къ окну, а Блэвдель выбѣжалъ вонъ.

— Я не могла выносить этого дольше, — сказала печально Китти, входя въ комнату.

— О, это вы! — пробормотала миссисъ Керчиваль безъ вся-кихъ церемоній.

— Да, — сказала Китти. — Я представляла слона, танцевала, рассказывала имъ сказки — и теперь иду наверхъ и отдамся моему несчастію.

— Этот несчастный случай!—вскричала миссисъ Керчиваль:—ему кажется не будетъ конца!

— Развѣ случилось еще что-нибудь?—спросила Китти изумленно.

— Очень многое.

— Что именно?

— Знаете,—начала-было миссисъ Керчиваль, потомъ вдругъ вскричала, вскакивая съ мѣста:—О, Альджи!

Керчиваль вошелъ въ комнату, весело улыбаясь.

— Какъ ты могъ?—продолжала она, бросаясь къ нему и хватая его за отвороты мокраго пальто.

— Берегись!—вскричалъ онъ:—ты вся вымокнешь!—Затѣмъ, отряхнувшись, онъ продолжалъ:—Развѣ такъ встрѣчаютъ мужа, когда онъ возвращается къ своему домашнему очагу въ такую погоду? Что съ тобой,—ты смотришь такой злой? Въ чемъ я провинился?

— Письмо!—простонала его жена.—Мы всё въ такомъ горѣ, и все по причинѣ твоей безпорядочности.

— Китти,—сказалъ Керчиваль, обращаясь къ дѣвушкамъ:—понимаете вы что-нибудь? Я рѣшительно ничего не понимаю.

— Да,—отвѣчала Китти.—Дѣло касается и меня, я—одна изъ причинъ несчастія.

— Да объяснитесь же, ради Христа!—взмолился онъ.

— Это письмо отъ Харольда къ Китти, которое я дала тебѣ прочитать?..

— Вы дали ему это письмо?—вступилась Китти.

— Да,—сказала миссисъ Керчиваль.—Я позабыла, что не сказала вамъ этого, но это теперь не важно...—затѣмъ, повернувшись къ мужу и трепля его, она продолжала:—Помнишь ли ты это письмо? О, Альджи, не запирайся!

— И не думаю; конечно, помню.

— Слава тебѣ, Господи! Ну, послѣ того какъ ты его потерялъ, Эленъ нашла его и принесла его Китти, и потомъ Эленъ отказала Харольду, и когда тотъ сдѣлалъ предложеніе Китти, она не согласилась, потому что выходить, какъ будто Эленъ дарить ее ему, и это еще не все. Потомъ Эленъ приняла предложеніе Блэзделя, а тотъ вѣбшонъ потому, что опасается, что она сдѣлала это только въ шутку.

— Не можетъ быть!—вскричала Китти.

— Мнѣ некогда было рассказать вамъ это. Думаешь ли ты, что Эленъ прочла это письмо?—обратилась она опять къ мужу.—Думаешь ли ты, что такая дѣвушка, какъ Эленъ, способна

на это? Съ твоимъ знаніемъ человѣческой природы, думаешь ли ты, что это возможно?

— Постой, однако,—возразилъ Керчиваль:—такой вопросъ можетъ быть очень интересенъ съ отвлеченной точки зрѣнія.

— Какія тамъ отвлеченныя точки зрѣнія? Это вопросъ живой, насущный, серьезный, существенный, животрепещущій, и, можетъ быть, судьба четырехъ лицъ зависитъ отъ отвѣта. Если Эленъ не прочтала письма Харольда, то все отлично...

— А если прочтала?

— Тогда все скверно, и нѣтъ никакого выхода изъ этого. Всѣ они будутъ несчастны. Но думаешь ли ты, что она прочла?

— Нѣтъ,—сказалъ Керчиваль съ разстановкой.—Я не думаю этого.

— Но ты не увѣренъ.

— Вполнѣ. Абсолютно, совершенно увѣренъ.

— Что это значитъ?—спросили и миссисъ Керчиваль, и Китти однимъ духомъ.

— Гдѣ письмо, которое Эленъ нашла и отдала вамъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Китти.

— Вотъ оно,—отвѣтила та, вынимая конвертъ, отданный ей миссисъ Хальдинъ.

— Взгляните-ка въ него,—сказалъ Керчиваль спокойно.

Китти открыла конвертъ и вынула толстый листъ чистой бумаги.

— Письмо у меня здѣсь,—сказалъ Керчиваль, хлопая себя по карману.—Это только конвертъ и листъ бумаги, который былъ вложенъ, чтобъ написанное не просвѣчивало.

— О!—вскричала миссисъ Керчиваль, бросаясь ему на шею:—гора съ плечъ!

— Я опустилъ конвертъ въ другой карманъ и вѣроятно выронилъ его. Вамъ слѣдовало бы заглянуть въ него,—поучалъ Керчиваль.

— Кому это могло придти въ голову?—завричала миссисъ Керчиваль, поднимая свое личико съ мокраго плеча супруга. Разумѣется, мы думали, что это и было письмо. Я опять могу дышать спокойно, и такъ рада, что не буду ворчать за то, что ты выронилъ конвертъ. Но ты можешь представить себѣ наши страхи. Письмо, адресъ котораго написанъ рукой мужчины, съ которымъ она помолвлена, и адресованное дѣвушкѣ, за которой, она знала, онъ ухаживаетъ.

— Ты думаешь,—прервалъ Керчиваль, что оно оказалось бы такимъ сильнымъ искушеніемъ, которому женское любопытство не могло бы противостоять?

— Объ этомъ теперь не стоитъ говорить, — сказала она: — такъ какъ она его не читала и все устроилось отлично. Китти!? — продолжала она.

— Да, — отвѣчала та, быстро поднимая глаза и счастливо улыбаясь.

— Вотъ это прекрасно! Въ первый разъ я вижу васъ дѣйствительно счастливой съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда пріѣхали.

— Но, — отвѣчала та: — я такъ счастлива, что знаю теперь *настѣное*.

— И я рада, но идите и сейчасъ же сообщите все Харольду, а я пойду и сообщу мистеру Блэдделю. А Альджи..

— Что тебѣ? — спросилъ онъ, какъ бы соображая что-то.

— Ты долженъ идти и напиться чего-нибудь вѣрнаго и теплаго, и переодѣться.

— Да, я пойду, — отвѣчалъ онъ задумчиво, пока онѣ уходили изъ комнаты.

Но Керчиваль не сразу отправился исполнять приказанія своей жены. Онъ стоялъ погруженный въ задумчивость, смотря на разгоняемыя вѣтромъ тучи.

— Все это прекрасно, — сказалъ онъ самъ себѣ. — Но все это ничего не доказываетъ. Мнѣ хотѣлось бы все-таки знать, заглянула ли она въ этотъ конвертъ?

П. ТВЕРСКОЙ.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

ВЪ

АЗІАТСКОЙ ТУРЦІИ

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о моей поѣздкѣ въ селеніе Казак-кѣй, расположенное на берегу озера Майноса, въ Малой Азій, объясню въ нѣсколькихъ словахъ, какъ я узналъ о существованіи этого русскаго селенія на турецкой территоріи и почему оно меня заинтересовало.

Однажды, въ началѣ 1891 года, вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Константинополь, въ амбулаторной пріемной русской больницы среди многочисленной группы больныхъ, принадлежавшихъ къ разнымъ національностямъ и потому одѣтыхъ въ самые разнообразные костюмы, оказались двѣ женщины, которыя по внѣшности напоминали собой русскихъ крестьянокъ изъ пригородной деревни. Съ ними было двое мужчинъ, по типу казавшихся также русскими; на женщинахъ были красные сарафаны и короткіе синіе шугаи на ватѣ; головы были повязаны пестрыми кумачевыми платками. На мужчинахъ—синія поддевки, высокіе тяжелые сапоги и на головахъ барашковые высокія шапки. Всѣ четверо были дѣйствительно русскіе. Ихъ открытыя, пріятливыя лица, свѣтло-серые глаза, свѣтлые волосы, ихъ учтивость и почтительность въ разговорѣ, все вмѣстѣ рѣзко выдѣляло этихъ людей изъ окружающей разноплеменной толпы, а русская народная рѣчь отрадно звучала русскому уху. Обѣихъ женщинъ пришлось оставить для леченія въ больницѣ. На лицахъ ихъ выражалось полное удовольствіе, когда ихъ отвели въ больничную палату, переодѣли въ боль-

ничныя бѣлье и платье и принесли въ обѣду борщъ. Изъ разспроса этихъ русскихъ оказалось, что живутъ они постоянно на берегу озера Майноса, въ двухъ селеніяхъ, въ которыхъ кромѣ нихъ, русскихъ, никто больше не живетъ. Одно селеніе они сами называютъ по имени озера Майносомъ. Это и есть посѣщенное мною—Казак-кѣй („кѣй“ по-турецки значитъ *селеніе, деревня*). Другое основалось сравнительно недавно, лѣтъ 20 назадъ, и официально называется Гамидіе (отъ имени султана Абдуль-Гамида), но русскіе переселенцы передѣлали это названіе на свой ладъ въ Хамидію. Подобнымъ же образомъ приморскій городокъ Пандерма, до котораго нужно доѣхать пароходомъ изъ Константинополя, чтобы дальше на лошадахъ ѣхать на Майнось, превратился у майносцевъ въ Бандорову.

— Изъ Бандоровой до насъ недалече. Тамъ повозкой часа четыре ѣзды, — говорилъ мнѣ одинъ изъ майносскихъ казаковъ, Гаврила.

Почти каждый мѣсяцъ приходили въ больницу русскіе съ Майноса, по два, по три человѣка вмѣстѣ; большая часть ихъ страдала продолжительными болотными лихорадками, отъ которыхъ и искали облегченія. Всѣ свѣденія, которыя я могъ добыть отъ приходившихъ въ больницу майносцевъ, были крайне скудны и неточны. Для меня выяснилось лишь то, что живутъ майносцы въ большой нуждѣ, живутъ особнякомъ, не сливаясь съ окрестнымъ населеніемъ и оставаясь вполне русскими, несмотря на то, что всѣ они родились на Майнось. Никто изъ нихъ никогда Россіи не видалъ и не имѣетъ понятія о родинѣ своихъ дѣдовъ и прадедовъ. Тѣмъ не менѣе, крѣпко сплоченные между собой, не допускающіе въ свою среду никого другого, они остались русскими по духу, по языку и даже по одеждѣ. Всѣ они старообрядцы и принадлежать частью къ поповщинской, частью къ беспоповщинской сектамъ. Большинство поповцевъ присоединилось къ православной церкви, принявъ единовѣріе. Бывшій ихъ начетчикъ въ настоящее время у нихъ священствуетъ. Зовутъ его отецъ Иванъ, но въ разговорѣ майносцы чаще называютъ его просто „попъ“. Узнавъ я еще, что всѣ майносцы „рыбараютъ“, т.-е. занимаются рыболовствомъ, и не только въ озерѣ, но выѣзжая по зимамъ въ море въ большихъ лодкахъ-челнокахъ, что они уплачиваютъ много разныхъ налоговъ турецкой казнѣ и жить имъ съ каждымъ годомъ становится тяжелѣе: не на что бываетъ прокормиться. Изъ бесѣдъ моихъ я могъ убѣдиться, что майносцы умственно развиты немногимъ болѣе, чѣмъ наши крестьяне, но отъ природы всѣ неглупы, смыслены и предприимчивы. Предразсудковъ, впрочемъ,

у нихъ много, также какъ и среди нашихъ крестьянъ. Большой рыбакъ Ѳедоръ, поступившій въ больницу съ припадками болотной лихорадки, говорилъ мнѣ, что онъ заболѣлъ „съ глазу“, что когда онъ съ другими хлопцами рыбарилъ, такъ ему одинъ изъ хлопцевъ сказалъ: „ишь, какой ты мастеръ рыбарить“.

— На другой день я еле ноги домой дотащила, — продолжалъ Ѳедоръ: — съ тѣхъ вотъ поръ и боленъ.

Женщины, какъ вездѣ, значительно отстаютъ въ развитіи отъ мужчинъ. Какъ-то разъ жена отца Ивана, простая баба, привезла больную, на видъ совсѣмъ дѣвочку, но въ дѣйствительности замужнюю женщину, которой было только 15 лѣтъ и которая, несмотря на то, что недавно вышла замужъ, успѣла уже испытать горести замужства. Болѣзнь ея заключалась въ слѣдующемъ: на сѣдалищной части тѣла большая рана, образовавшаяся отъ нанесенныхъ палкой побоевъ.

— Отчего это у тебя? — спросилъ я.

— Да били меня.

— Кто билъ?

— Свекоръ да мужъ, обои вмѣстѣ. Одинъ ноги держалъ, а другой билъ палкой.

— За что же они тебя били?

— Знамо дѣло, натрескались.

И она говорила все это очень хладнокровно, какъ будто не ее били и какъ будто это самое обыкновенное дѣло. Звали больную Дунька. Довольно долго пролежала она въ больницѣ, пока зарубцевалась лишенная кожи и гноившаяся рана. Первые дни она спала какъ сурокъ. Потомъ, когда немного попривыкла къ больничной обстановкѣ, стала въ промежуткахъ между сномъ вполголоса пѣть пѣсни. Интересны были ея бесѣды съ сестрами милосердія. Она имъ рассказывала, наприимѣръ, что свекоръ ея — чародѣй.

— Дастъ онъ чего-то выпить, зелья одного, какъ станешь блевать, такъ все черти, змѣи и жабы изо-рту лѣзутъ, — въ какія змѣи! — показывала она отъ локтя до кисти. — У насъ много чародѣевъ, — продолжала Дунька: — Ксюшу вѣдь чародѣй испортилъ.

Ксюша, о которой она говорила, была доставлена въ больницу въ ужасномъ состояніи: на тѣлѣ ея было почти столько же пролежней, сколько участковъ здоровой кожи. Мѣстами кости были обнажены, кожи не было на пространствахъ гдѣ одной, гдѣ двухъ ладоней. Трудно было подойти въ первые два-три дня къ больной отъ отвратительнаго запаха. Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ упорнаго леченія, и если несчастная больная поправилась,

то только благодаря большому запасу жизненных силъ въ молодомъ организмѣ. Судя по рассказамъ самой больной и родныхъ ея, она перенесла у себя дома тяжелую и продолжительную болѣзнь, вѣроятно тифъ. Окружавшіе больную люди боялись къ ней подходить и не только не мѣняли на ней бѣлья, но не переставали даже жесткой подстилки. Послѣ этого неудивительно, что больная стала заживо разлагаться. Кромѣ Ксюши и Дуньки, въ равное время лечилось еще нѣсколько женщинъ съ Майноса въ нашей константинопольской больницѣ. Терпѣливыя, всегда довольныя, всячески старавшіяся выказать сестрамъ милосердія свою благодарность за уходъ, больныя эти заслуживали общаго участія. Ихъ искренность и сердечность, при маломъ умственномъ развитіи и какой-то первобытной простотѣ, трогали иногда до глубины души. Я помню, какъ двѣ женщины, вмѣстѣ уходившія изъ больницы по своему выздоровленіи, кланялись въ ноги и благодарили безъ конца, а одна изъ нихъ горько плакала.

— О чемъ же ты плачешь, Прасковья?

— Сестрицы очень насъ улажали. Дай Богъ имъ здоровья. Ты насъ ужъ не оставь, господинъ докторъ. Вѣкъ будемъ Бога за тебя молить.

И Прасковья продолжала плакать, утирая слезы ситцевымъ передникомъ.

Мужчинъ съ Майноса лечилось больше, чѣмъ женщинъ. Они тоже отличались безупречнымъ поведеніемъ, всегда были вѣжливы и почтительны. Помню, разъ, на мой обычный вопросъ, обращенный къ одному такому русскому больному при утреннемъ обходѣ больныхъ: — Ну, что, Тимошей, поправляешься? — онъ отвѣчалъ мнѣ: — Слава Богу, теперича я здоровъ. А ты-то самъ здоровъ ли?

Этотъ вопросъ Тимошей задавалъ мнѣ не изъ любезности и не потому, что былъ какой-либо поводъ спросить меня о моемъ здоровьѣ; въ устахъ другого больного такая фраза показалась бы неумѣстной и нарушающей дисциплину, но на добродушно улыбающемся лицѣ Тимошей была написана такая наивная простота, что нельзя было не отвѣчать на заданный вопросъ. Тотъ же Тимошей стѣснялся видимо тѣмъ, что я каждый день его спрашивалъ: „лихорадки не было?“

— Нѣтъ, не было, — отвѣтилъ онъ мнѣ какъ-то и, помолчавъ немного, прибавилъ: — коли она, господинъ докторъ, придетъ, а тебя извѣстю.

Отъ времени до времени лечившіеся раньше въ больницѣ майносы или ихъ родные являлись съ приношеніями. Кто курицу принесть, кто пѣтуха, кто рыбу. И нельзя было не при-

нимать этихъ приношеній: съ такою сердечностію ихъ предлагали и такъ настойчиво упрашивали принять. Я не разъ получалъ въ подарокъ свѣжую щучью икру, а однажды, помню, одинъ рыбакъ хотѣлъ непременно вручить мнѣ лично живого палтуса. На Пасхѣ каждый годъ майноскцы приносили въ больницу крашенныя яйца.

Узнавъ немного этихъ русскихъ эмигрантовъ въ больницу, я сталъ собирать объ нихъ свѣденія отъ тѣхъ лицъ, котормя, какъ мнѣ казалось, могли знать ихъ исторію. Но многого мнѣ узнать не удалось этимъ путемъ. Мнѣ подтвердили лишь то, что я и раньше слышалъ, а именно, что эти русскіе—потомки донскихъ казаковъ-раскольниковъ, перешедшихъ въ Турцію во времена гоненій на старообрядцевъ. Предводительствовалъ бѣжавшими казакъ Некрасовъ, почему майноскскіе казаки до сихъ поръ еще называются некрасовцами. На картѣ Киперта я нашелъ приморскій городокъ Пандерму, лежащій близъ Бизнесскаго полуострова, и озеро Маніасъ или Майнось, а на картѣ Ильина, изданія 1892, селеніе *Казаклы*, т-е. Казачье или Казацкое въ переводѣ съ турецкаго языка. Ничакихъ другихъ свѣденій, относящихся къ этимъ некрасовцамъ, мнѣ долго не удавалось собрать.

Однажды, въ концѣ апрѣля 1893 года, я увидалъ въ приѣмной больницы старика въ черной порыжѣвшей расѣ и въ барашковой шапкѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ русскаго типа мужчина съ русой бородой и свѣтлыми глазами, въ курткѣ изъ грубаго сѣраго сукна, въ высокихъ смазныхъ сапогахъ и въ соломенной шляпѣ. Это были попъ Иванъ, майноскскій старообрядческій священникъ, и сынъ его, лѣтъ сорока, тоже Иванъ, рыбакъ. Оба пришли за врачевнымъ совѣтомъ. Сынъ остался на нѣкоторое время въ больницу. Воспользовавшись случаемъ, я постарался узнать отъ отца Ивана еще нѣкоторыя подробности о жизни майноскцевъ и сказалъ ему, что собираюсь пріѣхать къ нимъ на Майнось.

— Что-жь, пріѣзжай,—сказалъ отецъ Иванъ:—самъ поглядишь, какъ мы живемъ.

Отецъ Иванъ говорилъ медленно и на лицѣ его лежала печать сосредоточенности и задумчивости. Позднѣе я узналъ, что это былъ человекъ, какъ говорятъ, себѣ на умѣ и что онъ върядно-таки эксплуатировалъ свою немногочисленную паству.

Когда я спросилъ у сына отца Ивана, какъ его фамилія, чтобы вписать больного въ больничную книгу, онъ какъ будто сталъ припоминать свою фамилію.

— Поповымъ меня зовуть,—сказалъ онъ наконецъ:—попа сынъ.

Этотъ Иванъ Поповъ былъ интересный субъектъ. Молчаливый, вялый, немного угрюмый и вмѣстѣ съ тѣмъ готовый оказать всякую услугу. На немъ остановился мой выборъ, какъ на вполне надежномъ человѣкѣ, который можетъ сопровождать меня въ моей поѣздкѣ на Майнось. Когда я обратился къ послу А. И. Нелидову съ просьбой разрѣшить мнѣ отправиться на Майнось и передалъ ему о цѣли моей поѣздки, посольство далъ мнѣ это разрѣшеніе съ тѣмъ условіемъ, чтобы я поѣхалъ въ сопровожденіи одного изъ посольскихъ кавасовъ или другого вооруженнаго человѣка, который могъ бы въ случаѣ нужды постоять за себя и за меня. Такая предосторожность была необходима въ виду постоянныхъ разбойническихъ нападеній, которымъ подвергаются путешественники въ турецкихъ провинціяхъ Малой Азіи. Но мнѣ предстояло съ одной стороны обезпечить себѣ безопасность во время пути, а съ другой—устроить свою поѣздку по возможности такъ, чтобы она имѣла вполне частный характеръ и не вызвала бы никакого подозрѣнія у турецкихъ властей и никакихъ ложныхъ толковъ и напрасныхъ ожиданій у самихъ майносцевъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы послѣдніе встрѣтили меня просто, были со мной откровенны и не придали моей поѣздкѣ значенія большаго, чѣмъ то, какое она имѣла въ дѣйствительности. Надо было принять во вниманіе малую степень развитія той среды, въ которой я долженъ былъ очутиться. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній я рѣшилъ отказаться отъ гѣлохранителей, которые однимъ своимъ мундиромъ обращали бы ужъ на себя вниманіе населенія въ глухой провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ увѣренъ, что некрасовцы сами позаботятся о моей безопасности, и потому остановился на рѣшеніи ѣхать съ однимъ лишь провожатымъ—Иваномъ Поповымъ. Послѣдній, вполне уже выздоровѣвшій, оставался еще въ больницѣ, ожидая дня, когда мнѣ можно будетъ ѣхать. День этотъ выбрать было нелегко. Нигдѣ нельзя было найти расписанія пароходовъ въ Пандерму. Я потомъ узналъ, что правильнаго движенія этихъ пароходовъ не существуетъ, что пароходы ходятъ въ Пандерму турецкіе и греческіе, приблизительно два раза въ недѣлю, въ зависимости отъ поступленія грузовъ, предназначаемыхъ къ отправкѣ. Въ агентствѣ Кука одинъ служащій отвѣчалъ мнѣ, что никогда ни одинъ туристъ не выражалъ желанія ѣхать въ Пандерму. Я поручилъ одному кавасу нашего консульства узнать точно, въ какой ближайшій день пойдетъ пароходъ въ Пандерму. Но когда мы съ Иваномъ въ этотъ день отправились на рейдъ, то оказалось, что пароходъ ушелъ наканунѣ, раньше срока, такъ какъ изъ Пан-

дермы дали знать по телеграфу, что пригнано много овецъ для нагрузки и отправки въ Константинополь. Спустя нѣсколько дней мы вторично разыскивали на рейдѣ пароходъ, который долженъ былъ идти въ Пандерму, и опять напрасно. Пароходъ не шелъ по случаю турецкаго праздника Курбанъ-байрама. Я уже сталъ терять надежду, что мнѣ удастся когда-нибудь осуществить задуманную поѣзду. Ивана я уже не могъ дольше задерживать, и онъ на буксирномъ пароходѣ въ тотъ же день ушелъ въ Пандерму. Наконецъ, 15-го іюня я въ третій разъ былъ на рейдѣ. Въ этотъ день уходили въ Пандерму одновременно два парохода — греческій и турецкій. Оба стояли рядомъ и грузились. Турецкій пароходъ былъ немного чище греческаго, и я рѣшилъ отправиться на немъ. Я былъ единственнымъ класснымъ пассажиромъ. Палубныхъ было человекъ двадцать. Въмѣсто Ивана взялся меня провожать грекъ Николай, хозяинъ небольшой харчевни въ Галатѣ. Онъ былъ знакомъ съ Иваномъ. До отхода парохода оставался часъ времени. Я сидѣлъ на палубѣ и наблюдалъ за нагрузкой, которая производилась примитивнымъ способомъ, при помощи ручной лебедки. Шесть человекъ вертели ворота лебедки. Работа шла очень медленно, но крика, шума, скрипа и стукотни было такъ много, что я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда весь этотъ гамъ кончится. Нагрузка подходила къ концу. На палубу пришелъ капитанъ, въ форменномъ пиджакѣ, въ фескѣ и пестрыхъ шерстяныхъ туфляхъ. Онъ далъ свистокъ, послѣ котораго еще разъ пять или шесть давались протяжные свистки черезъ каждыя три, четыре минуты. Сосѣдъ нашъ, греческій пароходъ, тоже свистѣлъ. Но вотъ, наконецъ, отданъ носовой перлинь, машина заработала, вода заплѣнилась подъ лопастями колесъ, и невзрачный, маленькій пароходъ, подъ краснымъ, обтрепаннымъ и полинявшимъ флагомъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ, вышелъ въ море, ежеминутно свистя въ предупрежденіе многочисленныхъ, скользящихъ по рейду, лодокъ и канюковъ. На носу парохода стоялъ человекъ, энергично махавшій рукою, то вправо, то влево; казалось, онъ однимъ махомъ руки хотѣлъ очистить отъ встрѣчныхъ лодокъ ту линію, по которой долженъ былъ идти нашъ пароходъ. Въ одно время съ нами свался и греческій пароходъ и пошелъ, какъ говорятъ моряки, въ кильватеръ нашего. Мы оставили въ лѣвой сторонѣ Леандрову башню. Красивъ и живописенъ былъ въ этотъ часъ дня малоазійскій берегъ съ раскинутыми среди зелени постройками, ярко освѣщенными заходящимъ солнцемъ. Западная сторона города Скутари съ безчисленными деревянными домами, спускавшимися по

горы въ самому морю, съ бѣлыми минаретами мечетей, возвышавшимися въ разныхъ мѣстахъ, и съ рощей кипарисовъ на заднемъ фонѣ, представляла великолѣпную картину, благодаря, главнымъ образомъ, огненному отблеску солнечныхъ лучей въ оконныхъ стеклахъ скученныхъ построекъ. Дальше по линіи берега видѣялось громадное желтое зданіе казармъ Селиміе, за нимъ военный госпиталь, впереди котораго на высомомъ берегу протянулась полоса зелени съ бѣлыми крестиками на зеленомъ фонѣ. Это—англійское кладбище. Дальше мѣстечко Мода на мысу, съ роскошными дачами; съ террасъ этихъ дачъ открывается видъ на Мраморное море и Стамбуль, такой видъ, подобнаго какому по красотѣ нѣтъ во всемъ мірѣ. За Мода городокъ Кадивей, древній Халкедонъ. Затѣмъ длинный мысъ, въ видѣ узкой полосы вдающійся въ море, съ бѣлымъ маякомъ на оконечности. Это Фенербахче. Еще дальше, вдоль того же берега, тянутся селенія и разбросанныя среди зелени виноградниковъ и садовъ веселенькія дачи. Все это ярко освѣщено солнцемъ, а на заднемъ фонѣ высатся горы, служащія хорошей защитой отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Благодаря этимъ горнымъ возвышенностямъ, климатъ Принцевыхъ острововъ, лежащихъ впереди Измидскаго залива, значительно разнится отъ климата Константинополя, несмотря на то, что острова эти очень недалеко отъ Константинополя и съ высокихъ мѣстъ города хорошо видны невооруженнымъ глазомъ въ ясную погоду. Принцесы острова остались влѣво отъ насъ. Они возвышались надъ поверхностью моря какъ четыре корзинки съ зеленью, среди которой группы домовъ походили издали на разсыпанные разноцвѣтные камешки. Созерцаніе этихъ дивныхъ, созданныхъ природой игрушекъ, при лучахъ заходящаго солнца, вызывало чувство истиннаго восторга.

Съ западной стороны море представляло совсѣмъ другую картину. Линія горизонта горѣла малиново-краснымъ огнемъ. Солнечное свѣтило, похожее на огненный шаръ, должно было черезъ нѣсколько минутъ скрыться за горизонтомъ. Солнечные лучи уже не освѣщали этого берега, отдѣльныхъ красокъ нельзя было отличить. Весь Стамбуль слился въ одну общую дымчато-синюю массу, верхняя линія которой рѣзко обрисовывалась на огненномъ фонѣ вечерней зари. Оригинальнаго рисунка этой линіи съ широкими куполами мечетей и остроконечными высокими минаретами было бы достаточно для того, чтобы, разъ видѣвъ эту картину, запомнить ее на всю жизнь. Мнѣ припомнились слова Байрона: „Я извѣдаль изъ конца въ конецъ всю Европу, посѣтилъ живописнѣйшія страны Азіи и нигдѣ взоры мои не радовала ни

одна такая картина, которую можно было бы сравнить съ Константинополемъ"... Обычный мой обѣденный часъ уже пронелъ и я сталъ ощущать голодь. Но, увы, на пароходѣ не было буфета и я долженъ былъ удовольствоваться той холодной закуской, которую захватилъ съ собой по совѣту добрыхъ друзей. Кафеджи принесъ мнѣ чашечку турецкаго кофе. Послѣ обѣда я опять вышелъ на палубу. Неприхотливые палубные пассажиры закусывали овечьимъ сыромъ, копченой рыбой и маслинами. Эти три продукта, съ придачей большого количества пшеничнаго хлѣба, составляютъ самую употребительную пищу простонародья въ Турціи. Море было спокойно. Позади видны были огни слѣдовавшаго за нами греческаго парохода. Наступила ночь. Пассажиры улеглись спать тутъ же на палубѣ, я легъ въ каютъ-компаніи. Было еще совсѣмъ темно, когда меня разбудили громкіе человѣческіе голоса и стукотня. Пароходъ нашъ стоялъ у пристани. Заря не занималась и я рѣшилъ дожидаться разсвѣта. Капитанъ парохода, завернувшись въ пестрый халатъ, легъ спать. Мой спутникъ Николѣй не показывался. Утромъ, когда разсвѣло, я пошелъ его отыскивать, но каково же было мое удивленіе, когда Николѣй на пароходѣ не оказалось. Не у кого было даже спросить, куда исчезъ мой провожатый. Предполагая, что онъ пошелъ въ городъ и скоро вернется за мной, я сталъ дожидаться его, сидя на палубѣ и разсматривая въ бинокль берегъ. Небольшой городокъ Пандерма расположенъ на самомъ берегу залива. На первомъ планѣ видна довольно неуклюжая мечеть съ пятью куполами, похожими на пять опрокинутыхъ чугунныхъ котловъ. Сбоку небольшой бѣлый минаретъ. Деревянные жалкіе дома, частью покривившіеся, такъ скучены, что улицъ не видно. Зелени почти нѣтъ. Пандерма—городъ, соответствующій нашему небольшому уѣздному городу. Населеніе его равняется 17.000 жителей; изъ нихъ около 7.000 мусульманъ. Изъ Пандермы вывозятъ хлопокъ, овесъ, ячмень, бобы, кукурузу, овечью шерсть, коконы шелкоичнаго червя, соленую рыбу, мраморъ и камень борацитъ, изъ котораго добывается буро. Разработка залежей борацита находится въ рукахъ одной англійской компаніи. Въ Пандермѣ двѣ греческія школы, двѣ армянскія и одна турецкая. Эти свѣденія я почерпнулъ изъ альманаха *Votin*. Разсматривая городъ и окрестности въ бинокль, я замѣтилъ, что привлекаю къ себѣ вниманіе прохожихъ. На берегу, близъ пароходной пристани, стояла уже кучка людей, пристально въ меня всматривавшихся, и уже на самой пристани три человѣка, бесѣдовавшіе между собой, часто смотрѣли одновременно въ мою сторону. На-

конецъ, одинъ изъ нихъ, высокій и стройный мужчина, одѣтый въ короткую, накиннутую на плечи, суконную шубу на овечьемъ мѣху, въ барашковой высокой шапкѣ, направился молодцоватой походкой къ пароходу, вошелъ на него по трапу, перекинутому съ пристани, и, вопросительно посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— Ты русскій будешь?

Я радъ былъ услышать русскую рѣчь.

— Попъ Иванъ сказывалъ, — продолжалъ онъ: — что русскій докторъ прійдетъ. Ступай, говорить, встрѣнь его... Я ужъ тутъ съ часъ, какъ хожу.

— Со мной грѣвъ одинъ ѣхалъ, Николи, — сказалъ я: — онъ хотѣлъ меня проводить; но не знаю, куда дѣвался.

— Николи-то? а онъ, можетъ, къ вечеру лишь прійдетъ. Онъ съ парохода ночью сошелъ, въ деревнѣ тутъ одной, Перамо называется. Тамъ родня у него. Ты, небось, спалъ и не слышалъ, какъ пароходъ тамъ останавливался. Онъ недолго тамъ стоитъ, кого высадить, кого посадить и дальше идетъ.

Впоследствии я узналъ отъ самого Николи, что все, что говорилъ мой новый знакомый, было совершенно вѣрно. Дѣйствительно, Николи сошелъ съ парохода въ селеніи Перамо, думая, что мнѣ онъ ужъ болѣе не нуженъ какъ проводникъ.

— Что жъ, поѣдемъ? — спросилъ меня казакъ, котораго прислалъ отецъ Иванъ.

— Поѣдемъ. А въ чемъ ѣхать?

— Тамъ повозка дожидается.

— Тебя какъ зовутъ?

— Иванъ Михайловъ. Еще Кучерявый зовутъ. Такъ меня на селѣ прозвали, Кучерявый. — Изъ-подъ шапки выбивались у Ивана густые, темные съ просѣдью, курчавые волосы. Мой новый провожатый взялъ мой дорожный сакъ и мы, сойдя съ парохода, вышли на берегъ. Здѣсь турецкій таможенный чиновникъ потребовалъ осмотрѣть мой ручной багажъ (въ Турціи существуютъ еще внутреннія таможни) и хотѣлъ задержать нѣсколько захваченныхъ мною на дорогу номеровъ русскихъ газетъ, но, узнавъ, что я на слѣдующій же день уѣзжаю обратно, возвратилъ ихъ. Мы пошли съ Иваномъ вдоль узкой и плохо мощенной улицы. Смуглые мальчуганы въ красныхъ фескахъ смотрѣли на меня съ любопытствомъ. Вѣроятно, въ Пандермѣ рѣдко можно видѣть европейскій костюмъ. Около небольшой пивной стояла высокая повозка, похожая на тѣ, крытая парусиной повозки, въ которыхъ лѣтъ 15 назадъ перекочевывали съ мѣста на мѣсто цыгане по Россіи. Только у этой повозки кузовъ былъ

плетеный; онъ прикрывалъ сѣдоковъ съ боковъ и сверху. Сидѣть же надо было поджавъ подъ себя ноги. Иванъ Михайловъ положилъ внизъ свою шубу, чтобы мягче было сидѣть. Когда все было готово, онъ пригласилъ меня войти въ пивную и выпить на дорожку. Хозяинъ пивной, грекъ, налилъ мнѣ стаканъ винограднаго вина. Иванъ со мной чокнулся и сказалъ: „Добрый путь!“ Мы заняли въ повозкѣ свои мѣста. Иванъ сѣлъ противъ меня и рядомъ съ собой положилъ заряженное ружье. На облучокъ сѣлъ черкесь-извозчикъ. Къ намъ еще подсѣлъ какой-то еврей въ фескѣ, мелкій торговецъ, отправлявшійся тоже на Майнось. Около повозки собралось человекъ десять любопытныхъ. Изъ пивной вышелъ хозяинъ и, привѣтливо улыбаясь, пожелалъ намъ счастливаго пути.

— Можно ѣхать?—спросилъ Иванъ.

— Можно.

— Гайдъ!—сказалъ онъ черкесу. Тотъ обернулся, какъ бы желая провѣрить, всѣ ли мы усѣлись, затѣмъ крикнулъ на лошадей и слегка стегнулъ ихъ длиннымъ внудомъ. Съ шумомъ покатила повозка, подскакивая по неровной мостовой. Турчанка, закрывая тщательно нижнюю часть лица, выглядывала на насъ изъ полуоткрытыхъ дверей своими большими черными глазами. При выѣздѣ изъ города мы остановились около пекарни, чтобы захватить съ собой хлѣба. Пекарня—безъ стѣнъ и дверей—представляла изъ себя лишь большую печь съ деревянной поднятой площадкой, на которой сидѣлъ, поджавъ ноги, полураздѣтый турокъ, весь въ сажѣ и мукѣ. Тутъ же лежали хлѣбы.

Вокругъ Пандермы расположены виноградники и рощи тутовыхъ деревьевъ. Версты три мы ѣхали по мощеной дорогѣ, напоминающей наши шоссеыя, но потомъ свернули на проселочную, очень мало проѣзжую. По сторонамъ — широкая степь съ выжженной солнцемъ травой. Теплый, почти горячій вѣтеръ свободно гулялъ по этой безжизненной, пустынной равнинѣ. На всемъ пути мы встрѣтили лишь одного коннаго всадника, въ живописномъ яркомъ костюмѣ, съ винтовкой за плечами, и одну турчанку, тоже верхомъ на ослѣ; сзади нея шелъ турокъ и погонялъ осла заостренной небольшою палкой.

— Здѣсь часто разбойники нападаютъ на проѣзжихъ?—спросилъ я Ивана.

— На прошлой недѣлѣ приказчикъ одинъ здѣсь ѣхалъ, недѣльную выручку хозяину изъ Пандермы везъ, а хозяинъ, грекъ одинъ, здѣсь неподалеку въ чифликѣ¹⁾ живетъ, богатый купецъ,

¹⁾ Чифликъ—ферма, хуторъ.

такъ этого приваэчика убили. Денегъ много не нашли, а убить убили. Тутъ народъ нехорошій.

Черезъ два часа ѣзды мы остановились у шалаша, сложеннаго изъ сухихъ вѣтокъ. Старикъ-турокъ въ бѣлой чалмѣ сидѣлъ у входа въ шалашъ и стругалъ ножомъ палеу. Въ нѣсколькихъ шагахъ находился источникъ-фонтанъ: изъ отверстия въ стѣнкѣ, выложенной изъ мраморныхъ плитъ, струилась вода; на верхней плитѣ высѣчена турецкая надпись. Изъ небольшого бассейна, въ который падала вода, она проведена была дальше по канавкамъ и орошала крошечный участокъ земли, засѣянный просомъ, тыквами и помидорами. Этотъ участокъ принадлежалъ обитателю шалаша, молчаливому старцу, который поселился здѣсь не боясь, что его убьютъ или ограбятъ: вѣдь взять у него нечего, такъ какъ весь его заработокъ ограничивается нѣсколькими паричками (паричка—монета въ 10 паръ) за турецкій кофе, имѣющійся во всякое время въ услугахъ прохожаго или проезжаго. Онъ и мнѣ принесъ чашечку горячаго и сладкаго кофе, какъ только я сѣлъ на траву вблизи фонтана, подъ тѣнью единственнаго дерева — вяза. Черкесь отпрягъ лошадей. На широкомъ ровномъ пространствѣ не было видно ни одного человѣческаго жилья, никакого другаго деревца или кустика. Вѣтеръ колыхалъ листву одинокаго вяза и шуршалъ сухими листьями вѣтокъ, изъ которыхъ сложенъ былъ шалашъ; среди всеобщаго безмолвія слышалось лишь журчанье воды да фырканье лошадей, выбиравшихъ на выжженной почвѣ остававшуюся кое-гдѣ зеленую травку. По огороду, высоко поднимая красныя ноги, важно прогуливался аистъ. Вдали видна была желтая полоса воды, за которой синеватые холмы окаймляли горизонтъ. Эта желтая полоса и было озеро Майносъ. Туда лежалъ намъ путь. Простившись съ старикомъ, мы двинулись дальше. Дорога шла все время поемъ. Волнующаяся поверхность озера, съ гребешками бѣлой пѣны на мутно желтыхъ волнахъ, выступала все болѣе и болѣе отчетливо. Наконецъ можно было уже различить домики на берегу и одну изъ двухъ церквей съ куполомъ, блестящимъ издали какъ сталь.

— Вонъ оно, наше село!—сказалъ Иванъ. На нѣсколько верстъ тянутся отъ селенія поля, обрабатываемыя казаками. Я увидалъ неподалеку отъ дороги нѣсколькихъ мужчинъ, вязавшихъ скатую пшеницу въ снопы и складывавшихъ снопы въ копны. Одѣты были эти мужчины такъ, какъ одѣваются и наши крестьяне—въ длинныхъ холщевыхъ рубашкахъ съ широкой красной оторочкой и съ красными ластовицами. Штаны—синія, дерюжныя. На головахъ соломенные шляпы съ большими опущен-

ними книзу полями. Всѣ эти мужчины смотрѣли на насъ, когда мы проѣзжали мимо, и кланялись. На селѣ всѣ уже знали о предстоящемъ моемъ прїѣздѣ. На улицѣ вучками стояли взрослые парни и дѣти и съ любопытствомъ всматривались въ мое лицо. Дѣти были всѣ съ непокрытыми головами и съ свѣтлыми, почти бѣлыми волосами. Женщины сидѣли у крылецъ своихъ избъ и были заняты разной работой. Мелкій песокъ толстымъ слоемъ лежалъ на улицѣ и лошади съ трудомъ тащили повозку. Я хотѣлъ-было остановиться у отца Ивана, такъ какъ раньше говорилъ ему, что останавлиюсь у него, но мой провожатый Иванъ Михайловъ такъ привѣтливо пригласилъ меня къ себѣ, что я рѣшилъ ѣхать къ послѣднему, чтобы его не обидѣть.

— У насъ изба чистая, — сказалъ онъ. Повозка повернула въ небольшой проулокъ мимо едва замѣтной церкви-молельни, старой и полуразвалившейся, и остановилась у небольшой избы, крытой черепицей, съ выбѣленными стѣнами. Всѣ домики въ селѣ производятъ приятное впечатлѣнїе своимъ опрятнымъ видомъ, какъ снаружи, такъ и внутри. Хотя многія семьи живутъ бѣдно, но въ общемъ можно скорѣе предположить при видѣ этихъ домиковъ, что майноscopy нужды не терпятъ. Мы вошли черезъ калитку во дворъ, гладко залитый черной глиной. Часть двора находилась подъ навѣсомъ. Здѣсь были разложены цыновки, на которыхъ сидѣли женщины за руководѣльной работой, а около женщинъ играли дѣти. Эта часть жилища соответствуетъ такъ называемый „лѣтней“ избѣ нашего русскаго крестьянина. Въ зимней же избѣ у Ивана Михайлова было двѣ горницы: первая — небольшая, четырехъ-угольная, съ дверью во дворъ, а вторая, сообщавшаяся съ первой, значительно больше, съ тремя окнами, русской печью и палатами. Внутреннія стѣны были обшиты тесомъ, также и потолокъ; вдоль стѣнъ укрѣплены были деревянные скамьи, подъ которыми стояли рядами красивые глиняные кувшины. Кувшины эти выдѣлываются въ Дарданеллахъ и въ нѣкоторыхъ селахъ, расположенныхъ вдоль берега Дарданельскаго пролива. Я подумалъ сначала, что въ этихъ кувшинахъ что-нибудь сохраняется, но на мой вопросъ Иванъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это такъ, для покраски поставили (т.-е. для украшенїя).

Въ верхней части той стѣны, которая была противъ двери, на длинной полкѣ разставлены были старинные образа, съ потемнѣвшими отъ времени лицами святыхъ; нѣкоторыя иконы — въ серебряныхъ ризахъ. Здѣсь же висѣли чотки, крестики и маленькіе образки на разноцвѣтныхъ ленточкахъ. Свободныя пространства

на стѣнѣ между образами были завѣшаны кусками бумажныхъ тканей, красными, розовыми, пестрыми, тоже „для покраски“. Посреди горницы стоялъ обѣденный столъ. Полъ залитъ, какъ и дворъ, черной глиной. Осмотрѣвъ внутренность избы, я сѣлъ у входа на скамью. Небольшой дворикъ содержится чисто. Нѣсколько яблонь посажено кругомъ, здѣсь же кое-какіе овощи и даже цвѣты. Отъ сосѣдняго двора все это отгорожено плетнемъ. У большинства майнощевъ усадьбы очень похожи одна на другую. У каждаго хозяина въ избѣ нѣсколько старинныхъ иконъ, дарданельскіе кувшины и куски краснаго ситца по стѣнамъ. Немного погодя мы пошли съ Иваномъ Михайловымъ къ отцу Ивану. Солнце уже грѣло сильно. На улицѣ было много мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣ при встрѣчѣ со мной привѣтливо кланялись и съ любопытствомъ прислушивались къ русской рѣчи. Многимъ, быть можетъ, во всю жизнь не приходилось слышать слова „здравствуй“ отъ чужого человѣка. Многие навѣрно въ первый разъ видѣли русскаго въ европейскомъ платьѣ, русскаго „господина“. Нѣсколько дѣтишекъ бѣжало за мной слѣдомъ. Одна женщина подошла ко мнѣ близко-близко, какъ бы желая прислушаться къ моему разговору, и потомъ радостнымъ голосомъ произнесла: „ишь, славно какъ гутѣрить, по нашему“. Мы вошли во дворъ дома отца Ивана. На встрѣчу намъ попался кудрявый мальчикъ-блондинъ, лѣтъ шести.—„Дѣдъ дома?“—спросилъ Иванъ.—„Спитъ онъ,—пьяный“,—отвѣчалъ наивно мальчикъ. Но оказалось, что внукъ отца Ивана на этотъ разъ ошибся. Поцъ дѣйствительно спалъ, но пьянъ не былъ. Его разбудили. Мы вошли въ избу, повордовались и сѣли на разостланныя овечьи шкуры на полъ. Начался разговоръ, сначала вялый, потомъ все болѣе и болѣе оживленный. Въ горницу черезъ открытую дверь стали входить парни, возвращавшіеся къ обѣду съ поля и уже знавшіе о моемъ пріѣздѣ. Каждый, снявъ въ дверяхъ шляпу, кланялся въ ноги отцу Ивану и потомъ дѣлалъ обыкновенный поклонъ мнѣ. По приглашенію отца Ивана всѣ усаживались тутъ же, и тѣ, кто былъ постарше и посмѣлѣе, принималъ участіе въ разговорѣ. Весь разговоръ заключался, конечно, въ моихъ разспросахъ о ихъ житіѣ-бытѣ и въ ихъ разсказахъ. Разспросы я старался дѣлать, не придерживаясь какой-либо системы, какъ бы невзначай, чтобы вызвать со стороны моихъ собесѣдниковъ болшую откровенность. Разказы майнощевъ и самого отца Ивана сводились главнымъ образомъ на жалобы, что трудно жить, что налоги и подати велики, что ихъ съ каждымъ почти годомъ увеличиваютъ, что земли мало, да и ту понемногу отнимаютъ

мухаджирь, т.-е. переселенцы-мусульмане, которыхъ правительство расселяетъ на свободныхъ земляхъ по сосѣдству съ майносцами. Эти мухаджирь наносятъ большія обиды некрасовцамъ, силой завладѣвая по ключамъ ихъ землей и силой же пользуясь, чтобы ловить рыбу въ озерѣ, вопреки тому, что право рыбной ловли въ Майносѣ принадлежитъ только некрасовцамъ, отступившимъ это озеро у турецкаго правительства. Тщетно ищутъ майносцы защиты у турецкихъ чиновниковъ отъ незаконныхъ дѣйствій мухаджировъ. Я узналъ, что казаки-некрасовцы платятъ военный налогъ, освобождающій ихъ отъ воинской повинности, обязаны отдавать *десятому* съ зернового хлѣба и, наконецъ, уплачивать по 20 левовъ (т.-е. шіастровъ) со ста съ выручки при продажѣ рыбы. Эти двадцать шіастровъ идутъ въ пользу *Dette publique ottomane*, учрежденія, расплачивающагося съ долгами Турціи и управляемаго представителями тѣхъ государствъ, которыя состоятъ кредиторами Оттоманской Имперіи. Когда настала обѣденная часть, я простился съ о. Иваномъ, обѣщая зайти къ нему послѣ обѣда „чайку попить“. Я вернулся въ избу Ивана Михайлова. Его хозяйка постлала мнѣ чистую скатерть на столъ, подала большую глиняную чашку съ картофельнымъ супомъ изъ курицы, кусокъ сятнаго хлѣба, соль и деревянную ложку. Иванъ постоялъ немного, желая, вѣроятно, посмотреть, стану ли я ѣсть ихъ неприхотливое кушанье, но, увидавъ, что я принялся за обѣдъ съ большимъ аппетитомъ, ушелъ. Послѣ обѣда я опять сѣлъ на скамейку у входа. Молодой парень въ бѣлой рубахѣ подошелъ ко мнѣ, поздоровался и, скрестивъ руки на груди, видимо ждалъ, что я начну съ нимъ разговоръ.

— Что скажешь? спросилъ я.

— Да я такъ, ничего.

Затѣмъ онъ все-таки сѣлъ неподалеку отъ меня, около стѣны, на землю, и разговоръ у насъ завязался. Я узналъ отъ своего собесѣдника, что во всей мѣстности, окружающей деревню *Казак-кѣй*, нѣтъ врача и больные лишены врачебной помощи.

— Есть тутъ одинъ грекъ, да онъ не настоящій докторъ и далече живетъ. Раза два прїѣзжалъ къ намъ. Зовутъ-то его, когда ужъ человекъ Богу душу отдалъ. Онъ, стало быть, распознаетъ, умеръ человекъ или не умеръ.

— А на деревнѣ никто не лечитъ?—спросилъ я.

— Сейчасъ нѣтъ, а допрежъ старуха одна была, хорошо лечила. У одного казака палецъ на ногѣ разболѣлся, а въ ту самую пору докторъ, грекъ, что я связывалъ-то, на селѣ былъ.

Говорить: тебѣ надо палець отрѣзать, а онъ не захотѣлъ, пошелъ къ старухѣ; старуха приказала ему толченымъ углемъ палець присыпать. Дня черезъ три кончикъ отвалился, такъ—маленькій, а палець зажилъ.

Передъ вечеромъ я пошелъ осмотрѣть единовѣрческую церковь-моельню. Церковь—старая, съ деревянной низенькой колокольней, на которой нѣтъ ни одного колокола. Единственный колоколъ, присланный для церкви однимъ московскимъ вущомъ-старообрядцемъ, лежитъ у дверей церкви на землѣ, надтреснутый и много лѣтъ уже остающійся безъ употребленія. Внутри церкви много старинныхъ потемнѣвшихъ иконъ; иконостасъ деревянный, темный. Украшеній почти нѣтъ никакихъ; отъ всего вѣетъ бѣдностью. Притворъ церкви служитъ для тѣхъ женщинъ, которыя находятся въ періодѣ менструаціи или еще не приняли молитвы послѣ рожденія ребенка. Тѣмъ и другимъ доступъ въ самую церковь воспрещенъ. Изъ единовѣрческой церкви я прошелъ въ церковь старообрядцевъ австрійскаго толка. Она немного поновѣе и напоминаетъ болѣе наши сельскія церкви, но обстановка такая же бѣдная, какъ и въ единовѣрческой. Рядомъ съ церковью, въ оградѣ—могила священника, умершаго за годъ до моего посѣщенія Майноса. Майносы австрійскаго толка остаются безъ попа. Богослуженіе совершаетъ дячокъ, пьяненькій мужичишка, который мнѣ очень жаловался на трудное дѣло, доставшееся ему послѣ покойнаго отца Алексѣя. Посѣтивъ церкви, я пошелъ въ тѣ избы, гдѣ находились больные. Всѣхъ больныхъ я нашелъ въ самой неблагоприятной для нихъ обстановкѣ; лечатъ ихъ такими „средствами“, отъ которыхъ скорѣе можетъ быть вредъ, чѣмъ польза. Одно несчастнаго больного я засталъ почти умирающимъ отъ долгаго голоданія. Его жена и дѣти сами питались впроголодь, а больной ѣлъ лишь тогда, когда кто-нибудь изъ сосѣдей, сжалившись надъ нимъ, приносилъ ему кусокъ хлѣба. Случалось, какъ мнѣ говорили, что по два дня кряду больному нечего было ѣсть. Отъ больныхъ я пошелъ опять къ отцу Ивану. У него сидѣлъ одинъ старикъ, который, когда я пришелъ, сталъ мнѣ жаловаться на попа, говоря, что попъ Иванъ отказался вѣнчать его внучку. Отецъ Иванъ спокойно оправдывался тѣмъ, что внучка хотѣла идти замужъ за близкаго родственника и что онъ по закону не имѣлъ права вѣнчать.—„Вы всѣ здѣсь между собою перероднились“,—прибавилъ онъ, обращаясь къ старику.

Переночевавъ у Ивана Михайлова, я на слѣдующее утро выѣхалъ обратно въ Пандерму. Иванъ поѣхалъ опять со мной.

Майносцы собрались группой около избы Ивана и провожали меня пожеланіями добраго пути.

— Спасибо тебѣ, что больныхъ-то поглядѣлъ,—услышалъ я чей-то голосъ.

— Понравилось тебѣ наше село?—спросилъ меня одинъ рослый мужчина, коротко остриженный, съ большой бородой, стоявшій около повозки.

— Мы тебѣ рады были,—громко проговорила женщина, окруженная кучей ребятшекъ. Повозка тронулась.

— Въ добрый часъ, прощай, путь добрый!—раздался голоса.

Одна женщина, лечившаяся въ константинопольской русской больницѣ, упростила меня взять съ собой и отвезти сестрамъ милосердія, которыя за ней ходили во время ея болѣзни, небольшое растеніе—„василѣкъ“, какъ она его называла. „Василѣкъ“ этотъ не былъ похожъ на наше полевой василекъ и посаженъ былъ, вмѣсто горшка, въ выдолбленную и наполненную землей тыкву.

По дорогѣ въ Пандерму Иванъ Михайловъ продолжалъ мнѣ рассказывать о бытѣ майносскихъ казаковъ-старообрядцевъ, о ихъ отношеніяхъ къ турецкому правительству и отношеніяхъ между собой. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что о времени ихъ переселенія въ Турцію они ничего не знаютъ, но что дѣды ихъ рассказывали про казака Игната Некрасова, который поднялъ 4.000 казаковъ и ушелъ съ ними „изъ Рассей“.

— Они на рѣкѣ одной жили,—прибавилъ Иванъ:—да какъ ту рѣку называли—не припомню. Часть казаковъ, по словамъ Ивана, ушла дальше, въ глубь страны, къ Коніи.

— Чтѣ съ ними случилось, Богъ вѣсть. Одинъ человекъ пріѣзжалъ ихъ исцѣлять, годовъ десять назадъ, да такъ и не нашелъ. Много ихъ вымерло.

— Васъ здѣсь сколько теперь на селѣ?—спросилъ я.

— Полтора ста душъ насъ осталось, казаковъ то-есть, чтѣ на лошадей могутъ сѣсть, а допрежь куда больше было. Тоже повымерли.

Въ Пандермѣ я зашелъ опять въ ту же харчевню закусить до отхода парохода. Круглолицый грекъ встрѣтилъ меня какъ стараго знакомаго. Сюда же пришли нѣсколько русскихъ изъ другой деревни, находящейся на берегу озера Майноса, Гамидіе. Такіе же добродушные и пріятливые, какъ и жители Казак-вѣя, они меня тотчасъ узнали и непрерывно стали высказывать сожалѣнія, что я ихъ не посѣтилъ. Мнѣ показалось даже, что они этимъ были немного обижены. Я имъ объяснилъ, что для поѣдки въ Гамидіе потребовался бы еще цѣлый день, а что

свободнаго времени у меня нѣтъ и я долженъ спѣшить возвращеніемъ въ Константинополь. Нѣсколько мужчинъ подсади ко мнѣ и пожелали выпить со мной, на что я охотно согласился. Наибольше говорливый изъ нихъ, чокаясь со мной стаканомъ, сказалъ: „Будь здоровъ. И тебѣ, и царю вашему и нашему дай Богъ здоровья“. Всѣ майносцы называютъ въ разговорѣ турецкаго султана царемъ и относятся къ нему съ большимъ почтеніемъ. Нѣсколько лицъ изъ мѣстныхъ жителей, находившіяся въ харчевнѣ, смотрѣли на нашу группу съ любопытствомъ. Ни Ивана Михайлова, ни кого-либо изъ Казак-кѣя въ это время въ харчевнѣ не было. Я догадался, что Иванъ вышелъ нарочно, такъ какъ между казаками-старообрядцами, принявшими единовѣріе и живущими въ Казак-кѣѣ, и тѣми новыми русскими переселенцами, которые основали селеніе Гамидіе и которые всѣ пришли сюда сравнительно недавно, изъ Добруджи, съ устьевъ Дуная, отношенія существуютъ не вполне дружелюбныя.

— Мы ихъ кубанцами зовемъ, а они насъ дунаками,—сказалъ сидѣвшій со мной рядомъ русскій изъ Гамидіе.

— Вамъ нужно въ мирѣ между собой жить,—сказалъ я:— и они русскіе, и вы русскіе.

— Это точно,—отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ (звали его Тимоѣемъ):—да мы и не ссоримся, а дружить не дружимъ, потому они сами отъ насъ отошли.—Изъ дальнѣйшаго разговора съ Тимоѣемъ, разговора, въ которомъ принимали также живое участіе двое другихъ майносцевъ изъ Гамидіе, я могъ себѣ уяснить, что причина не вполне дружелюбныхъ отношеній между „кубанцами“ и „дунаками“ заключается именно въ томъ, что первые присоединились частью къ единовѣрью, тогда какъ переселенцы съ Дуная всѣ принадлежатъ къ старообрядцамъ-безпоповцамъ. Эти послѣдніе стали переселяться изъ Добруджи на Майнось послѣ того, какъ Добруджа по берлинскому трактату отошла къ Румыніи и свободные дунайскіе рыбаки, не ощущавшіе никакого бремени, пока были подданными турецкаго султана, начали испытывать тяжесть румынскаго подданства. Особенно стѣснительной для нихъ оказалась обязательная воинская повинность. Богослуженіе у живущихъ въ Гамидіе безпоповцевъ совершается дьякъ-начетчикъ, при чемъ тѣ молитвы, которыя должны читаться священникомъ, совсѣмъ не читаются.

Разсказывая мнѣ про богослуженіе, мой собесѣдникъ прибавилъ: „Все то же, что и у васъ“.

— А вашихъ дѣвухеъ вы отдаете замужъ за тѣхъ казаковъ, кубанцевъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, отъ нихъ беремъ, а имъ не отдаемъ.—Пора было идти на пароходъ. Я простился съ своими русскими собесѣдниками и, провожаемый Иваномъ Михайловымъ и еще однимъ русскимъ изъ Казакъ-вѣя, которые несли за мной вещи мои и василекъ въ тывѣ, пошелъ по направленію къ пристани. Пароходъ давалъ уже свистен. Цѣлая толпа народа расположилась на палубѣ. Мнѣ отвели мѣсто въ каютѣ контролера пароходной компаніи. Иванъ Михайловъ сердечно со мной простился и пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Около шести часовъ вечера пароходъ снялся и, сдѣлавъ поворотъ, далъ полный ходъ. Все мельче и мельче казались деревянныя постройки Пандермы; одинъ лишь бѣлый минаретъ мечети продолжалъ выдѣляться изъ небольшой кучки темносѣрыхъ строеній. Слѣва въ сумракѣ выступали горы Кизикскаго полуострова. Скоро настала ночь. На слѣдующій день рано утромъ пароходъ нашъ входилъ на константинопольскій рейдъ. Солице только-что взошло и картина, какую представляли взорамъ Стамбуль, Золотой Рогъ и европейская часть Константинополя, была уже иная, пожалуй, еще болѣе красивая въ сравненіи съ той, какую я наблюдалъ при отъѣздѣ вечеромъ. Изъ-за возвышеннаго азіатскаго берега поднялось яркое свѣтло и лучи его заиграли въ водной поверхности Босфора и въ окнахъ зданій, расположенныхъ вдоль берега съ противоположной стороны и выше, на горѣ, въ такъ называемой Перѣ. Стамбульскій мысъ, съ его кипарисами, платанами и бѣлыми постройками стараго Серала, окаймленными зеленью, галатскій мостъ съ двигавшейся по немъ пестрой толпой и весь рейдъ съ многочисленными пароходами, парусными судами, надъ которыми высіялся цѣлый лѣсъ мачтъ, и изящными желтыми каннами, быстро скользящими по водѣ, все было какъ бы затянута прозрачной розовой кисеей: этотъ утренній туманъ, получающій блѣдно-розовую окраску отъ лучей восходящаго солнца, служитъ обычнымъ одѣяніемъ, въ которомъ Стамбуль въ ранніе часы дня кажется еще живописнѣе и напоминаетъ великолѣпную театральную декорацию.

По возвращеніи въ Константинополь, я, съ разрѣшенія бывшаго настоятеля посольской церкви, архимандрита о. Арсенія, пересмотрѣлъ тѣ книги въ церковной библиотекѣ, въ которыхъ, по моимъ предположеніямъ, могло найтись что-нибудь относящееся къ исторіи казаковъ-некрасовцевъ. Нѣкоторые свѣденія о нихъ я нашелъ въ „Историческихъ очеркахъ поповщины“, составленныхъ П. Мельниковымъ и въ книгѣ Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“, а позднѣе, во время поѣздки моей тѣмъ же лѣтомъ на Аѳоны, мнѣ попалась въ библиотекѣ аѳон-

скаго Пантелеймонова монастыря брошюра инова Михаила: „Согласіе на присоединеніе къ единовѣрью переселенцевъ изъ Россіи, старообрядцевъ-некрасовцевъ, проживающихъ въ Азіатской Турціи, на Майнось“ (статья эта была напечатана въ „Душеполезномъ Читеніи“, ноябрь 1873). Считаю здѣсь нелишнимъ передать въкоторыя подробности, относящіяся къ исторіи некрасовцевъ и сообщаемыя названными мною авторами. „Въ царствованіе Петра I,—говоритъ П. Мельниковъ въ своихъ „Очеркахъ поповщины, — произошелъ на Дону извѣстный бунтъ Кондратія Булавина (1708 г.). Когда это возмущеніе, принявшее было громадныя размѣры, было подавлено воеводой кн. Долгоруковымъ, одинъ изъ главныхъ предводителей восстанія, атаманъ Игнатъ Некрасовъ, съ 2.000 казаковъ убѣжалъ на р. Кубань, подвластную тогда крымскому хану подъ верховнымъ владычествомъ султана турецкаго. Всѣ бѣглецы были старообрядцы по поповщинѣ“. Казаки,—читаемъ мы дальше,—бѣжали съ женами и дѣтьми. Пришедши на Кубань, они въ такъ называемыхъ Гребеняхъ завели много станицъ и заселили край, поступивъ въ подданство султана. Къ нимъ, на „вольныя земли“, стали во множествѣ приходить казаки-старообрядцы съ Дона, Волги и Яика. Щаповъ, въ своей книгѣ: „Русскій расколъ старообрядства“, называетъ и товарищей Некрасова, съ которыми послѣдній ушелъ на Кубань. То были Гаврила Чернецъ, Иванъ Драный, Кузьма и Савелій Вороновы. Переселеніе на Кубань было такъ значительно, что обратило на себя вниманіе русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что кубанскіе казаки, съ вѣдома крымскаго хана и съ помощью кубанскихъ татаръ, дѣлали частыя вторженія въ предѣлы Россіи. Объ этомъ Петръ I писалъ въ іюлѣ 1710 года султану Ахмету III, но напрасно. Во время войны Петра съ Турціей кубанцы, утѣсняемые русскими войсками, во множествѣ переселились вмѣстѣ съ Некрасовымъ въ Турцію. Построивъ канки, они переплыли Черное море и явились въ Константинополь, прося у султана земель для поселенія и предлагая службу противъ враговъ его. Просили они поселиться поближе къ русскимъ казакамъ и Запорожью. Имъ отведены были мѣста въ Добруджѣ и Бессарабіи по устьямъ Дуная и при озерѣ Равельмъ. Въ Добруджѣ они заселили три большія слободы: Сарыкѣй, Славу и Журилово. Названіе Сарыкѣй было скоро передѣлано казаками на русскій ладъ въ Серяково. Другая, меньшая часть вышедшихъ въ Турцію съ Некрасовымъ казаковъ была поселена между Мраморнымъ моремъ и Архипелагомъ, неподалеку отъ устья рѣки Марыцы, впадающей въ Эносскій заливъ. Третья, также небольшая часть

кубанскихъ казаковъ поселена была въ Малой Азій въ трехъ селеніяхъ. Одно изъ нихъ находится неподалеку отъ Мраморнаго моря и называется Бинъ-эвле (въ переводѣ—состоящее изъ „тысячи домовъ“). Это и есть теперешнее Казакъ-кѣй. Очевидно, названіе Бинъ-эвле не удержалось и замѣнилось названіемъ „Казакъ-кѣй“, т. е. *казацкое село* или „Казакляръ“, т. е. просто *казаки*. Другое селеніе находится близъ устья рѣки Кизилъ-Ирмака на южномъ берегу Чернаго моря, между Самсуномъ и Синопомъ, и третье на черноморскомъ лиманѣ Дерконъ, недалеко отъ входа въ Босфоръ. Сюда по зимамъ пріѣзжаютъ некрасовцы изъ Казакъ-кѣя для рыбной ловли. „Кубанцы въ Турціи,—говоритъ Мельниковъ,—извѣстны подъ именемъ Игнатъ-казаковъ (по имени прѣводителя ихъ Игната Некрасова), по-русски же больше называются некрасовцами“. Мнѣ же лично пришлось слышать отъ турокъ названіе „гигнатъ-казакъ“, очевидно, получившееся изъ „игнатъ-казакъ“. Такое измѣненіе произошло подъ вліяніемъ времени, съ теченіемъ котораго стали забываться рассказы объ атаманѣ Игнатѣ Некрасовѣ и у турокъ непонятное имъ слово „игнатъ“ само собой измѣнилось въ „гигнатъ“, что означаетъ: „упрямый“. Мельниковъ справедливо отзывается о некрасовцахъ, какъ о народѣ, сохранившемъ всецѣло русскую народность во всѣхъ условіяхъ своего домашняго и общественнаго быта. Только слово „народъ“ звучитъ теперь какъ-то странно по отношенію къ этой небольшой кучкѣ русскихъ переселенцевъ. Присоединеніе большинства некрасовцевъ къ единовѣрью произошло въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Этому присоединенію содѣйствовали главнымъ образомъ монахи аеонскаго Пантелеймонова монастыря. Майноscopy пріѣзжали отъ времени до времени на Аеонъ ловить рыбу и посѣщали при этомъ русскіе монастыри и скиты. Первоначальной цѣлью этихъ посѣщеній было желаніе сманить къ себѣ какого-нибудь попа. Ихъ послѣдній попъ, по имени Агаеодоръ, наживъ денегъ, „утѣкъ неизвѣстно куда“. Но попа на Аеонѣ майноспцамъ найти не удавалось, а принимать австрійскихъ поповъ большинство некрасовцевъ не соглашалось, признавая ихъ за еретиковъ, потому что они получили священство отъ „запрещеннаго митрополита Амвросія“. Въмѣстѣ съ тѣмъ старцы Пантелеймонова монастыря, о. Макарій, о. Иеронимъ и другіе, убѣждали майноскопскихъ старообрядцевъ присоединиться къ единовѣрью. Подъ давленіемъ монаховъ майноscopy мало-по-малу склонились къ этому рѣшенію и съ благословенія вселенскаго патріарха выбрали изъ своей среды нѣкоего Ивана Воцихина, бывшаго у нихъ начетчивомъ, и послали его въ Петербургъ. Въ

Петербургъ этотъ Иванъ Вошкинъ былъ рукоположенъ во священника митрополитомъ Исидоромъ. По возвращеніи о. Ивана на Майнось, вскорѣ была освящена приѣзжавшимъ туда нарочно настоятелемъ посольской церкви въ Константинополь, архимандритомъ о. Смарагдомъ, небольшая единовѣрческая церковь. Изъ московской единовѣрческой типографіи были присланы старообрядческія книги, по которымъ отецъ Иванъ совершаетъ богослуженіе и въ настоящее время.

Когда присоединеніе майносскихъ старообрядцевъ къ единовѣрцію состоялось, проживающіе въ Россіи единовѣрцы обратились къ вселенскому патріарху Іоакиму III съ признательнымъ привѣтствіемъ, въ которомъ говорилось: „Виною нашему благодаренію и самому посланію послужила радостная вѣсть, что ваше всесвятѣйшество разрѣшили и благословили невозбранно содержать чтимые и хранимые нами обряды братіямъ нашимъ, русскимъ обитателямъ Майноса, предки коихъ ради свободы сихъ обрядовъ, связанной соборнымъ постановленіемъ 1667 г., оставили нѣкогда свою родину“... „Дабы ни въ маломъ чемъ,—говорилось дальше,—не коснуться чувства ревнителей древнерусскаго обряда, современному православному Востоку неизвѣстнаго, ваше всесвятѣйшество благоволили дать свое братолюбивое и закономъ церковнымъ требуемое согласіе, чтобы пришедшимъ въ общеніе церкви майноссцамъ священный причтъ былъ поставленъ рукою русскаго іерарха. Этотъ частный случай, знаменательный самъ по себѣ, имѣетъ и общее весьма важное значеніе. Онъ громко возвѣщаетъ, что просвѣтившій насъ Востокъ совершенно чуждъ того несправедливаго предубѣжденія и той обрядовой исключительности, которыя два вѣка тому назадъ привели русскую церковь къ пагубному раздѣленію, и что въ тотъ недалекій, по упованію нашему, день, когда Богомъ просвѣщенные пастыри русской церкви обратятся для окончательнаго рѣшенія наложенныхъ на свободу нашего обряда узъ къ содѣйствію восточныхъ церквей, они не откажутъ имъ въ своей духовной помощи и тѣмъ послужатъ миру и соединенію нынѣ разлученныхъ чадъ единой матери—земли русской“.

Этими строками признательнаго привѣтствія русскихъ единовѣрцевъ я и закончу свой рассказъ о поѣздѣ въ майносскимъ старообрядцамъ.

В. Щепотьевъ.

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ОБЩЕСТВОМЪ

„Social Strugglers“. A Novel by Hjalmar Hjorth Boyesen ¹⁾.

I.

Родиной семьи Бельклеевъ былъ, безспорно, штатъ Массачусетсъ; что же касается ихъ родословной, то она принадлежала къ числу такихъ, о которыхъ неизвѣстно, гдѣ и когда она велась. Пелегъ Бельблей, глава семьи, съ гордостью, но въ не-

¹⁾ Гьяльмаръ Гьортъ Бойезенъ—родомъ норвежець, приобрѣвшій литературную извѣстность въ Америкѣ. Онъ родился въ 1848 г. и переселился въ Нью-Йоркъ въ 1869 г. Въ началѣ 1870 года онъ уже служилъ въ Чикаго, въ редакціи норвежскаго журнала „Fremad“, но скоро предпочелъ быть преподавателемъ гимназіи въ Охайо; тамъ онъ давалъ уроки латинскаго и греческаго языковъ и въ то же время самъ изучилъ живую англійскую рѣчь. Первое его произведеніе (разсказъ изъ норвежскаго народнаго бѣта): „Gunnar“, появилось на англійскомъ языкѣ, въ журналѣ „Atlantic“ въ 1873 году. Еще въ 1872 году, Бойезенъ былъ назначенъ доцентомъ въ Корнеллевскомъ университетѣ, при чемъ университетъ согласился на предложенное имъ условіе: не вступать въ должность, пока онъ не совершитъ путешествія по Европѣ для окончательнаго своего усовершенствованія въ иностранныхъ литературахъ. Весной 1873 г., онъ уѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ занимался германскою литературою, и главнымъ образомъ изучалъ Гёте; затѣмъ Бойезенъ побывалъ во многихъ городахъ и столицахъ Европы, при чемъ въ Парижѣ особенно сошелся съ Тургеневымъ, который съ тѣхъ поръ находился съ нимъ въ переноскѣ, продолжавшейся до самой смерти послѣдняго.

По возвращеніи своемъ на предначиненный ему постъ въ Корнеллевскомъ университетѣ, Бойезенъ продолжалъ и свою литературную дѣятельность. Его „Goethe and Schiller (Their Lives and Works) with a Commentary on Faust“ пользуется извѣстностью не въ одной только Америкѣ, но и въ Европѣ, и было переведено на нѣмецкій языкъ. Изъ другихъ сочиненій этого англо-норвежца обратили на себя вниманіе: „A Norseman's Pilgrimage“, „The Golden Calf“, „Queen Titania“, „Tales from two Hemispheres“ и мн. др.

Въ своемъ романѣ „Social Strugglers“ Бойезенъ даетъ живое описаніе совре-

опредѣленныхъ выраженіяхъ повѣствоваль иной разъ о своемъ происхожденіи изъ этого центра портовой цивилизаціи; но описывать дальнѣйшія подробности отличительныхъ свойствъ и преимуществъ Массачусетса онъ предоставлялъ своимъ дочерямъ, которыя, встаети сказать, никогда тамъ не бывали. Наводить разговоръ на тему его житейскаго опыта и успѣха на Западѣ домашніе Бельклея ему не позволяли, хотя онъ и не могъ никакъ уразумѣть, почему это можно считать унижительнымъ для чувства собственнаго достоинства? Онъ не могъ понять, что могло быть поворнаго въ его профессіи торговца,—главы большого торговаго дома? Тѣмъ болѣе, что онъ твердо помнилъ, въ какой восторгъ, бывало, приходила его супруга отъ большихъ зеркальныхъ оконъ магазина и отъ гигантскихъ разукрашенныхъ объявленій, на которыхъ наглядно изображались быстрые успѣхи въ свѣтѣ господина, одѣтаго фирмой Бельклея, и злополучіе и невзгоды, постигающія тѣхъ, кто покупаетъ себѣ платье въ другихъ магазинахъ. Въ какое восхищеніе, бывало, приходила сама м-съ Бельклея и ея дѣти, когда онъ имъ читалъ свои преісъ-курранты въ стихахъ собственнаго сочиненія! Особенный восторгъ въ нихъ возбудилъ, сколько помнится, фасадъ зданія „торговаго дома П. Бельклея“, исполненный красками. Онъ представлялъ президента съ министрами, сіяющими отъ удовольствія, что они одѣты въ платье Бельклея; другая группа состояла изъ принца Уэльскаго и цѣлой толпы королей, лица которыхъ были печальны, потому что ихъ одѣвали какіе-то Пуули и подобные невѣдомые люди.

Изъ устъ почтеннаго П. Бельклея такъ и сыпались анекдоты изъ того блестящаго времени; и большихъ усилій надъ собою стоило ему удержаться, чтобы не сказать чего-нибудь не совсѣмъ подходящаго. Онъ былъ слишкомъ американецъ въ душѣ, чтобы сочувствовать желанію семьи похоронить свое прошлое; тѣмъ болѣе, что оно было вполне почтенно и примѣрно и могло бы сдѣлать честь любому изъ его товарищей и земляковъ,—такихъ же согражданъ-американцевъ, какъ и онъ самъ. Были минуты, когда его новоспеченное общественное положеніе такъ же нестерпимо

женскихъ американскихъ общественныхъ нравовъ. Жители *восточной* части Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ считаютъ себя просвѣтителями Америки и потому ставятъ себя несравненно выше людей *западныхъ* штатовъ, представителей исключительно промышленныхъ интересовъ. Такова исходная точка романа: борьбу съ обществомъ и его предрассудками приходится вести семейству бывшаго торговца, миллионера, чтобы занять подобающее мѣсто въ обществѣ представителей нѣ-юрскаго цивилизаціи.

стѣсняло его, какъ тѣсная куртка, которую его такъ и тануло порвать, чтобы вздохнуть свободнѣе; но ради дочерей своихъ (а ихъ у него было цѣлыхъ три) онъ соглашался терпѣть всяческія притѣсненія и отказывался отъ посѣщеній интервьюеровъ газеты „Свѣтъ“, хотя въ сущности ему бы самому очень хотѣлось побесѣдовать съ ними обстоятельно обо всѣхъ нежелательныхъ сторонахъ его специальности. Обѣ старшія дочери Бельклей раздѣляли возвращенія своей матери, и отецъ, не желая ихъ сердить и огорчать, исполнялъ всѣ ихъ желанія.

Положимъ, въ жизни бывали у него и неудачи; такъ, напримеръ, не пошла его торговля мучными и вообще питательными веществами, которую ему пришлось ликвидировать, возвративъ кредиторамъ по 30 центовъ на долларъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ „протрубилъ“ цѣлыхъ пять лѣтъ въ качествѣ комиссіонера одного очень богатаго торговаго дома на Западѣ, зарабатывая до 6.000 долл. въ годъ и пользуясь въ то же время долей въ доходахъ съ весьма значительныхъ золотыхъ приисковъ. Еще шесть лѣтъ прослужилъ Пелегъ въ качествѣ товарища одной торговой фирмы и, наконецъ, сдѣлался единственнымъ и безраздѣльнымъ ея собственникомъ. Между тѣмъ удачныя торговныя предпріятія и усиленные, весьма умные, обороты съ приисками сдѣлали его миллионеромъ; миллионы его все росли и росли... Теперь уже не было ни повода, ни необходимости продолжать торговлю платемъ, и м-съ Бельклей стала серьезно подумывать о томъ, чтобы занять въ высшемъ обществѣ то положеніе, на которое имъ давали права ихъ капиталы.

Прежде всего, м-съ Бельклей встревожила своего супруга своей расточительностью. Она захотѣла имѣть воляску съ ливрейнымъ лакеемъ и вучеромъ; горничную ирландку она замѣнила толстымъ и рослымъ, бородатымъ дворецкимъ такого внушительнаго вида, что его господа сами дрожали при мысли, что они могутъ сказать или сдѣлать что-нибудь неловкое въ его присутствіи. Его чисто-англійская горделивая осанка не мало смущала самого хозяина дома, которому казалось, что онъ исподтишка смѣется надъ ними—себѣ въ бороду, конечно. Пелегъ, однако, находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ сознаніи, что и женѣ, и дочерямъ—какъ онѣ ни храбрились—все-таки, приходится не легче, чѣмъ ему самому: онъ зналъ, что у нихъ не было отъ природы той добродушной юмористической складки, которая помогала ему сносить свою неловкость и даже невинно самому посяиваться надъ нею.

Своихъ старыхъ друзей, которыхъ м-съ Бельклей прежде

любила, теперь она ужъ больше не хотѣла знать и добровольно терпѣла безконечныя униженія въ своихъ усиліяхъ создать себѣ кружокъ новыхъ и единомыслящихъ друзей. Въ то время, въ большомъ городѣ Западной Америки, гдѣ жили Белькеи, была, такъ сказать, цѣлая клка, состоявшая изъ самыхъ милыхъ и самыхъ образованныхъ его жителей. Члены ея держались крайне обособленно и лишь съ разборомъ допускали въ свое общество постороннихъ. Въ ту пору хоть и существовалъ уже такъ-называемый „колбасный аристократизмъ“, но за нимъ еще не были признаны права гражданства. Колбасные аристократы — говоря проще, торговый людъ — ложились спать въ девять часовъ, а въ десять всѣ улицы уже погружались въ тяжелый сонъ безъ сноидѣній, — какимъ спать труженики и люди, истомленные горемъ. Но въ числѣ такихъ тружениковъ и торговцевъ было немало богачей и миллионеровъ, которые неизмѣнно слѣдовали своимъ древнимъ порядкамъ и обычаямъ, а потому и почивали безучастно крѣпкимъ сномъ въ то время, какъ вокругъ нихъ кипѣли шумъ и суматоха стачекъ, вмѣшавшаяся въ которыя и оградить славу и честь западнаго общества отъ порицанія — имъ даже въ голову не приходило. М-съ Белькей прекрасно понимала, что не такое общество поможетъ ей поднять свѣтское значеніе ея семьи, и потому обратила свои исканія въ другую сторону. Она весьма хитро подѣхала къ одной богатой и вліятельной дамѣ, которая славилась своими музыкальными вечерами: по середамъ у нея собиралось самое изысканное общество знатоковъ музыки и артистовъ. Но тутъ всѣ хитрости м-съ Белькей встрѣтили отпоръ, и съ новой энергіей она занялась новыми ухищреніями, предметомъ которыхъ, на этотъ разъ, оказалась дама — предводительница того же лагеря, но въ иномъ отношеніи: ея специальность была покровительствовать остроумію и образованности и устраивать у себя замѣчательно оживленные танцевальныя вечера. Однако, и въ данномъ случаѣ м-съ Белькей постигла неудача: и въ этотъ кружокъ ее не приняли. Горькая истина, что ей не могли простить хоть и отдаленной, но все же несомнѣнной прикосновенности къ портняжному ремеслу, стала теперь для нея очевидна. Два года усердныхъ попытокъ попасть въ тотъ или другой кружокъ цивилизованнаго общества привели ее къ убѣжденію, что образованнымъ людямъ не житье тамъ, гдѣ царить „колбасный аристократизмъ“ и гдѣ весь городъ поглощенъ лишь куплей и продажей.

М-съ Белькей, какъ женщина рѣшительная и предприимчивая, порѣшила переѣхать въ Нью-Йоркъ, гдѣ, по ея мнѣнію, будетъ

оказано гораздо больше вниманія и уваженія милліонамъ ея мужа. Она убѣдила его продать свои торговые права и переселиться въ столицу восточно-американскаго просвѣщенія, на что м-ръ Бельклей далъ милостиво свое согласіе, прекрасно зная, что ему нѣтъ иного выбора, какъ согласиться: вся разница только въ томъ — милостиво или немилостиво дастъ онъ это неизбежное согласіе. Женщины того разряда, къ которому принадлежала м-съ Бельклей, обыкновенно держатся того порядка, что пилать своего мужа до тѣхъ поръ, пока онъ не заплашетъ по ихъ дудѣ; въ противномъ случаѣ, жизнь его будетъ не жизнь, а каторга или чистое мученичество, хотя и безъ ангельскаго вѣнца впереди. Такая жизнь — цѣлый рядъ стичекъ, которыя идутъ безъ перерыва, но не доводятъ до рѣшительнаго сраженія. Какъ бы то ни было, Пелегъ предчувствовалъ вѣроятно, что этотъ приступъ будетъ рѣшительный, и потому предпочелъ сдаться безъ борьбы и сопряженныхъ съ нею неприяностей.

Когда м-съ Бельклей отрясла съ ногъ своихъ прахъ неблагодарнаго и неблагороднаго Запада, ей шелъ всего сорокъ третій или сорокъ четвертый годъ, хотя на видъ ей врядъ-ли это дажь бы и тридцать пять. Несмотря на свое невысокое происхождение, она, по наружности по крайней мѣрѣ, была совершенная леди. Это была одна изъ тѣхъ американокъ, которыя умѣютъ приспособиться ко всякому положенію, въ полной увѣренности, что оно имъ пристало, — какъ бы высоко оно ни было. Для того, чтобы закончить характеристику м-съ Бельклей, мнѣ кажется, достаточно сказать, что она была весьма неглупаго десятка. Ея честолюбивыя стремленія были такого рода, что всякая другая женщина оправдала бы ихъ и даже нашла бы весьма умными. Ея сила была сила характера, порожденная узкостью кругозора и полнѣйшаго отсутствія воображенія. То, что стояло къ ней ближе и не выходило изъ границъ ея разумія, было для нея вполне ясно и понятно; но все остальное для нея не существовало. Вообще, въ жизни она всегда держалась какъ генераль или полководецъ, сильный духомъ и потому увѣренный, что ему не стануть противорѣчить. На лицѣ ея также была написана суровая и непреклонная воля; это яснѣе словъ подтверждалъ ея римскій носъ съ горбинкой и твердо-очерченный подбородокъ. Надо было только удивляться, какъ еще нашелся смѣльчакъ, который рѣшился, несмотря на ея миловидность, жениться на ней при *такомъ* носѣ и подбородкѣ? Впрочемъ, въ дѣлѣ брака мужчины гораздо менѣе самостоятельны, чѣмъ это кажется имъ самимъ, и потому большей частію они женятся именно на

тѣхъ женщинахъ, которыя сами хотѣтъ, чтобы на нихъ женились. Теперь, конечно, Бельклей уже давно освободился отъ своихъ прежнихъ заблужденій: для него было ясно, что ему пришлось бы вѣчно оплакивать свое супружеское иго, если бы у него вдругъ почему-либо не хватило благодатной способности добродушно относиться къ своему положенію.

Во время переселенія своего въ Нью-Йоркъ, Пелегъ (въ противоположность женѣ) отнюдь не казался моложе своихъ сорока лѣтъ; но во всей его наружности и манерахъ было что-то забавное,—вѣроятно, его постоянная боязнь не угодить супругѣ. Его грязно-русые волосы порѣдѣли на макушкѣ и покрылись сѣдиною; такая же сѣдовая жидкая борода красовалась у него на подбородкѣ; волосы на вискахъ и на лбу отодвинулись назадъ, — говоря проще, повылѣзли; поэтому лобъ его казался слишкомъ большимъ и какъ-то странно выдавался впередъ. Бельклей былъ средняго роста и склоненъ къ полнотѣ; но это не мѣшало ему имѣть довольно внушительную осанку и вообще быть довольно привлекательнымъ, несмотря на то, что онъ, по всей вѣроятности, никогда и прежде не бывалъ красивъ. Знакомая съ вами, онъ такъ быстро сближался, такъ добродушно поглядывалъ на васъ съ веселою и мягкою усмѣшкой, такъ до вѣрчиво подмигивалъ, что вамъ оставалось только присоединиться къ его шуткамъ и показать, что вы раздѣляете его искренній добродушный юморъ. Если во всему вышесказанному не прибавить, что его супружеская уступчивость была несомнѣнно его выдающимся свойствомъ,—характеристика Бельклея (безъ которой неудобно обойтись) была бы неполна.

II.

Въ большомъ домѣ-дворцѣ въ Нью-Йоркѣ, въ Пятой улицѣ, стало какъ-то вдругъ особенно тихо и чуть не мертвенно скучно, когда его уже весь отдѣляли и послѣднія работы, принадлежавшія кисти художниковъ, были закончены. Съ цѣлью расписать потолокъ и стѣны м-съ Бельклей пригласила того самаго знаменитаго художника, который украсилъ своими трудами дворецъ Вандербилта, и дала ему *carte-blanc* по всѣмъ отраслямъ его искусства. Тихо, но все-таки оживленно слѣдила вся семья домохозяевъ за успѣхами художественныхъ работъ, а затѣмъ, когда онѣ уже пришли къ концу, все въ домѣ погрузилось въ глубочайшую тишину, которую лишь изрѣдка нарушалъ звонокъ поч-

тальяна или газетчика. Если же случалось когда постучаться въ ихъ гостепріимныя хоромы какому-нибудь обнищалоу дворянину или вообще человѣку съ романтической біографіей, дѣвицы Бельклей бывали въ восторгѣ и отъ такого незатѣйливаго развлеченія. Странное и весьма распространенное среди лицъ, живущихъ въ большихъ многолюдныхъ городахъ, ощущеніе—какое-то неопредѣленное сознание, что каждый человѣкъ не болѣе какъ песчинка, которой никто въ отдѣльности не видитъ, да и видѣть не желаетъ. Въ сущности, здѣсь ни до кого никому дѣла нѣтъ. Такъ было и съ тремя барышнями Бельклей, когда онѣ выходили гулять на улицу и, глядя на оживленныхъ, улыбающихся и раскланивающихся между собою прохожихъ, чувствовали, какъ изъ глубины души въ нихъ поднималась какая-то горечь и озлобленіе. Онѣ считали себя такими заброшенными, такими одинокими среди этой праздно и самодовольной толпы, которая проходила мимо, не удостоивая ихъ своимъ вниманіемъ, если не считать равнодушныхъ и холодныхъ взглядовъ, которые имъ ясно говорили, что онѣ для всѣхъ ненужныя, чужія! Какъ часто горевали молодыя дѣвушки о томъ, что поддались увѣщаніямъ своей матери и согласились на ея фантазію—оставить свой не блестящій, но болѣе уютный и радушный городокъ! Здѣсь, на цивилизованномъ Востокѣ, ихъ никто не знаетъ и нѣтъ у нихъ другихъ развлеченій, какъ посѣщать театры,—эти единственныя общественныя мѣста, которыя доступны безвѣстнымъ и одинокимъ людямъ. Впрочемъ, дѣвицы Бельклей часто посѣщали также и храмы Господни, желая познакомиться съ ними настолько основательно, чтобы рѣшить весьма важный вопросъ: къ которому приходу приписаться? По происхожденію своему Бельклей были баптисты, но мало-по-малу отпали отъ своего прежняго исповѣданія, найдя, что прозвище баптистовъ было несовременно и не могло составить имъ прочнаго общественнаго положенія. Лѣто уже вступило въ свои права, а этотъ вопросъ все еще оставался нерѣшеннымъ, хоть м-съ Бельклей и додумалась уже до того, что рѣшила пока приписаться къ епископальной церкви. Впрочемъ ея личныя убѣжденія были тутъ не при чемъ: она была бы готова приписаться къ какому угодно приходу и вѣроисповѣданію, лишь бы это только обезпечило ей и ея семьѣ нѣкоторое положеніе въ обществѣ. Одна только Пегги, самая младшая изъ всей семьи, не принимала участія во всѣхъ этихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ и даже относилась къ нимъ враждебно. Она открыто возмущалась и отказалась подписать, какъ она выражалась, „обязательство быть добрымъ и богобоязненнымъ“, пред-

почитая держаться большей самостоятельности въ дѣлѣ религиозныхъ убѣжденій. Но эти довольно туманныя возраженія были съ ея стороны не болѣе, какъ отговорка, чтобы не сказать матери прямо, что она не раздѣляетъ ея мнѣнія.

„Крошка“ Пегги, шаловливая и своевольная, какъ мальчишка, была любимцею отца, и всѣ остальные члены семьи считали своимъ долгомъ во всемъ и всегда ей противорѣчить. Она была такъ забавна и оригинальна, что даже мать и сестры не могли не простить ей иногда безцеремонныхъ и смѣлыхъ выходокъ, въ которыхъ не было и помину строгой и неестественной натянутости, обычной спутницы свѣтскихъ приличій. Пегги смѣло, какъ истая дщерь Запада, выставляла напоказъ свою независимость и гордилась ею. Она терпѣть не могла свѣтскаго честолюбія и попирала его ногами при всякомъ удобномъ случаѣ. Пелегъ, какъ свисходительный и добрый отецъ, потакалъ своей любимицѣ во всемъ, но мать и старшія сестры только терпѣли ея страшныя выходки... насколько хватало у нихъ терпѣнія. Открыто поддерживать шалунью глава семьи, конечно, никогда бы не рѣшился; но Пегги знала, что онъ на ея сторонѣ, когда онъ, бывало, ей подмигнетъ или разсмѣется своимъ искреннимъ, радушнымъ смѣхомъ. Чтобы похвалить съ ея характеристикой, остается сказать, что она была стройна и довольно высока ростомъ, сложена пропорціонально и, хотя не была красива, обращала на себя вниманіе замѣчательно свѣжимъ, выразительнымъ личиномъ, въ которомъ самымъ лучшимъ украшеніемъ были большіе темные глаза, еще болѣе выдѣлявшіеся, благодаря ея нѣжному цвѣту лица и чернымъ волосамъ. Съ перваго взгляда Пегги производила впечатлѣніе весьма развитой и здравомыслящей дѣвушки. Словомъ, все ея лицо, вся фигура и небрежная, беззаботная (если можно такъ выразиться) осанка были общимъ типомъ дѣвушки-американки, — типомъ, съ которымъ нигдѣ, кромѣ Америки, за предѣлами Соединенныхъ Штатовъ не встрѣтишься.

Старшія сестры были также очень типичны. Салли, самая старшая, золотистая блондинка, отличалась вялымъ и невозмутимымъ характеромъ. Какъ истая красавица, она обращалась со всѣми высокоумѣрно и была крайне себялюбива. Она очень берегла свое здоровье и постоянно лечилась то у докторовъ, то у гипнотизеровъ и даже у плохихъ лекарей... и лечилась отъ такихъ недуговъ, которыхъ она и во снѣ не видала. Принимая все это во вниманіе, нельзя было не удивляться, какъ она еще ухитрялась, при такихъ условіяхъ, быть такой розовенькой и свѣжей. Но была у нея еще слабость: это собирать цѣлыя массы все-

возможныхъ вещей и вещицъ и любоваться ими (впрочемъ, маниа обладанія была у нея наследственная, отъ родного дѣда, у котораго была страсть копить деньги). Въ умѣ красавицы Салли не укладывалось представленіе о томъ, что такое отцовскіе пять-шесть милліоновъ и какіхъ, собственно, размѣровъ эта сумма. Она и не воображала, что ея страсть къ покупкамъ и коллекціямъ скорѣе способствуетъ уменьшенію, нежели увеличенію этихъ милліоновъ. Салли занималась изученіемъ спорта, фехтованія и танцевъ; она сама завѣдывала приглашеніемъ и переменною учителями для себя и для сестеръ.

Надо имъ всѣмъ отдать справедливость, что первый же зимній сезонъ, который сестры провели въ Нью-Йоркѣ, не прошелъ для нихъ безслѣдно: въ этихъ трехъ видныхъ и стройныхъ дѣвушкахъ, по внѣшности ничѣмъ не отличавшихся отъ самыхъ свѣтскихъ нью-іоркскихъ модницъ и щеголихъ, трудно было узнать полу-дикарокъ и купчихъ, которыя и у себя, на Западѣ, принадлежали къ „волбасной“ аристократіи, а не къ какой-нибудь другой. Красота Салли и безъ модныхъ манеръ и нарядовъ не могла пройти незамѣченной; но сколько мать ни получала косвеннымъ путемъ предложеній, всѣ они кончались отказомъ. М-съ Бельклей не хотѣла дѣйствовать очертя голову, и предварительно, негласно, наводила справки насчетъ жениха и его общественнаго положенія, и узнавъ, что онъ такого положенія вовсе не имѣетъ или имѣетъ весьма неважное, — извѣщала свое несогласіе. Впрочемъ дочь и сама поступила бы такъ же точно съ женихами, какъ поступала съ ихъ письменными признаніями въ любви, которыя оставляли ее холодной какъ ледъ: она на нихъ не отвѣчала и только презрительно смѣялась, бросая ихъ въ огонь.

Вторая дочь, Модъ, также была болѣе чѣмъ пріятной наружности и представляла собой литературную силу семьи. Она читала Броунинга, восхищалась Шелли, и такъ выразительно, такъ энергично декламировала: „Дай мнѣ книжаль!..“ что слушателей пробирала дрожь. Модъ брала уроки декламаціи у одной знаменитой актрисы, и еслибъ мать не остановила ея спеническаго порыва, она ужъ давно была бы на сценѣ. Увлекающаяся и великодушная, молодая дѣвушка съ дѣтства сохранила неисчерпаемый запасъ состраданія къ бѣднымъ и немощнымъ. Ей было лѣтъ двѣнадцать, когда она однажды вернулась домой съ прогулки... босая! Ей стало жалъ дѣвочку нищенку и она, повинувшись вліянію минуты, отдала босоножкѣ свои чулки и ботинки. Салли увѣряла, что и теперь, еслибъ она не удерживала сестру, Модъ зачастую приходила бы домой совсѣмъ раздѣтая. Для Модъ

было своего рода наслаждение чувствовать и сознавать, что она способна испытывать состраданіе къ несчастнымъ и облегчить ихъ горькую участь... ну, хоть немножко... хоть просто участіемъ и слезами. Надъ ея способностью умиляться и проливать слезу умиленія смѣялись всѣ родные, а Пегги въ торжественные дни дарила сестрѣ непременно дюжины двѣ носовыхъ платковъ съ подходящимъ къ случаю посланіемъ—въ стихахъ или въ прозѣ. Модъ мечтала устроить у себя литературный „салонъ“,—нѣчто въ родѣ новѣйшаго отеля Рамбульэ, куда бы она, конечно, созывала всѣхъ самыхъ извѣстныхъ и талантливыхъ художниковъ, артистовъ и писателей. Но эти планы и мечты встрѣтили вооруженное сопротивленіе въ лицѣ м-съ Бельлей, которая положила на нихъ неумолимое „veto“: по ея мнѣнію, мысль обратить на себя вниманіе нью-іоркскаго общества литературными вечерами и блестящей, краснорѣчивою бесѣдой, была слишкомъ неудачна и, главное, непрактична... бессмысленна.

У нѣмцевъ есть прекрасное выраженіе: „schwätzig“, которое приблизительно можно перевести на другіе языки словами: мечтательный, чувствительный или склонный къ чувствительности, къ состраданію. Но все это не то: ни одно изъ этихъ выраженій не передаетъ буквально его настоящаго смысла. Довольно сказать, что у Модъ были сильныя задатки всѣхъ этихъ свойствъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ этомъ отношеніи она была настоящая нѣмка, но въ то же время ея американская кровь и чисто-американская основательность не позволяли ей беззаветно отдаваться нѣмецкой мечтательности. Какъ ни залетала она высоко въ своихъ мечтахъ—въ стихахъ или въ прозѣ, а въ концѣ концовъ ея здравый смыслъ обращалъ ихъ въ шутку и она начинала сама видѣть ихъ смѣшныя стороны. Будучи еще подросткомъ, она очень любила надѣлать себя свойствами и чувствами, которыхъ у нея никогда не бывало, и Пегги до сихъ поръ еще не переставала дразнить сестру, ежедневно допрашивая ее за завтракомъ: въ кого она сегодня влюблена?

Можетъ быть, я несовсѣмъ правъ передъ Модъ, поднимая на смѣхъ ея мелкіе недостатки: въ сущности, она была въ высшей степени благородная душою, сострадательная и щедрая дѣвушка. Стремленія ея были самыя чистыя, похвальные; сердце влекло ее ко всему истинно-прекрасному и достойному подражанія. Но всѣ ея лучшія (да и всѣ вообще) мысли и чувства оставались пока въ какомъ-то неясномъ, хаотическомъ безпорядкѣ, потому что некому было руководить ими, направлять и развивать ихъ въ надлежащую сторону. По наружности Модъ была далеко не

такъ красива, какъ Салли, но ея пепельно-русые волосы выгодно отличались золотистыми волнами роскошныхъ кудрей сестры; но Модъ этого не замѣчала (конечно, другимъ, со стороны, было виднѣе) и, собственно говоря, не особенно долюбивала красавицу Салли; если бы не Пегги, которая поддерживала между ними миръ своими хитроумно-дипломатическими выдумками, сестры никогда не жили бы въ ладу. Салли требовала отъ всѣхъ должнаго поклоненія своимъ совершенствамъ, и Пегги охотно ихъ превозносила, но въ глубинѣ души она больше любила Модъ, характеръ которой былъ порывистѣе, нервнѣе, но зато и великодушнѣе, мягче. Если Модъ, бывало, надуется, то ненадолго; Салли же и себѣ, и всѣмъ своимъ не только испортить завтракъ, а еще цѣлый день проходить сердитая и надутая, какъ мышь на крупу.

Вы скажете, конечно, что это не особенно интересная семья...

Не спорю. Но таковъ общій типъ семьи западнаго милліонера, каковыхъ вы встрѣтите сплошь и рядомъ въ Нью-Йоркѣ, куда такіа семья являются проживать свои трудовые милліоны.

III.

Какъ богатъ и дѣловой человѣкъ, м-ръ Бельклей весьма естественно могъ задумываться надъ вопросомъ, который его постоянно тревожилъ: какое вліяніе окажутъ на судьбу дочерей заработанные имъ милліоны? Больше всего заботила его мысль, что его дѣти будутъ во власти своихъ будущихъ мужей, для которыхъ, по всей вѣроятности, немаловажною приманкой окажутся ихъ милліоны. Сначала онъ хотѣлъ сдѣлать духовное завѣщаніе, по которому отказанные дочерямъ капиталы находились бы въ рукахъ душеприказчиковъ, а дочери имѣли бы право пользоваться лишь процентами. Но можно ли, въ сущности, поручиться за кого бы то ни было какъ за самого себя? Гдѣ взять трехъ лицъ, одинаково достойныхъ довѣрія?..

Милліонеръ думалъ объ этомъ много и долго и, наконецъ, придумалъ нѣчто совсѣмъ особенное. Онъ назначилъ каждой изъ дочерей извѣстную сумму ежегодно и поручилъ каждой распоряжаться со своими деньгами, какъ ей заблагоразсудится, но сохранилъ, однако, за собою право давать имъ совѣты, если таковыя имъ понадобятся. Сумма эта была небольшая, рассчитанная на то, чтобы „дѣти“ не научились расточительности и умѣли бы распоряжаться деньгами самостоятельно, а не смотрѣть изъ

чужихъ рукъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ женщинами. Такимъ образомъ, Бельлей надѣялся приучить дочерей обходиться въ денежныхъ дѣлахъ безъ посторонняго вмѣшательства и, по мѣрѣ возможности, незамѣтно преподавать имъ правила многотрудной финансовой науки, словомъ, сдѣлать изъ нихъ дѣльцовъ въ юбкѣ, способныхъ безопасно ворочать миллионами.

Его затѣя крайне его забавляла, а сосредоточенность, съ которой Салли каждое утро пробѣгала „Биржевыя извѣстiя“ или „Финансовую хронику“ въ каждой газетѣ, даже успокоивала его насчетъ ея обезпеченности въ будущемъ. Она умѣла въ-время и выгодно купить и такъ же выгодно продать; посѣщала торги и продавала или покупала бумаги. Все это дѣлалось у нея такъ обдуманно и такъ удачно, что вскорѣ она уже стала получать съ своего капитала тысячъ до десяти годового дохода.

Пегги сначала вела свои денежные дѣла съ наивной, чисто ребяческой вѣрой въ успѣхъ того предпрiятiя, въ которомъ она принимала участiе; но когда у нея лопнуло шесть тысячъ долларовъ въ какомъ-то „вѣрномъ“ электрическомъ предпрiятiи, а двѣ тысячи ушло „на удобренiе пахотныхъ полей“,—она выказала большiя способности къ финансовымъ наукамъ и сдѣлалась послушной ученицей своего отца, который и на ея счетъ могъ уже теперь въ значительной степени быть спокойнымъ.

Одна только Модъ, въ этомъ отношенiи, была просто безнадежна. Финансовой смѣтливости у нея не было ни на грошъ. Она была такъ легкомысленна и довѣрчива, такъ разсѣянна, что, по всей вѣроятности, ея капиталъ давно бы не существовалъ, еслибы не вмѣшивался въ ея дѣла самъ м-ръ Бельлей. Но всѣ эти недостатки молодой дѣвушки проявлялись такъ мило и были въ ней такъ естественны, что отецъ ея приходилъ въ отчаянiе и съ горя рвалъ себѣ послѣднiя пряди волосъ на облысѣвшей макушкѣ, теряя всякую надежду когда-либо добиться, чтобы она запоминала числа и ихъ соотношенiя къ процентамъ. Модъ положительно не знала или не хотѣла знать цѣны деньгамъ. Деньги у нея такъ и текли изъ рукъ, какъ вода: имъ она всегда находила тысячи употребленiй и, не стѣсняясь, удовлетворяла свои собственныя требованiя. Никакiе доводы и настоянiя не могли ее заставить вести деньгамъ точный счетъ, и она ежемѣсячно получала такого рода посланiя:

„Милостивая государыня!

Ваши требованiя превышаютъ сумму, ввѣренную вами нашему банку на храненiе (срокомъ на 1 мѣсяць) на столько-то

долларовъ. Благоволите прислать намъ для провѣрки вашу чековую книжку“...

Модъ знала навѣрное, что она не могла такъ много перебрать, а также и истратить такую массу денегъ, да, наконецъ, и по ея чековой книжкѣ было ясно видно, что она права, а виноваты служащіе въ банкѣ, небрежно относящіеся къ своему дѣлу: книжка у нея въ порядкѣ!..

Въ банкѣ ее принимали весьма вѣжливо и съ должнымъ почтеніемъ выслушивали все, что она имѣла сказать, но послѣ весьма непродолжительной и крайне поучительной бесѣды съ тѣми же служащими Модъ сама убѣждалась въ самой невѣроятной съ ея стороны оплошности. Такъ, напримѣръ, она дважды получила по одному и тому же чеку, который, по разсѣянности, не оставила въ банкѣ, а унесла домой, или писала свои чеки на простомъ листѣ бумаги, второпяхъ, и потомъ забывала дома отмѣтить въ своей книжкѣ, сколько и когда она такимъ способомъ получила денегъ изъ банка. Два-три года пробился съ нею м-ръ Бельклея безуспѣшно, и наконецъ рукой махнулъ, отчаявшись когда-либо пробудить въ своей дочери интересъ къ финансовымъ операціямъ и необходимую сообразительность.

Для каждаго американца, если онъ обремененъ семействомъ, нѣтъ времени ужаснѣе весенней поры. Дрожь пробираетъ его при одной только мысли о томъ, что придется ему вытерпѣть во время обсуждения *почти* неразрѣшимого вопроса: куда ѣхать на лѣто? Въ иныхъ семьяхъ этотъ злосчастный вопросъ начинаютъ обсуждать еще съ конца зимы, у Бельклеевъ же за него ввязались съ самаго января мѣсяца.

Само собой разумѣется, что ихъ выборъ прежде всего остановился на Ньюпортѣ, этой резиденціи высшей свѣтской знати въ лѣтнее время, и м-ръ Бельклея былъ откомандированъ туда женой и дочерьми для усненія всѣхъ желательныхъ и нежелательныхъ сторонъ этой дачной столицы.

Вернулся онъ совершенно разочарованный.

— Всѣ тамъ, отъ мала до велика, — жаловался обиженный милліонеръ, — словно сговорились задрать носъ, смотрѣть на меня какъ-то особенно, свысока, и чисто-по-французски подергивали плечами. Агенты-коммиссіонеры, видимо, смекнули, что я не дамся имъ въ обманъ, и потому нарочно драли съ меня такіа цѣны, что у васъ волосъ бы дыбомъ сталъ!..

— Но, Пелегъ, послушай! — успокоительно возражала ему

его законная половина:—мы въ этому должны быть готовы, такъ ужъ и пойдетъ дѣло до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ въ силахъ отплатить имъ тѣмъ же. Можешь быть увѣренъ, что придетъ и моя очередь съ ними помѣряться. Но не тужи: всему свое время!..

Пелегъ Бельклей не особенно радовался перспективѣ въ будущемъ отплатить невѣжамъ ихъ же монетой; его болѣе всего удручала необходимость жить среди общества, которому онъ былъ незнакомъ и совершенно ненуженъ. Но, конечно, онъ ни за что на свѣтѣ никому не признался бы въ своихъ сокровенныхъ мечтахъ и желаніяхъ. Всѣ они сводились къ тому, что онъ готовъ былъ поступиться половиной своего состоянія, если бы того потребовала возможность укатить на скоромъ поѣздѣ изъ этого проклятаго Нью-Йорка въ свой скромный и нецивилизованный, но болѣе радушный мірокъ кушцовъ и промышленниковъ, незатѣливо проживающихъ свой вѣкъ на западѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но чтѣ подѣлаешь? Такова, видно, участь женатаго человѣка, что ему по неволѣ приходится считаться съ желаніями своей дражайшей половины, а нерѣдко поступаться и своими собственными.

Къ счастью для обоихъ, м-съ Бельклей, сама по себѣ, безъ всякихъ споровъ пришла въ заключенію, что лучше отложить на два, на три года сезонъ въ Ньюпортѣ: такое убѣжденіе она вынесла изъ газетныхъ и журнальныхъ статей, касавшихся этой интересной дачной мѣстности.

По ея мнѣнію, для начала, имъ всего пригоднѣе болѣе скромное и малолюдное мѣсто, гдѣ почти всѣ между собою знакомы и гдѣ ея семья скорѣе можетъ надѣяться привлечь вниманіе общества. Стоитъ только въ этомъ тѣсномъ кружкѣ завербовать себѣ хоть одного благожелателя и, съ помощью его вліянія и увазаній, деньги довершать остальное: значеніе семьи Бельклей будетъ упрочено!

Однако, какъ ни хлопотала вся семья, дачный вопросъ еще долго бы оставался открытымъ, еслибы не пришла имъ на помощь счастливая и совершенно неожиданная случайность.

Въ одинъ прекрасный день, когда Модъ и Пегги были особенно расположены развлечься театральнымъ представленіемъ, онѣ отправились въ театръ Дали, гдѣ бывали всего чаще и охотнѣе. Дѣло было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; все утро погода была пасмурная и дождливая, и потому молодыя дѣвушки сидѣли въ креслахъ съ дорогими шолковыми зонтиками въ рукахъ. Особенно

хороши были у этихъ зонтиковъ ручки, серебряныя, рѣзныя, прекрасной работы.

Представленіе началось и довольно давно уже шло своимъ чередомъ, какъ вдругъ Пегги тихонько толкнула сестру локоткомъ, на что Модъ успѣшила отвѣтить ей тѣмъ же, но значительно энергичнѣе, тѣмъ болѣе, что обстоятельство, на которое Пегги желала привлечь вниманіе сестры, дѣйствительно было достойно примѣчанія.

Рядомъ съ ними было два пустыхъ мѣста подъ рядъ, и на нихъ преспокойно усѣлись два молодыхъ и красивыхъ джентльмена.

Близость такихъ интересныхъ и, повидимому, въ высшей степени благовоспитанныхъ молодыхъ людей не могла пройти незамѣтно для чувствительнаго сердца Модъ: оно тревожно забилося, замерло... И представленіе шло передъ ней какъ во снѣ. Прежняго вниманія къ сценѣ и актерамъ не осталось у Модъ и слѣда. Она смотрѣла прямо передъ собою, ничего не видя, слушала, ничего не слыша.

IV.

Особенно интереснымъ показался своей молодой сосѣдкѣ ея ближайшій сосѣдъ, на котораго она не смѣла взглянуть изъ боязни показаться нескромной, а между тѣмъ онъ завладѣлъ всѣми ея чувствами и помыслами, хоть это ей самой казалось глупо и даже непристойно.

„Что за нелѣпость! Что за позоръ имѣть такое воспламеняющееся сердце!“—негодовала она сама на себя, но въ то же время не могла не сознаться, что молодой человѣкъ былъ достоинъ особаго вниманія.

Общій видъ его былъ весьма внушительный, спокойный и полный достоинства; его лицо, не представлявшее ничего выдающагося въ смыслѣ красоты, было несомнѣнно пріятно и положительно болѣе чѣмъ прилично: на немъ лежалъ, безспорно, отпечатокъ благородства и превосходства надъ толпою, въ которой онъ видимо относился полупрезрительно, полуравнодушно. На Модъ особенно сильное впечатлѣніе произвела эта послѣдняя черта въ наружности и въ осанкѣ незнакомца: она ясно говорила, что онъ ни въ комъ не нуждается и предпочитаетъ не заводить лишнихъ знакомствъ. На Западѣ, въ блаженной памяти торгово-промышленномъ обществѣ, окружавшемъ Бельклеевъ, Модъ замѣчала совершенно обратное стремленіе. Тамъ каждый

зналъ и желать знать все и обо всѣхъ, каждый совался въ чужія дѣла и навязывалъ другимъ свое общество, каждый обращался съ первымъ встрѣчнымъ за панибрата и готовъ былъ протянуть руку любому прохожему. Что-то свободное и безцеремонное исходило отъ всѣхъ этихъ западно-торговыхъ интересовъ и заражало собою всѣхъ, въ нимъ прикосновенныхъ.

Глядя исподтишка на своего сосѣда, чувствуя его близость, Модъ невольно подумала, что жить съ такими людьми, должно быть, особенно пріятно и почтенно, именно вслѣдствіе ихъ независимой и горделивой осанки, которая, по ея мнѣнію, свидѣтельствовала объ отсутствіи присущей западнымъ людямъ мелочности и желанія всюду и всегда незванно-непрощенно соваться не въ свое дѣло.

Поглядывая на молодого человѣка искося, незамѣтно, Модъ невольно подумала, что и мужское платье можетъ быть выразителемъ внутреннихъ свойствъ человѣка, и тутъ же рѣшила, что постарается уговорить отца, чтобы онъ сдѣлалъ себѣ такое же точно.

Колокольчикъ зазвонилъ въ антрактъ. Занавѣсъ опустился, и Модъ замѣтила, что сосѣдъ ея сосѣда далъ ему такого же товарищескаго пинка, какого она сама удостоилась отъ Пегги, но съ иною цѣлью: тотъ уже слишкомъ искренно покатывался со смѣху, въ чемъ, впрочемъ, можно было упрекнуть и ея сестрицу — Пегги, которая смѣялась до того непринужденно, что у нея слезы стояли на глазахъ. Модъ стоило большого труда, чтобы громко не остановить ее, но она вд-время удержалась и только сама улыбнулась своей невоспитанности. Сердце у нея сжалось при мысли, что далеко ей, невоспитанной купчихѣ, до врожденнаго благородства и независимости ея новоспеченнаго героя.

Между тѣмъ молодые люди занялись бесѣдой, которую она невольно слышала всю отъ начала до конца. Теперь ей было удобно прослѣдить и за другимъ, болѣе дальнимъ отъ нея, собесѣдомъ, на котораго она порой вскидывала глазами и который, въ свою очередь, вполне невинно и любезно отвѣчалъ ей тѣмъ же. Ничего обиднаго или оскорбительнаго не было въ мягкомъ взглядѣ его темно-карихъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось полувопросительное и добродушное любопытство не только къ ней одной, но и ко всему окружающему. Одно только было досадно, что его товарищъ видимо сдерживалъ его общительность своимъ замкнутымъ и слишкомъ неприступно серьезнымъ видомъ. Впрочемъ, слушая ихъ обоихъ, Модъ невольно становилась въ тупикъ: которому изъ нихъ — остроумному и бойкому или молчаливому и гордому отдать предпочтеніе?

— Послушай, Марстонъ!—говорилъ тотъ, который былъ по-бойчѣе:—если ты уйдешь въ Европу, что станетъ съ твоей усадьбой въ Аттербернъ?

— Какъ что? Заколючу ее, по всей вѣроятности, пока не вернусь.

— Какая жалость! Таковой это прелестный уголокъ!.. И, наконецъ, развѣ не могъ бы ты найти порядочныхъ людей, которые на это время тамъ бы поселились и, сверхъ того, за какіе-нибудь три мѣсяца съ удовольствіемъ заплатили бы тебѣ три тысячи долларовъ, по меньшей мѣрѣ. А такую кругленькую сумму вѣдь на полу не поднимешь!

— Если ты самъ хочешь быть моимъ дачникомъ за эту цѣну—изволь, я согласенъ!

— Кто? я-то?.. Бѣднякъ, которому приходится самому зарабатывать себѣ на хлѣбъ насущный? Откуда я возьму тебѣ эти три тысячи?

— Полно, Филь, не серди ты меня своимъ притворствомъ! Самъ знаешь, что не три, а сколько угодно тысячъ было бы въ твоемъ распоряженіи, еслибъ ты только захотѣлъ.

Выраженіе лица Филь стало серьезнѣе, и онъ съ притворнымъ глубокомысліемъ сталъ разглядывать въ бинокль какую-то даму въ галереѣ.

— Самъ знаешь, „старикъ“ готовъ исполнить всякую твою просьбу, и съ удовольствіемъ доставить тебѣ все, что тебѣ угодно.

— Можетъ быть. Но, можетъ быть, мнѣ-то не угодно ни о чемъ его просить!—почти свирѣпо возразилъ Филиппъ.

— Но для человѣка твоего воспитанія и положенія, развѣ не странно и неумѣстно служить гдѣ-то на задворкахъ у какихъ-то мелкихъ торговцевъ?

— Странно?.. Ну, и считай это страннымъ, если хочешь, а по моему было бы гораздо страннѣе, еслибъ я ничего не дѣлалъ!

Модъ была не особенно довольна, что кончился антрактъ и разговоръ товарищей прекратился. Разсѣянно прослушала она послѣднее дѣйствіе и только мягкой улыбкой высказывала свое осужденіе Пегги, которая продолжала смѣяться.

Представленіе кончилось. Модъ, какъ во снѣ, встала и только-что собиралась уходить, какъ вдругъ Пегги замѣтила, что какой-то человѣкъ спокойно протянулъ руку и взялъ зонтикъ, который Модъ позабыла у своего кресла. Движеніемъ, полнымъ твердой рѣшимости, Пегги ухватила вора за руку и приказала:

— Извольте отдать нашъ зонтикъ!

Но нахалъ только улыбнулся ей въ отвѣтъ и преспокойно пошелъ себѣ впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Модъ! Что же это?!—воскликнула Пегги, таѣ что окружающіе на нее оглянулись:—онъ унесъ твой зонтикъ!

Она указала ей пальцемъ на вора и тотчасъ же спохватилась, что было бы приличнѣе промолчать и дать ему унести дорогой зонтикъ, нежели открыто выразить свое негодованіе: велика важность, что онъ стѣитъ какихъ-нибудь тридцать долларовъ!

Бѣдняжка съ досадой закусила губы и приготовилась было побориться необходимости, какъ вдругъ она замѣтила движеніе въ толпѣ, и лицо вора перевернулось отъ боли: высокій молодой человѣкъ съ рыжими усами, который его остановилъ, видимо, сдѣлалъ ему очень больно. Не выпуская изъ своихъ желѣзныхъ тисковъ его руку, незнакомецъ спокойно, но повелительно говорилъ ему:

— Подайте мнѣ зонтикъ этой дамы!

Не смѣя пикнуть, воръ безпрекословно отдалъ ему свою добычу, и незнакомецъ не сталъ преслѣдовать его. Онъ поспѣшилъ затеряться въ толпѣ, а молодой человѣкъ догналъ дамъ уже въ сѣняхъ, гдѣ продаются программы, и, приподнявъ шляпу, обратился къ Модъ:

— Позвольте возвратить вамъ въ цѣлости вашъ зонтикъ.

— Очень вамъ благодарна,—отвѣчала Модъ, краснѣя: въ любовномъ незнамомцѣ она безъ труда узнала своего бойкаго соседа, котораго товарищъ величалъ по просту Филемъ.

— О, Модъ!—зашептала ей на ухо неугомонная Пегги, глядя вслѣдъ удалявшимся пріателямъ:—дай-ка скорѣй пощупать твой пульсъ!

— Если ты не отстанешь, Пеггъ, я никогда, никогда въ жизни тебѣ не прощу!—чуть не плача, раздражительно отвѣтила сестра.

Иной разъ люди сдѣлаютъ какую-нибудь нелѣпость и даже сами не ожидаютъ, что другіе ее примутъ за что-нибудь дѣльное, настоящее, и потомъ сами удивляются, какъ это имъ удалось провести другихъ. М-съ Белькей все это испытала на себѣ, когда по ея настоянію мужъ присвоилъ себѣ гербъ весьма внушительнаго вида, но на который, конечно, Белькей не имѣли никакихъ потомственныхъ правъ: отдыхающій левъ на синемъ фонѣ и на немъ девизъ: „Semper Fidelis“. Присвоивъ его себѣ самовластно, она едва ли ожидала, чтобы кто-нибудь серьезно считалъ этотъ гербъ ея собственнымъ, законнымъ, но это сомнѣніе не помѣшало ей,

однако, изобразить его на дверцахъ кареты, на бѣльѣ, на почтовыхъ карточкахъ и, наконецъ, на столовомъ и чайномъ приборѣ. Сверхъ того, найдя фамилію мужа слишкомъ невзвучной и вульгарной, она заказала ему нѣсколько сотенъ визитныхъ карточекъ съ благозвучнымъ титуломъ: „М-ръ П. Лимингтонъ Бельклей“, и добрую недѣлю пилила его беспощадно, чтобы онъ, наконецъ, согласился ихъ употреблять. Тщетно приводилъ онъ ей доводы и доказательства, что опасно или по меньшей мѣрѣ неблагоприятно обходить законъ и подвергать себя его строгостямъ; тщетно увѣрялъ жену, что это самоуправство, если его не оформить надлежащимъ законнымъ порядкомъ. Она слушать ничего не хотѣла и считала еще большимъ неудобствомъ, что нельзя уничтожить его имя Пелегъ, стоявшее передъ „Лимингтономъ“ (П.—замѣняло сокращенное: „Пелегъ“). По ея мнѣнію, если кто самъ себя не оцѣнитъ высоко въ глазахъ общества, тотъ не можетъ рассчитывать на то, что и оно его оцѣнитъ; слѣдовательно, лучше напустить на себя важность, хотя бы фальшивую. Какъ бы то ни было, а фактъ тотъ, что у м-съ П. Лимингтонъ Бельклей было больше данныхъ обратить на себя и на свой гербъ вниманіе просвѣщеннаго нью-іорскаго общества, нежели у м-съ Пелегъ Л. Бельклей —по-просту, безъ герба.

Послѣ приключенія съ зонтикомъ Модъ вдругъ обнаружила крайнее любопытство ознакомиться поближе съ мѣстечкомъ Аттербери и усиленно настаивала на томъ, чтобы мать согласилась вмѣстѣ съ нею побывать на южномъ берегу Лонгъ-Айлэнда. Но очутившись на мѣстѣ, онѣ отчасти смутились, а отчасти и порадовались, что большинство коттеджей принадлежало знатымъ и извѣстнымъ лицамъ: очевидно, общество здѣсь общало быть немногочисленнымъ, но весьма вліятельнымъ, и начать съ него свое сліяніе съ обществомъ столицы было бы только лестно и крайне желательно. Но, на бѣду, общество Бельклеевъ, повидимому, казалось комиссіонерамъ не особенно желательнымъ, по крайней мѣрѣ цѣны они ломали совершенно фантастическія и столь баснословныя, что отвѣчать на нихъ можно было только прямымъ отказомъ. Впрочемъ, по указанію Модъ, м-съ Бельклей предложила имъ сама три тысячи долларовъ за роскошную, какъ настоящій дворецъ, виллу Дж. Марстона, эсквайра. Но и это не помогло; комиссіонеръ „не могъ сказать ничего рѣшительнаго безъ самихъ хозяевъ“, и его отвѣтъ такъ рассердилъ Модъ, что она чуть было не высказала ему прямо своего раздраженія.

Словомъ, изъ всѣхъ своихъ дачныхъ походовъ онѣ вынесли убѣжденіе, что лучше всего имѣть дѣло прямо съ самими владѣль-

цами, помимо всякихъ комиссіонеровъ, и потому самъ глава семьи, П. Бельклей, успѣвши лично покончить — и притомъ благополучно покончить — переговоры по найму усадьбы Марстона. Черезъ нѣсколько дней весь составъ семьи Бельклей, — въ томъ числѣ: самъ Пелегъ, его супруга, три дочери, шестеро слугъ и восемь лошадей, — перекочевалъ на дачу, въ Аттербери.

V.

Аттербери — небольшое, но хорошенькое мѣстечко, состоящее всего изъ какихъ-нибудь семи или восьми десятковъ домовъ, которые красиво лѣнятся по склонамъ небольшого живописнаго озера, по откосамъ сосѣднихъ песчаныхъ пригорьковъ и на дюнахъ, которыя преграждаютъ волнамъ Атлантическаго океана доступъ къ землѣ. Каждая усадьба лежитъ такъ умирно, такъ обособленно, что владѣльцы ея какъ будто хотятъ похвалиться своимъ умѣньемъ уединиться и въ то же время имѣть возможность всецѣло пользоваться удобствами и красотами мѣстной природы. Аттербери славится своимъ здоровымъ воздухомъ, и никто изъ его дачныхъ обитателей не рѣшится поколебать его добрую славу, утверждая, наприимѣръ, что въ немъ можетъ быть сыро и грязно послѣ трехнедѣльныхъ постоянныхъ дождей.

Появленіе многочисленной и богатой семьи и двора Бельклея, со множествомъ телѣгъ и экипажей, привлекло однако настолько вниманіе аттерберійскихъ булочниковъ, мясниковъ, молочниковъ и мелочныхъ торговцевъ, что всѣ эти люди, жадные до наживы, встрѣтили новыхъ дачниковъ при самомъ выходѣ ихъ изъ экипажа и осыпали ихъ предложеніями своихъ услугъ. Пелегъ вообще относился сочувственно ко всякаго рода предпримчивости, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Онъ охотно бы потолковалъ съ ними объ ихъ дѣлахъ, еслибы супруга въ-время не оберегла его отъ таковаго неумѣстнаго поступка, а тѣмъ болѣе въ такомъ благовоспитанномъ обществѣ, какъ аттерберійское.

Какъ мы уже сказали, все въ Аттербери было прекрасно: и воздухъ, и природа, и общество, и его лѣтнія дачи, и дворцы. Но въ ту пору, когда тамъ поселились Бельклея, тамъ не хватало церкви — собственнаго, каменнаго, приличнаго храма Божія. Методисты и баптисты собирались на церковную службу въ старую деревню, гдѣ у нихъ были построены свои дома-моделъни, отличавшіеся, какъ и всѣ постройки послѣдователей этихъ двухъ толковъ, своимъ безобразіемъ; но бѣдные члены епископальной

церкви уже давно чувствовали потребность въ особомъ церковномъ зданіи, гдѣ бы они всѣ могли собираться на молитву. Поэтому, вскорѣ послѣ водворенія Белькеевъ въ Аттербери, по всѣмъ окрестностямъ сталъ разѣзжаться уполномоченный съ подписнымъ листомъ (съ котораго онъ, къ слову сказать, получалъ пять процентовъ).

До тѣхъ поръ семью новоприбывшихъ дачниковъ удостоивали своимъ посѣщеніемъ лишь такія лица, какъ вышеупомянутые поставщики съѣстныхъ и т. п. припасовъ; поэтому появленіе агента съ подписнымъ листомъ на построеніе св. храма произвело сильное впечатлѣніе. М-съ Белькеей взволновалась не на шутку и, попросивъ агента подождать на площадѣ, направилась прямо къ мужу. Белькеей сидѣлъ въ библиотекѣ и сладко дремалъ въ глубокомъ, покойномъ креслѣ надъ нью-іоркской газетой „Свѣтъ“. Когда жена вошла къ нему въ комнату, онъ вздрогнулъ и пробудился.

— М-ръ Белькеей! — начала супруга (она ужъ давно перестала звать его „по-просту“, по имени). Надо, чтобъ вы подписались на этомъ листѣ на тысячу долларовъ.

— Тысячу долларовъ?! — забормоталъ ошеломленный супругъ и, усиленно протирая глаза, продолжалъ, заглядывая въ злополучный листокъ: — храмъ „св. Павла-на-Дюнахъ“... Чортъ побери! Очень мнѣ нуженъ твой св. Павелъ-на-Дюнахъ!

— Но *миль-то* онъ очень нуженъ! — возразила твердо м-съ Белькеей, и возразила такимъ повышеннымъ тономъ, въ которомъ привычное ухо супруга не могло ошибиться.

Только крайняя нелѣпость жертвовать на церковь такую громадную сумму могла придать ему храбрости сдаться не сразу:

— Это съ которыхъ поръ?

— Ну, такъ я и знала! — воскликнула м-съ Белькеей, раздраженно опускаясь въ кресло противъ супруга. — Нечего дѣлать, придется мнѣ въ сотый разъ вбивать вамъ въ голову: что, какъ, когда и почему?.. Деньги-то только дайте скорѣе, скорѣе: тамъ ждутъ ужъ давно.

— Ну, и пусть себѣ ждутъ на здоровье! Тысячу долларовъ не грѣхъ прождать хоть и цѣлый мѣсяцъ! И наконецъ, ради чего обязанъ я строить церковь для какихъ-то тамъ недотрогъ, которыя передъ нами задираютъ носъ? Смотри, вонъ, какъ поступаютъ благоразумные люди: богатъ Барингтонъ пожертвовалъ двѣсти долларовъ, Ванъ-Хорстъ — пятьсотъ, а Белей — всего только полтора. Кой чортъ пользу и я туда же, благодѣтельствовать

здѣшнимъ аристократамъ, которые знать не хотятъ мнѣ дочерей и всю мою семью!

— Разсуди самъ, мой другъ, — совершенно неожиданно перешла м-съ Бельклей на болѣе мягкій тонъ: — почему имъ было до сихъ поръ обращать на насъ вниманіе? Они насъ не знаютъ и знать не нуждаются. Другое дѣло, если мы сами применимъ къ нимъ своимъ крупнымъ пожертвованіемъ: тогда имъ ужъ неловко будетъ не замѣчать насъ; или же, если они все-таки на это не рѣшатся, имъ придется отклонить наше участіе въ благотворительномъ сборѣ.

— Такъ ты увѣрена, что они не увидятъ насквозь твое намѣреніе?

— Такъ что же? Они это примутъ какъ должное, какъ вызовъ съ нашей стороны въ дальнѣйшему знакомству. Размѣры нашего пожертванія покажутъ имъ, что мы можемъ и желаемъ сдѣлать для ихъ общества, если оно будетъ съ нами обходиться прилично.

— И ты убѣждена, что твоя игра стдить свѣчь?

— Конечно! И не столько она нужна для тебя, какъ для насъ съ дочерьми. Эта тысяча долларовъ (если ты согласишься пожертвовать ею) откроетъ имъ доступъ въ высшее общество и дастъ имъ возможность выбрать себѣ въ мужья аристократовъ, вмѣсто какихъ-то ничтожествъ.

— Полно, полно; не нападай на нихъ черезъ-чуръ! — съ печальной усмѣшкой проговорилъ бывшій торговецъ, вѣроятно, прижизняя и въ себѣ это выраженіе.

— Такъ ты согласишься?.. подпишешь?

Медленно, съ трудомъ поднялся м-ръ Бельклей со своего удобнаго кресла, присѣлъ къ столу и, глубоко вздохнувъ, основательными росчерками и закорючками вывелъ полностью свою фамилію на подписномъ листѣ, заключивъ строку внушительною цифрою 1.000 долларовъ.

— Ну, пусть ужъ эта тысяча лежитъ на твоей отвѣтственности! — замѣтилъ онъ жевѣ мрачнымъ голосомъ, подавая ей подписной листъ.

Между тѣмъ м-ръ Марстонъ-Фанчеръ, сдавшій имъ на лѣто свою прелестную усадьбу *Терны*, не только не уѣхалъ въ Европу, но даже чуть не прогулялся въ Канаду.

Его задержали многочисленныя тѣжбы и взыскаія, возникшія вслѣдствіе его участія въ одномъ рухнувшемъ предиріятіи — какихъ-то принсахъ, въ которые случайно втянулъ его почти незна-

комый господинъ, одинъ изъ крупныхъ финансовыхъ тузовъ. Слава Богу еще, что честь Марстона не была запятнана въ этой неприятной исторіи, несмотря на неудачу, и одно только было ему неприятно, что его судебныя взысканія и разбирательства сдѣлались на нѣкоторое время злобой дня для общества и газетъ. Къ счастью, наемъ дачи Бельклесемъ подоспѣлъ какъ нельзя болѣе кстати, и благодаря тому, что добродушный миллионеръ охотно уплатилъ за все лѣто впередъ, Марстонъ могъ удержать за собою свое недвижимое имущество въ Нью-Йоркѣ, въ Пятой авеню, которое иначе пришлось бы пустить съ молотка, чтобы погасить самые неотложные платежи кредиторамъ.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ онъ отправилъ въ Европу мать и сестеръ, а самъ лишь въ половинѣ іюля, когда дѣла его ужъ настолько выяснились, что могли дать ему короткую передышку, уѣхалъ изъ Нью-Йорка. На это время Марстонъ поселился въ своемъ маленькомъ коттеджѣ близъ Аттербери и пригласилъ для поддержанія своихъ нравственныхъ силъ себѣ въ товарищи Филиппа Уорбертона, увѣривъ того, что безъ его помощи онъ не въ силахъ будетъ нести неаслуженный и вполне неожиданный гнетъ жестокой судьбы.

И въ самомъ дѣлѣ, Филиппъ обязательно дѣйствовалъ на него своей живостью, своимъ умомъ и прямою. Семья Марстона была не особенно аристократическаго происхожденія и не изъ очень богатыхъ. Предки Марстона и боковая линія ихъ потомства большей частью принадлежали къ семьямъ американскихъ магнатовъ голландскаго происхожденія,—разнымъ Скайлерамъ, Ливингстонамъ, Ванъ-Ресселерамъ и др. Главный пунктъ, который преслѣдовали въ воспитаніи Марстона (и всей семьи), былъ—благовоспитанность, и эту сторону развили въ немъ настолько сильно, что онъ производилъ впечатлѣніе слишкомъ корректнаго, холоднаго юноши. Впрочемъ, подъ этой холодной оболочкой, вѣроятно, имѣлись и горячіе угольки, которые поддерживали много лѣтъ подъ радъ его дружбу съ такимъ непохожимъ на него человекомъ, какъ бойкій и не стѣснявшійся ни передъ кѣмъ Уорбертонъ. И что всего забавнѣе, такъ это то, что Марстонъ былъ глубоко убежденъ въ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ друга, несмотря на его подчасъ полу-дикие порывы гнѣва, которые были ему присущи, какъ истому шотландцу.

Отецъ Филиппа былъ родомъ шотландецъ и составилъ себѣ состояніе усиленнымъ трудомъ и самой строгой бережливостью. Старикъ этимъ гордился, и хотя не отказывалъ сыну ни въ чемъ, что помогло бы ему сдѣлаться настоящимъ джентльменомъ, но

все-таки любилъ порицать современную молодежь и иной разъ такъ обидно и неумѣренно, что Филиппъ горячо вступался за себя въ лицѣ представителей современной молодежи, и тогда дѣло доходило чуть не до ссоры. Въ юныя старикъ Уорбертонъ былъ добрякъ, любившій горячо и самоотверженно свое единственное дитя. Честный, устойчивый, правдивый, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; самъ же, въ глубинѣ души, любилъ и уважалъ своего Филиппа за его умъ и другія разнообразныя его совершенства. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что лучшаго и болѣе образцоваго сына и члена общества нѣтъ на свѣтѣ; но въ то же время, сохрани Боже, чтобы Филь подмѣтилъ, какъ отецъ его обожаетъ!.. И бѣдному Филиппу доставалось отъ отца одно только нескончаемое брюзжанье да внушительныя, докучныя поученія и укеры. Уорбертонъ достигъ своей цѣли: Филь никогда и не подозрѣвалъ, до какой степени онъ дорогъ отцу; какъ старикъ любить его, гордится имъ!.. Молодой человекъ былъ сдѣланъ изъ того же тѣста, что и отецъ, а потому и не могли ихъ неестественныя отношенія окончиться мирно.

Надо замѣтить, что старику было отрадно доставлять сыну возможность съ достоинствомъ поддерживать свое положеніе въ обществѣ зажиточныхъ и образованныхъ молодыхъ людей; но это не мѣшало ему бранить сына „расточителемъ отцовскихъ трудовыхъ грошей“, „бездѣльникомъ“, „лѣнтяемъ“ и въ то же время мысленно восхищаться обаяніемъ, которое завоевывало Филиппу сердца всѣхъ и каждаго.

Однажды, мѣсяца два спустя послѣ того, какъ Филиппъ получилъ ученую степень, отецъ опять попрекнулъ его расточительностью и дармоѣдствомъ. Долго сидѣлъ сынъ передъ нимъ, не проронивъ ни слова; но затѣмъ вдругъ всталъ съ мѣста и, поблѣввъ, какъ полотно, спойкойно и вполне почтительно сказалъ:

— Отецъ! Разъ ты обо мнѣ такого мнѣнія, мнѣ здѣсь не мѣсто. Если ты не въ состояніи тратить столько денегъ, сколько я проживаю, я тебѣ верну то, что я тебѣ долженъ. Прошу тебя убѣдительно: будь такъ добръ, не давай мнѣ больше ни гроша, пока я самъ у тебя не спрошу... Прощай!

Онъ протянулъ руку старику, но тотъ былъ такъ ошеломленъ неожиданной выходкой сына, что позабылъ ее пожать. Впрочемъ его смущеніе прошло, какъ только до него донеслись спокойныя, ровныя шаги Филиппа вверхъ по лѣстницѣ. Старикъ подумалъ, что „мальчишъ“ хочетъ только припугнуть его, и разсудилъ, что ему будетъ даже полезно попробовать пожить „на своихъ“

хлѣбахъ". Согласно съ этимъ рѣшеніемъ онъ и не подумалъ помѣшать сыну оставить отцовскій домъ.

Въ тотъ же день, въ двѣнадцатомъ часу ночи, Филиппъ переступилъ въ послѣдній разъ порогъ родного дома, а на утро посыльный зашелъ за его вещами. Немного спустя, по наведеннымъ справкамъ оказалось, что Филиппъ взялъ какое-то неважное мѣсто въ оптовомъ аптекарскомъ складѣ, гдѣ-то за городомъ, а самъ живетъ въ скромномъ меблированномъ домѣ, въ концѣ 16-й авеню.

Съ полгода храбрился старикъ, ожидая, что грубый трудъ окажется сыну не подъ силу и онъ вернется къ нему съ повинной; но Филиппъ не возвращался и денегъ не просилъ, не подавалъ отцу и признака жизни. Старикъ Уорбертонъ сталъ томиться, мучиться укорами совѣсти, которая безпощадно доказывала ему теперь, что онъ былъ неправъ. Онъ измаялся и ослабѣлъ до того, что каждое утро ему трудно было встать съ постели, противно открыть глаза, зная, что ничего ему не принесетъ этотъ день кромѣ душевныхъ терзаній.

Чтобы сколько-нибудь удовлетворить свою совѣсть, онъ однажды зашелъ къ портному, который шилъ на его сына и, будто между прочимъ, спросилъ его:

— А встати: сколько еще долженъ вамъ мой сынъ?

Портной заглянулъ въ свою книгу и объявилъ:

— Семьдесятъ-два доллара.

— Прекрасно! Вотъ, получите, да только не говорите ему, что я уплатилъ.

Однако Филиппу не стоило никакого труда догадаться, кто погасилъ его счетъ у портного. Повинуясь вліянію минуты, онъ отправился въ свою очередь къ портному отца и, прослушавъ терпѣливо его любезные упреки въ томъ, что молодой человекъ обратился къ другимъ портнымъ, а не къ нему, спросилъ его съ лукавою улыбкой:

— А ну-ка, признайтесь: сколько долженъ вамъ отецъ? Мнѣ это особенно интересно знать, а почему, я вамъ скажу потомъ.

Шутками и прибаутками выпыталъ у него, наконецъ, Филиппъ, что отецъ долженъ уплатить ему сто-десять долларовъ.

— Я заплачу вамъ, Санди, за него,—проговорилъ молодой Уорбертонъ, лукаво подмигнувъ портному, что показалось тому очень лестно. — Я увѣренъ, что вы не захотите меня обидѣть, и примете отъ меня этотъ чекъ.

Деньги всегда были м-ру Санди встати, и потому старикъ Уорбертонъ, зайдя дня черезъ два уплатить по счету (онъ не

любилъ должать), узналъ, что сынъ уже предупредилъ его. Вѣд- няга Санди получилъ такой крутой выговоръ, что ему еще долго послѣ того чудилось, будто по спинѣ его прогулялась какая-то невидимая, но тяжеловѣсная и усердная дубинка.

Въ порывѣ раздраженія, старикъ обвинилъ сына въ дерзости и преднамѣренной обидѣ; но затѣмъ, успокоившись, онъ даже посмѣялся остроумію, съ которымъ Филиппъ отплатилъ ему его же монетой.

Его стало тянуть неудержимо взглянуть на сына, поближе познакомиться съ его тяжелой жизнью. Самъ онъ былъ человѣкъ трудящійся и никогда не боялся работы; но когда, притаившись за большими тюками аптекарскаго склада, онъ увидалъ своего Филиппа (свое любимое, въ глубинѣ души взлелѣянное дити!), покрытаго пылью и потомъ, трудящагося какъ простой работникъ, сердце въ немъ задрожало отъ жалости.

Въ грубой блузѣ, въ грязномъ передникѣ, Филиппъ торопливо ходилъ туда и сюда, отдавалъ приказанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ ворочалъ тюки, скручивалъ ихъ веревками, наклеивалъ яр- лики. На дняхъ разгорѣлась стачка, и потому всякій старался, какъ умѣлъ, замѣнить недостающихъ рабочихъ. Филиппъ работалъ какъ волъ... Уорбертонъ чувствовалъ, что заговори онъ съ сыномъ, покажись ему на глаза — и онъ не выдержитъ, дастъ волю слезамъ, которыя душили его... Нѣтъ, нѣтъ, лучше отло- жить примиреніе на недѣлю-другую, не малодушничать. Къ со- жалѣнію, прежде чѣмъ состоялось это примиреніе, злые языки, сами того не подозревая, сдѣлали его окончательно невозможнымъ.

Какой-то предприимчивый репортеръ, прослышавъ о разрывѣ старика Уорбертона съ сыномъ, разгласилъ о немъ въ газетахъ, и, раздобывъ у какого-то фотографа карточку, которая съ одина- ковымъ успѣхомъ могла сойти за портретъ Филиппа или кого угодно, тиснулъ и этотъ портретъ во главѣ цѣлой статейки, оза- главленной: „Романъ аптекарскаго приказчика“.

Отецъ Филиппа не могъ не замѣтить этой сенсационной ста- тейки, приращенной краснорѣчивымъ враньемъ и небывицами, и въ пылу негодованія вообразилъ, что негласный авторъ ея, или хоть пособникъ, есть самъ Филиппъ, тѣмъ болѣе, что жестокосердый родитель былъ изображенъ въ видѣ черстваго злодѣя-тирана, кото- рый сдѣлалъ бы честь любой мелодрамѣ, а сынъ возведенъ въ герои и мученики за идею.

Филиппъ тоже вознегодовалъ и усердно разыскивалъ автора пасквильной статьи; но издатель газеты, помѣстившій ее, отка- зался выдать его иначе, какъ по требованію судебныхъ властей,

и потому отецъ продолжалъ, не подозревая своей вины передъ сыномъ, упорствовать въ своемъ озлобленіи на него.

Такое было ихъ обоюдное положеніе, когда Филиппъ пріѣхалъ погостить въ своему другу и товарищу, Марстону, въ его маленькій коттеджъ, по прозванію „Глѣдышко“.

VI.

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, волновавшихъ все населеніе Аттербери за послѣднее время, безъ сомнѣнія состоялъ въ томъ: выбирать или не выбирать въ члены „Берегового клуба“ семейство Бельклеевъ. Денежный фондъ этого клуба находился въ рукахъ товарищества, во главѣ котораго стоялъ самъ его основатель и заправила—Марстонъ Фанчеръ. Во время его судейскихъ тревогъ обнаружилось, что онъ вынужденъ былъ, для какаго-то займа, поручиться своимъ капиталомъ, т.-е. той долей его, которая составляла главные денежные средства клуба. Теперь, во время погрома, такъ неожиданно постигшаго Марстона, пришлось, чтобы выручить клубъ изъ бѣды, перепродать его денежные документы, и на торгахъ они остались за П. Димингтономъ-Бельклеемъ.

— Ну, жена!—воскликнулъ Бельклея, вернувшись домой и, по обыкновенію, въ минуты неудержимаго волненія, возвращаясь къ своему прежнему грубоватому языку:—ну, пришелъ и на нашей улицѣ праздникъ! Вотъ эти штучки дадутъ себя знать тѣмъ, кто передъ нами носъ задиралъ!.. Вотъ увидишь: еще походятъ „они“ передъ нами на заднихъ лапкахъ!!...

Въ нѣмомъ, но краснорѣчивомъ негодованіи на мужицкую выходеу мужа и его дубоватый языкъ, м-съ Бельклея не нашлась даже ничего возразить. Дочери, слыша въ библиотекѣ необычайно громкій говоръ, тоже поспѣшили туда и въ удивленіи смотрѣли на отца.

— Говорю же вамъ толкомъ,—продолжалъ чуть не выкрикивать взволнованный Бельклея:—вотъ эти лоскуточки (и онъ правой рукой похлопалъ по ладони лѣвой, въ которой лежали какіе-то документы) сослужатъ намъ службу вѣрнѣе вашей тысячи долларовъ на св. Павла! Сегодня же вечеромъ оповѣщу комитетъ учредителей, что я, какъ собственникъ главныхъ и основныхъ акцій „Берегового клуба“, порѣшилъ скрыть казино и на мѣстѣ, отведенномъ подъ зданія, сады и лужайки клуба, настрою небольшихъ, дешевыхъ и удобныхъ дачъ, доступныхъ семьямъ

небогатыхъ образованныхъ людей... Лопни мои глаза, если это не напугаетъ ихъ на смерть! Ничего въ мірѣ такъ не боится эта знать, какъ вторженія въ ихъ святыню посторонняго, да еще „небогатаго“ элемента: отъ него они рады бѣжать, какъ отъ чумы. Или вотъ еще что: развѣ распустить слухъ, что это будутъ не дачи, а исправительная колонія для малолѣтнихъ преступниковъ?... А что? Вѣдь и это было бы недурно?

Жена и Салли во всемъ съ нимъ соглашались; но Модъ и Пегги горячо протестовали, при чемъ Модъ старалась доказать отцу, что какъ-разъ наоборотъ: его затѣю могутъ угадать, и тогда ужъ навѣрно навсегда погибнуть ихъ надежды попасть въ число членовъ клуба или хотя бы дачнаго избраннаго общества.

— Не попробоватъ ли тебѣ лучше вотъ какой планъ,—предложила она:—напиши имъ, что ты случайно озабался владѣльцемъ основного капитала клуба, но что, зная ихъ желаніе, чтобы онъ не находился въ рукахъ людей, для которыхъ онъ представляетъ лишь денежный интересъ, ты предлагаешь уступить имъ свои права на него за ту же цѣну, которую ты самъ заплатилъ...

— Чортъ меня побери, если я хоть что-нибудь понимаю!..

— Сейчасъ поймешь,—снохойно возразила молодая дѣвушка. —Имъ станетъ стыдно своего обхожденія съ тобой: они примутъ твое предложеніе и, въ знакъ признательности, выберутъ тебя членомъ своего клуба!

Долго не сдавался Пелегъ на доводы дочери, но, наконецъ, сдѣлалъ все по ея указаніямъ, и всѣ предсказанія Модъ оправдались на дѣлѣ. Семья ликовала.

Однако, когда въ слѣдующую же среду м-съ Бельклей, Салли и Модъ явились въ клубъ, принимавшая на этотъ разъ гостей м-съ Ванъ-Хорстъ встрѣтила ихъ весьма холодно и ни съ кѣмъ не сочла нужнымъ ихъ познакомить, сама ограничившись лишь небрежнымъ замѣчаніемъ:

— М-съ Бельклей, если не ошибаюсь?

Обружающіе, повидимому, и сами не желали большаго сближенія, такъ что вновь прибывшія почувствовали себя крайне неловко, медленно прохаживаясь совсѣмъ однѣ вдоль лужайки „lawntennis'a“.

— Мама! Я уйду... право, уйду!—раздирающимъ душу шепотомъ говорила Модъ, стараясь смотрѣть непринужденно и даже смѣясь.

— Ни за что въ мірѣ, дитя! Надо съ честью выдержать характеръ, не показывать вида.

— Конечно, лучше ужъ потерпѣть, а то подумаютъ, что мы испугались,—замѣтила хладнокровная Салли.

— Пегги прекрасно сдѣлала, что не пошла съ нами,—дрожащимъ голосомъ проговорила Модъ:—она знала, что намъ не одобровать.

И въ самомъ дѣлѣ. Нивкая физическая пытка не могла сравниться съ чувствомъ стыда и неловкости, которое приходилось имъ терпѣть испытывать подъ затаеннымъ, но жгучимъ огнемъ недоброжелательно-пытливыхъ взглядовъ, которыми окружающая публика награждала ихъ украдкой. Когда онѣ проходили мимо или останавливались у лужайки „lawn-tennis'a“, имъ казалось, что смѣются именно надъ ними, и называютъ другъ друга уменьшительными именами, главнымъ образомъ, чтобы имъ досадить,—показать, что онѣ здѣсь лишнія, чужія, никому ненужныя и неинтересныя. Молодые люди и подростки въ короткихъ бѣлыхъ фланелевыхъ курткахъ съ засученными рукавами; полные, грузные и уже немолодые мужья и отцы семейства, снимавшіе свои пестрые жюкейки, чтобы вытереть струившіеся по лбу потоки обильнаго пота; группы дѣвушекъ и солидныхъ дамъ въ перемежку съ молодыми,—словомъ, общій уютный и семейно-веселый видъ всей этой картины, оживленной веселою болтовней, криками и смѣхомъ,—все растравляло обиду и озлобленіе, которыя кипѣли въ душѣ представительницъ семьи Белькея. Имъ казалось, что и веселость, и непринужденность эта нарочно-притворная, напускная, чтобы имъ досадить хорошенько.

Скользнувъ взглядомъ нѣсколько въ сторону, Модъ вдругъ замѣтила, что по дорогѣ къ казино двигались два всадника, рослыхъ и, кажется, красивыхъ... насколько можно было издали судить. Она безъ труда узнала въ нихъ своихъ сосѣдей въ театрѣ.

Слѣдя за ними глазами, по мѣрѣ того, какъ они слѣзали съ лошадей, проходили между группами, лѣнившимися вокругъ лужайки, и останавливались, чтобы поздороваться и перекинуться съ знакомыми парюю словъ, Модъ замѣтила, что молодые люди пользовались всеобщимъ вниманіемъ и что на лицахъ дамъ и дѣвицъ отражалось желаніе имъ понравиться. Но Марстонъ и Уорбертонъ, любезные и предупредительные во всѣмъ и каждому, никого особенно своимъ предпочтеніемъ не выдѣляли и, наконецъ, сѣли на травѣ, у ногъ молодой и дѣйствительно прелестной женщины, м-съ Касльтонъ. Ея отличительной чертой было ея чисто-женственное обаяніе, одинаково подчинявшее ей всѣ сердца, не только мужскія, но (о чудо!) и женскія. Съ нею нельзя было имѣть дѣло и не поддаться прелести ея красоты, ея ума и при-

вѣтливости. Она была блондинка—голубоглазая, съ тонкой, прозрачной кожей на лицѣ и на рукахъ, подъ которой виднѣлись блѣдно-голубыя жилки. Но здоровья она была, въ то же время, прекраснаго и даже общалась въ среднихъ лѣтахъ очень распоянѣть. Улыбка у нея была, по словамъ одного изъ ея поклонниковъ, такая, что, глядя на нее, вѣрилось въ святость и въ бессмертіе души. Но чтобы окончательно узнать всю прелесть обхожденія и души м-съ Касльтонъ, надо было видѣть ее въ кругу ея дѣтей, которыхъ у нея было цѣлыхъ трое. Семейю свою, съ мужемъ во главѣ, она любила горячо, и мужъ ея, радуясь своему счастью, привѣтливо и съ нѣкоторой долей сожалѣнія относился къ несчастнымъ, мимо которыхъ прошелъ этотъ завидный удѣлъ.

Уорбертонъ и его другъ познакомились съ молодой женщиной на пароходѣ Атлантическаго океана и съ тѣхъ поръ искренно восхищались ею, уважали ее,—смотрѣли на нее почти какъ на своего друга и товарища.

— А знаете, м-съ Касльтонъ,—говорилъ ей Филиппъ, сидя на зеленой лужайкѣ:—я вѣдь сильно на вашу счетъ заблуждался. Мнѣ казалось, что вы не такъ мелочны и не такъ злорадны, какъ женщины вообще...

— Вотъ какъ? Значить, вы разочаровались; вамъ это ужъ больше не кажется, потому что...

— ...Потому что на вашихъ глазахъ происходитъ въ настоящую минуту изгнаніе трехъ несчастныхъ, которымъ некуда дѣваться, которыхъ никого здѣсь не знаютъ и которыхъ никто здѣсь, видимо, знать не желаетъ.

— Это жена и дочери П. Лимингстона-Бельгера, который нанялъ у меня „Терны“ на лѣто,—вставилъ словечко Марстонъ.

— И, кажется, одна изъ барышень—та самая, которой я такъ благополучно вернулъ украденный зонтикъ и которая такъ ужасно тогда покраснѣла?

— Она самая!—подтвердилъ Марстонъ и поспѣшилъ передать м-съ Касльтонъ подробности всего приключенія.

— Такъ вотъ почему вы хотите, чтобы я смеялась надъ ними?...—лукаво проговорила она.

— Нѣтъ... не совсѣмъ,—возразилъ Филиппъ совершенно серьезно.—Мнѣ просто кажется излишней жестокостью пригласить ихъ сюда и заставлять страдать отъ всеобщаго невниманія. Онѣ, повидимому, такія приличныя и благовоспитанныя; ну а мать... какъ она вамъ кажется, м-съ Касльтонъ?

— Повидимому, она добрая женщина, но немножко любитъ командовать... Но это мнѣ все равно; и я бы готова ихъ выру-

читать изъ бѣды, только ловко ли это? М-съ Ванъ-Хорстъ здѣсь главная, а она относится къ нимъ вполнѣ небрежно...

— Ну, а если бы, помимо всѣхъ этихъ чисто-официальныхъ соображеній, вы сами пожелали познакомиться съ ними? Если бы я попросилъ васъ объ этомъ, что бы вы сдѣлали: рискунули бы положиться на мою мужскую проницательность и совѣсть, или?..

— Для васъ, м-ръ Уорбертонъ, конечно—первое.

— Смотри, Филиппъ: это вовсе не такъ просто, какъ кажется, — возразилъ осторожный и разсудительный Марстонъ, и рассказалъ всю исторію съ покупкой и перепродажей акцій, благодаря которой Бельклей съ семьей попалъ въ члены „Берегового клуба“.

— Прекрасный поступокъ съ его стороны, не правда ли?— одобрила м-съ Касльтонъ.—И тѣмъ болѣе обидно за его семью...

Она ласково и задумчиво пригласила кудри своей шестилѣтней дочки, которая къ ней подбѣжала, потрепала ее немножко, приласкала съ неотразимой материнскою нѣжностью, и когда малютка убѣжала, взяла подъ руку Марстона, чтобы съ нимъ вмѣстѣ и съ его другомъ подойти къ заброшенному трио семьи Бельклеевъ.

Поровнявшись съ матерью семейства, Марстонъ съ утонченной вѣжливостью снялъ шляпу и проговорилъ:

— М-съ Бельклей, позвольте мнѣ представиться: владѣлецъ вашей дачи, Марстонъ-Фанчеръ! Крайне сожалѣю, что мать моя и сестры ужъ давно за границей, а то онѣ давно бы первыя сочли за удовольствіе придти съ вами познакомиться.

Изысканныя манеры и тонъ рѣчи молодого человѣка смутили м-съ Бельклей. Она чувствовала, что надо отвѣчать, но страшно переконфузилась и сама не помнила, что говорить.

— Весьма любезно... весьма любезно съ вашей стороны...— бормотала она.—Ваша дача такъ хороша... Видъ на море, особенно въ лунную ночь, чудесный!... Жаль только, что изгороди у васъ такія высокія, густыя. Тамъ гнѣздится всякая дрянь: всѣ эти жучки и мушкетеры не дадутъ намъ покою. Стоитъ только открыть окно—и ихъ налетитъ такая пропасть!..

Бѣдная женщина спохватилась, что вовсе не такъ слѣдовало отвѣчать на пріѣтъ. Она еще больше сконфузилась и бормотала, въ то время, какъ Модъ краснѣла и въ замѣшательствѣ не знала, куда смотрѣть, какъ бы остановить неумѣстную рѣчь матери, тѣмъ болѣе, что сотни двѣ пытливыхъ взоровъ были направлены на ихъ интересную группу. Модъ, какъ и всѣ при-

существующіе, понимала, что Марстонъ и Уорбертонъ убѣдили м-съ Касльтонъ пренебречь примѣромъ м-съ Ванъ-Хорстъ и что ихъ смѣлая выходка—своего рода вызовъ.

Наконецъ м-съ Бельклей сочла удобнымъ представить дочерей и, когда очередь дошла до Модъ, удивилась, что Марстонъ снова снялъ шляпу и раскланялся.

— Кажется, я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ вами въ театрѣ Дэли, гдѣ у васъ украли-было зонтикъ, а моему другу м-ру Уорбертону удалось возвратить вамъ его цѣлымъ и невредимымъ.

— О, да! Теперь я припоминаю (какъ будто не догадавшись объ этомъ раньше, проговорила Модъ)... Тогда я такъ смутилась, что даже не поблагодарила его!

— Можно хоть сейчасъ исправить эту оплошность, — замѣтилъ Марстонъ.—Позвольте васъ познакомить: М-съ Касльтонъ — миссъ Бельклей! М-ръ Уорбертонъ — миссъ Бельклей!

Когда взаимное представленіе уже состоялось, Модъ, вѣчно увлекающаяся и впечатлительная, не могла удержаться отъ восхищенія, которое ей внушала изящная безъ натянутости и красивая безъ чванства м-съ Касльтонъ. Пяти минутъ не прошло, какъ, благодаря ея непринужденности и ласкѣ, бѣдныя обиженныя женщины перестали чувствовать себя неловко; ихъ бесѣда и смѣхъ сдѣлались также привѣтливъ и непринужденны. Болтали, конечно, все больше о пустякахъ; но молодымъ дѣвушкамъ все вокругъ уже казалось особенно прекраснымъ: и небо—синее, какъ дорогой сафиръ, и море, и песокъ у береговъ его, и яркое лѣтнее солнце... Побывали они и въ казино, пили тамъ чай; знакомились съ членами клуба; хвалили климатъ и мѣстоположеніе „очаровательнаго“ Аттербери и осторожно освѣдомлялись объ устройствѣ храма св. Павлу-на-Дюнахъ.

Въ пять часовъ пополудни къ крыльцу Казино подъѣхило дѣйствительно превосходное и въ высшей степени приличное ландо съ небольшими гербами Лимингтоновъ-Бельклей, и Марстонъ съ Уорбертономъ почтительно усадили въ него м-съ Бельклей и ея дочерей. Свергая на солнцѣ, позвякивала настоящая серебряная сбруя; нетерпѣливо рыли землю копытомъ статныя вороныя кони и дружно взили съ мѣста роскошный экипажъ.

Откинувшись на его упругія подушки, его хозяйки вздохнули съ облегченіемъ. Наконецъ-то состоялось ихъ появленіе въ обществѣ!

VII.

Въ теченіе двухъ послѣдующихъ недѣль на большой аллеѣ, которая вела къ широкому крыльцу усадьбы „Терны“, неоднократно появлялись самыя разнообразныя экипажи обитателей Аттербери. Всѣ они были противъ вторженія пришельцевъ въ ихъ замкнутое, избранное общество; но разъ это вторженіе—худо ли, хорошо ли—состоялось, каждый только о томъ и думалъ, какъ бы соблюсти приличіе и не отстать отъ другихъ. Всѣ перебивали въ Тернахъ; всѣ познакомились съ новыми ихъ хозяевами.

Все обстояло благополучно и вполне прилично. Одна только гордячка, м-съ Ванъ-Хорстъ, явилась неприятнымъ исключеніемъ и продолжала даже въ разговорѣ игнорировать самое существованіе Бельклевъ. Такое обидное поведеніе Ванъ-Хорстовъ, несомнѣнно, повлекло бы за собою самыя пагубныя для дачнаго міра послѣдствія, если бы и тутъ не вмѣшался случай и не отвлекъ вниманія дачниковъ въ другую сторону.

Всѣ аттерберійцы были большіе любители лошадей и желали прослыть знатоками верхового спорта. Общимъ духомъ заразилась также и Модъ, какъ дѣвушка вообще склонная къ увлеченіямъ. По ея настоянію, отецъ приказалъ ей прежнему берейтору купить для нея верховую лошадь, а когда „Султанша“ была уже водворена въ конюшнѣ Терновъ, озаботился пригласить хорошаго преподавателя верховой ѣзды. Султанша, вообще говоря, оказалась сущей находкой: красавица, тонконогая, породистая и послушная какъ ягненокъ.... но только пока чувствовала надъ собою власть мужчины. Какъ только очутилась въ сѣдлѣ сама ея хозяйка, этотъ ягненокъ возмутился, вздумалъ „давать возла“, горячиться; то застывала Султанша на мѣстѣ, какъ влопанная, то вдругъ бросалась изъ стороны въ сторону, какъ шальная.

Модъ сама предложила попробовать припугнуть ее немножко хлыстомъ, и какъ ни неслась впередъ наказанная лошадка, юная всадница усидѣла въ сѣдлѣ, несмотря на то, что душа у нея была не на мѣстѣ отъ страха.

Смѣлость молодой дѣвушки, красота и осанка Султанши, стройность посадки и совершенство строгаго костюма всадницы,—все это не могло пройти незамѣченнымъ. На нее обратилъ вниманіе даже самъ молодой Ванъ-Хорстъ и прибавилъ, что костюмъ миссъ Бельклей („сейчасъ видно!“)—прямо изъ Лондона. Въ итогѣ, всѣ эти толки значительно повысили обще-

ственное мнѣніе о Белькляхъ, и въ одно прекрасное утро, когда Модъ, по обыкновенію, каталась верхомъ, ничего не было удивительнаго, что ее нагналъ, также верхомъ, Филиппъ Уорбертонъ и безъ малѣйшаго смущенья вступилъ съ нею въ разговоръ.

— Не въ моихъ правилахъ, миссъ Бельклей, допускать, чтобы прелестныя барышни въ одиночествѣ наслаждались верховой ѣздою,—шутливо началъ онъ.—Я же, какъ разъ, самъ страдаю одиночествомъ; поэтому не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ себя въ дорожные товарищи?

Въ его шуткѣ скрывалась, однако, спокойная самоувѣренность, къ которой онъ не особенно былъ повлеченъ, если принять въ соображеніе, что Филиппъ былъ вообще крайне избалованъ вниманіемъ дамъ и барышень; но эта самоувѣренность была только пріятна миссъ Бельклей, которая знала, что онъ не любитъ общества дѣвицъ, и тѣмъ болѣе цѣнила его вниманіе къ ней.

Въ знакъ согласія она пробормотала что-то совершенно невнятное, и нѣсколько времени они ѣхали молча.

— Что за чудная у васъ лошадь!—замѣтилъ Филиппъ.

— Да,—согласилась Модъ и потрепала Султаншу по атласной шеѣ:—она у меня милая, славная, дрянная злючка. Она страшная капризница: то рветъ и мечетъ, то вретка и тиха какъ ягненокъ. Ужъ мы съ ней скачемъ по полямъ, и домой я привожу чуть живая, усталая и вся разбитая.

— Слава Богу еще, что вы хоть и разбитая, а все-таки привожаете домой,—замѣтилъ снова Филъ и взглядомъ знатока окинулъ подвижныя нѣжныя уши лошади и ея искрометные глаза.

Опять молчаніе; но оба собесѣдника чувствовали себя такъ хорошо и непринужденно, что, какъ добрые товарищи, не считали, кажется, вовсе необходимымъ занимать другъ друга разговоромъ.

— А какъ вамъ нравится Аттербери, м-ръ Уорбертонъ?—спросила, наконецъ, Модъ.

— О, чрезвычайно, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало. Мнѣ даже стыдно, что я такъ къ нему привязался.

— Стыдно? Но отчего же?

— Оттого стыдно, миссъ Бельклей, что не всегда жизнь глядела меня по головкѣ и я бы, кажется, долженъ былъ серьезнѣе къ ней относиться: не баловать себя, не свываться съ здѣшной роскошью и удобствами... Но что же подѣлаешь? Всѣ словно сговорились дѣлать мнѣ только пріятное.

— Вотъ какъ?! Вамъ досадно, что нѣтъ непріятнаго?

— Простите: я совсѣмъ не тѣ хотѣлъ сказать!—разсмѣялся Филъ.—Мнѣ просто кажется предосудительнымъ, что я самъ же

чувствую влеченіе къ тѣмъ, кого долженъ бы, въ сущности, порицать.

— Но почему же вы „должны“ ихъ порицать?

— Ну, знаете, это ужъ выйдетъ „тѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“... А дровъ-то именно и слѣдуетъ избѣгать въ разговорѣ... Вы не боятесь, что ваша лошадь слишкомъ горяча?

— Нѣтъ, благодарю за вниманіе!... А все-таки, вернемся къ вашимъ „дровамъ“, и я попробую вмѣстѣ съ вами ихъ поворочать.

— Нѣтъ, ужъ простите...

— Ни за что!—горячилась Модъ.— Вотъ вы, мужчины, всегда таковы! Укажете интересный предметъ разговора—и въ сторону... или, можетъ быть, потому, что считаете его слишкомъ глубокимъ для женскаго ума?...

— Простите, я совсѣмъ не то...

— ...Не то подумали?... Все равно: такъ оно вышло, а это развѣ не одно и то же?.. Итакъ, вы говорите, что вамъ бы не слѣдовало снисходительно относиться къ Аттербери и къ его обществу... Вѣрно ли я васъ поняла?...

— Совершенно вѣрно, съ точки зрѣнія...

— ...Такого мелкаго ума, какъ мой?.. Благодарю; не извиняйтесь!—бойко подхватила молодая дѣвушка, и Уорбертонъ, которому было забавно, что она за словомъ въ карманъ не поглядѣетъ, разсмѣялся:

— Клянусь честью! Никогда еще никто меня такъ не подводил!

— Вотъ видите: вамъ отъ меня не отвертѣться! — весело воскликнула Модъ. Ей такъ хотѣлось послушать его разсужденій, что она не заботилась о томъ, что прилично, а что—нѣтъ.

— Что же, шутки въ сторону, я вамъ, пожалуй, признаюсь,—началъ Филиппъ уже серьезно:—что съ вашей точки зрѣнія я даже „вольнодумецъ“. По моему, весь міръ порядкомъ-таки поразвинутился. Я допускаю возможность существованія несравненно лучшаго строя правленія, нежели наше, республиканское; но въ то же время не берусь указать, въ чемъ именно должно состоять усовершенствованіе рода человѣческаго. Какъ-то не въ модѣ придерживаться такихъ воззрѣній, а тѣмъ болѣе—развивать ихъ въ великосвѣтской гостиной: вотъ почему я и держу свои мнѣнія при себѣ... по крайней мѣрѣ, до поры, до времени, пока не придетъ пора приложить ихъ не на однихъ только словахъ, а и на дѣлѣ.

Для Модъ такіа разсужденія были новинкой, и она не знала,

что ему отвѣчать. Она никогда еще не философствовала, никогда не задавалась вопросами: какъ живутъ люди на свѣтѣ и какъ бы имъ надлежало жить? Конечно, такой обеспеченной, богатой дѣвушкѣ жизнь не предъявляла никакихъ задачъ или испытаній. Положимъ, и до нея доходили слухи о какихъ-то чуть не бѣднякахъ, которые мечтаютъ объ усовершенствованіи рода человеческого, о его нравственной и физической жизни, — но и только: дальше этого не шли ея познанія.

Но чтобъ и Уорбертонъ былъ тоже своего рода вольнодумцемъ, — этого она, конечно, не могла себѣ представить.

Филиппъ замѣтилъ ея недоумѣніе и съ полу-улыбкой сказалъ:

— Вотъ видите: и стоило ли вамъ наставлять?

Модъ промолчала и только задумчиво нахмурила свои темныя брови. Нѣсколько минутъ они опять ѣхали молча.

— Я бы очень вамъ была благодарна, еслибъ вы мнѣ объяснили, почему именно вы считаете современное общество такимъ особенно дурнымъ? — спросила она, и въ голосѣ ея отразилось какъ бы сожалѣніе, что онъ можетъ развѣнчать этотъ кумиръ, которому ея окружающіе и близкіе съ дѣтства поклонялись. И эта нота сожалѣнія отъ него не укрылась.

— Слышали вы что-нибудь объ одномъ интересномъ опытѣ, который дѣлали въ Лондонѣ и который извѣстенъ тамъ подъ названіемъ: „Тойнби-Холль“? — спросилъ Филиппъ. — О, конечно слышали! Это такое мѣсто, куда уходятъ добровольно молодые люди хорошихъ фамилій, чтобы, живя въ грязныхъ кварталахъ, среди бѣдныхъ и испорченныхъ людей, и словомъ, и примѣромъ своимъ повліять на развитіе въ нихъ добрыхъ сторонъ... и, такимъ образомъ, помочь усовершенствованію рода человеческого, — досказалъ Филиппъ. — Вотъ этого-то мнѣ бы и хотѣлось; и я надѣюсь когда-нибудь дожить до того, что моя мечта послужить людямъ наконецъ осуществится.

— И жить въ грязныхъ кварталахъ?..

— Да, жить!

Удивленію Модъ не было границъ.

Ей казалось вѣрхомъ блаженства принадлежать къ тому обществу, попасть въ которое имъ стоило столько труда; а онъ, уже занимающій въ немъ прочное положеніе, хочетъ, по своей доброй волѣ, оставить его и уйти жить въ грязныхъ притонахъ.

Лицо Модъ было такое подвижное, выразительное, что Уорбертонъ безъ труда прочелъ на немъ невысказанное недоумѣніе, и успѣшилъ разъяснить его.

— Скажите: развѣ вамъ никогда не приходило въ голову,

что мы какъ будто для того только нарождаемся и живемъ, чтобы бороться съ жизнью и ея условіями, а не сидѣть сложа руки и наслаждаться всѣми земными благами? Здѣсь, въ Аттербери, такое заблужденіе еще скорѣе всего возможно: здѣсь и общество, и сама природа точно сговорились дать человѣку позабыть обо всѣхъ житейскихъ неурядицахъ и невзгодахъ. Но, въ концѣ концовъ, и такая безмятежная жизнь должна прискучить, и тогда невольно человѣкъ привадумается надъ тѣмъ, чего прежде не замѣчалъ; будетъ искать того, отъ чего, бывало, преднамѣренно отворачивался. Одна благовоспитанность не есть цѣль и содержаніе жизни, и такая односторонняя жизнь не можетъ вполне удовлетворять здравомыслящаго человѣка...

— Значитъ, богатство вы даже считаете большимъ несчастіемъ?—воскликнула Модъ.

— Да, — если оно обуславливается для человѣка необходимостью потерять способность къ состраданію... какъ это, впрочемъ, и бываетъ, почти безъ исключеній. Христосъ раньше насъ понялъ, какъ очерствяетъ, искажаетъ богатство душу человѣка, и потому однимъ изъ главныхъ условій наслѣдованія царствія небеснаго поставилъ раздать богатство нищимъ, и въ заключеніе прибавилъ: „Истинно говорю вамъ, легче верблюду войти въ игольное ушко, нежели богатому въ царствіе небесное!“...

— Но намъ толковали, что „игольное ушко“ надо понимать въ смыслѣ однихъ изъ воротъ въ Иерусалимъ?...

Рѣзво и насмѣшливо прозвучалъ въ воздухѣ смѣхъ Филиппа.

— Ну да! Вотъ такъ-то и все вамъ толкуютъ наизуотъ! Приятно видѣть, какъ искажаютъ даже слово Христово въ угоду миллионерамъ!... Богъ знаетъ, чего еще мы можемъ такимъ образомъ дожидаться!...

Онъ остановился, отчасти раздосадованный тѣмъ, что не сдержался въ-время, и пытливо взглянулъ исподтишка на свою собесѣдницу, чтобы хоть по лицу угадать ея мысли; но, не разобравшись еще въ нихъ хорошенько, онъ поспѣшилъ извиниться, подъ предлогомъ, что такого рода разговоры вообще не могутъ интересоваться женщинъ...

Самый вѣрный способъ пробудить Модъ—это задѣть женщину.

— Напротивъ!—горячо вскричала она.—Это именно женщинамъ-то и любопытно; и вѣрнѣйшій способъ заинтересовать женщину въ какомъ-нибудь вопросѣ, это... это...

— ...Утверждать, что онъ ничуть ея не касается!..—смѣясь, подсказалъ Филиппъ.

— Ну, послушайте! Это просто невыносимо: я въ первый разъ

слышу, что вы говорите вещи, недостойныя васъ!—И губки ея надулись чисто по-женски, сердито и мило.

— Позвольте: вѣдь должень же я быть, рано или поздно, показать вамъ и оборотную сторону своей персоны?— снова переходя къ болѣе легкому тону, заговорилъ Филиппъ.— Фактъ тотъ, что я, вообще говоря, пожалуй, не питаю къ женщинамъ той доли уваженія, какую бы слѣдовало къ нимъ питать. Я безгранично преклоняюсь передъ двумя-тремя дѣйствительно выдающимися женщинами, какъ благороднѣйшими образцами челоуѣчества... Но барышни?!... Барышня для меня не больше, какъ картинка, изящный декоративный предметъ и, въ этомъ смыслѣ, вполне достойный восхищенія. Но я представить себѣ не могу, чтобы я самъ себя связалъ съ нею неразрывными узами супружества... и связалъ бы только для того, чтобы желать потомъ отъ нея отдѣлаться...

— Отъ нея отдѣлаться?!.. Почему жъ это вы думаете, что она не можетъ еще скорѣе пожелать отъ васъ отдѣлаться?—не совсѣмъ увѣренно: шутить онъ или говорить серьезно, спросила Модъ. Но Уорбертонъ какъ будто рассуждалъ серьезно.

— Конечно, я не мѣшалъ бы ей воздать и мнѣ тою же монетой,—продолжалъ онъ, уставившись на Модъ своими спокойными глазами, въ которыхъ пробѣгалъ огонекъ лукавства.— Я упрекаю молодую дѣвушку-американку въ томъ, что она—балованная, пустынная игрушка, твердо убѣжденная, что всякій обязанъ ей почтеніемъ и не знаю еще чѣмъ!... Что она ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ въ мірѣ не обязана и что нѣтъ для нея иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые ей любезно прописываетъ ея собственно капризное, очаровательное, выколенное и уже испорченное... я!

— Однако, несмотря на ваши вѣскія доказательства, вы не можете отрицать, что на дѣвушку-американку большой спросъ повсемѣстно, а особенно въ Англии!—вступилась Модъ.

— Да, потому что англичанинъ прежде всего требуетъ, чтобы женщина была забавна, а забавнѣе и бойчѣе американокъ, кажется, нѣтъ дѣвушекъ на свѣтѣ! Сверхъ того, американская дѣвушка-невѣста гораздо умнѣе и образованнѣе англійской и безспорно несравненно ея красивѣе, чего не увидитъ только мужчина слѣпой какъ кротъ!

Филиппъ взглянулъ на молодую дѣвушку смѣлымъ и яснымъ взглядомъ, который какъ бы служилъ проверкой только-что высказаннаго мнѣнія. Модъ опять сдѣлалось неловко, и она въ смущеніи покраснѣла, тогда какъ настоящей благовоспитанной ба-

рышнѣ полагалось бы обратить его слова въ шутку и обойтись какъ ни въ чемъ не бывало. Но на его мужской вкусъ ея смущеніе и бестактность произвели, повидимому, вовсе не дурное впечатлѣніе; они даже пробудили въ немъ если не нѣжное, то все-таки весьма доброе и ласковое чувство. Онъ мысленно подводилъ ее подъ разрядъ „славныхъ“ женщинъ, т.-е. любящихъ, благородныхъ, умныхъ и великодушныхъ; дурныя—у него—принадлежали къ противоположному разряду: тщеславныхъ, безумныхъ, разряженныхъ буколъ и т. п.

Тихо доѣхали они рысцою до какого-то перекрестка, и тутъ съ лошадей Модъ случилось нѣчто непостижимое: она заупрямилась и настойчиво сворачивала влѣво, когда ее таяли вправо. Пробившись съ нею минутъ пять понапрасну, Модъ попросила своего спутника стегнуть вкutomъ глуую Султаншу.

— Простите; но я лучше воздержусь, если позволите, конечно: это плохая система, чтобы лошадь стегала кто-либо, кромѣ ея всадника.

— А, хорошо! Я и сама обойдусь! — погорячилась Модъ и обожгла бока лошади сильнымъ ударомъ хлыста, со всего размаха. Она готовилась ужъ прочесть ей при этомъ должное нравоученіе, напримѣръ: „впредь будь умнѣ!“ или что-нибудь въ этомъ родѣ,—но не успѣла рта раскрыть. Султанша понесла ее стремительно впередъ, полнымъ карьеромъ. Такъ дѣлала она и прежде; но Филиппъ этого не зналъ, и ему показалось, что она понесла.

Что было мочи, онъ погналъ за нею вслѣдъ своего коня; но своевольная Султанша исчезала у него на глазахъ, какъ стрѣла, и скрылась окончательно гдѣ-то за поворотомъ. Наконецъ, минутъ черезъ пять, сердце его забилося ровнѣе: онъ увидалъ Модъ верхомъ на своей любимицѣ и, повидимому, нимало не пострадавшую.

Облегченно вздохнулъ онъ тогда полной грудью, и только чтобы сказать что-нибудь, проговорилъ:

— А жаль, что вы ей дали волю убѣжать...

— Да Султанша и не думала бѣжать,—съ сияющей улыбкой и смѣлымъ голосомъ отвѣчала ему молодая дѣвушка:—мы съ нею просто немножко... прокатились!

— Ну, хорошо!—согласился Филиппъ, видя, что было бы грубо въ такую минуту настаивать на своемъ.—Мнѣ все равно, называйте это какъ хотите; только ужъ пожалуйста, прошу васъ, больше такъ не катайтесь!..

VIII.

Отъ этой прогулки верхомъ у Модъ осталось впечатлѣніе чего-то особеннаго, теплаго, свѣтлаго и—что всего страннѣе—на этотъ разъ она не чувствовала потребности подѣлиться имъ со своимъ двойникомъ Пегги. Сестры были всегда такъ дружны, такъ безшабашно предавались порывамъ веселости и чисто-дѣтскаго стремленія пошалить, что ни одной мысли, ни одного слова не могли онѣ утаить другъ отъ друга. Все переживалось ими сообща, нераздѣльно, и только Салли, какъ старшая, считала университетнымъ для своего достоинства присоединяться къ нимъ, особенно когда онѣ, по ея выраженію, „бѣсались“.

Понятно, что наблюдательная Пегги не могла не подмѣтить, что въ настроеніи Модъ произошла какая-то переменна, что съ ней вообще „что-то случилось“. Это тѣмъ болѣе подстрекало ея любопытство и обижало ее, что Модъ и не думала подѣлиться съ нею своей новостью. Вѣдь не стѣснялась же эта самая Модъ пересмѣивать и пересуживать вмѣстѣ съ крошкой Пегги всѣ достоинства и недостатки ихъ новыхъ знакомыхъ?.. Нѣтъ, она молчать недаромъ: это что-нибудь да значить!..

И еще больше разгоралась въ душѣ Пегги кровная обида на недоувѣріе сестры.

Былъ ужъ конецъ іюля, и срокъ отпуска Филиппа близился къ концу. Модъ это твердо знала, и потому ей еще болѣе было его равнодушіе. Неужели его вовсе не тянетъ побывать у Бельклевъ, повидаться съ нею? Положительно (какъ ни грустно въ этомъ сознаться!) она произвела на него гораздо меньшее впечатлѣніе, чѣмъ онъ на нее!... Такъ, по крайней мѣрѣ, думала Модъ, и ей было обидно за себя.

Чтобы заглушить свою сердечную тоску, она усиленно гуляла, то пѣшкомъ, то верхомъ на своей любимицѣ Султаншѣ; но ни разу съ тѣхъ поръ не попадался ей на глаза Филиппъ Уорбертонъ.

Однажды, когда она задумчиво бродила по бѣлымъ пескамъ морского берега, по обмеловенію, она, сама того не замѣчая, зашла далеко отъ дому.

Вдругъ до нея долетѣлъ довольно низкій, но, должно быть, женскій голосъ, который не особенно фальшиво напѣвалъ излюбленную пѣсенку американскихъ негровъ:

„Приди, мой другъ, приди...
Плыви, мой челнъ, плыви!
Любовь мою носи
Ты прямо въ Тенесси!..“

Этотъ припѣвъ повторялся послѣ каждой строфы и повторялся одинаково весело и неутомимо. Модъ остановилась, прислушалась и, наконецъ, внимательно оглядѣлась вокругъ.

Въ этомъ мѣстѣ береговая извилина образовала небольшую бухту, въ центрѣ которой, за развѣшаннымъ на веревкахъ платьемъ и бѣльемъ (какъ мужскимъ, такъ и женскимъ) виднѣлась старая лачужка, въ родѣ рыбацкой. Дверь ея была грубо придѣлана и, повидимому, сволочена изъ корабельныхъ досокъ, — обломковъ корабля, погибшаго въ морѣ. Отъ вѣтру она была защищена прекрасно наносными песками. Надъ бѣлой трубою, обмазанной глиной, висѣла голубоватый дымокъ.

Модъ тихо подходила ближе. Вдругъ порывъ вѣтра сорвалъ съ веревки и смялъ бѣлье, а за его беспорядочной кучкой появилась молодая, рослая мулатка, съ добродушной улыбкой на скуластомъ лицѣ. Бѣлые зубы ея сверкнули и долго не прятались за полуоткрытыя, пухлыя губы.

Правду сказать, Модъ немножко струсилa, когда передъ ней неожиданно появилась черная высокая женская фигура; но та, не смущаясь нисколько, протянула ей радушно свою черную руку и проговорила:

— Какъ поживаете, миссъ Бельклей? Видите, вы меня не знаете, а я васъ прекрасно знаю! Я вѣдь на васъ стираю... д-да, право, кромѣ шутковъ. Мужъ мой — „бѣлый“, самый настоящій бѣлый джентльменъ. Онъ изъ „бонтоновыхъ“... онъ самъ говорить. Его-то ужъ вы навѣрно знаете: онъ — тотъ господинъ, что ловить вкусныхъ омаровъ и разную рыбу, а я ихъ потомъ продаю вашей мамѣ.

Модъ и въ самомъ дѣлѣ припомнила, что не разъ видѣла въ окрестностяхъ Терновъ довольно красиваго и еще молодого человѣка, лѣтъ тридцати или даже моложе; онъ держался довольно прилично, какъ бывшій джентльменъ; его обыкновенно сопровождалъ мальчишка съ корзиной для рыбы.

— Да, да, я его очень помню! — сказала Модъ. — Онъ вѣрно иностранецъ?

— Такъ точно, миссъ. Онъ благородной крови: въ его родѣ дворянъ и графовъ, королей... просто не перечесть! Онъ настоящій лордъ, миссъ, самый настоящій! Мой мужъ — лордъ Эдвардъ Перси Малькольмъ Макъ-Грегоръ Миддльфордъ... Такъ-то, миссъ!

Но онъ не хочетъ, чтобы всё это знали, и велитъ звать себя попросту: Макъ-Грегоръ, мисте'Макъ-Грегоръ. Отецъ далъ ему въ управленіе большую плантацію въ Южной Каролинѣ, но Макъ-Грегоръ принялся пить и кутить, а его друзья-пріятели—тоже „бѣлье“, миссъ!—доканали его, ободрали, какъ липку. Онъ, какъ овца неразумная, не видалъ ихъ лукавства и алчности... ну и остригли его, голубчика, до-гола... Такъ-то, миссъ, до-гола!

— Неужели?—проговорила Модъ, чтобы только что-нибудь сказать.—А нельзя ли у васъ тутъ присѣсть и отдохнуть?

— Какъ же, какъ же, миссъ, милости просимъ!—съ широкой улыбкой отвѣчала мулатка и продолжала весело болтать о своемъ мужѣ, мисте'ѣ Макъ-Грегорѣ, у котораго въ роднѣ все „короли да графы“...

— Вотъ и вы тоже изъ „бонтонныхъ“: я ужъ сейчасъ вижу!

— Но какъ же вы узнали, что я тоже, какъ вы говорите: „изъ бонтонныхъ“?—улыбнулась Модъ.

— По вашему бѣлью, миссъ, по бѣлью... О, это сейчасъ видно! Кто самъ не благородной крови, тотъ понацѣпнѣтъ, напоказъ, что попестрѣе да побогаче, а подъ низомъ-то плохое, дешовое бѣлье. А у васъ, миссъ, не то: у васъ подъ платьемъ то же, что и на платьѣ, все приличное да дорогое!

Болтая такимъ образомъ, добродушная мулатка и не подумала принести изъ своей лачуги стулъ дорогой и неожиданной гостьѣ, но не изъ небрежности, а по той простой причинѣ (какъ это замѣтила и Модъ въ отворенную дверь), что въ домѣ вовсе не было ни одного стула. Впрочемъ, это вскорѣ объяснила и сама хозяйка дома, присвокупивъ, что „такъ оно сповойнѣ“.

— А то вѣдь, какъ напьется Макъ-Грегоръ, такъ и пойдетъ швырять, да бить что ни попало: ни мебели, ни посудѣ онъ не дастъ пощады!.. Безъ мебели сповойнѣ: нечего ломать!

— Не скучно вамъ жить здѣсь одной? Вѣдь, кажется, по близости тутъ мало живетъ негровъ?—замѣтила Модъ.

Вмѣсто отвѣта супруга господина „изъ бонтонныхъ“ порывисто выпрямилась, встряхнула передникъ жестомъ, полнымъ оскорбленной гордости, и съ негодованіемъ возразила:

— Негровъ?.. Негровъ?! Никакого мѣнѣ нѣтъ до нихъ дѣла, до негровъ! Не долюбиваю я этихъ бѣдняковъ... Такъ-то, миссъ; вѣрно вамъ говорю! И Макъ-Грегоръ никогда не допустилъ бы меня водить съ ними знакомство. Да я и сама не хочу поворить его имя; онъ вѣдь настоящій джентльменъ.—И потокъ ея словъ изверженій полился неудержимо, горячо.

Модъ вообразила, что бѣдная мулатка обидѣлась на ея во-

прось, и потому, не говоря ни слова, она встала съ песчаного бугра, на которомъ сидѣла, и тихонько пошла въ обратный путь. Но не сдѣлала молодая дѣвушка и двухъ шаговъ, какъ ее нагналъ привѣтливый окликъ мулатки, которая убѣдительно просила ее вернуться „посидѣть“.

— Не сердись, сердце мое, вернись! Не сердись, сладкая ты моя, на меня, глупую чернокожую!—умоляла она, снова улыбаясь и въ волненіи говоря „ты“ барышнѣ.—Я ничего... я, право, ничего... Ты не думай, сердце мое, чтобъ я могла обидѣть... Языкъ мой, проклятый, болтаетъ, а чтѣ болтаетъ—и самъ не знаетъ!.. Такъ-то, миссъ; вѣрно вамъ говорю,—уже спокойнѣе заключила она, видя, что Модъ возвращается къ ней.

И опять посыпались ея рассказы о томъ, о семь... обо всемъ, чтѣ ей казалось самымъ достойнымъ примѣчанія.

— А гдѣ же вашъ мужъ?—спросила Модъ, прерывая потокъ ея краснорѣчія.

— Мой мужъ? Это вы про Макъ-Грегора? Онъ побѣждалъ въ Фанчеру за табакомъ и за всякой такой штукой. Тамъ теперь и мисте' Уорбертонъ, его товарищъ. Знаете вы Уорбертона, миссъ? а?—И на широкое лицѣ мулатки какъ будто 스вольнуло лукавое выраженіе.—Онъ очень, очень любитъ Макъ-Грегора... очень любить!

— Вотъ какъ? Вы, вѣрно, хотите сказать, что вашъ мужъ—его пріятель?

— Да, да, миссъ: онъ его пріятель, я такъ и хочу сказать. Онъ джентльменъ съ головы до ногъ... Мисте' Уорбертонъ, то есть! Онъ сразу узнаетъ, кто дворянинъ, кто нѣтъ. А у Макъ-Грегора отецъ—сіятельный графъ... Вотъ мисте' Уорбертонъ потому-то и другъ Макъ-Грегора, и любитъ его... страшно любить!

Простившись съ м-съ Макъ-Грегору, Модъ задумчиво пошла вдоль по берегу, по направленію домой. Разсужденія доброй мулатки и недавняя ея бесѣда съ Филиппомъ дѣлали для нея несомнѣннымъ, что онъ сошелся съ потомкомъ „королей и графовъ“, чтобы попытаться спасти его отъ кутежей и пьянства.

Недалеко отъ небольшой временной пристани будущаго, еще невыстроеннаго, яхтъ-клуба Модъ замѣтила у берега двѣ лодки, одна изъ которыхъ была парусная. Вѣтеръ гналъ довольно крутую зыбь и сильно покачивалъ лодки. Юбки молодой дѣвушки развѣвались и хлестали ее по ногамъ, мѣшая ей идти. Запыхавшись, она присѣла отдохнуть подъ защитой досокъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ, и неволью ведрогнула, услышавъ за спиною знакомый голосъ.

— Не въ деньгахъ дѣло, Макъ-Грегоръ!—говорилъ Филиппъ. —Я готовъ бы и даромъ отдать вамъ эту лодку, лишь бы явилась у меня надежда, что въ васъ проснется чувство финансовой ответственности. Вѣдь вотъ не стыдно же вамъ брать даромъ то, чего вы не заработали? Знаете, что я вамъ скажу: если вы сумеете выдержать три мѣсяца безъ пьянства и честно, безъ обмана мнѣ скажете объ этомъ,—а вамъ доставлю мѣсто, помогу вамъ опять стать на ноги. Но если вы опять вздумаете меня надуть,—берегитесь: я совѣмъ отъ васъ отступлюсь и даже не пошевельнусь, хоть вы у самыхъ моихъ ногъ въ грязи ваяйтесь!..

— Но эта чернокожая... она мнѣ поперекъ дороги стала!—возразилъ виноватый.—Пока я на ней женатъ, мнѣ нѣтъ надежды вернуться въ порядочное общество.

— Стыдитесь, Макъ-Грегоръ, стыдитесь! — продолжалъ съ уворизной голосъ Филиппа.—Ну, гдѣ бы вы теперь были, еслибы она не скалилась тогда надъ вами?

— Что-жъ, вѣрно на томъ свѣтѣ!.. Но все-таки я былъ глупъ, что на ней женился... А скажите, пожалуйста: неужели вполне законнымъ считается бракъ съ негритянкой?

— Боже мой! Что вы за низкая тварь!—прогремѣлъ въ негодованіи „приятель“ Макъ-Грегора.—Неужели совѣсти въ васъ нѣтъ хотя бы настолько, чтобъ понимать и чувствовать добро, которое она вамъ сдѣлала, когда призрѣла больного, въ желтой лихорадкѣ,—выходила, кормила и поила васъ, обшивала и обувала, а взамѣнъ получала отъ васъ только грубость и брань?!

— Все такъ; но, сами посудите, моя личная признательность не исключаетъ, однако, того факта, что въ обществѣ не совѣмъ ловко явится подъ-руку съ супругой... кофейнаго цвѣта, а въ особенности для человѣка такого происхожденія, какъ я... Говорятъ, въ Америкѣ богатныя невѣсты даже предпочитаютъ именитыхъ, но бѣдныхъ англичанъ всѣмъ другимъ?

Водворилось молчаніе, и по голосу Макъ-Грегора Модъ догадалась, что Филиппъ поднялся уходить.

— Ну, полно, Уорбертонъ, куда вы? Не станете же вы карать человѣка какъ разъ за то, что онъ хочетъ исправиться и нравственно подняться? Право же, я очень чувствую ваши слова и всѣми силами стараюсь исправиться на дѣлѣ...

Филиппъ отвѣтилъ ровнымъ и неовлбленнымъ тономъ:

— Все равно, Макъ-Грегоръ, вы работаете дьяволу, и мнѣ васъ уже не исправить. До настоящей минуты, я не подозрѣвалъ всей вашей низости; и какъ ни жаль мнѣ васъ отъ всей души, а ничего не остается больше, какъ отъ васъ отказаться.

— Значить, вы и отъ слова своего отказываетесь и не хотите меня пристроить?

— Слово свое я сдержу, но сдержите ли вы свое?

— А вотъ увидимъ... Ну, а какъ же съ лодкой?

— Я вамъ ее дарю, и если я настаивалъ на томъ, чтобъ вы мнѣ за нее заплатили, такъ только въ виду вашей же пользы: тогда я еще надѣялся спасти васъ отъ нищеты и поворота.

Голоса смолкли, и Модъ стремглавъ, какъ воръ, застигнутый врасплохъ, бросилась бѣжать, чтобъ ее не увидали. Ей слишкомъ было интересно слушать разговоръ Филиппа, чтобъ она могла сообразить: хорошо ли она поступаетъ, что подслушиваетъ?

Недолго бѣжала она, воображая, что можетъ уйти незамѣченной: ее скоро нагналъ Филиппъ, и еще шаговъ за двадцать прокричалъ, снимая шляпу и улыбаясь:

— Если вамъ угодно бѣжать со мной взапуски, предупреждаю: вамъ не справиться!

Молодая дѣвушка остановилась и, поклонившись въ отвѣтъ, стала поджидать, пока онъ поровняется съ нею.

— Мнѣ, кажется, везетъ,—замѣтилъ Филиппъ, радушно пожимая въ своей большой рукѣ ея ручку.—Я еще сегодня думалъ о томъ, что слѣдовало бы мнѣ сдѣлать вамъ прощальный визитъ передъ отъѣздомъ, а вотъ судьба и рѣшила сама этотъ вопросъ, давши намъ встрѣтиться!

— Если вы зашли бы къ намъ только потому, что такъ бы слѣдовало, я очень рада, что вы освободились отъ этой обузы, благодаря встрѣчѣ со мной, м-ръ Уорбертонъ!—отвѣтила она.

Филиппъ, молча, удивленно уставился на нее и, наконецъ, разразился чистосердечнымъ смѣхомъ, въ то время, какъ по лицу было видно, что онъ очень доволенъ ея выходкой.

— Признаюсь, съ моей стороны это дѣйствительно нехорошо!—согласился онъ добродушно.—Но, право же, сегодня я совсѣмъ невѣняемъ: столько у меня было неприятнаго! И изъ всѣхъ моихъ неприятностей, конечно, едва ли не самая большая—разстаться съ вами.

Модъ вспыхнула: это былъ первый съ его стороны намекъ на то, что она ему нравится. Краска на лицѣ ея, однако, загорѣлась еще ярче, когда ей вспомнился весь подслушанный разговоръ.

— Вы бы не говорили объ этомъ съ такимъ сожалѣниемъ, еслибъ знали, чѣмъ я только-что занималась! Я подслушивала...—И она откровенно, но спѣша и волнуясь, рассказала все, какъ

было, прибавивъ только въ заключеніе: — Ну, что вы на это скажете?

Собственно говоря, въ женщинѣ милѣе всего крайности: или ея свѣтская софистика, или, наоборотъ, деревенски-простая наивность и робкая стыдливость. Модъ, однако, не отличалась ни той, ни другою. Она легко краснѣла и была робка, но не въ такой степени, какъ деревенская дѣвушка, и разсудительна, но не такъ холодна, какъ свѣтская женщина. Быть серединой, собственно говоря, вообще невыгодно; но для Филиппа врожденная стыдливость молодой дѣвушки не прошла незамѣченной: она такъ и сквозила изъ-подъ ея обычной непринужденности.

— Что жъ тутъ такого? — поспѣшилъ онъ ее успокоить. — Вѣдь вы не виноваты: это дѣло случая! И вдобавокъ мы не говорили ничего такого, чего нельзя бы было повторить во всеуслышаніе. Этотъ Мавъ-Грегоръ, дѣйствительно, нигуда негодный человекъ. Онъ — третій сынъ графа П. и, несмотря на свое знатное происхожденіе, былъ уличенъ въ шулерствѣ и въ нежеланіи уплатить долги чести, за что и былъ высланъ изъ Англіи. Я, по глупости своей, воображилъ, что могу помочь ему исправиться, могу пробудить въ немъ болѣе достойныя мысли и чувства... и опять-таки ошибся! Впрочемъ, это ужъ не въ первый и, вѣроятно, еще не въ послѣдній разъ!

Молча дошли молодые люди до того мѣста, гдѣ стояли лодки: парусная и гребная, и Филиппъ указалъ миссъ Бальклей на первую изъ нихъ.

— Вотъ эта — моя; я занималъ на лѣто и теперь обязанъ вернуть ее владѣльцу. Кстати: не хотите ли прокатиться? — предложилъ онъ любезно, но тотчасъ же спохватился. — Да что жъ я говорю? Развѣ сегодня дамская погода?..

Онъ спрыгнулъ въ лодку и принялся тамъ копошиться, прокричавъ погромче (вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо):

— Я пошутилъ, миссъ Модъ! Право, я пошутилъ, а вечеромъ, если позволите, буду къ вамъ непременно — отеланяться передъ отъѣздомъ!

— Вы, значить, не хотите брать меня съ собой?

— Какъ не хотѣть? Хочу, конечно; но только... право же, благоразумнѣе бы вамъ не ѣздить въ море: сегодня что-то съ нимъ не совсѣмъ ладно.

Но не успѣлъ онъ этого сказать, какъ Модъ ужъ была въ лодкѣ и отъ толчка навѣрно бы свалилась въ воду, еслибъ Филиппъ въ-время не протянулъ къ ней руки, чтобы поддержать ее.

Ловко раскинутый парусъ надулся, и лодка плавно понеслась впередъ, на морской просторъ.

IX.

Модъ сидѣла молча, не шевелилась.

Она не сводила взгляда съ сосредоточеннаго и почти угрюмаго лица Филиппа; на губахъ ея мелькала не то тревожная, не то самодовольная улыбка, точно она и сама не знала, что ей дѣлать: радоваться или печалиться.

— А какъ вамъ кажется? опасности нѣтъ никакой?—наонецъ, не выдержала она.

— Да, нѣтъ еще... пока!

Но въ ту же минуту лодка сильно накренилась, и соленые брызги окатили его самого и его спутницу. Она вскрикнула и бросилась въ сторону.

— Смирно-о!—привскочивъ на нее Филиппъ такъ грозно, что Модъ привскочила на мѣстѣ отъ испуга; въ тотъ же мигъ полотно паруса со свистомъ сложилось и хлопнулось внизъ, едва не задѣвъ ее по головѣ, но она успѣла отклониться.

Соленая вода насквозь пропитала ей платье, но Модъ была въ такомъ негодованіи отъ грубости своего спутника, что ей было даже жарко. Филиппъ, не обращая на нее вниманія, продолжалъ возиться. Но вотъ онъ нагнулся, пошарилъ въ ящикѣхъ подъ скамейкой и вынулъ оттуда вложенную пару платья.

— Васъ окатило: вы совсѣмъ промокли. Вотъ, не хотите ли надѣть, чтобы согрѣться?

— Да мнѣ не холодно!

— Теперь пожалуй, но потомъ продрогнете непременно! Лучше надѣньте!

— Какъ? этотъ ужасъ?!.. Ни за что на свѣтѣ!

— Берегитесь! Сейчасъ вачнетъ!..—только успѣлъ предупредить Филиппъ, какъ новая волна ужъ налетѣла и обдала ледяной струею его и Модъ.

— А, что? вамъ достается?—съ каждой волной говорилъ молодой человѣкъ.—Послушайте меня: одѣньтесь!

— Но... на что я буду похожа?

— Не все ли вамъ равно? Я было хотѣлъ пообщать вамъ, что и не взгляну на васъ, но чувствую, что не устою противъ искушенія...

Слова его были сказаны въ шутку; но въ этой шуткѣ слы-

палось столько искренняго и серьезнаго, что Модъ опять смутилась, и, чтобы скрыть смущеніе, принялась облачаться въ желтую клеенчатую куртку съ громадными роговыми пуговицами.

— Ну!.. Ну и шляпу!..—воскликнулъ Филиппъ.—Да это будетъ просто восторгъ, какъ мило!..

Модъ взяла грубую клеенчатую шапку и, не безъ кокетства нахлобучивъ ее немного на-бекрень, завязала подъ подбородкомъ.

— Bravo! Чудесно!—воскликнулъ Уорбертонъ:—вы просто прелесть, что за матросицы!..

Между тѣмъ вѣтеръ, который до сихъ поръ дулъ сильно, но довольно ровно, сталъ капризѣе по мѣрѣ того, какъ молодые пловцы приближались въ песчаной косѣ, въ концѣ которой стоялъ Бокрочскій маякъ. И безъ того въ этомъ мѣстѣ течение было корывисто и бурливо, а въ непогоду тѣмъ больше. Впрочемъ о непогодѣ для Модъ, которая не была настолько знакома съ моремъ, чтобы понимать заранѣе его капризы, не могло быть и рѣчи. Она видѣла, что, несмотря на прихотливый вѣтеръ, солнце спокойно сіяетъ на широкомъ небѣ, и тревожиться ей въ голову не приходило.

Ей было хорошо, легко, отрадно; и она одного только желала, объ одномъ только и думала,—чтобы ихъ разговоръ продолжался подольше въ такомъ же пріятномъ и непринужденно-шаловливомъ духѣ.

Но вдругъ, случайно взглянувъ попристальнѣе на своего спутника, она замѣтила, что складка въ углахъ его красиваго рта обрисовалась рѣшительнѣй и тверже; выраженіе лица его было серьезно и словно озлобленно; онъ глазъ не спускалъ съ далекаго горизонта, въ которомъ, повидимому, и заключалась причина его заботы. Прямой тревоги въ немъ не было видно; но Модъ показалося, что только его громадная сила воли помогала ему сдерживать волненіе, и она перевела глаза на быстро темнѣвшій горизонтъ.

— Сзумѣете вы подтянуть снасти?—крикнулъ ей вдругъ Уорбертонъ, чтобы вѣтеръ не заглушилъ его голосъ.

— Нѣтъ, не сзумѣю.

— Ну, такъ идите, держите румпель, а я и самъ справлюсь.

Модъ проворно и послушно исполнила приказаніе, и Уорбертонъ успѣшно занялъ ея мѣсто. Проходя мимо него, она ухватилась за его плечо, чтобы не упасть отъ толчка неугомонныхъ валовъ.

— За-одно придержите-ка и вотъ это!—сказалъ онъ, давая ей

въ одну руку край паруса, а другую кладя на румпель. — И смотрите же: не вертитесь!

Быстро и ловко подтанулъ онъ снасти; но успѣлъ справиться только съ тремя, какъ уже налетѣлъ шквалъ, и вся лодка наполнилась водою. Уорбертонъ опять ухватился за румпель, а спутницѣ своей приказалъ достать изъ-подъ скамейки металлическій ковшъ и черпать воду:

— Выкачивать стѣмъете? — спросилъ онъ отрывисто.

— Попробую, — былъ храбрый отвѣтъ.

Но и это ей не давалось. Дно лодки колебалось волнообразно, и вода ускользала отъ черпака, а Модъ изловчиться не умѣла.

— Все равно, можетъ быть, и безъ этого обойдемся! — крикнулъ ей сквозь шумъ волнъ и вѣтра Уорбертонъ.

Странное ощущеніе своей безпомощности овладѣло ею, и она неподвижно усѣлась противъ него, искренно любуясь его статной, сильной фигурой и открытымъ лицомъ, выдававшимъ врожденное мужество и недюжинный умъ. Модъ больше не боялась бушевавшей бури: она чувствовала себя подъ надежной защитой. Филиппъ внушалъ ей такое безграничное довѣріе, превосходство его мужества и силы — какъ главныхъ атрибутовъ мужчины — было такъ очевидно для нея, что ей казалось даже страннымъ, почему это принято вообще считать глупымъ и смѣшнымъ, что въ вѣнчальномъ обрядѣ настоятельно упоминается о необходимости женѣ повиноваться мужу? Развѣ не естественно для слабого — стремленіе повиноваться сильному, зависѣть отъ него, какого бы пола и возраста ни былъ этотъ сильный?

Филиппъ былъ въ правѣ требовать себѣ повиновенія: кто бы ни была его будущая жена, онъ, все-таки, будетъ надъ ней главою...

Думы молодой дѣвушки были прерваны его громкимъ возгласомъ, и въ ту же минуту, едва успѣла она нагнуться, какъ надъ ея спиной просвистѣлъ подтанутый парусъ.

— Выдерните рифъ-сезни! — прокричалъ ей Филиппъ, и Модъ быстро повиновалась, не помня, какъ и что она дѣлаетъ, но, благодаря крайнему напряженію нервовъ, догадываясь приблизительно, глядя на Филиппа, что надо дѣлать.

Быстро помчалось впередъ углое суденышко. Почти отвѣсно влетало оно на бѣлые пѣнистые гребни, а надъ головой Модъ и надъ бортами лодки только и слышно было, что злобное шипѣнье и свистъ водяныхъ бугровъ. Они рвались и вздымались, и не успѣвали еще раскатиться, какъ вновь подымались и шипѣли съ новою силой, въ то время, какъ съ потемнѣвшаго неба лились на нихъ крупныя косые потоки дождя...

Но вдругъ все измѣнилось, словно по мановенію волшебства. Лодка очутилась на гладкой поверхности еще сѣраго, но успокоеннаго моря и ровно, какъ бы отдыхая отъ пережитой встряски, понеслась по направленію къ маяку.

Песчаная коса осталась далеко позади и быстро исчезала изъ виду. Кокрочскій маякъ былъ ужъ близко, и лодка скоро вошла въ Мортонскую бухту.

Положимъ, Модъ не была знаткомъ морского искусства; но настолько она могла сообразить, что безъ рѣшимости, умѣнья и присутствія духа Филиппа они оба давно бы неминуемо погибли. За послѣдній день она такъ свыклась съ нимъ и съ особенностями его характера, что ей уже казалось, будто не было времени, когда она его не знала; жизнь безъ него представлялась ей пустой и безцѣльной.

Дождь почти прошелъ, и солнце привѣтствовало отважныхъ пловцовъ, когда они подходили къ Кокрочской гостинницѣ, откуда уже давно въ зрительныя трубы, бинокли и простымъ глазомъ наблюдало за ними многочисленное и сильно взволнованное общество.

Дамы окружили миссъ Бельлей и постыжили увести ее передѣться, предлагая наперерывъ свое бѣлье и платье, восхваляя ея мужество и ловкость.

Платье и бѣлья была заготовлена такая куча, что хватило бы, кажется, на цѣлый отрядъ амазонокъ; но Модъ весьма тактично постаралась воспользоваться всѣмъ, чѣмъ было возможно, чтобы никого не обидѣть и выказать свою признательность за оказанное ей вниманіе. Чтò же касается ея геройскаго подвига,—положимъ, она дѣйствительно чувствовала себя въ нѣкоторомъ родѣ героиней,—то всю честь его отклоняла отъ себя и всецѣло приписывала Уорбертону.

Добрныя и участливныя дамы до того тормозили ее и до того шумѣли, въ перебивку рассказывая о томъ, какъ онѣ слѣдили за судьбою лодки въ бурныхъ волнахъ, что Модъ уже начало чудиться, будто она не можетъ больше разобрать, гдѣ кончаются ихъ сбивчивыя рассказы и начинаются ея собственныя, дѣйствительно пережитыя ею впечатлѣнія. Голова у нея просто кругомъ пошла, и она рада была, когда Филиппъ пришелъ ей сказать, что телѣга, которая отвезетъ ее домой, уже ждетъ у воротъ.

Молодая дѣвушка радушно со всѣми попрощалась и въ самомъ веселомъ настроеніи духа вернулась въ Терны къ обѣду.

А. Б—г—

МЫЗА И ДЕРЕВНЯ

Очерки и наблюденія.

Въ одномъ изъ послѣднихъ статистическихъ трудовъ („Очеркъ средняго и крупнаго частновладѣльческаго хозяйства дмитровскаго уѣзда“, изданіе орловскаго губернскаго земства, 1893) находится слѣдующій общій выводъ: „1) Дворянскій элементъ, занимавшій когда-то первое мѣсто въ частномъ землевладѣннн уѣзда, утрачиваетъ его за послѣднее время и годъ отъ году процентъ дворянскаго землевладѣннн уменьшается. Такъ въ 1875 году еще 92% принадлежало въ дмитровскомъ уѣздѣ дворянамъ, въ 1893 же году лишь одна половина, другая же перешла въ руки другихъ сословій. Разсматривая дворянское землевладѣннн по группамъ, мы видимъ, что первое мѣсто оно и до сихъ поръ занимаетъ въ крупномъ землевладѣннн, среднее же дворянское землевладѣннн сильно падаетъ, постепенно уступая мѣсто другимъ сословіямъ и главнымъ образомъ крестьянамъ. 2) Купеческое землевладѣннн замѣтно прогрессируетъ, занимая мѣсто постепенно, какъ въ среднемъ, такъ и въ крупномъ землевладѣннн. 3) Мѣщанское землевладѣннн хотя и увеличивается, но сравнительно очень туго. 4) Крестьянскій элементъ отвоевываетъ себѣ болѣе и болѣе процентъ земли и въ настоящее время послѣ дворянъ занимаетъ второе мѣсто“.

Несмотря на разстояніе, отдѣляющее дмитровскій уѣздъ отъ мѣстности, въ которой я произвожу свои наблюденія, мнѣ приходится занести въ эти наблюденія совершенную тождественность явленій, — съ одной только разницей: купеческое землевладѣннн „замѣтно прогрессировало“ въ нашей мѣстности въ первые два десятилѣтія послѣ уничтоженія крѣпостного права, — въ настоящее

же время, благодаря близости столицы, оно, вмѣстѣ съ старымъ помѣстнымъ элементомъ, все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто тому общественному классу, для котораго пока еще не находится законодательной номенклатуры (слово „разночинецъ“ не идетъ для обозначенія этого класса уже потому, что, помимо разнообразія профессій, сюда входятъ люди очень высокаго іерархическаго положенія до „первыхъ трехъ классовъ“ вѣлчительно) и который въ разговорномъ языкѣ принято называть городской интеллигенціей.

Небывало сильное тяготѣніе этой городской интеллигенціи въ землѣ должно быть отнесено къ числу самыхъ характерныхъ признаковъ современнаго землевладѣнія нашей мѣстности. Благодаря ей, въ сравнительно незначительный промежутокъ времени, за послѣднія десять лѣтъ сельско-хозяйственная фізіономія края становится неузнаваемой: все новые люди, куда ни оглянешься. Хотя я не имѣю подъ рукой статистическихъ данныхъ и руководствуюсь только личными наблюденіями, но едва ли особенно много погрѣшу противъ истины, если скажу, что подъ наплывомъ этихъ новыхъ людей старый помѣстный элементъ таетъ въ краю, какъ ледъ въ весенніе дни.

Такимъ образомъ, съ неуклоннымъ, хотя и медленнымъ стремленіемъ мѣстнаго крестьянства восполнять при первой возможности недостатокъ земельныхъ надѣловъ покупкой „сѣбча“ отдельныхъ пустошей, съ вторженіемъ городской интеллигенціи и выходцевъ изъ прибалтійскихъ губерній, происходитъ весьма значительное видоизмѣненіе въ самомъ распредѣленіи повемельной собственности края: земля, сообразно средствамъ новыхъ землевладѣльцевъ и новымъ сельско-хозяйственнымъ требованіямъ, раздробляется, демократизируется; крупныя помѣстья (въ нашей мѣстности) становятся все болѣе и болѣе рѣдкостью; за нынѣшнюю хозяйственную норму могутъ быть приняты мызы, владѣющія отъ 100 до 500 десятинъ.

Помимо матеріальныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи новыхъ землевладѣльцевъ, такое видоизмѣненіе представляется вполне естественнымъ въ силу общихъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ условій края. Не только остановить, но даже задержать на время поступательное движеніе совершающейся перемѣны не въ состояніи какія бы то ни было вѣдшнія, искусственныя мѣропріятія. То, что такъ легко доставалось при даровомъ трудѣ, путемъ обязательныхъ приказаній, становится не подъ силу даже людямъ богатымъ, — при трудѣ оплачиваемомъ. Приказы, отдаваемые, безъ достаточнаго знанія, при этой послѣдней формѣ

труда, или не исполняются, или исполняются дурно, въ явный ущербъ хозяину и его карману. Каждому современному хозяину, прежде чѣмъ мечтать о барышахъ, приходится браться за карандашъ и подсчитывать, во что обойдется: папша, бороньба, вывозка навоза, молотьба, прокормъ служащихъ и т. п.; а этотъ трудъ— весьма не легкій уже потому, что, совмѣстно съ работой подсчитыванья, подсчитывающій входитъ въ цѣлый лабиринтъ сельско-хозяйственныхъ и обще-экономическихъ вопросовъ, изъ которыхъ самый незначительный, маленькій, помимо вниманія къ самому себѣ и вдумчивости въ совокупность окружающихъ условій, требуетъ еще денегъ, денегъ и денегъ.

Эти современные условія землевладѣнія понуждаютъ однихъ вовсе махнуть рукой на сельско-хозяйственный трудъ, какъ на трудъ неблагодарный, а другихъ, идущихъ на смѣну удаляющимся, съуживать кругъ своей сельско-хозяйственной дѣятельности до предѣловъ, доступныхъ личному контролю и наблюденію.

Всматриваясь въ видоизмѣненіе сельско-хозяйственной фیزیономіи края, нельзя не замѣтить, что это видоизмѣненіе шло довольно правильными наслоеніями. Лишь только земля, какъ предметъ купли-продажи, перестала быть достояніемъ привилегированнаго класса, первымъ, на смѣну несправившагося съ обстоятельствами до-реформеннаго помѣщика, явился капиталистъ, купецъ, въ нашихъ мѣстахъ купецъ-лѣсопромышленникъ и чаще лѣсопромышленникъ-еврей. Не встрѣчая на первыхъ порахъ конкурентовъ въ крестьянахъ, еще не оправившихся отъ крѣпостной зависимости и не успѣвшихъ ощутить земельной тѣсноты, и въ другихъ общественныхъ классахъ, купецъ сбилъ цѣну поземельной собственности до *minimum*'а. Не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ огромныя помѣстья, находящіяся въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Петербурга, съ устроенными усадьбами и инвентаремъ, предлагались и покупались отъ 5 до 15 руб. за десятину, то-есть дешевле того, во что обошлись однѣ только усадьбы, съ ихъ обстановкой и приспособленіями.

Повидимому, эти благоприятныя условія: хозяйство, хотя и примитивное, но въ полномъ ходу, дешевая, чуть не даромъ доставляемая земля и сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ капитала и поземельной собственности, должны были бы отразиться въ хорошую сторону какъ на частномъ, мызномъ хозяйствѣ, такъ и въ общей экономіи края, но на самомъ дѣлѣ получилось какъ разъ обратное явленіе. Купецъ, явившись въ совершенно чуждой для него

роли крупнаго поземельнаго собственника, внести въ сельско-хозяйственное дѣло свойственный его профессіи и степени образованія взглядъ: онъ отнесся къ землѣ какъ къ лавкѣ, фабрикѣ, кабаку, и всю силу своего разумѣнія положилъ на то, чтобы выбить изъ этой несчастной земли, и притомъ въ возможно короткій срокъ, затраченный на ея покупку капиталъ, съ соответствующими процентами. Въ силу столь несвойственнаго земледѣльческому труду стремленія, сельско-хозяйственные приемы въ рукахъ новыхъ землевладѣльцевъ упростились до предѣловъ возможнаго; весь секретъ этихъ приемовъ заключился въ двухъ словахъ: руби и тащи.

Близость столицы, обиліе лѣса и воды, желѣзная дорога, сравнительная съ Петербургомъ дешевизна рукъ должны были бы вліять на развитіе въ краѣ фабричной производительности, во всякомъ случаѣ производительности, имѣющей ближайшую и непосредственную связь съ лѣснымъ богатствомъ, но все вниманіе новыхъ землевладѣльцевъ сосредоточилось на лѣсѣ, какъ на сыромъ матеріалѣ. Дальше бревенъ, шпаль, телеграфныхъ столбовъ и дровъ, словомъ, дальше того, что совершается безъ всякихъ техническихъ знаній, при помощи только крестьянскихъ рукъ, топора и пилы, купецъ не пошелъ. Но, несмотря на первобытность орудій производства, истребленіе лѣса совершилось въ нашей мѣстности съ неимоверной быстротой; въ настоящее время нетронутый, не только строевой, но даже дровяной лѣсъ, можно найти на такихъ мѣстахъ, вывозка изъ которыхъ обходится дороже рыночной цѣны на товаръ, т.-е. на мѣстахъ, охраняемыхъ отъ хищниковъ природными условіями, а каждая незначительная пустошь съ мало-мальски сноснымъ лѣсомъ, представляющимъ возможность эксплуатаціи, на счету, и ее на перебой, по частямъ, рубятъ жадныя, ненасытныя руки.

По странной игрѣ случая, законъ 4-го апрѣля 1888 года „о лѣсоохраненіи“ возмѣнилъ въ нашемъ краѣ какъ разъ обратное дѣйствіе: онъ прибавилъ только усердія по части лѣсоистребленія. На первыхъ порахъ за опубликованіемъ, законъ 4-го апрѣля былъ своего рода Дамокловымъ мечомъ въ глазахъ гг. лѣсопромышленниковъ; въ ожиданіи момента, когда этотъ мечъ можетъ спуститься на шею, они постарались истребить все, что было въ силахъ и средствахъ. Желѣзная дорога съ своей стороны тоже оказала медвѣжью услугу краю: рассчитавши, что ей выгодно отапливаться дровами до тѣхъ поръ, пока цѣны на дрова не будутъ превышать 18 рублей за кубическую сажень, желѣзная дорога не сдѣлала ни одной попытки для перехода на другіе способы отопленія; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы поддерживать цѣны отъ 10 до

15 рублей, она разрѣшила пріемъ „молодика“ отъ 2-хъ вершковъ.

Говоря о владѣльческихъ земляхъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ лѣсное хозяйство, самое слово „хозяйство“ становится уже не вполне умѣстнымъ, ибо каковой бы первобытностью ни отличалось „хозяйство“, во всякомъ случаѣ оно подразумеваетъ извѣстный порядокъ, систему; а когда рѣчь зашла объ эксплуатаціи земли въ качествѣ производительности лѣса, можно говорить только о варварскомъ истребленіи послѣдняго. Лично я не только не встрѣчалъ у кого-либо изъ землевладѣльцевъ (лѣсопромышленниковъ) пополюзованій на веденіе лѣсного хозяйства, т. е. правильной, соответствующей породамъ и возрастамъ рубки, но за многолѣтній періодъ пребыванія въ одномъ изъ центровъ лѣсного дѣла даже не слыхалъ о такихъ пополюзованіяхъ. Наши лѣса, безъ дальнѣйшихъ соображеній, рубятся сплошь, рубятся все, что достигло объема 2-хъ вершковъ; отъ этого истребленія до сихъ поръ спасалась одна только осина, но, за рѣдкостью сосны и ели, и осинѣ приходитъ конецъ. Для нѣкоторой характеристики современнаго лѣсного „хозяйства“ должно сказать, что ни одинъ лѣсопромышленникъ не купитъ у землевладѣльца лѣса „на срубъ“, не включивши въ контрактъ фразы: „сучьевъ и вершинника не убирать“, не купитъ по той простой причинѣ, что такая „уборка“ стоитъ довольно дорого, требуетъ тщательнаго надзора и уменьшаетъ барышъ лѣсопромышленника. Таковой же политики: „сучьевъ и вершинника не прибирать“, лѣсопромышленники строго держатся и на собственныхъ земляхъ. Благодаря этому обстоятельству, трудно себѣ представить картину болѣе безотрадную той, которая выходитъ изъ-подъ рубъ отечественнаго лѣсопромышленника. Но, помимо безотрадности картины, помимо полной непригодности всей площади вырубленнаго лѣса, какъ для его будущаго произрастанія, такъ и для пастбы скота, въ силу той же политики каждый лѣсопромышленникъ держитъ край въ нѣкотораго рода осадномъ положеніи. Это своего рода не особенно пріятное сосѣдство съ пороховой бочкой. Не вывезенныя за замю, сбитыя вѣтромъ полѣнницы дровъ, громадныя „вершинники“ съ торчащими во всѣ стороны сучьями, мелкіе сучья, наваленныя цѣлыми горами, поляны, затянута верескомъ, все это, взятое вмѣстѣ, представляетъ одинъ сплошной костеръ, нерѣдко тянущійся на цѣлыя десятки верстъ. Достаточно въ этотъ костеръ забраться искрѣ отъ огня, разведеннаго мальчуганами, сторожащими коней въ „ночномъ“, чтобы началась потѣха. Вѣроятно въ нашемъ краѣ долго не забудется 1889 годъ. Лѣто стояло ужасно жаркое, сухое;

цѣлыя недѣли проходили безъ капли дождя. Костеръ, опоясывающій наши мызы, достигъ до высокой степени воспримчивости. Проходилъ рѣдкій день, чтобы то тамъ, то сямъ не показывался на горизонтѣ зловѣщій дымъ. Пробѣгая по вереску и мелкимъ сучьямъ, огонь сразу захватывалъ огромныя пространства. Все время за это лѣто жилось въ невозможно тяжеломъ, напряженномъ состояніи. Народъ сбился съ ногъ; при крикѣ: „лѣсъ горитъ!“ все, что было на мызахъ: землекопы, плотники, господа, рабочіе, вооружившись топорами и лопатами, бросались къ пожару. Огонь началъ угрожать мызамъ, приходилось думать не о спасеніи лѣса, но жилья: чтобы прекратить огню дорогу пробраться „по землѣ“ въ строеніямъ, — ихъ опахивали со всѣхъ сторонъ плугомъ. Помимо лѣса, горѣли торфяники и такъ называемая у насъ „черная земля“, примыкавшіе къ лѣсамъ. Пробираясь нивому невѣдомыми путями, огонь совершалъ здѣсь не менѣе разрушительную подземную работу: луговины или во всякомъ случаѣ мѣста, гдѣ впоследствии могли образоваться отличныя луговины, прогорая вплоть до почвы, образовали непролазныя болота.

Чаще всего, рука объ руку съ варварскимъ истребленіемъ лѣсовъ, идетъ не менѣе варварское, въ смыслѣ сельско-хозяйственномъ, пользованіе землей. Чтобы уменьшить расходы по эксплуатаціи лѣса (рубка, пила, вывозка, караулъ), землевладѣльцы-коммерсанты, преслѣдуя одні только торговыя цѣли и относясь къ землѣ, какъ къ придатку къ главному товару — лѣсу, отдаютъ землю подъ распаху крестьянамъ въ видѣ платы за ихъ работу. Такая распахка идетъ непрерывно изъ года въ годъ, идетъ до тѣхъ поръ, пока земля, истощенная въ конецъ, не вида за это время ни одной лопаты навоза, перестаетъ родить даже низкорослыя, кислыя травы, а вся застываетъ верескомъ. Изъ всѣхъ лѣсныхъ хозяйствъ я знаю, можетъ быть, два-три исключенія, — исключенія, гдѣ къ землѣ относятся съ большой любовью.

Какъ ведутъ хозяйство гг. капиталисты, явившіеся на смѣну до-реформеннаго помѣщика въ другихъ мѣстахъ, я не знаю; въ нашемъ же краѣ ихъ пребываніе оставило по себѣ недобрую память. Благодаря имъ зачастую встрѣчаются громадныя пространства, надъ которыми какъ будто ураганомъ пронеслось непріятельское нашествіе; объ этомъ варварскомъ нашествіи свидѣлствуютъ печально торчащіе обгорѣлые пни, кое-гдѣ уцѣлѣвшій жиденькій, жалкій соснякъ, выболтанныя, заросшія верескомъ и бурьяномъ поля, почернѣлое, мѣстами растасканное по бревнамъ человѣческое жильѣ...

Не особенно добрую память оставила по себѣ новая генерация землевладѣльцевъ-купцовъ и въ бытовомъ складѣ деревни.

Явившись въ край въ качествѣ наслѣдника до-реформеннаго помѣщика, купецъ тотчасъ послѣ „барскаго тягла“ познакомилъ деревню съ пріемами, получившими право гражданства въ торгово-промысловомъ мірѣ,—пріемами настолько же беспорядочными, насколько и безнравственными.

Безграмотному, темному крестьянскому люду, вѣдавшему только „барскій приказъ“ съ соответствующими внушеніями, пришлось безъ переходныхъ ступеней войти въ путаницу очень сложныхъ хищническихъ расчетовъ, усвоивая себѣ въ то же время развращающую политику лѣсопромышленниковъ: спайванья и сманыванья.

Отношенія деревни, какъ поставщицы рабочей силы, къ землевладѣльцамъ-лѣсопромышленникамъ, какъ къ работодателямъ, прежде всего отличаются большой неопредѣленностью и запутанностью; это въ полномъ смыслѣ мутная вода. Зимой, когда мужикъ сидитъ безъ работы, приѣдая остатки хлѣба, пригородный, юркій „молодецъ“ развѣзжаетъ „отъ хозяина“ по деревнямъ и раздаетъ задатки подъ работы. Въ огромномъ большинствѣ письменныхъ условій при выдачѣ задатковъ не полагается уже потому, что мужикъ всегда находится (до полной вырубки лѣса въ известной мѣстности) въ рукахъ „молодца“. Весьма рѣдко практикуется даже та первобытная форма условій, гдѣ безграмотный крестьянинъ, взаимъ рукоприкладства, ставитъ собственноручно „крестъ“. При выдачѣ задатковъ сплошь и рядомъ не договариваются путемъ даже о времени явки на работы и о цѣнахъ на работы; все это откладывается въ дальній ящикъ: „тамъ виднѣе будетъ“. Книжки приказчиковъ ведутся кабаллистическими знаками и отиѣтками, доступными пониманію только отиѣчающаго, а книжки, въ которыхъ своевременно отиѣчалось бы количество взятыхъ денегъ, произведенныхъ работъ, забранныхъ припасовъ, никогда не выдается на руки крестьянамъ. Такимъ образомъ крестьянамъ, при расчетахъ и спорахъ, остаются, въ подтвержденіе своей правоты, только аргументы: „вотъ тебѣ Богъ святъ“, „безстыжіе твои зѣнки“, „али хреста у тебя нѣтъ“ и т. под.

Обходя въ большинствѣ письменныя условія, лѣсопромышленники прибѣгаютъ къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется безповоротно закабалить мужика, поставить его въ положеніе ни тпру, ни ну, по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства.

Эта процедура совершается, конечно, въ „конторѣ“ (мужикъ, по старой памяти, волостное правленіе до сихъ поръ зоветъ „конторой“) и при помощи имѣющей большое значеніе въ глазахъ

деревни „печати“. („Пропала теперича моя голова“, — говорить мужикъ, вспоминая эту страшную печать).

Я могъ бы указать нѣсколько приѣмовъ таковаго закабаленія, но такъ какъ разнообразіа въ этихъ приѣмахъ не особенно много, то, для характеристики, ограничусь однимъ. Въ лѣсномъ дѣлѣ главнѣйшая расходная статья заключается, благодаря отчасти безденежности землевладѣльцевъ, отчасти ихъ легкомыслію, не въ лѣсѣ, какъ сыромъ матеріалѣ, но въ его эксплуатаціи; такъ я знаю, напр., случаи, когда лѣсопромышленникамъ удавалось покупать отличный дровяной лѣсъ „на срубъ“ по 1 р. 20 к. за кубическую сажень.

Что же касается до эксплуатаціи, то самой серьезной статьей представляется вывозка лѣса отъ мѣста рубки до мѣста поставки: цѣна этой вывозки колеблется, смотря по разстоянію, отъ 2-хъ до 9 рублей за кубическую сажень. Понятно, что при такомъ колебаніи всѣ помыслы лѣсопромышленника устремляются къ тому, чтобы „обдѣлать“ мужика именно на этой вывозкѣ. Закупивъ огромную, нерѣдко танущуюся на цѣлыя десятки верстъ лѣсную дачу, — дачу, съ одной стороны примыкающую къ мѣсту поставки, — съ другой отдаленную верстъ на двадцать, — лѣсопромышленникъ или его искусившійся въ лѣсномъ дѣлѣ молодецъ, выдавая крестьянамъ задатки „подъ вывозку“, тащитъ ихъ въ „контору“, т.-е. въ волостное правленіе, и тамъ, пользуясь ихъ нуждой и непониманіемъ, заключаетъ съ ними, за общей круговой порукой, условіе, въ силу котораго они обязуются вывозить лѣсъ „съ указанныхъ ими мѣстъ“; эти же остроумныя „указанныя мѣста“ оказываются обыкновенно такими отдаленными, чортовыми трупцами, что мужикъ, промаявшись цѣлый день и загнавши „на волокахъ“ свою несчастную клячку въ конецъ, вывезетъ за день не болѣе одного воза, т.-е. заработаетъ, вмѣстѣ съ лошадыю, не болѣе 50 к.

Съ этою же цѣлью, т.-е. съ цѣлью уменьшенія расходовъ по эксплуатаціи, гг. вновь явленные землевладѣльцы создали для деревни особую мѣру, столь же остроумную, какъ и „указанныя мѣста“ — это такъ-называемая „лѣсная саженька“ (кубическая).

По этой „лѣсной саженькѣ“ принимается отъ мужика его работа, — лѣсопромышленникъ же продаетъ свой товаръ обыкновенной, общепринятой саженью, а разница между двумя этими мѣрами такова, что изъ двухъ „лѣсныхъ саженокъ“ лѣсопромышленникъ выираиваетъ три обыкновенныхъ. Такимъ образомъ одна сажень (кубическая), какъ неоплаченная въ трудѣ, остается лѣсопромышленнику въ видѣ экономіи, преміи за отечественную изобрѣтательность на поприщѣ торговли.

Вообще лѣсное дѣло—темное дѣло.

Помимо сложности расчетовъ, вытекающихъ изъ самаго разнообразія работъ и цѣнъ на эти работы (за дрова—по сажени, за бревна—по вершкамъ, за шпалы—поштучно) и своеобразности введенныхъ приѣмовъ, безграмотный мужикъ, проработавши годъ-другой, окончательно сбивается съ толку въ своихъ выкладахъ, „зарубкахъ“ и „дихфирахъ“ уже потому, что большую часть заработной платы ему приходится получать не деньгами, но натурой.

Дѣло въ томъ, что каждый лѣсопромышленникъ представляетъ изъ себя въ то же время торговый центръ, снабжающій свою „округу“ разнообразнѣйшими предметами, потребными въ крестьянскомъ быту: хлѣбомъ, табакомъ, пилами, овсомъ, рукавицами, солью и т. д.,—торговый центръ, конечно, безпатентный, контрабандный, но тѣмъ не менѣе очень бойкій, живой, извѣстный по деревнѣ послѣднему мальчишкѣ.

— Куда Ерусаланъ-богатырь бѣжишь?—спросишь иной разъ босоногого паренька.

— Къ Агапу за солью.

— А денегъ тятка даль?

Паренекъ на этотъ вопросъ даже дѣлаетъ удивленные глаза: какіе-де ты пустяки спрашиваешь.

— Пошто деньги? Мы у него на пилѣ стоимъ.

Иногда патронъ-землеуладелецъ передаетъ, въ видѣ награды, „приварка“ къ жалованью, права торговли своимъ молодцамъ, но отъ таковой передачи крестьянину, конечно, ни теплѣе, ни холоднѣе. Насколько значительны обороты этихъ незримыхъ для властей торговыхъ центровъ нашихъ захолустьевъ, достаточно сказать, что у лѣсопромышленника средней руки сосредоточивается въ зиму, не говоря о пильщикахъ и рубщикахъ, однихъ только вочиковъ до 300, 400 подводъ. Вся эта масса людей и лошадей довольствуется въ кредитъ или въ расчетъ подъ производимыя работы здѣсь, на мѣстѣ, довольствуется всѣмъ, начиная отъ мѣрки овса, пуда муки и кончая ленючимъ ситцемъ: „дѣвки заказали“. Насколько же при такомъ обширномъ „довольствіи“, не говоря уже о столь свойственныхъ отечественной торговлѣ обмѣрѣ, обвѣсѣ и недоброкачественности, не владется охулка на руку, достаточно сказать, напр., что пила, въ городѣ стоящая 1 р. 30 к., здѣсь продается 2 руб.; рукавицы въ городѣ 40 к., здѣсь—60 к.; пудъ соли (въ городѣ, въ вулахъ) 40 к., здѣсь—80 к. и т. д. Весьма естественно, что молодецъ, пробывшій у лѣсного промысла 5—10 лѣтъ, является

въ край уже въ качествѣ независимаго хозяина. Мужичья спина — выносливая спина.

При указанномъ способѣ найма, выдачи задатковъ и производства расчетовъ возникаетъ цѣлый рядъ обоюдныхъ жалобъ и обвиненій; путаясь въ этихъ обвиненіяхъ и кабалистическихъ „цифрахъ“, клянется мужикъ, что онъ обсчитанъ лѣсопромышленникомъ; но, доказывая противное, еще болѣе не скупится на клятвы не особенно щепетильный въ дѣлахъ совѣсти „молодецъ“ той или другой національности. Во всякомъ случаѣ, если вѣрять на слово одной сторонѣ (лѣсопромышленнику), то можно подумать, что лѣсное дѣло — самое разорительное дѣло.

Политика спаяванья и сманиванья, въ силу своей дороговизны, примѣняется въ деревнѣ только въ случаяхъ, когда два медвѣдя сойдутся въ одной берлогѣ, и достигаетъ очень внушительныхъ размѣровъ въ годы высокихъ цѣнъ. Дѣло лѣсное — дѣло спѣшное; нерѣдко весь успѣхъ и барышъ операций зависитъ отъ двухъ-трехъ недѣль: наступила оттепель, испортились дороги (лѣсные дороги, или такъ-называемые „волоки“, уже съ половины зимы представляютъ изъ себя нѣчто невообразимо скверное: это сплошной ухабъ, покрытый толстымъ слоемъ лошадинаго навоза) — и операция стала; прошла рѣчка, — если лѣсъ гонится „сплавомъ“, не успѣли въ три, четыре дня „срыть“ его, и — та жѣ исторія. Такимъ образомъ лѣсопромышленнику необходимо имѣть въ известное время въ своемъ распоряженіи наибольшее число рабочихъ рукъ.

Чтобы достигнуть этой цѣли, начинается ухаживанье за деревней, выражающееся въ водкѣ и надбавкѣ цѣнъ противъ конкурента, — и въ отвѣтъ на это ухаживанье деревня съ своей стороны не упускаетъ случая повеличаться, хотя это величанье ей же самой обходится очень солоно.

Въ прошломъ году именно потребовалась усиленная поставка лѣса по всей желѣзной дорогѣ. Въ виду этой „усиленности“ цѣны сразу поднялись отъ 3 до 5 р. на сажень и соответственно на шпалы и столбы. По всему краю затрещали родные лѣса подъ мужичьими топорами; при немолкаемомъ крикѣ: „берегись, роба!“ повалились столѣтніе гиганты.

Подъ лѣтнія, мызные работы (сѣнокосъ, жнитво, плитовка луговъ) крестьяне берутъ деньги преимущественно между Рождествомъ и великимъ постомъ. Въ этому времени семьи побѣднѣе пріѣдаютъ хлѣбъ и кромѣ того начинается свадебный сезонъ (на „красной горкѣ“ у насъ никто не женится); крестьянская же свадьба, считая плату за вѣнчанье и угощеніе, обходится отъ 20 до 50 р. Въ прошломъ году на Рождествѣ во мнѣ пришло

человѣкъ 7, 8 деревенскихъ сосѣдей „покалякать насчетъ своихъ дѣловъ“ (какія „дѣла“ у современной деревни—я скажу впоследствии), но никто изъ пришедшихъ не заикнулся „насчетъ деньжонокъ“. Спрашиваю: разбогатѣли, видно, мужики? Посмѣиваются.

— Намъ нонѣ въ зиму, что твоя масляна. Седьмое ведро выставляютъ, хоть вѣрь, хоть нѣтъ, а вотъ тебѣ право слово: намеднишь всего и не допили.

— Чего такъ разгулялись?

— На перебой у евреевъ дѣло пошло: Семень сулитъ девять гривенъ (за вывозъ), а Давидъ—девять съ пятакомъ; Семень ведро ставитъ, къ себѣ тащить, а Давидъ два,—значить, не пускаетъ: къ нему иди. Мы водку пьемъ, а свою линію ведемъ: рубль съ гривной. И дали бы... Да догадались, окаянные, „нѣсколько“ (въ нашихъ мѣстахъ не говорятъ „много“, „очень много“, а всегда „нѣсколько“) народа съ озера нагнали, слышь, тамъ рыба подохла... Ну, они цѣну и сбили: девять съ пятакомъ пошла.

Истребленіе лѣсовъ имѣетъ за собой одну хорошую сторону: вмѣстѣ съ исчезновеніемъ лѣсовъ видоизмѣняется характеръ землевладѣнія. Между мызой и деревней возникаютъ отношенія, не имѣющія ничего общаго съ политикою спавнанья и сманиванья. Недаромъ ближайшій ко мнѣ кабатчикъ, большой знатокъ лѣсного дѣла и мужика, собирается „прикончить“ свое заведеніе.

— Большіе,—говорить:—безъ нихъ (лѣсопромышленниковъ) убытки понесу.

Снявши сливки, т. е. смахнувши лѣсъ, купецъ-землевладѣлецъ дробитъ помѣстье на болѣе мелкіе участки и въ этомъ видѣ старается по возможности скорѣе отдѣлаться отъ неинтересующей его земли.

Если участокъ представляется только „пустошью“, безъ признаковъ сельско-хозяйственныхъ приспособленій, то таковые чаще переходятъ въ руки мѣстныхъ крестьянъ или выходцевъ изъ прибалтійскихъ губерній, „чужны“; если же на участкѣ имѣются кое-какія строенія, то владѣльцами ихъ дѣлаются представители городской интеллигенціи.

Прежде всего останавлиюсь на крестьянскомъ землевладѣніи.

Недалеко, верстахъ въ 3-4-хъ отъ меня существуетъ мызное хозяйство. Исторія этого хозяйства та же, какъ исторія многихъ другихъ мызъ нашего края. При крѣпостномъ правѣ земля, прирѣзанная къ мызѣ въ количествѣ до 500 десятинъ, входила въ составъ огромнаго помѣстья; въ 60-хъ годахъ помѣстье въ

полномъ объемѣ перешло въ руки купца; вырубивши лѣсъ, купецъ распродалъ землю отдѣльными участками. Ту пустошь, на которой построена нынѣ мыза, лѣсопромышленникъ предложилъ въ 70-хъ годахъ купить ближайшей деревнѣ за баснословно дешую цѣну (500 д. 1,500 руб.) и притомъ на очень льготныхъ условіяхъ, а именно: крестьяне вносятъ только задатокъ (500 р.), остальные же деньги разсрочиваются на три года и выплачиваются работой: рубкой, пилкой и вывозкой. На міру (деревня маленькая, всего десять дворовъ) образовалось двѣ партіи: богатые и малосемейные съ одной стороны, бѣднота и многосемейные съ другой. Вторая партія хотѣла во что бы то ни стало, распродавши послѣднихъ коровенокъ, купить пустошь; а первая, еще незнакомая съ земельной тѣснотой, — только на томъ основаніи, что купецъ обращалъ вниманіе на одинъ лѣсъ, что право распахши и выгона покупалось у его молодцовъ за „свиненькую“ и ведро воды и что: „да кто-ста въ намъ поѣдетъ!“ „корова-ста нелегкая занесетъ!“ „кому-ста она (земля) окромя насъ нужна“, — упиралась, выжидала время: авось купецъ сбавитъ цѣну. Пока міръ перекорялся, на землю нашелся покупатель, „нелегкая занесла“, построилъ мызу и, конечно, съѣлъ на шею деревнѣ: поле и выгонъ потребовались для собственнаго хозяйства.

Вся эта исторія произошла не болѣе 13—14 лѣтъ. Видя, что за этотъ не особенно длинный періодъ дѣлается по деревнямъ, я глубоко убѣжденъ, что тотъ же міръ, перебранивавшійся въ теченіе болѣе года, въ настоящее время, не задумываясь ни на одну минуту, съ радостью пошелъ бы на болѣе тяжкія условія купца. Тѣ же „богатѣи“, проѣзжавшіе землю, не разъ говорили мнѣ:

— Съ руками бы теперича оторвали ее у купца. Господь Богъ разуму насъ въ тѣ поры рѣшилъ. Куда-ста намъ! А ребята-шеке-то забыли; спасибо они намъ за это скажутъ.

Въ настоящее время каждый мужикъ „спитъ и видитъ“ присоединить къ своимъ надѣльнымъ полосамъ клѣцъ, пустошку; это его завѣтная мечта; только, къ сожалѣнію, пока еще немногимъ счастливымъ избранныкамъ приходится увидать завѣтный сонъ на яву.

Покупка земли отдѣльными крестьянами встрѣчается въ нашей мѣстности очень рѣдко; гораздо чаще совершается такая покупка неоформленными товариществами „сѣбча“, какъ говорятъ у насъ. На причины и условія, вызывающія эти купки „сѣбча“, я указываю ниже, теперь же замѣчу только, что по-

добная сторона крестьянскаго землевладѣнія только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ носить на себѣ черты, присущія общинному землевладѣнію.

Въ складчинѣ на покупку земли „сѣбча“ участвуютъ не одни только односельчане, но имѣющіе „залежныя“ деньги крестьяне и изъ другихъ, конечно, ближайшихъ къ покупаемой землѣ деревень; за послѣднее время, я знаю, бывали даже случаи, гдѣ мѣстные крестьяне принимали въ складчину выходцевъ изъ прибалтійскихъ губерній, „чухну“. Паи бывають не равномерныя, но смотря „по достатку“; соразмѣрно же внесенному „достатку“ распредѣляется и земля между участниками покупки: одни получаютъ больше, другіе меньше. Если приобретенная „сѣбча“ пустошь прилегаетъ къ надѣльной землѣ и по размѣрамъ такова, что совладѣльцы не въ состояніи ее распахать, то право выгона остается общимъ правомъ; если же пустошь отъ деревни далеко и отъ нея отдѣляется чужая земля, безъ права прогона, то пустошь, вслѣдъ за совершеніемъ купчей крѣпости, дѣлится „въ натурѣ“ вся сполна между крестьянами-совладѣльцами. Какъ сказано выше, величина участвовавшихъ соразмѣряется съ величиной взносовъ; подгонять же эти участки, благодаря невозможности обратиться въ специалистамъ по межеванію, крестьяне-совладѣльцы стараются къ выдающимся на землѣ признакамъ, или такъ-называемымъ „живымъ урочищамъ“.

Такъ какъ мнѣ довольно часто приходится посвящать своихъ деревенскихъ сосѣдей въ юридическія тонкости „общаго“ владѣнія, то мнѣ приходится и вникать въ причины и смыслъ возникающихъ между ними поземельныхъ недоразумѣній.

— Ему въ городѣ, какъ руку къ бумагѣ ѣдили прикладывать, толкомъ всѣ баили: тебѣ, Гаврила, зачнать отъ Сухова ручья, а оттелева гони на три сосны, а оттелева выводи линію на ложбину да на мшаринку. Дошелъ до мшаринки, стой, парены! отселева забирай вправо, потому самому, что отъ каменьевъ Андрюхина лядинка зачинается, ее замать томе правовъ не имѣешь. А какъ загнешь за Андрюхину лядинку, ельничка не касайся, значить, твоя линія пошла лѣво, по косогорю, а мнѣ орать отъ этого самаго ельничка по Сизовъ вражекъ вплоть и т. д.

Словомъ, въ современномъ крестьянскомъ землевладѣніи „сѣбча“ мы имѣемъ дѣло съ тѣми же межевыми признаками, которые играли столь видную роль въ юридическихъ актахъ стародавняго времени, когда предѣлы владѣнія опредѣлялись „воровымъ рыкомъ“, или „куда соха ходила“, или „отъ дуба на березу, а на березѣ грань, да на липу, на двѣ ели, да на вязъ, а на нихъ

грани, да на три ели выросли изъ одного корени, да на березу виловатую, да къ краковястому вязу, да къ двумъ вольхамъ" и т. д.

Разобраться въ недоразумѣнιάхъ, возникающихъ изъ землевладѣнιά „сьобча“, установить на основаніи признаковъ „оттелева“ и „отселева“, „отъ мшаринки“ и „ельничка“—кто правъ: Аѳанасій ли, обвиняющій Гаврилу въ томъ, что, „вывода свою линію“, онъ заѣхалъ въ полосу его, Аѳанасья, или правъ Гаврила, обвиняющій въ томъ же Аѳанасья, очень трудно даже и теперь, пока еще живы „старики“, участвовавшіе въ покупке пустоши и разбивавшіе ее на внутреннія наръзки,—и трудно потому, что отъ большинства живыхъ урочищъ остались одни только представленія: „три сосны“ срублены на бревна, а пеньки пошли „на смоль“, „каменя“ свезены на сосѣднюю мызу подъ скотный дворъ, а „мшаринка“, благодаря проведенной канавѣ, превратилась въ пашню.

Скажешь: „совсѣмъ вы, старики, перепутаетесь съ вашими мшаринками да ельничками, конца края не найдете, гдѣ мое, гдѣ твое“.

— Это вѣрно: не найдемъ, какъ есть не найдемъ. Только, что дѣлать-то намъ?

Только благодаря отсутствію въ моихъ деревенскихъ сосѣдяхъ жилки сутяжничества („мы народъ темный, гдѣ-ста намъ по судамъ тягаться“), большинство недоразумѣній, вытекающихъ изъ землевладѣнιά „сьобча“, изъ „гони свою линію отселева“, а „какъ загнешь за ядинку оттелева“, пока нейдетъ дальше язбы и заваленки.

— Чѣмъ порѣшилъ съ Гаврилой?—спросишь Аѳанасья.

— Старика въ обиду не дали, всѣ вмѣстѣ на землю пошли; онъ-то было туды-сюды, да шалишь: рыломъ въ то самое мѣсто ткнули, гдѣ мой ельникъ росъ. Ну, а съяться ему нечѣмъ было: три мѣрки овсеца даль—отступился.

— И водочки, чай, на мировую выпили?

— На ей, таковской, миръ крѣпчѣй держится: по стаканчику выпили.

Однако же, обобщая происходящія вокругъ меня явленія, вытекающія изъ практикуемой нынѣ формы крестьянскаго землевладѣнιά „сьобча“, нельзя не замѣтить, что при всей неохотѣ крестьянства судиться, рассчитывать особенно долго на спасительное дѣйствіе „трехъ мѣрокъ овсеца“, „ей таковской“ и т. под. вполне неосновательно. Землевладѣніе „сьобча“ станеть въ свое время поперекъ дороги деревнѣ и ея экономическому росту.

„Старики“, участвовавшіе въ соглашеніяхъ, намѣчавшіе ме-

живыя грани совладѣльцевъ по „мшаринкамъ“ и „ельничкамъ“ и будущіе, во имя общаго спокойствія, непривосновенность незатѣйливыхъ граней, отойдутъ въ вѣчность, на ихъ смѣну явятся болѣе многочисленныя преемники правъ, утратившіе даже смутное представленіе о существовавшихъ нѣкогда живыхъ урочищахъ, въ видѣ „оттелева“ и „доселева“, а потому недалекому будущему предстоитъ Сизифовъ трудъ разобраться въ путаницѣ землевладѣнія „съобча“.

Для оцѣнки этого труда и послѣдствій поземельной путаницы слѣдуетъ принять во вниманіе съ одной стороны установившійся юридическій обычай не включать въ акты укрѣпленія долевыхъ части соучастниковъ, но только обозначать ихъ имена и общую покупную цѣну земли, съ другой—прирость деревенскаго населенія. Въ силу перваго условія, въ будущемъ не представляется возможности установить размѣры владѣнія непреложнымъ, документальнымъ путемъ; въ силу втораго происходитъ по наследственному праву дробленіе участковъ и весьма естественное, по неопредѣленности и безформенности границъ, стремленіе къ расширенію предѣловъ владѣнія на счетъ другихъ, почему—либо слабѣйшихъ совладѣльцевъ.

Такимъ образомъ является болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что практикуемая нынѣ форма и крестьянскаго землевладѣнія „съобча“ не только не внесетъ благосостоянія въ будущее деревни, но послужитъ для нея неизсякаемымъ источникомъ раздорныхъ раздоровъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что въ землевладѣніи „съобча“ выражается симпатія и стремленіе деревни къ „общинной“ формѣ,—но это невѣрно. Эти двѣ формы землевладѣнія только въ рѣдкихъ случаяхъ соприкасаются между собой (выгонъ въ прилегающей къ деревнѣ пустоши), въ большинствѣ же онѣ не имѣютъ ничего общаго. Землевладѣніе „съобча“—землевладѣніе участковое, подворное, съ строго опредѣленными (по мшаринкамъ и ельничкамъ) границами; передѣлы въ томъ смыслѣ, въ какомъ они являются, какъ безусловная принадлежность нынѣ существующаго общиннаго землевладѣнія, здѣсь не допускаются; совершается иногда только мѣна одного участка на другой, или частная прирѣзка и отрѣзка, смотря по хозяйственнымъ соображеніямъ опять-таки того или другаго совладѣльца, безъ всякаго участія остальныхъ. Словомъ, каждый во владѣніи „съобча“ является полнымъ собственникомъ опредѣленнаго количества земли, находящейся въ одной общей межѣ, и въ этомъ *опредѣленномъ*

количество земли воля собственника не контролируется и не стѣсняется волей и соглашеніемъ другихъ совладѣльцевъ.

Причинъ столь распространяющейся и столь неудобной съ экономической и сельско-хозяйственной стороны формы землевладѣнія („сѣобча“) слѣдуетъ искать не въ отвлеченныхъ и гадательныхъ симпатіяхъ, но въ другихъ, болѣе реальныхъ условіяхъ жизни современной деревни.

Должно сказать, что наши законы вообще писаны не для деревни и не для мужика; если хотите, они слишкомъ цивилизованны для избы; какъ непонятенъ для крестьянина ихъ языкъ, такъ не по силамъ, не по плечу для него ихъ требованія; законъ и деревня давно уже разошлись между собой. Этотъ великій недостатокъ съ особой силой и осязательностью даетъ себя знать тамъ, гдѣ дѣло касается гражданскихъ сдѣлокъ и формальностей, въ которыхъ законъ облакаетъ эти сдѣлки. Если даже лицамъ, принадлежащимъ въ образованнымъ общественнымъ слоямъ, не всегда въ моготу понять и преодолѣть эти формальности безъ посторонней помощи, то крестьянинъ окончателно теряется передъ ними, становится въ тупикъ. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ ему, безграмотному, темному, не выдавшему ничего дальше околицы и своей „полосы“, постичь смыслъ какой-то „публикаціи“, да еще въ какихъ-то „Сенатскихъ вѣдомостяхъ“, или подите, растолкуйте ему, что это за штука „вводъ во владѣніе“ и за какую вину онъ долженъ тратить на этотъ „правовой обрядъ“ свои нищенскіе гроши...

Весь потный отъ умственной натуги, да почесывая безнадежно въ затылкѣ, стоитъ передо мной толковый, „умственный“ въ хозяйственномъ дѣлѣ, мой деревенскій сосѣдъ.

— Ты, баишь, земля-то наша?

— Ваша.

— Ты, баишь, ее теперича у насъ не отымутъ?

— Не отымутъ.

— Такъ на кой же лядъ я въ приставу поѣду? Орать время.

— Законъ велеть, не мы съ тобой его писали.

— Ахъ, милый человекъ, ты все закономъ. Да вѣдь ты, баишь, земля-то наша?

— Ваша.

И т. д., сказка о бѣломъ бычкѣ.

Ни одна изъ гражданскихъ сдѣлокъ не сопровождается такими сложными и утомительными формальностями, какъ совершение актовъ укрѣпленія на недвижимыя имущества. Для закона безразлично, идетъ ли рѣчь объ имѣніи въ десятки тысячъ деся-

тинъ, или о „пустошкѣ“ въ двѣ-три десятины, стоимостью въ 50 руб. И въ томъ и другомъ случаѣ продавецъ и покупатель должны прежде всего отправляться въ уѣздный городъ въ младшему нотаріусу, „совершить“ купчую крѣпость, изъ уѣзднаго въ губернской — къ старшему, „утвердить“ купчую крѣпость, отъ нотаріусовъ — въ окружной судъ, „вводиться во владѣніе“, изъ суда къ приставу, „учинять вводъ во владѣніе“, и т. д. Во время этихъ путешествій изъ города въ городъ, изъ одной инстанціи въ другую, слѣдуетъ подсчитать, сколько разъ рука возьмется за бумажникъ, сколько придется выслушать: „приходите завтра“, сколько часовъ простоятъ „въ хвостѣ“, сколько занскивающихъ улыбокъ расточать по поводу „выноски разрѣшительной статьи“ и т. под., чтобы придти къ заключенію, что право сдѣлаться отечественнымъ землевладѣльцемъ пріобрѣтается даже людьми, знакомыми съ „путями хожденій“, довольно дорогой цѣной. Конечно, при крупной сдѣлкѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ во время этихъ хожденій можетъ служить для продавца солидность вырученной суммы, для покупателя — солидность пріобрѣтеннаго имѣнія, но разъ идетъ рѣчь о какомъ-нибудь „клинѣ“, „пустошкѣ“, то здѣсь слѣдуетъ придти къ несомнѣнному заключенію въ томъ, что шкурка (клинъ, пустошка) не стоитъ выдѣлки, т.-е. формальнаго акта на ея владѣніе.

Изъ всѣхъ бесѣдъ съ деревенскими сосѣдями я пришелъ къ выводу, что въ этомъ обстоятельствѣ (въ столь же ненонятныхъ, сколь и обременительныхъ формальностяхъ), а не въ какихъ-то симпатіяхъ къ „общинѣ“ слѣдуетъ искать объясненія того, что деревня, при ея неудержимомъ стремленіи восполнять недостатокъ земельныхъ надѣловъ, остановилась на самомъ неудобнѣйшемъ для нея видѣ собственности, собственности „сѣбча“.

Прежде всего, благодаря дорого стоящимъ формальностямъ и сравнительной пока дешевизнѣ на землю, на нашемъ поземельномъ рынкѣ вовсе изъята изъ обращенія мелкая земельная собственность; только весьма рѣдкій землевладѣлецъ въ предвкушеніи „хожденій“ и связанныхъ съ ними расходовъ согласится продать участокъ въ 50, 100, 150 руб., и столь же рѣдкій крестьянинъ, въ томъ же предвкушеніи, согласится купить такой участокъ. Покупая землю болѣе или менѣе крупными пустошами „сѣбча“, крестьяне выигрываютъ: 1) въ трудѣ, ибо исполненіе всѣхъ формальностей возлагается на „ходака“, избраннаго изъ своей же среды — человѣка, не скажу, чтобы особенно свѣдущаго въ юридическихъ тонкостяхъ, но все же кое-гдѣ дальше своей околицы бывающаго, и 2) въ расходахъ, ибо десятковъ мелкихъ

жупчихъ крѣпостей обходится въ десять разъ дороже (за исключеніемъ пошлинъ и гербовой бумаги для акта) одной крупной.

Должно замѣтить, что помимо всѣхъ другихъ сторонъ землевладѣнія „сѣбча“ такое изытіе изъ рыночнаго обращенія мелкой поземельной собственности отражается весьма неблагоприятно какъ на мѣзномъ, помѣстномъ хозяйствѣ, такъ и на крестьянскомъ. Весьма часто участки и пустоши, находящіеся въ отдаленныхъ углахъ ямѣнія, не только не имѣютъ за собой никакой сельско-хозяйственной стоимости, но представляютъ изъ себя источникъ постоянныхъ и притомъ крайне неприятныхъ споровъ и столеновеній (потравы и порубка); между тѣмъ тѣ же пустоши и углы, разбитые на мелкіе участки, нашли бы себѣ покупателей изъ крестьянъ прилегающихъ деревень и тѣмъ дали бы землевладѣльцу (помимо избавленія отъ неприятностей) возможность на вырученные деньги пополнить сельско-хозяйственный инвентарь, произвести осушку болотъ, очистку лѣса, словомъ, улучшить мѣзное хозяйство. Съ своей стороны крестьяне, обходя то, что у нихъ подъ рукой, что дѣйствительно полезно и чѣмъ они могли бы владѣть на правахъ единоличной собственности, поставлены, въ силу изытія съ рынка мелкой земельной собственности, въ необходимость довольствоваться малоземельемъ, мечтать „насчетъ новыхъ правдъ“, и въ лучшемъ случаѣ пріобрѣтать нерѣдко вдали деревень земли „сѣбча“, съ ихъ безконечными недоразумѣніями, вытекающими изъ неподдающихся самому добросовѣстному анализу межевыхъ признаковъ „оттелева“ и „доселева“, „отъ мшаринки веди свою линію на три сосны“.

Можно съ увѣренностью сказать, что сосредоточеніе актовъ укрѣпленія въ рукахъ мѣстныхъ, ближайшихъ къ землѣ и деревнѣ властей (мировые судьи и земскіе начальники) и упраздненіе настолько же сложныхъ, насколько и ненужныхъ формальностей, сразу поставитъ вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи на лучшую почву. Что такое измѣненіе въ „крѣпостномъ порядкѣ“ представляется дѣломъ волюнѣ возможнымъ, — доказательствомъ служить наша сосѣдка Финляндія, гдѣ обрядовая сторона перехода права собственности доведена до замѣчательной простоты, и эта простота, однако, не мѣшаетъ той же собственности быть очень устойчивой.

Говоря о крестьянскомъ землевладѣніи, я не могу не остановиться на другомъ, пожалуй еще болѣе характерномъ явленіи изъ жизни современной деревни, чѣмъ покупка земель „сѣбча“,

это—на борьбѣ деревенской общины, „міра“, съ личностью, на столкновеніи общиннаго права съ правомъ личнымъ.

Лѣтъ пятнадцать, даже десять тому назадъ объ этой борьбѣ (въ нашей мѣстности) не было вовсе слышно. Безспорно, борьба подготовлялась раньше, но подготовка оставалась незамѣтной для постороннихъ глазъ, не находила себѣ образнаго выраженія,—теперь же она явилась какъ бы сразу, на подобіе *deus ex machina*. Это понятно: земельный надѣлъ „по ревизскимъ душамъ“ кормилъ семью, но за десять, пятнадцать лѣтъ „пареньки“ не только успѣли превратиться въ „парней“, но и обжениться, т.-е. сдѣлаться настоящими мужиками, на свѣтъ божій появились новые пареньки, прибавилось число рукъ, остающихся безъ работы, число ртовъ, остающихся безъ хлѣба. Четырехдесятилетний надѣлъ „по ревизскимъ душамъ“ успѣлъ для многихъ семей за это время превратиться въ однодесятилетний по „дѣйствительнымъ“ душамъ, т.-е. надѣлъ, при среднихъ условіяхъ урожая (самъ 5, 6) дающій возможность при трехпольномъ хозяйствѣ (три полосы: паръ, овина, яровое) кормиться челобѣку, безъ жены и дѣтей, въ теченіе шести мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, надвинувшаяся на деревенскую общину земельная тѣснота является источникомъ указываемаго мною явленія (борьба общины съ личностью), а это новое въ нашихъ мѣстахъ явленіе получаетъ такую силу, захватываетъ такіе обширные предѣлы, что въ настоящее время трудно встрѣтить поселокъ въ десять дворовъ, гдѣ борьба не находилась бы въ самомъ разгарѣ или гдѣ не бросались бы въ глаза признаки, что эта борьба вспыхнетъ не нынѣ—завтра.

Наша деревенская община представляетъ одну изъ первобытнѣйшихъ формъ земельного пользованія; она такъ же первобытна, какъ первобытенъ весь бытовой складъ деревни, вся сельско-хозяйственная культура. Погруженная въ безпросвѣтную тьму невѣжества, деревня не въ силахъ выбиться изъ замкнушагося вокругъ нея заколдованнаго круга, не въ состояніи видоизмѣнить, *оставая въ силѣ основное начало общиннаго землевладѣнія*, усвоенную ею форму въ другую, плодотворную для себя и болѣе производительную для земли, и этимъ видоизмѣненіемъ надолго отодвинуть надвигающуюся грозу. Истиннеть нужды и голода указалъ деревнѣ на бѣду и источникъ ея происхожденія,—этотъ же истиннеть подсказываетъ деревнѣ средство умалить размѣры бѣды. Но нужда и голодъ—плохіе совѣтчики; подчинившись имъ, деревня, „міръ“, остановилась на суровомъ, жестокосердомъ средствѣ. Пользуясь своей силой и вѣшной, чисто формальной стороной дѣла, община время отъ времени выбрасываетъ за бортъ своихъ

отдѣльных членовъ и, совершивъ жестокое дѣло, дѣлить землю изгоевъ между оставшимися.

Для людей незнакомыхъ съ современной, должно сказать очень интересной, несмотря на кажущуюся косность и неподвижность, жизнью оволицы, приведу два, три примѣра отмѣчаемой мною борьбы.

Въ силу установившагося (оговариваюсь: въ нашей мѣстности) обычнаго права, крестьянская дѣвушка, выданная въ замужство „на сторону“, приносить съ собой въ домъ мужа только „коробъ“, „коробку“, т.-е. приданое, сдѣланное отчасти на личные заработки (какимъ трудомъ добывается этотъ „коробъ“, указываютъ слова пѣсни той же дѣвушки: „обошью бѣлымъ кружевамъ, оболю горькимъ слезамъ“), отчасти на средства родителей. „Коробомъ“ ограничивается дальнѣйшее участіе дѣвушки въ семейномъ имуществѣ покинутого дома, — это своего рода не оформленная „рядная запись“, съ отреченіемъ отъ наслѣдственныхъ правъ. Если же, при отсутствіи въ семьѣ сыновей, отецъ, отдавая въ замужство дочь, „принимаетъ зятя въ домъ“, то всѣ имущественныя и наслѣдственныя права сосредоточиваются на этомъ послѣднемъ: онъ — глава семьи, домохозяинъ, представитель и защитникъ интересовъ семьи. Роль дочери (жены) совершенно ступшевывается передъ ролью мужа. Это обычно-наслѣдственное право, идущее въ разрѣзъ съ нашимъ писаннымъ наслѣдственнымъ правомъ, весьма разумно въ жизни деревни; оно покоится отчасти на семейномъ, отчасти на хозяйственномъ началѣ, ибо отводитъ совершенно справедливо первенствующее мѣсто труду, рабочей силѣ. Однако, принимая „въ домъ“ зятя, т.-е. рабочую силу, въ которой больше всего домъ нуждается, отецъ семьи до глубокой старости, до самой смерти, несмотря на присутствіе зятя, несмотря на то, что нерѣдко весь домъ „лежитъ“ на этомъ зятѣ, сохраняетъ за собой и юридически и фактически мѣсто главы семьи. За свою подневольную роль зять вознаграждается только послѣ смерти „старика“.

За послѣдніе дни крѣпостнаго права крестьянинъ одной изъ недалекихъ отъ моей мызы деревень, имѣя одну дочь, выдалъ ее за парня, хотя и изъ другой деревни, но принадлежавшей тѣмъ же господамъ, и принялъ парня къ себѣ „въ домъ“. Лѣтъ черезъ пять „старикъ“ померъ; „большакомъ“, „домохозяиномъ“, въ силу вышеобъясненнаго обычнаго права, остался зять. Молодой домохозяинъ оказался мужикомъ работающимъ, трезвымъ; дѣтьми его Богъ не обидѣлъ. Пока дѣти были малолѣтны, пока ихъ только приходилось кормить, Аванасій (такъ

назову мужика), получившій въ руки самое скромное хозяйство, перебивался кое-какъ, изо дня въ день; но по мѣрѣ того какъ „пареньки“ подрастали, превращались въ парней, рабочихъ, благосостояніе мужика увеличивалось. Бѣда постигла Аеанася тогда, когда въ его хлѣвѣ стояло пять коровъ, двѣ лошади и когда его полосы, благодаря обилію навоза и хорошей обработкѣ (шесть рукъ), представлялись однѣми изъ богѣе урожайныхъ.

Со времени поступленія Аеанася въ члены общины прошло болѣе 30 лѣтъ. Мужикъ за эти 30 лѣтъ наравнѣ съ другими выплачивалъ „выкупныя“, поземельныя, мірскія, страховыя и иныхъ наименованій повинности, наравнѣ съ другими участвовалъ въ сходкахъ, во всѣхъ мірскихъ тяготахъ, наравнѣ съ другими пахалъ, косилъ, сѣялъ, по зимамъ ходилъ въ лѣса на рубку, пилку; словомъ, будучи полноправнымъ членомъ общины, успѣлъ состариться, выдать дочерей замужъ, старшаго парня оженить и сдѣлаться настоящимъ „старикомъ“, т.-е. дѣдушкой (мужъ начинаетъ звать жену „старухой“, а жена мужа „старикомъ“ послѣ рожденія перваго внука или внучки,—до этихъ же поръ они— „моя баба“, „мой мужикъ“). Никто за этотъ длинный, трудовой періодъ не занкнулся „насчетъ правовъ“ Аеанася на землю... Но за этотъ же періодъ на деревенскую общину мало-по-малу надвигалась земельная гроза: число „дѣлковъ“ росло непропорціонально числу „полосъ“. Трудно сказать, кто первый на міру припомнилъ, что Аеанасій когда-то явился изъ другой деревни, что онъ „чужаекъ“, кто первый, забывъ, что съ тѣмъ же Аеанасемъ, какъ съ „своимъ“, 30 лѣтъ водилъ хлѣбъ-соль,—бросилъ въ общину мысль отобрать отъ него, какъ отъ „чужака“, „мірскую“ землю; — во всякомъ случаѣ эта мысль нашла себѣ готовую почву. Пошли „на міру“ разговоры; образовались двѣ партіи: большинство малосемейныхъ—за Аеанася, большинство многосемейныхъ — противъ. Послѣдніе осиливали... Тщетно наименовалъ Аеанасій: „ништо обиду кто отъ меня видѣлъ“, „ребятъ у васъ крещивалъ“; міръ, поддакивая: „кто бантъ, мужикъ ты какъ слѣдствуетъ“, остался въ концѣ концовъ неумолимымъ: приговоръ объ отобраніи земли отъ Аеанася, какъ отъ „чужака“, состоялся.

Всѣ перипетіи этой тяжелой, мужицкой драмы произошли у меня на глазахъ. Въ теченіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ Аеанасій постарѣлъ лѣтъ на пятнадцать,—онъ весь осунулся, опустился...

Другой примѣръ — изъ хроники современной деревенской общины.

На самомъ концѣ ближайшей ко мнѣ деревни стоятъ изба съ наглухо заволоченными окнами, съ повалившимися мѣстами плет-

немъ, съ растасканными на „кладушкахъ“ и хлѣвъ соломенными крышами, словомъ, со всѣми признаки полного разоренія и запустѣнія. Лѣтъ 5—6 тому назадъ я бывалъ въ этой избѣ; ея хозяинъ, Кузьма, тоже нерѣдко заѣзживалъ на мызу то за работой, то за „снадобьемъ“ (за послѣднее время Кузьма все „неможеть“: „къ этому мѣсту подступаетъ; сна рѣшился“ — говаривалъ онъ, жалуясь на грудь). Исторія же избы такова: тоже лѣтъ тридцать, двадцать пять назадъ она принадлежала бездѣтному мужику Никитѣ; чтобы справляться съ хозяйствомъ и имѣть подъ старость кормильца, Никита съ женой „приняли въ домъ“ дальняго родственника, бобыля изъ другой деревни. „По бабѣ племяшемъ ему приходился“, и стали они приемышу „за мѣсто отца и матери“. Это былъ своего рода актъ усыновленія, актъ, конечно, ничѣмъ не оформленный, такъ какъ въ тѣ времена деревня съ формами еще не спозналаась.

Поженивъ Кузьму на дѣвушкѣ изъ той же деревни, Никита вскорѣ померъ, такъ что трудомъ приемыша, какъ кормильца, онъ не успѣлъ воспользоваться; во всякомъ случаѣ въ своемъ выборѣ Никита не ошибся: его вдову, „названную мать“, вплоть до ея смерти, Кузьма кормилъ и почиталъ „замѣсто“ родной матери.

Тотчасъ послѣ смерти приемнаго отца, Кузьма вступилъ во всѣ права домохозяина и въ теченіе болѣе чѣмъ пятнадцати лѣтъ былъ полноправнымъ на ряду съ другими членомъ общины; за все это время земельный надѣлъ выкупался его трудами. Миръ не только не заподозривалъ „правдву“ Кузьмы, какъ своего члена, но, такъ сказать, подтвердилъ эти права избраніемъ его въ „сотскіе“.

Лѣтъ десять назадъ у Кузьмы умерла жена, а глѣтъ черезъ пять Господь Богъ и его позвалъ къ себѣ. Послѣ него остались дѣти: дочь, старшая, и паренекъ лѣтъ 13—14. Года черезъ два дѣвушка вышла замужъ въ сосѣднюю деревню, къ пареньку же „контора“ (повторяю: у насъ волость по старой памяти зовется конторой; мужикъ никогда не говоритъ: „требуется волостное правленіе“, а — „требуется контора“) „приставила“ опекуна. Такъ какъ паренекъ не былъ въ состояніи вести хозяйство, то опекунъ сдалъ его земельный надѣлъ двумъ крестьянамъ той же деревни подъ условіемъ, въ видѣ арендной платы, выплачивать за землю выкупные и другіе платежи, на срокъ, когда паренекъ „войдетъ въ года“ и будетъ въ состояніи справиться съ хозяйствомъ.

Все шло хорошо до пропеднаго года: паренекъ превращался въ парня, по зимамъ жилъ у сестры, лѣтомъ нанимался по мызамъ „въ ночное“ и въ работы „около дома“. Парень подумывалъ

валъ уже „высмотрѣть себѣ дѣвку“ и стать самому „большакомъ“. Но въ этотъ періодъ его застигла жестокосердая „борьба за существованіе“ общины, міра съ личностью. Напрасно опекунъ напоминать міру: „сироту, мужики, забываете, за сиротскія слезы Богу отвѣтите“; міръ, воря опекуна: „тебѣ, богатѣю, мірская нужда — чужая нужда“, призналъ сироту за сына „чужака“ и составилъ приговоръ объ отобрании отъ него надѣла.

„Сирота“, въ качествѣ бездомовника, пошелъ гулять по чужимъ людямъ; наглухо заколоченныя двери отцовской избы для него больше не распахнутся.

Третій примѣръ изъ той же общинной хроники ближайшихъ лѣтъ.

У вдоваго мужика, Василья, былъ одинъ только сынъ. Пока жила „баба“, Василій слылъ за мужика „справнаго“, но со смертью жены сбился, началъ попивать, хозяйство пошло вразбросъ, плохо, сыннишка часто „болтался“ безъ дѣла. Пробившись такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, Василій устроилъ слѣдующую комбинацію: сына свезъ въ городъ, въ обученіе кузнечному мастерству („въ кузню“), „задворокъ“ оставилъ себѣ для житья, а надѣльную землю сдалъ „сусѣду“, подъ условіемъ: 1) платить за нее всѣ повинности и 2) кормить его „по смертъ“, обязуясь съ своей стороны помогать съемщику въ сельско-хозяйственныхъ работахъ „по силѣ“. Выговаривалъ Василій условіе „кормить его по смертъ“, въ предположеніи, что сынъ отъ сладкаго житья въ городѣ могъ и не захотѣть возвратиться на деревню. Василій умеръ, пока сынъ находился еще „въ науцѣ“; міръ же, принявъ во вниманіе только наступленіе срока заключеннаго Василюмъ условія „кормить по смертъ“ и вовсе обходя вопросъ о наслѣдственномъ правѣ сына, принялъ землю въ общій раздѣлъ.

Года черезъ полтора возвратился „изъ науки“ сынъ Василья уже не подросткомъ, но настоящимъ парнемъ; сладкая городская жизнь пришлась ему не по вкусу.

Высмотрѣвъ себѣ невѣсту изъ дѣвушекъ сосѣдней деревни, Сергѣй оженился, захотѣлъ сѣсть на землю (Василій, несмотря на „зашибанье“, сумѣлъ сохранить „задворокъ“, т.-е. избу и клѣти, въ довольно исправномъ видѣ) и сталъ отыскивать у міра свою „отчину и дѣдину“.

Во всей деревнѣ никто про парня и его „молодуху“ не могъ сказать худого слова, тѣмъ не менѣе Сергѣй напрасно „влянялся“ старикамъ, указывая, что въ ихъ же подспорье онъ, вмѣстѣ съ хозяйствомъ, обзаведется со временемъ „кузней“, напрасно указывалъ, что „жена на сносяхъ, семью кормить надоть“, міръ только

на томъ проблематическомъ основаніи, что Сергѣй, за время своего нахождения въ науѣ у городского кузнеца, могъ „отбиться“ отъ крестьянскаго домоводства, не возвратилъ Сергѣю отцовскаго (за исключеніемъ задворка) наслѣдства. Сергѣй остался безземельнымъ.

Я могъ бы привести еще нѣсколько примѣровъ, но я не пишу исторію сельской общины, а только отмѣчаю наиболѣе типичныя (на мой взглядъ) черты изъ жизни мызы и деревни, а потому думаю, что приведенныхъ мною примѣровъ достаточно для указанія, въ чемъ именно выражается (въ нашей мѣстности) характернѣйшее явленіе изъ жизни современной деревни: борьба права общины съ правомъ личности.

Конечно, „прикладаньемъ рукъ“ въ приговору объ отобраніи земли эта борьба не исчерпывается. Приговоръ „общества“ — только конецъ начала. Чтобы понять послѣдующее и оцѣнить сумму горя, переживаемаго крестьяниномъ, не должно забывать, что земля, община, „міръ“ — составляютъ основу не только гражданскаго, но и нравственнаго его бытія. Тѣсный кругозоръ крестьянина ограниченъ чертой его околицы, общины; въ этой чертѣ сосредоточиваются всѣ его привязанности, радости, горе, надежды, весь смыслъ его жизни. Здѣсь его прошлое, настоящее и будущее. Выброшенный за черту этой околицы, крестьянинъ становится лицомъ къ лицу съ міромъ совершенно ему чуждымъ, неизвѣстнымъ.

Немудрено, что степенный мужикъ, обладающій нестоимымъ запасомъ добродушнѣйшаго юмора, не покидающаго его при самыхъ неприхотливыхъ, тяжелыхъ условіяхъ, попавши въ передрагу земельной борьбы, становится неузнаваемымъ въ какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца; въ его обликѣ начинаютъ проглядывать тѣ черты приниженности, запуганности, которыя, конечно въ болѣе рѣзкой формѣ, даютъ себя знать въ каждомъ нищемъ, бродягѣ. Немудрено, что, отстаивая свое право на дальнѣйшее гражданское существованіе, крестьянинъ въ борьбѣ за землю тратитъ весь запасъ нравственной и умственной энергіи, тратитъ, увы, въ громадномъ большинствѣ совершенно бесполезно.

Сколько мнѣ ни приходилось наблюдать случаи борьбы общины съ личностью, всѣ они представляютъ огромный правовой интересъ. Найти примиреніе, отвѣчающее общимъ законамъ справедливости, въ столкновеніи права общины и личности, принявъ при томъ во вниманіе всю сумму бытовыхъ и экономическихъ условій, представляетъ проблему по меньшей мѣрѣ не менѣе трудную,

чѣмъ тѣ „коллизіи правъ“, на разрѣшеніе которыхъ тратится такъ много остроумнѣйшихъ соображеній въ обще-гражданскихъ процессахъ. Помимо правового интереса, каждое столкновение изъ-за земли у деревенской общины съ личностью ставитъ ребромъ вопросъ о дальнѣйшемъ гражданскомъ существованіи одной изъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Такимъ образомъ важность матеріальной стороны въ этихъ дѣлахъ совершенно уравнивается важностью правовой стороны.

Все это требовало бы нѣкоторой исключительности, нѣкоторой внимательности, вдумчивости къ подобнаго рода столкновениямъ, но „практика“, насколько мнѣ извѣстно, установила нѣсколько иную картину. На ряду съ грошовыми „потравами“, драками подвыпившихъ мужиковъ, взаимными расчетами о недополученномъ или о полученномъ, но не отработанномъ рублѣ, обидами, не стоящими выѣденнаго яйца, — дѣла о поземельныхъ столкновенияхъ общины съ личностью, попадая въ общій водоворотъ, „вершатся“ съ необыкновенной и притомъ одинаковой для всѣхъ быстротой. Величайшій и, должно сказать, всемогущій законовѣдъ русской земли, — волостной писарь, — первый кладетъ на эти дѣла печать своего правового мышленія и затѣмъ, снабженный этой печатью, они уже неуклонно слѣдуютъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ своего „происхожденія“.

Къ сожалѣнію, быстрота „происхожденія“ не соответствуетъ быстротѣ „вершенія“. Не разъ мужику придется зайти на знаемую мызу:

— Въ городъ, сказываютъ, ѣдешь?

— Ъду.

— Поспрошай бы ты тамъ у людей: скоро ли бумага о моей землѣ выдетъ? Измотался я совсѣмъ; вѣришь ли, — какъ передъ Богомъ говорю, хлѣба рѣшился.

У какихъ „людей поспрошай“ мужикъ, конечно, не знаетъ; онъ только чувствуетъ, что эти люди „лишутъ бумагу“ и что эта страшная бумага должна принести ему „гнѣвъ или милость“.

За этотъ періодъ горемычнаго „мотанья“ мужикъ, хотя и выбитый изъ своей трудовой колѣи, но еще не сознавая себя вполне побѣжденнымъ, еще надѣясь на людей, пишущихъ „его бумагу“, съ великой радостью заявляетъ:

— Писарекъ одинъ у насъ объявился, — дошленькій насчетъ грамотъ.

Дошленькій писарекъ вноситъ въ жизнь мужика, въ жизнь всей его семьи лучъ надежды, — даже баба, прослушавъ „грамотку“, сообщаетъ:

— Таково-то хорошо у него вышло.

За этого „писарька“ хватается мужикъ, какъ за якорь спасенія, и, оплачивая послѣдними грошами, оставшимися отъ проданной коровенки, безграмотно витиеватыя произведенія его пера, „мотается“ до тѣхъ поръ, пока тотъ же писарь или деревенскій парень, отбывшій воинскую повинность и въ ротной школѣ постигшій книжную премудрость, прочтутъ и съ свойственнымъ имъ знаніемъ объяснятъ послѣднюю безповоротную „бумагу“, столь же криво, сколь и непонятно для читающихъ и слушающихъ гласящую: „согласно циркуляра отъ 1-го апрѣля 1891 года, оставить жалобу (има рекъ) безъ послѣдствій“.

Этимъ циркуляромъ обыкновенно завершается земельная борьба общины съ личностью. Дальнѣйшая судьба современного „изгод“ никого болѣе не интересуеть.

Не одинъ изъ такихъ побѣжденныхъ въ неравной борьбѣ, распродавая послѣдніе остатки мужицкаго добра (овцу, корову, навозъ), приходилъ на мызу. Спросишь: что же самъ-то ты будешь дѣлать?

— Ума не приложу, — въ котлѣ меня сварили...

Говоря о крестьянскомъ землевладѣніи въ частности и о крестьянскихъ „дѣлахъ“ вообще, нельзя не замѣтить, что современная деревня настолько же нуждается, для своего экономическаго и сельско-хозяйственнаго роста, въ правѣ, правосудіи и органическихъ законахъ, насколько въ грамотности, землѣ и улучшеніяхъ пріемахъ ея обработкѣ.

Толковать и заботиться объ одномъ, забывая пробѣлы въ другомъ — великая ошибка.

Тѣ простѣйшія формы, въ которыхъ до сихъ поръ жила околица, исчезли или исчезаютъ съ замѣтной быстротой; общія условія втискиваютъ деревню въ очень сложныя комбинаціи, справиться съ которыми ей рѣшительно не подъ силу. Потому-то, попавъ въ одну изъ этихъ комбинацій, современному мужику такъ часто и приходится навѣдываться на знакому мызу, „показывать насчетъ своихъ дѣловъ“.

— Глянулъ бы ты на мою бумагу.

Исполняя желаніе сосѣда, „гляжу“ на извлеченную изъ ворока засаженныхъ „фитанцій“ бумагу. Предо мной хитро составленная запродажная записъ на землю. Мужикъ обойдетъ по всѣмъ правиламъ искусства: продавецъ, обязываясь вырѣзать въ пользу мужика изъ общей пустоши 20 десятинъ, включилъ въ условіе

слова: „по моему выбору“. Это „по моему выбору“ безграмотный мужикъ наивно принялъ на свой счетъ.

— Не важная,—говорю,—у тебя бумага,—и объясню, въ чемъ именно заключается ея неважность. Мой сосѣдъ только разводитъ руками, да безнадежно чешетъ въ затылкѣ.

— То-то я къ нему предъявился: скоро-ль землю-то дашь? деньги взялъ, а въ городъ не ѣдешь? Какъ путевый бантъ: „бери, а ее съ кашей не съѣлъ“. Однако, баю, обойтись ее полагается, чтобы безъ сумлѣній. И онъ толкуетъ: „надоть, надоть обойти, мы съ тобой по душѣ“. Пошли-ста мы съ нимъ въ обходъ, а онъ и приведи меня къ самому боровому мѣсту,—какъ есть гола ладопь. „Вотъ тебѣ земля!“ Я даже свѣту рѣшился: Бога, баю, не боишься; на ней ни сѣять, ни косить. И то и сѣ я ему, а онъ, знай, бумагой тычетъ: „мой указъ, а не твой, вишь печать“. Ладитъ одно: „хоть другу землю—ренду давай“. Такъ съ тѣмъ и ушелъ.

Къ сожалѣнію, условія, которыя втискиваютъ современную деревню въ общій круговоротъ жизни и которыя видоизмѣняютъ ея внѣшнія и внутреннія отношенія, ускользаютъ отъ законодательнаго анализа. Деревня жила и живетъ сама по себѣ, а законодательная работа идетъ тоже сама по себѣ; между тѣмъ и другимъ нѣтъ надлежащей связи, гармоніи, и въ отсутствіи этой гармоніи слѣдуетъ искать одну изъ важнѣйшихъ причинъ неурядицъ и бьющаго въ глаза преобладанія въ событіяхъ дня деревни личнаго вкуса и произвола. Надъ современной деревней „всякъ молодецъ мудрить на свой образецъ“, внося проявленія этой мудрости даже въ такія области деревенской жизни, которыя по видимому должны были оставаться въ сторонѣ отъ всякихъ мудрствованій, какъ, напр., „упорядоченіе“ дѣвичьихъ „посидѣлокъ“, никому, кажется, не мѣшающихъ.

Въ силу такого порядка вещей, деревня то-и-дѣло выбирается изъ своей будничной, трудовой колен; она не можетъ приноровиться, чего и кого слушаться нынѣ, чего и кого—завтра; въ ея самосознаніи нивонимъ образомъ не можетъ укрѣпиться, пустить корни то великое подспорье къ писанному закону въ вопросахъ, задаваемыхъ народной жизнью, которое зовется обычнымъ правомъ.

Указывая на отсутствіе необходимой гармоніи между жизнью и закономъ, я этимъ не хочу сказать, чтобы законодательство исключало деревню изъ сферы своей заботливости; цѣлый рядъ мѣропріятій послѣдняго времени указываетъ на противное, но дѣло въ томъ, что со дня изданія Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, эта заботливость, благо-

даря несомнѣнно правильному пониманію и правильной оцѣнкѣ условій жизни современной деревни, высказалась почти исключительно въ видоизмѣненіяхъ внѣшнихъ формъ, въ созданіи новыхъ органовъ, а внутренняя, организаціонная работа деревни возложилась всецѣло на благоусмотрѣніе этихъ органовъ, на ихъ личный вкусъ, на ихъ личныя воззрѣнія. Какъ на исключеніе изъ этого правила можно указать только на одну попытку законодательной власти проникнуть во внутреннюю жизнь деревенской общины, поставить эту жизнь внѣ чьей-либо прихоти, но и эта попытка оказалась болѣе чѣмъ неудачной уже потому, что она коснулась сельско-хозяйственной стороны дѣла, т.-е. той стороны, которая по своему существу должна оставаться наиболѣе свободной отъ непосредственныхъ воздѣйствій; я говорю про законъ о 12-лѣтнихъ передѣлахъ.

Ненормальность положенія, занятаго законодательствомъ, съ особой осязательностью даетъ себя чувствовать въ столь частыхъ за послѣднее время столкновеніяхъ деревенской общины съ личностью на почвѣ поземельныхъ отношеній.

Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, застало сельскую общину, миръ, въ моментъ ихъ возникновенія (мы не имѣемъ въ виду бывшихъ государственныхъ и иныхъ наименованій крестьянъ); но съ тѣхъ поръ и притомъ въ самой существенной части произошли значительныя перемѣны. Передавая общинѣ землю, обремененную долгами (выкупные платежи), и дѣлая ее лицомъ отвѣтственнымъ за бездомочное поступленіе платежей, законодатель весьма естественно снабдилъ общину по отношенію отдѣльныхъ членовъ широкими полномочіями, до права удалять изъ своей среды, безъ всякаго суда, „вредныхъ и порочныхъ“. Съ своей стороны община, какъ лицо отвѣтственное за поступленіе платежей, имѣла основаніе не особенно церемониться со своими членами. Но въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ отдѣльные члены общины заняли положеніе болѣе устойчивое, болѣе „правовое“, чѣмъ они находились въ моментъ освобожденія, уже потому, что въ теченіе этого длиннаго періода каждый изъ нихъ употребилъ наибольшую сумму труда для освобожденія надѣла отъ тяготящаго надъ нимъ долга. Такимъ образомъ пользованіе земельнымъ надѣломъ, и притомъ надѣломъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, является уже въ настоящее время не въ видѣ милости со стороны государства или хозяина—общины, но какъ неотъемлемое право, прибрѣтенное трудомъ, куплей, выкупомъ.

Происшедшее за тридцать слишкомъ лѣтъ измѣненіе въ пра-

новыхъ отношеніяхъ личности къ землѣ порождаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, сложныхъ тѣмъ болѣе, что почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ нимъ приплетается новый рядъ другихъ вопросовъ, какъ, напр., о значеніи для сельской общины общихъ началъ давности, о силѣ обычнаго права, объ обязательности молчаливаго соглашенія и формальныхъ приговоровъ и т. под. На всѣ эти вопросы, задаваемые современной деревней чуть не ежедневно, мы тщетно стали бы искать подходящихъ отвѣтовъ въ тѣхъ отрывочныхъ и крайне неполныхъ узаконеніяхъ, которыя трактуютъ о правахъ сельской общины, какъ института, имѣющаго громадное значеніе въ народной жизни, и объ отношеніяхъ къ этому институту ея отдѣльныхъ членовъ. Въ силу этого всѣ споры, возникающіе на почвѣ сельской общины, споры, влекущіе за собой обвиненіе цѣлыхъ семей, разрѣшаются у насъ „какъ Богъ на душу положитъ“.

При такихъ условіяхъ, конечно, нечего и претендовать, что деревня такъ недалеко ушла въ столь необходимомъ (для экономическаго и нравственнаго роста)—въ правовомъ самосознаніи.

Благодаря указанному отсутствію гармоніи въ развитіи законодательства и жизни деревни, всѣ дѣла послѣдней, вытекающія изъ поземельныхъ отношеній, насколько я могъ къ нимъ приглядѣться, никогда не обходятся безъ ссылки на 51 ст. Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Примѣненіе этой статьи совершается столь ревностно, что можно подумать, что въ многотомномъ сводѣ законовъ россійской имперіи нѣтъ иныхъ узаконеній, приличествующихъ деревнѣ и ея обитателямъ. Должно сказать, что 51 ст., явившаяся на божій свѣтъ въ моментъ появленія свободной сельской общины, т.-е. въ тотъ моментъ, когда не могло быть даже представленія о вопросахъ, которые въ силу жизненныхъ условій создались и явились нынѣ, включаетъ въ себѣ 18 пунктовъ, изъ которыхъ только одинъ посвященъ общинной землѣ.

Вотъ дословно этотъ краткій пунктъ: законодатель, опредѣляя предѣлы власти сельскаго схода, между прочимъ говоритъ (§ 6), что этому сходу подлежатъ „дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія землей, какъ-то: передѣлъ земли, накладка и свидка тяголь, окончателный раздѣлъ земель на постоянные участки“ и т. д.

Такимъ образомъ мысль законодателя, въ этомъ (6) пунктѣ совершенно ясна: во-первыхъ, установить („передѣлъ земли, накладка и свидка тяголь“) наиболѣе правомѣрно-хозяйственное распределеніе земли между отдѣльными членами общины, а во-вторыхъ, въ случаѣ неудовлетворенности общинной формой землевладѣнія, ука-

затѣ путь для перехода къ подворному пользованію землей. Иного, болѣе широкаго толкованія 6-го параграфа 51 ст. дѣлать невозможно, а между тѣмъ, по отсутствію болѣе точныхъ и соответствующихъ современнымъ нуждамъ деревни законоположеній, крестьяне, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій пробывшіе безпрепятственно съ чьей-либо стороны членами общины, неспіе за этотъ длинный періодъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы, пускаются нищими по міру единственно „по силѣ 51 ст.“, безъ всякихъ иныхъ бытовыхъ или общеправовыхъ соображеній, оправдывающихъ изгнаніе.

Впрочемъ, если въ большинствѣ отдѣльные крестьяне выходятъ побѣжденными изъ борьбы съ общиной „по силѣ 51 ст.“, то точно также я знаю, хотя и рѣдкіе, случаи, когда съ одинаковымъ правомъ и съ одинаковой основательностью „сила“ той же 51 ст. пускается въ ходъ противъ общины. Вообще, благодаря крайней скудости въ юридическихъ познаніяхъ и такой же скудости уваженія къ праву другого, эта 51 ст. треплется по всѣмъ нашимъ деревенскимъ дѣламъ и дѣлишкамъ, являясь въ рукахъ судей-правителей тѣмъ услужливымъ и подходящимъ орудіемъ, про которое народъ говоритъ: „законъ чтѣ дышло, куда захочешь туда и воротить“. Сегодня—права община, виноватъ мужикъ; на завтра виновата община, правъ мужикъ. Словомъ, въ общей беспочвенности безурядица идетъ большая, а приемы вдохновенія, къ которымъ съ такой охотой прибѣгаютъ всѣ,—начиная съ первой скрипки современной деревни, волостного писаря, и кончая „отцами-вомами“,—прибавляютъ только масла къ огню.

Коснувшись столкновеній сельской общины съ личностью на почвѣ поземельныхъ отношеній, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о деревенскомъ „мірѣ“.

Въ поволжскихъ губерніяхъ и вообще въ хлѣбородной полосѣ встрѣчаются общины, заключающія въ себѣ до 500 и болѣе членовъ (домохозяевъ), имѣющихъ право голоса на сходкахъ („на міру“), а въ нашей мѣстности, въ силу худородности почвы и лѣсистости, преобладаютъ незначительные поселки въ шесть, восемь, много-много пятнадцать, двадцать дворовъ. Какъ бы ни была велика или мала деревня, законъ подводитъ ее подъ одну и ту же мѣрку: каждый поселокъ составляетъ (по закону) самостоятельную единицу, общину. Для разрѣшенія наиболее важныхъ дѣлъ общины, требуется согласіе $\frac{2}{3}$ изъ числа всѣхъ домохозяевъ. При ограниченномъ числѣ лицъ (домохозяевъ), имѣющихъ право участія на мірской сходкѣ, въ случаѣ раздѣленія голосовъ, каждый

голосъ имѣеть огромное значеніе; я, напр., знаю случаи, гдѣ вопросъ объ отобраніи земли и исключеніи крестьянина изъ общины разрѣшался большинствомъ именно одного голоса.

Въ настоящее время въ известной части общества и печати принято живописать мірскія сходы въ видѣ перенесенія сценъ кабака на деревенскую улицу: собралась падакая на водку толпа и галдитъ въ ожиданіи подачи; каждый степенный мужикъ въ этой безпорядочной толпѣ сразу превращается въ кабацкаго шаромыгу, помышляющаго только о „зеленомъ винѣ“. При таковомъ—не скажу, чтобы добросовѣстнымъ—взглядѣ на крестьянина и на его „міръ“, осторожность въ счетѣ голосовъ, конечно, представляется дѣломъ совершенно излишнимъ, ибо, по мысли современныхъ радѣтелей деревни, все сводится „на міру“ въ одному, двумъ ведрамъ водки. Однако, то, что мнѣ болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ, приходится видѣть и наблюдать, не вьжется съ этими картинами распущенности и пропойства крестьянскаго „міра“. Я знаю довольно много случаевъ одного изъ самыхъ интереснѣйшихъ проявленій бытовой жизни современной деревни: борьбы общины съ личностью; нѣкоторые изъ этихъ случаевъ я наблюдалъ очень близко, слышалъ же о всѣхъ перипетіяхъ борьбы отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. При той неудержимой падекости въ водѣ съ стороны мужика, про которую трубятъ гг. радѣтели деревни, подкупить 5-6 голосовъ не составляло бы большого труда, и во всякомъ случаѣ такой подкупъ обошелся бы гораздо дешевле расходовъ „по хожденію“ и „на писарьковъ“. Конечно, ни одинъ мужикъ, зная, что отъ мірскаго приговора зависитъ вся будущность его самого, его семьи, не постѣснился бы прибѣгнуть, въ видѣ пропойства своихъ „шабровъ“, въ водѣ, чтобы съ ея всеяльной помощью отстранить надвигающуюся грозу; точно также, выйдя побѣжденнымъ изъ борьбы, конечно, ни одинъ мужикъ не постѣснился бы рассказать, и притомъ въ свойственной ему формѣ, о тѣхъ вымогательствахъ, водочныхъ или другихъ, которымъ онъ подвергался со стороны „міра“. Однакоже, ни о чемъ подобномъ, въ теченіе десяти лѣтъ, я еще ни разу не слышалъ. Въ пустыхъ дѣлахъ, и притомъ не имѣющихъ близкой связи съ интересами общины, не всегда обходится „безъ грѣха“, безъ подношенія „старикамъ“, но въ дѣлахъ, гдѣ заинтересована вся община—„міру въ око не подать“. Такія дѣла ставятся „на міръ“ не сразу, но въ теченіе долгаго времени служатъ предметомъ частныхъ споровъ и „каляканій“ между „сусѣдами“. Въ силу этихъ споровъ и „каляканій“ по каждому дѣлу образуются,—несмотря на то, что „міръ“ за-

частую состоитъ изъ десятеа домохозяевъ,—партіи, и образованіе этихъ „партій“ подчиняется тѣмъ же естественнымъ законамъ, которые господствуютъ въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ; такъ въ дѣлахъ объ отобраніи земли одни являются защитниками экономическихъ интересовъ общины, другіе подходятъ въ вопросу съ болѣе человѣчной стороны: семейнаго положенія, личныхъ достоинствъ крестьянина и т. д. Люди безличныя, золотая середина, не говорящая ни да, ни нѣтъ, обыкновенно и здѣсь доставляютъ побѣду той сторонѣ, къ которой въ концѣ концовъ пристануть.

Такимъ образомъ, правильный счетъ голосовъ, особенно въ общинахъ незначительныхъ по числу своихъ членовъ, является дѣломъ существенной важности, а между тѣмъ, благодаря неопредѣленности закона („сельскій сходъ,—говоритъ онъ,—состоитъ изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ сельскому обществу“ и только), и здѣсь господствуетъ прихоть, личный вкусъ и неурядица. Такъ я знаю мѣстности, гдѣ правомъ голоса на сходахъ пользуются только такіе крестьяне, которые достигли 21-лѣтняго возраста и, поженившись, ведутъ самостоятельно хозяйство, словомъ, „мужики“; но рядомъ, боже-о-боже, знаю и такія, гдѣ признается вполне достаточнымъ быть только юридическимъ „домохозяиномъ“, чтобы имѣть право участвовать въ дѣлахъ общины наравнѣ съ „настоящими мужиками“. Въ силу этого „парень“, оставшійся при вдовѣ („при матеѣ“), не достигшій совершеннолѣтія, отдающій надѣлъ въ пользованіе другимъ и самъ пробивающійся по-денной работой, является однимъ изъ судей-администраторовъ своей общины.

Въ нашей мѣстности всѣ крестьянскія полосы (озимаго поля) удобряются. Вслѣдствіе этого передѣлы, безъ всякаго обязательнаго закона, совершаются очень рѣдко, хотя деревенская бѣдность не безъ зависти смотритъ на полосы „богатѣевъ“, гдѣ отъ сильнаго унавоживанія хлѣба растутъ гуще, выше, темнѣе. Въ одну изъ близкихъ ко мнѣ деревень „въ миръ“ сразу поступило два надѣла. Миръ раздѣлился на партіи: богатѣи и часть мужиковъ „серединныхъ“ (средніе по достатку) стояли за частную прирѣзку, потому что такая прирѣзка оставляла въ ихъ рукахъ старыя полосы; а бѣдность, въ надеждѣ обладать сильно удобренными полосами, стояла за общій передѣлъ. Борьба была долгая и упорная; въ концѣ концовъ пересилила бѣдность. Заинтересованный этой борьбой съ момента ея возникновенія, я навелъ справки у 19-лѣтняго „парня“—юридическаго домохозяина,—какое принималъ участіе онъ въ общинномъ дѣлѣ.

— На задворкахъ я съ ребятами баловался (последняя, рѣшительная сходка происходила въ праздничный день). Мужики кличутъ: „Минка! бѣги въ намѣ“. Прибѣгъ. Баюте: „давай руку!“ Мнѣ што, я далъ.

Иного, болѣе активнаго участія въ мірскихъ дѣлахъ, отъ парня, не вышедшаго еще изъ „Минокъ“, трудно и ожидать.

Знаю такого рода случай. Въ домѣ два хозяина: одинъ—юридическій, дѣдъ, другой—настоящій хозяинъ, внукъ (мужикъ лѣтъ за тридцать). Первый въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ не только не принималъ никакого участія въ деревенскихъ дѣлахъ, но почти не слѣзалъ съ печки. „Земля его забыла“,—говоритъ про такихъ народъ. На внука лежалъ домъ; съ бабами онъ управлялся всѣмъ хозяйствомъ. Въ виду толковости мужика (внука), въ теченіе тѣхъ годовъ, какъ дѣдъ залегъ на печку, онъ былъ допускаемъ на всѣ сходки безъ всякаго протеста со стороны односельчанъ; мало того, „на міру“ его голосъ считался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ. Такой, повидимому, совершенно естественный и правильный порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока мужикъ чѣмъ-то не угодилъ „носителю культуры“ по деревенскимъ захоlustьямъ, который, „въ видахъ упорядоченія столь распатаннаго сельскаго быта“ и „укрѣпленія нравственно-семейныхъ началъ, основанныхъ на уваженіи къ старшимъ“, призналъ за „домохозяина“ выжившаго изъ ума старика, а его внуку воспретилъ участіе въ мірскихъ дѣлахъ.

Мужики-одиночки, не будучи въ состояніи справиться съ хозяйствомъ, обыкновенно „отбиваются отъ земли“, т.-е. свой надѣлъ сдаютъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ односельчанамъ, а сами поступаютъ въ постоянные рабочіе по мывамъ, на желѣзную дорогу. „Задворокъ“ (изба, клѣтъ) оставляется обыкновенно при себѣ, какъ прибѣжище на старости лѣтъ. Съ теченіемъ времени такіе одиночки теряютъ хозяйственную и нравственную связь съ „міромъ“, ихъ интересы преимущественно сосредоточиваются въ мѣстѣ, которое ихъ кормитъ. Это, однакоже, не мѣшаетъ имъ, „за досугомъ“, когда мѣсто служенія близко отъ деревни, время отъ времени, въ качествѣ юридическихъ домохозяевъ, посѣщать мірскія сходки.

— Лестно было послушать, что наши мужики промежъ себя калякали.

— И руку давалъ?

— Безъ насъ дѣло не обошлось. Хоть и лыкомъ шить, а все-жъ на міру Степанъ-Иванычемъ величаютъ.

Деревня, замкнутая въ тѣсныхъ предѣлахъ своей околицы, безграмотная, лишенная возможности путемъ печатнаго слова провѣрки и анализа, живетъ слухами. Слухи—это политическая сторона деревенской жизни, ея повседневная пресса. Такъ какъ всѣ помыслы и вождѣнія современной деревни сосредоточены на „полицѣй-кормилицѣ“ землѣ, то понятно, что всѣ слухи „на-счетъ новыхъ правдъ“, всѣ „красные помыслы“ деревни вращаются около той же полицѣй-кормилицы. Тотъ или другой слухъ держится иногда очень долго, очень упорно, и несмотря на упорство, прослѣдить источникъ его возникновенія нѣтъ никакой возможности, нѣтъ возможности уже потому, что эти слухи передаются людямъ, не принадлежащимъ къ составу околицы, съ большой опаской, чтобы начальство не узнало, чей длинный языкъ разноситъ молву, и не потребовало къ отвѣту за „превратные толки“. Крестьянинъ, желая убѣдиться въ степени достовѣрности волнушаго деревню слуха „насчетъ земельки“ и „новыхъ правдъ“, всегда подойдетъ стороною и притомъ такъ, чтобы показать свою полную безучастность къ ходячей молвѣ.

Спросишь:—да отъ кого ты этотъ вздоръ слышалъ?

— Наши калакаютъ; кой-то изъ мужиковъ на чугунѣ бѣгалъ, такъ солдатики проѣзжій имъ сказывалъ.

Какъ легко черезъ этого „солдатика“ возникаютъ на доврчивой деревенской почвѣ слухи „насчетъ земельки“ и „новыхъ правдъ“, и притомъ возникаютъ изъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ожидаемыми деревней „новыми правами“ насчетъ земельки, указываетъ слѣдующій случай.

Въ прошломъ году появилась въ нашей мѣстности партія офицеровъ генеральнаго штаба для топографическихъ работъ. Повѣдки офицеровъ съ принадлежностями съемки, наладка измереній на бумагу произвели большую сенсацію въ средѣ моихъ деревенскихъ сосѣдей. Пошли разговоры, догадки: за чѣмъ? для чего? не дѣло „господь оффицеровъ“ ходить съ цѣпью,—мало ль у царя землемѣровъ?.. Чѣмъ дальше отъ первоначальнаго источника возникновенія (мѣстопребыванія офицеровъ) удалялись эти догадки и разговоры, тѣмъ болѣе офицеры и производимая ими съемка земли дѣлались достоинствомъ „кой-кого изъ мужиковъ“ и „проѣзжаго солдатика“, тѣмъ болѣе необычное въ деревнѣ явленіе принимало желательную для крестьянина окраску, тѣмъ упорнѣе приурочивалось это явленіе къ темѣ: „насчетъ новыхъ правдъ“ и „земельки“.

— Оффицеры въ Жадобинѣ понаѣхали, ты слышалъ, что-ли?

—спросилъ меня, конечно „стороной“, одинъ изъ деревенскихъ сосѣдей.

— Слыхалъ.

— Къ тебѣ не навѣдывались?

— Не навѣдывались.

— Парней подъ цѣпь брали, землю на бумагу пишутъ.

— Пускай ихъ пишутъ; намъ съ тобой отъ ихъ писанія ни тепло, ни холодно.

— Оно точно, что не холодно, только, мужики мекаютъ, не зря царь по деревнямъ ихъ шлетъ.

— Конечно, не зря. Вотъ въ газетахъ пишутъ, что нѣмецъ на насъ войной собирается, такъ эти самые офицеры, узнавши, гдѣ у насъ боръ, гдѣ болото, въ трясину его и заведутъ. Сиди тутъ непрошенный! А мы съ тобой какъ разъ предъявимся, да нѣмца въ полонъ и заберемъ.

Мужикъ тоже смѣется:—Заберемъ, безпремѣнно заберемъ, мы-ста съ тобой не войны!—а самъ продолжаетъ гнуть на свое:—А наши-то деревенскіе дураки и невѣсть что калякаютъ.

— Опять, чай, насчетъ земли?

— Все насчетъ ейной-самой. Ладятъ: быть прирѣзкѣ по новымъ душамъ,—на то царь слугъ своихъ послалъ.

Какъ ни странно, но даже вступленіе въ должности земскихъ начальниковъ деревня приурочивала къ любимой темѣ: „баютъ, по новымъ душамъ верстать землю учнутъ“.

Появленіе Положенія о крестьянскомъ банкѣ внесло особую силу въ деревенскіе слухи, влило въ нихъ живую струю.

Само собою разумѣется, что предварительно никто не позаботился познакомить деревню съ дѣйствительнымъ содержаніемъ новаго закона, и притомъ познакомить такъ, чтобы этотъ законъ сдѣлался доступнымъ пониманію крестьянина. Несмотря на оффиціальнѣйшій путь „опубликованія“, Положеніе дошло до „мира“ устами того же „проѣзжаго солдата“ и „кой-кого“ изъ мужиковъ, „бѣгающихъ на чугунокъ“, въ видѣ чего-то очень смутнаго, неопредѣленнаго. Напуганная деревня окутывала циркулирующіе въ ней разговоры „о крестьянской банкѣ“ извѣстной долей таинственности; вопросы задавались съ прежней опаской, съ подходомъ стороны и оговорками: „деревенскіе-де дураки калякаютъ“. Страхъ, чтобы „по шеѣ не попало“, мѣшалъ деревнѣ и на этотъ разъ подойти къ дѣлу просто, естественнымъ путемъ; тотъ же страхъ еще болѣе разжигалъ интересъ къ неизвѣстному, придавалъ этому неизвѣстному самыя причудливыя, нисколько не соответствующія дѣйствительности формы. Въ особенности не давала

побоя крестьянскому воображенію впервые появившаяся въ деревенскомъ лексиконѣ „хрестыянская банка“. Эта чудная „банка“ въ концѣ концовъ приняла образъ какой-то сказочной феи, расточающей благодѣтельныя дары направо, налѣво и ведущей свой народъ въ обѣтованную землю кисельныхъ береговъ съ сытовыми рѣками.

Надо же было, въ самую горячую пору этихъ слуховъ, таинственныхъ бесѣдъ и пламенныхъ ожиданій невѣдомой феи съ ея благодѣтельными дарами, появиться въ нашей мѣстности сельскому обществу, купившему землю именно при помощи этой „хрестыянской банки“. Эффектъ вышелъ необычайный; крестьяне просто ошалѣли. Другого слова я не могу прибрать, чтобы выразить сумму эффекта, произведеннаго появленіемъ новыхъ землевладѣльцевъ; думаю, — еслибы эти новые землевладѣльцы упали въ полномъ составѣ прямо съ неба, то это событіе произвело бы на моихъ сосѣдей менѣе ошеломляющее впечатлѣніе.

На какихъ условіяхъ приобрѣтена новыми собственниками земля? Чтѣ воспослѣдуетъ за приобрѣтеніемъ? Справятся ли NN. съ процентами, пенями и погашеніями? Не отравитъ ли „банка“ свои дары частыми напоминаніями „о бездомочныхъ платежахъ“? и т. д., — всѣ эти вопросы даже не задавались уже потому, что деревня, выплачивая своимъ благодѣтелямъ „за мѣру полторы“, „за рубль два“, тѣмъ не менѣе, въ своей сердечной простотѣ, не имѣетъ и смутнаго понятія о всѣхъ этихъ процентахъ, пеняхъ и погашеніяхъ. Деревня видѣла передъ собой только фактъ, сонъ на яву, во очію осуществленіе завѣтной мечты: пришли такіе же сермяжные мужики, съ такимъ же убогимъ скарбомъ, съ такой же кучей ребятишекъ, съ такими же ледащими и немногочисленными коровенками и лошаденками и отмахали себѣ на десятокъ дворовъ „уймищу земли“ — 750 десятинъ, со всѣми благодатами: лѣсами, полями, покосами. Этого факта нельзя было отрицать, онъ осазался руками, NN. сидятъ тутъ рядомъ, похваляются: вотъ-ста мы какіе, все-ста наше. Остальное застилалось въ глазахъ моихъ сосѣдей туманомъ и изъ этого тумана выступалъ только лучезарный образъ чудной волшебницы.

Впрочемъ появленіе бокъ-о-бокъ новыхъ землевладѣльцевъ имѣло за собою хорошую сторону. „Хрестыянская банка“, доселѣ волновавшая умы, утратила наконецъ свой сказочный характеръ, вышла изъ опасной области деревенскихъ мечтаній „на счетъ новыхъ правдъ“; въ ней каждый могъ приступить безъ опаски обвиненія „въ распространеніи вредныхъ слуховъ“. Условія, на которыхъ предлагала волшебница свои дары, могли

обсуждаться на почвѣ, вполне доступной крестьянскому пониманію: урожайности, лядинѣ, умомота, посѣвовъ и т. д.

Изучивши въ достаточной степени Положеніе о крестьянскомъ банкѣ и вооружившись карандашомъ, я въ каждомъ подходящемъ случаѣ старался доказать моимъ сосѣдямъ, что новымъ землевладельцамъ не справиться „съ уймащей земли“, что проценты и погашенія ихъ задушатъ, что они выльзутъ изъ „банка“ голѣе, чѣмъ влѣвали въ нее. Повидимому моя задача была не изъ особенно трудныхъ: средняя урожайность нашихъ земель такова, что для поднятія этой ничтожной урожайности на два, на три верна требуется уже значительный сельско-хозяйственный инвентарь, каковымъ инвентаремъ NN., приведшіе съ собой по двѣ коровенки, не распорядились. Тѣмъ не менѣе, послѣ каждой бесѣды съ моими деревенскими сосѣдами, я сознавалъ, что время потеряно даромъ, что „уйма земли“ въ рукахъ NN. гораздо убѣдительнѣе моего краснорѣчія. Цифры говорили свое, а мои сосѣди — свое.

— А ты вотъ что подумай: пять тыщъ еврей за лѣсъ имъ сулить.

— Да вѣдь деньги-то попадутъ не въ ихъ руки, а прямой дорогой въ банкъ.

— Што, што въ банку! Земля ихняя, лядинѣ сколь кошъ,— ори знай!

Встрѣтивъ такого рода возраженіе, я доказывалъ, что ораніе лядинѣ само по себѣ не Богъ вѣсть какая благодать, что при наилучшихъ условіяхъ лядина дастъ не болѣе трехъ хлѣбовъ, что послѣ третьяго хлѣба ее безъ навоза придется забросить на десятии лѣтъ до новаго лѣса (если таковой выростетъ), что навоза безъ скотины взять негдѣ... Все это отлично, не хуже меня, знали мои сосѣди, они поддакивали мнѣ: „это точно“, „трихъ путѣвыхъ не собереть, гдѣ собрать“, и въ концѣ концовъ на мои доводы отвѣчали:

— А Богъ-то на што?

Словомъ, „уймища земли“ и „хрестьянская банка“ съ одной стороны, „а Богъ-то на што?“ — съ другой сбили съ толку моихъ практическихъ сосѣдей. Всѣ наши безконечные разговоры и мои вычисления: сколько надо засѣять, получить, проѣсть, продать, заплатить, кончились тѣмъ, что крестьяне ближайшей же ко мнѣ деревни, т.-е. той деревни, съ которой больше всего толковалось, пришли съ извѣстіемъ, что они приторговали пустошъ, которую желаютъ купить при „способіи хрестьянской банки“.

— Народъ-то мы темный, самъ знаешь, нигдѣ отродясь не

бывали. Похлопоталъ бы за насъ въ Питерѣ,—вѣдь не забудемъ твоихъ трудовъ.

Бъ счастью, мои сосѣди, „не совладавъ“ съ доплатой, въ петлю не вгѣвали.

Я долженъ замѣтить, что періодъ деревенскаго увлеченія „крестьянской банкой“ окончился, — по крайней мѣрѣ въ ближайшей ко мнѣ мѣстности,—довольно скоро; мои сосѣди нашли благодѣтельное отрезвленіе въ томъ же источникѣ, который такъ сильно охмѣлялъ ихъ на первыхъ порахъ.

Прошло не болѣе четырехъ-пяти лѣтъ со времени водворенія въ нашихъ мѣстахъ новыхъ землевладѣльцевъ, пришедшихъ изъ другой губерніи. Въ силу ненормальности условий, при которыхъ приобретается земля сельскими товариществами при помощи крестьянскаго банка ¹⁾, за этотъ не особенно длинный періодъ экономическое положеніе NN. выяснилось окончательно; оно, пожалуй, хуже положенія окружающихъ деревень, хуже настолько, что въ прошломъ году, когда всѣ деревни посѣялись собственными сѣменами, имъ пришлось обратиться „за способіемъ“ къ земству. Поля моихъ сосѣдей радостно зеленѣли подѣ въ-время посѣянной овсянкой, а поля новыхъ владѣльцевъ лежали черными, въ ожиданіи сѣвца.—„Способіе не выходитъ!“—Правда, „способіе“ въ концѣ концовъ вышло, но „уйма“ земли, въ связи съ нищенскими средствами и тяготящимъ долгомъ, сдѣлала свое дѣло: за зиму, при очень хорошихъ заработкахъ и при сравнительной дешевизнѣ хлѣба (70 коп. за пудъ), мужики окончательно „проѣлись“, проѣлись до того, что въ самое страдное время были поставлены въ необходимость бѣжать отъ своей „уймы“ въ поденщину...

Экономическое положеніе NN. произвело, повторяю, отрезвляющее дѣйствіе на всю округу: надежда осуществить свою завѣтную мечту „насчетъ земельки“ при помощи благодѣтельнаго банка исчезла изъ представленія моихъ деревенскихъ сосѣдей,—наученные горькимъ опытомъ и примѣромъ, они уже не поглядываютъ съ завистью на житье-бытье NN., не приходятъ съ просьбой „похлопотать въ Питерѣ“. Мало того, при жалобахъ на малоземелье, на совѣтъ обратиться къ банку, обыкновенно отвѣчаютъ въ такомъ родѣ:

— Банка у NN. въ гдѣ сидитъ. Не отъ сладкаго житія они у тебя пенохъ деруть. Свое сѣно погноили, а твое сносили,—разѣ это дѣло. Пропаций они народъ.

¹⁾ Объ этихъ условіяхъ я говорилъ въ одной изъ своихъ прежнихъ статей.

Такимъ образомъ, отрезвившейся деревнѣ по прежнему приходится искать утѣшенія отъ земельной тѣсноты и мірскихъ невгодъ въ фантастическихъ слухахъ „насчетъ новыхъ правобъ“, равносильныхъ по краю „пробѣжимъ солдатикомъ“ и „кой-къмъ изъ мужичковъ, сбѣгавшихъ на чугуны“. Можно съ увѣренностью сказать, что подобный, не особенно желательный порядокъ вещей продолжится до тѣхъ поръ, пока грамотность и книга не сдѣлаются достояніемъ моихъ сосѣдей.

Н. Соколовскій.

ЗЕМСКІЯ НЕДОИМКИ

и

ПРИЧИНЫ ИХЪ НАБОПЛЕНІЯ

Постепенный ростъ земскихъ недоимокъ и вызываемый имъ недостатокъ оборотныхъ средствъ для выполнения текущихъ расходовъ—явленія, давно уже сдѣлавшіяся хроническими въ земскомъ хозяйствѣ. Не проходитъ почти ни одного земскаго собранія, на которомъ бы не поднимался вопросъ объ оскудѣніи земскихъ кассъ и объ изысканіи способовъ улучшенія земскихъ финансовъ.

Земства тверской губерніи въ этомъ отношеніи не составляютъ счастливаго исключенія: имъ тоже постоянно приходится считаться съ возрастающими изъ года въ годъ недоимками земскаго сбора и съ недостаткомъ оборотныхъ средствъ, ощущаемымъ особенно сильно въ лѣтніе мѣсяцы, когда поступленіе сборовъ совсѣмъ почти приостанавливается.

Жизнь постоянно выдвигаетъ все новыя и новыя земскія потребности, удовлетвореніе которыхъ очень часто для земства становится невозможнымъ изъ-за недостатка средствъ.

Неаккуратными плательщиками земскихъ сборовъ являются какъ крестьяне-общинники, такъ и частные собственники.

I.

О недоимкахъ, накопившихся за крупными частными собственниками, прошлою осенью была рѣчь въ бѣжецкомъ уѣздномъ очередномъ земскомъ собраніи. Въ выпедшихъ изъ печати протоколахъ этого собранія находимъ слѣдующія небезынтересныя указанія по этому вопросу.

„Коммиссія (ревизіонная) съ глубокимъ сожалѣніемъ заявляетъ, какъ это нашла въ книгахъ, что многія изъ лицъ, служащихъ земству, не получаютъ своевременно заслуженнаго ими содержанія“. Причина этого печальнаго явленія кроется въ плохомъ поступленіи земскихъ сборовъ и въ постоянномъ увеличеніи недоимокъ. По требованію одного изъ гласныхъ, „въ собраніи былъ прочитанъ именной списокъ недоимщиковъ на суммы болѣе 100 рублей“. Гласный Способинъ указалъ, на основаніи этого списка, что „многіе недоимщики являются крупными собственниками и людьми, состоящими на государственной службѣ, и что въ этомъ случаѣ неплатежъ недоимокъ является дѣломъ личнаго нежеланія плательщиковъ и снисходительности земской управы“¹⁾.

Уѣздное собраніе обязало бѣжецкую управу принять по отношенію къ такимъ недоимщикамъ указанныя въ законѣ „полицейскія и экзекуціонныя“ мѣры и взыскать недоимки въ возможно краткій срокъ.

Трудно, конечно, рассчитывать на успѣхъ этихъ экстраординарныхъ мѣръ, когда приходится имѣть дѣло съ „личнымъ нежеланіемъ“ платить налоги, устанавливаемые къ тому же самимъ населеніемъ. Явленіе это вызываетъ на очень печальныя размышленія. Очевидно, у насъ даже среди культурныхъ обывателей—крупныхъ частныхъ собственниковъ—еще настолько не развито чувство гражданскаго долга, что самыя элементарныя функціи мѣстнаго самоуправленія, каковы: раскладка и взиманіе земскаго сбора, не могутъ выполняться безъ содѣйствія полицейской власти.

Въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, отъ которыхъ зависятъ установленіе и раскладка земскаго сбора, руководящая роль и по старому и по новому земскому положенію принадлежатъ дворянству, т.-е. тѣмъ же крупнымъ частнымъ собственникамъ. Крестьяне-общинники хотя и несутъ значительно большую часть земскихъ повинностей, но въ земскихъ собраніяхъ имѣютъ вдвое меньше представителей, а кто знакомъ съ подборомъ крестьян-

¹⁾ Протоколъ бѣжецкаго уѣзднаго очереднаго земск. собранія 1893 г., стр. 14.

скихъ гласныхъ, въ число которыхъ большею частью избираются должностныя лица—волостныя старшины, судьи и пр., тотъ знаетъ, что значеніе гласныхъ отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ обыкновенно сводится къ нулю. Въ результатѣ получается, что крупныя собственники (дворяне), какъ это видно на примѣрѣ Бѣжецкаго уѣзда, устанавливають на земскомъ собраніи размѣръ земскихъ сборовъ и, предоставивъ полиціи вниманіе ихъ съ крестьянъ, сами отъ платежей отказываются или вносятъ ихъ крайне неаккуратно.

Недоимки растутъ, конечно, и за сельскими обществами, но причины этого роста совершенно иныя.

Вопросъ о недоимкахъ, числящихся за крестьянами-общинниками, въ послѣднее время обсуждается земствами очень часто. Въ 1894 году его коснулись земства: весьегонское, корчевское и тверское въ своихъ экстренныхъ собраніяхъ, специально посвященныхъ финансовымъ дѣламъ.

II.

Въ весьегонскомъ земствѣ вопросъ о крестьянскихъ земскихъ недоимкахъ возникъ въ 1893 г. вслѣдствіе предложенія губернатора о сложеніи и разсрочкѣ недоимокъ земскаго сбора съ надѣльныхъ земель нѣкоторыхъ болѣе недоимочныхъ волостей уѣзда. Очередное земское собраніе поручило тогда управѣ изслѣдовать причины накопленія недоимокъ на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ; результатъ этого изслѣдованія по четыремъ недоимочнымъ волостямъ и былъ доложенъ въ экстренномъ собраніи 9-го марта 1894 года.

По изслѣдованію управы оказалось, что къ 1-му января 1894 г. въ 6-ти волостяхъ весьегонскаго уѣзда земская недоимка достигла свыше 200% (217—275%) оклада, въ двухъ—отъ 100 до 200%, въ шести—отъ 50 до 100%, въ пяти—отъ 20 до 50% и, наконецъ, только въ пяти волостяхъ недоимка земскаго сбора составляла отъ 3 до 20% оклада; въ общемъ по уѣзду на сельскихъ обществахъ числилось недоимки 46,4 тыс. при годовомъ окладѣ въ 52,8 тыс. рубл. (87,8%). По нѣкоторымъ же отдѣльнымъ селеніямъ земская недоимка выросла до размѣра 4-хъ годовыхъ окладовъ и даже выше; такихъ селеній насчитывалось 46.

Причины накопленія земскихъ недоимокъ на крестьянскихъ селеніяхъ уѣздною управою опредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Первое мѣсто изъ этихъ причинъ „должна занять изъ года въ годъ производящая переплата земскаго сбора въ большинствѣ случаевъ въ выкупные платежи, а иногда и въ мірскіе сборы. Переплата эта получается при сдачахъ платежей переносомъ земскаго сбора изъ счетовъ болѣе или менѣе аккуратныхъ плательщиковъ за счетъ тѣхъ плательщиковъ, которые или вовсе не платятъ никакихъ сборовъ, или погашаютъ половину, а то и менѣе, однихъ только выкупныхъ платежей“.

На второе мѣсто, по мнѣнію управы, нужно отнести растраты сборщиками и старостами взысканныхъ платежей; растраты эти при учетѣ обыкновенно крестьянами „прощаются“ виновнымъ выборнымъ должностнымъ лицамъ и ничѣмъ затѣмъ не пополняются. Хотя въ число растроченныхъ денегъ попадаютъ, конечно, всѣ сборы, но при учетахъ волостное начальство, помня за собой строгую отвѣтственность за неправильность взносовъ взысканныхъ платежей, на первыхъ порахъ всегда и вездѣ стремилось пополнять растрату по счету казенныхъ сборовъ; о погашеніи же растроченныхъ земскихъ сборовъ не только никто не заботился, но они даже имѣли, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и теперь имѣютъ, свой счетъ въ видѣ недоимки въ однихъ только окладныхъ листахъ уѣздной управы. Впрочемъ, въ послѣднее время уѣздная полиція дѣлала распоряженія о разверсткѣ такихъ недоимокъ по душамъ, составляющимъ все селеніе. Но такъ какъ разверстка эта дѣлалась безъ вѣдома сельскихъ обществъ и не сопровождалась мірскими приговорами, то отдѣльные плательщики такую недоимку въ большинствѣ случаевъ не признавали и, прозвавъ ее „темной“, не платили. Можно часто отъ крестьянъ слышать: „окладъ-то я какъ-нибудь очищу, но вотъ теперь понуждаютъ платить темную“...

„Третье мѣсто въ ряду причинъ накопленія земскихъ недоимокъ занимаетъ незаконная раскладка общаго земскаго земельного сбора на ряду съ надѣльными крестьянами-домохозяевами и на безземельныхъ или бобылей. Съ самаго введенія земскаго положенія крестьяне, получивъ окладной листъ управы, часть годового оклада земскаго сбора, по усмотрѣнію старостъ, отчисляли на бобылей, проживающихъ съ ними въ селеніи“. Бобыли и безземельные крестьяне, понятно, отъ платежей земельного налога систематически отказывались, и накопившаяся такимъ путемъ недоимка въ большинствѣ случаевъ остается непогашенною.

Наконецъ, четвертою изъ причинъ, вліяющихъ на неакку-

ратное поступление земских платежей, управа называет „крайне плохое экономическое положение крестьян-плательщиков“¹⁾.

Коренная и самая главная причина накопления земских недоимок — разстройство экономического положения крестьян-плательщиков — управою поставлена на последнее мѣсто.

Произошло это оттого, что управа изучала вопрос о земских недоимках не во всей его полнотѣ, а только какъ аккуратный хозяинъ, слѣдящій за правильнымъ выполнениемъ своего бюджета. Разъ управа взглянула на земскія недоимки съ точки зрѣнія хозяина-практика, она иначе и не могла разсматривать причины задолженности населенія, какъ только со стороны внѣшней аккуратности во взносахъ и веденія податного счетоводства, указавъ при этомъ на коренную причину недоимочности населенія, какъ на аксіому въ земскомъ хозяйствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, коренной вопросъ о бѣдности населенія и чрезмѣрной тяжести платежей, падающихъ на надѣльную землю, настолько сложенъ и серьезенъ, что безъ спеціальнаго и всесторонняго статистико-экономическаго изслѣдованія его рѣшить невозможно. Ближайшихъ практическихъ результатовъ отъ такой широкой постановки вопроса о недоимочности населенія въ настоящее время врядъ ли можно ожидать, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ не мѣстный, а общій для всей земской Россіи. Конечно, поднимать и обсуждать эти вопросы настоятельно нужно, но весьегонское уѣздное земство остановилось прежде всего на такомъ рѣшеніи вопроса, при которомъ возможно ожидать практическихъ результатовъ въ формѣ болѣе аккуратнаго поступленія земскаго сбора. Напр., изъ 14.300 рубл. годового оклада выкупныхъ платежей на 1893 г. по Кесемской волости (волость по казеннымъ платежамъ къ началу года была безнедоимочна) къ 1-му декабря 1893-го года оставалось въ недоимкѣ только 1.001 р., или 7⁰/₀, а 93⁰/₀ оклада были уже погашены, тогда какъ земскаго сбора къ тому же времени было внесено только 120 р. при окладѣ въ 3.601 р., т.-е. около 3⁰/₀, а остальная часть, 97⁰/₀, осталась въ недоимкѣ. Въ связи съ этимъ управа просила собраніе ходатайствовать о предоставленіи ей права контролировать взносы, собранные старостами и сборщиками, чтобы своевременно возможно было исправлять ошибки въ зачисленіи земскихъ сборовъ въ другіе платежи, а также и объ упорядоченіи

¹⁾ Протоколъ весьегонскаго экстреннаго земскаго собранія, 9-го марта 1894 г., и приложенія къ нему, стр. 17—18.

вообще податного счетоводства сельскихъ старостъ и сборщиковъ ¹⁾.

Предложенія управы собраніемъ были приняты, и ей поручено продолжать разработку вопроса о недоимкахъ, въ виду его громадной важности, такъ какъ 40% земскаго бюджета относятся къ обязательнымъ обще-государственнымъ расходамъ, а остальная часть земской смѣты идетъ на удовлетвореніе насущныхъ потребностей населенія, одинаково обязательныхъ для земства. Постановлено также ходатайствовать о возвратѣ земству той части земскаго сбора, которая была собрана съ населенія и зачислена въ выкупные платежи.

Мѣстный податной инспекторъ, приглашенный въ засѣданіе въ качествѣ свѣдущаго лица, указалъ, что, по его мнѣнію, главная причина накопленія недоимокъ кроется въ неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи населенія, и соглашался поэтому, вмѣстѣ съ однимъ изъ гласныхъ, на ходатайство объ общемъ окладномъ листѣ для всѣхъ сборовъ и объ отчисленіи по нему извѣстнаго процента въ пользу земства.

Вопросъ объ общемъ окладномъ листѣ всегонскимъ земствомъ оставленъ пока открытымъ до полученія имъ отвѣтовъ на прежнія свои ходатайства въ этомъ смыслѣ ²⁾.

III.

Въ такомъ же печальномъ положеніи находятся финансы и корчевскаго уѣзднаго земства.

Уѣздная управа въ докладѣ экстренному собранію, созывавшемуся на 16-е мая 1894-го года, свое финансовое хозяйство рисуетъ въ слѣдующихъ мрачныхъ краскахъ:

„Съ каждымъ годомъ увеличивающаяся недоимка земскаго сбора достигла въ настоящее время, вмѣстѣ съ окладомъ 1-й половины 1894 г., до суммы 107.190 руб. Поступленіе денегъ въ текущемъ 1894 г. ставитъ управу въ невозможность дальнѣйшаго веденія хозяйства“. Если разсматривать только ежемѣсячный обязательный расходъ (выдачу содержанія служащимъ и нѣкоторые мелкіе безотлагательные расходы) въ связи съ поступленіемъ сбора и недоимокъ, получимъ слѣдующее: неисполненнаго расхода къ 1-му января 1894 г. осталось на 6.635 р., расходы за январь—

¹⁾ Тамъ же, стр. 27.

²⁾ Протоколъ, стр. 4—5.

6.676 р., а всего въ январѣ подлежало израсходовать 13.311 р.; поступило же въ кассу земства за этотъ мѣсяць только 3.754 р., слѣдовательно дефицитъ управы за январь равенъ 9.557 р.; за февраль подлежало израсходовать 5.733 р., а поступило 3.205 р., — дефицитъ 2.528 р.; за мартъ слѣдовало израсходовать 7.055 р., и т. д., „а всего по 1-е мая управою недополучено на покрытие самыхъ неотложныхъ расходовъ 16.360 руб.“ При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ „выполненіе смѣты и общее веденіе хозяйства уѣзда становится невозможнымъ“.

„Не разъ уже и прежде управа обращала вниманіе на увеличивающуюся изъ года въ годъ земскую недоимку, и, по порученію собранія, ею были выяснены причины накопленія недоимки по многолѣтней задолженности частновладѣльческихъ земель; однако, несмотря на принятія со стороны управы мѣры, земская недоимка въ общемъ продолжаетъ увеличиваться“. Особенно замѣтно въ послѣднее время стала увеличиваться недоимка по нѣкоторымъ сельскимъ обществамъ, что вынудило управу командировать на мѣсто одного изъ своихъ членовъ, для выясненія причинъ такого искусственнаго, по предположенію управы, накопленія недоимки. При провѣркѣ податной книги, напр., погорѣльцевскаго сельскаго старосты оказалось, что всѣ лежащія на крестьянахъ платежи старостою взимаются подъ одинъ общій итогъ, въ большинствѣ случаевъ безъ отмѣтки въ поступленіи по статьямъ обложенія, вслѣдствіе чего исчисленіе поступленія земскихъ платежей пришлось произвести только съ лицъ, безнедоимочно уплатившихъ по всѣмъ остальнымъ статьямъ обложенія. Такихъ лицъ оказалось въ обществѣ 60 чел.; ими уплачены за 1893 годъ не только всѣ лежащія на нихъ казенные платежи, но и 198 р. земскаго сбора и недоимокъ. Въ дѣйствительности же, уѣздною управою съ погорѣльцевскаго общества за 1893 г. получено земскаго сбора и недоимокъ только 56 р., а остальные 142 руб. искусственно переведены въ казенные платежи за счетъ неисправныхъ плательщиковъ. „При дальнѣйшей провѣркѣ книги оказалось, что 44 домохозяина, помимо оклада 1893 г. и недоимки земскаго сбора, не доплатили оклада 1893 г. по выкупнымъ и страховымъ платежамъ на сумму до 181 р.; хотя недоимки этихъ сборовъ на 1894 г. за ними не числится, но зато недоимка земскаго сбора на каждомъ изъ нихъ возросла въ 1894 г. на сумму недоплаченныхъ ими выкупныхъ и страховыхъ платежей“. То же явленіе управѣ пришлось отмѣтить и въ цѣлой группѣ другихъ обществъ, гдѣ „недоимка выкупныхъ и страховыхъ платежей перечислена по податнымъ книгамъ старостъ въ рубрику земской

недоимки". Приведа еще рядъ аналогичныхъ примѣровъ, уѣздная управа пришла къ заключенію, что несоразмѣрно высокая земская недоимка „могла образоваться только при условіи искусственнаго перечисленія изъ недоимки по выкупнымъ платежамъ въ земскія“, и что „подобное перечисленіе суммъ изъ одной статьи поступленія въ другую и съ однихъ лицъ общества за другихъ“ практикуется во всемъ уѣздѣ подъ давленіемъ уѣздной полиціи, заинтересованной въ безнедоимочномъ взысканіи казенныхъ платежей.

О томъ воздѣйствіи, какое производится полиціей по отношенію къ волостному и сельскому начальству съ цѣлью скорѣйшаго взысканія государственныхъ сборовъ, свидѣлствуютъ, кромѣ вышеприведенныхъ цифровыхъ доказательствъ, еще представленныя управою въ собраніе копія съ предписаній уѣзднаго исправника волостнымъ старшинамъ, гдѣ прямо рекомендуется послѣднимъ заботиться сперва только о казенныхъ повинностяхъ ¹⁾.

Разсмотрѣвъ докладъ управы вмѣстѣ съ приложенными къ нему копіями предписаній исправника волостнымъ старшинамъ, корчевское земское собраніе пришло почти къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и весьегонское, и постановило ходатайствовать черезъ губернское собраніе:

1) „о взысканіи полиціею земскихъ сборовъ съ частныхъ владѣльцевъ и съ надѣльныхъ крестьянъ наравнѣ съ государствен-

¹⁾ Предписанія эти такъ характерны въ своемъ родѣ, что мы приводимъ ихъ здѣсь дословно.

1) „Строго приказываю внушить сельскимъ старостамъ, чтобы они, не очистивши первую половину казенныхъ повинностей, не вносили бы деньги на уплату страхового сбора; кромѣ этого обязываю старшину лично всегда являться со старостами, въ виду могущихъ быть между старостами недоразумѣній во взносахъ“. Подписалъ: корчевской уѣзднаго исправникъ *Дамиловъ*. (Копія предписанія погорѣльцевскому волостному старшинѣ отъ 9-го августа 1893 г., № 81.)

2) „Такъ какъ по ст. 126 особ. прил. къ IX т. казенныя повинности взыскиваются съ крестьянъ преимущественно передъ другими, то предписываю обязать всѣхъ старостъ подписками, чтобы теперь же приняли всѣ мѣры во взысканіи казенныхъ повинностей безъ всякихъ другихъ взносовъ, и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ означеннаго требованія возлагаю на личную отвѣтственность волостного старшины“. (Копія предписанія корчевского уѣзднаго исправника волостнымъ правленіямъ уѣзда отъ 6 февраля 1894 г., № 1.)

3) „Въ дополненіе къ предписанію моему отъ 6-го февраля за № 1 предписываю не останавливаться уплатою срочныхъ страховыхъ платежей, слѣдующихъ къ 15-му марта сего года, также вносить и окладъ земскаго сбора, но преимущественно казенныя повинности передъ прочими платежами“. (Копія циркуляра корчевского уѣзднаго исправника волостнымъ правленіямъ уѣзда отъ 16-го февраля 1894.)

ными, какъ это указано въ законѣ ¹⁾, и взысканный сборъ вносить по назначенію;

2) вѣннить всѣмъ сельскимъ старостамъ въ обязанность, чтобы они полученный сборъ не зачисляли за другихъ лицъ, не уплатившихъ выкупныхъ платежей;

3) вѣннить въ обязанность борчевской полиціи, чтобы она, со своей стороны, не дѣлала болѣе распоряженій о взысканіи лишь только государственныхъ сборовъ и не заставляла бы сельскихъ старостъ искусственно очищать государственный окладъ за счетъ взысканныхъ земскихъ сборовъ“.

Въ тверскомъ уѣздномъ земствѣ, несмотря на то, что уѣздъ принадлежитъ въ числу самыхъ богатыхъ въ губерніи по размѣрамъ своего ежегоднаго бюджета, вопросъ о недоимкахъ въ текущемъ году обострился до такой степени, что также поставилъ управу въ невозможность исполнять текущіе неотложные расходы, за недостаткомъ оборотныхъ средствъ.

Въ созванномъ, по этому случаю, экстренномъ уѣздномъ земскомъ собраніи (въ маѣ) были рассмотрѣны данныя о недоимкахъ, накопившихся на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ. Оказалось, что въ 1-му января 1894 г. за крестьянскими надѣльными землями уѣзда числилось недоимки земскаго сбора 31.500 р., при окладѣ въ 32.800 р.; другими словами, въ этомъ случаѣ земская недоимка достигла 96% и почти сравнялась съ годовымъ окладомъ земскаго сбора. По нѣкоторымъ волостямъ уѣзда земская недоимка выросла до размѣра 2—3 годовыхъ окладовъ: такъ, по новинской волости недоимка составляетъ 275%, по воскресенской—187% годового оклада; по отдѣльнымъ же селеніямъ этихъ волостей и большинства другихъ земская недоимка превышаетъ годовой окладъ даже въ 4—5 разъ.

По рассмотрѣніи данныхъ о состояніи финансоваго хозяйства уѣзда, земское собраніе поручило управѣ на образованіе оборотныхъ средствъ сдѣлать временное позаймствование изъ уѣзныхъ земскихъ капиталовъ, имѣющихъ спеціальное назначеніе, заложивъ для этого часть процентныхъ бумагъ въ отдѣленіи государственнаго банка; а для улучшенія способа взиманія земскаго сбора, собраніе постановило ходатайствовать о томъ, чтобы изъ каждаго поступленія окладныхъ платежей казначейство отчисляло 12% въ земскій сборъ во всякомъ случаѣ.

¹⁾ Толкованіе закона исправникомъ, видимо, не сходится съ земскимъ толкованіемъ.

IV.

Таково въ общихъ чертахъ финансовое положеніе уѣздныхъ земствъ тверской губерніи. Приведенные примѣры (весьегонскій, борчевской и тверской уѣзды) далеко не составляютъ исключенія: большинство уѣздныхъ земствъ губерніи находятся въ такомъ же стѣснительномъ положеніи, такъ какъ значительная часть ихъ земскаго сбора всегда остается за населеніемъ въ недоимкѣ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія слѣдующихъ данныхъ о земскихъ недоимкахъ, накопившихся за крестьянскими общинными землями къ 1-му января текущаго года по всѣмъ уѣздамъ губерніи:

Уѣздн.	Годовой окладъ земскаго сбора.	Недоимка къ 1-му января 1894 г.	% недоимки къ окладу.
Въ тысячахъ рублей.			
Тверской	32,8	31,5	96,0
Весьегонскій	52,8	46,4	87,9
Осташковскій	44,9	31,6	70,4
Новоторжскій	52,5	34,5	65,7
Борчевской	40,9	24,4	59,7
Ржевскій	43,3	24,6	56,8
Калининскій	45,9	20,7	45,1
Бѣжецкій	85,8	29,5	34,4
Вышневолоцкій	56,8	16,5	29,0
Капшинскій	45,2	8,6	19,0
Старицкій	50,4	7,1	14,1
Зубцовскій	29,6	2,7	9,1
По губерніи	580,9	278,1	47,9

Тверской уѣздъ, какъ видно изъ этой таблички, стоитъ на первомъ мѣстѣ по относительной величинѣ земской недоимки, числящейся на сельскихъ обществахъ. За нимъ слѣдуютъ: сперва весьегонскій уѣздъ съ недоимкой, равной почти $\frac{9}{10}$ оклада, затѣмъ четыре уѣзда (осташковскій, новоторжскій, борчевской и ржевскій), въ которыхъ недоимка превышаетъ половину оклада и доходитъ даже до $\frac{2}{3}$ его; въ калининскомъ уѣздѣ недоимка составляетъ около $\frac{1}{2}$ оклада, въ бѣжецкомъ и вышневолоцкомъ уѣздахъ она доходитъ до $\frac{1}{3}$ оклада и только въ трехъ уѣздахъ (капшинскомъ, старицкомъ и зубцовскомъ) земская недоимка не имѣетъ такого угрожающаго характера и составляетъ только отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ годового оклада. Въ общемъ по губерніи къ 1-му января 1894 г. на сельскихъ обществахъ осталось въ недоимкѣ земскаго сбора 278,1 тыс. р., что при окладѣ въ 580,9 тыс.

составляет 47,9⁰/₀ или почти половину оклада. Кромѣ недоимки земскаго сбора, за крестьянскимъ населеніемъ губерніи къ тому же времени оставалось въ недоимкѣ губернскаго продовольственнаго капитала 431,1 тыс. и обязательныхъ страховыхъ платежей 46,7 тыс. руб. Въ общемъ, задолженность сельскаго населенія земству выражается крупной цифрой въ 755,9 тыс. рублей.

Совершенно другая картина получается, если будемъ разсматривать задолженность крестьянъ государственнымъ сборамъ. Въ 1893 г., крестьяне-общинники тверской губерніи должны были внести за свои надѣльныя земли казенныхъ платежей, т.-е. выкупныхъ и государственнаго и поземельнаго налоговъ, 2.608,2 тыс. рубл.; въ погашеніе этого оклада крестьянами было внесено 2.554,6 тыс. р., такъ что къ 1-му января 1894 г. за ними въ недоимкѣ осталось 53,6 тыс. р., т.-е. только 2,1⁰/₀, или около ¹/₁₀ части оклада. Какъ эта недоимка, въ связи съ годовымъ окладомъ, распредѣляется по уѣздамъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

Уѣздн.	Окладъ выкупныхъ платежей	Недоимки къ 1-му января 1894 г.	% недоимки къ окладу.
Весьегонскій	221,1	18,2	8,2
Калазинскій	211,7	9,9	4,7
Новоторжскій	247,9	10,0	4,0
Вышневолоцкіи	221,6	7,0	3,2
Осташковскій	140,6	4,3	3,1
Тверской	217,6	2,2	1,0
Ржевскій	147,1	0,9	0,6
Старицкій	234,9	0,2	0,1
Корчевской	216,4	0,3	0,1
Бѣжецкій	398,3	0,6	0,1
Кашинскій	227,6	0,0	0,0
Зубцовскій	172,4	—	—
По губерніи	2657,2	53,6	2,0

Оказывается, что въ самомъ задолженномъ уѣздѣ (весьегонскомъ) казенная недоимка не достигаетъ и ¹/₁₀ части оклада; въ другихъ уѣздахъ процентъ недоимки колеблется между 1 и 4,7, а въ половинѣ уѣздовъ (зубцовскомъ, кашинскомъ, бѣжецкомъ, корчевскомъ, старицеомъ и ржевскомъ) казенная недоимка или равна нулю, или совсѣмъ ничтожна.

Изъ сопоставленія данныхъ о недоимкахъ земскаго сбора и казенныхъ повинностей ясно видно, какъ неравномѣрно взыскиваются съ населенія различнаго рода налоги: въ то время, какъ значительная часть земскаго сбора остается въ недоимкѣ, государ-

ственные (казенные) платежи взыскиваются съ населенія почти цѣликомъ.

Несомнѣнно, что то административное давленіе на волостное и сельское начальство по взысканію разнаго рода сборовъ, о которомъ, съ документами въ рукахъ, говорили на весьегонскомъ и корчевскомъ земскихъ собраніяхъ, имѣеть мѣсто почти во всѣхъ уѣздахъ.

Существующій порядокъ взиманія съ населенія податей, при которомъ полицейскія власти прежде всего заботятся о безнедомочномъ взысканіи казенныхъ повинностей, установился давно и прочно, такъ что его можно наблюдать постоянно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Для доказательства этого мы приведемъ данныя за послѣднее десятилѣтіе о недомгахъ по выкупнымъ платежамъ и по губернскому земскому сбору, поступленіе котораго съ уѣздовъ въ кассу губернскаго земства находится въ прямой зависимости отъ поступленія земскаго сбора въ уѣздныя кассы.

I. ВЫКУПНЫЕ ПЛАТЕЖИ.

Годн.	Окладъ.		% недомга къ окладу.
	Въ тысячахъ рублей.		
1884	1129,9	103,6	9,1
1885	1355,0	343,0	25,3
1886	1493,0	361,0	24,2
1887	2588,7	282,4	10,9
1888	2591,2	159,6	6,2
1889	2584,3	185,4	5,2
1890	2532,2	122,5	4,7
1891	2575,7	77,9	3,2
1892	2567,8	48,9	1,9
1893	2551,0	53,5	2,1
Въ среднемъ за 10 лѣтъ . .	2201,9	168,8	7,7

II. ГУБЕРНСКІЙ ЗЕМСКІЙ СБОРЪ.

Годн	Окладъ.		% недомга къ окладу.
	Въ тысячахъ рублей.		
1884	171,0	140,8	82,3
1885	174,2	153,2	88,0
1886	186,3	148,7	79,8
1887	216,4	139,4	64,4
1888	221,0	155,4	70,3
1889	219,4	166,3	75,8
1890	268,3	200,6	74,8
1891	241,3	287,5	119,1
1892	254,8	236,7	92,9
1893	255,4	156,4	61,2
Въ среднемъ за 10 лѣтъ . .	220,8	178,5	80,8

Таблички эти показывают, что за послѣднія 10 лѣтъ недоимка губернскаго земскаго сбора, составляя въ среднемъ свыше 80⁰/₀ оклада, никогда не спускалась ниже 60⁰/₀, а въ 1892 г. (въ 1-му января 1893 г.) даже превысила годовой окладъ. Замѣтное уменьшеніе недоимки въ 1893 г. есть, въ сущности, результатъ репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ губернскимъ земствомъ по отношенію къ наиболѣе задолженнымъ уѣздамъ, и никоимъ образомъ не можетъ служить показателемъ дѣйствительнаго улучшенія финансовыхъ средствъ уѣздныхъ земствъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ увеличеніе въ поступленіи губернскаго сбора вызвало прямое уменьшеніе и безъ того скудныхъ оборотныхъ средствъ уѣздныхъ земствъ.

Въ то время, какъ губернской сборъ больше чѣмъ на $\frac{3}{4}$ остается въ недоимкѣ, выкупные платежи взыскиваются съ населенія почти безнедоимочно. Только въ годы сильныхъ неурожаевъ, какими были 1885 и 1886, казенныя недоимки составляютъ болѣе или менѣе значительную величину, такъ какъ достигали почти $\frac{1}{4}$ оклада; послѣ же того недоимка по выкупнымъ платежамъ стала быстро уменьшаться и за послѣдній рядъ лѣтъ она составляетъ только около $\frac{1}{10}$ части годового оклада.

Неаккуратное поступленіе губернскаго земскаго сбора, крайне затрудняющее тверское губернское земство въ веденіи своего сложнаго хозяйства, вызвало въ послѣднее время со стороны земства рядъ мѣръ, отчасти упорядочившихъ земскіе финансы, а также заставило земство обратиться къ правительству съ ходатайствомъ объ измѣненіи существующихъ способовъ взысканія съ населенія разнаго рода повинностей.

Въ 1892 г. тверское губернское земство возбудило ходатайство о томъ, чтобы земскій сборъ взыскивался съ населенія наравнѣ съ казенными платежами и чтобы въ казначействахъ изъ каждаго поступленія окладныхъ земельныхъ сборовъ 12⁰/₀ непременно отчислялось въ земскій сборъ. Но уже въ слѣдующемъ очередномъ собраніи, еще до полученія отвѣта на это ходатайство, губернское земство нашло его не достигающимъ цѣли и постановило вновь „возбудить ходатайство о взысканіи земскихъ сборовъ предпочтительно передъ всѣми остальными сборами“¹⁾. Основаніями такого ходатайства въ земскомъ собраніи служили слѣдующія соображенія. „Населеніе государства вноситъ около миллиарда всѣхъ налоговъ, изъ которыхъ около половины косвенныхъ, поступающихъ во всякомъ случаѣ безнедоимочно; при взысканіи

¹⁾ Протоколъ тверск. губ. земск. собр. 1893—94 г., стр. 84 и 164.

земскихъ сборовъ — по закону наравнѣ, въ дѣйствительности же послѣ казенныхъ — значительная часть недоимокъ, остающихся за населеніемъ и сперва отражающаяся на прямыхъ налогахъ, передвигается на земскій сборъ, на которомъ прежде всего и отымается всякое увеличеніе податей. При установленіи же всякихъ нормъ въ отношеніи порядка отчисленія земскаго сбора не въ казначействѣ, нормы эти никогда не будутъ соблюдаться, какъ указываетъ долготѣнная практика¹⁾, а потому только при измененіи самаго порядка взиманія платежей возможно ожидать болѣе правильнаго поступленія этого сбора.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и губернское земство взглянуло на вопросъ о недоимкахъ съ точки зрѣнія своихъ хозяйственныхъ интересовъ, т.-е. такъ же односторонне, какъ и уѣздныя собранія.

Несомнѣнно, что удовлетвореніе земскаго ходатайства дастъ земству возможность болѣе правильно вести свое хозяйство; земскій бюджетъ уже не будетъ тогда находиться въ такой зависимости отъ личной энергіи и личныхъ взглядовъ на земскій сборъ г. уѣзднаго исправника, какъ это наблюдается въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе коренной вопросъ о недоимочности населенія этимъ не былъ бы разрѣшенъ, такъ какъ отъ удовлетворенія этого ходатайства платежныя силы населенія нисколько не улучшатся и дѣло сведется къ тому, что недоимка населенія перенесется изъ одного сбора въ другой.

Конечно, съ точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ земства, ходатайство это вполне разумно, и нельзя не пожелать его скорого удовлетворенія. Но на ряду съ нимъ, намъ кажется, земство должно возбуждать рядъ и другихъ ходатайствъ, затрогивающихъ вопросъ болѣе глубоко и имѣющихъ въ виду интересы плательщиковъ, именно — ходатайства объ улучшеніи платежной способности населенія и вообще о мѣрахъ, ведущихъ къ подъему его экономическаго благосостоянія.

Улучшеніе экономическаго благосостоянія населенія является слѣдствіемъ взаимодѣйствія разнаго рода причинъ: общественно-политическихъ, экономическихъ, культурно-бытовыхъ и пр. Не всѣ эти причины могутъ быть направляемы земствомъ въ желательную для него сторону, и не во всѣхъ этихъ областяхъ народной жизни могутъ скзаться результаты земской работы, очень часто выражающейся, по необходимости, только въ возбужденіи

¹⁾ Тамъ же, стр. 164.

ходатайствъ по разнымъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе, въ сферѣ земской дѣятельности есть одна отрасль хозяйства, гдѣ общій вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія населенія и, въ частности, вопросъ объ облегченіи податной тяжести крестьянскаго населенія можетъ быть рѣшенъ практически. Это — дѣло раскладки земельного земскаго сбора.

Въ статистико-экономической литературѣ давно уже установленъ фактъ чрезвычайнаго и непосильнаго обремененія налогами крестьянскихъ земель, въ сравненіи съ частно-владѣльческими.

По отношенію къ тверской губерніи на этотъ фактъ имѣются краснорѣчивыя указанія въ статистическихъ изданіяхъ земства. Напр., въ статистическомъ „Сборникѣ“ по старицкому уѣзду, на стр. 113, мы читаемъ, что „средняя десятина крестьянскаго надѣла несетъ казенныхъ повинностей 1 р. 10 к., а вмѣстѣ съ платежами земскими и мірскими всего 1 р. 56 коп.“; въ то же время „частные владѣльцы несутъ всѣхъ налоговъ только по 29 коп. съ десятины“, т.-е. слишкомъ въ 5 разъ менѣе крестьянъ общинниковъ. Не принимая въ расчетъ выкупныхъ платежей, все-таки найдемъ, что крестьянскія общинныя земли въ этомъ уѣздѣ несутъ вдвое больше платежей, чѣмъ земли частныхъ владѣльцевъ. То же самое можно сказать и по отношенію къ другимъ уѣздамъ.

Между тѣмъ, при такомъ высокомъ обложеніи, крестьянскія надѣльныя земли, которыя *должны* прокармливать огромную массу крестьянскаго населенія, живущаго на нихъ, въ дѣйствительности очень часто никакого *дохода* въ общепринятомъ смыслѣ слова не приносятъ, а даютъ своимъ владѣльцамъ ежегодный дефицитъ, покрываемый внѣ-земледѣльческими заработками.

Въ изданныхъ въ прошломъ году „Матеріалахъ для оцѣнки земельныхъ угодій тверской губерніи“, извѣстный статистикъ В. И. Покровскій слѣдующимъ образомъ нечисляетъ доходность надѣльной земли (стр. 14):

„Въ среднемъ крестьянскомъ надѣлѣ на три души приходится двѣ круговыя десятины пашни. Упростивъ расчетъ доходности предположеніемъ, что съются только два хлѣба, а именно: рожь и овесъ, видимъ, что, при четырехъ головахъ крупнаго скота на десятину пара, съ хорошей земли, крестьянская семья въ годъ получить хлѣба на 198 р. (при среднемъ урожаѣ и при средней рыночной цѣнѣ), а за вычетомъ посѣвныхъ сѣмянъ — на 168 р.; за вычетомъ же, кромѣ того, 30 р. повинностей на 3 души, получить всего — 138 р. Изъ этой суммы

долженъ вознаградиться лѣтній трудъ, по меньшей мѣрѣ, троихъ рабочихъ въ семьѣ; должны содержаться хозяйственные постройки, получить часть своего корма (овесъ) двѣ лошади, пополняться капиталъ инвентаря, уплачиваться аренда выгоновъ и сѣнокозовъ. Ясно, что даже при очень благоприятныхъ условіяхъ производительность крестьянскаго надѣла недостаточна, чтобы, за вознагражденіемъ труда семьи, сидящей на надѣлѣ, оставался какой-нибудь чистый доходъ: безъ какого-либо подсобнаго занятія *крестьянской семьей въ большинствѣ случаевъ не прокормиться доходомъ отъ надѣла въ теченіе цѣлаго года*“.

Вотъ почему въ тверской губерніи такъ сильно развиты отхожіе промыслы, отвлекающіе отъ земли въ теченіе лѣта болѣе 180 тыс. взрослыхъ работниковъ. Несмотря на это, занимающееся земледѣліемъ населеніе, при недостаточности надѣла, все-таки вынуждено прибѣгать къ усиленной арендѣ частно-владѣльческой земли: въ настоящее время крестьянами тверской губерніи арендуется у частныхъ владѣльцевъ не менѣе 500 тыс. десятинъ, при чемъ за десятину пашни, въ среднемъ по губерніи, платятъ по 5 р. 80 коп., за десятину сѣнокоса—2 р. 41 коп., за десятину выгона—94 коп., а вообще за десятину арендуемой земли—2 р. 2 коп. ¹⁾

Въ аренду отдаются, конечно, далеко не лучшія земли; стало быть, доходность частно-владѣльческихъ земель нужно признать не ниже приведенныхъ арендныхъ цѣнъ.

Во всякомъ случаѣ безспорно, что частно-владѣльскія земли, по своей доходности, значительно выше крестьянскихъ надѣльныхъ: фактъ этотъ установленъ тоже давно и не возбуждаетъ сомнѣній. Для тверской губерніи подтвержденіе его мы находимъ опять-таки въ работахъ земскихъ статистиковъ. На стр. 149 уже цитированныхъ нами „Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій“ исчислена доходность самаго важнаго изъ угодій — пашни, при чемъ оказывается, что *средняя по губерніи десятина пашни въ помѣщичьемъ хозяйствѣ приноситъ чистаго дохода въ годъ 4 р. 7 коп., а въ крестьянскомъ хозяйствѣ—только 2 р. 67 коп., т.-е. слишкомъ въ 1¹/₂ раза меньше*.

Весьма важно поэтому, чтобы при предстоящемъ пересмотрѣ земскихъ раскладовъ, въ силу закона 8-го іюня 1893 г., земскія собранія и вновь организуемыя оцѣночныя комиссіи обратили серьезное вниманіе на эту разницу въ степени доходности

¹⁾ „Матеріалы“, стр. 57—59.

земель крестьянских-общинныхъ и частно-владѣльческихъ и установили бы, слѣдуя принципу „облагать имущества сообразно ихъ доходности“, для земель первой категоріи (надѣльныхъ) значительно низшій размѣръ подесятиннаго обложенія.

На это могутъ возразить: разъ крестьянскій надѣлъ, при крайней незначительности своего размѣра, не приноситъ крестьянину дохода и не можетъ прокормить его семью круглый годъ, то это значить, что надѣлъ крестьянина нужно расширить до такихъ размѣровъ, когда онъ будетъ въ состояніи давать владѣльцу извѣстный минимумъ доходовъ, необходимыхъ для покрытия всѣхъ расходовъ по его хозяйству; а уменьшеніе обложенія дѣлу не поможетъ. Да, это было бы прямое рѣшеніе вопроса; къ сожалѣнію, оно отъ земства не зависитъ, — земство въ этомъ случаѣ можетъ только возбудить соотвѣтствующее ходатайство. Во всякомъ случаѣ, уменьшеніе тяжести обложенія уже составитъ первый шагъ въ улучшенію экономическаго благосостоянія населенія.

Вопросъ о болѣе справедливомъ земскомъ обложеніи крестьянскихъ надѣльныхъ земель, въ зависимости отъ ихъ невысокой доходности и значительной тяжести лежащихъ на нихъ платежей, далеко не новый въ тверской губерніи.

Въ нынѣ существующихъ уѣздныхъ земскихъ раскладкахъ такое уравнительное обложеніе проведено въ двухъ земствахъ, въ которыхъ, очевидно, сословные интересы были отодвинуты на второй планъ соображеніями прочной справедливости; это — старицкое и новоторжское уѣздныя земства.

Въ старицкомъ уѣздѣ крестьянскій надѣлъ облагается на 10% ниже частно-владѣльческихъ земель; а новоторжское земство въ дѣлѣ уравнительнаго обложенія двухъ главныхъ категорій земель пошло еще дальше: „имѣя въ виду, что крестьянскія мирскія земли не могутъ равняться по цѣнности съ землями владѣльческими, и что въ тому же крестьяне вообще обременены противъ другихъ сословій отправленіемъ повинностей, — земское собраніе признало справедливымъ всѣ мирскія общественныя земли, составляющія крестьянскій надѣлъ, считать во всѣхъ мѣстностяхъ принадлежащими во 2-му разряду“; а земли 2-го разряда въ уѣздѣ оцѣнены вдвое ниже перваго.

Что раньше было возможно для одного-двухъ уѣздовъ, теперь то не трудно провести во всѣхъ уѣздахъ губерніи, такъ какъ при предстоящемъ пересмотрѣ земскихъ оцѣнокъ работы уѣздныхъ земствъ, руководимыя и направляемыя губернскими оцѣ-

ночными комиссіями, должны будутъ отличаться единствомъ плана и однообразіемъ своихъ основаній.

Важно только, чтобы земства и оцѣночныя комиссіи поставили вопросъ объ оцѣнѣ имущества возможно шире, отрѣшились бы отъ сословныхъ интересовъ, и въ своихъ работахъ руководились соображеніями элементарной справедливости.

К. Воровьевъ.

ИЗЪ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

(Stances et poèmes. „Les vaines tendresses“.)

1.—БОРЬБА.

Когда жъ, поэтъ, мечтатель неразумный,
Простишься ты съ мечтой о братствѣ и любви?
Вступая въ бой ожесточенно шумный,
Смѣшайся же съ толпой благоразумной,
И въ трудный часъ на помощь не зови.

Всѣ за себя въ житейскомъ бурномъ морѣ,
До гибнущихъ пловцовъ нѣтъ дѣла никому.
Сочувствія ты не увидишь въ горѣ;
Все человѣчество—подобно жадной сворѣ:
Кто побѣдитъ—двойная честь тому!

Но не кляни людское безучастье:
Земля скупа и непосиленъ трудъ.
На свѣтъ общее—одна мечта о счастьѣ,
Всѣмъ тяжело лишь личное несчастье;
Рви,—или тебя на части разорвутъ...

Но ты, вдали отъ говора и гама
Всѣхъ этихъ продавцовъ, спѣшащихъ на базаръ,
Священнодѣйствуешь среди пустаго храма,
И всѣмъ чужда тобой пережитая драма,
Не нуженъ имъ души священный жаръ.

Опомнись, другъ! Съ другими торгашами
 Дѣли ихъ барыши, обманывай, кричи,
 Хозяйничай въ опустошенномъ храмѣ
 И, насмѣясь надъ прежними богами,
 И честь и стыдъ ногами растопчи!

Но если жизнь не стоитъ тѣхъ усилій—
 Отдайся бурному теченію, поэтъ,
 Укрась чело свое вѣнкомъ изъ розъ и лилій,
 И волны, изъ страны обмана и насилій,
 Умчатъ тебя туда, гдѣ—вѣковѣчный свѣтъ!

2.—НА СТРАЖЪ.

Волнами грозными омыты,
 Подъ ропотъ бурь, во мглѣ тумана,
 Земли надежная охрана—
 Стоять суровые граниты.

И ропщутъ скалы, гнѣва полны:
 —Проходятъ дни, проходятъ годы,
 И здѣсь—добыча непогоды—
 Мы грудью сдерживаемъ волны.

Мы, въ нашей мощи вѣковѣчной,
 Осуждены на разрушенье,
 Спасая тѣхъ отъ истребленья,
 Чья жизнь жалка и скоротечна.

Но дрогнуть смертные въ испугѣ:
 Вѣдь море, рано или поздно,
 Въ своемъ порывѣ смоетъ грозно
 И нашъ гранитъ, и ихъ лачуги.

3.—ОДИНОЧЕСТВО.

Счастье идти—незамѣтное,
 Чуждою міру тропой,
 Имя для сердца завѣтное—
 Кто огласить предъ толпой?

Радость и муки свиданія,
Звуки рѣчей дорогихъ,
Усть незабвенныхъ лобзанія—
Пѣснью ли выразить ихъ?

Тайной для всѣхъ сокровенною
Счастье остаться должно;
Лирой владѣть вдохновенною
Въ мѣръ тому лишь дано,

Кто, не знававшій участія,
Сердца усталого гнетъ,
Жажду напрасную счастья—
Въ звуки ея перельетъ;

Кто, упоенный отравою
Лести коварной, — въ борьбѣ,
Въ вѣчной погонѣ за славою,
Ищетъ забвенья себѣ.

4.—Сходство.

Вы хотѣли узнать, почему я
И за чтѣ—васъ безумно люблю?
Отчего васъ увидѣть хочу я?—
Вы похожи на юность мою.

Часто въ вашемъ мечтательномъ взорѣ,
Въ вашихъ темныхъ очахъ я ловлю
То восторгъ мимолетный, то горе,—
Вы похожи на юность мою.

Часто, вашей плѣненъ красотою,
Я предъ вами подолгу стою;
Идеальной ея чистотою
Вы похожи на юность мою.

Но предчувствіемъ сердце томимо;
О любви я смиренно молю,—
Вы же молча проходите мимо...
Вы похожи на юность мою.

5.—Ревность.

Я видѣлъ ихъ, но мой печальный взоръ,
 Мой тихій вздохъ—ихъ счастья не смутили.
 И лишь въ душѣ я прошепталъ укоръ:
 —Меня вы, значить, не любили?—

Кругомъ цвѣла душистая сирень
 И облака среди лазури плыли...
 —Забыли вы таковой же вешній день?
 Меня вы, значить, не любили?

Другой, склонясь, шепталъ ей о любви,
 Кругомъ цвѣты благоуханье лили...
 —Забыли вы моленія мои?
 Меня вы, значить, не любили?

И вдругъ, меня замѣтивъ тамъ, въ тѣни,
 Улыбкою меня вы подарили—
 Не для того ль, чтобы напомнить дни,
 Когда... меня вы не любили?

6.—Идея и форма.

J'ai de ce fort métal dont s'achète la gloire.

Себя считаю я поэтомъ по призванью;
 Кто знаетъ, не ошибся ль я?
 Я вѣрю въ истину; въ добру и состраданью
 Душа отзывчива моя.

Но, можетъ быть, я тайной не владю
 Одушевлять и волновать сердца,
 И въ форму воплотить великую идею
 Не въ силахъ до конца?

И все-жъ, когда скульпторъ, трудясь надъ изваяньемъ
 И тягостью задачи побѣжденъ,
 Не властенъ справиться съ капризнымъ очертаньемъ—
 Ужели оттого онъ менѣй вдохновенъ?

Кто пережилъ со мной мечты мои и слезы?
 Всѣ люди чувствуютъ равно,
 Но въ образы облечь завѣтнѣйшія грезы—
 Не всякому дано.

Порой для думъ своихъ ищю я тщетно слова,
 Порывъ могучъ, но нѣтъ могучихъ силъ;
 Подъ тканью рубища простого
 Свои дары, увы, я схоронилъ.

Металломъ дорогимъ владѣю я въ избыткѣ,
 Который могъ бы дать на славу мнѣ правѣ,
 Но золото мое еще покуда въ слиткѣ
 И долженъ я въ чеканъ отдать его сперва.

Достичь безсмертія! Не потонуть въ пучинѣ,
 Гдѣ гибнетъ множество невѣдомыхъ именъ,
 Жить въ памяти людей отнынѣ
 До отдаленнѣйшихъ временъ:

Въ дни юности мечталъ и грезилъ я объ этомъ.
 И если самъ я не рожденъ пѣвцомъ—
 Я первый преклонюсь предъ истиннымъ поэтомъ,
 Моихъ поэмъ невѣдомыхъ творцомъ!

7.—ПРОСЬБА.

Si vous saviez que je vous aime,
 Surtout si vous saviez comment!

О, еслибъ вамъ была знакома
 Боль одиночества, тѣснящая мнѣ грудь—
 Вы, можетъ быть, прошли бы мимо дома,
 Гдѣ я живу, когда-нибудь.

И еслибъ знали вы, какое утѣшенье
 Вашъ ясный взоръ приносить мнѣ давно—
 Вы, можетъ быть, взглянули бъ на мгновенье
 Ко мнѣ въ окно.

Когда бы знали вы, что горе и тревога
 При видѣ васъ въ душѣ стихаютъ вдругъ—
 Вы сѣли бы у моего порога,
 Какъ вѣрный другъ.

О томъ, что я люблю, о томъ, какою любовью
 Люблю я васъ—когда бъ вы знать могли—
 Вы, можетъ быть, наперекоръ злословью,
 Ко мнѣ бъ вошли.

8.—СИЛЕНЪ.

(Идилля.)

Пьетъ Силенъ за кубкомъ кубокъ,
 Слава Вакха торжество;
 Нимфы вьются вокругъ него
 Стаей легкой голубокъ.

Тяготѣющій къ землѣ,
 Онъ нуждается въ опорѣ,—
 Но съ безуміемъ во взорѣ,
 Гордо сидя на ослѣ,

Потѣшается хвастливо
 Надъ собравшейся толпой.
 И къ нему нетерпѣливо
 Всѣ пристали:—Пѣсню спой!—

Дѣти съ криками повисли,
 Уцѣпились за него...
 —Я спою, но для того,
 Чтобъ зерно высокой мысли

Вдохновенъ расцвѣло—
 Розы пышными цвѣтами
 Съ виноградными листьями
 Увѣнчайте мнѣ чело!—

Дѣти кинулись въ долину:
 Не оставили цвѣтка,—

И, вскарабкавшись на спину,
Увѣнчали старика.

—Пой же!—Прежде пусть Аглая
И Неэра-красота,
Поцѣлуемъ вдохновляя,
Разомгнуть мои уста!—

И прелестныя созданья,
Словно пчель ревнивыхъ рой,
Всѣ спѣшать на перебой
Подарить ему лобзанье.

—Начинай же!—Радъ бы я,
Но осель мой скачетъ шибко.—
И обманщика съ улыбкой
Въ тѣнь вѣтвей ведутъ друзья.

Выражая нетерпѣнье,
Всѣ столпились вокругъ него,
Ждутъ,—и что жъ? Не звуки пѣнья—
Изъ раскрытыхъ устъ его
Льется громкое храпѣнье...

О. МИХАЙЛОВА.

СПОРЫ

о

ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМѢ

I.

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что вопросъ о замѣнѣ бумажныхъ денегъ металлическими—вопросъ совершенно спеціаль- ный, представляющій интересъ для однихъ лишь финансистовъ. Большинство читающей публики относится, повидимому, вполне равнодушно къ газетнымъ толкамъ о золотой валютѣ, да и самыя газеты, взявшіяся довольно горячо за обсужденіе этого предмета, скоро охладѣли къ нему и перестали даже вспоминать о возвѣ- щенной денежной реформѣ. Многие думаютъ, что въ концѣ кон- цовъ безразлично, въ какой формѣ установится у насъ правиль- ное денежное обращеніе, лишь бы только оно установилось прочно. Предстоящее господство золота рассматривается какъ нѣчто неиз- бѣжное и роковое, противъ чего бесполезно спорить. Это какой- то кошмаръ, надвигающійся на насъ съ неудержимою силою, подъ вліяніемъ міровыхъ экономическихъ условій. Иные видятъ и чув- ствуютъ опасность, но успокоиваютъ себя обычнымъ упованіемъ на судьбу и на естественный ходъ исторіи. Бумажныя деньги,— разсуждаютъ они,—должны же наконецъ уступить мѣсто металлу, который не подверженъ перемѣнамъ и колебаніямъ курса, а та- кимъ металломъ является прежде всего золото, ибо серебро фак- тически устраниено со сцены вслѣдствіе упадка и перемѣнчивости его рыночной цѣны. Слѣдовательно, если признается необходи-

мымъ переходъ отъ бумажныхъ денегъ къ металлическимъ, то сама собою выступаетъ впередъ золотая валюта, какъ единственно признаваемая въ мірѣ въ настоящее время. Быть можетъ, формальное владычество золота окажется тягостнымъ и разорительнымъ для народа, — но что же дѣлать? Безъ жертвъ не достигается никакое крупное совершенствованіе, а правильное денежное обращеніе есть первостепенная насущная потребность всякой культурной и могущественной державы. Пусть дѣльные финансисты-практики устроятъ у насъ, чтобы звонкая монета вытѣснила бумажки; пусть они придумаютъ практическіе способы для достиженія этой цѣли, — на то они специалисты по государственнымъ финансамъ, эксперты по части девальваціи, знатоки кредитныхъ, конверсионныхъ и прочихъ биржевыхъ операцій. Финансовое вѣдомство можетъ принимать или отклонять совѣты и проекты этихъ свѣдущихъ лицъ, по своимъ особымъ соображеніямъ; — печати остается только слѣдить за предпринимаемыми попытками и ихъ результатами и давать имъ извѣстную оцѣнку заднимъ числомъ, *post factum*.

Мы указывали уже на ошибочность такой точки зрѣнія: въ дѣйствительности, какъ мы видѣли ¹⁾, вопросъ о валютѣ затрагиваетъ насущные интересы не только государственныхъ финансовъ, но и всего народнаго хозяйства, и онъ не можетъ и не долженъ рѣшаться по какимъ-нибудь общимъ заранее опредѣленнымъ шаблонамъ, особенно когда эти шаблоны устанавливаются односторонними представителями биржи и банковъ, безъ вниманія къ потребностямъ огромнаго большинства населенія. Исключительная роль золота въ монетной системѣ вызываетъ сильную оппозицію и на Западѣ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать господство этого металла обязательнымъ для страны, желающей ввести у себя правильное денежное обращеніе. Для насъ же водвореніе золота на мѣсто бумажныхъ денегъ, съ устраненіемъ ихъ законнаго эквивалента — серебра, было бы бесплоднымъ самоотверженіемъ, которое могло бы принести только отрицательные результаты. Что финансисты-практики обнаруживаютъ пристрастіе къ золоту — это вполне понятно; но мотивы и доводы, которыми они руководствуются, не имѣютъ никакого отношенія къ экономическимъ нуждамъ и интересамъ народа. Поклонники золотой валюты вынуждены прибѣгать къ систематическимъ недомолвкамъ и софизмамъ; они играютъ словами, говоря о металлѣ и звонкой монетѣ вообще и дѣлая свои заключенія относительно одного лишь золота; они

¹⁾ См. выше: июль, стр. 317 и слѣд.

упорно умалчиваютъ о томъ, какимъ образомъ золотые полуимперіалы, цѣною въ 7 р. 40 к. по курсу, могутъ служить для платежей ниже четырехъ или пяти рублей, и какими металлическими деньгами будутъ замѣнены рублевья и трехрублевья бумажки, за устраненіемъ серебрянаго рубля.

Наивные публицисты, въ доказательство невозможности пользоваться серебрянымъ рублемъ, ссылаются на официальную мѣру, опредѣлившую его цѣну дешевле кредитнаго, — какъ будто распоряженія, обезцѣнивающія серебряный рубль, не зависятъ отъ доброй воли финансоваго управленія. Серебряный рубль поставленъ ниже бумажнаго и ниже мелкихъ размѣнныхъ денегъ именно подъ влияніемъ идеи о золотой валютѣ, и это искусственное обезцѣненіе металлическаго рубля не доказываетъ ничего другого, кромѣ готовности отречься отъ серебряной монетной единицы. Вопросъ именно въ томъ, нужно ли отречься отъ серебра и слѣдовало ли принимать мѣры, свидѣтельствующія объ этомъ отреченіи, — а ссылки на самыя эти мѣры не помогаютъ, конечно, рѣшенію этого вопроса. Еслибы всѣ органы казначейства неизмѣнно принимали серебряные рубли въ равной цѣнѣ съ кредитными, согласно существующимъ и не отмѣненнымъ нынѣ законамъ, то не было бы и рѣчи о неодинаковомъ курсѣ тѣхъ и другихъ рублей по отношенію къ золоту, — подобно тому какъ нѣтъ и рѣчи объ упадкѣ цѣнности французскихъ пятифранковиковъ или даже нѣмецкихъ талеровъ. Равноправность серебрянаго рубля съ кредитнымъ сразу возстановилась бы, еслибы отмѣнены были распоряженія, низведшія законную металлическую монету на степень отверженнаго, никому не нужнаго товара. Не подлежитъ сомнѣнію, что и рыночная цѣна серебра поднялась бы и окрѣпла бы съ возстановленіемъ у насъ законнаго значенія полноцѣнныхъ серебряныхъ денегъ. Для государства во всякомъ случаѣ убыточно отвергать и обезцѣнивать серебряные рубли, чеканенные и выпущенные самимъ государствомъ въ видѣ російской государственной монеты; безцѣльно также чеканить подобную монету, не признаваемую правительствомъ и поэтому заранѣе осужденную на обезцѣненіе. Подрывать цѣну серебра, какъ матеріала для монеты, тѣмъ болѣе неразсчетливо, что употребленіе его въ этомъ качествѣ останется по неволѣ обязательнымъ въ обширныхъ размѣрахъ при какой бы то ни было металлической валютѣ. Сколько бы ни толковали о золотѣ, какъ объ единственно возможной основѣ денежнаго обращенія, серебро будетъ все-таки преобладать фактически въ массѣ обычныхъ сдѣловъ и уплатъ, и это обстоятельство, дающее себя чувствовать даже въ Англии и Германіи, вы-

разится съ наибольшею силою именно у насъ, при замѣнѣ бумажныхъ денегъ металломъ.

Въ разсужденіяхъ многихъ нашихъ финансистовъ старательно обходится молчаніемъ вопросъ о платежномъ средствѣ для менѣ значительныхъ оборотовъ, въ которымъ счетъ на золото непримѣнимъ. Чтобы простая разнѣнная монета замѣнила собою кредитные и серебряные рубли,—это предположить трудно; тогда не было бы вовсе полноцѣнныхъ металлическихъ денегъ для надобностей обычнаго денежнаго обращенія, и публика была бы крайне стѣснена необходимостью имѣть кучи мелкой монеты взамѣнъ прежнихъ бумажекъ. Или серебряный рубль, низведенный предварительно на степень полтинника, останется еще на службѣ въ качествѣ разнѣнной монеты? Зачѣмъ же тогда официально обезцѣнивать его, если ему предстоитъ еще исполнять свою монетную функцію? Нынѣшнія низкопробныя разнѣнныя деньги принимаются наравнѣ съ кредитными билетами и слѣдовательно цѣнятся выше полновѣсныхъ серебряныхъ рублей, а почему послѣдніе должны считаться дешевле разнѣнной монеты — неизвѣстно. Наконецъ, было бы едва ли справедливо и цѣлесообразно устанавливать такое распределеніе металлическихъ денегъ, чтобы на долю большинства народа приходилась только монета худшаго качества, а полноцѣнная составляла удѣлъ зажиточныхъ и богатыхъ классовъ. Всѣ доводы защитниковъ золота вращаются въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ: превозносятся достоинства этого металла, какъ единственнаго мѣрила цѣнности, а непригодность его для менѣ значительныхъ платежей замалчивается или прикрывается общими фразами, тогда какъ именно для обычныхъ денежныхъ оборотовъ необходимы общедоступныя, недорогія орудія обращенія. Серебро, рѣшительно изгоняемое въ теоріи, незамѣтно впускается обратно на практикѣ, въ видѣ господствующей ходячей монеты, и мнимое единодержавіе золота сводится лишь къ болѣе повышенному денежному счету, отъ котораго выигрываютъ только крупные капиталисты и международные банкиры.

Логическіе или, вѣрнѣе, анти-логическіе приемы нашихъ приверженцевъ золотой валюты удивительно однообразны. Говорить вообще о превосходствѣ золота и совершенно не вспоминать о монетѣ, имѣющей замѣнить собою серебряные рубли,—таковъ неизмѣнный рецептъ этихъ финансистовъ новаго типа. „Металлическое обращеніе,—возвѣщаетъ авторъ вышедшей недавно книжки о денежной системѣ, г. К. Флугъ,—есть благо для всѣхъ, такъ какъ обезпечиваетъ не исключительные интересы одного какаго-нибудь класса населенія, а интересы всѣхъ классовъ вообще“.

Прекрасно,—но это металлическое обращеніе, по автору, будетъ золотое, а золото предназначено, конечно, не для всѣхъ классовъ населенія. По мнѣнію г. К. Флуга, „монетной единицей можетъ служить, въ силу естественнаго порядка вещей, только одинъ металл, и именно золото, какъ наиболѣе цѣнный изъ другихъ и обладающій необходимыми для монеты физическими свойствами наименьшей измѣняемости; серебро же, съ его метрологическихкими подраздѣленіями, должно служить для разнѣнной монеты, обращающейся лишь внутри государства“. Что же будетъ среднее между „наиболѣе цѣннымъ“ золотомъ, ходимымъ на международномъ рынкѣ, и разнѣнною серебряною монетою, обращающеюся лишь внутри государства? Вѣдь всякая денежная и монетная система дѣйствуетъ лишь внутри государства и устанавливается правительственною властью не для чужихъ народовъ, а для потребностей собственной страны, интересы которой только и должны занимать людей, разсуждающихъ объ ея государственныхъ финансахъ. Но г. Флугъ полагаетъ, что внутри государства можно довольствоваться одною разнѣнною монетою, при господствѣ международного золота. Это пренебреженіе къ тому, что требуется лишь внутри государства, свойственно вообще сторонникамъ золотой валюты. Цитируя одного иностраннаго писателя, который „причислилъ, хотя и преждевременно, Россію къ странамъ съ золотомъ монетною единицею“, г. Флугъ восклицаетъ: „въ добрый часъ!“ „Само собою разумѣется, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — что если разъ будетъ у насъ восстановлено металлическое обращеніе, то этимъ будетъ установлена и новая монетная единица, т.-е. золотая, такъ какъ серебро, какъ мѣрило цѣнности, утратило уже необходимыя для этого свойства устойчивости своей цѣны“¹⁾. А какая золотая монета можетъ занять мѣсто серебрянаго или кредитнаго рубля—объ этомъ авторъ благоразумно не высказывается въ своей книжкѣ. Г. Флугъ подробно говоритъ о денежкахъ и полушкахъ, о попыткахъ введенія платиновой монеты и о неудобствахъ монеты изъ никеля, между тѣмъ какъ о вѣроятной судьбѣ нашего серебрянаго рубля онъ во всемъ своемъ сочиненіи не обмолвился ни единымъ словомъ. Въ цѣлой книжкѣ о нашей монетной системѣ не оказывается ни одной строчки о томъ, какъ поступить съ нашей законною денежною единицею, сохранить ли ее въ обезцѣненномъ видѣ, или обречь ее на полное упраздненіе! Такъ же точно въ обширномъ

¹⁾ „О восстановленіи металлическаго обращенія въ связи съ условіями нашей денежной и монетной системы“. Сост. К. Флугъ. Спб., 1895, стр. 42, 152—3, 158 и др.

трактатѣ г. Александра Миклашевскаго ничего не сказано объ этомъ капитальномъ пунктѣ денежной реформы — о среднемъ орудіи обращенія между золотомъ и мелкою разнѣнною монетою. Заграничные проповѣдники золотой валюты, мнѣнія которыхъ приводятся г. Миклашевскимъ, относятся далеко не столь невнимательно къ вопросу о серебрѣ; они прямо заявляютъ, что они, монометаллисты, вовсе не желаютъ полнаго изгнанія серебра съ европейскихъ рынковъ, а только имѣютъ въ виду назначеніе его для цѣлей мелочнаго оборота въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны, ибо серебро не можетъ уже играть роль основного мѣрила цѣнности въ богатомъ и культурномъ государствѣ: „чисто серебряное обращеніе годится только для странъ, гдѣ цѣны низки, населеніе бѣдно и не привыкло еще обращаться съ малыми долями золота“¹⁾. Наши золотопоклонники, однако, не останавливаются надъ вопросомъ, не принадлежитъ ли Россія къ числу тѣхъ странъ, гдѣ „цѣны низки, населеніе бѣдно и не привыкло еще обращаться съ малыми долями золота“, и можетъ ли нашъ народъ считаться настолько богатымъ и культурнымъ въ торгово-промышленномъ смыслѣ, чтобы чувствовать потребность преимущественно въ золотыхъ деньгахъ?

II.

Г. Миклашевскій, какъ мы уже упоминали, весьма добросовѣстно излагаетъ фактическія свѣденія, доказывающія сомнительность и непрочность современнаго увлеченія золотомъ, какъ основою денежнаго обращенія въ передовыхъ промышленныхъ государствахъ міра. Онъ обстоятельно знакомитъ читателей съ содержаніемъ специальныхъ изслѣдованій извѣстнаго австрійскаго ученаго, Эдуарда Зюсса, о будущности драгоцѣнныхъ металловъ. „На основаніи трудолюбиво собранныхъ и продуманныхъ данныхъ, — говоритъ онъ, — Зюссъ пришелъ къ убѣжденію, что чело-вѣчество уже добыло наибольшую массу доступнаго для него золота. Другими словами, намъ суждено, по его мнѣнію, скоро вступить въ періодъ возростающей рѣдкости и дороговизны золота“²⁾. Чисто геологическій вопросъ приобрѣлъ такимъ образомъ серьезное экономическое значеніе. Очевидно, намъ предстоитъ

¹⁾ Миклашевскій, „Деньги“, стр. 825 и др.

²⁾ Замѣтимъ, что Зюссъ доказывалъ это въ книгѣ, напечатанной въ 1877 году, т.-е. до новѣйшаго прогрессивнаго вздорожанія золота сравнительно съ серебромъ. Ср. соч. Миклашевскаго, стр. 183.

пережить рѣзкое измѣненіе цѣнъ, если теорія Зюсса оправдается и если человечество не найдетъ какихъ-нибудь новыхъ способовъ для замѣны золота въ качествѣ основного орудія обмѣна". По теоріи Зюсса, чѣмъ выше удѣльный вѣсъ металла, тѣмъ въ болѣе глубокихъ слояхъ земли находятся его главныя массы и тѣмъ рѣже встрѣчается онъ на поверхности, такъ какъ первоначальное распредѣленіе веществъ въ составѣ земной коры совершалось согласно законамъ тяготѣнія. Вѣсъ золота почти вдвое больше вѣса серебра, которое въ свою очередь тяжелѣе мѣди и желѣза; соотвѣтственно этому измѣняется и степень распространенности этихъ металловъ въ мѣстахъ, доступныхъ человѣку. Спектральный анализъ показалъ, что и на солнцѣ пары различныхъ веществъ распредѣлены сообразно ихъ удѣльному вѣсу: раскаленные вещества, отъ которыхъ исходитъ солнечный свѣтъ, принадлежать къ числу наименѣе тяжелыхъ, встрѣчающихся и на землѣ въ большихъ количествахъ, тогда какъ до сихъ поръ по спектру солнечнаго свѣта нельзя было найти признаковъ существованія металловъ съ болѣе значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ—платины, золота, ртути и серебра. Изъ этого можно заключить, что и на солнцѣ, какъ и на землѣ, болѣе тяжеловѣсныя металлы помѣщаются ближе къ центру. „Изверженія вулкановъ вообще имѣютъ наивысшій удѣльный вѣсъ, но и они не достигаютъ никогда средняго удѣльнаго вѣса (земли); очевидно, въ центральныхъ частяхъ земли должны содержаться вещества во много разъ превосходящія вѣсъ воды и всего находящагося на поверхности. Не трудно догадаться, что тамъ должны быть похоронены отъ жаднаго взора человѣка наиболѣе тяжелые металлы, а среди нихъ золото и серебро". Давно уже высказано было поэтому предположеніе, что „высокій удѣльный вѣсъ золота и серебра служить причиною, почему они могутъ быть добываемы только въ ограниченныхъ количествахъ: подъ влияніемъ своего вѣса эти металлы, вѣроятно, погрузились въ текучіе раскаленные слои нашей земли, гдѣ они навсегда скрыты отъ человѣческой жадности". Наибольшая часть извѣстныхъ намъ мѣстонахожденій благородныхъ металловъ имѣетъ вулканическій источникъ и обязана своимъ существованіемъ „непосредственному проникновенію металлическихъ паровъ изъ глубины". Въ рудникахъ золотоносныя жилы обыкновенно идутъ далеко въ глубь земли, но „ниже извѣстныхъ предѣловъ онѣ недоступны для разработки, или вслѣдствіе внутренней теплоты нашей земли, или отъ притока горячихъ почвенныхъ водъ, съ которыми нѣтъ возможности бороться". Что касается росыпей, то онѣ образовались вслѣдствіе вывѣтриванія горныхъ породъ, со-

держащихъ металлъ, при чемъ вода сносила частицы золота въ долины. Розсыпи эксплуатируются легче всего и истощаются быстро; по мѣрѣ перехода къ разработкѣ болѣе глубокихъ рудниковъ, „физическія трудности и затраты капитала увеличиваются, дѣлая часто все предпріятіе убыточнымъ“. Во второй своей книгѣ, вышедшей три года тому назадъ, Зюссъ замѣчаетъ: „Нынѣ, такъ же, какъ и тысячелѣтіе тому назадъ, области нахождения благородныхъ металловъ лежатъ далеко отъ предѣловъ культуры. Только кое-гдѣ въ Европѣ остались нѣкоторые остатки прежняго богатства. Лишь въ совершенно новыхъ областяхъ человекъ находитъ еще значительныя количества золота. Но чѣмъ скорѣе жадность человека заставляетъ его забираться далѣе, въ глубь пустынь, тѣмъ скорѣе будутъ исчерпаны и эти сокровища. Мы все болѣе и болѣе приближаемся къ концу, и временное возростаніе годичнаго производства золота не измѣняетъ общихъ результатовъ. На основаніи всего опыта въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ появленія моей первой книги я считаю возможнымъ повторить еще съ большею опредѣленностью, чѣмъ прежде, что вѣроятно въ періодъ немногихъ послѣдующихъ столѣтій производство золота уменьшится въ огромномъ размѣрѣ, и это уменьшеніе будетъ явленіемъ постояннымъ. Событія настоящаго даютъ возможность яснѣе видѣть, сравнительно съ прежнимъ временемъ, что этотъ металлъ, при его постоянно возростающей рѣдкости, не въ состояніи будетъ сохранить за собою то экономическое положеніе, которое онъ имѣлъ до настоящаго времени“¹⁾.

„Оправдаются ли эти предположенія Зюсса,—прибавляетъ отъ себя г. Миклашевскій,—сказать мудрено. Но нельзя не признать, что онѣ основаны на тщательномъ изученіи дѣйствительности и проведены съ замѣчательною послѣдовательностью и талантомъ“. Г. Миклашевскій ничего не имѣетъ сказать противъ выводовъ Зюсса и оговаривается въ этомъ смыслѣ неоднократно. Онъ соглашается, что „слѣдуетъ ожидать постепеннаго увеличенія въ трудности полученія желтаго металла“, хотя золотой запасъ всего міра слишкомъ великъ, чтобы рѣдкость этого металла могла чувствоваться уже въ настоящее время; онъ находитъ также, что „недостатки единого золотого обращенія не успѣли еще сказаться съ значительною силою: снабженіе золотомъ достаточно, а серебромъ—чрезмѣрно“. „Оправдается ли гипотеза Зюсса,—повторяетъ онъ далѣе,—побѣдятъ ли биметаллисты, или серебро мало-по-малу совершенно исчезнетъ изъ употребленія въ качествѣ денегъ,—ни-

¹⁾ Миклашевскій, стр. 133—149.

это предсказать не можетъ. Во всякомъ случаѣ биметаллисты рѣшились продолжать свою агитацію и надѣются, что моментъ осуществленія ихъ системы сдѣлается возможнымъ тогда, когда переходъ трехъ великихъ европейскихъ державъ—Австріи, Италіи и Россіи—къ нормальному (золотому?) металлическому обращенію сдѣлаетъ кризисъ еще болѣе тягостнымъ¹⁾.

Авторъ не знаетъ положительно, кто правъ въ этомъ спорѣ между гонителями и защитниками серебра; онъ не беретъ рѣшить, чьи доводы окажутся болѣе основательными, и не отрицаетъ даже возможности тягостнаго кризиса послѣ повсемѣстнаго торжества золотой валюты;—тѣмъ не менѣе онъ стоитъ за господство золота и, вопреки здравой логикѣ, называетъ „нормальнымъ“ такое металлическое обращеніе, которое способно вызывать или обострять тяжелые кризисы въ народномъ хозяйствѣ. Если въ самомъ дѣлѣ нельзя было бы имѣть опредѣленный взглядъ на преимущества того или другого рѣшенія спорнаго вопроса, то не могло бы возникнуть столь рѣзкаго антагонизма между сторонниками различныхъ воззрѣній и интересовъ по этому предмету въ западно-европейской литературѣ. Очевидно, такіе экономисты, какъ Эмиль де-Лавеле, Чернуски (котораго г. Миклашевскій называетъ Чернуши), Адольфъ Вагнеръ, Шеффле, Леонъ Вальрасъ, и такіе практическіе дѣятели, какъ выѣшніе англійскіе министры Бальфуръ, Гошенъ и Чаплинъ, бывшіе директоры англійскаго банка Джибсъ и Гренфель, и другіе, перечисляемые авторомъ, хорошо знали, почему слѣдуетъ возражать противъ односторонняго владычества золота; знаютъ и чувствуютъ это, конечно, и нѣмецкіе представители сельско-хозяйственныхъ интересовъ, побудившіе законодательныя палаты Пруссіи и Германіи высказаться въ пользу восстановленія равноправности серебра. Выводовъ Зюсса, какъ замѣчаетъ Адольфъ Вагнеръ, никто не опровергъ, потому что они не могли быть опровергнуты. Вагнеръ предвидитъ опасность болѣе скорого оскудѣнія запасовъ золота, чѣмъ предполагаетъ Зюссъ, такъ какъ новый и постоянный спросъ на этотъ металлъ ожидается теперь въ Индіи и въ другихъ странахъ съ серебрянымъ понынѣ обращеніемъ; а дальнѣйшее вздорожаніе золота грозитъ весьма печальными послѣдствіями болѣе слабымъ въ промышленномъ отношеніи народамъ и государствамъ, ухудшая условія міроваго соперничества для Европы сравнительно съ Америкой, для европейскаго материка сравнительно съ Англіею, для Австро-Венгріи, Италіи сравнительно съ

¹⁾ Тамъ же, стр. 863, 441 и др.

другими державами средней и западной Европы, и наконецъ для Германіи, въ виду ея особаго географическаго и политическаго положенія. Полное водвореніе золотой валюты въ Германіи и Франціи, по мнѣнію Вагнера, сдѣлается тогда гораздо труднѣе, а въ Италіи и Австріи оно будетъ совершенно невозможно. Съ другой стороны, представители крупнаго капитала твердо знаютъ, почему надо стоять за золото во что бы то ни стало. Когда цѣны товаровъ опредѣляются однимъ золотомъ, то вздорожаніе послѣдняго приноситъ прямыя и огромныя выгоды обладателямъ этого металла, т.-е. капиталистамъ, въ ущербъ производителямъ товаровъ и прежде всего рабочему классу; но при равноправности серебра одностороннее вліяніе золота неизбежно парализуется, и перемѣны цѣнъ становятся слабѣе, хотя могутъ случаться чаще. Какъ справедливо выражается Рошеръ, колебанія двойной валюты напоминаютъ кривую линію, состоящую изъ очень многихъ простыхъ зубчиковъ, тогда какъ при господствѣ одного металла эта кривая состоитъ изъ немногихъ большихъ ломаныхъ линій¹⁾. Нѣкоторые монометаллисты, по словамъ г. Миклашевскаго, призываютъ, что совмѣстное употребленіе обоихъ металловъ въ качествѣ денегъ „можетъ нѣсколько уравновѣсить колебанія въ цѣнности мѣрила соизмѣренія, но они останавливаются предъ вопросомъ, что лучше (для нихъ) — болѣе ли рѣзкія колебанія при монометаллизмѣ, или болѣе частыя при биметаллизмѣ. Монометаллисты лондонскаго Сити, преимущественно изъ торговаго сословія, зачастую утверждали даже, что они живутъ колебаніями цѣнъ, и чѣмъ онѣ сильнѣе, тѣмъ болѣе выгодъ имъ приходится получать“. Должны существовать также извѣстныя причины, по которымъ, напр., въ Англіи защитники серебра находятъ свою главную опору въ земледѣльческомъ и рабочемъ населеніи. Въ вопросѣ о валютѣ дѣло идетъ не объ отвлеченной теоретической задачѣ, а о реальной борьбѣ противоположныхъ интересовъ — борьбѣ труда съ капиталомъ, народнаго земледѣлія и землевладѣнія — съ банковской и промышленною аристократіею, бѣдныхъ и обремененныхъ платежами народовъ — съ богатыми купеческими націями. Каждый можетъ по своему сообразить, на чью сторону стать, и выборъ рѣшается самъ собою для всѣхъ сторонниковъ этическаго направленія въ политической экономіи, — направленія, защищающаго интересы трудящихся массъ. Къ этому направленію причисляетъ себя и г. Миклашевскій въ своей книгѣ, а

¹⁾ Schaffle, „Der Währungstreit“, въ сборникѣ его статей 1895 г., стр. 374, 380—381.

между тѣмъ въ денежномъ вопросѣ, которому посвященъ его трактатъ, онъ пропустилъ единственный представившійся ему случай доказать свою приверженность къ этической точкѣ зрѣнія, провозглашаемой имъ въ принципѣ со словъ нѣмецкихъ экономистовъ. Въ дѣйствительности авторъ—вѣроятно по недоразумѣнью—очутился въ одномъ лагерѣ съ Ротшильдами и съ другими международными дѣльцами, которымъ нѣтъ никакого дѣла до соображеній экономической этики.

Нравственная, социальное-политическая сторона вопроса о денежной реформѣ изображена весьма ярко и убѣдительно въ появившейся весьма кстати брошюрѣ профессора И. П. Сокальскаго, которая въ небольшомъ объемѣ даетъ гораздо больше для пониманія истиннаго значенія споровъ о золотой валютѣ, тѣмъ обширное изслѣдованіе г. Миклашевскаго¹⁾. Быть можетъ, г. Сокальскій отчасти увлекается въ нѣкоторыхъ своихъ замѣчаніяхъ и обобщеніяхъ, но основные взгляды его несомнѣнно справедливы и въ высшей степени симпатичны. Онъ не разсуждаетъ объ этическомъ направленіи, но пронизываетъ имъ на дѣлѣ, и это чувствуется въ каждой его строкѣ. Иногда онъ какъ будто преувеличиваетъ ужасы, сопряженные съ одностороннимъ владычествомъ золота, но бываютъ случаи, когда и преувеличенія полезны: одной крайности противопоставляется другая, противоположная, чтобы вѣрнѣе поколебать господствующіе предрасудки. „Не можетъ быть сомнѣнія,—говоритъ г. Сокальскій,—что на всѣхъ горизонтахъ, ограничивающихъ производительную дѣятельность Европы, нависли свинцовыя тучи, предвѣстники грозы“. Положеніе различныхъ странъ, не исключая и Англіи, рисуется самыми мрачными красками, и главный источникъ общаго недуга—принятіе вздорожавшаго золота за основу денежнаго обращенія. Къ такому выводу пришли представители экономическихъ интересовъ почти всѣхъ государствъ Европы на международномъ съѣздѣ биметаллистовъ въ Лондонѣ, въ маѣ 1894 года, и г. Сокальскій вполне присоединяется къ этому выводу. Начало всеобщему хроническому кризису положено было Германіею, въ 1871—73 годахъ. Одинъ изъ компетентныхъ свидѣтелей тогдашнихъ событій сообщаетъ, что рѣшеніе ввести въ новой имперіи золотую валюту послѣдовало не по почину имперскаго правительства и не по инициативѣ имперскаго сейма, а по докладу частной, самовольно образовавшейся комиссіи, которая состояла, по

¹⁾ „Реформа на очереди“. Очеркъ И. П. Сокальскаго. Харьковъ, 1895. Ср. Литер. Обзорѣніе въ итальянской книгѣ „Вѣстн. Европа“, стр. 404—406.

выраженію г. Сокальскаго, „преимущественно изъ мѣстныхъ (берлинскихъ?) Шейлоковъ“. А какъ извѣстно,—прибавляетъ г. Сокальскій,—„Шейлоки, по распространенному еще общему недомыслию, считаются и до сихъ поръ единственными знатоками въ денежныхъ дѣлахъ и сами о себѣ того же мнѣнія“. По примѣру нѣмцевъ, почти всѣ страны Европы успѣли поклониться золотому тельцу. Съ 1873 года повсюду „золото въ чести, серебро въ загонѣ. Слѣдуетъ отдѣлаться отъ серебра, какъ отъ чего-то нечистаго... Реакція не заставила себя долго ждать. Она выразилась для всего міра въ поднятїи цѣнности золота и въ упадкѣ (въ оптовой торговлѣ) цѣнъ прочихъ товаровъ, въ томъ числѣ и серебра, которое превратилось тоже въ товаръ или въ кредитный знакъ, обезпеченный золотомъ. Въ странахъ же съ серебряною валютою совершилось обратное явленіе — поднятїе цѣнъ всѣхъ товаровъ на мѣстную монету“. Послѣдствїя были крайне печальны для экономической жизни въ Европѣ. „Повсюду, по преимуществу изъ сельскихъ округовъ, раздаются жалобы, — положеніе землевладѣнія и земледѣлія рисуется безнадежнымъ. Гнетъ какого-то рока тяготѣетъ и надъ Англіею. Пахатныя поля превращаются въ пастбища. Дичаетъ природа, а вмѣстѣ съ нею и люди. Изъ фермъ разсыпаются толпы незанятаго люда по окраинамъ городскихъ предмѣстій, — и расширяютъ и безъ того уже широкую пропасть нищеты. Поземельные участки отдаются въ аренду на болѣе льготныхъ условїяхъ и на болѣе короткіе сроки... Изъ фабричныхъ округовъ слышатся однѣ жалобы — на сокращеніе сбыта, на застои въ дѣлахъ. Отчеты акціонерныхъ компаній о положенїи дѣлъ въ Ланкаширѣ очень мрачны. Торговля страдаетъ отъ колебанїя вексельныхъ курсовъ, отъ неувѣренности въ прочности связей. Англійскіе капиталы ищутъ помѣщенїя во внѣшнихъ займахъ или въ постройкѣ дорогъ за предѣлами острова; у себя дома имъ нечего дѣлать; въ самой странѣ они находятъ помѣщенїе только для построекъ отеля, орфеума или акварїа. Поступленіе доходовъ сокращается. Бремя государственнаго долга, несмотря на значительное погашенїе его суммы за послѣднія 50 лѣтъ, тяжелѣе для плательщиковъ, чѣмъ было полвѣка тому назадъ“. Въ колонїальныхъ владѣнїяхъ Англіи, сохранившихъ серебряную валюту, жалуются на трудность поддерживать съ Европою торговныя связи, вслѣдствїе неожиданныхъ и сильныхъ колебанїй вексельнаго курса на Лондонъ, превращающихъ торговлю въ рискованную игру. Г. Сокальскій напоминаетъ, что когда-то былъ также сдѣланъ въ Европѣ опытъ обезцѣненїя серебра и установленїя одной золотой валюты. „Это случилось въ

360 году по Р. Хр., по декрету императора Юлиана. Послѣдствія этой мѣры оказались отчасти такими же, какія наблюдаются и теперь: цѣны упали, земледѣліе пришло въ упадокъ, налоги не могли быть уплачены золотомъ, — опытъ завершился гибелью имперіи“. Нѣтъ устойчивости въ торговыхъ и имущественныхъ отношеніяхъ, когда единственною опорой монетной системы служить золото и когда временный или хроническій недостатокъ въ этомъ металлѣ не восполняется болѣе доступнымъ для всѣхъ серебромъ. „Если металлическая наличность въ каковой-либо странѣ состоитъ изъ двухъ металловъ, — поясняетъ г. Сокальскій, — то основаніе, на которомъ строится гражданская жизнь, съ разнообразными формами сдѣлокъ, широко; — всѣ группы населенія имѣютъ металлъ, соотвѣтствующій размѣру ихъ оборотовъ: серебро, по самому существу дѣла, обращается въ массѣ народа, т. е. среди миллионъ населенія; золото держится среди крупной торговли, банковъ и государственныхъ финансовъ. Превращеніе одной формы денегъ (золота) въ другую (серебро) не стѣснено, — и съ внѣшней стороны гарантировано авторитетомъ общественной власти. Устранить одинъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ (именно серебро) изъ народнаго обихода, въ качествѣ монеты, и предоставить ничѣмъ немотивированный перевѣсъ одному изъ нихъ въ ущербъ другому — значитъ сзуть основаніе, на которомъ строится вся гражданская жизнь, въ ущербъ миллионамъ населенія, значитъ — дать въ общественной жизни перевѣсъ однѣмъ группамъ населенія (кредиторамъ и банкирамъ) въ ущербъ другимъ, со всѣми тяжелыми послѣдствіями, простирающимися изъ такого положенія вещей, значитъ — заставить массы трудящагося люда жить только нервами, позабывши, что жизнь миллионъ населенія обезпечена по преимуществу работою мышцъ“.

Какъ видитъ читатель, г. Сокальскій высказываетъ отчасти то же самое, что говорили и мы, и совпаденіе нѣкоторыхъ его мыслей съ нашими взглядами доходитъ почти до тождества; это сходство соображеній и доводовъ, высказанныхъ почти одновременно, служитъ для насъ лишнимъ доказательствомъ ихъ справедливости. Почтенный авторъ оставилъ свою аргументацію такимъ запасомъ фактическихъ данныхъ, научно-литературныхъ свѣденій и разъясненій, какового нельзя было бы предложить въ журнальной статьѣ; онъ старается освѣтить вопросъ съ разныхъ его сторонъ, не ограничиваясь тою практическою его постановкою, которая главнымъ образомъ интересуетъ насъ въ настоящее время. Между прочимъ, онъ краснорѣчиво характеризуетъ разлагающее вліяніе золотой валюты на взаимныя отношенія народовъ съ не-

одинаковыми денежными системами и особенно на отношенія, вытекающія изъ внѣшней задолженности отдѣльныхъ государствъ. „Можно сказать,—говорить г. Сокальскій,—что весь міръ подѣлился теперь на группы — кредиторовъ и должниковъ, притомъ такъ, что всѣ страны міра являются должниками немногихъ европейскихъ странъ, преимущественно же Англій“. Положеніе небогатыхъ народовъ, обремененныхъ „золотыми“ займами, ухудшается все болѣе и болѣе. „Въ извѣстные сроки должникъ обязанъ представить кредитору золото, котораго у него нѣтъ, котораго онъ давно (а можетъ быть, и никогда) не видѣлъ. Въ такомъ случаѣ приходится расплачиваться продуктами народнаго труда, которые представляютъ извѣстное количество работы. И высокообѣрнный кредиторъ, по привилегіи безконтрольности, которая признается за нимъ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, можетъ потребовать отъ захудалаго должника 600 дней годового труда, когда по календарю ихъ считается только 300. Эту фактическую невозможность удовлетворить кредитора сознаютъ, впрочемъ, люди другого лагеря не скоро. За нимъ (кредиторомъ) признаютъ право, за нимъ любовно ухаживаютъ. И кредиторъ, котораго практика свободна отъ нравственныхъ началъ, такъ какъ построена яко бы на законахъ природы, останавливается безстрастно и поворно только предъ „*non possumus*“. Но этого „*non possumus*“ не можетъ произнести частное лицо. Фактически его произносить, при разныхъ случаяхъ, государство, во имя общаго блага. Этотъ процессъ обвиненія проходятъ теперь южныя страны Европы: Испанія, Италія, Греція. Его уже прошли (фактически прекративши временно платежи) — Аргентинская республика (въ 1890 г.), Португалія (въ 1891 г.). И обѣ послѣднія страны въ совершенномъ имъ *coeur d'état* нашли условіе своего возрожденія“. Тѣ недоплаты, которыя по необходимости остаются за должникомъ, увеличиваютъ цифру его долга и неизбежно приводятъ или къ банкротству, или къ окончательному разоренію. Кредиторъ давно получилъ свое, при повышеніи цѣны золота, но должникъ связанъ формальнымъ обязательствомъ, которое далеко еще не погашено. Такой способъ обирания должниковъ авторъ называетъ вампиризмомъ. „Съ технической точки зрѣнія вампиризмъ не что иное, какъ особый способъ счетоводства; по существу это — искусство для искусства: намѣченная въ гробсбухѣ жертва должна погибнуть! И когда это бухгалтерское предопредѣленіе совершится, неоплаченный долгъ флегматически списывается со счетовъ, и отъ такой списки со счетовъ никто изъ оставшихся въ живыхъ не несетъ ни убытка въ доходѣ, ни ущерба въ имуществѣ. Все давнымъ давно было

погашено. Жертва должна была погибнуть только для охраны бухгалтерскаго порядка. Въ этомъ и заключается психопатія вампиризма⁴. Задолжавшія страны были бы избавлены отъ непомернаго гнета кредиторовъ, еслибы признана была равноправность золота и серебра, какъ законныхъ платежныхъ средствъ. Необходимо „предоставить должнику право выбора способа для расплаты съ кредиторомъ, чтобы онъ былъ въ состояніи погасить когда-нибудь долгъ, — хотя, можетъ быть, и заключенный безразсудно, — не прибѣгая къ банкротству, какъ единственному способу отвоевать себѣ свободу дѣйствій послѣ цѣлаго ряда безцвѣтныхъ лѣтъ“¹⁾.

Г. Сокальскій вѣритъ въ возможность восстановленія прежней относительной цѣны серебра въ монетной системѣ путемъ международнаго соглашенія главнѣйшихъ государствъ Европы. Онъ доказываетъ настоятельность этого общаго соглашенія, котораго очень трудно достигнуть, и подъ вліяніемъ міровой важности обсуждаемой имъ задачи онъ даже не останавливается на условіяхъ разумнаго проведенія денежной реформы внутри отдѣльныхъ странъ, независимо отъ международныхъ переговоровъ и конгрессовъ. Относительно Россіи онъ ограничивается лишь немногими указаніями и намеками, изъ которыхъ можно заключить о необходимости, по его мнѣнію, восстановить законное значеніе серебрянаго рубля; но въ то же время онъ предлагаетъ ввести у насъ не чисто серебряную, а смѣшанную, двойную валюту, по старому французскому образцу. Авторъ очень заманчиво и подробно описываетъ великія выгоды, выпадающія на долю народовъ съ чисто серебрянымъ денежнымъ обращеніемъ, и естественно было ожидать, что и для Россіи онъ придетъ къ соотвѣтственному выводу, благоприятному для господства одного лишь серебра. Неясность и недосказанность замѣчаній по этому существенному пункту составляютъ главный недостатокъ интересной брошюры г. Сокальскаго. Трудно также согласиться съ его характеристикой отношеній по государственнымъ займамъ. „Вампиризмъ“, о которомъ онъ говоритъ, едва ли имѣетъ мѣсто въ области внѣшняго кредита независимыхъ державъ. Кредиторы по внѣшнимъ долгамъ — большею частью случайные владѣльцы процентныхъ бумагъ, приобрѣвшіе ихъ на биржѣ по извѣстному курсу; бумаги переходятъ изъ рукъ въ руки, изъ одной страны въ другую, и потому нельзя сказать, что ими владѣютъ опредѣленные Шейлоки, имѣющіе въ виду погубить своихъ должниковъ. Списываніе со счетовъ

¹⁾ „Реформа на очереди“, стр. 42—46, 69—70.

подобныхъ долговъ равносильно разоренію многихъ мелкихъ капиталистовъ, помѣстившихъ свои сбереженія въ бумагахъ даннаго государства. Каждое государство заботится объ исправномъ и точномъ исполненіи своихъ денежныхъ обязательствъ не изъ особой нѣжности къ иностраннымъ кредиторамъ и не изъ боязни иностраннаго вмѣшательства, а изъ желанія сохранить и поддержать свой кредитъ на будущее время. Неосторожность и необдуманное заключеніе обременительныхъ внѣшнихъ займовъ есть само по себѣ бѣдствіе, зависящее отъ различныхъ внутреннихъ причинъ — отъ недостатковъ политической организаціи, слабости общественнаго контроля, невѣжества или продажности политическихъ и финансовыхъ дѣятелей и т. п.; но за эти недостатки не могутъ отвѣчать иностранцы, купившіе извѣстныя бумаги для полученія по нимъ процентовъ. И кредиторы бываютъ неосторожные и легкомысленные, и они терпятъ заслуженные убытки отъ участія въ турецкихъ или аргентинскихъ займахъ, тогда какъ непосредственные виновники чрезмѣрной задолженности отдѣльныхъ государствъ не подвергаются никакимъ непріятнымъ послѣдствіямъ своей разорительной политики. Если, напр., хозяйничанье бывшаго короля Милана довело Сербію до финансоваго разстройства и поставило ее въ зависимость отъ австрійскихъ банковъ, то въ этомъ виноваты, конечно, не заграничные кредиторы, а тѣ условія и порядки, при которыхъ возможно было безконтрольное хозяйничанье бывшаго короля Милана. Та степень вампиризма, которая существуетъ относительно небольшихъ задолжавшихъ государствъ, не мѣшала бы справедливымъ компромиссамъ, еслибы за дѣло взялись люди, готовые и способные сознательно защищать экономическіе интересы своего народа. Г. Сокальскій одобряетъ въ извѣстныхъ случаяхъ государственное банкротство; но невозможность уплаты долговъ золотомъ была бы достаточнымъ оправданіемъ для расплаты серебромъ, а никакъ не для совершеннаго прекращенія платежей. Забота о кредиторахъ не препятствовала бы и введенію серебряной валюты согласно внутреннимъ потребностямъ той или другой страны, и вообще центръ тяжести вопроса лежитъ вовсе не въ международномъ вампиризмѣ, какъ полагаетъ г. Сокальскій, а въ тѣхъ элементахъ, которые опираются на внѣшній кредитъ и на иностранныя биржевыя вліянія для прикрытія своихъ собственныхъ цѣлей и интересовъ, а иногда и ошибокъ и недоразумѣній.

Что касается Россіи, то въ ней, разумѣется, непримѣнимы соображенія о пагубной роли заграничныхъ кредиторовъ, особенно теперь, когда обязательства по нашимъ внѣшнимъ займамъ раз-

мѣщены главнымъ образомъ между многочисленными рантьерами дружественной намъ Франціи. Будучи должниками французовъ, мы легче и скорѣе, чѣмъ когда-либо, можемъ возстановить у насъ значеніе серебра, какъ законнаго платежнаго средства, въ виду признанія монетной годности этого металла въ самой Франціи.

III.

Нельзя отрицать, что золото все болѣе расширяетъ свое владычество въ денежномъ мірѣ и постепенно вытѣсняетъ серебро изъ крупныхъ финансовыхъ счетовъ и комбинацій даже въ странахъ съ серебрянымъ денежнымъ обращеніемъ. Любопытный примѣръ представляетъ недавній китайскій заемъ, гарантированный нашимъ правительствомъ, на сумму 400 милліоновъ франковъ или 100 милл. рубл. золотомъ. Китай долженъ уплатить Японіи условленное вознагражденіе; обѣ страны имѣютъ серебряныя деньги, а не золотыя, и слѣдовательно уплата должна бы быть произведена серебромъ, которое цѣнится въ Европѣ дешево. Повидимому, слѣдовало заключить заемъ въ серебряной валютѣ, что значительно облегчило бы бремя обязательствъ для китайской имперіи и для державы-поручительницы; вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣна серебра возвысилась бы при такомъ неожиданномъ и крупномъ на него спросѣ, что отразилось бы благоприятно и на европейскомъ денежномъ рынкѣ. Однако, заемъ былъ сдѣланъ на золото, и никто даже не вспомнилъ о возможности довольствоваться серебромъ для удовлетворенія Японіи, которая пока еще не отреклась отъ своей серебряной монетной единицы. Быть можетъ, серьезные банкирскіе дома не берутся даже за устройство серебряныхъ займовъ, считая ихъ невыгодными для себя или почему-либо неудобными; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ международной финансовой практикѣ серебро вышло изъ моды и не принимается уже въ расчетъ. Такъ какъ въ устройствѣ и успѣхѣ этого займа непосредственно участвовали наши высшія финансовыя сферы, то можно бы также заключить о существующей у насъ наклонности держаться золота, какъ желательной основы металлическаго денежнаго обращенія.

Другой недавній фактъ, ближе касающійся нашихъ государственныхъ финансовъ, является, повидимому, болѣе вѣскимъ и положительнымъ симптомомъ настроенія въ дѣлѣ предстоящей денежной реформы. Небольшое количество оставшагося въ размѣнномъ фондѣ серебра, на сумму 1.125.682 рублей 14 коп., за-

мѣнено равнымъ количествомъ золота, по нарицательной цѣнѣ, изъ средствъ государственнаго казначейства, такъ что нашъ металлическій размѣнный фондъ состоитъ теперь всецѣло изъ золота, безъ всякой примѣси серебряныхъ рублей ¹⁾. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что полное устраненіе серебра изъ размѣннаго фонда прямо свидѣтельствуемъ о готовящемся переходѣ къ исключительно золотой валютѣ. Къ таковой же развязкѣ клонятся и объявленныя недавно распоряженія о выпускѣ государственнымъ банкомъ особыхъ депозитныхъ квитанцій, размѣнныхъ на золото. Но мы продолжаемъ думать, что основной вопросъ монетной системы нисколько не предрѣшается подобными частными и подготовительными мѣрами. Спеціальныя заботы о золотѣ вполне совместимы и съ системою двойного металлическаго обращенія, такъ какъ свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебро и безъ того возможенъ въ настоящее время.

Впрочемъ, до сихъ поръ у насъ вѣтъ еще и рѣчи о полноцѣнной серебряной монетѣ, и судьба серебрянаго рубля остается совершенно неизвѣстною; а пока не выяснилась эта сторона вопроса, нельзя серьезно говорить о какомъ-либо практическомъ шагѣ къ замѣнѣ бумажныхъ денегъ металлическими. Никто не знаетъ, чѣмъ будутъ замѣнены рублевая и трехрублевая бумажки, имѣющія наибольшее значеніе для обычнаго денежнаго оборота, и слѣдовательно сущность предложенной монетной реформы составляетъ еще тайну, допускающую какія угодно догадки. Понимая на каждомъ рублевомъ кредитномъ билетѣ значителен, что по предъявленіи его выдается изъ государственнаго банка „одинъ рубль серебряною или золотую монетою“, но это обѣщаніе выдать несуществующую въ природѣ золотую монету въ одинъ рубль было съ самаго начала плодомъ невиннаго канцелярскаго недоразумѣнія. Всякій понимаетъ, что на одинъ рубль невозможно получить такой кусочекъ золота, который могъ бы быть превращенъ въ монету; весьма сомнительно также, чтобы удобно было пускать въ обращеніе трехрублевая золотыя монетки, слишкомъ маленькія по объему и совершенно непривычныя для народа. Что же будетъ предпринято для прочнаго устройства металлическаго денежнаго обращенія внутри страны? Какой реальный рубль займетъ мѣсто кредитнаго? На эти вопросы не даютъ даже косвеннаго и отга-

¹⁾ Одновременно съ замѣною послѣднихъ остатковъ серебра въ размѣнномъ фондѣ соответственнымъ количествомъ золота, 30-го іюня переданы въ фондъ и добавочные 98 милліоновъ золотомъ, въ силу указа 3-го марта — чѣмъ разрѣшается недоразумѣніе, высказанное нами по поводу предшествовавшихъ отчетовъ государственнаго банка.

ленного отвѣта тѣ официальныя мѣропріятія, которыя истолковываются газетами въ смыслѣ введенія односторонней золотой валюты.

Для внутренняго денежнаго обращенія едва ли могутъ повздобиться огромные запасы золота, собранныя въ разнѣнномъ фондѣ. Допущенный теперь разнѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото по опредѣленному временному курсу вовсе не нуженъ большинству публики; онъ полезенъ только для лицъ, имѣющихъ международныя торговыя сношенія или ведущихъ банкирскія и биржевыя операціи. Зачѣмъ станутъ обыватели мѣнять бумажныя деньги на золото по курсу, при расходахъ и платежахъ внутри государства? Даже еслибы былъ объявленъ постоянный свободный разнѣнъ бумажекъ на металлъ по установленному окончательному курсу или по нарицательной цѣнѣ, то публика все-таки не имѣла бы повода обращаться за разнѣномъ въ государственныя банки, и металлическій фондъ могъ бы остаться почти нетронутымъ. Объявленіе разнѣна не вызываетъ еще дѣйствительнаго обмѣна, пока бумажныя деньги продолжаютъ исполнять свою прежнюю функцію. Въ Австріи, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, постановлено было изъять изъ обращенія бумажныя деньги путемъ обмѣна ихъ на металлъ по опредѣленному курсу; но предъявленіе къ обмѣну не было обязательно, и при общемъ довѣрїи къ сдѣланной публикѣ національнаго банка никто не стремился получить металлъ вмѣсто бумажекъ, которыя такимъ образомъ долго обращались по назначенному курсу наравнѣ съ металлическими деньгами. Обмѣнъ шелъ такъ медленно, что закончился только черезъ тридцать четыре года. Такъ же точно возобновленіе разнѣна въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ 1879 году, не сопровождалось значительнымъ сокращеніемъ металлическихъ запасовъ казначейства: одни ньюйоркскіе банки могли предъявить къ обмѣну на сорокъ милліоновъ долларовъ бумажекъ, но не предъявили ни одного доллара; въ теченіе десяти мѣсяцевъ взято было металла всего на 600 тысячъ долларовъ ¹⁾. Можно сказать заранѣе, что и на золото нашего разнѣннаго фонда не возникнетъ большого спроса внутри страны; оно не потребуется ни чиновникамъ, ни землевладѣльцамъ, ни мелкимъ торговцамъ, ни сельскому населенію. Если суждено нынѣшнему металлическому фонду избѣгнуть участи прежнихъ запасовъ золота, накопившихся съ большими усиліями въ государственномъ банкѣ и исчезавшихъ затѣмъ безслѣдно за границу, то во всякомъ случаѣ золото не разойдется въ народѣ уже въ силу своей дороговизны. Повторяемъ, для повседневныхъ

¹⁾ С. Энгштейнъ, „Бумажныя деньги въ Италіи, Австріи и С.-А. Соединенныхъ-Штатахъ“. Москва, 1895, стр. 77 и 140.

и всеобщихъ денежныхъ надобностей нужны народу не полунперіалы и не червонцы, а серебряныя полноцѣнныя и разнѣнныя деньги, могущія съ удобствомъ замѣнить кредитныя рубли. Разнѣнный фондъ, въ которомъ нѣтъ серебра, не можетъ имѣть своимъ назначеніемъ ввести въ общій народный оборотъ металлическія деньги, вмѣсто бумажныхъ.

Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть исключительно золотого денежнаго обращенія: Германія имѣетъ свои серебряныя талеры и марки, Франція имѣетъ свои серебряныя франки и пятифранковики, а у насъ нѣтъ еще ничего взаимнѣ изгоняемаго отовсюду серебрянаго рубля. О чисто золотой валютѣ говорится только фигурально, — она вообще не существуетъ и неосуществима на практикѣ, и, разумѣется, было бы странно думать, что мы дадимъ міру образецъ такой монетной системы, до которой не дошли и не желаютъ дойти передовые промышленные и культурные народы. Сохранимъ значительную часть нашего золотого резерва для будущаго, чтобы не нуждаться во внѣшнемъ займѣ при наступленіи какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а известную долю собраннаго золота мы можемъ съ выгодой обмѣнять на серебро для дѣйствительной замѣны бумажныхъ рублей серебряными; золотой монеты понадобится у насъ гораздо меньше, такъ какъ для болѣе крупныхъ суммъ, начиная съ двадцати пяти рублей, остались бы кредитныя или банковыя билеты, при условіи свободнаго размѣна на металлъ. Подобная реформа приблизила бы наше денежное обращеніе къ французскому типу, съ тѣми только различіями, которыя вызываются и оправдываются особымъ характеромъ нашей экономической жизни. Основная монетная единица была бы у насъ серебряная, подобно тому, какъ во Франціи въ сущности главнѣйшей ходячею монетою служатъ пятифранковикъ. Нѣтъ для насъ другого цѣлесообразнаго рѣшенія денежнаго вопроса, и мы увѣрены, что на этомъ рѣшеніи остановится и наше финансовое вѣдомство, вопреки всѣмъ толкамъ газетныхъ финансистовъ.

IV.

Съ какими своеобразными мнѣніями приходится у насъ считаться въ области финансовыхъ вопросовъ, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ брошюръ, появившихся въ послѣднее время.

Одна брошюрка носить заглавіе, въ которомъ цѣликомъ выражена основная мысль автора, г. Ю. Тришкина: „О бѣдствіяхъ повышенія курса бумажныхъ денегъ и о девальваціи“. Въ виду

бѣдствій повышенія курса, авторъ превозноситъ девальвацію, какъ „одинъ изъ величайшихъ актовъ государственной мудрости и справедливости“. Въ другой брошюрѣ, принадлежащей перу г. К. Трубникова, высказывается, между прочимъ, безпокойство по поводу возможнаго переполненія нашего денежнаго рынка золотомъ монетою, ибо „кромѣ золота, добываемаго въ Россіи, оно можетъ приливать къ намъ изъ-за границы въ видѣ иностранной монеты, привозимой путешественниками, переселенцами оттуда (?) или иностранными капиталистами, ищущими у насъ краткосрочнаго (почему только краткосрочнаго?) помѣщенія своимъ средствамъ“. Чтобы предупредить это бѣдствіе, финансовое вѣдомство должно принимать свои мѣры. Государственный банкъ долженъ будто бы обратно выпускать въ обращеніе кредитные билеты, поступившіе при покупкѣ золота изъ размѣннаго фонда и изъятые уже изъ обращенія, т.-е. банкъ долженъ увеличивать обиліе денегъ на внутреннемъ рынкѣ. „Но въ случаѣ усиленнаго прилива на наши внутренніе рынки золотой монеты, министерство финансовъ можетъ достигнуть равновѣсія количества денегъ съ потребностью въ нихъ для оборота инымъ путемъ (т.-е. кромѣ увеличенія обилія денегъ), а именно приступить къ совершенію внутренняго металлическаго займа на предметъ дальнѣйшаго увеличенія своихъ драгоценно-металлическихъ запасовъ“. Дѣлать займы и платить по нимъ проценты только для того, чтобы уменьшить предполагаемое обиліе металла въ публикѣ,—тогда какъ государственный банкъ будетъ обратно сѣять изъятія изъ обращенія бумажныя деньги! Можно ли договориться до большаго абсурда? И подобныя вещи излагаются съ серьезнымъ видомъ знатока, какъ будто авторъ въ самомъ дѣлѣ понимаетъ что-нибудь въ государственныхъ финансахъ. Г. Трубниковъ сообщаетъ также удивительный фактъ, что „правительство рѣшилось придти на помощь этому преобразованію (нашей денежной системы)... и утвердило представленіе г. министра финансовъ объ упорядоченіи финансоваго нерва, каково денежное обращеніе“. Хорошо еще, что правительство, т.-е. въ данномъ случаѣ министерство финансовъ, помогаетъ г. министру финансовъ и утверждаетъ его представленія. Г. Трубниковъ въ нѣсколькихъ строчкахъ отвергаетъ „одностороннія ученія разныхъ экономистовъ“, называетъ имена Адама Смита, Прудона, Робертуса (не Родбертуса) и другихъ, а въ одномъ мѣстѣ мимоходомъ обрушивается на „коммерческо-публицистическое и фабрично-книжное предпріятіе“, выпускающее „мириады каррикатуръ“ и рѣшающее „самыя трудныя про-

блемы въ фельетонныхъ двухъ-трехъ строкахъ“¹⁾. Однако, самъ авторъ былъ когда-то участникомъ „коммерческо-публицистическаго предпріятія“, въ качествѣ издателя „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и его теперешнее самобичеваніе тѣмъ болѣе трогательно, что и брошюрка его имѣетъ нѣкоторую связь съ „фабрично-внѣшнимъ предпріятіемъ“, пробуждающимъ будто бы „не малую смуту въ жизни и умахъ“. Мы можемъ, впрочемъ, засвидѣтельствовать, что брошюрки г. К. Трубникова неспособны вызывать какую-либо смуту въ жизни и въ умахъ.

Мы не желаемъ сравнивать г. Сергія Шарапова съ авторами указанныхъ нами брошюръ; но его книга о „бумажномъ рублѣ“, хотя и написанная горячо и краснорѣчиво, по существу мало чѣмъ отличается отъ разсужденій г. Трубникова. Дѣльный знатокъ нашего сельскаго хозяйства, авторъ интересныхъ и поучительныхъ очерковъ помѣщичьяго землевладѣнія и земледѣлія, г. Сергій Шараповъ впадаетъ въ невѣроятныя странности и противорѣчія, когда заговариваетъ о высшей политикѣ и философіи. Считая себя призваннымъ держать знамя славянофильства послѣ Авсакова, онъ вдается въ ходульное, напыщенное фразерство, лишенное иногда человѣческаго смысла. Онъ нашелъ новое самобытное слово, которое Россія должна сказать гнилому Западу,—и это слово есть наши неразвѣнныя бумажныя деньги, заимствованныя съ того же Запада! Во имя своего открытія онъ громитъ безсильную и ничтожную западную науку вообще и западную финансовую науку въ частности,—но въ интересахъ справедливости признается, что его собственная чисто русская теорія абсолютныхъ бумажныхъ денегъ заимствована имъ у „великаго нѣмецкаго мыслителя“, Родбертуса. Г. Шараповъ утверждаетъ, что въ самодержавномъ государствѣ система неразвѣнныхъ бумажныхъ денегъ дѣйствуетъ безошибочно, ибо авторитетъ верховной власти сообщаетъ этимъ деньгамъ постоянную и твердую цѣну, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній,—и тутъ же рядомъ упоминается общеизвѣстная исторія нашихъ ассигнацій при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I, разсказывается перемѣнчивая судьба кредитныхъ билетовъ въ позднѣйшую эпоху, и только сдѣланныя ошибки и упущенія приписываются отдѣльнымъ лицамъ, которыя какъ бы самовольно заправляли русскими государственными финансами. Онъ не можетъ сказать, какъ избѣгнуть ошибокъ на будущее время, и въ то же время увѣряетъ, что непогрѣшимость финансоваго управленія обезпечена намъ

¹⁾ „Преобразование денежной системы“. Сочиненіе К. В. Трубникова. Спб., 1895. Стр. 7—8, 10—11, 17, 19. Всего въ этомъ „сочиненіи“ 23 странички.

разъ навсегда, въ отличіе отъ блуждающихъ во тьмѣ западныхъ народовъ. „Безсиліе Запада въ области мысли,—говоритъ онъ,— до того поразительно за послѣднее время, что кромѣ опошленныхъ, износившихся и полныхъ внутреннихъ противорѣчій нѣсколькихъ модныхъ міровоззрѣній не является ничего на смѣну, не блещетъ нигдѣ ни луча надежды. Да и не откуда ему тамъ вѣяться“. Очевидно, авторъ думаетъ или хочетъ думать, что свѣтъ истиннаго знанія и истинной науки идетъ, или долженъ идти, только отъ самобытнаго русскаго творчества. Даже деньги, которыя на Западѣ составляютъ темную силу, орудіе рабства слабыхъ у сильныхъ, превращаются у насъ въ невинную „разсчетную бумажку, безпритязательнаго объективнаго счетчика, въ орудіе христіанской помощи народному труду, предпримчивости и сбереженію“, согласно славянофильскимъ идеямъ. Оттого у насъ нѣтъ эксплуатаціи, нѣтъ хищничества и кулачества, нѣтъ рабства слабого у сильного, нѣтъ „западной игры эгоизмовъ“, а есть только христіанская любовь, надежда и вѣра въ лучшее будущее. Но г. Шараповъ говоритъ еще, что мы находимся въ тяжеломъ эконоическомъ положеніи, что „ни австріяцу, ни германцу, такъ не тяжело жить и платить государству, какъ намъ“, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ будто бы недоразумѣній ¹⁾ и т. п. Нелѣпный тонъ относительно западно-европейскихъ націй, превознесеніе русскихъ идей и началъ, отрицаніе чужой науки и цивилизаціи, пустое самовосхваленіе, на ряду съ отдѣльными признаніями печальной дѣйствительности,—все это производитъ впечатлѣніе чего-то сумбурнаго и фальшиваго. О денежной теоріи г. Шарапова нѣтъ надобности и говорить: это смѣсь совершенно неправдоподобной наивности съ безцѣльнымъ фантазерствомъ. Тутъ есть и неограниченное печатаніе бумажекъ, и раздача денегъ желающимъ для поощренія производительной дѣятельности, и общее повсемѣстное благополучіе при помощи государственныхъ денежныхъ знавовъ, безъ всякихъ затратъ на золото или серебро;—есть даже готовый проектъ новаго устройства финансовой администраціи, съ „бояриномъ большой казны“ или „большимъ казначеемъ“,—такъ что г. Шараповъ исполнилъ свой долгъ до конца, не только какъ теоретикъ, но и какъ практикъ славянофильской финансовой науки...

Л. Слонимскій.

¹⁾ Тамницкій (Сергій Шараповъ). „Бумажный рубль (его теорія и практика)“. Слб. 1896.

ПОСЛѢДНІЕ МАЗКІ

„The Last Touches“, by Mrs. Clifford.

Безспорно, Анри Карбушъ — самый знаменитый изъ всей плеяды французскихъ художниковъ.

Всѣ усилія онъ приложилъ къ тому, чтобы убѣдить въ этомъ весь просвѣщенный міръ; и міръ убѣдился. Два-три небрежныхъ удара кисти, разъ они подписаны Карбушемъ, цѣнились на вѣсъ золота, приносили ему тысячи франковъ. Государи и верховные правители считали за удовольствіе посѣтить его мастерскую. Интервьюеры стремились повидать его, поговорить о немъ въ газетахъ, но онъ старательно ограждалъ себя отъ ихъ назойливаго любопытства. Собиратели автографовъ и біографы также тщетно добивались его подписи, его личныхъ впечатлѣній и жизнеописанія.

Слава его была такъ же блестяща, какъ и внезапна. За одинъ годъ никому неизвѣстный художникъ сталъ вдругъ знаменитостью и слава его съ тѣхъ поръ горѣла постояннымъ лучезарнымъ сіяніемъ. Несмотря на это, онъ былъ нелюдимъ, какихъ мало. У него не было ни друзей, ни знакомыхъ, которые безпрестанно забѣгали бы къ нему и оживляли пустынную красоту его богатой квартиры. Онъ былъ старый холостякъ лѣтъ подъ пятьдесятъ или больше; не было у него и никогда никто не знавалъ за нимъ семьи или семейныхъ привязанностей. Молчаливый, одинокій, онъ цѣлыми днями безвыходно просиживалъ въ своей мастерской — самой неудобной изъ всѣхъ его комнатъ. Вопреки обще-распространенному типу мастерскихъ знаменитыхъ художниковъ, его ком-

ната была до того лишена претензій на пестроту и „художественный безпорядокъ“, что даже поражала своей суровой простотою. Два-три жесткихъ, старинныхъ стула; голыя стѣны; тамъ и сямъ станки съ натянутыми полотнами; по угламъ или вдоль стѣнъ то развѣшанныя безо всякихъ художественныхъ соображеній картины, то просто на полу, прислоненныя къ стѣнѣ эскизы — вотъ и все незатѣйливое убранство мастерской Карбуша. Картины его давались ему легко, словно шутя, и онъ не обращалъ на нихъ особаго вниманія, пока работалъ, а затѣмъ смотрѣлъ на нихъ критически, будто со стороны, и даже съ нѣкоторой долей уваженія, какъ на милыхъ, недолгихъ гостей своей мастерской. Кромѣ своей работы, Карбушъ интересовался еще и своими капиталами, которые быстро возрастали. Прибавляя все новыя и новыя банковыя билеты къ прежнимъ, онъ пересматривалъ ихъ почти съ любопытствомъ и, пожавъ плечами, записывалъ въ нестарую кассу, а затѣмъ снова брался за кисти и палитру, съ которыми никогда не разставался.

На лѣто онъ уѣзжалъ изъ Парижа, но куда — никто и никогда не могъ бы узнать. Развѣ только осенью, случайно, или весной, въ салонѣ, та или другая его картина слегка намекаетъ на ту мѣстность, гдѣ онъ отдыхалъ отъ своихъ зимнихъ трудовъ. Небрежный во всему и во всѣмъ, онъ даже не зналъ по имени своихъ слугъ и не замѣчалъ ихъ вовсе, если они исправно дѣлали свое дѣло; но за малѣйшую оплошность имъ доставался строжайшій выговоръ. Столъ его былъ крайне простъ, незатѣйливъ; но если за столомъ было подано мало, онъ сильно сердился. Столовая, прекрасная, богато обставленная комната, удостоивалась его посѣщенія лишь на время завтрака или обѣда; изъ мастерской онъ выходилъ только сюда или на прогулку въ каретѣ. Посѣтителей своихъ онъ принималъ исключительно въ своей неказистой мастерской; туда же являлись и богачи-покупатели, нарасхватъ заручавшіеся тѣмъ или другимъ произведеніемъ кисти знаменитаго художника.

Про него ходило не мало анекдотовъ, и нѣкоторые изъ нихъ не лишены были вѣроятности. Говорили, что одного миллионера Карбушъ изобразилъ съ такимъ живымъ выраженіемъ на злобще-угрюмомъ лицѣ, что страшно на него было смотрѣть, хотя это былъ живой сколокъ съ оригинала. Говорили еще, что даже красота его извѣстной картины Сень-Жерменскаго лѣса имѣетъ что-то отталкивающее.

— Я была тамъ не такъ давно, — замѣтила молодая дѣвушка изъ публики: — и нахожу, что это впечатлѣніе вѣрно дѣйствитель-

ности. По крайней мѣрѣ, мнѣ самой показалось въ красивыхъ видахъ Сень-Жермена что-то непонятное, непривѣтливое.

— О, Карбушъ—великій художникъ!—воскликнулъ ее спутникъ:—но въ своихъ картинахъ онъ непремѣнно воспроизводитъ неприглядныя стороны жизни и некрасивыя стороны природы.

Какъ и всегда, въ концѣ октября Карбушъ вернулся въ Парижъ.

Въ его мастерской пылали разгорѣвшіеся дрова, а по улицамъ сновали или мирно поджидали сѣдочковъ, стоя въ линію у тротуара, закрытыя каретки съ бѣлой надписью сбоку на козлахъ: „отопляется“. Съ деревьевъ на бульварахъ и въ Булонскомъ лѣсу падаютъ и, шелестя, ложатся на холодную землю желтые, свернувшіеся отъ утреннихъ морозовъ, листья и непріязненные порывы свѣжаго вѣтра гнутъ полу-нагія вѣтви дубовъ, липъ и акацій. Зима наступаетъ...

Карбушъ былъ одинъ-одинешенекъ въ своей мастерской и, сидя передъ каминомъ, курилъ дорогую сигару, — единственная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ. Недалеко отъ него, у окна стоялъ мольбертъ; слѣва отъ станка, подъ рукою, лежали палитра и кисти. У стѣны, изнанкой къ комнатѣ, а лицомъ къ стѣнѣ стояла картина, на которую онъ самъ уже давнымъ-давно не смотрѣлъ и которую никому не показывалъ: никто не рѣшился бы самъ, безъ его разрѣшенія, прикоснуться къ ней, и потому никто не зналъ, чтó она изображаетъ?..

Карбушъ докуривъ уже не первую сигару и бросилъ въ огонь, когда за дверью раздались шаги и слуга доложилъ, что какой-то „милордъ“ желаетъ его видѣть. Имени его не выговорить никакъ; вотъ карточка!

Карбушъ не спѣша (дѣйствительно, имя было трудное) прочелъ: „графъ Харльстонъ“ и привазалъ просить.

Минуты двѣ спустя, въ мастерскую вошелъ строго одѣтый англичанинъ среднихъ лѣтъ.

— Здравствуйте, monsieur!—сухо привѣтствовалъ его художникъ.—Мнѣ очень жаль, что вы взяли на себя трудъ пріѣхать... Я вернулся вчера и только тогда прочелъ вашу записку, а потому и не успѣлъ еще отвѣтить.

— Я и не ждалъ отвѣта,—на изящнѣйшемъ французскомъ языкѣ отвѣтилъ графъ. Карбушъ, конечно, не говорилъ ни на какомъ иномъ языкѣ, кромѣ своего родного.

— Но мнѣ все-таки жаль, что вы потревожились напрасно.

— Напротивъ, мнѣ это только пріятно: я счастливъ, что такимъ образомъ имѣлъ поводъ посѣтить вашу мастерскую.

— Мнѣ это крайне лестно,—холодно возразилъ художникъ.
— Но я еще разъ приношу вамъ свои извиненія, что не отвѣтилъ на вашу записку.

— Я сяду: вы позволите?—проговорилъ англичанинъ и подошелъ къ одному изъ немногихъ стульевъ въ мастерской.

— Пожалуйста,—неохотно отвѣтилъ хозяинъ дома.

Лордъ Харльстонъ молча окинулъ глазами обстановку и ея владѣльца и съелъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе.

— Какъ вижу, вы не потворствуете легкимъ вкусамъ и предпочитаете строгую простоту пестрымъ бездѣлушкамъ, которыми загромождены мастерскія нашихъ лондонскихъ художниковъ,—заговорилъ онъ снова.— У васъ здѣсь можно хоть вздохнуть свободно.

Карбушъ поклонился, но не произнесъ ни слова, очевидно, желая дать понять гостю, что пора приступить къ дѣлу. Лордъ Харльстонъ это понялъ.

— Въ запискѣ моей я говорилъ вамъ, что жена моя желаетъ, чтобы вы написали ея портретъ.

— Я весьма польщенъ желаніемъ графини, и крайне сожалѣю, что я не портретистъ.

— Но она почтетъ за честь быть вашей моделью для портрета,—любезно возразилъ графъ.

— Мнѣ очень жаль, что я не портретистъ,—настаивалъ на своемъ Карбушъ.

— Но,—робко возразилъ графъ:—если не ошибаюсь, я видѣлъ два или три портрета вашей кисти...

— Весьма возможно. Но ихъ немного и для каждаго были особыя причины.

— Нельзя ли, чтобы онѣ явились и въ данномъ случаѣ?

— Никогда въ жизни я не писалъ женскихъ портретовъ, и какъ ни лестно мнѣ довѣріе графини, мнѣ не хотѣлось бы дѣлать исключенія.

— Ваше возраженіе только сильнѣе разжигаетъ мое желаніе, —крайне ласково и любезно, почти вкрадчиво, замѣтилъ англичанинъ.—И неужели нѣтъ возможности васъ переубѣдить? Мнѣ, собственно, даже неловко заводить разговоръ о вознагражденіи въ сравненія съ вашими трудами: они неоцѣненны! Но... какъ бы ни были велики ваши условія...

— Но они и есть велики!—поспѣшилъ возразить художникъ.—Я не возьмусь за женскій портретъ дешевле, какъ за...—и

онъ назвалъ дѣйствительно громадную сумму.—И, наконецъ, я предпочитаю вовсе за это не браться!—оборвалъ онъ почти грубо и сердито метнулъ глазами въ сторону, на пламя камня.

— Я съ наслажденіемъ заплачу вамъ эту сумму, и вѣкъ буду вамъ за это благодаренъ.

— Но я вѣдь не люблю затягивать работу: три-четыре сеанса—и все!

— Это тѣмъ для насъ удобнѣе, что мы сами спѣшимъ отъѣздомъ.

— По моему, не стоить тратить и времени на женское лицо, если оно не отличается выдающейся красотой... Конечно, я этимъ не хочу сказать, что графиня некрасива; напротивъ, я увѣренъ, что она хороша собою, но, я думаю, шопсиег самъ не можетъ не согласиться, что голова мужская несравненно выразительнѣе и интереснѣе женской. Понятно, я говорю съ вами какъ съ женщиной, и не выскажу этого ни одной женщинѣ, изъ боязни ее обидѣть.

— Я это прекрасно понимаю,—согласился графъ.— На короткое время я ѣду въ Пиренеи... такъ нельзя будетъ рассчитывать, что за это время...

— Я очень занятъ,—стоялъ на своемъ художникъ.

— Конечно, мы просили бы у васъ только поясной портретъ, голову... но и за простой эскизъ были бы крайне благодарны,—присталъ лордъ Харльстонъ.

Карбушъ опять перевелъ глаза на камень и почувствовалъ, что уже заочно всей душой возненавидѣлъ женщину, ставшую поперець дороги его порядкамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его самолюбію было пріятно получить безпрекословно такую неслыханную сумму за портретъ; пріятно было еще и какъ доказательство его власти надъ той самой толпою, которая относилась къ нему когда-то безучастно: не хотѣла видѣть его таланта, жалѣла грошей, которыхъ у него не было и которые тогда дали бы ему возможность основательно заниматься живописью. Онъ голодалъ и холодалъ, работалъ какъ волъ, на пустой желудокъ, самъ пробивалъ себѣ дорогу, отчаяваясь, порой, когда-либо добиться извѣстности.

Теперь онъ ея добился; добился и богатства; добился того, что обогатилъ эту самую толпу твореніями своего искусства, и каждое изъ нихъ—вѣрный памятникъ его таланта, его презрѣнія къ толпѣ, его величія, его власти надъ нею!

Онъ понималъ прекрасно, чѣмъ ему обязаны люди, и онъ съ

ними по неволѣ имѣлъ дѣло; но женщины... Какое ему до нихъ дѣло, съ какой стати онъ будетъ писать женскій портретъ?

Быстро повернувшись къ своему посѣтителю, Карбушъ упрямо вернулся къ своему отказу.

— Monsieur!—началъ онъ опять.—Я не изъ особенно деликатныхъ людей и увѣряю васъ, что не желалъ бы измѣнять своимъ правиламъ. Какъ я уже сказалъ, мнѣ весьма лестно, что знатная дама, англичанка, цѣнитъ мои труды и вѣряетъ воспроизведеніе своего прекраснаго лица моему искусству. Но если бы я и рѣшился когда написать портретъ съ женщины, то, конечно, началъ бы со своихъ соотечественницъ.

— Вотъ и прекрасно!—обрадовался англичанинъ:—моя жена на половину французенка: ея отецъ былъ англичанинъ, а мать — французенка.

— Неужели?—проговорилъ художникъ какимъ-то страннымъ голосомъ, точно ему что-то пришло на умъ.

— Въ дѣвущкахъ, до девятнадцати лѣтъ, она жила въ Сентъ-Жерменѣ, пока отецъ не отозвалъ ее въ Англію.

— А, да: я помню, какъ за ней прислали, — тихо произнесъ Карбушъ. На лицѣ англичана отразилось удовольствіе.

— Вижу, что вы припомнили. Жена именно говорила мнѣ, если на васъ никакія убѣжденія не подѣйствуютъ, напомнить вамъ, что вы—старые друзья...

— Память у графини чудесная!—насмѣшливо замѣтилъ художникъ.—Она вполне соответствуетъ и другимъ ея качествамъ, которыми, насколько я помню, отличалась миссъ Брукъ.

— Я, право, удивляюсь, что вы тогда же не писали съ нея портрета,—проговорилъ графъ.—Она была замѣчательно красива.

На одинъ только мигъ лицо Карбуша смягчилось, но это выраженіе быстро исчезло и онъ просто сказалъ:

— Да, она была очень красива.

— Вы, вѣроятно, занимались въ академіи или у знаменитыхъ художниковъ въ Парижѣ, когда жили въ одномъ домѣ-пансіонѣ съ моей женою, какъ она мнѣ сама говорила?—спросилъ англичанинъ.

— Никогда и никакихъ школъ и академій я не посѣщалъ, и не принадлежу ни къ какой особой школѣ!—возразилъ Карбушъ.—Если въ художникѣ есть врожденный огонь, отъ него зависить самостоятельно стремиться къ его развитію. Если глазъ его невѣренъ, рука нетверда; если онъ не понимаетъ смысла внѣшности, не чутокъ къ наружной красотѣ и не умѣетъ разгадать духовную, — лучше ему вовсе не трудиться, не терять да-

ромъ времени: ничего изъ него не выработается! И никогда не дастъ онъ міру самостоятельныхъ, новыхъ произведеній, — новыхъ по замыслу и по характеру.

— Но вѣдь всѣ художники — послѣдователи какой-нибудь школы...

— Бываютъ и исключенія...

— Жена говоритъ, что вы съ нею много объ этомъ бесѣдовали.

— Весьма любезно со стороны графини, что она не забыла, — снова насмѣшливо завучалъ голосъ художника. — Въ то время я былъ еще никому неизвѣстенъ и ничего у меня не было за душою, кромѣ честолюбивыхъ замысловъ...

Онъ умолекъ на минуту и снова отвелъ глаза въ сторону.

— Да, — задумчиво продолжалъ онъ, какъ бы думая вслухъ: — интересное это было общество. Г. Картонъ, хозяинъ нашего пансіона, былъ старый служака и меня принималъ охотно, потому что мой отецъ былъ тоже военный и его старый знакомый.

— А что: „Красная бесѣдка“ недалеко отсюда? — спросилъ лордъ Харльстонъ, вспомнивъ объ извѣстной картинѣ художника.

— О, нѣтъ! Она совсѣмъ въ сторонѣ отъ Сень-Жермена, на разстояніи получаса отъ нашего пансіона, по дорогѣ къ Марли. Впрочемъ, я васъ задерживаю. Да и воспоминанія эти не особенно интересны... Прошу васъ передать мой привѣтъ графинѣ.

— Ну, а какъ же съ портретомъ?

— Да право не знаю, чтѣ за интересъ графинѣ непременно желать, чтобы я писалъ съ нея портретъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она уѣхала изъ Сень-Жермена, мы вѣдь ни разу не встрѣчались.

— Но ей очень бы этого хотѣлось; она надѣялась, что, въ память прежней дружбы, вы не откажете...

Карбушъ нахмурился и, молча, угрюмо насунилъ брови; затѣмъ вдругъ поднялъ голову и проговорилъ:

— Извольте. Я почту за особое удовольствіе написать графиню!

Въ каминѣ пылалъ тщательно разложенный огонь. На станкѣ было натянута новое полотно такихъ размѣровъ, что могло хватить только на поясной портретъ, — не болѣе; напротивъ, нѣсколько въ сторону отъ мольберта, на небольшомъ возвышеніи стоялъ стулъ для графини. Карбушъ поджидалъ ее на первый сеансъ.

— Графиня! — говорилъ онъ, словно обращаясь къ ней и при-

слушивался къ звуку своего голоса.— Или: „Машина“!... Гм!..— и голосъ его раздраженно оборвался, словно отъ душевной боли.— Можетъ быть, она еще носить (какъ бывало) сѣрую бѣлку на шеѣ... Шейка-то у нея, должно быть, уже далеко не та, какъ двадцать три года тому назадъ... Боже мой! Чтѣ бы это было, если бы дѣло иначе повернулось...

Задумчиво шагая по своей мастерской, Карбушъ подошелъ къ большой папкѣ, прислоненной къ стѣнѣ, въ уголкѣ, и вытаскилъ изъ-за нея небольшое полотно. Картина представляла собою уголокъ лѣса — два-три каштановыхъ дерева, а подъ ними двѣ человѣческія фигуры: юношу и молодую дѣвушку. Онъ старается заглянуть ей въ лицо, а она отворачивается...

— Если бѣ мнѣ только удалось тогда разглядѣть выраженіе ея глазъ,—шепчетъ художникъ:— я бы тогда же узналъ навѣрно...

Шопотъ его оборвался и онъ со вздохомъ поставилъ картину на мѣсто. Въ уголкѣ ея была надпись: „Марли, 18... года“.

Художникъ снова машинально принялся вездѣ и впередь мѣрять комнату. Вдругъ дверь отворилась и на порогѣ показалась стройная, изящная женщина.

Карбушъ привѣтствовалъ ее официально холоднымъ, но изысканнымъ поклономъ. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на свою посѣтительницу; лицо его отразило жесткость и безучастность.

Подъ шолковой вуалью трудно было разглядѣть ея черты; но голосъ ея звучалъ глубоко и мягко.

— Здравствуйте, г. Карбушъ!—говорила она.— Для меня настоящее удовольствіе снова увидѣться съ вами!

Сердце его дрогнуло, но онъ стиснулъ зубы и сухо отвѣтилъ:

— Здравствуйте, графиня! Я почту за честь писать вашъ портретъ.

— Крайне любезно съ вашей стороны, что вы согласились,—замѣтила графиня и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

Художникъ слышалъ шелестъ дорогого шолковаго платья и, съ минуту помолчавъ, отвѣтилъ:

— Мой удѣлъ на землѣ—работать кистью!

У дверей стояла нарядная, скромная горничная—и на полувопросительный взглядъ художника графиня пояснила:

— Это Сюзетта: она поможетъ мнѣ оправиться, — и снова взглянула ему прямо въ лицо.— Да! Какъ странно, что мы опять встрѣтились... Намъ такъ часто хотѣлось...

— Если позволите, мы начнемъ сейчасъ же,—перебилъ художникъ:— какъ только вы оправитесь.

— Ахъ, да: вамъ время дорого. Конечно, сейчасъ же. Сю-

зетта!—кликнула графиня и разстегнула свою ротонду, которую бережно приняла на руки слуганка.

Фигура ея была еще очень стройна, но уже потеряла оттънокъ прежней дѣвственной гибкости. Когда она входила, Карбушъ замѣтилъ, что дѣвичью живость движеній смѣнила женственно-спокойная осанка, полная изящества и собственного достоинства.

Сюзетта вынула изъ прически графини черепаховую булаву, на которой держалась вуаль, и художнику одного мгновенія было довольно, чтобы убѣдиться, что цвѣтъ ея волосъ—прежде нѣжно-золотистый—замѣтно поглубѣлъ, хотя и напоминалъ прежній оттънокъ.

— Видно, не разъ проходила надъ ея головой суровая зима послѣ того свѣтлаго лѣта, когда мы сказали другъ другу послѣднее „прости!“—подумалъ онъ. — Солнечные лучи потухаютъ и нѣтъ еще грѣха въ желаніи искусственно поддержать ихъ свѣтлымъ отблескъ.

— Я измѣнилась?—спросила графиня довольно сантиментальнымъ тономъ, сопровождая свои слова улыбкой, которая, повидимому, напрашивалась на отрицательный отвѣтъ; но художникъ отвѣтилъ серьезно и почти грустно:

— Совершенно естественно, что мы оба измѣнились: вы ужь давно графиня, а я—старикъ.

— Ахъ, нѣтъ, чтѣ вы? Помигуйте!—улыбнулась графиня, видимо думая, что эта улыбка неотразима.

И Карбушъ какъ будто только теперь увидалъ хорошенько ея лицо, которое вдругъ стало ему ненавистно. Ея глаза стали уже не такіе голубые, чистые и довѣрчивые, какъ прежде; брови надъ ними были гораздо темнѣе волосъ. Недаромъ графиня была дочерью французенки: она умѣла вд-время поддержать искусственнымъ образомъ увядающую красоту той или другой части своего красиваго лица. Ея нѣжно-розовыя щеки, однако, непохожи были на алѣвшія дѣвичьимъ румянцемъ, а румяныя губки хотъ и казались свѣжими, но не такими, какъ прежде. Это не трудно было художнику подмѣтить и это сердило его. Не могло быть сомнѣнія: хотъ и съ достоинствомъ держалась прекрасная и стройная лэди Харльстонъ, а все же въ ней было что-то искусственное и слишкомъ свѣтское, слишкомъ показное.

Ничто не ускользнуло отъ вниманія Карбуша и онъ все ей поставилъ на счетъ.

— Сюзетта, можете идти. Вернитесь черезъ два часа (вѣдь,

кажется, сеансъ долженъ продолжаться два часа?) и не забудьте въ каретѣ! Я, навѣрно, очень устану.

— Она можетъ подождать и здѣсь, у камина,—возразилъ художникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ: ей надо сдѣлать кой-какія покупки. Въ тому же мы съ вами старые друзья,—перебила поспѣшно графиня съ чисто-французской живостью и ухваткой, чего онъ не могъ не признать. — И, наконецъ, я бы желала, мнѣ бы хотѣлось...—прибавила она, когда захлопнулась дверь за горничной:— съ вами поговорить. А при ней это невозможно!

— Простите, но мы съ вами только-что встрѣтились и я не смѣю приписывать себѣ честь быть вашимъ старымъ другомъ...

— Но были прежде, въ былые годы,—тихо возразила она.

— Былые годы такъ же мало касаются насъ теперь, какъ мертвые, которыхъ мы давно скоронили. Сегодня же мы должны думать только о вашемъ портретѣ. Будьте любезны повернуться лицомъ немножко побольше къ свѣту!—и онъ сдѣлалъ два-три шага назадъ, чтобы ему виднѣе была ея поза.

— Я очень измѣнилась?—грустно спросила графиня.

— Время—неумолимый завистникъ и отъ каждаго изъ насъ что-нибудь да отнимаетъ,—возразилъ Карбушъ, нанося на полотно первые штрихи.—Оно рѣдко бываетъ такъ великодушно, чтобы менѣе всего обидѣть самыхъ красивыхъ...

Леди Харльстонъ сдѣлала гримаску, которая видимо ей была привычна, но заучена; и такое именно впечатлѣніе она произвела на художника.

Нѣсколько минутъ длилось полнѣйшее молчаніе.

— А вы очень удивились, Ан... г. Карбушъ, когда узнали, съ кого будете писать портретъ?—Графиня поспѣшно исправила свою оплошность, но преднамѣренно поддалась ей и старалась прочесть на лицѣ художника, какое это на него произвело впечатлѣніе.

Обращеніе его стало еще холоднѣе и официальнѣе, когда онъ отвѣчалъ:

— Въ жизни не мало неожиданныхъ случайностей, но не мѣрѣ того, какъ самъ старинься, привыкаешь рѣдко чему удивляться.

— Вамъ, кажется, трудно говорить, когда вы пишете?

— Вообще говоря, я предпочитаю работать молча.

— Мнѣ бы такъ хотѣлось что-нибудь услышать о васъ отъ васъ же!

— Весьма признателенъ за такое вниманіе,—холодно произнесъ Карбушъ.

— Я съ такимъ интересомъ слѣдила за вашими успѣхами!

— Мнѣ крайне лестно такое вниманіе...—послышалось снова въ отвѣтъ и художникъ углубился въ работу.

Графиня была озадачена.

Когда онъ поднималъ голову и всматривался въ нее, на его лицѣ отражалось единственно желаніе въ точности воспроизвести на полотнѣ ея черты—и только. Работалъ онъ увѣренно и такъ усердно, что къ концу сеанса портретъ значительно подвинулся впередъ. Но отношенія между художникомъ и его моделью остались тѣ же, какъ и въ самомъ началѣ свиданія.

Вдругъ леди Харльстонъ рѣшилась на смѣлѣй шагъ.

— А давно вы были въ Сенъ-Жерменъ?—спросила она.

— Давно, графиня.

— Что за прелестное мѣсто!—со вздохомъ замѣтила леди Харльстонъ.—Мнѣ бы такъ хотѣлось вновь тамъ побывать!

— Ничего не можетъ быть легче: отъ Парижа туда одинъ часъ, а поѣзда отходятъ безпрестанно,—небрежно проговорилъ художникъ, словно погруженный въ работу.

— Да, чудное мѣсто! Но только у меня съ нимъ связано столько грустныхъ воспоминаній!—и она опять глубоко вздохнула.

Карбушъ ничего не отвѣтилъ.

— Теперь тамъ не особенно чудно, графиня,—наконецъ сказалъ онъ угрюмо.—Листья осыпались; лѣсъ потерялъ всю свою прелесть. Его краса—краса женщины: въ ней мало хорошаго, кромѣ красивой вѣшности. Пройдетъ лѣто и въ Сенъ-Жерменъ не окажется ничего хорошаго, подъ его облетѣвшей листвою.

— Не одна только молодость, не одно только лѣто прекрасны!—возразила графиня почти жалобнымъ тономъ.

— Конечно, нѣтъ: съ годами становишься опытнѣе и умнѣе, а зимою довольно времени для размышленій...

Художникъ умолялъ и только порой на мгновеніе вскидывалъ глазами на графиню, пытливымъ и критическимъ взглядомъ всматриваясь въ ея лицо и дѣловито, увѣренно заноса на полотно результаты своихъ наблюденій. Сеансъ подходилъ къ концу.

— Вы, мнѣ кажется, очень жестоки, — тихо проговорила графиня.

— Быть можетъ,—согласился онъ, пожимаая плечами.—Но ничего не подѣлаешь противъ своей врожденной природы. Таково ужъ несчастье, а можетъ быть, и счастье человѣка.

— Мнѣ кажется, это даже неизбѣжное свойство гениальныхъ

людей,—задумчиво продолжала она.—Столько есть на свѣтѣ прекрасныхъ вещей, жесткихъ, какъ камень. Всѣ драгоценные камни тверды, но тверже всѣхъ самый драгоценный—алмазъ!

— Вы крайне остроумны, графиня; слушая васъ, пожалуй, даже порадуешься своимъ недостаткамъ.

Въ голосѣ художника не было ни тѣни мягкости.

Водворилось снова молчаніе. Затѣмъ онъ поднялъ кисть и высвободилъ палецъ изъ палитры. Сеансъ кончился.

Художникъ критически взглянулъ на графиню и еще разъ внимательно сличилъ свою работу съ оригиналомъ.

У подъѣзда замеръ грохотъ кареты.

Графиня, чуть не задыхаясь отъ волненія, пролепетала:

— Вы, значить, никогда не прощаете?

Карбушъ прямо посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Отчего же? Всѣмъ намъ приходится что-либо прощать.

— А!.. А простивши?..

— Простивши вору, который вломаетъ двери, ворвется и обокрадетъ меня, я все-таки впредь буду запираеть дверь на засовъ, уже зная, съ какого рода человѣкомъ я имѣю дѣло.

— Но я бы хотѣла поговорить о прошломъ,—сказала она и невольнымъ движеніемъ протянула къ нему обѣ руки.

— Но мы—въ Парижѣ, въ моей мастерской. Я имѣю честь писать съ васъ портретъ и, если вы будете такъ добры, мы лучше ограничимъ нашу бесѣду только тѣмъ, что прямо касается его... А вотъ и ваша дѣвушка. Позвольте вамъ помочь... Какая красивая ротонда! Какой прекрасный цвѣтъ! хорошо бы ее написать...

— Итакъ, до свиданія: въ одиннадцать часовъ, въ четвергъ. Еще два сеанса — и, если работать прилежно, портретъ будетъ совершенно готовъ... будьте здоровы, графиня!

Наступилъ послѣдній сеансъ. Портретъ былъ почти готовъ, и поражалъ совершенствомъ кисти: на немъ видна была рука знаменитаго Карбуша. Но самое лицо передано было съ такимъ совершенствомъ, что даже обидно и больно было графинѣ на него смотрѣть. Безжалостно, съ поразительной точностью воспроизвелъ художникъ на полотнѣ ея черты, не пропуская ни малѣйшаго штриха, ни морщинки, словно онъ самъ мысленно переживалъ съ нею каждую ночь, каждый день, который ихъ запечатлѣлъ у нея на лицѣ.

Графиня была въ отчаяніи. Неужели это лицо, обрамленное

золотистыми, но очевидно крашенными волосами, искусственно-розоватое, съ подведенными бровями, такъ и должно будетъ появиться въ свѣтъ съ подписью Карбуша? Неужели это лицо—лицо женщины, которой, видимо, уже за-сорокъ, ея лицо?!.. Да это просто ужасъ, это позоръ оставить его потомству!

Разъ или два она пробовала образумить художника, но онъ оставался глухъ и молча продолжалъ работать по-свѣдому. Его глаза, холодные, пронзительные, не щадили ея; его не могли обмануть никакія ухищренія графини, какъ она ни отворачивалась отъ свѣта, какъ ни старалась выгоднѣе для себя выставить передъ нимъ свои точенныя черты.

Его кисть неумоимо работала и портретъ быстро подвигался впередъ.

— Сегодня будетъ готово?—спросила она.

— Даже въ настоящую минуту уже почти готово,—подтвердилъ Карбушъ.

— Неужели у меня такой именно цвѣтъ лица?

Художникъ изумленно взглянулъ на нее.

— Конечно, графиня.

— Вы написали всѣ мои морщины,—тихо укорила она.

— Весьма сожалѣю, но ничего не могу сдѣлать: годы берутъ свое. Они проходятъ ровной чередою, но оставляютъ свой отпечатокъ у насъ на лицѣ. Вы же просили написать съ васъ портретъ.

— Вы бы могли ихъ написать... не всѣ.

— Я могъ бы написать вамъ одинъ глазъ, вмѣсто двухъ, но это было бы на васъ непохоже.

— Мнѣ грустно видѣть на своемъ лицѣ морщины: онѣ напоминаютъ мнѣ... онѣ, какъ четки, надъ которыми мы шепчемъ молитвы въ память дорогихъ намъ усопшихъ, напоминаютъ, каждая, годы тоски, надеждъ и радостей, давно минувшихъ...

— Вы говорите весьма поэтично, графиня!—замѣтилъ художникъ, и его кисть коснулась шеи портрета.

Графиня инстинктивно подняла повыше кружево на шеѣ.

Онъ это замѣтилъ и уменьшилъ бѣлизну ея на портретѣ.

— Слишкомъ бѣла, — прошепталъ онъ и это разсердило графиню.

Она тихонько встала и, не слѣша, вынула изъ кармана ронды сѣрый бѣличій мѣхъ.

— Нельзя ли... не найдете ли вы возможнымъ написать этотъ мѣхъ у меня на шеѣ?—спросила она.—Это сѣрая бѣлка, которую я ношу уже много-много лѣтъ.

Художникъ поднялъ голову и, слегка вздрогнувъ, отвернулся.

— Нѣтъ: теперь уже нѣвогда!—твердо прозвучалъ его отвѣтъ и въ углахъ рта легла глубокая морщинка.

— Вы работаете такъ быстро... пожалуйста, напишите еѣ! Вы были такъ жестоки ко мнѣ (последнія слова перешли почти въ шопотъ), но вѣдь сегодня послѣдній сеансъ... Будьте же немножко помягче: намъ ужъ больше не придется встрѣчаться,— печально заключила она.

— Нѣвогда; не поспѣемъ,—былъ отвѣтъ, но какъ будто не-совсѣмъ твердый.

— Но портретъ уже почти готовъ,—мягко настаивала она.— Смотрите: я положу мѣхъ сюда (и она сложила его ожерельемъ на спинку стула, на которомъ только-что сидѣла). Попробуйте его написать, а я пока отойду въ сторону, отдохну: я очень устала, мнѣ холодно...

И въ самомъ дѣлѣ, она казалась очень уставшей и голосъ ея звучалъ глубоко, въ немъ слышалось чувство. Вѣроятно, художникъ нѣсколько смягчился, потому что молча принялся писать бѣличій мѣхъ.

На мгновенье онъ отвелъ глаза отъ полотна и оглянулся на свою мастерскую. Въ концѣ ея, у каминна, отвернувшись отъ него лицомъ, сидѣла графиня. Красноватое пламя освѣщало только ея стройную, замѣчательно красивую фигуру. Но вотъ она встала и тихо пошла по мастерской осматривать эскизы и картины. Тяжелое шелковое платье шуршало, и Карбушъ съ удовольствіемъ прислушался къ этому звуку, столь необычному въ этихъ стѣнахъ.

— Тутъ у стѣны у васъ стоитъ портфель, а за нимъ полотно,—проговорила она.— Оно повернуто къ стѣнѣ: можно мнѣ на него взглянуть?

— Извините, но еслибъ я хотѣлъ, чтобъ его видѣли, я повернулъ бы его лицомъ къ свѣту.

Графиня отошла отъ портфеля и подошла къ художнику слѣва, почти касаясь его руки, державшей палитру. Онъ продолжалъ работать, точно не замѣчая ея присутствія. Сѣрый мѣхъ былъ почти оконченъ, но Карбушъ еще продолжалъ кое-гдѣ взмахомъ кисти подправлять портретъ. Словно во снѣ, машинально, онъ снялъ морщинку на шеѣ, выступавшую изъ-подъ мѣхового ошейника графини. Она чуть-чуть придвинулась поближе.

— Аври!—тихо прозвучалъ ея голосъ:—капитаны падаютъ въ лѣсу... въ Марли.

Онъ вздрогнулъ и чуть не выронилъ кисть изъ руки.

— Да, — отвѣчалъ онъ. — Баштаны падаютъ, какъ опали отжившіе листья, какъ все живущее отживаетъ, рано или поздно.

Въ голосѣ его уже не было прежней рѣзкой холодности.

— Лѣто прошло, но зима еще не пришла, и не все еще отжило безвозвратно!.. Продолжайте, продолжайте: я посмотрю отсюда. Мнѣ пріятно слѣдить за вашей работой. Сколько воспоминаній связано для меня съ этимъ мѣхомъ!

— Къ чему вы его берегли? — шопотомъ проговорилъ онъ.

— Чтобы не забыть того, чего и такъ нельзя забыть. Передайте мнѣ его: я его надѣну на шею.

— Не угодно ли вамъ снова сѣсть? — стараясь перейти къ прежнему официальному тону, предложилъ художникъ.

— Нѣтъ, я лучше постою! Вы почти кончили и я вамъ больше ненужна... Благодарю васъ! — и графиня надѣла на шею свою сѣренькую бѣлку. — Я ее очень люблю, — шептала она. — Нѣтъ, нѣтъ, не оглядывайтесь на меня, продолжайте работать. Вѣдь вы и такъ помните мое лицо?

— Да, помню! — отвѣчалъ онъ, не отрываясь отъ полотна.

— А вѣдь подбородокъ, пожалуй, слишкомъ твердо опирается на пушистый мѣхъ, какъ вамъ кажется? Вотъ, почувствуйте сами!

Графиня нагнулась близко-близко къ его рукаву и прикоснулась ошейникомъ и подбородкомъ къ рукамъ художника. Помните, какой это мягкій мѣхъ? — проговорила она и тихонько направила его правую руку къ подбородку портрета.

— Помню и никогда не забывалъ, — отвѣчалъ художникъ, и голосъ его слегка дрогнулъ.

Подбородокъ графини на полотнѣ обрисовался мягче, округленнѣе.

— Я часто вспоминаю тотъ лѣсъ, — продолжала вполголоса графиня: — и дорожку къ заглушимъ источникамъ. Тамъ мы оба разыгрывали свою маленькую комедію...

— Но вѣдь это была не совсѣмъ комедія... — началъ было художникъ и хотѣлъ повернуть къ ней голову, но она тихо отстранила ее рукою.

— Конечно, нѣтъ, Анри! Но подумайте, какимъ я была ребенкомъ и какъ этотъ ребенокъ, вмѣстѣ съ вами, воображалъ, что дѣйствительно вернулось время королевскихъ порядковъ и извѣщества. Помните, вы нарядились „свѣтскимъ повѣсой“, а я — „придворной дамой“ изъ дворца Марли?

— Но это была просто шалость.

— Не для меня, я смотрѣла на это серьезнѣе! Какъ-то разъ,

когда вѣтеръ взбивалъ мои волосы, вы сказали, что онъ точно цѣлуетъ солнечные лучи... Возьмите, чуть-чуть растрепшите ихъ (и она кивнула головой на портретъ), пусть это будетъ похоже, пусть мнѣ напомнить...

— Къ чему? Теперь ужъ поздно!—съ горечью возразилъ онъ и задумчиво поправилъ кистью волосы портрета. Они стали живѣе, золотистѣе.

— Отливали, какъ чистое золото!—прошепталъ онъ.

— Какъ сейчасъ вижу ваше лицо, — продолжала вслухъ вспоминать графиня.—Но вы позабыли...

— Ничего!.. Никогда!—вырвалось у него, словно отъ невыразимой боли.

Графиня глубоко вздохнула.

— Мнѣ иногда вспоминаются ваши глаза, какъ они на меня глядѣли... Или вы уже забыли?..

— Мадлину я не забуду!..—воскликнулъ художникъ и повернулся къ ней, но она опять тихонько отстранила его голову къ портрету.

— Нѣтъ, не смотрите на меня: думайте обо мнѣ, какой я была прежде. Вспоминайте, какая я стояла подъ каштанами, въ Марли, какъ загоралось нѣжнымъ румянцемъ мое дѣвичье лицо... Ужъ, конечно, этотъ румянецъ былъ не такой, какъ тотъ, что вы здѣсь написали... Въ то время вы мнѣ говорили... Но я боюсь даже припоминать ваши слова: можетъ быть, вы этого вовсе не думали.

— Нѣтъ, думалъ искренно и горячо...

— Вы говорили, что любите меня.

— Я васъ любилъ...

— Но скоро меня позабыли! Съ тѣхъ поръ не одну женщину вы любили и не одной шептали то же, что и мнѣ...

— Не зналъ и не любилъ я никого. Съ тѣхъ поръ я жилъ одинъ, молчалъ и только вспоминалъ бывшее...

Кисть снова воснулася полотна, и постепенно глаза портрета оживились, стали синѣе и цвѣтъ лица сталъ естественнѣе, живѣе, и волосы покрылись золотистымъ отливомъ, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Лицо портрета похорошѣло и помолодѣло. Художникъ смотрѣлъ на него, отрадно задумавшись, и улыбка неволью раскрыла его губы.

— Я васъ любилъ,—проговорилъ онъ просто и откровенно.—И изъ любви къ вамъ всю жизнь остался одиномъ.

Онъ вдругъ положилъ на мѣсто кисть и повернулся къ ней. Графиня только успѣла наклонить голову такъ, чтобы ему не

было видно ея лица, но онъ, все-таки, потянулся къ ней и его поцѣлуй воснулса пушистой сѣренькой бѣлн.

Карета подъѣхала къ крыльцу.

— Скажите мнѣ, что и вы любите меня, что и ваши слова были искренни!—просилъ онъ.

Графиня закрыла лицо руками, и ему было непріятно видѣть, какъ сверкали крупныя брилліанты у нея на рукахъ.

Дверь отворилась и на порогѣ появилась Сюжетта.

— Ваше сіятельство!—обратилась она къ своей барынѣ.— Графъ вернулся въ Парижъ и спѣшитъ ѣхать въ Англію. Черезъ два часа идетъ поѣздъ, и потому приказано взять портретъ, какъ онъ есть: готовъ, или нѣтъ...

— Да, да, возьмите его, Сюжетта. Осторожнѣй! Онъ еще не просохъ!

— Вотъ и письмо отъ графа: просили тотчасъ же распечатать.

— Хорошо, хорошо! Несите же скорѣе. Пустите!—прошептала она художнику, который хотѣлъ остановить Сюжетту.

— Да нѣтъ же! Надо еще кое-что подправить!..—возражалъ озадаченный художникъ.

— Не надо ничего... пустите!—шептала графиня убѣдительно.

— Осторожнѣе, Сюжетта!—громко приказала она.— Поставьте его стоймя и прислоните къ спинкѣ лѣвой стороною. Можете не возвращаться: я сейчасъ сойду!

Какъ только горничная вышла, графиня распечатала конвертъ, въ которомъ былъ другой, запечатанный, съ деньгами, и поспѣшно накиннула себѣ на плечи ретонду.

— Мадина, скажите мнѣ,—началь опять художникъ, но посмотрѣлъ ей въ лицо и отшатнулся.

— Ахъ, вотъ, пожалуйста, возьмите!—вѣжливо проговорила она и подала ему конвертъ, повернувъ по направленію къ дверямъ.

— Скажите же мнѣ здѣсь, въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ уйдете, скажите, правду ли вы мнѣ тогда...

Она насмѣшливо разсмѣялась:

— О, помилуйте! Портретъ готовъ и, право, онъ прелестенъ! Прощайте! Безгранично вамъ благодарна!—и она выскользнула изъ комнаты быстро и легко, какъ тѣнь.

— Мадина!—въ ужасѣ воскликнулъ онъ, но она уже спускалась съ лѣстницы.

— Прощайте!—смѣялась она.—Портретъ оконченъ, и послѣдніе мазки—верхъ совершенства.

Художникъ вернулся въ мастерскую и, задумчивый, ошеломленный, молча остановился у пустого станка.

За окномъ раздался стукъ колесъ и замеръ вдаль. Она уѣхала.

Машинально онъ разорвалъ конвертъ и оттуда къ его ногамъ упало съ дюжину крупныхъ кредитныхъ билетовъ. Карбушъ посмотрѣлъ на нихъ, какъ во снѣ, и его взглядъ упалъ на край рукава, на которомъ осталось бѣлое пятно... То были слѣды пудры, украшавшей подбородокъ графини.

А. Б—г.

НАЧАЛО ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

I.—ТѢСНАЯ СВЯЗЬ НАЧАТКОВЪ XIX-го вѢКА СЪ XVIII-мъ: ПЕРЕХОДНАЯ ЭПОХА. — ЗАПАДНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ. — КАРАМЗИНЪ. — ЖУКОВСКІЙ.

Великій историческій переворотъ положилъ грань между XVIII-мъ и XIX-мъ вѣками. Новый вѣкъ не могъ забыть эпохи революціи, которая была началомъ этого переворота; но все предшествовавшее какъ будто кануло въ вѣчность, и въ самомъ дѣлѣ многое исчезло навсегда. Политическій переворотъ отразился и въ литературѣ: многое изъ литературныхъ идей XVIII-го вѣка окончательно отошло въ исторію, а новые начатки, еще въ немъ имѣвшіе свой корень, развились въ своеобразное движеніе, ни характера, ни обширности котораго тотъ вѣкъ былъ бы не въ состояніи предвидѣть.

Подобнымъ образомъ литературный восемнадцатый вѣкъ отживалъ и у насъ; но преданія его падали не вдругъ и рядомъ съ ними, отчасти изъ нихъ, зарождалась новая жизнь, не похожая на прежнюю и которой предстояло впереди богатое развитіе.

Успѣхи нашей литературы съ начала нынѣшняго вѣка совершенно заслонили отъ насъ XVIII-е столѣтіе. Первые писатели XIX-го вѣка явились съ такими дарованіями, какъихъ, за исключеніемъ Ломоносова и Державина (у каждаго въ его области) совсѣмъ не знало XVIII-е столѣтіе: Карамзинъ, который началомъ своей дѣятельности еще принадлежитъ этому вѣку, затѣмъ Жуковский, Батюшковъ, наконецъ Пушкинъ съ его плеядой очень быстро сдѣлали восемнадцатый вѣкъ давнопрошедшимъ,—его по-

мнили, еще восхищались имъ люди стараго вѣка, которые даже не понимали новой литературы, но, наоборотъ, новыя поколѣнія были къ нему холодны и, отдавая дань почтенія его главнѣйшимъ писателямъ, находили въ остальныхъ только предметъ для шутокъ. Новая поэзія, или задушевная, или изящная, новый языкъ, становившійся впервые безупречнымъ, живымъ и блестящимъ орудіемъ этой поэзіи, отодвигали все старое на степень первоначальнаго грубаго опыта, школьно-реторическаго по содержанию, уродливаго по формѣ и выраженію. Въ тридцатыхъ годахъ стали думать, что русская литература и начинается только съ Пушкина, что даже такіе предшественники его, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, имѣли значеніе только какъ его подготовители: восемнадцатый вѣкъ становился окончательно архаическимъ—такимъ, который служитъ преддверіемъ къ исторіи, но съ котораго еще не начинается настоящая исторія.

Такое представленіе было не только у Бѣлинскаго; оно возникало и раньше въ эпоху первыхъ восхищеній поэзіей Жуковскаго и особливо Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, новое поколѣніе, которое упивалось „плѣнительною сладостью“ стиховъ Жуковскаго, которое увидѣло откровеніе въ поэзіи Пушкина, не могло уже выносить твореній нашихъ Вольтеровъ, Расиновъ и даже Гомеровъ, которымъ сплетались похвалы еще такъ недавно, а въ кружкѣ Шишкова и Державина даже теперь. Оно только надъ ними подшучивало. Значило ли это, однако, что историческая связь порвалась? — Какъ увидимъ, нѣтъ; но произошло то историческое явленіе, которое такъ часто въ ходѣ развитія обнаруживается при смѣнѣ поколѣній. Овладевъ результатами предшествующей работы, новое поколѣніе часто не видитъ, какимъ великимъ трудомъ было приобрѣтено то, что оно получаетъ готовымъ: это готовое кажется столь естественнымъ, какъ будто иначе оно не могло быть; но въ исторической перспективѣ, которая обыкновенно открывается гораздо позднѣе, становится ясно, что новое поколѣніе только продолжало дѣло стараго и могло идти дальше потому, что воспользовалось его трудами. Въ самомъ дѣлѣ то, что казалось столь естественнымъ—живая поэзія, говорившая изящнымъ русскимъ языкомъ, который такъ легко давался теперь талантливому писателю, — это естественное было добыто только медленнымъ упорнымъ трудомъ цѣлаго ряда предшествующихъ поколѣній; тотъ разладъ, который мы видимъ при встрѣчѣ двухъ историческихъ эпохъ, еще лишній разъ указываетъ, насколько въ самомъ дѣлѣ былъ труденъ тотъ процессъ созданія литературы въ новомъ направленіи, какой выпалъ на долю XVIII-го

вѣка. Ему пришлось выполнить громадную работу этого процесса, начавъ съ Симеона Полоцкаго и исходя изъ грубой, невѣжественной непосредственности XVII-го вѣка. Ему нужно было совершить всю ту подготовительную работу, послѣ которой только и возможно было возникновеніе истинной литературы съ живымъ содержаніемъ и языкомъ. Цѣлый вѣкъ ушелъ на усвоеніе литературныхъ понятій и формъ раньше невѣдомыхъ; на выработку языка, который никогда раньше не служилъ для выраженія этихъ понятій и въ своемъ чисто народномъ составѣ даже никогда не имѣлъ своего должнаго мѣста въ книгѣ; на усвоеніе, хотя бы элементарное, научнаго матеріала, съ которымъ впервые явилась, на примѣръ, возможность приступить къ критическому построению самой русской исторіи; на усвоеніе классическаго и западно-европейскаго поэтическаго матеріала, которое впервые открывало путь къ самостоятельнымъ поэтическимъ опытамъ. Если вспомнить, что при этомъ была въ очень жалкомъ положеніи школа, о которой государство едва заботилось даже для своихъ практическихъ цѣлей, то окажется тѣмъ болѣе значительнымъ образовательный трудъ, который совершался силами одной литературы, т.-е. предоставленнаго самому себѣ общества. Мы видѣли, что въ теченіе всего XVIII-го вѣка въ чисто литературномъ отношеніи какъ будто не было прогрессивнаго движенія, свойственнаго развитію: литература начинала и оканчивала псевдо-классическими подражаніями,—но это развитіе, однако, было. Оно заключалось въ медленномъ, но постоянномъ усовершенствованіи формы и языка, которое все больше приближало литературу къ жизни; оно заключалось въ расширеніи литературнаго опыта, съ которымъ возростали образовательные интересы; развитіе выразилось, хотя внѣ собственно поэтической области, въ томъ фактѣ, что литературное дѣло становилось наконецъ дѣломъ общественнымъ, вопросомъ личной нравственности и вмѣстѣ гражданскаго долга и убѣжденія, какъ было въ кругу Новикова. Все это было необходимымъ подготовленіемъ, и если потомъ, въ первыхъ инстинктахъ литературной самостоятельности, заслуга этого тяжелаго труда забывалась, какъ забывается начальная школа въ дальнѣйшемъ широкомъ образованіи, то въ историческомъ изученіи должна обнаружиться органическая связь, соединяющая двѣ эпохи, двѣ ступени развитія.

Девятнадцатый вѣкъ ограниченъ отъ вѣка предшествовавшаго рѣзкими историческими чертами, которыя положили естественный предѣлъ между двумя эпохами. Закончились времена Екатерины II, и та реакція просвѣщенію, которая въ концѣ ея царствованія

обрушилась на двухъ замѣчательнѣйшихъ людей тогдашняго литературнаго движенія; эта реакція дошла потомъ до крайняго предѣла въ послѣдніе годы XVIII-го столѣтія. Первый годъ новаго вѣка казался освобожденіемъ: новое царствованіе встрѣчено было какъ свѣтлый праздникъ — и справедливо, потому что это было не только отрицательное удаленіе мрачнаго деспотизма, поражающаго и самую мысль, но и положительный призывъ къ труду на пользу просвѣщенія и гражданственности. Громкая слава екатерининскихъ временъ помрачилась гоненіями послѣднихъ лѣтъ; новый вѣкъ, съ новымъ царствованіемъ, являлся богатымъ надеждами, исполненный освободительными мечтами и просвѣдательными планами. Историческія событія приносили много новыхъ возбужденій, неизвѣстныхъ прежнему вѣку, и можно было дѣйствительно ждать новаго порыва національной жизни. Но если новая эпоха обѣщала, и частію въ самомъ дѣлѣ проявляла, гораздо большую степень самостоятельности общественной и литературной, то съ другой стороны не было однако перерыва въ цѣломъ ходѣ развитія. Корни многихъ основныхъ явленій новой литературы лежали въ стремленіяхъ и завѣтахъ XVIII-го вѣка. Старое и новое связаны были тѣсною органическою преемственностью: въ содержаніи литературы, въ характерѣ общественныхъ стремленій, умственныхъ интересовъ, самаго языка слишкомъ часто слышны отголоски XVIII-го вѣка, — они могли напомнить о недавнемъ прошломъ, какъ иной разъ могли бы и разочаровать въ слишкомъ самонадѣянныхъ ожиданіяхъ...

Въ первыхъ десятилѣтіяхъ девятнадцатаго вѣка дѣйствуетъ цѣлый рядъ писателей, стоящихъ на перепутьѣ. Одни изъ нихъ — назовемъ Державина, Шишкова и ихъ приверженцевъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова и въ Россійской академіи — хотѣли быть вѣрными хранителями преданій прошлаго вѣка, и дѣйствительно хранили ихъ съ такою исключительностью, которая не нашла бы сочувствія даже въ болѣе просвѣщенныхъ людяхъ самого XVIII-го вѣка. Другіе приобрѣли свою главную славу въ новомъ вѣкѣ — таковъ былъ Карамзинъ, творенія котораго вызывали благоговѣніе Пушкина, какъ „Исторія государства Россійскаго“, — но всѣмъ характеромъ своего развитія обязаны прошлому вѣку. Такимъ питомцемъ этого вѣка былъ другъ Карамзина, Дмитріевъ, былъ Крыловъ, начавшій еще во времена Екатерины, но составившій свою славу въ то же Александровское время. Литературный споръ, который открылся въ самые первые годы новаго вѣка, — споръ о старомъ и новомъ слоgѣ между приверженцами Шишкова и почитателями Карамзина, — былъ унаслѣдованъ отъ XVIII вѣка: у же

тогда возникла та ересь, на которую ополчился Шиниковъ съ своимъ уже запоздалымъ негодованіемъ. Литературное воспитаніе Карамзина совершалось подъ ближайшимъ вліяніемъ круга Новикова; другъ Карамзина, Петровъ, былъ не только питомцемъ того же круга, но принадлежалъ, въ качествѣ младшаго члена, къ самому „ордену“; среди оживленной издательской дѣятельности Новикова Карамзинъ приобрѣлъ свои обширныя для того времени и для его возраста литературныя познанія, въ которыхъ Петровъ, повидимому, бывалъ его болѣе опытнымъ руководителемъ. Преданія Дружескаго общества создали въ московскомъ университетѣ особый интересъ къ литературѣ, и въ послѣдствіи извѣстный „Благородный пансіонъ“ при университетѣ воспиталъ цѣлый рядъ писателей и друзей литературы въ томъ же духѣ любви къ просвѣщенію, какъ нѣкогда воспитывали Шварцъ, Новиковъ, Херасковъ. Съ той же поры и съ того же примѣра идетъ стремленіе собираться въ дружескіе кружки, основывать литературныя общества, какія являлись тогда не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ. Прославленныя имена прошлаго вѣка еще сохраняли свой авторитетъ въ средѣ молодого поколѣнія, пока усумнился въ нихъ Пушкинъ и окончательно — Бѣлинскій: но еще нѣсколько десятилѣтій эти старыя имена находили своего ревностнаго почитателя и защитника въ Мерзляковѣ, занимавшемъ авторитетную профессуру въ московскомъ университетѣ. Съ XVIII-го вѣка, особенно изъ преданій Новиковскаго кружка приходитъ далеко въ XIX вѣкѣ старый масонскій мистицизмъ: затерявъ просвѣтительные интересы прежняго времени, онъ становился теперь въ лучшихъ случаяхъ мирной, но бесплодной сектой, а въ худшихъ становился изувѣрствомъ и обскурантизмомъ; двадцатые года видѣли послѣдній отголосокъ стараго мистическаго движенія—съ одной стороны комическую, съ другой отвратительную борьбу двухъ сортовъ обскурантизма: масонско-мистическаго, покровителемъ котораго является князь А. Н. Голицынъ, и грубо фанатическаго, представителемъ котораго былъ невѣжественный архимандритъ Фотій. Передъ тѣмъ, въ тѣ же двадцатые года, обскурантные доносы Магницкаго и его питомца Рунича на крайне скромную тогда русскую университетскую науку, — доносы, угождавшіе духу новѣйшей реакціи и ссылавшіеся на Священный союзъ, напоминали о послѣднихъ годахъ Екатерины II, когда ревностными охранителями являлись столь просвѣщенные люди, какъ кн. Прозоровскій и Шешковскій. Но первымъ молодымъ поколѣніемъ XIX-го вѣка была дорога память просвѣтительныхъ стремленій XVIII-го столѣтія; такъ

Радищевъ нашелъ ревностныхъ почитателей въ молодомъ кружкѣ, который въ 1801 году основалъ Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ (здѣсь были, напр., Пнинъ, Д. И. Языковъ, А. Х. Востоковъ, знаменитый впоследствии филологъ, и др.): по смерти Радищева члены Вольнаго Общества говорили о немъ съ великимъ уваженіемъ въ „Свѣтѣ Музъ“ (1803); въ журналѣ подобнаго направленія („Сѣверный Вѣстникъ“, 1805) была перепечатана, въ видѣ „Отрывка изъ бумагъ одного россиянина“, одна изъ лучшихъ главъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“; это молодое поколѣніе говорило опять въ защиту свободы просвѣщенія и печатнаго слова. Какъ непосредственно изъ одного вѣка въ другой переходилъ мистицизмъ, такъ непосредственно перешло и то сентиментальное направленіе, главнымъ представителемъ котораго считается Карамзинъ: корни его лежатъ далеко въ литературѣ XVIII-го столѣтія. Самый классицизмъ, старое наслѣдіе XVIII-го вѣка, еще крѣпко держался не только среди отживающаго поколѣнія, но и въ новыхъ писателяхъ, какъ прославленный трагикъ Озеровъ. Самъ Жуковский, который въ теоретическихъ понятіяхъ перешелъ уже отъ Буало къ Зюльцеру и Эшенбургу и самъ называлъ себя „аримъ романтизмомъ“, сохраняетъ вкусъ въ псевдо-классической литературѣ. Въ писательской манерѣ—до юношескихъ произведеній Пушкина включительно—въ большей или меньшей мѣрѣ продолжаютъ держаться старыя приемы псевдо-классической искусственности въ формѣ стихотворства, въ настроеніи, гдѣ еще не остылъ давнишній вкусъ къ Горацию и анакреонтикамъ. Таковъ въ особенности Батюшковъ, котораго ставятъ въ числѣ „учителей“ Пушкина. Поэты первой четверти вѣка еще не могутъ разстаться съ никогда не бывало у насъ „цѣвницей“, съ Хлоями и Деліями, также какъ съ Филалетами и Агатопами. Эти искусственныя черты поэтическаго стиля были свидѣтельствомъ, что самая поэзія еще не перестала быть чуждымъ растеніемъ, которое не успѣло вполне укрѣпиться на нашей почвѣ, что она не находила пока ни вполне русскаго содержанія, ни вполне русскаго выраженія ¹⁾. Впрочемъ

¹⁾ Изъ множества примѣровъ того, какъ крѣпко еще держалось псевдо-классическое преданіе XVIII-го вѣка, укажемъ „Видѣніе на берегахъ Леты“, Батюшкова (1809), гдѣ, осмѣивая плохихъ современныхъ стихотворцевъ, онъ воспоминаетъ знаменитыя имена русской литературы

„Вездѣ, о милосерди боги,
Вездѣ пируетъ алчна смерть,
Косою острой быстро машеть,
Богату виву аду машеть

сами читатели, еще въ прошломъ вѣкѣ хорошо выучившись „митологiи“ во французскихъ пансіонахъ, не чуждались этого искусственнаго стиля, и въ двѣнадцатомъ году ихъ не удивляли классическіе шлемы, мечи и щиты на русскихъ генералахъ и солдатахъ въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“: шлемы и щиты не помѣшали сильному впечатлѣнію знаменитаго стихотворенія, какъ не помѣшали самому стихотворенію быть высоко-поэтическимъ выраженіемъ патріотическаго одушевленія. Миеологія не мнновала и басенъ Крылова, что опять не мѣшало современникамъ, и даже нынѣшнему потомству, находить ихъ въ высокой степени національнымъ созданіемъ. Въ псевдо-классическомъ духѣ поняты были даже былины или „древнія русскія стихотворенія“ въ объясненіяхъ Калайдовича; нечего говорить, что подъ швольную пѣтвику подводили и „Слово о полку Игоревѣ“... Наконецъ самый языкъ, несмотря на „реформу“ Карамзина, все еще носитъ сильныя слѣды натянутой книжности XVIII-го вѣка съ извѣстными оборотами церковно-славянскаго склада.

Но, главное, и теперь господствовала одна изъ основныхъ особенностей литературнаго движенія прошлаго вѣка: это — тѣсная зависимость нашей литературы отъ западно-европейской. Эта зависимость, которую такъ постоянно и строго осуждали, есть, на дѣлѣ, глубокая, исторически неизбежная черта, проходящая черезъ всѣ судьбы нашей образованности со временъ Петра, очевидная въ литературѣ, какъ въ разнообразныхъ отрасляхъ культуры и нравовъ. Какъ безъ обращенія къ этому источнику нельзя понять литературы XVIII-го вѣка, столь очевидно отъ

И губить Фебовыхъ дѣтей,
 Какъ вѣтръ осенній злакъ полей.
 „Межъ тѣмъ въ Элизіи священномъ,
 Лавровымъ лѣсомъ освѣщенномъ,
 Подъ шумомъ Касталійскихъ водъ,
 Пѣвцовъ нечаянный приходъ
 Узналъ почтенный Ломосовъ,
 Херасковъ, честь и слава Россовъ,
 Честолюбивый Фебовъ сынъ,
 Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ,
 Замысловатый Сумароковъ
 И, Мельпоменъ другъ, Княжнинъ.
 И ты сидѣлъ въ толпѣ избранной,
 Стидливой граціей вѣнчанной,
 Пѣвецъ прелестныхъ мечтъ,
 Между Психенъ легкокрылой
 И бога вѣжной красоты!“...

него зависѣвшей, такъ это было и теперь — не только до Пушкинской эпохи, но до Лермонтова и, частію, даже до Гоголя и его преемниковъ, т.-е. до величайшихъ представителей русской повѣсти и романа. Правда, съ Пушкина прежняя зависимость быстро измѣняется въ болѣе самостоятельное, наконецъ вполне свободное общеніе, въ которомъ уже не было никакого ущерба національному характеру и общественному значенію произведеній, — и свобода этого общенія была потомъ доказана тѣмъ сильнымъ обратнымъ впечатлѣніемъ и даже влияніемъ русскаго романа въ западной литературѣ, которое мы наблюдаемъ теперь. Но въ первой половинѣ XIX-го вѣка этого еще не было: западная литература могущественно господствовала надъ русской литературной жизнью, какъ источникъ идейнаго содержанія, какъ образецъ формъ, наконецъ даже какъ возбужденіе національныхъ интересовъ, — мы увидимъ дальше, какъ это послѣднее совершалось параллельно въ исторической наукѣ, въ изученіяхъ этнографическихъ, въ литературныхъ обращеніяхъ къ народной поэзіи, въ изображенію жизни русскаго народа и общества.

Въ началѣ вѣка эти отношенія были пока еще крайне неравны. Со времени Петра мы оказались прямо въ ученическомъ отношеніи къ западному образованію: надо было буквально начинать съ азбуки; первые признаки нѣсколько живой литературы, выходящей изъ рамокъ школьнаго упражненія, появляются едва въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, съ Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Нужно было въ первый разъ усвоивать и западныя литературныя формы, причемъ цѣликомъ повторялось псевдо-классическое содержаніе, и устанавливать языкъ, который долго не могъ стать свободною, стройною рѣчью, какъ въ дѣйствительности само общество долго не находило свободной рѣчи для новыхъ понятій, которыя еще плохо укладывались въ головы и въ которыхъ такъ странно и часто наивно мѣшалась старая патріархальная грубость съ возвышенными и тонкими понятіями новѣйшаго образованія: поэтому со временъ Елизаветы и распространялось такъ сильно употребленіе языка французскаго... Въ самомъ дѣлѣ, передъ нашей начинавшейся литературой открывалось вдругъ неисчерпаемое богатство западно-европейскаго просвѣщенія, собраннаго долгими вѣками умственнаго труда, поэтическаго творчества, политической, религіозной и общественной борьбы — труда, который съ одной стороны веденъ былъ народами Запада на общей почвѣ средневѣкового міровоззрѣнія, потомъ въ общихъ увлеченіяхъ эпохи Возрожденія, а съ другой стороны носилъ на себѣ отпечатки богатаго разнообразія національностей. Къ восемнад-

цтому вѣку на Западѣ создавалось уже, во-первыхъ, обширная научная литература, — сначала отчасти на обще-европейской ученой латыни, а потомъ на языкахъ національныхъ, — литература по всѣмъ отраслямъ теоретическаго и практическаго знанія; во-вторыхъ, литература поэтическая: въ теченіе вѣка она была сначала въ большой мѣрѣ псевдо-классическая, гдѣ господствующимъ образцомъ были французскіе писатели временъ Людовика XIV, потомъ, въ оппозиціи къ псевдо-классицизму поднялись и затѣмъ все усиливались новыя движенія въ самостоятельныхъ направленіяхъ... Для начинателей нашей литературы французскій псевдо-классицизмъ былъ, какъ мы видѣли, непререкаемымъ образцомъ, послѣднимъ словомъ литературной исторіи; онъ представлялся прямымъ продолженіемъ античной литературы, такъ что Корнель и Расинъ были преемники Софокла и Эврипида, авторы новѣйшихъ псевдо-классическихъ эпопей — преемники Гомера. Наши писатели были увѣрены, что, перенимая у французовъ псевдо-классическіе образцы, русская литература тѣмъ самымъ примыкала къ тому единому литературному цѣлому, начало котораго хранилось въ великихъ твореніяхъ античной древности... Это было для нихъ представленіе ободряющее; на дѣлѣ оно было чисто фантастическое. Наши писатели были въ полномъ невѣденіи о дѣйствительномъ положеніи вещей. Они не знали, что французскій псевдо-классицизмъ уже въ то время переживалъ критическій моментъ своего существованія, что въ самой французской литературѣ возникали уже тогда новыя элементы, болѣе свободныя и жизненныя; они не знали, что въ другихъ литературахъ, какъ, напр., въ нѣмецкой, еще въ началѣ второй половины вѣка французскій псевдо-классицизмъ былъ подкопанъ въ самой своей основѣ, что самостоятельное и глубокое изученіе древности, въ рукахъ Лессинга, Виндельмана, Вольфа, приводило къ совсѣмъ инымъ представленіямъ и о классической древности, и о самой сущности искусства; они не подозрѣвали, что вмѣстѣ съ тѣмъ расширялся литературный горизонтъ возникавшимъ изученіемъ почти неизвѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ дотолѣ областей литературы, напр., что обращеніе къ Шекспиру произведетъ переворотъ въ пониманіи драмы, что обращеніе къ средневѣковой старинѣ, къ безыскусственной поэзіи народовъ даже самыхъ первобытныхъ — какъ у Гердера — откроетъ цѣлый, дотолѣ почти невѣдомый, міръ поэтическаго творчества... Правда, во второй половинѣ вѣка къ намъ начинали достигать отголоски этого движенія; какъ теперь проникли въ нашу литературу нѣкоторыя творенія французской философіи или по переводамъ (когда это было воз-

можно), или по слухамъ (когда русская книга вынести ихъ не могла), такъ стали извѣстны многія знаменитыя имена, которыя обозначали собою совсѣмъ иную струю литературной жизни и философскаго мировоззрѣнія. Въ нашей литературѣ узнали о Шекспирѣ (сначала только съ французскими урѣзками), о Лессингѣ и Гердерѣ, услышали даже о Кантѣ, узнали (хотя не весьма одобрили) Шиллера и т. д. Но все это было пока крайне поверхностно; должно было пройти еще не мало времени до тѣхъ поръ, когда значеніе этихъ именъ будетъ понято.

Это положеніе вещей, конечно, мало способствовало серьезному росту нашей литературы, но оно было совершенно естественно. Европейская образованность въ тѣ времена могла проникать къ намъ только въ элементарной, укороченной формѣ. Не участвуя въ ея созданіи, мы не могли ни оцѣнить ея отношеній, ни понять вполнѣ ея содержанія, и по необходимости становились къ ней въ положеніе, которое бывало страннымъ, неумѣлымъ, неувѣреннымъ. Тамъ всѣ формы этой образованности имѣли свои корни въ исторіи, у насъ онѣ были новы и чужды; но это новое было исполнено интереса, и когда мысль была нѣсколько разбужена, это новое становилось привлекательно, крѣпко западало въ умы, создавало новые взгляды на вещи...

Такъ шло отъ позволѣнія къ позволѣнію. Если мы вспомнимъ, напр., стараго Татищева, который самоучкой искалъ знаній у „Баила“ или Вальха, или Сумарокова, вообразившаго себя російскимъ Расиномъ и ставившаго себя рядомъ съ Вольтеромъ, — намъ будетъ понятно положеніе русской образованности и безпомощность серьезнаго человѣка, котораго занялъ вопросъ русской исторіи, и простодушнаго энтузіаста русской поэзіи. Все это сопровождалось одной бѣдой: эти заимствованія съ Запада бывали поверхностны прежде всего потому, что въ ихъ основѣ не было обыкновенно никакой правильной школы. Большинство нашихъ писателей прошлаго вѣка были безпомощные самоучки: они учились „чему-нибудь и какъ-нибудь“, — и то же могъ повторить Пушкинъ въ началѣ нашего столѣтія... Отсутствіе школы не могло внушить и той жажды къ ученію, многочисленные примѣры которой мы видимъ на Западѣ даже въ средніе вѣка, не говоря объ эпохѣ Возрожденія, когда любовательность становилась страстью и привязанность къ новой литературной идеѣ переходила въ настоящій фанатизмъ. У насъ не было ничего подобнаго: образованіе большинства нашихъ писателей было случайное, отрывочное, поверхностно-свѣтское; исключеніемъ были такіе люди, какъ Ломоносовъ, какъ нѣсколько ученыхъ въ специальныхъ отдѣлахъ

науки; въ собственно литературныхъ предметахъ, отъ XVIII-го вѣка не осталось ни одного широко задуманнаго и исполненнаго труда, который былъ бы внушенъ сознательнымъ желаніемъ осмыслить положеніе русской литературы съ ея недавняго возникновенія, осмыслить ея отношенія къ прошлому до Петра Великаго и къ литературамъ западно-европейскимъ. Съ этой стороны еще разъ объясняется то отсутствіе внутренняго роста тогдашней поэтической литературы, о чемъ мы раньше говорили. Если съ теченіемъ времени у насъ, какъ было замѣчено, тѣмъ не менѣе отражались разнообразныя явленія западно-европейской литературы, эти отраженія не влекли за собой никакой определенной литературной системы: такъ еще въ концѣ прошлаго вѣка стали знакомиться съ Шекспиромъ, съ драмами Лессинга, съ поэтами нѣмецкаго періода „бурныхъ стремленій“, — но съ этимъ не соединилось болѣе глубокаго пониманія ни драмы, ни поэзіи вообще, и въ началѣ XIX-го вѣка любимый драматургъ осмѣливается только составить трагедію изъ трехъ дѣйствій вмѣсто пяти, и въ разгарѣ Пушкинской эпохи еще находится приверженецъ псевдо-классической драмы въ лицѣ Катенина, котораго такъ высоко цѣнилъ и поощрялъ самъ Пушкинъ... Новыя литературныя приобрѣтенія были какъ будто личной новинкой: одинъ увлекался однимъ, другой — другимъ писателемъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, увлекался случайно, встрѣчая сочувственное настроеніе, завлекательное содержаніе, слѣдуя готовой славѣ или модѣ. Такъ Екатерина II подражала „Шекспиру“, Державинъ увлекался Оссіаномъ и даже передѣлывалъ его на русскіе нравы, другіе подражали Стерну и пр.; но при этомъ всего чаще не отдавали себѣ отчета или совсѣмъ не знали о томъ, чѣмъ были эти литературныя явленія въ цѣломъ направленіи мысли и поэзіи, какія новыя художественныя или общественныя идеи съ ними соединялись.

Была, однако, и своя польза: расширялось знакомство съ новыми фактами литературы, увеличивался опытъ; прежнія односторонности при чужой помощи устранялись; среди чужого находилось такое, что могло быть приложимо и полезно въ условіяхъ русской литературы; прибрѣтался матеріалъ, который могъ когда-нибудь послужить сильному дарованію. Къ счастью, на переходѣ къ XIX-му вѣку народился цѣлый рядъ такихъ сильныхъ дарованій.

Къ концу XVIII-го вѣка упомянутый матеріалъ литературныхъ познаній дѣйствительно очень расширился. Мы видѣли раньше въ журналахъ Новикова довольно близкое знакомство

особливо съ нѣмецкой литературой, изъ которой съ немалымъ знаніемъ подбирались матеріалъ, соотвѣтствовавшій направленію его кружка; въ его изданіяхъ и независимо отъ нихъ появлялось очень много переводовъ изъ новыхъ писателей французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ. Это новое содержаніе могло уже въ значительной степени устранять узкія литературныя понятія, которыя еще недавно господствовали безраздѣльно. Правда, это новое содержаніе не было объединено какой-либо цѣльной точкой зрѣнія, — на ту минуту заняты были только желаніемъ противоdѣйствовать философіи матеріалистовъ и дать взамѣнъ ея пiятистическое поученіе. Но, пока у насъ еще не могли отдѣлаться отъ классицизма и отрывочно знакомились съ фактами европейской литературы, положеніе этой послѣдней съ началомъ XIX-го вѣка совершенно измѣнилось и не имѣло почти ничего общаго съ тѣмъ, что было за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше.

Французская философія и французскій псевдо-классицизмъ оживали свое время. Первый отпоръ эта философія встрѣтила въ Руссо; затѣмъ сильная реакція противъ рассудочности и матеріализма обнаружилась въ Германіи, съ одной стороны въ пiятизмѣ, съ другой — въ историко-философскихъ системахъ и въ поэтическихъ направленіяхъ, которыя искали свободы творчества и свободы чувства, послѣ „періода бурныхъ стремленій“ ознаменовались дѣятельностью Гёте и Шиллера и наконецъ создали романтизмъ. Въ самой французской литературѣ неподвижныя псевдо-классическія формы были поколеблены въ буржуазной драмѣ, въ робкихъ на первый разъ заимствованіяхъ у Шекспира и даже изъ нѣмецкой литературы, въ развитіи сентиментализма, въ распространеніи романа, въ поэзіи Андрея Шенье и т. д. Страшныя потрясенія революціоннаго періода вызывали, наконецъ, поэтическую реакцію въ формѣ религіозной мечтательности, представителемъ которой сталъ прославившійся во всей Европѣ Шатобрианъ. Съ паденіемъ старыхъ общественныхъ формъ, съ броженіемъ новыхъ общественныхъ стихій и мировоззрѣній возникала, наконецъ, оригинальная литературная жизнь, яркимъ выраженіемъ которой сталъ нѣсколько позднѣе французскій романтизмъ съ его радикальнымъ отрицаніемъ всѣхъ старыхъ литературныхъ преданій.

Въ нѣмецкой литературѣ, которой предстояло найти у насъ особенно широкое вліяніе, съ половины прошлаго вѣка совершалось въ высшей степени оживленное движеніе, богатое какъ теоретическими и историческими изученіями поэзіи и искусства, такъ и обиліемъ поэтическихъ произведеній, которыя отъдѣ-

чали смѣнявшимся настроеніямъ. Длинный рядъ знаменитыхъ именъ указываетъ на энергическую работу, съ помощью которой подготовлялось широкое научное міровоззрѣніе и параллельное съ нимъ расширеніе поэтическаго кругозора. Глубокое изученіе классическаго міра,—какъ было, напр., въ изслѣдованіяхъ Винкельмана объ античномъ искусствѣ, въ изслѣдованіяхъ Фридриха-Августа Вольфа о греческомъ эпосѣ, въ критикѣ Лессинга,—приводило не къ утверженію, а къ отричанію псевдо-классицизма: античное искусство, античная мысль и поэзія были шире, чѣмъ представляла ихъ новѣйшая школьная теорія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ историческое явленіе, онѣ не могли повториться, и если искать въ нихъ поученія, онѣ научали не подражанію, а свободному творчеству въ тѣхъ условіяхъ, какія давала новѣйшая жизнь. Новое изученіе приносило изъ классическаго міра освобождающій урокъ для настоящаго; самый Аристотель на дѣлѣ былъ шире тѣхъ правилъ, какія извлекала изъ него литературная рутиня. Рядомъ съ этимъ Гердеръ приходилъ къ широкому и въ высокой степени благотворному взгляду на цѣлую духовную и поэтическую жизнь человѣчества, и между прочимъ на тѣ „голоса народовъ“, народныя пѣсни, которыя до тѣхъ поръ вызывали одно пренебреженіе, какъ произведеніе грубыхъ племенъ и невѣжественной толпы, и въ которыхъ онъ, напротивъ, открывалъ и достоинства нравственнаго чувства, и красоты истинной поэзіи. Историко-философскія сочиненія Гердера стали настоящимъ откровеніемъ для науки, которая съ тѣхъ поръ расширила свои изысканія на нетронутыя прежде области творчества, и для поэзіи, которая научалась цѣнить проявленія поэтическаго чувства въ его разнообразныхъ народныхъ особенностяхъ и обогащала изъ нихъ свое собственное содержаніе. Ученныя сочиненія Лессинга стали образцомъ проникательной критики, а его драматическія произведенія, хотя онъ не былъ настоящимъ художникомъ, имѣли громадный успѣхъ, между прочимъ внѣ Германіи, и по своей формѣ, и по высокимъ нравственнымъ идеямъ. Подъ этими и подобными вліяніями развивалась дѣятельность Гёте; гениальное поэтическое дарованіе совмѣщалось у него съ духомъ научнаго изслѣдованія, которое направлялось и на явленія физической природы, и на историческія явленія человѣческаго духа и создаваемаго имъ искусства. Такимъ образомъ его творчество, богатое въ своей непосредственности, руководилось вмѣстѣ сознательнымъ пониманіемъ цѣлей искусства. Его совмѣстная дѣятельность съ Шиллеромъ, великимъ поэтомъ, энтузіастомъ нравственнаго человѣческаго достоин-

ства и свободы, но съ тѣмъ вмѣстѣ опять ученымъ мыслителемъ, дѣлала изъ „веймарскаго періода“ славную и оригинальную эпоху нѣмецкой литературы и завершенье ея національной самобытности. Въ то время, когда была въ полномъ разгарѣ дѣятельность Лессинга, Гердера, Винкельмана, Виланда, когда начиналось славное поприще Гёте и Шиллера, нарождалось новое поколѣніе, которое, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ возбужденій, пошло еще далѣе въ вопросахъ о значеніи и области поэзіи и искусства. Это не были первостепенные таланты, но во всякомъ случаѣ своеобразныя дарованія съ живою фантазіей, нерѣдко съ большимъ литературнымъ знаніемъ, какое могла сообщить уже богатая нѣмецкая ученость, съ экзальтированнымъ чувствомъ и наконецъ стремленіемъ завоевать въ поэзіи право для всѣхъ тѣхъ сложныхъ идей и ощущеній, какими они были исполнены: на переходѣ въ XIX-е столѣтіе Тикъ, Вагенродеръ, Новалисъ, братья Шлегели, Шлейермахеръ стали первыми основателями нѣмецкаго романтизма, теоретиками котораго были сначала Вагенродеръ, потомъ Фридрихъ Шлегель; на романтической почвѣ выросла наконецъ и дала опору самому романтизму философія Фихте и Шеллинга. Романтизмъ выработался изъ сложнаго броженія историческихъ, философскихъ и художественныхъ элементовъ, которые подготовлены были предъидущей эпохой, а частію были открыты теперь самими романтиками. Онъ не удовлетворялся уже эстетическими формулами, какія были выведены изъ античнаго искусства, не удовлетворялся идеями самихъ веймарскихъ корифеевъ и дѣлала изъ поэзіи высшую дѣятельность человѣческаго духа, въ которой искусство сливается съ философіей, величайшая свобода фантазіи съ разумомъ, личное съ народнымъ, а поэтъ становился истиннымъ жрецомъ этого культа: поэзія свободна и произволь поэтѣ есть ея законъ. Соответственно съ этимъ, въ поэзіи романтизма причудливо переплетаются равнообразные элементы поэтическихъ порывовъ и теоретическихъ исканій, и поэтической произволь, который романтики хотѣли сдѣлать закономъ, предъявлялъ притязанія (избранной) личности на полную свободу не только въ художественномъ творчествѣ, но и въ жизни: какъ личность художника стоитъ выше общественныхъ узъ, такъ поэзія ищетъ и находитъ повсюду свой художественный матеріалъ. Еще недавно вершиной искусства были созданія античной древности, но Жанъ-Поль Рихтеръ уже находилъ греховъ „очень ограниченными“; романтики обращаются къ забытымъ среднимъ вѣкамъ, къ произведеніямъ „грубой“ народной литературы, къ литературамъ другихъ народовъ, къ Шекспиру и испанской драмѣ, къ

средневѣковой легендѣ, въ народной (по нашему, лубочной) книгѣ, и въ поискахъ за первобытной свободой, за непосредственнымъ наивнымъ творчествомъ, за единствомъ жизни и искусства, въ концѣ концовъ приходять къ возвеличенію среднихъ вѣковъ, которое дошло до апогея въ слѣдующемъ поколѣніи романтиковъ. Сначала имъ казалось, что непосредственность среднихъ вѣковъ можетъ быть соединена съ просвѣщеніемъ; послѣдующіе романтики прямо доходили до средневѣкового обскурантизма, до возвращенія къ католичеству... Крайности романтизма отпали и были забыты, но существеннымъ приобрѣтеніемъ осталось, во-первыхъ, дѣйствительное распространеніе области искусства широкимъ пониманіемъ его сущности; во-вторыхъ, обогащеніе литературнаго опыта громаднымъ матеріаломъ всемірнаго поэтическаго творчества (со времянъ Гердера въ нѣмецкой литературѣ открылась чрезвычайно обширная переводная дѣятельность изъ всевозможныхъ древнихъ и новыхъ литературъ), и наконецъ тотъ интересъ къ среднимъ вѣкамъ, который тогда же повелъ къ ревностному ихъ изученію. Этотъ великій историческій періодъ, который еще недавно былъ прямо презираемъ, какъ бесплодная эпоха мрака и суевѣрія, впервые былъ оцѣненъ исторически, между прочимъ съ его богатымъ художественнымъ и поэтическимъ творчествомъ.

Третьимъ великимъ источникомъ романтизма, изъ котораго питалась и поэзія континента, была англійская литература. Какъ цѣлая исторія Англій шла независимо отъ того развитія и тѣхъ тревоженій, какія переживала континентальная Европа, какъ она независимо перерабатывала въ своихъ учрежденіяхъ общія начала средневѣкового быта, переживала свои перевороты и создавала свои учрежденія, развивая политическую и умственную энергію, такъ своеобразно сложилась и англійская литература, которая въ XVII вѣку имѣла уже, съ одной стороны, Бэкона, а съ другой Шекспира, а вскорѣ затѣмъ Мильтона. Въ XVIII вѣкѣ и здѣсь прошла полоса псевдо-классицизма, между прочимъ во французской окраскѣ, но въ томъ же вѣкѣ снова сказалась великая оригинальность англійскаго развитія, когда съ одной стороны всплыли въ литературѣ преданія старой средневѣковой поэзіи, а съ другой непосредственная поэзія свѣжаго народнаго чувства: на континентѣ только немногимъ были извѣстны старыя англійскія баллады (даже въ сборникѣ епископа Перси), но громадное впечатлѣніе произвелъ по всей Европѣ знаменитый Оссианъ; а позднѣе сталъ извѣстенъ и Робертъ Бёрнсъ съ той самородной поэзіей, которой не знала и не считала возможной

книжная литература континента. На границѣ XIX вѣка въ англійской литературѣ возникла новая сила, воспитанная опять чисто англійской почвой и вліяніе которой отразилось на всѣхъ литературахъ континента: это былъ Вальтеръ Скоттъ. Младшимъ современникомъ его былъ Байронъ.

Наконецъ, тотъ интересъ къ всемірной литературѣ, который былъ возбужденъ, особливо у нѣмцевъ, со времени Гердера, ввелъ въ обращеніе многочисленныя произведенія другихъ литературъ. Такъ вспомнили о старыхъ знаменитыхъ итальянцахъ: Данте, Боккаччо, Петрарка, Аріостъ, Тассъ и позднѣйшіе поэты вошли впервые въ обращеніе внѣ предѣловъ своей литературы; вспомнили Сервантеса, испанскую драму; вспомнили старинный рыцарскій романъ, заинтересовались народной поэзіей и преданіями и т. д. Прежнія частныя международныя связи (испанско-французская, итальянско-французская, англійско-нѣмецкая и др.) раздвигались въ широкое международное общеніе. Такое общеніе не однажды соединяло европейскія литературы на общемъ интересѣ. Такъ бывало нѣкогда въ періодъ господства христіанской легенды, которая обнимала христіанскій Востокъ и Западъ до самаго конца среднихъ вѣковъ общимъ настроеніемъ аскетическаго благочестія и чуда. Такъ было въ поздніе средніе вѣка, когда общимъ достоинствомъ западной, а частію и восточной европейской литературы становился обширный циклъ бродячихъ сказаній, героическихъ, легендарныхъ и шуточныхъ повѣстей, которыхъ самая родина часто остается затерянной. Такъ было въ эпоху Возрожденія, когда образованный кругъ всѣхъ странъ западной Европы одинаково увлекался поэтическими созданіями и нравственными идеалами античной древности. Такъ было въ XVII—XVIII вѣкѣ, когда изъ этого движенія выросъ литературный псевдо-классицизмъ, достигавшій, особливо у французовъ, до высокаго изящества и опять обошедшій всю Европу, когда, наконецъ, его распространеніе захватило и русскую литературу. Теперь европейская литература снова собиралась въ одинъ союзъ, но уже въ иныхъ условіяхъ: это не было наивное поэтическое общеніе среднихъ вѣковъ на легендѣ и бродячемъ сказаніи, терявшемъ каждый разъ свои родовыя черты; не было ученое общеніе эпохи Возрожденія, когда между прочимъ самой связью его была латынь; это не было и господство искусственной литературной школы, гдѣ классическая древность была переодѣта во французскій придворный или балетный костюмъ. Это былъ, наконецъ, первый опытъ того правильнаго общенія, гдѣ созданіе чужого племени, чужой почвы, эпохи, культуры принималось съ интересомъ къ

его общечеловѣческому содержанию и съ пониманіемъ его особенности; это было дѣйствительное обогащеніе литературной образованности, историческаго и нравственнаго сознанія путемъ серьезнаго изученія національныхъ явленій или путемъ чутваго пониманія поэзіи, выросшей въ иныхъ условіяхъ человѣческаго существованія.

Этотъ потокъ достигъ наконецъ и русской литературы, которая начала усердно почерпнуть изъ него, въ переводахъ, разнообразныя произведенія древнихъ и новыхъ литературъ. Вслѣдствіе упомянутыхъ условій, эти заимствованія не могли пока имѣть своего настоящаго дѣйствія по малой подготовленности и писателей, и читателей. Въмѣсто сознательнаго усвоенія новыхъ литературныхъ идей получалась какъ бы только учебная хрестоматія, отрывочныя образчики литературныхъ явленій безъ пониманія ихъ дѣйствительнаго смысла, и именно самое крупное, въ чемъ была сущность движенія, осталось вовсе неизвѣстно и, часто, не могло бы быть понято. Такъ Оссианъ, въ англійской литературѣ связанный съ цѣлымъ ея характеромъ, получалъ у Державина только нелѣпое примѣненіе; въ нѣмецкой не были поняты значеніе Лессинга, утвержденіе нѣмецкой національной литературы въ рукахъ Гёте и Шюллера и потомъ первыхъ романтиковъ, развитіе исторической и эстетической критики, затронувшее въ концѣ концовъ самыя глубокіе предметы религіи, философіи и искусства. Именно это послѣднее и осталось неизвѣстно русской литературѣ. Такъ осталось непонято или являлось въ неясномъ, укороченномъ видѣ цѣлое движеніе, какое совершалось въ Европѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Русской литературѣ приходилось дѣйствовать и по уровню своей публики, и по своимъ образовательнымъ средствамъ.

Самымъ крупнымъ лицомъ нашей литературы на границѣ двухъ вѣковъ былъ Карамзинъ. Его біографія и труды достаточно извѣстны. Столѣтній юбилей его рожденія (1866) вызвалъ обширную литературу біографій и историко-литературныхъ оцѣнокъ, въ которыхъ собраны обильныя указанія о томъ, что сдѣлано имъ для русской литературы, языка и историографіи¹⁾. Это

¹⁾ Литература о Карамзинѣ исчислена въ спеціальному указателѣ Межова, въ словарѣ Геннади, въ „Матеріалахъ для біографіи Карамзина“, Пономарева („Сборникъ“ русскаго Отд. Акад., т. XXXII); см. также Д. Н. Анучина, „Столѣтіе Писемъ русскаго путешественника“. М. 1891 (изъ „Р. Мысли“, 1891, июль, августъ); недавно открыта переписка Карамзина съ Лафатеромъ—въ „Запискахъ“ Акад. Н., т. LXXIII;

былъ первый писатель съ обширнымъ кругомъ непосредственнаго вліянія и великими заслугами, хотя новѣйшая критика должна была умѣрить прежніе безусловныя панегирики, въ самой „Исторіи государства російскаго“ отдать предшественникамъ Карамзина многое, что приписывалось обыкновенно только ему, и ограничить представленіе объ его вліяніи на позднѣйшую исторіографію. По характеру своего образованія, по литературнымъ приѣмамъ Карамзинъ остается вполнѣ питомцемъ XVIII вѣка. Его образованіе происходило по обычаю въ „пансіонѣ“, на этотъ разъ однако подъ руководствомъ разумнаго человѣка, гдѣ, правда, нельзя было приобрести образованія достаточно глубокаго, но можно было хорошо познакомиться съ иностранными языками. Послѣ короткой военной службы и жизни въ провинціи — въ Симбирскѣ, гдѣ было отцовское имѣніе — для Карамзина началась новая школа: его увезъ въ Москву извѣстный И. П. Тургеневъ, другъ Новикова, одинъ изъ членовъ Дружескаго Общества. Заботы этого общества объ основательномъ образованіи молодыхъ людей, которыхъ оно брало на свое попеченіе, достались и на долю Карамзина: съ его другомъ Петровымъ они были, конечно, лучшими изъ э ихъ питомцевъ. Карамзинъ не вступилъ, подобно послѣднему, въ „орденъ“, но, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ, онъ былъ довольно близко знакомъ съ интересами (а также и слабостями) масонскаго кружка ¹⁾, — это вѣроятно и удержало его отъ вступленія въ ложу. Но четыре года, которые провелъ онъ въ Москвѣ, были очень плодотворны для его образованія. По преданіямъ отъ временъ Шварца молодое поколѣніе, окружавшее руководителей Дружескаго Общества, принимало дѣятельное участіе въ его изданіяхъ своими переводными и отчасти, можетъ быть, самостоятельными литературными трудами. Карамзинъ дѣлалъ такіе переводы по порученіямъ Общества; но главное, въ распоряженіи этого молодого поколѣнія былъ значительный запасъ иностранныхъ книгъ и даже послѣднихъ литературныхъ новостей. Когда Карамзинъ отправился „вожиромъ“ за границу (1789—1790) и писалъ оттуда знаменитыя „Письма“, онъ обнаружилъ въ нихъ весьма обширное знакомство съ тогдашнимъ положеніемъ европейской литературы. Въ Москвѣ онъ повидимому въ особенности изучалъ нѣмецкихъ писателей; другъ его

разборъ „Исторіи государства російскаго“ со стороны ея ученаго состава — въ упомянутыхъ статьяхъ г. Милюкова: „Главныя теченія“ и пр. („Р. Мысль“, 1894, январь, май, августъ, сентябрь); обзоръ политическихъ взглядовъ Карамзина — въ моей книгѣ о временахъ Александра I (2-е изд., 1885).

¹⁾ „Общ. движеніе при Александрѣ I“, стр. 190.

Петровъ больше интересовался англійской литературой; литература французская была по давнему обычаю всего больше известна въ образованномъ кругу. „Письма русскаго путешественника“ при своемъ первомъ появленіи въ журналъ и потомъ въ отдѣльномъ изданіи имѣли чрезвычайный успѣхъ и, дѣйствительно, представляли нѣчто до тѣхъ поръ совершенно небывалое: молодой писатель, почти юноша, давалъ не только привлекательный разсказъ о виѣшной сторонѣ своего путешествія, интересные описанія пути, главнѣйшихъ городовъ съ ихъ достопримѣчательностями, но обнаруживалъ замѣчательное знакомство съ состояніемъ литературы. Онъ проѣхалъ Германію, провелъ зиму въ Женевѣ, былъ потомъ во Франціи, жилъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и вернулся въ Россію моремъ. Вездѣ къ обыкновеннымъ интересамъ путешественника у него присоединяются интересы литературные; онъ не пропускаетъ случая видѣть лично знаменитыхъ ученыхъ и писателей, бесѣдуетъ съ ними, желаетъ составить себѣ живое впечатлѣніе о людяхъ, которыхъ знаетъ по ихъ твореніямъ: въ Кенигсбергѣ онъ представляется Канту, въ Берлинѣ знакомится съ Николаи, потомъ Рамлеромъ, въ Лейпцигѣ съ профессорами Беконъ, Платнеромъ; въ Веймарѣ является къ Гердеру и Виланду, въ Цюрихѣ каждый день видаетъ Лафатера, съ которымъ еще раньше переписывался изъ Москвы; въ Женевѣ не разъ видался съ Боннетомъ и Верномъ, очень известнымъ въ свое время французскимъ подражателемъ Стерна; въ Парижѣ знакомится съ Мармонтелемъ, Бартеlemi, Левекомъ и т. д. Онъ посѣщаетъ мѣста, гдѣ жилъ Вольтеръ, Руссо, гдѣ написана „Новая Элоиза“, гдѣ жилъ Франклинъ, посѣщаетъ могилы знаменитыхъ писателей, въ Вестминстерскомъ аббатствѣ поклонился гробницамъ Шекспира и Ньютона и т. д. Онъ исполненъ великаго уваженія къ дѣятелямъ европейскаго просвѣщенія и въ этомъ отношеніи представляетъ между прочимъ рѣзкую противоположность съ Фонъ-Визинимъ: кромѣ различія характеровъ, другой существенной причиной этой противоположности была различная степень образованія, какою владѣли два поколѣнія. Правда, знакомство Карамзина съ названными и другими писателями тогдашней европейской литературы не было настолько серьезно, чтобы при этомъ посредствѣ русская литература обогатилась содержаніемъ тогдашней литературной эпохи: въ послѣдующее время Карамзинъ въ своихъ журналахъ только изрѣдка говорилъ объ этихъ писателяхъ и не о тѣхъ, которые были самыми крупными, но воспользовался ими для своего личнаго сентиментальнаго оптимизма, какъ, напр., Лафатеромъ и Боннетомъ. Одинъ изъ недо-

статковъ его путешествія находятъ въ томъ, что Карамзинъ мало вникалъ въ народную жизнь, имѣя мало интереса въ вопросамъ этнографическимъ и социальнымъ,—но, во-первыхъ, подобные вопросы вообще мало занимали тогдашнихъ путешественниковъ, а во-вторыхъ, Карамзинъ не совсѣмъ забывалъ о нихъ, и, напримеръ, былъ очень заинтересованъ политическими и общественными нравами Англии. Быть можетъ, болѣе крупнымъ недостаткомъ „Писемъ“ было слишкомъ бѣглое отношеніе къ вопросамъ литературы, которая въ то время была едва ли не главнымъ образовательнымъ средствомъ для русскаго общества, и его отношеніе къ французскимъ событіямъ, въ которыхъ онъ и впоследствии не видѣлъ ихъ широкаго историческаго значенія.

Возвратившись изъ путешествія, Карамзинъ предпринялъ изданіе журнала. Это былъ сначала „Московскій Журналъ“; за нимъ послѣдовали нѣсколько сборниковъ („Аглая“, „Аониды“), изданіе его сочиненій („Мои бездѣлки“), и въ началѣ царствованія Александра I онъ началъ издавать „Вѣстникъ Европы“.

Въ чемъ же заключалась особенность мировоззрѣнія и литературнаго направленія Карамзина?

Мы лишь въ общихъ чертахъ знаемъ, какими природными данными и какими образовательными вліяніями опредѣлялось первое развитіе Карамзина. Изъ немногихъ фактовъ и собственныхъ показаній Карамзина въ уцѣлѣвшихъ письмахъ и въ сочиненіяхъ можно видѣть, что это былъ талантливый юноша, отличавшійся особой мечтательной чувствительностью, которая тѣмъ больше развилась въ его дальнѣйшей школѣ. Исторія литературы представляетъ много примѣровъ того, какъ извѣстное настроеніе эпохи находить людей, которые являются какъ бы прирожденными его выразителями. Карамзинъ какъ будто впередъ приготовленъ былъ къ тому, чтобы представить у насъ ту сторону европейскаго литературнаго развитія, которая, наперекоръ сухому и скептическому матеріализму, стремилась вернуть наивную непосредственность человѣка, живущаго „въ объятіяхъ природы“, когда хотѣли вернуть права чувству, особливо нѣжному чувству, и если противорѣчія дѣйствительности или несчастія нарушали спокойную жизнь души или тревожили ее неразрѣшимые вопросы бытія, отдавались не столько скептическому размышленію, религіозной покорности, сколько „сладкой меланхоліи“. Карамзина считаютъ основателемъ у насъ сентиментальнаго направленія, и дѣйствительно эта черта проходитъ черезъ всю его литературную дѣятельность отъ первыхъ его произведеній, отъ „Писемъ русскаго путешественника“ и до „Исторіи государства російскаго“ включительно. Давно указаны

тѣ многочисленные источники, изъ которыхъ Карамзинъ почерпалъ это настроеніе (Томсонъ, Руссо, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Ричардсонъ и Фильдингъ, Стернъ и его французскіе подражатели, нѣмецкіе поэты); но было замѣчено также, что сентиментальность, какъ тонъ чувства, едва ли можетъ быть признана „направленіемъ“, когда собственно это былъ только оттѣнокъ, манера, которая не обозначала опредѣленнаго содержанія. Дѣйствительно, одна чувствительность еще не предполагаетъ именно одного общественнаго мировоззрѣнія: у Руссо она соединялась съ призывомъ къ природѣ, съ какимъ-то стихійнымъ отрицаніемъ цивилизаціи, какъ ему казалось, только вредившей человѣчеству; у Стерна она переходила въ юморъ, мирную шутку, соединявшуюся и съ печалью о бѣдствіяхъ, окружающихъ человѣчество, но она не становилась отрицаніемъ просвѣщенія; у третьихъ она соединялась съ пѣтivismомъ или превращалась въ слезливую мечтательность, или, наконецъ, приводила къ бурному общественному протесту и т. д. Карамзинъ знакомъ былъ со многими, быть можетъ, со всѣми подобными оттѣнками сентиментализма и въ его собственномъ настроеніи отражались различные его мотивы, не представившіе цѣльной системы, но всего больше оно склонялось къ сентиментальному оптимизму, который впоследствии сдѣлалъ изъ него упорнаго консерватора. Изданная недавно переписка его съ Лафатеромъ ¹⁾ представляетъ чрезвычайно любопытное свидѣтельство о его внутренней жизни за первое время его сознательнаго развитія и служить прекраснымъ дополненіемъ къ его письмамъ изъ этой поры и къ автобіографической повѣсти, гдѣ онъ рассказывалъ подъ именемъ Леона о своемъ дѣтствѣ и юности. Переписка съ Лафатеромъ начинается въ 1786 году, когда, по словамъ Карамзина, передъ тѣмъ онъ „сдѣлался большимъ любителемъ свѣтскихъ развлеченій“ и когда „одинъ достойный мужъ открылъ ему глаза и онъ созналъ свое несчастное положеніе“ ²⁾ „Сцена перемѣнилась. Внезапно все обновилось во мнѣ. Я вновь принялся за чтеніе и почувствовалъ въ душѣ своей сладостную тишину. Такой же образъ жизни продолжаю я вести и теперь, и живу въ Москвѣ, въ кругу моихъ истинныхъ друзей и руко-

¹⁾ Переписка Карамзина съ Лафатеромъ сообщена докторомъ Ф. Вальдманомъ, приготовлена къ печати Я. Гротомъ, въ „Запискахъ“ Акад. наукъ, т. LXXIII. Спб. 1898 (приложеніа, стр. 1—67).

²⁾ Въ примѣчаніяхъ Вальдмана, приложенныхъ къ этой перепискѣ, говорится, что этотъ „достойный мужъ“ былъ И. И. Дмитріевъ. Это замѣчаніе не оговорено въ академическомъ изданіи, но здѣсь видимо надо разумѣть И. П. Тургенева, который, какъ извѣстно, вывезъ Карамзина изъ Симбирска въ Москву.

водителей". Это былъ масонскій кружокъ Дружескаго Общества. Однимъ изъ „руководителей“ былъ несомнѣнно тотъ же И. П. Тургеневъ, повидимому, одинъ изъ главныхъ сотоварищей Новикова въ его масонско-просвѣдательной дѣятельности, раздѣлившій, хотя въ легкой степени, его гоненія при Екатеринѣ II, но при Павлѣ назначенный директоромъ московскаго университета; изъ сыновей его одинъ, Андрей, рано умершій, былъ другомъ Жуковскаго; другіе, Александръ и Николай, питомцы гёттингенскаго университета, стали извѣстными дѣятелями Александровскаго и Николаевскаго времени. Очевидно, это была среда, въ которой господствовало сильное стремленіе къ просвѣщенію, гдѣ одушевленіе старшаго поколѣнія передавалось и младшему, не стѣсня послѣдняго. Одни въ этомъ младшемъ поколѣніи оставались въ направленіи руководителей, какъ Петровъ, какъ А. М. Кутузовъ, нѣкогда товарищъ Радищева по лейпцигскому университету, увлекшійся въ розенкрейцерство, но котораго Карамзинъ въ письмахъ къ Лафатеру называетъ своимъ „пріятелемъ“ (хотя тотъ былъ гораздо его старше) ¹⁾. Карамзинъ самъ признавалъ, что здѣсь не стѣсняли его вкусовъ и мнѣній, но отъ этого круга онъ пріобрѣлъ средства широкаго по тому времени литературнаго образованія и склонность къ размышленію о вопросахъ бытія и нравственности; но когда въ старшемъ поколѣніи эта склонность находила себѣ удовлетвореніе въ піэтизмѣ, старавшемся отыскать себѣ философскую и научную основу, въ молодомъ поколѣніи она распространилась въ болѣе широкое знакомство съ разнообразною литературою вѣка. Такъ было и у Карамзина. Любознательнаго и мечтательнаго юношу охватили тревожные вопросы, рѣшить которые было необходимо, чтобы установить сознательную нравственную жизнь, и такіе вопросы онъ предложилъ Лафатеру, который былъ тогда на вершинѣ своей славы ²⁾. Послѣ многихъ оговорокъ, исполненныхъ скромности и чувствительности, онъ дѣлаетъ Лафатеру (во второмъ письмѣ къ нему) слѣдующій вопросъ: „Какимъ образомъ душа наша соединена съ тѣломъ, тогда какъ они изъ совершенно различныхъ стихій? Не служило ли связующимъ между ними звеномъ еще третье отдѣльное вещество, ни душа, ни тѣло, а совершенно особенная сущность?“

¹⁾ Этотъ Кутузовъ былъ, между прочимъ, переводчикомъ Клопштока: „Мессія, поэма, сочиненная господиномъ Клопштокомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. А. К.“ Москва. 1786—87.

²⁾ Изъ обширной литературы о Лафатерѣ, его сочиненіяхъ и его общественной роли въ свое время, напомнимъ особенно разсказъ Шюссера („Исторія XVIII столѣтія“), до котораго дошли еще живыя впечатлѣнія и воспоминанія того времени.

Или же душа и тѣло соединяются посредствомъ постепеннаго перехода одного вещества въ другое? Или иначе: „Какимъ способомъ душа дѣйствуетъ на тѣло, посредственно или непосредственно?“ Карамзинъ былъ вѣроятно очень удивленъ, когда Лафатеръ отозвался невѣденіемъ. „Еслибъ мнѣ, мой милый Карамзинъ, — писалъ онъ, — какое-нибудь существо подѣ луной могло связать, что такое тѣло *само по себѣ* и что такое душа *сама по себѣ*, то я бы вамъ тотчасъ объяснилъ, какимъ способомъ тѣло и душа дѣйствуютъ другъ на друга, въ какой взаимной связи они находятся, соприкасаются ли они между собой посредственно или непосредственно? Я думаю, однако, что намъ придется еще нѣсколько времени подождать этого просвѣщеннаго существа. Глазъ нашъ не такъ устроенъ, чтобы видѣть себя безъ зеркала, — а наше я видитъ себя только въ другомъ *ты*. Мы не имѣемъ себѣ точки зрѣнія на самихъ себя“. Тому, кто знакомъ съ масонскими ученіями Новиковскаго кружка, не трудно видѣть, что приведенный вопросъ находится въ связи съ обращавшимися въ этомъ кружкѣ полу-мистическими, полу-алхимическими представленіями о человѣческой природѣ и о трехъ степеняхъ ея духовнаго существа. Обращеніе къ Лафатеру, о которомъ, кромѣ его тогдашней славы въ Москвѣ, могли ближе знать отъ известнаго нѣмецкаго поэта изъ эпохи Sturm und Drang, Ленца, вѣкогда друга Лафатера и Гёте ¹⁾, — было очень характерно именно какъ переходъ отъ розенкрейцерскихъ мечтаній въ болѣе широкую область литературы: въ самомъ Лафатерѣ были черты мистика и піетизма; его фізіономическія изученія казались тогда великимъ открытіемъ и произвели сильное впечатлѣніе въ европейскомъ обществѣ, достигая до самыхъ его вершинъ. Среди тогдашняго броженія чувства и понатій это общество страстно искало какой-либо прочной опоры и за недостаткомъ ея началась даже вѣра въ чудеса: одни вѣрили въ чудеса розенкрейцерскія, другіе въ Калостро и графа Сенъ-Жермена, и съ такимъ же легковѣріемъ искали психологическихъ откровеній у Лафатера, который, впрочемъ, самъ былъ здѣсь первымъ легковѣрнымъ. Вопросы, которые ставилъ Карамзинъ и на которые не рѣшился отвѣчать ему Лафатеръ, не могла бы объяснить тогдашняя (какъ, впрочемъ, и нынѣшняя) наука, — но, по крайней мѣрѣ, и тогдашняя наука могла бы дать болѣе прочныя объясненія въ другихъ вопросахъ, на которые также искали тогда отвѣта. Но путь науки былъ путь очень трудный и у насъ особенно, при состояніи нашей

¹⁾ Ленцъ жилъ въ тѣ годы въ Москвѣ и умеръ тамъ въ 1792.

школы; настоящая наука всегда отказывалась рѣшать вопросы, для объясненія которыхъ она не имѣетъ необходимыхъ данныхъ, и гораздо смѣлѣе отвѣчала на нихъ философія популярная, — что бы она ни проповѣдывала, матеріализмъ, деизмъ или пѣтизмъ. Наклонность къ мечтательности, къ сентиментальному любованію своими чувствованіями была видоизмѣненіемъ того раціоналистическаго резонерства, какимъ отличались прежнія поколѣнія; теперь это былъ господствующій складъ свѣтскаго образованія и привычки его остались у Карамзина на всю жизнь. Были искренніе мечтатели, у которыхъ это душевное состояніе становилось природой, и они всю жизнь оставались мечтателями; у другихъ это была привычная манера, которая, однако, могла мириться съ практическими воздѣйствіями жизни и забывать для нихъ о чувствительномъ идеализмѣ. У Карамзина бывало первое, но потомъ преобладало второе.

Карамзинъ остановился на этой популярной философіи, въ которой соединились различные элементы его образованія: слѣды пѣтизма, воспринятаго въ Дружескомъ Обществѣ и смягченнаго въ идеалистическое понятіе о Творцѣ и природѣ; любовь къ просвѣщенію, но въ особенности къ просвѣщенію мирному, мечтательному и безобидному; любовь къ человѣчеству съ отбѣнкомъ фантазій того вѣка о первобытной свободѣ, о благополучіи жить на лонѣ природы; но современныя событія отразились у него почитаніемъ Франклина, въ прошедшемъ его героемъ былъ Вильгельмъ Телль. Когда Карамзинъ началъ потомъ издавать свои журналы и сборники, онъ явился наиболѣе просвѣщеннымъ въ средѣ тогдашнихъ русскихъ журналистовъ. Нельзя сказать, чтобы ему впервые принадлежала заслуга того образовательнаго склада, какое онъ далъ своимъ изданіямъ: въ журналахъ Новикова подготавливались уже изданія такого характера, но журналы Карамзина были выше прежде всего потому, что въ нихъ было гораздо больше трудовъ самостоятельныхъ, а затѣмъ по достоинствамъ изложенія. Бромъ „Писемъ“ и цѣлаго ряда статей, посвященныхъ предметамъ нравственности и просвѣщенія, здѣсь появились тѣ произведенія Карамзина, которыя окончательно установили тогда его литературную славу. Это были знаменитыя повѣсти: „Бѣдная Лиза“, „Наталья, боярская дочь“ (въ „Московскомъ Журналѣ“) и позднѣе „Марѳа Посадница“ (въ „Вѣстникѣ Европы“). Это были первыя русскія повѣсти, которыя стали крупнымъ литературнымъ фактомъ по своему чрезвычайному успѣху въ средѣ русскихъ читателей и вмѣстѣ съ правоучительными сочиненіями Карамзина были самымъ яркимъ выраженіемъ его „сентиментальнаго направленія“...

Какъ мы замѣчали выше, сентиментализмъ самъ по себѣ не представлялъ какого-нибудь опредѣленнаго направленія; самъ по себѣ онъ оставался бы только тою пустою чувствительностью, которая бросилась въ глаза и стала предметомъ насмѣшекъ въ твореніяхъ его подражателей, какъ Измайловъ, князь Шаликовъ и др. У Карамзина онъ не былъ до такой степени лишенъ содержанія. Мы видѣли сейчасъ, изъ какихъ понятій составлялось его міровоззрѣніе; оно было идеалистическое, направленное къ свободѣ и счастью людей, къ наслажденію красотами и дарами природы, къ внутреннему міру человѣка въ спокойствіи его души и въ удаленіи отъ мірскихъ тревоженій. Какъ было уже замѣчено нашими историками, эта чувствительность, которая и въ самой европейской литературѣ являлась желаннымъ противовѣсомъ сухой разсудочности и смягчала самыя формы псевдо-классицизма, у насъ тѣмъ болѣе могла имѣть благотворное значеніе, какъ болѣе человѣчная струя, введенная въ обычные грубые нравы: она учила, что есть внутренняя жизнь сердца, что есть обязанность и радость въ сочувствіи чужой человѣческой жизни, что можетъ быть наслажденіе въ чувствѣ природы. Выше мы видѣли, что подобныя вліянія новой литературы и обычая проникали еще раньше,—припомнимъ сцены чувствительности у весьма нечувствительныхъ людей въ запискахъ Державина. Но теперь подобное настроеніе становилось господствующимъ: оно сопровождаетъ Карамзина постоянно,—въ каждой картинѣ, въ каждой встрѣчѣ, какія описываетъ онъ въ своемъ путешествіи, во всѣхъ его нравоучительныхъ разсужденіяхъ, наконецъ, въ томъ, что говорилъ онъ о фактахъ русской общественной жизни (какъ въ „Вѣстникѣ Европы“), онъ находитъ поводъ къ сентиментальнымъ изліяніямъ. Это смягчающее, цивилизующее вліяніе сентиментальности можно видѣть изъ великаго успѣха повѣстей Карамзина. Извѣстно, что окрестности Симонова монастыря, описанныя въ „Бѣдной Лизѣ“, стали для москвичей любимымъ гуляньемъ; прудъ, въ которомъ кончила жизнь героиня повѣсти, сталъ называться Лизинимъ прудомъ; стволы деревьевъ украшались чувствительными надписями. Повѣсть взята была изъ „русской“ жизни и производила иллюзію, что она дѣйствительно изображаетъ наши нравы: читатели не замѣчали, что эти нравы и рѣчи дѣйствующихъ лицъ искусственны и театральны, —точно также, какъ въ „Наташѣ, боярской дочери“ и „Марѣй Посадницѣ“, въ которыхъ дѣйствіе перенесено во времена московскаго царства и великаго Новгорода. Двѣ послѣднія повѣсти любопытны и тѣмъ, что были первымъ опытомъ Карамзина перенестись въ прошедшее и здѣсь въ изображеніи старины появ-

ляются уже тѣ сентиментальныя прикрасы, которыя наполняютъ потомъ „Исторію государства Россійскаго“... Но если въ тогдашнемъ состояніи общества этотъ приливъ сентиментальности могъ имѣть упомянутое полезное вліяніе, то съ другой стороны ея искусственность могла быть неумѣстна и прямо вредна, когда распространялась на теоретическіе вопросы, на дѣла общественныя и на исторію. Карамзинъ самъ замѣчалъ это, когда въ статьѣ „Нѣчто о наукахъ“ говорилъ о Руссо; но подобное произошло и съ нимъ, когда внушенія чувствительности онъ хотѣлъ дѣлать аргументомъ или украшеніемъ исторіи, или рѣшать ею общественный вопросъ. Сентиментальность не дѣвала никакого-либо устойчиваго міровоззрѣнія: прежній поклонникъ Франклина и Вильгельма Телля потомъ забылъ объ нихъ и прежній панегиристъ Петра Великаго впоследствии жемчно осуждалъ реформу въ „Запискѣхъ о древней и новой Россіи“.

Въ повѣсти „Наталья, боярская дочь“, написанной въ 1792, какъ мы сказали, начинается уже сентиментальная идеализація русской древности. „Кто изъ насъ,—говоритъ онъ,—не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ, по своему сердцу, т.-е. говорили какъ думали“. Мы видѣли раньше, что въ этой идеализаціи старины Карамзинъ имѣлъ уже предшественника въ Новиковѣ¹⁾. Отецъ Натальи былъ мудрый бояринъ, сама она „имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя русскіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля“. Событія повѣсти были, однако, весьма неправдоподобны для русской древности. Дѣвица сбѣжала изъ родительскаго дома и поѣхала съ молодымъ человѣкомъ, сыномъ опальнаго боярина, —полагая, что отецъ не дастъ согласія на этотъ бракъ; но кончилось все благополучно: началась война; Наталья, сокрушаясь объ отцѣ, и ея супругъ, огорчаясь царской опалой, рѣшились отличиться, отправились вмѣстѣ на войну и она, надѣвши панцирь и легкое оружіе, оказала вмѣстѣ съ молодымъ мужемъ чудеса храбрости. Царь, удивленный ихъ подвигами, потребовалъ ихъ къ себѣ, узналъ отъ нихъ ихъ исторію, простилъ молодого боярина, помирилъ ихъ съ отцомъ и они благополучно жили потомъ до глубокой старости. Въ „Марѣѣ Посадницѣ“ любопытно сочувственное изображеніе древняго Новгорода, но въ сентимен-

¹⁾ Вспомнимъ предисловіе къ „Древней россійской Библіотекѣ“ (1773) и журналъ „Комсомолецъ“ (1774).

тальномъ разсказѣ опять нѣтъ никакого историческаго колорита: новгородцы и московскіе воеводы говорятъ длинныя рѣчи, составленныя по правиламъ реторики и т. п.

Поворотъ въ сентиментальности Карамзина, которая изъ прежней свободолюбивой стала умѣренно консервативною, объясняютъ мрачнымъ исходомъ французской революціи: онъ отчаялся въ будущей судьбѣ человѣчества, считалъ не только возможнымъ, но вѣроятнымъ, даже неминуемымъ паденіе наукъ, когда свирѣпствуетъ опустошительная война, когда истребляются собранныя вѣками драгоценности человѣческаго ума, когда ненавистники наукъ съ торжествомъ указываютъ въ происходящихъ ужасахъ плоды просвѣщенія. Въ концѣ концовъ Карамзинъ утѣшался, что если иногда слишкомъ много величали XVIII вѣкъ, то прійдутъ лучшія времена, что сѣмя добра не истребится въ человѣчествѣ, что нравственность исправится, что „разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни и зло настоящее послужитъ добру будущему“, что „свѣтлыиыи науки не угаснутъ на земномъ шарѣ“. Эти слова были сказаны встали въ свое время—въ послѣдніе годы Екатерины II ненавистники просвѣщенія въ то время и много поддѣе высказывали подобныя обвиненія противъ (французскаго) просвѣщенія и даже въ нашествіи Наполеона дѣлали обвиненіе противъ русскихъ любителей французской литературы... Въ дѣйствительности, что бы ни происходило во Франціи, свѣтлыиыи науки не угасали въ другіихъ странахъ и, напротивъ, событія еще возвысили энергію мысли и стали великимъ переворотомъ, богатымъ послѣдствіями не только въ политической, но и въ умственной жизни народовъ, — литература XIX вѣка уже вскорѣ стала выше того, что сдѣлано было XVIII вѣкомъ. Карамзинъ остался, такъ сказать, на популярной точкѣ зрѣнія. Вскорѣ Карамзинъ совсѣмъ удался отъ вопросовъ нравственной философіи и литературы, отдавшись исключительно русской исторіи. Благодаря содѣйствію М. Н. Муравьева, онъ съ 1803 года получилъ возможность вполне посвятить себя своему историческому труду.

„Исторія государства російскаго“ составляетъ величайшую славу его литературной дѣятельности. Известно, какое сильное впечатлѣніе произвела она при своемъ появленіи, какъ быстро разошлось ея первое изданіе, какъ заговорили о ней всѣ и даже тѣ, кто раньше не бралъ въ руки русской книги. Пушкинъ былъ юношей въ это время; вѣроятно подъ влияніемъ толковъ либеральной молодежи, которая осталась недовольна „Исторіей“, онъ позволилъ себѣ шутливыя эпиграммы на нее, но, кажется,

уже вскорѣ пожалѣлъ о нихъ, и сталъ горячимъ поклонникомъ „Исторіи государства Россійскаго“. Карамзинъ, по его словамъ, былъ Колумбомъ, который открылъ для русскихъ ихъ прошедшее; „священной памяти“ его онъ посвящаетъ „Бориса Годунова“. Правда, нашлись критики, которыхъ „Исторія“ не удовлетворяла — кромѣ упомянутыхъ либераловъ молодого поколѣнія, два-три специалиста по русской исторіи, и нѣсколько позднѣе два-три „скептика“; но въ руководящемъ литературномъ кругу и въ массѣ общества „Исторія“ была превознесена, какъ великій національный памятникъ литературы, и Карамзинъ былъ „святое имя“. Панегрикъ, почти безусловный, дошелъ до новѣйшаго времени: „Исторія“ есть „египетская пирамида, исполненскій трудъ“, она обладаетъ „недосягаемымъ величіемъ“, это — „единственная исторія въ подлинномъ смыслѣ слова, какую только имѣетъ русская земля“¹⁾, и т. д. Соловьевъ, въ своемъ давнемъ изслѣдованіи объ историческомъ трудѣ Карамзина²⁾, дѣлалъ уже осторожныя указанія о томъ, что отношеніе Карамзина къ его предшественникамъ было не совсѣмъ таково, какъ думали, что онъ гораздо больше былъ имъ обязанъ. Новѣйшее изслѣдованіе³⁾ указало, что русская историографія до Карамзина вовсе не представляла такого хаоса, какъ было принято думать, что, напротивъ, въ ней сдѣлано было весьма много существеннаго въ трудахъ Байера, Шлёдера, Татищева, Щербатова, Болтина, что не только было приведено въ извѣстность множество источниковъ, но, на примѣръ, для древнѣйшаго періода они были столько разработаны, что Карамзинъ во многихъ случаяхъ шелъ прямо по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, особливо Шлёдера⁴⁾. Въ общемъ построении

¹⁾ Выраженія изъ біографіи Погодина: „Н. М. Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“. М. 1866 (первый весьма неумѣренный панегирикъ былъ сдѣланъ еще въ „Историческомъ похвальномъ словѣ Карамзину“. М. 1845), и изъ Бестужева-Рюмина: „Біографіи и характеристики“. Сиб. 1862; гораздо болѣе умѣренно у Грота: „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина“, составленный къ юбилею 1866 („Сборникъ“ Русск. Отд. Акад., т. I).

²⁾ Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1854.

³⁾ Въ упомянутомъ трудѣ г. Миллюкова.

⁴⁾ Г. Миллюковъ замѣчаетъ по поводу того, какъ Карамзинъ предлагалъ „свое“ мнѣніе о Несторовой хронологіи: „...При этомъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ Карамзинъ не упоминаетъ, что эти рассужденія принадлежатъ не ему, а Шлёдеру и Миллеру. Эта черта, — замѣтимъ кстати, — будетъ сопровождать насъ черезъ всю „Исторію государства Россійскаго“. Карамзинъ почти никогда не называетъ своихъ посредниковъ между собственною работою и сырымъ матеріаломъ: впечатлѣніе работы, при этомъ умноженіи, получается, дѣйствительно, грандіозное. „Надлежало сообразить все, написанное греками и римлянами о нашихъ странахъ, отъ Геродота до Аммиана Марцеллина; все написанное вивантійскими историками о славянахъ и другихъ

историческаго плана Карамзинъ опять слѣдуетъ предшественникамъ — Шлёцеру, даже Татищеву, потомъ Щербатову. „Карамзинъ, конечно, во многое уже не вѣритъ изъ того, во что вѣритъ Татищевъ. Его уже не могутъ ввести въ заблужденіе московскія историческія легенды. Но, критикуя и устраняя детали, онъ сохраняетъ общее построеніе“. Въ самомъ изложеніи событій, какъ находитъ новѣйшій критикъ, есть всё основанія думать, что кн. Щербатовъ былъ для Карамзина такимъ же основнымъ источникомъ свѣденій, какъ Татищевъ для Болтина. Въ первомъ томѣ „Исторіи“ вліяніе Щербатова незамѣтно въ виду богатства спеціальной литературы о началѣ Руси, но оно становится все болѣе видно въ слѣдующихъ томахъ по мѣрѣ оскудѣніи литературы ¹⁾.

„Вліяніе щербатовской исторіи, — говоритъ г. Милуковъ, — не ослабѣваетъ до самаго конца „Исторіи государства Россійскаго“. Конечно, Карамзинъ самостоятельно изучаетъ свои источники, но и тутъ Щербатовъ указываетъ ему, гдѣ, когда и что надо изучать. Княжескіе договоры и завѣщанія, присоединяющіеся къ лѣтописямъ съ половины XIII-го вѣка, статейные списки посольствъ, присоединяющіеся съ конца XV-го в., иностранцы, начиная съ Платона Карпини и кончая Мартиномъ Беромъ (Буссовымъ), — всё эти источники уже разставлены по мѣстамъ и употреблены въ дѣло Щербатовымъ. Но не только въ указаніяхъ на источники помогаетъ Карамзину Щербатовъ; еще сильнѣе обнаруживается его вліяніе въ самомъ разсказѣ. Часто порядокъ изложенія Щербатова принимается и Карамзинимъ, еще чаще Карам-

---

народовъ, которыхъ исторія имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ россійской“; такъ описываетъ свой трудъ самъ Карамзинъ Муравьеву. Для шести мѣсяцевъ, дѣйствительно, „трудъ и подвигъ геркулесовскій“, и даже невозможный, еслибъ Карамзину пришлось читать подлинники древнихъ авторовъ и выбирать самому мѣста изъ *Socrus scriptorum byzantinorum*; еслибъ „все написанное греками и римлянами отъ Геродота до Амміана Марцелина“ не было переведено уже у Татищева, а „все написанное византийскими историками о славянахъ и другихъ народахъ“ не было извлечено въ *Memoriae populorum* Штреттера и еще разъ извлечено, для большей доступности, изъ этихъ *Memoriae* въ четырехъ маленькихъ томикахъ, изданныхъ по-русски“ („Р. Мисль“, 1894, январь, стр. 56).

¹⁾ Карамзинъ съ самаго начала былъ нерасположенъ къ Татищеву (подлинникъ мнѣнію Шлёцера объ Иоанновской лѣтописи, какъ выдумкѣ Татищева, и не раздѣляя другихъ взглядовъ послѣдняго) и его послѣдователю Болтину. „Хотя Карамзинъ и общается въ одномъ изъ писемъ „не оскорблять памяти“ обоимъ, отглаголивъ „грубыя ошибки“, но обличеніе это врядъ ли можно считать вниошненіемъ. Молча поправляя Щербатова тамъ, гдѣ Болтинъ правъ въ своей критикѣ, Карамзинъ систематически преслѣдуетъ въ своихъ примѣчаніяхъ и Болтина, и Татищева, гдѣ только представляется для этого удобный случай. Къ Щербатову, по причинамъ, уважительнымъ по самому существу дѣла, Карамзинъ относится болѣе сочувственно“.

зинъ принимаетъ отдѣльныя толкованія и предположенія Щербатова, его поправки и объясненія какихъ-нибудь генеалогій или недостающихъ событій. Разумѣется, нерѣдко встрѣчаемъ и поправки Карамзинымъ Щербатова... Нужно самому слѣдить страница за страницей эти параллельныя изложенія, чтобы почувствовать, какъ повсюду, въ началѣ, въ серединѣ, въ концѣ сочиненія, на каждой страницѣ Карамзинъ имѣетъ въ виду Щербатова. Видно, что томъ Щербатовской исторіи всегда лежалъ на письменномъ столѣ историографа и давалъ ему постоянно готовую нить для разсказа и тему для разсужденія; и часто Карамзину оставалось только передѣлать ссылку и сдѣлать соответственную выписку изъ источника. Въ результатѣ пересказа и передѣлки, тяжеловѣсныя, неуклюжія фразы Щербатова превращаются въ блестящія, закругленные и отточенные періоды Карамзина; но очень часто настоящій смыслъ и заднія мысли этихъ красивыхъ періодовъ мы поймемъ только тогда, когда будемъ имѣть передъ глазами параллельное изложеніе Щербатова¹⁾.

Авторъ приходитъ къ выводу, что Карамзинъ въ исторической конструкціи своего труда не столько начинаетъ собою новую эпоху русской историографіи, сколько заканчиваетъ старую.

„Исторія государства російскаго“ произвела сильное впечатлѣніе, главнымъ образомъ, по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Масса читателей не могла понимать, насколько то или другое въ трудѣ Карамзина могло быть самостоятельно или было уже подготовлено его предшественниками: старыя историческія писатели были забыты тѣмъ легче, что не отличались достоинствами изложенія, какъ, напр., тяжелые томы кн. Щербатова; вѣроятно и въ свое время они не имѣли особенно усердныхъ читателей, и тѣмъ менѣе могъ имѣть ихъ Татищевъ, или спеціальныя труды Миллера, Шлёцера, Штритера. Карамзинъ собралъ все это въ связную картину, и она представилась его исключительнымъ созданіемъ. Мы видѣли, что научная оцѣнка „Исторіи“ въ сличеніи съ предшествующимъ періодомъ не была сдѣлана еще до недавняго времени,—понятно, что ея не могло быть въ ту минуту. Въ первый разъ „Исторія“ явилась въ составѣ восьми первыхъ томовъ,—которые были окончены въ 1816 году,—и этотъ трудъ поражалъ уже одною своею обширностію и тѣмъ болѣе поражалъ въ чтеніи искусствомъ расположенія, изяществомъ разсказа, возвышеннымъ патриотическимъ тономъ. Вспомнимъ, что еще не далека была его слава, какъ автора „Писемъ русскаго

¹⁾ „Р. Мисль“, 1894, январь, стр. 58 и далѣе; май, стр. 186 и др.

путешественника“, который еще теперь находили подражателей, и какъ автора повѣстей; въ известномъ кругу придавало значеніе его труду и то обстоятельство, что онъ былъ официальнымъ исторіографомъ, что самъ императоръ къ нему былъ расположенъ; наконецъ, книга являлась въ то время, когда только-что миновали грозныя событія Наполеоновскихъ войнъ и еще не успѣлоось изволнованное патріотическое чувство... Пушкинъ по своему времени былъ правъ, называя Карамзина Колумбомъ русской исторіи, потому что, дѣйствительно, онъ открывалъ эту исторію массѣ русскаго общества. Въ биографіи послѣдующихъ русскихъ писателей мы не однажды встрѣтимся съ „Исторіей“ Карамзина, какъ съ источникомъ умственнаго и патріотическаго возбужденія. Въ литературѣ она оставила свой слѣдъ въ историческомъ романѣ и драмѣ, и наконецъ, вмѣстѣ съ запиской „О древней и новой Россіи“, сдѣлалась однимъ изъ основаній известнаго публицистическаго направленія, которое такъ часто выставляло себѣ единственно патріотическимъ.

Разсматриваемый съ историко-литературной точки зрѣнія трудъ Карамзина дѣйствительно скорѣе заманиваетъ старую эпоху нашей исторіографіи, чѣмъ начинается новую. Его взглядъ на историческую работу былъ взглядъ художника и патріотическаго моралиста скорѣе, чѣмъ взглядъ изслѣдователя. Биографы Карамзина замѣчаютъ, что мысль объ историческомъ трудѣ могла давно занимать Карамзина, а именно еще съ начала 1790-хъ годовъ, на самомъ дѣлѣ это было скорѣе съ конца этого десятилѣтія; но тотъ же взглядъ на историческіе приемы былъ высказанъ имъ еще въ „Письмахъ русскаго путешественника“. Онъ писалъ тогда: „Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы... Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Нивона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужеземцевъ. Родословныя князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ—не очень любопытны, соглашаюсь, но зачѣмъ наполнять ими цѣлыя тома? Чтò не важно, то сократить, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, характеръ нашихъ древнихъ героевъ, отъѣнныхъ людей, прошествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій—Владиміръ“ и т. д. Этотъ взглядъ въ сущности не измѣнился и послѣ, когда онъ дѣйствительно приступилъ къ своему труду. Изслѣдуя эти историческіе приемы Карамзина, тотъ же

критикъ замѣчаетъ: „И такъ, не историческое изученіе, не разработка сырого матеріала исторіи, а художественный пересказъ данныхъ уже извѣстныхъ,—вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи будущаго историка. Изъ наличнаго историческаго матеріала—иное сократить, иное раскрасить; выкинуть неблагоприятную путаницу событій и остановиться на благодарныхъ эпизодахъ и характерахъ, все это одушевить чувствомъ; исторія русская можетъ быть незанимательной, но что художественное произведеніе на мотивы русской исторіи, составленное по этому рецепту, непременно будетъ занимательно, за это ручаются умъ, вкусъ и талантъ художника. „Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя приятнымъ для ума образомъ“,—повторяетъ Карамзинъ ту же мысль въ своемъ предисловіи.—Подъ „бѣднымъ предметомъ“ надо разумѣть здѣсь русскую исторію, а приятно ознаменуетъ себя въ этомъ предметѣ—Исторія государства Россійскаго“. При первомъ приступѣ къ работѣ Карамзинъ спѣшилъ набросать мысли для будущаго предисловія, гдѣ хотѣлъ указать важность и интересъ исторіи: она должна удовлетворить нашему любопытству о судьбѣ предковъ, должна учить благоразумію, ободрять сравненіемъ; древнія времена могутъ имѣть для насъ прелесть поэзіи; затѣмъ звучныя фразы набросаны по-французски. „Видно,—говоритъ тотъ же критикъ,—что не мысль важна для Карамзина въ этихъ отрывкахъ, слышномъ неоконченныхъ, чтобы выражать какую-либо мысль, а образное сравненіе, красиво выраженное. И вотъ, всѣ двѣнадцать лѣтъ, пока историографъ пишетъ свои первые восемь томовъ, эти картинныя фразы не выходятъ изъ его головы, пока не укладываются, наконецъ, блистательными рядами въ его знаменитомъ предисловіи. „Я ободрялъ себя мыслью, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно мимо всего близкаго, яснаго—къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость“. Такъ даже изъ скудости матеріала историкъ предлагалъ читателю извлекать эстетическое наслажденіе.

„...Исторія должна быть занимательна: по соображеніямъ утилитарнымъ, по соображеніямъ эстетическимъ, по соображеніямъ патріотическимъ, какъ бы то ни было, но исторія должна быть занимательна. Вотъ основная идея, неотвязно преслѣдующая историографа. Разумѣется, самъ онъ сдѣлаетъ все важное и употребитъ всѣ средства для осуществленія этой задачи: сократитъ, рас-

красить, оживить патриотизмомъ. Не совершивъ еще никакихъ грѣховъ противъ исторической достовѣрности, онъ въ тѣхъ же наброскахъ уже примѣриваетъ позу кающагося грѣшника. „Знаю, намъ нужно безпристрастіе историка: простите, я не всегда могъ скрыть любовь къ отечеству“. И эта мысль, правда, въ болѣе сдержанной формѣ, оживаетъ, какъ извѣстно, въ предисловіи. „Чувство: мы, наше—оживляетъ повѣствованіе... любовь къ отечеству даетъ... кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души“¹⁾).

Критикъ справедливо находитъ, что это возвращаетъ насъ къ историческимъ приемамъ Ломоносова, Эмина и пр., т.-е. къ приемамъ псевдо-классической школы, гдѣ исторія прежде всего, или исключительно понималась, какъ художественное, т.-е. риторически исполненное произведеніе по древнимъ образцамъ. Если теперь къ Тациту Карамзинъ прибавлялъ Юма, Робертсона, Гиббона, это не измѣняло дѣла: основной интересъ оставался тотъ же—занимательность разсказа, гдѣ нужно „раскрашеннаго“, и патриотическое поученіе. Украшеніе разсказовъ достигалось опять старыми средствами псевдо-классическаго искусства, средствами стилистическими, а также сентиментальнымъ патриотическимъ тономъ: и то и другое могло оживлять разсказъ, но нерѣдко вовсе не отвѣчало главному—исторической дѣйствительности. Для красоты разсказа Карамзинъ не однажды отступаетъ, на примѣръ, отъ текстовъ древней лѣтописи и пользуется повдѣйшими источниками, которые самъ признавалъ недостовѣрными, риторическимъ стилемъ сглаживаетъ черты времени, видитъ „нѣжную чувствительность“ въ такіе вѣка, которые ея совсѣмъ не знали, и т. под.

Въ научномъ отношеніи это была, конечно, ошибка, потому что терялся историческій колоритъ; ошибкой было и пониманіе російскаго государства со временъ Рюрика, пониманіе, унаслѣдованное отъ XVIII вѣка. Безъ сомнѣнія, „Исторія“ имѣла свои научныя заслуги, особливо въ той части ея, какая отнесена въ примѣчанія: онъ далъ много частныхъ объясненій, которыя были вѣрны и новы; кромѣ извѣстныхъ тогда лѣтописей и актовъ онъ воспользовался большимъ количествомъ матеріаловъ архивныхъ, раиѣе неизвѣстныхъ, и нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ сохранились только въ его примѣчаніяхъ, потому что самыя памятники утрачены. Великой заслугой Карамзина было то общественное впечатлѣніе „Исторія“, о которомъ мы говорили, и которое, безъ

¹⁾ „Р. Мысль“, 1894, май, стр. 106—107.

сомнѣнія, способствовало развитію въ обществѣ историческихъ интересовъ. Это нравственное дѣйствіе, хотя трудно исчислимо, не подлежитъ сомнѣнію; но что касается собственно научной разработки русской исторіи, изученія памятниковъ, опредѣленія метода, построения самаго историческаго плана, значеніе „Исторіи“ было не такъ велико, какъ полагали его біографы. Новѣйшая критика приходитъ къ другому заключенію. „Чѣмъ была эта наука до выступленія Карамзина?—говоритъ упомянутый критикъ.—Нѣсколько знатныхъ любителей, нѣсколько иностранныхъ профессоровъ и нѣсколько учениковъ, отправленныхъ академіей за границу,—вотъ и весь нашъ *corpus historicorum* конца прошлаго столѣтія. Послѣ Карамзина картина какъ бы волшебствомъ измѣняется. Мы видимъ цѣлое ученое сословіе историковъ, оффиціально существующее историческое общество, спеціальныя историческія журналы и массу историческихъ статей въ неспеціальныхъ журналахъ, живую работу детальнаго изслѣдованія съ постояннымъ обмѣномъ мыслей, съ письменною и печатною полемикой. На извѣстномъ разстояніи отъ этихъ явленій впечатлѣніе получается такое, какъ будто весь этотъ быстрый разцвѣтъ учености произведенъ Исторіей государства Россійскаго. Немудрено, что именно такой выводъ и сдѣлали панегиристы историографа. За „Исторіей“ Карамзина было, такимъ образомъ, надолго упрочено значеніе эры въ русской историографіи.

„Въ наше время, однако, все болѣе выплываетъ изъ-подъ спуда дѣятельность современниковъ, потонувшая въ лучахъ славы Исторіи государства Россійскаго. вмѣстѣ съ тѣмъ становится все яснѣе, что то, что казалось причинною связью, есть не болѣе, какъ простое хронологическое совпаденіе. Въ нашей исторической наукѣ, дѣйствительно, совершился переворотъ въ эти немногіе годы. Любопытство дилеттанта быстро уступило въ ней мѣсто научному интересу изслѣдователя, и задачи, и приемы изслѣдованія совершенно видоизмѣнились. Но это быстрое развитіе науки шло не *черезъ* Исторію государства Россійскаго, а мимо нея“¹⁾.

Дѣйствительно, эти ученые общества, эти возникшія работы по изученію памятниковъ, языка, древностей, начинались независимо отъ Карамзина изъ старыхъ преданій того же XVIII вѣка, а также изъ новыхъ самостоятельныхъ опытовъ исторической критики. Справедливо замѣчено было, что Карамзинъ имѣлъ своихъ покровниковъ, но не имѣлъ шевалье. „Исторія“ осталась

¹⁾ Миллеровъ, „Главные теченія“ и др. „Р. Мысль“, 1894, августъ, стр. 77 и д.

величественнымъ литературнымъ памятникомъ, а также собраніемъ важнаго матеріала, но не давала руководящихъ идей для дальнѣйшаго развитія историографіи. Эти руководящія идеи явились изъ того же источника, на которомъ вообще опиралась русская наука: это была западная историографія, которая научала новому, болѣе глубокому примѣненію исторической критики, которая думала о философской исторіи и вообще указывала первую задачу исторіи не въ повѣствованіи, а въ изслѣдованіи внутренняго процесса исторической жизни народовъ. Кромѣ изученія памятниковъ, которое уже вскорѣ (особенно съ Археографической экспедиціи) чрезвычайно расширило историческій матеріалъ, дальнѣйшіе опыты нашихъ историковъ направились дѣйствительно мимо Карамзина, и плодотворность новыхъ изысканій оказалась именно въ томъ, что онѣ направились на раскрытіе внутреннихъ началъ русской жизни. Художество отступило совсѣмъ на второй планъ, зато началось дѣйствительное объясненіе историческихъ процессовъ. Съ изслѣдованіями Эверса о древнемъ русскомъ правѣ начинается это стремленіе объяснять внутренній ходъ историческаго развитія, и съ сороковыхъ годовъ въ трудахъ Соловьева является новое построеніе русской исторіи, совсѣмъ не похожее на Карамзина и которое по своему плану и приему изслѣдованія не имѣетъ съ нимъ ничего общаго.

Слава Карамзина установилась у его современниковъ такъ прочно, въ его твореніяхъ и именно въ „Исторіи“ видѣли таковой возвышенный памятникъ историческаго искусства, любви къ отечеству и политической мудрости, что спокойное историческое отношеніе къ его труду долгое время было совершенно невозможно. На это указывалъ еще Бѣлинскій ¹⁾ и такъ было до самаго недавняго времени. Но если, какъ мы видѣли, въ самомъ основномъ трудѣ Карамзина критика безпристрастная не находитъ оправданія преувеличеннымъ панегирикамъ и считаетъ этотъ трудъ скорѣе завершеніемъ стараго періода историографіи, чѣмъ основаніемъ новаго, тѣмъ болѣе подобное сужденіе можетъ быть приложено къ остальнымъ произведеніямъ Карамзина: онѣ и хронологически едва выходятъ за предѣлы XVIII вѣка и принадлежатъ ему всѣмъ своимъ характеромъ. Карамзинъ имѣлъ большое значеніе для общества того времени, въ предѣлахъ тѣхъ понятій, какія выработались въ этомъ обществѣ въ XVIII столѣтіи; ему принадлежитъ большая заслуга въ томъ, что онъ приблизилъ литературу къ обществу, какъ приблизилъ и языкъ литературы къ

¹⁾ Ср. Сочиненія, т. I, стр. 60—62 (писано въ 1884 году).

живой общественной рѣчи и сообщилъ ему извѣстное изящество; но его вліяніе, какъ сентиментальнаго писателя, не существовало уже для ближайшаго поколѣнія: повѣсти Карамзина очень скоро стали только историческимъ воспоминаніемъ, какъ самый языкъ въ сущности скоро устарѣлъ и въ слѣдующемъ литературномъ поколѣніи считался уже манернымъ. Не будемъ говорить здѣсь объ его политическихъ воззрѣніяхъ, на которыхъ имѣли случай подробно останавливаться въ другомъ мѣстѣ: довольно сказать, что въ этой области онъ являлся консерваторомъ, которому остались чужды не только либеральныя идеи тогдашняго молодого поколѣнія (онъ могъ имъ справедливо не сочувствовать), но гораздо болѣе серьезныя потребности русскаго общественнаго и государственнаго быта.

Если Карамзинъ оставался въ первой четверти XIX столѣтія представителемъ предъидущаго вѣка, то подобный отголосокъ того же вѣка приносилъ съ собою другой писатель, который, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не первый былъ представителемъ того новаго періода русскаго литературнаго развитія, гдѣ вслѣдъ за нимъ явился Пушкинъ. Это былъ Жуковскій. Историки литературы издавна указываютъ на подражательность его поэзіи, перечисляютъ европейскіе поэты, которыхъ онъ переводилъ, которые бывали образцами для его собственныхъ произведеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ едва ли не первый истинный поэтъ въ новѣйшемъ періодѣ русскаго литературнаго развитія, поэтъ, у котораго вмѣстѣ съ большимъ дарованіемъ была глубокая вѣра въ нравственное назначеніе поэзіи и который дѣйствительно жилъ въ своей поэзіи. Историки литературы, отмѣчая несамостоятельность его поэтической дѣятельности, согласно указываютъ великую заслугу его въ томъ, что своими переводами и переложеніями онъ внесъ въ нашу литературу цѣлый новый міръ поэтическаго содержанія, передавая въ изящныхъ и мелодическихъ стихахъ произведенія романтической поэзіи, и этимъ открывалъ путь новому періоду литературнаго развитія, гдѣ на подготовленной имъ почвѣ могла наконецъ разцвѣсти самобытная русская поэзія. Но въ Жуковскомъ можно цѣнить, какъ важный фактъ въ развитіи литературы, не только эту заслугу поэтическаго труда, но и самую личность, которая была въ нашемъ литературномъ мірѣ первымъ примѣромъ, первымъ типомъ истиннаго поэта, для котораго поэзія не была прихотью таланта, развлеченіемъ въ часы досуга, — не говоримъ уже: пинтическимъ ремесломъ (которому служили столь многіе предшественники въ

XVIII столѣтіи),—но истиннымъ призваніемъ, наконецъ—настоящей религіей. Онъ могъ быть несамостоятеленъ въ своихъ сюжетахъ, его собственныя произведенія могли потомъ казаться устарѣлыми по ихъ манерѣ, но тѣмъ не менѣе въ глазахъ читателя и историка поэзія Жуковскаго носить свой опредѣленный характеръ и имѣеть въ немъ свою историческую заслугу: ее можно считать поэзіей извѣстной эпохи, можно видѣть ее устарѣлость, но она остается привлекательной, потому что въ нее вложена задушевность истинной поэзіи. Если потомъ, и уже вскорѣ, мы встрѣтимъ въ нашей литературѣ высокое представленіе о достоинствѣ поэзіи, объ ея царственномъ правѣ, то первый, кто указывалъ такое значеніе поэзіи, былъ именно Жуковскій.

Литература той поры, когда шло поэтическое воспитаніе Жуковскаго, и той поры, когда начиналась его собственная дѣятельность, была еще очень далека отъ какой-либо самобытности. Ближайшій предшественникъ его, Карамзинъ, которому почти съ религіознымъ благоговѣніемъ поклонялся тотъ образованный кругъ десятихъ и двадцатыхъ годовъ, къ которому принадлежалъ Жуковскій и который совмѣщался въ знаменитомъ (не совсѣмъ по заслугамъ) „Арзамасѣ“,—Карамзинъ въ своей собственно литературной дѣятельности, какъ мы видѣли, былъ далеко не самостоятеленъ: напротивъ, мы постоянно видимъ у него отголоски тѣхъ западныхъ образцовъ, на которыхъ воспиталось и его мировоззрѣніе, и его „вкусъ“. Его искусственная чувствительность увлекала современниковъ, потому что была нова и потому что грубымъ общественнымъ нравамъ нуженъ былъ наконецъ противовѣсъ, хотя бы въ мечтательной человѣчности и любви къ природѣ; Карамзинъ увлекалъ и своимъ языкомъ, который впервые смягчилъ черствыя формы литературной рѣчи XVIII вѣка, казался музыкальнымъ и нѣжнымъ (хотя на дѣлѣ былъ слащавымъ),—но въ этой литературной школѣ въ концѣ концовъ не могло не чувствоваться что-то чужое, далекое отъ истинной поэзіи. Не говоримъ о предшественникахъ самого Карамзина: ихъ зависимость отъ образца, хорошаго или худого, бросается въ глаза; самъ Державинъ, у котораго бывали истинно поэтическіе моменты, представляетъ странную смѣсь дѣйствительнаго вдохновенія и вышпнаго расчитаннаго стихотворства: поэзія не слилась съ его нравственной природой, она была какъ бы вышпней прибавкой къ его служебнымъ дѣламъ, въ которыхъ иногда и принимала участіе; ему приходилось убѣждаться, что самые предметы, которымъ онъ отдавалъ свои поэтическіе восторги, ихъ не заслуживали; художественное чувство было такъ мало воспитано,

что почти рядомъ съ произведеніями дѣйствительно поэтическими онъ могъ писать вещи, поражающія своимъ безвкусіемъ. Если идти еще дальше, произведенія самого Ломоносова, далеко не лишены отдѣльныхъ моментовъ поэтического одушевленія, въ сущности были восторженными панегириками тѣмъ, кого онъ считалъ покровителями просвѣщенія, ораторскими рѣчами въ стихотворной формѣ въ защиту этого просвѣщенія... Возвращаясь къ Карамзину, мы не найдемъ у него той поэтической струи, которая приближала бы искусство или къ дѣйствительно поэтическимъ сторонамъ русской жизни, или къ истиннымъ движеніямъ чувства; ему казалось даже, что „русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи“...

По этому ходу русской литературы можно было бы думать, что для ея дальнѣйшаго успѣха былъ именно необходимъ писатель, который довершилъ бы эти почти вѣковыя усилія литературы, внося тотъ элементъ, котораго ей все еще недоставало — элементъ непосредственной поэзіи, наполняющей всю душевную природу поэта и богатой всѣми ранѣе приобретенными успѣхами: исторія какъ будто угадываетъ эти потребности развитія и на ея сценѣ является новая историческая сила. Мы видѣли въ самомъ дѣлѣ, что въ теченіе XVIII вѣка въ разныхъ областяхъ научнаго знанія и литературы совершенно было много тяжелаго и усерднаго труда, въ обществѣ пробуждени были здоровыя умственныя и нравственныя потребности, начиналась работа внутренняго сознанія, литература все болѣе расширяла объемъ своихъ изображеній, начиналось, наконецъ, хотя все еще подъ чужими вліяніями, исканіе нравственнаго идеала: нужно было, чтобы весь этотъ трудъ былъ одушевленъ тою нравственною и художественною силой, которую приносить съ собою истинная поэзія. По всѣмъ историческимъ условіямъ, которыя не допускали еще свободнаго и зрѣлаго проявленія національно-поэтического содержанія, этотъ новый элементъ могъ не быть еще вполне самобытнымъ по характеру и глубинѣ мысли, по формамъ творчества, — но довольно было для данной эпохи, чтобы это была та истинная поэзія, которой недоставало предъидущему времени. Такую поэзію и приносилъ Жуковскій.

„Плѣнительная сладость“ его стиховъ была почувствована тотчасъ: извѣстно, какъ высоко цѣнилъ его Пушкинъ, какъ наконецъ преувеличивалъ его Гоголь. Критика младшихъ современниковъ мало измѣнила это отношеніе къ поэту: самый требовательный изъ критическихъ судей, Бѣлинскій, находилъ недостатки въ этой поэзіи, отрицалъ, напримѣръ, то, что приводило

въ восторгъ современниковъ и даже позднѣйшихъ критиковъ (напримѣръ, отзывы о „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“, о романтическихъ преувеличеніяхъ Жуковскаго, объ его опытахъ рисовать русскую народность), но и онъ очень высоко цѣнилъ его историческую заслугу для русской поэзіи и относился къ нему не только съ сочувствіемъ, но и съ настоящею любовью. Другіе ¹⁾ возводили поэзію Жуковскаго въ настоящій апофеозъ: пониманіе нравственнаго достоинства поэзіи у Жуковскаго они представляли какъ высшее опредѣленіе ея значенія, какъ настоящее откровеніе, художественное и нравственное. Но какъ могло исторически образоваться столь высокое явленіе тотчасъ послѣ той, какъ мы видѣли, поэтической бѣдной, сухой, искусственно-реторической эпохи, какая ему предшествовала? Крупный историческій дѣятель, конечно, вноситъ свою личную силу, которая становится возбуждающимъ элементомъ для послѣдующаго развитія, но его дѣло всегда бываетъ связано съ развитіемъ предъидущимъ: оно не можетъ явиться внезапно, безъ корней въ прошломъ,—и дѣйствительно бываетъ всегда какъ бы послѣднимъ выводомъ, сосредоточеніемъ его стремленій, послѣ котораго только и можетъ быть исторически понятъ смыслъ работы этого прошедшаго, а само оно, какъ совсѣмъ пережитое, отходить въ исторію. Въ вопросѣ о значеніи Жуковскаго въ историческихъ судьбахъ нашей литературы прежде всего любопытно это отношеніе его къ предшествующей эпохѣ, и, наблюдая его первые шаги на литературномъ поприщѣ, нельзя не видѣть, что онъ дѣйствительно былъ дѣтищемъ этой эпохи.

Первые литературные вкусы, которые внушало рано проявлявшееся дарованіе, поддержаны были въ Жуковскомъ уже его семейной обстановкой. Во второй половинѣ XVIII вѣка потребность образованія начинала сильно сказываться, несмотря на плохое состояніе школы; въ достаточныхъ дворянскихъ семьяхъ, нерѣдко въ ихъ деревенскихъ усадьбахъ, собирались значительныя по тому времени бібліотеки, преимущественно изъ французскихъ книгъ; сыновей послѣ домашняго обученія или французскаго пансіона посылали въ нѣмецкіе университеты,—такъ сыновья И. П. Тургенева учились въ Гёттингенѣ; въ Лейпцигъ посланъ былъ рано умершій сынъ Бунина, отца Жуковскаго. Общество конца XVIII вѣка уже имѣло въ своей средѣ людей съ широкимъ образованіемъ, достигавшимъ почти до учености: назовемъ въ примѣръ извѣстнаго М. Н. Муравьева, подъ руководствомъ котораго воспиты-

¹⁾ Назовемъ Шлегеля, Никитенка.

вался Батюшковъ, его родственника и друга И. М. Муравьева-Апостола, людей съ большими знаніями, между прочимъ въ классической литературѣ; въ литературѣ остались неизвѣстны другія имена, о которыхъ узнаемъ мы только случайно, какъ имя того Козлятева, который, по разсказамъ И. И. Дмитріева, былъ его настоящимъ литературнымъ воспитателемъ, и въ библиотекѣ котораго онъ познакомился съ знаменитѣйшими произведеніями французской литературы. Семья Бунныхъ отличалась литературными вкусами и любовательностью. Позднѣе, изъ дочерей сестры Жуковскаго и его крестной матери (въ замужствѣ Юшковой) одна была извѣстная потомъ госпожа Зонтагъ, писательница для дѣтей, другая въ замужствѣ была сначала Кирѣевская, потомъ Елагина, мать столь извѣстныхъ писателей. Жуковскій говорилъ впоследствии: „въ семьѣ нашей заключается цѣлая династія хорошихъ писателей“, — онъ былъ первымъ въ этой династіи. Ученье Жуковскаго шло въ пансіонѣ, въ тульскомъ народномъ училищѣ и дома, гдѣ онъ учился по-нѣмецки и по-французски. Юшкова, въ домѣ которой онъ тогда жилъ, была любительница музыки и театра; у нея бывали музыкальные и литературные вечера и двѣнадцатилѣтній Жуковскій писалъ уже трагедію изъ римской жизни и другую пьесу изъ „Павла и Virginii“ Бернардена де-Сенъ-Пьера. Свое дѣтство и отрочество Жуковскій провелъ въ этой женской средѣ подъ руководствомъ старшей сестры и въ нѣжной дружбѣ съ младшими племянницами Юшковыми, а потомъ съ Протасовыми, и это общество оставило навсегда въ его характерѣ черту особенной женственной мягкости, а впоследствии любовь его къ одной изъ этихъ племянницъ (Протасовой), съ которой, однако, онъ не могъ соединить своей судьбы, стала источникомъ глубокой меланхоліи, которая наложила отпечатокъ на всю его поэзію. Новый періодъ литературныхъ и нравственныхъ вліяній наступилъ для Жуковскаго съ тѣхъ поръ, какъ въ 1797 онъ вступилъ въ университетскій благородный пансіонъ въ Москвѣ. Это замѣчательное учебное заведеніе, которое теперь воспитало Жуковскаго, черезъ которое прошелъ потомъ Грибоѣдовъ, а въ концѣ его существованія и Лермонтовъ, — и гдѣ товарищами Жуковскаго были Блудовъ, Д. В. Дашковъ, С. С. Уваровъ, Александръ и Андрей Тургеневы, — было тѣмъ звѣномъ, которое соединило Жуковскаго съ лучшими литературными преданіями конца прошлаго вѣка. Какъ мы упоминали, съ этого же года директоромъ московскаго университета сталъ другъ и сотрудникъ Новикова, И. П. Тургеневъ; инспекторомъ благороднаго пансіона былъ очень извѣстный въ свое время Прокоповичъ-Антонскій; какъ

директоръ университета и инспекторъ пансіона, такъ и большинство преподавателей и воспитателей были масоны той школы, которая сложилась въ знаменитомъ Дружескомъ Обществѣ. Это общество, смѣнившая его Типографическая компанія и вся дѣятельность Новиковскаго круга были передъ тѣмъ разрушены; но сберегся тотъ духъ, въ которомъ дѣйствовали люди этого общества, и университетскій пансіонъ по существу своего образовательнаго характера былъ продолженіемъ того воспитательнаго дѣла, какое было начато Шварцемъ и Новиковымъ. Мы видѣли, сколько обязанъ былъ этому кругу Карамзинъ; теперь, почти двадцать лѣтъ спустя, мы видимъ почти то же среди новаго поколѣнія. Изъ этого факта можно судить о нравственной силѣ, какая крылась въ томъ движеніи; его форма была странная, но розенкрейцерская фантастика, притомъ не доведенная до конца, воснулась по-видимому лишь немногихъ и даже здѣсь не помѣшала основному стремленію этого круга, стремленію работать для просвѣщенія, скудость котораго въ обществѣ была для этихъ людей слишкомъ очевидна. Они принимали просвѣщеніе въ окраскѣ піэтизма; но, во-первыхъ, какъ можно видѣть изъ характера Новиковскихъ изданій, они не были здѣсь фанатиками и отличались весьма широкой любознательностью; а во-вторыхъ, именно этотъ оттѣнокъ просвѣщенія, быть можетъ больше, чѣмъ другой, отвѣчалъ тогдашнему уровню общественнаго большинства, которое едва-ли способно было бы воспринимать смѣлыя и не легко доступныя положенія тогдашней западной науки. Если на нѣкоторыхъ питомцахъ этой школы можно было видѣть потомъ извѣстную односторонность или извѣстную вялость общественнаго интереса, которая могла исходить изъ піэтистической подкладки, то едва-ли надо винить въ этомъ самую школу: она добросовѣстно передавала то, что было выработано ея собственнымъ временемъ, и дѣло новаго поколѣнія было бы вести дальше то, что давала школа.

Было бы ошибкой думать, что самый піэтизмъ новиковскихъ временъ былъ какимъ-нибудь фанатическимъ изуверствомъ; напротивъ, это была религіозность не догматическая, не обрядовая, но религіозность нравственнаго чувства, склонная къ мистицизму, который иногда и приобрѣталъ въ ней слишкомъ большую долю. Мы видѣли раньше, что нѣкоторые лица изъ богѣе просвѣщеннаго духовенства сочувствовали идеямъ Новикова, но вообще этотъ кругъ не пользовался расположеніемъ духовнаго сословія: послѣднее не понимало масонскихъ стремленій къ „внутренней церкви“, не понимало „духовныхъ рыцарей, ищущихъ премудрости“, потому что подозрѣвало здѣсь нерасположеніе къ

церкви вѣшней и подрывъ своего пастырскаго авторитета. То же, вѣроятно, нѣсколько смягченное, пониманіе религіи было теперь у руководителей новой школы. Религія должна стоять во главѣ воспитанія, какъ она стоитъ и во главѣ благополучія народовъ; но, какъ говорилъ Прокоповичъ-Антонскій въ одной изъ своихъ рѣчей того времени (1798), религія не есть ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни „мрачная жесвятость“... Кругъ преподаванія въ благородномъ пансіонѣ былъ очень широкій: въ программу его входило до 36 различныхъ предметовъ, въ число которыхъ, кромѣ обычныхъ наукъ, входили также архитектура, артиллерія, фортификація, кромѣ обычной миеологіи—также древности, кромѣ нѣмецкаго и французскаго языка—англійскій и итальянскій и „иностранная словесность“; одно время преподавался даже греческій языкъ; наконецъ музыка, рисованіе, живопись и дворянскія науки—танцы, фехтованіе, верховая ѣзда, военные движенія. Въ дѣйствительности нѣкоторые изъ этихъ предметовъ или бывали необязательны, или въ нимъ прилагались очень малыя требованія; питомцы не были отягощены занятіями, но въ то же время въ средѣ ихъ поддерживалось извѣстное умственное возбужденіе, которое руководители направляли на нравственные вопросы, а также въ особенности на литературу. На актахъ читались рѣчи и стихотворенія воспитанниковъ, и Жуковский въ первый же годъ своего пребыванія въ пансіонѣ читалъ „Оду на благоденствіе“; затѣмъ онъ упоминается въ числѣ первыхъ воспитанниковъ, управлявшихъ концертами и другими забавами, и наконецъ въ средѣ воспитанниковъ, по обычаю тѣхъ временъ, учреждено было „Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“ (1799), и первымъ предсѣдателемъ Собранія назначенъ былъ Жуковский, который и открылъ его своею рѣчью. Понятно, что интересы Собранія были сполна посвящены литературѣ. Жуковский, который, какъ мы видѣли, еще гораздо раньше заявлялъ свои литературные вкусы, былъ здѣсь вполне въ своей сферѣ. На актахъ пансіона и на собраніяхъ воспитанниковъ бывали въ числѣ посѣтителей И. И. Дмитріевъ и Карамзинъ, которые съ тѣхъ поръ узнали и оцѣнили юнаго поэта. Руководители пансіона не случайно дали мѣсто этимъ литературнымъ занятіямъ; они справедливо видѣли въ нихъ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ и поощряли изученіе литературы и особливо отечественнаго языка ¹⁾.

¹⁾ Прокоповичъ-Антонскій въ упомянутой рѣчи говорилъ: „Преимущественно должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правльаго, твердаго, основательнаго знанія... Ошибается

Таковы были первыя воздѣйствія сначала домашней обстановки, потомъ школы. Въ семейной средѣ, въ которой Жуковскій долго жилъ и послѣ своего отрочества, развилось мягкое любящее чувство и получены были первыя литературныя влiянiя; школа поддерживала это настроенiе мистическимъ идеализмомъ своихъ воспитательныхъ началъ и должна была значительно расширить литературный опытъ. Его первыя произведенiя и, между прочимъ, переводы, какiе дѣлалъ онъ для денегъ книгопродавцамъ, работы его для „Вѣстника Европы“ свидѣтельствуютъ о широкѣмъ и разнообразномъ чтенiи—именно въ области поэзiи. Особенности его собственной природы сказались уже очень рано въ тѣхъ самыхъ чертахъ, которыя потомъ такъ обильно развиты были въ его зрѣлой поэзiи. Въ стихотворенiи „Майское утро“ 14-лѣтнiй Жуковскій говоритъ уже о жизни какъ безднѣ слезъ и страданiй, и о счастьѣ того, кто достигъ берега и спитъ мирнымъ сномъ; во время пребыванiя въ благородномъ пансионѣ, онъ пишетъ въ прозѣ „Мысли при гробницѣ“; черезъ три года онъ пишетъ „Мысли на кладбищѣ“ и, наконецъ, опять тотъ же меланхолическiй сюжетъ повторяется въ извѣстной элегiи Грея, переданной Жуковскимъ: „Сельское кладбище“ (1802);—любопытно, что передъ тѣмъ эта пьеса была дважды переведена прозой въ журналѣ „Иппокрена“ (1799), въ которомъ помѣщались труды воспитанниковъ пансиона. Это совпаденiе не было случайностью. Въ томъ кругѣ, въ которому принадлежали воспитатели пансиона, вопросы о человѣческой жизни, о смерти, о существованiи загробномъ, были издавна предметомъ мистическихъ размышленiй, облекались въ таинственные символы, давали пищу религiозности и, наконецъ, могли давать материалъ для поэзiи, какъ это и бывало уже въ сентиментальномъ пiэтизмѣ западной литературы. Такимъ образомъ прирожденная черта въ поэтическомъ настроенiи Жуковского,—которую, между прочимъ, объясняли и восточнымъ элементомъ его происхожденiя,—не была лишена литературной опоры или, напротивъ, могла найти обильныя возбужденiя у сентиментальныхъ меланхоликовъ вѣка. Съ

тѣ, кои думаютъ, что изученiе природнаго своего языка не великаго труда стоитъ. Знать его основательно, знать со всеми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность, уметь говорить и писать на немъ красно, сильно и выразительно по приличiю матерiи, времени и мѣста: все это составляетъ трудъ едва преодолимый. На приобрѣтенiе такого знанiя должно употреблять все силы, должно пожертвовать не малую частiю жизни. Сiе одно достаточно уже въ опроверженiю мнѣнiя тѣхъ людей, кои полезнѣйшимъ упражненiемъ почитаютъ изученiе многихъ иностранныхъ языковъ“.

юныхъ лѣтъ Жуковскій познакомился съ нѣмецкой, французской, англійской поэзіей, а затѣмъ и съ той литературой романтизма, которая впоследствии доставила такой обширный матеріалъ для его собственнаго творчества, переводнаго и самостоятельнаго. Онъ давно зналъ Бюргера, изъ котораго передѣлалъ свою „Людмилу“, Гёте, Шиллера, Виланда, Шписа, у котораго заимствовалъ своего „Громобоя“, Руссо, Шатобріана, позднѣе Байрона, Мура, Саути, Ламотта-Фуке, Уланда, Маттисона, Гебеля и др.; въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, онъ полагалъ свой поэтическій трудъ на усвоеніе русской литературѣ великихъ произведеній древности, какъ „Одиссея“, „Наль и Дамаянти“, „Рустемъ и Зорабъ“... Давно было замѣчено, что въ выборѣ поэтическихъ темъ Жуковскій руководился всегда только своимъ личнымъ настроеніемъ: передавая Шиллера и Гёте, онъ понималъ этихъ писателей не въ полномъ и дѣйствительномъ объемѣ ихъ содержанія, а только съ тѣхъ отдѣльныхъ сторонъ, которыя были для него сочувственны. Поэтому въ выборѣ поэтовъ, изъ которыхъ онъ собралъ свой поэтическій пантеонъ, могли стоять рядомъ писатели, очень далекіе одинъ отъ другого по существу своего характера, напримѣръ какъ Гёте и романтики, а съ другой стороны, самыя поэты, которыхъ онъ передавалъ, далеко не характеризованы его выборомъ. Говорятъ обыкновенно, что великая и специальная заслуга Жуковского въ нашей литературѣ состояла въ томъ, что онъ перенесъ къ намъ западный, особливо нѣмецкій романтизмъ, и этимъ далъ ей пережить литературный періодъ, навсегда устранившій старую школу, и Бѣлинскій находилъ даже возможнымъ назвать его въ этомъ отношеніи вторымъ Колумбомъ; но это надо понимать только относительно. Жуковскій, какъ мы видѣли, извлекалъ изъ нѣмецкихъ писателей, какъ Гёте, Шиллеръ и романтики, изъ англійскихъ, какъ Байронъ, только одну, и иногда далеко не существенную долю ихъ содержанія: принималось, напримѣръ, таинственное, мечтательное, фантастическое, но устранялось то, въ чемъ былъ общественный протестъ или запросы свободной мысли. Современные критики судятъ объ этомъ различно: одни находятъ у Жуковского недостатокъ пониманія западно европейскаго движенія, отражавшагося и въ самой литературѣ; другіе убѣждены, напротивъ, что его отношеніе къ поэтамъ, которые были его источниками, было совершенно иное—что онъ былъ явленіемъ самобытнымъ, что Жуковскій только „искалъ всюду отголоска собственной души, будь то Шиллеръ или Байронъ, Овидій или Клопштокъ, Грэй или Парни“; что всѣ литературныя наслоенія „самобытной душевной работой переплавля-

лись въ немъ, образуя металлъ новый“; что „въ этомъ отношеніи природа Жуковскаго оказалась способною къ сильной переработкѣ воспринимаемаго матеріала—быть можетъ, болѣе сильной, нежели у кого-либо изъ его современниковъ; „точило его духа“ было крѣпко, и гроздь претворялся въ немъ въ доброе вино и вытекалъ струею чистою и безпримѣсною“¹⁾... Справедливо будетъ и то, и другое; первое можетъ быть подтверждено позднѣйшими писаніями самого Жуковскаго, когда онъ говорилъ объ европейской политической и литературной жизни, реальный смыслъ которой остался ему чуждъ; что касается второго, элементы европейской поэзіи дѣйствительно сливались у Жуковскаго въ своеобразное цѣлое, однородность котораго создавалась настроеніемъ, составлявшимъ всегда господствующую черту его характера. Новѣйшій біографъ называетъ его вдохновеніе „неподражаемымъ“, котораго нельзя приурочить къ направленію какого-либо изъ европейскихъ писателей; онъ дѣйствительно остался своеобразнымъ въ своемъ идеальномъ мірѣ меланхолической мечтательности, не прикасавшейся къ грубымъ заботамъ и требованіямъ дѣйствительной жизни, къ тревогамъ общественности,—какъ это было возможно только въ условіяхъ едва пробуждающейся русской общественной жизни, гдѣ, съ другой стороны, этотъ мечтательный идеализмъ и могъ получить свое образующее значеніе.

Въ первомъ развитіи своего дарованія, Жуковскій не остался чуждъ литературному преданію XVIII-го вѣка. Мы видѣли, какъ тѣсно Жуковскій связанъ съ этимъ вѣкомъ по складу своего мировоззрѣнія; рядомъ съ этимъ онъ испыталъ вліяніе и его литературныхъ формъ. Естественно ожидать, что юноша, дѣлающій первые опыты въ поэзіи, воспользуется прежде всего тѣми приемами, какіе онъ находилъ вокругъ себя; таковы и были первыя сочиненія Жуковскаго, и по ихъ формѣ, и по стику: онъ начиналъ еще одой; въ балладѣ его предшественниками были Карамзинъ и Каменевъ; его первый стихъ отзывается тяжестью и неловкостью прошлаго вѣка. Позднѣе онъ подражалъ „Бѣдной Лизѣ“ Карамзина въ „Марьяной роцѣ“; остался неоконченнымъ его „Вадимъ новгородскій“, навѣянный опять попытками XVIII-го вѣка поэтически изображать русскую древность. Одно время онъ долго носился съ планомъ поэмы „Владиміръ“, готовился къ ея исполненію изученіемъ исторіи, но планъ не осуществился. Балладу онъ стремился перенести на русскую почву, но попытка

¹⁾ Алексѣй Веселовскій, „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“, М. 1888, стр. 118—116, и Загаринъ, „В. А. Жуковскій и его произведенія“ (изд. 2-е). М. 1888; введеніе и по всей книгѣ.

ограничилась известной картинкой святочного гаданья. Мы упоминали выше, какъ старыя псевдо-классическія воспоминанія (быть можетъ, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о романтическихъ рыцаряхъ) отразились въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“, гдѣ русскіе генералы изображаются въ классическихъ вооруженіяхъ, а ихъ подвиги являются въ державинскихъ гиперболахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковский уже рано далеко уходилъ отъ XVIII-го вѣка въ своей романтикѣ, а его стихъ вскорѣ приобрѣлъ ту привлекательную мягкость и изящество, о которыхъ XVIII вѣкъ не имѣлъ понятія... Но тщетно онъ изучалъ русскую исторію для своей поэмы „Владиміръ“, тщетно онъ хотѣлъ усвоить себѣ русскую народную поэзію, просилъ записывать для себя пѣсни, — русская народность ему не давалась: и дѣйствительно, трудно было бы здоровымъ образомъ вмѣстить ее въ рамки его романтизма¹⁾. Это предоставлено было слѣдующимъ поколѣніямъ.

Такимъ образомъ изъ прирожденныхъ свойствъ его характера и дарованія, изъ условій семейной среды, изъ воздѣйствій школы, преподавшей ему религіозно-мистическій идеализмъ, изъ вліяній европейской романтики — на почвѣ его личныхъ душевныхъ испитаній — выросла поэзія очень своеобразная и глубоко-искренняя. Ея господствующій тонъ — меланхолическій, но смягченный полу-религіозною, полу-поэтическою вѣрою въ будущее и нѣжнымъ покорнымъ чувствомъ. Онъ дѣйствительно передавалъ въ своей поэзіи то, что переживалъ въ душѣ, и изъ самой поэзіи извлекалъ успокоеніе и руководство своему чувству: поэтому онъ и имѣлъ право сказать: „жизнь и поэзія одно“. Его біографія передаетъ трогательный эпизодъ. Въ свою первую поѣздку за границу (1820) онъ посѣтилъ Шильонскій замокъ и видѣлъ исполненіе трагедій Шиллера — онъ почувствовалъ святость свободы, и поэтическое впечатлѣніе побудило его, тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, вывупитъ на волю своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, которые были въ другихъ рукахъ; онъ пишетъ своимъ друзьямъ: „я желаю купить ихъ и дать имъ волю. Другимъ нечѣмъ мнѣ поправить сдѣланной глупости... Прошу васъ поспѣшить... дѣло лежитъ у меня на душѣ, и я виню себя очень, что давно его не кончилъ“... Его элегическая поэзія была его личной исторіей, и если его мечты уже рано витаютъ среди призраковъ, видѣній, стремятся проникнуть въ загробную жизнь, то впоследствии онъ продолжаетъ витать въ этой области вслѣдствіе утраты дѣйствительныхъ.

¹⁾ Біографъ дѣлаетъ предположеніе, что „неисполненіе Жуковскимъ замысла написать большую историческую поэму можно считать обстоятельствомъ, благоприятнымъ его славу“ и пр. (Загаринъ, стр. 213).

Потеря дорогихъ людей есть потеря счастья, но въ ней есть и утѣшеніе: мы живемъ съ близкими въ воспоминаніи, которое сопровождаетъ и ободряетъ насъ и въ радости, и въ горѣ; идеаль недостижимъ на землѣ: онъ промелькнетъ здѣсь какъ тѣнь и осуществится только въ будущемъ; въ самой жизни настоящее какъ будто не существуетъ; истинная жизнь—въ прошедшемъ и будущемъ:

Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Или:

Сей гробъ—затворенная къ счастью дверь;
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ спутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

Время испытываетъ печали; горе, которое сливается насъ водно съ милымъ потеряннымъ благомъ, ослабѣваетъ съ ходомъ времени; между нами и нашей утратой протѣсняется много новаго и чужого, и поэтому жаль этого разъединенія—въ самой печали мы видимъ измѣняемость всего здѣшняго:

..... и такъ скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное—не надолго.

Жуковский говорилъ впоследствии, что онъ былъ родоначальникомъ чертей и вѣдьмъ въ русской литературѣ, но онъ извлекъ изъ нѣмецкаго романтизма не одну внѣшнюю фантастику привидѣній и чудесъ: романтизмъ обогащала его поэзію новыми образами для его давней мечтательной меланхоліи, для его вѣры въ общеніе двухъ міровъ и въ непогибающую связь близкихъ душъ. Глубочайшую основу для поэтической меланхоліи онъ находилъ въ самомъ христіанствѣ. Онъ называлъ меланхолію „одною изъ самыхъ звучныхъ струнъ лиры, настроенной послѣ распространенія христіанства“; по словамъ его, „христіанство, отрывъ намъ глубину нашей души, увлекло насъ въ духовное созерцаніе, соединило съ міромъ внѣшнимъ міръ таинственный, что отразилось и въ жизни дѣйствительной, и въ поэзіи“. Поэзія, стремясь представить и внушить людямъ связь этихъ двухъ міровъ, извлекаетъ изъ нея высокое нравственное назиданіе, сама становится дѣломъ религіознымъ. Поэтому Жуковский могъ сказать, что поэзія есть земная сестра небесной религіи, что поэзія есть добродѣтель. Въ этомъ возвышенномъ смыслѣ представлялось ему значеніе поэта въ жизни общества и въ жизни цѣлаго народа. Поэтъ не долженъ перестать быть человекомъ, почитателемъ Бога, членомъ общества; поэзія должна имѣть вліяніе на духовную жизнь са-

мого народа, на его воспитаніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэтическое вдохновеніе есть даръ неба въ прямомъ смыслѣ слова:

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ незваное ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія—одно.

Новѣйшій биографъ приводитъ для сопоставленія со взглядами Жуковскаго на искусство современныя философскія теоріи нѣмецкихъ романтиковъ—теоріи Фихте, ученія Шеллинга, Зольгера, Тьиа ¹⁾. У Жуковскаго мы не будемъ, конечно, ожидать непосредственнаго повторенія и приложенія этихъ философскихъ ученій, но косвеннымъ образомъ, черезъ популярныя изложенія, черезъ примѣненія и толкованія этихъ теорій въ беллетристическихъ произведеніяхъ, какъ, на примѣръ, у Шлегеля, Тьиа и т. д., въ Жуковскому, по всей вѣроятности, доходили тѣ представленія романтиковъ, которыя давали искусству не только чрезвычайно широкое, но всеобъемлющее значеніе въ духовной жизни человѣка и общества, наконецъ народа. Было бы интереснымъ историко-литературнымъ вопросомъ прослѣдить возникновеніе взглядовъ Жуковскаго на поэзію и его отношенія къ теоріямъ романтиковъ: при всей противоположности въ личныхъ характерахъ и настроеніяхъ, при всемъ противорѣчии мягкаго, благодушнаго, религіознаго Жуковскаго съ необузданными порывами нѣмецкаго романтизма, напоминавшими эпоху „бурныхъ стремленій“, при всемъ громадномъ различіи въ положеніи двухъ литературъ, у Жуковскаго могли именно отразиться теоріи романтиковъ, когда онъ такъ усердно изучалъ этихъ романтиковъ на дѣлѣ, въ ихъ произведеніяхъ: но понятно, что эти теоріи могли быть имъ усвоены только въ освѣщеніи религіозно-мистическаго идеализма, составлявшаго его давнее мировоззрѣніе ²⁾. Жуковскій говорилъ въ одномъ письмѣ къ Гоголю (1847) о своихъ произведеніяхъ: „у меня почти все чужое или по поводу чужого—и все, однако, мое“...

Какъ поэзія имѣетъ божественное происхожденіе, такъ и поэ-

¹⁾ Ср. Загарина, гл. XXI—XXIII, гдѣ авторъ противопоставляетъ, однако, поэтическое исполненіе у Жуковскаго и нѣмецкихъ романтиковъ.

²⁾ Ср. его поэтическую теорію въ письмѣ къ Гоголю, 1848, 29-го января, въ статьѣ „О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи“, наконецъ въ стихотвореніяхъ.

тическая красота есть откровение—для самого поэта невольное и бессознательное. Геній красоты

... въ чистыя мгновенья
 Бытія слетаетъ къ намъ
 И приноситъ откровенья
 Благодатныя сердцамъ.
 Чтобъ о небѣ сердце знало
 Въ темной области земной,
 Намъ туда съзовъ покрывало
 Онъ даетъ взглянуть порой;
 А когда насъ покидаетъ—
 Въ даръ любви, у насъ въ виду,
 Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
 Онъ прощальную звѣзду.

Въ замѣткѣ въ этихъ стихахъ Жуковскій объясняетъ, что прекрасное является къ намъ только минутами, чтобы оживить насъ, возвысить нашу душу: величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище человѣческой души, поэзія, счастье и еще болѣе несчастье даютъ намъ эти ощущенія прекраснаго. „Въ эти минуты живого чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего съ нимъ нѣтъ, и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души; иначе, отчего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимолетающій благовѣститель лучшаго, но есть восхитительная тоска по отчизнѣ; оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ“. Та прощальная звѣзда, о которой онъ говорилъ въ стихотвореніи, есть „знакъ того, что прекрасное было въ нашей жизни, и вмѣстѣ того, что оно не въ нашей жизни принадлежитъ. Звѣзда на темномъ небѣ—она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сіяетъ намъ издали... Жизнь наша есть ночь подъ звѣзднымъ небомъ“...

Жуковскій очень скромно цѣнилъ свою дѣятельность. Около того же времени, когда онъ писалъ приведенные стихи и свой комментарий къ нимъ, онъ говоритъ о себѣ въ одномъ посланіи (1820):

...А я, мечтательнаго зритель,
 Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
 Съзовъ прииму сердца, какъ поэтъ;
 Съ его прекрасной стороною

Я неспорченной душою
 Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
 Я все дитя, и буду точно
Дитя, жилецъ земли безпечный.
 Могу товарищемъ я быть
 Во всемя, что въ жизни сей прекрасно,
 Съ душой невинною и ясною
 Могу свою я душу слить:
 Но не способенъ зоркимъ взглядомъ
 Приманомъ свѣта различать;
 Могу на счастье руку дать,
 Но не *впередъ* идти, а *рядомъ*.

Дѣйствительно, въ своей поэзіи онъ былъ только мечтателемъ, онъ не далъ въ ней русскаго содержанія; вести ее *впередъ* предоставлено было его великому младшему современнику; самъ онъ въ послѣдствіи шелъ съ нимъ только рядомъ, какъ ранѣе шелъ рядомъ съ той новой поэзіей, которая рождалась въ Европѣ подъ вліяніями пережитыхъ общественныхъ и нравственныхъ потрясеній. Во вторую половину своей дѣятельности Жуковский и совсѣмъ устранился отъ того движенія, которое шло въ предѣлахъ самой русской литературы: онъ обогащалъ ее переводами великихъ произведеній всемірной литературы, которымъ нужно было существовать на русскомъ языкѣ, но которыя не имѣли никакого отношенія къ тревожнымъ вопросамъ развитія русскаго искусства. Въ эти послѣдніе годы, пребывая въ идеальномъ мірѣ своихъ мечтаній, онъ бывалъ не только далеко отъ этихъ тревожныхъ вопросовъ, но и переставалъ ихъ понимать.

Тѣмъ не менѣе, за нимъ остается въ судьбахъ русской литературы великая заслуга—не столько въ томъ, что своими поэтическими переводами онъ познакомилъ ее съ міромъ европейской романтики, или въ томъ, что далъ образцы задушевной поэзіи, говорившей изящнымъ языкомъ, сколько въ томъ, что изъ всей сложности элементовъ, образовавшихъ его творчество, онъ впервые создалъ въ нашей литературѣ возвышенное представленіе объ источникѣ и назначеніи поэзіи. Дѣйствительно, великой новой идеей было это представленіе, когда взамѣнъ прежнихъ неясныхъ, швольню-грубыхъ, даже низменныхъ понятій о стихотворствѣ онъ поставилъ свое понятіе о поэзіи, источникъ которой есть божественный, и назначеніе которой—нравственное воспитаніе чловѣка и народа. Съ этимъ представленіемъ только и могла явиться истинная поэзія, достойная своего имени, и если уже вскорѣ мы встрѣтимъ этотъ возвышенный тонъ поэзіи у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, ихъ предшественникомъ здѣсь былъ Жуковский.

А. Пыпинъ.

СЕЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА

ВЪ

НЕ-ЗЕМСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ

Какъ въ общей, такъ и въ медицинской литературѣ много разъ обсуждались разнообразныя вопросы, касающіеся обезпеченія медицинской помощью сельскаго населенія. Больше всего, по понятнымъ причинамъ, этихъ вопросовъ возникло въ годы послѣдней холерной эпидеміи; гораздо рельефнѣе выступили тогда всѣ недостатки организаціи сельской медицины, и многія земства серьезно занялись этимъ дѣломъ, по мѣрѣ силъ и возможности вводя улучшенія.

Но при этомъ очень мало, какъ-то вскользь, затрогивалась сельская медицина въ не-земскихъ губерніяхъ. На „холерномъ“ съѣздѣ врачей, созванномъ медицинскимъ департаментомъ въ декабрѣ 1892, этого вопроса почти не касались, и доклады не-земскихъ врачей не читались и не обсуждались.

Земская медицина существуетъ только въ 33 губерніяхъ, для населенія въ 64 милліона; въ остальныхъ губерніяхъ и областяхъ завѣдываніе медицинской частью находится въ рукахъ губернскихъ правленій и приказа общественнаго призрѣнія. Съ предполагаемымъ введеніемъ новаго лечебнаго устава завѣдываніе медицинской частью и въ земскихъ губерніяхъ перейдетъ въ руки администраціи.

Поэтому не бесполезно, можетъ быть, будетъ сравнить теперь современное положеніе сельской медицины въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ.

Я былъ и земскимъ, и не-земскимъ врачомъ, и въ настоящемъ очеркѣ хочу сравнить результаты моихъ наблюденій какъ того, такъ и другого строя сельской медицины. Очеркъ нисколько не претен-

дуетъ на полноту: личныя мои наблюденія касаются немногихъ губерній, а именно: изъ земскихъ — бессарабской и курской, изъ не-земскихъ — подольской, волынской и кievской; статистическихъ матеріаловъ въ моихъ рукахъ тоже не много; тѣмъ не менѣе, и изъ такого неполнаго обзора сельской медицины можно вывести нѣкоторыя заключенія, могущія имѣть значеніе именно теперь, когда новый лечебный уставъ возбуждаетъ столько ходатайствъ со стороны земствъ объ его отсрочкѣ, и, быть можетъ, недалеко то время, когда предполагается его ввести.

30-лѣтній опытъ земствъ показалъ, что врачъ можетъ успѣшно работать въ районѣ не больше 15 верстъ отъ мѣста своего жительства, и всѣ земства стремятся къ достиженію этого идеала сельской медицины, насколько имъ позволяютъ средства, а нѣкоторые изъ уѣздныхъ земствъ (московской, херсонской, черниговской, курской, бессарабской, полтавской и др. губерній) уже достигли его.

Понятно, что число сельскихъ врачей въ уѣздѣ должно, такимъ образомъ, соответствовать территоріи его. Шаблонъ здѣсь невозможенъ. А между тѣмъ этотъ шаблонъ невольно бросается въ глаза, если взглянуть на таблицу, помѣщенную въ 3-мъ отдѣлѣ ежегоднаго отчета медицинскаго департамента. Цифры этой таблицы очень краснорѣчивы.

Въ не-земскихъ губерніяхъ замѣчательное однообразіе: 2 сельскихъ врача въ уѣздѣ — это преобладающее количество; въ губерніяхъ архангельской, астраханской и сибирскихъ — по 1 врачу въ уѣздѣ. Въ концѣ же этой таблицы прибавлено: „Въ губерніяхъ и областяхъ, не приведенныхъ въ настоящей таблицѣ, населеніе пользовалось врачебной помощью у городовыхъ, уѣздныхъ и окружныхъ врачей *въ мѣстахъ ихъ пребыванія*“. Другими словами: врачей для сельскаго населенія фактически нѣтъ въ этихъ губерніяхъ и областяхъ, и исполненіе ихъ обязанностей лежитъ на такихъ судебныхъ и административныхъ чиновникахъ-врачахъ, которые имѣютъ совершенно другія — и прибавлю — многосложныя обязанности. А эти губерніи, не приведенныя въ таблицѣ, слѣдующія: все царство польское, всѣ остзейскія, Закавказье и значительная часть Сибири.

Если же взглянуть на земскія губерніи, приведенныя въ той же таблицѣ, то нигдѣ не видно этого однообразія; цифры врачей колеблются въ широкихъ предѣлахъ, отъ 1 до 13 на уѣздъ, и въ общемъ относительное число земскихъ врачей значительно больше числа не-земскихъ.

Чтобы узнать, сколько сельскихъ врачей въ не-земской губерніи, достаточно знать число уѣздовъ въ ней и взять это число само по

себѣ (minimum) или умноженное на 2 (maximum). Но правильнѣе будетъ опредѣлить minimum=0 (губерніи, не приведенныя въ таблицѣ). Такъ въ архангельской губ. всего 8 сельскихъ врачей; въ подольской—24 (12 уѣздовъ).

Въ земскихъ же губерніяхъ, для примѣра:

Въ пермской	65 врачей	(12 уѣздовъ)
„ черниговской	70 „	(15 „)
„ курской	75 „	(15 „)
„ полтавской	80 „	(15 „)

Если же сравнить тѣ и другія цифры за разные годы, то замѣтно, что въ не-земскихъ губерніяхъ число сельскихъ врачей остается постояннымъ, въ земскихъ же увеличивается почти съ каждымъ годомъ. Привожу для примѣра нѣсколько губерній:

Въ губерніяхъ:	Сельскихъ врачей было	
	Въ 1890 г.	1891 г.
Пермской	63	65
Рязанской	41	48
Смоленской	35	41
Орловской	37	43
Новгородской	55	57
Бурской	61	75
Херсонской	50	58
Бессарабской	43	44

Дѣятельность сельскаго врача должна ограничиваться не только пространствомъ его участка, т.-е. радіусомъ около 15 верстъ, но также еще и числомъ населенія въ участіи. И опять тотъ же опытъ велитъ учить, что одному врачу подѣ силу пользоваться населеніемъ въ 20, maximum въ 25 тысячъ.

И это отношеніе, равно какъ и территориальное, принимается въ расчетъ земствами. Такъ, есть земскіе врачебные участки, состоящіе изъ одной только слободы, посада, съ населеніемъ около 20 тысячъ. Въ не-земскихъ же губерніяхъ вездѣ 1 или 2 врача на уѣздѣ (или ни одного), безъ всякаго отношенія къ пространству и густотѣ населенія.

Огромный вольскій уѣздъ, могущій вмѣстить въ себѣ 3 Бельгіи или 2½ Швейцаріи, имѣетъ только *одного* сельскаго врача; всѣ уѣзды юго-западнаго края, густо населеннаго, имѣютъ только по два врача; въ черкасскомъ, новоградволынскомъ и др. уѣздахъ на cadaго сельскаго врача приходится свыше 130 тысячъ населенія! Понятно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ *фактически* пользуются врачебной помощью только тѣ селенія, которыя отстоятъ отъ мѣста жительства врача на 15—20 верстъ; все же прочее населеніе этой помощи *лишено*. Такая постановка дѣла очень и очень далека отъ идеальной.

Правда, и во многихъ земскихъ губерніяхъ идеалъ сельской медицины не достигнутъ; но земства имѣютъ возможность, по мѣрѣ средствъ, улучшать свою медицину и качественно, и количественно, и дѣйствительно улучшаютъ ее почти съ каждымъ годомъ. Тамъ возможенъ прогрессъ.

Въ не-земскихъ же губерніяхъ разъ установленная норма надолго остается такою же, и мѣры къ охраненію народнаго здравія не прогрессируютъ, хотя къ тому имѣется возможность. Объ этой возможности я скажу ниже.

Въ силу такихъ условій въ не-земскихъ губерніяхъ сильно развитъ „фельдшеризмъ“. Можно навѣрное сказать, что тамъ $\frac{3}{4}$ сельскаго населенія пользуется помощью фельдшеровъ, не имѣя возможности, за дальнимъ разстояніемъ, получить врачебное пособіе. Не говоря уже о необозримыхъ уѣздахъ сѣверныхъ и сибирскихъ губерній и областей, достаточно указать, что въ юго-западномъ краѣ есть пункты, отстоящіе отъ участвоваго врача на 50—70 верстъ и больше. Понятно, что не поѣдетъ мужикъ за 70 верстъ звать врача на помощь при неправильныхъ родахъ или къ другому трудно-болному, когда на эту поѣздку, въ оба конца, ему надо употребить 2 дня въ хорошую дорогу, а въ распутицу 4—5 дней; да еще онъ можетъ не застать своего врача дома, а вернувшись домой—не застать въ живыхъ своего страдальца... Вести больного къ врачу далеко не всегда возможно, потому что нуждаются во врачѣ именно тяжело-больные, которыхъ, можетъ быть, и съ мѣста поднять трудно, а не то что вести за сотню верстъ, Богъ знаетъ въ какую дорогу и погоду.

По неволѣ приходится населенію обращаться къ фельдшерамъ, цирюльникамъ, повитухамъ и знахарямъ. Хорошо еще, если фельдшеръ—„школьный“, т.-е. окончилъ курсъ въ специальной школѣ. Но такихъ, къ сожалѣнію, на не-земской службѣ очень мало; большинство же фельдшеровъ (не-земскихъ)—бывшіе ротные, полуграмотные, зачастую приносящіе больному больше вреда, чѣмъ пользы. Примѣровъ сотни приведетъ всякій врачъ, практиковавшій среди сельскаго населенія.

Съѣздами земскихъ врачей, губернскими и Пироговскими, признано, что фельдшеризмъ, въ смыслѣ самостоятельной практики фельдшеровъ, есть большое мѣсто въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія. При врачѣ, подъ его постояннымъ надзоромъ и руководствомъ, фельдшеръ можетъ работать съ успѣхомъ и пользой; но на самостоятельномъ пунктѣ даже опытный, школьный фельдшеръ дѣйствуетъ шаблонно, не разсуждая и не примѣняясь къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая, и, понятно, польза, имъ приносимая, во многихъ и многихъ случаяхъ очень гадательна.

Когда я вступалъ въ исполненіе должности сельскаго врача въ подольской губерніи, одинъ изъ подвѣдомственныхъ мнѣ фельдшеровъ, работавшій на самостоятельномъ пунктѣ, на мой вопросъ, какъ онъ лечитъ брюшной тифъ, отвѣтилъ, что у него всего два правила относительно леченія *отъ* инфекціонныхъ болѣзней (заразныхъ): „если жаръ и болитъ животъ—даю касторку, если жаръ и кашель—настояй ипекакуаны“.

Д-ръ Шиперовичъ, командированный на борьбу съ холерой въ Уральскую область, рассказываетъ¹⁾, что одинъ изъ его фельдшеровъ, обходя больныхъ холерою въ селеніи, предлагалъ каждому изъ нихъ на выборъ 4 пузырька (капли Боткина, опійную настойку, касторовое масло и капли Иновемцева). На протестъ больныхъ, что они-де въ этомъ дѣлѣ несвѣдущи, онъ отвѣчалъ: „ничего, братецъ, выбирай любой—всѣ отъ холеры!“

Земства давно сознали несостоятельность безконтрольнаго фельдшерскаго леченія и всѣми мѣрами, изъ года въ годъ, стараются уменьшить количество самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ; во многихъ земствахъ ихъ уже нѣтъ, они замѣнены врачебными.

Само населеніе (разумѣю крестьянъ), какъ оно ни довѣрчиво во всякому доморощенному лекарю, хорошо понимаетъ разницу между врачомъ и фельдшеромъ и зачастую предпочитаетъ проѣхать 15 верстъ къ врачу, чѣмъ 3—4 версты къ фельдшеру. Въ не-земскихъ губерніяхъ сильно развитъ фельдшеризмъ, да иначе и быть не можетъ при такомъ незначительномъ количествѣ врачей: въ каждомъ врачебномъ участкѣ не меньше 5—6, а очень часто 10—12 самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ. Но что всего безотраднѣе, это—то, что не видно стремленія къ измѣненію этой системы къ лучшему: какъ это дѣло заведено разъ, такъ оно и продолжаетъ существовать десятками лѣтъ.

Спросъ на врачебную помощь растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ крестьянское населеніе знакомится съ ней и научается различать врача отъ знахаря. Вотъ % населенія, обращающагося къ врачебной помощи, по даннымъ медицинскаго департамента за два года:

	Въ губерніяхъ:	Въ 1890 г.:	Въ 1891 г.:
Не-земскія . . .	Подольской	11,0	14,7
	Кіевской	12,4	13,5
	Волынской	7,1	9,4
Земскія	Полтавской	26,9	29,5
	Херсонской	26,0	33,3
	Бессарабской	20,2	23,6
	Черниговской	24,9	29,5

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1895, апрѣль.

Для болѣе нагляднаго сравненія земской и не-земской медицины я взялъ тѣ и другія губерніи, смежныя другъ съ другомъ, слѣдовательно представляющія приблизительно одинаковыя условія пространства, густоты населенія, народности, климата, почвы и т. п.

Изъ раньше приведенной таблицы количества земскихъ врачей за тѣ же годы видно, что земства удовлетворяютъ, насколько могутъ, этой увеличивающей съ каждымъ годомъ потребности во врачебной помощи. Въ не-земскихъ губерніяхъ, повторяю, такого соответствія нѣтъ; съ 1888 года по настоящее время устройство сальской медицины въ нихъ ни на іоту не измѣнилось.

Отъ лечащаго персонала перейду къ средствамъ леченія и опять прежде всего укажу идеаль въ этомъ отношеніи.

Въ распоряженіи сельскаго врача должна быть лечебница, хоть миниатюрная, на 5—8 кроватей, куда онъ могъ бы помѣщать всякаго трудно-больного. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать врачу, если къ нему привезутъ, положимъ, изувѣченнаго машиной, раненнаго копытомъ лошади или рогомъ коровы, роженницу съ неправильнымъ положеніемъ плода или больного въ самомъ разгарѣ тифа?

Такого больного надо окружить самымъ тщательнымъ уходомъ и непрерывно, серьезно наблюдать болѣзнь. За отсутствіемъ же больницы врачъ можетъ только, скрѣпя сердце, подать совѣтъ, первоначальное пособіе и отправить больного обратно — Богъ вѣсть въ какія условія ухода и леченія.

И вотъ въ этомъ отношеніи, повидимому, въ не-земскихъ губерніяхъ дѣло поставлено лучше, чѣмъ въ большинствѣ земскихъ. По крайней мѣрѣ въ юго-западномъ краѣ у всякаго сельскаго врача есть небольшая, правда, до крайности бѣдно обставленная, лечебница. Въ большинствѣ же земствъ преобладаетъ амбулаторная система. Есть уѣзды, имѣющіе по 3—5 больничевъ, но такіе уѣзды еще не составляютъ большинства.

Недостатокъ сельскихъ больницъ въ земствахъ значительно окупается тѣмъ, что земскій врачъ, при малой величинѣ своего участка, имѣетъ возможность 3—4 раза въ недѣлю, а въ крайнемъ случаѣ и ежедневно, посѣщать трудно-больныхъ на дому. Для не-земскаго врача это возможно лишь въ $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ его участка, т. е. въ окрестностяхъ его резиденціи, на разстояніи 10—15 верстъ.

Но гдѣ есть земскія лечебницы, тамъ онѣ, въ большинствѣ случаевъ, устроены такъ, что многія изъ нихъ приняты за образецъ во Франціи.

Кромѣ больницы, сельскій врачъ долженъ имѣть достаточное количество медикаментовъ, перевязочнаго матеріала и инструментовъ.

Въ этомъ отношеніи земская медицина оставила далеко за собою не-земскую.

Принципъ земствъ — не стѣснять врача въ свободномъ выборѣ и количествѣ расходуемыхъ медикаментовъ, ибо при этомъ только условіи врачъ можетъ примѣнять свои познанія съ пользой для больного.

Едва-ли эта истина требуетъ поясненія. Призовите къ больному хотя бы свѣтило науки; но если не дадите ему необходимаго лекарства или дадите его въ гомеопатической дозѣ, то едва ли больному поможетъ отъ того, кто его осматрѣлъ: свѣтило-ли, простой-ли врачъ, Кузьмичъ или баба-Параска.

На основаніи собственнаго опыта могу сказать, что между земской и не-земской медициной въ этомъ отношеніи огромная разница.

Въ одномъ изъ бѣдныхъ земствъ курской губерніи (фатежскомъ) я завѣдывалъ участкомъ изъ двухъ волостей, съ населеніемъ въ 20 тысячъ и радиусомъ участка въ 15 верстъ; ежегодно медикаментовъ мнѣ отпускалось на сумму свыше 500 руб., при чемъ я имѣлъ ихъ — какія угодно и въ любомъ количествѣ, и еще, что не менѣе важно, получалъ ихъ по первому же требованію, хотя бы ежемѣсячно.

На не-земской службѣ, на участокъ въ $\frac{1}{2}$ уѣзда, состоявшій изъ 8 волостей, съ населеніемъ въ 110 тысячъ, т.-е. участокъ въ 5 разъ больше земскаго, медикаментовъ мнѣ отпускалось на 325 р. (включая сюда стоимость укупорки: 8—10 р.). Этого (голичнаго) количества не можетъ хватить и на два мѣсяца; приходится или скаредничать, заставляя больныхъ (земскихъ плательщиковъ) покупать лекарства въ вольныхъ аптекахъ, въ тридорога, или оплачиваться собственнымъ карманомъ.

Одинъ мой товарищъ, не-земскій врачъ, такъ выражается въ письмѣ ко мнѣ:... „это горькая и обидная насмѣшка надъ врачомъ: тяжелаго тифика и пневмоника (воспаленіе легкаго) приходится лечить каеями-то лепешечками и растираніемъ скипидаромъ, такъ какъ больше у меня нѣтъ лекарствъ“...

Любопытный списокъ лекарствъ приводитъ д-ръ Шиперовичъ, отпущенныхъ ему чайными ложечками для борьбы съ холерой и тифомъ на огромномъ пространствѣ Уральской области ¹⁾. Всякій врачъ,

Сулема	1 унція.
Неочищенной карболовой кислоты	2 фун.
Валерьяновой настойки	2 драхм.
Иноземцева капель	5 драхм.

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, апрѣль, 1895.

взглянувъ на этотъ списокъ, скажетъ, что это „горькая и обидная насмѣшка надъ врачомъ“.

Въ земствахъ недостатки организаціи постоянно обсуждаются; все изыскиваются средства и способы къ устраненію ихъ; словомъ, есть успѣхъ, есть желаніе и возможность улучшеній.

Въ не-земскихъ губерніяхъ—все замерло подъ давленіемъ разъ установленныхъ смѣтъ, выйти изъ которыхъ невозможно; нѣтъ прогресса, не видно желанія улучшить положеніе дѣла, хотя къ тому нашлась бы возможность.

Вотъ эта смѣта, это казенное, бумажное веденіе дѣла или, вѣрнѣе, дѣлопроизводство и жертвить всякое доброе начинаніе, всякое самое искреннее желаніе врача посвятить себя дѣлу.

Не-земскому врачу физически невозможно, и при самой хорошей обстановкѣ, и при наибольшемъ рвеніи, управиться съ огромнымъ своимъ участкомъ. Если земскому врачу часто некогда пообѣдать, отдохнуть отъ массы занятій, то тѣмъ болѣе это невозможно сельскому не-земскому врачу, при участіи въ 5—6 разъ большемъ земскаго; мало этого: онъ настолько связанъ безчисленными формальностями, большой перепиской и отчетностью (которыхъ и десятой доли нѣтъ въ земствахъ), что ему положительно невозможно всецѣло посвятить себя служенію болящему люду. Канцелярская работа поглощаетъ добрую треть его времени и труда. Завѣдывая лечебницей, врачъ отвѣчаетъ за все ея хозяйство и долженъ составлять и провѣрять отчеты до того мелочные, что, право, иногда это похоже на анекдотъ.

Требуютъ, напримѣръ, отъ врача представить подробную опись больничнаго имущества, за негодностью исключеннаго изъ употребленія (вороты отъ рубахъ, битыя стекла ламповыя и черепки отъ посуды, обрывки туфель безъ подошвъ, обломки деревянныхъ ложекъ и т. п.). Опись составляется, отсылается въ губернское правленіе; затѣмъ врачъ получаетъ предписаніе продать этотъ хламъ съ аукціона узаконеннымъ порядкомъ, вырученную сумму внести въ казначейство и квитанцію представить въ губернское правленіе. Спрошенные врачомъ старьевщики заявили, что они и даромъ не возьмутъ этого „имущества“... Къ чему же переписка, на которую одной бумаги изведется больше, чѣмъ стоятъ все „имущество“, если ужъ время и трудъ врача цѣнить не принято?

Нѣтъ ничего легче, какъ быть исполнительнымъ и усерднымъ на бумагѣ, на которой можно вывести все, что угодно — гладко, чисто. Кому не извѣстны затасканныя выраженія: „все обстоитъ благополучно“, „надлежащія мѣры приняты своевременно“ и т. п. И сколько упущеній на дѣлѣ—не видны на бумагѣ. Вся сложная отчетность

ровно ни къ чему не ведетъ, ибо нисколько не обезпечиваетъ отъ упущеній и злоупотребленій; недобросовѣстному человѣку она очень на руку, а честнаго только затрудняетъ и гнететъ.

Грустный, но, къ сожалѣнію, вѣрный парадоксъ!

Жизнь не течетъ въ заранѣ назначенныхъ рамкахъ, а имѣетъ свои разнообразныя и измѣнчивыя условія. И ведущій живое дѣло строго въ рамкахъ не удовлетворитъ жизненнымъ требованіямъ; наоборотъ, удовлетворяющій требованіямъ жизни не вгонитъ свою работу въ казенныя рамки.

Если это разсужденіе справедливо относительно жизни нормальной, то оно еще справедливѣе по отношенію къ патологіи жизни—къ болѣзни, страданіямъ, эпидеміямъ.

Такимъ образомъ не-земскій сельскій врачъ долженъ или удовлетворять смѣтамъ, ассигновкамъ и инструкціямъ, т.-е. вести свое дѣло чисто казенно—тогда потерпитъ само жизненное дѣло; или онъ долженъ поступать наоборотъ,—но тогда на каждомъ шагу ему придется выходить изъ назначенныхъ ему предѣловъ, что не въ его средствахъ и силѣ. Поясню примѣромъ.

На содержаніе сельской (не-земской) лечебницы на 10 коекъ ассигнуется 900 р. въ годъ. Это такой мінімумъ, меньше котораго придумать трудно (изъ этой суммы должны удовлетворяться всѣ нужды лечебницы: содержаніе больныхъ, отопленіе, освѣщеніе, прислуга и пр.).

Если сразу въ началѣ года окажется столько больныхъ, нуждающихся въ больничномъ леченіи (а это часто бываетъ), что эта смѣта изсякнетъ въ первую половину года, то во второмъ полугодіи больныхъ принимать уже не придется, потому что нечѣмъ будетъ ихъ кормить; врачу придется отказывать больнымъ въ приѣмѣ.

На весь годъ для лечебницы присылается 20 арш. марли на повязки. При серьезной хирургической операціи все это количество пойдетъ на одного больного, на двухъ—не больше. Если хирургическихъ больныхъ въ лечебницѣ перебиваетъ за годъ 30—40 человѣкъ, то ихъ перевязывать рѣшительно нечѣмъ.

То же самое съ медикаментами.

Выходить, что усердно лечить больныхъ нельзя, а нужно понемножку, чтобы на весь годъ хватило.

Сверхъ смѣты ничего получить нельзя.

Я знаю примѣръ,—*nomina sunt odiosa*,—гдѣ врачевный инспекторъ прямо-таки сказалъ сельскому врачу, что „вы, молъ, не слишкомъ усердствуйте, а то нечѣмъ вамъ будетъ кормить больныхъ въ концѣ года“...

Я дольше остановился на условіяхъ службы не-земскаго сель-

сеаго врача для того, чтобы указать, что въ своей работѣ, кромѣ затрудненій и препятствій, не легко устранимыхъ и въ земствѣ,—напримѣръ, слишкомъ большая территория участка,—онъ долженъ вѣдаться еще съ искусственно созданными, чисто формальными трудностями, превращающими его по неволѣ въ канцелярскаго чиновника.

Нѣсколько словъ о городскихъ амбулаторіяхъ и больницахъ.

По понятнымъ причинамъ къ городу тяготеетъ значительная часть окрестнаго сельскаго населенія. Кромѣ торговыхъ надобностей, есть еще многія другія, привлекающія сельчанъ въ городъ (напр. присутственныя мѣста). Многіе больные охотнѣе ѣдутъ въ городъ, зная, что тамъ легче найти врача, хорошую аптеку, чѣмъ въ сельскомъ участкѣ, гдѣ врача не всегда можно застать дома, а нужнаго лекарства подчасъ не хватаетъ.

Нашъ народъ очень терпѣливъ и выносливъ; нерѣдко больной не обращается къ своему участковому врачу, а терпитъ до ближайшаго праздника или базарнаго дня, когда будетъ другая надобность въ городъ, и тогда, за-одно ужъ, сходитъ въ городъ къ врачу.

Эти соображенія приняты во вниманіе земствами, и въ городахъ ими устроены пріемные покои, обширнѣе и лучше обставленные, чѣмъ сельскіе участковые; во многихъ уѣздныхъ городахъ занимаются въ амбулаторіяхъ два земскихъ врача, а въ губернскихъ и больше, по различнымъ специальностямъ. Лекарства получаютъ земскіе больные или бесплатно, или за очень небольшую плату, такъ какъ земство не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей.

Ничего подобнаго нѣтъ въ не-земскихъ губерніяхъ. Амбулаторіи, если гдѣ изрѣдка и существуютъ, то всѣ онѣ устроены благотворительными обществами, на пожертвованія, и большею частью крайне бѣдны. И это только въ большихъ, губернскихъ городахъ; въ уѣздныхъ же ничего не устроено.

Уѣздныя не-земскія больницы (въ городахъ) предназначены только для нуждъ города; сельское населеніе ими не пользуется. Есть даже инструкція городовымъ врачамъ, не дозволяющая имъ принимать крестьянъ въ городскія больницы, а направлять ихъ въ сельскія, кромѣ развѣ такихъ больныхъ, которые требуютъ экстренной помощи. Наоборотъ, въ сельскія лечебницы другія сословія, кромѣ крестьянъ, не принимаются. Справедливо ли это, цѣлесообразно ли — предоставляя судить читателю, принявъ въ соображеніе, что для многихъ (не-земскихъ) крестьянъ сельская лечебница отстоитъ верстъ на 60 и больше, а городъ гораздо ближе и, наоборотъ, случись не-крестьянину заболѣть вдали отъ города, онъ не имѣетъ доступа въ сельскую

лечебницу, хотя бы находился возлѣ нея. Если о не-земскихъ сельскихъ лечебницахъ приходится сказать, что онѣ крайне бѣдны, то о городскихъ больницахъ приказа общественнаго призрѣнія (а другихъ пока нѣтъ) можно сказать, что средства ихъ нищенскія. Устроены онѣ тоже по одному шаблону, безъ всякаго отношенія къ потребностямъ населенія; каждая изъ нихъ на 20 кроватей. Лекарствъ отпускается на 80 р. въ годъ, а на такъ-называемые комиссариатскіе припасы для больныхъ (молоко, яйца, вино, водка, словомъ, все, что сверхъ порціи) — 20 р. въ годъ. Поучительность и курьёзность этихъ цифръ, какъ для врачей, такъ и для людей, не посвященныхъ въ это дѣло, кажется, очевидна!

Уѣздныя земскія больницы, въ силу вышеназванныхъ условий, устроены и обставлены значительно обширнѣе и лучше, чѣмъ участковыя сельскія, и предназначены онѣ служить какъ городу, такъ и уѣзду. Смотря по средствамъ земствъ и по потребностямъ населенія, эти больницы имѣютъ отъ 50 до 300 кроватей, всѣ необходимыя больничныя приспособленія, достаточное количество медицинскаго персонала и лечебныхъ средствъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ уѣздныя больницы устроены такъ, что ихъ берутъ за образецъ въ западной Европѣ.

Говоря объ условіяхъ дѣятельности сельскаго врача, нельзя обойти молчаніемъ и личную, матеріальную его обстановку.

Не-земскіе сельскіе врачи крайне стѣснены матеріально. Жалованье ихъ (болѣе, чѣмъ скромное) — 670 р. въ годъ, съ трудомъ удовлетворяетъ потребности образованнаго работника. Если онъ семейный, то едва сводитъ концы съ концами, отказывая себѣ даже въ газетѣ, медицинскомъ журналѣ и новой книгѣ, столь необходимыхъ врачу, заброшенному въ захолустье. Если врачъ можетъ имѣть побочный доходъ, въ видѣ гонорара за частную практику, — что далеко не вездѣ бываетъ, — то тогда еще болѣе пострададутъ его прямыя обязанности, на добросовѣстное исполненіе которыхъ, даже въ малой ихъ части, едва хватаетъ самаго большого рабочаго дня.

Врачъ, для приобрѣтенія своего диплома, тратитъ гораздо больше времени, труда и энергіи, чѣмъ кто-либо другой; трудъ же его цѣнится втрое, вчетверо дешевле, чѣмъ, напр., трудъ юриста или инженера; а требованій къ нему предъявляется несравненно больше, чѣмъ къ какому угодно образованному работнику: во всякое время и во всякую погоду его тревожатъ и на каждомъ шагѣ онъ рискуетъ собой и даже своей семьей, такъ какъ заразныя болѣзни никогда не переводятся.

Земства справедливѣе въ этомъ отношеніи и гораздо лучше обез-

печиваютъ своихъ врачей, давая имъ въ большинствѣ случаевъ квартиру и отъ 1.000 до 1.500 р. жалованья. Понятно, что, даже при прочихъ равныхъ условіяхъ, всякій предпочтетъ служить тамъ, гдѣ существованіе его съ семьей лучше обезпечено. Поэтому крайне рѣдко мѣсто земскаго врача остается вакантнымъ 2—3 мѣсяца; желающихъ занять его всегда найдется много.

Не такъ охотно занимаютъ мѣста не-земскихъ сельскихъ врачей, особенно если нѣтъ при нихъ постороннихъ доходовъ: отъ частной практики, заводовъ, большихъ экономій и т. п.

Въ глухихъ сѣверныхъ уѣздахъ волынской губ. (овручскій, ковельскій) есть участки, гдѣ по нѣскольку лѣтъ сряду не бываетъ врача, такъ что приходится замѣщать вакансіи студентами (въ лѣтніе мѣсяцы) или казенными стипендіатами, т.-е. людьми, обязанными отслужить извѣстный срокъ. Эти стипендіаты, служа по принужденію, конечно пользуются первой возможностью, чтобы перейти на лучшее мѣсто или вовсе покинуть не-земскую службу въ селѣ.

Еще хуже обставлены не-земскіе фельдшера и повивальныя бабки: они получаютъ всего 150 р. въ годъ жалованья.

Сколько-нибудь учившійся фельдшеръ всегда найдетъ себѣ гораздо лучшее мѣсто въ земствѣ, при желѣзной дорогѣ, на фабрикѣ. Поэтому губернскими правленіямъ приходится давать мѣста захудалымъ, неудачнымъ фельдшерамъ или же мѣстнымъ крестьянамъ, отставнымъ ротнымъ фельдшерамъ, которые, взятые отъ плуга въ солдаты, потеряли года два въ лазаретахъ, хватили кое-какихъ обрывковъ фельдшерской науки, полуграмотные, отпущенные со службы, возвращаются къ своему плугу. Такой медикъ охотно возьметъ мѣсто фельдшера въ родномъ селѣ, гдѣ все равно жить ему въ своей хатѣ; 150 р. въ годъ для него большое подспорье. Но велика ли польза болящему люду отъ этихъ Цинциннатовъ?..

Одна изъ важнѣйшихъ задачъ сельской медицины—это борьба съ эпидеміями, никогда не переводящимися на Руси и уносящими сотни тысячъ жертвъ ежегодно ¹⁾. Не говоря уже о холерѣ, наведшей повсюду панику, захватившей насъ въ располхъ, не приготовленными къ борьбѣ, есть много эпидемій, съ которыми мы уже, такъ сказать, стерпѣлись: тифы, дифтеритъ, скарлатина, оспа и, наконецъ, сифилисъ—это зло, растущее не по днямъ, а по часамъ ¹⁾.

¹⁾ По свѣденіямъ, дошедшимъ до медицинскаго департамента, въ 1891 г. умерло въ Россіи отъ заразныхъ болѣзней 218,808 чел.

²⁾ По тѣмъ же свѣденіямъ зарегистрировано сифилисниковъ въ 1887 г. 480.628, въ 891 г.—740,250!

Борьба съ эпидеміями требуетъ энергическихъ и быстрыхъ мѣръ, чтобы, по возможности, локализовать заболѣванія, не дать имъ распространяться, такъ какъ одно леченіе больныхъ — не болѣе, какъ палліативъ, самъ по себѣ недостаточный. Въ земствахъ, при небольшихъ врачебныхъ участкахъ и достаточномъ количествѣ врачебнаго персонала, борьба съ эпидеміями ведется довольно энергично. О всякой вспышкѣ заразной болѣзни тотчасъ же узнаетъ врачъ, такъ какъ каждый день въ его приемномъ покоѣ являются больные со всѣхъ концовъ участка. Въ тотъ же день онъ можетъ посѣтить заболѣвшихъ, запасшись и лекарствами, и помощниками, которыхъ разбѣгаетъ въ пораженныхъ мѣстахъ, гдѣ найдетъ полезнымъ, и самъ имѣетъ возможность ежедневно или черезъ день посѣщать всѣ неблагополучные пункты.

На случай особенно сильнаго развитія эпидеміи, въ губернскомъ городѣ имѣется нѣсколько земскихъ „эпидемическихъ“ врачей, которые, по первому требованію, отправляются на помощь участковымъ. Въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ (полтавская, саратовская) существуютъ правильно организованные санитарные отряды, имѣющіе доволь рабочихъ рукъ, медикаментовъ, дезинфекціонныхъ средствъ, и даже съѣстные припасы, вино, чай и пр., для продовольствія бѣднѣйшихъ больныхъ; такіе отряды посылаются въ наиболѣе пораженныя эпидеміей мѣста.

Совсѣмъ иной видъ имѣетъ это дѣло въ не-земскихъ губерніяхъ. Представьте себѣ врачебный участокъ, имѣющій 50—70 верстъ въ радіусѣ и населенія тысячъ 100—120; въ нѣсколькихъ пунктахъ его появляется, положимъ, дифтеритъ или скарлатина. Проходитъ 1—2 недѣли, пока эпидемія поразила столько дѣтей, что, наконецъ, сельскія власти донесутъ объ этомъ волостному правленію и становой приставу. Участковый фельдшеръ (Цинциннатъ) не особенно поспѣшитъ, если эпидемія не приняла еще вопіющихъ размѣровъ; ему это хлопотно и не на руку, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ полную возможность до поры до времени скрыть эпидемію, признавъ дифтеритъ—за простую ангину, скарлатину—за ангину же или корь, тифъ—за лихорадку, дизентерію—за катарръ кишекъ; авось эпидемія и сама утихнетъ, а нѣтъ—то и разыскать съ него нечего, вѣдь онъ не дилеммированный, а простой смертный.

Пока фельдшеръ, волость или становой увѣдомитъ участковаго врача, пройдетъ еще нѣсколько дней. Наконецъ пустится въ путь—дорогу, верстъ за 60, сельскій врачъ; если пораженные пункты къ этому еще не отстоятъ другъ отъ друга на приличное разстояніе, то ему на объѣздъ ихъ надо употребить дня 3—4, особенно весной и

осенью, когда именно и усиливаются эпидеміи. Въ отсутствіе врача больница и приходящіе больные остаются на попеченіи фельдшера.

Констатировавъ эпидемію, сельскій врачъ долженъ донести объ этомъ въ губернской городъ врачебному отдѣленію и ждать распоряженій. Кто не хочетъ прослать дѣлителей и давать потомъ разныя объясненія, тотъ прибавляетъ, что „надлежащія мѣры своевременно приняты“.

Самъ врачъ, собственною властью, *не имѣетъ права* помѣстить своего фельдшера, гдѣ найдетъ это нужнымъ. Пройдетъ еще нѣсколько дней (иногда много дней), пока получится, наконецъ, распоряженіе врачебнаго отдѣленія: „командировать фельдшера такого-то туда-то, а такого-то туда, а самому врачу не менѣе одного раза въ недѣлю посѣщать неблагополучныя селенія, принимать необходимыя мѣры и доносить врачебному отдѣленію о движеніи эпидеміи“. Пока все это дѣлается, эпидемія, можетъ быть, перекочевала въ новыя пункты, а на прежнихъ уже и болѣтъ некому, всѣ ребяташки переболѣли, половина умерла. Но исполнить распоряженіе надо въ точности; бюрократическій строй только и держится своей дисциплиной. И опять надо участковому врачу испрашивать разрѣшенія поступить иначе, а не такъ, какъ было предписано. Переписка идетъ оживленно, бумажныя „мѣры“ принимаются, а тѣмъ временемъ люди гибнутъ, какъ мухи, потому что лечить ихъ некому и нечѣмъ. Не потому ли холера три года, безъ малѣйшаго перерыва, продержалась въ злополучной подольской губерніи?...

Въ случаѣ особенно сильной эпидеміи, на помощь сельскому участковому врачу командировается уѣздный, другой участковый, т.-е. дѣлается то, что Тришка дѣлалъ со своимъ кафтаномъ, и обыкновенно вовсе не тогда, когда это именно нужно.

Безотрадное впечатлѣніе производитъ такая система на того, кто видѣлъ нидѣ живое дѣло, не-канцелярское; и нельзя обвинить тѣхъ не-земскихъ врачей, которые смотрятъ сквозь пальцы на вышеприведенныя замѣны фельдшерами диагнозовъ болѣзней, не желая возбуждать безплодную переписку, а принимаютъ себѣ по своему собственному соображенію тѣ мѣры, какія имъ совѣсть укажетъ и судныя средства позволить.

Относительно дезинфекціи и ассенизаціи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ пришлось работать, т.-е. въ юго-западномъ краѣ, я могъ бы только повторить то, что рассказано д-ромъ Шиперовичемъ въ его очеркѣ медицинской помощи въ Уральской области ¹⁾; ради курьеза и для характеристики фельдшеровъ-цинциннатовъ расскажу слѣдующее.

¹⁾ „Вѣсти. Европа“, апрѣль, 1896.

Дезинфекція во время холеры 1892 г. въ подольской губ. производилась главнымъ образомъ карболовой кислотой и хлорной известью; сулему я употреблялъ только тогда, когда могъ лично наблюдать за дезинфекціей, опасаясь давать этотъ сильный ядъ въ ненадежныя руки.

И карболовая кислота, и хлорная известь отпускались всюду въ гомеопатическихъ дозахъ. Покойниковъ можно было только „посолить“ известью, какъ выражались фельдшера, т.-е. посыпать 2—3 горсти въ гробъ; а на побѣлку стѣны въ хатахъ, гдѣ были больные, крестьяне сами покупали, если могли, известь.

И вотъ одинъ изъ моихъ фельдшеровъ сталъ употреблять дезинфекцію, какъ способъ мстить тѣмъ своимъ односельчанамъ, которыхъ онъ почему-нибудь не любилъ или имѣлъ съ ними счеты: имъ онъ тщательнѣе дезинфецировалъ хаты, почти не примѣняя извести, а особенно старательно неочищенной, зловонной карболкой, при помощи кисти изъ мочалы, „паскудилъ“ посуду и стѣны, выводя на послѣднихъ фантастическіе узоры. Послѣ такой „дезинфекціи“ нѣсколько дней нельзя было жить въ хатѣ, а тѣмъ не менѣе, въ слѣдующіе годы, холера очень исправно посѣщала дезинфецированныя помѣщенія.

Я уже упоминалъ, что есть возможность значительно улучшить печальное положеніе не-земской медицины.

Первое и непремѣнное условіе — это приспособленіе строя медицинской помощи къ особеннымъ требованіямъ каждой мѣстности. Нечего и говорить, что нельзя сравнивать между собой такія мѣстности, какъ, на примѣръ: губерніи архангельская и подольская, ломжинская и Уральская область, а если нельзя сравнивать, то нельзя и подводить медицину для ихъ народа подъ одинъ шаблонъ. Даже въ разныхъ уѣздахъ одной губерніи условія иногда совершенно различны: въ одномъ уѣздѣ достаточно было бы 3 сельскихъ врачей, въ другомъ ихъ нужно 5—6; теперешнія сельскія лечебницы въ юго-западномъ краѣ устроены всѣ на 10 коекъ. Оказывается, что инныя пустыютъ, а въ другомъ мѣстѣ больничка и на 20 кроватей была бы полна всегда.

Такъ какъ въ каждой мѣстности свои условія лучше всего извѣстны мѣстнымъ же людямъ, то послѣдніе и могутъ лучше всего подойти къ рѣшенію своихъ вопросовъ въ наиболѣе благоприятномъ смыслѣ. Гдѣ есть земства, тамъ на нихъ лежитъ забота о народномъ здравіи. Гдѣ нѣтъ земствъ, тамъ можно другимъ специальнымъ учрежденіямъ поручить эту заботу; нужно только децентрализовать завѣдываніе дѣломъ.

Медицинскій департаментъ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ создавъ извѣстную норму, по которой дѣло ведется въ столь различныхъ мѣстностяхъ. Норма же, рамки не пригодны для живого дѣла.

Мѣстныя учрежденія, на которыхъ лежитъ обязанность заботиться о народномъ здравіи, существуютъ въ не-земскихъ губерніяхъ съ давнихъ поръ, но существованіе ихъ безжизненно, чисто формально, а дѣятельность выражается только издаваніемъ санитарныхъ инструкцій и постановленій, которыхъ никто не исполняетъ, вѣрнѣе—которые исполняются только на бумагѣ.

Во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ существуютъ комитеты общественнаго здравія и санитарно-исполнительныя комиссіи. Въ составъ ихъ входятъ представители мѣстной администраціи и врачи, состоящіе на службѣ.

Вотъ эти комитеты, можетъ быть, въ нѣсколько преобразованной формѣ, могли бы съ успѣхомъ завѣдывать всею медицинскою частью въ уѣздѣ, а губернскіе комитеты—въ губерніи, если только расширить ихъ компетенцію и отдать въ ихъ распоряженіе, по части народной медицины, все то, что отдано въ этомъ отношеніи земствамъ.

Дѣло, бесспорно, выиграло бы значительно, а главное—оживилось бы, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ. Земства изыскиваютъ всѣ средства къ улучшенію своей медицины. Сколько же есть въ не-земскихъ губерніяхъ къ этому средствъ, которыя не утилизируются, зачастую даромъ пропадаютъ, единственно благодаря все мертвящей нормѣ, по которой: положено 2 врача на уѣздъ—и такъ быть должно, ассигновано на больницу или медикаменты столько-то—и больше не отпустится, какъ ни хлопочи!

А средствъ нашлось бы не мало.

Само населеніе въ очень многихъ мѣстахъ стремится лучше обезпечить себя медицинскою помощью, и стѣнитъ только пойти навстрѣчу этой давно назрѣвшей потребности, чтобы дѣло хорошо наладилось. Такъ, въ Киевскомъ университетѣ постоянно появляются объявленія, приглашающія оканчивающихъ курсъ медиковъ поселиться въ такомъ-то мѣстечкѣ или селеніи, населеніе котораго даетъ врачу квартиру или субсидію въ 200—300 руб. въ помощь къ тому, что онъ заработаетъ частной практикой среди того же, платящаго ему, населенія.

Подобныя же приглашенія бывають и въ Варшавскомъ университетѣ.

Въ юго-западномъ краѣ есть много заводовъ, фабрикъ, большихъ экономій; многія изъ нихъ имѣютъ своихъ врачей, обязанныхъ лечить только заводскихъ рабочихъ или служащихъ въ экономіи; другія же, болѣе мелкія, не въ силахъ содержать своихъ врачей, но

охотно приняли бы участіе въ расходахъ на содержаніе врача и больницы, помощью которыхъ могли бы пользоваться. Есть и частные благотворители, и общества благотворительныя (Императорское человеколюбивое Общество, общество Краснаго Креста, Попечительство о слѣпыхъ и др.), которые не могутъ сами по себѣ организовать врачебную помощь сельскому населенію, но, рука объ руку съ болѣе опытнымъ мѣстнымъ учрежденіемъ, специально заботящимся объ этомъ и располагающимъ средствами, эти благотворители могли бы много и много сдѣлать добра. Есть, наконецъ, мертвыя суммы (сотни тысячъ на губернію) изъ земскихъ сборовъ, предназначенныя на улучшение сельской медицины въ не-земскихъ губерніяхъ, которыя (суммы) лежатъ нетронутыя въ депозитѣ губернскихъ правленій.

Но чтобы утилизировать, такъ сказать, всѣ эти вспомогательные факторы съ пользой для дѣла, необходимо именно такое *мыслимое* учрежденіе, на которомъ лежала бы прямая забота о народномъ здоровіи, и учрежденіе живое, дѣйствительно работающее, располагающее средствами и правами, а не пишущее однѣ безполезныя инструкции; необходимо, чтобы такое учрежденіе имѣло полномочія устраивать и перестраивать по своему усмотрѣнію всю медицину въ районѣ своей дѣятельности, имѣло въ своемъ распоряженіи всѣ отпускаемыя на это дѣло средства, остатки отъ смѣты; чтобы, наконецъ, врачи, наравнѣ съ прочими членами учрежденія, имѣли рѣшающій голосъ, а не только совѣщательный.

Сколько выигралъ бы отъ этого бѣдный, темный сельскій людъ, пропадающій теперь безпомощно отъ всякихъ болѣзней и эпидемій, въ глухихъ захолустьяхъ, за сотню верстъ отъ врача, обязаннаго ему помочь, желающаго ему помочь, но не имѣющаго къ тому никакой возможности!

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ (усть-сысольскомъ, фатежскомъ) есть санитарныя совѣты изъ гласныхъ и врачей, всецѣло вѣдающіе устройство медицины въ своемъ уѣздѣ, и тамъ-то именно медицинская помощь сельскому населенію лучше всего устроена. Не было примѣра, чтобы земство раскаявалось въ своемъ довѣріи къ врачамъ, которымъ оно поручило у себя устройство и завѣдываніе медицинской частью. Почему бы нельзя сдѣлать того же въ не-земскихъ губерніяхъ? Неужели совѣтъ изъ врачей и земскихъ служащихъ (мировыхъ посредниковъ, предводителей дворянства) къ такому важному и близкому имъ дѣлу, какъ народное здоровіе, отнесся бы менѣе честно, энергично, съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ давно отжившій свое время приказъ общественнаго призрѣнія?

Если существуютъ и признаются полезными, на примѣръ, мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, на которыхъ лежитъ забота о

матеріальномъ благосостояніи крестьянъ, то почему не могли бы быть полезными сѣзды сельскихъ врачей, на которыхъ лежитъ забота о народномъ здравіи?

Существуютъ губернскіе сѣзды земскихъ врачей, по одному делегату отъ каждаго уѣзда, созываемые для обсужденія всевозможныхъ вопросовъ, касающихся здоровья всего населенія губерніи. Польза этихъ сѣздовъ всѣми признана. Дѣло народной медицины выигрываетъ отъ нихъ и непосредственно—отъ проведенія въ жизнь мѣропріятій, выработанныхъ компетентными и знающими мѣстными условія людьми; выигрываетъ оно и косвенно: сѣзды, давая возможность врачамъ, разсѣянными по разнымъ заколустьямъ, непосредственнаго общенія между собой, живого обмѣна мыслей и впечатлѣній, тѣмъ самымъ освѣжаютъ, ободряютъ образованныхъ работниковъ, дѣлаютъ ихъ дальнѣйшую работу болѣе энергичной и производительной. Почему бы не устроить такихъ сѣздовъ (хоть разъ въ два года) и въ не-земскихъ губерніяхъ? Затраты на сѣзды ничтожны, а польза отъ нихъ во много кратъ *окупаетъ* эти затраты.

Этотъ проектъ, конечно, не плохъ, и многіе, болѣе меня свѣдущіе, люди нашли бы многое въ немъ измѣнить, прибавить. Но построенъ онъ на прочныхъ данныхъ, выработанныхъ долгодѣйнымъ опытомъ земскихъ учреждений. А что земства лучше всякихъ другихъ учреждений разрѣшили возложенную на нихъ задачу обезпеченія народа медицинской помощью, объ этомъ пусть свидѣтельствуютъ выводы изъ цифръ отчета медицинскаго департамента. За 4-лѣтіе съ 1887 по 1891 г., % обращающихся къ врачебной помощи былъ:

Въ губерніяхъ не-земскихъ	9,1%
” ” привислянскихъ	5,6%
” ” Кавказа	5,4%
” ” земскихъ	26,0%

При составленіи настоящаго очерка мною руководило одно только желаніе: освѣтить тяжелое, по истинѣ, положеніе больныхъ крестьянъ огромныхъ пространствъ не-земскихъ вообще губерній.

Если разсмотрѣть, какъ немного нужно для того, чтобы улучшить это положеніе, то, думаю, всякій истинный другъ народа раздѣлитъ мое искреннее желаніе, чтобы изложенныя здѣсь соображенія не прошли незамѣченными, необсужденными и не попали въ долгій ящикъ, подобно многимъ другимъ.

Пора воспользоваться урокомъ, даннымъ намъ послѣдней холерной эпидеміей, и произвести коренное измѣненіе въ томъ строѣ народной медицины, который оказался несостоятельнымъ и безсильнымъ въ годину народнаго бѣдствія, да и въ „мирное“, такъ сказать, время

польза котораго минимальна и не оправдывает даже тѣхъ скромныхъ тратъ, которыя на него производятся казною.

Бъ большому сожалѣнію, теперь незамѣтно стремленія пользоваться опытомъ плодотворной 30-лѣтней работы земскихъ учреждений, результаты которой по части земской медицины признаны образцовыми даже Франціей („Недѣля“, 1895, № 13), но, наоборотъ, этой прекрасной организаціи готовится нежелательная участь въ виду новаго лечебнаго устава, который, если будетъ введенъ, приведетъ дѣло къ тому же бюрократическому состоянію, какое существуетъ въ не-земскихъ губерніяхъ.

М. Левидскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1895.

Бывшословная волость и мѣстныя земскія единицы.

Земское представительство въ уѣздѣ по Положенію 1864—1890 гг.—Предположенія объ улучшеніи его и послѣдняя официальная программа по этому дѣлу. — Мѣстныя земскія собранія въ началѣ 80-хъ годовъ. — Сельскій сходъ; волостной сходъ и мѣстный судъ.—Финансовая сторона реформы.

Въ виду неудовлетворительности существующаго распредѣленія земскаго представительства въ уѣздѣ, въ послѣднее время неоднократно возникали вопросы о томъ, что нѣкоторые районы уѣзда не имѣютъ вовсе своихъ представителей въ земскомъ собраніи, которое такимъ образомъ лишено возможности получать непосредственно черезъ мѣстныхъ гласныхъ свѣденія о нуждахъ этихъ районовъ.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года установило три разряда избирателей для избранія земскихъ гласныхъ. Разряды эти, какъ извѣстно, установлены по размѣрамъ владѣнія, при чемъ не принято во вниманіе, чтобы всѣ мѣстности уѣзда имѣли своихъ представителей въ земскомъ собраніи и чтобы интересы всѣхъ разрядовъ собственниковъ уѣзда были болѣе или менѣе равномерно представлены въ собраніи. Положеніе о зем. учр. 12 іюля 1890 г., ограничивъ земское представительство и введя въ него сословное начало, точно также не имѣло въ виду указанной цѣли—возможности для всѣхъ мѣстностей уѣзда заявлять свои нужды въ собраніи. А между тѣмъ очевидно, что въ общественномъ дѣлѣ весьма мало имѣютъ значенія интересы той или иной группы землевладѣнія, сравнительно съ интересами, касающимися всего населенія данной мѣстности.

Въ пользу территоріальнаго представительства въ земскихъ собраніяхъ говорить и то соображеніе что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ

уѣзда могутъ быть свои особенности топографическія, санитарныя, экономическія и т. п., а слѣдовательно и свои особенныя потребности, разъясненіе и удовлетвореніе которыхъ гораздо болѣе будетъ обеспечено тогда, когда въ составъ земскаго собранія войдутъ выборныя лица отъ разныхъ районовъ уѣзда.

Исторія дѣятельности земскихъ учреждений въ теченіе 30 лѣтъ даетъ достаточно основаній сказать, что земская избирательная система требуетъ вообще коренной передѣлки.

Составъ землевладѣнія въ уѣздахъ въ указанный періодъ времени значительно измѣнился. Весьма многія крупныя владѣнія раздробились и явилось много новыхъ земельныхъ собственниковъ и представителей другихъ видовъ владѣнія, которыхъ не могло имѣть въ виду Положеніе 1864 года. Если же при этомъ принять во вниманіе, что значительное число крупныхъ землевладѣльцевъ въ имѣніяхъ не живутъ и участія въ мѣстной общественной жизни не принимаютъ, — и абсентеизмъ этихъ владѣльцевъ доходитъ до того, что бывали неоднократно примѣры, когда, вслѣдствіе неприбытія достаточнаго числа избирателей, всѣ явившіеся на избирательное собраніе 1-го разряда зачислялись въ гласные, — то нельзя не придти къ заключенію, что, помимо наложенныхъ теоретическихъ соображеній, и практика дѣла несомнѣнно указываетъ на то, что выдѣленіе крупныхъ собственниковъ въ особый разрядъ избирателей является анахронизмомъ и подлежитъ отмінію.

Несомнѣнно также, что и сохраненіе максимальной нормы для образованія совокупнаго ценза мелкихъ владѣльцевъ не соответствуетъ настоящему положенію дѣла въ уѣздахъ. Въ послѣднее время, какъ сказано уже, число мелкихъ владѣльцевъ постоянно увеличивается. Есть теперь въ селахъ не мало представителей разнаго вида промышленности, иногда не владѣющихъ и минимальною нормою ценза, необходимою для участія въ избирательномъ собраніи 2-го разряда, но состоящихъ крупными земскими плательщиками, — и этотъ разрядъ собственниковъ лишенъ возможности представлять свои интересы въ земскомъ собраніи. Изъ значительнаго числа лицъ этихъ категорій, при существующихъ условіяхъ избранія, только весьма небольшой процентъ можетъ попадать въ земскіе гласные. А между тѣмъ, изъ этихъ лицъ найдется не мало получившихъ общее или специальное образованіе, участіе которыхъ въ земской дѣятельности было бы весьма полезно. Въ послѣднее время нерѣдко раздаются сѣтованія о томъ, что для земской дѣятельности людей мало. Нельзя не согласиться, что это печальное явленіе, объясняемое многими современными условіями, замѣчается почти повсюду. Но этотъ недостатокъ людей могъ бы замѣтно пополниться, еслибы число зем-

скихъ гласныхъ было увеличено и всѣмъ собственникамъ при извѣстномъ образовательномъ цензѣ былъ предоставленъ доступъ въ гласные.

Представительство отъ сельскихъ сословій—самая слабая сторона состава нашихъ земскихъ собраній. Обыкновенно это представительство является не результатомъ свободнаго выбора, а образуется подъ влияніемъ лицъ, облеченныхъ властью или оказывающихъ экономическое давленіе на мѣстное населеніе. Присутствіе сельскихъ гласныхъ въ собраніи отличается по большей части полной пассивностью, служеніемъ интересамъ лицъ, которымъ нужно было ихъ избраніе, или исполненіемъ велѣній ихъ начальства. Иногда же сельскіе гласные, особенно волостные старшины, стремятся попасть въ составъ земскаго собранія ради личныхъ цѣлей. Только въ видѣ рѣдкихъ исключеній сельскіе гласные являются выразителями нуждъ своихъ избирателей.

Таково было значеніе сельскаго представительства въ земскихъ собраніяхъ при дѣйствіи Положенія 1864 года. Извѣстно, что это значеніе замѣтно измѣнилось при введеніи Положенія 1890 года.

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса объ измѣненіи состава земскихъ собраній, нельзя не придти къ заключенію, что частными коррективами невозможно достигнуть того, чтобы этотъ составъ выражалъ правильное представительство нуждъ различныхъ частей уѣзда и чтобы исполнительные органы земства, зная тогда ближе, чѣмъ въ настоящее время, эти нужды, могли производительнѣе направлять свою дѣятельность къ ихъ удовлетворенію. Для того, чтобы земскія собранія и управы могли захватывать всѣ интересы уѣзда, безусловно необходимо, чтобы земскіе органы не были изолированы отъ органовъ сельскаго и волостнаго управленія, а напротивъ, были тѣсно связаны съ послѣдними; необходимо, слѣдовательно, распространеніе на эти органы земскаго строя, т.-е. образованіе мелкихъ безсловныхъ самоуправляющихся единицъ.

Вопросъ о неудовлетворительности организаціи сельскаго и волостнаго управленія давно уже составляетъ предметъ особенныхъ заботъ правительства. Черезъ 13 лѣтъ послѣ реформы 19 февраля, неудовлетворительность эта была уже признана, и закономъ 27 іюня 1874 г. установлены присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и ихъ органы—непремѣнные члены для надзора за этимъ управленіемъ и его упорядоченія. Но эти учрежденія положенія дѣлъ не поправили и скоро были признаны несостоятельными. 22 декабря 1880 г. министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ заключеніямъ земскихъ собраній по вопросу объ устройствѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений. Заключенія требовались по данной программѣ, но при этомъ

предоставлено было указать и другія мѣры по этому вопросу, которыя будутъ сочтены полезными для дѣла.

Обсужденіе этого предложенія министра вызвало необыкновенно оживленную работу въ земскихъ собраніяхъ 1881 года. Почти изъ всѣхъ земскихъ губерній представлены были въ министерство весьма обстоятельныя заключенія, большинство которыхъ солидарно въ главныхъ основаніяхъ, т.-е. въ необходимости образованія безусловнаго сельскаго управленія и связи его съ земскими учрежденіями. Известно, что вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія порученъ былъ для разработки особой правительственной комиссіи, съ участіемъ свѣдущихъ людей, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова. Къ сожалѣнію, дѣло это не получило въ свое время, по извѣстнымъ причинамъ, желательнаго движенія.

Въ концѣ прошлаго года министерствомъ внутреннихъ дѣлъ снова возбуждены вопросы о недостаткахъ крестьянскаго управленія. Программа этихъ вопросовъ составлена довольно широко: она говорить и объ организаціи управленія, и о правахъ, обязанностяхъ и положеніи должностныхъ лицъ, и о правѣ обществъ принимать и увольнять членовъ, и о семейныхъ раздѣлахъ, и объ опекахъ, и о призрѣніи въ селахъ, и о мірскихъ сборахъ и капиталахъ, и о землепользованіи, и объ организаціи нотаріальной части въ селахъ. Всего въ программѣ 66 вопросовъ. — Подходя очень близко къ вопросу о привлеченіи въ составъ сельскаго управленія лицъ не-сельскаго состоянія, министерство, однако, воздерживается отъ допущенія полной безусловности. Такъ въ вопросѣ 42-мъ выражено: „Слѣдуетъ ли точнѣе опредѣлять кругъ лицъ, привлекаемыхъ къ платежу мірскихъ сборовъ, указавъ лицъ, подлежащихъ и не подлежащихъ обложенію? Какія лица могли бы быть включены въ каждую изъ сихъ категорій?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы быть въ томъ смыслѣ, что обложенію должны подлежать лица всѣхъ сословій, а слѣдовательно, и право участія въ управленіи должно быть распространено на всѣхъ. Но въ слѣдующемъ 43-мъ вопросѣ являются ограниченія, колебанія и опасенія неправильнаго и обременительнаго для крупныхъ собственниковъ обложенія. Вотъ какъ изложенъ этотъ вопросъ: „Какія основанія слѣдуетъ принять для привлеченія къ платежу мірскихъ сборовъ проживающихъ въ селеніяхъ *постороннихъ* лицъ (*подъдомственики сельскому и волостному управленію*)? Какими признаками слѣдуетъ руководствоваться при опредѣленіи категоріи лицъ, подлежащихъ привлеченію къ платежу мірскихъ сборовъ (сословіе, владѣніе надѣльной или землей опредѣленнаго пространства, срокъ проживанія въ обществѣ и т. п.)? Какими мѣрами можно обезпечить этихъ лицъ отъ неправильнаго обложенія

ихъ сходами? Достаточно ли для этого существующаго надзора надъ мірскими приговорами, въ связи съ предоставленіемъ постороннимъ лицамъ права жалобы, или же необходимо установленіе опредѣленныхъ правилъ въ отношеніи самыхъ основаній обложенія постороннихъ лицъ? Какія основанія для обложенія могли бы быть допущены въ такихъ случаяхъ и какими условіями обставлено ихъ примѣненіе? Не слѣдовало ли бы въ частности освободить отъ обложенія недвижимое имущество, превышающее извѣстныя (какіе именно?) размѣры (сравнительно съ нормами крестьянскаго надѣла) и расположенное далѣе опредѣленнаго (какого?) разстоянія отъ надѣльной земли?"

Здѣсь не мѣсто излагать подробное содержаніе министерской программы. Достаточно сказать, что цѣлый рядъ вопросовъ этой программы, особенно перваго ея отдѣла, несомнѣнно указываетъ на то, что министерство признаетъ нынѣшній строй сельскаго и волостнаго управленія вполнѣ несостоятельнымъ, и самая постановка вопросовъ такова, что отвѣтомъ на нихъ не можетъ быть предложеніе полумѣръ или палліативовъ.

Программа эта передана на обсужденіе особыхъ губернскихъ совѣщаній, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, при чемъ совѣщаніямъ предоставлено не ограничиваться предѣлами программы, а высказать и другія, относящіяся къ дѣлу соображенія, имѣющія мѣстное значеніе. Заключенія совѣщаній предложено представить въ текущемъ мѣѣ.

Признавая, въ виду наложеннаго, особенно своевременнымъ новое возбужденіе въ печати настоящаго вопроса, мы считаемъ не лишнимъ снова вспомнить о нашей сельской неурядицѣ, которая, какъ признаетъ само министерство, вовсе не устранена реформой 12 іюля 1889 года, и стараемся намѣтить выходы изъ этой неурядицы, придерживаясь въ общемъ тѣхъ взглядовъ и пожеланій, какіе связывались многими земскими собраніями въ 1881 году.

Нижшею земскою хозяйственно-административною единицею является у насъ сельскій сходъ. Недостатки этого учрежденія въ нынѣшнемъ его видѣ всѣмъ извѣстны. Сходы наши не представляютъ ничего общаго съ организованными собраніями, дѣйствующими въ интересахъ своего общества. Это—обыкновенно безпорядочная толпа, въ которой часто голоса большинства безсилны передъ давленіемъ нѣсколькихъ вожаковъ, дѣйствующихъ въ угоду разнымъ эксплуататорамъ села или по приказанію начальства. Голоса же большинства въ пользу рѣшеній самыхъ противообщественныхъ приобрѣтаются за водку. Приговоры сельскихъ сходовъ бываютъ весьма часто фиктивными. Писарь подписываетъ подъ ними имена всѣхъ неграмотныхъ,

не стѣсняясь включать отсутствующихъ и даже умершихъ, а немногіе грамотные склоняются къ подписи угощеніемъ и угрозами. Нерѣдко случается, что члены сельскихъ обществъ, какъ о неслышанной новости, узнаютъ о приговорѣ, подѣ которымъ подписаны ихъ имена и исполненіе котораго ложится на нихъ тяжелымъ бременемъ. Созываетъ сходъ и руководитъ имъ сельскій староста; но, при условіяхъ его избранія и службы, онъ никакъ не можетъ направлять дѣятельность схода въ общественныхъ интересахъ: староста является не защитникомъ интересовъ своего общества, а низшимъ полицейскимъ агентомъ, подчиненнымъ всецѣло уѣздной полиціи, которой принадлежитъ дискреціонное право налагать на него высканія и штрафы. Имѣя въ свою очередь карательную власть надъ своими однообщественниками и пользуясь часто этой властью подѣ давленіемъ низшихъ органовъ уѣздной полиціи, волостного начальства или сельскихъ кулаковъ, староста находится въ самомъ фальшивомъ положеніи по отношенію къ своимъ избирателямъ, по неволѣ дѣйствуя вопреки ихъ интересамъ. При незначительномъ размѣрѣ жалованья старостѣ, порядочные крестьяне нерѣдко всѣми силами избѣгаютъ избранія въ эту должность, и отправленіе ея является тяжелой повинностью, которую берутъ на себя самые негодные люди. Въ дѣлѣ раскладки и собиранія податей и повинностей сельскій сходъ совершенно безсиленъ въ огражденіи интересовъ своего общества: правильный учетъ сборщиковъ почти не производится; путаница въ зачисленіи сборовъ и растраты сборщиковъ представляютъ обычное явленіе; не менѣе обычны растраты со стороны волостного начальства. Растраты эти, въ виду отсутствія или несправности именныхъ окладныхъ книгъ по обществамъ, съ отиѣтками объ уплатѣ сборовъ, и невозможности вслѣдствіе этого доказать растраты, обыкновенно остаются безнаказанными и въ концѣ концовъ пополняются тѣми же обществами. Такимъ образомъ, при многовластіи въ селахъ, которое выражается для крестьянъ въ цѣломъ рядѣ самоуправствъ ихъ выборнаго начальства, вмѣшательства въ всѣ дѣла полиціи и другихъ представителей власти, — многовластіи, которое ставитъ сельское населеніе чуть не въ крѣпостную зависимость отъ зажиточныхъ односельчанъ и отъ властей, поддерживающихъ послѣднихъ, при отсутствіи правильно организованнаго суда, гарантирующаго крестьянъ отъ произвола, естественно, что начала сельскаго самоуправления, установленнаго реформой 19 февраля, не могли развиться въ нашемъ народѣ. Такія условія жизни, когда населеніе признаетъ за собою только одѣ обязанности — платить повинности и выполнять всякіе приказы и не признаетъ никакихъ правъ, имѣютъ самое деморализующее на него вліяніе. При такихъ условіяхъ не можетъ

развиваться чувство долга; они являются самою удобною почвой для развитія опасныхъ для будущаго противогосударственныхъ понятій.

Сельскія общества, какъ союзы людей, владѣющихъ общимъ пространствомъ земли, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ общинное владѣнiе землею, должны сохранять свои сходы по каждому поселенiю и даже обществу, связаннымъ общимъ актомъ земельного владѣнiя, исключительно по вопросамъ, касающимся распредѣленiя земельныхъ надѣловъ, по распоряженiю общими выгонами, сѣнокосами, частьюю скота,—однимъ словомъ, по всѣмъ хозяйственнымъ дѣламъ, которыя относятся собственно къ крестьянскому землевладѣнiю или землепользованiю. Недовольные рѣшенiями такихъ сходовъ могутъ обжаловать эти рѣшенiя въ волостной судъ.

Но, помимо чисто земельныхъ отношенiй, есть въ селахъ весьма много общихъ для всѣхъ жителей села интересовъ, требующихъ постоянныхъ заботъ мѣстнаго общественнаго учрежденiя—схода, когда онъ дѣлается дѣйствительно общественнымъ учрежденiемъ. До сихъ поръ сельскiй сходъ занимается весьма немногими общими нуждами: продовольствiе, т.-е. засыпка хлѣба въ общественные магазины, распредѣленiе и взыванiе продовольственныхъ ссудъ, ремонтъ дорогъ и пожарная часть составляютъ единственные предметы общественнаго характера, которыми занимается сходъ, да и то по неволѣ, какъ-нибудь, вслѣдствiе чего и въ этой области царитъ полная неурядица. При иномъ же болѣе правильномъ ходѣ дѣлъ въ сходахъ, и указанные предметы ихъ вѣденiя были бы совершенно въ иномъ положенiи и, кромѣ того, сельскiе сходы могли бы проявить заботы и объ оздоровленiи сель, и о народномъ образованiи, и объ общественномъ призрѣнiи, и объ улучшенiи породъ скота, и о разныхъ улучшенiяхъ въ хозяйствѣ,—словомъ, о многихъ интересахъ, послѣднее удовлетворенiе которыхъ весьма благоприятно отразилось бы на всемъ строѣ жизни населенiя.

Организацiю сходовъ возможно было бы установить такимъ образомъ:

Число сходовъ въ уѣздѣ устанавливается, по представленiю волостного схода, уѣзднымъ земскимъ собранiемъ. Обширныя селенiя, размѣромъ въ 400—600 дворовъ, образуютъ свои сходы. Мелкiя же поселенiя, со включенiемъ хуторовъ, образуютъ общiе совокупные сходы. Эту низшую земскую единицу въ мѣстностяхъ съ православнымъ населенiемъ возможно было бы приурочить къ приходу и слить дѣятельность сходовъ съ дѣятельностью существующихъ безсловныхъ учреждений, вѣдающихъ интересы прихода,—церковно-приходскихъ попечительствъ, такъ какъ при иномъ устройствѣ сходовъ,

было бы ни съ чѣмъ несообразно выдѣлять изъ ихъ вѣденія народное образованіе, призрѣніе и другія функціи, предоставляемыя по закону вѣденію церковныхъ попечительствъ.

Каждые 10 дворовъ избираютъ одного представителя въ составъ приходскаго схода. Дворъ, конечно, слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ, а какъ отдѣльную единицу личнаго владѣнія и хозяйства. На случай отлучки въ отхожіе заработки и т. п., для замѣщенія отсутствующихъ членовъ схода избираются кандидаты, число которыхъ для cadaго схода опредѣляется самимъ сходомъ.

Въ члены схода допускаются лица всѣхъ сословій. Ценовыя нормы для выбора въ приходскій сходъ слѣдовало бы установить, примѣрно, въ такомъ видѣ: домохозяева, имѣющіе не менѣе 5 десятинъ, составляютъ общую избирательную группу, участники которой, владѣющіе 50-ю и болѣе десятинами, входятъ въ составъ схода безъ выбора, а каждая группа, составляющая въ совокупности 50 дес. владѣнія, избираетъ въ сходъ одного представителя; лица же, имѣющія менѣе 5 дес., составляютъ совокупный цензъ въ 50 дес. и въ общую избирательную группу посылаютъ участниковъ по одному отъ каждыхъ 5 дес., безотносительно къ размѣру владѣнія посылаемыхъ. Лица, являющіяся плательщиками сборовъ не по земельному имуществу, а по другимъ видамъ владѣнія, пользуются избирательными правами по соразмѣрности платимыхъ ими сборовъ со сборами съ земли ихъ односельчанъ.

Слѣдуетъ предоставить сельскимъ обществамъ избирать въ члены схода и женщины, самостоятельныхъ хозяекъ или когда онѣ замѣняютъ отлучившихся на продолжительное время мужей: есть не мало поселеній, гдѣ почти все мужское населеніе надолго уходитъ въ отдаленные заработки, и тогда бабы вершатъ всѣ дѣла и даже занимаютъ общественныя должности. Такія поселенія, безъ предоставления ихъ женскому персоналу избирательныхъ правъ, лишены были бы большую часть года всякаго общественнаго управленія.

Возрастъ для избранія въ члены схода слѣдовало бы опредѣлить 25-лѣтній. Причинами недопущенія въ составъ схода и устраненія изъ него слѣдуетъ установить судимость за кражу и другія уголовныя дѣйствія, вредящія обществу, а также содержаніе въ селѣ и даже въ предѣлахъ волости питейныхъ заведеній, при чемъ это ограниченіе слѣдуетъ распространить и на прекратившихъ питейный промыселъ, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ послѣ прекращенія.

Созывъ схода дѣлается четыре раза въ годъ, а въ экстренныхъ случаяхъ и чаще. Для порядка обсужденія дѣлъ сходъ выбираетъ изъ членовъ своихъ предсѣдателя и кандидата къ нему на трехлѣтній срокъ. Составъ схода для разрѣшенія обычныхъ дѣлъ счи-

тается достаточнымъ при наличности половины его членовъ. Дѣла въ сходы рѣшаются большинствомъ. По вопросамъ же объ установленіи суммы приходскихъ сборовъ, о раскладкѣ общихъ повинностей, объ установленіи повинностей натуральныхъ, о выборѣ старосты и членовъ въ волостные сходы, объ удаленіи старосты—требуется присутствіе не менѣе двухъ третей членовъ и рѣшеніе большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Для правильнаго хода дѣлъ въ сходахъ необходимо также установить, что члены ихъ, при исполненіи обязанностей, свободны отъ всякихъ административныхъ взысканій и подлежатъ отвѣтственности только въ судебномъ порядкѣ, а отъ тѣлесныхъ наказаній, пока не послѣдовало общей ихъ отгѣны, члены схода должны быть совершенно освобождены.

При такомъ составѣ схода и такихъ условіяхъ его дѣятельности сходы можетъ сдѣлаться дѣйствительно общественнымъ учрежденіемъ. Можно надѣяться, что тогда вліяніе водки и разныхъ давленій не будетъ такъ могущественно, какъ теперь: членовъ схода, составляющихъ десятую часть населенія и отвѣтственныхъ передъ своими избирателями, не такъ удобно спонить, какъ беспорядочную толпу, которая пропиваетъ свои интересы, ни передъ кѣмъ за это не отвѣчая. Присутствіе интеллигентныхъ владѣльцевъ также будетъ немаловажною гарантіей правильнаго хода дѣлъ на сходахъ.

Опасенія же, которыя высказывались неоднократно въ печати, что этотъ новый элементъ въ сходахъ будетъ злоупотреблять своимъ вліяніемъ и направлять дѣла во вредъ общественнымъ интересамъ, въ настоящее время едва-ли могутъ имѣть мѣсто: отдѣльные владѣльцы войдутъ въ сходы съ единоличнымъ правомъ голоса, а не по размѣрамъ владѣнія; крестьяне же въ дѣлахъ хозяйственныхъ, требующихъ расходовъ изъ мірскихъ суммъ, очень экономны,—а они всегда составляютъ большинство, которое, при возможности свободно выражать свой голосъ, безъ опасенія всякихъ воздѣйствій и преслѣдованій, не допуститъ преобладанія частныхъ интересовъ. Могутъ быть, конечно, особенно на первыхъ порахъ, самыя нежелательныя исключенія, но при всякомъ нововведеніи безъ этого не обходится. А затѣмъ, горькій опытъ и укрѣпленіе въ сознаніи населенія его правъ научатъ его отстаивать свои интересы.

Исполнительнымъ органомъ приходскаго схода долженъ быть староста, общій для всѣхъ дворовъ и для всей территоріи, составляющихъ предметъ вѣденія схода. Онъ является не низшимъ полицейскимъ агентомъ, какъ въ настоящее время, а лицомъ, непосредственно наблюдающимъ за исполненіемъ постановленій схода по благоустройству селеній и за осуществленіемъ всѣхъ мѣръ, какія сходы найдеть

нужнымъ установить въ интересахъ своего населенія. Старостѣ не присвоивается никакой карательной власти, но онъ обязанъ привлекать къ отвѣтственности по суду нарушителей закона и постановлений схода. Самъ же староста освобождается отъ всякихъ административныхъ взысканій со стороны полиціи и другихъ начальствующихъ лицъ и также подлежитъ отвѣтственности въ судебномъ порядкѣ. Староста избирается сходомъ на трехлѣтній срокъ и получаетъ изъ мірскихъ суммъ опредѣленное жалованье. На старосту возлагаются не только обязанности, поручаемыя ему приходскимъ сходомъ, но и исполненіе порученій по дѣламъ, касающимся тѣхъ поселеній или территорій, которыя находятся въ вѣденіи схода, но составляющимъ предметъ заботъ правительственныхъ учреждений, земскаго собранія и волостного схода. По исполненію такихъ порученій старостѣ даются надлежащія инструкціи.

Подъ вѣденіемъ старосты состоятъ чины сельской полиціи, нанимаемые имъ на ассигнуемыя для этого сходомъ суммы. Обязанности ихъ состоятъ въ охраненіи личной и имущественной безопасности всѣхъ жителей и въ исполненіи внѣшнихъ порученій старосты по постановленіямъ схода. Они же исполняютъ и порученія уѣздной полиціи.

Въ виду того, что, при рѣдкихъ созывахъ схода, староста и сельская полиція могутъ быть надолго предоставляемы самимъ себѣ, безъ постоянного контроля и руководства, весьма полезно было бы установить постоянное наблюдательное учрежденіе, въ видѣ сельскаго попечительства, избираемаго членами схода изъ своей среды. На попечительство слѣдовало бы возложить контроль надъ дѣйствіями старосты, руководство въ затруднительныхъ случаяхъ этими дѣйствіями, участіе въ составленіи протоколовъ о всѣхъ правонарушеніяхъ, когда мѣстные жители привлекаются по предметамъ вѣденія схода къ судебной отвѣтственности, и привлеченіе къ такой отвѣтственности и самого старосты за упущеніе или злоупотребленіе по службѣ. Попечительству слѣдуетъ предоставить и право созыва приходскихъ сходовъ.

Весьма желательно было бы возложить на попечительства и судебныя функціи по несложнымъ гражданскимъ спорамъ и по проступкамъ, не имѣющимъ общеуголовнаго характера. Такой судъ, образованный изъ наиболѣе почетныхъ обывателей и не связанный формами писмоводства, подобно древнему патриархальному суду, могъ бы имѣть въ селахъ огромное нравственное значеніе.

Съ привлеченіемъ къ участію въ сельскомъ управленіи лицъ не сельскаго состоянія, живущихъ на территоріи, подвѣдомственной сходу, имущества этихъ лицъ должны быть подвергаемы обложенію сборомъ на мірскія повинности, при чемъ основанія такого обложенія

могли бы быть устанавливаемы губернскими земскими собраниями. По отбыванію натуральныхъ повинностей дворы лицъ не-сельскаго населенія, не желающихъ участвовать въ повинностяхъ натурою, могли бы быть облагаемы сборомъ, соразмѣрнымъ стоимости такихъ повинностей для прочихъ дворовъ. Этимъ будетъ достигнуто облегченіе нынѣшней податной тягости для сельскаго населенія, а можетъ быть, это доставитъ возможность осуществлять разныя мѣропріятія по удовлетворенію многихъ нуждъ села, остающихся теперь неудовлетворенными.

Высшій предѣлъ обложенія всѣхъ имуществъ на волостныя и приходскія надобности слѣдуетъ во всякомъ случаѣ предоставить опредѣлять земскимъ собраниямъ, въ видѣ максимальнаго процента съ доходности, устанавливаемой для раскладки земскихъ сборовъ. Основанія же для обложенія мирскими сборами фабрикъ, заводовъ, оброчныхъ статей и промышленныхъ заведеній должны быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляемы уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.

Только при такомъ сліянніи всѣхъ собственниковъ, населяющихъ села, въ одно общество, органы котораго будутъ вѣдать интересы всѣхъ безъ различія обывателей; только при организаціи сельскихъ сходовъ на основаніяхъ, подобныхъ вышеназваннымъ; только при освобожденіи мелкихъ земскихъ единицъ отъ постоянной опеки и начальственныхъ воздѣйствій и при охранѣ судомъ всѣхъ интересовъ,—только при такихъ условіяхъ населеніе приучится къ уваженію порядка и закона и приобрететъ довѣріе къ своимъ мѣстнымъ учрежденіямъ, что составляетъ лучший залогъ успѣшной дѣятельности этихъ учреждений.

Слѣдующею ступенью мѣстныхъ учреждений является волостное управленіе. Волостные сходы представляютъ теперь обыкновенно ту же картину, что и сельскіе: та же неурядица, тѣ же давленія и воздѣйствія, а слѣдовательно, и тѣ же, хорошо всѣмъ извѣстные результаты ихъ дѣятельности. Волостныя правленія напоминаютъ до-реформенныя присутственныя мѣста, со всѣми ихъ недостатками. Волостное начальство, находясь въ полной зависимости отъ уѣздной полиціи и другихъ властей, обремененное массою порученій, совершенно чуждыхъ интересамъ мѣстнаго населенія, трепещущее за неисполненіе этихъ порученій передъ грознымъ начальствомъ, является въ свою очередь такимъ же грознымъ начальствомъ передъ сельскимъ населеніемъ, особенно при взысканіи недоимокъ, въ чемъ почти исключительно и проявляется дѣятельность волостныхъ властей по отношенію къ этому населенію. Словомъ, волостные сходы и волостныя правленія въ нынѣшнемъ ихъ видѣ никакъ не могутъ быть названы

общественными учреждениями и должны быть преобразованы въ томъ же направленіи, какъ и сельскіе сходы.

Безсословный волостной сходъ долженъ состоять изъ членовъ, избираемыхъ сельскими или приходскими сходами выборныхъ. Такъ какъ волостной сходъ долженъ вѣдать болѣе важныя и крупныя интересы всего населенія волости, и кромѣ того, волостное управленіе должно выполнять и функціи общегосударственныя и земскія, то составъ волостного схода въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ представляетъ особенно важный вопросъ. Необходимо, съ одной стороны, чтобы этотъ сходъ былъ немногочисленъ и состоялся изъ лучшихъ людей волости, и съ другой—чтобы въ составѣ его были представители разныхъ видовъ землевладѣнія и промысловъ. Поэтому было бы полезно предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, знающимъ составъ населенія волости и сельскихъ сходовъ, распределять представительство, которое каждый сельскій сходъ долженъ изъ себя выдѣлять въ волостной сходъ. Этимъ возможно предупредить односторонній составъ послѣднихъ и достигнуть того, чтобы всѣ интересы были въ волостномъ сходѣ представлены равномѣрно. Право выбора въ волостной сходъ не должно быть ограничиваемо рамками имущественнаго ценза.

Собранія волостного схода должны быть обязательныя; раза три или четыре въ годъ, для составленія смѣтъ на волостныя потребности и раскладокъ волостныхъ сборовъ, для повѣрки сборщиковъ, для обревизованія отчетовъ о волостныхъ расходахъ и т. п. Кромѣ того, волостной сходъ можетъ быть собираемъ исполнительнымъ его органомъ и чаще, для разсмотрѣнія экстренныхъ и вообще болѣе важныхъ волостныхъ дѣлъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе такихъ дѣлъ требуетъ превышенія смѣтныхъ назначеній.

Волостной сходъ выбираетъ себѣ предсѣдателя и кандидата къ нему на три года. Права и дѣятельность членовъ волостного схода должны быть поставлены въ тѣ же условія, какъ и сельскаго.

Исполнительнымъ органомъ волостного схода должна быть волостная управа, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ. Управою назначаются секретарь ея и писецъ.

Предметы вѣденія волостной управы раздѣляются на обязательныя и необязательныя. Къ обязательнымъ относятся: а) завѣдываніе всѣми сборами съ населенія волости черезъ особо избираемыхъ волостнымъ сходомъ сборщиковъ, число которыхъ для каждой волости опредѣляется уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, при чемъ порядокъ дѣйствій сборщиковъ и формы книгъ—общей окладной по волости, частныхъ именныхъ по сельскимъ обществамъ и книгъ для сборщиковъ—устанавливаются уѣздными управами и утверждаются казенною палатой

(съ учрежденіемъ такихъ сборщиковъ, нынѣшніе сборщики по обществамъ должны быть упразднены); б) веденіе семейныхъ списковъ и всѣхъ дѣлъ по воинской повинности; в) веденіе дѣлъ по военноконской повинности; г) веденіе земскаго страхованія по формамъ и инструкціямъ губернской земской управы; д) веденіе земельной книги, съ перечисленіемъ всѣхъ владѣній въ волости по угодьямъ и съ отиѣтками всѣхъ измѣненій въ отдѣльныхъ владѣніяхъ, а также книги всѣхъ другихъ имуществъ, фабрикъ, заводовъ, оброчныхъ статей и промышленныхъ заведеній, подлежащихъ обложенію сборами; е) завѣдываніе дорожными сооружеиіями, содержаніе которыхъ по значенію и размѣру не можетъ быть относимо на попеченіе сельскихъ сходовъ; ж) забота о распланированіи селеній послѣ пожаровъ; з) наблюденіе за исполненіемъ со стороны населенія волости всѣхъ обязательныхъ для него постановленій; и) наблюденіе за веденіемъ борьбы съ эпидеміями, эпизоотіями и вредными для полей животными и насѣкомыми въ предѣлахъ указаній закона и инструкцій земскихъ учрежденій; і) составленіе и представленіе на утвержденіе схода раскладовъ по всѣмъ поселеніямъ волости сборовъ на волостныя потребности; к) завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ по инструкціямъ уѣздныхъ земскихъ собраній; л) доставленіе правительственнымъ учрежденіямъ и земскимъ управамъ свѣденій по предметамъ вѣденія волостного управленія.

На волостныя управы должно быть возложено и веденіе всѣхъ дѣлъ, вызываемыхъ разнообразными потребностями населенія, если средства волостного населенія позволяютъ организовать удовлетвореніе этихъ потребностей. Къ такимъ дѣламъ могутъ быть отнесены: волостной кредитъ, волостныя лечебницы, образовательныя учрежденія, общія для волости (библиотеки, общественныя чтенія и т. п.), склады улучшенныхъ сѣмянъ и орудій, мастерскія, случайныя пункты, заведенія общественнаго призрѣнія и другія полезныя иѣропріятія, какія волостной сходъ найдетъ возможнымъ предпринять въ интересахъ своего населенія.

Изъ этого перечня, который скорѣе можно заподозрить въ неполнотѣ, чѣмъ въ преувеличеніи, нельзя не видѣть, какъ обширна и какъ плодотворна для селъ могла бы быть дѣятельность волостного управленія, при иномъ составѣ этого управленія и при иной обстановкѣ его дѣятельности. При измѣненіи этой обстановки, несомнѣнно, нашлось бы довольно людей съ достаточной подготовкой, чтобы толково вести дѣло волости и сдѣлать его живымъ дѣломъ. Таковой ходъ дѣла несомнѣнно весьма скоро отразился бы благотворно на жизни села и имѣлъ бы для него громадное воспитательное значеніе.

Но для того, чтобы лучшіе люди охотно шли на волостную

службу, безусловно необходимо освободить служащихъ въ волостныхъ управахъ отъ всякихъ административныхъ высканій, а за неправильныя дѣйствія по службѣ подвергать ихъ ответственности по суду. Право привлеченія ихъ къ суду слѣдуетъ предоставить волостному сходу, но для того, чтобы гарантировать этихъ лицъ отъ неправильныхъ рѣшеній, необходимо, по крайней мѣрѣ на первое время, передавать рѣшенія волостныхъ сходоу о подсудности на утвержденіе уѣздныхъ земскихъ собраній, пока сходы, освобожденные отъ нынѣшней многосторонней опеки, болѣе привыкнутъ къ правильнымъ, самостоятельнымъ дѣйствіямъ.

На проектируемыя волостныя управы возможно было бы со временемъ возложить и совершеніе нотаріальныхъ актовъ на небольшія суммы. Это значительно облегчило бы сельское населеніе, такъ какъ теперь поѣздки для всякой ничтожной сдѣлки въ городъ къ нотаріусу требуютъ много времени и обходятся дорого. Лицъ, которымъ будутъ поручаться нотаріальныя обязанности при волостныхъ управахъ, возможно было бы подвергать экзамену и снабжать ихъ отъ суда или уѣзднаго сѣзда книгами и проч., а контроль надъ ними возложить на уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ. Нотаріальные сборы въ волостныхъ управахъ могли бы составлять значительный ресурсъ для разныхъ мѣропріятій на пользу волостного населенія.

Но правильный ходъ мѣстнаго управленія тогда только будетъ обезпеченъ, если правильно будетъ организованъ мѣстный судъ. Съ привлеченіемъ интеллигентнаго элемента къ сельскому управленію волостные суды могли быть организованы самымъ лучшимъ образомъ: руководить дѣломъ могли бы достаточно образованные люди, а участіе въ составѣ судовъ представителей сельскаго населенія дало бы возможность разрѣшать дѣла по мѣстному обычному праву. Но прежде всего волостные суды необходимо вывести изъ нынѣшняго, совершенно ненормальнаго положенія: ихъ необходимо изъять изъ вѣденія административнаго, освободивъ отъ всякихъ случайностей и непослѣдовательности, имѣющихъ нерѣдко мѣсто въ настоящее время по отношенію къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, и ввести ихъ въ кругъ судебныхныхъ учреждений. Намъ извѣстно не мало случаевъ, когда уѣздные сѣзды одного судебного округа по апелляциямъ на приговоры волостныхъ судовъ произносили рѣшенія діаметрально противоположныя по дѣламъ совершенно однороднымъ. Конечно, такія странности едва-ли могли бы имѣть мѣсто, еслибы инстанціей для волостныхъ судовъ было судебное учрежденіе.

Нужно, однако, прибавить, что переносить рѣшенія волостныхъ судовъ прямо въ инстанцію, далекую отъ сферы обычнаго права, было бы не въ интересахъ населенія: такая инстанція, рассматривая

дѣла согласно писанному закону, могла бы часто дѣлать невѣрную оцѣнку рѣшеніямъ, основаннымъ на обычномъ правѣ. Поэтому полезно было бы создать посредствующую инстанцію, въ видѣ сѣздовъ волостныхъ судовъ. Представители трехъ или четырехъ сосѣднихъ судовъ могли бы сѣзжаться въ опредѣленные сроки и, подъ предсѣдательствомъ лица судебного вѣдомства, разсматривать апелляціонныя жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ. Такая инстанція лучше отнесется къ этимъ рѣшеніямъ, основаннымъ на обычномъ правѣ, чѣмъ уѣздный сѣздъ; предсѣдательство же представителя юстиціи обезпечитъ правильность и соотвѣтствіе съ закономъ рѣшеній волостного сѣзда, и такія рѣшенія имѣли бы руководящее значеніе для дѣятельности волостныхъ судовъ.

На волостной судъ возможно было бы возложить и завѣдываніе сельскими опеками, такъ какъ и въ этой области сельскаго управленія царитъ полная неурядица.

Не имѣя въ виду теперь же входить въ подробности проектируемой организаціи и намѣчая только общія, основныя ея положенія, мы не можемъ не коснуться одной весьма важной стороны дѣла, именно—порядка обжалованія рѣшеній сельскихъ или приходскихъ и волостныхъ сходовъ. Связывая предлагаемую систему сельскаго управленія съ земскими учрежденіями, естественно установить такую послѣдовательность, что рѣшенія сельскаго или приходскаго схода, за исключеніемъ дѣлъ минимальнаго значенія, подлежащихъ окончательному его рѣшенію, подлежатъ обжалованію въ волостной сходъ, а рѣшенія послѣдняго, за соотвѣстственными исключеніями, обжалуются въ уѣздное земское собраніе или въ уѣздную земскую управу, смотря по свойству и важности дѣлъ. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о дѣлахъ хозяйственнаго и распорядительнаго свойства; о направленіи судебныхъ дѣлъ сказано выше.

Остается еще коснуться кассационной стороны дѣла. Кому предоставить контроль надъ законностью рѣшеній приходскихъ и волостныхъ сходовъ и право отиѣны этихъ рѣшеній? Само собою разумѣется, что возложить это новое бремя на губернаторовъ невозможно. Они иногда затрудняются просматривать своевременно и постановленія 12 или 15 уѣздныхъ земскихъ собраній, и черезъ это приходится отсрочивать созывъ губернскихъ собраній. Слѣдить же за законностью постановленій цѣлыхъ сотенъ сходовъ одному лицу или учрежденію въ губерніи невысказанно. Возложить эту обязанность въ уѣздахъ на исправниковъ, какъ мѣстныхъ органовъ губернаторской власти, едва-ли возможно: и недостаточный образовательный цензъ этихъ должностныхъ лицъ, и частыя ихъ перемѣщенія, и крайняя несамостоятельность ихъ положенія,—все это представляетъ

условія, весьма мало гарантирующія правильную со стороны этихъ лицъ оцѣнку законности постановленій органовъ сельскаго управленія. Контингентъ земскихъ начальниковъ, часто людей пришлыхъ, мало знакомыхъ съ мѣстными условіями и поставленныхъ въ такое же почти служебное положеніе, также едва ли удобенъ для указаннаго назначенія. Поэтому было бы лучше всего, оставляя порядоѣ сельскаго управленія подѣ общимъ надзоромъ администраціи, предоставляя санкціи губернатора болѣе важными для мѣстности рѣшенія волостныхъ судовъ, для постоянного контроля законности рѣшеній послѣднихъ учредить особыми должностями, въ родѣ бывшихъ стряпчихъ или сельскихъ прокуроровъ, по одному на уѣздѣ. Тогда возможно было бы установить, что рѣшенія сельскаго схода приводятся въ исполненіе по утвержденіи ихъ волостною управой, а рѣшенія волостного суда исполняются по утвержденіи ихъ прокуроромъ. Послѣднему могутъ быть приносимы жалобы и на неутвержденіе волостною управой рѣшеній сельскихъ или приходскихъ сходовъ. Такія должности слѣдовало бы замѣщать лицами судебнаго вѣдомства: дѣйствуя въ одномъ направленіи, на основаніи правильнаго толкованія и примѣненія закона, такія лица много содѣйствовали бы упорядоченію сельскаго управленія вообще и обнаруженію и преслѣдованію темныхъ его сторонъ.

Коммиссія, занятой пересмотромъ судебныхъ уставовъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на эту сторону дѣла.

Во что же обойдется волостному населенію содержаніе всѣхъ оплачиваемыхъ должностныхъ лицъ при проектируемомъ строѣ? Въ настоящее время содержаніе волостныхъ правленій можно считать въ среднемъ до 1.500 р. въ годъ. Если предсѣдателю волостной управы положить 360 р., двумъ ея членамъ 480 р., секретарю 360 р., писцу 240 р. и занимающемуся нотаріальной частью 240 р., то эти оклады составятъ въ совокупности сумму, немногимъ превышающую настоящій размѣръ расхода. Слѣдуетъ еще прибавить расходъ на содержаніе волостныхъ сборщиковъ, отъ 600 до 900 р. въ годъ; но этотъ расходъ, съ упраздненіемъ сельскихъ сборщиковъ, производящихъ постоянную путаницу и растраты, навѣрное окупится для населенія, сравнительно съ тѣмъ, что стоитъ для него нынѣшняя безпорядочность взысканія сборовъ.

На содержаніе волостного суда потребуется: предсѣдателю 240 р., двумъ членамъ, полагая разовое вознагражденіе по 1 р. за каждый призывъ, 200 р., и дѣлопроизводителю суда 240 р., всего съ канцелярскими расходами и выѣздами на волостные сѣѣды до 800 р. въ годъ.

Сельскимъ или приходскимъ старостамъ, получающимъ теперь,

какъ намъ извѣстно по нѣкоторымъ губерніямъ, отъ 36 до 60 р. въ годъ, слѣдуетъ назначить 180 р.; сельскому писарю, за составленіе протоколовъ схода, веденіе счетоводства приходскихъ суммъ и веденіе именной окладной книги—180 р., и сотскимъ, считая по три на приходъ, всѣмъ—180 р.; всего на приходскій персоналъ до 600 руб. Но нужно при этомъ напомнить, что число старостъ, при сліяніи нѣсколькихъ поселеній въ одинъ сходъ, будетъ гораздо меньше настоящаго, и потому послѣдній разрядъ проектируемыхъ расходовъ не прибавитъ населенію новой тягости.

Общая сумма сборовъ на содержаніе должностныхъ лицъ можетъ быть и нѣсколько выше суммы легальныхъ сборовъ, платимой волостнымъ населеніемъ въ настоящее время. Но можно думать, что привлеченіе къ платежу мірскихъ сборовъ частныхъ владѣльцевъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеній и нотаріальные сборы могутъ покрыть этотъ излишекъ. Если же принять во вниманіе частыя растраты сборовъ сельскими сборщиками и волостнымъ начальствомъ и разныя незаконныя поборы съ сельскаго населенія, то можно надѣяться, что при проектируемомъ строѣ мѣстнаго управленія на содержаніе его органовъ населеніе ничего не приплатитъ. А еслибы при этомъ строѣ содержаніе должностныхъ лицъ и потребовало нѣкоторой приплаты, то можно съ увѣренностью сказать, что всякій охотно заплатитъ лишнее, если будетъ знать, что будетъ гарантированъ отъ постоянной неурядицы и тяжелой обстановки при взысканіи сборовъ, и что обиженному будетъ возможность доказать свою обиду и возстановитъ свое право. Для облегченія содержанія должностныхъ лицъ, возможно было бы уменьшить число волостей. Примѣръ новороссійскихъ нѣмецкихъ колоній указываетъ, что тамъ, при очень обширныхъ и населенныхъ волостяхъ, управленіе идетъ гораздо лучше, чѣмъ въ русскихъ волостныхъ правленіяхъ, а содержаніе тамъ находятъ возможнымъ платить значительно больше.

Какъ выше сказано, сельское и волостное управленіе неизбѣжно должны быть органически связаны съ земскими учрежденіями. Связь эта не можетъ быть ограничиваема контролирующею ролью земства въ дѣлѣ регулированія повинностей и разсмотрѣнія дѣлъ о подсудности волостныхъ управъ. Съ оживленіемъ дѣятельности послѣднихъ и сельскихъ сходовъ можетъ возникнуть въ близкомъ будущемъ весьма много новыхъ видовъ дѣятельности въ сельскомъ и волостномъ управленіи, много мѣропріятій на пользу населенія, объединеніе и направленіе которыхъ естественно должно взять на себя земство.

Расширеніе земской дѣятельности вызываетъ, какъ сказано уже, увеличеніе состава уѣздныхъ земскихъ собраній и, кромѣ того, оно требуетъ и измѣненія распредѣленія земскаго представительства.

Выборъ земскихъ гласныхъ долженъ быть распредѣленъ территориально, при чемъ уѣзднымъ собраніямъ слѣдуетъ представить опредѣленіе числа гласныхъ, которое долженъ избрать каждый волостной сходъ, смотря по населенности волостей и составу плательщиковъ земскихъ сборовъ. Нынѣшніе избирательные разряды, — не говоря о городскомъ представительствѣ, — должны быть вовсе отмѣнены, и выборъ въ земскіе гласные не слѣдуетъ ограничивать размѣрами имущественнаго ценза.

Мы не касаемся другихъ неудобныхъ сторонъ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, которое вообще требуетъ коренного пересмотра. Мы упомянули здѣсь только о представительствѣ въ уѣздныхъ собраніяхъ, — о вопросѣ, прямо вытекающемъ изъ содержанія настоящаго очерка.

Въ заключеніе, мы не можемъ не выразить искренняго пожеланія, чтобы та министерская коммиссія, которой будетъ поручена разработка заключеній, представляемыхъ губернскими совѣщаніями по вопросу о недостаткахъ сельскаго управленія, взглянула на дѣло какъ можно шире и не ограничилась въ этомъ вопросѣ предложеніемъ частичныхъ мѣръ, а выработала бы систему коренного преобразованія органовъ сельскаго и волостного управленія. Мы увѣрены, что эта коммиссія, при спокойной, разносторонней разработкѣ этого вопроса, не можетъ не придти къ заключенію, что оставлять нынѣшніе порядки въ селахъ и волостяхъ немыслимо; что жизнь выдвинула въ послѣднее время въ селахъ много новыхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ совершенно не по силамъ нынѣшнему персоналу сельскихъ и волостныхъ властей, и что для вмѣщенія этого новаго вина непременно нужны новыя мѣхи...

Во время нашей работы мы получили изъ одной губерніи сообщеніе о происшедшемъ тамъ совѣщаніи по интересующему насъ вопросу. Къ сожалѣнію, это совѣщаніе не слишкомъ усердно занялось этимъ важнымъ вопросомъ: оно посвятило ему только три засѣданія въ теченіе двухъ дней. Это, впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что министерская программа подвергнута была предварительной разработкѣ: она была послана на заключеніе земскихъ начальниковъ, и въ совѣщаніи по каждому вопросу программы разсматривались своды этихъ заключеній. Въ заключеніяхъ этихъ самымъ интереснымъ для насъ является то, что большинство земскихъ начальниковъ признало нынѣшній составъ должностныхъ лицъ сельскихъ и волостныхъ совершенно непригоднымъ. Это, по словамъ земскихъ начальниковъ, большею частью худшіе люди, вовсе неспособные къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Вообще, изъ ны-

нѣшняго состава сельскихъ и волостныхъ сходовъ очень трудно замѣщать должности достойными людьми, и потому земскіе начальники выражаютъ убѣжденіе, что на волостныя должности необходимо допускать лицъ всѣхъ сословій. Такое убѣжденіе, высказанное людьми, близко стоящими къ дѣлу, которыхъ, притомъ, никакъ нельзя заподозрить въ данномъ случаѣ въ тенденціозности, какъ нельзя лучше подтверждаетъ нашу мысль.

X.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1895 г.

Смерть Стамбулова.—Запоздалыя манифестаціи и обвиненія.—Политическая дѣятельность бывшаго болгарскаго диктатора и ея общіе итоги.—Болгарская депутація.—Абиссинское посольство и его возможные результаты.—Парламентскіе выборы въ Англіи и торжество новаго министерства.

Трагическая смерть Стамбулова, изрубленнаго ятаганами на улицѣ въ Софіи, положила конецъ тягостному и двусмысленному существованію бывшаго диктатора Болгаріи. Со времени своей отставки онъ находился въ положеніи травленаго волка, окруженнаго безпощадными врагами и мстителями; онъ отбивался не безъ успѣха отъ нападений политическихъ и судебныхъ, но не могъ избѣгнуть руки убійцы. Говорятъ, что онъ палъ жертвою личной мести, и это предположеніе отчасти подтверждается его собственными предсмертными указаніями на родственниковъ двухъ лицъ, пострадавшихъ по дѣлу Бельчева. Лишившись власти, онъ долженъ былъ постоянно заботиться объ охранѣ своей безопасности, не могъ показываться нигдѣ предъ публикою, держалъ въ своемъ домѣ особыхъ тѣлохранителей и въѣзжалъ не иначе, какъ въ закрытой каретѣ, въ сопровожденіи вооруженнаго слуги. Преслѣдуемый ненавистью и враждою многихъ своихъ соотечественниковъ, онъ въ то же время подвергался непріязненнымъ мѣрамъ со стороны правительства, которое впрочемъ долго не знало, какъ поступить съ нимъ: на первыхъ порахъ ему совѣтовали удалиться за границу, но онъ рѣшительно отказался, чтобы не быть обвиненнымъ въ трусости; затѣмъ грозили отдать его подъ судъ за разныя злоупотребленія, но раздумали,—въ виду возможныхъ его разоблаченій, опасныхъ для принца Фердинанда и его нынѣшнихъ министровъ; впослѣдствіи пытались привлечь его къ суду за оскорбленіе князя въ разговорѣ съ какимъ-то иностраннымъ корреспондентомъ, но оставили его на свободѣ послѣ взноса имъ значительной денежной суммы, въ видѣ залога, и самое это дѣло, столь неудачно придуманное, замали; наконецъ, опять рѣшено было назначить слѣдствіе объ его противозаконныхъ дѣяніяхъ, и подъ этимъ предлогомъ ему даже не было дозволено уѣхать для леченія въ Карльсбадъ на лѣтніе мѣсяцы. Въ поведеніи болгарскаго правительства было много неяснаго и страннаго. Свергнутый и безсильный Стамбуловъ былъ источникомъ затрудненій и безпокойства для новыхъ совѣтниковъ

принца Фердинанда; многіе боялись, что ему удастся со временемъ снова захватить власть, при наступленіи какихъ-либо внутреннихъ или вѣнскихъ замѣшательствъ. Неизвѣстные убійцы по-своему покончили съ этими тревожными вопросами, которыхъ не счумѣло прилично разрѣшить правительству.

Въ то время какъ бывший диктаторъ Болгаріи истекалъ кровью, въ болгарскомъ обществѣ и въ печати разыгралась какая-то вакханалія, противная человѣческому чувству. Надъ изувѣченнымъ тѣломъ раздавались проклятія и угрозы, которыхъ не слышно было въ такой степени даже при его жизни. Толпа не удовлетворилась его смертью; она надругалась надъ его трупомъ и не давала его похоронить спокойно. Онъ былъ убитъ, и если онъ былъ достоинъ казни, то понесъ ее въ полной мѣрѣ; а между тѣмъ за нимъ не признавали того, что признается за послѣднимъ преступникомъ, — права на молчаливое, спокойное погребеніе. Этотъ запоздалый взрывъ ненависти и злобы тѣмъ болѣе удивителенъ, что болгары имѣли несомнѣнную возможность ежедневно выражать свои чувства павшему министру, устраивать демонстраціи передъ его домомъ, громко и настоятельно требовать суда надъ нимъ, а ничего этого не дѣлалось въ послѣднее время. Люди какъ будто ждали не только его паденія, но и кончины его, чтобы дать полную волю своимъ чувствамъ. Мать одного изъ казненныхъ по дѣлу Бельчева прислала вдовѣ Стамбулова письмо, пропитанное мстительнымъ злорадствомъ; въ этомъ былъ бы глубокій трагизмъ, еслибы извѣстно было, что такіа же негодующія письма посылались этою несчастною матерью женѣ диктатора и принцу Фердинанду, пока было время спасти подсудимаго. Противорѣчія, которыми полна политическая жизнь, сказались весьма характернымъ образомъ и надъ могилою Стамбулова. Сograждане называли его злодѣемъ, для котораго мало и смертной казни; его представляютъ гнуснымъ насильникомъ, тираномъ и убійцею, а представители великихъ культурныхъ державъ воздаютъ ему послѣднія почести; иностранные государи, въ томъ числѣ императоръ Францъ-Иосифъ, обращаются къ его вдовѣ съ словами соболѣзнованія и сочувствія, говорятъ объ его заслугахъ предъ отечествомъ, и объ этихъ заслугахъ публично свидѣтельствуетъ принцъ Кобургскій, котораго сами болгары считаютъ своимъ княземъ. Кто же такой въ самомъ дѣлѣ Стамбуловъ—преступникъ ли, получившій свое справедливое возмездіе, или политическій дѣятель, заслужившій одобреніе западно-европейской дипломатіи и достойный публичной признательности со стороны своего собственного князя? Какъ совмѣстить репутацію и заслуги государственнаго человѣка съ зауряднымъ злодѣйствомъ, и почему просвѣщенная Европа въ данномъ случаѣ допускаетъ такое постыдное совмѣщеніе? Оче-

видно, въ существующихъ до сихъ поръ понятіяхъ о государственной и политической дѣятельности остается еще много смутнаго и противорѣчиваго, и за эту смутность понятій трудно винить одного Стамбулова. То, что для однихъ есть безсердечная жестокость, рисуется другимъ въ видѣ твердой охраны порядка; человекъ, хладнокровно вѣшающій и разстрѣливающій противниковъ установленной власти,—хотя бы эта власть возникла изъ насмія,—окружается ореоломъ государственности и патріотизма, тогда какъ онъ, быть можетъ, есть просто извергъ, получившій возможность безпрепятственно удовлетворять свои звѣрскіе инстинкты. Каковъ бы ни былъ однако Стамбуловъ, онъ не былъ хуже многихъ администраторовъ извѣстнаго типа, при смерти которыхъ, какъ и при жизни, не выступаетъ наружу никакое общественное негодованіе среди обычныхъ похвалъ ихъ спасительной будто бы энергіи.

Обвиненія, направленные противъ Стамбулова, были повидимому весьма опредѣленны, но и онѣ вызываютъ цѣлый рядъ недоумѣній. Если онъ дѣйствительно обвинялся въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, какъ, напримѣръ, въ насиліяхъ надъ женщинами и въ расхищеніи государственныхъ средствъ, то почему же онъ не былъ своевременно отданъ подъ судъ по жалобамъ потерпѣвшихъ и заинтересованныхъ лицъ или по требованію прокурорской власти? Больше года прошло со времени его отставки, и ничто не мѣшало судить его за такіа дѣйствія, которыя не имѣли никакой связи съ политикою и относительно которыхъ не могло быть и рѣчи о солидарности его съ принцемъ Фердинандомъ или съ тогдашними министрами. Если же Стамбуловъ былъ виновенъ въ суровой расправѣ съ противниками, въ несправедливыхъ казняхъ и пыткахъ, то какъ отдѣлать его виновность отъ отвѣтственности самого князя, подписывавшаго смертные приговоры,—не говоря уже о соучастіи товарищей по министерству, судебныхъ слѣдователей и судей? Возможно ли допустить, что свѣденія о жестокостяхъ, лично совершенныхъ или допущенныхъ Стамбуловымъ, не доходили до принца Фердинанда и до представителей иностранныхъ державъ въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Софія? Заговоры и возстанія подавлялись имъ открыто, на глазахъ всей Европы; казни совершались не иначе, какъ съ утвержденія князя, и если онъ былъ злодѣй, то не одинъ онъ заслуживалъ такого названія. Въ продолженіе восьми лѣтъ правилъ онъ Болгаріей, и крутые приемы его управления были всѣмъ хорошо извѣстны; онъ всегда дѣйствовалъ безцеремонно и рѣшительно, не разбирая средствъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей; онъ подтасовывалъ народное представительство при помощи пресловутой „палочной“ системы, ограничивалъ, насколько могъ, право публичной

критики и контроля, стѣснялъ и преслѣдовалъ оппозицію, сажалъ въ тюрьму возможныхъ нарушителей общественной и государственной безопасности, безпощадно уничтожалъ всякую попытку военного бунта или заговора, и все это носило на себѣ печать сознательной политической программы на почвѣ восточнаго самодурства и произвола. Стамбуловъ сохранилъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя турецкія черты, вмѣстѣ съ болгарскимъ упорствомъ и честолюбіемъ; онъ не останавливался предъ нарушеніемъ законовъ или какихъ-либо общественныхъ и гражданскихъ правъ, а шелъ твердо напроломъ по намѣченному пути. Онъ не былъ созданъ для правильной и законной политической дѣятельности; но и обстоятельства, при которыхъ онъ выдвинулся и дѣйствовалъ, были исключительныя, и самая Болгарія не была поставлена въ правильныя и нормальныя условія; въ странѣ не было ни опредѣленныхъ законовъ и порядковъ, ни самостоятельныхъ традицій, ни прочно организованнаго правительства, ни даже законно избраннаго и официально признаннаго князя.

Стамбуловъ выступилъ на сцену, когда князь Александръ Баттенбергскій былъ схваченъ и увезенъ за предѣлы княжества, въ августѣ 1886 года; образовавшееся правительство, съ митрополитомъ Климентомъ во главѣ, не имѣло подъ собою почвы, при общей растерянности населенія, напуганнаго неожиданнымъ переворотомъ. Въ короткое время страна пережила рядъ трудныхъ кризисовъ и событий—достигла объединенія съ Восточною Румелиєю, навлекла на себя неудовольствіе Россіи и протесты другихъ великихъ державъ, выдержала войну съ Сербією, подверглась официальной опалѣ со стороны русской дипломатіи и, наконецъ, лишилась законнаго князя, ставленника Россіи. Тяжелыя внутреннія неурядицы грозили княжеству. Русское активное покровительство, котораго требовала партія, низложившая князя Александра, считалось предвѣстникомъ военной оккупации и прочной внутренней опеки, чего рѣшительно не желали допустить Англія и Австро-Венгрія. Болгарія могла такимъ образомъ послужить поводомъ въ общей европейской войнѣ, при чемъ она рисковала прежде всего потерять достигнутое полу-независимое положеніе. Русская опека сама по себѣ, при всѣхъ хорошихъ намѣреніяхъ и побужденіяхъ державы-покровительницы, была мало популярна въ народѣ и особенно въ арміи, гдѣ мечты о болгарской самостоятельности и свободѣ получили уже реальную силу и всеобщее распространеніе. При первомъ извѣстіи объ изгнаніи князя Александра Стамбуловъ, бывший тогда предсѣдателемъ народнаго собранія и находившійся въ Тырновь, организовалъ контръ-революцію во имя легальности, вернулъ князя обратно въ Софію, далъ ему возможность устроить надлежащее правительство, въ видѣ регентства, и уста-

новилъ извѣстный законный порядокъ на мѣсто угрожавшаго хаоса, полнаго опасностей. Можно сказать, что этотъ смѣлый и быстрый шагъ Стамбулова имѣлъ громадное значеніе для всей будущности Болгаріи, избавивъ страну отъ внутреннихъ междоусобій и внѣшнихъ замѣшательствъ. По вопросу о дальнѣйшемъ устройствѣ княжества и о выборѣ новаго князя наша дипломатія должна была уже имѣть дѣло съ энергическимъ и настойчивымъ болгарскимъ правительствомъ, душою котораго былъ Стамбуловъ. Товарищи его по регентству, Каравеловъ и Муткуровъ, оставались въ тѣни, а первый былъ впоследствии устраненъ, въ виду возникшихъ разногласій. Такъ какъ тогдашняя наша политика относительно Болгаріи не отличалась опредѣленностью и ясностью ближайшихъ практическихъ цѣлей, то попытки соглашенія не могли имѣть успѣха. Важнѣйшій и наиболѣе волновавшій болгаръ вопросъ о новомъ князѣ откладывался по разнымъ формальнымъ причинамъ, и съ нашей стороны не былъ даже указанъ подходящий кандидатъ на княжескій престолъ. Неудачная миссія генерала Каульбарса довершила разладъ, и дипломатическія сношенія между Россією и Болгаріей были прекращены. Съ тѣхъ поръ Стамбуловъ окончательно повернулъ въ другую сторону и придавъ болгарской политикѣ безусловно враждебный характеръ по отношенію къ Россіи. Сторонниковъ русскаго покровительства и русской дружбы онъ представлялъ врагами отечества, измѣнниками, готовыми погубить болгарскую независимость и отдать ее въ жертву „русскому честолюбію“. Требования нашихъ дипломатовъ и газетныхъ публицистовъ объ отказѣ Болгаріи отъ состоявшагося воссоединенія съ Восточною Румелиєю, какъ несогласнаго съ берлинскимъ трактатомъ, поощряли и усиливали неприязненное намъ настроеніе болгарскихъ патриотовъ. Отречься отъ Россіи было тѣмъ легче, что она сама отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ болгарскія дѣла и не имѣла даже своихъ представителей въ княжествѣ. Стамбуловъ обезпечилъ Болгаріи могущественную поддержку Англіи, Австро-Венгріи и отчасти Германіи, поставилъ княземъ одного изъ представителей знаменитаго дома Кобурговъ, внука короля Луи-Филиппа и близкаго родственника англійской королевской фамиліи, укрѣпилъ новую княжескую династію облегченіемъ брака принца Фердинанда съ католическою принцессою при помощи пересмотра болгарской конституціи, вступилъ въ дружественныя отношенія съ Турцією и добился отъ нея крупныхъ уступокъ и льготъ для болгаръ въ Македоніи, былъ съ почетомъ принятъ въ Константинополь султаномъ и въ Вѣнѣ императоромъ Францомъ-Иосифомъ, въ качествѣ руководящаго министра самостоятельной *de facto* державы, и подготовилъ всѣ условія для дѣйствительнаго общаго признанія политической независимости Болгаріи. Изъ этого видно,

что, кромѣ уголовныхъ преступленій и разныхъ злѣвѣствъ, онъ занимался еще многимъ другимъ и не безъ успѣха. Если оставить въ сторонѣ его вражду къ Россіи, задѣвавшую насъ въ сущности очень мало, то нужно сознаться, что современное, безспорно выгодное и прочное политическое положеніе объединенной и почти вполне независимой Болгаріи есть въ значительной мѣрѣ дѣло рукъ Стамбулова. Объединеніе съ Восточною Румеліею сдѣлалось при немъ безповоротно совершившимся фактомъ, и никто уже не думаетъ о восстановленіи нарушеннаго берлинскаго трактата по этому пункту, о чемъ серьезно разсуждали дипломаты и газеты еще пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Принцъ Фердинандъ, избраніе котораго казалось на первыхъ порахъ крайне шаткимъ и эфемернымъ, уже восьмой годъ сидитъ спокойно на своемъ мѣстѣ и аккуратно исполняетъ роль настоящаго болгарскаго князя; всѣ мало-по-малу привыкли смотрѣть на него какъ на официального правителя Болгаріи и даже старые дѣятели руссофильской оппозиціи, начиная съ Драгана Цанкова, примирились съ личностью князя и перестали думать объ исканіи новаго кандидата на его мѣсто. Принцъ успѣлъ уже снискать съ болгарами, усвоивъ отчасти ихъ языкъ, обзавелся наслѣдникомъ съ славянскимъ именемъ Бориса и своимъ ровнымъ мягкимъ характеромъ приобрѣлъ, повидимому, серьезныя симпатіи въ болгарскомъ обществѣ, безъ различія партій; онъ не навязываетъ своихъ идей министрамъ, не раздражаетъ противниковъ, со всѣми по возможности ладитъ и никому вообще не мѣшаетъ, а главное—не служитъ въ тягость народу, какъ бывшій сербскій король Миланъ. Выборъ, сдѣланный Стамбуловымъ, оправдался на опытѣ: Болгарія имѣетъ опредѣленную и вполне приличную династію, такъ что вопросъ о преемникѣ Александра Ваттенбергскаго разрѣшился довольно удовлетворительно и прочно. Теперь идутъ толки о примиреніи болгаръ съ Россіею, и дѣною этого примиренія считается уже не удаленіе принца Фердинанда, а напротивъ, утвержденіе его посредствомъ формальнаго переизбранія и затѣмъ признанія его великими державами. Примирительныя попытки исходятъ отчасти отъ самого принца и имѣютъ въ немъ убѣжденнаго сторонника; и если соглашеніе состоится, то вѣроятно именно съ нимъ и при его ближайшемъ участіи, такъ какъ онъ наиболѣе заинтересованъ въ урегулированіи своего международнаго положенія и въ установленіи правильныхъ дипломатическихъ сношеній съ Россіею и съ другими европейскими государствами. О проектахъ насильственныхъ переимѣнъ, заговоровъ и возстаній нѣтъ и помину въ Болгаріи въ настоящее время; давно также прекратились и потеряли смыслъ прежніе толки объ иноземномъ вмѣшательствѣ и оккупаци. Болгарія стала самостоятельнымъ политическою силою,

къ которой нельзя уже относиться съ пренебреженіемъ; она заняла свое опредѣленное мѣсто въ расчетахъ и комбинаціяхъ европейской политики, и никто не сомнѣвается, что этому энергическому, твердо и сознательно направляемому народу принадлежитъ будущее на Балканскомъ полуостровѣ. Болгарія на дѣлѣ доказала свое право на независимое политическое существованіе и свою способность къ самостоятельному внутреннему росту и развитію; она наглядно опровергла предположенія тѣхъ, которые рассматривали ее какъ удобный матеріалъ для дипломатическихъ и военно-дипломатическихъ мѣропріятій. Таковы разнообразныя и существенныя результаты восьмилѣтняго правленія Стамбулова.

Чтобы безпристрастно оцѣнить эти результаты, достаточно сравнить современное положеніе Болгаріи съ положеніемъ Сербіи. Обстоятельства были несравненно болѣе благопріятны для сербовъ, чѣмъ для болгаръ: сербы имѣли своихъ законныхъ національныхъ правителей, не навлекали на себя грозной политической опалы, не находились подъ страхомъ военной оккупациі и пользовались хорошими отношеніями съ дипломатіею великихъ европейскихъ державъ. Чѣмъ же сдѣлалась Сербія при королѣ Миланѣ и что она представляетъ собою въ настоящее время? Есть ли признаки какого-либо политическаго плана и смысла въ крутыхъ мѣрахъ бывшаго короля и въ частыхъ государственныхъ переворотахъ, устроенныхъ самою властью? Сербскіе правители прибѣгали нерѣдко къ такимъ же насиліямъ и беззаконіямъ, какъ и Стамбуловъ, но они не имѣли для себя тѣхъ оправданій, которыя заключались въ исключительныхъ обстоятельствахъ болгарскаго княжества. Въ сербской такъ называемой политикѣ не видно руководящихъ практическихъ идей и ясно сознаваемыхъ государственныхъ цѣлей, а борьба ведется на почвѣ партійныхъ и личныхъ интересовъ, въ которыхъ трудно разобраться постороннему наблюдателю. Королевская власть проявляетъ энергію и рѣшительность въ неожиданныхъ переходахъ отъ одной партіи къ другой, въ частой перемѣнѣ законовъ и министровъ, въ сомнительныхъ финансовыхъ сдѣлкахъ съ заграничными банками, и внутреннее состояніе Сербіи все болѣе ухудшается съ каждымъ годомъ, насколько можно судить по имѣющимся свѣденіямъ. Ни одного крупнаго политическаго успѣха не достигла Сербія за послѣднее десятилѣтіе; внѣшняя исторія ея за этотъ періодъ носитъ на себѣ печать чего-то мелкаго и безплоднаго, несмотря на безспорную талантливость и симпатичность многихъ сербскихъ дѣятелей. Болгарія далеко переросла Сербію во всѣхъ отношеніяхъ и оттѣснила ее совершенно на задній планъ, а между тѣмъ было время, когда сербы готовили своему отечеству почетную роль балканскаго Піемонта. Тем-

ныя стороны стамбуловскаго режима процвѣтали и въ Сербіи, хотя тамъ не было лже-князя и лже-министровъ; но то, что составляло главную силу болгарскаго диктатора, отсутствовало въ сербскомъ правительствѣ, чѣмъ и объясняется громадная разница въ нынѣшнемъ положеніи обѣихъ странъ.

Въ рѣзкихъ осужденіяхъ Стамбулова наши патриотическія газеты руководствуются, повидимому, весьма похвальнымъ чувствомъ: оубъ относятся къ нему враждебно изъ патриотизма, такъ какъ онъ былъ врагъ Россіи. Однако, наша печать ссылается обыкновенно не на этотъ мотивъ, а на его возмутительную палочную систему управленія и на жестокость въ расправѣ съ противниками. Если держаться этой почвы спора, то нападки на Стамбулова со стороны такихъ газетъ, какъ „Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“, не могутъ быть искренними. Наши лже-консервативные публицисты не одобряютъ палокъ, а предпочитаютъ розгу или плеть; но въ сущности они ничего не имѣютъ и противъ палокъ, и даже противъ болѣе внушительныхъ орудій, когда дѣло идетъ о воспитаніи добрыхъ чувствъ въ народѣ. Ничего не имѣютъ эти публицисты и противъ суровыхъ казней, какъ признались они еще недавно по поводу судебного процесса противъ крестьянъ, возставшихъ противъ чересовъ-лѣсныхъ изъ-за лишняго удара нагайкою. Очевидно, „Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“ должны чувствовать полную симпатію къ тѣмъ правительственнымъ приемамъ, которые ставятся въ вину Стамбулову и которые выражаются въ извѣстной организациі палочниковъ, въ устрашающихъ казняхъ и насиліяхъ. Почтенные публицисты осуждаютъ Стамбулова только потому, что онъ служилъ лже-князю, а не настоящему законному правителю, въ родѣ короля Милана, и еще потому, что свое палочное искусство онъ пускалъ въ ходъ не въ томъ направленіи, въ какомъ было имъ желательно. Еслибы принцъ Фердинандъ былъ признанъ Европою и еслибы его премьеръ слѣдовалъ во внѣшней политикѣ указаніямъ нашихъ патриотовъ, то энергическіе поступки Стамбулова краснорѣчиво превозносились бы ими и причислялись бы къ великимъ заслугамъ его предъ отечествомъ. Газеты, пожалуй, требовали бы тогда новыхъ мѣръ обузданія противъ болгаръ, позволившихъ себѣ назвать гнуснымъ убійцею и злодѣемъ законно назначеннаго министра болгарскаго князя Фердинанда, который занимаетъ свой княжескій постъ съ одобренія Европы и Россіи. Такъ все относительно и условно въ сужденіяхъ лже-патриотической печати. Стамбуловъ примѣнялъ во внутренней политикѣ тѣ самыя принципы, которые неустанно рекомендуются читателямъ на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“, и за это онъ провозглашается злодѣемъ. Быть можетъ, Стамбуловъ виноватъ лишь

тѣмъ, что принималъ слишкомъ буквально обычные совѣты и рецепты названныхъ газетъ. То, что другіе пишутъ хладнокровно для упражненія въ благонамѣренномъ усердіи, онъ проводилъ на практикѣ съ настойчивостью своей страстной природы, и какъ бы ни увлекался онъ подъ вліяніемъ живой политической борьбы, судить и осуждать его не подобаетъ проповѣдникамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“. Для Болгаріи Стамбуловъ былъ все-таки выдающимся политическимъ дѣятелемъ, несмотря на пробѣлы своего нравственнаго воспитанія и на недостатки своего природнаго темперамента. Онъ былъ открытый врагъ Россіи, но для собственной своей страны онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ всѣ остальные представители болгарскаго патриотизма въ совокупности. Онъ исполнилъ свою задачу и долженъ былъ сойти со сцены, чтобы уступить мѣсто болѣе умѣреннымъ и спокойнымъ людямъ. При всемъ отвращеніи къ нѣкоторымъ его подвигамъ, нельзя не видѣть, что это была крупная оригинальная личность и что онъ игралъ первостепенную творческую роль въ новѣйшей политической исторіи Болгаріи.

Убіеніе Стамбулова произошло какъ разъ въ то время, когда въ Петербургѣ находилась болгарская депутація, прибывшая съ очевидною цѣлью подготовить почву для восстановленія порванныхъ отношеній между Болгаріею и Россіею. Нѣкоторые признаки даютъ основанія заключить, что депутація, предводимая митрополитомъ Климентомъ, имѣла успѣхъ и что желанное забвеніе прошлаго не заставитъ себя долго ждать. Дипломатическій разрывъ съ Болгаріею былъ съ нашей стороны ошибкою: мы добровольно лишили себя возможности вліять на ходъ болгарскихъ дѣлъ и очистили поле для безраздѣльнаго владычества иностранной дипломатіи, преимущественно австрійской и англійской, въ значительнѣйшей части Балканскаго полуострова. Чѣмъ скорѣе установятся у насъ нормальныя дружественныя связи съ болгарскимъ народомъ, тѣмъ лучше для общихъ интересовъ мира на европейскомъ юго-востокѣ. По крайней мѣрѣ изъ нашей печати исчезнетъ тотъ непріятный фальшивый тонъ, въ какомъ говорилось до сихъ поръ о Болгаріи и болгарскихъ дѣлахъ.

Одновременно съ болгарскою депутаціею гостило у насъ абиссинское посольство, которымъ публика наша интересовалась не менѣе, если не болѣе, чѣмъ болгарами. Газетные патриоты придавали особенное значеніе тому религиозному единству, которое сближаетъ насъ съ абиссинцами, — хотя знатоки богословія утверждаютъ, что есть, напротивъ, значительное различіе, въ виду принадлежности абиссинцевъ къ догматическому ученію, нѣкогда осужденному церковными собо-

рами. Можетъ быть, со временемъ абиссинцы и сдѣлаются православными, но это обстоятельство едва-ли создастъ намъ какіе-либо общіе интересы съ ихъ отечествомъ. Намъ нечего искать въ Африкѣ, и наша дружба съ негусомъ Менеликомъ останется, конечно, безъ всякихъ практическихъ послѣдствій. Но для Абиссиніи и негуса Менелика отправленіе посольства въ Россію имѣло уже одинъ непріятный результатъ: оно возбудило неудовольствіе въ Италіи и дало поводъ итальянскому правительству угрожать абиссинцамъ войною и завоеваніемъ. Наши газеты почему-то обрадовались этому раздраженію итальянцевъ, такъ какъ Италія принадлежитъ къ одному лагерю съ Англією и Австро-Венгерією, а причинить непріятность возможнымъ противникамъ считается вообще хорошимъ дѣломъ въ политикѣ. Мы не думаемъ однако, чтобы рады были и нынѣшніе наши друзья, абиссинцы; для нихъ итальянскія угрозы могутъ оказаться весьма чувствительными, если даже предположить, что онѣ не скоро будутъ приведены въ исполненіе или не приведутъ къ ожидаемымъ побѣдамъ. Правительство Италіи считаетъ, что Абиссинія находится подъ ея протекторатомъ и не имѣетъ права вступать въ самостоятельныя официальныя сношенія съ чужими государствами, такъ что самый фактъ отправленія посольства въ Россію могъ быть принятъ за вызовъ, свидѣтельствующій о враждебныхъ намѣреніяхъ негуса Менелика. Послѣдній, съ своей стороны, не знаетъ и не признаетъ итальянскаго протектората, который является такимъ образомъ предметомъ недоразумѣнія. Весь споръ о протекторатѣ основанъ на противорѣчивомъ толкованіи договора, заключеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ между абиссинскимъ негусомъ и итальянскими уполномоченными. Подлинный текстъ договора переведенъ не совсѣмъ точно на итальянскій языкъ, и на этихъ неточностяхъ построены взгляды итальянской дипломатіи на нынѣшнее международное положеніе Абиссиніи, вопреки своевременнымъ протестамъ негуса. Объ абиссинскомъ посольствѣ прямо не упоминалось въ заявленіяхъ министра иностранныхъ дѣлъ Блана и министра-президента Крипси, но воинственный тонъ ихъ рѣчей въ парламентѣ имѣлъ несомнѣнную связь съ незаконнымъ будто бы пребываніемъ абиссинскихъ гостей въ Петербургѣ. Предвидѣлъ ли негусъ Менеликъ, что рѣшеніе его послать депутацію въ далекую сѣверную страну можетъ имѣть послѣдствіемъ разрывъ и войну съ Италією? Или, быть можетъ, онъ столь же невѣрно представляетъ себѣ значеніе русской дружбы, какъ и смыслъ подписаннаго имъ трактата съ итальянскимъ правительствомъ? Для избѣжанія возможныхъ ошибокъ съ его стороны слѣдовало бы нашей печати не говорить слишкомъ положительно о русскихъ симпатіяхъ къ Абиссиніи и указывать на опасность для нея вооружен-

наго столкновѣніа съ Италією, ибо абиссинцы не могутъ справиться съ европейскими войсками и должны скорѣе разсчитывать на тягости похода для итальянцевъ, на дѣйствіе климата и прочихъ естественныхъ условій, чѣмъ на собственныя свои силы. Было бы очень печально, еслибы невинное желаніе абиссинцевъ завязать извѣстныя сношенія съ Россією навлекло на нихъ непріятельское нападеніе, и было бы еще печальнѣе, еслибы они почему-либо надѣялись на нашу военную помощь, о которой въ дѣйствительности не можетъ быть и рѣчи.

Парламентскіе выборы, происходившіе въ Англіи послѣ распущенія палаты общинъ, окончились полнымъ разгромомъ приверженцевъ бывшаго министерства лорда Розбери. Новый кабинетъ получилъ такое подавляющее большинство въ парламентѣ, какого давно уже не имѣло правительство въ Англіи. Многие видные дѣятели либеральной партіи потерпѣли фіаско или только съ трудомъ попали въ палату; самъ предводитель либераловъ, сэръ Вильямъ Гаркортъ, не былъ избранъ въ своемъ первоначальномъ округѣ и долженъ былъ принять предложеніе баллотироваться въ другомъ мѣстѣ, гдѣ успѣхъ былъ обезпеченъ ему заранѣе. Бывшій министръ по дѣламъ Ирландіи, Джонъ Морлей, подвергся неудачѣ, и съ нимъ надолго падаетъ надежда осуществить проектъ ирландской автономіи. Побѣдители ликуютъ; „Times“ ждетъ великихъ благъ для страны отъ этого поразительнаго торжества министерства лорда Сольсбери.

Такой исходъ избирательной борьбы зависѣлъ отъ многихъ и разнообразныхъ условій. Послѣдній либеральный кабинетъ не имѣлъ никакой программы и очутился предъ общественнымъ мнѣніемъ безъ опредѣленнаго знамени, безъ руководящихъ идей и даже безъ авторитетныхъ вождей. Кандидаты, принадлежавшіе къ бывшей правительственной партіи, не могли сослаться на ея заслуги и успѣхи въ области практической политики, ибо кромѣ безцвѣтныхъ колебаній и противорѣчій ничего не представляла собою дѣятельность таеъ называемаго либеральнаго министерства. Они не могли также сослаться на общіе либеральные принципы, ибо выразители этихъ принциповъ существуютъ и въ противоположномъ лагерѣ. Распределеніе партій и группъ настолько измѣнилось, что теперь нельзя уже говорить о борьбѣ между либералами и консерваторами. Лордъ Сольсбери одержалъ побѣду не какъ представитель консерватизма, а какъ глава коалиціи, состоящей изъ консерваторовъ, умѣренныхъ либераловъ и прогрессистовъ, подъ общимъ именемъ уніонистовъ. Соединеніе этихъ разнородныхъ элементовъ произошло на почвѣ ирландскаго вопроса: противники парламентской самостоятельности Ирландіи, сторонники

сохраненія безусловнаго государственнаго единства, образовали обширную, сложную группу, которая съ тѣхъ поръ сплотилась и образовала новую постоянную партію, взамѣнъ прежней консервативной. Въ этой уніонистской партіи за-одно съ лордомъ Сольсбери дѣйствуютъ либеральный герцогъ Девоншайрскій (прежде маркизъ Гартингтонъ), умеренный либераль Гюшенъ и бывший радикаль Чамберленъ. Уніонистамъ противостоятъ разрозненные элементы либеральнаго лагеря, остатки прежней партіи Гладстона, въ союзѣ съ значительною частью ирландскихъ представителей. Уніонистскія газеты называютъ эту партію сепаратистскою, а не либеральною. Въ настоящее время не обсуждался вовсе вопросъ о будущей организаціи Ирландіи, и онъ не былъ предложенъ избирателямъ, чтобы дать имъ случай высказаться въ ту или другую сторону посредствомъ избранія соответственныхъ кандидатовъ. Тѣмъ не менѣе, старый предметъ спора сохранилъ для этихъ выборовъ значеніе фирмы, подъ прикрытіемъ которой должна была рѣшиться судьба обѣихъ партій на предстоящій парламентскій періодъ. Проектъ ирландской автономіи не былъ поставленъ на очередь, и мало кто думалъ о немъ серьезно, кромѣ развѣ самихъ ирландцевъ, и однако выборы происходили такимъ образомъ, какъ будто дѣло по прежнему идетъ о защитѣ уніи отъ предполагаемыхъ сепаратистовъ. Эта двусмысленная постановка избирательной кампаніи привела къ тому, что избиратели подавали свои голоса, независимо отъ принадлежности кандидатовъ къ сторонникамъ или противникамъ ирландской автономіи, руководствуясь лишь мѣстными и общими соображеніями о преимуществахъ того или другого выбора. Многія лица либеральнаго направленія выбирали единомышленниковъ Чамберлена или Гартингтона, не какъ уніонистовъ, а какъ либераловъ, предпочитая новыхъ, болѣе энергическихъ людей тѣмъ вѣлымъ дѣятелямъ, относительно которыхъ публика по неволѣ разочаровалась. Уже одинъ тотъ фактъ, что подъ именемъ уніонистовъ выступали три партіи и между прочимъ либерально-прогрессистская, давалъ имъ огромныя естественныя преимущества предъ противниками, не составлявшими даже одной цѣльной партіи. Перспектива дальнѣйшаго существованія министерства лорда Розбери и сэра Гаркорта не могла соблазнить даже либераловъ, и понятная жажда переменъ сказалась въ рѣшительномъ торжествѣ политическихъ элементовъ, группировавшихся около лорда Сольсбери. Побѣда одержана не консерваторами, а по тому и политика новаго кабинета не можетъ быть консервативною, даже въ англійскомъ смыслѣ этого слова.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1895 г.

— Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1892 годъ. Спб. 1895.

За послѣдніе годы отчеты Имп. Публичной Библиотеки выходятъ большими томами, которыхъ требуютъ подробное описаніе поступающихъ въ нее рукописныхъ и печатныхъ коллекцій и довольно обширныя приложения съ извлеченіями изъ новыхъ ея матеріаловъ. Давно мы замѣчали также, что за послѣдніе годы совершенно измѣнился и характеръ поступающаго въ Библиотеку матеріала: старыя рукописи дѣлаются все большею рѣдкостью (за 1892 годъ приобрѣтено всего нѣсколько такихъ рукописей, и старѣйшею является лишь отрывокъ XIII-го вѣка); въ замѣвъ того являются рукописи позднѣйшія, XVIII-го и XIX-го вѣка, доходящія почти до рукописей современныхъ. Повидимому, старина окончательно истощается.

На первомъ планѣ находимъ въ Отчетѣ описаніе такихъ новѣйшихъ коллекцій, которыя могутъ представить свой не малый интересъ особливо для историковъ новѣйшей литературы. Таково обширное собраніе бумагъ Державина, переданное въ Библиотеку покойнымъ Я. К. Гротомъ, который уже воспользовался ими въ извѣстномъ изданіи Державина. Въ этомъ большомъ собраніи сбереглось множество разнородныхъ бумагъ и печатныхъ листовъ — бумагъ дѣловыхъ, писемъ, стихотвореній разныхъ авторовъ, разнаго рода замѣтокъ, которыя въ своемъ непосредственномъ видѣ сохраняютъ нерѣдко своеобразный, иногда курьезный колоритъ времени. Бумаги переплетены томами, и рядомъ съ рукописями здѣсь находятся также печатныя вещи. Отчетъ перечисляетъ тѣ изъ этихъ печатныхъ вещей, которыхъ не было въ Библиотекахъ и которыхъ не находится также въ „Опытѣ российской библиографіи“ Сопикова—самомъ обширномъ каталогѣ книгъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Оказывается, что въ „Опытѣ“ нѣтъ цѣлаго ряда твореній XVIII-го вѣка, которыя могутъ значительно обогатить исторію нашего псевдо-классическаго стихо-

творства: въ бумагахъ Державина сохранилось множество невѣдомыхъ донныѣ одѣ и подобныхъ писаній на разные торжественные случаи, пѣсень, романсовъ и т. д. (см. Отчетъ, стр. 49, 58, 62, 70, 73, 77, 87, 91, 93, 95). Кроме того, здѣсь нашлась „Пѣсна Свѣтлѣйшему Бнязю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому, спевана отъ Србскогъ Народа на Измаилъ“, напечатанная въ Петербургѣ въ 1791, и также не имѣвшееся въ Библиотекѣ печатное приглашеніе на открытіе Дружескаго Общества, на латинскомъ и русскомъ языкѣ. Русскій текстъ—слѣдующій: „Дружеское Ученое Общество съ досто-должнымъ высокопочитаніемъ приглашаетъ симъ и проситъ именитѣй-шихъ любителей наукъ и покровителей учености удостоить своимъ присутвіемъ торжественное его открытіе, имѣющее быть въ домѣ его высокородія, Петра Алексѣевича Татищева, ноября 6-го дня 1782 года“. Татищевъ былъ важнымъ лицомъ въ тогдашнемъ масон-скомъ союзѣ въ Москвѣ, къ которому принадлежалъ Новиковъ. Далѣе, Публичною Библиотекою приобрѣтено собраніе рукописей Болотова, автора извѣстныхъ Записокъ; большое собраніе автографовъ и дру-гихъ бумагъ поэта Батюшкова и матеріаловъ для его биографіи. Для историковъ литературы представляютъ очень большой интересъ бумаги и брошюры, „хранившіяся до того времени въ департаментѣ народ-наго просвѣщенія“ и поступившія теперь въ Библиотеку изъ мини-стерства просвѣщенія. Это цѣлая масса матеріаловъ, имѣющихъ отно-шеніе главнымъ образомъ къ исторіи цензуры (Отчетъ, стр. 140—181). Во-первыхъ, находимъ здѣсь „Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ мини-стерства народнаго просвѣщенія“, въ вѣдомствѣ котораго находилась цензура въ прежнее время (4 тома). По словамъ Отчета, онѣ „пред-ставляютъ собою сборникъ извлеченныхъ изъ дѣлъ министерства на-роднаго просвѣщенія, за время съ 1828 по 1857 годъ, всеподдан-нѣйшихъ докладовъ министра народнаго просвѣщенія по цензурѣ, съ Высочайшими резолюціями по этимъ докладамъ, распоразженій самого министра народнаго просвѣщенія, отношеній къ нему другихъ министровъ, главноуправляющихъ отдѣльными частями и комитета 2-го апрѣля 1848 года, представленій предсѣдателей цензурныхъ комитетовъ, а также выписокъ изъ журналовъ засѣданій главнаго управленія цензуры:—и содержать богатый матеріалъ для исторіи цензуры и литературы за указанное время“. Выписки расположены здѣсь въ систематическомъ порядкѣ, по слѣдующимъ отдѣламъ, ука-зывающимъ, на какіе разнообразныя предметы направлена была бди-тельность цензуры:—религія; царствующій домъ; администрація; нрав-ственность; политика; университеты; военная часть; военно-учебныя заведенія; министерство финансовъ; министерство внутреннихъ дѣлъ; министерство юстиціи; почтовое министерство; печатаніе статей по

вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія; рукописи и книги, подлежащія разсмотрѣнію II Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; управленіе путями сообщенія и публичными зданіями; опекунскій совѣтъ; дѣтскіе пріюты; коммиссія о построеніи Исаіевскаго собора; отчеты по духовной части; императорское человеколюбивое общество; финляндское княжество; Кавказъ и Сибирь; полемика; театр; медицина; лица, представляющія статьи и книги къ печатанію, должны быть извѣстны правительству; классики; чиновники; крестьяне; преступныя идеи; раздробленіе Россіи; изданіе газетъ, журналовъ, сборниковъ и проч.; афиши и объявленія; безденежный пріемъ и разсылка экземпляровъ. Замѣтимъ, что въ описаніи другого сборника той же коллекціи (стр. 142, 143) есть ошибка въ годѣ относительно „Современника“: въ 1844 году Панаевъ не былъ редакторомъ этого журнала. Въ томъ же описаніи замѣчательно упоминаніе о письмѣ А. С. Норова къ герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому отъ 1850 года по поводу измѣненій, сдѣланныхъ цензоромъ въ „Memoires de la Société Impériale de Numismatique“ (?). Еще въ другомъ сборникѣ матеріаловъ, относящихся къ цензурѣ, любопытно официальное отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія отъ начальника главнаго морского штаба, князя А. С. Меншикова, по поводу одной ошибки, найденной послѣднимъ въ статьѣ академика Бера объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ Россіи, въ первой книжкѣ „Записокъ Географическаго Общества“, 1846: князь Меншиковъ „просилъ подвергнуть изысканію цензора, автора статьи и переводчика“ (стр. 171). Для біографіи Шевырева и исторіи Московскаго университета важны пріобрѣтенныя Библіотекою бумаги С. П. Шевырева. Наконецъ, для исторіи нашей литературы и общественности за недавнее время будутъ въ высокой степени интересны бумаги И. С. Аксакова. Мы читаемъ въ Отчетѣ: „По Высочайшему повелѣнію, согласно желанію камеръ-фрейлины Ея Императорскаго Величества Д. Θ. Тютчевой, переданъ на храненіе въ Императорскую Публичную Библіотеку ящикъ съ бумагами, оставшимися послѣ И. С. Аксакова, съ предоставленіемъ Библіотекѣ, по истеченіи десяти лѣтъ со дня его кончины, послѣдовавшей 27-го января 1886 года, права вскрыть этотъ ящикъ и возбудить ходатайство о разрѣшеніи издать переписку равныхъ лицъ съ Аксаковымъ“ (стр. 9). вмѣстѣ съ тѣмъ Д. Θ. Тютчева передала въ собственность Императорской Публичной Библіотекѣ принадлежащее ей право литературной собственности на всѣ рукописи, письма, изданія и сочиненія И. С. Аксакова, „доставшаяся ей по наслѣдству отъ ея сестры, Анны Ѳеодоровны Аксаковой, рожденной Тютчевой, а сей послѣдней по духовному завѣщанію ея мужа, И. С. Аксакова“. Г-жа Тютчева, между прочимъ, поставила

условіемъ, чтобы Публичная Библиотека не уступала частнымъ лицамъ этого права литературной собственности, а также заботилась, чтобы сочиненія, письма и бумаги И. С. Аксакова постоянно находились въ продажѣ, и въ своемъ пользованіи этимъ правомъ литературной собственности давала свидѣнія въ годовыхъ отчетахъ Библиотеки; для осуществленія этого права г-жа Тютчева передала въ Библиотеку всѣ имѣвшіеся у нея документы по продажѣ сочиненій И. С. Аксакова и также капиталъ слишкомъ въ 2.000 рублей. (стр. 333—334).

Наконецъ, въ приложеніяхъ къ Отчету (стр. 1—167) помѣщено значительное число писемъ русскихъ историческихъ лицъ и писателей, между прочимъ письма императора Александра I, митрополита Филарета, Хемницера, Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина, Н. Ф. Павлова, письма Гоголя къ Шевыреву, и др.

— Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1895.

Обстоятельныя біографіи крупныхъ историческихъ дѣятелей и писателей бываютъ для читателя однимъ изъ наилучшихъ способовъ проникнуть въ подробности извѣстной исторической эпохи или литературнаго періода: судьба отдѣльнаго лица даетъ возможность именно понять непосредственное вліяніе событій, политическаго и культурнаго положенія на личную жизнь, и съ другой стороны въ біографіи всего яснѣе раскрывается значеніе передовыхъ людей въ общественной жизни, литературѣ или наукѣ. Автобіографія Гервинуса является тѣмъ болѣе кстати въ нашей литературѣ, что мы уже имѣемъ переводъ одного изъ главныхъ произведеній этого ученаго— „Исторіи XIX столѣтія“ (хотя не совсѣмъ вполнѣ), а также переводъ его книги о Шекспирѣ. Гервинусъ (1805—1871) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ нашего вѣка; его дѣятельностью была профессура, но, какъ человекъ извѣстныхъ убѣжденій, онъ имѣлъ въ свое время не малое вліяніе на складъ общественныхъ и политическихъ идей въ нѣмецкомъ обществѣ; нѣкогда проповѣдникъ національнаго объединенія Германіи самостоятельными силами политическаго сознанія и въ духѣ общественной свободы, онъ въ концѣ своей жизни былъ свидѣтелемъ дѣяній Бисмарка и свидѣтелемъ объединенія Германіи силою желѣза и крови,—это было совсѣмъ не то, что составляло его идеаль, и онъ не усумнился высказать свои взгляды въ то время, когда вся Германія была въ чадѣ милитаризма. Какъ и слѣдовало ожидать, на него посыпались обвиненія въ недостаткѣ патриотизма, чуть не въ

замѣтъ. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Автобіографія такого человека не можетъ не представлять большого интереса, потому что на развитіи дѣятельности Гервинуса можно было бы въ особенности слѣдить, кромѣ личной исторіи ученаго, и это возростаніе идеи германскаго національнаго единства, какъ она понималась просвѣщеннѣйшими людьми середины столѣтія. Личная исторія также любопытна: рассказъ Гервинуса объ его жизни дома, объ его школѣ, есть характерная картина нѣмецкихъ нравовъ, и именно тѣхъ глубокихъ инстинктовъ культуры, которые составляютъ основу высокаго процвѣтанія нѣмецкой литературы и науки. Гервинусъ вышелъ изъ семьи простаго кожевника (въ Дармштадтѣ), дѣла котораго шли иногда хорошо и семья пользовалась умѣреннымъ достаткомъ, а иногда плохо, вслѣдствіе бурныхъ событій того времени, и семья бывала почти въ бѣдности: это не помѣшало отцу позаботиться объ ученѣи сына, сильное дарованіе котораго вскорѣ выдвинуло его въ первые ряды нѣмецкой исторической науки.

Къ сожалѣнію, автобіографія доведена только до конца тридцатыхъ годовъ, когда послѣ Гейдельберга Гервинусъ получилъ профессору въ Гёттингенѣ. Въ одномъ изъ приложеній досказана въ нѣсколькихъ словахъ дальнѣйшая біографія Гервинуса, но для русскаго читателя были бы желательны болѣе подробныя свѣденія объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ нѣмецкой науки.

— Этюдъ о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Н. А. Рубкина. Сиб. 1895.

Одно изъ самыхъ симпатичныхъ явленій нашей литературы за послѣдніе (уже многіе) годы есть то усиленное вниманіе, которое посвящается вопросамъ народнаго образованія, школы, театра, и наконецъ народнаго чтенія. Извѣстны тѣ громадныя труды, въ которыхъ собраны были свѣденія именно по вопросу: чтѣ читать народу? Извѣстна настойчивая проповѣдь многихъ друзей народнаго образованія о необходимости усиленныхъ работъ въ помощь народной школѣ,—заботы, которыя они ставятъ даже въ обязанность, въ долгъ интеллигенціи народу. Вопросъ о народномъ образованіи есть несомнѣнно одинъ изъ самыхъ существенныхъ, жизненныхъ вопросовъ, какіе только есть въ настоящее время, одинъ изъ основныхъ интересовъ не только народа собственно, но и самого государства: взятый въ своемъ настоящемъ серьезномъ значеніи, это есть не только вопросъ народнаго благосостоянія, которое оставляетъ очень многого желать, но даже прямо вопросъ народнаго самосохраненія—при той

страшной политической и экономической конкуренціи, которая едва ли когда выростала до такихъ размѣровъ, какъ теперь, выражаясь наглядно невиданными никогда прежде вооруженіями. Очевидно, направляются всѣ народныя силы для какихъ-то дѣяній политической и экономической алчности, и уже для отпора этимъ все возрастающимъ ея размѣрамъ нужно развитіе національныхъ силъ, которое безъ успѣховъ народнаго образованія невозможно; но еще больше эти успѣхи были бы необходимы для благоустройства внутренней жизни, нужды которой съ каждымъ днемъ сказываются все больше и больше. Испытанія послѣднихъ лѣтъ указали необходимость особливаго попеченія о народномъ хозяйствѣ, для котораго окончились времена патриархальныхъ порядковъ прежняго времени: и здѣсь забота о народной школѣ является опять элементарной потребностью... Не должно заблуждаться и въ томъ, будто въ этихъ заботахъ о школѣ нуждается только народъ; образовательный уровень такъ называемаго „общества“—всѣхъ тѣхъ слоевъ населенія, которые не дѣлать народнаго труда и стоять выше народа по сословному положенію—этотъ уровень такъ невысокъ, что на своихъ крайнихъ ступеняхъ мало отличается отъ полного невѣжества... Не однажды приводимы были статистическія цифры учащейся доли нашего населенія съ подобными цифрами у другихъ народовъ, и сравненіе указывало настоящую нищету нашего образованія.

Важность этого вопроса такова, что онъ заслуживаетъ постоянныхъ и разнородныхъ изслѣдованій, которыя, быть можетъ, приведутъ его наконецъ въ общее совнаніе: только тогда, конечно, и можно будетъ ожидать его здороваго, правильнаго рѣшенія. Важно прежде всего выяснить дѣйствительное положеніе вещей, и одну часть подобнаго объясненія взявъ на себя авторъ настоящей книги.

Въ предисловіи г. Рубакинъ вспоминаетъ траги-комическій вопросъ Салтыкова: „Читатель, гдѣ ты?“ и подвергаетъ этотъ вопросъ подробному разсмотрѣнію. „Исторія литературы,—говоритъ онъ,—не есть только исторія писателей и ихъ произведеній, несущихъ въ общество тѣ или иные идеи, но и исторія читателей этихъ произведеній. Исторія литературы не есть только исторія возникновенія идей, но и исторія распространенія ихъ въ массѣ читателей, исторія борьбы этихъ идей за свое существованіе и за преобладаніе въ читательской средѣ. Читающая публика, въ широкомъ смыслѣ этого слова,—вотъ та арена, на которой, главнымъ образомъ и прежде всего, происходитъ эта борьба, впоследствии захватывающая даже нерѣдко и полуграмотную, и неграмотную массу. Поэтому, ничто такъ не характеризуетъ степень общественнаго развитія, степень общественной культуры, какъ уровень читающей публики въ данный

историческій моментъ... Каковы бы ни были тѣ условія, въ которыхъ этимъ читателямъ приходится существовать, разъ начинается мучить и волновать тотъ или иной вопросъ, они тотчасъ же начинаютъ искать изъ числа существующихъ книгъ такія, которыя, въ данномъ случаѣ, наиболѣе могутъ ихъ удовлетворить. Съ другой стороны, равнодушное или апатичное отношеніе читающей публики къ выбору книгъ, въ свою очередь, служитъ прекраснымъ показателемъ общественнаго настроенія. Читать „что-нибудь“, глотать, подобно страусу, все, что придется, это ли не характерный признакъ читательскаго настроенія?.. Исторія читающей публики—одна изъ интереснѣйшихъ и яркихъ страницъ изъ исторіи общественнаго развитія“.

Есть и другая сторона этихъ отношеній. „Изученіе читателей и почитателей помогаетъ изученію писателя. И обратно: изученіе писателя помогаетъ понять его почитателей. Даже болѣе, писатель, какъ это уже давно замѣчено, до нѣкоторой степени, неотдѣлимъ отъ своихъ читателей. Между читателемъ и писателемъ, между психическими свойствами перваго и свойствами втораго существуетъ до такой степени тѣсная и тонкая связь, что они, дѣйствительно, составляютъ, въ извѣстномъ отношеніи, единое цѣлое. Они не могутъ существовать одинъ безъ другаго“. Напомнивъ извѣстную теорію Генневена о тѣсной связи писателя съ его читателями и о томъ, что изученіемъ этихъ отношеній можно опредѣлить самую психологію общественныхъ группъ, цѣлаго народа и историческихъ періодовъ его жизни, нашъ авторъ соглашается, что изученіе читающей публики имѣетъ не только историческій и социологическій, но и психологическій интересъ. „Читатели, какъ и всякія нынѣшнія явленія, поддаются классификаціи по ихъ духовной фмііоніи, на которую кладутъ свой отпечатокъ и племенные особенности, и социальная среда, и данный историческій моментъ и т. д.“. Опытъ такихъ классификацій и желалъ дать г. Рубакинъ, и здѣсь же по поводу новѣйшихъ жалобъ на оскуднѣніе литературы, на упадокъ вліянія лучшихъ писателей на толпу, которая довольствуется литературнымъ хламомъ, онъ самъ ставитъ вопросъ: „Правы ли эти голоса? Не измѣнилась ли самая область вліянія литературы? Не передвинулся ли центръ тяжести изъ однихъ общественныхъ группъ или слоевъ въ другіе?“ Эти вопросы могутъ быть разрѣшены изученіемъ читателя.

„О читателѣ,—говоритъ онъ,—разсуждали и разсуждаютъ очень много. На него то возводятъ всевозможныя обвиненія, то сѣтуютъ о немъ, то добродушно надъ нимъ посмѣиваются, а то и зло глумятся, иногда возлагаютъ на него „надежды Россіи“, а иногда видятъ въ немъ такую „силу“, которую не мѣшало бы сократить, спеленать, убавкать и т. д. Нечего и говорить, что все это продѣлывается голо-

словно или, въ лучшемъ случаѣ, на основаніи фактовъ, собранныхъ въ какомъ-либо уголкѣ, въ салонѣ, въ канцеляріи, на улицѣ и т. п. Судя объ этомъ читатели а priori, гг. рассуждающіе склонны бываютъ обобщать любой фактъ, подхваченный съ вѣтра, лишь бы онъ пришелся имъ по вкусу, и не замѣчаютъ явленій массовыхъ, историческихкихъ, не черезъ всякую щелку и видныхъ. По весьма понятнымъ причинамъ, особенно въ сѣрые дни и безцвѣтныя ночи, когда перспектива такъ обманываетъ, частное легко кажется общимъ, а общее—частнымъ. Между тѣмъ, на этомъ незнаніи читателя, на этихъ голословныхъ рассужденіяхъ о немъ строятся не только платоническія отношенія къ нему, но, къ сожалѣнію, и очень рѣшительныя мѣропріятія весьма реальнаго свойства. Защитникамъ всякихъ литературныхъ конвенцій, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые искренно убѣждены въ полезности таковыхъ, прежде чѣмъ заключать эти конвенціи, тоже не мѣшало бы хорошенько присмотрѣться къ самой читающей публикѣ, изслѣдовать эту публику въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ”.

Авторъ уже давно поставилъ себѣ свою задачу. Въ 1889 г. онъ напечаталъ „Опытъ программы изслѣдованія литературы для народа“, составленный при участіи нѣсколькихъ народныхъ учителей, учительницъ и другихъ лицъ. „Опытъ“ имѣлъ въ виду только литературу народную и читателей изъ народа. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ авторъ получилъ на свои запросы 458 отвѣтовъ главнымъ образомъ отъ учителей и учительницъ, затѣмъ отъ другихъ лицъ и 58 отвѣтовъ отъ крестьянъ: отвѣты были очень разнообразны — цѣлыя тетрадки, отвѣчавшія почти на всѣ вопросы программы, мелкія замѣтки, деревенскія впечатлѣнія, даже автобіографіи и деревенскіе дневники. На основаніи этого отклика на свои вопросы, авторъ приходилъ къ заключенію, что у насъ не такъ мало работниковъ, искренно преданныхъ дѣлу, какъ мало общенія между ними. Другимъ матеріаломъ для изученія читателя были для г. Рубакина отчеты разныхъ провинціальныхъ бібліотекъ, общественныхъ и частныхъ, въ отдѣльныхъ брошюрахъ и періодическихъ изданіяхъ; рукописныя и печатныя уставы и правила разныхъ бібліотекъ, присланныя въ петербургскій Комитетъ грамотности по его запросамъ; наконецъ, всевозможныя замѣтки въ періодическихъ изданіяхъ, въ трудахъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, въ изданіяхъ провинціальныхъ статистическихъ комитетовъ, въ памятныхъ книжкахъ, календаряхъ, въ земскихъ сборникахъ, отчетахъ земскихъ управъ и т. п. Нѣкоторыя главы настоящей книги помѣщены были раньше въ журналахъ и здѣсь повторены въ дополненномъ изложеніи. Составъ книги слѣдующій: Богаты ли мы книгами?—Какъ рас-

пространяются у насъ книги?—Составъ нашей читающей публики.— Много ли читають на Руси?—Что читаетъ наша публика?—Любимые авторы русской читающей публики.—Читатель изъ народа и его изученіе.—Типы читателей изъ народа.—Интеллигенція изъ народа.—Поклонникъ науки въ народной средѣ.—Читатели изъ фабричныхъ рабочихъ.—Еще голоса изъ народа.—Дѣятели для народа изъ народной среды.

Изъ этихъ темъ читатель можетъ видѣть разнообразныя стороны предмета, на которыя направлялись наблюденія автора, и его книга дѣйствительно исполнена любопытными подробностями о состояніи нашего *чтенія*, которое, какъ мы видѣли, составляетъ практическое, всего чаще мало замѣчаемое проявленіе литературы. Было бы слишкомъ долго входить въ эти подробности, и мы могли бы только указать книгу г. Рубакина всѣмъ тѣмъ, кому близокъ затронутый имъ предметъ: она заключаетъ много полезныхъ замѣчаній и о настоящемъ положеніи народной литературы, и о томъ, что было бы нужно для лучшей ея постановки. Основное впечатлѣніе его наблюденій, произведенныхъ, какъ мы видѣли, по весьма обширному матеріалу, есть крайняя бѣдность, нерѣдко совершенная нищета той литературной, образовательной ниши, какою можетъ пользоваться народъ громадной имперіи. Изрѣдка авторъ также приводитъ сравнительныя статистическія цифры, напр., о числѣ общественныхъ библиотекъ, о числѣ студентовъ въ университетахъ въ отношеніи къ населенію, и оказывается, что мы отстаемъ въ этомъ отношеніи не только отъ всѣхъ странъ западной Европы, отъ Америки, но даже отъ Австраліи въ ея англійскихъ колоніяхъ. Есть у насъ многіе города, въ которыхъ нѣтъ общественныхъ библиотекъ, и для которыхъ, поэтому, литературу надо считать несуществующею. Нѣкоторыя цифры производятъ по истинѣ удручающее впечатлѣніе. Въ европейской Россіи, по свѣденіямъ главнаго управленія по дѣламъ печати, на 659 городовъ приходилось въ 1887 году — 591 библиотека, но въ Соединенныхъ Штатахъ было до 270, а въ Англии сверхъ 225 городовъ, имѣющихъ *большія* библиотеки, а городовъ, гдѣ не было бы библиотекъ—нѣтъ. Въ Швеціи въ 1879 было 1.880 библиотекъ (слишкомъ въ три раза больше, чѣмъ въ Россіи въ 1887); въ Швейцаріи больше 2.000, въ Италіи 1.852, въ Германіи 1.609; во Франціи и въ Англии библиотека имѣется въ каждомъ городѣ, а нерѣдко бываетъ и въ деревнѣ. „Но,—говоритъ нашъ авторъ, — оставимъ въ сторонѣ эти страны, сравненіе съ которыми въ томъ или иномъ отношеніи такъ нелюбезно сердцу нѣкоторыхъ публицистовъ, полагающихъ, что гнилой Западъ намъ не указъ. Возьмемъ Австралію, Японію, Китай и посмотримъ, что говорятъ цифры объ этихъ странахъ. Австралія

въ 1888 году имѣла 3.672.000 жителей, — немного больше, чѣмъ наша кievская губернія. Между тѣмъ, въ 1887 одна Викторія при 103.600 жителей имѣла 314 общественныхъ библиотекъ. Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ насчитывается 200 библиотекъ. Въ Новой Зеландіи въ 1889 была 361 публичная библиотека на 607.000 жителей* и т. д. Объ общественныхъ библиотекахъ стало думать и китайское правительство; а въ Японіи дѣйствуетъ (по примѣру Англіи) специальный законъ, обязывающій каждую общину нести извѣстный библиотечный налогъ.

Рядомъ съ этимъ скуднымъ числомъ нашихъ общественныхъ библиотекъ, авторъ указываетъ печальный фактъ ихъ нерѣдкаго упадка: бываетъ, что не только въ мелкихъ, но даже въ губернскихъ городахъ библиотеки не только не развиваются, но совсѣмъ падаютъ и наконецъ уничтожаются... „Шестидесятые годы сдѣлали на простой взглядъ какъ будто даже чудеса: появились читатели и тамъ, гдѣ ихъ никто не предполагалъ; возникли библиотеки тамъ, гдѣ какъ будто нельзя имъ было и существовать. Библиотечное дѣло ожило такъ, какъ никогда, и русскія женщины положили не мало труда на устройство и развитіе библиотекъ... Такъ было до восьмидесятыхъ годовъ, когда снова наступило затишье и стали замѣтны довольно существенныя перемены въ библиотечныхъ дѣлахъ. Повѣяло новымъ духомъ, и въ настоящее время врядъ ли можно кого-либо удивить, приводя многочисленныя факты захудалости библиотекъ“ (стр. 33—34). Авторъ вѣроятно подразумѣваетъ здѣсь извѣстное мѣропріятіе графа Д. А. Толстого, вслѣдствіе котораго въ общественныхъ библиотекахъ изъята была изъ обращенія цѣлая масса книгъ, вышедшихъ въ свое время въ свѣтъ по всѣмъ правиламъ цензуры. Авторъ приводитъ длинный рядъ извѣстій о паденіи различныхъ провинціальныхъ библиотекъ и наконецъ сообщаетъ:

„Но еще печальнѣе слѣдующій фактъ, точность котораго, увы, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ вполне подтверждается документами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи. Въ декабрѣ 1888 г. въ городѣ Уральскѣ свершилось постыдное дѣяніе, которое, безъ сомнѣнія, должно занять подобающее мѣсто въ исторіи русскаго библиотечнаго дѣла. Въ городѣ Уральскѣ было предано сожженію 1.445 томовъ книгъ, которыми цѣлыхъ три дня послѣ обѣда топились печи мѣстнаго хозяйственнаго правленія. Въ числѣ сожженныхъ книгъ было 1.382 т. журналовъ и 63 тома разныхъ сочиненій (Спенсеръ, Миль, полныя серіи „Отеч. Записокъ“, „Современника“, „Дѣла“ и т. д. по приблизительной стоимости на 1.500 р. Это постыдное дѣло было оформлено особымъ актомъ, имѣющимся въ библиотекѣ и снабженнымъ подписью 3-хъ лицъ. Является вопросъ: какое право имѣли эти лица произ-

вести такого рода ауто да фе, на которое ихъ не уполномочиваетъ ни одна статья російскаго свода законовъ? Не есть ли это безумное расхищеніе общественнаго имущества, которое на худой конецъ можно было продать? Въ числѣ сожженныхъ книгъ не было ни одной, которыхъ продажа возбранилась бы. Очевидно, это ауто да фе объясняется ничѣмъ инымъ, какъ полнѣйшимъ незнавіемъ законовъ о печати. Подобнаго варварства законъ не признаетъ" (стр. 46—47). Прискорбно не только это незнавіе закона о печати, которое видитъ авторъ, но цѣлое состояніе умовъ, приводящее къ подобнымъ фактамъ.

Въ главѣ: „что читаетъ наша публика?“, приведены, на основаніи вычисленій г. Страннолюбскаго, другія удручающія свѣденія о распространеніи высшаго образованія. „Въ то время, какъ въ Германіи на одинъ миллионъ населенія приходится 534 студента, во Франціи 460, Швейцаріи 685, Великобританіи 362, Австро-Венгріи 328, Нидерландахъ 355, Португаліи 274,—въ Россіи всего на все 152. Отношеніе числа студентовъ на 1 миллионъ населенія въ ней въ 4 раза меньше подобнаго же отношенія въ Германіи и, что тоже достойно замѣчанія, въ 5 разъ меньше подобной цифры въ Финляндіи“. Тотъ же авторъ указываетъ, что въ промежутокъ времени съ 1869 по 1882 гг. число студентовъ въ русскихъ университетахъ увеличилось на 67%, что составляетъ около трети увеличенія подобнаго же числа въ Германіи; а по послѣднимъ свѣденіямъ Центрального Статистическаго Комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, относящимся къ началу второй половины 80-хъ годовъ, число студентовъ въ нашихъ университетахъ не увеличивается, а уменьшается (стр. 104—105). Нашъ авторъ дѣлаетъ слѣдующее общее заключеніе: „Словомъ, контингентъ этихъ людей, ежегодно выпускаемыхъ учебными заведеніями — средними, высшими, спеціальными, тонетъ въ необъятныхъ пространствахъ обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, какъ горсточка песку въ стоячемъ болотѣ, не возмущая глубины и оставляя лишь кое-какую пѣну на поверхности... Разумѣется, не нужно имѣть высшаго образованія, чтобы толковать о перепроизводствѣ образованныхъ людей и тѣмъ болѣе принимать мѣры, чтобы ихъ стало еще меньше" (стр. 106). Но какъ злокачественно недѣльны толки о перепроизводствѣ образованія, такъ благородно недѣльны толки о томъ, что народное образованіе можетъ и должно быть поднато усиліями интеллигенціи: по вычисленіямъ г. Рубакіна, „если взять одни лишь города, гдѣ преимущественно и тѣснится образованная публика, то и въ этомъ случаѣ придется на 1.000 городскихъ жителей по 4 „образованныхъ“ челоуѣка въ годъ, а если взять такъ называемыя „населенныя мѣста“ имперіи, то на каждое придется химически малая доля образованнаго челоуѣка (0,1). Какимъ образомъ эта одна десятая образованнаго чело-

вѣка можетъ подѣйствовать на свое „населенное мѣсто“, или 4 образованныхъ человѣка на 1.000 человѣкъ своихъ согражданъ въ городѣ?—Безъ общихъ именно правительственныхъ мѣръ, которыя только и могли бы поднять школу, образованіе, дать лучшія условія существованія для литературы, для просвѣщенной части общественнаго мнѣнія, наконецъ широко поддержать тѣ заботы о народномъ образованіи, какія, къ счастью, находятъ достойныхъ ревнителей въ обществѣ.

Въ главѣ „Читатель изъ народа“ авторъ сообщаетъ полезное замѣчаніе о томъ, какъ должна быть поставлена популяризація научныхъ предметовъ въ книгахъ для народнаго чтенія: популярныя книжки очень часто не достигаютъ своей цѣли именно потому, что ихъ авторы не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, съ какимъ уровнемъ понятій имъ придется встрѣтиться у народнаго читателя. Но, если такъ, намъ кажется не совсѣмъ понятнымъ мнѣніе г. Рубакина о необходимости „особой“ беллетристики для народа (стр. 226): авторы, желающіе писать для народа, могутъ неправильно разсчитать уровень и интересы своей публики, но средній читатель изъ народа все-таки не можетъ быть поставленъ на ряду съ читателемъ обыкновеннымъ; въ беллетристическомъ произведеніи обыкновенной литературы точно такъ же, какъ въ книгѣ научной, могутъ встрѣчаться понятія совсѣмъ неизвѣстныя, и даже недоступныя для читателя изъ народа.

Въ заключеніи своей книги авторъ резюмируетъ свои выводы. Онъ нимало не скрываетъ отъ себя темныхъ сторонъ предмета, вовсе не считаетъ легкой задачею расширенія народнаго образованія, но въ своихъ наблюденіяхъ надъ читателями изъ народа видитъ просвѣтъ, дающій надежду на улучшеніе дѣла въ будущемъ: онъ не сомнѣвается въ „прогрессивномъ нарастаніи не только читателей изъ народа, но и народной интеллигенціи, идущей на встрѣчу, стремящейся къ встрѣчѣ съ интеллигенціей изъ культурныхъ классовъ“.—Т.

—Оттуда. Разказы Сергія Норманскаго (Сигин). Сиб. Изд. М. М. Ледерле и К^о. 1894 (189 стр.).

Разказы, собранные въ этой книжкѣ, показываютъ въ авторѣ человѣка образованнаго, съ живыми умственными интересами, съ воображеніемъ и литературнымъ дарованіемъ. Онъ повидимому принадлежитъ къ писателямъ начинающимъ, и потому небезполезно будетъ при оцѣнкѣ его произведеній остановиться особенно на ихъ недостаткахъ, отъ которыхъ онъ легко можетъ избавиться.

Первый изъ семи разказовъ, „Актея“, имѣетъ характеръ фан-

тастическій.—Это вполне законный элементъ литературы; цари творчества—Шекспиръ и Гёте—дали ему свою санкцію, и въ той или другой степени и формѣ ни одинъ значительный писатель не обходился безъ мистической и фантастической стихіи, которая въ старомъ Гофманѣ нашла и своего особеннаго мастера. И тѣ умы, которые не признаютъ дѣятельности такъ называемаго „сверхъестественнаго“, но которые согласны съ основателемъ позитивизма, что „человѣчество управляется идеями“, должны признать значеніе мистическихъ *идей*, а слѣдовательно и ихъ право на художественное выраженіе въ литературѣ. Съ другой стороны, люди, даже вполне признающіе дѣйствительность мистической стороны міра и жизни, но не увлекающіеся ею до потери разсудка, должны согласиться, что яркіе, осязательные и такъ сказать членораздѣльныхъ явленій сверхъестественнаго, вообще говоря, на свѣтѣ не бываетъ. Здѣсь подернуто какимъ-то неуловимымъ колеблющимся туманомъ, который во всемъ даетъ себя чувствовать, но ни въ чемъ не обособляется; а когда являются ясныя и опредѣленные образы, то чѣмъ они яснѣе и опредѣленнѣе, тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-нибудь обманомъ. То, что идетъ „оттуда“, можно сравнить съ тонкою нитью, неуловимо вилетению во всю ткань жизни и повсюду мелькающею для внимательнаго взгляда, способнаго отличить ее въ грубомъ узорѣ вѣшной причинности, съ которою эта тонкая нить всегда или почти всегда сливается для взгляда невнимательнаго или предубѣжденнаго.

Изъ такого характера „сверхъестественной“ стихіи вытекаютъ два правила для ея художественнаго воспроизведенія: 1) мистическія явленія не должны прямо сваливаться съ неба или выскакивать изъ преисподней, а должны подготавливаться внутренними и вѣшними условіями, входя въ общую связь дѣйствій и происшествій; 2) самый способъ явленія таинственныхъ дѣателей долженъ отличаться особенною чертою неопредѣленности и неуловимости, такъ чтобы сужденіе читателя не подвергалось грубому насилію, а сохраняло за собою свободу того или другаго объясненія, и дѣйствительность сверхъестественнаго не навязывалась бы, а только давала себя чувствовать. Поэтому въ фантастическихъ разсказахъ непременно нужно избѣгать всякихъ рѣзкихъ, поразительныхъ и ошеломляющихъ эффектовъ. То, что въ мірѣ совершается съ трескомъ и грохотомъ, происходитъ обыкновенно отъ причинъ совершенно естественныхъ и матеріальныхъ, каковы: трусъ, огонь, потопъ, нашествіе иноплеменныхъ и междоусобныя брани. Точно также и въ личной жизни самыя сильныя и рѣзкіе эффекты производятся обыкновенно явленіями, не имѣющими въ себѣ ничего мистическаго, какъ, напр., явленіе судебного пристава съ описательными цѣлями, внезапно по-

лученное или данное оскорбленіе дѣйствіемъ, неожиданное появленіе третьяго лица при такихъ обстоятельствахъ, когда и двое faciunt collegium, и т. п. Здѣшніе дѣятели шумно вторгаются въ жизнь, но тѣ, которые „оттуда“, медленно и неслышно выступаютъ въ своихъ неуволнимыхъ очертаніяхъ.

Разсказъ „Актея“, при всей своей занимательности, не удовлетворяетъ двумъ указаннымъ требованіямъ. Древняя греко-халдейская покойница, жаждущая воплощенія вампирическимъ путемъ, хотя имѣетъ основанія явиться къ молодому русскому скандинависту, но объ этихъ основаніяхъ мы узнаемъ лишь post factum, а не видимъ ихъ передъ собою: главное происшествіе лишено внутренней и вѣншей художественной подготовки. Далѣе, само явленіе происходитъ неправдоподобнымъ образомъ. Актея не только сразу произноситъ длинныя и связныя рѣчи на правильномъ латинскомъ языкѣ, но и налагаетъ въ этихъ рѣчахъ цѣлую теорію своего явленія. Все это изображеніе взято авторомъ не „оттуда“, а „отсюда“.

Въ этомъ основномъ недостаткѣ нельзя упрекнуть другой фантастическій разсказъ: „Гунхильда“, содержаніе котораго взято изъ старой норвежской легенды. Здѣсь чувствуется настоящая мистическая стихія въ ея особой ирраціональной закономерности и роковой связи съ дѣйствительною жизнью. Несмотря на нѣкоторые изъяны изложенія, этотъ разсказъ въ общемъ производитъ впечатлѣніе болѣешей жизненной правды, нежели однородный съ нимъ разсказъ Вальзака—Séraphitus—Séraphita.

„Наивный писатель“ и въ особенности „она“—принадлежатъ къ неблагоприятному роду дидактической аллегоріи. Этотъ родъ можетъ быть хорошъ только въ предѣлахъ краткой притчи или басни, но распространенная на 25 страницахъ иносказательная мораль можетъ только приводить читателя въ уныніе, что едва ли составляетъ истинную цѣль художественныхъ произведеній.

Разсказъ „Ошиблась“ развѣ только по ошибкѣ попалъ въ книжку. Для простаго анекдота въ немъ мало соли, а для серьезнаго этюда недостаетъ характеровъ и психологій.

„Метеоръ“ производитъ двойственное впечатлѣніе, — какъ будто картина съ двумя фигурами, изъ которыхъ одна начерчена углемъ, а другая написана какъ слѣдуетъ красками. Характеръ героини представленъ правдиво и тонко, и ея образъ остается въ памяти читателя, но герой обозначенъ только вѣншими признаками и съ каррикатурною грубостью.

„Въ сумеркахъ сердца“—самый содержательный изъ разсказовъ г. Норманскаго. Но и здѣсь, хотя менѣе рѣзко, замѣтна противоположность въ изображеніи мужского и женскаго типа. Герой здѣсь—

безхарактерная тѣнь, тогда какъ героиня — настоящая живая женщина, съ глубокимъ нравственнымъ чувствомъ.

Въ разсказахъ г. Норманскаго есть кое-какіе мелкіе недостатки, которыхъ очень легко было бы избѣжать. Въ „Метеорѣ“ встрѣчается между прочимъ описаніе „англійской четы, молодого джентльмена въ блестящихъ воротничкахъ и сѣрой дамы, выставившей наружу желтоватые клыки. Они говорили о Христіаніи. Дама произносила восторженнымъ шопотомъ: „very nice“, господинъ задумчиво спрашивалъ: „indeed?“, на что его собесѣдница отвѣчала тономъ глубокаго убѣжденія: „o, yes!“ Такой разговоръ продолжался по поводу музеевъ, погоды, дороги, и собесѣдники, повидимому, не скучали, будучи увѣрены, что разговариваютъ“. Конечно, среди милліона англійскихъ туристовъ попадаются не мало и такихъ. Но что же тутъ типичнаго? Неужели авторъ рѣшился бы серьезно утверждать, что между англичанами дурные зубы и бессодержательные разговоры встрѣчаются чаще, чѣмъ между людьми другихъ націй? Въ другомъ мѣстѣ говорится о салонѣ, „гдѣ сидѣли сумрачные англичане и заживо иссохшія англичанки“. Неужели авторъ въ самомъ дѣлѣ никогда не видалъ веселыхъ англичанъ и здоровыхъ, полныхъ англичанокъ? Откуда эта англофобія? Въ томъ же разсказѣ читаемъ такой монологъ: „И затѣмъ я поѣхалъ? — Проклятая *любочность*! Только увидишь *смазливую розу*, сейчасъ за ней, все равно куда—на гору, или въ болото“. Русскій литературный языкъ отлично обойдется безъ обогащенія словомъ „любочность“, а выраженіе „смазливая роза“—прямо нелѣпно, такъ какъ слово *роза* не менѣе, чѣмъ *рыло*, *харя*, *морда*, *образина* и т. п., означаетъ непременно лицо *уродливое*; ужъ если автору такъ хотѣлось употребить это существительное, то слѣдовало бы сказать: „смазливая *розовица*“, хотя и это совсѣмъ не шло бы къ его Вальборгѣ съ „ея тонкими чертами и загадочными глазами неудовлетворенной русалки“.

Г. Норманскій прекрасно перевелъ на латинскій языкъ четверостишіе изъ Пушкина: „Не для житейскаго волненья“, и т. д. Тѣмъ менѣе подобало ему поивѣщать въ видѣ подлинной русской фразы такой плохой переводъ съ французскаго: „Никакія *усилія вершинъ парижскаго факультета* не могли спасти ея жизнь“. Также слова *измерянный* и *измеряютъ* не позволительны въ русской рѣчи. Я указываю на эти мелкія погрѣшности въ предположеніи, что интересная книжка г. Норманскаго доживетъ до втораго изданія, гдѣ онѣ могутъ быть исправлены. Общій смыслъ этихъ разсказовъ можетъ быть выраженъ заглавіемъ послѣдняго изъ нихъ: „Сумерки сердца“, и намъ остается только пожелать начинающему автору — яснаго утра.—В. С.

— Талицкій (Сергій Шарановъ). Бумажный рубль (его теорія и практика). Слб. 1895.

Книжка г. Шаранова, о которой сказано уже выше нѣсколько словъ въ статьѣ о денежной реформѣ, заключаетъ въ себѣ много любопытнаго и занимательнаго съ точки зрѣнія психологін „самодовлѣющаго“ патриотизма.

Обличая жалкое ничтожество западно-европейской науки и цивилизаціи, авторъ съ гордостью говоритъ о превосходствѣ нашихъ самобытныхъ порядковъ и идей, которые ставятъ нашу „тихую Русь“ впереди другихъ племенъ и народовъ. „Не мѣшайте Россіи—воскликаетъ онъ—идти по тому пути, по которому Богъ видимо ведетъ ее впереди другихъ племенъ и народовъ, заставивъ, хотя и со страшною болью, выработать (или подойти къ выработкѣ) идеальную политическую форму государственности, и теперь, принуждая ее выработать новую и совершеннѣйшую, чѣмъ гдѣ-либо, денежную систему“. Мы идемъ впереди культурной Европы, а сами воображаемъ, что шествуемъ въ хвостѣ ея; Богъ „принуждаетъ“ насъ выработать новую и совершеннѣйшую денежную систему, а мы хотимъ отречься отъ нея, по недоразумѣнію. У насъ и въ финансахъ, какъ и во всемъ прочемъ, существуетъ самобытное творчество, предъ которымъ блѣднѣетъ мелкая и безсильная западная наука; но это творчество сосредоточивается пока въ одномъ г. Шарановѣ, ибо „русской теоріи, русскихъ взглядовъ не выработалось, и потому господствуетъ необычайная путаница, прямо отражающаяся на нашей финансовой практикѣ“ (стр. VII). Въ русской жизни сохранилось господство нравственныхъ началъ, утратившихъ значеніе на Западѣ; чувство христіанской любви лежитъ въ основѣ нашихъ экономическихъ отношеній и понятій; но пагубныя заграничныя теоріи подрываютъ благополучіе нашего народа и создаютъ разные недуги, съ которыми трудно бороться. „Хорошій, зажиточный мужикъ, — рассказываетъ между прочимъ г. Шарановъ, — для покупки, наприимѣръ лошади, вмѣсто павшей, или для уплаты податей (не во-время) закладываетъ сѣменной хлѣбъ, холсты, инструменты, одежду, за пять процентовъ въ мѣсяцъ. Въ уѣздныхъ городахъ цѣлыя улицы застроены амбарами, исключительно ростовщическими, гдѣ хранятся полушубки, шерсть, кудель, нитки, сарафаны и пр., и пр. Пять копѣекъ въ мѣсяцъ, или 60 процентовъ въ годъ, — это еще сносно. Бѣдняки безъ залога и за этотъ процентъ не получаютъ ссуды“. Для тѣхъ существуетъ другой кредитъ, стоящій до 160 процентовъ въ годъ. „И эти оба вида кредита не самыя плохіе, а только средніе, или пожалуй выше средняго“. Бываетъ и такъ: „приходитъ баба просить поч-

товую марку,—денегъ нѣтъ, письмо нужно отправить экстренно; за одолженіе семи копѣекъ на недѣлю баба полола $\frac{1}{2}$ дня и была очень довольна". По расчету автора это составитъ 250% въ недѣлю или тринадцать тысячъ на сто (стр. 42). Съ другой стороны, очень многіе люди, имѣющіе сбереженія, „ничего другого не дѣлаютъ, какъ въ извѣстные сроки стригутъ купоны и несутъ ихъ мѣняламъ или въ казначейство, а исправники и становые рыщутъ, выколачивая подати, чтобы казначейству дать средства платить по этимъ купонамъ" (стр. 69). Само собою разумѣется, что и выколачиваніе податей, и сельское кулачество, и безпомощность деревенской бабы, готовой платить 250% за почтовую марку,—все это плоды западной науки; а въ сущности у насъ высокія нравственныя начала процвѣтаютъ или должны процвѣтать въ полной мѣрѣ, и мы твердо идемъ впереди другихъ племенъ и народовъ. При установившемся у насъ способѣ государственнаго управленія общій ходъ нашихъ дѣлъ не оставляетъ желать ничего лучшаго; но случилось нѣчто невѣроятное: „пришла" откуда-то группа отечественныхъ финансистовъ, „захватила руководство российскими финансами, въ нѣсколько лѣтъ изломала и исковеркала все и, послѣ тридцатилѣтняго владычества, сдала Россію въ томъ ужасномъ видѣ, въ которомъ она теперь находится" (стр. 56). И теперь у насъ „биржевой періодъ государственнаго хозяйства не только не законченъ, а принимаетъ формы самыя нежелательныя" (стр. 58). Экономическіе и нравственные идеалы пока еще не осуществились въ нашей жизни; но Западъ долженъ учиться у насъ и финансамъ, и всему прочему. Хотя „русской теоріи, русскихъ взглядовъ не выработалось" въ области финансовъ, но, во-первыхъ, у насъ есть г. Шарановъ, который готовъ пополнить этотъ важный пробѣлъ при помощи нѣкоторыхъ заграничныхъ идей, и во-вторыхъ, у насъ есть бумажныя деньги, невиданныя нигдѣ въ Европѣ и обладающія внутреннею устойчивостью, при отсутствіи размѣна.

Утвержденія г. Шаранова почти сплошь состоятъ изъ противоположностей, исключаящихъ одна другую: у насъ все прекрасно вообще, но очень нехорошо на дѣлѣ; своихъ самобытныхъ взглядовъ нѣтъ, но они выше и чище иностранныхъ; западныя доктрины нигде не годятся, но идеи Джона Ло, Фридриха Листа, Родбертуса и другихъ плодотворны и гениальны; мы идемъ впереди всѣхъ, но пытаемся чужою наукою и слѣдуемъ чужимъ образцамъ. Какъ уживаются въ умѣ подобныя противопоставленія—непонятно. Разсуждая о деньгахъ, авторъ дѣлаетъ странныя логическія ошибки. Онъ полагаетъ, что для измѣренія цѣнности должна существовать отвлеченная единица мѣры, какъ метръ или аршинъ, и что лучшею единицею

мѣры будетъ бумажный знакъ, не имѣющій внутренней стоимости и представляющій нѣкоторую условную, совершенно отвлеченную цѣнность (стр. 8 и др.). Г. Шарановъ забываетъ при этомъ, что метръ или аршинъ, служащій для измѣренія длины, имѣетъ самъ известную, точно опредѣленную длину, что для измѣренія вѣса служитъ предметъ, самъ имѣющій вѣсъ, и для измѣренія объема употребляется нѣчто, имѣющее точно опредѣленный объемъ, тогда какъ бумажка, предназначенная для опредѣленія цѣны, сама не имѣетъ никакой цѣнности и, слѣдовательно, не можетъ служить самостоятельно, абсолютною мѣрою цѣны, безъ известнаго, заранее установленнаго отношенія къ чему-либо дѣйствительно цѣнному, какъ, напр., къ драгоценнымъ металламъ или къ данному количеству человѣческаго труда. Мѣрою цѣнности не можетъ служить то, что само не имѣетъ цѣны, подобно тому, какъ мѣрою длины не можетъ быть что-либо отвлеченное, не имѣющее длины. Цѣна нашихъ бумажныхъ денегъ опредѣлена въ металлъ, и даже при отсутствіи размѣна на золото и полноцѣнное серебро существуетъ размѣнъ на мелкую металлическую монету, такъ что наши бумажки не могутъ быть названы абсолютными денежными знаками, лишенными всякой связи съ металломъ. Г. Шарановъ ошибается также, говоря, что устойчивая цѣнность нашего кредитнаго рубля— „явленіе, съ точки зрѣнія западныхъ финансистовъ почти необъяснимое“ (стр. 25), и что „съ точки зрѣнія западнаго человѣка нельзя себѣ представить государственной власти, которая не могла бы напечатать лишнихъ бумажекъ“. Въ Австріи неразмѣнныя бумажныя деньги имѣли еще болѣе устойчивый курсъ, чѣмъ наши кредитныя билеты, и въ послѣдніе годы также цѣнились выше полноцѣннаго серебра; печатаніе лишнихъ бумажекъ известно не только „западному человѣку“, но и намъ, ибо оно повторялось у насъ съ обычными своими послѣдствіями всякій разъ, когда существовало бумажное денежное обращеніе, начиная съ ассигнацій и кончая новѣйшими кредитными билетами. Невѣрно также, что у насъ нѣтъ гарантій противъ произвольнаго выпуска и истребленія денежныхъ знаковъ, что „завтра можетъ быть подписанъ указъ министру финансовъ о выпускѣ хотя бы двухъ или трехъ миллиардовъ знаковъ, а послѣ-завтра можетъ быть подписанъ „противоположный указъ“ объ уничтоженіи ихъ; сама верховная власть установила у насъ эти гарантіи, опредѣливъ въ 1891 году, что дальнѣйшіе временные выпуски кредитныхъ билетовъ дѣлаются не иначе какъ подъ условіемъ передачи соответственнаго количества металла по нарицательной цѣнѣ въ разный фондъ государственнаго банка.

Съ необычайною наивностью доказываетъ авторъ необходимость свободнаго печатанія бумажекъ и льготной раздачи ихъ желающимъ.

Многіе чувствуютъ потребность въ деньгахъ для расширенія своего хозяйства и своихъ оборотовъ, а достать деньги трудно или даже невозможно въ надлежащемъ количествѣ; поэтому „ясно, что самый недостатокъ (денегъ) на лицо“ (стр. 41). А какъ хорошо было бы, еслибы государственная власть снабжала всѣхъ желающихъ бумажными капиталами! Сидитъ, напримѣръ, въ деревнѣ уволенный въ запасъ солдатъ Иванъ Сидоровъ. „Выучился онъ, скажемъ, въ крѣпости кирпичъ обжигать. Завелъ бы маленькій кирпичный заводикъ и работалъ бы самъ, да съ нимъ односельцы въ свободное время, — нельзя; нужно 300 рублей на дрова, на постройку“, и пр. Денегъ и кредита нѣтъ; „ну, значить, сиди и праздноуй, или ходи на поденщину за 30 коп., да, и то, когда экономія позоветъ, потому что и тамъ, по безденежью, всѣ работы сокращены. Ни труда, ни производства нѣтъ, люди просидѣли праздно, Иванъ Сидоровъ отъ скуки только плянствовалъ. Заработаетъ что-нибудь урывкомъ, — не стоитъ беречь, не скопишь 300 рублей, взялъ да и пропилъ“. И вотъ представьте, что этотъ Иванъ Сидоровъ какимъ-то чудомъ получалъ эти 300 новорожденныхъ бумажекъ на десять лѣтъ, на разсрочку, изъ пяти процентовъ. „Онъ построилъ заводикъ и началъ работать. Платить свои взносы очень аккуратно, такъ какъ дѣло идетъ хорошо и платежъ льготный“, — и выходитъ чистѣйшая идиллія въ Маниловскомъ духѣ. А чтб было бы, еслибы и эти 300 рублей Иванъ Сидоровъ „взялъ, да и пропилъ“, по усвоенной имъ въ годы бездѣлья привычкѣ? Онъ могъ потерпѣть и неудачу въ постройкѣ завода и въ веденіи дѣла, ибо не приучился на службѣ къ самостоятельной промышленной дѣятельности. Объ этомъ г. Шараровъ не подумалъ; ему кажется, что „безчисленное множество этихъ Сидоровыхъ протягиваютъ руки“ за деньгами только изъ жажды производительнаго и надежнаго труда. Онъ рисуетъ картину общаго оживленія и благосостоянія при помощи свободной раздачи бумажекъ. „Расширяется помощь фабрикамъ и заводамъ, сельскимъ хозяевамъ. Щедрою рукою кредитуются Иваны Сидоровы, черезъ посредство ли земствъ, или артельными порядкомъ, за круговую отвѣтственность. Трудъ растетъ гигантскими шагами“ и т. д. (стр. 44—8). Сказка про Ивана Сидорова, вынужденнаго будто бы пьянствовать по безденежью и превратившагося сразу въ добродѣтельнаго работника по полученіи 300 рублей, могла бы имѣть и другую развязку. Если въ самомъ дѣлѣ онъ мечталъ о кирпичномъ заводѣ, то почему бы ему не убѣдить мѣстное сельское общество устроить такой заводъ на общественныя средства, предоставивъ ему завѣдываніе дѣломъ, какъ это практикуется уже въ нѣкоторыхъ общинахъ? Съ какой стати превращать одного Сидорова въ хозяина, на котораго работали бы

односельцы, вмѣсто того, чтобы обезпечить выгоды новаго дѣла за цѣлю общиною? Знатьеъ кирпичнаго дѣла не пропадетъ при нѣкоторой долѣ энергій и инициативы; давать ему средства отъ казны для личнаго его обогащенія не имѣло бы смысла, а для устройства общественнаго завода государственный банкъ могъ бы оказать кредитъ общинѣ, безъ особеннаго риска, причеъъ Сидоровы нашли бы полезное примѣненіе своимъ силамъ и знаніямъ безъ нарушенія справедливости относительно односельцевъ.

Отмѣтимъ еще одну странность въ предположеніяхъ и проектахъ г. Шаранова. Онъ относится болѣе или менѣе отрицательно къ бюрократіи и не вѣритъ въ возможность устроить народное благополучіе канцелярскимъ способомъ, а самъ всѣ свои надежды возлагаетъ на чисто-бюрократическія учрежденія, снабдивъ ихъ только новыми названіями на старинный ладъ (въ родѣ „большой казны“ и ея областныхъ приказовъ, державной казны и т. п.). Авторъ увѣренъ, что стоитъ только чиновникамъ и сановникамъ получить новыя титулы, и весь характеръ ихъ дѣятельности будетъ совершенно другой; канцелярская рутина исчезнетъ, и возникнетъ „дружная совмѣстная работа“, проникнутая свѣжимъ духомъ, свободная отъ формализма, проволочекъ и погрѣшностей. „Недоразумѣній быть не можетъ никакихъ,—рѣшаетъ авторъ,—на томъ основаніи, что основнымъ принципомъ дѣятельности Большой казны будетъ точность и строгость учета всѣхъ операцій, ради свободы и независимости народнаго труда и капитала, а основнымъ принципомъ дѣятельности державной казны — изысканіе средствъ для возможно широкой и плодотворной дѣятельности государственнаго аппарата“, и такъ далѣе, какъ по маслу. Глава „большой казны“ будетъ олицетворять собою народный трудъ, и въ такомъ своемъ качествѣ онъ противопоставляется главѣ державной казны, какъ представителю государства; противорѣчія между ними возможны только въ томъ случаѣ, когда „народу приходится жертвовать на свою государственность въ ущербъ своему благосостоянію и труду“ (стр. 108—109). Шутитъ ли г. Шарановъ, или разсуждаетъ серьезно? Одинъ министръ будетъ говорить отъ имени народа, а другой—отъ имени государства, и на этой почвѣ обнаружатся между ними разногласія; въ остальномъ разнорѣчій не будетъ, ибо на одни и тѣ же вопросы всѣ сановники смотрятъ одинаково. Едва ли авторъ ясно представляетъ себѣ этотъ неправдоподобный порядокъ вещей. Но очевидно онъ вѣритъ въ свой проектъ, ибо онъ его своевременно представилъ „куда слѣдуетъ“ (?); онъ считаетъ его логически вытекающимъ изъ „научныхъ положеній“, выведенныхъ имъ, г. Шарановымъ (стр. 117). Мы узнаемъ далѣе, что уставъ большой казны былъ внесенъ имъ „въ сельско-хозяйственный совѣтъ, какъ

готовый законопроект", и что слѣдовательно этотъ совѣтъ при министерствѣ земледѣлія есть именно то учрежденіе, „куда слѣдуетъ“ вносить широкіе законодательные проекты, касающіеся всей финансовой и экономической системы государства. Остается только пожалѣть, что авторъ не только направляетъ свои „готовые законопроекты“ не туда, куда слѣдуетъ, но и хлопочетъ о томъ, о чемъ не слѣдуетъ хлопотать.—Л. С.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры.

Александровъ, А.—Феодальное земство. Отвѣтъ г. Зиновьеву на его „Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи“. Спб. 1895. 49 стр. Ц. 60 к.

Велескій, С. Н., гласный золотоношскаго уѣзднаго земства.—О мѣрахъ къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности. Полтава, 1895. 16°. 36 стр.

Денъ, Владиміръ.—Есть ученію о цѣнности. Три очерка. Спб. 1895. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

Драгомировъ, М. И.—Разборъ романа „Война и миръ“. Кіевъ, 1895. 134 стр. Ц. 50 к.

Ивашенцовъ, А. П.—Современный велосипедъ. Выборъ его и примѣненіе. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Липранди, А. П. (А. Воынецъ).—Зачатки расколѣченія западнаго славянства. Спб. 1895. 24 стр.

Маллтусъ.—Опытъ закона о народонаселеніи. Переводъ И. Д. Вернера. Изданіе К. Т. Солдатенкова (Библіотека экономистовъ, вып. III). М. 1895. 249 стр. Ц. 1 р.

Маркъ, С. А.—О народныхъ санаторіяхъ для слабогрудныхъ. Въ вопросу о борьбѣ съ бугорчаткой (изданіе Имп. Кавказскаго Медіц. Общества). Тифлисъ, 1895. 44 стр. Ц. 20 к.

Милль, Джонъ Стюартъ.—Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложеній въ общественной философіи. Переводъ Александра Миклашевскаго (Библіотека экономистовъ, вып. IV). Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1895. LXXV и 249 стр. Ц. 1 р.

Ньюкомбъ и Этельманъ.—Астрономія въ общепонятномъ изложеніи С. Ньюкомба и Р. Эгельмана, дополненная Г. Фогелемъ, директоромъ астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ. Переводъ со 2-го изданія, Н. С. Дрентельна. Выпускъ III. Спб. 1895. Изданіе К. Л. Риккера. Стр. 321—480. Ц. 1 р. 40 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (4 выпуска) 5 р. 60 к.

Полубій.—Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго Ѳ. Г. Мищенко, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Томъ II (книга VI—XXV). Изданіе А. Г. Кузнецова. М. 1895. 805 стр. Ц. 5 р.

Платневъ, А. П.—Бездомовье. Повѣсти и рассказы. Спб. 1895. 238 стр. Ц. 1 р.

Прессъ, А. А., инженеръ-технологъ.—Несчастные случаи и профессиональныя заболѣванія въ промышленныхъ предіриятіяхъ. Основныя положенія этого вопроса. М. 1895. 16°. 31 стр.

Таренискій, А.—Каедрa и музей нормальной анатоміи при Имп. Военно-

медицинской Академіи (бывшей Медико-хирургической) въ Петербургѣ за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Спб. 1895. Изд. Е. Л. Риккера. XXIV и 336 стр. Съ планами. Ц. 3 р.

Трубиновъ, К. В. — Преобразование денежной системы. Спб. 1895. 23 стр. Ц. 40 к.

Флугъ, К. — О восстановленіи металлическаго обращенія въ связи съ условіями нашей денежной и монетной системы. Спб. 1895. 162 стр. Ц. 1 р.

Ясинскій, А. П. — Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ. (X—XIII в.). Кіевъ, 1895. II и 193 стр. Ц. 2 р.

Louvié, Ossip. — Ames souffrantes. Cinquième édition. Paris (1895). 129 стр.

Moustafa Kamel, publiciste égyptien. Conférence sur l'Égypte, faite à Toulouse, le jeudi 4 juillet 1895, à l'amphithéâtre de la faculté des lettres. Toulouse, 1895. 20 стр.

— Вѣдомость о начальныхъ училищахъ города Москвы. Къ 1-му января 1895 г. М. 1895. Больш. 8°. XIX и 255 стр.

— Журналы Вятскаго Губ. Земскаго Собранія XXVIII очередной сессіи и приложенія къ нимъ. (1—19 декабря 1894 г.) Вятка, 1895. 1164 и XXX стр.

— Журналы Уфимскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія XXVIII очередной сессіи 1894 года, 26-го сентября, 4-го октября и экстренной сессіи 7-го февраля 1895 года (съ приложеніями). Казань, 1895. 407, 271 и VII стр.

— Браткій обзоръ дѣятельности Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за первый годъ его существованія (30-го марта 1894—30-го марта 1895 года). Спб. 1895. Больш. 8°, 204 стр.

— Отчеты, доклады, смѣты, расклады Оргѣвской Уѣздной Земской Управы и постановленія Уѣзднаго Земскаго Собранія XXVI очередного созыва 1894 года и Чрезвычайнаго Собранія 20-го января 1895 года. Оргѣвъ, 1895. X, 514 и 161 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ferdinand Brunetière. Nouveaux essais sur la Littérature Contemporaine. Paris. 1896. Стр. 335.

Новая книжка Брюнетьера гораздо интереснѣе предшествующихъ томиковъ его этюдовъ. Теоретикъ эволюціоннаго метода выходитъ на этотъ разъ изъ заколдованнаго круга „эволюціи жанровъ“ и занимается разборомъ текущихъ литературныхъ явленій. Онъ обнаруживаетъ при этомъ свое очевидное, нѣсколько сухое, но убѣдительное краснорѣчіе, методичность анализа и особую скульптурность изложения, дающую всестороннее освѣщеніе разбираемому автору. Конечно, всѣ особенности Брюнетьера, его доктринерство, академическое преклоненіе передъ силой традиціи, недовѣріе къ новымъ путямъ въ искусствѣ—все это сказалось въ новомъ сборникѣ этюдовъ съ прежней силой. Интересная характеристика критика получается въ рѣчи, произнесенной при избраніи его во французскую академію. Согласно обычаю, рѣчь эта посвящена восхваленію предшественника Брюнетьера среди „безсмертныхъ“—журналиста Лемуана. По обыкновенію также, характеристика Лемуана является у новаго академика предлогомъ говорить pro domo sua. Джонъ Лемуанъ—представитель журнализма въ литературѣ, а развѣ его преемникъ, теперешній редакторъ „Revue de Deux Mondes“, не журналистъ прежде всего? Какой блестящій случай говорить о задачахъ и идеалахъ журналистики! Брюнетьеръ относится съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ теперешней французской журналистикѣ, сводящейся къ „репортажу“. Въ Лемуанѣ же онъ привѣтствуетъ истиннаго, идеальнаго журналиста: во-первыхъ, онъ неприступенъ и необщителенъ, держится вдали отъ публики и ея симпатій, чтобы быть свободнымъ въ своихъ сужденіяхъ; во-вторыхъ, онъ готовится къ роли критика серьезно, исполняясь обширными научными и философскими знаніями. Наконецъ—и это самое важное—онъ доктринеръ, и интересуется явленіями, насколько они отражаютъ и подтверждаютъ сложившіяся у него представленія. Не свой ли портретъ нарисовалъ академикъ въ лицѣ этого французскаго критика англійскаго происхожденія? Брюнетьеръ—типичный представитель критики, чуждой мѣняющихся настроеній

въ обществѣ и недоступной вліянію современности. Въ противоположность импрессионистамъ съ ихъ тонкими отзывчивыми нервами, онъ судитъ обо всемъ съ высоты своихъ отвлеченныхъ теорій и потому проходитъ нерѣдко мимо красоты, не замѣчая ея своимъ холоднымъ умомъ—мы увидимъ это въ его разборѣ Бодлера. Эрудиція и научность, восхваляемая имъ въ Лемуанѣ, съ полной справедливостью могутъ быть приписаны самому Брюнетьеру — едва ли найдется другой критикъ въ современной Франціи съ такой подавляющей ученостью. Благодаря нѣкоторому избытку этого драгоценнаго качества, критика Брюнетьера и отличается именно отсутствіемъ непосредственности сужденій, тѣхъ проблесковъ творческаго проникновенія, которые составляютъ обаяніе импрессионистовъ въ родѣ Жюль Леметра. Зато въ отношеніи доктринерства, столь дорогого сердцу Брюнетьера, онъ можетъ перещеголять десять Лемуановъ. Все его творчество сводится къ систематизаціи разрозненныхъ идей, къ формулировкѣ теорій, подъ которыми онъ подводитъ литературныя явленія.

Одной изъ самыхъ интересныхъ статей новаго сборника является очеркъ о недавно умершемъ поэтѣ Леконтѣ-де-Лилѣ. Очеркъ этотъ имѣетъ большія достоинства съ точки зрѣнія исторіи литературы; онъ устанавливаетъ связь поэта съ предшествующими ему и смѣнившими его дѣятельность теченіями въ литературѣ и рисуетъ очень рельефный образъ поэта. Брюнетьеръ исходитъ въ своей оцѣнкѣ Леконта-де-Лилы изъ очень вѣрной мысли: все творчество автора „*Romans Antiques*“ и „*Romans barbares*“ вышло изъ реакціи противъ романтизма. Все то, что романтизмъ внесъ разнузданнаго и беспочвеннаго въ поэзію, парнасцы, и во главѣ ихъ Леконтѣ-де-Лиль, старались вытѣснить своимъ возвращеніемъ къ классическимъ идеаламъ и своимъ поклоненіемъ чистой формѣ и объективнымъ формамъ поэзіи въ противоположность выходящему изъ границъ лиризму романтиковъ. Романтики, въ особенности Викторъ Гюго, уносились воображеніемъ въ средніе вѣка или переносили воспѣваемыя имъ страсти въ созданную ими декоративную и условную Испанію. Классическая древность потеряла для нихъ всякій смыслъ и красоту; такъ во всей *Légende des Siècles*, гдѣ собраны преданія и вѣрованія всѣхъ племенъ, греческая мифологія отсутствуетъ почти всецѣло. Если и есть много хорошаго въ этомъ обновленіи, внесенномъ въ поэзію романтиками съ ихъ пониманіемъ средневѣкового духа, то утрата классической красоты составляетъ одну изъ темныхъ сторонъ этого сложнаго и обаятельнаго движенія. Велика поэтому заслуга парнасцевъ, вернувшихся къ забытому источнику вѣчной красоты въ классической древности. Леконтѣ-де-Лиль арче, чѣмъ какой-либо

другой поэтъ, воплотилъ это возродившееся тяготѣніе къ истинному классицизму въ „*Romans classiques*“, воспѣваетъ боговъ и героевъ въ ихъ неприступной, возвышающейся надъ земными страстями красотѣ, и въ своемъ прониновеніи ихъ безстрастнымъ величіемъ поэтъ восклицаетъ: „Острова, жилища боговъ! Эллада, священная мати! — О, почему не родился я на священномъ архипелагѣ, въ великія времена, когда вдохновенная земля видѣла Небо спускающимся къ ней по первому призыву!“ Въ этомъ обращеніи вылился наиболѣе яркій протестъ противъ романтизма во имя забытой красоты.

Другая черта, характеризующая творчество Леконта-де-Лилля, какъ реакцію противъ романтизма, это—его „невозмутимость“ (*impassibilité*), составляющая рѣзкій контрастъ съ лиризмомъ романтиковъ. Романтизмъ провозгласилъ свободу личности и выдвинулъ на первый планъ въ поэзіи отраженіе личной жизни, индивидуальныхъ отношеній; въ этомъ, конечно, одна изъ большихъ заслугъ романтиковъ, внесшихъ такимъ образомъ въ поэзію духъ свободы и красоту широкихъ лирическихъ порывовъ. Но у эпигоновъ романтизма этотъ свободный лиризмъ пріобрѣталъ нерѣдко слишкомъ мелко-субъективный характеръ. Для того, чтобы настроенія и чувства отдѣльнаго человѣка сдѣлались достойными поэзіи, въ нихъ должно быть нѣчто свое; или само это настроеніе должно быть ново и не банально, или манера воспринимать общечеловѣческое должна задѣвать еще не звучавшія струны. Если же самыя общія, элементарныя чувства дѣлаются предметомъ безконечныхъ изліяній, если поэты съ особымъ наслажденіемъ выставляютъ на показъ свои жизненныя раны и сообщаютъ въ стихахъ о мелкихъ фактахъ своей заурядной жизни, то этимъ самымъ они низводятъ поэзію къ примованному *fait-divers* и лиризмъ къ пошлой рисовкѣ. Противъ этихъ позѣровъ чувства, порожденныхъ поэзіей Гюго, Мюссэ и Ламартина, Леконтъ-де-Лиль направилъ свой негодующій сонетъ: „*Les Montreurs*“ и затѣмъ всѣмъ своимъ творчествомъ воплотилъ совершенно противоположное пониманіе поэзіи, какъ искусства отвлекаться отъ себя и предаваться культу чистой красоты. Свой душевный міръ поэтъ тщательно оберегаетъ отъ читателя: ни одно личное чувство, ни одно индивидуальное настроеніе не нарушаетъ строгаго хода его поэмъ и короткихъ стихотвореній, гдѣ геройемъ является все человѣчество, воспроизведенное со всѣми своими идеалами и вѣрованіями. Леконтъ-де-Лиль сходится съ Ренаномъ въ теоріи о томъ, что каждая нація, каждая форма интеллектуальной, религіозной и нравственной жизни народовъ оставляетъ при своемъ исчезновеніи краткую формулу, „сокращенный типъ“, который дѣлается навсегда представителемъ миллионовъ давно забытыхъ людей, жившихъ и умершихъ, воплотясь въ этомъ основномъ

типъ. „Poèmes barbares“ и являются попыткой поэта воссоздать въ искусствѣ эти кристаллизовавшіеся типы человѣчества. „Quain“, „Vigne de Naboth“, „Néférou Ra“, „Mort de Valmiki“ и другія поэмы посвящены отдѣльнымъ фазисамъ человѣческаго существованія и воспроизводятъ внутреннюю красоту каждаго изъ типовъ человѣчества. Это тоже своего рода „Légende de Siècles“, но не произвольная, руководимая воображеніемъ поэта, а не исторіей, его индивидуальными симпатіями и антипатіей, а не стремленіемъ къ вѣчной истинѣ и вѣчной красотѣ, одинаково великой у дивара и у утонченнаго представителя вѣковой культуры. Холодный и объективный въ своемъ воспроизведеніи различныхъ мировыхъ моментовъ, Леконтъ-де-Лиль противопоставляетъ романтическому произволу Гюго въ вопросахъ исторіи величайшую эрудицію, придающую поэмамъ особый характеръ отчужденности отъ міра живыхъ страстей и нѣкоторую долю педантизма. Въ этомъ объективномъ творчествѣ, въ которомъ все сводится къ безупречной красотѣ, формѣ, къ полнотѣ воспроизведенія отжившихъ жизненныхъ типовъ, есть несомнѣнно большая красота, близкая по духу греческой скульптурѣ, но есть въ ней также та неподвижность, которой Брюнетьеръ не видитъ въ восхваляемомъ имъ поэтѣ, но которая дѣлаетъ необходимымъ возвратъ къ романтизму, хотя и непохожему на романтизмъ предшественниковъ де-Лиль. Новый романтизмъ утратилъ наивность поколѣнія Гюго, и понимаетъ лиризмъ не въ смыслѣ нытья по поводу измѣнившей возлюбленной и диэпиграмовъ чернымъ глазамъ томныхъ испанокъ; онъ прошелъ черезъ философскія системы и возродился съ прежнимъ култомъ свободной души, но съ новыми, уже совершенно оригинальными настроеніями, въ которыхъ мистицизмъ и дерзновенное отношеніе къ природѣ составляютъ самыя яркія черты. Творчество Леконта-де-Лиль имѣетъ большое значеніе, какъ звено между старымъ романтизмомъ, чуждымъ философій, и новымъ, вышедшимъ изъ научныхъ и философскихъ идей. Брюнетьеръ не видитъ этого историческаго значенія Леконта-де-Лиль и всей школы парнасцевъ и останавливается на авторѣ „Poèmes Barbares“ лишь какъ на разрушителѣ ненавистнаго академику-критику романтизма. Въ этомъ игнорированіи роли парнасцевъ для поэзіи нашихъ дней сказывается свойственное Брюнетьеру недоувѣріе къ новизнѣ, его предубѣжденіе противъ всякаго искусства, которое ищетъ новыхъ путей и не ограничивается слѣдованіемъ испытаннымъ классическимъ идеаламъ. Леконтъ-де-Лиль удовлетворяетъ его—насколько онъ вернулся къ старинѣ, но какъ подготовителя новаго теченія онъ не считаетъ его достойнымъ признанія.

Отношеніе Брюнетьера къ современной поэзіи ярко сказывается

въ его статьѣ о Бодлэрѣ, написанной, по собственнымъ словамъ критика, съ цѣлью удержать хоть нѣсколько человекъ отъ подписки на памятникъ Бодлэру. Сама эта цѣль очень характерна для Брюнетьера. Какъ бы ни относиться къ болѣзненной поэзіи „*Fleurs de mal*“, нужно быть узкимъ ригористомъ, чтобы оспаривать права Бодлэра на одно изъ первыхъ мѣстъ въ поэзіи нашего вѣка. Даже Викторъ Гюго, очень неохотно признававшій поэзію, не отвѣчающую его катехизису, говорилъ, что Бодлэръ внесъ „*un frisson nouveau*“ въ французскую поэзію. А что можетъ быть выше этой похвалы? Какимъ бы чудовищнымъ ни казалось критику основное настроеніе Бодлэра, но онъ его создалъ на почвѣ истинной поэзіи—и признавъ это, нельзя отрицать его значеніе для поэзіи. Бодлэръ первый отразилъ въ поэзіи расколъ души, не знающей цѣльныхъ чувствъ и стремящейся удовлетворить своей безграничной любви къ красотѣ сочетаніемъ великихъ контрастовъ души, святаго съ презрѣннымъ, и погоней за неизвѣданными ощущеніями, способными удовлетворять утонченные, больные избыткомъ культуры нервы. Все, что въ природѣ есть тонкаго и необычайнаго, все, что есть дерзновеннаго въ насмѣшлѣйшій человѣкъ надъ природой и въ созданіи имъ своего собственнаго искусственнаго міра красоты,—все это наполняетъ большую душу Бодлэра и отражается въ совершенно новыхъ мотивахъ, новыхъ способахъ искать красоты въ неудовимомъ, въ „соотвѣтствіяхъ“ (*correspondances*) звуковъ и цвѣтовъ, въ сопоставленіи зрѣлища смерти съ мыслью о любви. „*Fleurs de mal*“ открыли цѣлый своеобразный міръ, воспроизведенный истиннымъ поэтомъ, и со времени появленія этого знаменитаго сборника народилось цѣлое поколѣніе, живущее этимъ новымъ пониманіемъ красоты, тревожной и дерзновенной. А между тѣмъ критикъ, на глазахъ у котораго происходило это рожденіе новой поэзіи, всецѣло отрицаетъ заслуги ея создателя передъ отечественной литературой. Брюнетьеръ, конечно, исходитъ при этомъ изъ нравственныхъ принциповъ, оскорбленныхъ святотатственными настроеніями поэта; но, не споря противъ почтенности этихъ этическихъ соображеній, мы находимъ, однако, страннымъ, что художественное чутье не одержало на этотъ разъ верхъ надъ заботой объ общественной нравственности, и критикъ не увидѣлъ въ Бодлэрѣ прежде всего—и единственно—поэта, который подлежитъ высокому суду красоты и никакому другому.

Предвзятость сужденій Брюнетьера, очень энергично выражающаго какъ свои симпатіи, такъ и антипатіи, сказывается, между прочимъ, въ его отношеніяхъ къ Зола и къ Буржэ. Авторъ „*Ругонъ-Маккаровъ*“—въ особой немилости у критика. „Сильный, но не пропускающій свѣта (ораче) умъ г. Зола“—такими и подобными эпи-

тетами характеризуетъ онъ его при всякомъ удобномъ случаѣ, говоря о монотонности и грубости его романовъ, какъ и всей натуралистической школы. Онъ ставитъ безконечно выше психологическій романъ и главнаго его представителя, Бурже. Въ романѣ послѣдняго „Tette Promise“ онъ видитъ великое литературное произведеніе и — славословитъ его тонкость какъ психолога только потому, что Бурже — представитель того легкаго, свѣтскаго *stagivaudage*, который умѣетъ облечь трагедіи души въ изящную форму, придавъ имъ чисто головной характеръ. На томъ же основаніи и Октаву Фѣлье посвященъ сочувственный очеркъ: Брюнетьеръ ставитъ выше всего вкусъ и изящество и, говоря о романистахъ, придаетъ громадное значеніе формѣ ихъ письма и пригодности ихъ для чтенія въ салонахъ — хотя бы академическихъ.

II.

Laura Marholm. Das Buch der Frauen. Paris und Leipzig. 1895. Str. 204.

Лаура Маргольмъ — одна изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ писательницъ, а ея послѣдняя книга о женщинахъ сдѣлалась въ короткое время знаменитой. Успѣхъ этотъ объясняется главнымъ образомъ смѣлостью основного тезиса книги и блестящимъ писательскимъ талантомъ, который авторъ обнаруживаетъ въ своихъ психологическихъ очеркахъ. Отъ женщины, говорящей о женскомъ вопросѣ, ожидаютъ защиты женскихъ правъ, панегирика выдающимся женщинамъ, проповѣди свободы отъ общественныхъ предразсудковъ, или же, если авторъ есть женщина „старога завала“, — отрицанія всего этого во имя семьи, дѣтей и т. д. А между тѣмъ Лаура Маргольмъ подходит къ занимающему ее вопросу съ совершенно иной стороны: она пытается освѣтить психологію „новой женщины“, черпая матеріалъ изъ жизни самыхъ выдающихся женщинъ нашего времени. Она объясняетъ, какая особенность современной психологіи дѣлаетъ женщину существомъ половинчатымъ и бессильнымъ, героизмъ котораго можетъ выразиться только въ смерти, а творчество котораго необходимо дѣлается болѣзненнымъ и неспособнымъ воплотить всю индивидуальность талантливой женщины. Выводы, къ которымъ приходитъ г-жа Маргольмъ, кажутся намъ менѣе всего вѣрными. Среди другихъ писательницъ, восставшихъ за поправную личность женщины, она имѣетъ смѣлость выдѣлиться изъ хора и говорить о томъ, что дѣлаетъ съ своей душой современная женщина, жадная искательница духовной свободы. При этомъ автору „Buch der Frauen“ приходится говорить въ тонъ филистерамъ, въ особенности нѣмецкимъ, осуждаю-

щимъ всякое эманципационное движеніе среди женщинъ. Конечно, она говоритъ съ менѣе узкой точки зрѣнія, чѣмъ обычные противники женскихъ правъ, — она старается говорить какъ психологъ, подмѣчающій тайныя пружины души и не заботящійся о практической пригодности своихъ выводовъ. Но въ результатъ является тенденціозная проповѣдь, нарушающая интересъ самыхъ характеристикъ, придающая имъ оттѣнокъ буржуазности, узкаго пониманія жизни. Книга г-жи Маргольмъ значительно выиграла бы, если бы авторъ ограничился своими товкими психологическими замѣчаніями, обрисовывающими новый типъ выдающейся женщины нашего времени; обобщеніе этихъ замѣчаній ведетъ къ произвольной морали, навязывающей людямъ „новой души“, которыхъ г-жа Маргольмъ изучаетъ *sur le vif*, слѣдованіе по старымъ, отвергнутымъ ими путямъ.

Книга г-жи Маргольмъ состоитъ изъ пяти очерковъ о женщинахъ, составившихъ себѣ европейское имя: въ Маріи Башкирцевой она изучаетъ типъ дѣвушки конца вѣка, живущей только головой и знающей только головныя увлеченія. Анна Эдгрень-Лефлеръ кажется ей примѣромъ черствой воительницы за женскія права, не согрѣвшей своего творчества любовью. Нервность, отзывчивость и тонкую впечатлительность современной женщины Маргольмъ наблюдаетъ въ Элеонорѣ Дуэ, въ англійской писательницѣ Д. Эджертопъ и въ извѣстной скандинавской романисткѣ Амаліи Скрамъ; наконецъ шестой очеркъ посвященъ Софіи Ковалевской.

Въ Маріи Башкирцевой г-жу Маргольмъ интересуетъ не столько художница и писательница, какъ дѣвушка съ новыми своеобразными настроеніями. Въ самомъ дѣлѣ, громкая извѣстность Башкирцевой основывается главнымъ образомъ на психологическомъ интересѣ ея дневника. Л. Маргольмъ сознаетъ это, но душевный міръ Башкирцевой кажется ей типичнымъ не для общаго настроенія эпохи, а исключительно для характеристики дѣвушки новаго типа. Она указываетъ въ Башкирцевой всѣ черты, отмѣчающія ее печатью исключительнаго первокласснаго таланта. „Она была изъ того матеріала, изъ котораго судьба или создаетъ величайшихъ женщинъ, или который она выбрасываетъ сломаннымъ“. Самая характерная черта въ ней была рѣзко выраженная индивидуальность, которая искала во всѣхъ сферахъ искусства и науки средства воплотить себя. Башкирцева хотѣла быть пѣвицей, но, потерявши голосъ, сдѣлалась художницей, писательницей — и какова бы ни была набранная ею дѣятельность, за техническими качествами ея творчества сказывалась прежде всего обаятельная сила большой души, „въ которой все изъ первыхъ рукъ, изъ лучшаго, что земля можетъ дать человѣку“. Она ищетъ примѣненія своимъ большимъ силамъ и начинаетъ жизнь съ той

интенсивностью чувствъ и впечатлѣній, которая ведетъ и къ великимъ страданіямъ, и къ плодотворной дѣятельности. „Ея путь,—говорить г-жа Маргольмъ,—усѣянъ былъ кусками жизни, опадающими замертво, и каждый ударъ, наносимый ей, попадалъ прямо въ сердце. У нея не было роговой оболочки на душѣ для защиты отъ разочарованій; она не знала глубокаго сна безъ сновидѣній, въ которомъ отдыхаетъ тѣло. Но она въ то же время обладала въ безконечной степени истиннѣйшомъ самосохраненіи и способностью возстановлять утраченныя силы организма. Душа ея была вся въ ранахъ, но въ то же время полна нарождающихся клѣточекъ. То, что убито было въ душѣ, оставалось мертвымъ, но въ то же время она искала по всѣмъ сторонамъ новыхъ источниковъ жизни. Изъ этой жажды жить и дать все, что природа вложила въ нее, вытекала у Башкирцевой ея неутомимая погоня за знаніемъ всякаго рода, лихорадочность работы и напряженность умственной дѣятельности, слишкомъ изнурительной для слабаго тѣла дѣвушки. Богато одаренная отъ природы, готовая работать безъ устали, поставленная въ самыя лучшія условія для творчества, окруженная роскошью, нужной ея эстетическимъ вкусамъ, и всеобщимъ поклоненіемъ, необходимой пищей ея ненасытнаго самолюбія—Марія Башкирцева не смогла, однако, воплотить всѣхъ силъ своей души и сказала лишь въ немныхъ тревожныхъ порывахъ, въ жалобахъ на свое безсиліе, въ намекахъ на безграничныя стремленія души,—въ сильной душевной жизни, парализованной неспособностью къ цѣльнымъ чувствамъ, къ всепоглощающей артистической дѣятельности. Эта болѣзненная надломленность, соединеніе безграничныхъ порывовъ съ скептическимъ отношеніемъ къ жизни, культъ себя, своей красоты, страсть, уживающаяся въ душѣ вмѣстѣ съ холодной отчужденностью отъ жизни — всѣ эти психологическіе элементы дневника Башкирцевой были тѣмъ, что она внесла въ современность и чѣмъ она способствовала развитію идеалистическихъ теченій въ искусствѣ и литературѣ послѣдняго времени.

Въ этихъ общихъ настроеніяхъ г-жа Маргольмъ видитъ, однако, спеціально „женскія причины“. Если въ творествѣ Башкирцевой нѣтъ цѣльности, если она изнываетъ отъ неудовлетворенности и умираетъ, не давши и половины того, къ чему природа дѣлала ее способной, то виной этому было, по мнѣнію г-жи Маргольмъ, отсутствіе главнаго фактора женской души—сердечной привязанности къ человѣку, стоящему выше ея и дающему содержаніе ея жизни. Во всѣхъ ея начинаніяхъ она видитъ „die grosse Unfertigkeit, die das jungfräulich bleibende Weib ist“. Въ стремленіи молодой дѣвушки создать свой особый міръ и избѣжать такимъ образомъ женской судьбы и женскихъ

страданій, нѣмецкая писательница видитъ зло, создавшее трагедію жизни Башкирцевой и наложившее отпечатокъ невѣденія и безсилія на ея творчество, несмотря на богатые задатки ея натуры. Въ этомъ выводѣ сказалось основное положеніе книги г-жи Маргольмъ. Она исходитъ изъ убѣжденія, которое формулируетъ словами: „Des Weibes Inhalt ist der Mann“. Каждая женщина, которую собственная воля или обстоятельства побудили идти противъ этого закона, жить собственной жизнью, а не отраженной, кажется г-жѣ Маргольмъ примѣромъ неполнаго развитія душевныхъ силъ. Марія Башкирцева, удѣлавшая значительную часть жизни чувствамъ, кажется ей безсильнымъ ребенкомъ съ неудовлетворенной душой, только потому, что она не встрѣтила сильнаго человѣка и не знала счастливой любви.

Конечно, этотъ выводъ по отношенію къ Башкирцевой по меньшей мѣрѣ странный. Она менѣе всего чуждалась жизни чувствъ, въ нихъ для нея воплощалась красота жизни. Если же она не умѣла любить и постоянно говорила о жадѣ любить и знать, что она любима, то въ этомъ сказывается не типъ современной дѣвушки, съ искусственно атрофированной сердечной жизнью, а современнаго человѣка вообще, съ его пониманіемъ любви и красоты въ жизни и выше ея. Портретъ Башкирцевой, набросанный г-жей Маргольмъ въ ея очеркѣ, очень мѣтко воспроизводитъ образъ молодой художницы, съ ея тонкой нервной организаціей и странной смѣсью силы таланта и безсилія творчества; но объясненіе, которое даетъ авторъ книги, слишкомъ тенденціозно; сложный характеръ Башкирцевой нельзя замкнуть въ рамки нѣмецкой морали о призваніи женщины.

Двѣ скандинавскія писательницы, которыхъ авторъ рассматриваетъ какъ представительницъ другихъ подмѣченныхъ ею типовъ современной женщины, представляютъ интересъ сами по себѣ, помимо психологін, которую онѣ должны объяснять въ книгѣ г-жи Маргольмъ. Анна Эдгрэнъ-Лефлеръ известна у насъ главнымъ образомъ написанной ею біографіей Софіи Ковалевской и нѣсколькими беллетристическими вещами. Л. Маргольмъ рисуетъ ее сильной женщиной съ большимъ умомъ и причисляетъ ее къ новому типу женщинъ, пытающихся создать себѣ независимую жизнь во всѣхъ отношеніяхъ и выступить съ критикой противъ мужчинъ. Получивши очень основательное домашнее образованіе, Анна Лефлеръ выступила въ девятнадцать лѣтъ съ комедіей „Актриса“, за которой вскорѣ послѣдовала лучшая изъ ея вещей—„Ундина“, гдѣ роли любви въ жизни женщины придается глубокое, почти символическое, значеніе, и затѣмъ: „Аврора Бунге“ и „Женственность и эротика“. Во всѣхъ этихъ вещахъ сказывается живое, чуткое сердце, нервная впечатли-

тельность и теплота чувства, представляющая сильный контрастъ съ холоднымъ ироническимъ тономъ и доктринерствомъ ея позднѣйшихъ произведеній. Въ этихъ первыхъ вещахъ сосредоточено все, что въ ея писательствѣ было самаго обаятельнаго и глубоко женственнаго; въ другихъ же позднѣйшихъ писаніяхъ сказалась ея острая наблюдательность, тонкій критическій талантъ, благородное возмущеніе, остроуміе и другія качества, создающія славу писателю.

Подъ вліяніемъ особыхъ условій скандинавской жизни 80-хъ годовъ и холодной разсудочности своей натуры, Анна Лефлеръ превратилась изъ отзвѣчивой романистки въ одну изъ руководительницъ женскаго эмансипаціоннаго движенія въ Швеціи и вмѣстѣ съ Бьернсе-номъ и многими женщинами-писательницами начала знаменитый походъ противъ мужчинъ. Эти нападки на нравственную испорченность мужчинъ и славословіе чистой женщины отиѣчаютъ собой цѣлую эпоху скандинавской литературы и вызвали реакцію въ видѣ жено-ненавистническихъ драмъ и романовъ Стриндберга и другихъ. Анна Эдгрень-Лефлеръ—самая видная представительница этой новой критики мужчинъ съ высоты женской чистоты и гордости. Ея драмы: „Настоящія женщины“, „Какъ дѣлать добро“ и др. вызвали взрывы негодованія въ мужскомъ лагерѣ и горячо пріѣтствовались единомышленниками и главнымъ образомъ единомышленницами автора. Но въ этой новой дѣятельности романистки г-жа Маргольмъ видитъ паденіе ея творчества. „Художница,—говоритъ она,—превращается въ узкую моралистку. Эта женщина, преисполненная мѣры и вкуса, пріобрѣтаетъ сразу вѣчто тяжеловѣсное: она становится программной, тенденціозной писательницей“. Соціализмъ тоже входитъ въ ея программу. Она, не знающая пролетарія, рисуетъ его въ мелодраматическомъ видѣ. Теперь она—женщина, отстаивающая свои права, теоретически и практически. Митинги, чтенія и писаніе тенденціозныхъ драмъ и повѣстей затягиваютъ Анну Лефлеръ, лишая ея талантъ жизненности и теплоты, пока, наконецъ, на 40-мъ году жизни, она не переживаетъ своего перваго романа въ жизни. Она знакомится въ Неаполѣ съ герцогомъ Капанелло, узнаетъ счастливую любовь, выходитъ замужъ и послѣ двухъ лѣтъ замужества умираетъ, остав-ляя шестимѣсячнаго ребенка. Послѣднія ея работы свидѣтельствуютъ о пробужденіи новыхъ, глубокихъ струнъ души. „Воительница за женскія права,—такъ заканчиваетъ свой очеркъ г-жа Маргольмъ,—стала воспѣвать тайну чувствъ, и послѣдніе короткіе года ея счастья, такъ быстро закончившагося смертью, были горячимъ протестомъ противъ ея прежней, слишкомъ трезвой литературной дѣятельности“.

Анна Эдгрень-Лефлеръ служить для г-жи Маргольмъ иллюстраціей метаморфозы, которую современные нравы внесли во взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ. Истинное значеніе женщины г-жа Маргольмъ видитъ не въ ея дѣятельности на томъ или иномъ поприщѣ, а въ сущности ея натуры, и въ этомъ отношеніи, по ея мнѣнію, современныя женщины стоятъ ниже прежнихъ; разсудочность убиваетъ душевную глубину, и поэтому прежнее сердечное и благоговѣйное отношеніе къ вліянію женщины смѣнилось острыми враждебными отношеніями мужчинъ и женщинъ. Послѣднія стали открыто и рѣзко критиковать мужчинъ и созданныя ими условія жизни, и въ отвѣтъ имъ создана была „дѣсна пѣсней женоненавистничества“, какъ называетъ Л. Маргольмъ „Крейцерову Сонату“ и книги Стриндберга. Женщина стремится освободиться отъ мужского вліянія, сдѣлаться самостоятельной и предъявляетъ свои требованія къ мужчинамъ,—это начало непримиримой вражды и борьбы за первенство. Л. Маргольмъ опять подводитъ мораль этой борьбѣ, говорить, что женщины неправы, направляя свои силы въ эту сторону, — какъ будто такое движеніе, выросшее изъ историческихъ причинъ, можетъ быть подчинено практическимъ соображеніямъ. Заслуга нѣмецкой писательницы въ томъ, что она подмѣтила эту характерную черту современности, антагонизмъ женщинъ и мужчинъ: направить это движеніе или остановить его—не въ силахъ какого бы то ни было проповѣдника. Въ лицѣ извѣстной скандинавской писательницы Амаліи Скрамъ Л. Маргольмъ видитъ образчикъ полного развитія творческихъ силъ въ женщинѣ, живущей полной и удовлетворенной личной жизнью. Ея натуралистическое творчество она ставитъ наряду съ романами Э. Золя и говорить, что главное достоинство „Люси“, „Двухъ друзей“ и др. романовъ А. Скрамъ — въ смѣлости автора, знающаго жизнь и имѣющаго смѣлость не молчать объ этомъ.

Очень интересенъ этюдъ о Дж. Эджертонѣ, авторѣ „Keunotes“, оригинальной книги объ „основныхъ тонахъ“ женской души и объ отчужденности, которая все болѣе чувствуется въ послѣднее время между душевнымъ міромъ женщинъ и мужчинъ. Книга Д. Эджертона написана „для женщины“, но написана крайне смѣло, раскрываетъ основы семейной жизни и критикуетъ ихъ безъ всякой ложной pruderie.

Софѣя Ковалевской авторъ „Buch der Frauen“ отводитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди выдающихся женщинъ нашего времени, но самая оцѣнка ея душевной жизни кажется крайне невѣрной и придуманной. Л. Маргольмъ называетъ Ковалевскую „жертвой времени“, основываясь на рассказахъ объ ея неудовлетворенной любви. Каковы

бы ни были обстоятельства личной жизни Ковалевской, онѣ могли встрѣтиться и въ жизни любого мужчины и ничѣмъ не могли повліять на ея ученую дѣятельность—а только эта сторона ея жизни доставила ей ея громкую извѣстность. Умерла она, какъ извѣстно, отъ простуды и переутомленія, и всѣ приводимыя г-жей Маргольцъ исторіи ея отношеній къ тому или другому изъ ея знакомыхъ не убѣждаютъ въ томъ, что и Ковалевская входитъ въ разрядъ женщинъ, сдѣлавшихся жертвой своего незнанія любви и поэтому безсильныхъ проявить силы, данныя имъ природой. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1896 г.

По поводу ожидаемаго новаго законопроекта по дѣламъ общественнаго призрѣнія.— Значеніе „попечительныхъ станцій“ въ общей организаціи такого призрѣнія.— Подобный вопросъ въ другихъ странахъ: пренія въ прусской палатѣ депутатовъ.— Отношенія нашего земства и городовъ къ дѣлу общественнаго призрѣнія.—Проектъ дома труда въ С.-Петербургѣ и его недостатки.— Объясненія тверской губернской земской управы по Бурашевской психіатрической колоніи.—Н. Н. Буличъ †.

Высочайше учрежденная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ ст.-секретаря К. К. Грота, съ цѣлью пересмотра дѣйствующихъ законовъ объ общественномъ призрѣніи, приближается, повидимому, къ окончанію возложенной на нее работы. Еще весной эта коммиссія обратилась къ губернскимъ земскимъ и городскимъ управамъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ организаціи столь важнаго дѣла, какъ общественная благотворительность и призрѣніе. Очевидно, коммиссія уже выработала для себя основной планъ и желаетъ только, прежде составленія окончательнаго проекта новаго закона, заручиться точными свѣденіями о дѣйствительномъ положеніи общественнаго призрѣнія у насъ, его размѣрахъ, существующихъ формахъ, а главное, ознакомиться съ мнѣніями и взглядами людей практики на различные вопросы, вызываемые благотворительностью, и съ тѣми ея формами, какія могли сложиться въ той или другой мѣстности, подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ особыхъ условій. Конечно, отвѣты на вопросы коммиссіи уже получены, и за составленіемъ изъ нихъ полнаго свода, нынѣшней осенью явятся, быть можетъ, возможность приступить къ самой редакціи проекта новой организаціи общественнаго призрѣнія, по крайней мѣрѣ въ той части государства, гдѣ введено земское и городское общественное управленіе.

Въ наше время, вопросъ о призрѣніи вышелъ далеко за тѣ предѣлы, какими онъ ограничивался, говоря относительно, еще не такъ давно. Забота о призрѣніи уже не исчерпывается болѣе устройствомъ судьбы однихъ убогихъ, калѣкъ, малолѣтнихъ и вообще неспособныхъ къ труду, при помощи богаделенъ, пріютовъ и т. п.; новыя условія труда и вообще жизни сдѣлали необходимымъ еще болѣе озаботиться судьбою вполнѣ здоровыхъ, совершенно трудоспособныхъ людей, но доведенныхъ, по независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ, до одного

положенія съ убогими, — за невозможностью найти работу и получить средство къ пропитанію. Мы не можемъ отрицать того, что у насъ еще нѣтъ подобнаго источника нищенства; переселенческое движеніе, отхожіе промыслы въ деревняхъ, высылка рабочихъ, оставшихся безъ работы, сотнями изъ городовъ въ тѣ же села, откуда они должны были уйти, за невозможностью тамъ прокормить себя, — все это свидѣтельствуеетъ несомнѣнно, что и намъ вовсе не рано начать влючать въ число „призрѣваемыхъ“ не однихъ убогихъ и калѣкъ, а также и ту массу, которая, безъ такого призрѣнія, образуетъ изъ себя легко громадный матеріалъ, изъ котораго слагается главный контингентъ лицъ, вынужденныхъ пропитывать себя подаеміемъ, милостынею, т. е. нищихъ. Это, такъ сказать, предупредительное призрѣніе имѣетъ для борьбы съ нищенствомъ такое же значеніе, какъ санитарныя мѣры для борьбы съ болѣзнями. Желательно было бы потому, чтобы и у насъ обратили вниманіе, при реформѣ дѣла общественной благотворительности, на эту новую, такъ сказать, „статью“ въ дѣлѣ общественаго призрѣнія и на новыхъ его клиентовъ, иногда гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ убогіе и вовсе неспособные къ труду.

Въ другихъ странахъ сдѣланъ уже опытъ и сдѣланы точныя и весьма интересныя, притомъ официальныя наблюденія, изъ которыхъ можно заключить, какое громадное вліяніе оказываетъ на уменьшеніе нищенства, въ качествѣ предупредительной мѣры, забота о трудоспособныхъ, но лишенныхъ работы. Германское посольство въ Вѣнѣ сообщило въ нынѣшнемъ году своему правительству точныя данныя о тѣхъ поразительныхъ результатахъ, какіе получились въ Австріи отъ организаціи „попечительныхъ станцій“ (Verpflegungsstationen), куда принимаются всѣ лишенные пропитанія, съ цѣлью временной помощи имъ и дальнѣйшаго ихъ устройства: въ Верхней-Австріи, въ 1887 г., за нищенство и бродяжничество было приговорено судомъ 7.253 человекъ, а по введеніи „попечительныхъ станцій“, въ 1893 г., число приговоренныхъ упало до 1.746 человекъ; въ Штирии, за такой же промежутокъ времени, число осужденныхъ за нищенство уменьшилось съ 5.073 до 1.707; въ Моравіи, въ теченіе 2 лѣтъ и семи мѣсяцевъ число приговоровъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на 7.000. Такія цифры, добытыя официальнымъ путемъ, — краснорѣчивѣе всякихъ пространныхъ разсужденій, и приведенное нами сообщеніе германскаго посольства въ Вѣнѣ занимало, потому, весьма важное мѣсто въ тѣхъ преніяхъ, которыя происходили въ прусской палатѣ депутатовъ въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, когда поставлено было на очередь обсужденіе законопроекта объ общей организаціи въ Пруссіи попечительныхъ станцій.

До сихъ поръ онѣ образовывались тамъ случайно, по частной инициативѣ, и хотя также приносили свою пользу, но также случайно, вслѣдствіе ослабленія частной инициативы, и закрывались. Въ упомянутомъ засѣданіи прусской палаты, 4 мая сего года, правительственный комиссаръ, отрывшій пренія, такимъ образомъ объяснялъ значеніе попечительныхъ станцій, какъ наилучшаго средства къ предупрежденію нищенства и бродяжничества:

„Уже много лѣтъ тому назадъ, и особенно съ начала семидесятихъ годовъ, бродяжничество въ Германіи приняло угрожающіе размѣры, и вотъ съ того времени въ тѣхъ сферахъ, гдѣ были заняты присканиемъ способовъ къ упорядоченію нашихъ экономическихъ неурядицъ, занялись также и вопросомъ о томъ, какимъ образомъ пресѣчь зло, проистекающее отъ нищенства и бродяжничества. Всѣ убѣдились, и опытъ подтвердилъ, что противъ такого зла нельзя выступать съ одними карательными законами, полицейскими мѣрами и домами заключенія. Если карательные законы справедливо преслѣдуютъ нищенство и бродяжничество, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что весьма значительный контингентъ тѣхъ лицъ, которыя въ первый разъ несутъ на себѣ кару закона, впали въ преступленіе вслѣдствіе самой горькой нужды и полной безработицы. Но разъ они испытали наказаніе,—для нихъ является серьезная опасность покатиться дальше по наклонной плоскости, и вотъ они превращаются въ профессиональныхъ нищихъ. А потому крайне необходимо предохранить этихъ несчастныхъ людей отъ паденія, помочь имъ стать на ноги и всѣми силами поддержать ихъ. Исходя изъ такого основанія и стремясь къ достиженію подобной цѣли, были устраиваемы мѣста, гдѣ безработные, но не уклоняющіеся отъ работы, могли найти себѣ прибѣжище, опору и содѣйствіе къ дальнѣйшему устройству своей судьбы. Эти учрежденія, развившіяся изъ небольшихъ частныхъ попытокъ, стали быстро распространяться не только въ Пруссіи но и въ другихъ странахъ имперіи, въ Швейцаріи, въ Австріи. Въ Пруссіи, въ настоящее время такихъ попечительныхъ станцій (Verglegungsstationen) насчитывается свыше 800; расходуется на ихъ содержаніе болѣе милліона марокъ ежегодно (свыше 500 тысячъ руб.)—все это вышло изъ частной инициативы;—но—по мнѣнію докладчика—безъ правительственнаго вмѣшательства, безъ регулированія всего этого дѣла общимъ закономъ, всѣ эти станціи могутъ также быстро закрыться, какъ быстро онѣ образовались“...

Никто въ прусской палатѣ не подвергалъ сомнѣнію пользы и важнаго значенія попечительныхъ станцій; возраженія относились болѣе къ частностямъ проекта, а главнымъ образомъ, и почти всѣ ораторы, возстали противъ сильнаго вмѣшательства въ дѣла призрѣнія

со стороны администраціи, которое можетъ привести къ одному формализму, а также противъ регулированія его однимъ общимъ закономъ; они находили, что въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія необходимо предоставить наибольшую свободу дѣйствія отдѣльнымъ „провинціямъ“: пусть каждая изъ нихъ рѣшитъ сама вопросъ о попечительныхъ станціяхъ сообразно потребностямъ въ нихъ каждой изъ провинцій; законъ же долженъ ограничиться указаніемъ „провинціямъ“ на пользу подобной организаціи и опредѣлить размѣръ поддержки въ этомъ дѣлѣ со стороны правительства и порядокъ надзора. Это мнѣніе одержало верхъ въ палатѣ, и весь законопроектъ былъ переданъ на пересмотръ его въ такомъ смыслѣ новой коммисіи.

Мы остановились нѣсколько на преніяхъ въ прусской палатѣ съ цѣлью показать, что правильная постановка дѣла общественнаго призрѣнія представляетъ немалыя трудности даже и въ такихъ странахъ, гдѣ оно сдѣлало, особенно сравнительно съ нами, весьма значительные успѣхи и давно имѣло для себя и установившееся законодательство, и многолѣтнюю практику. Напи общественные порядки, съ введеніемъ въ дѣйствіе земскаго Положенія 1864 г. и городского Положенія 1870 г., представляютъ еще и теперь нѣкоторую аналогію съ западно-европейскими порядками, а потому есть возможность во многихъ отношеніяхъ воспользоваться, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ по общественному призрѣнію, опытомъ другихъ странъ; мы имѣли, а въ извѣстной степени имѣемъ и теперь, послѣ новаго земскаго Положенія 1890 г. и городского Положенія 1892 г., такое мѣстное общественное управленіе, которому всего удобнѣе взять на себя не одни только расходы, но и самое веденіе дѣла общественнаго призрѣнія ¹⁾. Правда, до сихъ поръ, несмотря на то, что и

¹⁾ По поводу того же вопроса, „Русскія Вѣдом.“ въ статьѣ „О практической постановкѣ общественнаго призрѣнія“ (№ 97) высказались въ томъ же смыслѣ: „практика голоднаго 1892 года и организація земскихъ санитарныхъ и медицинскихъ попечительствъ показали съ полною очевидностью всю крайнюю необходимость передачи дѣла помощи бѣднымъ въ руки общества и общественныхъ учрежденій. Современное земство и городское самоуправленіе потерпѣли, какъ извѣстно, значительныя измѣненія въ смыслѣ сокращенія числа лицъ, принимающихъ въ нихъ посредственное и непосредственное участіе. Въ виду этого представляется очень желательнымъ, чтобы органы общественнаго призрѣнія не составлялись исключительно изъ тѣхъ же элементовъ, что и современное мѣстное самоуправленіе. Напротивъ того, желательно, чтобы различныя попечительства о бѣдныхъ и нуждающихся въ помощи, не теряя самой близкой и тѣсной связи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ и даже будучи его необходимой принадлежностью, привлекали бы къ себѣ, независимо отъ имущественнаго, сословнаго и служебнаго ценовъ, всѣ тѣ силы провинціи, которыя могутъ быть полезны дѣлу общественнаго призрѣнія. Необходимо, чтобы помогать ближнимъ желъ всякій желающій, не только въ силу избранія, но и по личному своему почину“.

земское, и городское общественное управленіе, существуютъ одно болѣе четверти вѣка, а другое около того—дѣло общественнаго призрѣнія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, развилось очень мало, если имѣть въ виду все то, что слѣдовало бы сдѣлать въ такой промежутокъ времени; но, съ другой стороны, можно сказать, что земство и городъ сдѣлали очень много, если подумать о томъ, какъ мало было сдѣлано до нихъ. Однѣ земскія губерніи издерживаютъ въ настоящее время, если не ошибаемся, свыше 3 милл. руб. ежегодно на дѣла благотворительности, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. не включая въ ту сумму расходовъ на больничное дѣло. Расходы городовъ на этотъ же предметъ едва-ли меньше такихъ же расходовъ земства. Конечно, и такая сумма еще ничтожна при сравненіи ея съ цифрою населенія земскихъ губерній и городовъ; но и земство, и города, приняли въ свое время хозяйство не въ такомъ положеніи, чтобы имъ ничего не оставалось, какъ только продолжать и развивать далѣе уже благоустроенное дѣло: имъ приходилось многое и самое необходимое вновь создавать, какъ-то: школы, больницы, лучшіе пути сообщенія, но и все это можно было дѣлать на остатки отъ обязательныхъ расходовъ, не имѣя при этомъ никакой увѣренности, что труды и положенные расходы не примутъ какого-нибудь направленія, которое оставитъ земство и города почти при одной обязанности нести расходы, какъ это почти и случилось, вслѣдствіе появленія новаго больничнаго устава, съ дѣломъ больничнаго призрѣнія, —и въ земствѣ, и въ городахъ, гдѣ оно получило такое широкое развитіе, о какомъ лѣтъ тридцать тому назадъ нельзя было и думать.

Нѣчто подобное случилось и въ нынѣшнемъ году въ С.-Петербургѣ по одному изъ частныхъ вопросовъ, касающихся дѣла общественнаго призрѣнія. Городъ Петербургъ, пропорціонально своему населенію, едва ли не стоитъ позади многихъ другихъ городовъ въ отношеніи своего участія въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, въ прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ больничные расходы, даже школьные, носятъ на себѣ только благотворительный характеръ: городъ къ доходамъ, получаемымъ съ специальныхъ капиталовъ, переданныхъ ему готовыми, и со сборовъ за право на больничное леченіе и школьное обученіе приплачиваетъ къ тому значительную сумму изъ собственныхъ средствъ; но на общественное призрѣніе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, онъ жертвуетъ только тѣ съ небольшимъ 20 тысячъ руб., которыя поступаютъ въ распоряженіе здѣшняго „Комитета для разбора и призрѣнія нищихъ“. Правда, городъ имѣетъ еще свою исполнительную „комиссію по благотворительности“, съ бюджетомъ въ 90.000 руб., но дѣятельность этой комиссіи не

точно выражена въ ея наименованіи, такъ какъ она ограничивается однимъ *дѣтскимъ* населеніемъ столицы, и если исключить съ небольшимъ 10 т., расходуемыхъ на собственный городской сиротскій домъ, съ комплектомъ на 125 дѣтей обоого пола, то вся остальная сумма уходитъ на выдачу стипендій при разныхъ пріютахъ, содержимыхъ различными обществами и учреждениями, не городскими, и на плату за ученіе въ гимназіяхъ и въ университетѣ. Кромѣ упомянутаго комитета для призрѣнія нищихъ, въ городѣ развились въ послѣднее время приходскія попечительства, но въ ихъ дѣятельности городъ не принимаетъ никакого участія, и всѣ они дѣйствуютъ отдѣльно, безъ всякой взаимной связи между ними. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, городу было предложено взять на себя дѣло общественного призрѣнія изъ рукъ комитета для призрѣнія нищихъ, но здѣшняя городская Дума, къ сожалѣнію, отклонила отъ себя такое предложеніе, а вотъ въ нынѣшнемъ году она, вслѣдствіе того, получила другое предложеніе, а именно, доставить тому комитету средства, какія Дума находитъ возможнымъ для учрежденія въ Петербургѣ такъ называемаго дома труда—безъ участія со стороны города въ веденіи самаго дѣла, какъ то оказалось изъ препровожденнаго въ столичное общественное управленіе проекта правилъ подобнаго дома труда въ Петербургѣ, опубликованнаго въ „Извѣстіяхъ городской Думы“ за текущій годъ и составленнаго по соглашенію комитета для призрѣнія нищихъ съ с.-петербургскимъ градоначальникомъ.

Во главѣ проекта выставлено слѣдующее положеніе, какъ его первый параграфъ: „Для противодѣйствія нищенству и бродяжничеству учреждается въ С.-Петербургѣ домъ труда“, который „на первое время учреждается для 500 человекъ“. Но въ какой степени будетъ слабо, почти ничтожно, это „противодѣйствіе“, видно не изъ одной цифры вакансій, которая, конечно, оказалась бы недостаточною и „на первое время“, а изъ дальнѣйшихъ подробностей самаго проекта. Въ этотъ домъ труда будутъ помѣщаться, „по постановленіямъ комитета призрѣнія нищихъ“, и то только въ такомъ случаѣ, „если онъ признаетъ то необходимымъ: а) тѣ нищіе, какъ мѣстные, такъ и иногородные обоого пола, кои, будучи задержаны полиціею *не менѣе двухъ разъ*, окажутся здоровыми и способными къ труду, и о коихъ розысканіемъ дознано будетъ, что они недобрительнаго поведенія“. Итакъ, нищенство подлежитъ преслѣдованію только *по третьему разу*; а чтѣ дѣлать съ тѣми, которые попадаютъ въ первый разъ или вторично? Они, повидимому, будутъ выпускаемы и останутся безъ вниманія, если только по прежней системѣ ихъ не вышлютъ всѣхъ куда-нибудь за городъ,— между тѣмъ какъ „первый случай“ совершенно уже достаточенъ для того, чтобы поспѣшить на

помощь человѣку, съ цѣлью предупредить второй случай—и именно для такихъ-то и долженъ былъ бы послужить домъ труда прибѣжищемъ. А что дѣлать съ тѣми, которые окажутся „одобрительнаго поведенія“? Они, очевидно, будутъ отпускаемы, и тѣмъ самымъ какъ бы получать право жить и далѣе милостынею; для нихъ домъ труда, по проекту, ничего не общаетъ сдѣлать; а между тѣмъ этотъ-то разрядъ людей и вызываетъ къ себѣ наибольшія симпатіи и заслуживаетъ особаго вниманія. Далѣе отсрывается въ этомъ проектѣ еще слѣдующее.

Срокъ содержанія въ домѣ труда опредѣляется комитетомъ отъ 4 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ, а къ числу работъ, внѣ дома, отнесены такія работы, какъ: переноска тяжестей, очистка, мощеніе улицъ и площадей, сколка льда и т. п.; и къ такому продолжительному заключенію и къ тяжкимъ работамъ будутъ приговариваться безъ всякаго суда, и не по однимъ постановленіямъ такого административнаго учрежденія, какъ комитетъ для призрѣнія нищихъ, а также и „по постановленіямъ с.-петербургскаго градоначальника, еще и празднующіеся, не имѣющіе опредѣленныхъ занятій и немогущіе указать источникъ средствъ къ жизни, *хотя бы они и не были умичены въ нищенствѣ*“. Такимъ образомъ, комитетъ для призрѣнія нищихъ, затрудняющійся до сихъ поръ благополучнымъ разрѣшеніемъ прямой своей задачи, долженъ будетъ, и уже не по собственнымъ постановленіямъ, заключать въ домъ труда также и тѣхъ, которые не прибѣгали къ нищенству, а слѣдовательно и не подлежатъ вѣденію комитета для призрѣнія, именно, нищихъ. Ко всему этому, надобно присокупить и то, что, по проекту, такія лица, „безъ согласія градоначальника, *не могутъ быть освобождены ранѣе года*“. О внутреннемъ распорядкѣ въ этомъ такъ называемомъ домѣ „труда“ можно судить по одному тому, что начальнику этого дома предоставлено, „по собственному его усмотрѣнію“, наказывать заключенныхъ (такъ они прямо и названы на этотъ разъ—и совершенно вѣрно) одиночнымъ заключеніемъ, на хлѣбъ и водѣ, до восьми дней, или въ темной камерѣ, также на хлѣбѣ и водѣ—до трехъ дней.

Изъ всѣхъ вышеназложенныхъ подробностей ясно, что дѣло идетъ не о домѣ труда, а о тюрьмѣ, съ продолжительными сроками и съ тяжкими работами; тюрьма же эта если и отличается отъ всѣхъ прочихъ тюремъ, то только тѣмъ, что для заключенія въ нее нѣтъ никакой надобности ни въ судебномъ слѣдствіи, ни въ приговорѣ суда, ни даже въ порокѣ нищенства. Вотъ почему слѣдуетъ полагать, что проектъ такого дома, названнаго домомъ труда, вовсе не соответствуетъ ни своему названію, ни содержанію своего перваго пара-

графа, гдѣ сказано, что онъ учреждается „для противодѣйствія нищенству и бродяжничеству“.

Хотя финансовая сторона также занимаетъ видное мѣсто при движеніи всѣхъ вопросовъ общественнаго призрѣнія, но по отношенію къ проектированному дому труда мы не будемъ на ней останавливаться, такъ какъ это—самая слабая сторона проекта: главнымъ источникомъ указаны „суммы, образующіяся отъ штрафовъ, налагаемыхъ с.-петербургскимъ градоначальникомъ на разныхъ лицъ по нарушенію обязательныхъ постановленій, изданныхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 4 сентября 1881 г. Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности“. Но едва-ли правильно, въ финансовомъ отношеніи, основывать предвидѣніе дохода для какого-нибудь постояннаго учрежденія на временномъ законѣ, который можетъ быть и отмѣненъ, или, правильнѣе сказать, не возобновленъ, такъ какъ онъ каждый годъ нуждается въ новомъ Высочайшемъ утвержденіи.

Къ одному изъ видовъ призрѣнія, особенно трудныхъ и сложныхъ, принадлежитъ призрѣніе душевно-больныхъ, и въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, значительный успѣхъ былъ достигнутъ у насъ не въ столицахъ, обладающихъ относительно большими средствами, а въ провинціи. На Бурашевскую психіатрическую колонію, устроенную тверскимъ губернскимъ земствомъ, давно уже указывали какъ на образцовую, и еще въ нынѣшнемъ году въ здѣшней Думѣ, при обсужденіи различныхъ хозяйственныхъ вопросовъ по содержанію больницъ для умалишенныхъ, приводили какъ примѣръ отличнаго хозяйства и превосходныхъ порядковъ, именно Бурашевскую колонію, обязанную своимъ процвѣтаніемъ лицу, стоявшему во главѣ ея, старшему врачу М. И. Литвинову. Тѣмъ болѣе было удивительно вскорѣ за тѣмъ узнать изъ газетъ, и при томъ специальныхъ, какъ „Врачъ“, что это лицо нашло себя вынужденнымъ оставить свое созданіе; всѣ трудившіеся вмѣстѣ съ нимъ въ колоніи также удалились; самыя компетентныя лица и цѣлыя учрежденія поспѣшили выразить свои симпатіи М. И. Литвинову и сожалѣнія по адресу тверской губернской земской управы, которая, судя по подробностямъ, помѣщеннымъ въ газетахъ, „съ легкимъ сердцемъ“, потрясла въ одинъ день то, что создавалось трудами и усиліемъ многихъ лѣтъ. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что вся эта прискорбная исторія всего лучше могла бы быть разъяснена въ ближайшемъ очередномъ собраніи губернскаго земства, но губернская земская управа, въ виду того вниманія, какое обратило на себя это дѣло въ обществѣ и въ печати, помѣстивъ

въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, № 175 (28 іюня) свое разъясненіе уже теперь, и присоединила къ тому выписку изъ протоколовъ послѣдняго губернскаго земскаго собранія, съ тѣми замѣчаніями, какія были сдѣланы со стороны 28-ми гласныхъ при разсмотрѣніи смѣты Бурашевской колоніи на текущій годъ. Эти замѣчанія, впрочемъ, не имѣютъ собственно никакого отношенія къ „инциденту“, и самое удаленіе г. Литвинова послѣдовало не вслѣдъ за ними; замѣчанія гг. гласныхъ, при разсмотрѣніи смѣты, какъ то обыкновенно случается при разсмотрѣніи всѣхъ смѣтъ, относились къ предложенію сократить тотъ или другой расходъ, къ отказу увеличить прежнія смѣтные назначенія, или къ предложенію ввести болѣе точныя формы отчетности и т. п. Однимъ словомъ, содержаніе всѣхъ этихъ замѣчаній не представляетъ въ себѣ никакого обвинительнаго характера по адресу г. Литвинова, а потому не могло послужить—и въ дѣйствительности не послужило—поводомъ къ его отставкѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе того земская управа и нашла необходимымъ дать, съ своей стороны, ближайшія поясненія, которыя, въ сожалѣнію, едва-ли можно назвать удачными; если управа сочла нужнымъ оправдываться, то ей не слѣдовало вызывать своими оправданіями новыхъ недоумѣній. Совершенно напрасно и безъ всякой связи съ существомъ дѣла управа даетъ отъ себя краткій біографическій очеркъ дѣятельности г. Литвинова до Бурашевской колоніи. Весьегоонскій, никому неизвѣстный врачъ „былъ,—говоритъ управа,— по *случайно* (?) сложившимся обстоятельствамъ аккредитованъ высокимъ довѣріемъ земства“, и т. д. Что хотѣли сказать авторы разъясненія словомъ: „случайно“,—это такъ и остается неизвѣстнымъ; но управа не отрицаетъ ни личныхъ достоинствъ, ни заслугъ г. Литвинова, а потому, вмѣсто двусмысленныхъ выраженій, не было ли бы вѣрнѣе сказать: „по счастливо сложившимся обстоятельствамъ“, такъ какъ случай, играющій вездѣ свою роль, на этотъ разъ далъ отличные результаты, признанные всѣми. И сама новая управа, обращаясь къ прежней дѣятельности г. Литвинова въ колоніи и къ его отношенію къ губернскому земству, говоритъ: „Съ учрежденія Бурашевской колоніи и до дня выхода въ отставку, никто никогда въ земскомъ собраніи или управѣ (прежнихъ составовъ) не усомнился въ знаніяхъ и любви къ дѣлу г. Литвинова, никто не критиковалъ и не осуждалъ его способовъ леченія, результатовъ леченія, и т. д. Никогда и никто не вмѣшивался въ введеніе имъ собственно медицинской части дѣла. Никогда и никто не вмѣшивался и не стѣснялъ г. Литвинова какъ приглашеніемъ, такъ и увольненіемъ всего персонала служащихъ по медицинской части колоніи. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ дѣла!“ Все это сказано, конечно, не въ осужденіе г. Литвинова, такъ какъ разъ-

ясненіе говоритъ далѣе, что и „новая управа (послѣдняго состава) точно также ничѣмъ не коснулась г. Литвинова, какъ врача, ничѣмъ не выразила ему недовѣрія, а равно и гг. ординаторамъ. Пусть онъ скажетъ, что это не такъ,—и мы поймемъ и сочувствіе, и волненіе, въ психіатрическомъ мірѣ, и тогда дѣйствительно можно осудить управу, что она не сберегла такого врача!“

Въ чемъ же дѣло? — спроситъ послѣ того каждый; при новой управѣ ничего, какъ видно, не измѣнилось въ ея отношеніяхъ къ главному врачу, и онъ тѣмъ не менѣе счелъ себя вынужденнымъ выйти въ отставку. Гдѣ же причина тому? Какъ объяснить этотъ выходъ въ отставку?

„Въ сущности, — говорятъ авторы разъясненія, — выходъ въ отставку г. Литвинова можно объяснить не назначеніемъ новаго управляющаго (колоніей), а нѣсколькими годами запросовъ на хозяйственной почвѣ, неодобреніемъ нѣкоторыми гласными тѣхъ или другихъ расходовъ и все укрѣпляющейся тенденціей отдѣлить хозяйственную часть отъ медицинской. Новая управа только платится за это назрѣвшее неудовольствіе собранія, надъ нею разразилось все! И задачи науки, и постановка психіатріи — все это въ данномъ дѣлѣ декорация (?). Кому хозяйствовать — вотъ вопросъ. Значительная часть собранія, а съ нею и управа полагаютъ, что хозяйствовать нужно земству чрезъ своего управляющаго, а доктору лечить больныхъ; а г. Литвиновъ находитъ, что земство обязано ограничиваться только выдачею денегъ и исполненіемъ требованій главнаго врача“.

Въ подтвержденіе такого, именно, profession de foi со стороны г. Литвинова разъясненіе управы не приводитъ ничего; подобный же характеръ предположенія носить и завѣреніе управы, что, будто, „задачи науки и постановка психіатріи“ у г. Литвинова есть только декорация. Дѣйствительнымъ же фактомъ, приведеннымъ г. Литвинова къ отставкѣ, остается только, повидимому, внезапная для него, главнаго врача, замѣна одного управляющаго другимъ. Въ оправданіе такой быстрой и внезапной замѣны управа приводитъ только то обстоятельство, что „трудно найти подходящаго человѣка на такое бойкое (?) мѣсто“; но зато управа, помимо дѣловитости, указываетъ въ новомъ управляющемъ на то, что онъ „человѣкъ спокойнаго, усложнаго и почтительнаго“; оказалось, однако, что г. Литвиновъ, должно быть, не цѣнитъ эти именно качества... Подобная размовка во взглядахъ на необходимые для управляющаго колоніей качества могла бы быть сглажена и не повлечь за собою никакихъ послѣдствій, еслибы земская управа согласилась съ тѣмъ, что найти лицо на такое хотя бы и „бойкое“ мѣсто, какъ мѣсто управляющаго, все же менѣе затруднительно, чѣмъ найти хорошаго главнаго врача... Управа, въ заклю-

ченіе, обращается къ г. Литвинову съ упрекомъ за то, что онъ не пожалѣлъ бѣдныхъ больныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ; но вѣдь этотъ же упрекъ, по всей справедливости, можетъ быть обращенъ и къ земской управѣ—и она, повидимому, также во всемъ этомъ дѣлѣ имѣла въ виду—не бѣдныхъ больныхъ...

Въ концѣ мая текущаго года скончался въ своемъ имѣніи, въ спасскомъ уѣздѣ казанской губерніи, Николай Никитичъ Буличъ, который долгіе годы былъ профессоромъ, потомъ ректоромъ, наконецъ почетнымъ членомъ казанскаго университета. Съ этимъ университетомъ связана была вся его жизнь. Родившись въ 1824 году, онъ въ 1841 поступилъ въ этотъ университетъ и, по окончаніи курса въ 1845, получилъ степень магистра философіи въ 1849 г. и съ того же года занялъ кафедрѣ философіи, а затѣмъ, когда эта кафедра была уничтожена въ русскихъ университетахъ, перешелъ въ 1850 г. на кафедру русской словесности и остался на ней до конца своей профессуры. Его имя займетъ почетное мѣсто въ исторіи казанскаго университета. Это былъ профессоръ стараго типа сороковыхъ годовъ: въ то время еще не была развита до такой степени, какъ теперь, та спеціализація университетской науки, вслѣдствіе которой ученый нерѣдко остается совершенно чуждымъ всѣмъ инымъ интересамъ самой науки, и если отъ этого выигрываетъ иногда его частное знаніе въ отдѣльной области науки, то теряетъ широкая постановка самой спеціальности и во всякомъ случаѣ теряетъ то воспитательное значеніе преподаванія, въ какомъ еще слишкомъ нуждаются наши молодыя университетскія поколѣнія. Буличъ не былъ такимъ тѣснымъ спеціалистомъ; напротивъ, это былъ человекъ широкаго образованія, съ большою начитанностью, которую можно назвать очень рѣдкою даже въ нашемъ ученомъ кругу, и это должно было отзываться въ его преподаваніи. Онъ воспитался въ лучшихъ понятіяхъ литературной эпохи сороковыхъ годовъ, которые и въ жизни нашего университета отмѣчены особымъ типомъ профессуры, какъ профессура Грановскаго и Кудрявцева, какъ была въ самой Казани профессура Д. И. Мейера. Съ самаго начала преподавательской дѣятельности Буличу пришлось быть свидѣтелемъ и испытывать самому тягостное вліяніе различныхъ неблагополучныхъ обстоятельствъ, которыя постигали нашу университетскую жизнь, какъ, напримѣръ, тѣ обскурантныя мѣры, какія принимались относительно университетовъ съ 1849 года, въ министерство вн. Ширинскаго-Шихматова, и инныя стѣсненія, падавшія на университетскую жизнь впослѣдствіи: въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ Буличъ оставался вѣренъ своимъ высо-

кимъ понятіямъ о достоинствѣ науки, съ которыми сливалось у него представленіе о профессорскомъ служеніи. „Какъ профессоръ, — читаемъ мы въ некрологѣ, посвященномъ ему младшимъ его сотоварищемъ по профессурѣ, Д. А. Корсаковымъ, — Н. Н. Буличъ отличался весьма тщательной обработкой своихъ курсовъ, всегда стоявшихъ на высотѣ научныхъ требованій, и яснымъ изложеніемъ; какъ университетскій дѣятель вообще, во всѣхъ должностяхъ, онъ высоко держалъ знамя науки и честнаго ей служенія, упорно возставая противъ всякихъ мелкихъ житейскихъ расчетовъ, прикрываемыхъ лишь научными стремленіями, и, разумѣется, нажилъ себѣ за это не мало враговъ. Принадлежа къ поколѣнію „людей сороковыхъ годовъ“ и по учено-общественнымъ воззрѣніямъ примыкая къ такъ называемымъ западникамъ, Н. Н. Буличъ является сторонникомъ тѣхъ общихъ философскихъ, прогрессивныхъ и гуманитарныхъ идей, которыя проповѣдовали „западники“, и, не будучи въ состояніи примириться со многими проявленіями русской дѣйствительности, искалъ успокоенія въ научныхъ занятіяхъ“. Свою обширную и замѣчательную въ научномъ отношеніи бібліотеку Буличъ въ 1893 пожертвовалъ казанскому университету.

Его литературная дѣятельность не была обширна. Его диссертация о Сумароковѣ, 1854, была однимъ изъ первыхъ крупныхъ трудовъ по той детальной разработкѣ литературы XVIII вѣка, которая началась у насъ съ конца сороковыхъ годовъ. Затѣмъ слѣдовало нѣсколько характеристикъ важнѣйшихъ русскихъ писателей, которыя большею частью были актовыми рѣчами, какъ, напр., о Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ, Достоевскомъ и др. Рѣчь о Достоевскомъ была особенно любопытна по самостоятельному взгляду, который далеко не сходился съ тогдашними обычными сужденіями объ этомъ писателѣ. Самымъ обширнымъ трудомъ Булича была его книга: „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“ (1805—1819), въ двухъ большихъ томахъ (Казань, 1887—1891). Это сочиненіе, составленное по архивнымъ матеріаламъ, есть первый опытъ подробной разработки нашей университетской исторіи и заключаетъ чрезвычайно любопытныя данныя для исторіи нашего просвѣщенія. Въ двухъ томахъ исторія казанскаго университета доведена до временъ попечительства Магницкаго: какъ говорятъ, продолженіе этой исторіи было уже вчернѣ составлено Буличемъ. Безъ сомнѣнія, очень желательно, чтобы это продолженіе было скорѣе издано: оно было бы въ особенности интересно потому, что архивный матеріалъ доставилъ, конечно, еще много любопытнаго въ дополненіе къ тому, что извѣстно до сихъ поръ о знаменитой ревизіи казанскаго университета и о попечительствѣ Магницкаго.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Къ свѣденію сельскихъ учителей и другихъ лицъ.

При I-мъ Отдѣленіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества образована Комиссія по организаціи вольныхъ хозяйствъ, имѣющая цѣлью помогать и руководить учителями сельскихъ школъ въ сферѣ сельскаго хозяйства. Комиссія ставитъ своей задачей способствовать распространенію сельско-хозяйственныхъ свѣденій, при посредствѣ народныхъ школъ, какъ разработкой означеннаго вопроса, такъ и помощью, по мѣрѣ силъ, устройству учителями огородовъ, питомниковъ, червоводенъ, пасѣвъ и т. д., разсылая имѣющіяся въ ея распоряженіи сѣмена, книги, орудія и оказывая въ крайнихъ случаяхъ и денежное содѣйствіе.

Лица, желающія обратиться къ Комиссіи, должны писать въ Императорское Вольное Экономическое Общество (Измайловскій полкъ, 4-я рота, д. № 33, С.-Петербургъ).

Пожертвованія деньгами, книгами, орудіями и матеріалами принимаются тамъ же.

II.—Отъ Комитета Грамотности при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства.

Комитетомъ Грамотности постановлено открыть конкурсъ сочиненій для народнаго чтенія на слѣдующія темы:

1) *Гоненіе на христіанъ въ Римской Имперіи до Константина Великаго.* (Въ изложеніи должны быть объяснены причины и послѣдствія гоненій, самая исторія гоненій должна быть иллюстрирована нѣкоторыми житіями мучениковъ.)

2) *Занятіе и заселеніе русскими Сибири.* (Желательно, чтобы историческій очеркъ занятія и заселенія Сибири, начинаясь ея географическимъ и этнографическимъ описаніемъ, сопровождался хотя бы краткимъ обзоромъ переселенческаго движенія въ Сибирь изъ Европейской Россіи по возможности до послѣдняго времени. Важнѣйшими пособіями могутъ служить сочиненія Миллера, Фишера, Небольсина, Мидлердорфа, Буцинскаго, Барсукова и другихъ.)

3) *Вода и ея значеніе на землѣ.* (Въ составѣ книги должны войти: 1) физическія свойства воды въ связи съ физикою жидкости вообще; 2) химія воды; 3) естественныя воды и значеніе ихъ для жизни растенія и животнаго; примѣненіе воды для удовлетворенія нуждъ человѣка; 4) круговоротъ воды въ природѣ; 5) вода какъ

геологическій дѣятель. Примѣры желательны изъ русской природы. Опыты должны быть по возможности просты и доступны для производства читателю. Текстъ долженъ быть иллюстрированъ рисунками.)

Сочиненія, представленныя на конкурсъ, не должны превышать объемомъ 6 печатныхъ листовъ.

Авторъ сочиненія, признаннаго достойнымъ награды, получаетъ золотую медаль, и сочиненіе его издается Комитетомъ Грамотности въ количествѣ до 10.000 экз., съ уплатой гонорара по 50 р. за листъ въ 40.000 буквъ, при чемъ первое изданіе принадлежитъ Комитету. (Если въ теченіе года со дня присужденія преміи сочиненіе не будетъ издано Комитетомъ, то право изданія, безъ уплаты гонорара, предоставляется автору.)

Сочиненія, признанныя хорошими, удостоиваются почетнаго отзыва и издаются Комитетомъ въ 10.000 экз., съ уплатой авторамъ гонорара по 50 р. за листъ въ 40.000 буквъ.

Изъ числа остальныхъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, не удостоенныхъ преміи, но признанныхъ полезными, нѣкоторыя могутъ быть, по соглашенію съ авторомъ, напечатаны.

Сочиненія, не признанныя достойными напечатанія, возвращаются въ годичный срокъ авторамъ.

Конкурсныя сочиненія должны быть въ 15 *апрѣля* 1896 года представлены въ Совѣтъ Комитета Грамотности (Москва, Смоленскій бульваръ, Земледѣльческая школа) подъ девизами вмѣсто фамилій. Фамиліи должны быть запечатаны авторами въ приложенномъ къ рукописи конвертѣ, съ обозначеніемъ на немъ избраннаго авторомъ девиза.

Оцѣнка представленныхъ на конкурсъ сочиненій производится Редакціонной Комиссіей Комитета Грамотности, которая для этой цѣли выдѣляетъ изъ своего состава 5 членовъ и приглашаетъ, въ случаѣ надобности, компетентныхъ лицъ и не изъ числа членовъ Комиссіи.

Редакціонная Комиссія представляетъ не позже какъ въ декабрѣ 1896 года на утвержденіе Комитета Грамотности мотивированный докладъ о сочиненіяхъ, признанныхъ Комиссіей заслуживающими премій.

ПОПРАВКА.

Въ итальянской книгѣ, стр. 377, строч. 1 св., слѣдуетъ: Waechter, вмѣсто Цельнеръ; и на стр. 379, строч. 16 св. и ниже, слѣдуетъ Квисторпъ, вмѣсто Квисторпъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ 1895.

Книга седьмая. — Іюль.

	СТР.
Медиа.—Трагедія Эврипида.—Переводъ Д. МЕРЕЖКОВСКАГО.	5
Демократическій Цезаризмъ во Франціи.—У.—Окончаніе.—В. И. ГЕРЬЕ	58
Въ потемкахъ.—Очеркъ.—И. ИВАНОВИЧА.	108
Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ.—IV-V.—Окончаніе.— А. Д. С. ФАМИНЦЫНА.	184
Джоржъ Меркдиль.—Критическій очеркъ.—ЗИН. ВЕНГЕРОВОИ	155
Памяти Е. А. Баратынскаго.—Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО	177
Поэтъ и музыкантъ.—Der Liedermacher. Roman aus Neu-Berlin; von Julius Stinde.—XIII-XVIII.—Окончаніе.—А. Б-Г.	218
Времена Екатерины II.—III. Новое движеніе, выразившееся въ масонствѣ.— Его различныя формы.—Новиковъ и Шварць.—Князь Щербатовъ и Ради- щевъ.—Окончаніе.—А. Н. ПЫЦИНА	262
Стихотворенія.—I. Пѣвецъ. Изъ А. Церетели.—II. Филка. Изъ Ратисбона.— ЯК. ИВАШКЕВИЧА	814
Финансовыя задачи.—Золото или серебро?—Л. З. СЛОНИМСКАГО	817
Хроника.—Внутренніе Овозрѣнія.—Газетный проектъ упраздненія губернскихъ земскихъ учрежденій.—Значеніе губернскаго земства въ дѣлахъ непо- средственно ему вѣренныхъ, въ дѣлахъ уѣднаго земскаго хозяйства, въ государственной и въ народной жизни.—„Двоевластіе“ въ области зем- скаго дѣла.—Циркуляръ тамбовскаго губернатора	888
Иностранное Овозрѣніе.—Международныя празднества въ Килѣ.—Вооруженныя эскадры на праздникъ мира.—Франко-русскій союзъ и его новѣйшіе ре- зультаты.—Перемена министерства въ Англіи.—Неудачи лорда Рос- бернъ и шансы кабинета Сольсбери.—Министерскій кризисъ въ Австріи. —Заявленія князя Бисмарка и нѣмецкая печать.—Побѣда Криспи въ Италіи.—Реформы въ турецкой Арменіи.	858
Соціально-евангелическій конгрессъ въ Эрфуртѣ.—Письма изъ Германіи.—I. —Г. В.	874
Литературное Овозрѣніе.—Н. Х. Бунге, Очерки политико-экономической ли- тературы.—И. И. ЯНЖУЛА.—Е. А. Бѣловъ, Русская исторія до ре- формы Петра Великаго.—Собраніе сочиненій Гёте, въ переводѣ русск. писателей, подъ ред. П. Вейнберга.—Памяти Я. А. Коменскаго.—Т.— Реформа на очереди. И. П. Сокольскаго.—Д. С.—Новыя книги и бро- шюры	891
Новости Иностранной Литературы.—I. А. Стоаброн, La science du point d'hon- neur.—И. ИВАНОВСКАГО.—II. Ad. Brisson, La Comédie Littéraire.— III. Ernst Gnad, Litterarische Essays.—З. В.	410
Некрологъ.—Николай Христіановичъ Бунге.—М. С.	422
Изъ Ощественной Хроники.—Современное молодое поколѣніе.—Полемика двухъ представителей его съ проф. Карѣвнымъ, по поводу „Писемъ“ послѣд- няго къ учащейся молодежи.—Что мѣшаетъ у насъ устройству „бро- дячаго университета“.—Еще нѣсколько словъ объ „образцовомъ земствѣ“. —Отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о Н. Х. Бунге.—Д. А. Ровин- скій †	426
Библиографическій Листокъ.—Собраніе сочиненій Андерсена въ 4-хъ т. Пер. А. и П. Ганзель.—В. Г. Яроцкій, Страхование рабочихъ въ связи съ от- вѣтственностью предпринимателей.—Дж. В. Дрелперъ, Исторія умствен- наго развитія Европы. Пер. М. В. Лучицкой, п. р. проф. И. В. Лучиц- каго.—Историческое Овозрѣніе, сборн. Истор. общ. при Имп. слб. унив. —Эрнестъ Магаймъ, проф. Льежскаго университета. Профессіональные рабочіе союзы. Пер. съ франц. Н. Водозова.—К. В. Назарьева. Драмъ и комедій.	
Объявленія.—I-XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Второе изданіе.

Съ портретами автора и вступительною статьею Н. Михайловскаго. Тома I—II. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895. Стр. 82 + 852 + 740. Ц. за два тома 8 р.

Первое изданіе сочиненій Шелгунова, сдѣланное г. Павленковымъ, имѣло большой и влиятеленъ заслуженный успѣхъ, какъ видно уже изъ того, что оно разошлось въ сравнительно короткое время. Покойный Н. В. Шелгуновъ былъ однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ представителей эпохи шестидесятихъ годовъ; онъ привлекалъ читателей не только содержаніемъ своихъ работъ, но и всею своею личностью, вѣсколко она выражалась въ его писаніяхъ,—теплою и истинною чувства, сердечною искренностью тона, убѣжденною вѣрою въ извѣстные идеалы и чуткою отзывчивостью на все хорошее. Онъ былъ такой же въ жизни, какъ и въ литературѣ; у него не было той дѣйствительности, которая часто встрѣчается между писателями,—разлада между теоріею и практикою, между проповѣдуемыми принципами и ихъ примѣненіемъ. Ему были чужды долговѣрные приемы личной полемики; въ литературныхъ спорахъ онъ не руководствовался самолюбіемъ, не отступалъ отъ обычной мягкости сужденій и старался быть безпристрастнымъ и справедливымъ относительно противниковъ. Личность Шелгунова обрисована весьма живо и интересно въ вступительномъ этюдѣ г. Н. Михайловскаго. Въ новомъ изданіи О. Н. Поповой сдѣлано одно значительное отступленіе отъ изданія г. Павленкова: статьи публицистическія, печатавшіяся въ послѣдніе годы жизни Шелгунова подъ заглавіемъ „Очерковъ русской жизни“, видѣны изъ собранія его сочиненій и составили особый томъ, подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Эта перемѣна объясняется вѣроятно тѣмъ изображеніемъ, что „очерки русской жизни“ ближе намъ по времени и настроенію, и представляютъ самостоятельный интересъ для современной читающей публики.

Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за первый годъ его существованія. Спб. 1895. Стр. 204.

Изложеніе того, что сдѣлано и намѣчено новымъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ только въ теченіе одного года, составило цѣлую книгу: это лучше всего показывается, сколько разнообразныхъ вопросовъ и задачъ выступило на очередь при образованіи особаго правительственнаго вѣдомства для зацѣты интересовъ земледѣлія. Интересы народнаго хозяйства были сильно запущены до послѣднихъ лѣтъ; они отбѣшены были на задній планъ заботами о крупной промышленности и торговлѣ, о вѣншихъ финансовыхъ успѣхахъ, и только неурожай 1891 года побудилъ, наконецъ, обратить болѣе серьезное вниманіе на нужды земледѣльческаго населенія, на недостатки земледѣльческой производительности и культуры. Сложныя и обширныя задачи выпали на долю преобразованнаго министерства государственныхъ имуществъ. Вышедшій нынѣ „краткій обзоръ“

дастъ точныя, положительныя свѣденія о дѣятельности министерства, объ его рѣшеніяхъ, дѣйствіяхъ, проектахъ и намѣреніяхъ. При своемъ официальномъ, вѣсколко сухомъ положеніи, книга читается съ интересомъ.

Гиве вивсь. Промышленная исторія Англіи. Переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями и предисловіемъ А. В. Каменскаго (Културно-историческая бібліотека, № 1). Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895. Стр. 162. Ц. 80 к.

Книжка, переведенная г. Каменскимъ на русскій языкъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ популярнѣхъ сочиненій, которыя издаются въ Англіи обществомъ распространенія университетскаго образованія въ народѣ, и она носитъ на себѣ соотвѣтственный характеръ, по своему содержанію и изложенію. Въ небольшомъ объемѣ авторъ даетъ много фактическихъ свѣденій изъ промышленной исторіи Англіи, отъ римской эпохи до новѣйшихъ временъ. Быть можетъ, этотъ краткій обзоръ не удовлетворитъ читателя, желающаго не только знать факты, но и понять ихъ значеніе въ связи съ однородными явленіями другихъ странъ; вѣсколорыя указанія, особенно по исторіи земледѣлія, покажутся, можетъ быть, ужъ слишкомъ краткими и неопредѣленными или недостаточно ясными для русской публики, но въ общемъ книжка должна быть признана несомнѣнно интересною и поучительною. Переводчикъ предупреждаетъ въ предисловіи, что при чтеніи книги необходимо вѣсколорое знакомство съ общою англійскою исторіею; мы скажемъ бы, что нужно еще вѣсколорое знакомство съ полемическими и общественными стремленіями, съ политическими условіями и съ законодательствомъ Англіи, такъ какъ авторъ имѣетъ въ виду англійскую публику, которой вполнѣ понятны институты и термины, мало извѣстные у насъ и вѣрѣдко теряющіе свой подлинный смыслъ въ русской передачѣ.

Эдгаръ Родъ. Вопросы жизни. Романъ. Переводъ съ франц. О. Н. Хмѣлевской. Москва, 1894. Стр. 179. Ц. 60 коп.

Французскій писатель Родъ извѣстенъ одновременно какъ философъ и беллетристъ; онъ имѣетъ талантъ, чѣмъ Бурже; но напоминаетъ его по характеру и манерѣ своихъ писаній. Сочиненіе „Le sens de la vie“ изображаетъ постепенное развитіе пониманія смысла жизни въ челоѣкѣ средняго круга, принявшемъ отвѣтственность безразлично къ нравственнымъ и общественнымъ вопросамъ; такой челоѣкъ, сплетаясь по воспитанію и зногостъ по инстинктамъ, становится главою семьи, мужемъ и отцомъ, и сознание новыхъ обязанностей соотвѣтственнымъ образомъ вліяетъ на его психологию. Впечатлѣнія излагаются отъ имени героя, въ видѣ его дневника, и распределены по четыремъ группамъ, значеніе которыхъ видно уже изъ заглавія: „супружество“, „я отецъ“, „альтруизмъ“, „религія“. Книга не можетъ быть названа романомъ, но не является также философскимъ этюдомъ, хотя въ ней говорится много о нравственности и религіи; но одно несомнѣнно—что читается она съ интересомъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Взѣдъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почт. совѣд.	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Стандартная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрѣчки годовой подписки на журналы, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

— Принимается подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1895 г. —

Ближние заказы, при годовой и полугодовой подпискѣ, взымаются обычнымъ образомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Ципзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иностранцы* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* вылата журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика. — 2) *Переменная адресъ* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* чѣмъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* на полученіе журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

STALL STUDY
CHARGE

WIDENER
BOOK FINE
JUL 6 1988
2778
MAY

1877